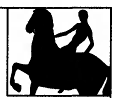
РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ГОМОСЕКСУАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

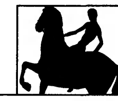

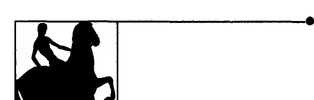
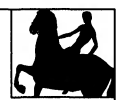

DAN HEALEY

HOMOSEXUAL DESIRE IN REVOLUTIONARY RUSSIA

Дан Хили

Гомосексуальное влечение в революционной России

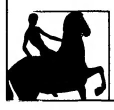
Регулирование сексуально-гендерного диссидентства

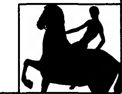

Издание подготовил
Л.В. Бессмертных

Научно-издательский центр
«Ладомир»
Москва

Dan Healey
HOMOSEXUAL DESIRE
IN REVOLUTIONARY RUSSIA
The regulation of sexual
and gender dissent

The University of Chicago Press
Chicago and London

Переводчики с английского
Т.Ю. Логачева, В.И. Новиков

Научный редактор
Л.В. Бессмертных

This edition was published
within the Books on Publishing Translation Project
supported by the Open Society Institute Assistance Foundation
with the contribution of the Information Program
of the Open Society Institute – Budapest

Данное издание выпущено в рамках
Проекта «The Books on Publishing Translation Project»
при поддержке Института «Открытое общество»
и содействии Информационной программы
Института «Открытое общество» – Будапешт
(OSI – Budapest)

ISBN 978-5-86218-470-9

ОТ АВТОРА

Автор первой рецензии, появившейся в русской прессе в связи с выходом английского издания данного произведения, отметил, что его переводчику нелегко будет найти эквиваленты терминологии и аналитического аппарата, использованные нами при исследовании гомосексуальности в России[1]. Достаточно интенсивный период перевода оригинала[2] и редакционной подготовки итогового текста показал, что рецензент был прав на 100%. За последние годы число русских научных штудий, использующих теоретические модели и дискурсы исследований гендера и сексуальности, значительно умножилось. И нам, разумеется, хотелось бы, чтобы русское издание нашло свое место в их череде, чтобы книга обрела читателя в стране, которой нами отданы многие годы жизни. И не только среди так называемых «сексуальных меньшинств» (дефениция эта весьма неточна, поэтому мы старались ее избегать), но и у тех россиян, которые хотели бы больше знать об истории отечественной сексуальности вообще.

При подготовке русского издания были исправлены ошибки и неточности английского оригинала. Библиографический аппарат русской версии существенно расширен, за что выража-

---

[1] См.: *Берштейн, Евгений Владимирович.* Другая история: [рецензия] / Евгений Берштейн // Новая Русская Книга: критическое обозрение: издается с 1999 года: выходит 4 раза в год / гл. ред. Валерий Сажин. Санкт-Петербург: Издатели: Иван Лимбах, Игорь Немировский, 2002. № 1 (12). С. 93–95.

[2] Перевод осуществлен по изд.: *Healey, Dan.* Homosexual Desire in Revolutionary Russia: the regulation of sexual and gender dissent / [by] Dan Healey [, lecturer in history at the University of Wales Swansea]. Chicago and London: The University of Chicago Press, cop. 2001 (Printed in the United States of America). XVI, 392 p., [8] 1. [: 31] ill.; 20 × 15 cm.

ем самую глубокую благодарность Леониду Васильевичу Бессмертных, исключительному по уровню эрудиции и научной добросовестности российскому библиофилу и библиографу. Русский перевод не существовал бы без финансовой поддержки фонда «Next Page». Издательство «Ладомир», известное среди специалистов и широкого круга интеллектуалов высочайшим качеством подготовки книг, как всегда, блестяще справилось с работой. Наконец имеем счастье поблагодарить Евгения Берштейна, Диану Льюис Бургин и Лию Янгулову за их посильное содействие в подготовке перевода. Оставшиеся ошибки конечно же целиком принадлежат нам.

Дан Хили
г. Суонси, Уэльс,
Великобритания,
29 сентября 2006 г.

Посвящается
Тому Саддону (Tom Suddon; 1957–1992)
и Дэвиду Сэндерсу (David Sanders; 1953–1993)

ПРЕДИСЛОВИЕ

С тех пор как трудившимися вне академических стен учеными и энтузиастами были заложены основы историографии лесбиянок и геев (lesbian and gay), в мире многое изменилось. Занимаясь избранной темой, мы не забывали о плеяде талантливейших историков сексуальности (sexualities), и в наши дни не оставляющих своих изысканий, этих подвижников, зачастую лишенных финансовой поддержки научных фондов. Мы в неоплатном долгу перед теми из них, кто был всегда готов прийти на помощь и поддержать нас, пока писалась эта книга.

К данному проекту нам посчастливилось приступить на исходе «холодной войны», когда случайные исследования о лесбиянках и геях (lesbian and gay studies)* уже начали встречать большее понимание. Это позволило, с одной стороны, заниматься изучением истории однополой любви (same-sex love) в России, а с другой — придало этой работе академический статус. Благодарим руководство канадской провинции Онтарио за поддержку нашей докторской диссертации (стипендия бакалавра Онтарио и стипендия королевы Елизаветы II), Совет по социальным и гуманитарным исследованиям Канады (Social Sciences and Humanities Research Council of Canada) (докторантура). Фонд «Велком траст» («Wellcome Trust») предоставил нам грант № 054869 и дал возможность превратить диссертацию в книгу. Торонтский

* [Словосочетание «gay and lesbian studies» И.С. Кон переводит как «геевско-лесбиянские исследования» и «лесбигеевские исследования», см.: *Кон, И.С.* Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви. М.: Олимп: Изд-во АСТ, 1998. С. 85–86. Здесь и далее сведения, заключенные в квадратные скобки, введены в основной текст, в раздел «Примечания» и «Библиографический список...» научным редактором.]

проект исследований и архивов эры сталинизма (Stalin Era Research and Archives Project = SERAP) также оказал нам финансовую помощь в ходе исследований и оплатил дорожные расходы. Институциональный фонд SERAP, Центр русских и восточноевропейских исследований университета в Торонто (Centre for Russian and East European Studies of the University of Toronto), кафедра истории этого университета (University's history department) создавали нам все условия для работы. Исследовательская группа истории лесбиянок и геев (Lesbian and Gay History Discussion Group) данной кафедры всегда была готова оказать нам необходимую помощь. На последнем этапе работы над книгой нас всячески подбадривали полные оптимизма коллеги из шотландских университетов Данди́ и Глазго.

Избранная нами тема ранее никем не исследовалась. В связи с этим мы очень многим обязаны тем, кто своими подсказками расширил круг наших источников и поделился их пониманием. Прежде всего благодарим россиян всех сексуальных ориентаций, великодушно ссужавших автора, иностранца, редкими статьями, книгами, архивными документами и иной информацией по отнюдь не академическому предмету – «гомосексуализму» («homosexualism»). На память приходят имена Елены Черных, Маши Гессен, Михаила Аникеева, Натальи Измайловой, Сергея Ивашкина, Олега Хлевнюка, Алексея Килина, Игоря Кона, Дмитрия Кузнецова, Владимира Шахиджаняна, Ирины Сироткиной, Виталия Старцева, Елены Тюриной и Ольги Жук. Виктор Гульшинский и Елена Гусятинская, каждый по-своему, оказали нам неоценимую интеллектуальную поддержку в 1995–1996 годах – времени накопления материала для данной работы. Многое мы почерпнули из их содержательных и разносторонних комментариев к отдельным документам, а также относительно бытования этого явления в России, прошлой и нынешней. Леонид Вейнтрауб поделился с нами бесценными замечаниями касательно наших московских находок. Посещение Санкт-Петербурга запомнилось беседами с Даниилом Александровым по истории советской науки и с Натальей Лебиной – об особенностях проституции и преступности в северной столице. Из нероссийских ученых, снабжавших нас документами или способствовавших установлению ценных контактов, мы особенно признательны Френсис Бернстейн (Frances Bernstein), Джонатану Боуну (Jonathan Bone), Джефри Бёрдсу (Jeffrey Burds), Ричарду Дэвису (Richard Davies), Гэби Донихт (Gaby Donicht), Лори Эссиг (Laurie Essig), Джулии Хес-

слер (Julie Hessler), Дэвиду Хофману (David Hoffman), Полу Лежендру (Paul Legendre), Эми Рэндэл (Amy Randall), Джошуа Сэнборну (Joshua Sanborn), Дэвиду Ширеру (David Shearer), Стивену Смиту (Stephen Smith), Питеру Соломону-мл. (Peter Solomon Jr.), Кристи Стори (Christie Story) и Элен Уимберг (Ellen Wimberg).

В работе над данным проектом неоценимую помощь оказали многие русисты. Линда Эдмондсон (Linda Edmondson) неизменно приглашала нас к участию в семинаре по проблемам гендера (Gender Seminar) в Центре русских и восточноевропейских исследований Бирмингемского университета. Именно там первоначально были обсуждены некоторые аспекты этой книги. Дон Фильтцер (Don Filtzer), Джейн Грейсон (Jane Grayson) и Уильям Батлер (William Butler) из лондонской Школы славянских и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East European Studies) оказали поддержку на ранних стадиях работы, равно как и Международная исследовательская группа Русской революции (International Study Group on the Russian Revolution). Среди нашедших время ознакомиться с нашей работой хотим с благодарностью упомянуть Диану Льюис Бургин (Diana Lewis Burgin), Саймона Диксона (Simon Dixon), Лору Энгельштейн (Laura Engelstein), Шейлу Фитцпатрик (Sheila Fitzpatrick), Дэвида Хофмана (David Hoffman), Моше Левина (Moshe Lewin), Кевина Мосса (Kevin Moss), Барбару Нортон (Barbara Norton) и Дуга Уэйнера (Doug Weiner). Наш научный руководитель, Линн Виола (Lynne Viola), служила образцом педагогического мастерства. Сьюзен Гросс Соломон (Susan Gross Solomon), проявив в равной степени терпение и энтузиазм, приобщила нас к истории медицины. Линн и Сьюзен наряду с Робертом Джонсоном (Robert Johnson) и Дэвидом Хигсом (David Higgs) из Торонтского университета, в компании с Марком Ван Хагеном (Mark Von Hagen) из Колумбийского университета (г. Нью-Йорк) детально разобрали основные идеи нашей книги. Рукопись была внимательно прочитана Стивеном Смитом (Stephen Smith) и Эриком Найманом (Eric Naiman), чьи замечания оказались весьма кстати. Благодаря этим людям текст здорово преобразился. Все сохранившиеся недочеты и упущения — всецело на нашей совести.

В 1980 году на наш вопрос относительно русских геев профессор Саймон Карлинский (Simon Karlinsky) отправил автору настоящего труда, тогда неоперившемуся неофиту, здоровенный пакет со своими публикациями. Из этого великодушного поступка проросли семена этой монографии, и, хотя их созревание замедлилось, мы тщим себя надеждой, что жатва искупит дол-

гое ожидание. Никакие наши расхождения во мнениях с достопочтимым профессором не могут умалить нашего пиетета к нему как пионеру, проторившему нам дорогу. Ральф Доус (Ralf Dose), Джонатан Нед Катц (Jonathan Ned Katz), Майкл Сибалис (Michael Sibalis), Джеймс Стикли (James Steakley), Джордж Ченси (George Chauncey) и Джефри Уикс (Jeffrey Weeks), друзья из торонтского Центра исследования лесбиянок и геев (Toronto Centre for Lesbian and Gay Studies), Архивы лесбиянок и геев Канады (Canadian Lesdian and Gay Archives), архивы «Гомодок» («Homodok») в Амстердаме, Общество Магнуса Хиршфельда и Гей-музей (Schwulesmuseum) в Берлине, ГендерДок* в Москве — все любезно отвечали на наши запросы и снабжали документами. К сожалению, Алан Саддон (Alan Suddon) ушел в мир иной, не увидев этой книги (посвященной, в частности, его сыну Тому). Алан привлек наше внимание к некоторым воспоминаниям эмигрантов. Он испытывал обычное для него восторженное состояние от их пикантности. Мы во многом обязаны глубоким познаниям Брайана Пронджера (Brian Pronger) касательно постмодернистских теорий тела. Чандак Сенгупта (Chandak Sengoopta) великодушно познакомил нас с первоначальным наброском своей великолепной статьи о «половых гормонах»**. Наши собеседники — и в России и повсюду, — услышав о предмете наших интересов, снабжали нас массой ценных, подчас очень дельных советов, которые задавали нашим мыслям новые ориентиры.

После первого посещения Москвы и Ленинграда в 1974 году мы изучали Россию с помощью многочисленных русских друзей — как живущих на родине, так и в эмиграции — гидов «Интуриста», товарищей по путешествиям, симпатичных собеседников, знатоков языка, приятелей по бане, «архивных крыс» или полностью оплачиваемых членов «Гоминтерна». Благодарю Дебби Кинг (Debbie King) и Дэвида Гира (David Gear), Билла Боуринга (Bill Bowring), Эдварда Люшина (Eduard Liushin), Тима Росса (Tim Ross), Алана Уинтермана (Alan Winterman), Кейт Гриффит (Kate Griffith), Дика Хоагланда (Dick Hoagland), Кевина Гарднера (Kevin Gardner), Ребекку Фридман (Rebecca Friedman), Романа Калинина, Дэвида Туллера (David Tuller), Питера Фалатина

* [С января 1995 г. по 2000 г. в Москве российская организация «ГендерДок» издавала информационный бюллетень «Зеркало» (гл. ред. Виктор Обоин) с обзорами литературы о положении и проблемах геев и лесбиянок.]

** [См. в «Библиографическом списке...»: *Sengoopta*, *Chandak.* Glandular Politics.]

(Peter Falatyn), Роберта Плисса (Robert Pleass), Джулию Гилмур (Julie Gilmour), Коллин Крейг (Colleen Craig), Ричарда Шимпфа (Richard Schimpf), Олега Кузьмина, Мишель Паттерсон (Michelle Patterson), Марджори Фаркхарсон (Marjorie Farquharson), Герри Оксфорда (Gerry Oxford) и Энтони Луиса (Antony Louis), наших друзей из «The Moscow Tribune». Рейчел Гис (Rachel Giese) дала нам возможность сообщить читателям торонтской гей-газеты «Xtra» о наших разысканиях. Наше сердечное «спасибо» Эдриану Милсу (Adrian Mills). В Москве Трейси Макдональд (Tracy McDonald) спасал нас от мышей, осыпавшейся штукатурки, а чаще — от самого себя. Брайан Пронджер (Brian Pronger) и Джим Бартли (Jim Bartley) тысячу раз помогали нам делом. Наши замечательные эксцентричные родители Рита Грейв (Rita Grave) и Эд Хили (Ed Healey) всякий раз находили экстравагантный способ вдохновить нас. Не можем не отдать долг нашему избраннику Марку Корнуоллу (Mark Cornwall) за всё, чему он научил нас.

Наконец, мы глубоко опечалены, что Тома и Дэвида нет ныне с нами и они не могут подержать эту книгу в руках. Но они незримо присутствуют на ее страницах.

Дан Хили
Суонси, Уэльс
Июнь 2000

ВВЕДЕНИЕ

Ни для кого не секрет, что в русской истории полным-полно белых пятен, и одно из них — гомосексуальность (homosexuality) и отношение к ней общества. Серьезные ученые, занимавшиеся российским социумом, не придавали особого значения сексуальности (sexuality). Интимные аспекты личной жизни представлялись им тривиальными и не заслуживающими внимания на фоне эпохальных событий, потрясавших Россию в минувшем столетии. И русские, и иностранные историки, в зависимости от точки зрения, обычно сосредотачивались на триумфе или трагедии русской нации в войне, революции и модернизации. При этом, следуя определенным традициям, до недавнего времени многие вопросы контртрадиционной (dissenting) сексуальности они стремились ограничить журнальной полемикой или сугубо медикализированными дискурсами[1]. Замалчивание проблемы сексуально-гендерного диссидентства (sexual and gender dissent) в истории России подчинялось определенным табу в отечественных и западных исторических исследованиях. Это укрепляло миф о естественной, всеобщей и неизменной гетеросексуальности (heterosexuality) и вносило свой вклад в цементирование современной системы гендерных отношений, основанной на доминирующей маскулинности (masculinity) и подчиненной фемининности (femininity)[2].

Данная книга — одно из многочисленных исторических исследований однополой любви, появившихся за последнее время и посягающих на непогрешимость сложившейся на сегодня закосневшей секс-гендерной системы. Большинство этих работ посвящено западному индустриальному обществу[3]. Но соответствующий анализ других наций и культур не менее важен, поскольку

миграция идей о сексуальности и гендере из Европы и США наложила существенный отпечаток на конструкцию властных отношений в этих обществах[4]. Изучение сексуально-гендерного диссидентства в России не обходной маневр с целью отойти от некоего воображаемого магистрального исторического повествования, чтобы возвысить «сексуальное меньшинство». Автор монографии избрал узкую историческую тему, желая показать, как до недавнего времени вся сексуальность сводилась к одной лишь гетеросексуальности, считавшейся единственно естественной[5]. Не принимая во внимание фактор гомосексуальности, мы не сможем понять всех мотиваций действий российской власти в 20-м столетии. Тайной за семью печатями окажется для нас обусловленность формы власти гендером (в развивающейся стране гендер может стать ключевой ареной борьбы за власть), если оставить без внимания однополые отношения (same-sex relations) как важную составляющую гендерной и сексуальной идентичности.

В силу различных причин советские и западные работы по истории гендера и сексуальности в России игнорируют контрастрадиционные гендеры и влечения. Когда речь заходит о гомосексуальности, они не придают должного внимания ее значимости. Надеюсь, нижеследующий обзор трактовок этих тем в исторической литературе будет способствовать лучшему пониманию сексуального и гендерного наследия России.

Размышление об однополом влечении в контексте российских реалий

Дискуссии относительно позднего обращения к проблемам секса в СССР обычно начинаются с цитирования известной фразы эпохи гласности, произнесенной одной из участниц американо-советского телемоста: «У нас секса нет»[6]. Коммунистический режим ограничивал дискуссии о поле только профессиональной литературой, которая тщательно контролировалась, что порой выливалось в полный абсурд[7]. Идеологические установки, выработанные в сталинскую эпоху, постулировали отсутствие необходимости обсуждать «нормальные» половые (sexual) отношения между мужчинами и женщинами. Социализм создал «гигиенические» условия (экономическая стабильность, рациональное брачное законодательство, охрана материнства и детства), благоприятствовавшие не вызывавшей проблем естественной гетеросексуальности. Сексуальные перверсии («половые извращения»), очевидно,

должны были отойти в прошлое, поскольку социализм устранил источники пресыщенности, излишеств и эксплуатацию женщин — всё то, что считалось причиной подобных отклонений в капиталистическом обществе. Мужская гомосексуальность была молчаливо и безоговорочно признана преступной, а с незначительным числом прочих перверсий «сексуальные патологи» («сексопатологи») легко справятся в психиатрических больницах[8].

Согласно этой поздней советской парадигме, пол — это безвозрастной внеисторический естественный феномен. История «женского вопроса», который, как утверждалось, был решен при реализации масштабных проектов первой пятилетки, представляла собой единственную тему, в рамках которой могли вестись сдержанные дискуссии относительно социализма и пола до и после большевистской революции 1917 года[9]. Историкам приходилось отстаивать нормы, установленные «зрелым социализмом», и делали они это с безапелляционностью, превосходившей самого Владимира Ильича Ленина (1870–1924). Под каким бы углом зрения ни возникала необходимость рассмотрения сексуальности в литературе или биографических трудах, советские историки были приучены объявлять это излишне «сексологическим», более достойным внимания врачей, нежели профессиональных историков[10]. Кроме того, советское неприятие и непонимание мужской гомосексуальности нанесло непоправимый вред многим биографическим исследованиям[11]. Советский идеологический пуританизм выливался в сокрытие биографической документации, которая могла подорвать миф об универсальной гетеросексуальности и патриотической половой сдержанности[12].

В западной же исторической литературе мало кто подвергал сомнению этот советский миф. Было несколько попыток дискуссий относительно однополых отношений, и лишь некоторые оказали влияние на политическую и социальную историографию. Самые ранние исследования гомосексуальности в России 20-го столетия ограничивались этнографическими описаниями или полемикой по поводу идеологии сексуальной реформы[13].

Начало научному изучению этой темы положили литературоведческие и культурологические исследования Саймона [Семена Аркадьевича] Карлинского[14]. В своих последних статьях он обобщил собранный материал, исходя из трактовки советского режима 1920–1930-х годов как тоталитарного. Этот анализ был по достоинству оценен в посткоммунистической России, где работы исследователя появились как в широкой прессе, так и в изданиях геев[15]. Российские публикации С. Карлинского открыли дол-

гожданные исторические перспективы для наиболее инициативных лесбиянок и геев, а также для более широкой аудитории бывшего Советского Союза. Западные авторы, даже придерживавшиеся противоположных С. Карлинскому взглядов, тем не менее опираются на его тексты[16].

Однако исследования С. Карлинским советской гомосексуальности создали некоторые проблемы для историков царизма и советского общества. Его объяснение, в силу каких причин мужеложство (sadomy)* как преступление не было включено в Уголовные кодексы Российской Федерации 1922 и 1926 годов, и его трактовка политических и медицинских взглядов на однополую любовь в период декриминализации мужеложства в Советском Союзе (1922–1933), основывались на ограниченном круге опубликованных документов. Эти выводы были продиктованы «тоталитарным подходом», к тому же не учитывающим многообразия русских радикальных традиций и революционных утопических мечтаний[17]. С. Карлинский утверждает, что, отменяя в 1917 году царские уголовные статуты, большевистские вожди вовсе не задумывали легализации гомосексуальности. По его мнению, декриминализация мужеложства в 1922 году – следствие пренебрежения или недосмотра[18]. Этот подход порочит русскую социал-демократию как беззаконную, деспотичную и анахронично-гомофобную. Но наш исследователь упустил из виду простую истину: большевики очевидным образом старались удалить из книг всякое упоминание о мужеложстве. С. Карлинский либо игнорирует, либо неполно очерчивает медицинский, законодательный и социальный контексты, в рамках которых большевики обдуманно предпочли легализовать мужеложство между согласившимися на него взрослыми [мужчинами][19]. С. Карлинский представляет отношение советской медицины к однополой любви как к банальной «болезни» («morbidizing») и потому враждебное геям. Его самая известная работа дает чрезвычайно упрощенную картину медицинских воззрений, рождая искаженные представления о том, какую цель ставили перед собой врачи и чего они достигли[20].

Начиная с Мишеля Фуко (Foucault, Michel; 1926–1984) историки смогли представить широкий спектр медицинских взглядов на однополую любовь, что способствовало лучшему пониманию вопроса. Научные дискурсы выявили «гомосексуалистов» с

* [В английском оригинале – слово «sodomy»; англо-русские словари дают два его значения: «педера́стия»; «гомосексуализм». В «Дополнении к Большому англо-русскому словарю» (М., 1981) введено еще одно значение: «скотоложество».]

языком и идентичностью, которыми эти «пациенты» часто манипулировали в целях, противоположных намерениям медицинских экспертов. Многочисленные гомосексуальные эмансипаторы начала [прошлого] века, некоторые из научной среды, использовали медицинские теории гомосексуальности, чтобы отстоять свои права[21]. Взгляды на однополую любовь как на болезнь были распространены не только в научном сообществе, подверженном давлению царя или комиссара, но циркулировали и в более широких массах, оказывая влияние как на царскую, так и на революционную Россию. Недавние исследования дореволюционной медицины создают предпосылки для понимания происхождения взглядов советских врачей на половые «извращения» («perversions»)[22]. Предпосылки советских воззрений на «гомосексуализм» можно проследить по богатой литературе, посвященной судебной медицине и психиатрии царской России, а также по еще не исследованным архивным уголовным делам. Последние работы по истории советской медицины освещают специфику русского подхода, врачебной среды и влияния иностранных коллег и идей[23]. До сталинской рекриминализации мужеложства в 1933 году советский режим допускал многообразие точек зрения в изданиях, связанных с публикациями исследований по данной проблематике. До этого момента юристы, врачи и марксистские толкователи относились толерантно к одним формам «гомосексуализма», но с опасением — к другим. Большевики выделяли отдельные социальные группы (например, русских ортодоксальных (православных) попов или некоторых среднеазиатских мужчин), которые под влиянием закостенелых обычаев или быта вступали в нежелательные однополые отношения. Одновременно ряд русских медицинских экспертов и некоторые из «гомосексуалистов» интерпретировали риторику сексуальной революции в эмансипаторском духе[24]. Отношение советской власти к однополой любви не было ни столь однозначным, ни столь гомофобным, как утверждает С. Карлинский. Более того, пристальное внимание к этой проблеме важно не только для уяснения, пошла ли русская революция на благо «геям», но и для выявления подчас не артикулированных большевиками воззрений на гендер и сексуальность. Эти представления были теми «инструментами», что использовались при строительстве социалистического общества.

Статус С. Карлинского как одного из ведущих литературоведов и его склонность к оценке советского прошлого в духе беспросветной тоталитарности послужили исходным основанием его пионерских изысканий о русских гомосексуалах, несмотря на сексофобию советских ученых периода «холодной вой-

ны». Но уже в 1970–1980-х годах (когда появились статьи С. Карлинского) социальные историки стали постепенно отказываться от «тоталитарного взгляда» на советскую жизнь и политику. Они доказывали, что при коммунистическом правлении русское общество не было закостенелым режимом, и при решении тех или иных вопросов тоталитарная модель игнорировалась на государственном уровне. Такой поворот в исследованиях о советской истории был отчасти следствием критики левыми сталинизма и консерватизма Запада в период «холодной войны», феминизма и в меньшей степени «сексуальной революции» в индустриальных странах в 1960–1970 годах. Исторические исследования сосредотачивались на социальных корнях сталинистского перелома 1930-х, роли женщин при царском и советском режимах, семье, браке и гетеросексуальности в СССР.

Подход социальных историков к сексуально-гендерному диссидентству в России отличается тем, что они либо не затрагивают этих проблем, либо считают, что гомосексуальность в России не отличима от опыта геев в западных обществах. Первая точка зрения не рождена гомофобией, а связана с нехваткой источников, необходимых для серьезного обсуждения сексуального диссидентства. Хотя С. Карлинский показал, что в дореволюционном литературном и культурном дискурсе было более чем достаточно документов об однополой любви, андрогинии (androgyny) и гендерной изменчивости (fluidity), аналогичных данных по советскому периоду до 1991 года, доступных западным ученым, имелось значительно меньше. Центральная партийная и государственная печать чрезвычайно редко касалась таких вопросов. С точки зрения господствующей идеологии проблемы как бы не существовало. Ревизионистски настроенные историки, писавшие о «сексуальной революции» 1920-х годов, под давлением советской цензуры ограничивались печатными документами[25], которые, по сути дела, затушевывали однополую любовь и гендерную амбивалентность[26]. Таким образом, во взглядах на размах русской сексуальной революции эти историки фактически воспроизводили официальную позицию антигомосексуального умолчания в советских дискурсах революционной, сталинистской и послесталинистской эпох. Последние исторические разыскания о сексуальности в ранний советский период показывают, что «половой вопрос» вызывал смущение и неодобрение и даже подвергался нападкам, а при нэпе – приравнивался к политической неблагонадежности[27]. Западные работы по «половому вопросу» до сих пор игнорировали исследования на тему, играли ли однополые отношения в

революционной России роль интегрирующей составляющей конструкции гетеросексуальности в эру сексологии и триумфального шествия по Европе сексгормональных и психоаналитических теорий.

Если ревизионистски настроенные историки затрагивали тему гомосексуальности, то говорилось это обычно в контексте «великого отступления» («Great retreat») от ценностей революции, сопровождавшего расцвет сталинизма в 1930-е годы[28]. Одним из знаковых моментов этого отступления в 1933–1934 годах была рекриминализация мужеложства (sodomy between males), хотя источники, освещающие данный эпизод, крайне скудны и ограничиваются скупыми законодательными постановлениями и немногочисленными нападками на гомосексуалов в советской прессе. В этих работах уголовное преследование мужской гомосексуальности связывалось с постановлениями 1936 года, запрещавшими аборт, поддерживавшими материнство и затруднявшими развод. Исследователи женского вопроса и семьи обоснованно связывали отход от ранних революционных утопических и антипатриархальных идеалов половой и романтической любви с формированием консервативной и ориентированной на семью гетеросексуальности[29]. Запрет в 1933–1934 годах мужской гомосексуальности эти авторы воспринимали как сигнал поворота к традиционным семейным и гендерным отношениям. Они очень мало говорили о месте однополой любви в системе революционных ценностей или в обыденной советской жизни до запрета мужеложства. Складывается впечатление, что в первые советские годы гомосексуальность была составной частью большевистской сексуальной революции, наряду с радикальным брачным законодательством и разрешением абортов. Но молчание самих большевиков на сей счет, как представляется, противоречит такому выводу. Дальнейшее исследование советского регулирования абортов и сексуальной реформы стало дополнительным подтверждением выводов ревизионистски настроенных историков о том, что эти меры были лишь на первый взгляд освободительными[30]. Аборт был разрешен из медицинских соображений, хотя для женщин эта процедура была способом избавления от нежелательной беременности (инструментом планирования семьи) и расширения личных прав и свобод[31]. Социальная политика большевиков быстро разочаровала тех, кто ожидал, что она освободит женщину от традиционного неоплачиваемого труда. Радикальное законодательство о разводе, браке и алиментах сделало женщину крайне уязвимой и обреченной на одинокое материнство в условиях высокого в то время уровня женской безра-

ботицы[32]. Барбара Эванс Клементс (Clements, Barbara Evans; 1945–) и Элизабет Алан Вуд (Wood, Elizabeth Alan) недавно показали, сколь активно большевики противодействовали феминистским устремлениям. Советские женщины обнаружили, что партия и правящая элита, где доминировали мужчины, не подпускают их к ответственным постам ни в политике, ни в промышленности. Оба автора подчеркнули, что вопреки громогласно провозглашенной эмансипации женщин большевики-мужчины не стремились к мало-мальски систематическому пересмотру своих гендерных предрассудков[33]. Этим же объясняется подчас противоречивый подход к однополой любви и гендерному диссидентству.

Еще совсем недавно большинство русских историков утверждали, что маскулинность является беспроблемной, естественной, по существу движущей и «активной [силой]», обязательно гетеросексуальной и не формируемой политическими, административными или культурными средствами. Такие утверждения превалировали, несмотря на свидетельства о конструировании гендерных ролей, которые накапливались по мере развития академических исследований о русских женщинах. Мы еще плохо знаем историю формирования гендера у русских мужчин, хотя недавно некоторыми историками было показано, что восстановление военных структур до и после революционного переворота зависело не только от технических или идеологических новаций, но и от медицинских конструкций маскулинной идентичности[34]. Исследования маскулинности в западных обществах подчеркивают роль политических и дисциплинарных практик в формировании респектабельных или гегемонистских мужских идентичностей и указывают на усиление государственной заинтересованности в ограничении и подавлении однополой любви между мужчинами как части этого процесса[35]. Изучая однополую любовь между мужчинами в революционной России, мы можем перепроверить взаимосвязи между модернизацией маскулинности и «открытием» гомосексуала, выявленные вышеуказанными исследованиями.

Русские историки неохотно касаются вопроса однополой любви в собственной стране, но эта проблема часто привлекает внимание западных ученых (как в академических кругах, так и вне их), занимающихся геями и лесбиянками. Многие, если не большинство защитников геев, геевская журналистика и недавние квир-сообщения (queer-accounts) об отношении советских политиков к гомосексуальности продолжают отталкиваться от позиции новых левых, вознося хвалы революционному

(или ленинскому) социализму, давшему геям свободу, и всячески проклиная «дегенеративный» или «бюрократический» сталинизм, вновь отнявший ее[36]. Многие из этих литераторов касаются данной проблемы только ради критики коммунистических или социалистических движений в своих странах и не углубляются в анализ причин, приведших к таким переменам в русском обществе и культуре[37]. Они подпитываются знаниями у фрейдо-марксистского секс-реформатора Вильгельма Райха (Reich, Wilhelm; 1897–1957), чья статья «Борьба за "новую жизнь" в Советском Союзе» («Der Kampf um das "neue Leben" in der Sowjetunion», 1936) представляет собой свод сведений, почерпнутых автором из различных источников, о том, как советская власть обрушилась на мужских гомосексуалов в 1933–1934 годах[38]. В 1960-е годы новые левые заинтересовались идеями В. Райха и вновь привлекли внимание к его работе. Теоретики геев из левого движения опирались на нее, чтобы критиковать гомофобию при сталинизме и в европейских компартиях[39]. Помимо В. Райха, постоянно цитируются официальные документы и словарные статьи о «гомосексуализме» из трех изданий Большой советской энциклопедии. Опираясь на эти источники, историки, литературоведы и квир-теоретики стремятся разобраться в природе сталинистского похода против гомосексуалов в 1930-х годах[40].

Историки геев и лесбиянок (за исключением С. Карлинского) мало что знают о сексуальности в России. Они ограничиваются изучением европейской сексуальной реформы и атак активистов геев на закоснелую гендерную политику левых на Западе. При этом упускается из виду особое положение России, относящейся одновременно и к Европе, и к Азии[41]. Когда разговор заходит о России или Советском Союзе, исследование однополой любви сводится к анализу немногочисленных официальных источников. Дело дошло до того, что недавно один известный ученый вообще проигнорировал этот обширный и неоднородный регион[42]. В результате историческая литература прошла мимо опыта громадной страны (в том числе населяющих ее малых народов) и ограничилась некоторыми хорошо известными личностями и эпизодами. Отсутствие сведений о противоречивом понимании секс-гендерного диссидентства в Российской империи и затем в Советском Союзе чревато большими пробелами в квир-исследованиях.

Однополая любовь обычно рассматривалась как болезненное состояние, даже если речь шла о целом регионе. Россия — великолепный пример (которым ранее пренебрегали) европейского общества с противоречивыми, размытыми взглядами на

однополый эрос у различных народов и этнических групп[43]. Нехристианские народы периферии империи относились к «гомосексуальности» совсем иначе, чем великороссы в центральных областях. С точки зрения антропологов XIX века, следовавших медицинской модели, гендер-трансгрессивные шаманы первобытных обществ Дальнего Востока были обречены страдать от «извращения полового инстинкта». В то же время российские врачи считали мусульманских мужчин, эксплуатирующих мальчиков-проститутов, развращенными, но не больными[44]. Историю западных идей о гомосексуальности в России следует оценивать не только в увязке с автократическими или советскими структурами власти с развернутой в них медицинской моделью, но и во взаимосвязи с вариациями этой модели, используемыми или отвергнутыми, но отражающими разнообразие (dissidence) секса и гендера среди «нецивилизованных» народов за пределами европейской части империи[45]. Россию XIX–XX веков отличала «география извращений». В нашей книге, посвященной преимущественно европейской части страны, сделана попытка очертить контуры соответствующей географической карты – такой, какой она представлялась русскому человеку.

Резюмируя данный обзор, скажем, что, к великому сожалению, имеющаяся литература по истории русского и советского обществ, игнорируя или отказываясь принимать во внимание сексуально-гендерное диссидентство, не отражает опыта «сексуального меньшинства». Не замечает она и решительных действий властей, способствующих воскрешению и популяризации мифа о повальной, естественной и извечной русской (советской) гетеросексуальности. Игнорирование однополых отношений между женщинами оборачивается непринятием во внимание того, что историки других стран считают составляющей современных фемининных ролей. Отказавшись от изучения русской и советской маскулинности, историки проглядели ключевой фактор, способствовавший встраиванию в жизнь общества властных отношений. В то же время историки, сосредоточенные на изучении лесбиянок и геев, неправильно понимают или просто игнорируют социальный и культурный базис, питающий бурную историю регулирования однополого влечения в эпоху русской революции. До сей поры историки гомосексуальности уделяли недостаточно внимания связям и нестыковкам между революционными замыслами большевиков и методами, использовавшимися ими при модернизации доставшейся им империи.

Сведения
о сексуально-гендерном диссидентстве
в контексте российских реалий

Эта книга посвящена двум ключевым вопросам. Первый прост: что вообще известно об однополом влечении в России прошлых эпох? Изучив различные свидетельства, которые будут приведены далее, мы сможем выявить социальные, культурные и гендерные контексты любви между лицами одного пола в основных регионах царской и советской России. Отталкиваясь от этой «печки», можно будет перейти ко второму ключевому вопросу: как была проведена модернизация регулирования сексуально-гендерного диссидентства в революционной России и что отличало этот процесс от аналогичных явлений на Западе? В поисках ответов будем опираться в первую очередь на обсуждение этих вопросов в правительственных учреждениях, кругах врачей и юристов, как практиков, так и теоретиков-исследователей, на статистические отчеты и разного рода социальные комментарии.

Модернизация секса в эпоху индустриализации на Западе достаточно сложным образом связана с медициной и развертыванием дискурса о сексуальности при описании, диагностике, лечении и подавлении секса. Мишель Фуко призвал современников со всем возможным тщанием изучить микроклимат клиники, школьного класса и будуара, чтобы раскрыть конструкцию сексуальности, возникающей в разговорах врача и пациента, взрослого и ребенка, мужа и жены. Развертывая дискурсы о сексуальности, общества переступали «порог модерннити», добиваясь большего контроля над телом индивида, здоровьем и приростом населения, частью которого этот индивид является[46]. Для историков гомосексуальности в Америке и Европе дискурс о сексуальности — неотъемлемый атрибут модерниги; гомосексуальность — это продукт современности, результат диалога психиатров с пациентами, «содомитов» («sodomites»; и позднее — «первертов») с полицией[47].

В работах по идеологии секса и гендера в царской России Лора Энгельштейн (Laura Engelstein) выдвинула предположение относительно того, как современный дискурс о сексуальности был воспринят, осмыслен, отвергнут и модифицирован в России[48]. Исследовательница убедительно показала, что дисциплинирующая роль власти в либеральных демократиях — то, что М. Фуко называл «властью—знанием», или управлением знанием и мето-

дами научной практики среди специфических слоев населения, – не могла быть сколь-либо действенной в российских условиях. Царизм «не желал альтернативных охранительных мер, поскольку ревниво оберегал сложившиеся порядки»[49]. На смену царскому абсолютизму пришло большевистское «полицейское государство», отвергавшее либерализм в сфере права. Большевизм «приспособил науку для репрессивных целей»[50]. Представление об историческом процессе – от абсолютизма через просвещенческий деспотизм к либерализму, – присущее анализу модернити, предложенному М. Фуко, неуместно в случае России. Л. Энгельштейн анализирует концепцию «совместного развития» Льва Давидовича Троцкого (наст.: Бронштейн, Л.Д.; 1879–1940) (называя ее «совместным недоразвитием»), чтобы описать «совмещение» этих обычно следующих друг за другом форм власти в политике и ленинизма, и сталинизма. «Режим "власть–знание" никогда не проявлял себя должным образом в российском контексте», поскольку не было ни законодательного базиса, ни правового государства, способных обеспечить его верховенство[51].

Однако, пытаясь применить идеи М. Фуко к России, Л. Энгельштейн констатирует, что российская элита усвоила западные идеи, научные круги восприняли «новые властные механизмы», несмотря на совершенно иной политический контекст, наложивший соответствующие ограничения. Решимость психиатров, биологов и сексологов, выдвигающих требование защиты «гомосексуалиста» вопреки авторитаризму, в условиях которого они жили, имела место в ряде неевропейских стран, вступивших на путь индустриализации[52]. Один из центральных вопросов данной работы можно сформулировать следующим образом: как эти властные механизмы сочетались с авторитарной властью или, точнее, как ученые царской и коммунистической России диагностировали гомосексуальность. На наш взгляд, специфичность применения указанных властных механизмов в России была столь же важна, как и единодушие во взглядах на гомосексуальность, отличавшее исторические труды того времени. Новые свидетельства заставляют нас обратить внимание на отличие в подходах, исповедовавшихся врачами и юристами разных направлений, и стоящий за этим политический смысл. Равным образом следует учитывать географические и национальные границы бытования гомосексуальности как научной категории, а также подходы большевиков и ученых к однополой любви и гендеру за пределами европейской части России, куда, по их мнению, модерните не продвинулась.

Чтобы избежать наиболее распространенных анахронизмов, мы придерживались следующих терминологических договоренностей. Нами различаются понятия «гомосексуальность» как специфическое психосексуальное состояние, кодифицированное западной медициной в последней четверти 19-го столетия, и «однополая любовь» (или эрос, или отношения, или сексуальные действия), встречавшаяся в истории большинства обществ. К последним терминам мы будем прибегать в случаях необходимости временно́го или культурно-нейтрального обозначения отношений между лицами одного пола.

В нашей работе мы пытались дотошно следовать первоисточникам и скрупулезно придерживаться медицинской, юридической и общепонятной терминологии, используемой авторами этих трудов. Поступая таким образом, мы стремились дать читателям возможность почувствовать букву и дух документов, составленных царскими и советскими психиатрами, врачами, юристами, а также мужчинами и женщинами, вступавшими в однополый эрос. Временами это могло привести к путанице, которую я стремился свести к минимуму, но концептуальная неясность — это лишь часть проблемы. Распространение европейских концепций гомосексуальности в Российской и советской империях проходило по множеству различных траекторий. Русские не придерживались единого мнения по этому вопросу. Терминологическая и концептуальная разноголосица проливает свет на более глубокие различия в их взглядах.

Когда нами прямо не заимствуются термины, используемые практикующими юристами и врачами, «гомосексуалистами» мы называем конкретных личностей только в случаях, если они с большой степенью вероятности действуют внутри субкультурного пространства и идентифицируются с ним. Мужская гомосексуальная субкультура начала давать о себе знать в российских городах в 1870–1880 годах. «Гомосексуалистки» («female homosexuals») заявили о себе не так явно в 1890-е годы. Образованные россияне стали использовать слово «гомосексуалист», вошедшее в язык только в 1895 году, после 1905 года[53]. Многие лица, имевшие однополые отношения после этой даты, не были «гомосексуалистами», и, когда документы не указывают на их идентификацию с гомосексуальной ролью, мы используем нейтральные определения («лицо, испытывающее однополое влечение» («person who experienced same-sex desire»), или «лицо, имевшее секс с представителями собственного пола» («person who had sex with members of their own sex»)). В эту категорию я включил также тех, кто всту-

пал в однополые отношения по принуждению или в экстраординарных ситуациях (например, в тюрьме).

В России конца 19-го – начала 20-го столетия термины «лесбийская любовь» («lesbian love») и «лесбиянка» («lesbian») (как существительные) не выходили за пределы интеллектуальной элиты и имели литературный оттенок, поэтому психиатры обращались к таким дефинициям, как «женская гомосексуальность» («female homosexuality») и «гомосексуалистка» («female homosexual»)[54]. Диана Льюис Бургин приложила значительные усилия, чтобы понять, было ли у таких «женщин, любящих женщин» (women loving women) конца царской имперской и начала советской эпохи что-нибудь более, чем зарождающееся ощущение лесбийских ролей (lesbian roles). Напротив, Ольга Жук на ряде примеров (и в массе народа, и среди элиты) безоговорочно определяет однополый женский эрос как «лесбийский» («lesbian»)[55]. Поясню, что это слово употребляется нами только тогда, когда оно встречается в первоисточнике, в остальных же случаях мы предпочитаем более нейтральные выражения.

История современных идей гомосексуальности связана с многообразием форм, которые русские называют (без всякой иронии) «нетрадиционным сексом». Квир-теоретики отмечают разнообразие гендерных и сексуальных девиаций в исторически сложившихся и ставших общепринятыми в культуре Запада конструкциях полового диморфизма (концепции существования только двух различных полов) и гетеросексуальности[56]. Сегодня заявили о себе своими историями из прошлого личности, которых в 1970–1980-х годах было принято называть «лесбиянками и геями». Сегодня рассказов о себе требуют также бисексуалы, интерсексуальные (гермафродитические) индивидуумы и трансгендерные и/или транссексуальные личности, в то время как антропологов и квир-теоретиков интересуют прежде всего сходства и различия с незападными культурами[57]. Редукционистское понимание гомосексуалов как стоящих в этом ряду áкторов оказалось приниженным в свете текущих историографических процессов. Данная книга призвана стать отправной точкой для более внимательного изучения других трансгрессоров гендера и сексуальности в опыте России и СССР. Для обозначения специфики этого опыта будем использовать фразеологизм «сексуально-гендерное диссидентство» («sexual and gender dissent»), обращаясь к нему при анализе явлений, связанных с гомосексуальностью и отражением ее в языке и мышлении русского человека начала 20-го столетия. Прибегая к этой формулировке, хотим напомнить читателям, что неуважение к окружающим некото-

рые личности проявляли не выбором сексуального партнера, а собственной интерпретацией гендера[58]. Избрав концепцию диссидентства в этой сфере, мы выведем на авансцену тех, кто противопоставляет себя доминирующей секс-гендерной системе[59]. Люди, носящие одежду противоположного пола, выдающие себя (путем переодевания, специфическими манерами поведения или подделкой документов) за лиц противоположного пола, желающие изменить свой пол, чей публичный гендерный перформанс направлен на маргинализацию респектабельности (женоподобные (effeminate) мужчины и мужеподобные (mannish) женщины), и гермафродиты – вот основные типажи секс-гендерных диссидентов, часто идентифицируемых по их стилю с гомосексуалами[60]. Поскольку данная книга посвящена гомосексуальности и ее медико-юридическим концепциям, такого рода диссиденты будут то и дело появляться на наших страницах, но не их истории дают понимание того, что представляет собой русская однополая любовь.

Настоящее исследование отмечено существенными ограничениями, частью добровольно наложенными на себя автором, частью продиктованными наличием (или недоступностью) документов. Прежде всего следует иметь в виду, что поднятые в этой книге проблемы и используемые документы, фиксируемые в историографии сексуальности, анализируются под углом регулирования публично проявляемого секса между мужчинами и конструирования маскулинности[61]. В этих регулирующих кодексах (schemes) на женщин обычно обращают мало внимания, хотя более тщательное исследование судопроизводств, где «противоестественные акты» между женщинами были криминализированы, например в Австро-Венгерской империи и некоторых странах, наследовавших ей, может поколебать англо-американский тезис о безнаказанности лесбиянок. Свою задачу мы видим в том, чтобы попытаться обобщить документы, касающиеся мужской и женской однополой любви в России, и на их основе попытаться выявить связи мужской и женской гомосексуальности и структур, которые пытались регулировать, контролировать и излечивать от нее. В случае России игнорировать тот или иной пол – значит существенным образом сужать и искажать реальную картину. Более того, Россия нуждается в обобщении документов, чтобы поддержать постсоветский квир-активизм[62], а не в защите иллюзорного «культурного единства», как это делает историк-эссенциалист Риктор Нортон (Rictor Norton). Западные труды по социальному и культурному прошлому России, игнорирующие означенные проблемы, грешат однобокостью. Поскольку наше внимание сфокусировано

на регулирующих и властных аспектах, некоторые читатели, возможно, придут к выводу, что эта книга в меньшей степени касается однополой любви женщин, ее специфики и терминологии. Могу лишь заранее согласиться с критикой и приглашаю коллег подумать, как провести подобные исследования в российском контексте.

Хронологические рамки данного труда задаются исходя из историографических соображений. Переход к модернити ознаменовался новыми подходами к восприятию тела, гендера и секса. Прежде большинство их базировалось на естественнонаучных представлениях и рационализме. Наше повествование начинается с 1870 года, когда в царской России впервые появилась медицинская модель однополой любви, предлагавшая специфическое и узкое разрешение проблемы. Сталинистское введение обязательной гетеросексуальности в конце 1930-х годов стало «лебединой песней» этой модели. В эпилоге мы бегло очертим некоторые из последствий такого решения для российского общества, начиная с 1940-х вплоть до 1990-х годов, и предложим пути дальнейших научных поисков.

На наших изысканиях, естественно, сказались степень доступности источников и ограничения, чинимые научным поискам в постсоветской России. За десять лет, прошедшие после краха советского режима*, западные аудитории привыкли к потоку беспрецедентных открытий, хлынувшему из архивов Российской Федерации. В этой книге использованы судебные уголовные дела времен царской России и СССР, медицинские и юридические документы, личные бумаги – короче говоря, источники, ставшие доступными в результате «архивного бума». Однако некоторые важные источники остались для нас недосягаемыми. К тому же существуют вещи, которых мы намеренно избегали. Во время работы мы пришли к выводу, что наиболее подробные документы, касающиеся принятия и проведения в жизнь в 1933–1934 годах закона против мужеложства (antisodomy), находятся, вероятно, в архивах Министерства внутренних дел России, Федеральной службы безопасности (наследницы ОГПУ/НКВД/КГБ) или Архиве Президента Российской Федерации (АПРФ). Все эти организации придерживаются политики крайней закрытости, и любой специалист может убедиться, насколько сложно заполучить в данных фондах документы интересующей нас тематики[63].

В этих архивах могут находиться вполне конкретные ответы на вопросы о политике, относительно которой нам остается

* [Английское издание вышло в 2001 г.]

строить гипотезы. Причины неожиданного интереса государства к мужчинам гомосексуалам, обозначившегося в 1933 году, о чем мы поговорим в гл. 7, остаются туманными. Неизвестно, обсуждали ли в то время руководители Коммунистической партии и ОГПУ проблему женских однополых отношений. Также неизвестно точное число мужчин, арестованных и брошенных в тюрьмы с 1933 по 1959 год за гомосексуальные акты. Мы не знаем, имели ли место попытки пересмотра послесталинистскими партией и правительством антимужеложного законодательства и оказывалось ли давление на выносимые в то время приговоры [, в Уголовном кодексе РСФСР, введенном в действие с 1 января 1961 года, ст. 121 о мужеложстве сохранена была]. Также нет ответа на вопрос, беспокоило ли руководство страны то обстоятельство, что лица, возвращавшиеся из ГУЛАГа в конце 1950-х годов, несли с собой в широкие массы лагерные сексуальные практики (включая однополые отношения). Мы располагаем лишь фрагментарной картиной лечения гомосексуальности в Советской Армии. Исследования следует продолжать, но, судя по всему, степень доступности необходимых документов будет прямо зависеть от развития процессов демократизации в Российской Федерации. Несмотря на демократические преобразования, сексуальные проблемы остаются неким табу для постсоветских академических кругов, и это ставит преграды тем, кто интересуется регулированием гомосексуальности при советской власти. Похоже, если бы желание получить документы в перечисленных особых архивах возникло даже у самых маститых исследователей, то и они столкнулись бы с громадными трудностями, и их попытки скорее всего потерпели бы фиаско.

Именно поэтому мы решили ограничиться документами более скромных организаций и были вознаграждены обилием информации. Основное было почерпнуто из медицинской и юридической литературы по «половым извращениям», изданной в царской России и СССР. Бесценными документами оказались и неопубликованные судебные отчеты по делам, касающимся половых преступлений (мужеложство, различные формы сексуального развращения малолетних [или несовершеннолетних, совершенные путем развратных действий; половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах] и однополое изнасилование). Документы из архивов народных комиссариатов здравоохранения и юстиции РСФСР, Прокуратуры СССР и Коммунистической партии Советского Союза подтверждают эти судебные отчеты. А из дневников и мемуаров

была почерпнута информация, отсутствовавшая в официальных источниках.

Медицинская литература по интересующей нас теме подразделяется на несколько основных блоков: сначала – судебная медицина XIX века, затем, с 1880-х годов, как ее продолжение, – психиатрия и судебная психиатрия. В 1920-х годах эндокринология и в гораздо меньшей степени социальная гигиена также касались гомосексуальности (при совершенно различных исходных позициях). В 1905–1930 годах научно-популярная литература по половой гигиене, половому воспитанию и половому просвещению способствовала распространению обычных дискурсов о сексуальности за пределами специальной аудитории[64]. В СССР в середине 1930-х годов профессиональные дискуссии по гомосексуальности были решительно прерваны. Встречались лишь отрывочные сообщения по данному вопросу в изданиях по судебной медицине и психиатрии 1940–1950-х годов. Из доступной нам литературы следует, что в медицинских историях болезней пациентов, вступавших в однополые отношения, описано не более ста человек. Самые ранние случаи датируются 1860-ми годами, а позднейшие, здесь рассматриваемые, – 1960-ми[65].

Нами использовались судебные уголовные дела за период с 1862 по 1959 год. Большинство из них рассматривалось в Московском городском суде и народных районных судах Москвы; документы из этих уголовных дел были получены в Центральном [до 1993 г. – государственном] историческом архиве Москвы (ЦГИАМ [с 1993 г. – ЦИАМ]) и Центральном городском [с 1993 г. – муниципальном] архиве Москвы (ЦГАМ [с 1993 г. – ЦМАМ]). Сведения о небольшом числе уголовных дел, рассматривавшихся в других городах и регионах, почерпнуты из дореволюционной судебной литературы. Другим источником царских уголовных дел по этому времени был личный архив петербургского юриста Анатолия Федоровича Кони (1844–1927), хранящийся в Государственном архиве Российской Федерации в Москве (ГАРФ). Это собрание копий следственных и судебных документов, семь из которых – по поводу однополых изнасилования, развращения малолетних или добровольного секса (consensual sex). Любопытное дело периода Гражданской войны об уголовном преследовании в Москве епископа Палладия за «противоестественные действия» с четырнадцатилетним послушником было обнаружено в ГАРФ в фонде Народного комиссариата юстиции РСФСР, в разделе документов по отделению Церкви от государства. Публикации воинствующих атеистов – еще один источ-

ник, повествующий о преследовании однополых правонарушений в среде духовенства в первые годы советской власти. Мы не получили разрешения изучить судебные описи уголовных дел Московской области, хранящиеся в Центральном государственном архиве Московской области (ЦГАМО) и содержащие судебные отчеты о преступлениях, совершенных в 1917–1930 годах в Московской области[66]. По этой причине, описывая 1920-е годы (время, когда мужеложство было номинально легализовано), мы используем только судебную литературу. За означенный период в России могли формально подлежать уголовному преследованию за мужеложство (между согласившимися на него взрослыми) всего несколько человек (кроме, быть может, церковносвященнослужителей), хотя опубликованные об этом отчеты ясно свидетельствуют, что за открытую демонстрацию в общественном месте однополого влечения или за его направленность на детей и молодых людей указанные выше мужчины и женщины подпадали под уголовное преследование. Эти случаи рассмотрены в гл. 6[67].

В ЦГАМ [ЦМАМ], где сосредоточены московские судебные отчеты за 1930-е и последующие годы, хранятся в общей сложности отчеты по 16 уголовным делам о мужеложстве и однополом развращении малолетних за период с 1935 по 1959 год. (Следует помнить, что речь идет о выборочных делах, проходивших через обычные народные суды в эпоху, когда НКВД арестовывало и осуждало советских граждан – число приговоренных неизвестно – за подобные «преступления», часто на основании фальшивых или выбитых под пытками показаний.) Из числа этих обычных уголовных дел, хранящихся в ЦГАМ [ЦМАМ], восемь, в которых фигурируют взрослые мужчины, относятся к 1935–1941 годам. В этих делах названы и описаны 36 человек, осужденных по обвинению главным образом за добровольное мужеложство. В семи делах сохранились приговоры и апелляционные жалобы осужденных, в которых отражены итоги судебного разбирательства, в том числе и такие ценные данные, как обстоятельства совершения преступления, возраст, профессия, образование, гражданский и партийный статус большинства осужденных[68]. Одно уголовное дело, согласно отчету, слушалось в 1940 году и, как следует из приговора и апелляционной жалобы, касалось половых отношений между тридцатилетней женщиной и девушкой 16–18 лет. Одно дело о мужеложстве (датируемое 1941 г.) содержит полный комплект документов предварительного следствия, уголовного дела, протоколы допросов и судебного разбирательства, воссоздающих живую картину гомосексуальной практики конца 1930-х годов. Оно является показа-

тельным примером того, как милиция и суд преследовали гомосексуалов[69]. Никаких дел по однополым правонарушениям за годы Великой Отечественной войны (1941–1945) в архиве не найдено.

В ЦГАМ [ЦМАМ] нами просмотрены восемь дел конца 1940-х — 1950-х годов, сохранивших полный набор документов. Два дела (1950 и 1955 гг.) чрезвычайно интересны; они представляют собой уголовные преследования двух взрослых мужчин по обвинению в добровольном мужеложстве. Остальные дела касаются насильственных однополых сексуальных действий взрослых мужчин над малолетними в возрасте от 6 до 16 лет. За истечением срока давности судебные документы, согласно соответствующим протоколам, подлежат в ЦГАМ [ЦМАМ] периодическому уничтожению. Исключение было сделано для 2% «наиболее репрезентативных» послевоенных судебных дел (особенно с 1945 по 1960 г.), и не осталось никаких указаний на то, что было в остальных 98%, упомянутых в описи[70]. В результате из судебных отчетов Московских окружного и городского судов за период с 1861 по 1960 год (кроме 1917–1930 гг.) идентифицировано 23 случая уголовного преследования за однополые преступления; осуждены 56 человек, причем большинство — в период сталинистской рекриминализации мужеложства и Большого террора[71].

Хотя у нас не было доступа к архивам НКВД, но это компенсировалось обилием документации из нижестоящих инстанций, в том числе из архивов Народных комиссариатов юстиции и здравоохранения РСФСР. Сохранились ранние наброски (1918, 1920 гг.) первого Уголовного уложения России послереволюционного периода, правда с чрезвычайно скупыми сопроводительными комментариями и записями дискуссий относительно преступлений против личности. В фонде Народного комиссариата здравоохранения РСФСР находится стенограмма дискуссии, состоявшейся в 1929 году в Ученом медицинском совете (высшем органе Комиссариата, определявшем политику в области науки и лечебной практики) по вопросу «трансвеститов» и «среднего пола». Нами использованы также поправки Комиссариата к инструкциям по обнаружению на телах жертв признаков полового преступления (включая однополые правонарушения), а также документы о роли судебной психиатрии в судопроизводстве 1930-х годов. Эти документы демонстрируют эволюцию медицинских взглядов на гомосексуальность в советских условиях и косвенно освещают политическую ситуацию, в которой они формировались.

О главах, посвященных опыту однополого влечения у мужчин и женщин – фигурантов судебных отчетов и психиатрической литературы, уже говорилось. Русская медицинская литература по гомосексуальности и «половым извращениям», подобно европейской и американской, часто содержит пространные тексты автобиографического характера. Поскольку обычно они писались не самими гомосексуалами, а врачами или исследователями (для истории болезни пациента или включения в самоисследование), к этим документам нужно относиться осторожно. Тем не менее из-за многочисленности и географического разброса эти свидетельства нельзя игнорировать. При публикациях для медицинской аудитории подобные источники тщательно отфильтровывались, поэтому нам пришлось сопроводить их биографическими справками о некоторых известных личностях. Нам удалось познакомиться с дневниками Михаила Алексеевича Кузмина (1872–1936), поэта-символиста и автора широко известной повести «Крылья» (СПб., 1906); дневники хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 51–67). В них описывается изнутри ежедневная жизнь гомосексуальной ленинградской «семьи». Дневники были затребованы НКВД в середине 1930-х годов, вероятно, с целью раскрытия круга ленинградских гомосексуалов в эпоху Большого террора[72]. Замечательные биографические исследования Софьи Викторовны Поляковой (1914–1994) и Дианы Льюис Бургин о поэтессе Софии Яковлевне Парнок (наст. фамилия: Парнох; 1885–1933) – также в определенном смысле источник для понимания однополых отношений между образованными женщинами[73].

Наша книга состоит из трех частей.

В первой рассматривается социальное положение сексуально-гендерных диссидентов среди городского населения России конца царизма и начала большевистской эпохи (приблизительно в 1870–1927 гг.). Глава 1 описывает традиционный этос секса между мужчинами и его последующую эволюцию в мужскую гомосексуальную субкультуру в условиях большого российского города. Глава 2 намечает своего рода контуры взаимных женских половых отношений, что также важно для данного периода.

Во второй части исследуются вопросы регулирования гомосексуального влечения в период революционного взрыва в 1917 году. Глава 3 рассматривает царскую политику преследования мужеложства и трибадизма (tribadism), проводившуюся в атмосфере

лицемерия и снисходительности вкупе со слабой и поверхностной медициной. Глава 4 посвящена эволюции критики такого положения и появлению ряда последовательных предложений по декриминализации мужеложства (от проекта Уголовного уложения 1903 г. до большевистских Уголовных кодексов Российской Федерации, принятых в 1922 и 1926 гг.). Предметом исследования главы 5 является интерес медицины к гомосексуальности и перспективы гомосексуальной эмансипации в первые годы советской эпохи. Глава 6 рассматривает противоположные тенденции нового советского режима с его враждебностью к сексуально-гендерному диссидентству. В заключительной, седьмой, главе второй части повествуется о том, как в 1933–1934 годах произошла рекриминализация мужеложства (male sodomy) и ресоциализация «маскулинизированной» («masculinized») советской женщины.

В третьей части рассказывается о судьбе гомосексуалов в условиях сталинистского социализма — от рекриминализации мужеложства в 1934 году до крушения коммунистического режима в 1991-м; это обширная тема, требующая гораздо большего внимания, чем удалось посвятить ей в книге такого объема. В главе 8 рассказывается, как «обрабатывали» гомосексуалов в обычных народных судах Москвы в эпоху террора и социальной консолидации (на основе судебных отчетов 1935–1941 гг.). Эпилог предлагает некоторые направления дальнейших исследований и содержит выводы из изложенного в книге. Здесь же описывается характер однополых отношений в тюрьме и ГУЛАГе, а также рассказывается, как после 1953 года медицина и милиция стремились насильственно разрешить гендерную проблему гомосексуальности.

Часть первая
ОДНОПОЛЫЙ ЭРОС В РОССИИ ЭПОХИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Глава 1
АРТЕЛЬ РАЗВРАТНИКОВ
Традиционный секс между мужчинами и появление гомосексуальной субкультуры

Историки обычно не уделяют должного внимания проблеме секса между мужчинами в контексте традиционной русской культуры. Игорь Семенович Кон утверждает, что даже в 19-м столетии русская сексуальная культура подразделялась на «высокую» и «низкую», и такое деление было более глубоким, чем в сексуальных культурах Западной Европы. Бытовые половые модели и практики (sexual patterns and practices) широких слоев русского народа были отмечены печатью пережитков язычества (оргии, нерепродуктивные половые акты); необразованное духовенство и слабые институты Православной Церкви тщетно старались их искоренить. Духовные власти смотрели «сквозь пальцы», со смиренной снисходительностью на проявления народной сексуальной культуры, хотя публично Церковь «компенсировала [это] усиленным спиритуализмом и внемирски́м аскетизмом само́й церковной доктрины» сексуальности и брака. Сексуальный фольклор — эротические сказки, частушки, мат — был явно не в ладу с христианством[1]. И.С. Кон не останавливается на том, какое влияние на восприятие русскими секса между мужчинами оказало столь глубокое расхождение между сакральным и профанным. Представляется правдоподобным, что кажущаяся легкость и (в западноевропейском понимании) толерантность по отношению к мужскому однополому эросу выросла из народного репертуара грубоватых рассказов о «сексуальных шалостях» («sexual mischief») и относительной слабости ранней Православной Церкви, не способной по существу регулировать половые отношения[2].

Иностранные путешественники свидетельствуют, что в допетровской Московии была широко распространена «содомия» («so-

domy»), да и разговоры о ней велись без какой-либо религиозной нетерпимости и не считались чем-то непристойным[3]. Епитимьи, налагавшиеся Православной Церковью за «содомию» (мужеложство), приравниваемую к адюльтерным отношениям «мужчина—женщина», были незначительными в сравнении с церковными канонами и светскими законами Западной Европы [, где в те времена мужеложство часто каралось смертной казнью]. Взаимные мужские отношения без анального проникновения Церковью рассматривались как несколько более худшее прегрешение, чем [одиночная] мастурбация. При всем том, как справедливо подчеркивает Ева Левина (Levin, Eve Rebecca), к сексуальности Церковь относилась в целом с подозрением, считая ее источником скверны и греха и относя сюда даже интимную близость в браке[4].

Регулированием мужеложства Российское государство занялось позже Запада; это было составной частью политики по введению новых форм социального контроля. В 1716 году Петр Великий (1672—1725) запретил мужеложство в армии и на флоте, а после уроков европейской «военной реформации» ввел новые дисциплинарные нормы[5]. В 1835 году Николай I (1796—1855) распространил этот запрет на гражданское мужское население России, надеясь привить религиозную нетерпимость и социальные добродетели, которых всё еще недоставало русским мужчинам[6].

Усилия по привитию этой нетерпимости свидетельствуют, что в 19-м столетии маскулинная традиция снисходительного отношения к взаимному эросу продолжала существовать. Медицинские и законодательные источники, а также дневники дают понять, что после 1861 года она пышно расцвела. Мужчины, испытывавшие однополое влечение, выражали его в соответствии с теми социальными ролями, которые они играли. И в провинции, и в столицах мастерские, бани, доходные многоквартирные дома служили местами для однополых отношений. Хозяева и слуги, извозчики и их пассажиры, посетители бань и банщики, мастера и ученики, духовенство и послушники — все не упускали случая получить или доставить половое удовольствие. Этих мужчин и юношей нельзя назвать гомосексуалами в современном, европейском, смысле слова. Их культура маскулинности *подразумевала* снисходительное отношение к однополому эросу и не навязывала обязательных суровых наказаний, с которыми впоследствии ассоциировалось медикализированное, социально-отторгаемое существование гомосексуальности[7].

Артель развратников

В середине XIX века Россия оставалась обществом, которого едва коснулись индустриализация и урбанизация, преобразившие Западную Европу. Подавляющее большинство населения были крестьянами, из них 20 млн — крепостными вплоть до отмены крепостного права в 1861 году. Взаимоотношения помещиков, дворовых и крестьян оставались патриархальными, и помещики часто вторгались в половую и частную жизнь подопечных. Равным образом схема взаимоотношений «патрон—клиент» доминировала в городских мастерских и духовных заведениях. Однополый эрос между мужчинами, имевший там место, отражал модель доминирования и подчинения.

Сексуально доступных, склонных к подчинению мужчин можно было найти во многих местах. Состоятельные мужчины, уверенные, что водка и деньги сделают свое дело, легко отыскивали нужных мужчин и юношей. Московский купец (родом из крестьян) приводит множество примеров подобных отношений. В 1861 году Павел [Петр?] Васильевич Медведев вел дневник, описывающий собственный эмоциональный и половой опыт[8]. Несчастный в браке, П.В. Медведев искал утешения то в церкви, то в трактире. Напившись, он предавался «сладострастию» и с мужчинами, и с женщинами — и заносил такие встречи в свой дневник. Документ свидетельствует главным образом о традиционной маскулинной культуре, терпимой к сексу между мужчинами. Однако денежная оплата услуг и выбор места встреч (вне семьи) свидетельствуют, что начинался переход к современной гомосексуальной субкультуре.

П.В. Медведев и его приятели неоднократно склоняли мужчин к сексу, подогревая похоть водкой. Дневниковый рассказ об одном вечере в театре, за которым последовал ужин и пьяный загул, заканчивается соображениями автора о том, как удовлетворить похоть по пути домой:

> С некоторого времени завязалась во мне страсть выбирать извозчиков помоложе, с которыми трунишь дорогою; а сам норовишь околесницею воспользоваться взаимною онани<е>ю. Что почти всегда с помощью полтинника или 30 копеек удается, а то были и такие, что за удовольствие так соглашаются. Вот до 5 раз в том месяце[9].

Извозчики не гнушались подрабатывать подобным образом (или просто получать удовольствие). Такие эпизоды отмечались в русской юридической и психиатрической литературе того времени[10]. Один особенно яркий случай такой сексуальной услуги

произошел в провинциальном городе Умань. Извозчики, братья Петр и Федор Филоновские, ушедшие от своего прежнего хозяина, в 1882 году распоряжением младшего нотариуса Уманского окружного суда Николая Егоровича Оболенского были зачислены в штат этого ведомства кучерами. Поступив к Н.Е. Оболенскому в услужение, они безжалостно эксплуатировали половой интерес нотариуса. Имея жену и детей, тот «привязался к ним со всем пылом страсти, как привязываются только к женщине». В полиции уже давно вызывал подозрение образ жизни братьев Филоновских — проживание в недавно снятой квартире, езда на щегольском фаэтоне. Они «кутили в публичных домах, пили ви́на, руки их украшены бриллиантовыми кольцами». Оставляя жену и детей в деревне, Н.Е. Оболенский навещал Петра и Федора в апартаментах, которые роскошно обставил и оплачивал. Нотариус приходил с дорогими винами и изысканными кушаньями. Братья вступали со своим благодетелем в анальные сношения (anal intercourse) и щедро им вознаграждались. В конце концов аппетиты парочки разыгрались, и они стали предъявлять к оплате в Умани фальшивые векселя. Об отношениях Филоновских с нанимателем полиция узнала от третьего извозчика. Тот также имел секс за плату с Н.Е. Оболенским. (Все трое характеризуются полицией как «альфонсы».) Письма, найденные в квартире, разоблачили Н.Е. Оболенского, и в марте 1883 года против него и Филоновских было возбуждено уголовное дело. Исход судебного разбирательства неизвестен. Наш материал заимствован из статьи, предназначенной для юристов и судебных врачей, в ней детально рассмотрены сложные аспекты по линии медицинской защиты нотариуса[11].

Из мужской прислуги не только кучера стремились сексуально услужить своим работодателям. Медицинские отчеты сообщают о юношах и молодых мужчинах, служивших официантами или камердинерами, о солдатах и денщиках офицеров[12]. Не всегда можно понять, действовали ли эти люди только из корыстных побуждений и ради продвижения по службе. Готовность прислуги терпеть, даже бескорыстно, «барские шалости» (так, по словам петербургского венеролога Вениамина Михайловича Тарновского (1837—1906), это называлось в их среде) свидетельствует об относительной терпимости к взаимным мужским отношениям. (Взгляды В.М. Тарновского на проституцию отличались от мнений большинства его коллег, и к ним следует относиться с осторожностью.) В медицинских отчетах почти ничего не говорится о том, чтобы кто-то из прислуги выражал недовольство по поводу ущемления своей маскулинности[13].

Другой пример традиционной взаимной мужской сексуальности, на этот раз из русской провинции, показывает, насколько патриархально воспринимались подобные вещи. Однополые отношения с помещиками крестьяне оценивали совсем иначе. В 1891 году Анна Николаевна Казакова подала прошение «об отдельном жительстве от мужа», мотивируя свое желание тем, что ее супруг, Константин Николаевич Казаков, на протяжении десяти лет вступал в половые связи с домашними учителями своих детей и совращал крестьян, взятых в прислугу. В деле, дошедшем до Николая II (1868–1918), имеются показания прислуги о связях с барином, записанные со всеми сальностями. «<...> Казаков творит грех с мужиками, употребляет их в заду», — свидетельствовал один из опрошенных, повторяя деревенские слухи. Другая крестьянка сообщила: «Константин Николаевич употребляет мужиков в зад вместо женщин». Некто Быковский, дворовый из крестьян, сообщил, что как-то раз барин усердно потчевал его водкой и велел прийти ночью. Проснувшись после первого, одурманенного водкой полового свидания со своим господином, бедолага обнаружил в кармане три целковых. Быковский пренебрег предостережениями других работников (обоего пола) относительно «греховных» поступков хозяина. Крестьянин Михаил Ушаков, нанятый в кучера, сообщил, что он сексуально связан как с господином, так и с госпожой. В 1887 году он постоянно получал предложения от Константина Казакова, и, хотя отказался позволить хозяину проткнуть себя анально, однажды они имели сношение. Хозяин взял член Ушакова («хуй» («khui») — грубое русское название этой части тела) и вставил его себе между ягодицами. Оба, муж и жена, платили кучеру от трех до пяти рублей за каждый секс. Ушаков был уволен, когда открылось, что Анна Казакова беременна от него[14]. Воистину, «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Подобные показания свидетельствуют, что, по крайней мере, некоторые крестьяне с неодобрением относились к «греху» барина с мужиками. Остальные же исповедовали другую мораль. Быковского и М. Ушакова толкнули на «грех» пьянство и нужда в деньгах.

В городских мастерских наделенные властью хозяева мужчины подвергали юношей половым домогательствам или попросту насиловали их. П.В. Медведев писал, что он постоянно мастурбировал с кем-то из своих домашних — «мальчиком» восемнадцати лет, учеником или слугой:

Но зачем я приучаю молодого мальчика (но, впрочем, развитого)? <...> три раза еще на прежней квартире я имел с ним сладострастное сноше-

ние взаимного онанизма, он немножко робеет, но, кажется, ему тоже приятно. <...> по моему желанию удовлетворял меня[15].

П.В. Медведев каялся в «грехе», но утешал себя тем, что его молодой партнер получал удовольствие от их свиданий и, кроме того, был уже достаточно взрослым, чтобы отдавать себе отчет в своих желаниях. Судебные документы свидетельствуют о подобных, если не более зловещих, картинах [однополого] мужского насилия. Хозяин одной московской мастерской, Решетников, 26 лет, был печально известен половыми домогательствами к своим мальчикам-ученикам, однако его разоблачение в 1892 году скорее вызвало смех, нежели покрыло его позором[16]. В том же году перед судом предстал пекарь Челноков, чьи половые «подвиги» с его учениками навлекли гнев московских филантропов[17]. Педагогические учреждения, частные и безнадзорные, были традиционными местами для подобных совращений малолетних. В 1880 году пострадавший от полового принуждения со стороны пятидесятипятилетнего наставника объяснил суду: «Я недавно приехал в Петербург из деревни и, не зная здешних порядков, не жаловался, потому думал, что здесь так делается у всех хозяев»[18].

Аналогичная ситуация однополой эротической активности имела место и в духовных учебных заведениях. В 1919 году в Москве состоялся суд над епископом Палладием, обвиненным в «растлении мальчика и противоестественном пороке (педерастии)». Суд пролил свет не только на тайную сторону отношений духовного пастыря с четырнадцатилетним послушником, но и на другие подобные эпизоды[19]. Монастыри были полны искушений, представляя собой благодатные оазисы, в которых процветала взаимная сексуальная активность. Как свидетельствуют церковные исповедные тексты, молодые послушники возбуждали у взрослых монахов сладострастные желания[20]. Необходимо было обеспечить соблюдение соответствующих обычаев и уставов, а потому всё, могшее пробудить чувственность, тщательно устранялось. Устав требовал, чтобы члены общины пристально следили за теми, кто живет в общей келье, проверяли, запираются ли двери на ночь, пособляют ли молодые братья старшим раздеваться и омываться[21]. Духовную карьеру Палладий начал инспектором семинарии в Москве, продолжил – в Саратове. Он должен был следить за бытом и нравственностью подростков семинаристов. Инспекторы наблюдали за старшими мальчиками и молодыми мужчинами, поселившимися за пределами семинарии в частном секторе, где было сложней контролировать

соблазн, исходящий от алкоголя, табака и воспрещенного секса[22]. В ходе следствия было выявлено несколько юношей и два взрослых монаха, чья духовная карьера началась в последние годы царизма с подачи Палладия[23]. Подобные отношения «патрон—клиент» вполне соответствовали широко распространенной модели традиционного взаимного мужского эроса[24].

С начала XVII века русская баня являлась, вероятно, еще одним местом, где потворствовали традиционным половым отношениям между мужчинами. Здесь опять старшие и более богатые являли власть над молодыми. В конце 19-го столетия медицинский дискурс идентифицировал бани как основной локус мужской проституции в российских городах[25]. Первые платные бани появились в Москве в середине XVII века, в них государством было установлено раздельное мытье полов[26]. Существуют разные мнения относительно того, насколько строго соблюдалось это разграничение и являлись ли бани десексуализированным местом в русской культуре[27]. Однако раздельные парильни для мужчин и женщин создавали гомосоциальную атмосферу и способствовали тому, что впоследствии бани превратились в средоточие мужской проституции. На миниатюре XVII века (из Московского исторического музея) изображены пришедшие в баню бородатые мужики в окружении обслуживающих их четырех безусых юнцов (ил. 1). Один юноша, в подштанниках, стаскивает сапоги у посетителя, другой, также в подштанниках, достает воду из колодца. Третий, уже нагишом, обдает водой камни на печи, чтобы поддать пару. В это время четвертый, тоже безо всякой одежды, хлещет веником бородатого любителя попариться, лежащего голым спиной на скамье. Хотя на миниатюре нет и намека на сексуальные действия, отсутствие растительности на лицах банщиков свидетельствует об их подчиненном положении. Митрополит Даниил (до 1492—1547) и протопоп Аввакум Петрович (1620/1621—1682) осуждали мужчин, бреющих бороду, поскольку гладкостью лиц они походили на женщин и тем самым как бы приглашали к мужеложству[28]. С развитием в XVIII веке коммерческих отношений молодые люди стали стремиться устроиться в городские бани. В 1745 году несколько шестнадцатилетних крестьянских парней, задержанных при въезде в Москву, заявили, что ехали устраиваться на работу в платные бани[29]. К концу царского времени штат бань формировался преимущественно из мужчин (и кое-где из женщин), родом из одних и тех же мест (что позволяло объединяться в землячества)[30]. Возможно, городские бани, обслуживаемые безборо-

дыми юнцами, служили местами взаимных мужских половых отношений задолго до того, как это было документально зафиксировано в 19-м столетии.

Мужчины-банщики, готовые сексуально обслужить мужскую клиентуру, упоминаются в ряде источников 1860–1880-х годов. П.В. Медведев написал о том, как в 1861 году он с приятелем посетил какую-то московскую баню. Там их поджидали «онанизм и кулизм» (анальное сношение)[31]. Некоторые упоминания о банной мужской секс-торговле в Москве можно найти в судебных текстах или документах окружного суда. Поскольку в Санкт-Петербурге это явление широко обсуждалось, есть все основания полагать,что порядки, описанные П.В. Медведевым, существовали и в Москве вплоть до революции 1917 года. Связь между банями с отдельными номерами и [сексуальной] эксплуатацией молодых мужчин вышла на свет во время суда над епископом Палладием в 1919 году. Он дважды давал показания о том, что, хотя со своим послушником Иваном Волковым и посещал в Москве «общие» и архиерейские бани, они никогда не бывали в банях с номерами. Епископ утверждал, что «с ним обычно ходили два мальчика, чтобы отвести подозрения»[32]. Палладий упорствовал в показаниях, поскольку репутация бань с номерами была прескверной. По-видимому, городские бани стали очагом мужской проституции очень и очень давно.

Свидетельства о такого сорта торговле в Петербурге более детализированы. Этот вид «предпринимательства» следовал общим традициям крестьянской общины и сложился, возможно, еще до 1890-х годов. Молодые крестьяне жили в городе по законам взаимопомощи и солидарности (на почве землячества) и работали артелями, где заработок делился поровну. Этот порядок просуществовал среди банных секс-работников с 1860-х до 1880-х годов. Таковы были характерные особенности набора, обучения и трудовых отношений в замкнутом банном мире. Наглядным примером тому — дело «артели развратников», слушавшееся в суде Петербурга в 1866 году. Василий Иванов, банщик семнадцати или двадцати лет, показал, что пошел работать в баню, где уже трудился другой крестьянин из его родной деревни. Здесь земляки вовлекли новичка в практику сексуального обслуживания клиентов. Посетители, которым, как заметил В. Иванов, «не мыться нужно», требовали иных знаков внимания: «[Клиент] или ляжет со мною как с женщиною или прикажет мне сделать с ним как с женщиной, но только в задний проход, или наклонясь вперед и лежа на груди, а я сверх него [взбирался], что я всё и исполнял». В. Иванов показал, что он и его

товарищи зарабатывали около рубля за каждый акт «содомии». Они трудились объединенной артелью, и вырученные деньги от сексуального обслуживания сносили в общую копилку, причем «за позволение означеннаго мужеложства [приказчик] получал половинную часть из полученных денег». «Все получаемыя за это деньги клались нами вместе и затем по воскресеньям делились», — показал подсудимый, присовокупив: «<...> прописанным в сем показании [преступлением] занимаются, как мне известно, банщики во всех банях в Петербурге»[33].

Из существующих источников невозможно определить, сколько времени прошло между появлением описанной выше «артели развратников» и возникновением коммерциализированной мужской банной проституции с содержателями-банщиками, руководящими наемными работниками мужской секс-торговли. В 1880-х годах В.М. Тарновский отмечал, что молодые [банщики], которых он называл «продажными кинедами»* («продажными катамитами»**), по-прежнему продолжали удовлетворять посетителей бань. Они всё еще работали артелью, которой венеролог восхищался и даже романтизировал. Рассуждая о банной проституции, он удивлялся сообразительности так называемого «русского простолюдина», сумевшего сделать бани местом хорошего заработка. «У нас, особенно в Петербурге, благодаря многочисленным нумерным баням и банщикам, существует множество педерастов-проститутов, живущих, так сказать, на артельном начале»[35]. В.М. Тарновский писал:

> Еще снисходительнее относится простой человек к предложению врожденных или старческих кинедов. Можно сказать без преувеличения, напр<имер>, что три четверти банщиков за деньги соглашаются быть активными педерастами, пассивными же бывают только некоторые из них[36].

Хотя нельзя сказать, чтобы русский венеролог всецело одобрял банную проституцию, но его замечания вполне согласуются с его же полемичным восхвалением легализованных (гетеросексуальных) борделей в царской России[37]. С чувством определен-

---

* [Кинéд (*греч.* κιναίδος) — мужчина, занимающийся противоестественным развратом; *лат.* cinaedus — кинед, мужчина, предающийся противоестественным половым сношениям. В Древней Греции и Риме кинед — это в большинстве случаев проституирующий гомосексуальный пассивный мужчина.]

** [Катамúт (от *греч.* Γᾰνῠμήδης; *лат.* Ganymedes) — красивейший из юношей; *лат.* catamītus — любимчик; *англ.* catamite — мальчик-педераст; см.: *Прокопенко, Юрий Петрович.* Полный сексологический словарь. Изд. третье, перераб. и доп. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1999. С. 129 («Катамúт (*греч.*) — молодой гомосексуалист-проститутка»).]

ной гордости В.М. Тарновский писал, что в России «педерасты» меньше, чем в европейских столицах, подвергаются шантажу. Этот факт он объяснял наличием артели, в которой ему виделся источник поддержания общественного порядка.

Здесь, в Петербурге, вознаграждение кинеду почти одинаково с платою проститутке; при этом шантаж со стороны банщиков, живущих артелью и поровну делящих прибыль, — немыслим; надзора — никакого[38].

В русских банях, согласно В.М. Тарновскому, аморальные отношения были скрыты от публики, и те, кто оказывался в состоянии снять отдельные номера в лучших из подобных заведений, не подвергал риску свою репутацию. Круговая порука и взаимный надзор, характерные для артели, заставляли продажных кинедов быть честными и услужливыми[39]. Однополое влечение мужчин из высших слоев, удовлетворяемое мужчинами-проститутами, оставляло общество безразличным и воспринималось как нечто социально безвредное, по крайней мере, до той поры, пока сексуальная сделка не выходила за порог номеров дорогих городских бань.

Окончание XIX и начало XX века было временем быстрой социальной трансформации в России. Перемены наложили свой отпечаток и на однополые отношения. Отмена крепостного права в 1861 году и индустриализация 1880–1890-х годов вызвали прилив в крупные города больших масс народа (преимущественно мужчин, но не только), нуждавшихся в работе. Существенная часть приезжих прибывала только на время или на сезон; у многих оставались в деревнях жены и семьи. Кто-то оседал, закладывая основу городского пролетариата Петербурга, Москвы и ряда других промышленных центров. Жилые помещения для рабочих были переполнены. Большинство обитало в бараках и ночлежках. Порой в одну комнату набивалось множество постояльцев. Случалось, одну постель делили несколько человек, множество работников поселялись непосредственно у хозяина и прямо в мастерских[40]. Быстрая поступь индустриализации в России сопровождалась ростом числа городских рабочих — мужчин, не имевших ни жилья, ни денег, чтобы остепениться. В Москве при царском режиме число молодых мужчин-рабочих сексуально активного возраста значительно превосходило число женщин. Мужчины ютились в одном помещении, и это лишало их возможности завести семью или привезти из деревни жену и детей[41]. Хотя традиционные формы патриархальной солидарности и взаимного контроля вроде артели и землячества сохранялись и в городе, они дале-

ко не всегда способствовали поддержанию гетеросексуальности деревенской жизни, как это происходило в деревне. В промышленных центрах России мужчины находили удобные случаи для сексуального выражения потребности друг в друге. Используя открывшиеся возможности, они трансформировали традиционную модель взаимного мужского эроса русской маскулинности. Зародилась городская гомосексуальная субкультура.

Появление «гомосексуального мирка»

Гомосексуальная субкультура начала зарождаться в конце XIX века в двух столицах по мере роста и усложнения жизни в них. Она присваивала сексуализированным городским улицам собственные названия, изобретала для контактов и общения свои ритуалы, знаки и жесты, особый язык. Были выработаны поведенческие роли для участников гомосексуального действа, часто основанные на рыночных принципах мужского секса. В частном закрытом пространстве и домашней обстановке эта субкультура просто расцветала. На окраинных улицах, в квартирах и банях некоторые мужчины-гомосексуалы достигали предельной интенсивности переживаний и удобств от взаимной мужской сексуальности и мужской проституции. Другие использовали изолированные от внешнего мира уголки для создания эмоциональной общности, творили поэтику и историографию гомосексуальности, воспевали культуру сексуально-гендерного диссидентства. Исследование «гомосексуальной географии» Петербурга-Петрограда-Ленинграда и Москвы, семиотики субкультуры и соответствующего домашнего интерьера поможет определить то общее и различное, что было присуще гомосексуальным практикам в царской России и СССР.

Начиная с 1870-х годов развивался механизм взаимного признания и взаимодействия, выходящий за рамки традиционных отношений «патрон—клиент», которые прежде составляли основу взаимного мужского эроса. Обитатели «гомосексуального мирка» (как в 1908 году выразился сатирик Владимир Павлович Руадзе)[42] стали использовать для встреч, обмена информацией, поиска половых и эмоциональных партнеров определенные улицы, парки, общественные туалеты и проч. На этих «сексуализированных территориях» подыскивали клиентов и мужчины — продавцы секса (их не всегда стоит относить к гомосексуальной субкультуре). Еще раз отметим, что процесс

формирования гомосексуальной субкультуры продвигался в Петербурге значительно быстрее, нежели в Москве. Это подтверждается наличием гораздо большего числа примеров из источников. Так, в дневнике П.В. Медведева от 1861 года ничего не говорится о мужской проституции на улицах Москвы. Здесь респектабельные представители высшего класса, например Петр Ильич Чайковский (1840–1893), дабы не оказаться в центре скандала, ища партнера на улице, находили среди прислуги или через близких друзей лиц, готовых к половым контактам [43]. Судебное дело о мужеложстве 1888 года свидетельствует, что мужчины из низших классов могли найти «любителей» однополых отношений на Бульварном кольце – позднее арене гомосексуальных связей вплоть до 1920–1930-х годов. На Пречистенском бульваре некто Петр Мамаев был арестован после пьяной перебранки с молодым мужчиной по фамилии Агапов. В полицейской части П. Мамаев заявил:

> Я уже лет восемь занимался мужеложством с разными лицами, незнакомыми. Выйдешь на бульвар вечером, разговоришь, и если найдешь любителя, то сделаешь с ним дело. Указать, с кем имел я дело, не могу. <...> Я пытался сделать это с Агаповым так, без денег, без всякой корыстной цели, а лишь доставить себе и ему удовольствие[44].

Это свидетельство говорит о том, что в 1888 году даже московская полиция полагала, что мужеложство бескорыстным не бывает. Но, как говорил П. Мамаев и как отмечал в своем дневнике П.В. Медведев, в Москве было достаточно мужчин, желавших вступить в секс, чтобы «только получить удовольствие». Тем не менее о географии ранней московской гомосексуальной субкультуры имеются только отрывочные сведения.

Интересно сопоставить эту скудость с обилием материалов касательно Петербурга конца 19-го – начала 20-го столетия. Специфическая гомосексуальная география петербургских улиц сложилась к 1870-м годам. Главная магистраль новой столицы – Невский проспект, по некоторым сведениям, стала местом «педерастического разврата» уже в 1830-х годах, хотя, очевидно, эту роль она выполняла еще в эпоху традиционного взаимного мужского эроса[45]. Особенно дурной славой пользовался Пассаж – крытая галерея, завершенная в 1848 году и соединяющая деловой Невский с другим местом контактов – Михайловской площадью (ныне – пл. Искусств). Располагающийся в центе города Пассаж оказался идеальным местом, особенно зимой, для осторожного поиска однополых связей. К 1860-м годам он стал привлекать шантажистов, которые выслеживали мужчин, пытав-

шихся «снять» доступных юношей[46]. Михайловская банда (организованная группа вымогателей, пойманная в 1875 г.) была хорошо известна служителям находящегося поблизости ресторана «Доминик» и в бильярдной, расположенной в самóм Пассаже[47]. В конце 1880-х или начале 1890-х годов анонимный автор составил подробное донесение о петербургских «тетках» (мужчинах, чьи половые склонности были ориентированы прежде всего на мужчин; «тетки» были частыми клиентами мужчин – продавцов секса[48]. Аноним отмечал:

> По воскресеньям зимою *тетки* гуляют в Пассаже на верхней галерее, куда утром приходят кадеты и воспитанники, а около 6 вечера – солдаты и мальчишки-подмастерья. Любимым местом *теток* служат в особенности катки, куда они приходят высматривать формы катающихся молодых людей, приглашаемых ими затем в кондитерские или к себе на дом[49].

К концу 1880-х годов тротуары Невского от Знаменской площади до Аничкова моста (две точки, где, по слухам, общественные туалеты использовались для совершения контактов) и далее до Публичной библиотеки и Пассажа были местом променада, о многом говорящего для «посвященных». Очевидно, это был самый известный гомосексуальный маршрут, где назначались свидания и в 1910-х, и в 1920-х годах. В зависимости от времени года наибольшей популярностью пользовались выставки и ярмарки в Михайловском манеже (ныне – Зимний стадион). Во время дореволюционных гуляний на Масленицу Марсово поле, на котором устанавливали балаганы (развлекательные палатки и наспех воздвигнутые врéменные театры), становилось местом, где «тетки» высматривали молодых зевак для разврата. По средам «тетки» из высших слоев общества собирались на балетные спектакли в Мариинском театре. Они же были завсегдатаями ресторанов с отдельными кабинетами, которые время от времени служили местом свиданий «педерастов»[50]. В 1880-х годах ресторан К.П. Палкина, расположенный на Невском проспекте, 47/1, в одном доме с типографией реакционной газеты «Гражданин», основателем и издателем которой был известный гомосексуал князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), служил постоянным местом встреч «теток»[51].

По субботам те, кто охотился за «подмастерьями» или молодыми людьми из «низших классов», отправлялись в цирк Чинизелли[52]. Набережная Фонтанки и примыкающие к цирку сады оставались центром мужской проституции вплоть до 1920-х годов[53]. Около 1908 года один желчный журналист [В.П. Руадзе] описал времяпрепровождение «целой банды подозрительных

молодых людей», этих мужчин-проститутов, причисленных им к «гомосексуальному мирку». По утрам они собирались в саду около цирка – своего рода начального пункта, в полдень эта

жадная хищная стая направляется на Невский. Главная квартира переносится в Пассаж и в Кафэ де Пари. Эта излюбленная улицей кофейня в подвале Пассажа есть действительная клоака, мрачная и отвратительная <...>. Дневная биржа живого товара продолжается вплоть до закрытия Пассажа, а затем хулиганы снова отходят к Фонтанке. С 8 ч<асов> вечера и до 12<-ти> по Фонтанке <...> образуется род гуляний гомосексуальных Фрин, причем самых неимущих и ободранных, более оперившиеся отправляются в Таврический сад[54].

Утверждение журналиста о доступности мужчин-любовников (некоторых – за деньги), собиравшихся в Таврическом саду, подтверждается дневником М.А. Кузмина и его перепиской с Вальтером Федоровичем Нувелем (1871–1949)[55].

В то время, как большинство подобных маршрутов пролегало по Невскому и проходило через Пассаж и цирк Чинизелли, штатских мужчин, жаждущих секса с военными, интересовали другие места. Согласно свидетельствам анонимного осведомителя, резко осудившего городских «теток», в конце 1880-х – начале 1890-х годов при хорошей погоде у стен Петропавловской крепости велась такая торговля:

Летом *тетки* собираются почти ежедневно в Зоологическом саду, и в особенности многолюдны их собрания бывают по субботам и воскресеньям, когда приезжают из лагеря и когда свободны от занятий юнкера, полковые певчие, кадеты, гимназисты и мальчишки-подмастерья. Солдаты Л<ейб> Гв<ардии> Конного полка, кавалергарды, казаки, как уральцы, так и атаманцы, приходят в Зоологический сад единственно с целью заработать несколько двугривенных без всякого с их стороны труда. Они знают почти всех *теток* в лицо, и вот солдат, проходя мимо одного из них, многозначительно взглядывает на него и направляется в сторону ватерклозета, оглядываясь, следует ли за ним *тетка*. Если *тетка* идет, то в ватерклозете он делает вид, что отправляет свои естественные нужды, и старается показать свой член. *Тетка* становится рядом, и если член действительно большой, то щупает его рукой и платит солдату 20 копеек. Подобного рода щупанье *тетка* проделывает несколько раз в вечер и, выбрав себе член по вкусу, отправляется с солдатом в ближайшие бани, где употребляет его в задний проход, или, наоборот, солдат употребляет туда же *тетку*, за что и получает от него от 3 до 5 рублей[56].

В первой половине дня «тетки» часто прогуливались по Конногвардейскому бульвару (ныне – Профсоюзный). На этой улице находились казармы и манеж полка Конной гвардии, по имени которого она названа. Отсюда было удобно сопровождать молодых рекрутов в ближайшие Воронинские и другие бани[57].

Солдаты, которые наслаждались сексом с мужчинами, продолжали и во времена Первой мировой войны, и революции 1917 года встречать друг друга на Невском проспекте. Один мужчина-проститут сообщил, что в 1920-х годах Александровские сады были излюбленным местом летних свиданий «старых военных»[58]. Гомосексуальная субкультура превозносила доступность и красоту тренированного мужского тела, затянутого в военную форму. Но военным всегда мало платят, а потому некоторые солдаты и матросы в северной столице продолжали предлагать секс за деньги вплоть до 1930-х годов[59].

Наиболее примечательными в гомосексуальной субкультуре предреволюционного Петербурга были бани — излюбленные места отдохновения «теток» и их приятелей-мужчин. Здесь традиционная маскулинная терпимость в отношении однополого эроса столкнулась и смешалась с зарождавшейся гомосексуальной субкультурой. Всё больше и больше свидетелей, описывающих гомосексуальные отношения в банях, отмечают эту конфронтацию. В 1906 году М.А. Кузмин обозначил место бани в городской гомосексуальной субкультуре в своей известной повести «Крылья», повествующей о [гомосексуальном] самоосознании молодого мужчины. В это же время иностранные апологеты гомосексуальности в современном, западноевропейском, понимании восхищались русской баней как местом невиданных возможностей[60]. Тем временем противоположная сторона открыто осуждала влияние известного [сексуального] меньшинства мужчин, оскорблявшего традиции банной общительности[61]. Высказывались и опасения по поводу мужской проституции в банях. После революции 1905 года журналисты на волне свободы уцепились за проблему пола*, и под их пером петербургские бани приобрели репутацию мужских борделей. Знаменские бани Петербурга близ одноименной площади (ныне — пл. Восстания) считались оазисом «гомосексуального мирка»:

Едва вы проникнете в эту «обитель», как навстречу к вам утиной походкой движется массивная фигура знаменитаго в гомосексуальной секте банщика Гаврила.

Гаврила — тучный мущина лет 40—45 с отталкивающим неприятным лицом и угодливым, заглядывающим вам в душу взглядом. Этот «господин» с места не постесняется предложить вам свои «услуги» или когонибудь другого. <...> Гаврило принесет вам альбом с фотографическими карточками, где все эти гомосексуальныя Фрины и Аспазии изображены

---

* [В стихотворении «Песня о Поле» (1908) Саша Черный (наст.: Гликберг, Александр Михайлович; 1880—1932) писал: «Пришла Проблема Пола, | Румяная фефела, | И ржет навеселе».]

прифранченныя и накрашенныя, некоторыя даже в женских нарядах. <...> Вот вы показываете на одного из «малых сих», изображенных в альбоме, и через каких-нибудь минут 5 «оригинал» в вашем распоряжении. Тут же попутно сообщается цена[62].

Эта сатира 1908 года на «гомосексуальный мирок» отождествляет бани с легальными (гетеросексуальными) борделями царских времен[63]. Предварительный показ фотокаталога мужчин — «Фрин» и «Аспазий» (традиционные прозвища женщин-проституток) и их представление как феминных — скорее преувеличение с целью рассмешить читателя, нежели часть реального механизма привлечения клиента. При всем том дневник М.А. Кузмина фиксирует очень похожую сцену (описывается событие декабря 1905 года):

Вечером я задумал ехать в баню, просто для стиля, для удовольствия, для чистоты <...>. Пускавший меня, узнав, что мне нужно банщика, простыню и мыло, медля уходить, спросил: «Может, банщицу хорошенькую потребуется?» — «Нет, нет». — «А то можно...» Я не знаю, что мною руководствовало в дальнейшем, т. к. я не был даже возбужден... «Нет, пошлите банщика». — «Так я вам банщика хорошенького пришлю», — говорит тот, смотря как-то в упор. «Да, пожалуйста, хорошего», — сказал я растерянно, куда-то валясь под гору. «Может, вам помоложе нужно?» — понизив голос промолвил говорящий. «Я еще не знаю», — подумав, отвечал я. «Слушаюсь»[64].

Александр (присланный к М.А. Кузмину молодой мужчина) «начал мыть совсем уже недвусмысленно». «Мóя, он становился слишком близко и вообще вел себя, далеко не стесняясь». Он сказал поэту, что тот может позволить себе удовольствие, а заплатить позднее, и намекнул, что чаевые приветствуются.

После общего приступа и лепета мы стали говорить, как воры. <...> Алекс<андру> 22 г<ода>, в банях 8-й год, очевидно, на меня наслали профессионала. Он уверяет, что дежурный ему просто сказал «мыть», но он был не очередной, остальные спали; что в номера просто ходят редко, что можно узнать по глазам и обхождению. И, поцел<овав> меня на прощание, удивился, что я пожал ему руку. В первый раз покраснев, он сказал: «Благодарствуйте» и пошел меня провожать. Проходя сквозь строй теперь уже вставших банщиков, сопровождаемый Алекс<андром>, я чувствов<ал> себя не совсем ловко, будто все знают, но тем проще и внимательнее смотрел на них.

Поэт, постоянно испытывавший проблемы с деньгами, пришел вновь в январе 1906 года и оплатил свой долг. М.А. Кузмин каким-то образом нашел средства, чтобы регулярно посещать Александра весной 1906 года[65]. Примерно в то же время дядя императора Николая II великий князь Константин Константинович (1858–1915) мучительно делился в своем дневни-

ке впечатлениями о половых встречах с петербургскими банщиками, с готовностью откликавшимися на его просьбы[66].

Эти краткие сведения говорят о том, что мужская секс-работа становилась всё более и более коммерциализированной. Отсутствие упоминаний об артели банщиков, складывавших заработок от «содомии» в общую кассу, заставляет предположить, что такие люди, как Гаврила или настойчивый банщик-распорядитель, о котором писал М.А. Кузмин, работали, скорее, как хозяева легальных борделей, в которых было принято заключать финансовые соглашения с женщинами-проститутками[67]. Юноши, продававшие секс, и сводники, подыскивавшие им клиентов, содействовали занятию «содомией», о чем еще за полвека до того рассказывали банщики. Частое упоминание бань с отдельными номерами свидетельствует о том, что возможность уединения способствовала как платным сексуальным встречам, так и свиданиям «ради удовольствия». Речь идет о последних годах царизма.

О судьбе взаимной мужской сексуальности в банях после 1917 года трудно сказать что-либо определенное. Гомосексуальная субкультура царского времени зависела от доступности закрытых пространств, таких как бани и отдельные кабинеты в ресторанах[68]. Советская власть возвела новые преграды на пути к этим пространствам. Даже во времена ограниченного капитализма новой экономической политики (1921–1928 гг.), когда рестораны и бани сдавались в аренду частным лицам, должностные лица, прекрасно осведомленные о половом беспределе в подобных заведениях, следили за соблюдением порядка[69]. Комнаты в гостиницах, по крайней мере номинально, предназначались приезжим, и даже гетеросексуальные пары сталкивались с трудностями при попытках снять их для секса[70]. После 1917 года информация об организованной мужской проституции в банях отсутствует[71], но отдельные лица продолжали завязывать знакомства и иметь добровольный или платный секс прямо в банях или после встречи там. В 1927 году вор, с шестнадцати лет вступавший в секс исключительно с мальчиками, сказал психиатру, что предпочитает находить партнеров среди приятелей-беспризорных. Он «предварительно мыл их в бане и в номере совершал половой акт»[72]. Этот мужчина-проститут Т.П. сообщил врачу, что «знакомился где угодно, часто в банях, где дело начиналось с просьбы потереть спину, а там уже “чувствуешь друг друга”». Психиатр отмечал, что Т.П. был арестован в Москве за воровство в 1926 году. «Эту кражу Т.П. объяснил местью — познакомился в бане, несколько раз имел близость, получал раз-

ные обещания устроить на службу и т. п., затем всё это оказалось неверно: "использовал и бросил"»[73].

Почти полное исчезновение обустроенных мест для свиданий и знакомств имело предсказуемые последствия. Общественные туалеты, которые и прежде были надежным местом, приобрели для гомосексуалов еще большее значение. Сославшись на откровения пациента Т.П., доктор Владимир Александрович Белоусов (1895–1971) говорит, что «теперь, после революции, этот последний способ – встречи в уборных – является преобладающим». Описание означенным мужчиной-проститутом туалета в харьковском кинотеатре «Маяк» в 1920-х годах как «особенно удобного» свидетельствует, что выискивались любые архитектурные причуды, лишь бы складывались условия для интимных встреч. Этот человек упоминает только два «мес-та свиданий» в Ленинграде 1920-х годов, каждое с общественным туалетом (хотя В.А. Белоусов об этом не упоминает, говоря абстрактно о «местности»; термин, напоминающий «отхожее место», эвфемизм для посвященных). Оба места были рядом с цирком Чинизелли, второе – на Невском «близ Аничкина (*sic!*) дворца»[74]. Видимо, как и до 1917 года, мужчины-проституты продолжали уединяться в общественных туалетах «на площадях и железнодорожных вокзалах»[75]. Исчезновение после революции закрытых мест, которые можно было бы снять и использовать для удовольствия, направило мужчин-гомосексуалов в новое русло, породив так называемую «культуру туалета»[76].

Как свидетельствуют источники, территории гомосексуальной субкультуры появились в Москве только в последние годы царского режима; это говорит о ее запоздалом развитии в сравнении с более европеизированной северной столицей. Чрезвычайно информативны показания мужского проститута Т.П., записанные В.А. Белоусовым в 1927 году. Согласно Т.П., до и после 1917 года Бульварное кольцо было самой известной гомосексуальной территорией в городе. Соединяя бульвары (каждый из которых имеет собственное название), оно окружает центр Москвы полукруглой лентой зелени. Здесь много скамеек, киосков с прохладительными напитками, общественных туалетов. Бульвары – это удобные места, где можно посидеть, покурить и поболтать, сюда можно добраться общественным транспортом. Бульвары всегда кишат пешеходами. Отсюда рукой подать до Большого и Малого театров, Консерватории и центральных магазинов. Как точно заметил Т.П., «вы можете найти и встретить мужчин на любом бульваре»[77]. Его собственная половая карьера началась на Пречистенском бульваре, где

в 1912 году семнадцати лет он познакомился (по его выражению) со «своими людьми» и заделался мужским проститутом. Репутация Бульварного кольца как арены мужской проституции сохранялась и в 1920–1930-х годах. Согласно Т.П., «в Москве самый главный “притон” – Никитский бульвар и Никитские ворота». Местом «тайного рынка» гомосексуальных мужчин конца 1920-х назвал эту площадь югославский коммунист[78]. Т.П. указывал на «пивную, “бывшая Львова”, у Сретенских ворот», а также на Чистопрудный бульвар, где назначала свидания «особо важная публика» из числа московских гомосексуалов. Осужденные с 1935 по 1941 год уголовными судами за мужеложство (см. гл. 8) часто посещали эти же бульвары. Некоторые признавались на допросах, что в 1930-х годах имели секс в общественных туалетах или темных подворотнях этих улиц.

Большую роль в гомосексуальной субкультуре играли специфические жесты и слова, позволявшие гомосексуалам узнавать друг друга. Мужчины, желавшие иметь секс с юношами или другими мужчинами, давали об этом знать по-разному. Некоторые жесты были заимствованы у проституток, привлекавших клиентов, другие означали просьбу нежного внимания со стороны более богатого мужчины. Мотив нищеты пронизывает рассказы многих молодых людей, искавших контакта с состоятельными мужчинами. Броская одежда, яркая косметика и пудра, женоподобные манеры – всё это было способами привлечения внимания и сигнализировало о целях юношей и мужчин, принадлежавших этой субкультуре.

Наиболее выразительным был характерный взгляд, самая распространенная форма осторожного самораскрытия. Судя по замечаниям анонимного осведомителя, «стучавшего» на петербургских «содомитов», об этом знали даже непосвященные:

> *Тетки*, как они себя называют, с одного взгляда узнают друг друга по некоторым неуловимым для постороннего приметам, а знатоки могут даже сразу определить, с последователем какой категории *теток* имеют дело[79].

Обмен долгими взглядами, особенно в местах с известной репутацией, означал принадлежность к соответствующей субкультуре. Солдаты и «тетки» соблюдали этот ритуал вблизи общественных туалетов Зоологического сада; то же повторялось подростками и их клиентами около цирка Чинизелли (по воспоминаниям от 1908 г.)[80]. К числу интересующих нас жестов принадлежали также просьбы поделиться сигаретой или дать прикурить. Правда, некоторые «хулиганствующие» мужчины-проституты пренебрегали осторожностью и просто подходили к

потенциальным клиентам с протянутой рукой и грубоватым «Драсьте!». Один предреволюционный бытописатель [В.П. Руадзе] заметил, что мужчины, «“покупающие” товар, носят на лице особую специфическую маску желания; стоит только подглядеть брошенный как бы вскользь взор такого господина, чтобы убедиться, что он пришел сюда не даром, что загнала его сюда исключительно страсть к “мальчикам”»[81]. После 1917 года набор призывных сигналов не изменился. Хорошо осведомленный матрос, арестованный в 1921 году на «педерастической вечеринке» в Петрограде, показал, «что многие из посетителей вечеров занимались педерастией – знал, так как видел это из их взглядов, разговоров и улыбок»[82]. Уже упоминавшийся проститут Т.П. говорил, что за 1925–1927 годы он «видел лично, встречал где-либо [или] распознал как одного с ним сорта» в Москве не менее 5 тысяч гомосексуальных мужчин.

После вступления в контакт обычно завязывалась беседа. Петербургский юрист А.Ф. Кони в своих интересных воспоминаниях «На жизненном пути» приводит некоторые истории, рассказанные в 1870-х годах потерпевшими от шайки вымогателей Михайлова. Чтобы скомпрометировать богатых мужчин, они прикидывались бедными, но благородными юношами. Вероятно, такие слезливые истории рассказывались не только шантажистами, но и мужчинами-проститутами. К мировому судье, направлявшемуся через «роковой Пассаж» в свой клуб на Михайловской площади, подошел член шайки и попросил денег для умирающей матери. Наивный судья сжалился и дал три рубля, а юноша, сделав вид, что получил мзду за мужеложство, и чтобы привлечь внимание, поднял крик и заявил, что если «такие гадости предлагаешь», то должен не скупиться и заплатить «пятьдесят рублей». Другие члены шайки плакались прохожим, что «исключены из училища за неплатеж». Излюбленный прием состоял в том, чтобы, стоя у входа в цирк Чинизелли, упросить состоятельных мужчин купить бедняжке билет на представление[83].

Во всем этом ощущается классовый раскол. Но столь же значимыми были различия между городом и деревней. М.А. Кузмин описывает встречу на Невском проспекте в 1924 году с «профессионалом», вероятно, только что приехавшим в город. Хотя дело было после революции, оба участника – проститут и потенциальный клиент – действовали по привычной схеме, видимо, мало изменившейся после падения царизма:

На Невском поглядел на какого-то милого. Он побежал и тр... [?] опять вернулся. Вступил в разговор, «как прийти на Лиговку?». Потом

обычная [?] история. Из деревни, мéста, погибать не хочется, откров<енно>[?] и т. д. «Почему заговорил? Вижу, что добрый человек. А почему я на вас смотр<ел>? Не знаю. Понравилось. Да? Так я немножко понравился вам?» Сейчас же мечты чуть ли не о совместной жизни, о гулянье, ученье, культуре и т. п., о поездке в деревню. Наивно, фальшиво, льстиво, простодушно. Записал адрес, свой дал. Как все деревенские, ханжи́т. Но я так давно не видел русского мальц<а>, что было приятно. Если профессионал, то тем лучше. Женат ли я, да с кем живу <...>. Ходили по Надеждинской (ныне – Маяковская. – *Ред.*), но всё слишком светло[84].

На следующий день «профессионал» пришел на квартиру М.А. Кузмина, и автор дневника отправился с ним выпить:

Конечно, у него есть душа и мечты, хотя бы самые глупые и смутные. «Темный» человек, как он говорит. Зашли в пивную. Мне было невероятно скучно и неловко, что мне с ним делать. Да, это не 1907 год, когда такие приключения могли меня занимать. Главное, я не выношу, когда на мне что-то строят. Побежал, как освобожденный...[85]

М.А. Кузмин досконально знал сценарий отношений «клиент–проститут», поэтому его собеседник (деревенский юноша), ревностно следовавший этому сценарию, утомил несчастного «клиента» до изнеможения. Сценарий пронизан рядом оппозиций: «город против деревни», «образование против невежества», «предполагаемое богатство против предполагаемой нищеты», «опытность против юности». После революции жаргон городских мужчин-проститутов почти не изменился.

В царском Петербурге «продажных катамитов» и ищущих их «теток» иногда можно было отличить по женоподобным жестам и одежде или просто по странному костюму. Трудно понять, в какой степени эта семиотика была принята каждой группой (и не только атрибутировалась посторонними). Возможно, и ранее им была присуща определенная степень женоподобия, и она еще более развилась по мере становления городской гомосексуальной субкультуры. Медицинские источники середины XIX века описывают более традиционный мужской половой обмен (например, в бане или с прислугой), ничего не говоря о женоподобии юношей и мужчин, продающих секс. Но, судя по всему, с целью привлечения клиентов некоторые мужчины-проституты всё же прибегали к женоподобным знакам на улицах Петербурга. Дантист, снявший в Пассаже в 1869 году молодого мужчину для платного секса, «понял, чем этот человек занимается и что он готов себя предложить для мужеложства; это было понятно из его обращения со мною, которое имело вид женской любезности»[86]. Члены шайки шантажистов Михайлова носили очень «странные костюмы» – «плисовые истертые

шаровары и сапоги с красными отворотами», а в одном эпизоде фигурировала «длинная, не по росту бархатная жилетка»[87].

Анонимный обличитель «теток» столицы привел в своем доносе длинный список «подозреваемых», многие из которых обладали фемининными чертами. Одни были вызывающе женоподобны на публике, другие имели фемининные прозвища вроде Дины или Аспазии. Многих из них автор называет «дамами», — судя по всему, из-за того, что они исполняли рецептивную роль в анальном сношении[88]. После 1905 года возбуждающие облики подобных личностей стали еще более перегружены изображениями извращенной фемининности и преувеличенными классовыми претензиями. В числе мужчин-проститутов возле цирка Чинизелли всё чаще стали появляться «баронессы», «графини» и «бабы» (разодетые под крестьянок). Желтая пресса писала, что «гомосексуалистов» несложно отличить по цвету одежды. «Вы можете узнать, если присмотритесь, любого гомосексуалиста, кокодесов* по ярко-красным галстухам (*sic*!), это род гомосексуальной формы, а у некоторых из кармана торчит и красный платок...» Мужчины-проституты (как профессионалы, так и новички) порой появлялись на улице с косметикой на лице. После закрытия своего магазина немецкий парикмахер, «нарумянивши свою физиономию», чтобы «иждали “фидели”, что я “дефка”!», слонялся по городу с целью «подхватить педераста»[89]. О некоторых сигнальных знаках можно узнать от М.А. Кузмина и его друзей. Вообще появление на публике в косметике или в кричащих жилетах, напоминающих об эпохе дендизма, свидетельствовало не только о декадентском вкусе, но и намекало на подпольный мир мужской проституции. Самый известный портрет М.А. Кузмина, написанный после успеха «Крыльев» в 1909 году, принадлежит художнику-гомосексуалу Константину Андреевичу Сомову (1869—1939), изобразившему поэта с ярко-красным галстуком[90]. Эти дразнящие глаз знаки были попыткой раздвинуть общепринятые рамки маскулинности.

Советские источники 1920-х годов продолжали занудствовать о женских прозвищах и переодеваниях, хотя всё это уже было не на публике, а приберегалось для частных встреч и закрытых помещений. К концу 1920-х годов в психиатрической литературе поубавилось дискуссий о мужском женоподобии. Среди матросов, арестованных в Петрограде на «педерастической вечеринке» в 1921 году, были двое, известные в своем кругу под прозви-

---

* [Кокодéс (от *фр.* coq — «петух»; coquette — «кокетливый»; coquin — «плут») соответствует современному жаргонному «петушок».]

щами Зоя и Вяльцева. Последнее «отсылало» к имени знаменитой эстрадной певицы, «несравненной» Анастасии Дмитриевны Вяльцевой (1871–1913), имевшей массу фанатичных поклонников. Другие арестованные тем вечером были похожи на одного красноармейца, любившего облачаться в женское платье и, несмотря на нищету, имевшего женские вещи («знаю лиц, одетых в женские туалеты», «сзади шли многие одетые в женские платья»)[91]. Вышеупомянутый мужчина-проститут Т.П. хвастался, что на дореволюционных вечеринках в Москве он обряжался украинской крестьянкой, но он почти ничего не сказал о проявлениях женоподобия или переодеваниях в послереволюционной гомосексуальной жизни. На заре советской эпохи нищета и страх репрессий загнали экстравагантных женоподобных мужских гомосексуалов в глубокое подполье.

В конце 19-го столетия гомосексуальная субкультура России создала собственный словарь для общения внутри сообщества. Некоторые выражения представляли собой эвфемизмы, ничего не говорящие непосвященным, например, фраза «наш круг», которую в 1898 году, как говорят, использовала одна петербургская мелкопоместная дворянка – «женщина, любившая женщин»[92]. Применительно к мужчинам термин «тетки» широко циркулировал как в субкультурной среде, так и просто в различных слоях общества. Он был частично заимствованным. Во Франции середины XIX века мужчин-проститутов называли «tante» («тетка»), а к концу столетия это слово появилось в печати и служило уже для обозначения всех гомосексуалов[93]. Русский вариант французского «tante» был введен в обращение петербургским врачом Владиславом Осиповичем Мержеевским (1842–?) в его руководстве «Судебная гинекология» (1878)*,[94]. Через десять лет П.И. Чайковский уже употреблял это слово в дневнике, явно имея в виду его жаргонный смысл (аналогичный современному англо-американскому сленговому «queen»)[95].

Анонимный осведомитель о петербургских «тетках» конца 1880-х – начала 1890-х годов расширил диапазон значения этого слова и стал именовать им клиентов мужчин-проститутов[96]. «Порочность» «теток» – «результат полового пресыщения» и отвращения к женщинам – осведомитель противопоставлял беспринципной «педерастии» «неимущих, молодых... жертв, служащих для удовлетворения первых»[97]. С этой точки зрения, «тетки», быв-

* [В действительности термин «тетка» В.О. Мержеевский ввел еще в 1872 г. в своей работе «Половые отправления». В 1878 г. она была переиздана под заглавием «Судебная гинекология»; см. в наст. изд.: Библиографический список...]

шие преимущественно из состоятельных господ, склоняли своих жертв к сексуальным действиям – усугубляя омерзительность происходящего – за легкие деньги и роскошь. Маловероятно, что все партнеры «теток» питали отвращение к однополым действиям. Без сомнения, ситуация была такой же, как с извозчиками П.В. Медведева («<...> были и такие, что за удовольствие так соглашались» и не просили платы). Классовый облик подопечных «теток» также остается неясным, хотя большинство источников свидетельствует, что объектами «эксплуатации» «теток» были молодые мужчины, только что приехавшие из деревни, ученики в мастерских или в торговых заведениях, бездомные, учащиеся, солдаты или матросы. Эволюционируя по степеням гомосексуальной субкультуры, эти юноши и мужчины переходили из разряда «продажных катамитов» во взрослые «тетки». Лишь надежда на достижение материального достатка могла немного подсластить такую малоприятную перспективу. Благосклонный патрон мог предложить молодому «педерасту за деньги» покинуть половой рынок и вступить с ним в партнерство. А те, кто имел постоянный род занятий (например, военные рекруты) и лишь время от времени занимался мужской проституцией, как правило, с возрастом сворачивали свой промысел (когда уже не поступали предложения) или когда по службе их переводили из города[98]. В отличие от «теток», мальчики и мужчины, продававшие половое удовольствие, не получили устойчивого субкультурного прозвища в России. Это красноречивое молчание может свидетельствовать об изменчивости их роли. По-видимому, общественное мнение не одобряло маскулинной секс-торговли, поэтому вовлеченные в нее мужчины считали необходимым скрывать свои занятия и не хотели обзаводиться самоназванием. Это лишний раз подчеркивает их желание сохранить маскулинную респектабельность, что было возможно только при условии сохранения в тайне их половой активности. Окружающие же называли этих сексуально доступных мужчин «педерастами-проститутами», «продажными катамитами», а позднее – «гомосексуалистами».

Маскулинный облик этих юношей и мужчин играл роль эротической приманки и притягивал взоры сексуальных диссидентов. В отличие от женоподобных «теток», солдаты, матросы и учащиеся, рыскавшие по гомосексуальному подполью Петербурга, были одеты в официально учрежденную форму – воплощение маскулинности. Эта униформа вынуждала их следовать общепринятым стандартам самоконтроля и воздержания, тем не менее военные и студенты нашли ее удобной и привлекательной маскировкой для своего участия в субкультуре. Идеализирован-

ная мужественность, выражаемая такой одеждой, натолкнула их на мысль о маске «женоненавистника», которая вошла в моду в обеих столицах. «Балы женоненавистников» проходили в Москве до 1914 года. После ареста в 1921 году на «вечеринке педерастов» матрос из Петрограда показал, что он наслаждался сексом с мужчинами, «особенно с "женоненавистниками", которые отнюдь не стремились представить себя женщинами»[99]. Термин был придуман в знак маскулинистской солидарности и отражал неприятие женоподобия. Возможно, он был призван снять деревенские аллюзии, вызываемые ярлыком «тетка»[100].

Взаимоотношения между этими типами персонажей — «тетками», «педерастами за деньги» и «женоненавистниками» — остаются неясными из-за отрывочности имеющихся сообщений. Все эти типы уходят корнями в традиционный иерархический мир эроса между мужчинами и ныне олицетворяют современную гомосексуальную субкультуру[101]. Однако в те времена субкультура не ограничивалась общественной территорией. Некоторые мужчины, бывшие в состоянии снять или купить квартиры или дома, организовывали там «домашнее партнерство» с лицами собственного пола. Другими использовалась частная квартира хозяина, инициатора собрания, создававшего необходимые условия для общения и полового контакта. Недоброжелатели утверждали, что такие компании могли давать хозяевам помещений шанс зарабатывать на сводничестве или продаже алкоголя. Кроме того, эти собрания, подчас роскошно обставлявшиеся, связывали участников эмоциональными и романтическими узами, которые усиливались общностью сексуального предпочтения.

У нас практически нет данных о «домашнем партнерстве» между мужчинами из низших классов, что объясняется перенаселенностью и нищенскими условиями жизни в домах рабочих. В исследовании «Психология пола» (1909 г.) психиатр Павел Иванович Ковалевский (1849—1923) описал быт одной петербургской мужской пары из рабочего класса:

> Они заключили между собой формальный договор, в котором каждый клялся, один другому, в верности до гроба, и присваивали себе взаимно названия мужа и жены. Они занимали одну комнату и ночью спали в одной постели. Для отвода глаз в комнате стояли 2 кровати, и они ложились порознь на несколько минут, но затем тот, кто в этом отвратительном союзе должен был играть роль «мужа», приходил к своей «жене», и они проводили ночь вместе[102].

Гомосексуалы, принадлежавшие к среднему классу или аристократии, могли обустраиваться более изысканно, создавая за закрытыми дверями для себе подобных партнеров ат-

мосферу уюта. В 1908 году полный сарказма критик «гомосексуального Петербурга» [В.П. Руадзе] писал:

Г<-ин> Г-гель – сознательный и убежденный сторонник однополой любви. Сто́ит только посетить его в фешенебельной гостинице на Морской, где он занимает роскошный номер, чтобы убедиться, что он исключительно поглощен этим «культом». Большая коллекция карточек, где во всех видах и положениях иллюстрируется гомосексуальная любовь, украшает его письменный стол, на стене красуется большой фотографический портрет голого кучера с венком на голове, в шкафах собраны всевозможныя сочинения избранных авторов вроде г. Кузьмина (*sic*!). Фарфоровыя статуэтки и разнообразныя вещицы на этажерках кричат о том же – словом, комната светскаго и просвещеннаго гомосексуалиста напоминает собою маленький гомосексуальный музей[103].

Полный благородного негодования обличитель петербургских «теток» конца 1880-х – начала 1890-х годов описал (в деталях, свидетельствующих, что всё происходило у него на глазах) «бал», вылившийся в «страшную, возмутительную оргию» на дому у богатой «тетки»:

Для большего общения богатые *тетки* устраивают вечера, балы, на которых они являются в сопровождении своих любовников. Один из таких балов еще недавно был по случаю новоселья в одной роскошно убранной квартире почти в центре города, при этом сам хозяин и некоторые из *теток* были в дамских платьях. Гостям был подан сначала чай с коньяком, закуска, после чего они танцевали почти до 4-х часов, когда сервирован был роскошный ужин. За ужином ви́на подавались в гигантских стеклянных членах и провозглашались тосты, соответствующие этому рауту, причем в числе других выделялся тост за отсутствующих высокопоставленных покровителей общества и в особенности за одно высокопоставленное лицо, считающееся высшим покровителем. После ужина началась страшная, возмутительная оргия. Мужчины-дамы разделись голыми и в таком виде стали продолжать танцы. В кабинете на роскошной турецкой мебели виднелись в полутьме пьяные группы *теток*, которые сидели друг у друга на коленях, целовались, щупали друг друга за члены и онанировали; тут же лежал отдельно один из гостей, совсем голый, напоминающий своим телосложением женщин (под комическим названием Нана), и перед ним – несколько других мужчин, целующих и щупающих его. Оргия продолжалась до утра, после чего все разъехались попарно с своими мужчинами-дамами, некоторые домой, а некоторые – в гостиницы и бани. Прислугою на таких вечерах обыкновенно не стесняются, потому что она подобрана из своих[104].

Далее автор свидетельствует, что некий среднего достатка житель города был «сводней», поставлявшей «богатым *теткам*» «мальчишек, солдат и дворников». Квартира этого предприимчивого человека была хорошо известна молодым людям, оплачивавшим услуги «сводни», лишь бы проникнуть в круг высокопоставленных «теток».

Советская власть зорко следила за частной жизнью. Но, несмотря на постоянно возраставшие трудности, гомосексуалы находили возможность встречаться время от времени либо на дому, либо в практически частных помещениях (залы, кабаре). На приемах, маскарадах и представлениях артистов собиралось множество мужчин. Здесь они знакомились и устанавливали половые контакты. Сравнительная открытость гомосексуальных увеселительных мероприятий быстро сошла на нет после Гражданской войны, но некоторые источники намекают на их осторожное возобновление. Наибольшее количество отчетов о такого рода собраниях касается Петрограда/Ленинграда, где традиция популярных частных гомосексуальных «ассамблей» была развита в наибольшей степени.

Детальные описания организованных в советское время, возможно, с коммерческой подоплекой, частных собраний гомосексуальных мужчин можно найти в статьях известного психиатра Владимира Михайловича Бехтерева (1857–1927). Говоря о «половых извращениях», он, в частности, обращался к материалам милицейского рейда в «клуб педерастов» от 15 января 1921 года[105]. На вечеринке, проходившей на квартире «отца милиционера сводно-боевого отряда», было арестовано 95 человек. На допросе «некто Б. заявил, что,“приглашая нас сюда, милиционер Е. обещал интересный вечер с барышнями”»[106]. Это собрание было одним из многих, на которых тот милиционер присутствовал и которые впоследствии сам же организовывал. Агент, известный как Ш., сообщил, что несколько подобных «вечеринок» (для «педерастов») состоялось под Петроградом[107]. Из изложения В.М. Бехтеревым слов Ш. неясно, кто выступал организатором подобных «вечеринок». Однако знаменитый психиатр писал, что «сам агент Ш. устраивал также несколько раз вечера, “чтобы узнать их мнения”»[108]. Один арестованный матрос «заявил, что вечеринки устраивались в месяц раза два; бывал на нескольких вечеринках; узнавал от знакомых; на вечеринках бывали всегда одни и те же лица». Основной причиной интереса милиции к таким мероприятиям было, по-видимому, присутствие на них большого числа солдат и матросов.

Красноармеец Б., арестованный во время означенного выше рейда, поведал:

> Слышал, что у М. будет вечер, и для этого просили туда; на вечеру были многие, которых я знаю. Слышал, что будет оригинальный вечер под видом свадьбы. Когда я пришел с Х., мы застали следующее: из комнаты в коридоре в большую комнату вышли «молодые» — «невестой» был одет С., «женихом» был Ш.; сзади шли многие, одетые в женские платья,

фамилии их не знаю; где благословляли их хлебом – не видел, но поздравляли их в большой комнате. Некоторые из поздравлявших целовались. После этого были танцы, многие целовались.

Костюмы были не только свадебные, танцы же не отличались шумностью и оргаистичностью. Другой гость сообщил:

В квартиру мы пришли около 11 час<ов> вечера; вечеринка была уже в разгаре. Придя туда, застали там какой-то маскарад – была невеста, несколько испанских костюмов и две особы в белых париках. Одну из них я пригласил на вальс, а затем – миньон.

Тем не менее эта вечеринка была не просто маскарадом, но недвусмысленно организована, чтобы свести вместе мужчин, жаждущих секса с мужчинами же[109]. Один матрос пояснил, что «во время вечеринок устраивалась летучая почта, и я получал письма следующего содержания: “Вы мне нравитесь” или “Желаю с вами познакомиться”». Другой военмор, Андрей К., служивший на миноносце, ясно понимая сексуально окрашенную природу этих компаний, откровенно признавался:

На вечеринках этих я не впервые, многих знаю, знаю лиц, одетых в женские туалеты. Сам педерастией не занимаюсь, но что многие из посетителей вечеров занимались педерастией – знал, так как видел это из их взглядов, разговоров и улыбок.

Однополый характер этой вечеринки не ограничился одними лишь летучими посланиями, улыбками и взглядами.

Агент управления розмилиции Ч. заявляет, что, «находясь около арестованных <...> в помещении учкадра, заметил, что двое из числа арестованных поглаживали друг друга по спине и рукам и целовались <...> это был военмор с транспорта “Камы” и гр<ажданин> А.П.П.».

На вопрос В.М. Бехтерева задержанный П. ответил, что «действительно военмор Ч. целовал меня в щеку, причины не знаю, думаю, что я ему понравился»[110].

Если одни арестованные в беседе с В.М. Бехтеревым утверждали, что были приглашены «случайно», то другие не скрывали, что о «вечеринке педерастов» знали. «Третьи же удостоверяли, что случайных посетителей быть не могло». А кто-то поведал, что многих из гостей встречал на предыдущих сборищах. Красноармеец Б. и его «партнер», регулярно посещавшие эти междусобойчики, заявили, что «все бывшие на вечеринке в той или иной форме знакомы <...>, и думаю, что случайных между ними не было»[111]. В дневнике М.А. Кузмина содержатся лаконичные, но наводящие на размышления записи о том, что одна такая вечеринка и ее несчастливый конец произвели большое впечатле-

ние на его гомосексуальных друзей. Партнер М.А. Кузмина Юрий Иванович Юркун (Юркунас Иосиф Иванович; 1895–1938) вернулся домой поздним вечером того же дня и «рассказывал о маскарадных впечатлениях». На следующий день в его квартире «всё еще полно рассказами о маскараде»[112]. Эти вечеринки с переодеванием, флиртом и танцами, пародиями на «обычную» свадьбу и обоготворением военных – живое выражение богатой гомосексуальной субкультуры Петербурга, унаследованной от царского времени.

Несколько упоминаний о вечеринках, маскарадах и подобного рода увеселениях встречается в источниках конца 1920-х годов, полных в основном несимпатичными судебно-психиатрическими текстами. Пациент доктора В.А. Белоусова, мужчина-проститут Т.П., не упоминал о крупных вечеринках в послереволюционное время, хотя, по его словам, за период с 1925 по 1927 год он встречал и распознал в Москве тысячи гомосексуалов[113]. Кроме того, Т.П. рассказал, что он путешествовал по городам Советского Союза с «рекомендательными письмами» к «своим людям», и они «принимали его как друга и оставляли ночевать» (обычно ожидая взамен сексуальных услуг). В каждом городе после первого контакта он обзаводился широким кругом знакомств, и всегда находился какой-нибудь «старик пятидесяти лет», готовый приютить хоть бы и на месяц[114]. Ленинградский гомосексуал Сергей Е. рассказал доктору, как около 1923 года

случайно встретил в Петрограде человека таких же наклонностей. Он ввел меня в круг «таких» людей. С этого момента началась новая эпоха моей жизни. Я перестал чувствовать себя одиноким и стал жить надеждой встретить друга, которого я мог бы любить так, как мечтал. Но, ища этого друга, мечтая о нем, я всё же отдался тем эротическим радостям и соблазнам, к которым звал меня мой темперамент. Я много испытал острых моментов, но они не удовлетворили моих душевных запросов. Но летом прошлого (1924-го) года желания мои сбылись. Я встретил человека, который отвечал абсолютно всем моим запросам. Мы полюбили друг друга и стали жить вместе[115].

В одном судебном деле 1935 года о мужеложстве упоминалась квартира, в которой «гражданин по имени Петр и по кличке Баронесса [открыл] целый притон гомосексуалистов, где много пили и веселились»[116]. Частные, организованные гомосексуалами и для них, как представляется, веселые, пусть с «осторожной общительностью», вечеринки фигурируют в судебных делах вплоть до 1941 года[117]. Эти мужчины имели, по-видимому, какой-то надежный доступ к таким квартирам и, если ситуация благоприятствовала и могла быть контролируема, готовы были пользоваться ими.

В период нэпа аренда кабаре или залов, предназначенных для культурных мероприятий, становилась всё более трудной для адептов гомосексуальной субкультуры, но не невозможной. В начале 1920-х годов

> в Москве образовался небольшой очень интимный кружок главным образом из молодых поэтов, под знаком «Антиной»; его цель — в выявлении в печати, в театре и в иных видах искусства мужской красоты. У нас за прошлый, 1923 г<од> было два исполнительных вечера, музыка «наших» композиторов, чтение «наших» стихов, пение «наших» романсов, а также «наш» мужской балет; на втором вечере была дана инсценировка Вашего «Антиноя» из «Александрийских песен» <...>. Одной из очередных задач сего кружка является издание сборника со стихотворениями, посвященными воспеванию мужской красоты и любви всех поэтов начиная с античных и кончая современными, в числе коих должно быть и одно Ваше, помимо того, конечно, что будет выбрано из различных Ваших уже напечатанных сборников, Вами так любезно присланных через [Владимира Владимировича] Королевича [?—1969]. Материала так много набирается, что я боюсь, что это будет уже даже не сборник, а целый фолиант! (Из письма Владимира Владимировича Руслова (?—1929) М.А. Кузмину от 1 марта 1924 г.)[118]

Сборник так и не был издан, а о деятельности кружка мы знаем только из переписки, которая велась в связи с чтениями М.А. Кузминым своих стихов перед членами «Антиноя» в мае 1924 года в кафе «Синяя птица», в двух шагах от Тверского бульвара. Кружок, очевидно, распался, поскольку снимать помещение для собраний стало сложнее, да и публикация плодов деятельности антиноевцев не представлялась возможной[119].

Последнее публичное выступление М.А. Кузмина в Ленинграде в 1928 году свидетельствовало о преградах, которые Советская власть воздвигала перед теми, кто содействовал гомосексуальной субкультуре. Организаторы (из Института истории искусств) включили выступление поэта в список литературных вечеров, но для его приглашения им пришлось получать специальное разрешение директора. Они понимали, что «нежелательные личности» (гомосексуалы) будут рваться услышать автора «Крыльев». Никаких объявлений о вечере не развешивалось, и вход был только по приглашениям. Несмотря на меры предосторожности, в назначенный час зал был переполнен. Люди стояли в проходах и сидели на полу. Многие были «как раз теми, кого больше всего боялся директор», — гомосексуалами.

> Чаще всего среднего или пожилого возраста, они начали протискиваться к сцене; в руках у многих были букетики цветов. Когда Кузмин кончил читать, они ринулись к сцене и стали бросать туда эти букетики. По выражению [В.Н.] Орлова, это была «последняя демонстрация петер-

бургских педерастов». Для Кузмина выступление оказалось настоящим и приятным триумфом, но для организаторов вечера всё едва не окончилось очень печально: с большим трудом удалось убедить директора, что они были не в состоянии справиться с толпой[120].

Гомосексуальная субкультура царского Петербурга жила своей жизнью. Она обладала собственной системой информирования и культурной памятью. Для этих «среднего или пожилого возраста» людей, вспоминавших о своей юности как о времени беззаботных увеселений и половых «приключений» (преобладающие темы в дневнике М.А. Кузмина), выступление поэта, «одетого по дореволюционной моде <...> и читающего с помощью старомодных очков, время от времени используемых как монокль»[121], было драгоценной весточкой из того времени и, возможно, упреком миру, в котором они жили ныне.

Заключение

На исходе царской эпохи из традиционной взаимной маскулинной сексуальности выросла русская городская мужская гомосексуальная субкультура. Гомосексуальный мужской мир не был чем-то чужеродным обществу, а являлся его жизнестойкой и плодотворной частью. Только гетеросексистский и националистический шовинизм может утверждать, что гомосексуальная субкультура была завезена в царскую Россию или СССР из-за границы или явилась порождением коммунистического произвола[122].

Интимные отношения внутри традиционной мужской социальной иерархии, например, отношения между хозяевами и прислугой, сохранившиеся еще в последние годы царской России, принадлежат к старейшей маскулинной сексуальной культуре российского общества. Здесь было мало специфических групп, осознававших себя «своими людьми» с их женоподобным обликом или представителями строго определенной сексуальной ориентации. Индивиды, наделенные властью, совершали однополые эротические действия ради удовольствия, а их подчиненные часто искали покровительства и материальных благ. Однако многие вполне терпимо относились к «барским шалостям» и не всегда ждали вознаграждения. Это была сексуальная культура, порожденная снисходительным отношением как народа, так и элиты к маскулинному сексуальному высвобождению и, возможно, сознанием того, что «нормальные» способы удовлетворения мужской «похотливости» (в первую очередь речь идет о женской проституции) были дорогостоящими или чреватыми ве-

нерическими болезнями[123]. Но степень этой терпимости (сравнительно с западными взглядами на эрос между мужчинами) не стоит преувеличивать. Дневники и иные источники свидетельствуют, что русские мужчины, принадлежавшие к различным классам, часто считали эти действия «греховными», даже если сами совершали их[124].

Современная гомосексуальная субкультура, базирующаяся на традиционной сексуальной модели, оформилась на фоне быстрой урбанизации и ускоренного внедрения рыночных отношений, обезличивших отношения между работодателем и наемным работником. Значительная часть членов этой субкультуры распознавали друг друга по характерным словечкам и жестам, минуя классовые, возрастные и образовательные барьеры. Собственно обитатели гомосексуального мира смело использовали женоподобные манеры, жесты и одежду, другие, вероятно, осваивали менее заметные символы, вроде ярко-красных галстуков или красных платков, торчащих из нагрудного кармана, ставшие в 1908 году «своего рода гомосексуальной униформой». Можно говорить о зарождении в то время чувства самоиндентификации, поскольку некоторые мужчины, имевшие эротические отношения с представителями своего пола, стали относить себя и своих друзей к «теткам» или «своим людям». Другие же (подобно «женоненавистникам» или некоторым «педерастам за деньги») противились такой маргинализации личностей и взамен этого публично демонстрировали нормативную маскулинность, скрывая и трансгрессивные намерения. Коммерциализация захлестнула этот специализированный рынок. В последние годы царской эпохи «банные шалости» крестьянской артели превратились в эффективно организованную, но печально известную мужскую проституцию в банях, теперь более скрытную и похожую на лицензионную женскую секс-торговлю. «Балы женоненавистников» и руководимые «тетками» балы могли, очевидно, рассчитывать исключительно на доходы от «своих людей».

После 1917 года революционное законодательство сочло, что гомосексуальность заслуживает терпимого к себе отношения. Но само существование гомосексуального мира не соответствовало коммунистической цели перестройки быта. Постепенно теряя излюбленные общественные места (номера отелей и бань, кабинеты ресторанов, залы для поэтических чтений, кабаре для веселого времяпрепровождения), некоторые гомосексуалы удалились в сугубо приватные сферы. Но опрометчивым было бы утверждение, что «в туалеты людей загнала» исключительно политика Советской власти. Некоторые периферийные общест-

венные места были словно специально обустроенными сексуализированными территориями, представлявшими собой как бы географические точки живой городской гомосексуальной субкультуры. После 1917 года гомосексуалы и их половые партнеры-мужчины продолжали знакомиться в общественных туалетах, на бульварах и в парках. Они узнавали друг друга по специфическим жестам и ритуальным приветствиям. Даже М.А. Кузмин, основоположник гомосексуальной традиции в русской литературе, имевший собственную комнату, одним осенним вечером 1924 года решил выследить на улицах Ленинграда «приятного» молодого «профессионала», и это «приключение» напомнило ему о дореволюционных шалостях. Секс в общественных местах служил к тому же средством самоутверждения.

Глава 2

«НАШ КРУГ»

Секс между женщинами в России эпохи модернизации

> Что касается меня, то моя любовь к существу своего пола так же велика, чиста и священна, как любовь нормальная к другому полу: я способен на самопожертвование, я готов был бы умереть за любимого человека, который бы понял меня. Как тяжело, что нас считают развратниками и больными[1].
>
> *Евгения Федоровна М. История моей болезни (краткая исповедь человека среднего пола, мужского психогермафродита)*

В отличие от собратьев-мужчин русские женщины, вступавшие в эротические отношения с лицами собственного пола, имели меньший доступ в публичную сферу. В силу этого им не удалось создать полномасштабную субкультуру с атрибутами мужского гомосексуального мира. Сказанное не означает, что в революционной России не существовало женской гомосексуальной субкультуры. Исторических свидетельств о природе и размерах семиотики субкультуры сохранилось немного. Отрывочные данные заставляют предполагать, что в среде некоторых горожанок одежда, жесты и манеры поведения служили сигналами для других женщин, мол, однополые эротические предложения будут приняты. Ни до революции, ни в 1920-х годах, когда наблю-

дался всплеск интереса к женской гомосексуальности, психиатры не пытались выявить то социально-общее, что сближало их «пациенток», а вместо того лечили этих «неудачниц» разговорами, как самоизолироваться от связей с подобными же женщинами. Все эти десятилетия взаимные сексуальные отношения женщин почти не подвергались преследованиям, а потому в милицейских протоколах и судебных отчетах отсутствуют данные об обычаях и географии этой субкультуры, по крайней мере, столь же полные, как те, что касаются гомосексуальных мужчин. Конечно же, это не означает, что женщины не организовывали групп или сообществ, способствовавших расширению круга знакомств и удовлетворению однополого влечения. Случайный характер и лаконичность свидетельств о взаимных отношениях женщин заставляют историков удаляться в фантазирования на тему: какую эволюцию претерпевали такие потаенные миры.

Несмотря на фрагментарность источников, представляется возможным выявить по меньшей мере некоторые социальные условия, способствовавшие существованию женской гомосексуальности в конце царской и начале советской эпох. Психиатрические, криминологические и биографические тексты будут направлять наши изыскания. Медицинские источники, предоставляющие несколько ранних биографических отчетов о мужских и женских однополых влечениях, только с 1880-х годов стали детально описывать «женщин, любящих женщин». Эротических отношений между женщинами в более ранние времена нельзя исключать, но специфику этой близости бывает довольно трудно выявить из немедицинских документов[2].

Представляется, что сфера возможностей для выражения однополого влечения между женщинами определялась их классовой принадлежностью. В источниках конца царской и начала советской эпох женщины низших классов, имевших взаимные отношения, описывались обычно в той литературе, где они были представлены проститутками или отбывающими тюремное наказание[3]. В эпилоге [данной монографии] исследования криминологов о ГУЛАГе будут использованы в качестве одного из источников сведений об однополой любви между русскими женщинами. Данная же глава посвящена рассмотрению однополых отношений в легальных борделях, где в условиях относительной независимости сложилась своеобразная культура самосохранения. Медицинская литература свидетельствует также и о том, что более состоятельные женщины могли найти способы выразить свое однополое влечение как внутри, так и вне традиционной семьи. Экономическая независимость, обретенная благодаря

образованию или предпринимательской деятельности, давала этим женщинам возможность достичь высокой степени самостоятельности, в том числе и в сфере однополой любви. Широко распространенный в русском обществе феномен «мужеподобной женщины» («passing woman») приведет в дальнейшем к становлению культуры любви между женщинами и часто сопутствующему ей гендерному диссидентству.

Только женщины
Культура борделей и проституции

До 1905 года русская медицина редко соотносила лесбиянство (lesbianism) с женской проституцией в противоположность западной судебной медицине и криминальной антропологии, где эта связь была известна как моралистический троп в медико-юридической литературе. В России после революции 1905 года ученые стали менять свои взгляды на проститутку как невинную (чаще крестьянку) жертву городской мужской развращенности и постепенно усваивать буржуазный дискурс о маргинализированной и маскулинизированной сексуально девиантной женщине[4]. Фрагментарные свидетельства из медицинских историй болезней и отчетов уголовных судов до и после перелома 1905 года внушают мысль, что идеологические трансформации категории «проститутка как лесбиянка» («prostitute-as-lesbian») опираются на действительный опыт некоторых женщин, эксплуатировавших гомосоциальное пространство в условиях, когда легальные бордели старого режима благоволили однополым отношениям[5].

Состоятельные женщины могли даже составлять клиентуру проституток. Так, с конца 1870-х годов преуспевающая девица 26 лет (хозяйка промысла легкого извоза) Юлия Островлева (в приведенном ниже фрагменте, принадлежащем ее психиатру, — «г-жа N») после знакомства на улицах Санкт-Петербурга с проституткой стала практиковать «противуестественныя половыя отправления» с другими женщинами. Ю. Островлева утверждала, что в укромных уголках публичных борделей процветал мир «женщин, любящих женщин». Психиатр Владимир Федорович Чиж (1855–1914), изучавший этот случай, писал:

> Среди ея многих знакомых с извращенным половым чувством она жила самою разнообразною жизнию любви и половаго чувства: тут была и платоническая любовь, и ухаживание, и ревность, пресыщение, измены, связь с двумя женщинами одновременно, радости победы и огорчения неудачи, — одним словом, вся жизнь г-жи N была поглощена этой извращенной любовью. Она любила переодеваться в мужское платье, катала на трой-

ке за кучера объектов своей любви, переодевшись в мужской костюм, ездила по публичным домам, тратила много денег на женщин. По ея уверениям, женщин с извращением половаго чувства далеко не так мало, как мы обыкновенно думаем, и при том оне занимают самое разнообразное общественное положение[6]

Данная история – первое в России психиатрическое исследование об «извращении полового чувства» у одного из полов – таким образом ясно указывает, что уже в Петербурге начала 1880-х годов возникла культура женщин, осознававших свое сексуальное единение вопреки классовым барьерам. Бордель был одним из учреждений, где эти женщины могли тайно встречаться.

Через десять лет после опубликования истории Ю. Островлевой, или «г-жи N», всеобщее внимание в столице привлекло другое уголовное дело. [Николай Красавин,] владелец табачного магазина в Санкт-Петербурге, женатый на проститутке Пелагее Красавиной, был обвинен в ее убийстве. В январе 1893 года он застал супругу в постели с проституткой, одной из ее бывших подруг, и зарезал супругу на месте. История отношений П. Красавиной с ее любовницей была предана огласке в ходе судебного разбирательства, а позднее, в 1895 году, пересказана гинекологом Ипполитом Михайловичем Тарновским (1833–1899)[7]. Жизнь П. Красавиной в качестве «трибады-проститутки», как и жизнь Ю. Островлевой и женщин ее круга, началась в стенах легального борделя. Товарки П. Красавиной и даже хозяин публичных домов, где она работала, относились к ее увлечению женщинами терпимо. Анна Иванова, 24-летняя секс-работница, свидетельствовала в суде, что П. Красавина и ее любовница «Лизунова сделались нераздельными и совокуплялись друг с другом – одним словом, стали тем, что у нас в домах терпимости называется *кошками*»[8]. Очевидно, женские однополые отношения в борделях столицы были обычным явлением и у проституток получили особое название. Любовная переписка женщин была оглашена в суде в качестве улик. Подруга П. Красавиной писала ей: «Ты, моя Поля, моя милая и дорогая и родная, я тебя люблю». Так же возвышенно выражали свои чувства проститутки в венерических лечебницах; «трогательно-ласковые пары» публичных женщин демонстрировали подлинную страсть друг к другу[9].

Публичные дома царского времени, подобно аналогичным заведениям Франции на рубеже XIX–XX веков, создавали условия для «ménages de tribades»*. Во Франции содержатели борде-

---

* [Сожительство трибад (*фр*)]

лей даже поощряли однополые отношения между своими секс-работницами, считая это, с одной стороны, стабилизирующим фактором, а с другой – хорошим коммерческим аттракционом[10]. Остается неясным, до какой степени владельцы русских борделей придерживались такой политики. Хозяин борделей на Васильевском острове и в Чубаровом переулке, в которых работала П. Красавина, очевидно, мирился с ее попытками завязать интимные отношения с проститутками, пока она продолжала приносить доход. В конце концов он уволил ее за отказ обслуживать клиентов[11]. О лесбиянстве в русских борделях одним из первых написал петербургский врач Борис Ильич Бентовин (1865–1929):

Среди проституток очень распространено *обожание* подруг. Это в своей основе то же самое явление, которое замечается в женских гимназиях и институтах. <.. > Но чаще на фоне развращающей обстановки это вначале идеальное чувство принимает затем характер «лесбиянства». Такие две обожающие друг друга подруги <...> не чувствуют нужды в мужском избраннике сердца. В домах терпимости подобная застрахованность от искреннего увлечения мужчиной весьма приятна хозяйкам заведений, и поэтому они относятся к *обожанию* вообще благосклонно[12]. <...>
Так, обыкновенно очень юные, только начинающие свою деятельность проститутки влюбляются в более солидных и опытных подруг, поселяясь вместе <...>. Старшая посвящает младшую во все особенности и уловки промысла, а в критические минуты оказывает ей серьезную, энергичную поддержку. Младшая, пленяя своей свежестью, является притягательным магнитом и привлекает более состоятельных гостей <...>. Первая сама по себе едва ли могла бы рассчитывать на успех, а тут благодаря присутствию юной подруги тоже, глядишь, привлекает менее требовательного поклонника. Так и живут обожающая с обожаемой, как бы дополняя друг друга и принося друг другу известные выгоды...[13]

Во втором издании (1909) очерка о проституции Б.И. Бентовин ничего не говорит о лесбийских «живых картинах», популярных аттракционах, устраивавшихся в то время для клиентов публичных домов Парижа, но он пишет, что женщины, связанные друг с другом покровительственными отношениями, сидели пáрами в гостиных петербургских борделей. Таким образом, в этом специфическом месте продажа сексуальных услуг была погружена в иллюзорную атмосферу домашнего уюта.

Описанные Б.И. Бентовиным покровительственные однополые отношения в борделе как бы нейтрализовывали горькую правду реальной действительности, с чем сталкивалось большинство легальных проституток. Условия жизни в российских борделях обычно были убогими и калечили проституток и нравственно, и физически. Медицинский надзор, грубый и бес-

церемонный, навязывался женщинам, запугиваемым болезнями и нищетой. Хотя бордели относились к социальной сфере, где, без всякого сомнения, тайно существовали однополые отношения, суровая жизнь в публичных домах предоставляла секс-работницам лишь ограниченные возможности для самовыражения[14].

Упразднение Советской властью медико-юридического регулирования деятельности борделей и последовавший подъем тайной секс-торговли превратили проституцию в неподконтрольную сферу в отношении женщин, вернувшихся к этой профессии. Жилищный кризис и исчезновение возможностей использовать закрытые помещения вытеснили неодобряемый гетеросексуальный секс на улицы, в железнодорожные вокзалы и вагоны, в рестораны, бани и салоны такси. Революционный режим провозгласил женщин, продающих свои тела, жертвами экономической эксплуатации. Поскольку их деятельность не считалась криминализированной (т. е. не запрещалась, а потому не подлежала уголовному преследованию), то и дело проводились кампании, целью которых было убедить падших женщин отказаться от своей секс-деятельности. Упразднение лицензирования публичных домов поставило проституцию и секс-работниц в весьма нестабильные и опасные для жизни условия[15]. Русские историки утверждают, что в 1920-е годы многие горожанки и женщины, некогда принадлежавшие к привилегированным классам, были вынуждены время от времени заниматься гетеросексуальной проституцией, поскольку к этому их вынуждали тяготы городской безработицы[16]. Можно спорить, до какой степени это соответствует действительности, но, вне всякого сомнения, упразднение регулирования проституции и стремление «спасти» проституток сказались самым решительным образом на возможностях однополых отношений в рамках секс-торговли[17].

Эту ситуацию ярко иллюстрирует дело об убийстве в 1926 году «гомосексуалисткой» Ш. своей партнерши – проститутки Л. Материалы истории болезни также наводят на мысль, что, подобно западным коллегам, советские врачи усматривали связь между проституцией и женской гомосексуальностью[18]. Ш. до встречи с убитой дважды была замужем: первый раз – до мировой войны, очевидно, по любви, а второй – во время Гражданской войны, – «не любя, по расчету». В 1919 году Ш. овдовела и в поисках средств к существованию уехала в Москву. Сначала Ш. и Л. жили в одной квартире, а затем – в одной комнате. Познакомились они в столовой, куда устроились на время. Подрабаты-

вая еще и в качестве прислуги, Л. приводила домой мужчин для платного секса. Ш. чинила одежду, стирала и готовила для Л. Московским судебным психиатрам, Евгению Константиновичу Краснушкину (1885–1951) и Н.Г. Холзаковой, Ш. сообщила, что Л. сексуально домогалась ее и что она, Ш., в конце концов была вынуждена зарубить Л. топором. Врачи с сомнением отнеслись к уклончивым и неопределенным утверждениям Ш. о краткости и эпизодичности ее половых отношений с Л. Было выдвинуто предположение, что «бисексуал» Ш. не только имела регулярные интимные отношения с Л., но периодически занималась и проституцией[19].

Психиатрам не удалось выяснить, какова подлинная роль коммерческого гетеросексуального секса в партнерстве Л. и Ш. В отличие от Б.И. Бентовина, врачи не решились заявить о прямой связи между «лесбийскими» отношениями и вовлеченностью в проституцию через покровительство, предпочитая вместо этого видеть в «маскулинизированном» теле Ш. биологическое объяснение девиации. Другие исследователи рынка гетеросексуальной проституции первых лет Советской России отмечали экономическое партнерство молодых женщин (продающих секс) и пожилых (сдающих им комнату), но даже не обсуждали вопроса о том, что за подобным симбиозом могут скрываться однополые отношения[20]. В случае с Л. и Ш. однополые отношения фактически связали их в одну семью, ведущую совместное хозяйство. Какими бы ни были бытовые и экономические отношения между ними (психиатры мало что могут сказать об этом аспекте), врачи объясняли участие женщин в секс-торговле и их «женскую гомосексуальность» маскулинизацией и дегенерацией.

Тремя годами позднее психиатр Е.К. Краснушкин опубликовал серию лекций о «преступниках психопатах», где в числе прочего рассмотрел случай тридцатипятилетней «поэтессы» с «целым букетом всяких сексуальных извращений» и «очень авантюристическим прошлым», в чьих стихах «воспевается лесбосская любовь», а экскурсы в гетеросексуальную проституцию привели к столкновению с милицией и психиатрией[21]. Красочное описание Е.К. Краснушкиным его пациентки выдержано в рамках стереотипа о «проститутках как лесбиянках»:

«Поэтесса» была арестована за содержание притона разврата. Она — гомосексуалистка, она — эксхибиционистка (*sic*!), она — садистка и мазохистка, она страдает вуаерством и т. д. На почве всех этих извращений и создается ее дело. Она обвиняется в содержании притона <...> завлекает с биржи какую-то артистку, завязывая с ней гомосексуальную связь и

наконец совершает гомосексуальный акт в присутствии двух мужчин, угощающих их (двух женщин) вином и закусками и платящих за это сексуальное зрелище 10 р<уб>.[22].

Е.К. Краснушкин не описывает в деталях природу связи его пациентки с безработной артисткой. В свою лекцию он включил одно из стихотворений «поэтессы», называя ее «очень социально деградировавшей» из-за приверженности автора «исключительно интенсивному алкоголизму и кокаинизму». Однако о поэтических опытах своей подопечной, «посвященных лесбосу», психиатр высказывается в сравнительно благоприятном тоне, полагая, что «несомненное дарование» артистки заставит снисходительнее отнестись к ее «авантюрной истории».

Любви священной я не знала,
Не знала я девичьих грез...
Потомства в браке не искала
И не плела венки из роз...

Меня всё вдаль манили встречи,
Манил порочно яркий грех,
Подруг влюбленных страстность, грезы
И их гнетуще-скрытый смех...

Я в их кругу была вакханкой...
Пила их ласки — лаской тел...
Не раз пленилась я смуглянкой,
Не раз с блондинкой грех был смел.

Я их любила дни и ночи...
В сплетеньях тела на пути...
Любила неги полной очи,
Любила сон на их груди...

Но всё прошло... Всё безвозвратно,
Я поняла, что всё обман...
Что не вернуть свой путь обратно,
Что жизнь моя — сплошной дурман![23]

Е.К. Краснушкин, видная фигура советской психиатрии, очевидно, ощущал педагогическую ценность «сексуального зрелища», представляемого этой «пациенткой-поэтессой» и ее стихами. Это был незабываемый пример «одаренного психопата», интересный случай клинической практики, о котором можно было рассказывать студентам, изучавшим психиатрию в Московском государственном университете. Страсть этой женщины, пронизывающая ее стихи, и обстоятельства ее истории,

по-видимому, свидетельствовали о живучести однополых отношений и покровительстве им в среде проституток.

Семейственность, лесбийский салон и маскулинизация

Женский однополый эрос между проститутками иногда был отмечен оттенком грубоватой культуры низших классов. Представительницы более привилегированных слоев отличались сдержанностью в выражении влечений. В психиатрической литературе эпохи царизма можно найти ряд биографий женщин из дворянства и буржуазии (см., например, переданную доктором В.Ф. Чижом биографию Юлии Островлевой). Сильная воля, образование и финансовые возможности позволяли им раскрываться в однополом самовыражении[24]. Летописи их жизней, которые можно составить на основании этих медицинских источников, весьма схожи с тем, что мы знаем о жизни литературных «лесбиянок» в салонах конца царской эпохи[25]. На заре советской эры женщины, обладавшие культурным капиталом, порой инвестировали этот ресурс в обустройство домашнего (приватного) пространства, скрывавшего от посторонних глаз однополое влечение. Для культуры литературного салона были необходимы политическая и экономическая стабильность. С конца же 1920-х годов ситуация стала ухудшаться, а с началом социальной трансформации первой пятилетки стабильность и вовсе сошла на нет. Исторические корни «лесбийской субкультуры» в России, и без того неуловимые и хрупкие в первые три десятилетия XX века, были оборваны этими переменами, о чем мы поговорим во второй части этой книги.

Одним из способов домашнего сокрытия однополых отношений была гетеросексуальная семья. В целом традиционная русская семья не испытывала враждебности к гендерному нонконформизму и однополым отношениям внутри нее. Семьи стремились, часто весьма гибко, сдерживать, контролировать или приспосабливаться к этому феномену. Истории психиатрических болезней царского и раннего советского периодов свидетельствуют, что родители спокойно воспринимали интерес девочек к одежде и играм мальчиков. В детском возрасте к мальчишеству и неумению девочек вести хозяйство относились терпимо, но от тех же девочек ожидали адаптации к 16 годам или согласия на брак[26]. К аккомодации сексуально-гендерного диссидентства некоторые семьи шли необычайно долго. Ю. Островле-

ва говорила, что «мать уже с 12 лет не имела [на нее] никакого влияния»; одновременно вдовствующая мать семейства (как и вся семья) восхищалась «трудолюбием» дочери и «ее энергией» выбора экстраординарной профессии – иметь «промысел легкого извоза». Островлева-младшая, ежегодно зарабатывавшая «три или четыре тысячи» рублей, распоряжалась ими по своему усмотрению. Мать и дочь были экономически независимы друг от друга. Анализируя социальное становление молодой женщины, психиатр В.Ф. Чиж пришел к выводу, что «при большей дисциплине в воспитании и жизни дело не пошло бы так далеко»[27]. Возможно, он намекал, что отсутствие в семье твердой отцовской руки привело к появлению у Островлевой «многих странностей».

Семьи обычно приспосабливаются к личностным особенностям своих гендерных диссидентов, и, вопреки вере В.Ф. Чижа в отеческую твердость, отцы тоже могут быть снисходительны, когда это касается отказов дочерей от социализации в фемининные роли[28]. В первой декаде XX века Евгения Федоровна М., «мужеподобная женщина» во взрослой жизни, была исключена из школы за отказ носить юбку. Отец смирился с ее бунтом и перевел дочь на домашнее обучение. Позднее она экстерном сдала экзамены по курсу гимназии[29].

В 1919 году учительница Ольга Ивановна Щ. проживала с братом Борисом и младшей сестрой в селе Озеры, близ Москвы. В том же году Ольга предложила ставшей сиротой шестнадцатилетней Валентине П., с которой она имела сексуальные отношения более года[30], жить у нее. Спали они в одной постели, и их любовная связь длилась с перерывами до июня 1924 года. Всё это время родня Ольги мирилась с ее лесбийскими отношениями под семейной крышей, иронизируя «Ольга, твой муж идет» и отмечая, что «супруги» целуются, «но не так, как <...> женщины, а по-другому». Однако девушка становилась всё более бессовестной и жестоко бесцеремонной.

> [В июне 1923 года Ольга уехала в Саратов и устроилась учительницей в школе при фабрике, <...> однако П. приехала в Саратов к Ольге и здесь провела всё лето. В сентябре того же 1923 года сестра по вызову [брата Бориса] приехала в Озеры и сюда же вслед за Ольгой приехала П. <...> Борис запретил ей бывать в квартире. Она пожаловалась в [комсомольскую] ячейку, что знакомые прогнали ее.]

Это вынудило Бориса положить предел недолгому семейному эксперименту. Кроме того, он убеждал Ольгу рассмотреть предложение о замужестве от одного местного мужчины[31]. Выступая в роли отсутствующего отца, Борис продемонстриро-

вал маскулинный авторитет в своей семье и попытался навязать сестре гетеросексуальные нормы поведения.

Несколько позднее уже другая семья приютила сексуально-гендерного диссидента, на этот раз — из чисто материальных соображений, поскольку «женщина-гомосексуалистка» была хорошей рыночной торговкой. После ареста в 1925 году и прохождения с целью «излечения» курса гипнотерапии власти поручили ее другим, более обеспеченным родственникам. Милиция, очевидно, не доверяла ее ближайшим родственникам, полагая, что они не смогут воспрепятствовать Ольге вновь переодеться нэпманом и вернуться на рынок, ведь домочадцы привыкли жить за ее счет[32]. Подобная опора на гетеросексуальную семью как на место реабилитации социального «неприспособленца» была нехарактерна для советской психиатрической литературы о гомосексуале. Более общим местом в этом дискурсе было выявление степени адаптированности семей. Семьи не просто изгоняли так называемых «гомосексуалисток», но часто осуществляли попытки аккомодации или адаптации своего сексуально-гендерного диссидента.

Вдали от биологической семьи русские женщины, испытывавшие однополое влечение и не стесненные в средствах, основывали так называемые «собственные семьи», а в крупных городах даже — кружки единомышленниц. Эти кружки и положили среди женщин интеллигенции начало лесбийской субкультуре. Как установила Диана Льюис Бургин, слова «лесбиянка» и «лесбийский» были малоупотребимы и использовались лишь изредка в отношении тех особ, суть личности которых определялась специфической сексуальностью. Тем не менее история петербуржки Ю. Островлевой (кон. 1870-х — нач. 1880-х годов) показывает, что некоторые преуспевавшие «женщины, любящие женщин», перешагнули классовые границы в выражении своего влечения, открыв у проституток такие же сексуальные пристрастия. Другой психиатрический случай (Петербург, 1898 г.) выглядит не столь впечатляющим, но не менее интригующим. Пациентка «Z., девица 20 л<ет> из сильно вырождающейся семьи» провинциальных дворян; первая эротическая связь в возрасте 18 лет случилась с другой женщиной, которая, по-видимому, была на содержании какого-то господина как любовница. Своему врачу Z. рассказала о «нашем круге» — группе женщин, связанных взаимными сексуальными отношениями:

Больная уверяет, что такия женщины, как она, т. е. любящие женщин, встречаются вовсе не редко: оне составляют из себя как бы особый мир. Такия женщины узнают одна другую по манерам, выражению глаз, ми-

мике и пр. Она сама научилась отличать таких женщин почти с перваго же раза. «Мы, — говорит больная, — нисколько не ревнуем, когда предмет нашей любви принадлежит мужчине: мы знаем, что эта женщина (если только, разумеется, она принадлежит к нашему кругу) не может любить своего мужа и выполняет свою роль [в семье] только страдательно. Но другое дело, если любимая женщина отдалась или неравнодушна к другой женщине: тогда у нас поднимается сильная ревность и мы готовы устроить целый скандал или ссору»[33].

В нашем случае семья Z. заставила ее обратиться к психиатру за советом относительно ее полового отличия. Обедневшие родители молодой женщины рассчитывали, что она примет одно из многочисленных брачных предложений, но Z. предпочитала оставаться в «кругу подруг». В других историях болезни современниц Z. не содержится упоминаний о том, что русские женщины из высшего света, связанные однополыми отношениями, создавали свой особый замкнутый мир[34]. Медицинский дискурс был не одинок в отрицании контекстуализации любви между женщинами. В литературных салонах России конца имперской эпохи дискурс о лесбиянстве с его французскими «лексикой и стереотипами» оставался экзотическим спектаклем для мужского пристального взгляда. «Лесбиянки» считались острой специей декадентства, возникшей в замкнутом искусственном мирке и лишенной социальных корней. Эта конструкция была поддержана как теми, кто изучал данную эстетику, так и теми, кто ее осуждал. По мнению Дианы Бургин, в сочинениях и публичных выступлениях «лесбийские» авторы сознательно умалчивали о своей сексуальности. Григорий Семенович Новополин (наст.: Нейфельд, Г.С.; 1873–?), обличитель «порнографического элемента в русской литературе», отверг предположение о том, что «лесбосская любовь», давшая о себе знать на литературной сцене, была широко распространена в сравнительно «примитивном» русском обществе[35]. Возможности лесбийской любви были продемонстрированы только раз в повести Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (1865/1866–1907) «Тридцать три урода» (СПб., 1907), написанной согласно французскому эстетическому канону. Салонная культура допускала сексуальную амбивалентность в эстетическом дискурсе, и некоторые салоны превратились в места, где такие амбивалентности могли быть продемонстрированы[36].

По словам Бет Холмгрен (Beth Holmgren), условия, благоприятствовавшие буржуазной культуре салонов царского времени, где еще хоть как-то исследовалось сексуальное диссидентство, постепенно сходили на нет, и в течение двух десятилетий после

1917 года «исчезли окончательно»[37]. После революции знаковые фигуры, воплощавшие эстетизированную сексуальную амбивалентность (Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945), Марина Ивановна Цветаева (1892–1941)), оказались в эмиграции, оставшиеся же, прежде всего София Яковлевна Парнок (1885–1933), существовали в условиях нестабильности и политического гнета. Неприкрыто воспевавшая в стихах взаимные женские отношения, С.Я. Парнок вела богемную жизнь, кочуя из одного пристанища в другое и не обзаводясь постоянным жилищем. В 1920-х – начале 1930-х годов она жила на гонорары за редкие и плохо оплачивавшиеся публикации и переводы.

Переводчик и фотограф Лев Владимирович Горнунг (1902–1993) был близким другом С.Я. Парнок и одной из ее партнерш, математика Ольги Николаевны Цубербиллер. Его описание их гардероба и интеллектуального окружения приоткрывает завесу над тем, что Диана Бургин называет «полностью закрытой лесбийской субкультурой, процветавшей в театральных, артистических и университетских кругах» России[38]. О С.Я. Парнок и О.Н. Цубербиллер Л.В. Горнунг пишет:

Одевались очень скромно, почти одинаково. Всегда носили строгие, почти мужские нарядные костюмы, состоящие из жакетов и юбок, обшитых каймой, ниже колен. Обе носили кофточки с галстуком. Обувь их всегда была одного фасона – коричневые полуботинки со шнуровкой, на низком каблуке.

Биограф Софии Парнок Диана Бургин полагает, что подобная «почти мужская» одежда сигнализировала о сексуальных предпочтениях подруг и служила своего рода городским кодом, понятным «женщинам, которые любят женщин». Фотографии поэтессы и математика середины 1920-х годов наводят на мысль, что они ловко использовали этот код в своих целях – кофточки и галстуки носили только в городе, а в деревне, чтобы не привлекать «нежелательного внимания», облачались в юбки и платья[39]. Другой фрагмент из биографии С.Я. Парнок (вновь плод мужской наблюдательности) свидетельствует о зарождении [лесбийской] субкультуры, которая в какой-то степени ассоциируется с легким поддразниванием прохожих на ул. Тверская-Ямская в Москве. В дружеской пародии на одно из наиболее гомосексуальных стихотворений С.Я. Парнок (из цикла «Мудрая Венера» в изд. 1922 г. «Розы Пиерии») участник ее литературного кружка написал:

«Друга милее иным несговорчивым девам – подруга».
Не на мужские сердца точит мне стрелы Эрот.
Пела в Пиерии так (на Тверской-на Ямской на 4-й)

Сафо родная сестра, Лесбоса верная дочь.
Что же, о вкусах не спорят. Блажен, кто в столетьи 20-м
Подвиг подруги подруг мог на Ямской воплотить[40].

На публике — в городских парках, рабочих помещениях или учебных аудиториях — лесбийская субкультура проявляла себя в «почти мужском» стиле, который усвоили многие женщины, вступавшие в общественную жизнь. Медицинские и иные источники подтверждают, что по меньшей мере в городах маскулинность женщин была знаковой особенностью раннего советского общества. Перенимая у сильной половины человечества стиль одежды и поведения, женщины, по крайней мере метафорически, захватывали маскулинную социальную территорию[41]. Вопросы, касавшиеся повседневного быта, не сходили с повестки дня, еще более обостряя проблему маскулинизации женщин, особенно тех, кто занимал ответственные посты[42]. Как бы то ни было, большевички упорно культивировали *твердость* как основополагающий элемент своего политического облика; образ безжалостной, упорной, эмоционально выдержанной и холодно рациональной коммунистки подтверждался тысячами примеров[43]. Этот образ быстро превратился в стереотип. Народный комиссар здравоохранения Николай Александрович Семашко (1874—1949) с сожалением отмечал распространенность этого «маскуляризированного» типа поведения: «взлохмаченная (чаще грязная) голова; папироска в зубах (как у мужчины); нарочито-угловатые манеры (как у мужчины); нарочито-грубый голос (как у мужчины)». «“Маскуляризированная” женщина, совершенно утратившая женские черты и превратившаяся в мужчину, пока [еще] в юбке (точнее, в полуштанах)». Эту тенденцию Н.А. Семашко считал «вульгарным “уравнением полов”», но не ставил под сомнение политическую благонадежность женщин, воплощавших ее в жизнь[44]. Это был вопрос о ценностях, приемлемых для сторонников режима. Н.А. Семашко не считал, что таких женщин следует увольнять с занимаемых должностей. Женщины в военной форме самоотверженно сражались во время Гражданской войны, они по-прежнему удостаивались поощрений и наград за свой труд в армии и милиции. Всё это создавало впечатление, что маскулинизированные женщины были в какой-то мере политически сознательными и ценными гражданами[45]. На заре советской эпохи мужеподобная большевистская женщина стала объектом пристального внимания иностранцев[46]. Конечно, не все женщины, предпочитавшие воротнички и галстуки, причесывавшиеся по-мужски и шагавшие деловитой походкой, испытывали

страсть к лицам своего пола. Кроме того, этот образ нельзя считать характерным только для Советской России 1920–1930-х годов. Внешние символы маскулинности, ассоциировавшиеся (возможно, более по привычке или из-за политического наследия, а вовсе не навязанные большевиками) с эмансипацией женщин, стали знаками позитивных перемен. Маскулинный стиль свидетельствовал о революционной преданности и не предполагал другого подтекста. Некоторые «женщины, любившие женщин», использовали этот стиль в качестве кодового знака для распознания себе подобных. Они перенимали маскулинный стиль не с целью походить на мужчин, а для привлечения внимания других женщин[47].

К женщинам, желавшим освоить маскулинные социальные роли, подчас «счастливым, хорошо устроенным лесбиянкам»[48], относились терпимо, как к элементу революционного социального ландшафта (статус-кво сохранялся до сталинистской, середины 1930-х годов, инициативы реконструировать фемининность). Энергичные и предприимчивые участницы политической, экономической и военной жизни нового строя, они, так называемые «активные» (или имитирующие маскулинные черты) гомосексуалистки, удостаивались высокой оценки сексологических авторитетов[49]. Очевидно, некоторые женщины прибегали к этому стереотипу ради осуществления своих половых влечений и достижения личных целей. Женщины того времени, «любящие женщин» и использовавшие по указанной причине символы маскулинности, не привлекали особого внимания властей. Мы располагаем только отрывочными упоминаниями о таких особах вроде цитируемого Дианой Л. Бургин отрывка из дневника Л.В. Горнунга. Подобно вдове и интеллектуалке О.Н. Цубербиллер, эти преуспевающие личности маскировали свое однополое влечение респектабельностью — образованием, возможно, замужеством в прошлом, «тихим» образом жизни. Ангельски призрачная, бесплотная «лесбийская субкультура» Советской России говорила буквально «вполголоса», умолкая при малейшей угрозе получить огласку[50].

«Я хочу быть мужчиной»
Трансформации тел, одежды и общества

На исходе 1922 года Израил Григорьевич Гельман (1881–?) провел анкетирование половой жизни студентов Московского Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. Одна

двадцатитрехлетняя респондентка закончила свою «исповедь» как убежденная «гомосексуалистка»: «Хочу быть мужчиной, жду с нетерпением времени открытия науки кастрации и прививки мужских органов (желез)»[51]. Вера девушки в то, что однажды наука сможет придать ей биологические признаки маскулинности (и хирургического вмешательства будет достаточно), чтобы даровать ей «мужественность», не была чем-то исключительным. В то же время нельзя сказать, что жажда «сменить пол» была широко распространена среди так называемых «гомосексуалисток» 1920-х годов. В Советской России медицинские возможности гендерной перестройки пребывали в зачаточном состоянии, и прогресса не намечалось. На Западе ситуация обстояла примерно так же. Несмотря на это, гомосексуалы в надежде, что им помогут трансформироваться в людей противоположного пола, искали контакта с психиатрами и биологами, занимавшимися такого рода исследованиями[52]. Как уже было отмечено, лесбийская городская субкультура только зарождалась в России, маскулинизация женщин была лишь частичной (вспомним слова народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко о мужеподобных женщинах, которые «пока в юбке»). Выражения литературного лесбиянства переходили порой на мужской грамматический род или приобретали вид двусмысленной гендерной игры, хотя читатели и слушатели понимали, что внимают женскому голосу, пусть и в декадентской или экзотической тональности. В этих женских кругах предпочтение отдавалось скорее сексуальности, нежели гендеру, формирующему базис идентичности/роли. Желание изменить его хирургическим путем – с чем И.Г. Гельман столкнулся в 1922 году, – напротив, могло быть интерпретировано как признак трансгендеризма [, т. е. убежденности в «неправильности» своего биологического пола]. Эта отчетливо выраженная устремленность трансгендерной особы, уверовавшей, что наука заставит физический пол соответствовать гендерной идентичности/роли, рассматривалось респонденткой как наиважнейшая[53]. Другие женщины с диагнозом «гомосексуалистка», возможно, тоже «хотели бы быть мужчинами», но не обязательно путем хирургического вмешательства. Вне крупнейших городов России некоторые «гомосексуалистки» прибегали к более традиционным методам обретения привилегий маскулинности – самотрансформации, когда нужного эффекта добиваются с помощью одежды и жестов, что позволяло «выдавать себя» за мужчин. Некоторые использовали обретенную маскулинность, чтобы завязать половые отношения с другими жен-

щинами. Все эти трансформации свидетельствовали о живучести в русской культуре «мужеподобной женщины».

В традиционных европейских и неевропейских обществах документально зафиксировано бытование женщин, успешно ведущих жизнь мужчины[54]. (Встречаются также и представители сильной половины человечества, демонстрирующие женский гендер[55].) Сексологические интерпретации конца 20-го столетия этих демонстраций могут сыграть роль искажающих линз, сквозь которые рассматривались эти устойчивые и разнообразные модели идентичностей/ролей, принятых в разное время и в разных культурах. Еще недавно ярлыками «гомосексуальность», «трансвестизм» и «транссексуальность» маркировались в американских и европейских конструкциях бесконечные вариации человеческих сексуальных и гендерных отличий. В некоторых культурах демонстрация гендерной трансформации имела бóльшее значение как для участников, так и для зрителей, чем какая-нибудь сопровождающая ее однополая эротическая активность. Сексологически сфокусированная перцепция таких феноменов может заставить нас проглядеть важные социальные, экономические и символические мотивации этой активности. Например, в 17-м и 18-м столетиях в Нидерландах многие «мужеподобные» женщины были одержимы стремлением вырваться из бедности или жаждой приключений на воинском поприще. И многие, принявшие в итоге мужскую идентичность/роль, легко добивались своих целей, поскольку общественная жизнь бурлила и легко было выдать себя за маргинала или иностранца[56]. Более того, переоблачение в личину противоположного гендера как явно маскулинное или фемининное было (и нередко остается) социально обусловленной демонстрацией для интерсексуальных личностей (гермафродитов)[57]. При рассмотрении историй женщин, выдававших себя за мужчин, навязываемый медициной ярлык «гомосексуальности» может только помешать выявлению гендера и идентичности в неясной ситуации. В России гендерная амбивалентность не считалась новым или импортированным феноменом. В повседневной жизни русских людей 19-го столетия маскулинные женщины (и феминииные мужчины) были достаточно привычным явлением. Об этом свидетельствуют многочисленные словечки, использовавшиеся простым людом для обозначения такого рода индивидуумов. Лексикограф Владимир Иванович Даль (1801–1872), собиравший материалы в 1830–1850-х годах в Центральной России и опубликовавший их в своем известном четырехтомном труде «Толковый словарь живого великорусско-

го языка (3-е испр. и значит. доп. изд. СПб., 1903–1909. 4 т. – Далее: Даль. Т. 1–4), приводит следующие названия для мужеподобных женщин: «*мужла́н* м. и *мужла́нка*, *мужла́тка* ж. – мужеподобная женщина, бородуля или по складу, по образованию тела на мужа похожая; гермафродит-жена (противоположные: девуля, девоня)» (Даль. Т. 2. Стб. 934); «*бороду́ля* ж., новгородское – мужлан, бородатая баба, мужевидная женщина» (Даль. Т. 1. Стб. 283); «*Дѣвни́ща*, *дѣвно́* ж., псковская, тверская – рослая, дебелая, мужиковатая девка» (Даль. Т. 1. Стб. 1267); «*су́парень*, *су́парня* м., новгородское, костромское – мужловатая женщина, мужиковатая девка, либо куре́й (двуснастная), см. гермафродит» (Даль. Т. 4. Стб. 636); «*размужи́чье*, ср., северное – двуснастный, ку́ра́н; полупарень, женщина, похожая по наружности, приемам, голосом и прочее на мужчину, см. гермафродит» (Даль. Т. 3. Стб. 1532)[58]. Лексикограф обнаружил аналогичный набор слов для обозначения фемининных мужчин: «*деву́ля*, *дѣву́ня* м., арханг. – женственный мужчина, неженка, или же гермафродит, полудевье, полудевка» (Даль. Т. 1. Стб. 1267)[59]. В дополнение Владимир Иванович сообщает, что глагол *дѣву́литься* применяется, когда говорят о мужчине, который может «нежиться, принимать женские обычаи, ухватки»[60]. Ни одно из слов, обозначающих мужеподобных женщин, не было намеренным оскорблением, но некоторые наименования женоподобных (effeminate) мужчин (*баба́тя*, *бабу́ля*) могли звучать «в этом знач. иногда бранно, как *ба́ба*»[61]. Сам факт существования глагола, обозначающего женоподобных мужчин, говорит, что в глазах крестьян это качество было несравненно хуже, чем маскулинная женщина (не приобретшая глагола). Слово *бороду́ля*, использовавшееся для обозначения мужеподобной женщины, имело самый негативный оттенок. В Новгородской губернии В.И. Даль записал фразу: «Бородуля не мужик»[62]. Сказавший это как бы напоминал, что такая женщина не ро́вня мужчинам, но само слово не звучало столь же уничижительно, как некоторые из слов по адресу женоподобных мужчин. В патриархальном обществе мужеподобные женщины могли добиться уважения и положения в обществе, в то время как мужчины, утратившие мужественность, наносили непоправимый вред собственной репутации[63]. Крестьяне, обнаруживавшие у новорожденных гермафродитизм, предпочитали, по возможности, крестить младенцев мальчиками, очевидно, ради социальных и экономических преимуществ, сопутствовавших этому[64]. В языке русской деревни и в низших слоях общества существовал целый набор слов для обозначения людей, оде-

вавшихся или ведших себя как лица противоположного пола. В деревне и городских низах такая гендерная маргинальность воспринималась как гермафродитизм, аналогичный тому, что можно наблюдать у домашних животных. Психические особенности подобных людей обычно связывались с их физической половой неопределенностью[65].

Дело крестьянок Марии Павловны Шашниной и Екатерины Ивановны Демичевой, обвинявшихся в отравлении мужа Е.И. Демичевой ради получения возможности проживать совместно любовницами, также показывает, что однополые отношения между женщинами русские крестьяне воспринимали, возможно, как гермафродитические. В 1886 году обе женщины были арестованы по подозрению в том, что Е.И. Демичева, подстрекаемая М.П. Шашниной, отравила своего мужа, подмешав мышьяк в квас. Дело разбиралось в окружном суде Нижнего Новгорода. Спустя девять лет петербургский психиатр И.М. Тарновский изучил судебные документы и использовал их в своей книге «Извращение полового чувства у женщин»[66]. Следователи установили, что Е.И. Демичева имела «половыя сношения» с М.П. Шашниной «и ею же была лишена невинности». М.П. Шашнина «имела любовную связь еще с 3-мя крестьянками». Согласно И.М. Тарновскому, свидетельницы в унисон с Е.И. Демичевой утверждали, что «Шашнина, кроме женских половых органов, имеет еще и подобие мужского полового члена»:

> Некоторые из них (крестьянок. — *Ред.*) говорили, что чувствовали введение полового члена в рукав, щупали и даже видели этот выходящий из половой расщелины член, который был, однако, тоньше, короче и на конце острее мужского. Половой акт она совершала продолжительно, так что Демичева иногда спихивала ее с себя. Удовлетворение страсти от Шашниной эти женщины получали такое же, как и от мужчин.

Крестьяне этой деревни называли М.П. Шашнину «двухполой» или «двухсбруйной»[67]. Физическое отличие оттенялось еще и тем, что она курила табак, не покрывала голову платком и верховодила матерью и братом в домашних делах. Тем не менее четыре медицинские эксперта, обследовавшие М.П. Шашнину за период с июня 1886-го по июнь 1887 года, не обнаружили у нее признаков гермафродитизма или увеличения клитора. Очевидно, половое влечение М.П. Шашниной к другим женщинам крестьяне интерпретировали как следствие наличия у нее признаков обоего пола и полагали, что это подразумевает и обладание фаллосом или чем-то вроде него[68]. Репутация М.П. Шашниной как «двухсбруйной» парадоксально фиксировала ее гендерную роль как женщины. Это препятствовало ее попыткам вести себя подоб-

но мужчине, по крайней мере, внутри своего сообщества. Русские примеры «мужеподобных женщин» демонстрируют, что величайшая женская мобильность способствует этому феномену.

Советская психиатрия 1920-х годов испытывала глубокий интерес к женщинам, которые очень убедительно входили в мужскую гендерную идентичность/роль и, в соответствии с распространенными в то время в европейской науке сексологическими категориями, именовала их «гомосексуалистками» или, изредка, «трансвеститками». Трудно реконструировать причины, побудившие некоторых из них обрести мужественность, подделав свои документы, взяв мужской вариант собственного имени и изменив одежду, манеры и прическу. Во всех подобных случаях, попадавших в сферу внимания тогдашней советской психиатрической литературы, главным мотивом указывалось однополое влечение. Некоторые из этих женщин ничего не знали о лесбийской субкультуре столиц. У них было меньше доступа к возможностям, открытым для маскулинизированных женщин, соблюдавших респектабельность и носивших только отдельные атрибуты мужского платья (вроде воротничков и галстуков, обычных для кружка С.Я. Парнок). Для этих обособившихся «мужеподобных» женщин означенное поведение служило средством облегчения сексуального сближения с другими женщинами. Но иные, принявшие мужскую идентичность/роль, были увлечены романтикой революционной борьбы и военной жизни; в этом случае сексуальность играла незначительную роль. Как бы то ни было, женщины, решившиеся принять мужскую идентичность, получали возможность удовлетворить свои многочисленные сексуальные, социальные и личностные амбиции в такого рода демонстрациях нового для себя гендера.

Общим в историях женщин революционной России, избравших для себя мужской тип поведения, было то, что многие из них жили вдалеке от столиц, где зарождалась лесбийская субкультура. Бесконечные перемены, характерные для той эпохи, благоприятствовали таким гендерным трансформациям. Всё это прекрасно иллюстрирует история Александра Павловича, «гомосексуалистки», нэпманши, описанная в 1925 году психиатром Альфредом Петровичем Штессом из Кабинета криминальной антропологии Саратова. Будучи женщиной по биологическому строению, она была воспитана отцом «как сын». По свидетельству А.П. Штесса, детство пациентки напоминало скорее детство мальчика, чем девочки. После смерти в 1919 году главы семейства старшая сестра пациентки, движимая материальными сооб-

ражениями, заставила девушку выйти замуж за «слабохарактерного жениха».

Выданная 16<-ти> лет замуж, она возненавидела супружеские отношения с первой же ночи; она отклоняла требования мужа, а спустя неделю родные уже могли наблюдать ее переодетой в мужское платье; чтобы скрыть свои нормально развитые груди, она перетягивала их натуго полотенцем; в таком виде она без устали посещала кинематографы, где следила исключительно за игрою женщин, возбуждавших ее чувственность. В начале она сменяла костюм лишь по вечерам, а через 3 недели сменила «навсегда» свое платье на мужское, решила «бросить» мужа и переехала из Саратова в Астрахань (1919 г.). Родным и знакомым она категорически приказала звать себя Александр Павлович или Александр. В Астрахани она продолжала заниматься торговлей; выступая теперь в роли мужчины, она пользовалась большим успехом среди торговок; ее сны пестрили голыми полногрудыми женщинами и ночные поллюции доставляли ей высшее наслаждение. В 1920 году исследуемая вновь возвращается в Саратов[69].

Уже под именем Александр она вновь занялась торговлей мелкими серебряными изделиями и заставила свою большую семью обращаться к ней как к маскулинной личности. Пациентка имела ряд романтических и половых связей с женщинами (причем одно увлечение длилось два года) и даже «обсуждала вопрос о женитьбе»[70]. Александр столь вжилась в свою маскулинную роль, что однажды в припадке ревности даже избила возлюбленную, и последнюю пришлось на две недели уложить в больницу.

Никто в семье нашей героини даже не пытался раскрыть правду относительно принятия процветавшей нэпманшей маскулинной идентичности/роли, ибо именно на Александре зиждилось семейное благополучие. Примерно четыре года она прожила в Саратове, помогая средствами семьям сестер. Постепенно, помимо торговли серебром, дополнительной статьей ее дохода стали азартные игры («орлянка»* и «конфетка»**). Ее успехи в этой запрещенной законом сфере деятельности привели к административным штрафам, столкновениям с конкурентами и клиентами и наконец к конфликту с властями. В

---

* [Орля́нка – игра черни в деньги, названная по орлу на монете; ее подкидывают, и если она ляжет личнóй стороной вверх (кóпье), то бросавший считается выигравшим, ему полагаются деньги с кону; если же монета ляжет нúкой [изнанкой] вверх (рéшетом), то бросавший проиграл ставку (см.: Даль. Т. 2. Стб. 1790).]

** [Конфе́тка – игра базарных шулеров, предполагающая проворство рук игрока-предпринимателя (см.: *Штесс, А.П.* Цит. соч. Стб. 14).]

1924 году она была арестована и позднее препровождена в Кабинет криминальной антропологии для обследования и принудительного лечения[71].

Комбинируя методы фрейдовского психоанализа, гипнотерапии и «убеждения», А.П. Штесс, по его словам, полностью «вылечил» пациентку от «гомосексуализма». Ее согласие отказаться от роли мужчины (чему она всячески противилась при их первых встречах) было главным аргументом в пользу успеха врача.

12 октября (последний, 17-й, сеанс). Больная не курит, манеры и поведение более женственны и сдержанны, задумывается над вопросом о деторождении и высказывает желание иметь когда-либо ребенка, настроение жизнерадостное.

13 октября. Больная выписывается из клиники, одетая в женское платье[72].

А.П. Штесс опубликовал фотографии этой женщины «до лечения» в ее маскулинной одежде, затем — обнаженной (для демонстрации типично женской «конституции») и наконец — «после лечения», исправно носящей юбку (ил. 10—12). Женщину передали тем родственникам, у которых не было причин вновь побудить ее вернуться к прежнему образу жизни из материальных соображений. Попытку пациентки сменить маскулинную гендерную роль врач рассматривал как внешнее проявление ее «гомосексуализма», в основе которого — «внутренние конфликты с окружающей средой». Факт успешности «гомосексуалистки» на протяжении четырех лет справляться с конфликтами, рожденными ролью мужчины, А.П. Штесс оценивал как патологический.

Александр Павлович не была исключительным примером «гомосексуалистки», на протяжении длительного времени игравшей роль маскулинной социальной личности. Ее захватил бурлящий рыночный водоворот эпохи нэпа. Однако данный случай — всего лишь отражение широко распространенного явления поведения части женщин как мужчин. Находились такие, кого привлекал суровый мир солдатской службы[73]. Наиболее широко обсуждаемый случай женщины-солдата, «гомосексуалистки» (и «трансвеститки»), был описан психиатром Акимом Оскаровичем (Осиповичем) Эдельштейном (1897—?) в 1927 году[74]. Осиротев в 1915 году в возрасте семнадцати лет, Евгения Федоровна М. стала выдавать себя за мужчину. В революцию она «работала в следственно-карательных органах» ЧК политруком, была на «реквизиции и обысках монастыря»,

позднее отправилась на Южный фронт, где «участвовала в операциях против банд». М. подделала свои документы и стала Евгением Федоровичем; тогда же начались ее сексуальные отношения с женщинами.

В 1922 году, состоя в органах ГПУ провинциального городка, она встретила и стала ухаживать за С., почтовой служащей, и, поскольку Евгения представила свои поддельные документы мужчины, они официально зарегистрировали брак. А.О. Эдельштейн сообщает, что поначалу С. и не подозревала, что ее «муж» вовсе не мужик. Но умения и готовности Евгении демонстрировать себя мужчиной надолго не хватило. Слухи о том, что Евгений Федорович – женщина, дошли до С., и ее «супругу» пришлось открыться. Однако это не стало концом их отношений[75].

Евгения Федоровна всё чаще привлекала «внимание своим хвастовством и вызывала сомнение в своем поле». Местные власти возбудили против нее дело, обвинив в «преступлении “против природы”». В суде плохо подготовленное против Евгении Федоровны М. дело развалилось, и Народный комиссариат юстиции постановил считать «брак [двух женщин] <...> законным, как заключенный по обоюдному согласию». Пара оставалась вместе еще два или три года. У С. была связь с работавшим с ней вместе мужчиной. Рожденного от него ребенка Евгения усыновила по закону. Две женщины и ребенок составляли семью до тех пор, пока полк ГПУ, в котором проходила службу Евгения, не был переведен в Москву. Пришлось оставить «жену» и ребенка, чтобы оставаться в строю, но вскоре после переезда в столицу в 1925 году наша героиня получила пулевое ранение[76].

Невозможность более носить военную мужскую форму опустошила Евгению. Оказавшись не в состоянии приспособиться к гражданской жизни, она стала пить, дебоширить, вести беспорядочную половую жизнь с женщинами и в конце концов завела вторую (неофициальную) «жену». В 1926 году начали поступать жалобы на то, что Евгения выдает себя за ответственного работника и члена партии с целью получения выгоды; ее пьяные загулы стали выходить за допустимые пределы. Она то и дело оказывалась в милиции и под судом за хулиганство и вымогательство. Наконец доктор А.О. Эдельштейн из Кабинета по изучению личности преступника и преступности Московского отдела здравоохранения обследовал ее. Во время своего падения и психиатрического наблюдения Евгения продолжала выдавать себя за мужчину. Врач не сообщает о попытках излечить пациентку и делает краткий вывод: «<...> несомненно, социальное будущее такого субъекта очень тяжело»[77].

Исполнение Евгенией мужской гендерной роли продолжалось более десяти лет. Другим, подобно Александру Павловичу (пациентке доктора А.П. Штесса), удавалось поддерживать подобные демонстрации длительное время[78]. При более благоприятном стечении обстоятельств никогда бы не было обнаружено принятие этими женщинами маскулинной социальной роли. Данные демонстрации были не только осуществлены ради достижения материальных благ или благоприятной возможности жить как мужчина в мужском мире. Однополое влечение у этих женщин было неразрывно связано со стремлением переделать себя. Они не просто становились военнослужащими мужчинами или (как Александр Павлович) преуспевающими нэпманшами, но еще и «ухаживали за девочками» и имели «много связей с женщинами»[79]. Полагая, что маскулинная гендерная роль — отличный инструмент удовлетворения их влечений, они азартно использовали открывавшиеся возможности.

Несмотря на осознание своего однополого влечения, эти женщины хотели оставаться физически женщинами. Неудавшиеся копии их маскулинности (выражение Джудит Батлер (Judith P. Butler)) позволяют нам посмотреть другими глазами на воспроизводство гендера[80]. Публикации того времени относительно изменения биологического пола животных произвели сенсацию. Роль гормонов в определении биологического пола уже была широко известна[81]. Тем не менее эти женщины вовсе не стремились изменить свой пол путем медицинского вмешательства. Не вызывает сомнений, что Евгения Федоровна М. и П.А., пациентка доктора Наума Израилевича Скляра (1862—1957), обе научно подкованные, знали о последних достижениях гормональных теорий[82]. Другие личности (как отмечено выше) в конце 1920-х годов уже искали контакт с советскими хирургами, горя желанием изменить свой пол. Но Евгения Федоровна, П.А. доктора Н.И. Скляра и Александр Павлович доктора А.П. Штесса не входили в когорту скороспелых транссексуалов[83]. В «Истории моей болезни (краткая исповедь человека среднего пола, мужского психогермафродита)», опубликованной ее психиатром, Евгения Федоровна М. писала:

Средний род признается только в грамматике и применяется к вещам неодушевленным. В действительности же среди нас живут люди, не подходящие ни к тому, ни к другому полу, мужчины, лишенные существенных мужских признаков, т. е. женщины по физическому — половому строению, но во всех других отношениях похожие на мужчин. Эти женщины считают свой пол недоразумением и желают превратиться в представителей противоположного пола. Такие существа приходится называть людьми среднего пола...[84]

Евгения Федоровна не просила хирургически изменить свое тело, но

> общество должно наконец признать следующий факт. Люди среднего пола только в одном отношении отличаются от всех остальных тем, что у них половое влечение направлено на представителей своего пола. [Евгения Федоровна считала, что] люди среднего пола почувствуют свою ответственность перед обществом и станут полезными ему, когда их перестанут угнетать и душить по своему несознанию и мещанскому невежеству[85].

По сути дела, Евгения Федоровна отстаивала социальные и политические права «среднего пола», сознательно заимствуя научные аргументы у сторонников эмансипации гомосексуалов. Принимая для сексуально амбивалентного подтверждения своей позиции в мире одним из традиционных, но не устраивающих общество способов мужской гендерный облик, она предвидела, что в скором будущем медицина раскроет тайны гендерной и сексуальной амбивалентности и общество будет относиться к ее проявлению с должным пониманием. Революционная вера в то, что наука положит конец архаической морали и сделает сексуальные взаимоотношения людей рациональными, была могущественным орудием не только в руках большевистских законотворцев и практикующих врачей, но и для простых людей, стремившихся с ее помощью оправдать свои собственные влечения. «Историю моей болезни» Евгения Федоровна М. написала для своего психиатра, причем для объяснения своей личности она оперировала научной терминологией. Психиатрическая элита признала, что владение Евгенией Федоровной новейшей мировой научной литературой было впечатляющим[86]. Из имеющихся в нашем распоряжении источников трудно судить о степени начитанности нашей героини. Она интересовалась преимущественно теориями о «псевдогермафродитах» и «психогермафродитах». Благодаря таким ученым, как Рихард фон Крафт-Эбинг (Krafft-Ebing, Richard, Freiherr von; 1840–1902) и Генри Хэвлок (Гавелок) Эллис (Ellis, Henry Havelock; 1859–1939) эти термины были популярны в 1920-х годах и употреблялись для обозначения индивидов, испытывавших разные степени влечения к людям того или иного пола (предшественников современных «бисексуалов»)[87]. Евгения Федоровна говорила о «псевдогермафродитах» как личностях, испытывающих лишь однополое влечение. Она вторила концепциям апологетов однополой любви, использовавших термин «средний пол». По ее словам,

> псевдогермафродиты, как мужские так и женские, имеют особое расположение к однополой сексуальности. <...> С точки зрения самочувствия

и внутренних человеческих ощущений, стремление к женщине женщины среднего пола — такая же точно натура, как для нормального мужчины стремление к женщине[88].

Факт врожденной предрасположенности Евгения Федоровна доказывала, используя в качестве аргумента эротические сновидения о людях того же пола:

Во сне человек собой не владеет, и если во время невольного любовного экстаза является женщине образ женщины, а не мужчины, такова, значит, ее природа, которой она не в силах переделать. Этого естественного, с их точки зрения, стремления они не в силах перебороть в себе, даже если бы пожелали. Раз мы пришли к убеждению, что наряду с обыкновенной любовью существует еще однополая любовь как особенная разновидность, надо сделать из этого логический вывод и дозволить людям среднего пола доступный им род полового удовлетворения <...>[89].

Психические половые особенности никоим образом нельзя свести к половым органам. Следовательно, половое влечение, с точки зрения его происхождения, есть такой же первичный половой признак, который заложен самой природой в яички[90].

Евгения Федоровна даже сочла необходимым дословно процитировать апологета «среднего пола» царской эпохи [П.В. Ушаковского (Псевдонимъ)], утверждавшего, что наука прекрасно знает о подобном различии:

Проф. Фрайд* справедливо указывает на то, что людей в половом отношении извращенных нельзя считать вырождающимися. Это явление встречается у людей во всех остальных отношениях вполне нормальных и нравственно и умственно очень развитых. <...> В числе мужчин с ненормальным уклонением полового влечения можно назвать выдающихся писателей (Оскара Уайльда**, Уитмана***, Верлена4*), художников (Микель Анджело5*) и музыкантов ([П.И.] Чайковский), и это ясно доказывает, что людей средняго пола нельзя отнести к категории умственно и психически разстроенных[91].

Свои собственные слова Евгения Федоровна использовала для утверждения о том, что научные данные о половой промежуточности вынуждают общество относиться к подобным ей лицам рационально и гуманно:

Желательно, чтобы при суждении о гомосексуальных людях прежде всего имели в виду их личность и их душевные свойства, а не те поступки, которые, как и у нормальных, составляют частное дело[92].

---

* [Фрейд, Зигмунд (Freud, Zigmund; 1859–1939).]
** [Уайльд, Оскар (Wilde, Oscar; 1854–1900).]
*** [Уитмен, Уолт (Whitman, Walt; 1819–1892).]
4* [Верлен, Поль (Verlaine, Paul; 1844–1896).]
5* [Микеланджело Буонарроти (Michelangelo Buonarroti; 1475–1564).]

В «Истории моей болезни» ее автор соединяла традиционное восприятие сексуальной амбивалентности (как формы гермафродитизма) с новейшими научными идеями (проявление аномальной функции половых желез). О «среднем поле» или «гомосексуальных личностях» можно говорить, когда налицо желание преобразиться в существо противоположного пола (в гетеросексуальном мире оно выглядит как влечение к женщине) и обрести новую идентичность. Если перестроить тело, снабдив его мужскими половыми органами, или узаконить принятый индивидом маскулинный гендер (сделать Евгением Федоровичем) не представляется возможным (как в случае Евгении Федоровны), то общество должно примириться с ее, Евгении Федоровны, половым влечением, с ее сексуальностью, направленной на женщину, как с сущностной особенностью ее личности. К языку науки и эмансипации Евгения Федоровна прибегала, дабы объяснить и отстоять как свое однополое влечение, так и гендерное отклонение.

Заключение

Однополые взаимоотношения между женщинами в царской России и в первые годы Советской власти служат отражением новой роли женщины и открывавшихся перед ней возможностей. Всё больше и больше женщин отходило от уклада патриархальной деревни. Как и в случае с мужчинами, перебравшимися в город, семья, землячество или артель далеко не всегда могли осуществлять традиционный контроль над женщинами, в том числе мониторинг полового поведения[93]. Хотя законодательство и врачебно-полицейский надзор (при режиме легальной проституции в царское время) накладывали определенные ограничения, всё же существовали отдельные возможности для выражения однополой любви. Подробные описания ее проявлений между женщинами низших социальных слоев еще появятся. При изучении этих свидетельств нельзя упускать из виду проституцию, наложившую на эти отношения свой отпечаток. В этой среде к однополым отношениям относились толерантно и даже с пониманием, особенно в легальных борделях, свободой (или возможностью) выражения однополой любви пользовались здесь как проститутки, так и клиентки. Однако утрата в первые годы советской эры удобных мест для выражения взаимной женской сексуальности (как и в случае с мужчинами) лишила женщин этой возможности. В эпоху нэпа они продавали секс в местах, пользо-

вавшихся сомнительной репутацией. Возможно, необходимость стоять друг за друга перерастала в глубокую эмоциональную привязанность, подкреплявшуюся сексуальными отношениями.

О «лесбийской любви» между образованными женщинами средних социальных слоев мы вообще мало что знаем, поскольку эти женщины успешно (и целенаправленно, если они были большевичками)[94] скрывали свою частную жизнь. Нельзя обнаружить лесбийскую субкультуру там, где невозможно ее создать. Москва 1920-х годов – это не Париж или Берлин, где однополые отношения между женщинами находили приют в элитарных салонах, коммерческих барах и кафе, а также в грязноватом мире секс-торговли. Становление мест потенциальной русской лесбийской субкультуры было сдерживаемо редкостью «плотского материала», а после 1917 года – «политической подозрительностью» [властей] к изобилию и развлечениям. В 1920-х годах полупубличные салоны (квартиры, претендующие стать общественной сценой) постепенно сошли на нет и в середине мрачных 1930-х окончательно прекратили существование. Однако в связи с тем, что власти игнорировали домашний быт как «женское, тривиальное дело», продолжали существовать сети и кружки женщин, связанных своеобразными узами.

Код «маскулинизации» одежды и манер позволял городским женщинам, ищущим взаимных эротических отношений, распознавать себе подобных. В воинских подразделениях и в академических или культурных кругах господствовала толерантность в отношении мужеподобных женщин, что позволяло некоторым застенчивым «гомосексуалисткам» зарабатывать на жизнь и развивать собственные таланты. Эти женщины всячески использовали возможности активного участия в общественной и экономической жизни, открытые для них революцией. Образование и высокие заработки придавали им социалистическую респектабельность, компенсировавшую безбрачие и отсутствие детей. Это говорит о том, что немало женщин в этой зарождавшейся лесбийской субкультуре вышли из крестьянства. В то же время городские «женщины, любившие женщин» и щеголявшие «маскулинизированным» одеянием, как только попадали в сельскую местность, становились на это время конформистами фемининности. Лесбийской любви, по общему мнению, требовался кислород извращенно-утонченной городской жизни, ранняя же революционная Россия предлагала только несколько городов с таким уровнем модернити.

В отличие от мужчин, у русских женщин не было таких общественных мест, где они могли бы выражать однополое вле-

чение на определенных сексуализированных территориях. Тем не менее для некоторых такой территорией, вобравшей их влечения, стали собственные тела. Через демонстрацию «маскулинизированной» женственности или, более традиционно, приняв полностью мужскую идентичность/роль, некоторые женщины выражали свои влечения понятным для собственного пола образом в рамках культуры, признававшей такие сексуальные действия (sex drive) универсально гетеросексуальными. Как известно, влечение реализуется либо через «активный», либо «пассивный» способы. Поэтому страсть одной женщины к другой может быть сконструирована как «активная» и, следовательно, «маскулинная». Комбинируя и модифицируя известные гендерные возможности вроде обычного феномена гермафродитизма или утопических проектов трансформации пола, обещанных экспериментальной биологией, они [«гомосексуалистки»] жили [мужским] гендером, внешне отвергая другой биологический пол. Женская маскулинность служила самоутверждением и даже отличительным знаком эмансипации и политической сознательности (благодаря «твердости», свойственной маскулинности), но она вызывала и беспокойство у тех, кто желал, чтобы женщины сохраняли свою материнскую сущность.

Часть вторая
РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОГО ВЛЕЧЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Глава 3
ЭВФЕМИСТИЧНОСТЬ И ИЗБИРАТЕЛЬНОСТЬ
Контроль за содомитами и трибадами

В России модели взаимных мужских и взаимных женских отношений существовали в условиях сравнительной индифферентности властей и медицины. В противоположность возраставшему во Франции, Англии и Германии полицейскому преследованию секса между мужчинами, царская судебная система на протяжении XIX века не осуществляла постоянного и строгого надзора за «педерастами», или «содомитами» («sodomites»). После 1835 года, несмотря на закон, запрещавший «мужеложство» («sodomy»), судебные власти России призывали сначала врачей, а потом психиатров к проведению экспертиз так называемых педерастических тел и практик, но делали это гораздо реже, чем их западноевропейские коллеги. Русские судебные врачи и психиатры были осведомлены о французских и немецких формах медицинских экспертиз по признакам анального сношения и европейских психиатрических моделях гомосексуальности как душевной болезни. Однако российские медики не испытывали энтузиазма по поводу применения таких подходов у себя в стране. Врачи находились в подчинении у царских властей и полиции и относились к своим неоплачиваемым обязанностям при судах как к тяжкому бремени. В то же время психиатрия была не в чести у царского правительства, предпочитавшего осуществлять надзор за социально опасными элементами руками полиции и тюремщиков.

Царский закон не говорил ничего определенного относительно секса между женщинами, поскольку в российской патриархальной и архаической законодательной системе женщин вообще не рассматривали как полноправных половых и гражданских субъектов. В глазах судебной медицины взаимная женская

сексуальность становилась только тогда проблемой, когда она сопровождалась насилием или навязыванием какой-либо женщиной половых отношений зависимым от нее молодым женщинам и девушкам. Некоторые судебные врачи наблюдали и описывали эпизодические однополые связи между легальными проститутками, но эти связи не конституировались как вызывающие особый научный интерес (в отличие, например, от Франции). В силу этого российские психиатры были сравнительно индифферентны и к феномену лесбийской любви как форме сексуальной психопатологии.

Скрытое нежелание врачей императорской России медикализировать «гомосексуальность» было связано со сравнительно терпимым отношением властей и полиции к однополым практикам. Мужские однополые связи были объявлены вне закона, однако надзор и судебное преследование были лишь эпизодическими. Исследование свидетельств из уголовных дел и статистических отчетов показывает, что при старом режиме размеры полицейского преследования «содомитов» были делом больше эвфемистичного администрирования, «на собственное усмотрение», нежели формальной юстиции. Перемены в полицейских моделях, очевидные после революции 1905 года, демонстрируют, кроме того, в какой степени продолжала превалировать избирательность в преследовании, теперь уже подкреплявшаяся новыми концепциями гомосексуальности как признанной проблемы в жизни империи.

Законодательство о нравственности и нежелание патологизировать гомосексуальность

Законодательная основа преследования мужеложства в царской России была совсем иной, нежели во Франции при старом режиме, немецких государствах и Англии. Европа, как Западная, так и Восточная, следовала христианской традиции, запрещавшей «содомский грех», и начиная с XII века римские католики несравненно жестче карали за него, чем Русская Православная Церковь[1]. Православию было сложнее навязывать новые сексуальные нормы, которые оно вводило при крещении Руси в X веке, так как по сравнению с Западом территория Руси была обширной и малонаселенной. Любой секс, в том числе и в браке, Православная Церковь считала опасным и греховным. Церковные источники до 1700 года (протоколы духовных судов,

комментарии церковного права, катехизисы для церковносвященнослужителей) показывают, что мужские однополые контакты считались греховными, но некоторые их виды представлялись более извинительными[2]. Анальные сношения между мужчинами влекли суровое наказание (такое же, как за гетеросексуальный адюльтер), другие формы взаимного мужского контакта, нонпенетративные (т. е. без проникновения), квалифицировались как мастурбация и, соответственно, карались более легким наказанием. Ева Левина полагает, что эта дифференцированная шкала наказаний основывалась на унаследованном русским православием через византийское каноническое право классическом афинском определении анального сношения. Православие стремилось сохранить в неприкосновенности мужскую гендерную роль, которая, как считалось, пострадает, если один мужчина будет готов быть анально проткнутым другим. Между тем прочие нонпенетративные формы эротического контакта осуждались менее строго. Это ролезадающее разграничение между формами мужской однополой активности наложило отпечаток на определение мужеложства в позднейшем российском законодательстве.

В православных осуждениях однополых [мужских] прегрешений роли фаллической пенетрации придавалось первостепенное значение, наказывалось также и вовлечение женщины в однополые акты [, т. е. использование ее как мужчины посредством анального проникновения]. Епитимьи за взаимную мастурбацию между женщинами были отчасти суровее, чем за аналогичные прегрешения у мужчин, но не столь тяжкими, как наказания за мужское анальное сношение. Сексуальности между женщинами церковные иерархи уделяли гораздо меньше внимания. Например, Русская Православная Церковь разработала целый пенитенциарный кодекс, посвященный проблеме взаимных мужских эротических действий в монастырях, но аналогичного документа, касающегося женских обителей, составлено не было[3]. Мало известно и о том, насколько сурово пресекали церковные власти однополые отношения. Упоминания о наказаниях редко встречаются в юридических документах более позднего времени. «В XVII в<еке> за содомское дело уже жгли живыми, как свидетельствуют [Григорий Карпович] Котошихин и Павел Алеппский»[4]. Наиболее пристальное внимание Церковь уделяла закрытому миру монастырей, где аскетическое отвержение плоти создавало доступное однополое окружение, могущее подтолкнуть к наивысшей активности.

В России светские власти стали заниматься регулированием однополых половых актов позднее, чем в Западной Европе. Во Франции, Англии и Священной Римской империи в промежутке между 14-м и 16-м столетиями государственные органы в процессе осуществления контроля за местными церковными судами и иерархами ввели собственные законы против «содомии»[5]. По большей части такое законодательство закрепляло религиозный запрет. Более того, в эту эпоху западное юридическое толкование «содомии» включало на Западе не только анальное сношение (между двумя мужчинами или мужчиной и женщиной), но и другие непрокреативные сексуальные действия. Только к концу XVII века «содомию» стали понимать как специфический половой акт. Это было обусловлено тем, что в Северо-Западной Европе ревнители моральной чистоты сосредоточили внимание на нарождавшейся городской субкультуре взаимной мужской сексуальности[6]. Моралисты, побуждаемые религиозными мотивами, осуждали мужскую проституцию и публичный секс как зло. Эпизодические волны преследования «содомии» наблюдались в Нидерландах и Англии. Именно тогда Петр I Великий посетил эти страны во время своего путешествия в 1697—1698 годах по Европе, так называемого Великого посольства, беспрецедентного для русского правителя.

Прошел слух, что у Петра I был личный опыт мужеложства. Это промелькнуло в устных показаниях в суде о мужеложстве (buggery) над английским капитаном, задержанным в 1698 году в Лондоне[7]. Несколько позже Петр I, откликаясь на веления времени, по рекомендации немецких советников впервые в истории России принял светский устав против однополых отношений. Если Православная Церковь концентрировала усилия на надзоре за однополой средой мужских монастырей, то царь обратил схожего постоянства рвение на армию и флот, другую гомосексуальную сферу. В то время в русской армии проходили крупные реформы, касавшиеся набора, обучения и экипировки. Лора Энгельштейн отметила, что в петровском Уставе воинском 1716 года, «мужеложство» (здесь оно поименовано с использованием специфически детализированной формы «муж с мужем мужеложствует») было наказуемо не из-за наносимого им морального вреда, а в силу угрозы устойчивости воинской иерархии[8]. Это было вовсе не «лицемерием»[9], а отражало неустанное стремление царя перенять результаты того, что историки называют «военными реформами», поставившими армии Европы на уровень выше по сравнению с неуправляемыми и плохо оснащенными войсками Московии[10].

Расширение на протяжении 18-го столетия контактов с Западной Европой и постепенное усвоение правящей элитой России западных нравов подкрепилось и укоренением западных сексуальных ценностей. В «Проектах Уголовного Уложения 1754–1766 годов», которые начали разрабатываться еще во времена Елизаветы Петровны (1709–1762), статья «о содомском грехе» была написана языком Библии и гораздо менее конкретно, чем в воинском законодательстве. Как и петровским Уставом воинским, статьей предусматривались различные наказания за акты по взаимному согласию и насильственные[11]. Этот проект был очевидной попыткой перенесения концепции воинской иерархии на общество в целом и должен был предстать в узнаваемом религиозном контексте моральной нормой. «Проект Уголовного Уложения Российской Империи» 1813 года содержал еще более эвфемистичную формулировку, запрещавшую «противоестественное студодеяние»[12]. Язык этого проекта отражал моралистическую боязнь характеризовать преступление более ясными словами (из-за повальной убежденности властей, что описание «мужеложства» послужит лишь распространению порока). Данный проект также сохранял и даже усиливал религиозную подоплеку наказания, впервые отмеченную в проекте 1754 года. Проект Уголовного Уложения 1813 года, помимо уголовного наказания (зависевшего от социального статуса преступника), предлагал обязывать совершивших злодеяние приносить «публичное церковное покаяние». Участие Церкви в моральном осуждении половых преступников совпало с расширением ее обязанностей по контролю за личными и семейными делами в эпоху реакции, наступившей после изгнания Наполеона Бонапарта (1769–1821)[13]. Когда в 1835 году новый Свод законов уголовных (ст. 677) был наконец введен (опубликован в 1832 г. как [т. 15] Свода законов Российской империи, заменив Уложение государя царя и великого князя Алексея Михайловича [1629–1676] (1649 г.)), «мужеложство» было запрещено и для гражданских лиц. В этом и в пришедшем ему на смену Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (ст. 1293–1294) требование наложения Православной Церковью епитимьи за мужеложство укрепляло связь между религией и моралью, намеченную в предшествующих проектах.

Позднее в нижеследующей редакции и под новым номером [в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных издания 1866 года] будет изложена ст. 995.

Изобличенный в противоестественном пороке мужеложства, подвергается за сие: лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на посе-

ление. Сверх того, если он христианин, то предается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства.

[Позднее в нижеследующей редакции и под новым номером будет изложена ст. 996 (Там же).]

Если означенное в предшедшей, 995<-й> статье преступление было сопровождаемо насилием или же совершено над малолетними или слабоумными, то виновный в оном подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке на каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет.

Законодательство, действовавшее до 1917 года, распространило государственное регулирование однополых мужских отношений не только на вооруженные силы, но и на общество в целом[14].

Озабоченность государства состоянием общества нашла отражение также во введении в 1843 году надзора за женской (гетеросексуальной) проституцией. Эта мера, действовавшая и в последующие десятилетия, наделила медицинскую экспертизу полицейскими функциями. Проститутки с лицензиями, «желтыми билетами», имели право заниматься «личным промыслом» только при условии их периодического осмотра врачами городских «врачебно-полицейских комитетов»[15]. Сосредотачивая внимание только на публичных женщинах, городские врачебно-полицейские комитеты под эгидой Министерства внутренних дел вплоть до 1917 года осуществляли систематический надзор за девиантной сексуальностью. Медицинский подход к однополым эротическим отношениям в российской науке берет начало с момента, когда врачебно-полицейские функции распространились на более широкие области, чем контроль за проституцией.

Своим осмотром личности судебная медицина России начала XIX века могла сравнительно мало чем помочь расследованию половых преступлений[16]. Развитие этой области медицины было обусловлено радикальными переменами в юридической практике, сопровождавшими великие реформы 1860-х годов. Новая система правосудия опиралась на «рациональные зерна»: устные показания и показания, полученные в ходе перекрестного опроса. Такая система резко отличалась от дореформенной практики письменных свидетельств и судебных постановлений. Для рассмотрения уголовных дел были введены суды присяжных, что являлось существенным отходом от европейских законодательных систем, где судебные постановления основывались скорее на юридических словопрениях сторон, чем на сложившихся в обществе представлениях о справедливости. Отныне эксперты обяза-

ны были нести ответственность перед судом за свои заключения и отстаивать их перед лицом прокурора, свидетелей и обвиняемого[17]. В уголовных делах, касавшихся однополых эротических практик, а именно добровольного мужеложства (consensual sodomy), мужеложства насильственного (sodomitical rape) или (скорее умозрительного, чем реально случавшегося) развращения малолетних девочек со стороны опекающих их взрослых женщин, мнения медиков о признаках запрещенной активности могли иметь решающее значение.

В 1850–1860-х годах судебные врачи Западной Европы систематизировали физические признаки анального сношения между мужчинами, а также других однополых эротических контактов, в том числе и между женщинами. Особую известность приобрели работы судебных врачей парижанина Амбруаза Аугусте Тардье (Tardieu, Ambroise Auguste; 1818–1879) и берлинца Иоганна Людвига Каспера (Casper, Johann Ludwig; 1796–1864). Опубликованная в 1857 году книга А.А. Тардье о судебно-медицинских признаках полового преступления, содержавшая главы об анальном сношении, которое рассматривалось на примере более двухсот «педерастов», уличенных парижской полицией, не утратила своего значения и в XX веке[18]. Русские врачи, проводившие экспертизы в этой области, были знакомы с трудом А.А. Тардье, но критиковали некоторые его выводы, опираясь на опровергавшие их примеры из собственной практики[19]. Работы И.Л. Каспера (опубликованы в 1850-х годах), посвященные «педерастам» Берлина, были, возможно, более популярны в среде российских судебных врачей, предпочитавших немецкую осторожность и фактологичность. Однако ссылаться они предпочитали на оба источника, руководствуясь, таким образом, неким гибридом из немецких и французских воззрений на признаки мужеложства[20]. Подход российской судебной медицины к обнаружению признаков мужеложства был гораздо менее системным, и это косвенно свидетельствовало о том, что он опирался на исследования сразу нескольких западных авторитетов[21].

Учреждения, отвечавшие за экспертизу половых преступлений, получали от казны незначительную помощь. Законодательство (см. Медицинские Уставы 1857 и 1892 гг.) предписывало частнопрактикующим врачам оказывать помощь суду в случаях, когда врачи, состоявшие на государственной службе, не могли справиться с задачей. От любого врача можно было потребовать медицинского заключения или диагноза душевно-

го состояния[22]. Уровень экспертиз отличался крайней пестротой. «Скромные провинциальные работники» — земские, городские и полицейские врачи — давали лаконичные и маловразумительные «заключения», в то время как профессора медицинских факультетов университетов — «врачи-специалисты» с «привычкой большинства из них к преподаванию <...> развивали <...> [мысль] с научной широтой и глубиной»[23]. За услуги полиции и судам врачам платили мало или вовсе ничего. В 1890 году Министерство юстиции постановило, что судебные медицинские исследования не подлежат вознаграждению, и по меньшей мере один врач получил отказ суда на просьбу оплатить проведенную им экспертизу по делу о мужеложстве[24]. В последние годы царизма судебная медицина преподавалась в некоторых медицинских училищах. В Московском университете была открыта даже соответствующая кафедра, но сам по себе этот вид деятельности по-прежнему оставался на периферии государственных интересов. Подобных кафедр в империи были единицы. Полиция по привычке обращалась к первому попавшемуся врачу, аптеке, лаборатории, при том что медицинские работники такого ранга «не имели контактов с кафедрами судебной медицины»[25].

Всё же постепенно благодаря судебной реформе методы распознавания признаков мужеложства были приняты медиками на вооружение. Это произошло спустя 15—20 лет, после того как эти методы получили распространение во Франции и Германии. Не всегда совпадая в способах применения, они практиковались еще до оформления городской культуры взаимных мужских половых отношений. Тенденция официальной европейской медицины игнорировать «педерастическую» практику врожденного «педераста» и конструировать его личность исходя из наблюдений за поведением этого субъекта была присуща и русским текстам, посвященным распознаванию мужеложства. Однако активному уголовному преследованию мужеложство в России не подвергалось, и такого же результата, как в Германии и Франции, где внимание полиции было неусыпно обращено на эти стигматизированные группы, добиться не удавалось. И как следствие — низкий интерес российской судебной медицины к выявлению мужеложства. Еще меньший интерес вызывали женские взаимные половые отношения, хотя при раскрытии фактов насилия судебная гинекология играла определенную роль.

Первая попытка использовать в России зарубежные достижения в области выявления однополых пар была сделана в 1878 го-

ду Владиславом Осиповичем Мержеевским (1842–?) на страницах его «Судебной гинекологии»*, опубликованной в Санкт-Петербурге. Автор, член Медицинского совета Министерства внутренних дел, посвятил бо́льшую часть своей работы признакам преследования женщин мужчинами – половыми преступниками. Глава IV «Педерастия (мужеложство)» заняла пятьдесят семь страниц (с. 203–260), небольшие по объему главы были отданы «лесбосской любви» (гл. V, с. 261–262) и «скотоложству» (гл. VI, с. 263–273). Акцентируя внимание на «противоестественных сношениях», эти главы следовали непосредственно за главой о гетеросексуальном «изнасиловании» (гл. III, с. 76–202) – наиболее распространенном преступлении. Подобная череда, а также рассмотрение однополых актов в контексте судебной гинекологии предполагают и соответствующее отношение к мужеложству – как обычному выражению необузданной мужской похоти, объектом для которой мог оказаться кто угодно – и женщина, и мальчик, и мужчина, и животное. Тем не менее в главе о мужеложстве прослеживается попытка подхода к «педерасту» как особому типу личности.

В.О. Мержеевский начинает с рассмотрения истории законодательства о «противоестественном удовлетворении половой страсти», затем приводит небольшой обзор европейской литературы о мужеложстве. Кратко отметив, что для И.Л. Каспера «порок этот по большей части бывает врожденный(?)» (здесь В.О. Мержеевский ставит знак вопроса), русский ученый квалифицирует мужеложство как «умственный гермафродитизм». Далее, без каких-либо комментариев автор воспроизводит недавнее утверждение Карла Фридриха Отто Вестфаля (Westphal, Carl Friedrich Otto; 1833–1890) о том, что «ненормальное половое влечение есть гораздо чаще, чем обыкновенно полагают, симптом психопатического или нервнопатического состояния»[26]. Затем В.О. Мержеевский обращается к социальной среде, в которой «порок скрыт от “непосвященных в тайну”», и описывает сорок два случая мужеложства (гл. IV, §11 «Казуистика мужеложства», с. 220–260), найденные им у А.А. Тардье, И.Л. Каспера и в делах окружного суда Петербурга[27]. Последние были связаны главным образом с идентификацией «пассивных педерастов» путем осмотра заднего прохода и сравнения с перечнем физических изменений в нем. Вслед за И.Л. Каспером В.О. Мер-

* [В 1872 г. эта работа уже выходила под заглавием «Половыя отправления», см.: Библиографический список...]

жеевский отверг мнение А.А. Тардье, что на пенисе «активного педераста» всегда имеются признаки его порока. Тем не менее российский гинеколог посчитал необходимым включить в свою книгу «случай» из труда французского врача. Этот «случай» был озаглавлен В.О. Мержеевским следующим образом: «Привычная активная и пассивная педерастия. Характеристическая конформация полового члена (Т<ардье>)». Комментариями публикация не сопровождалась[28].

Схожий эклектизм характерен для работы известного венеролога В.М. Тарновского, посвященной применению техники судебной медицины в распознавании «педераста». Через шесть лет после появления труда В.О. Мержеевского он опубликовал свой «судебно-психиатрический очерк» «Извращение полового чувства» (1884 г.)[29]. Этот текст ознаменовал перенос акцентов при исследовании однополых перверсий с судебной медицины в область психиатрии. Опираясь на работы К.Ф.О. Вестфаля и Р. фон Крафт-Эбинга, В.М. Тарновский выражал сомнение в достоверности судебно-медицинского освидетельствования как инструмента судопроизводства и отстаивал способность одной лишь психиатрии объяснить перверсии. Несмотря на эту предварительную установку, автор посвятил двадцать страниц (из ста пяти) описанию техники анатомического освидетельствования. В.М. Тарновский хотел, чтобы его читатели из числа профессиональных врачей располагали точными и надежными методами выявления «пассивной педерастии»:

Для исследования я ставлю мальчика поперек широкой кровати на колени; грудью он ложится на подушку, головою несколько ниже ягодиц, которыя он выпячивает; ноги должны быть раздвинуты так, чтобы колени и пятки не соприкасались одна с другою.

В таком положении, повторяю, если субъект не знает цели исследования и не желает что-либо скрыть или симулировать, признаки привычной содомии выступают весьма рельефно[30].

В.М. Тарновский отмечал, что при врачебном осмотре катамиты (кинеды) часто сжимают ягодицы, пытаясь скрыть следы их половых практик. Этих юношей он рекомендовал заставлять оставаться в описанном положении 10—15 минут, чтобы преодолеть их сопротивление. Это было более эффективным, нежели предлагавшаяся А.А. Тардье частая перемена позиций[31].

Признаки пассивной «педерастии» в перечне В.М. Тарновского мало чем отличались от тех, что указаны В.О. Мержеевским, но они были снабжены более точными анатомическими деталя-

ми. Осмотрев двадцать три «продажных кинеда», В.М. Тарновский нашел, что самым верным свидетельством пассивной «педерастии» была «слабость мышцы сфинктера» —

> <...> описываемый признак тем драгоценен, что не требует со стороны исследователя ни специальной подготовки, ни особой опытности и может быть демонстрирован даже у кинедов, желающих скрыть свое состояние...

Русский венеролог был убежден, что список деформаций пениса активного «педераста», который А.А. Тардье считал пригодным для выявления специфической половой практики, на самом деле состоял из признаков вырождения[32].

Сотрудничая с полицией в качестве врача в деле идентификации «педерастов», В.М. Тарновский пришел к выводу, что он чаще сталкивался с проявлениями наследственных заболеваний, нежели с приобретенным пороком, и, следовательно, решающее слово должно было принадлежать психиатрии, а не судебной медицине. На главный вопрос венеролога: «<...> с чем мы имеем дело, с врожденным недостатком, болезнью или *порочною привычкою*?»[33] — нельзя было ответить, сведя всё к поискам признаков мужеложства. Судебное решение не могло основываться лишь на признаках мужеложства, поскольку не все «педерасты» были одинаковы.

> Те признаки, на которые обращали внимание при педерастии до настоящаго времени, не укажут нам, подвергается ли исследованию безнравственный, продажный кинед, зарабатывающий этим постыдным путем деньги, или тяжко захворавший субъект, первыя болезненныя проявления котораго выражаются извращением половаго влечения; или, наконец, находится ли перед нами несчастное, недоразвитое существо, от рождения не способное к правильному отправлению половой деятельности. Словом, одни изменения задняго прохода, прямой кишки и половых частей не определяют самаго главнаго: с каким видом педерастии имеем мы дело[34].

Своих читателей, профессиональную аудиторию, В.М. Тарновский снабдил детальным перечнем, позволявшим врачу отнести «педераста» к категориям злонамеренных или безвинных. Эти критерии показывают, что В.М. Тарновский делал выбор скорее в пользу психиатрии, чем анатомии.

Первым шагом был осмотр ануса. Если у юного пациента обнаруживались признаки мужеложства, врачу следовало искать физические признаки дегенерации или психической девиации, свидетельствующие, что перед ним «психопатический субъект». Такие юноши являлись «врожденными педерастами» и не подлежали уголовному преследованию. По мнению В.М. Тарновского,

«врожденность, особенно у юношей, в громадном большинстве случаев выражается склонностью исключительно к пассивной педерастии и невозможности совершать половой акт с женщиною». «Здоровых» молодых людей без признаков дегенерации или умственной отсталости следовало рассматривать как «педерастов приобретенных».

Приобретенное извращение половаго чувства будет доказываться и тем, что юноша играет то активную, то пассивную роль и в то же время может иметь нормальныя сообщения с женщинами. <...> Редкие случаи врожденной активной педерастии, всегда сочетаясь с более резкими отклонениями в психической сфере, в то же время представляют иногда и ненормальное развитие наружных половых частей. Подобные субъекты обыкновенно не только не могут иметь сообщения с женщинами, но отличаются особою к ним ненавистью[35]

(в отличие от простой индифферентности, наблюдавшейся у их пассивных собратьев – пациентов доктора).

Если при обследовании молодых людей можно было ограничиться соматическими признаками, то применительно к взрослым В.М. Тарновский предпочитал использовать психиатрический подход. «Нужно близко знать человека», чтобы выяснить разницу между тем, каким он был раньше и каким предстал ныне. Решающее значение имела полнота биографии.

Если исследованию подвергается взрослый мужчина, то вопрос значительно усложняется. Тщательно собранныя данныя относительно наследственности, самый подробный анамнез, шаг за шагом прослеженная жизнь человека, особенно в период половой зрелости, рядом с всесторонним исследованием физики и психики испытуемаго помогут решить, имеем ли мы дело с врожденным или приобретенным извращением половаго влечения. В первом случае на основании данных относительно времени преступления и условий, при которых совершалась педерастия, частоты и однообразия повторения акта и проч. можно судить, относится ли исследуемый субъект к наиболее опасным и наименее наказуемым периодическим педерастам или нет.

Далее, если врожденность извращения половаго отправления собранными фактами будет отвергнута, следует определить, представляет ли данное явление один из симптомов начинающагося развиваться прогрессивнаго паралича; или не составляет ли это один из <...> припадков <...> эпилептическаго невроза; или же наконец, не имеем ли мы дело с раннею формою старческаго слабоумия. Только отрицание всех упомянутых болезненных состояний, на основании положительных данных, добытых исследованием и наблюдением, позволит с вероятием заключить о порочности, нравственной испорченности и вполне наказуемом, сознательном, добровольном разврате испытуемаго субъекта[36].

В.М. Тарновский решительно осуждал игнорирование российской судебной практикой при рассмотрении актов мужеложства

различий между «врожденными» (безвинными) и «приобретенными» (злонамеренными) преступниками. По его мнению, методика анатомического исследования И.Л. Каспера и А.А. Тардье не отвечала в полной мере задачам психиатрической судебной экспертизы. По всей видимости, сознавая, что изменения в законодательстве маловероятны, он заметил, что

только совместный труд врача и юриста — исследователя и философа, — одновременно изучающих причины возникновения побуждений рядом с их проявлениями в действии, могут провесть в жизни грань между физиологиею и патологиею и дать прочные основы для исправления здоровых, воспитания болезненно предрасположенных и лечения заболевших[37].

Ряд случаев, рассмотренных в медицинской литературе, показывает, что характерное для В.М. Тарновского эклектичное смешение судебно-медицинского и психиатрического понимания «педерастии» было широко распространено в России конца XIX века[38]. В этих работах основной акцент всегда смещался с судебной медицины в сферу психиатрии, но требование отталкиваться при диагностике половой практики от физических признаков «педерастии» сохраняло за судебными врачами их позиции.

Обращение российскими судебными властями внимания на городскую субкультуру «педерастов» свидетельствовало, что юристы принимали в расчет уже не только физические признаки «педерастии», но рассматривали склонность к однополым перверсиям как характерную черту личности. По словам В.О. Мержеевского, в Петербурге, «по-видимому, и нет вполне организованного общества педерастов, подобного парижскому», тем не менее русский гинеколог подробно отобразил жизнь столичного «педерастического» полусвета — бледную копию того, что происходило в Западной Европе[39]. Описания В.О. Мержеевским парижского мира мужской проституции с преобладающими в нем женоподобными юношами, порой — в женском платье, были сопровождены рядом местных случаев, демонстрирующих явно немаскулинное поведение их героев. В.О. Мержеевский полагал, что «педерасты» российской столицы не были отягощены переживаниями по поводу собственной маскулинности[40].

В 1870–1880-х годах под влиянием работ К.Ф.О. Вестфаля и Р. фон Крафт-Эбинга европейские психиатрические модели однополой мужской перверсии стали предполагать связь между мужским женоподобием и психологическими концепциями истерии и вырождения[41]. Подобное слияние поведенческих феноменов (немужественные действия) с предполагаемой био-

логической заданностью (влияние на потомство венерической болезни, наркомании или истерии родителей, другими словами, то, что подразумевается под «вырождением») позволило психиатрам считать склонность к половым отклонениям врожденным началом у сексуально девиантных личностей[42]. Разделяя эти взгляды, В.М. Тарновский явственнее, чем В.О. Мержеевский, выделял женоподобные черты у своих подопечных. Женоподобие он связывал с социальной сферой, в которой вращались «педерасты», придавая ей ярко выраженный, напоминающий кастовый характер:

Педераст всегда ищет общество себе подобных, так как только в среде их он может безнаказанно дать удовлетворение своему ненормальному инстинкту, может найти сочувствие своему болезненному состоянию и поощрение пороку. Далее, активный педераст по походке, манере держаться, жестикулировать, говорить, смотреть в глаза и т. п. легче узнает пассивного, чем нормальный человек. Со своей стороны, кинед по тону разговора скоро догадается, с кем имеет дело. Поэтому-то вообще педерасты быстро знакомятся друг с другом и живут до известной степени обществами, в которых сталкиваются все типы описываемого уклонения половой деятельности[43].

Догадки В.О. Мержеевского относительно личностного характера «педерастии» были полностью восприняты только несколько лет спустя при оценке В.М. Тарновским изучавшейся им «педерастической» субкультуры Петербурга.

Основным пристанищем мужской проституции были бани, и, когда вставал вопрос о «педерастии», именно на них обращала свои взоры российская судебная медицина. Процветавший в банях мужской коммерческий секс власти связывали с народными крестьянскими обычаями. В.О. Мержеевский заострял внимание судебных врачей на потенциальной эксплуатации банщиков «педерастами», примером чему — нашумевшее в 1866 году дело петербургской «артели развратников». В.М. Тарновский, возможно, проникнутый патриотической гордостью за бани и считавший их незаменимыми с точки зрения гигиены, рассматривал бани как гарантию общественного порядка, поскольку они не давали мужской проституции выйти на улицы, упорядочивали ее согласно крестьянским обычаям и сдерживали вымогательство. Русский психиатр подчеркивал отличие солидарности банщиков от сговора «шаек» городских вымогателей, несмотря на то что в конечном итоге и те, и другие «поровну делили прибыль», совсем как в банной артели. В нежелании ученого осуждать «русских простолюдинов» за подобного рода самоорганизацию просматривались колебания по поводу того, следует ли патологизировать

все аспекты однополых эротических практик. Предположение, что в условиях городской жизни низшие классы вследствие их экономической и культурной отсталости являлись сексуально не искушенными, предостерегло В.М. Тарновского от медикализации [т. е. отнесения к болезненным состояниям] всей взаимной мужской половой активности[44].

Сравнительно «невинными», когда дело касалось однополой развращенности, судебные врачи считали и женщин. Поскольку при царизме (и впоследствии в СССР) такие отношения между женщинами не относились к преступным, медицина при судебных расследованиях обращала гораздо меньше внимания на анатомические следы того, что обычно в судебной медицине называлось «лесбосской любовью» либо «трибадией». Одна из первых российских статей по вопросу судебно-медицинской экспертизы однополых преступлений, вышедшая в 1870 году, принадлежит доктору Зуку [Зук, Артур Карл Юлий Эрнстович; ?–1884/1885] из [Медицинского департамента] Министерства внутренних дел. Он заявил: «Если же женщина употребляет для удовлетворения своего полового побуждения женщину же, то это преступление называется лезбийской (*sic*!) любовью». Несмотря на использование того же термина, А.Э. Зук далее утверждал, что такая «любовь» может быть преступлением только в случае, когда женщина развращает опекаемую ею воспитанницу. В иных обстоятельствах женщины, уличенные во взаимных половых отношениях, не должны подлежать уголовному преследованию и последующему наказанию, к тому же «лезбийская любовь оставляет весьма редко следы»[45]. До судов доходили только единичные случаи полового насилия женщин над женщинами или совращения женщинами малолеток женского пола[46].

В руководстве по «Судебной гинекологии» В.О. Мержеевского врачу также отказывалось в какой-либо роли при расследовании «лесбосской любви». Даже в ходе судебных разбирательств, «напр<имер> при развращении таким образом малолетней или слабоумной особы, <...> врач должен прямо отказаться от произнесения мнения, объявляя себя некомпетентным. <...> Исключение могут составить те случаи, где онанистическое раздражение причинило повреждение девственной плевы». Применение искусственных мужских членов («dildoes», букв.: «каучуковых мужей») и взаимная мастурбация взрослых женщин, хотя и могли оставить небольшие следы («увеличение похотника, увеличение и пигментацию малых губ»), не имели «никакой силы доказательности, встречаясь у доподлинно невинных в том особ». В кратком обзоре В.О. Мержеевский не стал ссылаться на европейских

авторитетов, ограничившись отсылками к римским поэтам и одному современному беллетристу – Адольфу Бело (Belot, Adolphe; 1830–1890), чей роман «Mademoiselle Giraud, ma femme» [Paris: E. Dentu, 1870. 278 p.; рус. пер.: *Бело, Адольф.* Девица Жиро, моя супруга: роман / соч. А. Бело; пер. с фр. СПб.: Н.С. Львов, 1870. II, 171 с.], выдержавший до 1871 года 28 изданий, был избран российским гинекологом в качестве типичного образчика западной бульварной литературы.

Автор, имея будто бы в виду нравственныя цели, избрал темой для своего романа лесбосскую любовь между двумя женщинами и рисует сцены, которыя могут только распалять воображение нервных и страстных натур. Если бы он действительно хотел принести пользу, то должен был бы действовать на нравы не заманчивым романом, а едкой сатирой[47].

Поскольку правовые санкции против женской однополой любви отсутствовали, судебная медицина не видела необходимости в экспертизе ее распознания. До 1917 года в судебно-медицинских работах было опубликовано лишь несколько кратких пассажей о лесбийской любви[48].

Достижения европейской судебной гинекологии в области «педерастии» и «лесбийской любви» не оказали большого влияния на медицинскую практику в России, поскольку законодательство (об этом ниже) предусматривало сравнительно мягкое наказание за однополые эротические акты. Практикующие врачи редко привлекались в качестве экспертов по таким делам, и поэтому у них не было нужды обобщать опытные данные или обмениваться наблюдениями в распознании порока с настойчивостью, присущей их западноевропейским коллегам. Медицинскому аспекту проблемы не придавалось столь же большого значения, как во Франции или Германии. В Европе всё сильнее звучали голоса сторонников той точки зрения, согласно которой раскрыть суть однополой любви может психиатрия, но не судебная медицина. При таком подходе потребность в дальнейшем развитии в Российской империи медицинской модели «гомосексуальности» оказывалось еще менее актуальной. М. Фуко утверждал, что психиатрия в Европе была «буржуазной» наукой, распространившей медицинское понимание сексуальности сначала на средний класс и только потом обратившейся к другим социальным группам[49]. В России на исходе царской эпохи психиатрия как наука обслуживала исключительно малочисленный средний класс. Поэтому психиатров было крайне мало (по данным на 1916 год – только 350). Они проживали в крупных городах и зарабатывали частной практикой[50].

Подобно городскому среднему классу в целом психиатрия в самодержавной России не имела политического влияния даже после установления после революции 1905 года квазиконституционной системы. Если судебные врачи и гинекологи были далеко не в лучших отношениях с властями и полицией, то трения между властями и психиатрией были еще ощутимее. Конфликты по поводу насильственного помещения уголовных и политических преступников (в цепях и с тюремщиками) в психиатрические клиники шли вразрез с требованиями врачей превратить эти учреждения в медицинские центры. Состояние психиатрии вызывало глубокий пессимизм, поскольку клиники испытывали хроническую нехватку денег, а потому плохо содержались. Заключение судебного психиатра не имело решающего значения в суде, когда стоял вопрос об освобождении от наказания по причине невменяемости[51]. Гонимая, неуважаемая и нищая русская психиатрия едва ли могла рассчитывать на признание и финансовую поддержку в каких-либо других сферах, не связанных с расстройствами рассудка и нервными заболеваниями.

При обсуждении однополой любви как медицинской проблемы русские психиатры исходили, с одной стороны, из особенностей России, а с другой — опирались на основополагающие работы европейских сексуальных психопатологов. Судебно-психиатрический очерк «Извращение полового чувства» (1884) Вениамина Михайловича Тарновского о «педерастии» в ее различных врожденных и приобретенных формах не нашел широкого отклика у российских психиатров. То же можно сказать о переводе «Psychopathia sexualis» Р. фон Крафт-Эбинга (1887) — поворотной вехе в психиатрической систематике перверсий[52]. В.М. Тарновский сотрудничал с судом и полицией, чем вызывал к себе настороженное отношение. Решительная защита им правительственного регламентирования проституции и тесные связи с властями компрометировали в глазах коллег его патологизированные воззрения на проститутку и, по всей видимости, на «педераста»[53]. Другой Тарновский, Ипполит Михайлович, петербургский акушер-гинеколог, выпустил исследование «Извращение полового чувства у женщин» (1895), прямо заявив о нормальности и естественности женских однополых отношений[54]. И.М. Тарновский прекрасно знал западные теории врожденной извращенной сексуальности, но далеко не всегда следовал им (ведь и сами эти медицинские модели были не лишены противоречивости в своих основаниях). С равной симпатией он относился к женщинам из всех социальных групп. На его взгляды оказал влияние приобретший широкую популярность феми-

низм и требование равенства полов, поддерживаемое мужской частью интеллигенции. При этом важно помнить, что при царизме врачами могли быть только мужчины[55].

Самый влиятельный в России сторонник медицинской модели однополых отношений В.М. Бехтерев поверял свою психиатрическую методику в клинической (не судебной) практике и исключительно на мужчинах бомонда[56]. Его сконцентрированность на мужских девиациях респектабельной верхушки доминирующего гендера явилась зеркальным отражением стремления западной психиатрии применить теорию извращенной сексуальности прежде всего к буржуазии. В.М. Бехтерев резко осуждал нападки властей на судебную медицину[57]. Одновременно он выдвигал на первый план клинические, а не судебные аспекты половых перверсий. Благодаря этому ему удалось значительно укрепить позиции медицинской модели «гомосексуальности». Наконец, акцентированием им внимания на роли воспитания в этиологии половых перверсий призывало к профессиональному подходу к исследованию их места в общественной жизни. Лишь только после выявления механизмов полового развития (и расстройства) психиатры могли бы настаивать на экспертизе в целях профилактики перверсий.

Интерес В.М. Бехтерева к однополой любви возник в связи с его экспериментами с гипнозом как формой психотерапии. Его самая первая статья, посвященная тому, что он определил как «превратные половые влечения», появилась в 1898 году. Обратившись к историям двух мужчин, одержимых притяжением к лицам собственного пола, он рассказал о своих попытках вылечить их с использованием гипнотической суггестии. В этой статье В.М. Бехтерев не объяснял этиологии половой перверсии. К перверсиям он подходил как к синдрому, аналогичному вырождению, придерживаясь терминологии, введенной Р. фон Крафт-Эбингом при описании однополой любви[58]. Новым в статье для российской медицины стало утверждение В.М. Бехтерева о том, что гипнотическое внушение — «вполне действенное средство лечения половых уклонений». Наш герой провозгласил, что врачам больше не придется «ограничиваться в подобных случаях почти пассивной ролью»[59]. Любопытно, что в 1882 году аналогичный способ лечения половой инверсии предложили французские психиатры Жан-Мартен Шарко (Charcot, Jean-Martin; 1825—1893) и Валентин Маньян (Magnan, Valentin; 1835—1916), но В.М. Тарновский лишь вскользь упомянул об этом в своей монографии о перверсиях. В.М. Бехтерев, главный сторонник гипноза в России, распространил его практику на лечение половых перверсий[60].

8 Заказ № К-7680.

Основным вкладом В.М. Бехтерева в русскую психологию и психиатрию считается его теория рефлексологии и его поздние работы по сексуальности, анализирующие различные истории болезни в свете его теории. Применяя при рассмотрении человеческого поведения модель стимулов и инстинктивной реакции, В.М. Бехтерев подчеркивал роль внешней среды как источника душевной патологии, в том числе и половых перверсий[61]. Двенадцатого декабря 1913 года в докладе (опубликован в 1915 г.) он говорил, что извращенные половые возбуждения — это следствие детской половой травматизации, неправильного воспитания и позднейшего опыта, что «ненормальные половые раздражители» формируют «патологические сочетательные рефлексы», которые при достижении половой зрелости развиваются в упрочившиеся перверсии. Выводы ученого основывались не только на клинических наблюдениях и сравнении историй болезни пациентов, но и на лабораторных исследованиях человеческого мозга. В.М. Бехтерев отверг гипотезы врожденного происхождения гомосексуальности, в том числе теорию В. Маньяна и Эжена Глея (Gley, Eugène; 1857—1930) о женском мозге в мужском теле, отметив, что при изучении мозга «гомосексуалистов» он не обнаружил видимого отличия от мозга нормального. Также он отводил второстепенную роль вырождению как биологическому фактору, который в некоторых случаях мог бы иметь значение. По его мнению, верным признаком вырождения служило появление сильного полового возбуждения в раннем детстве:

> Эти именно условия и создают то, что определенное внешнее воздействие, возбуждающее половую сферу, может пробудить еще в раннем возрасте половое влечение при необычных условиях, с которыми оно тесно сочетается и затем, вскоре, и упрочивается благодаря его воспроизведению с течением времени при аналогичных внешних условиях[62].

Значение этой этиологии было очевидно: мониторинг детского полового опыта приобретал решающее значение для развития «нормального полового влечения»[63].

Незначительность влияния медицинской модели гомосексуальности в последние годы царизма была обусловлена как временем, так и обстоятельствами ее развития. Отставание России от стран Запада в деле проведения либеральных реформ замедлило появление и эволюцию этой чрезвычайно специфической формы судебно-медицинской экспертизы. Даже после усвоения накопленных судебной медициной знаний о «педерастии» и «лесбийской любви» новый подход не получил широкого признания. Судебные

врачи не имели законодательной базы и без энтузиазма относились к исполнению обязанностей, возлагавшихся на них государством. Несмотря на существование закона, требовавшего бдительного и неусыпного надзора за «содомитом» (но не «трибадой»), спорадичность и индифферентность действий полицейских властей отодвигала экспертизу распознания на периферию судебной медицины.

Парадигматическим переносом проблематики однополой любви из сферы судебной медицины в область психиатрии, принципиальным для теорий объяснения гомосексуальности в медицинском ключе, объясняется нежелание российской медицины патологизировать «гомосексуализм». Психиатры царской России были ввергнуты в междоусобную борьбу, угрожавшую самому существованию этой профессии. Отсутствовало стремление расширить поле деятельности за пределы привычного попечения над душевнобольными, содержания лечебниц и развития частной практики (для городской элиты). Сталкиваясь с проблемой гомосексуальности, российские психиатры отказывались стигматизировать ее в полной мере, когда возникал дискурс о женщинах или людях из низших классов, поскольку медики испытывали к ним симпатию. Психиатры тяготились своей зависимостью от самодержавия. Режим предпочитал силу, крайне подозрительно относился к научной экспертизе и не воспринимал дисциплинарные дискурсы, постепенно укоренявшиеся в буржуазных, всё более либерализировавшихся обществах.

Эвфемизация в полицейском преследовании мужеложства

Российское законодательство последних лет царизма было недвусмысленно нацелено против мужских однополых отношений. До 1900 года уголовное наказание за мужеложство между согласными взрослыми было достаточно суровым и продолжало оставаться таковым даже после последовавшего с этого года небольшого послабления[64]. Царистский дискурс не щадил адептов мужской однополой любви, хотя женский однополый эрос игнорировал. На практике же дело обстояло отнюдь не так гладко — давало о себе знать множество противоречий в применении антимужеложного законодательства[65]. До 1905 года представители привилегированных классов редко подвергались уголовному преследованию. Приговоры за добровольное мужеложство выно-

сились всё реже и реже. Революция 1905 года нанесла тяжелый удар по царизму. На поверхность всплыла неадекватность юридической практики применения законодательства в данной сфере. Завуалированная, но ни для кого не являющаяся тайной терпимость последних двух царей к мужчинам, имевших секс с другими мужчинами, как членами царской семьи, так и придворными, замкнула круг противоречий между гомосексуальностью и законом.

В десятилетия, предшествовавшие 1914 году, в России, в отличие от других европейских стран, где мужские однополые отношения преследовались, не было таких фигур, как Оскар Уайльд (Wilde, Oscar; 1852–1900), князь Филипп Эйленбург (Eulenburg und Hertefeld, Philipp Fürst Zu; 1847–1921) или полковник Альфред Рёдль (Redl, Alfred; 1864–1913). Скандалы, связанные с их именами, превратили мужскую гомосексуальность в политическую проблему и породили тревогу по поводу маскулинности и боеготовности армии[66]. В России было достаточно претендентов на такие знаковые роли, но общество привыкло быть избирательным в своих оценках и не афишировать подобные проблемы[67]. Когда все-таки скандал готов был вот-вот разразиться, в ход пускались связи, и дело постепенно сходило на нет. Самодержавное государство было более склонно к наложению административных наказаний, нежели к судебным разбирательствам[68]. В действительности мужчины правящего класса, предпочитавшие секс с мужчинами, проявляли минимальную осторожность, считая, что для поддержания иллюзии отсутствия «содомитов» в высшем обществе и правительстве достаточно состоять в браке. И в этом была неоценима помощь государства. Композитор П.И. Чайковский научился ценить подобную осторожность, после того как в студенческие годы пресса причислила его к группе «педерастов», завсегдатаев ресторана «Шотан» в Петербурге[69]. Ультраконсервативный издатель газеты «Гражданин» князь В.П. Мещерский не только не подвергался гонениям со стороны императоров Александра III (1845–1894) и Николая II, но получал субсидии на издание и даже всячески превозносился за покровительство молодым военным, с которыми весело проводил время. В.П. Мещерского из-за «грешков» не принимали при дворе, но государи встречались и переписывались с ним частным образом, что позволяло князю оказывать помощь друзьям и содержать журнал[70]. В 1887 году, после скандала, в котором был замешан молодой солдат императорской гвардии, Александр III повелел прекратить преследование князя. Это произошло вопреки мнению семьи В.П. Мещер-

ского и активному противодействию обер-прокурора Священного Синода Константина Петровича Победоносцева (1827–1907). В дальнейшем аналогичным образом был потушен сексуальный скандал, в котором фигурировали около двухсот человек, в том числе В.П. Мещерский и члены императорской фамилии[71]. Согласно С. Карлинскому, в это время гомосексуалами были по меньшей мере семь великих князей (дяди, племянники и двоюродные братья последних двух царей). Один из них – брат Александра II (1818–1881), великий князь Сергей Александрович (1857–1905), – венчал «гомосексуальную пирамиду» общественной жизни России[72].

Этот букет противоречий был аранжирован высочайше санкционированным формальным запретом мужеложства, образовав своего рода неадекватную и пришедшую (после 1905 г.) в упадок систему преследования. Критики единодушно полагали, что «одно из наиболее крупных зол: <...> фактическое *неприменение* закона, <...> случайный и неравномерный характер репрессии, обрушивающейся на одних, но щадящей других, сильных своим положением, влиянием, связями»[73]. Эвфемизация – сокрытие непристойных поступков элиты – нашла свое самое красноречивое выражение в судах, где лишь крошечный процент дел касался представителей привилегированных сословий, по крайней мере, внешне. Этому как будто противоречит статистика: из 440 осужденных за мужеложство в царской России с 1874 по 1904 год к высшим кругам принадлежало около 5% «педерастов», причем их доля в общем количестве осужденных за эти годы – около 2,8%[74]. Однако при внимательном рассмотрении выясняется, что только отдельные государственные сановники понесли кару за мужеложство. Чаще всего осуждались люди «свободных профессий» («артисты, медики, литераторы, преподаватели, священники»), прислуга и ремесленники[75]. Одновременно большой процент осужденных за мужеложство, сравнительно с количеством осужденных за все прочие преступления, приходился на долю нерусских, преимущественно «восточных народов, отличающихся наиболее страстным темпераментом», при том что около 72% осужденных за мужеложство относились к европейским славянам (русским, украинцам и белорусам)[76].

Критики закона о мужеложстве отмечали его низкую эффективность. С подобными делами судебная система справлялась менее успешно, чем с традиционными преступлениями, поскольку лишь 41,28% дел о мужеложстве завершалось осуждением (сравнительно с 66,25% в случаях всех прочих преступлений)[77]. Судьи конца царской эпохи чаще всего были склонны

оправдывать обвиняемых или, при невозможности этого, назначать незначительные или более мягкие наказания[78]. Дел о мужеложстве было чрезвычайно мало, и за тридцать один год, вплоть до 1904-го, наблюдалась тенденция постепенного снижения их доли на фоне прочих уголовных дел[79]. Прокуроры Москвы и Петербурга, по-видимому, сделали выводы из замалчивания скандалов конца 1880-х годов, связанных с именами князя В.П. Мещерского и великих князей, и практически свернули преследование за добровольное мужеложство[80].

Согласно доступным источникам того времени, полицейские преследования добровольного и отягчающего мужеложства основывались на жалобах населения и родителей жертв. Неудивительно, что, когда «педерасты» открыто предавались сексу в общественном месте (особенно в пьяном виде или со скандалами), они подвергали себя большему риску. Архивные отчеты судов о мужеложстве, а также литература по судебной медицине и психиатрии свидетельствуют, что полиция редко выступала инициатором арестов. Она начинала действовать по получении заявления или в случае, когда целый ряд обстоятельств привлекал повышенное внимание к конкретному «педерасту». В 1871 году двое пьяных мужчин вступили в анальное сношение вблизи полотна царскосельской железной дороги и были арестованы проходившими мимо околоточным надзирателем и двумя городовыми[81]. В 1887 году в Витебске портье гостиницы «Вокзальная» наблюдал в замочную скважину, как дворянин Павел Петрович Пизани в своем номере «совокуплялся <...> через задний проход» с гимназистом-евреем. Полиции пришлось «обратить внимание на странный образ действий дворянина», а позже, уже в гостинице «Славянская», П.П. Пизани застукали на месте преступления, а его малолетние партнеры были «разысканы и допрошены»[82]. Петр Мамаев, арестованный в 1888 году на Пречистенском бульваре и в конце концов осужденный за «пассивную педерастию», на момент ареста был пьян и затеял драку[83]. В противоположность активным мерам, принимаемым полицией Берлина и Парижа, российские стражи порядка середины XIX века не прилагали усилий для борьбы с этими преступлениями. Считалось общепринятым, что «интимный характер гомосексуальных действий делает последние почти неуловимыми», поэтому только единичные дела доходили до суда[84]. Случаи, подпадавшие под ст. 996 («если <...> преступление было сопровождаемо насилием или же совершено над малолетними или слабоумными»), составляли основной поток дел о мужеложстве. В таких случаях судебная медицина могла предоставить более наглядные данные, и

обвинение отталкивалось именно от них. Статья 995 против добровольного мужеложства практически не действовала в большинстве городов России конца XIX века.

Из общего числа однополых половых преступлений царскими судами чаще всего рассматривались дела об «изнасиловании» мальчиков и мужчин. За период 1874—1904 годов на один приговор по ст. 995 приходилось четыре приговора по ст. 996[85]. И В.О. Мержеевский, и В.М. Тарновский сомневались, что изнасилование действительно могло иметь место, когда оба партнера были подростками или, по крайней мере, несовершеннолетними. Врачи осторожно намекали, что барьер сфинктера можно преодолеть только с согласия партнера — и анатомия, и необходимость предрасположенности партнера к однополому сексу исключают возможность однополого «изнасилования» и, соответственно, превращения «рецептивного» мужчины в «жертву»[86]. Однако в реальности изнасилование мужчин мужчинами в царской России было куда более грубым и сложным, и судебно-медицинская практика не отвергала мнения, что вопреки теоретическим изысканиям столичных авторитетов пенетрированные мальчики и юноши могли всё же становиться жертвами. Возможно, жестокость этих случаев побуждала большинство врачей проводить детальные исследования и оказывать помощь полиции в обосновании обвинения. Основными признаками анального насилия были травматические кровоподтеки и ссадины, трещины в анусе, порезы на теле жертвы или кровь, оставшаяся и обнаруженная на пенисе преступника. Опираясь на эти признаки, судебные врачи делали заключения, позволявшие быстро решать такие дела. Чем беззащитнее была жертва (в силу возраста), тем однозначнее были медицинские заключения[87].

В последнее мирное десятилетие царского режима был отмечен рост обвинительных приговоров в делах о мужеложстве[88]. Их число превысило даже число обвинительных приговоров по уголовным преступлениям, совершенным в первое десятилетие 20-го столетия. Соответствующая цифра возросла на 35% (вследствие беспорядков, вызванных революцией 1905 года), что документально зафиксировано статистикой Министерства юстиции[89]. После 1910 года число зарегистрированных преступлений, связанных с мужеложством, поднялось ещё в три раза[90]. Опубликованная правительством статистика не разграничивала добровольное и отягчающее мужеложство, но, согласно предположению Бориса Ивановича Пятницкого, лица, осужденные без сообщников, были скорее всего виновны в отягчающем муже-

ложстве. Такие преступники составляли примерно 78% из 504 осужденных за 1905–1913 годы. Они обвинялись по ст. 996, и подобная пропорция не отличалась от того, что наблюдалось в предыдущие десятилетия[91].

Эта статистика свидетельствовала о том, что преследование мужеложства переместилось из Петербурга и Москвы в города и сельские районы юга России и Кавказа[92]. За последние два года, когда статистические данные еще собирались, из общего числа случаев мужеложства в Российской империи почти половина приходилась на Тифлисскую губернию (включая города Тифлис (Тбилиси), Баку, Екатеринослав, Ереван и прочие населенные пункты). Резко упало число обвинительных приговоров, касавшихся этнических славян, и столь же резко выросла доля таких приговоров лицам, принадлежавшим к народам Кавказа[93]. Перемещение полицейского преследования мужеложства из крупнейших и наиболее «европеизированных» центров России на юг и восток обусловили, как представляется, два обстоятельства. С одной стороны, в «европейской», или «цивилизованной», России господствовала снисходительность к ненасильственным однополым мужским отношениям, оправданием чему, пусть в данном контексте и слабым, служило убеждение, что предрасположенность цивилизованного европейского мужчины к «гомосексуальности» определяет биологическая или психическая аномалия. В медицинских сферах произошел заметный раздел влияния: судебные гинекологи и врачи продолжали проводить экспертизы в случаях принудительных или оскорбительных однополых отношений, а психиатры, хотя и неохотно, без энтузиазма, характерного для их западных коллег, приступили к изучению гомосексуальной личности. В то время, как врачи, юристы и историки культуры (см. гл. 4) рассматривали «гомосексуалиста» то как морально развращенного, то кроткого, но аномального, физиологически деформированного или психопатического, он быстро становился публичной фигурой, воплощавшей специфическое половое влечение.

С другой стороны, для судебно-медицинских экспертов, «отвечавших» за проблему на юге и востоке империи, мужчины, «занятые в педерастии», представлялись отнюдь не такими личностями. Утверждалось, что, несмотря на распространенность «половой психопатии» среди населения данного региона, этот феномен был прежде всего порождением местных культур. Российские ученые почти не сомневались в неприменимости здесь медицинской модели, поскольку обычаи и нравы коренного населения Грузии и Армении, регионов вокруг Баку, Ташкен-

та и Самарканда отнюдь не исключали однополых отношений, причем часто принудительных. Распространенные на Кавказе похищения мальчиков и юношей для половых целей подчас объяснялись «дикими нравами туземного населения»[94]. В Ташкенте и близлежащих регионах Средней Азии распространенность «педерастии» объяснялась изоляцией женского населения, специфическим образом жизни местных мужчин, коротающих досуг в разного рода «чайных (“чайханах”), где с ранних лет [они] приучаются к восточной лени и тунеядству», а также местными традициями подростковой проституции — «бачебаством» («бачи» — мальчики-танцоры передвижных трупп, вовлеченные также в платный секс)[95]. Русских исследователей гораздо больше смущало то, что «культурное» население Кавказа, жившее бок о бок с «примитивизмом», «половой психопатией» и «вырождением» туземцев, относилось к доминировавшим в их среде однополым отношениям с полным безразличием. «Чем крупнее город и больше в нем мусульман, тем чаще возникают судебные процессы по поводу педерастии»[96]. Порок, главной причиной распространенности которого является мусульманская традиция изоляции женщин от внешнего мира, был в этом регионе, по общему мнению, преимущественно городским, стимулируемым мужской возбудимостью и наличием множества удобных и закрытых от посторонних глаз пространств.

В Тифлисе, столице Закавказья, случаи педерастии имеют место главным образом в татарских кварталах — по разным притонам, духанам, лавкам, напр<имер>, на так называемом персидском базаре и в т. п. местах, а также в банях. Что касается банщиков, то и в Тифлисе, как и в Баку и др. городах Кавказа, далеко не редко [они] предлагают свои пассивные услуги активным педерастам, которых знают годами. Банщики эти по национальности б<ольшей> ч<астью> персияне и татары; свою тайную профессию они держат в большом секрете. <...>

Из христианских племен первое место по склонности к педерастии занимают армяне, вероятно, вследствие их тесного соприкосновения с коренным населением Турции и Персии, сравнительно большого материального достатка и зачастую избалованности городской ресторанной жизнью. Независимо от исповедуемой религии и племенного происхождения среди поселян педерастия встречается реже, чем среди горожан, что объясняется тем, что в городах и соблазна больше, и скрыть свои порочные привычки легче. <...>

Население Баку славится не только на Кавказе, но и далеко за [его] пределами половым развратом вообще и педерастией — в частности. Большие капиталы, которые имеются здесь у многих татар и армян из нефтепромышленников и др. коммерсантов города, делают для них доступным все восточные наслаждения. Богатым подражают менее зажи-

точные, в глазах которых неестественные половые акты отчасти находят себе оправдание в традициях и примерах. С точки зрения богатых мусульман, пользоваться мальчиками не так уж позорно, как принято думать. Об этого рода половых сношениях, по мнению очень многих мусульман, не следует только болтать. Получается впечатление, что для зажиточного, знатного и избалованного перса или татарина мальчик является такою же потребностью утонченного вкуса, как тухлое яйцо китайского мандарина высшего ранга, или сыр рокфор, или рябчик с душком для петербургского аристократа[97].

Мужчины-мигранты из Нагорного Карабаха, подрабатывая на нефтяных промыслах в Баку, «ради куска хлеба делаются подчас и пассивными педерастами»[98].

К экзотике востока России относили сексуально «первобытного» мужчину, часто нехристианина или субъекта, испорченного жизнью на периферии христианского мира[99]. Подобные мужчины не удостаивались внимания медицины за исключением случаев, требовавших уголовного расследования. Российские врачи считали, что эти обычаи и привычки следует изучать и радикально менять. «Только школа и широкое распространение печатного слова могут сделать тут свое великое дело» — победить и свести на «нет» зло, причиняемое социально санкционированной «педерастией»[100]. Статистика Министерства юстиции не могла объяснить причину роста обвинительных приговоров по делам о мужеложстве, но российские судебные медики и психиатры считали, что в данных районах в конце царской эры полиция действовала слишком прямолинейно и грубо.

Заключение

Регулирование однополой любви в Российской империи характеризуется эвфемистичными практиками [т. е. отмеченными мягкостью наказаний]. Хотя в законодательстве были использованы охранительные европейские нормы морали, но закон, по сути, не имел большой силы. Как и следовало ожидать, его исполнение оказалось делом трудновыполнимым без применения полицейских методов (ареста, постоянного надзора), использовавшихся властями Берлина и Парижа. Царская полиция ограничивалась поддержанием на должном уровне порядка и общественной благопристойности, но у нее не было возможностей заняться активным выявлением «мужеложства». Эпоха великих реформ стимулировала врачебно-полицейскую заинтересованность в развитии судебной техники для обнаружения доказательств

«содомии» и «лесбийской любви», представляемых на открытых судебных заседаниях, практика которых была заимствована у западной юриспруденции. Всё это было в рамках судебной гинекологии, другими словами, находилось на вооружении врачебно-полицейских комитетов, осуществлявших надзор за гетеросексуальной проституцией. Однако, несмотря на реформы, сбор доказательств по делам о «содомии» (случаи «лесбийской любви» вообще игнорировались), как обычно, сдерживался неактуальностью этой проблемы с точки зрения иерархии задач, стоявших перед полицейским ведомством. Перед началом Первой мировой войны единственной целью судебной медицины была идентификация «педераста», совершившего изнасилование мужчины, в соответствии с установившимися полицейскими и судебными процедурами. Пока требования к такой экспертизе были невысокими, В.О. Мержеевский и В.М. Тарновский оставались национальными авторитетами в данном вопросе. В первые годы 20-го столетия российская психиатрия постепенно отвоевывала позиции, ранее принадлежавшие судебной медицине, и всё чаще заявляла о себе как о безусловном авторитете российского медицинского дискурса в вопросах однополой любви. Закат царизма характерен тем, что в основных работах по «гомосексуализму» (этот термин становился всё более распространенным) почти не встречалось описаний телесных признаков «содомитов» или «трибад». Акцент смещался в сторону психиатрической проблематики. Именно от психиатрии (и российской, и европейской) ждали объяснений этого феномена[101]. Судебной медицине отводилась побочная роль поставщика экспертных заключений по делам о насильственных половых нападениях на мужчин, совершенных мужчинами.

«Антисодомитские» меры российской полиции лишь в малой степени способствовали медикализации однополой любви. Властей интересовало только раскрытие и наказание актов полового насилия. Однако применение закона показало, что отношение к однополым мужским связям со стороны судей было в значительной степени пристрастным, особенно в эпоху насилия и нестабильности, наступившую после 1905 года. В высших сферах царила терпимость и стремление оградить от преследования виновных из своего круга. В судах Петербурга и Москвы слушалось считанное количество дел даже по поводу насилия над мужчинами. Ничего подобного суду над О. Уайльдом или князем Ф. Эйленбургом не было. Одновременно на южных и восточных окраинах империи заметно усилились силовые полицейские преследования взаимных мужских половых отношений. Здесь даже врачи,

которые внутри родной России могли позволить признать роль «психопатии» в объяснении сексуального диссидентства, отказывались применять медицинскую модель к феномену «местной педерастии». Налицо было морализаторское законодательство, его избирательное применение и противоречивые теоретические толкования проблемы, которую надлежало регулировать. Эти факты породили бурные дебаты в последние дни царской России, результатом чего явилось новое законодательство, принятое после ноябрьского коллапса.

Глава 4
«СТРАННЫЙ СУБЪЕКТ» И ЯЗЫК МОДЕРНИТИ
Реформирование закона об однополой любви до и после 1917 года

В 1908 году в Санкт-Петербурге выходит работа апологета «среднего пола», скрывшегося под псевдонимом и выступившего в защиту своего права высказываться в печати о «новом вопросе, которого раньше нельзя было касаться»:

> В каждой семье может оказаться странный субъект, чувствующий отвращение к женщинам и половое влечение к мужчинам. Как смотреть на подобнаго рода юношу? Как его воспитывать? Считать ли его уродом или развратником? Всё это вопросы чрезвычайно важные для родителей[1].

Замалчивание этого «нового вопроса» объяснялось также терзаниями молодого человека, «странного субъекта», и смущением его родителей. Оперируя сведениями, почерпнутыми из научных и авторитетных европейских источников, автор стремился «популярно и доступно» осветить затронутые им вопросы. Голос русского «странного субъекта», сочетавшего язык медицины с правами человека, звучал за завесой анонимности подобно чревовещателю современной западной гомосексуальной эмансипации. В последние годы царизма малоизвестные русские переводчики и издатели поставляли на книжный рынок империи новейшие европейские публикации по «гомосексуализму» (как сексологического, так и апологетического характера). На первый взгляд, эти издания были адресованы врачам и юристам, но, по сути дела, их авторы и издатели обращались к непрофессиональ-

ной, но образованной аудитории. Требования «среднего пола» теперь звучали не только в кулуарных переговорах «педерастов» и власти, но — с ослаблением цензуры печати после революции 1905 года — и в кругах широкой общественности.

Краткий период псевдоконституционного правления и думской (парламентской) политической системы (1905–1917 гг.) был отмечен острыми дискуссиями либералов и социалистов по проблемам регулирования сексуальности. Когда в 1917 году большевики пришли к власти, этот вопрос, очевидно, не представлялся им столь уж значимым. Но очень скоро пришлось разрешать противоречия, с одной стороны, между государством, наукой и Церковью, а с другой — воплощать в жизнь заявленную в социалистической программе концепцию равноправия мужчин и женщин, вследствие чего проблемы сексуальности, однополых отношений оказались в числе приоритетных. Стремясь их разрешить, русские революционеры в своем выборе новой формы дискурса о грядущем сексуальном порядке опирались на многочисленные источники, в том числе амбивалентные социалистические традиции и унаследованные новым режимом устоявшиеся способы регулирования.

«Странный субъект» и политика царизма в отношении сексуального диссидентства

В последние годы царского режима проблема однополой любви стала активно обсуждаться. Художественные тексты и критика, сатира и анафематствования, переводы иностранных трудов и апологетические сочинения приблизили эту проблему к читающей публике и принесли новые концепции и язык для описания взаимного, как мужского, так и женского, эроса. Одновременно юристы анализировали, каким образом (и в прошлом, и в настоящее время) регулировалась в других странах такая любовь, и выносили на обсуждение как своих коллег, так и широкой общественности предложения по введению в Российской империи более справедливого законодательства, регулирующего сексуальную сферу. Марксисты держались в стороне от этого потока обсуждений, но их изредка звучавшие заявления о грядущей сексуальной революции были не без реверансов в сторону гомосексуальности.

На защиту однополой любви поднялись прежде всего русские литераторы. До 1914 года в Европе не появлялось такого

произведения, которое могло бы сравниться по оптимизму и яркости описания гомосексуальной личности с печально известной и популярной повестью Михаила Алексеевича Кузмина «Крылья»[2]. Это была первая в мире современная повесть о гомосексуальном самоосознании со счастливым финалом. В своей основе она автобиографична. Главный герой Ваня, юноша из среднего класса Петербурга, постепенно осознает свою непохожесть и отстаивает право быть самим собой. Повествование представляет собой сплав элементов местной гомосексуальной субкультуры, философии фундаменталистских старообрядческих сект и основ классицизма с космополитизмом. Всё это призвано оттенить специфику эмоциональных и интеллектуальных исканий Вани – и М.А. Кузмина – на пути самопознания. Для адептов гомосексуальной субкультуры Санкт-Петербурга и Москвы знакомые реалии русской жизни отражали их совместный опыт и еще более повышали в их глазах литературную ценность повести. «Крылья», по словам С. Карлинского, стали «катехизисом», воспевающим, как в 1912 году определил поэт Николай Степанович Гумилев (1886–1921), «взгляды и чувства целого круга людей, объединенных общей культурой и по праву вознесенных на гребне жизни»[3]. Н.С. Гумилеву были ясны и политическая направленность повести, и статус М.А. Кузмина как выразителя «общей культуры» однополой любви. «Крылья» имели скандальный успех, моральные установки повести отличались от современных западноевропейских аналогов и подчеркивали, в отличие от последних, бескомпромиссно позитивную ценность однополой любви в русском культурном ландшафте[4].

Менее удачной, но часто упоминаемой в качестве посвященного «лесбийской любви» эквивалента «Крыльев» явилась повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» (1907)[5]. По жанру это мелодраматический дневник, принадлежащий анонимной рассказчице, женщине удивительной красоты. Она повествует о своих лесбийских отношениях с известной актрисой по имени Вера. Любовь изображена истеричной, слезливой и страстной, но связь обрывается, когда Вера обдуманно приносит в жертву оценивающему взгляду тридцати трех художников-мужчин предмет своей привязанности. Автор дневника позирует живописцам и, плененная (подобно Дориану Грею) получившимися тридцатью тремя портретами, решает оставаться моделью художникам, представая на их полотнах всё в новых и новых ипостасях, отражающих происходящие с ней перемены, вплоть до «любовницы» и «проститутки». Вера жесто-

ко расплачивается за свое «великодушие» и предпочитает покончить жизнь самоубийством, чем терпеть потерю бисексуальной подруги, остановившейся в своем выборе на мужчинах. Д. Бургин полагает, что произведение Л.Д. Зиновьевой-Аннибал посвящено в равной степени и искусству, и лесбийской любви, однако скандальность сюжета («Тридцать три урода» появились вскоре после «Крыльев») принесла повести известность как первому в русской литературе произведению, посвященному лесбиянству[6]. В отличие от повести о мужской любви М.А. Кузмина, в «Тридцати трех уродах» ощущается сильное влияние иностранной (особенно французской) лексики лесбиянства. Действие развертывается в изысканной обстановке из подушек и ковриков, здесь мало специфически русского. Пропитанная пессимизмом повесть Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, парализующий волю, разрушающий любовь двух женщин, пронизывающий маскулинный взгляд одной из них (Веры) – всё это не выходило за рамки формул космополитичного литературного декаданса. Как заметила З.Н. Гиппиус, «Тридцать три урода» не стали «катехизисом» и не содержат правды о женщинах[7].

Несколько позже, в 1915 году, пронзительный лесбийский поэтический голос зазвучал в стихах Софии Парнок, но критика оказалась не способной оценить ее наиболее откровенные стихи о «женщинах, любящих женщин», и встретила их «молчанием» и «с испугом»[8]. Своим творчеством С. Парнок отвергала санкт-петербургские салонные условности литературной гомосексуальности, которые помогали в инаугурации сугубо эстетизированным творениям вроде тех, что принадлежат Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Эксперименты с идиосинкразированной сексуальностью и гендерами пропитывали атмосферу литературных салонов царской столицы, расцвечивая тему однополой любви и окрашивая гендер в экзотические и мистические цвета. Декаданс, господствующий в Европе эстетический стиль, наложивший печать на русскую литературу и сексуально-гендерное диссидентство были существенными, хотя и спорными чертами этой тенденции[9].

Территория русского декаданса и его интерес к секс-гендерной трансгрессии давно «застолблена» литературными критиками и историками. Но до сих пор мало что было сказано о текстах в жанре «нон-фикшн», в которых брались под защиту трансгрессивные сексуальности. Частично это объясняется тем, что в России таких работ вышло сравнительно немного, да к тому же небольшими тиражами, и потому они стали библиографическими раритетами. До недавнего времени ситуация

усугублялась тем, что они находились в «фондах специального хранения» советских библиотек и были недоступны исследователям. Другие книги на занимающую нас тему представляли собой обычные переводы иностранных текстов. Тем не менее читающая публика, интересовавшаяся проблемами пола и не придававшая особого значения иерархии жанров, жадно поглощала как опусы разной степени научных достоинств, так и художественные, преимущественно переводные, тексты об однополых отношениях. Эти издания обогащали читателей, далеко не всегда сторонников модернистского авангарда, новым языком описания и понимания однополой любви.

Одним из заметных научных трудов, посвященных данному вопросу, стала книга под заглавием «Люди среднего пола», появившаяся в 1908 году. На титульном листе в качестве имени автора значилось: «П.В.Ушаковский (Псевдонимъ)». Издание предназначалось для юристов, врачей, взволнованных родителей «странных субъектов» и просто «всякого образованного человека», обещая помочь читателю «приобрести надлежащий и вполне научный взгляд на однополую любовь». На двухстах двадцати шести страницах были систематизированы новейшие европейские теории однополой любви[10]. В первой главе «Происхождение среднего пола» (с. 9–41) давался обзор медицинских объяснений «гомосексуальности» – от теории «женской души в мужском теле» Карла Хайнриха Ульрихса (Ulrichs, Karl Heinrich; 1825–1895) и до психопатологической модели Р. фон Крафт-Эбинга и психоаналитической типологии З. Фрейда. Книга содержала важные отрывки из исповедальных описаний «Психологии извращенного» (с. 42–52), письма итальянского «инверта» («Признания извращенного», с. 53–95)[11] к Эмилю Золя (Zola, Emile; 1840–1902), рассказов о посещениях ресторанов для «уранистов» («uranian») и мест сбора гомосексуалов в Берлине, а также о ежемесячных собраниях Научно-гуманитарного комитета, основанного Магнусом Хиршфельдом (Hirschfeld, Magnus; 1868–1935) в 1897 году с целью эмансипации гомосексуалов (с. 96–110)[12]. Медико-юридические описания мужской проституции в европейских столицах были взяты у Поля Бруарделя (Brouardel, Paul Camille Hyppolite; 1837–1906) и Альберта Шренк фон Нотзинга (Schrenck von Notzing, Albert Philibert Franz, Freiherr von; 1862–1929) (с. 111–120)[13]. Британские экспертизы были представлены биографиями «инвертов», первоначально опубликованными Генри Хэвлоком Эллисом (Ellis, Henry Havelock; 1859–1939) (с. 121–137), и обширным отрывком из отчета Марк-Андре Раффаловича (Raffalovich,

Marc-André; 1864—1934) о суде над Оскаром Уайльдом (с. 138—167)[14]. После основной главы, переполненной цитатами из Альберта Молля (Moll, Albert; 1862—1939), Шарля Фере (Féré, Charles Samson; 1852—1907) и Ивана Блоха (Bloch, Iwan; 1872—1922) о «двуполых извращениях» (с. 168—196), П.В. Ушаковский завершает свой обзор главой «Общий взгляд на людей среднего пола» (с. 197—208), подводя итоги различным точкам зрения на людей «среднего пола» и вновь цитируя Р. фон Крафт-Эбинга, Эдварда Карпентера (Carpenter, Edward; 1844—1929), М. Хиршфельда и И. Блоха.

На первый взгляд этот скороспелый справочник не отличался оригинальностью, но он давал читающей аудитории переводы значительного числа современных работ, посвященных гомосексуальности, многие из которых были выдержаны в духе эмансипации. Содержащееся в заключении воззвание к толерантности, написанное русским и для русских, упало на подготовленную почву. П.В. Ушаковский завершил свой труд не только обсуждением декриминализации однополых отношений в России, но и взял их под защиту как естественную составляющую человеческой сексуальности. Законодательство против однополой любви не только противно логике, но и неприменимо на практике.

> Закон должен защищать детей и сумасшедших и не допускать никакого насилия. Но то, что делают у себя в комнате два взрослых человека по взаимному согласию со своим телом, его не повреждая, не касается государства[15].

Заставлять людей среднего пола скрывать свою подлинную сущность от общества означает просто порождать зло. Стремясь замаскироваться гетеросексуальным браком, такие люди превращают жизнь собственных супругов в трагедию и, возможно, порождают потомство с тяжелой наследственностью. Осознание того факта, что здоровые и нравственные люди страдают от своего «недостатка», заставит общество отказаться от мнения о порочности и антисоциальности всех проявлений однополой любви. Оперируя абстрактными терминами и избегая любых упоминаний о нарушении общественного порядка и проявления мужеложства в России (в частности, мужской проституции в банях), П.В. Ушаковский выстраивал свою позицию на принципах либерализма[16].

В последние годы царизма русскому читателю стали доступны переводы трудов о гомосексуалах, написанных самими же гомосексуалами. Знаменитое этнографическое описание М. Хирш-

фельда «Третий пол Берлина» («Berlins Drittes Geschlecht») было опубликовано в России спустя всего лишь четыре года после издания в Германии[17]. Русский перевод (без указания даты публикации) книги Генри Хэвлока Эллиса «Половое извращение» («Sexual Inversion»; запрещенной в Англии в 1897 г. и изданной в Лейпциге в 1900-м и в Филадельфии – в 1901 г.) появился в мае 1910 года[18]. В 1916 году были изданы отдельной книгой, «дозволенной военной цензурой», статьи английского социалиста Э. Карпентера о «промежуточном поле»[19]. В трудах об однополой любви и в руководствах по половому вопросу целые главы представляли собой переводы работ известных европейских медицинских экспертов[20]. Кроме того, наряду с трудами крупных ученых не было недостатка и в откровенно коммерческих описаниях «извращенного мира», чем обычно занимались маргинальные представители медицины. Один из наиболее пикантных опусов о половых перверсиях, принадлежащий перу французского врача Жана Фоконнея (Fauconney, Jean; 1861–?), был издан на русском языке в Москве [в декабре 1907 года под псевдонимом А. Коффиньон и заглавием «Извращенный мир» (в оригинале: «La pédérastie... / par docteur Caufeynon»][21]. На страницах книги «сафистки» и «педерасты» образуют «всемирный союз порока наподобие франк-масонов»; женщины в Булонском лесу узнают друг друга «по квази-масонским знакам, по быстрому движению языка и губ»; мужчины способны отыскать себе подобных «в Палермо, Лувре, в горах Шотландии, в Петербурге, в Барселоне»[22]. Космополитический порок мог привлечь читателей, поэтому в начале 1908 года Московский Цензурный комитет [с 1912 г. – Комитет по делам печати] добился возбуждения уголовного дела против издателя Евдокии Коноваловой и переводчика за публикацию шести тысяч экземпляров «Извращенного мира» – маленькой книжонки, выпущенной «с ясно выраженной целью <...> популяризированья» извращений в области сексуальной сферы, а вовсе не для пропаганды знаний о психиатрии[23]. Русские Фоконнеи, некоторые с известными именами (способные завуалировать тексты под научные и тем самым избежать суда), создавали аналогичные произведения на потребу алчущей публики[24].

Как и в других странах Европы, обуреваемые однополым влечением россияне бросились поглощать эти тексты, стремясь разобраться в собственной сущности. Ответы, которые они получали, далеко не всегда были обнадеживающими, но очевидно, что такая литература оказала влияние на широкого читателя. Один армейский офицер вспоминал о своем первом физическом сближении с другим мужчиной, когда еще гимназистом

каждую ночь он проводил в одной постели с товарищем по комнате (семинаристом). Страх, порожденный такого рода книгами, подвел черту под их отношениями.

В один прекрасный день он вернулся [откуда-то] домой и показал мне книгу (какую не помню), где такие отношения, как у нас, назывались преступными и противоестественными. <...> Он поссорился со мной[25].

Мужчина, в 1912–1914 годах проституировавший на бульварах Москвы, вспоминал, что единственными двумя прочитанными им книгами были «Половой вопрос» Августа Фореля* и «книга Молля** о гомосексуальности». Он с удовлетворением признал себя «пасынком природы»[26]. Другая пациентка советского психиатра, «гомосексуалистка», была, очевидно, сведуща в аргументах М. Хиршфельда, ратовавшего за толерантный подход к сексуальной аномалии, и принимала себя такой, какая она есть[27]. Солдат Красной Армии, арестованный 15 января 1921 года на «вечеринке педерастов» в Петрограде, заявил, что он

очень скорбит о своем извращении, борется с этим недочетом, читал много книг, пытаясь найти объяснение своему состоянию, и пришел к убеждению, что «с этим несчастным чувством родился он на свет»[28].

Критики как левых, так и правых политических убеждений с насмешкой приняли требование подведения медицинского или эстетического базиса под однополую любовь и необходимость проведения вытекающей отсюда политики толерантности. Многие из них сочились презрением, когда слышали о «Крыльях» М.А. Кузмина и воспетом в повести очевидно немедицинском взгляде на мужскую любовь как экзальтированное переживание, несравненно более возвышенное, чем любовь мужчины к женщине, и подпитанное классической ученостью и традициями наставничества. Один из журналистов левого толка [Кранихфельд, Владимир Павлович; 1865–1918] обвинил М.А. Кузмина в «мещанском индивидуализме» и воспевании «простой русской бани», где «хорошие господа <...> по дешевой цене <...> развращают мужиков». Критик «социалистических убеждений» [Г.С. Новополин] писал:

Потому что, по убеждению Кузмина, люди, сеющие разврат в его наиболее противоестественной форме, – не дегенераты, взрощенные на тощей аристократической почве, не выродки, развращающиеся от безделия, не паразиты, высасывающие народную кровь и беснующиеся от жиру, –

---

* [См. в наст. изд. «Библиографический список...».]

** [См. в «Библиографическом списке...» к наст. изд.: *Молль, Альберт.* Половое извращение: [в 2 т.]. СПб., 1907.]

а новые люди, открывшие, по словам Кузмина, глаза людям на новые миры красоты. И Кузмин всё свое маленькое дарование тратит на идеализацию скотоподобия <...>[29].

«Крылья» пользовались симпатией у левых, ибо, по смыслу повести, существующие формы эксплуатации являются вечными и банный микрокосм – это область межклассовой мужской проституции.

Предельно ядовито отреагировала и на «Крылья», и на «Тридцать три урода» социал-демократическая критика в лице Г.С. Новополина, сражавшегося с «порнографическим элементом» в современной русской литературе[30]. Он сетовал, что талантливые авторы «открыто пропагандируют этот противоестественный порок», и выражал глубокое сожаление, что вместо следования идеалам традиционной женской добродетели и материнства «женщина писательница впервые падает так низко – до смакования половой извращенности, до культа лесбо<с>ской любви, до апологии утонченнаго разврата». Чувственность «Уродов» была, на его взгляд, невыносима. Главная героиня Л.Д. Зиновьевой-Аннибал испытывала удовольствие от «мужефобства»:

И не осуждение, не страстный протест вызывает со стороны Зиновьевой эта язва, внедрившаяся в душу даже женской интеллигенции, а поклонение и смакование <...>. Зиновьева ничего не опускает из картины этой любви. Наоборот, она дополняет клиническия описания многими пикантными подробностями <...>. Здесь такия точныя описания извращенной любви, какия не часто встретишь у Крафт-Эбинга <...> опять дикая оргия, опять странныя речи о ногах, руках, линиях живота, грудей <...>. Эротоманка делается героиней романа. Чисто клиническое явление выбирается объектом для художественного произведения[31].

По мнению Г.С. Новополина, «всё богатство своих натур» главные герои М.А. Кузмина и Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «тратят на одну и ту же болезненную потребность тела, возводя ее в культ и окружая ореолом красоты», а их одержимость «узкой сферой половых вожделений» не имеет ничего общего ни с эстетикой, ни с политикой[32]. Г.С. Новополин настаивал, что эти писатели изображали явление, чуждое российской социальной действительности. Иная картина, на его взгляд, характеризовала Западную Европу, где процветали «неврастения и ее неизбежные спутники – половые извращения». В целомудренную же Россию порок заносился либо с Запада, либо с Востока. «Противоестественные сношения широко практикуются, говорят, на Кавказе и в аристократических кругах обеих наших столиц», другими словами, этот порок, с точки зрения нашего критика, был присущ «внутреннему Востоку» России и европеизированной элите[33].

Конечно, нравы известной части русского общества, а особенно русской буржуазии (Г.С. Новополин подразумевал, судя по всему, городских купцов. – *Д.Х.*), далеки от целомудренной чистоты. Но здесь всё еще царствует грубый и простодушный разврат <...>.

В прошлом году вышла, правда, книга о петербургских гомосексуалистах. Но мы думаем, если всё правда в книге, то это дело одного Петербурга, а не всей России[34].

Книга, которую имеет в виду Г.С. Новополин, представляет собой пикантное произведение, принадлежащее Владимиру Павловичу Руадзе, второстепенному поэту, журналисту и сатирику. Свое описание петербургской гомосексуальности он озаглавил: «К суду!.. Гомосексуальный Петербург»; но фактически его книга – это вымышленный бедекер (по названию известной фирмы «Baedecker», выпускающей путеводители. – *Ред.*) по гомосексуальной субкультуре. Автор упражняется не только в живописании сексуальной или моральной развращенности своих героев, но и их тщеславия и одержимости. В результате получился не только документированный перечень подлежащих наказанию преступлений, но и шоу с подглядыванием за тайными пороками с намерением пощекотать нервы и позабавить читателя[35]. Тридцать пять небольших очерков описывают социальные типы «теток» гомосексуального Петербурга: из особняков титулованных аристократов «света», более скромных гостиничных номеров «буржуа» и вплоть до «улицы – этого зеркала общественных нравов». Последний отдел посвящен «оргиям и вечерам», на которых, забыв о стыде, смешиваются все классы и сословия. Попытка В.П. Руадзе привлечь внимание полиции и общества к «гомосексуальному мирку» имела успех по меньшей мере в лице одного социал-демократического критика [Александра Ивановича Матюшенского (1862–?)], изъяснявшегося в том же духе[36].

Крайне правый фланг занимал антисемит и иррационалист Василий Васильевич Розанов (1856–1919). Его чуждая условностям философская книга «Люди лунного света», изданная в 1911 году, открыла имевшую широкий отклик в России дискуссию относительно однополой любви. В.В. Розанов выделил гендерные и сексуальные девиации («уклонения») людей (выражаясь метафорически, «лунного света») как естественное промежуточное звено между ярко выраженными, полярными (и «лучащимися») маскулинностью и фемининностью[37]. Определяющей чертой розановского анализа «содомитов» была его бесконечная полемика с психиатрией и рождаемыми ею теориями половой психопатии, предвосхитившая недавние подходы к пониманию взаимоотношений «врач–пациент». В.В. Розанов клеймил австрийского

психиатра Р. фон Крафт-Эбинга за то, что состояния своих пациентов тот называл «половым страданием»:

[Книжка или книжонка, о которой мы говорим – Крафт-Эбинга: «Половая *психопатия*». Παθος [*греч.*] значит «страдание»: то, от чего *кричат*, на что́ имеющие ее – *жалуются*. И хотя никто из описываемых в книжке лиц не «кричал» и не «жаловался» Крафт-Эбингу, но он собрал ставшие известными ему факты в книжку «о страданиях пола», не имея для этого даже того основания, какое имел бы *механик* <...>.]

«Пошлые грязные, тупые медики» и доверившаяся им публика похоронили правду о поле под «отвратительными медицинскими терминами и фантастическими, совершенно глупыми представлениями», объявив всех сексуально трансгрессивных личностей «извращенными», «развратными», «больными» или «уродами». «Болваны, – не унимался Василий Васильевич, – при встрече с Сократом они записали бы только: “весит 4 пуда 10 фунтов”»[38]. Основываясь на историях гендерного нонконформизма и автобиографиях людей, одержимых непрокреативным сексом, В.В. Розанов утверждал, что эти истории доказывают, что пол более «текущий», чем вообразили себе медики. Для В.В. Розанова «третий пол», отказавшийся от прокреации и радостей семьи и дома, способен обрести более глубокую духовность. В этом «содомиты» напоминают монахов, живших в согласии с требованиями Нового Завета (с точки зрения В.В. Розанова, вершины европейской цивилизации, которую философ упрекает в недостатке плодовитости). Бичуя «бессеменность [христианства], невожделение к женщине», философ утверждал, что монастырское сообщество из 1001 «развратного» монаха понимает предписания Нового Завета более правильно, чем «1001 счастливый семьянин, будь они хоть добродетельны, как Авраам», который в своем отцовстве не пошел далее Ветхого Завета[39]. В своих непростых для понимания и часто витиеватых мыслях В.В. Розанов выдвигает противоречивую концепцию толерантности в отношении «содомитов» – как мужчин, так и женщин. Хотя он был вовлечен преимущественно в борьбу идей в рамках стилистических и политических дискурсов, он при всем том высказывался за патриархальное ви́дение пола и оказал глубокое влияние на ряд философов и интеллектуалов авангарда[40].

Многие мнения, прозвучавшие после 1905 года, ранее уже дебатировались в узком кругу юристами, поднимавшими вопрос о значимости существовавшего, но редко применявшегося на практике закона о мужеложстве. Споры относительно пересмотра царского уголовного законодательства тянулись два десятилетия, с 1880-х по 1903 год, когда в конце концов было частич-

но принято новое Уголовное уложение. Оно широко использовало новейшие наработки европейской юриспруденции[41]. Решение оставить в Уголовном уложении запрет на добровольное мужеложство было основано на том, что Лора Энгельштейн назвала «отказом в праве на интимность» («the refusal of the private»), а именно – консервативном сопротивлении признавать личную половую свободу в частном пространстве. Этот отказ оправдывался юристами с разных позиций. Архангельский прокурор Рихард Краус (1848–?) яснее прочих выразил убеждение, что половые извращения характерны для города и, в частности, для образованных кругов. Он отрицал право распоряжаться собственным телом, если это оборачивается «вопиющим нарушением законов природы» или «основных начал человеческого бытия и сожития». Комментируя запрет мужеложства, юрист Леонид Евстафьевич Владимиров [1846–1917] утверждал, что запрет введен в воспитательных целях, стимулируя к самодисциплине морально слабых людей. Петербургский прокурор А.Ф. Кони, не одобрявший попыток упразднить законы против мужеложства в европейских странах, писал, что «гомосексуалисты, подобно еретикам-скопцам, которые, отвергая истинную веру, подвергали себя оскоплению и подрывали общественный порядок, <...> были активными пропагандистами бездетного образа жизни. Государство уже поставило скопцов вне закона, <...> ему следует также поступить и с гомосексуалистами»[42].

Самым горячим сторонником декриминализации был Владимир Дмитриевич Набоков (1869–1922), чья либеральная защита свободы частной жизни в этой сфере поставила его в один ряд с гомосексуальными эмансипационистами во главе с доктором М. Хиршфельдом в Германии[43]. Законодательство, по мнению В.Д. Набокова, не должно было участвовать во введении моральных или даже медицинских «норм», в данном же случае закон был просто безнравственным. В.Д. Набоков признавал, хотя и с оговорками, аргументы немецких и ряда европейских медиков о том, что некоторые гомосексуалы таковыми рождаются, и поэтому отнесение российским уголовным статутом мужеложства к пороку (и поэтому – волевому акту) во многих случаях ошибочно. «Светское право, основанное на абстрактных и всеобщих принципах», не должно карать мужеложство, совершаемое приватно между договорившимися об этом взрослыми[44]. Либеральная точка зрения была выражена Санкт-Петербургским юридическим обществом и членами Самарского окружного суда. В дебатах 1886 года по проекту особенной части Уголовного уложения девять из двадцати трех членов Московского юридичес-

кого общества также высказались за декриминализацию мужеложства[45]. Даже после частичного введения в 1903 году этого Уголовного уложения юристы продолжали оспаривать разумность сохранения запрета мужеложства, ссылаясь на принципы либерализма и отмечая пристрастность полиции в случаях применения закона. Одновременно они признавали непререкаемость права медицины заниматься вопросами однополой любви[46].

Либеральные адвокаты, отстаивавшие принципы секуляризации, права на частную жизнь и свободу личности, были в числе самых горячих защитников гомосексуальной эмансипации в Российской империи. Не будучи гомосексуалами, они стремились установить либеральный, правовой режим. Отсутствие организованного, сознающего собственные права движения гомосексуалов, требовавших отмены запрета в России, нельзя рассматривать как нечто исключительное, ведь право первенства принадлежало здесь Германии[47]. Как во Франции и кое-где в Европе, в России также прозвучали в литературе и культурологических штудиях яркие русские апологии гомосексуальности – плоды, скорее, индивидуального, нежели коллективного творчества. В царской России голоса, призывавшие положить конец уголовному преследованию однополой любви, использовали либеральные аргументы, отстаивавшие право личности на неприкосновенность частной жизни и свободу.

У левых радикалов, стоящих на позициях крайнего индивидуализма или законного либерализма, не было времени на споры о сексуальности. Большевики не внесли особого вклада в вопрос о гомосексуальной эмансипации. Вот почему историки, изучающие революционные подходы к сексу и гендеру, исключают партию пролетариата из поля своих исследований[48]. Тем не менее, чтобы понять направление социал-демократической мысли, когда вопрос о сексуальности все-таки возникал, следует рассмотреть традиции восприятия ее русскими левыми. Их точка зрения на сексуальность определялась принадлежностью к одному из потенциально противостоящих лагерей. Если для первого преобладало стремление разрушить старый порядок, то головы второго были заняты мыслями о строительстве нового жизненного уклада. Утописты-либертарианцы мечтали освободить половую жизнь граждан от влияния Церкви и государства, а рационалисты стремились с помощью современной науки (медицины, педагогики) усилить «биовласть», здоровье, репродуктивность и производительную мощь нового социалистического общества[49].

Жажда свободы в обсуждении «полового вопроса» (обычно охватывающего проблему множественности форм сексуальности (different-sex sexuality), брака и развода, легальной проституции и контроля рождаемости) стала притчей во языцех в интеллектуальной жизни конца царизма. Либертарианская социалистическая традиция наряду со многими другими радикальными и либеральными воззрениями утверждала, что ни Церковь, ни государство не должны вмешиваться в половую жизнь взрослых. «Новые, намечающиеся уже между полами отношения, основанные на двух непривычных для нас началах: полной свободе, равенстве и истинной товарищеской солидарности»[50], расцветут после упразднения частной собственности, что повлечет за собой исчезновение лицемерной буржуазной морали. Либертарианцам в половых вопросах представлялось очевидным, что архаичный механизм буржуазной морали, предусматривающий либо церковное, либо государственное регулирование половой жизни граждан, будет отвергнут на следующее утро после революции. Наряду с этим ожидался радикальный пересмотр (или даже упразднение) института брака и облегчение процедуры развода[51]. Представлялось также логичным упразднение религиозных и несоразмерных наказаний за кровосмешение, скотоложство и мужеложство как сексуальных практик, оскорбительных для Бога или «буржуазной морали». Хотя такие проблемы русские марксисты и не обсуждали, они тем не менее были солидарны с Германской социал-демократической партией, руководствовавшейся теми же подходами в требованиях декриминализации мужских однополых актов. Эта связь отчетливо обозначилась в принятии россиянами «на ура» теорий Августа Бебеля (Bebel, August; 1840–1913) о половой политике, сформулированных в его чрезвычайно популярной книге «Женщина и социализм» (Die Frau und der Sozialismus. Zürich: Volksbuchhandlung, 1879. 180 S.)[52]. В ранних изданиях труда А. Бебеля содержался негативный взгляд на однополые отношения как следствие развращенности верхов или эксцессов урбанизации[53]. Тем не менее позднее он одним из первых поставил подпись под петицией М. Хиршфельда об отмене параграфа 175 немецкого уголовного кодекса, предусматривающего наказание за мужские однополые акты. Как лидер немецких социал-демократов, Август Бебель был первым политическим деятелем, выступившим в законодательном органе в защиту гомосексуальной эмансипации и поддержавшим в 1898 году в обращении к Рейхстагу кампанию М. Хиршфельда[54]. В этом вопросе А. Бебель придерживался принципа права лич-

ного выбора в сфере половой жизни, что подразумевало возможность как гетеросексуальных, так и гомосексуальных отношений. В поздних переизданиях своего бестселлера он признал убедительными биологические доводы М. Хиршфельда о том, что гомосексуальность может быть врожденной и что для «третьего пола» однополая любовь столь же естественна и эстетична, как и «нормальные» отношения[55].

Политический принцип главенства личного выбора в половых вопросах являлся «могущественным свободолюбивым лейтмотивом социалистической идеологии 19-го столетия», гораздо более мощной движущей силой, чем принято считать[56]. Народные выражения гомосексуальной эмансипации, насколько можно судить из документов, датируемых временем после 1917 года (например, «Истории моей болезни» Евгении Федоровны М.), свидетельствуют, что россияне, осознававшие себя гомосексуалами, поверили революции, покончившей с государственной политикой «отказа от частных» («refusal of the private») однополых отношений и давшей им право на любовь. Судебные и медицинские эксперты начала советской эры часто отражали эти либертарианские ожидания в своих интерпретациях однополых отношений (об этом в гл. 5). Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952), самый известный большевистский идеолог в области сексуальности, поддерживала либертарианский взгляд на будущее эроса, свободного от пут частной собственности, полового неравенства и лицемерных моральных условностей. Она признавала ценность эксперимента в (гетеросексуальных) любовных отношениях, что было редким явлением среди ведущих фигур аскетичного большевистского движения. В 1920-е годы А.М. Коллонтай участвовала в работе Всемирной лиги сексуальных реформ (основанной в Берлине и возглавляемой М. Хиршфельдом), и это позволяет говорить о ее связи с кампанией, отстаивавшей гомосексуальную эмансипацию в Западной Европе[57]. Однако опубликованные работы русской революционерки не касаются «гомосексуализма» как такового, они посвящены любви «между полами» и проблемам материнства женщин-работниц[58].

Внимание европейских левых партий привлекали гораздо более важные проблемы частной жизни людей, чем сексуальное либертарианство [т. е. половая свобода]. Чрезвычайно знаменательно, что марксисты претендовали на «объективность», «научность» собственной позиции и ожидали, что наука внесет свой вклад в рационализацию общества, сто́ит только победить социализму. Марксисты (подобно либералам и проч.) находились под

влиянием дарвинизма, теорий индивидуального и расового вырождения и евгеники, согласно которым сексуальность оказывалась центральным элементом стратегий социальной инженерии. Пол, понимаемый как часть дикой природы, нужно было направить по каналу «естественной» прокреативной гетеросексуальности, путем самодисциплины и чувства социальной ответственности в личных отношениях[59]. Скорее медицина, а не религиозная догма или устарелые законы, сможет определить, что является «здоровым» или «нездоровым» в половых отношениях. Врожденная модель гомосексуальности, выдвинутая М. Хиршфельдом, нашла поддержку далеко не у всех. Многие — и не только социалисты — были обеспокоены тем, что расширение свободы чревато ростом числа случаев «приобретенных» (под воздействием окружения) перверсий. Даже те левые, что ратовали за толерантность в оценках тайных однополых отношений между взрослыми людьми, понимали, что публичное проявление или культивирование форм такой интимности может привести к нежелательному распространению непрокреативных практик[60].

Как показали Ричард Стайтс (Richard Stites) и Уэнди Гольдман (Wendy Z. Goldman), на сексуальность В.И. Ленин смотрел скорее с позиций рационализма, чем либертарианства[61]. Немногочисленные источники, позволяющие прояснить взгляды пролетарского вождя на пол, ничего не говорят об однополых отношениях, хотя некоторые моменты заставляют предположить, что у лидера большевиков всё же была своя точка зрения на движение за гомосексуальную эмансипацию в Западной Европе и ее аргументы. В 1915 году в переписке с французской [по рождению] социал-демократкой Инессой (Елизаветой Федоровной) Арманд (1874—1920) В.И. Ленин с прямолинейной ясностью высказал свое понимание «свободы любви»[62]. «Свободу *от* материальных (финансовых) расчетов в деле любви» он считал наиважнейшей для пролетариата и предсказывал, что в будущем любовь освободится от пут религиозных предрассудков, патриархального и социального уклада, закона, полиции и судов. Толчком к этой переписке с И.Ф. Арманд послужили обвинения, прозвучавшие из лагеря противников социализма, что «свобода любви» означает «[свободу] от серьезного в любви <...> от деторождения <...> [и] свободу адюльтера». Перетолковывая эти замечания применительно к политике гомосексуальной эмансипации при социализме, следует сделать закономерный вывод, что разрешения этой специфической проблемы «свободы любви» (как и всей сексуальности) следовало ожидать не раньше послереволюционной пере-

стройки пролетариатом материального порядка[63]. Вообще же сокрушение «предрассудков» и «запретов» старого режима было делом второстепенной важности для пролетариата. К их числу, возможно, также относились религиозный и юридический запреты добровольного мужеложства. В ответах на критику справа В.И. Ленин говорил о рациональном характере нового общества, он выступал за «серьезное» в любви, деторождение, был противником адюльтера и промискуитета. Его отвращение к легкомысленным, случайным или мимолетным связям можно уподобить разве что упорству гомосексуальных апологетов, настаивавших на благородстве однополых отношений. Для «гомосексуалистов», не имевших потомства, опасения В.И. Ленина насчет того, что некоторые ревностные приверженцы «свободы любви» станут избегать ответственности отцовства, могли вылиться в определенные проблемы.

В беседе с немецкой коммунисткой Кларой Цеткин (Zetkin, Clara; 1857–1933), состоявшейся в 1920 году и впоследствии часто упоминавшейся в качестве примера неколебимости вождя в сексуальной политике, В.И. Ленин развил эти положения[64]. Из его пояснений можно было понять, что политическая критика, акцентированная на вопросах сексуального диссидентства, не может рассчитывать на ощутимую поддержку пролетарского революционного движения. Относительно планов «одной талантливой коммунистки» организовать гамбургских проституток в «особый революционный боевой отряд» со своей собственной газетой и привлечь их к «революционной борьбе» В.И. Ленин выразился скептически: «Проститутки достойны сожаления — эти двойные жертвы буржуазного общества». А вот «промышленные работницы Германии» заслуживали, на его взгляд, гораздо большего внимания агитаторов. «Правда, корень и там был здоровый: социальное сочувствие, возмущение против нравственного лицемерия почтенной буржуазии»[65]. Но заниматься подобными проектами, в то время когда пролетариат борется с буржуазией за власть, было бы чревато «разложением и вырождением». Если создание «особого революционного боевого отряда» представлялось В.И. Ленину своего рода развлечением для проституток, то несложно догадаться, что он написал бы по поводу такого отряда для гомосексуальной эмансипации. Вождь был убежден, что марксистские мыслители, прежде всего Фридрих Энгельс (Engels, Friedrich; 1820–1895) и А. Бебель, сказали уже всё, что полагалось знать на сей счет сознательному рабочему, и они не видели особой нужды в подобной кампании. Новые тео-

рии сексуальности просто пытались подлакировать выбивавшиеся из сложившихся представлений (точнее — сложившейся над базисом надстройки) явления и, по существу, потакали вкусам буржуазии. Раздраженный фрейдизмом, ставящим сексуальность превыше насущных материальных дел, В.И. Ленин разразился диатрибой против сексуального партикуляризма:

[Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто «научный» вид, но всё это кустарная пачкотня. Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т. п., — короче, в той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа.] Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, притом часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно из стремления оправдать перед буржуазной моралью собственную *ненормальную или чрезмерную половую жизнь* и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне так же противно, как и любовное копание в вопросах пола. Как бы бунтарски и революционно это занятие ни стремилось проявить себя, оно всё же в конце концов вполне буржуазно. Это особенно излюбленное занятие интеллигентов и близко к ним стоящих слоев. В партии, среди классово-сознательного, борющегося пролетариата для него нет места[66].

Очевидно, В.И. Ленин хотел сказать, что тот, кто страдает от «ненормальной или чрезмерной половой жизни», должен нести свой крест молча и отдавать всего себя делу революции. Потворствование трансгрессивному сексуальному поведению «вполне буржуазно», заигрывание с моралью среднего класса — капитуляция перед врагом[67]. Молодому «странному субъекту», выдуманному П.В. Ушаковским в 1908 году, В.И. Ленин в 1920 году (а в 1924 году он стал еще более консервативен) предложил пожертвовать своими пристрастиями во имя революции[68].

Примерно то же самое от него услышали и гетеросексуалы. Он был твердым противником того, чтобы считать радости секса личным делом, даже если они «нормальные» или «здоровые». Секс не есть только физиологический акт. «Знаменитая теория о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды», была оценена «кремлевским мечтателем» как «совершенно немарксистская и сверх того противообщественная».

Конечно, жажда требует удовлетворения. Но разве нормальный человек при нормальных условиях ляжет на улице в грязь и будет пить из лужи? Или

даже из стакана, край которого захватан десятками губ? Но важнее всего общественная сторона. Питье воды — дело действительно индивидуальное. Но в любви участвуют двое, и возникает *третья, новая жизнь*. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу[69].

Таким образом, в своей потенциальной прокреативности секс — это общественный акт, и новому обществу предстоит его регулировать и контролировать. В.И. Ленина настораживал интерес граждан к половому вопросу (по его мнению, это особенно отличало женщин и молодежь). Будучи убежден в чуждости народу морали западного среднего класса, вождь полагал, что зацикленность на этих проблемах отдельных членов общества свидетельствовала об их нездоровье. Опасения В.И. Ленина вообще характерны для людей старшего поколения («Мне, старику, это не импонирует»). Сексуальные интересы могли отвлечь энергию молодости от революционной работы; дискуссии по вопросам пола, особенно вне научных учреждений (например, в комсомольских клубах или партийных ячейках), могли и вовсе привести к потаканию страстям[70]. По мысли Ильича, этот будоражащий вопрос следовало отдать всецело на откуп науке и здравомыслию умудренных жизнью коммунистов (преимущественно мужчин).

Эти высказывания пролетарского вождя были опубликованы через пять лет после их произнесения и позднее часто цитировались, поскольку соответствовали сексуальной политике сталинизма. Однако, когда в октябре 1917 года к власти пришли большевики, они унаследовали весь спектр либеральных и левацких взглядов на сравнительно неожиданно вставшую перед ними проблему гомосексуальности. Неудивительно, что их реакция на однополые отношения как в правовом, так и в административном плане отразила всё это многообразие. Казалось бы, возобладать должен был господствующий в русском марксизме аскетический подход к сексу и проникнутый рационализмом взгляд на человеческую энергию как способную быть направленной на решение общественных задач. Но революционные идеалы были расцвечены и либертарианскими красками, что весьма неплохо мотивировало тех, кто был заинтересован в отвечающем своим интересам разрешении этой специфической проблемы. Сталкивавшиеся с ней, несомненно, имели представление, сколь широко была разрекламирована однополая любовь в предреволюционную эпоху, а также о научных, культурных и социальных требованиях, выдвигавшихся соперничавшими партиями во время дебатов, посвященных гомосексуальности.

Война и последовавшая за ней революция привели к тому, что эти идеи перестали быть абстрактными. Но реформа статута о мужеложстве по понятным причинам всегда оказывалась второстепенной на фоне более значимых вопросов управления. В 1915 году царский режим рассматривал возможность полномасштабного введения Уголовного уложения 1903 года, по которому мужеложство продолжало бы оставаться правонарушением. Дальнейших попыток пересмотра не было, и проект был на время забыт — положение на фронте ухудшалось. После Февральской революции 1917 года Временное правительство образовало «комиссию для пересмотра и применения Уголовного уложения [1903 года]», в состав которой вошел и В.Д. Набоков, сторонник наиболее влиятельной либеральной позиции по декриминализации мужеложства. Ни В.Д. Набоков, ни Николай Сергеевич Тимашев (1886—1970) не упоминают о чем-либо значимом из сделанного комиссией, просуществовавшей последние четыре месяца жизни Временного правительства[71].

Трудно проследить ход событий от переломного 1917 года, открывшего массу возможностей, к первому Уголовному кодексу Советской России 1922 года [далее: УК РСФСР 1922 г.], декриминализовавшему мужеложство. Не сохранилось стенограмм обсуждений разработчиками раздела Уголовного кодекса, посвященного преступлениям против личности, к которым в нем были отнесены половые преступления[72]. (Гл. 5 УК РСФСР 1922 года озаглавлена «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности».) Отмену наказания за мужеложство историки пытаются объяснить преходящими факторами. С. Карлинский объясняет этот подарок судьбы банальным недосмотром, обусловленным упразднением победителями всех царских законов. В своих исследованиях он обесценивает всякую, пусть даже слабую, попытку реформации, последовавшую за легализацией, как «неправильно истолкованную позицию большевистских лидеров по гей-либерализации», и отсылает к ситуации в Англии и Германии 1920-х годов и позиции левых на Западе после 1970-х годов[73].

Попытки понять истоки «принципиального решения» (выражение Лоры Энгельштейн) изъять мужеложство из Уголовного кодекса делались по двум направлениям: такое решение объяснялось либо «“модернистским консенсусом” научных, юриди-

ческих и культурных кругов»[74], либо эволюцией современных уголовных санкций в России, начавшейся [в 1880-х годах] с разработки проекта Уголовного уложения 1903 года[75]. Возражения С. Карлинскому были основаны на источниках, публикация которых стала возможна на Западе. Они усиливаются документами из архивов Народного комиссариата юстиции РСФСР. Хотя в имеющихся документах не содержится детального обсуждения статута мужеложства, в них прослеживается принципиальное намерение декриминализовать акт между согласившимися на него взрослыми. Это следует как из первых набросков «Советского Уголовного уложения 1918 года», так и из окончательно принятого в 1922 году УК РСФСР. Одновременно в пекле Гражданской войны и некоторое время спустя большевики всячески преследовали «противоестественный порок (педерастию)» и «преступления против природы». Результатом этих действий стала модернизация языка уголовных половых девиаций, а также (что было присуще всему законодательству большевистского государства) возможность произвольного применения закона прокурорами и политиками.

Несколькими неделями после Октябрьской революции 1917 года Народный комиссариат юстиции, возглавляемый левым социалистом-революционером (ЛСР-эсером) Исааком Захаровичем Штейнбергом (1881–1957), представил проект уголовного статута [Уголовного уложения 1918 года] как часть амбициозного кодекса законов русской революции[76]. Левые эсеры не скрывали своей высокой оценки Уголовного уложения 1903 года, и заместитель народного комиссара юстиции и руководитель Кодификационного отдела Комиссариата юстиции Александр Александрович Шрейдер отмечал в объяснительной записке к левоэсеровскому проекту «Советского Уголовного уложения 1918 года», что «комиссариат <...> счел необходимым в корень его (Уголовное уложение 1903 г. – *Ред.*) переработать и пересмотреть с точки зрения нового революционного правосознания»[77]. Действительно, сопоставление Уголовного уложения 1918 года А.А. Шрейдера с Уложением 1903 года демонстрирует сходство их статей, подчеркивая укорененность первого в последнем[78].

В дебатах по поводу проекта Уголовного уложения 1903 года либералы выступали с критикой запрета добровольного мужеложства, но добиться его отмены не смогли. Вариант А.А. Шрейдера хотя и исключил пункт статьи против добровольных актов, но сохранил пункт с детальным описанием актов, направленных против слабоумных или с применением насилия. Соответствую-

щая статья носила название «Мужеложство» и так же, как в Уголовном уложении 1903 года, находилась внутри главы «О непотребстве», специально посвященной половым правонарушениям[79]. В результате законом о мужеложстве мог быть достигнут баланс между принципами согласия на совершение акта, способностью понимать «характер и значение» происходящего и ограждением от преследования слабоумных, другими словами — то, о чем шестнадцатью годами ранее писал В.Д. Набоков[80]. Могло быть легализовано не только простое мужеложство между взрослыми, т. е. лицами от шестнадцати лет и старше, но и, в соответствии с духом и буквой проекта Уголовного уложения 1903 года, оставаться ненаказуемым мужеложство с мальчиками четырнадцати—пятнадцати лет, если на то было осознанное согласие несовершеннолетнего партнера. Первые руководители Народного комиссариата юстиции прислушались в этом вопросе к мнению В.Д. Набокова: законом не могут ставиться в один ряд молодые «катамиты», занимающиеся проституцией в российских городах, и «невинное» юношество[81].

В объяснительной записке к проекту 1918 года А.А. Шрейдер ограничился декларативным пояснением причины подобной модификации проекта Уголовного уложения 1903 года, сообщив только, что оно являлось «крупным шагом вперед от архаического, громоздкого и противоречивого Уложения о Наказаниях 1845 года». Рассматривая эволюцию «демократических» законодательных систем от тирании «древних сатрапов» и абсолютных монархий («государство — это я» Людовика XIV), А.А. Шрейдер заключал, что для обуздания «анархии» государство должно быть готово применить силу, но это «печальная необходимость». Уголовное уложение призвано регулировать нормы законного применения силы государством. Предлагаемый статут должен поставить государство на службу закону, но не наоборот. Нормы меняются вместе с правовым сознанием общества. Необходимо, чтобы человек обладал «не минимумом прав личности, которые коллектив не должен нарушать, а, скорее, максимумом требований, предъявляемых личностью к коллективу». Критериями, на которые опиралась ревизия Уголовного уложения 1903 года, были «блага реальной человеческой личности и интересы международного солидарного труда»[82]. Упор А.А. Шрейдера на максимальное расширение прав личности в рамках правового государства отвечал требованию упразднения антимужеложного статута.

В марте 1918 года из-за разногласий по поводу Брест-Литовского мирного договора левые эсеры вышли из коалиции с большевиками, и во главе Народного комиссариата юстиции был по-

10. Заказ № К-7680.

ставлен Петр Иванович Стучка (1865–1932), смененный 22 августа 1918 года Дмитрием Ивановичем Курским (1874–1932). А.А. Шрейдер был уволен с поста заместителя народного комиссара, а его место занял большевик Мечислав Юльевич Козловский (1876–1927), которому и поручили пересмотр уголовного законодательства. Проект «Советского Уголовного уложения 1918 года», предложенный левыми эсерами, был раскритикован П.И. Стучкой за защиту интересов буржуазии и недостаточность революционной сознательности[83]. В последующие два года Комиссариат юстиции практически не продвинулся в разработке большевистского Уголовного кодекса. Это объяснялось как трудностями Гражданской войны, так и недостаточностью выделяемых Комиссариату средств[84]. Тем не менее авторитетные юристы изучали опыт советских судов, слушавших дела в отсутствие ясного уголовного законодательства, а предложения относительно Уголовного кодекса постоянно выдвигались в ходе дискуссий на коллегии Комиссариата юстиции. В 1919 году под руководством Д.И. Курского были разработаны и утверждены постановлением НКЮ от 12 декабря 1919 года «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», став основой Общей части УК РСФСР 1922 года. Уже в 1920 году коллегия пришла к выводу, что четко выраженные нормы, сформулированные в Москве и отражающие революционную сознательность, должны прийти на смену противоречивым и анахроничным местным законодательствам, был взят курс на разработку Особенной части Уголовного кодекса[85].

Суд по делу о «педерастии», состоявшийся в период отсутствия кодифицированного уголовного закона, продемонстрировал, как главные лица Комиссариата юстиции рассматривали проблему гомосексуального правонарушения. В конце 1919 года восьмой отдел Комиссариата юстиции, отвечавший за отделение Православной Церкви от государства, приложил усилия, чтобы найти доказательства для возбуждения дела против епископа Звенигорода Палладия, обвинявшегося в «растлении мальчика и противоестественном пороке (педерастии)»[86]. Палладий был близким другом патриарха Тихона (Белавин, Василий Иванович; 1865–1925), пославшего епископа в начале 1919 года предотвратить национализацию Ново-Иерусалимского монастыря. Когда большевики в конце концов захватили монастырь, они обвинили Палладия в противоестественной связи с Иваном Волковым, четырнадцатилетним келейником. Воинствующие атеисты из Восьмого отдела начали широкомасштабное расследование половой жизни епископа. В октябре 1919 года Палладий пред-

стал перед судом в Москве, был приговорен к пяти годам тюрьмы, но позднее, в январе 1920 года, освобожден по амнистии.

Для большевистских юристов политическое значение дела Палладия определялось как его близостью к патриарху Тихону, так и потребностями текущего момента. Начало следствия по делу Палладия совпало по времени с попытками патриарха Тихона найти способ сосуществования с враждебным советским режимом. Предание Тихоном анафеме большевиков в 1918 году имело для Церкви катастрофические последствия. Ныне же он сделал ряд заявлений, провозглашавших новое направление церковного нейтралитета в политике[87]. Юристы-атеисты из Комиссариата юстиции стремились запятнать отход Тихона от мирских проблем к духовным, поднимая на щит данный эпизод, обнажавший развращенность церковников[88]. Их деятельностью руководили непосредственно народный комиссар юстиции Д.И. Курский и коллегия комиссариата, в том числе начальник восьмого отдела Петр Ананьевич Красиков (1871—1939) и член коллегии Николай Александрович Черлюнчакевич (1876—1938). Именно эти люди в конечном итоге разработали первый большевистский Уголовный кодекс[89].

Суд над Палладием обнажил некоторые особенности ранних большевистских взглядов на однополые правонарушения. Самой значимой из них была готовность подвергать совершеннолетних судебному преследованию за «противоестественный порок (педерастию)», когда к тому подталкивали политические обстоятельства. Пропагандистская целесообразность в условиях военного времени диктовала необходимость быть выше понимания того, что духовенство обрело половую свободу, обещанную революцией. Сексуальная революция имела классовый базис, а потому враги победившего класса не заслуживали свободы, отличающей полноправных граждан. Последующие секс-суды над священнослужителями продемонстрировали возможности маневрирования при применении законов, касающихся половых преступлений[90].

Не менее важное значение для начавшейся кодификации уголовного законодательства имело решение представить И. Волкова невинной «жертвой» церковного разврата. Согласно Уголовным уложениям 1903 и 1918 годов, допускавшим дачу осознанного согласия на мужеложство определенными [14—15-летними] подростками (городскими «продажными катамитами»), четырнадцатилетний И. Волков был на пороге «сознательного» сексуального самоопределения. Его взаимоотношения с епископом включали получение выгоды (образование, приют, оплату и карьеру)

в обмен на помощь по хозяйству и сексуальные услуги[91]. Но в случае И. Волкова, хорошо понимавшего, во что он втянут, большевистские юристы предпочли держаться более ранних толкований термина «половое созревание» или «несовершеннолетие». В конце концов в УК РСФСР 1922 года возобладал медикализированный подход. Теперь половая свобода определялась не возрастом, а «половой зрелостью», заключение о которой давалось врачами в случаях сексуальной активности согласных на нее молодых людей или в случаях их изнасилования.

В деле Палладия очевидны намерения новых хозяев России медикализировать половую девиацию епископа как болезнь. Именно поэтому они прибегли к психиатрической экспертизе, которой надлежало гарантировать, что епископ не совершит повторных преступлений после амнистии. Во время следствия И. Волков был направлен для обследования в только что созданный Институт дефективных детей. Восьмой отдел надеялся получить от психиатров свидетельства нанесения мальчику вреда, чтобы использовать их в ходе суда над Палладием[92]. В начале 1920 года, после амнистии, Палладий провел три месяца в психиатрической больнице, куда был помещен «для [его] изоляции и лечения в специальном лечебном заведении». П.А. Красиков со товарищи явно ожидали, что медицинская наука укажет и объяснит признаки полового расстройства, и верили, что «противоестественный порок» можно излечить в психиатрических учреждениях.

В 1920 году коллегия Комиссариата юстиции вернулась к проблеме кодификации уголовного законодательства и поручила М.Ю. Козловскому (ранее правовому «нигилисту», ныне стороннику унификации карательных мер) разработать «план» кодекса[93]. К июню того же года юрист представил свой проект с комментариями. Архивные документы дают представление об эволюции статей, касающихся половых преступлений[94]. В этих документах содержатся самые ранние предложения большевиков в интересующем нас направлении. Первоначальная простая концепция половых правонарушений М.Ю. Козловского была усовершенствована благодаря обращению к Уголовному уложению 1903 года, а также, возможно, к делу Палладия и законодательству Великой французской революции.

В первом, написанном от руки «плане» М.Ю. Козловский в главе «Преступления против прав личных» упомянул только одно простое правонарушение с сексуальным контекстом: «Оскорбление женской чести»[95]. Очевидно, в тот момент потенциальными жертвами половых преступлений для него могли быть только жен-

щины, причем пользовался он устаревшими представлениями о репутации и чести. Его второй вариант повторял первый. Но фраза была зачеркнута, и другим почерком написано: «Преступления против нравственности (посягательства на женскую честь, мужеложество (*sic*!) и т. д.)». Сфера возможных преступлений была расширена, и упоминание «оскорбления» опущено, так как эти преступления подпадали под гораздо более тщательно разработанную главу «Преступления против жизни, здоровья и достояния (*sic*!) личности»[96].

В окончательной редакции этой главы (июнь 1920 года) понятие «половое преступление» значительно расширились по сравнению с ранними набросками, и здесь очевидным было влияние проектов Уголовных уложений 1903 и 1918 годов. Названия четырех из пяти половых правонарушений были заимствованы из Уголовного уложения 1903 года, хотя язык статей в целом был упрощен. В числе этих пяти преступлений значилось и мужеложство, но только когда дело касалось детей или применения насилия. Простое же мужеложство между согласившимися на него взрослыми (в возрасте старше четырнадцати лет) преступлением не считалось[97]. По сравнению с Уголовным уложением 1903 года возраст согласия был снижен. В этой версии и в редакции 1918 года А.А. Шрейдера порог в четырнадцать или пятнадцать лет вызывал споры (мужеложство «без его согласия или хотя с его согласия, но по употреблении во зло его невинности» могло быть наказуемо). Теперь же возрастом согласия на любые половые акты считались четырнадцать лет. Нет свидетельств того, что дело Палладия оказало непосредственное влияние на М.Ю. Козловского, но уточнение возраста согласия в делах о мужеложстве в предложенном проекте могло отражать опыт, почерпнутый коллегией в этом затруднительном деле.

М.Ю. Козловский понимал, что подобно первоначальному уголовному кодексу Французской революции наш уголовный кодекс был «переходным» и что только тогда, когда завоевания революции обретут силу, новые нормы приобретут стабильность. Комментарии юриста говорят о его осведомленности в развитии французского законодательства после 1789 года, взятого им за образец[98]. Сказалось ли это на подходе к мужеложству и в какой степени, определить из высказываний М.Ю. Козловского невозможно. Секуляризация и рационализация уголовного законодательства в ходе Французской революции включала декриминализацию мужеложства (возможно, изначально машинальную) в 1791 году, которая в 1805 году уже осознанно была закреплена указом Наполеона и в 1810 году — уголовным кодексом[99]. Воз-

можно, М.Ю. Козловский знал об этих нюансах французских кодексов, однако в своих комментариях он не останавливается на специфических правонарушениях. По его мнению, большинство деяний, преследовавшихся при старом режиме, должны считаться правонарушениями и после революции, за исключением такой специфической категории, как «религиозные преступления», каковых при революционном порядке быть просто не могло[100]. Секуляризация была радикальной основой обновления карательного законодательства. Но преступления против личности (включая те, что М.Ю. Козловский архаично называл «преступлениями против <...> женской чести»), нуждались, по его мнению, в меньшем пересмотре, нежели прочие главы Уголовного кодекса:

> Человеческая природа с ее хорошими и дурными страстями устойчивее и консервативнее, чем политические учреждения и социальные лозунги. Последние могут оказывать и действительно оказывают большое влияние на направление статистической кривой преступлений, но сами по себе бессильны сразу переродить человеческую природу. История не знает чудес и внезапных скачков[101].

Исходя из этих соображений, наш реформатор выступал за творческую адаптацию проекта статута 1903 года «с опущением и изменением тех отдельных деликтов, на которых есть следы капиталистических отношений минувшей эпохи». Хотя нет прямых указаний на легализацию мужеложства, наброски и комментарии М.Ю. Козловского свидетельствуют о ясно выраженном намерении удалить подобные акты из большевистского Уголовного кодекса. Такое намерение вытекает из принципиальной установки на секуляризацию и модернизацию законодательных норм и из господствующего убеждения о подведомственности половых расстройств медицине, что отвечало мировоззренческим установкам большевиков.

К сожалению, путь от этих предложений до окончательных формулировок Уголовного кодекса РСФСР 1922 года (одобренных коллегией Народного комиссариата юстиции 21 декабря 1921 года)[102] остается неясным. Согласно протоколам коллегии, в течение восемнадцати месяцев, разделяющих время завершения работы М.Ю. Козловского над проектом и окончательное одобрение Уголовного кодекса, «специальная комиссия ученых Обще-консультационного отдела НКЮ», под руководством П.А.Красикова и Л.А.Саврасова занималась доработкой статей[103]. Консультации между коллегией и Институтом советского права привели в конце 1921 года к тому, что институт выдвинул собственный проект кодекса, который был отвергнут Комис-

сариатом по причине «буржуазной» направленности[104]. В декабре 1921 года заседание коллегии одобрило окончательную формулировку главы, касающейся преступлений против личности. В числе присутствующих были П.А. Красиков и Н.А. Черлюнчакевич, председательствовавшие в суде над Палладием. В работе коллегии участвовали и Николай Васильевич Крыленко (1885–1939), который позже, уже будучи народным комиссаром юстиции, будет публично настаивать в 1934 году на отмене революционного решения о декриминализации мужеложства[105]. В середине марта 1922 года Комиссариат юстиции отпечатал отдельным изданием измененный текст проекта Уголовного кодекса и представил его для обсуждения Совету народных комиссаров (Совнарком) и Центральному исполнительному комитету Всероссийского съезда Советов (ВЦИК). После обсуждения в Совнаркоме в феврале 1922 года, на заседаниях комиссии и на пленарных заседаниях ВЦИК в мае того же года Уголовный кодекс РСФСР был утвержден и введен в действие с 1 июня 1922 года[106].

Язык модернити

В окончательном варианте российского Уголовного кодекса 1922 года был радикально обновлен архаический язык М.Ю. Козловского. Его минималистские формулировки сохранили основную концепцию полового преступления как нарушения прав человека на «жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности»[107]. Для определения половых правонарушений М.Ю. Козловским использовались юридические термины времен царизма. Все они были изъяты[108]. Мужеложство и кровосмешение вообще не упоминались в новом кодексе. Архаичные названия половых правонарушений были переформулированы с использованием терминологии судебной медицины и даже языка журнала регистрации приводов в милицию[109]. Пороги согласия (возраст, в котором половая свобода личности признавалась государством) определялись не возрастом, а понятием «половой зрелости», и в каждом отдельном случае медицине надлежало дать заключение о достижении половой зрелости. Человек, достигший ее, мог дать согласие на половое сношение, лишение девственности или на «извращенные формы» полового поведения[110]. Эти новые формулировки были призваны показать, что половые преступления должны преследоваться из соображений охраны общественного здоровья и порядка, а не ради религиозной или идеалистической морали. При введении в 1926 году пересмотренного Уголов-

ного кодекса РСФСР эти формулировки и принципы были подтверждены, в том числе и отсутствием запрета на добровольные однополые отношения[111].

В интерпретациях Уголовных кодексов РСФСР 1922 и 1926 годов юристы выделяли обстоятельства, при которых некоторые гомосексуальные акты могли быть преследуемы. Новаторский принцип гендерной нейтральности, использованный в формулировках большинства статей, касающихся половых преступлений, предполагал, что жертвы и преступники могли быть любого пола[112]. Как результат в юридических комментариях проявилась новая тенденция, предусматривавшая возможность женских однополых преступлений. Гомосексуальные акты подпадали под ст. 167 и 168 УК РСФСР 1922 года (соответственно ст. 151 и 152 УК РСФСР 1926 г.). Первая запрещала «половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах[113]. Было выработано единое понимание, что «извращенные формы» включают «противоестественное половое сношение как мужчин между собой, т. е. мужеложство, или педерастию, так и женщин между собой, т. е. лесбосскую любовь, или трибадию, а также совокупление через задний проход или иным способом, независимо от пола потерпевшего по отношению к полу виновного»[114]. Вторая статья (168/152) предусматривала наказание за «развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их» (УК РСФСР 1922 года под «малолетними» понимались лица, не достигшие четырнадцати лет, а под «несовершеннолетними» — лица от четырнадцати до восемнадцати лет). Термин «развратные действия» вызывал у юристов противоречивые толкования. Одни включали сюда гомосексуальные анальные сношения и «лесбосскую любовь», что было чрезмерным, поскольку подобные акты уже подпадали под действие предшествующей статьи[115], другие придерживались гетероцентричной и фаллоцентричной точек зрения. Павел Исаевич Люблинский (1882–1938) полагал, что «развратными действиями» могут считаться «те формы однополой половой связи, которые не могут быть уподоблены [гетеросексуальному] половому сношению»[116]. Лесбийская любовь, для описания которой отсутствовали анатомические термины, за исключением замечания о генитальном контакте «без цели совокупления», могла рассматриваться как «развратные действия» в случае, когда ее объектами оказывались несовершеннолетние[117]. Вероятно, эта статья была невнятной попыткой криминализировать непенетративные

и непрокреативные половые акты, которые, как считалось, способствовали «развращению малолетних или несовершеннолетних». К их числу причислялись также мужские и женские однополые контакты, ибо социалисты были уверены, что «приобретенной» (в отличие от «врожденной») гомосексуальности нет места в обществе будущего.

Странно, что анальные сношения, навязанные силой взрослым, не были отнесены кодексом к числу специфических преступлений. Некоторые комментаторы считали, что гендерно нейтральная ст. 169/153 об изнасиловании предусматривала это правонарушение, независимо от того, гомосексуальный или гетеросексуальный характер оно носило. Другие выражали несогласие, придерживаясь ошибочного мнения о том, что термины «изнасилование» и «половое сношение» традиционно подразумевают только гетеросексуальные акты[118]. С чисто законодательной точки зрения, изнасилование мужчины мужчиной подпадало либо под одну из гендерно нейтральных статей об изнасиловани, либо наказывалось по принципу аналогии[119]. В 1928 году в ответе на запрос Научно-гуманитарного комитета М. Хиршфельда об обращении с гомосексуалами в России Народный комиссариат юстиции сообщал из Москвы, что первая часть ст. 153 запрещала «гомосексуальные акты с применением физического или психического насилия»[120]. Юридические и судебно-медицинские публикации периода декриминализации мужеложства (1922–1933 гг.) не упоминают о преследовании однополого изнасилования, что свидетельствует либо о том, что оно не было наказуемым, либо о том, что подобные дела не предавались огласке. Законодатели, намеревавшиеся модернизировать язык Уголовного кодекса в главе, посвященной половым преступлениям, возможно, стремились избежать отдельного упоминания о «мужеложстве <...> посредством насилия», полагая, что гендерно нейтральное определение изнасилования послужит той же цели, но будет более отвечать принципу равенства полов. Поэтому разработчики закона изъяли из Уголовного кодекса слово «мужеложство» — термин с религиозным и морализаторским оттенками, тем самым отойдя от дилеммы, как именовать гомосексуальное изнасилование, и предпочтя определять все прочие половые преступления в рамках судебно-медицинской и криминологической терминологии. Еще одним достоинством этой стратегии составления текста стало полное отсутствие упоминаний в нем однополых преступлений, что, по мнению некоторых руководителей, не привлекало внимания общественности к гомосексуальности и тем самым не создавало примеров для подражания[121].

Заключение

В последние годы царизма, когда в условиях псевдоконституционного правления — результата революции 1905 года — цензура ослабла, в произведениях авангардистов, журналистике, сатире и научно-популярной литературе зазвучали осознавшие свою сущность гомосексуальные голоса (причем на всё это сразу же сочинялись и пародии). «Странный субъект» появился на общественной сцене и отважно и легко, как далеко не всюду в Европе, потребовал терпимости и уважения к «третьему полу». Некоторые встретили эти призывы смехом и грубыми пародиями. Издатели воспользовались возможностями свободы печати и взялись публиковать спекулятивные трактаты, написанные беспристрастным языком медицины, но, по сути, приглашавшие совершать вуайерические вояжи по гомосексуальной субкультуре российских и европейских столиц. Всё в большем количестве научно-популярная литература, как отечественная, так и зарубежная, просвещала непрофессионального читателя относительно «сексуальных психопатологий» или «третьего пола».

Изучение развивающихся идей относительно гомосексуальности в Европе вылилось в либеральные атаки на устаревший и деспотичный статут против мужеложства. В России именно либеральные юристы (отнюдь не гомосексуалы) выдвигали наиболее убедительные аргументы против этого закона. По мнению либералов, он не должен распространяться на противоестественные акты, которые, как и прочие формы аморализма, следовало относить к сфере частной жизни и устранять путем образования. Либералы выступали за право взрослого человека на частную жизнь и добровольные половые отношения в рамках закона, основанного на всеобщих и универсальных принципах. Однако попытки создать правовое государство — в условиях монархической Думы или Февральской республики 1917 года — политически были обречены на провал, и либеральные защитники гомосексуальной эмансипации были отброшены куда подальше после Октябрьской революции 1917 года.

Победившие в России революционные социал-демократы были носителями противоречивых традиций. С одной стороны, они выступали за либерализм в половых отношениях между взрослыми, а с другой — прекрасно сознавали, что в новом обществе нужен иной статус пола, отвечающий рационалистической политической идеологии и современной медицине. Это противоречие определило революционный подход к однополой любви на

протяжении большей части последующего десятилетия. Несмотря на такой конфликт ценностей, было достигнуто согласие относительно формы регулирования, адекватной социалистическому обществу. В период своего главенства в Народном комиссариате юстиции юристы из числа левых эсеров намеренно изъяли из подготовленного ими проекта Уголовного уложения запрет на добровольное мужеложство. Двумя годами позже, когда большевистские законодатели вновь обратились к проблеме кодификации, они также предложили подобное недвусмысленное решение. В конечном итоге был принят секуляризированный и модернизированный вариант, предусматривавший половую свободу личности и половую неприкосновенность. При описании физических актов религиозная терминология была заменена судебно-медицинской и криминологической, а перечень половых преступлений был упрощен. Благодаря отсутствию наказания за мужеложство между согласившимися на него взрослыми гомосексуальная любовь обрела, несомненно, новый, более ясный статус. Снятие этого запрета было настоящим политическим достижением. В деле декриминализации однополой любви мужчин Советская Россия последовала примеру революционной Франции. Тем временем в других странах приговоры за подобные «преступления» колебались от пяти лет (за «противоестественный порок») в Германии до пожизненного тюремного заключения за «мужеложство» в Англии[122]. При всем том медикализация половых преступлений, соответствующая амбициям нового законодательного режима, предоставляла милиции, юристам и врачам возможность продолжить регулирование сексуально-гендерного диссидентства.

Глава 5

ИЗВРАЩЕНИЕ ИЛИ ИЗВРАЩЕННОСТЬ?

Медицина, политика и регулирование секс-гендерного диссидентства после декриминализации мужеложства

Как советская власть понимала и регулировала однополую любовь?

В 1922 году один амбициозный молодой психиатр, нимало не сомневаясь, что последние научные достижения подвигают

нас к рассмотрению этого вопроса исключительно с медицинской точки зрения, писал:

Врачи смотрят на гомосексуалистов как на несчастных пасынков судьбы, как на калек, подобных слепым, глухонемым и т. п., обязанных своим недостатком лишь физиологическому уродству, но никак не могут считать их злонамеренными развратниками, оскорбляющими общественную нравственность, почему и для обозначения этого болезненного состояния применяется термин *извращение* (inversio), а не *извращенность* или тем более *развращенность*[1].

Петроградский профессор Виктор Павлович Протопопов (1880–1957) выступал за прогрессивный подход. Отвергнув религиозные и морализаторские взгляды старого режима и встав на точку зрения, уже обретшую широкую поддержку в медицинских кругах Запада, советская юриспруденция и медицина, был убежден В.П. Протопопов, будут в состоянии поставить на рациональную почву лечение этой половой аномалии, ведь «гомосексуалисты» – это жертвы биологического уродства и не могут нести ответственность за свои сексуальные порывы, а современное общество, свободное от буржуазного филистерства, не вправе более осуждать их на тюремное заключение и вместо этого должно приглашать их в клиники. Советский психиатр писал это, когда новый Уголовный кодекс еще обсуждался в Народном комиссариате юстиции, аргументируя вышеозначенным образом необходимость декриминализации мужеложства.

В политике Коммунистической партии 1920-х годов на первом месте стояли кардинальные вопросы упрочения нового строя. После заболевания В.И. Ленина в 1922 году и его смерти в 1924-м последовала схватка за власть. В первые мирные годы советского режима основной темой дискуссий стали споры И.В. Сталина с его оппонентами по проблемам индустриализации. Именно в этом контексте следует рассматривать двойственность подхода большевиков к однополым отношениям. Большевики считали, что половые вопросы, несмотря на их очевидную важность для революции, были в целом элементами надстройки, которые разрешатся сами собой, стоит сформироваться коллективистскому экономическому и социальному базису. Более того, государство дало указание медицине (которой при старом режиме не доверяли проводить экспертизы) сформулировать на материалистической основе критерий, какие граждане являются «здоровыми», а какие – «патологическими». Подобные ожидания соединились с намеренным изъятием «мужеложства» из первого революционного Уголовного кодекса. Образовался дискурсивный вакуум, способствовавший плюра-

лизму подходов к секс-гендерному диссидентству. Единой или официальной точки зрения на гомосексуальность в период декриминализации мужеложства (1922–1933 гг.) не было. Наоборот, и эксперты, и управленцы исповедовали самые разнообразные взгляды.

Мало кто из психиатров, подобно В.П. Протопопову, посвятил свои исследования исключительно гомосексуальности. Споры между адептами различных точек зрения редко выходили на публику, но тем не менее об аргументах сторон можно судить по дискуссиям того времени. Несмотря на введение нового Уголовного кодекса, некоторые юристы и милицейские чины продолжали относиться к гомосексуалам с подозрением. Одновременно небольшая часть психиатров и специалистов по эндокринным заболеваниям, опираясь на новейшие открытия в сфере половой ориентации, предложила собственное понимание гомосексуальности: однополое эротическое притяжение — это следствие гормональной аномалии. Одни, ссылаясь на исторические и культурные прецеденты, считали гомосексуальность естественным явлением, другие придерживались биосоциальной точки зрения, полагая, что зародыши сексуальности следует искать не в половых железах, а в эволюционной истории общества или индивидуума. Обозревая труды психиатров и их подходы к методологическим и гендерным проблемам, можно составить представление о палитре точек зрения и возможностях изучения политики революционной России в области сексуального и гендерного многообразия.

Сексуальная революция, медицина и сексуальные аномалии

Дискурсивный вакуум, порожденный большевиками в 1920-х годах вокруг проблем сексуально-гендерного диссидентства, открыл большие возможности перед судебно-медицинскими экспертами. Стремясь «осоветить» сферы своей деятельности, они в работе с «гомосексуалистами» и представителями «среднего пола» придерживались иной точки зрения, нежели их предшественники эпохи царизма. Во времена новой экономической политики юристы, в своем большинстве получившие образование при старом режиме, стремились примирить опыт революции и Гражданской войны, времени фактического беззакония, с необходимостью вернуться к формализованной законодательной основе. Новые уголовные нормы мало что говорили относительно однополых отношений, и правоведы заполняли дискурсивный вакуум раз-

мышлениями о медицинских и эмансипаторских подходах к решению проблемы. Тем временем врачи, прежде всего психиатры, изучали «гомосексуализм» и «трансвестизм» со страстным упорством, не виданным до 1917 года. Как показала Сьюзен Гросс Соломон (Solomon, Susan Gross), для новаций в области социальной гигиены вовсе не требовалось соответствующей политической подоплеки. Благодаря проницательному и харизматическому народному комиссару здравоохранения Н.А. Семашко новые идеи обретали в России жизнь[2]. Несмотря на ограниченные возможности нового Комиссариата здравоохранения, имевшего скромное бюджетное финансирование[3], впечатляющий объем исследований и дискуссий по проблемам секс-гендерной аномалии был выполнен именно в 1920-е годы.

Юристы и врачи использовали это время для отстаивания своих мнений. Всего через три месяца после введения в действие УК РСФСР 1922 года в «Еженедельнике советской юстиции» [, издании Народного комиссариата юстиции,] анонимный юрист опубликовал статью «Процессы гомосексуалистов», в которой освещались два показательных случая и доказывалось, что в отсутствие закона о мужеложстве гомосексуальное поведение может считаться незаконным и в контексте нового Уголовного кодекса. Статья начиналась словами:

> Практика Высшего Судебного Контроля столкнулась за короткое время с двумя редкими процессами, в которых пришлось разрешать вопрос о наказуемости явлений гомосексуализма, т. е. полового влечения к лицам того же пола; правда, оба они попали в НКЮ в *незаконченном виде* и по случайному поводу, так что не было возможности установить руководящего взгляда на этот предмет в виде определения ВСК, однако исключительность казусов делает их заслуживающими того, чтобы быть отмеченными в судебной хронике. Первый из этих *процессов возник* в Петрограде, где агенты Губчека заинтересовались периодическими собраниями в частной квартире довольно большого числа лиц, по нескольку десятков человек, по преимуществу военморов. Установив однажды такое собрание, сотрудники ЧК вошли в квартиру, где, к удивлению, застали мирную картину семейного торжества с женихом и невестой в подвенечном платье, дамами в бальных туалетах и т. п., однако необычное замешательство, вызванное появлением органов власти, побудило приступить к выяснению личности присутствующих, и оказалось, что все они, как кавалеры, так и дамы, как жених, так и невеста, — мужчины и что поводом к периодическим собраниям являлись гомосексуальные стремления к сближению мужчин с мужчинами, а квартира, где они собирались, являлась своеобразным клубом или, вернее, притоном для этого рода извращенных людей[4].

Во втором случае «дело <...> всё еще находилось в стадии следствия». Главной обвиняемой была женщина Евгения, выда-

вавшая себя за мужчину и оформившая в ЗАГСе (отделении Комиссариата юстиции) брак со своей интимной подругой. Обе женщины активно противостояли местным прокурорам, стремившимся объявить акт бракосочетания недействительным. Психиатры также обсуждали эти случаи и в печати, и за закрытыми дверями, и их предложения сильно разнились с рекомендациями, прозвучавшими в анонимной публикации в журнале Комиссариата юстиции[5].

Ее автор, подписавшийся инициалами Г.Р. и движимый желанием уличить «гомосексуалистов» в преступной деятельности, предложил расширенное толкование статей Уголовного кодекса против «хулиганства» и «содержания притонов разврата». Двум женщинам вполне могло быть предъявлено обвинение в хулиганстве и подделке документов, в то время как действия организаторов «клуба педерастов» подпадали под статью о содержании притонов разврата. Бдительный юрист оспаривал судебно-психиатрическую экспертизу, обеспечившую «гомосексуалистам» медицинское оправдание, что ограждало их от уголовного преследования. Он цитировал слова о пагубном влиянии извращения на «нормальных» людей из экспертного заключения крупнейшего русского психиатра академика В.М. Бехтерева, которое тот составил во время дознания по делу задержанных петроградских мужчин[6]. Очевидно, что, несмотря на декриминализацию мужеложства, медицина и закон в молодой советской республике объединились с целью искоренить «гомосексуалистов» как «социально-опасных лиц» (ст. 49 УК РСФСР 1922 года. – *Ред.*)[7].

Юристы, касавшиеся этого вопроса, не были единодушны в понимании, как действовать в отношении «гомосексуалистов». Сомнительно, чтобы статья «Процессы гомосексуалистов» отражала мнение всех правоведов, и вряд ли представители власти в провинции внимательно читали и следовали анонимным рекомендациям журнала Комиссариата юстиции[8]. Сам автор статьи констатировал, что высокими юридическими органами не было выработано «руководящего взгляда на этот предмет». Его рекомендации, изложенные осторожным языком выражающего собственное мнение юриста, вовсе не походили на бюрократический уверенный тон наркома, оглашающего директивы с трибуны[9]. Юридические комментарии к новому Уголовному кодексу Советской России обходили эти рекомендации вниманием по меньшей мере столь же часто, как и соглашались с ними, но, что примечательно, никто никогда не упоминал об этой анонимной статье[10]. Отсутствие в новом УК РСФСР 1922 года запрета мужеложства воспринималось многими советскими законоведами как прогрес-

сивная мера. По мнению одного из юристов, мужеложство было декриминализировано потому, что

Наука, а вслед за ней некоторые законодательства отрешились от кары, став на точку зрения, что совершение акта мужеложства с<о> взрослым ничьих прав не нарушает и что последние вольны проявлять свое половое чувство в любых формах, что вторжение права в эту область является пережитком воззрений Церкви и идеологии греховности[11].

Следовательно, взрослых людей, совершавших добровольные однополые акты, можно было считать участниками сексуальной революции, освобожденными наукой от религиозных предрассудков. Другие юристы, сторонники декриминализации мужеложства, открыто ссылались на авторитет медицины, указывая на ряд теорий происхождения однополого влечения начиная от психопатологической неустойчивости и заканчивая недавними биологическими гипотезами Ивана Блоха, Магнуса Хиршфельда и Эйгена Штейнаха (Steinach, Eugen; 1861—1944)[12]. Ученые излагали также историю смягчения и отмены уголовных наказаний за гомосексуальные акты, отмечая, что «более гуманная точка зрения» способствовала постепенному смягчению кары в европейском законодательстве[13].

Психиатры, включая В.М. Бехтерева, также возражали Г.Р. Их статьи, посвященные тем же случаям, с очевидностью показывали, что аноним выражал не более, чем собственное мнение. В 1927 году московский психиатр А.О. Эдельштейн описал историю «трансвестита» и «гомосексуалистки» Евгении Федоровны М., чьи действия весьма напоминали поведение Евгении из вышеназванной публикации журнала Комиссариата юстиции 1922 года[14]. Констатируя как факт, психиатр сухо отмечал, что в 1922 году Комиссариат юстиции признал законность брака его пациентки с другой женщиной «по обоюдному согласию»[15]. Очевидно, в обеих статьях героиней являлась одна и та же Евгения/Евгений. Но, даже если это и не так, в статье А.О. Эдельштейна сообщалось, что законность однополого брака его пациентки всё же была признана в 1922 году официальными лицами. Рекомендации, озвученные в «Процессах гомосексуалистов», определенно не были поддержаны юристами, расследовавшими дело женщины, в конце концов ставшей пациенткой А.О. Эдельштейна[16].

Медицинские статьи, посвященные случаю с «клубом педерастов», входили в резкое противоречие с содержанием оправдательного заключения психиатрической экспертизы [В.М. Бехтерева в той форме, как она приведена Г.Р. в его статье, вышедшей в журнале] Комиссариата юстиции в 1922 году. Психиатрами

ставилось под сомнение также указанное в публикации время проведения этого процесса[17]. Как и в случае с зарегистрировавшими семью женщинами, имеющиеся свидетельства разрывают, казалось бы, очевидную связь между петроградским рейдом на частную вечеринку, на которой военные моряки («военморы») и другие мужчины разыгрывали свадьбу под видом маскарада, как это изложено [в статье Г.Р.] в комиссариатском еженедельном журнале, и аналогичным случаем, описанным петроградскими психиатрами – каждым в своей статье – В.М. Бехтеревым и его учеником В.П. Протопоповым[18]. Но обстоятельства случаев столь схожи и неординарны, что заставляют предполагать: разговор идет об одном и том же. Даже если это не так, то после сравнения этих [четырех] публикаций мысль о том, что стратегия, изложенная в «Процессах гомосексуалистов», всецело отражала советский подход к однополым отношениям, представляется несостоятельной.

В своей статье юрист Комиссариата юстиции [, т. е. Г.Р.,] давал понять, что рейд в «клуб педерастов» – или, по крайней мере, последовавшие за этим процессуальные действия – имели место после введения с 1 июня 1922 года нового Уголовного кодекса[19]. Автор специально обращает внимание на дату этого события и тем самым хочет усилить свою аргументацию в пользу того, что, раз мужеложство более не является противоправным актом, отныне гомосексуальность должна быть криминализирована как «мелкое хулиганство». Но отчеты В.М. Бехтерева о его деятельности в процессе допросов задержанных во время петроградского рейда в «клуб педерастов» ставят под сомнение дату случившегося и заставляют предполагать, что экспертное заключение ученого было искажено Комиссариатом юстиции [в статье Г.Р.]. В 1922 году знаменитый психиатр опубликовал отчет о задержании «целого клуба гомосексуалистов в количестве 98 чел<овек> в период их праздничного собрания на свадьбу»[20]. Статья была адресована профессиональной аудитории психиатров и врачей. В.М. Бехтерев писал, что он «тотчас» был вызван по телефону в милицию для исследования мужчин с научной, но не судебно-медицинской целью, кое и состоялось до 28 февраля 1921 года (за пятнадцать месяцев до введения нового Уголовного кодекса)[21]. Но о требовании провести судебно-психиатрическую экспертизу или присутствовать на процессе психиатр ничего не сообщал.

Милицейский рейд и свое обследование задержанных В.М. Бехтерев еще раз описал в главе его фундаментального руководства по половому воспитанию «Половой вопрос в школе и в жизни», выдержавшему два издания[22]. Эту главу он закончил в декабре

1924 года. В ней психиатр настойчиво пытался скорректировать оценку Комиссариата юстиции, изложенную в статье Г.Р., не упоминая о ней напрямую. В.М. Бехтерев писал, что он использовал протоколы допросов, и приводил дату рейда – 15 января 1921 года, заметив, что милицейское наблюдение за подобными собраниями на частных квартирах началось с конца 1920 года[23]. Эту ремарку он не комментировал, но его скупые слова о собственной официальной роли в дальнейшем развитии событий контрастируют с тем, как она преподносилась Комиссариатом юстиции [, т. е. в статье Г.Р.,] для высокопоставленных законодателей.

Мне пришлось дать и заключение по этому делу, и, конечно, оно было дано в пользу прекращения дела, ибо ни совращения, ни пропаганды гомосексуализма в этом случае установить было нельзя[24].

В дискуссии психиатров, юристов и неизвестного автора «Процессов гомосексуалистов» превалировал вопрос о статусе «гомосексуалиста». Является ли он преступником (как считала милиция и, очевидно, некоторые юристы) или отныне относится к категории больных, нуждающихся в лечении методами психо- (как рекомендовал защитник гипноза В.М. Бехтерев) либо гормональной терапии (согласно В.П. Протопопову)? Некоторые юристы полагали, что в новой России гомосексуалы «вольны проявлять свое половое чувство» подобно другим взрослым гражданам. Отдельные свидетельства наводят на мысль, что доминировала точка зрения, предполагавшая эмансипацию и медицинский подход (когда речь не шла о нарушениях общественного порядка или политической борьбе), а вовсе не жесткая милицейская линия.

Аналогичный спор по поводу женской (гетеросексуальной) проституции разгорелся в это время между милицией, юристами, медэкспертами и общественниками-активистами. В ходе этой дискуссии поднимался вопрос: какова должна быть официальная позиция в отношении случаев проявления сексуальности в общественном месте[25]. У властей времен Гражданской войны царил хаос во взглядах на проституцию, следствием чего стало смешение реабилитационных и репрессивных мер. Социальные работники и активистки женотделов (женских отделов в органах Коммунистической партии в 1918–1929 годах) проводили коммунальные эксперименты и претворяли в жизнь программы полового просвещения, в то время как милиция кое-где просто устраивала облавы на проституток и спроваживала их в трудовые лагеря. На начальной стадии координацию работ осуществляла Межведомственная комиссия по борьбе с проституцией, созданная на исходе 1919 года под эгидой Народного комиссариата социального

обеспечения. Она отвечала за политику просвещения и социальной помощи (первоначально такой орган был создан осенью 1918 года при Венерологической секции Народного комиссариата здравоохранения). Когда законодатели отказались запретить проституцию новым УК РСФСР (введен в действие с 1 июня 1922 года), в декабре 1922 года решением ВЦИК был учрежден Центральный совет по борьбе с проституцией, возглавляемый народным комиссаром здравоохранения Н.А. Семашко. По идеологическим соображениям Совет отказался от милицейских методов, полагая, что просвещение и социальная помощь торгующим собой женщинам (считавшимся жертвами экономических условий и мужской тирании) вернут их на путь «полезного труда». В ходе дебатов предложения милиции о создании специального подразделения для надзора за содержателями притонов разврата и клиентами мужчинами («милиции нравов») были атакованы Кларой Цеткин и венерологами, полагавшими, что такие подразделения создали бы угрозу возврата к царской системе регулирования и к уличной проституции, способствующей распространению венерических болезней[26]. Когда дело касалось женской проституции, советская медицина придерживалась политики отказа от карательной практики царского режима и делала ставку на заменяющие ее процедуры терапевтического и восстановительного характера, нацеленные на преодоление недуга и реабилитацию женского достоинства.

Словно туманом была окутана политика относительно однополой любви. При обсуждении юристами и врачами проблемы «гомосексуалистов» ни одно из положений К. Цеткин не получило открытого отклика в СССР. Создание комитета экспертов не привело к драматизации вопроса. Но месяц спустя после образования Центрального совета по борьбе с проституцией народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко во время визита в Берлин заявил немецким коллегам из международного движения за сексуальные реформы, что легализация мужских однополых отношений при Советах была обдуманной освободительной мерой, частью сексуальной революции. Научная и секс-реформаторская деятельность Института сексологии* доктора М. Хиршфельда, основанного в Берлине в 1919 году, совпадала с интересами советских социальных гигиенистов и, по-видимому, их

[* Оригинальное название: «Institut für Sexualwissenschaft». В 1920-х годах в советской прессе фигурировал как Институт сексуальных наук, позднее — как Институт сексуальных исследований. В англоязычном написании: «Institut for Sex Research».]

руководителя Н.А. Семашко[27]. В январе 1923 года последний посетил институт с делегацией советских врачей. Первым делом они хотели посмотреть документальный фильм об однополой любви «Другие как Другие» («Anders als die Andern»), снятый в 1919 году при участии М. Хиршфельда. Журнал института, посвященный «сексуальным промежуточным состояниям» («Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen»), сообщал о недоумении советских представителей по поводу оценки фильма как скандального и потому запрещенного. Н.А. Семашко «с удовлетворением заявил, что прежнее уголовное преследование против гомосексуалистов в новой России полностью отменено. Он также объяснил, что никаких нежелательных последствий после отмены этой статьи не выявлено, и он не хотел, чтобы вопрос о возвращении наказания еще раз поднимался на каком-либо уровне»[28].

Это осторожное и знаковое высказывание (не опубликованное в СССР) было самым явным выражением поддержки гомосексуальной эмансипации со стороны высокопоставленного чиновника советского режима. Оно подразумевало, что эмансипация гомосексуалов была логическим следствием революции. Народный комиссар здравоохранения проигнорировал призывы, содержащиеся в статье Г.Р. «Процессы гомосексуалистов» (и в близких по смыслу предложениях об образовании «милиции нравов»), возвратиться к регулированию гомосексуальности другими методами. По поводу новых законодательных инициатив Н.А. Семашко был полон оптимизма.

Его связь с социал-демократом и секс-реформатором М. Хиршфельдом была одной из многих в числе тех контактов с немецкой медициной, которые, как подчеркивал народный комиссар, свидетельствовали о радикальном разрыве Советской России с царской политикой в сфере здравоохранения[29]. Через два года после посещения Н.А. Семашко института М. Хиршфельда социальный гигиенист Григорий Абрамович Баткис (1895–1960), «молодой активный большевик, закончивший Московский университет»[30], опубликовал в Берлине на немецком языке брошюру «Сексуальная революция в России» («Die Sexualrevolution in Russland»). В ней автор утверждал, что гомосексуальность является частным делом и ее следует рассматривать как «т. н. “естественное” сношение»[31]. Позднее сам Г.А. Баткис и другие советские представители выступали на конференциях Всемирной лиги сексуальных реформ (ВЛСР) – «международного лица» Института сексологии М. Хиршфельда. В конце 1920-х годов ВЛСР стала сценой, на которой советские социальные гигиенисты удостаивались шумных оваций в связи с радикальным зако-

нодательством большевиков по половым вопросам. Декриминализация мужской гомосексуальности в СССР неоднократно встречала овации на первых конференциях Лиги. Присутствие в «международном комитете» директоров А.М. Коллонтай, главного глашатая большевистской партии по половым проблемам, наряду с Г.А. Баткисом и украинским профессором [Николаем Н. Паше-Озерским], создавало видимость официальной поддержки этой организации Советами[32]. Но внутрипартийные оппозиционные выступления А.М. Коллонтай и ее плохо понятый и легко поддающийся искажениям сексуальный радикализм дали оппонентам много поводов для ее критики в 1923 году в советской прессе за пропаганду «свободы любви» и «буржуазного феминизма»[33]. После этого А.М. Коллонтай уже не имела прежнего влияния на эти аспекты советской политики, будучи отправлена послом в Норвегию[34]. Впечатление, будто Советы одобряли весь реестр целей ВЛСР (в том числе гомосексуальную эмансипацию), необходимо соотнести с контекстом возраставшей двойственности в сексуальном дискурсе и политике коммунистов, особенно во второй половине 1920-х годов. На международной арене считалось полезным поддерживать секс-реформаторское движение в странах с некоммунистическими режимами, но в самой России сексуальная революция управлялась институциализированными, рационализированными, отнюдь не либертарианскими силами, действовавшими в интересах текущей политики и часто при широкой поддержке масс[35].

Интерес и сочувствие к гомосексуалам на ранней стадии становления советской медицины были не просто побочным продуктом участия в международном секс-реформаторском движении. Исследования в области эндокринологии народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко считал многообещающими и осторожно предлагал психиатрам обратить внимание на предполагаемую связь между гормональными функциями и психическим расстройством. Он поддерживал идеи, вызывавшие большой интерес у ученых Центральной и Восточной Европы, которые могли бы сделать медицину «советской», если бы прорыв исследовательской мысли привел к кардинальным отличиям от медицины при царском режиме.

В 1918 году австрийский биолог Э. Штейнах открыл обусловленность сексуальной ориентации особенностями функционирования половых желез. Это было частью его широкомасштабных работ в области эндокринологии. Его довоенные и послевоенные исследования животных произвели революцию в понимании роли половых желез. Получив общественное признание и зару-

чившись поддержкой М. Хиршфельда, Э. Штейнах занялся проблемой изменения сексуального поведения человека путем контроля выработки половых секреций. В 1918 году совместно с хирургом Робертом Лихтенштерном (Lichtenstern, Robert; 1874–?) он произвел успешную частичную трансплантацию «нормального» (гетеросексуального) яичка мужчине-гомосексуалу. В результате пациент утратил женоподобные манеры, получал удовольствие от сексуальных отношений с женщиной-проституткой и впоследствии женился[36]. М. Хиршфельд ухватился за эти результаты как за неопровержимое доказательство его «биомедицинской конструкции новой гомосексуальной идентичности» и в начале 1920-х годов распропагандировал их[37]. Об экспериментах Э. Штейнаха русские знали, особенно их интересовали его опыты с животными, а также эксперименты по омоложению людей. В 1920-е годы омолаживающая хирургия стала популярной в Европе и СССР и широко освещалась советской печатью. В большевистских мечтаниях омоложение представлялось первым шагом к раскрытию тайн жизненного процесса. Много сотен подобных операций было произведено над животными и людьми (большей частью мужчинами) в России периода нэпа[38].

На фоне этой политики сексуальных реформ, междисциплинарных подходов к женской проституции и успехов эндокринологии в 1920-х годах в СССР появились значительные работы по проблеме психиатрических аспектов гомосексуальности. Такого рода исследования могли радикальнейшим образом отделить советскую психиатрию от ее предшественницы царского времени, сопротивлявшейся медикализации гомосексуала. В ходе клинических и судебно-психиатрических исследований «гомосексуалистов» психиатры собирали данные и выдвигали предположения, подчас с сильным полемическим акцентом, относительно этиологии однополого влечения. Многие соглашались с тем, что соединение социальных и биологических факторов способно породить аномалию, но налицо были резкие расхождения относительно оценки значимости биологических причин. Совпадение во времени придало революционную окраску эндокринологическим открытиям, набросив на исследования половых желез политический флер. Если бы проблема этиологии гомосексуальности привела психиатров и биологов к новым открытиям в области гормональных функций, то советская медицина заняла бы пьедестал новатора и мирового лидера.

Впервые и наиболее убедительно эндокринологическая гипотеза происхождения гомосексуальности прозвучала в заявлении В.П. Протопопова, ассистента лаборатории, возглавлявшейся

академиком В.М. Бехтеревым. Оба они участвовали в осмотре мужчин, задержанных в январе 1921 года при рейде в «клуб педерастов». В.П. Протопопов открыто выразил несогласие со своим учителем и не без успеха использовал проблему гомосексуальности, чтобы обозначить сферу собственных научных интересов. Этим вечером в отделении милиции В.М. Бехтерев продиктовал доктору Мишутскому результаты своего обследования семи человек[39]. В.П. Протопопов тогда же подробно обследовал сорок человек, задержанных милицией. Он не только записал десять наиболее интересных историй, но использовал полученные данные для изучения существующего состояния медицинского понимания гомосексуальности. Ассистент В.М. Бехтерева пришел к заключению, что его материал подтверждает эндокринологическую гипотезу Э. Штейнаха в том виде, в каком она была выдвинута в 1918 году. Объясняя этиологию гомосексуальности особенностями функционирования половых желез, эта гипотеза была диаметрально противоположна взглядам В.М. Бехтерева[40], для которого главенствующим было воспитание. В 1923 году В.П. Протопопов был назначен деканом факультета психиатрии Харьковского государственного университета. Спустя пять лет он взял на себя руководство экспериментом, основанным на гипотезе Э. Штейнаха, – попытке имплантации половых желез. Операцию провел психиатр Яков Ионович Киров (2.02.1897–?)[41]. Стояла задача изменить сексуальную ориентацию «гомосексуалистки» с помощью техники омолаживающей терапии. С согласия двадцативосьмилетней пациентки Ефросинии Б. ей были имплантированы под левую грудь яичники овцы и свиньи[42]. Эксперимент закончился провалом, и ни В.П. Протопопов, ни его ученик Я.И. Киров более не возвращались к гомосексуальности как предмету исследований.

Сторонники гормональной теории происхождения однополого влечения также нашлись в числе первой когорты психиатров советской эпохи, взращенных в пору Гражданской войны Петром Борисовичем Ганнушкиным (1875–1933), ведущим представителем своей профессии в Москве[43]. Получив диплом, Марк Яковлевич Серейский (1885–1957), специализировавшийся в области душевных расстройств, обусловленных эндокринологическими процессами, опубликовал в 1922 и 1925 годах две статьи по этому предмету и позднее в соавторстве с другим учеником П.Б. Ганнушкина, Михаилом Осиповичем Гуревичем (1878–1953), выпустил учебник по психиатрии[44]. Неудивительно, что в силу своих научных интересов М.Я. Серейский стал самым горячим из числа советских психиатров приверженцем теории,

объясняющей гомосексуальность гормональной аномалией. В пору культурной революции (в обстоятельствах, освещаемых в гл. 6) его поддержка этой теории привлечет широкое внимание.

Под влиянием П.Б. Ганнушкина обратился к изучению эндокринологических факторов при душевных заболеваниях и Е.К. Краснушкин. В Гражданскую войну он занимался судебной и криминальной психиатрией, а в 1920-е годы специализировался на психиатрической экспертизе и лечении преступников с душевными расстройствами в Институте судебно-психиатрической экспертизы им. проф. В.П. Сербского, Кабинете по изучению личности преступника и преступности (при Московском уголовном розыске) и городской лаборатории трудового перевоспитания малолетних – Моструддоме[45]. Сексуально-гендерное диссидентство Е.К. Краснушкин исследовал в качестве судебного эксперта. В статье о «женщинах убийцах-гомосексуалистках», написанной им в 1926 году в соавторстве с Н.Г. Холзаковой, было выдвинуто предположение, что конституциональная этиология гомосексуального влечения объясняется работой половых желез, факторы же окружающей среды имеют побочное значение[46]. Авторы статьи опирались на комплексную модель «интерсексуальности» М. Хиршфельда, предшествовавшую новаторской методике трансплантации яичек Э. Штейнаха. Оба русских врача находились под влиянием книги М. Хиршфельда «Трансвеститы» («Die Transvestiten»). В этом потрясшем основы тогдашней психиатрии труде по провоцирующему переодеванию [в одежду другого пола], изданном в 1910 году, немецкий сексолог разработал теорию половых «промежуточных состояний» (*нем.* Zwischenstufen; *англ.* Intermediaries) и привел классификацию всех форм гендерного и сексуального нонконформизма, в которой врожденные и гетеросексуальные маскулинность и фемининность представлялись экстремумами. Не вдаваясь в частности, Е.К. Краснушкин и Н.Г. Холзакова стали именовать все «промежуточные состояния» [по их терминологии, «смешанные типы»] «трансвеститами», а «гомосексуалистов» и «бисексуалов» – считать их подкатегориями[47]. Русское прочтение игнорировало ясно выраженное у М. Хиршфельда различие между переодеванием и однополым эросом. Статья советских психиатров проложила путь дальнейшим дискуссиям в советской медицине относительно «трансвестита» как гражданина и пациента.

Два персонажа статьи Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой отправили на тот свет своих партнеров-женщин, в одном случае – из ревности, когда любовница заявила о своем намерении выйти замуж за мужчину, а в другом – по причине явной

провокации на сексуальной почве. Вопреки очевидной преступности совершенного «гомосексуалистками» оба психиатра высказывались за эмансипацию и терпимость в отношении безвредных и одаренных гомосексуалов. Обывательское представление о сексуальных «промежуточных состояниях» как о «противоестественных» игнорировало нараставший объем научных свидетельств о широкой распространенности таких типов. Антропологи обращали внимание на существование однополого влечения и гендерной промежуточности за пределами «цивилизации», класса и культуры. М. Хиршфельд, наибольший авторитет по «промежуточным состояниям», был всячески превозносим как «самый крупный знаток современной сексуологии». Подводя итоги, Е.К. Краснушкин и Н.Г. Холзакова заключали, что гомосексуальность далеко не всегда связана с преступлением или болезнью. Они писали:

> Как и мужская, так и женская гомосексуальность сочетается нередко с высокой художественной одаренностью. Классический пример такого сочетания являет греческая поэтесса Сафо [Сапфо́ (Сафо́) (Σαπφώ; 7–6 вв. до н. э.)]; по имени острова Лесбос, на котором ею с успехом культивировалась любовь между женщинами, эта любовь и до сих пор носит название «лесбийской»[48].

Помимо прочего, Е.К. Краснушкин заявил, что личности, «страдающие от этих половых извращений», немногочисленны и не приносят ощутимого вреда обществу — «сами по себе извращения, поскольку они не нарушают прав и физической неприкосновенности других лиц, [наш закон] не карает». Так понимала «истинную “половую революцию”» советская власть, законодательство же Западной Европы, где половые извращения жестко подавлялись, занимало противоположную позицию[49]. Аргументы российских ученых, основанные на медицинском и историческом подходе к однополой любви, были созвучны тем, к которым прибегали некоторые апологеты царского времени и Научно-гуманитарный комитет М. Хиршфельда — ведущая организующая структура кампании за гомосексуальную эмансипацию в Германии.

Похожий упор на биологию, опирающийся на взгляды М. Хиршфельда, присутствовал в работе судебно-медицинского эксперта Николая Павловича Бруханского (1893–1948) из московского Института невропсихиатрической профилактики. В изданной в 1927 году монографии, посвященной «сексуальной психопатологии», он описал ряд проходивших в районных судах столицы уголовных дел, которые были связаны с мужским и женским «гомосексуализмом». Убийство или попытка убий-

ства мотивировалась в них ревностью. При слушании этих дел Н.П. Бруханский привлекался защитой в качестве эксперта. От него требовалось, отталкиваясь от писем обвиняемых и жертв, осветить перед судом психологию однополого влечения. Нередко дела заканчивались скорее госпитализацией, чем тюремным заключением обвиняемых (в международном контексте, прогрессивный исход). Н.П. Бруханский поддерживал декриминализацию мужеложства, но открыто выражал сомнение во всех теориях гомосексуальности, выдвигавшихся современной наукой[50]. В написанном им учебнике «Судебная психиатрия» (1928) он подробно рассмотрел те теории, что готов был принять. Соглашаясь, что «истинная гомосексуальность» является производной факторов, обусловленных конституцией человека (точка зрения М. Хиршфельда), Н.П. Бруханский считал, что и культура может подвигать людей на однополые отношения вопреки «природе»[51].

В Ленинграде, где врачи исследовали кровь на предмет обнаружения «половых аномалий», также преобладали подобные взгляды. Некоторые исследователи полагали, что «гомосексуализм нужно рассматривать как известное биологическое несовершенство», но отвергали любое сделанное наспех заключение о психологической ущербности гомосексуалов. Публикуя «исповедь» двадцатитрехлетнего Сергея Е., невропатолог Николай Федорович Орлов (1885–?) утверждал, что «моральный уровень» его подопечного был «не ниже такового большинства здоровых нормальных гетеросексуальных мужчин»[52]. Но эти слова выглядели несколько двусмысленно, поскольку Сергей Е., по его собственным словам, искал психологической помощи, чтобы «переродиться, стать другим, таким, как все [вокруг]». Он хотел «создать семью» и был уверен, что однополая любовь слишком неустойчива для «строительства на ней жизни». Н.Ф. Орлов предполагал, что гомосексуальность — это не просто гормональная аномалия, а следствие «глубоких биохимических явлений», поскольку «деятельность всех клеток организма» взаимосвязана. Сочувственное освещение Н.Ф. Орловым четырех случаев мужской гомосексуальности (с врачебной, но не уголовной позиции)[53] убеждало, что, как и в работе М. Хиршфельда, советская медицинская практика, исходя из биомедицинского понимания гомосексуальности, могла гуманно относиться к человеку, испытывающему однополое влечение.

В июне 1926 года по приглашению народного комиссара здравоохранения Н.А. Семашко М. Хиршфельд в качестве сексолога посетил Советский Союз. Судя по всему, из СССР он вернул-

ся глубоко разочарованным ханжеством большевиков, ему стало ясно, что научный интерес к гомосексуальности постепенно иссякал, а гомосексуальное поведение в новом социалистическом государстве расценивалось как «непролетарское». Немецкий врач понял, что никаких открытых, организованных групп гомосексуалов в новой России не было, а советская журналистика и литература избегали касаться этой темы. М. Хиршфельд был немногословен относительно своего путешествия (что для него нехарактерно) и опубликовал лишь скупую газетную заметку о поездке[54]. Неизвестно, встречался ли он с кем-либо из перечисленных им советских психиатров, находившихся под влиянием его идей[55]. (На М.А. Кузмина, который наряду с Николаем Алексеевичем Клюевым (1887–1937) присутствовал 8 июня 1926 года на «смертельно скучной» встрече с сексологом, тот произвел скверное впечатление[56].) Тем не менее в 1926 году было еще далеко до того, чтобы идеи М. Хиршфельда канули в Лету, в те дни они во многом определяли советские воззрения на секс-гендерное диссидентство.

Биосоциальные перспективы гомосексуальности

Хотя гормональная этиология половых аномалий привлекала внимание своей новизной и многообещающими возможностями, множество советских психиатров, не умаляя роли биологии, делали акцент на социальной среде, в которой сексуальность формируется. В СССР биосоциальное понимание социальных аномалий (вроде преступности, самоубийства, проституции и наркомании) было в 1920-е годы доминирующей парадигмой, которой придерживались специалисты во многих областях науки. Разделявшие эту точку зрения психиатры стремились задействовать гибкую и динамичную теорию психопатии при обсуждении секс-гендерного диссидентства. Психопатическая модель для такого типа пациента появилась в конце 1920-х годов (о ней см. в гл. 6). А в начале десятилетия группа психиатров выдвинула альтернативное биосоциальное объяснение половых аномалий, тем самым бросив вызов всецело биологической гормональной модели Штейнаха – Хиршфельда. Акцент на влиянии окружающей среды (или воспитания) в сочетании с рефлексологией В.М. Бехтерева и психоанализом привлекал и марксистских идеологов.

Теория, согласно которой половое притяжение — это сложный рефлекс, была развита В.М. Бехтеревым задолго до 1917 го-

да. Его апеллирующая к здравому смыслу пропаганда «полового здоровья» и полового просвещения на научной основе целиком согласовывалась с рационалистической сексуальной политикой, проводившейся лидерами Коммунистической партии. Однако успеху его деятельности после октября 1917 года в большой степени способствовали как активная работа в области психиатрии, так и политические предпочтения. Он принял большевистский режим и энергично участвовал в строительстве нового общества, оставаясь вне партии. При царизме научная и врачебная деятельность В.М. Бехтерева протекали в стенах Петроградского психоневрологического института; в 1920-х годах этот институт стал центром Психоневрологической академии (ее-то и возглавил В.М. Бехтерев), состоящей из пятнадцати отделений, в том числе Института изучения мозга и психической деятельности (образован в 1918 году)[57].

После 1917 года во взглядах В.М. Бехтерева на этиологию гомосексуальности, «половых уклонений и извращений» мало что изменилось, но в 1922 году он опубликовал пространный обзор накопленного им за два десятилетия клинического материала[58]. (Это была самая объемная, стостраничная работа по половым аномалиям, вышедшая в Советской России до 1974 года[59].) Чтобы подкрепить собственную теорию влияния окружающей среды на происхождение извращений, В.М. Бехтерев обратился в обзоре к новейшим попыткам объяснить сексуальность деятельностью половых желез. Отмечая, что сила полового влечения определяется «развитием половых желез и их гормонами», В.М. Бехтерев утверждал, что гормональная система человека подчиняется влиянию «культурно-социальных условий» (таких, как нравственные запреты, литература и практики ухаживания). Они-то и задают сексуальность. Половая «инверсия» (однополое влечение) — это следствие либо взаимной мастурбации между мальчиками или девочками «при ослаблении или отсутствии [тяги] к нормальным половым сношениям», либо преднамеренного сексуального стимулирования (особенно в пубертатном периоде)[60]. Демонстрируя неподдельный интерес к теориям З. Фрейда, объясняющим появление сексуальных аномалий, В.М. Бехтерев тем не менее решительно возражал против эротизации венским психоаналитиком «частей тела, не предназначенных для полового влечения». Русский психиатр отмечал также размытость у З. Фрейда психоаналитических категорий половой патологии и здоровья. В.М. Бехтерев был убежден, что «половое влечение по природе своей в нормальных условиях жизни предназначено к осуществлению указываемой самою природой формы полового сношения, кото-

рое приводит к деторождению». «Инверсию» влечения, ощущаемую теми, кто еще может иметь естественные отношения, он относил к «половым уклонениям», считая их «неестественными». Но те, у кого подобное влечение «укоренялось», становились уже «патологическими» типами. Таким образом, петроградский психиатр подразделял пациентов-гомосексуалов на тех, кого можно убедить методами психотерапии отказаться от извращения, и тех, чья патология вызывала пессимистический прогноз[61].

До смерти В.М. Бехтерева в 1927 году его авторитет в области научных основ полового развития был в Советском Союзе непререкаем, но со смертью ученого, с последовавшим за ней распадом сети специализированных научных институтов рефлексология потеряла своего самого рьяного сторонника[62]. Психоанализ, не пользовавшийся особой популярностью у советских психиатров, открывал другой взгляд на сексуальность. В последние годы царизма теории З. Фрейда вызвали прилив энтузиазма у нового поколения психиатров, но на страницах журнала русского психоаналитического движения, «Психотерапия»[63], гомосексуальности уделялось мало внимания. Несмотря на широкое распространение в начале 1920-х годов психоаналитических методик З. Фрейда, его объяснения гомосексуальности редко воспроизводились в советской психоаналитической литературе. В конце этого десятилетия усилились санкционированные властями нападки на «фрейдизм» – и как на мировоззрение, и как на психотерапевтическую технику. Психоанализ оказался под запретом вплоть до 1970-х годов[64].

Книги З. Фрейда были переведены на русский язык и изданы в нэповской России, его теории хорошо знала читающая публика. Он оказал значительное влияние на раннюю советскую педагогику и культурологию[65]. Но психиатрические публикации этого периода по гомосексуальности не несут на себе печати психоанализа. Хотя работы венского ученого были широко известны, лишь немногие психиатры приняли его методику и следовали ей на практике, поэтому в России появились лишь единичные работы, посвященные психоаналитическим интерпретациям однополых извращений. Причины тому были и организационные, и идеологические. При царизме психиатрия боролась за признание и достойное положение. «Малая психиатрия» (лечение неврозов и решение повседневных жизненных проблем)[66] не имела такого статуса, как во Франции и Германии. В.М. Бехтерев и П.Б. Ганнушкин были противниками З. Фрейда, первый – из-за своего биологического и рефлексологического подхода, второй – поскольку был учеником Эмиля Крепелина (Kraepelin, Emil; 1856–

1926), оппонента психоанализа[67]. Два студента П.Б. Ганнушкина, Е.К. Краснушкин и Лев Маркович Розенштейн (1884—1934), заинтересовались открытиями З. Фрейда накануне революции. Но в позднейших работах Е.К. Краснушкина по сексуальности это влияние не прослеживается. В 1929 году В. Райх утверждал, что деятельность Л.М. Розенштейна на посту директора Института невропсихиатрической профилактики в Москве протекала под влиянием З. Фрейда, но советский врач редко выступал в печати по проблемам пола и психоанализа[68]. Взгляды Л.М. Розенштейна трудно реконструировать. Без сомнения, в 1920-е годы он продолжал интересоваться сексуальностью и ее местом в психогигиене. Оказавшись в середине тех лет в научной командировке в Берлине, он потратил драгоценное время на посещение М. Хиршфельда и психиатра Артура Кронфельда (Kronfeld, Arthur; 1886—1941) в Институте сексологии. Домой он вернулся разочарованным тем, что А. Кронфельд «не работает совершенно теперь в психиатрических учреждениях и занимается только приемом в Институте сексуальных наук Гиршфельда, учреждении коммерческого типа с громким названием»[69]. В конце 1920-х годов Институт невропсихиатрической профилактики продолжал проводить работу в сфере полового просвещения[70]. Оптимистический взгляд Л.М. Розенштейна на секс-гендерное диссидентство у женщин, о которых в 1933 году сообщала американская обозревательница Элла Уинтер (Winter, Ella; 1898—?), носил эмансипационистский характер и был лишен какого-либо намека на психоанализ. Как врач, Л.М. Розенштейн считал, что должен помочь пациенту примириться с однополым влечением и обрести достойную и продуктивную социальную роль. Он приглашал «лесбиянок, женщин-милиционеров и красноармейцев» прийти в форме и рассказать студентам-медикам свои истории, заявляя при этом, что в Советской России «женщины могут свободно взять мужские имена и жить, как мужчины»[71]. (О том, действительно ли существовали подобные возможности, будет рассказано в гл. 6.) Возможно, дискурс сексуальной революции Л.М. Розенштейн воспринимал так же, как ее понимали левые за границей. Но к этому времени, 1932 или 1933 году, сформировался новый и более жесткий дискурс о «личностном несоответствии». Психиатры были вынуждены мириться с новым криминализированным дискурсом о мужчине-гомосексуале; положение «женщин, взявших мужские имена и живущих, как мужчины», стало несносным.

Истории однополых отношений, пересказываемые врачами из регионов России, свидетельствуют, что психоанализ был принят с энтузиазмом, и фрейдовские теории проникли далеко за преде-

лы Москвы[72]. Наиболее откровенный фрейдовский анализ «гомосексуалиста» вышел из стен саратовского кабинета криминальной антропологии. В 1925 году психиатр кабинета А.П. Штесс опубликовал не имевший аналогов в советской психиатрической литературе психоаналитический портрет «гомосексуалистки». Интерпретацию душевного состояния пациентки врач творчески основывал на эдиповом комплексе, завистливом желании обладать пенисом и страхе кастрации. Терапевтическое внушение, техника свободных ассоциаций З. Фрейда и семнадцать сеансов гипноза постепенно сделали ее союзницей врача и в конце концов как будто вылечили. Подобно психоаналитикам США позднейшего времени А.П. Штесс применял фрейдовский анализ для «лечения» гомосексуальности, служившей, как он считал, «препятствием к выработке мировоззрения» и понижавшей «социальную ценность человеческой личности». Психоанализ он объединял к тому же с гипнозом, что часто практиковалось в России, но было осуждено З. Фрейдом, отвергавшим догматическую и неприязненную патологизацию гомосексуальности[73].

Гендер и советский гомосексуал

В первые годы Советской России исследователи однополого влечения редко касались «социальной значимости» личности гомосексуала, по крайней мере, делали это далеко не столь открыто, как саратовец А.П. Штесс. Психиатры того периода описывали гомосексуальных «пациентов», избегая каких-либо замечаний относительно их жизненных перспектив и ограничиваясь подачей «информации к размышлению» для профессиональной аудитории. При отборе подлежавших обсуждению случаев врачи выделяли типы девиаций, представлявшиеся им социально опасными, а также, возможно, и те типы, что, как им казалось, могли особенно заинтересовать власти. Исследуя сексуальные аномалии, медики часто выделяли в качестве стержневого гендерный фактор. Занимаясь гендер-трансгрессивными «гомосексуалистами», психиатры стремились четко разделить аномальные и «нормальные» гендерные идентичности. И сами их работы, и то, о чем они умалчивают, во многом говорят об их трактовке феминнности и маскулинности в новом социалистическом государстве и о том, как они стремились разрешить проблему «гомосексуальности».

Если психиатрия царского времени неохотно касалась женской гомосексуальности, то психиатры первых лет советской

власти с большим вниманием относились к этому фактически не исследованному феномену. Почти все их работы на эту тему являлись следствием встреч с женщинами, преступившими установленные гендерные нормы[74]. Советские психиатры 1920-х годов педантично описывали «мужеподобный» характер исследуемых женщин. Выяснялось, что подобный гендерный нонконформизм сформировался в раннем детстве. В противоположность историям болезней мужчин-гомосексуалов с характерным вниманием к *сексуальному* развитию мальчиков и невниманием к их женоподобию, в историях болезней женщин-гомосексуалок делался акцент на девичьей гендерной трансгрессивности в контексте ранней сексуальности. Виктор Петрович Осипов (1871–1947) описывает женщину, служившую солдатом: «<...> с детства она любила общество мальчиков, среди которых росла, и часто одевалась в их костюмы»[75]. Другая женщина, командир в Гражданскую войну, рассказала в 1924 году Н.И. Скляру, что ребенком она играла с мальчиками и «любила лазить по деревьям, играть в казаки-разбойники, в войну». До армии она не носила мужской одежды, поступив же на военную службу, надевала «мужской костюм и называла себя мужским именем и фамилией»[76]. Аналогичные элементы маскулинизации обнаруживались судебными психиатрами в воспоминаниях детства пациентов. Валентина П., отправившая на тот свет свою любовницу Ольгу Щ., вспоминала:

> «Ходить в мужском костюме я начала с детства. Мужской костюм я любила. Как-то я написала заявление о приеме меня добровольцем в Красную Армию, но Ольга его разорвала <...>. Училась с трудом из-за увлечения девушками, которыми увлекалась с детства, писала им записки», всегда ходила в мужском костюме и шапке, придя из школы, всегда «снимала юбки; только по просьбе Ольги ходила в юбке»[77].

То же самое повторяют Е.К. Краснушкин и Н.Г. Холзакова, описавшие в 1926 году Валентину П. и «женщину гомосексуалистку-убийцу», а также А.О. Эдельштейн, исследовавший в 1927 году Евгению Федоровну М.[78].

Психиатры были заинтригованы личностями вроде Евгении, открыто изменившими собственную гендерную идентичность, взявшими мужские имена, поменявшими паспорта, освоившими маскулинные жесты, привычки и профессии. Случаи трансформации гендерной идентичности у женщин вызывали интерес как у психиатров (в основном мужчин), придерживавшихся теории гормональной этиологии, так и у сторонников биосоциального объяснения половой аномалии[79]. Внимание к феномену, которому наука не давала убедительного объяснения, отражало тревогу

по поводу надлежащей гендерной роли женщины, тревогу, то и дело дававшую о себе знать в обществе эпохи нэпа.

В описаниях «маскулинизированных гомосексуалисток» присутствовало много двойственного. С одной стороны, эти личности взяли на себя роли, соответствующие общепринятым концепциям революционного равенства. Из фигурирующих в психиатрической литературе мужеподобных женщин три служили солдатами или командирами воинских формирований во время и после Гражданской войны, занимались политпросветработой, а одна заведовала впоследствии поликлиникой[80]. Это были образованные и талантливые женщины, верой и правдой служившие революционному государству. В 1923 году сексолог И.Г. Гельман описал в отчете о половой жизни студентов Московского коммунистического университета им. Я.М. Свердлова двух анонимных «гомосексуалисток», маскулинных как внешне, так и по характеру. Родом из рабочих и крестьян, они наглядно воплощали намерение советской власти дать женщине образование и утвердить ее в общественной жизни[81]. Даже вставшие на преступный путь «гомосексуалистки» извращенно понимали маскулинность, принимая гендерное равенство, обещанное революцией, но нарушая ее экономические принципы[82].

В 1920-е годы некоторые судебные медики отметили послереволюционный рост числа самоубийств россиянок как обратную сторону прогресса. Это была цена роста женского участия в общественных делах[83]. Хотя психиатры открыто не говорили об этом, их интерес к «маскулинизации гомосексуалисток» заставляет предположить, что врачи также видели в ней другой, скрытый, показатель стрессов от эмансипации. В 1924 году народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко говорил, что «вульгарное “уравнение полов”» заставило некоторых городских женщин обрéзать волосы, пить, курить, ругаться и ходить «в полуштанах»[84]. Одновременно (по его словам) эти «маскуляризированные» женщины пренебрегали собственной «женской конституцией, предназначенной для функции деторождения». Отвергая естественную женственность, стремясь преодолеть свои биологические особенности, они выходили за рамки советской женской эмансипации. Патология «маскуляризированной» женщины вытекала из того, что она стремилась отказаться от материнства. Психиатры, изучавшие «гомосексуалисток», нечасто прямо говорили о такой тенденции как причине их исследований, но подспудно это было обусловлено их интересом к гендер-трансгрессивным женщинам.

12. Заказ № К-7680.

Маскулинизация и ее проблематичная связь с ценностями революции питали интерес психиатров к женской гомосексуальности, одновременно врачи, сталкиваясь с мужчинами, занимавшимися однополым сексом, сравнительно мало говорили о мужской женоподобности. Из дореволюционных психиатрических авторитетов по половым извращениям только В.М. Тарновский в завуалированной форме выражал презрение к мальчикам и мужчинам российской элиты, лишенным мужества, преданности долгу и не умевшим контролировать свои эмоции. Согласно его классификации «педерастов», наиболее женоподобные имели врожденные расстройства. У некоторых «педерастов» женоподобность наблюдалась с раннего возраста и была симптомом дегенерации[85]. После В.М. Тарновского психиатры царских времен избегали касаться немужского поведения и проявляли мало интереса к гендерным ролям своих «извращенных пациентов». Подобное отсутствие внимания к мужской женоподобности было следствием открытого нежелания патологизировать однополые отношения[86]. До революции В.М. Бехтерев описывал представителей высшего класса, лишь слегка касаясь их манер и одежды[87]. Можно сказать, что только после 1905 года образ декадентского женоподобного гомосексуала стал достаточно часто мелькать в российских научно-популярных, литературных и журнальных описаниях мужских однополых отношений.

Революция несколько оживила психиатрический интерес к связи мужской женоподобности и гомосексуальности. В.П. Осипов пересмотрел описания пассивных «педерастов» («гомосексуалистов», если воспользоваться современным сленгом) В.М. Тарновского, включенные им в учебник 1923 года по душевным болезням[88]. Статьи В.М. Бехтерева и В.П. Протопопова, посвященные рейду в петроградский «клуб педерастов» в 1921 году, содержали рассказы о вечеринках трансвеститов и мужские пародии на гетеросексуальные отношения, глазом этнографа фиксировали мир трансгрессивного поведения в жестах и языке. В 1927 году в описание медицинского случая о «мужской проститутке», известной как Т.П., московским судебным психиатром В.А. Белоусовым было включено сообщение о «бале женоненавистников»[89]. Кратковременное оживление интереса к гендер-трансгрессивному мужскому гомосексуалу произрастало из тревоги, вызванной состоянием общественного порядка. Многие дела были заведены милицией, стремившейся взять под контроль частные сборища («клубы педерастов») и экономические преступления («мужскую проституцию»). В этих случаях власти прибегали к психиатрической экспертизе, чтобы добиться от

медицины подтверждения опасности «психической заразы» со стороны гомосексуалов[90]. Иногда, десексуализируя гомосексуала, судебно-психиатрическая экспертиза снимала с него обвинение и направляла на лечение. При этом его женоподобность или приуменьшалась, или вовсе не принималась во внимание[91].

Гораздо более последовательными были россияне, вполне однозначно характеризовавшие сексуальное взаимодействие мужчин и определявшие их идентичность сообразно позициям, предположительно принимаемым при анальном сношении («пассивные» или «активные педерасты»). Уже в самый ранний период сложения в России медицинских дискурсов гомосексуальности подобный пассивный/активный бинаризм мог быть выражен в точных гендерных (грамматических) терминах[92]. При описании сексуальных поз мужчин использовались фразы вроде «Д. представлял из себя женщину»[93] или «предпочитает вообще быть в положении женщины»[94]. Русский язык обладает богатым набором глаголов для описания пассивной (insertive*) мужской роли в половом акте (вспомним хотя бы такие глаголы, как «употреблять» и «использовать»)[95]. Разделение на активных и пассивных педерастов, введенное в употребление И.А. Каспером и А.А. Тардье, в России получило резонанс благодаря глубокому культурному различию между мужчинами и женщинами и механистическому пониманию сладострастия как мужского активного начала (натиска, напора), которому женщине только и остается пассивно повиноваться[96]. Если описывались иные формы сексуальных отношений, то они должны были подгоняться под этот бинаризм (полярность)[97]. Официальный язык уголовных дел и записи ответов обвиняемых в судах по делам о мужеложстве 1930—1940 годов отражают постоянное присутствие такой лексики в советском обществе в гендерных и сексуальных отношениях[98].

Попытки психиатров связать мужскую пассивность с врожденной гомосексуальностью, а активную сексуальную позицию — с приобретенными формами, предпринимались постоянно. Врачи стремились отделить случаи, вызванные невропатологией, гормональным дисбалансом или дегенеративной конституцией, от приобретенных форм гомосексуальности[99]. Эта связь отчетливо выявилась в описаниях «клуба педерастов» (1921 г.). В.М. Бехтерев более сдержанно, а В.П. Протопопов прямо утверждали, что «педерасты», имевшие отношения также с женщинами, — исключительно «активные» пользователи мужского ануса как «последнего прибежища» («ultimum refugium»). В.П. Протопопов

[* Insertive — от *лат.* in-sero, «всовывать»; in-servio, «подчиняться».]

на этом не остановился, заявив, что таких мужчин нельзя считать подлинными или «врожденными гомосексуалистами». Оба психиатра не увязывали гомосексуала, представляющего интерес для медицины (в отличие от морально разложившегося «педераста»), и практику анального сношения, стремясь оправдать первого, дистанцировав его от наиболее «оскорбительных» половых актов[100].

Мужчины и женщины, отвечавшие своим гендерным ролям («мужественные» мужчины, «женственные» женщины), но вступавшие в однополые практики, редко рассматривались психиатрами как действительно «больные». Врачи часто утверждали, что выход из-под влияния гендер-трансгрессивного «гомосексуального» партнера или курс суггестивной терапии или гипноза достаточны, чтобы вернуть «нормального» человека к здоровому образу жизни. Описывая с медицинских позиций гомосексуальность, психиатры следовали иному подходу к гендерно нормальным мужчинам и женщинам. Такое дифференцированное отношение к потенциально излечимым личностям служило предпосылкой к различиям во взглядах на однополую любовь, которых впоследствии придерживались законодательство и медицина.

В психиатрических историях болезней 1920-х годов партнерши «мужеподобных» «гомосексуалисток» часто описывались как «нормальные» (гетеросексуальные), их фемининность была несомненна. В этих текстах фемининные партнерши выглядели личностями с неустойчивым сексуальным поведением. Доставив удовлетворение маскулинизированным патронессам, они бросали их, чтобы вступать в браки с мужчинами[101]. В этих описаниях фемининные партнерши соответствовали и гендерным ожиданиям, ведь представали они жертвами маскулинизированных партнерш, физически и психологически оскорбивших их[102]. Ольга Ивановна Щ., библиотекарь и учительница, убитая Валентиной П., по описанию Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой (не знавшими ее при жизни), «была женщиной с мягким, добрым, уступчивым характером, женственной, с тонкой, изящной фигуркой»[103]. Очарование, исходившее от мужеподобной «гомосексуалистки», сочеталось с имплицитным отрицанием возможности выступать «настоящей» фемининной гомосексуалкой в отношениях с партнером. Психиатры полагали, что женственными партнерами маскулинизированных «гомосексуалисток» были, по сути, нормальные женщины, временно подпавшие под влияние хитрых и напористых гомосексуальных подруг. В подобных случаях разрешение проблемы фемининных женщин сводилось к констатации их «пассивной» роли, и она едва ли нуждалась в по-

дробном освещении. Половыми отношениями с мужчиной и предпочтительно замужеством эта коллизия вполне разрешалась.

Мужественный, неженоподобный мужчина, занимающийся однополой любовью, также не рассматривался как патологический тип, но его реабилитация редко ограничивалась простым возвратом к «нормальной» гетеросексуальности. Достаточно часто эти субъекты были прежде и даже на данный момент женаты. Для описания того, как такие мужчины могли мирно жительствовать в лоне семьи в паузах между сексуальными играми с банными юношами или мужчинами, уличными проститутами, В.М. Тарновский ввел понятие врожденных «периодических педерастов»[104]. В своей знаменитой статье 1922 года о половых извращениях В.М. Бехтерев обрисовал большое количество гомосексуалов и в их числе – ряд маскулинных мужчин. Он утверждал, что, оказавшись в среде представителей только своего пола, мужчины и мальчики рискуют обрести гомосексуальные наклонности. Этот тезис был проиллюстрирован рассказами о некоем субъекте, сумевшем развратить целую артель лесорубов, а также о мужчине, вполне способном к сексуальным отношениям с женщинами, но вдруг, после взаимной мастурбации, начавшем испытывать влечение к огрубевшим, опустившимся людям[105]. И до, и после 1917 года В.М. Бехтерев был убежденным сторонником активного врачебного вмешательства – то и дело проводил курсы гипноза и терапевтических собеседований, причем возможность их неэффективности допускал только в отношении женоподобных мужчин[106]. В 1927 году белорусский психиатр Алексей Карлович Ленц (1882–1952) опубликовал отчет о том, как он вылечил или уменьшил гомосексуальное влечение пациентов гипнозом. Два пациента проявляли склонность к пассивной роли, но не были женоподобны. А другой гомосексуал говорил в «женоподобном» тоне. Этого человека А.К. Ленц счел менее восприимчивым к гипнотерапии[107].

В глазах русской психиатрии маскулинные мужчины, имевшие секс с другими мужчинами, в силу их «активной» сексуальной роли не считались всецело патологическими типами, что предполагало положительный прогноз. Но утверждать, что, в отличие от своих женских двойников, эти мужчины смогут возобновить гетеросексуальные отношения без терапевтического вмешательства, не было оснований. Н.А. Семашко считал, что, в отличие от «женской конституции, предназначенной для функций деторождения», нормальная «маскулинность» более хрупка и социально детерминирована. Поэтому ее надлежит восстанавливать гипнозом или убеждением. Женоподобные же гомосек-

суальные мужчины представляли более сложную психиатрическую дилемму: как переориентировать сексуальное влечение от пассивного к активному состоянию и как таким «немужественным» мужчинам найти свое место в обществе? После того как интерес, пробудившийся к таким вопросам в начале 1920-х годов, резко угас, психиатры предпочитали их не обсуждать. К концу десятилетия сообщения о женоподобности в мужчинах полностью исчезли[108].

Заключение

Некоторые психиатры раннего этапа советской эпохи, следившие за развитием европейской сексологии и эндокринологии, при рассмотрении вопросов гомосексуальности полагали, что важнейшие открытия в этой области упрочат связи их науки с ключевыми революционными ценностями. Отсутствие в Уголовном кодексе упоминаний об однополых отношениях открыло для медицины новые возможности в той области, где ранее преобладал полицейский подход. Народный комиссариат здравоохранения стремился к авангардной роли в международном движении за сексуальные реформы и поддерживал дружеские связи с М. Хиршфельдом, ведущим сексологом мира. Исследуя половые аномалии, психиатры могли рассчитывать на поддержку, что кардинальным образом отличало их от предшественников эпохи царизма и способствовало росту их престижа как внутри СССР, так и за его пределами. Поддержка М. Хиршфельдом гормональной этиологии половых промежуточных состояний также открывала простор революционным стремлениям психиатров усовершенствовать человеческую природу. Принимая подход Э. Штейнаха и пытаясь внести уточнения в его методологию идентификации источника половых аномалий, психиатры имели возможность продемонстрировать свою близость к новаторским работам эндокринологов.

Хотя эти начинания были многообещающими, их политическая неоднозначность сделала проблематичной саму постановку вопроса о биологической основе гомосексуальности. На первый план вышли методологические ограничения. Сталкиваясь с неодолимой преградой при попытках обосновать однополые отношения, психиатры опирались только на свидетельства пациентов[109]. Нельзя сказать, что социальная база для исследований «гомосексуализма» отсутствовала. Основываясь на методе демографического анализа М. Хиршфельда, один ленинградский

психиатр утверждал, что в Советской России живет от двух до трех миллионов гомосексуалов[110]. Более существенным препятствием был эпистемологический порог, другими словами, предел, за которым разрозненные случаи формируют критическую массу, свидетельствующую о наличии социального явления. В 1920-х годах никто из психиатров не пытался обобщать данные о «гомосексуалистах». После статей В.П. Протопопова и В.М. Бехтерева, посвященных рейду в «клуб педерастов» в 1921 году, некоторые из их коллег опубликовали *сравнительные* анализы проявлений гомосексуальности, но и они ограничивались отдельными случаями из жизни немногих пациентов[111]. В Советской России не было аналогов ни Института сексологии М. Хиршфельда, изучавшего половое разнообразие и просвещавшего публику, ни Комитета изучения сексуальных вариаций (США) (U.S. Committee for the Study of Sex Variants), созданного для проведения систематических массовых исследований[112]. В сексологических исследованиях советские социальные гигиенисты ограничивались изучением взаимоотношений *между* полами. Единственной девиацией, вставшей на повестку дня, была женская проституция. Появлявшиеся в советской медицинской литературе исследования гомосексуалов базировались либо на единичных клинических случаях, либо на материалах судебной психиатрии. Для психиатров революционной России гомосексуальность была скорее случайным явлением, не предполагавшим его систематического изучения.

В силу этого психиатры избегали методик количественного анализа, использовавшихся в 1920-х годах прочими научными дисциплинами. Изучение социальных аномалий выдавалось как специфически «советская» практика. Анкетирование, структурные исследования и сбор статистических данных были способами, с помощью которых социальные гигиенисты и судебные врачи исследовали такие формы социальной аномалии, как женская проституция и суицид[113]. Эти инструменты «привязывали» частные случаи к социальному организму, в силу чего исследователи попадали в трудное положение, поскольку Народный комиссариат здравоохранения налагал свои требования, равно как и партийные активисты и политические агитаторы, стремившиеся извлечь пользу из работы ученых. Весомость объекта исследования зависела от его общественной значимости и положения (по классовой и гендерной принадлежности, образованию и т. д.) в социальном организме. По мере того как частный случай становился элементом большого целого, предмет исследования приоб-

ретал ощутимое политическое звучание, и ученые оказывались в роли *врачей-социологов*, ставящих диагноз обществу[114].

У психиатров, настаивавших на гормональном происхождении однополого влечения и гендерного нонконформизма, также усложнилась жизнь. Постоянной проблемой советских биологов-экспериментаторов был дефицит здоровых тканей, как животных, так и человеческих, необходимых для исследовательской работы. Попытка ведущего биолога Второго Московского государственного университета Михаила Михайловича Завадовского (1891–1957) осуществить в 1923 году трансплантацию по методике Э. Штейнаха и излечить «гомосексуалиста» оказалась неудачной. Скептически оценивая саму процедуру, М.М. Завадовский тем не менее отмечал, что отрицательный результат мог быть следствием отсутствия надлежащих тканей для трансплантации[115]. В 1928 году Я.И. Киров аналогичным образом жаловался в Харькове, что при проведении экспериментальной трансплантации Ефросинии Б. «не удалось добыть необходимого доброкачественного, удовлетворяющего всем предъявляемым в настоящее время требованиям яичника»[116]. Как и в Западной Европе, в Советском Союзе направления исследований половых гормонов часто зависели от наличия готовых материалов[117]. В мирное время ткани яичника человека получить было трудно, а географическое положение и экономические трудности Советского Союза ограничивали доступ к железам обезьян.

Помимо прочего, в отличие от омолаживающей терапии, которая, как считалось в то время, была эффективной, трансплантация по методике Штейнаха–Лихтенштерна с целью изменения половой ориентации не приносила ощутимых результатов. Ряд попыток воспроизвести австрийский прорыв были предприняты в начале 1920-х годов в Центральной и Восточной Европе. К середине 1920-х годов биологи пришли к выводу, что предлагавшаяся методика неэффективна, и наблюдавшаяся в некоторых случаях половая переориентация была следствием воздействия врача на пациента. М. Хиршфельд, врач, а не биолог, продолжал возлагать надежды на эндокринологическую этиологию половых промежуточных состояний, поскольку восприятие однополой любви как врожденной было логическим обоснованием его борьбы за эмансипацию[118]. В конце 1920-х годов некоторые советские психиатры всё еще продолжали ждать того дня, когда биологи откроют тайные механизмы сексуальной ориентации в системе половых желез. Но в нэповской России материальные трудности и неудачные операции по трансплантации половых

желез сделали очевидным, что нет смысла тратить на тупиковую методику и без того скудные ресурсы.

Переход проблемы секс-гендерного диссидентства из сферы законодательства в область медицины побудил врачей быть осторожными. Не имея ясных политических сигналов, они не знали, какова должна быть цель медицинского вмешательства. Должны ли врачи с помощью методики «малой психиатрии» помогать людям с половой аномалией становиться полноправными членами нового общества? Следовало ли лечить «неприспособленцев»? Или, открыв секреты половой аномалии, надлежало создать такие «условия, которые исключат возможность порождения неприспособленцев»? В отличие от других социальных аномалий политическая значимость гомосексуальности была далека от ясности. Самоубийство недвусмысленно считалось потерей для нового общества. Хотя женская проституция по-разному воспринималась милицией, социальными работниками и врачами, все они были едины в оценке этого явления как нежелательного. В 1920-х годах, когда большевики изучали социальный ландшафт и искали пути его трансформации согласно марксистским проектам, секс-гендерное диссидентство породило массу вопросов и ответов. Врачи проницательно оценивали свое положение и оставались осторожными, отнюдь не стремясь медикализировать все формы половой аномалии.

Глава 6
«БЕСКОНЕЧНОЕ КОЛИЧЕСТВО СРЕДНИХ ПОЛОВ»
Трансвестит и культурная революция

В России эпохи нэпа главными инициаторами нового дискурса о гомосексуальности и других формах секс-гендерного диссидентства выступали врачи, но не только они сталкивались с подобными явлениями. Поскольку после опубликования УК РСФСР 1922 года милиция неохотно уступала психиатрам роль в надзоре за гомосексуалами, сразу же выявились многочисленные отступления [со стороны милиции] от этого нового разделения обязанностей. Считалось, что дело медицины – не более чем разговоры о «гомосексуалистах» и «трансвеститах». Всё это сви-

детельствовало об ограничениях, наложенных советской властью на медицинские модели сексуальной и гендерной аномалии.

Большевики, вступившие в борьбу с «отсталыми» элементами населения Советского Союза, не сомневались, что сложившаяся медицинская модель не приложима к формам дававших о себе знать однополых отношений. История борьбы христианского духовенства с обычаями сексуальной жизни «первобытных» народов юга и востока Советского Союза свидетельствовала в пользу тезиса о прямой зависимости половых девиаций от сложившихся социальных условий. Проникая в закрытое от внешнего мира пространство монастыря или пытаясь «осовременить» культурные практики исламских и кавказских народов, большевики исправно следовали политике половой дифференциации, вступавшей в резкое противоречие с «передовыми» европейскими психиатрическими и эндокринологическими гипотезами. Большевистские энтузиасты антирелигиозного движения и русские большевики, сочинявшие законы для новых периферийных советских республик, подходили к регулированию однополых проступков как пережитков *старого быта*, подлежащих искоренению. Поступая так, они продуцировали контрдискурс медикализированных и либертарианских голосов, раздававшихся из среды некоторых психиатров и юристов РСФСР.

Культурная революция, сопутствовавшая первой пятилетке (1928—1932), затронула и проблему секс-гендерного диссидентства. Она породила дискуссию, отголоски которой запечатлелись в ряде эпизодов о судьбе «трансвеститов» (этим понятием охватывались все вариации «среднего пола») нового общества. Эта дискуссия проходила под знаком, с одной стороны, опыта большевистской борьбы с пережитками старого быта, а с другой — страстного стремления врачей разрешить научную проблему половой аномалии. Как и в других областях науки, медицинский аспект вопроса прошел через утопическую фазу (в 1929—1930 годы), когда психиатров вновь охватил оптимизм относительно сексуальной эмансипации и открытий эндокринологии. Врачи ратовали за защиту личности с частичной социальной аномалией, противостоя более жесткой стратегии изживания «девиантного» поведения и образа жизни. Условия, при которых индивиды вроде «гомосексуалистов» или «трансвеститов» могли бы спокойно существовать в Советском Союзе, начали постепенно исчезать уже в первую пятилетку.

Отказ от медицинской модели

Народный комиссариат здравоохранения, равно как и некоторые ученые с юристами, полагал, что декриминализация мужеложства в УК РСФСР 1922 года перевела гомосексуальность из сферы милицейских проблем в область медицины. Тем не менее существовали формы однополых отношений (обычно между мужчинами), которые некоторые большевистские деятели отказывались числить по ведомству медицины. Они отвергали врожденность однополой любви и отрицали, что исторические свидетельства присутствия однополой любви в других культурах подтверждают ее универсальность. Большевики утверждали, что некоторые «развратные» нравы старого режима (в лоне Русской Православной Церкви) или у «первобытных» народностей Советского Союза (южные и восточные этнические группы) являются социально обусловленными формами «половых извращений». Проводились последовательные кампании в отношении секс-гендерного диссидентства, имевшие ярко выраженную классовую и социальную направленность, с целью искоренения того, что считалось «извращениями». Подобные инициативы накладывали очевидные ограничения на биомедицинский подход к восприятию секс-гендерного диссидентства, лишая научную экспертизу роли свободного и беспристрастного арбитра. Они порождали также политические дискурсы об аномалиях сексуальности, что шло вразрез со стремлением Комиссариата здравоохранения поддержать международную политику сексуальных реформ и сужало возможности либертарианского толкования революционного законодательства о половых преступлениях.

В первые годы советской власти воинствующие атеисты, осевшие во время Гражданской войны в Комиссариате юстиции и позднее в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), стремились дискредитировать моральный и политический авторитет Русской Православной Церкви[1]. Информация о мелких половых преступлениях, совершенных священниками и монахами, стала сильным инструментом в антирелигиозной пропаганде и агитации, особенно если жертвами оказывались малолетки. Начав с дела архиепископа Палладия (1919 год), атеистические обличители и журналисты приступили к вскрытию язв церковной жизни, делая акцент на чревоугодии и половых усладах[2]. Процессуальные подробности судов над православными священниками по обвинению их в половых преступлениях (как в деле Палладия) зани-

мали второе место среди методов пропагандистского воздействия на «население, не освободившееся от религиозных предрассудков»[3]. В судах над священниками по делам о половых непристойностях обычно «всплывали» гетеросексуальные отношения, но и в случаях «гомосексуализма» между согласившимися на него взрослыми, всё равно возникала бы неувязка между декларируемой властями сексуальной свободой граждан и стремлением режима подорвать моральный авторитет Церкви, зиждящийся, в частности, на отстаивании «естественного» порядка половых отношений. Поэтому в таких делах обычно присутствовал намек на принуждение или развращение малолетних, при этом обвинители считали, что они искореняют моральное «лицемерие» и контрреволюцию[4]. Поскольку священники, монахи и монахини принадлежали к социальной группе, лишенной, по советским законам (до сталинской Конституции 1936 года), избирательных прав и полноправного гражданства, законодательный базис для подобных преследований был достаточно зыбким[5].

Анализируя «монашеское позорище», большевики отвергли предположение о биологической этиологии половых девиаций и психическом заболевании «гомосексуальных монахов». В Вологде в 1922 году проходил суд над отцом Василием, обвинявшимся в сексуальных отношениях с послушниками. Архиепископ Александр, покровитель священнослужителя, организовал довольно искушенную систему защиты. Так, местный врач, выступая в качестве эксперта, заявил суду, что:

> <...> виновный монах — больной человек с извращенной половой психикой, что эта болезнь была распространенной как в древних Греции и Риме, так и в современных заграничных государствах и что так как потерпевшим мальчикам не было причинено телесного повреждения, то и в деяниях этих нет особой вины[6].

Суд проигнорировал это заявление, основанное на исторических и медицинских данных, и приговорил отца Василия к «высшему размеру предусмотренного ст. 168 Уголовного кодекса наказания — 5-ти годам лишения свободы», а за сокрытие преступления архиепископ Александр и еще один священник получили по году тюремного заключения. С одобрения Комиссариата юстиции обвинитель в суде настаивал на недопустимости «милосердия и жалости по отношению к сидящим на скамье подсудимых монахам». Автор судебного отчета отверг слова врача о том, что гомосексуальность — это пораженная болезнью сексуальность, а «мужеложство — одна из распространенных в истории человечества болезней». По мнению журналиста:

Обвинитель был прав, когда <...>, обрисовав условия и обстановку монашеской жизни, указал, что эта жизнь, которая как будто бы для окружающих должна быть образцом подвига, аскетизма, нравственности и чистоты, в действительности является сплошным обманом и лицемерием <...> и что в условиях этой жизни, во избежание нареканий и обвинений в нарушении монашеских обетов, приходится давать исход половому чувству в извращенных формах[7].

Последующие сообщения в атеистической прессе всячески избегали любых упоминаний о деталях системы защиты, к которой обращались священники, апеллируя к медицинским моделям половых девиаций[8]. В отличие от неудачной попытки Комиссариата юстиции осудить Палладия на основании медицинского освидетельствования, проведенного Институтом дефективных детей, позднее, в 1920-х годах, большевики без проблем получали экспертные медицинские заключения, поддерживавшие их обвинения. В 1927 году ленинградский психиатр Лев Григорьевич Оршанский (4.09.1866–?) представил подобное заключение на показательном суде над священниками, обвиняемыми в развращении малолетних[9]. Признание принадлежности вопросов о гомосексуальности, «педерастии» или других формах половых расстройств (вследствие «половой психопатии» или гормональной дисфункции) к компетенции медицины подорвало бы убеждение воинствующих безбожников, что подобные явления рождены классом и средой.

На страницах своих изданий воинствующие атеисты выражали уверенность, что они могут довести до успешного завершения антицерковные процессы, вызывавшие широчайший интерес своей сексуальной подоплекой. Отчеты свидетельствуют, что «показательные» суды привлекали внимание множества «верующих»[10]. Описания однополых мужских актов они слушали с «омерзением» или «недоумением». Отвращение, рождавшееся подобными разоблачениями, должно было заставить «верующую массу <...> отшатнуться от Церкви» и порвать с религией[11]. Атеисты создавали атмосферу всеобщего негодования по поводу развращения мальчиков взрослыми мужчинами, апеллируя к моральной чистоте набившейся в зал аудитории. Невинность публики считалась само собой разумеющейся в силу ее классового происхождения, поскольку «здоровые пролетарии» не знали в своей среде ничего подобного. В суде над отцом Василием (1922 год, Вологда) присутствовавшие рабочие и крестьяне были оскорблены медицинскими и историческими оправданиями гомосексуальности со стороны защиты:

И напрасно ссылаются на заграницы и на распространенность этой болезни среди известных слоев общества. Надо было видеть то недоумение, которое было написано на лицах свидетелей, рассказавших на суде об этом явлении. Надо было понять те усилия, с которыми свидетели старались осмыслить, переварить и поверить в возможность таких деяний, чтобы сказать, что среди массы крестьян и рабочих эта болезнь не только не получила распространения, но она им совершенно чужда и непонятна[12].

В 1927 году в ленинградском Доме просвещения на Охте (в присутствии «тысячи зрителей») состоялся показательный суд над дьяконом Храновским и двумя иподьяконами [, Федоровым и Бабаевым], обвинявшимися в совершении сексуальных развратных действий с детьми.

[Начиная с 1921 г<ода> Храновский, систематически завлекая к себе на квартиру детишек, преимущественно мальчиков, давал им «конфекты», несколько копеек или книжку и удовлетворял с ними распущенную похоть в самых извращенных формах. Развращал не только физически, но и нравственно: показывал детишкам порнографические карточки, растолковывал им разные гнусности. Где же всё это происходило? — Везде, где только можно было «пристроиться». Помимо квартиры Храновского — на паперти Охтенского собора, в ограде церкви, на улице. Пятилетнему Вишнякову Павлу Храновский дал за «это» 1 коп., Евгении Белых — 3 коп., а 12-летнему Ярутович — 50 коп. и напоил его пивом. Разврат совершался не только самим Храновским, он вовлек в него и своих иподияконов. Тогда мерзости творились «троицей подсудимых» «купно, соборне», как «соборне» совершали они священнослужения, молебны, крестины и отпевания в домах родителей, детей которых растлевали. Как относился Храновский к детям? Свидетелю Акинфиеву он хвастался, указывая на детвору: «Вот товар, который мне больше нравится, с ними всё можно...» Границ сластолюбию не было: 11-летнему брату Екатерины Герасимовой он советовал иметь с сестрой «подобие половых сношений» и сам заводил с ней разговоры на ту же тему... Перечислять все мерзости подсудимых трудно: становится душно, хочется на воздух, как из смрадного подвала <...>. Когда при чтении обвинительного акта послышалось: «Устинов, Лев, 9<-ти> лет. Белых, Евгения, 10<-ти> лет. Вишняков, Павел, 5<-ти> лет. Вишняков, Аркадий, 6<-ти> лет. Фролов, Иван, 13<-ти> лет; и т. д.», то стали понятны и] блеск в глазах рабочих, собравшихся в Дом просвещения на суд «батюшки», и заглушенный шепот: «негодяи», «мерзавцы», и то, что подсудимых охраняет усиленный наряд милиции[13].

Юный возраст жертв Храновского и «блеск» благородного негодования в глазах обвинителей сказались на приговоре:

Вся тройка признана виновной в развращении малолетних. Храновский приговорен к 5 годам (максимальному сроку. — *Ред.*) лишения свободы с высылкой на 2 года из Ленинградской и Московской губ<ерний>. Федоров и Бабаев приговорены к 1 г<оду> лишения свободы каждый[14].

Атеистическая пропаганда всячески использовала суды по делам об однополых отношениях взрослых и, дабы «верующая

масса <...> отшатнулась от Церкви», разжигала через прессу народное негодование и классовую ненависть. Формальная законность в Советской России однополых отношений не принималась во внимание. В 1927 году во Владикавказе проходил суд над дьяконом Ткаченко. Хотя официально ему было предъявлено обвинение в неумышленном заражении венерической болезнью, на протяжении двух дней подробно озвучивались красноречивые факты его отношений в качестве «пассивного педераста» с другими священниками. Ткаченко, «развращенный до мозга костей еще в монастырях», ныне, занимаясь мужеложством, «погряз в болоте разврата, опустился на самое дно этого зловонного болота». Как его «педерастия», так и болезненное состояние объяснялись классовой принадлежностью. Сифилисом же он заразился, состоя в Гражданскую войну в связи с белогвардейским офицером. Партнеры Ткаченко по «педерастии» также являлись носителями религиозных предрассудков. Был среди них и член приходского совета, входивший в секту хлыстов-флагеллянтов. «Верующая масса, присутствовавшая на суде, с чувством омерзения прислушивалась к тому, чем занимались ее "пастыри духовные"»[15].

По этим кратким газетным отчетам трудно судить, преследовали ли большевики цель развить сложившуюся в народе ненависть именно к взрослым «педерастам» (но не к растлителям детей). Пролить свет на внутрипартийную атмосферу может небольшая дискуссия по поводу статьи, опубликованной в газете «Безбожник» в 1923 году. В центре внимания оппонентов оказался фрагмент из Библии о праведнике Лоте из Содома и политическое значение данного эпизода для воинствующих атеистов[16]. Редактор газеты Емельян Михайлович Ярославский (наст.: Губельман, Миней Израилевич; 1878–1943), считавший «разврат в виде мужеложства» злом и признаком морального разложения священнослужителей, утверждал в статье «Содомитские грешники и содомитские праведники», что традиционное прочтение Церковью эпизода о Содоме навязывает трудящимся «нравственность далеких библейских времен»[17]. Страсть жителей Содома к «педерастии», ставшая позже нарицательной, следовало объяснять исходя из исторических, этнографических и социологических аспектов. Первые содомиты имели «нравы, которые мы встречаем у многих народов Востока: педерастия, то есть совокупление с мужчиной, была распространена в Греции, Риме, всюду в христианских монастырях, где монахи давали обеты целомудрия» по отношению к женщинам, «но сожительствовали с иноками, послушниками». Не отказываясь от

обвинения Русской Православной Церкви в «растлении мальчиков» и скрытому потаканию подобным практикам, Е.М. Ярославский тем не менее считал представления о религиозном запрете «содомии» ошибочными и устаревшими. Он подчеркивал, что «попы приводят всегда в школах на уроках закона божия этот рассказ [о Лоте], чтобы показать, как бог карает грешников и спасает праведников», однако всегда «попы пропускают это место» в истории Содома. Дочери Лота, думая, что после истребления Содома только они с отцом остались живы на земле, напоили отца и вступили с ним в кровосмесительную связь, чтобы возродить народ «их племени». Попытка Е.М. Ярославского привлечь внимание к забвению Церковью этого инцеста, приравненного им к «снохачеству» (сожительство молодых невесток со свекрами в русских крестьянских семьях), вызвала реакцию внутри партии. Один из читателей газеты «Безбожник», П. Маслянковский, московский партийный активист, прислал в газету письмо, в котором указал Е.М. Ярославскому на неправильное прочтение фрагмента библейского текста с требованием содомлян «познать» двух ангелов, которых Лот принял в своем доме. «И П. Маслянковский меня укоряет: “Ай-ай-ай! Нехорошо!..” Е.М. Ярославский умышленно (почему вы думаете, что умышленно?!) не приводит место, где Лот, зная долг гостеприимства, жертвует своими двумя дочерьми; но жители упорствовали, желая изнасиловать только мужчин»[18]. Ответ Е.М. Ярославского прозвучал на страницах газеты атеистического движения в статье «В защиту библии против содомлян»:

> Оказывается, грешники – педерасты, а праведники – кровосмесители. П. Маслянковский негодует против педерастов, но не возмущается кровосмесительством. Это он называет беспристрастностью, объективизмом? Удивительно! Разве в известные эпохи в известных классах сожительство с мужчинами не было самым законным, открытым, признанным? Особенно в мужских монастырях это практиковалось и практикуется и поныне[19].

Е.М. Ярославский не пытался защитить «педерастов», он хотел поместить «праведников Содома» в исторический контекст, показать иррациональность морали того, что он называл «еврейской библией», и ее ненужность современному пролетариату. Активист же, которого редактор газеты надеялся просветить, не принимал историчности в подходе Е.М. Ярославского к «педерастии». И таких членов партии было множество. В популистском атеистическом журнале, издававшемся одним из соперников Е.М. Ярославского, в это же время был опубликован насмешливый пересказ истории Содома, основой которого было «гнусное

мужеложное вожделение» соседей Лота. Этнокультурный контекст конечно же полностью игнорировался[20]. Вместо обсуждения исторических и социальных корней однополого влечения, используя народное неприятие половых отклонений, можно было извлечь большую политическую выгоду из антирелигиозного движения 1920-х годов.

В эпоху нэпа в редких, но страстных обращениях атеистической прессы к этой теме, а также в отчетах о судах над священниками язык противопоставления непорочности и развращенности был тщательно разработан. Дискурс об однополых отношениях в среде духовенства пробуждал страх относительно развращения малолетних, венерических заболеваний и моральной испорченности. Всё это представлялось прессой следствием болотоподобной, засасывающей, зловонной обстановки религиозных общин. В этом дискурсе такое лживое зловоние противопоставлялось моральной и идейной чистоте простых людей, рабочих и крестьян, чья религиозная вера, как утверждалось, неизбежно подвергалась испытанию при разоблачениях в зале суда нравственной деградации духовенства. Большевики запретили Православной Церкви использовать медицинскую интерпретацию гомосексуальности в целях защиты и заложили основы советского дискурса о половых аномалиях как чуждых «нормальному» рабочему и крестьянину.

По господствующему мнению, биомедицинские модели аномальной сексуальности не распространялись также и на некоторые народности Кавказа и Средней Азии. Большевики, занятые государственным строительством, продолжали полагать, как и царские губернаторы до них, что в этих регионах широко практиковались однополые отношения между мужчинами. Подобно русским врачам, работавшим в этих местах до революции, большевики считали, что такие вредные и нежелательные отношения порождены социальными условиями, которые и надлежало искоренить административным и законодательным путем. Между сексуальными практиками, распространенными на Кавказе и в Средней Азии, существовало некоторое различие, что нашло отражение в Уголовных кодексах соответствующих республик. Регулирование сексуальности в этих регионах было основано на УК РСФСР 1922 года, но существенные различия свидетельствовали, что одни регионы законодатели считали менее подготовленными к сексуальному модерну, чем другие. Асимметрия антимужеложных статутов, действовавших в этих республиках, делает наглядным, как понимание социальных условий влияло на политику большевиков за пределами европейской части СССР.

13. Заказ № К-7680..

Азербайджан и Грузия (но не Армения) включили статьи против мужеложства в свои первые советские Уголовные кодексы 1920-х годов. В этих республиках были запрещены добровольные и насильственные формы мужеложства между взрослыми[21]. Как и в революционных Уголовных кодексах РСФСР, Белоруссии и Украины, в кодексах закавказских республик половым преступлениям было посвящено несколько статей, формулировка которых не особенно отличалась от русского образца[22]. В этих республиках было введено достаточно современное революционное законодательство в отношении половых преступлений, что, с точки зрения большевиков, отражало региональный уровень экономического и социального развития. Несмотря на эти новации, запрет (с использованием в формулировках слова «мужеложство») создавал языковую преемственность с законодательством старого режима. Большевики считали, что, несмотря на обновление остального законодательства о половых преступлениях, высокая степень взаимной мужской однополой активности в регионе оправдывает сохранение здесь дореволюционного запрета мужеложства. Такая точка зрения, вероятно, обуславливалась большим, в сравнении с Европейской Россией, числом людей, осужденных здесь за мужеложство в царскую эпоху.

В конце 1920-х годов, после долгой борьбы за установление советской власти, большевистские законодатели ввели в Средней Азии уголовные кодексы, значительно расходившиеся по языку с законопроектами других регионов. Реформаторы столкнулись с традициями гостеприимства и коммерческой сексуальности, которые кардинальным образом отличались как от русских забав, так и от практик однополых отношений, встречавшихся на Кавказе. По тайному сговору с родителями и опекунами сводники организовывали бордели или танцевальные труппы из узбекских и туркменских молодых мужчин-проститутов — бачей[23]. Большевистские законодатели вознамерились искоренить наряду с выкупом невест и полигамией эту форму мужской проституции как «преступления, составляющего пережитки родового быта»[24]. В воззрениях строителей «светлого будущего» миссия социализма покончить с проституцией (как правило, женской) соединилась с марксистской догмой исторической иерархии, противопоставляющей цивилизованные и отсталые общества. Юристы постреволюционного периода отклонили криминализацию женской проституции в России и схожим же образом сохранили в Узбекистане и Туркмении право мужчин проституировать. Все остальные аспекты маскулинной секс-торговли были запрещены. Как и в других случаях, касавшихся «пережитков родового

быта», статьи узбекского и туркменского уголовных кодексов, запрещавшие мужскую проституцию, не отличались юридической лаконичностью и медикализированным языком, характерным для законов о половых преступлениях республик Советского Союза, вошедших в эпоху модерните. Социальные практики, подлежавшие искоренению, описывались с почти этнографическими подробностями. Бачи и их патроны не были включены в перечни категорий лиц с «врожденными» половыми девиациями, как считалось, существовавших в «цивилизованных» обществах. Всё это явилось результатом совместных усилий в 1925–1928 годах юристов, активистов партии и ученых экспертов по изучению обычаев народов данного региона с целью введения законодательства, призванного преодолеть «отсталость» семейных, гендерных и интимных отношений[25].

Уголовный кодекс Узбекской ССР, впервые принятый в 1926 году, содержал наиболее тщательно разработанные статьи, запрещавшие однополые отношения между мужчинами. Всего статей, направленных против различных практик, было восемь (ст. 276–283). Входили они в гл. 9 «Местные бытовые преступления (кун, баранта, калым и др.)» (ст. 271–283). УК Узбекской ССР 1926 года предусматривал меньшую в сравнении с кодексами последующих лет уголовную ответственность за эти преступления. В дальнейшем текст этих статей подвергся незначительной переработке: половые преступления были выделены в главе о преступлениях против личности в отдельный, четвертый, раздел — «Преступления в области половых отношений» (ст. 211–217).

Бесакалбазство (мужеложство), т. е. половое сношение мужчины с мужчиной, влечет за собою — лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев (УК 1926 г.); лишение свободы на срок от трех до пяти лет [ст. 276; 13 марта 1934 г., № 17 — СУ 1934, № 10, ст. 87].

Бесакалбазство (мужеложство), совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, влечет за собою — лишение свободы на срок от пяти до восьми лет [ст. 277; 13 марта 1934 г., № 17].

Бесакалбазство с лицом малолетним или не достигшим совершеннолетия влечет за собою — лишение свободы на срок до восьми лет [ст. 279; 23 апреля 1929 г., № 79 — СУ 1929 г., № 21, ст. 72 и 1 февраля 1930 г., № 11 — СУ 1930 г., № 11, ст. 69].

Уникальной для советского законодательства была ст. 278 кодекса, запрещавшая сексуально домогаться мужчин. Ее формулировка повторяла принятый в 1923 году закон РСФСР, запрещавший сексуально домогаться женщин[26]. Введение этого необычного постановления о запрете сексуальных домогательств

к взрослым мужчинам красноречиво свидетельствовало о беспокойстве большевиков о том, что узбекские мужчины могли оказаться вовлечены в проституцию. Подобно женщинам российской республики, узбекские мужчины должны были быть защищены от насилия и давления, которые, как считалось, могли быть использованы для принуждения к сексуальному бартеру (обмену) и даже проституции. Запрет сексуального домогательства делал более рельефным распространенное представление, что социальная среда — причина однополых отношений; мол, податливые, но «нормальные» мужчины могли подпасть под влияние «родовых» элементов и быть насильственно вовлечены в мужеложство, что не отвечало их природным наклонностям.

Традиционные формы надзора властей за положением молодых мужчин были отражены в ст. 280–282, касавшихся преступлений против бачей.

> Бачебазтство, т. е. содержание лиц мужского пола (бачей) для мужеложства, а также подготовка и обучение их этому влечет за собою — лишение свободы на срок до пяти лет. Те же деяния в случае, если подготовляемые и обучаемые мужеложству не достигли совершеннолетия, влекут за собою — лишение свободы на срок до восьми лет [ст. 280; 23 апреля 1929 г., № 79].

> Устройство общественных увеселений (базмов) с участием бачей влечет за собою — лишение свободы на срок до трех лет [ст. 281; 23 апреля 1929 г., № 79].

> Заключение между содержателями бачей и родителями или лицами, на попечении которых находится потерпевший, договора или соглашения об отдаче последнего содержателю в целях использования потерпевшего для бачебазства влечет за собою — в отношении родителей или лиц, на попечении которых находится потерпевший, лишение свободы на срок до трех лет, а в отношении содержателей бачей — лишение свободы на срок до пяти лет [ст. 282; 23 апреля 1929 г., № 79].

> Сводничество, а также вербовка мужчин для мужеложства влечет за собою — лишение свободы на срок до пяти лет [ст. 283; 23 апреля 1929 г., № 79][27].

В УК Узбекской ССР 1960 года гл. 9 и ст. 276–283 отсутствуют, а ст. 276–277 перешли в той же редакции в гл. 2 о преступлениях против личности: «*Статья* 100. Бесакалбазлык (мужеложство)». Содержатели юношей-проститутов рассматривались советскими законодателями как классово чуждые капиталистические элементы, заинтересованные в налаживании связей с бедными семьями ради вовлечения детей в сексуальную эксплуатацию и использования их в публичных празднествах. В первом туркменском УК 1927 года большевистскими юристами был

принят сходный, но менее проработанный текст, направленный в первую очередь против тех, кто совершал преступления с вовлечением в них малолетних бачей[28].

Некоторые комментарии, прозвучавшие из уст юристов советских России и Украины, отражают различия между биомедицинским подходом к гомосексуальности в этих республиках и моделью, базирующейся на социальных условиях, характерных для прочих регионов Советского Союза. В Москве П.И. Люблинский утверждал, что на востоке страны, где традиции позволяют «более зажиточным и властным элементам эксплоатировать зависимость более слабых», гомосексуальность справедливо рассматривается как «бытовое преступление»[29]. Юрист из Одессы, Елена Петровна Френкель, считала запрет мужеложства в Азербайджане мерой защиты невинного «ввиду его (мужеложства. — *Ред.*) крайнего распространения». Ожидалось, что «новая культура» заменит старые устои жизни, спорт и образование оздоровят половые отношения и насилие над молодыми людьми перейдет в разряд редких явлений патологического характера[30].

Социализм был твердо настроен сдерживать свойственные традиционной культуре формы однополого эроса в неславянских республиках, и принимавшиеся меры подчеркивали различие подходов — если сексуальные меньшинства европейского, «цивилизованного» центра были отданы под надзор медицине, то на нехристианской «отсталой» периферии они рассматривались как эндемическая форма развращенности. Не имело значения, что некоторые личности в окраинных республиках могли быть «врожденными гомосексуалистами» и потому менее всего виновными в особенности своей сексуальности. Для юристов и бюрократов Комиссариата юстиции подобное противоречие между декларировавшимся Советским Союзом сексуальным авангардизмом и его политикой в отдаленных регионах не выглядело как нечто труднообъяснимое. Эти различия лишь мельком упоминались или вообще игнорировались[31]. В ответе Народного комиссариата юстиции РСФСР на запрос Научно-гуманитарного комитета М. Хиршфельда о положении советских гомосексуалов в 1928 году сообщалось, что «в отдельных республиках, где педерастия особенно распространена», она наказуема[32]. Комиссариат не видел необходимости разъяснять, на основе чего делались выводы о распространенности «педерастии» и почему было принято решение о ее преследовании за пределами европейской части Советского Союза. Подобный лаконизм объяснялся хотя бы отчасти противоречивостью взглядов большевиков на однополую любовь. Тем не менее сам язык законо-

дательства сбивчивостью дискурсивного описания гендерных инверсий в статьях УК Узбекской ССР, посвященных половым домогательствам и сводничеству, свидетельствовал, что в «отсталых» республиках инверсии маскулинности вызывали особое беспокойство советского режима. С этими проявлениями «пережитков родовых обычаев» власти предпочитали бороться, не привлекая к ним особого внимания, поскольку эти действия шли вразрез с наступившей в европейских частях Советского Союза эпохой модернити в регулировании половых отношений.

«Трансвестит» как утопический медицинский образ

Лишь немногие аспекты советского общества остались незатронутыми первой пятилеткой. Трансформация экономики бывшей Российской империи в социалистическую была новаторским предприятием, попыткой за десятилетие достичь того, чего Западная Европа добилась за сто лет промышленной революции. Мелкие крестьянские хозяйства объединились в колхозы, механизация труда в деревне обеспечила высокий рост производства. Государственные инвестиции в отрасли промышленности (уголь, нефть, электроэнергия, железо и сталь) преследовали целью построение передового (по марксистской терминологии, индустриального и городского) хозяйства; на страже внешних рубежей завоеваний революции стоял военно-промышленный комплекс, не уступавший в мощи капиталистическому окружению. Ни один из этих амбициозных проектов не мог бы быть воплощен без громадных социальных трат, а в случае сельского хозяйства не обошлось без необъявленной гражданской войны в деревне. Коммунисты поставили целью изменить Россию не только экономически, но и создать нового человека. Культурная революция должна была трансформировать привычные методы труда и развлечения, мысли и действия индивидов. Конечно, это потребовало и трансформации его влечений.

На заре первого пятилетнего плана утопические мечты рождались в политической атмосфере оптимизма. Шейла Фитцпатрик (Sheila Fitzpatrick) поясняет, что энтузиазм не ограничивался только членами Коммунистической партии или ее молодежного крыла (комсомола), но распространился на науку и академические дисциплины, где и марксисты, и немарксисты фонтанировали «эксцентричными идеями»[33]. Культурная революция развязала руки мечтателям, предлагавшим «ранее представлявшиеся

смехотворными» схемы переделки экономической и социальной жизни. Под давлением проводившейся в то время антибюрократической кампании правительственные органы оставили привычную осторожность и поддержали мечтателей в архитектуре, технике и культуре[34]. Здравоохранение также не осталось в стороне от радикальных перемен.

Дебаты относительно природы и роли «трансвеститов» и прочих представителей «среднего пола», кипевшие в медицинской и судебно-психиатрической литературе в конце 1920-х годов, вышли на новый уровень во время дискуссий в Народном комиссариате здравоохранения. В эпоху нэпа психиатрическому анализу трансвеститов положили начало дела «гомосексуалисток», проанализированные в 1926 году московскими судебными психиатрами Е.К. Краснушкиным и Н.Г. Холзаковой, и сомнительная интерпретация этой парой таксономии сексуальных «промежуточных состояний» Магнуса Хиршфельда[35]. Их работа появилась в первом сборнике статей психиатров и других исследователей в области медицины из Московского кабинета по изучению личности преступника и преступности. Во втором сборнике Кабинета трактовка Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой хиршфельдовской категории «трансвестит» была раскритикована сразу в двух статьях. Коллеги возражали против поверхностной трактовки «трансвестизма». Сравнительно мягкая точка зрения Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой на сексуально аномальную личность как жертву биологии была безоговорочно отвергнута. В статьях оппонентов выражалась противоположная позиция: мол, «трансвеститы» и «гомосексуалисты» — это психопаты, рожденные социальным окружением.

Опубликовав в 1927 году раздельно во втором сборнике Кабинета две статьи, посвященные «трансвеститке» (Евгении Федоровне М.) и «мужской проститутке» (Т.П.), авторы этих работ, А.О. Эдельштейн и В.А. Белоусов, поставили под сомнение сексологические гипотезы Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой[36]. Ссылаясь на М. Хиршфельда и истории болезней европейцев, А.О. Эдельштейн со всей тщательностью доказал, что немецкий сексолог отличал стремление к переодеванию от гомосексуального влечения.

Трансвестизм был абстрактной сексологической категорией, которая могла существовать вне зависимости от гомосексуальности. Более того, и трансвестизм, и гомосексуальность, наблюдаемые в случае Евгении Федоровны М., безоговорочно выступали следствием «чисто психических факторов возникновения данной перверсии». Ее истерия, «псевдологичность» и половые

«перверсии» были проявлением психопатии и объяснялись не гормонами или особенностью конституции, а «отсутствием правильного воспитания» или, точнее сказать, «в данном случае и прямо неправильным, вредным воспитанием». Обратившись к персоне «мужской проститутки», Т.П., В.А. Белоусов предложил аналогичный диагноз психопатии, основанный на «инфантилизме», — «истерические черты и механизмы, психопатическая неустойчивость, черты детскости в поведении»[37]. И А.О. Эдельштейн, и В.А. Белоусов давали пессимистические прогнозы в отношении своих пациентов. Первый писал, что, «несомненно, социальное будущее такого субъекта [, как Евгения Федоровна М.,] очень тяжело». О ее возможной жизни он не строил никаких прогнозов[38]. Второй еще более пессимистично смотрел на «типичные аспекты гомосексуального быта» мужчины-проститута:

> Отсутствие каких-либо интересов и связей с отсталыми слоями общества, полное погружение в интересы своей профессии и отсутствие настоящей потребности к труду заставляет нас ставить *неблагоприятный прогноз* будущего испытуемого: он останется верен своей профессии, и его будущим «друзьям» следует опасаться его как вора[39].

Мнение В.А. Белоусова отражало позицию Межведомственной комиссии Народного комиссариата здравоохранения РСФСР по борьбе с (женской) проституцией, а также страхи, нашедшие выражение в законодательстве против узбекских бачей. Подобно тем, кто стремился положить конец женской проституции, психиатр, описывая «гомосексуальный быт» Т.П., смотрел на мужчину-проститута как на тунеядца. Характеризуя социальное окружение Т.П., В.А. Белоусов использовал термины, похожие, но не идентичные тем, которыми оперировали юристы Средней Азии. Мужчина-проститут принадлежал к «отсталым слоям общества», в данном случае — к меньшинству населения России, в то время как Советский Узбекистан считался скорее «отсталым» регионом, где «пережитки родовых обычаев» наблюдались повсеместно.

В этих корректирующих замечаниях на взгляды Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой не было даже и намека, что для лечения подобных пациентов применялось терапевтическое вмешательство. Е.К. Краснушкин быстро эволюционировал к основанной на психопатии этиологии однополого «извращения», очевидно, в ответ на неудачи терапевтических притязаний гормональной теории. В 1927 году он писал, что присутствовал при трансплантации мужских «половых желез» обезьяны мужчине-гомосексуалу, а также «двум старикам в целях омоложения». Неудача этих операций заставила его проникнуться скептицизмом

в отношении притязаний Э. Штейнаха. Биологическая предрасположенность к гомосексуальности была возможной, но не доказанной, меж тем в однополых учреждениях (вроде тюрем, где практиковал Е.К. Краснушкин) наблюдались примеры возникновения «компенсаторного гомосексуализма», и отнюдь не врожденного. Несмотря на всё это, Е.К. Краснушкин продолжал последовательно отстаивать идею о некриминализированности и безобидности половых девиантов. В изданном в 1929 году сборнике лекций «Преступники психопаты» он фактически отверг какую-либо роль конституциональных факторов при формировании гомосексуальной личности, поставив на первое место воспитание. Е.К. Краснушкин оставался убежден, что существуют «социально полезные и ценные психопаты», в том числе и среди гомосексуалов[40].

Его резкий отход от понимания сексуальной аномалии как биологически обусловленной, занятая им позиция защиты гомосексуалов как «социально полезных» не были чем-то исключительным для психиатрического сообщества. В 1929 году на заседаниях Ученого медицинского совета Комиссариата здравоохранения, посвященных проблеме «трансвеститов», звучали всевозможные теории и оценки секс-гендерного диссидентства. Эти дискуссии, пришедшиеся на период утопической фазы культурной революции, отличались высокопозитивной оценкой личности «трансвестита» (включая предположение, что «в исключительных случаях» возможны и однополые браки), но высказывались и опасения, что за пределами медицины «средний пол» может вылиться в проблему. Вопрос регулирования секс-гендерного диссидентства рассматривался экспертами как в целом противоречивая задача, при всем том они не хотели передавать его в ведение милиции и суда.

Постановка проблемы с самого начала породила разногласия между судебными гинекологами и практикующими психиатрами. В январе и феврале 1929 года народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко созвал подкомитеты Ученого медицинского совета с целью помочь Комиссариату юстиции подготовить ответ гражданину Каменеву из Татарской ССР, обратившемуся с просьбой о перемене пола[41]. Н.А. Семашко направил краткое изложение дела главному судебно-медицинскому эксперту при НКЗ РСФСР Якову Леонтьевичу Лейбовичу (1889–?), специалисту по судебной гинекологии. В переписке с Ученым медицинским советом Я.Л. Лейбович посчитал эту проблему связанной с гермафродитизмом, поскольку «трансвестизм — эта особая переходная форма психической двуполости». По этой причине ученый

утверждал, что такие личности подпадают под постановления (принятые Комиссариатом внутренних дел в 1926 году) относительно гражданского статуса гермафродитов[42]. При рассмотрении рекомендации Я.Л. Лейбовича президиум Ученого медицинского совета отверг его ссылки на гермафродитизм и заключил, что вопрос стоит о «перемене пола, имени и производстве операции [по перемене пола]». Таких личностей президиум определил как «трансвеститов»[43]. Путаница дефиниций («изменивший пол», «гермафродит», «гомосексуалист», «трансвестит») и конечный выбор термина «трансвестит» отражали сложившуюся в Европе сексологическую таксономию. Сталкиваясь с людьми, желавшими переменить биологический пол, за несколько десятилетий до того, как врачи разработали программы гормонального и хирургического лечения «транссексуалов», сексологи часто именовали их «трансвеститами»[44]. Когда Ученый медицинский совет собирался в полном составе, можно было услышать даже больший разброс определений, обсуждались и другие формы секс-гендерного диссидентства.

Восьмого февраля 1929 года психиатр Лев Яковлевич Брусиловский (1890–1962) открыл заседание Совета по рассмотрению просьбы гражданина Каменева сообщением «о трансвеститах». Ссылаясь на научную и политическую деятельность М. Хиршфельда, Л.Я. Брусиловский отметил, что «вопрос о трансвеститах <...> в условиях СССР не [является] особенно частым», в то время как в Германии подобный феномен «чрезвычайно распространен». Докладчик указал, что московский психиатр А.О. Эдельштейн недавно (в 1927 году) описал «интересный случай» из этой практики, имевший отношение к «трансвестизму». Речь шла о Евгении Федоровне М.[45]. Затем Л.Я. Брусиловский зачитал отрывки из ее «Истории моей болезни», в завуалированной форме соглашаясь с определением автором собственной личности — таким, как оно выражено в ее «исповеди», где Евгения встала на защиту своего среднего пола. В заключение он назвал пациентку «трансвеститкой»[46].

Биолог Николай Константинович Кольцов (1872–1940) принял участие в дискуссии, заявив: «Конечно, не существует среднего пола, а есть бесконечное количество средних полов». Феномен очевиден в мире животных, но «у человека это встречается очень часто, может быть, чаще, чем у животных, и приобретается или усиливается благодаря подражанию на основе просто психической заразы». Н.К. Кольцов рассказал о своем пациенте мужчине (также из Казани), просившем изменить пол. Из сообщения следовало, что несчастный был вылечен инъекциями

«спермин-жидкости»[47]. Недавно посетивший Среднюю Азию Н.К. Кольцов не согласился с тезисом Л.Я. Брусиловского о том, что «этот вопрос» имеет меньшее значение для Советского Союза. «На самом деле, если где он и имеет огромное практическое значение, так именно у нас – не в РСФСР, а в таких республиках, как Казахстан», где бачи подвергаются «чрезвычайно экономической эксплуатации», где сложились местные группы, гендерные и половые девиации которых обусловлены социальными условиями и не являются врожденными, и чье бедственное социальное положение лишь усугубится, если бы «вообще было решено» идти на уступки «трансвеститам»[48]. Возражение Н.К. Кольцова свидетельствовало, что в Советском Союзе концепция национальных особенностей преобладала над медицинской моделью полового извращения. Как биолог, Н.К. Кольцов готов был принять врожденную и особенно гормональную модель «среднего пола», в рамках которой мыслил себя городской, несомненно, европеизированный пациент. Но половые девиации, представлявшиеся результатом отсталости социальной среды, следовало исключить из сферы медицины как проблему, разрешить которую надлежало законодательству.

Далее в дискуссии была поднята тема «среднего пола» в воинских формированиях, и проявилось отчетливое различие в подходах к оценке новобранцев-мужчин и новобранцев-женщин[49]. Разделяя страх Н.К. Кольцова относительно морального разложения мужчин, Л.Я. Брусиловский предупреждал, что «такого рода субъекты, заявляющие, что они гомосексуалисты, ведут к тому, что при большой психической заразе составляют контингент уклоняющихся от военной службы. Целый ряд таких моментов уголовного порядка может встретиться»[50]. Только психиатр был правомочен определить негодность к воинской службе лица, заявившего о себе как о гомосексуале. «Если сейчас кто-нибудь уклонится от призыва на военную службу под таким предлогом, – подчеркивал Алексей Васильевич Рахманов (1878–1948), – то он прежде всего попадет в психиатрическое учреждение на экспертизу. Так что в этом направлении вопрос и будет разрешен»[51]. А.В. Рахманов не утверждал со всей однозначностью, что армия должна автоматически изгонять из своих рядов «гомосексуалистов», хотя замечания этого психиатра на слова Л.Я. Брусиловского о «психической заразе» наводят на мысль, что он придерживался именно этой точки зрения. А.В. Рахманов настаивал на всестороннем обследовании специалистами такого рода новобранцев «и обязательно в психиатрическом учреждении, где силы будут достаточно компетентные для того, чтобы этот вопрос разре-

шить». Сравнительно редкие психиатрические тексты того времени, посвященные проблеме психической неполноценности отдельных военнослужащих, если и упоминают о половом извращении, то в крайне завуалированной форме, хотя метафора «психическая зараза» использовалась врачами и политработниками весьма часто в случаях, когда они сталкивались с самоубийствами и иными проблемами в среде солдат и офицеров[52]. Ученый медицинский совет быстро согласился, что «психическая зараза» в среде мужчин приводит к нежелательным последствиям для Вооруженных Сил.

Хотя когорты «зараженных» гомосексуальностью мужчин и вызывали у А.В. Рахманова обеспокоенность, он тем не менее оправдывал присутствие в армии «женщин мужественного вида», как замужних, так и не желавших выходить замуж в силу своей «маскулинизации». «Они не претендуют ни на что другое, как на службу». Говоря о «женщинах на военной службе», А.В. Рахманов писал: «<...> особенно это встречается среди комсостава, переодетые в мужское платье». Он сам лично наблюдал два случая:

Это женщины мужественного вида, носят военную форму, но одна из них является в то же время женой мужчины и имеет детей, так что, будучи командиром Красной Армии и занимая довольно высокий командный пост, имеет семью. Другая женщина не имеет семьи и является более маскулинизированным типом. Тут, по-видимому, нет необходимости применять особые меры. Так что, я думаю, это положение, которое предлагаем, чтобы установить экспертизу в каждом отдельном случае, и решает вопрос.

Никто из присутствующих не стал оппонировать тезису А.В. Рахманова о полезности для государства женщин с гендерным несоответствием. Переодетая женщина (каковы бы ни были невысказанные замечания по поводу сексуальности «маскулинизированного типа»), судя по всему, занимала высокое положение в рядах Красной Армии. Поэтому такая фигура требовала «персонального», а не общего подхода.

Похожий призыв к «внимательному» и индивидуальному рассмотрению последовал за сообщением о том, что прежде советские официальные лица одобряли однополые браки, и Совету предстояло решить, будет ли и «трансвеститам» такое официально позволено. И снова терпимость была проявлена исключительно в отношении личностей, которые биологически считались женщинами. Узнав об успешной борьбе Евгении Федоровны М. за признание Комиссариатом юстиции ее брака с женщиной, Н.К. Кольцов посчитал необходимым высказать обеспокоенность:

<...> ведь в результате пострадала жена, т. е. женщина, на которой женилась другая женщина. Этой женщине был нанесен ущерб, потому что вряд ли она осталась нормальной, какой она могла бы быть, если бы вышла замуж за мужчину. Я полагаю, что в этих случаях надо быть чрезвычайно осторожным. Только в исключительных случаях и при согласной экспертизе опытных экспертов можно это допустить[53].

Тем самым советский биолог фактически допустил однополый брак при условии специального медицинского надзора. Никто из присутствующих не высказал возражений. Позднее, в ходе дискуссии, Н.К. Кольцов настаивал на необходимости принятия специального закона, запрещавшего женщине, переодетой мужчиной, жениться на другой женщине, но не получил поддержки коллег, и его предположение не вошло в окончательную резолюцию, положенную на стол Н.А. Семашко. Психиатр Л.Я. Брусиловский указал на опасность беспорядка в женских банях, если право быть трансвеститом в той или иной форме будет признано государством[54]. Особенное беспокойство вызывали мужские представители «среднего пола» и «психическая зараза», ставившая под угрозу моральный дух военнослужащих. Собрание ведущих психоневрологов России фактически умалчивало о «феминизированных» мужчинах, «переодетых» женщинами, и об однополых браках между «мужчинами-трансвеститами».

Фемининность мужчин была признаком отсталости, она не касалась русских гомосексуалов, а была характерна исключительно для «несчастных бачей <...>, мальчиков, которых одевают в женское платье и портят навсегда, людей отнюдь не среднего пола, а совершенно ярко выраженного мужского пола. Ввиду того обстоятельства, что нам приходится считаться с чрезвычайно<й> экономической эксплоатацией в таких случаях, нас заставляет быть очень осторожными в отношении трансвеститов»[55]. Мужская феминность была представлена чуждой, отсталой и трагичной, в то время как маскулинизация женщины ассоциировалась с компетентностью, властью и, по сути, с верностью ценностям (определенно русским) революции.

Последний вопрос, обсуждавшийся в ходе данной дискуссии, отражал утопические ожидания времени. Он касался просьбы Каменева сделать из него женщину путем хирургического вмешательства и замены документов. Ведущий практикующий психиатр П.Б. Ганнушкин подтвердил, что «такие вопросы (просьбы об изменении пола. – *Ред.*) постоянно встречаются»; следовательно, подобная проблема существовала и в России, и ее нельзя было игнорировать как исключительную для Германии. В то время под наблюдением в его московской клинике находилась жен-

щина, желавшая стать мужчиной, и он выразил обеспокоенность относительно правового положения врачей, пытавшихся выполнить подобную операцию. Перспектива перемены пола, как в случае с трансвестизмом, выдвигала на первое место проблему гражданского статуса такой личности. В этой связи П.Б. Ганнушкин и другие постоянно подчеркивали, что врачи не могут работать с такими пациентами без взаимодействиями с государственными органами, которые могли бы изменить официально зарегистрированный пол пациента (через ЗАГС, учреждение Комиссариата юстиции)[56]. В равной степени вызывал беспокойство вопрос об уголовной ответственности врачей в таких ситуациях. П.Б. Ганнушкин сослался на дело 1928 года, которое он рассматривал в Московском городском отделе здравоохранения (Мосздрав), когда врач

изменял пол и из мужчин делал женщин и наоборот путем довольно примитивной операции. Нам пришлось просмотреть громадное количество историй болезней одних и тех же лиц, фигурировавших, как Константин, Екатерина и т. д. <...>. Мы вышли из затруднения так: написали, что это редкий случай, когда психопаты-больные попали к врачу-психопату. Правильно это или нет, [но] это дело улеглось[57].

Судя по всему, П.Б. Ганнушкин сомневался в правильности подобного решения. Его слова прозвучали как просьба о моральном оправдании. Но откровенность ученого подталкивала к мысли, что изменение пола человека вполне реально и является делом недалекого будущего. Этот прогноз отражал как уровень развития науки, так и утопизм культурной революции[58].

Казалось бы, в результате этих дискуссий проблема «среднего пола» должна была обрести некую законченную форму. Ведущие нейропсихиатры Советской России заявляли, что при рассмотрении случаев «трансвестизма» необходима «экспертиза в каждом отдельном случае». Они требовали, чтобы «весь этот вопрос во всей его широте и со всеми возможными отклонениями» был отдан для разрешения Межведомственной комиссией комиссариатов здравоохранения и юстиции[59]. Подобно Центральному совету по борьбе с проституцией, созданному в 1922 году Комиссариатом здравоохранения, смешанная комиссия по «трансвестизму» была призвана придать проблеме половой аномалии драматический накал. Разнообразные, противоречивые и весьма непростые вопросы секс-гендерного диссидентства следовало передать под эгиду медицины и биологической (и прежде всего гормональной) науки при содействии органов юстиции и соблюдении режима регистрации личности. Призвав создать Межведомственную комиссию, Ученый медицинский

совет Комиссариата здравоохранения дал понять, что медицина должна как можно внимательнее отнестись к подобным случаям. Правда, медицинским чиновникам хотелось, чтобы была внесена ясность и официально решен «вопрос о праве трансвестистов (*sic!*) вступать в брак с лицами того же пола и о праве производства операций по изменению пола у трансвестистов»[60].

Этот «явно эксцентричный» эпизод времен культурной революции помогает понять и другие. В 1929 и 1930 годах были изданы тома двух главных советских энциклопедий («Большой медицинской...» и «Большой советской...») со статьями о «гомосексуализме»[61], полными оптимизма и выражавшими уверенность, что в недалеком будущем будут открыты биологические механизмы данной половой аномалии, а гомосексуальная личность обретет должный статус. Редактор первого издания «Большой медицинской энциклопедии» народный комиссар здравоохранения Н.А. Семашко поручил психиатру М.Я. Серейскому написать статью о гомосексуальности. Это свидетельствовало о признании заслуг молодого ученого в области исследования эндокринных аномалий. Опираясь прежде всего на открытия Э. Штейнаха, но апеллируя и к сексологическим исследованиям М. Хиршфельда и к его поддержке эндокринной гипотезы, М.Я. Серейский занял в своей статье непреклонную позицию в пользу биологической и конституциональной этиологии однополого влечения. Он резко отрицательно отозвался о психопатологических теориях однополого влечения и законодательном запрете гомосексуальных актов, расценив их как устаревшие. В статье 1930 года на ту же тему в «Большой советской энциклопедии» М.Я. Серейский связал эндокринную гипотезу с одобрением «борьбы [М. Хиршфельда] за отмену закона против гомосексуализма в Германии» и выразил уверенность, что «наше общество рядом профилактических и оздоровительных мер создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов [с обществом] были возможно безболезненнее и чтобы отчужденность, свойственная им, рассосалась в новом коллективе»[62]. Как дань времени следует расценивать добавление редакцией в статью «этнографического очерка» Петра Федоровича Преображенского (1894—1941) о «гомосексуальной любви» в среде «т<ак> наз<ываемых> малокультурных народов»[63]. В культурах малых народов Крайнего Севера (чукчи, коряки и камчадалы) или в советских «азиатских» (подразумевались исламские) культурах истоки гомосексуальности носят по большей части социальный, а не биологический характер. На обширной территории Советского Союза встречались образчики секс-гендерного диссидентства, соответствующие

обоим выделяемым европейцами «генезисам» — медицинскому, присущему «цивилизованным» обществам (где гомосексуалы составляют меньшинство), и антропологическому, относимому к «примитивным» культурам (где гомосексуальность широко распространена).

Статьи М.Я. Серейского были вершиной айсберга. Его эксцентричная поддержка гормональной теории и политики эмансипации являлась порождением иллюзий на очередном витке истории. Возникнув в атмосфере утопического энтузиазма, направленного на изменение общества и реализацию фантастических проектов, идеи М.Я. Серейского не были чужды взглядам научных руководителей Народного комиссариата здравоохранения. Утопические мечтатели не принимали во внимание негативные прогнозы сторонников психопатологической модели половой перверсии и вынашивали планы социального переустройства, пусть ограниченного гендерными и культурными соображениями, для советского «трансвестита».

Утопия без «социальных аномалий»

Подобно многим проектам той эпохи, мечтания о социально жизнеспособном трансвестите были преданы забвению в связи с тем, что безудержный оптимизм первой пятилетки сменился суровым прагматизмом. Достижение заявленных в плане фантастических целей потребовало сосредоточения ресурсов на узких направлениях. На науку, субсидируемую государством, были возложены соответствующие ожидания. С началом атаки марксистов на беспартийных ученых наука оказалась в центре пристального политического внимания. Последствия такого, порой неявно выраженного, поворота к нарочитому прагматизму в отношении «трансвеститов» («гомосексуалистов») представляются очевидными. И всё же кампания против «биологизирования» (от популярного в то время глагола «биологизировать») в психиатрии и криминологии и история борьбы с так называемыми «социальными аномалиями» в эпоху первой пятилетки создают почву для понимания событий 1933–1934 годов.

О прагматическом повороте в сфере народного здравоохранения свидетельствовали смена руководства и реорганизация системы медицинского обслуживания. 13 декабря 1929 года ЦК ВКП(б) постановил реорганизовать Комиссариат здравоохранения, обязав его сконцентрироваться на нуждах промышленного пролетариата и колхозного крестьянства. Харизматичный видав-

ший виды большевик Н.А. Семашко, народный комиссар здравоохранения с 1918 года, в 1930 году был заменен по до сих пор не выясненной причине Михаилом Федоровичем Владимирским (1874—1951), также ленинцем старой закваски и профессиональным врачом. Вероятно, благодаря своему послужному списку — в 1920-е годы служил в Комиссариате внутренних дел РСФСР и возглавлял Коммунистическую партию Украины — он представлялся более благонадежным[64]. Последовали проверки и системная перестройка, психиатров также не миновали перемены. Постановление Рабоче-крестьянской инспекции от 26 октября 1931 года отметило некоторые недостатки в психиатрическом обеспечении, в том числе ограниченную сеть и низкий уровень больничного обслуживания и невысокую квалификацию персонала; недостаточное применение «трудовой терапии»; излишнее число госпитализированных больных, наблюдение за которыми вполне можно было бы осуществлять в амбулаторных условиях. Комиссариату были спущены директивы придать лечению трудовой характер, уделяя больше внимания «рабочим ведущих отраслей промышленности» и развитию трудовых колоний и мастерских в психиатрических заведениях[65]. Упор на труд как метод лечения был предопределен первой пятилеткой. Нацеленность исследований и лечения на «производительные» слои населения свидетельствовала о жесткой фильтрации приоритетов сквозь сито классовых интересов. Расходуя весьма скромные средства на поддержание психического здоровья народа, власти надеялись на максимальную отдачу в другом — производительности труда. Ученый медицинский совет комиссариата распустил подкомитеты, не отвечавшие большевистским приоритетам. Например, отсутствует информация о том, что когда-либо собиралась Межведомственная комиссия по «трансвеститам», к 1933 году прекратила существование «невро-психиатрическая комиссия» Ученого медицинского совета Комиссариата здравоохранения (предложившая сформировать Межведомственную комиссию)[66].

Направления исследовательских работ были соответствующим образом пересмотрены. Врачи сосредоточились на проблемах основной психиатрии (шизофрении и нарушениях, обусловленных известными биологическими причинами) и зондировали возможности малой психиатрии (неврозы и проблемы приспособления к жизни) по повышению трудовых показателей городского рабочего. Исследование аномальной личности перестало быть делом случая и проводилось в плановом порядке, отражавшем потребности рабочих и крестьян[67]. Половая аномалия как самостоятельная проблема исчезла из советской психиатрической литера-

туры в 1930-х годах. На страницы специальных изданий она возвращалась лишь в качестве симптома в контексте серьезного психического заболевания, душевного расстройства или утраты трудоспособности[68]. Еще более значительное падение наблюдалось в эпоху первой пятилетки в исследованиях, касавшихся сексуальности, а также в социальной гигиене, половом просвещении и евгенике[69].

Шумные атаки на «биологизирующих» ученых, обвинявшихся в том, что корни социальных болезней они усматривали в биологии индивида, ускорили отказ от сексологических исследований в этот период. Недовольство большевиков тем, что в оценках человеческих патологий некоторые медики уделяли слишком большое внимание природе и недостаточное воспитанию, имело длинную предысторию. Но во время культурной революции это недовольство превратилось в догму. Кампании по продвижению ученых с партийными билетами и дискредитации политической благонадежности «буржуазных специалистов» (осколков старого режима) наложили на интеллектуальный труд печать идеологической ортодоксальности[70].

В такой атмосфере любые попытки эндокринологических исследований были чересчур рискованными. Один энтузиаст, исследовавший терапию омоложения, пришел даже к заключению, что она некорректна идеологически, поскольку противоречит законам истории[71]. Гормональная гипотеза происхождения гомосексуальности должна была бы также попасть под огонь, но критики в адрес энциклопедических статей М.Я. Серейского не последовало. По-видимому, редакторы полагали, что критические замечания неизбежно спровоцируют дискуссию по рискованной и подвергавшейся всё большему остракизму теме[72]. Против М.Я. Серейского появилась только одна статья в журнале по экспериментальной биологии. В 1931 году биолог М.М. Завадовский опубликовал отчет о попытке лечения от «гомосексуализма» рядового красноармейца. Дело было в 1924 году, когда солдат пришел к биологу, специалисту по половой трансформации животных, в надежде избавиться от гомосексуального влечения. М.М. Завадовский писал:

> Мы указали нашему пациенту, что современное наше знание о механике возникновения гомосексуальных индивидов крайне недостаточно, что многие наши представления покоятся лишь на догадках, почему едва ли он может рассчитывать твердо на реальную помощь врачебного вмешательства. Наряду с этим мы ему указали на возможность испытать два пути врачебного вмешательства: путь внушения и путь оперативного вмешательства[73].

Покушавшийся на самоубийство красноармеец сначала прошел курс «суггестивной терапии» у неизвестного психиатра, но, когда это не принесло результата, пациенту предложили подвергнуться «биологическому эксперименту» — удалению одной восьмой яичка и пересадки равной части яичной ткани макаки-резус. Эксперимент не оказал на солдата какого-либо воздействия, зато дал возможность биологу изучить ткани солдата. Здесь главным «уклонением от нормы» было уменьшение производства спермы, связанное со структурными особенностями, и М.М. Завадовский предположил возможную связь между этим феноменом и аномалиями «инстинкта» пациента[74]. Хотя это было только догадкой, ученый ясно ощущал, что его результаты доказывают несостоятельность любой упрощенной эндокринологической модели гомосексуальности. Эти результаты были аналогичны опубликованным в 1920-х годах выводам западноевропейских исследователей, специализировавшихся в сфере экспериментальной биологии. Для научной работы М.М. Завадовского его выводы не представляли особой ценности, и решимость обнародовать их, очевидно, была продиктована стремлением развенчать эндокринологическую гипотезу, которую М.Я. Серейский проповедовал с высокой трибуны[75].

Такие психиатры, как В.П. Осипов и П.Б. Ганнушкин, скептически (при сохранении доброжелательности) относившиеся к гормональной модели, ныне опасались обвинений в «биологизации», а потому выразили вполне недвусмысленное отрицательное отношение к экспериментам Э. Штейнаха и их поддержке М. Хиршфельдом[76]. В.П. Осипов и П.К. Ганнушкин вновь заявили о своей поддержке психопатической модели, акцентируя внимание на психических и социальных факторах в объяснениях происхождения половых извращений. Ленинградец В.П. Осипов существенно дополнил вышедшее в 1931 году свое «Руководство по психиатрии» (обновленная версия «Курса общего учения о душевных болезнях» издания 1923 года), дав значительно более негативную оценку «гомосексуализму», совпадающую со взглядами А.О. Эдельштейна и В.А. Белоусова. В.П. Осипов прямо написал о методах лечения, на которые эти московские психиатры только намекали:

Лечение половых психопатий дает более или менее благоприятные результаты в незапущенных случаях и при амбивалентных формах гомосексуальности; большой успех достигается там, где сам больной критически относится к своей ненормальности и прилагает усилия, чтобы от нее избавиться. <...> Известный успех иногда получается от применения гипноза и психиатрии вообще; <...> врач должен стремиться к перевоспитанию лич-

ности пациента, понижая разумными мерами (физический труд, спорт) его половую возбудимость и вырабатывая в нем равнодушное отношение к лицам своего пола.

<...> весьма многие гомосексуалы признают свое извращенное влечение нормальным.

Поэтому лечение последних представлялось малоэффективным или даже бесполезным. В.П. Осипов заострил также внимание на низкой социальной ценности гомосексуала. С классовой точки зрения, они были чуждым меньшинством, избегающим тяжелого труда и предпочитающим украшения и наряды.

Среди лиц тяжелого физического труда (рабочие тяжелой индустрии, грузчики, поденщики) половые психопаты встречаются редко, они чаще занимаются профессиями более легкими физически, отчасти совпадающими с женскими — декораторы, обойщики, кельнеры, дамские портные, актеры (Kraepelin), банщики; они нередки среди проституток <...>. Гомосексуалы часто организуются в кружки, в которых проводят время соответствующим образом; собрания таких кружков происходят конспиративно, что понятно в связи с отрицательным отношением общества к этому патологическому явлению: но встречаются гомосексуалы, требующие от государства поддержки педерастии и рекомендующие запрещение половых сношений с женщинами (Kraepelin) <...>.

Наше уголовное законодательство не карает людей, страдающих половыми извращениями, поскольку они не представляют элемента социальной опасности, но этот элемент далеко не исключается: сюда относятся случаи соблазнения малолетних, различные сексуальные действия над ними, случаи садизма, которые могут быть опасными для жизни объектов, случаи насилия. Когда дело идет о лицах с выраженными признаками душевной болезни, они подлежат применению мер социальной защиты медицинского характера, т. е. помещению в психиатрическую больницу для принудительного лечения[77].

Впечатление о мягкости законодательства в отношении «педерастии» В.П. Осипов считал ошибочным.

Ирония состояла в том, что те, кто ныне решительно отвергал гормональные объяснения половых аномалий, вдруг поняли, что в ходе кампании против «биологизирования» утратил свою значимость (за пределами клиники) и диагноз психопатии. Налицо было использование психопатического ярлыка, когда врачи составляли экспертное заключение с оценкой вменяемости психически неполноценных личностей, обвиняемых в преступлениях. В 1920-е годы психиатры классифицировали большое число таких подследственных как «психопатов», освободив тем самым значительную часть из них от ответственности за преступления перед законом (поскольку были признаны *невменяемыми*)[78]. Вместо того чтобы предстать перед судом, эти пациенты-

обвиняемые оказывались объектами «принудительной терапии» в психиатрических лечебницах.

Психиатры, ставившие диагнозы в специализированных институтах по изучению преступной личности и в ведущем Институте судебно-психиатрической экспертизы им. проф. В.П. Сербского, были обвинены в возрождении биологического детерминизма криминального антрополога Чезаре Ломброзо (Lombrose, Cesare; 1835–1909). Другие, некогда признававшие авторитет психоанализа, были обвинены в «меньшевиствующем идеализме», а ссылки на труды этих ученых считались уходом от основ материализма (подобно соперникам большевиков уклонистам меньшевикам) к положениям фрейдизма[79]. К 1930 году судебные психиатры Е.К. Краснушкин и Н.П. Бруханский, работавшие в Институте им. В.П. Сербского со дня его основания, были переведены на другие посты в связи с атаками в прессе на их «биологизм»[80]. Новые сотрудники института продемонстрировали свою благонадежность, повторяя эти обвинения в 1930-е годы и упорно отстаивая новую жесткую линию в отношении к психопатам как к лицам, которые в состоянии отвечать за свои преступления и подлежат исправлению в системе трудовых лагерей[81]. Диагноз «психопатия» потерял всякое юридическое значение, а с ним и усложнилось «социальное будущее» «гомосексуалистов» («трансвеститов»), если причислять их к психопатическим личностям. Оно выглядело даже еще более проблематичным, чем представлялось А.О. Эдельштейну, когда в 1927 году он давал прогноз относительно Евгении Федоровны М.

Другая кампания эпохи первой пятилетки была направлена против личностей, ранее часто причислявшихся к психопатам (проституток, бездомных, «профессиональных» нищих и алкоголиков). Она способствовала дальнейшему сужению и без того неопределенного жизненного пространства, которое отводилось советским секс-гендерным диссидентам. Мишенями кампании были те, кто по большей части создавал ярко выраженные субкультуры городских улиц, существуя благодаря незаконной рыночной деятельности. Этих девиантных личностей, как и криминальных психопатов, следовало вывести из-под опеки медицины (отвергнув предположения о биологической природе их девиаций) и передать органам социальной опеки. Первый пятилетний план на 1928/1929–1932/1933 годы имел специальный раздел, где говорилось о «социальных аномалиях», которые должны были стать объектом реабилитационных мер, принимаемых Комиссариатом социального обеспечения[82]. Значительную

часть «соцаномаликов» составляли проститутки, поэтому среди других мер предусматривалось создание «3 тыс<яч> [койко-мест] в 50 трудпрофилакториях при вендиспансерах». Эти городские учреждения обучали «бывших» проституток рабочим профессиям и помогали излечиться от болезней, передавшихся половым путем. После выхода на свободу женщины направлялись на фабрики. Ожидалось, что они больше не вернутся к торговле своим телом. В целом для «социальных аномаликов» было подготовлено «9 тыс<яч> [мест] в трудовых общежитиях сельскохозяйственного и ремесленного типа». Кроме того, «предполагалось создать <...> 10 специальных колоний или лагерей для “злостных” проституток, которые «в официально опубликованном документе стыдливо не упоминались»[83].

В январе 1929 года проект пятилетнего плана в этой части подвергся критике со стороны Центрального совета по борьбе с проституцией (так с декабря 1922 года называлась Межведомственная комиссия, созданная осенью 1919 года). Было заявлено, что принцип сосредоточения проституток в определенных заведениях скорее всего загонит проституцию в подполье и значительно затруднит как перевоспитание падших женщин, так и контроль за венерическими болезнями. Вышедший наружу конфликт между сентиментальной «благотворительностью» Комиссариата здравоохранения и авторитарным использованием «бараков» Комиссариатом социального обеспечения был быстро улажен правительственными постановлениями, внесшими ясность, какую роль и каким учреждениям предстояло сыграть в исполнении плана по части «социальных аномалий». Врачи утратили свое влияние. Комиссариат социального обеспечения получил полный контроль над проституцией (ему был подчинен и Центральный совет) и фактически стал руководить всеми проектируемыми профилакториями, трудовыми колониями и «загородными колониями специального режима» для «соцаномаликов»[84]. Лица, похожие на секс-гендерных диссидентов и ранее считавшиеся объектами медицинского наблюдения, теперь подлежали принудительному трудовому перевоспитанию в соответствующих государственных учреждениях.

Наталья Борисовна Лебина и Михаил Витальевич Шкаровский, историки, исследующие женскую проституцию в Ленинграде, отмечали, что органы соцобеспечения не только не отказались от методов принуждения, но в эпоху первой пятилетки и в начальные годы второй сгущали атмосферу нетерпимости к не искорененным пока проституции и другим «социальным аномалиям».

«В 1930–1931 годах произошла реорганизация всей системы борьбы с институтом продажной любви». «В сентябре 1930 г<ода> оргсовещание НКСО постановило создать систему социального патронажа во всех областных центрах. Появились подобные учреждения и в Ленинграде». Пункты «социального патронажа», открывшиеся с апреля 1932 года при городском и районных отделах соцобеспечения, выявляли (среди «соцаномаликов») бездомных женщин, стоявших на грани проституции. «Патронаж» означал поиск работы или временного жилья для этих заблудших, предоставление юридической консультации или бытовой помощи, покупку билетов «домой» (как правило, в деревню, раздиравшуюся жестокой коллективизацией, от которой «падшие» спасались). Еще в октябре 1931 года Комиссариат социального обеспечения «утвердил типовое положение об организации отделами соцобеспечения специальных учреждений принудительного трудового перевоспитания», где «соцаномалики», готовые трудиться (на заводах, нуждавшихся в рабочих, или в «мастерских открытого типа»), были отделены от тех, кто «не мог» без принуждения (в форме «полузакрытых трудпрофилакториев» или «загородных колоний специального режима», сельскохозяйственных лагерей на принципах самофинансирования). Рецидивисты передавались в ведение Комиссариата внутренних дел и направлялись во всё расширявшуюся сеть поселений и лагерей (система ГУЛАГа). В 1931 году в пригородах Москвы и Ленинграда располагались большие колонии «специального режима», куда на работу и перевоспитание ссылались профессиональные нищие и проститутки. Скученность, болезни и нищета царили в Свирской колонии к северу от Ленинграда, начальник которой «пьянствовал и развратничал с вверенными ему проститутками», за что и был уволен в 1932 году. Обитатели не знали критериев собственного «перевоспитания», и многие из них, освобожденные органами соцобеспечения Ленинграда и направленные на заводы, продолжали торговать своим телом. Вера в эффективность патронажа постепенно иссякала, и в Ленинграде городской отдел соцобеспечения решил с началом второй пятилетки сократить средства на превентивную помощь потенциальным проституткам и больше женщин ссылать прямо в Свирскую колонию. В январе 1933 года на проходившей в Ленинграде конференции по борьбе с «соцаномаликами» профессор [А.К. Топорков] заявил, что ссылка в колонию едва ли может считаться «жестокой» мерой, поскольку безработица, являвшаяся, как считалось, причиной проституции, была преодолена. Больше не оставалось оправ-

даний для молодых женщин, замеченных в антисоциальном поведении. В сентябре того же года на страницы журнала Комиссариата социального обеспечения выплеснулось нараставшее нетерпение:

Старый буржуазный принцип «благотворительности и милостыни» так и витает вокруг этих вопросов. <...> Где борьба с соцаномалиями? Где политический анализ этой работы? Где классовая бдительность?[85]

Борьба с «социальными аномалиями» проходила в русле более широкого процесса социальной очистки городов, проводившейся одновременно милицией и ОГПУ и ускорившейся в конце 1932 года в связи с введением внутренних паспортов и городской прописки. Эти бюрократические меры служили не только отбору тех, кому предстояло стать законным жителем социалистического города, но и узаконению депортации «бывших людей», политически разрозненных представителей дворянства, буржуазии, духовенства и прочих «классово чуждых элементов». Отныне их статус был зафиксирован в личных документах, и они могли легко лишиться разрешения жить в столицах или оказаться «классовыми врагами», когда для очередной кампании требовались козлы отпущения[86]. Процесс выявления «социальных аномалий» был чрезвычайно облегчен паспортизацией, и, как отмечал Дэвид Ширер (Shearer, David), установленные таким путем «социально-опасные элементы» всё в большем числе высылались из крупных городов даже без видимости суда или формального обвинения в преступлении[87]. В Ленинграде в этот период некоторые мужчины-гомосексуалы из интеллигентов, объединенные в маргинализированные (поносимые) группы, всегда находились под наблюдением секретных служб[88]. Те мужчины — выразители субкультуры публичного секса также становились более уязвимыми по мере того, как социальная чистка городов набирала обороты.

Заключение

Когда им в этом было отказано, толпа, забравшись в концелярию, действиями заставила выбраться оттуда председателя, секретаря С<ельского> / совета, уполномоченного по весенне-посевной кампании и 2-х членов рабочей бригады. Означенные лица были выгнаны за село примерно за версту. Часть толпы была вооружена кольями. После ухода членов С/совета колокольным звоном было созвано вторичное собрание женщин, на котором было зафиксировано постановление протоколом о роспуске колхоза. На этом же собрании женщинами был избран свой председатель и секретарь С/совета, а именно: Председателем — Стародубцева Варвара Моисеевна, се-

реднячка, ранее явно противодействующая колхозному строительству, секретарем – Стародубцева Наталья Васильевна, дочь кулака (лишенного избирательного права за торговлю), таковая после избрания переоделась в мужскую одежду и именует себя Антоненко Василием Васильевичем (из отчета ОГПУ о женских волнениях против коллективизации вблизи деревни Бутовск 14 марта 1930 года)[89].

В революционной России проблема гомосексуальности никогда не была отдана целиком медицине. Взявшись в 1920-х годах за регулирование однополых отношений и гендерного диссидентства, большевики не имели сложившегося мнения о «гомосексуальности». Проблема многократно обсуждалась, но эти дискуссии отталкивались не от идеологически четко выраженной интерпретации личности «гомосексуалиста» или «трансвестита», а от иерархии ценностей формирующегося политического канона. Класс и преданность революции были на первом плане, ключевую роль могла сыграть национальность. Медицинское понимание секс-гендерного диссидентства, а также обусловленный этим дух эмансипации были присущи в революционной России урбанизированным, современным регионам, лояльность населения которых не подвергалась сомнению. В остальных случаях режим смотрел на аномалии сексуальности и гендера через политическую, а не медицинскую призму. Необычный жест, совершенный Натальей Стародубцевой в знак ее триумфа над противниками, осуществлявшими коллективизацию в ее деревне, о чем говорится в отчете ОГПУ, четко обозначает этот рубеж. Наталья перевернула мир сверху вниз и стала Василием. Ее гендерный протест (каковы бы ни были мотивы поступка) не был и не мог быть понят как «трансвестизм» женщины «маскулинизированного типа». Наталья/Василий была классовым врагом, дочерью кулака, занимавшегося торговлей, что и предопределило реакцию милиции на ее бунт. Для информатора и его предполагаемой аудитории дискурс о гормональной аномалии или половой психопатии прозвучал бы как нечто запредельное пониманию[90].

К 1930 году был сформирован взгляд на «гомосексуалиста», или «педераста», как на одного из противников большевистского режима. «Под прицел» было взято православное духовенство и «отсталые» элементы периферии Советского Союза. Не меньшее внимание следовало уделять быту и образу жизни. «Пережитки старого быта» в центральноевропейских районах СССР или «пережитки родового быта» на его окраинах, в «отсталых» регионах равным образом создавали угрозу строительству социализма. И монастырский «педераст», и узбекский сводник бачей направля-

ли юношескую энергию в нежелательное русло, отвлекая молодых людей от нормальных отношений и превращая их в извращенные путем соблазна, религиозного внушения или, что еще хуже в случае бачей, на основе договора. Биологизированные теории гормональной неустойчивости, формирования рефлекса или психопатической личности были неуместны, когда измена революции (по религиозным или экономическим мотивам) и извращенное воспитание мальчиков столь очевидным образом в глазах большевиков обусловливалось бытом.

Укоренение такого контрдискурса оказало влияние на формирование утопического представления о трансвестите, обсуждавшегося в начале 1929 года Ученым медицинским советом Комиссариата здравоохранения. Психиатры (и биолог Н.К. Кольцов) косвенно ратовали за расширение «прав» женщины (трансвеститки), носившей военную форму. Ее пример мог иметь положительное значение, поскольку преданность государству не вызывала сомнений. Такая красноармейка обладала качествами лидера. Ее гендерный нонконформизм, ее маскулинность приносили ей всё возрастающее уважение[91]. Всему этому противопоставлялся недостаточно маскулинный мужчина, жертва «психической заразы» (призывник, уклоняющийся от военной службы после контакта с гомосексуалами) или экономической эксплуатации, обусловленной отсталостью («несчастные туркестанские бачи»). Психиатры волей-неволей обнаруживали ужас перед феминизацией, они даже не могли произнести это слово, бесстрастно рассуждая о «маскулинизации» женщин. В ходе дискуссии в Совете возобладало мнение о том, что мужчина «среднего пола» — это продукт воспитания, тяжких условий быта и что подобные девиации вполне предотвратимы (за исключением большого числа врожденных случаев). Понимание Советом женского «трансвестизма» было более «биологизированным». Он считался неизлечимым, никакие гормональные инъекции не могли вернуть таким женщинам фемининность. Поэтому, с точки зрения врачей, от общества требовалась снисходительность к подобным женщинам и согласие на однополые браки. Налицо был гендерный утопизм, по сути либертарианский для женщины, желавшей жить жизнью мужчины, но считавший патологией те случаи, когда мужчина искажал или трагически утрачивал свою маскулинность. Утопизм достиг апогея, когда речь зашла об установлении контроля над механизмами гендерного изменения пола, что в атмосфере культурной революции представлялось вполне реальным. Психиатры и биологи полагали, что с ведома государственных органов можно

позволять «трансвеститам» смену пола. Теша себя подобными иллюзиями, врачи жили куда большими утопиями, чем просто фантазиями о превращении Константина в Екатерину.

Первая пятилетка и сопутствовавшие ей кампании против «биологизации» наук о человеке и за классовость и партийность в интеллектуальной работе вывели многие социальные проблемы из-под опеки медицины. Вписывался ли «гомосексуалист», или «трансвестит», в новую систему отношений, с первого взгляда было не столь очевидно, ибо данный вопрос не поднимался «врачами-социологами» эпохи нэпа, занимавшимися подсчетами самоубийств, женской проституции и беспризорности. В некоторых случаях психиатры и чиновники Комиссариата здравоохранения полагали, что «средний пол» не следует относить к явлениям «патологии». В результате не было ни статистического дискурса по проблеме секс-гендерного диссидентства, ни цифр, опираясь на которые плановики могли бы делать расчеты «социальных аномалий». Дискурсивное пространство занимали подчас анекдотичные истории пациентов с «индивидуальными затруднениями», но и их число стало сокращаться в связи с тем, что медицинские диагнозы (гормональные, психопатические) утратили политическую силу. В обществе, не испытывавшем потребности в сексологии и еще меньше — в сексуальной психопатологии, не оставалось места для «гомосексуалиста», или «трансвестита». Слова В.П. Осипова (1931 года) о «гомосексуалах», коротающих время в «конспиративных» кружках и с параноидальным упрямством тщетно пытающихся добиться «от государства поддержки педерастии», оказались зловеще пророческими.

Глава 7

«МОЖЕТ ЛИ ГОМОСЕКСУАЛИСТ СОСТОЯТЬ ЧЛЕНОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ?»

Как насаждалась советская гетеросексуальность

Несмотря на несомненные успехи первой пятилетки в индустриализации страны, 1932 и 1933 годы были отмечены кризисом, угрожавшим свести на нет всё достигнутое. Социальные последствия пятилетнего плана, заложившего основу для громад-

ного роста тяжелой промышленности, которая действительно стала развиваться семимильными шагами, оказались просто катастрофическими. Всеобщая коллективизация вылилась в настоящую гражданскую войну с выселением в Сибирь и Казахстан наиболее зажиточных крестьянских семей («ликвидация кулаков как класса») и конфискацией зерна для нужд города и продажи на экспорт. Наряду с этим партийные активисты, поддерживаемые милицией и чиновниками, буквально силой загоняли бедняков со всем их нехитрым скарбом и живностью в «образцовые» коллективные хозяйства – колхозы. Экспроприация зерна и деморализация сельского населения привели к массовому голоду, охватившему в 1932–1933 годах Украину («голодомор») и юг России. В результате погибло от трех до пяти миллионов человек[1].

Толпы людей бежали из деревень в города, пытаясь найти прибежище и работу на быстро растущих фабриках и заводах. Однако, несмотря на большую потребность строившихся предприятий в рабочей силе, новобранцам могли предложить лишь наспех сколоченное жилье барачного типа, к тому же часто расположенное далеко от места работы. Отныне в тесноте и антисанитарии им предстояло ютиться с детьми и женами. Тысячи людей, прибывшие в «столицу» первой пятилетки Магнитогорск и устроившиеся работать на сталелитейных заводах, в первые годы и зимой и летом ютились в глинобитных домишках и даже палатках. В Москве количество человек, заселявшихся в одну комнату, поднялось с 2,71 в 1926 году до 3,91 в 1940-м[2]. Новоиспеченные «горожане», эти вчерашние крестьяне, ничего не знавшие о городском укладе и промышленности, привносили в городскую жизнь колорит «деревенскости». Рабочих рук не хватало, и люди, недовольные плохими жилищными условиями, часто меняли работу. Возникла громадная текучка кадров и, как следствие, – миграция горожан. Этот людской круговорот Моше Левин (Lewin, Moshe) окрестил «обществом на зыбучем песке»[3]. Первый пятилетний план породил голод в деревне, вызвал серьезную нехватку рабочей силы, создал в городах хаос и ухудшил здоровье и благосостояние пролетариата, от имени которого правила Коммунистическая партия. Пытаясь стабилизировать ситуацию с продовольствием (при этом самый страшный голод случился зимой 1933-го – весной 1934 года), руководство страны принимало все меры, чтобы скрыть страдания деревни от горожан, а заодно и подавить критику. В декабре 1932 года было приказано провести чистку партийных рядов, пополнившихся в минувшие четыре года множеством новых членов – рабочих и крестьян[4]. Чистка, во

время которой изучались анкеты и скрупулезно анализировался политический и личный облик членов партии, продолжалась весь 1933 год и усугубила атмосферу всеобщей подозрительности и поисков козлов отпущения. В обстановке нетерпимости к продолжавшим существовать «социальным аномалиям» созревали предпосылки к чистке в городах.

В 1933 году городские мужчины-гомосексуалы в полной мере ощутили на себе новые веяния. Международная обстановка также немало способствовала законодательному оформлению рекриминализации мужеложства. Первые соответствующие меры были предложены в сентябре 1933 года заместителем председателя Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совнаркоме СССР Генрихом Григорьевичем Ягодой (1891–1938). Фоном этому послужило ухудшение германо-советских отношений, вызванных приходом к власти Адольфа Гитлера (Hitler, Adolf; 1889–1945) и усилением яростной пропагандистской войны в Европе между фашизмом и коммунизмом. Обвинения в гомосексуальности, оскорблявшие маскулинную честь противника, стали новой характерной чертой этого политического дискурса. Международная гомофобная риторика, в 1930-е годы впервые выплеснувшаяся на дипломатическую арену, значительно усилила антигомосексуальный дискурс[5]. Ее адресатом была Веймарская Германия. Местные политики, унаследовав из эпохи германского императора Вильгельма II (1859–1941) бремя скандала, связанного с именем Ф. Эйленбурга, столкнулись с отчетливо выраженным национальным движением за гомосексуальную эмансипацию. Эта «группа по интересам» успешно провозгласила гомосексуалов гражданами веймарской политической культуры[6]. До вступления А. Гитлера в должность канцлера Коммунистическая партия Германии (КПГ) в основном поддерживала кампанию М. Хиршфельда за отмену параграфа 175 Уголовного кодекса Германии, запрещавшего мужские гомосексуальные отношения[7]. Веря скорее в исторический прогресс, нежели в сексуальное диссидентство, веймарские коммунисты считали, что декриминализация гомосексуальности явится логическим завершением отказа от всех «реакционных» законов о сексе. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) также отстаивала эти взгляды, но далеко не так настойчиво, как КПГ. В 1931–1932 годах возмущение моралистов вызвали просочившиеся в социал-демократическую прессу сенсационные сообщения о гомосексуальности лидера штурмовиков (СА = Sturmabteilung) Эрнста Рёма (Röhm, Ernst; 1887–1934). Коммунист Рихард Линцерт (Linsert, Richard) критиковал разоблачения личной жизни Э. Рёма,

считая их «сексуальными доносами». Между тем в апреле 1932 года КПГ присоединилась к нападкам (опирающимся на достоверную информацию) на шефа штурмовиков, продолжая вместе с тем поддерживать отмену параграфа 175[8]. Когда ставки стали слишком высоки, идеологическое пуританство, выказанное Р. Линцертом, приказало долго жить, и в 1933 году левые исчезли с политической карты Германии.

В ночь на 29 февраля 1933 года после поджога рейхстага был арестован бывший коммунист Маринус ван дер Люббе (Lubbe, Marinus van der; 1909–1934). Нацисты ухватились за его политические связи, чтобы обвинить в этой акции международный коммунизм. Коммунистический Интернационал поднял на щит факт нетрадиционной ориентации М. ван дер Люббе, пытаясь в ответной кампании отделить его от левых. В широко распространенной книге, написанной несколькими германскими коммунистами в изгнании, последние обвиняли М. ван дер Люббе в получении средств от национал-социалистической партии и в сексуальной и психологической зависимости от главы СА Э. Рёма[9]. В этой книге гомосексуалы изображались ожесточенными, ненадежными и морально разложившимися личностями. Такой же риторикой характеризовалась словесная война внутри левых, а также между левыми и правыми, которые эту войну и порождали[10]. Западноевропейские националистические организации, а позже фашистский Männerbund (союзы за физическое и нравственное воспитание молодежи) подвергались всё более яростным нападкам со стороны левых, считавших их рассадниками гомосексуальности и прочих моральных извращений[11]. Меж тем нацисты увязали левацкую политику М. Хиршфельда и его иудаистское вероисповедание с инициированной им длительной кампанией за отмену немецкого закона, запрещавшего мужские однополые отношения. Закрытие немецких гомосексуальных издательств, организаций и баров в феврале – марте 1933 года и ритуальное разрушение (6 мая 1933 года) Института сексологии, руководимого М. Хиршфельдом, дали выход моральному неистовству нацистов. «Битва за рождаемость», явно преследовавшая военные цели, определила взгляд нового режима на сексуальность[12].

В отличие от трескучей и жесткой антигомосексуальной кампании, развязанной А. Гитлером в 1920-х – начале 1930-х годов, запрет мужской гомосексуальности в СССР в 1933–1934 годах вводился практически келейно. Закон против мужеложства принимали без широкой огласки в прессе, которая обычно сопровождала другие юридические акты, например, Закон «О мерах

борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 года или закон об абортах 1936 года. Как и в случае с декриминализацией мужеложства, нашедшей отражение в первых уголовных кодексах РСФСР, историкам приходится изрядно поломать голову над причинами этих метаморфоз. Исследователи вынуждены по крупицам собирать скудные сведения и изучать немногочисленные сохранившиеся документы, чтобы докопаться до истины. Вдобавок в историографии почти не рассматриваются причины неподпадения под запрет лесбийских отношений. Тем не менее, разжившись новыми свидетельствами о законодательном процессе, административных и медицинских последствиях принятого закона против мужеложства, мы сможем пролить свет на причины произошедших перемен и реакцию на них специалистов и рядовых граждан. Однако в наших данных продолжают зиять существенные пробелы. Не имея свободного доступа к архивным материалам, в частности к архивам милиции и органов госбезопасности, президентскому архиву[13], мы можем лишь строить предположения касательно политических мотивов рекриминализации мужеложства. И всё же мы попробуем нарисовать более ясную картину разработки и принятия соответствующих правовых актов и разобраться, почему в них так ничего и не было сказано о «женщинах, любящих женщин».

«Уничтожьте гомосексуалистов — фашизм исчезнет»

Как явствует из документов из Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), опубликованных в 1993 году (именно в апреле этого года Борис Николаевич Ельцин (1931–2007) отдал распоряжение о декриминализации в стране мужеложства), непосредственными инициаторами введения в том году закона против мужеложства выступили органы ОГПУ[14].

Пятнадцатого сентября 1933 года заместитель председателя Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) при Совнаркоме СССР Г.Г. Ягода направил докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину, в которой сообщал о раскрытии органами ОГПУ «объединения педерастов» в Москве и в Ленинграде, в результате чего было арестовано 130 человек. Им вменялось в вину «создание сети салонов, очагов, притонов, групп и других организованных формирований педерастов, с дальнейшим превращением этих объединений в прямые шпионские ячейки». Сообщалось, что «актив педерастов, используя кас-

товую замкнутость педерастических кругов в непосредственно контрреволюционных целях, политически разлагал разные общественные слои юношества, в частности рабочую молодежь, а также пытался проникнуть в армию и флот». На документе появилась резолюция И.В. Сталина: «Т. Кагановичу. Надо примерно наказать этих мерзавцев, а в законодательство внести соответствующее руководящее постановление»[15].

Тринадцатого декабря 1933 года Г.Г. Ягода послал И.В. Сталину «Проект Постановления Президиума ЦИК СССР» с сопроводительной запиской, в которой излагались аргументы ОГПУ в поддержку этих мер[16]. Г.Г. Ягода не упомянул о шпионаже, который якобы вели арестованные ранее в этом же году гомосексуалы. Вместо этого он отмечал:

Ликвидируя за последнее время объединение педерастов в Москве и Ленинграде, ОГПУ установило:

1. Существование салонов и притонов, где устраивались оргии;
2. Педерасты занимались вербовкой и развращением совершенно здоровой молодежи, красноармейцев, краснофлотцев и отдельных вузовцев.

Закона, по которому можно было бы преследовать педерастов в уголовном порядке, у нас нет. Полагал бы необходимым издать соответствующий закон об уголовной наказуемости за педерастию.

Зам. Председателя ОГПУ *Г. Ягода.*

Приложение: проект закона.

Похоже, ОГПУ понадобилось три месяца, по крайней мере, так следует из записки, чтобы сообразить, какую потенциальную угрозу для государственной безопасности представляют замкнутые группы людей, стремящиеся завлечь в свои нети «здоровую молодежь». Г.Г. Ягода заострял внимание больше на мужском общении, нежели на женском (о последнем он не упоминал). Да и в дальнейшем вопрос о наказуемости женской гомосексуальности законодательно не оформлялся. Это не означает, что на любовные отношения между женщинами смотрели благосклонно, как в некоторых кругах общества в 1920-х годах. О том, с чем сталкивались такие женщины, мы поговорим ниже в этой главе.

«Проект Постановления Президиума ЦИК СССР» съезда Советов СССР, приложенный к декабрьской записке Г.Г. Ягоды, состоял из преамбулы и диспозиции нового закона:

Президиум ЦИК СССР постановляет:

1. Распространить уголовную ответственность за мужеложство, т. е. половое сношение мужчины с мужчиной, на случаи добровольного такого сношения, независимо от недостижения одного из участников половой зрелости.

2. Мужеложство, т. е. половое сношение мужчины с мужчиной, влечет за собой лишение свободы на срок до пяти лет.

То же деяние, совершенное с использованием зависимого положения потерпевшего либо за плату, по профессии или публично, — лишение свободы на срок до восьми лет.

3. Настоящее постановление на основании ст. 3 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» («Собр. Зак.» 1924 г., № 24, ст. 205) подлежит включению в уголовные кодексы союзных республик.

4. Остаются в силе статьи уголовных кодексов союзных республик, предусматривающие уголовную ответственность за половое сношение с лицами обоего пола, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах, за изнасилование лиц обоего пола, за содержание притонов разврата, сводничество и принуждение к занятию проституцией.

Шестнадцатого декабря 1933 года проект был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б)[17]. На следующий день Президиум Центрального исполнительного комитета съезда Советов СССР (ЦИК Союза СССР) принял нижеследующее постановление:

[Ст.] 5. Об уголовной ответственности за мужеложство

На основании ст. 3 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

1. Распространить уголовную ответственность за мужеложство, т. е. половое сношение мужчины с мужчиной, на случай добровольных сношений, независимо от недостижения одним из участников половой зрелости.

2. Предложить центральным исполнительным комитетам союзных республик включить в уголовные кодексы этих республик новую статью следующего содержания:

«Мужеложство, т. е. половое сношение мужчины с мужчиной, влечет за собою — лишение свободы на срок до пяти лет.

Мужеложство, совершенное с использованием зависимого положения потерпевшего либо с насилием, за плату, по профессии как публично, влечет за собою — лишение свободы на срок до 8 лет».

3. Статьи уголовных кодексов союзных республик, предусматривающие уголовную ответственность за половое сношение с лицами обоего пола, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах, за содержание притонов разврата, сводничество и принуждение к занятию проституцией, остаются в силе.

Председатель ЦИК Союза ССР *М. Калинин.*
Секретарь ЦИК Союза ССР *А. Енукидзе.*
Москва, Кремль. 17 декабря 1933 г.[18].

[Седьмого марта 1934 года Президиум ЦИК Союза ССР принял постановление в новой редакции:

[Ст.] 110. Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета

Об уголовной ответственности за мужеложство

На основании ст. 3 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР постановляет:

Предложить центральным исполнительным комитетам союзных республик дополнить уголовные кодексы союзных республик статьей следующего содержания:

«Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) влечет за собой лишение свободы на срок от 3 до 5 лет.

Мужеложство, совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, влечет за собой лишение свободы на срок от 5 до 8 лет».

Председатель ЦИК Союза ССР *М. Калинин.*
Секретарь ЦИК Союза ССР *А. Енукидзе.*
Москва, Кремль. 7 марта 1934 г.[18a]]

Имелись существенные расхождения между исходной формулировкой проекта закона, предложенной Г.Г. Ягодой, и окончательными редакциями, принятыми высшими органами СССР (7 марта 1934 года)[19] и РСФСР (1 апреля 1934 года):

[Ст.] 95. О дополнении Уголовного кодекса РСФСР ст<атьей> 154-а

Пост<ановление> ВЦИК и СНК 1 апреля 1934 г.

В соответствии с постановлением Президиума ЦИК Союза ССР 7 марта 1934 г. об уголовной ответственности за мужеложство (СЗ № 15, ст. 110) и на основании ст. 2 постановления 2 сессий ВЦИК X созыва о порядке изменения кодексов (СУ 1923 г. № 54, ст. 530) ВЦИК и СНК постановляет:

Дополнить Уголовный кодекс РСФСР ст. 154-а следующего содержания:

«154-а. Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) — лишение свободы на срок от трех до пяти лет.

Мужеложство, совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, — лишение свободы на срок от трех до восьми лет»[20].

Вероятно, о разнице менталитетов руководства партии и теоретиков-законотворцев, руководивших советской юстицией, наиболее красноречиво свидетельствует лексика, которой стороны пользовались при обсуждении этого вопроса. Во внутрипартийной переписке и даже в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) «Об уголовной наказуемости за педерастию» от 16 декабря 1933 года для именования данного «преступления» употреблялось грубое слово «педерастия». Традиционный же юридический термин «му-

желожство» использовался во всех советских правительственных документах и в само́м проекте закона. Проект Г.Г. Ягоды предлагал «1. Распространить уголовную ответственность за мужеложство на случаи добровольного такого сношения, независимо от недостижения одного из участников половой зрелости» и устанавливал максимальный, а не минимальный срок наказания (низший предел срока лишения свободы) за простое («до пяти лет») и за насильственное мужеложство («до восьми лет»). Кроме того, в проекте Г.Г. Ягоды, назначенного в 1934 году председателем ОГПУ, последнее содержало такие признаки уголовного деяния, как «либо за плату, по профессии или публично»[21]. Эти квалификационные ограничения изъяли из проекта постановления Президиума ЦИК Союза ССР на самой поздней стадии его подготовки. За неделю до публикации самого́ постановления, состоявшейся 7 марта 1934 года[22], в него был добавлен пункт о минимальном сроке наказания: «на срок от трех до пяти лет» за простую и «на срок от трех до восьми лет» — за насильственную форму мужеложства. Обозначение в постановлении низшего предела срока наказания говорит, с какой серьезностью относились юристы к данному половому правонарушению, отделяя его от прочих в Уголовном кодексе[23]. Причины, по которым формулировки Г.Г. Ягоды, упоминавшие мужскую проституцию («либо за плату, по профессии») и публичную демонстрацию («публично»), были отклонены, в доступных нам источниках не называются. Поэтому предложим свое ви́дение объяснения этого.

Вопреки очевидному единообразию требований постановления от 7 марта 1934 года формулировки и сроки его принятия в республиках варьировались и затягивались без видимых причин. Украина раньше всех из союзных республик, 11 января 1934 года, дополнила новой статьей свой Уголовный кодекс. В УК Украинской ССР использовалась лексика исходного проекта Г.Г. Ягоды, который был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 16 декабря 1933 года. В этой второй по величине республике Советского Союза мужская проституция и публичная гомосексуальность были прямо квалифицированы как преступление. Вдобавок в украинском УК не оговаривались низшие пределы сроков наказания за мужеложство[24]. На практике такое ужесточение могло привести к росту числа обвинительных приговоров. Возможно, на местную милицию и следователей оказала влияние выраженная в новом законе озабоченность по поводу публично проявляемых манифестаций мужской гомосексуальности и мужской проституции. Хоть и ограниченные в выборе мер пресечения, украинские судьи, — как и позднее, в 1930-е годы, их российские

коллеги, — [руководствуясь постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1934 года, всё же назначали наказание с учетом низших пределов сроков лишения свободы («от трех...») при добровольном и («от пяти...») насильственном мужеложстве], избегая под разными предлогами применения действовавшей в украинском УК нормы («на срок до пяти лет» и «на срок до восьми лет»).

Статьей с аналогичным текстом без какого-либо объяснения был дополнен УК Таджикской ССР[25]. Во всех остальных республиках законодатели, следуя в русле постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1934 года, приняли свои постановления в апреле 1934 года. Место новой статьи внутри уголовных кодексов отражало пещерное представление сталинистов о продвинутости и отсталости республик в вопросах сексуальности, в соответствии с которым одни республики включили новую статью в существующие разделы о половых преступлениях (отражая модернизированную сексуальную этику), а другие — связали ее со статьями, посвященными пережиткам родового быта. В УК Белорусской ССР и Украинской ССР новая статья была помещена вместе со статьями о половых преступлениях. Закавказские республики — Армения и Грузия — пошли вслед за этой сравнительно современной классификацией[26]. В УК Таджикской ССР и Узбекской ССР запрет на однополые отношения фигурировал среди правонарушений, обусловленных традициями[27]. В УК Туркменской ССР и Азербайджанской ССР не делалось различий между половыми преступлениями и преступлениями, связанными с традициями, поэтому уже существовавшая статья против мужеложства была просто приведена в соответствие с постановлением от 7 марта 1934 года[28].

Сталинское руководство не распространялось об этих изменениях в законах и не оставило почти никаких документов, указывающих на то, почему оно с таким рвением взялось за реализацию драконовской инициативы Г.Г. Ягоды. Первые незаконные аресты мужчин-гомосексуалов, проведенные ОГПУ в конце лета 1933 года в Москве и Ленинграде, со всей отчетливостью показали, что, если группы, напоминающие «касту», попадали у ОГПУ под подозрение в заговоре, любые законы для этой организации утрачивали силу. Существовало множество легальных средств для борьбы со шпионажем и контрреволюцией. Во время проведения кампании за наведение порядка в правосудии, характерной для первой пятилетки, у ОГПУ были развязаны руки для борьбы с такого рода преступлениями[29]. Предложение Г.Г. Ягоды о введении нового закона, прозвучавшее после рейдов

ОГПУ, а также последующие изменения в законодательстве позволяют предположить, что наряду со шпионажем властей беспокоили и другие проблемы. По мере ускорения процесса социальной чистки в городах, чему способствовало введение в конце 1932 года внутренних паспортов и городской прописки, мишенью органов ОГПУ становились «социальные аномалии» и «классово чуждые» элементы. Женщины, постоянно занимавшиеся проституцией, «профессиональные» нищие, бездомные и прочие «криминальные элементы» образовывали приметную уличную субкультуру. Именно ее предполагалось вымести из социалистического города путем введения паспортов и нового режима регистрации[30]. Броско одетые мужчины-гомосексуалы, встречавшиеся друг с другом на облюбованных ими Бульварном кольце в Москве и Невском проспекте в Ленинграде, очевидно, привлекали внимание спецслужб как свидетельство существовавшей аномальной городской субкультуры[31]. И хотя Г.Г. Ягода в своей первой докладной записке-предупреждении обратил внимание И.В. Сталина на угрозу шпионажа со стороны гомосексуалов, предложенный им закон и основная часть его аргументации были нацелены против субкультуры. Тайные кружки гомосексуальных мужчин якобы могли создавать потенциально опасные «салоны» и «притоны», однако больше всего органы ОГПУ беспокоил именно публичный аспект гомосексуальной общности и ее деморализующее влияние. Тревога Г.Г. Ягоды по поводу «вербовки и развращения совершенно здоровой молодежи», прежде всего молодых мужчин из военной и вузовской среды, была отражением обеспокоенности психиатров, обсуждавших «психическое заражение» среди «нормальных» армейских новобранцев. Гомосексуальную общность, угрожавшую умственной или половой гигиене, органы ОГПУ и Политбюро характеризовали языком площадной брани как совращение невинных молодых людей «педерастами». Более того, различая в первом законопроекте мужеложство «за плату, по профессии или публично», т. е. характеризуя его как преступление, имеющее разновидности, заместитель председателя ОГПУ считал нужным карать за него, невзирая на обстоятельства, самым суровым образом. Судя по контексту, это были шокирующие описания социального поведения, выполненные языком псевдоэтнографической лексики, характерной для законов против «преступлений, отражающих пережитки родового быта» и недвусмысленно перечисленных в уголовных кодексах окраинных республик. По-видимому, этот язык показался эпатирующим, поскольку за неделю до публикации, вероятно, по указанию Комиссариата юстиции РСФСР или юристов Верховных Судов СССР

и РСФСР, он исчез из документов. Можно предположить, что судьи, дабы, предавая гласности запретные практики, не распространять «психическое заражение», выступали за менее прямолинейный закон, написанный в лексике эвфемизмов. Вероятно, юристы обращали внимание и на то, что публичные действия сексуального характера, мужская проституция и «профессиональное» мужеложство уже и так подпадали под действие содержавшихся в УК статей[32], правоведы, несомненно, указывали на нелогичность запрета мужской проституции и нераспространения таких мер на женскую.

Вскоре после принятия закона против мужеложства И.В. Сталину доложили, какую реакцию этот закон может вызвать у левых Западной Европы. В письме, написанном в мае 1934 года, Гарри О. Уайт (Whyte, Harry O.), британский коммунист, постоянно проживавший в Москве и работавший в редакции газеты «Moscow Daily News», попросил И.В. Сталина прокомментировать принятие нового закона[33]. (Попутно корреспондент вождя подробно описал попытки узнать местонахождение своего любовника, русского мужчины, арестованного между декабрем 1933-го и мартом 1934 года во время облавы спецслужб на московских гомосексуалов.) Основательно осветив марксистские взгляды на гомосексуальность, Г. Уайт дал понять, что новый закон создаст определенные проблемы и привлечет внимание общественности, что, возможно, скажется на тоне публичных выступлений сталинистов о законе против мужеложства.

Пространное послание Г. Уайта начиналось вопросом к И.В. Сталину: «Может ли гомосексуалист считаться человеком, достойным состоять членом Коммунистической партии?» Журналист изложил марксистские аргументы против полного запрета мужеложства, который, как он утверждал, порождал ни на чем не основанные противоречия в советском обществе, «требовал [для безобидного меньшинства] “уравниловки” в области половой жизни», к тому же игнорировал научный аспект проблемы. Новый закон отвергал положения предыдущего советского закона, защищавшего половую свободу личности и половую неприкосновенность. Предыдущий закон отражал решимость советской власти разрешить капиталистические противоречия в этом вопросе. Социальное положение гомосексуалов Г. Уайт уподобил положению других слоев общества, страдавших от дискриминации, — женщин, «цветных рас» и «нацменов». Адресат И.В. Сталина провел тонкую разграничительную линию между личной жизнью коммуниста (к этой, приватной, сфере относятся и половые пристрастия последнего) и случаями, когда гомосек-

суальность в буржуазном обществе становилась достоянием общественности и перетекала в политическую плоскость. В письме Г. Уайт обратился к взглядам Карла Маркса (1818–1883) и Ф. Энгельса в свете политического аспекта гомосексуальности, а также одобрил линию Коминтерна в отношении приписанных М. ван дер Люббе контактов с нацистами-гомосексуалами. Журналист бичевал лицемерие фашистских политиканов, разгромивших Институт сексологии М. Хиршфельда, напомнил И.В. Сталину о его критике с трибуны XVII съезда ВКП(б) (26 января – 10 февраля 1934 года) «уравниловки» в жалованье, условиях жизни и «в области потребностей и личного быта» как «достойной какой-нибудь первобытной секты аскетов», но не достойной марксиста. Обращение к теме уравниловки имело, по мнению журналиста, прямое отношение к вопросу о гомосексуальности, поскольку новый закон вынуждал биологически отличающееся меньшинство подвергнуться «уравниловке в области половой жизни»[34].

Письмо И.В. Сталин направил в архив, сопроводив пометой: «Идиот и дегенерат»[35]. Документ сохранился в деле вместе с другими материалами о введении нового закона. Это наводит на мысль, что аргументы Г. Уайта не воспринимались как бред идиота, а были весьма полезны в незнакомом дискурсе. Чтобы дать отпор позиции автора письма, И.В. Сталин обратился к оратору, хорошо знакомому с европейской риторикой на сей счет. Статья Максима Горького (наст.: Пешков, Алексей Максимович; 1868–1936), советника вождя по культуре, под названием «Пролетарский гуманизм», вышедшая в «Правде» и «Известиях» 23 мая 1934 года, стала первым публичным разъяснением причин рекриминализации мужской гомосексуальности, сделанным под углом пропагандистской войны между фашизмом и коммунизмом[36].

Целью этой войны было моральное разложение и откровенное совращение юношества нации, в особенности молодых мужчин как производительной и военной силы во вред враждебной политической системе. Нарочитое идеологически мотивированное беспокойство о совращенных юношах взывало к излюбленным стереотипам. М. Горький запустил миф об изначальной чистоте России, чтобы сделать рельефнее набившие оскомину утверждения о том, как контрастирует эта страна со сверхцивилизованным Западом. При этом писатель объявил, что пролетарский гуманизм преобразует громадные резервы «физической энергии» «варварской» России в продуктивную, «интеллектуальную» энергию. Не способный на это капитализм нанял фашизм, чтобы мобилизовать физически и морально опустошенных отпрысков буржуазии, сыновей алкоголиков, истеричек и сифили-

тиков. «В тысячах серых, худосочных лиц здоровые, полнокровные лица заметны особенно редко, потому что их мало». Среди «сотни фактов, которые говорят о разрушительном, разлагающем влиянии фашизма», гомосексуальность была одной из наиболее «щекотливых» характеристик. На кон ставились не только чистота и здоровье населения, но и его культура. «В стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуемым, а в "культурной" стране великих философов, ученых, музыкантов (т. е. Германии. – *Д.Х.*) он действует свободно и безнаказанно». Фашистское «зелье» национализма и антисемитизма приобщало юношество к «социальному цинизму, садической страсти к убийству». Своим пресловутым лозунгом «Уничтожьте гомосексуалистов – фашизм исчезнет» М. Горький опровергал разом все утверждения о том, что гомосексуалы – социальное меньшинство (как евреи или «безоружные индусы, китайцы, негры»), нуждавшееся в государственной защите[37]. Исходя из содержания этой неоднократно цитированной статьи, отражающей задним числом рекриминализацию мужеложства в 1934 году, можно сделать вывод, что исполнительному М. Горькому, вкратце ознакомившемуся с посланием Г. Уайта И.В. Сталину, было поручено развенчать претензии к новому закону[38].

Внешне спонтанный запрет мужеложства привел должностных лиц, в том числе чиновников от литературы и медицинских экспертов, в замешательство. Не все они были готовы смириться с последствиями, которые запрет нанес сферам их компетенции. Наиболее ярким примером такого смятения явилась покупка директором Государственного литературного музея Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем (1873–1955) хорошо известного дневника и бумаг ленинградского поэта М.А. Кузмина. В ноябре 1933 года последний получил 25 тысяч рублей за свои дневниковые записи с августа 1905 года по декабрь 1931-го. В дневнике недвусмысленно говорится о гомосексуальности М.А. Кузмина и его знакомых[39].

Первого февраля 1934 года (то есть между декабрьским постановлением Политбюро от 16 декабря 1933 года и постановлением Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1934 года об уголовной ответственности за мужеложство) чиновник ОГПУ потребовал и получил у В.Д. Бонч-Бруевича весь архив М.А. Кузмина. В апреле специальная комиссия Культурно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б) начала расследование деятельности директора музея. В центре внимания комиссии была покупка бумаг М.А. Кузмина за большую сумму денег. В майских письмах 1934 года к Г.Г. Яго-

де и наркому просвещения РСФСР Андрею Сергеевичу Бубнову (1884–1940) В.Д. Бонч-Бруевич, защищая ценность архива и его тематику, связанную с гомосексуальностью, отмечал, что приобретенные бумаги важны для понимания «направления левого символизма <...> буржуазного общества»[40]. Через три дня после отправки этих писем в «Правде» и «Известиях» появилась статья М. Горького «Пролетарский гуманизм». Однако В.Д. Бонч-Бруевич продолжал отстаивать ценность своего приобретения[41]. Двадцатого июня партийная комиссия объявила В.Д. Бонч-Бруевичу выговор за то, что тот «дорого» заплатил за «материал нередко макулатурного характера», приказала провести чистку штата музея и распорядилась, чтобы будущие приобретения совершались бы только с согласия народного комиссара А.С. Бубнова. Сам М.А. Кузмин избежал ареста и умер естественной смертью в 1936 году, в связи с чем бо́льшая часть проданных им В.Д. Бонч-Бруевичу дневника и бумаг была возвращена в 1940 году музею[42]. Партнер М.А. Кузмина в советскую эпоху Ю.И. Юркун был арестован НКВД в 1938 году в пору великого террора (по обвинению в контрреволюции, а не в гомосексуальности), во время нападок на творческую интеллигенцию Ленинграда. Семь месяцев его допрашивали, а в сентябре 1938 года расстреляли[43]. Других гомосексуалов и их литературные труды ожидала та же участь во время погрома 1933–1934 годов[44]. Н.А. Клюев, поэт русской деревни и гомосексуальной любви, вызвал гнев Ивана Михайловича Гронского (1894–1985), ответственного редактора «Известий ВЦИК» (1928–1934 гг.), а заодно и главного редактора толстого литературного журнала «Новый мир» (1932–1937 гг.). И.М. Гронский (как он сам вспоминал в 1959 году) выделил в 1932 году нищему поэту щедрый академический паек. Н.А. Клюев перебрался в деревню со своим любовником (художником Анатолием Никифоровичем Яр-Кравченко (1911–1983); впервые они встретились в 1928 году), писал там поэмы и в конце концов послал И.М. Гронскому некоторые стихи для публикации. Тот пришел в ярость из-за их гомосексуальной окраски и попробовал убедить поэта «писать нормальные стихи». Когда Н.А. Клюев прямо отказался, И.М. Гронский без колебаний позвонил Г.Г. Ягоде (а позже заручился поддержкой И.В. Сталина) и потребовал, чтобы поэт был выслан из Москвы[45]. Звонок, очевидно, состоялся непосредственно перед арестом Н.А. Клюева 2 февраля 1934 года. Поэта допрашивали на Лубянке в Москве и обвинили по ст. 58[10] УК РСФСР 1926 года за контрреволюционную кулацкую агитацию (а не за гомосексуальное поведение), скорее всего, из-за энергичных нападок на коллективизацию в его поэмах. Пятого марта он был

выслан в сибирский город Нарым. В октябре 1937 года, уже в ссылке, Н.А. Клюев был вновь арестован и расстрелян как контрреволюционер[46]. В ответ на отказ Н.А. Клюева гетеросексуализировать свои стихи Н.М. Гронский решил «очистить» столицу от поэта и от его гомосексуальности. К большей выгоде для себя, чем В.Д. Бонч-Бруевич, этот чиновник от литературы понимал, какую политическую цену ему пришлось бы заплатить за поддержку незаконного (и антисоветского) гомосексуального таланта. Решение подвести Н.А. Клюева под статьи Уголовного кодекса за контрреволюционную деятельность не могло ввести в заблуждение — поэт оказался в лапах ОГПУ за свою гомосексуальность, от которой он не желал отказываться. Однако требуется более тщательное изучение его дела в архивах КГБ, чтобы утверждать это со всей определенностью[47].

Врачи и даже чиновники Народного комиссариата юстиции почти ничего не знали о новом законе и о «заговоре гомосексуалистов», против которого он был направлен. Некий психиатр, знакомый Гарри Уайта, навел справки в Комиссариате юстиции (Г. Уайт не говорит, когда это было), после чего заверил сотрудника «Moscow Daily News», что Комиссариат не возражает против лечения пациентов, «если они — честные граждане или хорошие коммунисты», и что эти «гомосексуалисты» вольны сами устраивать свою личную жизнь. Г. Уайт проконсультировался с другим психиатром, который отказывался верить в существование антимужеложного закона, пока журналист не предъявил ему его экземпляр. Г. Уайт лично обращался в Комиссариат юстиции (между постановлениями от декабря 1933 года и марта 1934-го), и ему объявили, что введение закона обусловлено тем, что «гомосексуализм — форма буржуазного вырождения». В поисках хоть каких-то сведений о своем арестованном любовнике Г. Уайт адресовался даже непосредственно в ОГПУ. Делал он это как до, так и после опубликования закона в окончательном виде. Получение им то одних, то других ответов свидетельствовало, что практика применения нового закона претерпевала изменения. В период между постановлениями чиновники ОГПУ сообщили Г. Уайту, что аресты носили «политический характер» (не относились к сфере общественной нравственности). Журналист решил, что между политически лояльными гомосексуалами, которых не будут преследовать, и теми, кого сочтут контрреволюционерами, проведена разделительная черта. Последние и подвергнутся аресту. Между тем после опубликования постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1934 года сотрудник ОГПУ сказал Г. Уайту, что «закон будет

жестко применяться в каждом обнаруженном случае гомосексуализма»[48]. Оказалось, что наряду с только что изданным постановлением появились инструкции, расширявшие границы его применения, но мы знаем о них очень мало.

В отличие от других статей, введенных в уголовные кодексы в 1930-е годы, статью против мужеложства не сопровождали циркулярные письма, информировавшие прокуратуру и суды о том, как ее применять. Обычно такие директивы помогали следователям и судьям исполнять свои обязанности[49]. Инструкции к закону о мужеложстве, возможно, были переданы устно либо через закрытые циркуляры, которые после прочтения, скорее всего, отсылались обратно[50]. Ниже в качестве примера мы рассмотрим восемь процессов против мужеложства, состоявшихся в Москве с 1935 по 1941 год (первый – в марте 1935 года), и приведем свидетельства того, что о постановлении от 7 марта 1934 года суды были информированы. Так, ссылаясь на этот закон, в своей оценке действий подсудимых городской суд отмечал:

<...> закон от 7/III 1934 года направлен против мужеложства не в узком смысле этого термина, а против мужеложства как антиобщественного проявления половых связей между мужчинами, в каких бы формах это ни осуществлялось, и особенно тогда, когда это имеет место между организованной на такой почве группой людей[51].

Этими аргументами суд воспользовался, чтобы оправдать одного подсудимого и вынести гораздо более мягкий приговор другому. При пересмотре дела Верховный Суд РСФСР подтвердил эти же доводы и даже оправдал другого подсудимого на основании недоказанности факта мужеложства после 7 марта 1934 года[52]. Однако ни в одном из остальных семи дел, рассмотренных до 1941 года, и ни в одном из шести дел, обнаруженных [в ЦГАМ] с 1949 по 1956 год, не содержится ни одного доказательства, позволяющего предположить, что судами были получены инструкции по применению этого закона.

Работающие в клиниках психиатры также не получали никаких непосредственных инструкций в отношении нового закона, о нем они узнавали случайно. Судебные психиатры, очевидно, знали о нововведении, а потому быстро откорректировали определение психопатии, приспособив его к новой трактовке[53]. В 1935 году психиатр Евгений Алексеевич Попов (1899–1961) радикально изменил представление о «гомосексуализме» как категории душевной болезни. Не упоминая о рекриминализации мужеложства, он попытался очистить психиатрию от гомосексуала. Классификации половых извращений, основанные более на симпто-

мах, чем на этиологии, являлись, на его взгляд, «пережитками», выдававшими диагностическую и терапевтическую слабость дисциплины. К «гомосексуализму» приводил ряд изначально экзогенных причин: «<...> нормально начатые половые отношения вследствие неудач, затруднений, разочарований, случайных моментов, вызвавших отвращение к женщине и т. п., извращаются и направляются на представителей своего пола». Мужчины такого типа всё еще имеют «нормальную половую установку», которая продолжает влиять на их выбор полового объекта («предпочитаются похожие на девочек мальчики, женоподобные юноши») и полового акта («стремление к имитиции нормального coitus'а посредством педерастического акта»). Убедительно оперируя воспитательной психопатической моделью, Е.А. Попов говорил о «неоднородности той группы явлений, которые в психиатрической систематике фигурируют под общим обозначением гомосексуализма»[54]. Согласно схеме Е.А. Попова, эрос между мужчинами если и заслуживал внимания медицины, то лишь как аспект психического расстройства или психопатии, но не в качестве самостоятельной проблемы.

Государство внезапно сместило представление об однополой любви из медико-юридической плоскости в плоскость судебной медицины и гинекологии – дисциплин, претерпевших значительные перемены в ходе выполнения пятилетнего плана[55]. В 1932 году в Москве был создан Государственный научно-исследовательский институт судебной медицины Народного комиссариата здравоохранения, который разработал первые в Советской России внятные инструкции для врачей, готовивших экспертные заключения в случаях половых преступлений. Тридцать первого декабря 1934 года, после согласования с прокурорами РСФСР, Комиссариатом здравоохранения были утверждены «Положение о производстве судебно-медицинской экспертизы» и «Правила амбулаторного судебно-медицинского акушерско-гинекологического исследования». Но разработка «Правил...» началась спустя три месяца после выхода антимужеложного закона – в июне 1934 года[56]. «Правила...» обсуждались одновременно с проектом нового закона против мужеложства, однако связь между этими двумя инициативами не прослеживается. И всё же сверху судебным медикам были спущены специфические инструкции по установлению признаков «педерастии»:

13. При освидетельствовании по поводу развратных действий, сопровождавших изнасилование или без такового, а также при половых извращениях (насильственных и ненасильственных), эксперт, помимо вышеуказанного, исследует (при педерастии) заднепроходное отверстие и обращает вни-

мание на его форму (кратеро- или воронкообразную), не зияет ли оно, на дряблость и вялость слизистой прямой кишки, на наличие лучистости складок кожи кругом заднепроходного отверстия или их сглаженности, трещин, ранений, на состояние сфинктера, расширения ампулы, выпадение слоев прямой кишки; особое внимание уделяется наличию ректальной гонореи, особенно у потерпевшего мужчины (малолетнего)[57].

Этот отрывок об анатомических чертах «педерастии» из свода «Правил...», регулирующих гинекологические исследования, следует непосредственно за пунктом, посвященным гетеросексуальному насилию, и повторяет мнение В.О. Мержеевского на сей счет, изложенное в его руководстве, написанном за пятьдесят шесть лет до «Правил...». И всё же это не было простым возвратом к старорежимному определению «педерастии» как порока. «Правила...» стали частью более широкого процесса, посредством которого государство пыталось унифицировать судебную медицинскую практику в отношении половых преступлений[58]. Стремление к систематизации процедуры выявления «педерастии» отражало желание властей навязать специалистам единый подход к проведению медицинской экспертизы при криминологических исследованиях изнасилования, дефлорации и развратных действий.

В руководстве по судебной гинекологии, опубликованном в 1935 году врачами, внесшими основной вклад в формулировку этих правил, мужская гомосексуальность тем не менее рассматривалась до некоторой степени противоречиво, что выдавало политическую и научную путаницу в головах авторов. Гинекологи Николай Владимирович Попов (1894–1949) и Ефрем Ефимович Розенблюм (1896–?) в конце главы «Изнасилование» обратились к теме «изнасилования с половыми извращениями» и пару страниц посвятили этиологии «гомосексуализма» и «лесбийской любви». Представив нейтральный обзор эндокринологических и рефлексологических теорий, авторы поименно перечислили иностранных и отечественных авторитетов и даже заявили (в разрез с традициями того времени), что гормональные теории «заслуживают <...> полного внимания»[59]. Затем, оборвав научное рассуждение, Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм написали:

Наконец следует подчеркнуть и роль определенных классовых условий: особое распространение гомосексуализм получил в таких странах, как Германия, среди аристократической верхушки офицерства и вообще в «головке» фашистского движения[60].

Отметив, что «гомосексуализм теперь преследуется по уголовным кодексам союзных республик, но как имеющий место между мужчинами», он не попал в круг тем, рассмотренных Н.В. По-

повым и Е.Е. Розенблюмом[61]. Похоже, что судебные гинекологи, ответственные за освидетельствование жертв половых преступлений и преступников, не желали брать на себя обязанности по выявлению добровольного мужеложства среди мужчин. Преуменьшая степень распространенности этого «преступления», предполагая, что в проблеме лучше разберутся психиатры и эндокринологи, и, наконец, называя преступников классовыми врагами, Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм явно старались освободить судебную гинекологию от указанной обязанности. Между тем сразу же после таких рассуждений они приводят пример о некой женщине, муж которой «в пьяном виде потребовал полового сношения через задний проход. <...> На другой день, уже трезвый, он просил ее “сосать его половой член”. Она отказалась; тогда он схватил ее за волосы <...> и, “введя член в рот, кончил сношение”». В таких случаях авторы советовали проводить исследование пострадавшей как «пассивного педераста». Затем в духе М.О. Мержеевского и В.М. Тарновского они описали классические признаки анального полового акта у пассивного партнера. В заключение врачи высказали соображения о различии между признаками анальной гонореи у мужчин и женщин[62]. Обсуждая описанный случай «пассивной педерастии» и отнеся его по половому признаку к женщине, судебные медики взяли на себя смелость применить к данному случаю традиционные медицинские знания о мужеложстве[63].

Пытаясь рассеять замешательство вокруг закона против мужеложства, народный комиссар юстиции РСФСР Н.В. Крыленко выступил в марте 1936 года на второй сессии ВЦИК XVI созыва с пространным докладом[64]. Нарком расширил рамки гомофобной риторики режима и недвусмысленно внес гомосексуалов в список классовых врагов, деклассированных и криминальных элементов – объектов кампаний городской социальной чистки. С конца первой пятилетки «бытовые» преступления (включая групповые изнасилования), как считалось, совершавшиеся представителями указанных социальных слоев, стали караться как тяжкие уголовные преступления, данные о которых скрывались с особой тщательностью[65]. Относя гомосексуалов к уже существующим категориям людей с отклонениями от социальной нормы, Н.В. Крыленко заполнил брешь, которую оставили официальные чиновники и эксперты, озадаченные проблемой, как относиться к «обычным» гомосексуалам, не связанным со шпионажем или главарями нацистов.

В своем докладе Н.В. Крыленко сослался на ряд изменений в законе, понадобившихся, чтобы выявить «остатки врагов», тех,

«кто еще не хочет признать, что он осужден историей окончательно уступить нам свое место». Изменения должны были затронуть всё советское общество, ведь введенные законы имели «главной целью переработать нас самих, воспитать в нас самих нового человека <...> [и] новые отношения в быту». Закон против мужеложства, отмечал Н.В. Крыленко, комментировался западной прессой, а до недавних пор советские взгляды на «этого рода преступления» испытывали еще ощутимое влияние «западных буржуазных школ», учивших, что «этого рода действия — всегда болезненное явление». Н.В. Крыленко сравнивал гомосексуальность с алкоголизмом. Как алкоголики ответственны перед законом за преступные деяния, за исключением тех немногих случаев, когда «перед нами действительно больные люди», так и те гомосексуалы, кто «пускается на такие вещи», в подавляющем большинстве несут уголовную ответственность за свое поведение[66].

Судя по опубликованному тексту доклада и постепенно нараставшей реакции зала, этот экстравагантный маскулинный народный комиссар, достигнув апогея своей аргументации, виртуозно манипулировал аудиторией (преимущественно из мужчин), заведенной разговором на «жареную» тему:

В нашей среде, в среде трудящихся, которые стоя́т на точке зрения нормальных отношений между полами, которые строят свое общество на здоровых принципах, нам *господчиков* такого рода не надо. Кто же главным образом является нашей клиентурой по таким делам? Трудящиеся? Нет! Деклассированная шпана. (*Веселое оживление в зале, смех.*) Деклассированная шпана, либо из отбросов общества, либо из остатков эксплуататорских классов. (*Аплодисменты.*) Им уже некуда податься. (*Смех.*) Вот они и занимаются... педерастией. (*Смех.*)[67]

Н.В. Крыленко взывал к политической и (по крайней мере, неосознанно) к маскулинной озабоченности слушателей, прикрывая щекотливую тему балагурством. Он стремился создать классовую и юридическую дистанцию между запаниковавшими сексуальными и социальными отщепенцами и здоровыми тружениками, советскими мужчинами (и женщинами). Затем он переключился на серьезный тон, указывая, что «педерасты» «в тайных поганых притончиках и притонах» часто занимаются контрреволюционной деятельностью. Закон против мужеложства оправдывался юмористическими фразочками, которые встроили мужчин-гомосексуалов в пространство знакомого враждебного класса и социальных категорий и отделили советские медицинские взгляды на них от «буржуазных» теорий. Таким образом, Н.В. Крыленко свел к минимуму амбивалентность созданной режимом конструкции «обычного» гомосексуала.

Принудительное материнство, принудительные семьи, обязательная гетеросексуальность

Если в дискурсе сталинистов мужчина-«педераст» трансформировался в деклассированный элемент, то «женщины, любящие женщин», похоже, в этой дегуманизированной полемике не фигурировали. Анализ архивных материалов не позволил выявить причину такой гендерной дихотомии в сталинистском отношении к гомосексуальности. При этом нам известно, что в нацистской Германии полиция, врачи и чиновники обсуждали, следует ли классифицировать женщин, имеющих взаимный секс, как преступниц. На отношение же советского руководства к данному вопросу нам так и не удалось пролить свет[68]. «Гомосексуалистками», или «маскулинизированными» особами, не интересовались во время непродолжительных обсуждений о том, что делать с мужчинами-гомосексуалами. Однако, отталкиваясь от хорошо известных мер, принятых в сфере семейной политики, а также свидетельств медицинской и судебной практики 1930-х годов, у нас есть возможность реконструировать официальные взгляды на эти эфемерные фигуры.

Консервативный поворот в социальной и семейной политике при сталинизме известен историкам русской революции как «предательство» революционных принципов или как «великое отступление»[69]. Исследователи более позднего периода указывали на синкретичную природу политики в сфере брака, развода, семьи, проводившейся в годы первой пятилетки. Сталинизм не просто повернул назад, к 1917 году, ход истории, но смешал элементы революционного движения за эмансипацию женщин с представлениями (никогда серьезно не изучавшимися русскими марксистами) биологической заданности фемининной социальной роли[70]. В середине и в конце 1930-х годов государство энергично призывало женщин становиться в ряды промышленных рабочих и в то же время создавать семьи. Занятость женщин на производстве значительно возросла, особенно во вторую пятилетку (1932–1937), когда 82% из всех влившихся в промышленное производство составляли женщины. К 1940 году 39% индустриальных рабочих также составляли женщины[71]. И всё же угроза войны, повлиявшая на расстановку приоритетов в новой командной экономике, заставила сталинское руководство задуматься о падении рождаемости в Советском Союзе. Изучение состояния дел с рождаемостью, предпринятое в 1934 году экономистом Станиславом Густа-

вовичем Струмилиным (1877–1974), очевидно, оказало серьезное влияние на образ мыслей правительства и поставило под сомнение постановление Наркомздрава и Наркомюста от 18 ноября 1920 года о разрешении абортов[72]. В такой обстановке новые наказания и принудительные меры были направлены на то, чтобы пересмотреть отношение к вынашиванию детей и семейным обязанностям и заставить женщину сочетать материнство с работой по найму. Аборты как распространенная среди городских женщин форма контроля над рождаемостью благодаря страховым полисам были запрещены. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 года «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» существенно ограничило возможность развестись. В то же время, согласно приказу Комиссариата здравоохранения, доступ к средствам контроля над рождаемостью негласно ограничивался, что еще больше суживало самостоятельность женщин в принятии решения об отказе от рождения детей[73].

Предваряя и сопровождая эти объявленные и необъявленные меры, правительство преследовало цель заставить женщину детородного возраста чаще беременеть и вынашивать детей. Для этого проводились кампании в поддержку семьи и моральной устойчивости, а материнство преподносилось как выполнение социального долга. Семейная жизнь стала предметом пристального внимания, хотя до этого большевистские лидеры мало говорили о внутренней динамике и психологии отношений «муж – жена». Газета «Правда» осуждала «так называемую “свободную любовь” и всякую беспорядочную половую жизнь» как безоговорочно буржуазную, противоречащую советской морали и указывала на образцовые семейные отношения внутри «элиты нашей страны, где мужчины, как правило, являются отличными семьянинами, крепко любящими своих детей». В той же статье «Правды» осуждался «мужчина, который несерьезно относится к браку». Тут же были опубликованы и выдержки из писем В.И. Ленина к И.Ф. Арманд, чтобы подчеркнуть заботу вождя о «серьезном в любви»[74]. В основе этой кампании против мужской половой распущенности лежало негласное предположение, правильное и естественное, что именно женщины после рождения детей берут на себя их воспитание. Назначение алиментов согласно постановлению от 27 июня 1936 года вызвало искреннее одобрение и положительную реак-

цию женщин, боявшихся остаться брошенными или уже имевших такой опыт. Со страниц газет прославлялся культ материнства, однако критически настроенные обозреватели находили гротеск в изображении жизни многодетной матери как примера патриотизма – при таком-то семействе женщины умудрялись находить силы воспевать «первый крик и первую улыбку малыша»[75]. В совокупности эти меры поддерживали навязывавшуюся государством обязательную гетеросексуальность для всех женщин детородного возраста. Женщина, имевшая секс с мужчиной и предпочитавшая ограничивать рождение детей ради получения образования и преуспевания в карьере, вынуждена была прибегать к воздержанию или к подпольным абортам с их катастрофическими для здоровья последствиями. В противном случае ей приходилось бросать или сворачивать с таким трудом делаемую карьеру.

Неотъемлемой чертой принципа социалистической гетеросексуальности было возрождение фемининности, которой должны были обладать ключевые группы советских женщин. Среди наиболее выдающихся героинь первой пятилетки были женщины-авиаторы, трактористки, «ударницы труда» на фабриках и в колхозах, сумевшие перевыполнить производственные планы. Такие женщины, как Валентина Степановна Гризодубова (1910–1993), Полина Денисовна Осипенко (1907–1939) и Марина Михайловна Раскова (1912–1943), совершившие в 1938 году первый беспосадочный полет из Москвы на советский Дальний Восток, прославлялись за воплощенные ими идеи эмансипации и технических достижений. Рост производительности труда, внедрение новых технологий и использование женщин в промышленности и военном деле были одними из главнейших тем, в частности, газетных публикаций, в которых подчеркивался вклад этих выдающихся героинь в возвеличение нации. При этом движение так называемых «общественниц» («жен-активисток»), зародившееся в 1936 году благодаря материальной поддержке народного комиссара тяжелой промышленности Григория Константиновича (Серго) Орджоникидзе (1886–1937), превозносило общественную роль жен знаменитых ответственных работников промышленности, инженеров и офицеров[76]. Фемининность этих матерей семейства, их успешность были поразительной и нарочито подчеркиваемой чертой их общественного облика. Привлекавшиеся как матери, домохозяйки и «хозяйки великой советской семьи», эти женщины бескорыстно участвовали в движении «общественниц», следили за удобством рабочих мест на фабриках, заботились о

повышении культурного и образовательного уровня, организации досуга рабочих. На их плечах лежала и забота о детях и мужьях, воплощая более широкий подход к материнству как национальному долгу. Проявляли они неподдельный интерес и к новым обязанностям своих мужей. В целях пропаганды этим женщинам предписывалось блюсти гигиену, создавать уют и спокойствие в доме, следить за «моральным обликом» мужей и вести с ними разговоры об их работе в конструктивной и откровенной, повышающей производительность труда манере. Этим женщинам надлежало прислушиваться к критике и наставлениям мужей, что не должно было снижать их социальный активизм; кроме того, они должны были быть в состоянии разглядеть антигосударственные деяния или высказывания членов семьи. Типичная беспартийная «жена-активистка», по словам Ребекки Б. Нири (Neary, Rebecca B.), «с неизменными кудряшками, в пальто с меховым воротником и в стильной шляпке», представляла собой откровенный контраст с «просто одетой, хмурой» коммунисткой, у которой вечно не хватает времени, чтобы одеваться по моде или сделать прическу. К стереотипу большевичек как «простых и суровых» или «принципиальных и самоотверженных» женщин теперь добавилась альтернатива в виде фемининных и нежных жен-матерей, «призванных олицетворять жительниц страны, в которой “жить стало лучше, жить стало веселей”»[77]. Для избранной группы советских женщин новый идеал воплощался в образе «феминизированной, но не открыто сексуализированной» героини и венчал построение сталинистского варианта социалистической гетеросексуальности.

Может показаться, что сталинские лидеры не собирались запрещать или патологизировать «маскулинизированную» женщину, или «гомосексуалистку», хотя и прилагали все усилия, чтобы внедрить конструкт новой гетеросексуальности. Существует несколько возможных объяснений такого явного пренебрежения. Первое заключается в фактическом отсутствии, как мы уже отмечали, женской субкультуры однополых отношений, которая использовала бы общественное пространство. «Женщины, любящие женщин», были в меньшей степени способны (и не так склонны), как их соперники-мужчины, создавать и использовать специальные городские территории для общения и сексуального контакта. Если бы такая субкультура заявила о себе открыто, ее апологетов постигла бы та же участь, что и уличных проституток и мужчин-гомосексуалов. Другая возможная причина столь слабого внимания заключается в представлении, сложившемся в 1920-х годах в

результате контактов советских врачей с «гомосексуалистками», о том, что «настоящих», или «врожденных», «гомосексуалисток» в советском обществе очень мало и, более того, их партнерши — «нормальные» женщины, избегающие гетеросексуальных отношений, возможно, из-за неудачного опыта с мужчинами.

Запреты на аборты и контрацепцию теоретически означали, что, вступая в гетеросексуальные отношения, такие женщины лишаются возможности отказаться от материнства. Как и в нацистской Германии, советские руководители учитывали возможность однополых контактов между женщинами, но полагали, что половой акт с мужчиной способен «излечить» лесбиянку[78]. И наконец, нельзя просто так сбросить со счетов образ самоотверженной и политически сознательной большевички старого типа (воплощенный, например, в облике вдовы В.И. Ленина Надежды Константиновны Крупской; 1869—1939), а также скорее приобретенные, нежели врожденные черты «маскулинизации» вроде производственной квалификации и отваги. Политическую грамотность и техническое мастерство надлежало культивировать среди огромной массы новых работниц, приходивших на производство. В противоположность этому «феминизированный» облик «жены-активистки» был знакомее особого статуса принадлежности к управленческой элите — детищу кадровой политики сталинистов[79]. Синкретичная природа сталинской семейной политики породила множество противоречий между новым и старым образом мысли относительно приемлемой гендерной роли женщины.

Отголоски таких неустоявшихся ожиданий прорываются со страниц трудов судебных гинекологов середины 1930-х годов. Когда в 1933—1934 годах специалисты по судебной медицине совместно с юристами и органами внутренних дел разработали примерные «Правила амбулаторного судебно-медицинского акушерско-гинекологического исследования», они избегали откровенного упоминания о преступлениях, связанных с женскими однополыми правонарушениями, в отличие от таких же правонарушений «педерастов». Цитируемый ниже пассаж, касающийся сбора доказательств полового преступления, указывает на то, что специалистами учитывалась предусмотренная гендерно-нейтральной ст. 152 УК РСФСР 1926 года [(«Развращение малолетних и несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их...»)] возможность покушения женщин на девушек. Осмотр женщин (преступниц либо их жертв) надлежало проводить в соответствии со следующими указаниями «Правил...»:

В случаях акушерско-гинекологического судебно-медицинского освидетельствования для установления девственности или изнасилования с растлением, либо развратных действий или половой зрелости, эксперт обязан определить:

а) общее состояние свидетельствуемой: телосложение, соответствие внешнего вида указанному ею возрасту, инфантильность, вирилизм (омужествление), ненормальности волосяного покрова, пороки общего развития и проч.[80].

Далее «Правила...» предписывали врачам проверять, какому типу — «маскулинному» или «фемининному» — соответствует волосяной покров осматриваемой женщины. В зависимости от цели осмотра врачам надлежало собирать также сведения о «половой жизни» женщины и, согласно этим «Правилам...», требовалось задавать два ключевых вопроса: «Половая жизнь: если не отрицается, то с каких лет началась; [были ли] извращения». Согласно формулировке «Правил...», судебные эксперты и юристы, следуя нейтральному с гендерной точки зрения языку закона, допускали возможность покушений взрослых женщин на сексуально незрелых девушек. Уголовный кодекс меж тем не поднимал вопрос о «вирилизме» — особенностях телосложения насильника или жертвы. Включение их в медико-правовые «Правила...» указывало на разделявшиеся экспертами ожидания, что в однополом акте, по крайней мере, одна женщина относится к категории «маскулинизированных». Представители органов внутренних дел и юриспруденции, одобрившие «Правила...» в 1934 году, сохранили косвенные упоминания о «маскулинизированных» женщинах даже вопреки кампании против «биологизации» наук, сопровождавшей культурную революцию. Год спустя было опубликовано руководство по «судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизе», в котором довольно неуклюже рассматривался вопрос о «педерастии». Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм в комментариях по поводу «насилия с половыми извращениями» лишь кратко коснулись вопроса о женских однополых покушениях. Они уклонились от какой-либо дискуссии о маскулинизации женщин-преступниц или жертв женских покушений, хотя воспроизведенные в том же издании «Правила...» указывали на маскулинизацию как на весьма важный побудительный фактор к совершению преступлений подобного рода.

Вместо этого Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм, не желавшие касаться предписанной в эпоху нэпа «биологизации» женской гомосексуальности, что также отразилось в «Правилах...», утверждали:

До судебно-медицинского эксперта случаи однополого сожительства женщин (трибадия) обычно не доходят, так как никаких изменений в обла-

сти гениталий не отмечается, если не считать редких, наблюдавшихся в Париже, случаев ранения клитора от укуса во время сношения (Мартино). Иногда можно еще обнаружить у активной партнерши, как при онанизме у молодых девиц, удлинение клитора или только крайней плоти. У подверженных трибадии нередко обнаруживают признаки истерии, а в некоторых случаях это извращение является частным сексуальным проявлением какого-нибудь психического расстройства[81].

Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм возродили архаичное представление о «педерастии» как о явлении, находящемся в ведении судебной гинекологии. Одновременно они ни в грош не ставили мнение отечественных авторитетов, изучавших женскую гомосексуальность. Авторы руководства вернулись к избитому представлению о невинной России и сексуально извращенной Западной Европе. Единственным удостоенным их внимания оказался труд Луи Мартино (Martineau, Louis; 1835–1888) «Лекции о деформации вульвы и áналиса» («Leçons sur les déformations vulvaires et anales») (1884). В силу временной и культурной отдаленности автор относил «лесбийскую любовь» к экзотичным проявлениям полового влечения[82]. Неподготовленный читатель мог воспринять этот феномен как симптом буржуазного вырождения, характерного либо для императорской России, либо, что более вероятно, для парижского общества. Одновременно, указывая на вероятность психических расстройств «трибад», Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм намекали, что они предпочли бы оставить эту проблему психиатрам. При всех недомолвках и отрицаниях комментарии этих врачей по поводу «лесбийской любви» отражали противоречивые гендерные течения середины 1930-х годов – дилемму в отношении «маскулинных» качеств женщин и тревогу за женщин, избегавших материнства.

Заключение

Синкретизм, характерный для конструкции сталинской системы гендерных и семейных отношений, сказался самым непосредственным образом на советских конструкциях однополой любви, оформившихся в 1930-е годы. Сумбур в подходе к сексуально-гендерному диссидентству в эпоху царской империи и в период нэпа сочетался с лозунгами и крайностями первой пятилетки. Сталинизм возродил и укрепил исконное представление о различиях между мужской и женской формами гомосексуальности. Гендерно-нейтральный стиль, типичный для описания половых преступлений в первом большевистском Уголовном кодексе

1922 года, сохранившийся и в правовых документах советских республик, был отвергнут в новом антимужеложном законе 1933–1934 годов. Это было вопиющим отказом от ключевого принципа сексуальной революции. Тем не менее такой разворот имел прецеденты в законодательстве времен нэпа за пределами европейской части Советского государства, а именно – в окраинных республиках, где «пережитки родового быта», включая однополые отношения, были наказуемы. В Советской России преследование однополой преступности в церковной среде представляло еще один большевистский проект, когда «пережитки» прошлого наносились на социальную карту как пороки, порожденные буржуазным классом, но не служащие историческим фоном «отсталого» общества. Для передового населения – рабочих и крестьян – передовой «нации» (России и ее «цивилизованных» партнеров по социализму) уже было припасено объяснение, что отношение революционного правосудия к половым преступлениям отличается секуляризацией (т. е. освобождением от церковного влияния), медикализацией и гендерно неакцентированной модерните.

Внимание уделялось исключительно мужской гомосексуальности, что объясняется ведущей ролью, которая в мировоззрении русских марксистов привычно отводилась мужчине. В то время как пролетарии – как мужчины, так и женщины – были номинально равны, партийные активисты, начиная с революции и до становления сталинской системы, боялись политически несознательных женщин. Вероятно, из-за этого революционная иконография представляла большевистское движение абсолютно маскулинным[83]. Отсюда же исходила и угроза – «педерасты». Они развращали «совершенно здоровую молодежь, красноармейцев, краснофлотцев и отдельных вузовцев», отсасывали соки у советского мужского авангарда, тем самым лишая его сил исполнить историческую миссию, подобно тому как во время экономического и социального кризиса 1933 года «двурушники» и внутрипартийные «перерожденцы» пытались разрушить этот передовой отряд. И те и другие элементы необходимо было выкорчевывать из руководящих институтов режима, чтобы сбить «психическую заразу» и предотвратить новые случаи «педерастии» или политической нелояльности. Те же намерения питали социальную чистку в главных городах Страны Советов. Предполагалось, что в конце концов авангардный класс, гендер и город преобразятся, изгнав «буржуазных дегенератов», затаившихся в тайных притонах и салонах, жизнь обновится и остатки прежних классов канут в Лету.

Женщинам в этой драме отводилась сугубо вспомогательная роль, однако в пределах класса она была сложной и противоречивой. Как и крестьян из «заброшенных» регионов, колхозников и пролетариев, в 1930-е годы женщин всё чаще призывали включаться в общественную жизнь и идти работать по найму. В производственной сфере эмансипация женщин поощрялась, они были вынуждены освобождаться от патриархально настроенных отцов и мужей, которые не вправе были препятствовать продвижению по службе. Женщины всё больше становились похожими на мужчин, что в некоторых случаях расценивалось как «маскулинизация». Тем временем движение «общественниц» пропагандировало фемининный и вполне приземленный идеал для новой элиты, вкушающей сладкие плоды социализма. Две противоположные тенденции сосуществовали в непростом моральном равновесии, героизм личного самосовершенствования и достижений в труде, с одной стороны, и преисполненная долга забота о привнесении культуры во все сферы жизни – с другой. Культ материнства, вероятно, был вызван к жизни, чтобы устранить крайности «маскулинизации», необходимой женщинам из рабочего класса на фабриках или на аэродроме. Опыт материнства объединял «общественниц» в их деликатной роли благодетельниц и женщин, работающих у станка[84].

«Гротескный гибрид»[85] сталинской семейной политики породил уродливую форму принудительной гетеросексуальности, которая сводилась в основном к призывам о повышении рождаемости. Гетеросексуальность, по И.В. Сталину, строилась на многочисленных страхах и импульсах. Это был некий нервный сплав, достойный честолюбивой «культуры» выскочек, которую желала обрести новая советская элита[86]. Субкультура мужской гомосексуальности угрожала чистоте здорового советского юноши и таила в себе возможности для его совращения. Выродившиеся остатки побежденной буржуазии, аристократии и духовенства – пережитки российского прошлого – попрятались по салонам и притонам, культивируя мужскую проституцию и практику «профессионального мужеложства». «Психическое заражение» угрожало еще больше подорвать и без того падавшую рождаемость, как раз накануне маячившей на горизонте войны. Сексуально неустойчивые мужчины нуждались в трудотерапии, которая научила бы их «нормальному» образу жизни. Женщинам такая перспектива не грозила, поскольку сколь-либо заметной сети «гомосексуалисток» не наблюдалось. Предполагалось, что редко встречавшихся, аномальных «маскулинизированных»

женщин, преследовавших «нормальных» молоденьких девушек, могли распознать врачи и при необходимости подвергнуть принудительной изоляции. Поэтому необходимости пересматривать закон не было. Между тем «нормальным» молодым девушкам важно было напомнить слова В.И. Ленина о том, что их свобода любить не является свободой «от серьезного в любви, от деторождения». Биология девушки естественным образом подтверждает ее статус как «нормальный», а культ материнства должен напоминать ей о цели ее сексуальности.

Часть третья
ГОМОСЕКСУАЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И СУЩЕСТВУЮЩИЙ СОЦИАЛИЗМ

Глава 8
«ПОЙМАН С ПОЛИЧНЫМ»
Гомосексуальность в сталинских судах становится антиобщественным явлением

С тех пор как заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода обратил внимание на 130 мужчин, арестованных в конце лета 1933 года во время рейдов на «педерастов» в Москве и Ленинграде, поток жертв, преследуемых системой и подвергавшихся незаконным наказаниям, пополнился новыми социально-«аномальными» лицами. Число влившихся в этот поток в качестве осужденных «педерастов» остается неизвестным из-за недоступности архивов[1]. И всё же с помощью новых архивных материалов можно попытаться изучить процессы, проводившиеся над вторым потоком мужчин — «педерастов» и «гомосексуалистов». Природу и значение судов над этими людьми в сталинскую эпоху можно постичь путем обращения к раздробленным, фрагментарным источникам, имеющимся в нашем распоряжении. Главным образом это вынесенные приговоры и прошения об апелляции. Как бы ни были малочисленны эти дела, они позволяют предположить, что советское правосудие помогало выстраивать конструкцию сталинистской гетеросексуальности.

Представление о Советском Союзе времен «холодной войны» побудило некоторых историков расценить понятие «сталинское правосудие» как оксюморон. Режим, опирающийся на террор и репрессии, вряд ли мог серьезно заботиться об установлении эффективной системы уголовного судопроизводства[2]. Между тем происходившее в 1930-е годы и позднее представляло собой окрошку из текущей практики правосудия и репрессий с насилием. Порой система террора угрожала напрочь вытеснить обычную юриспруденцию. Использование в период коллективизации 1932—1933 годов разработанных судьями и прокурорами механизмов

раскулачивания и депортации зажиточных крестьян ввергло деревню в своего рода гражданскую войну. Как пишет Питер Г. Соломон (Solomon, Peter H.), на пике эпохи великого террора 1937–1938 годов прокуратура целенаправленно наращивала число обвинительных приговоров с высшей мерой наказания (смертная казнь через расстрел)[3]. Однако после 1938 года структуры, занимавшиеся тайными операциями и репрессиями, применявшимися уже выборочно, были отделены от органов нормального правосудия (профессиональную подготовку новых кадров для которого стремились улучшить в последние годы правления И.В. Сталина). П. Соломон утверждает, что в то время традиционное правосудие сохранялось исключительно для пускания пыли в глаза международным наблюдателям. Советскому Союзу, пока он вел пропагандистскую войну с фашизмом, а позднее — во время «холодной войны», было выгодно казаться «нормальным государством» с европейским судопроизводством и видимостью законности. После принятия в 1936 году «сталинской» конституции советские власти стремились создать справедливую, «правильную» и даже «совершенную» систему правосудия. Этот план советским законодателям удастся реализовать лишь после 1945 года, когда большинство представителей юриспруденции смогло получить специальное юридическое образование[4].

Хотя П. Соломон и признаёт, что решение вложить дополнительные средства в советскую систему правосудия позволило бы государству повысить уровень законности в стране, акцентирование внимания на восприятии советского законодательства за рубежом отвлечет наше внимание от микрокосма залов суда и драм, разворачивавшихся там. Лишь погрузившись в атмосферу судебного заседания, можно разобраться, как расценивались советской юриспруденцией половые преступления, тем паче что из-за ханжества или страха популяризовать порок на большинство подобных процессов не допускались посторонние. Эти суды, едва заметные для находившихся вне зала заседаний наблюдателей, вершили судьбы их участников. Получить ответы на наши вопросы можно путем исследования хода дел, связанных с мужеложством, от ареста и до вынесения обвинительного приговора. Мы поймем также, как мужская гомосексуальная субкультура столицы реагировала на ужесточение применявшихся мер. Обратившись к суду над двумя женщинами, состоявшемуся в 1940 году, мы увидим в действии практику разделения однополых преступлений по половому признаку и затронем медико-биологические вопросы, связанные с лесбиянством. Истории этих судов послужат

в нашем исследовании сталинистских репрессий отправной точкой для разговора о начавшемся в СССР процессе восстановления человеческого облика гомосексуала.

«Он показал мне места́, где встречаются педерасты»

Какой бы риторикой ни сопровождались облавы, подлинные масштабы арестов и судов над гомосексуалами, проводившихся во время и после введения в действие постановлений 1933–1934 годов, установить трудно. Переписка Г.Г. Ягоды с И.В. Сталиным в конце 1933 года и письмо Г. Уайта последнему в мае 1934 года подкрепляют утверждения из собраний мемуаров и журналистских источников о том, что аресты советских гомосексуалов начались примерно с 1933 года и продолжались вплоть до 1934-го. И хотя детали несколько разнятся, собранные воедино, они позволяют предположить, что рейды осуществлялись в больших русских и украинских центрах. При этом наблюдатели полагали, что действия ОГПУ мотивировались борьбой со шпионажем, возможно, в пользу Германии[5]. Некий русский очевидец этих событий вспоминал, что в 1933 году множество гомосексуалов было арестовано за участие в сборищах, которые «власти определили как контрреволюционные, троцкистские или даже гитлеровские». Он сообщал, что в отсутствие внятного закона против гомосексуальности эти люди были вынуждены подписывать ложные признания в контрреволюционной деятельности. Другие арестовывались по произвольно трактуемой ст. 155 УК РСФСР 1926 года (инкриминирующей «принуждение к занятию проституцией, сводничеству, содержанию притонов разврата...»)[6].

Докладная записка Г.Г. Ягоды И.В. Сталину (сентябрь 1933 года) позволяет предположить, что на самой ранней стадии выявления сети шпионов ОГПУ проводило аресты именно «педерастов». Похоже, что всякий раз, когда «обнаруживалось» отсутствие закона о прямом запрете мужеложства, который мог бы подвести под аресты правовую основу, в ход пускались уже имевшиеся законы[7]. Г. Уайт обсуждал акции конца 1933 года («когда аресты гомосексуалистов лишь только начинались») со своим начальником — ответственным редактором «Moscow Daily News» Михаилом Марковичем Бородиным (1884–1951). Последний считал Г. Уайта «лучшим ударником» и даже недавно повысил его по службе. М.М. Бородин знал о сексуальной ориентации Г. Уайта, однако полагал, что преследуются лишь политически неблагона-

дежные гомосексуалы[8]. Британский коммунист, движимый личными мотивами, вел собственные опросы. Он дважды разговаривал с оперативниками ОГПУ. Дело в том, что между принятиями постановлений от 17 декабря 1933 года и 7 марта 1934 года органы ОГПУ арестовали русского, с которым, как Г. Уайт напишет И.В. Сталину, он, Г. Уайт, «состоял в гомосексуальных сношениях». Чистка кругов гомосексуалов органами ОГПУ продолжалась, как следует из письма вождю, и в этот период, по крайней мере, в Москве. И всё же ни в письме русского американца, ни в опубликованной переписке И.В. Сталина и Г.Г. Ягоды не приводится никаких данных по существу, чтобы можно было оценить масштабы рейдов ОГПУ на гомосексуальные круги. Скорее всего имеющаяся в президентском архиве информация по этому вопросу намеренно проигнорирована авторами статьи в «Источнике» (1993. № 5–6). Это касается, в частности, арестов на Украине[9]. Также вероятно, что некоторые мужчины, попавшие под наблюдение ОГПУ (с июля 1934 года – НКВД) за «педерастию», были осуждены за контрреволюционную деятельность. Примером может служить судьба Н.А. Клюева и Ю.И. Юркуна (о них речь шла в гл. 7). Такие жертвы весьма сложно вычленить из огромной массы пострадавших, даже если историкам будет разрешен неограниченный доступ к соответствующим делам.

Самые ранние материалы следственных дел, вызванных введением закона о мужеложстве и рассматривавшихся в рамках обычной судебной системы Москвы (в отличие от трибуналов ОГПУ/НКВД), датируются постановлениями об арестах, проведенных в ноябре 1934 года[10]. Изучив восемь процессов, состоявшихся в Московском городском суде с 1935 по 1941 год, в которых по обвинению в мужеложстве проходили тридцать шесть подсудимых, можно выделить два вида причин начала расследований. (В семи случаях сохранились только документы приговора и апелляции, поэтому о подлинной причине возбуждения дел можно лишь догадываться.) Очевидно, наиболее весомым поводом для возбуждения большинства дел служило разоблачение, сделанное мужчиной, который стал объектом сексуальных домогательств, или теми, кто заметил гомосексуальное поведение и решил о нем доложить в «компетентные органы». Постоянные домогательства вынуждали некоторых людей жаловаться властям. Так, 20 февраля 1941 года студент (комсомолец) Театрально-музыкального училища им. Александра Константиновича Глазунова (1865–1936) разоблачил своего двадцатитрехлетнего сокурсника Андреевского, трижды склонявшего его к «пассивной» роли в половом сношении. «Слухи о том, что Андреевский –

педераст, — сообщил "пострадавший", — ходят среди многих студентов училища». Разоблачение привело к суду над тремя мужчинами, связанными с училищем. Это произошло в том же году[11]. В деле 1937 года, в котором обвинение в контрреволюционной агитации сочеталось с мужеложством, половые преступления служили, вероятно, отягчающими обстоятельствами, присовокупленными следователями или прокуратурой к делу арестованного мужчины. Впоследствии его признания привели еще двоих мужчин на скамью подсудимых, обвиненных в мужеложстве и в предательской агитации[12]. Милиция также не дремала и исправно поставляла материалы для возбуждения новых дел. Дело 1938 года против Терешкова и еще девяти человек началось с ареста 3 декабря 1937 года его самого и напарника, «пойманных с поличным при взаимном онанировании» в общественном туалете у Никитских ворот[13]. Это произошло в ходе одного из милицейских рейдов на «место встреч гомосексуалистов», упомянутых в протоколах суда. Из этих протоколов следует, что судам было известно о существовании такого рода мест, и милиция, несомненно, держала их под наблюдением[14].

Не важно, по доносу или по инициативе милиции, но, как только «гомосексуалист» был выявлен, следователи действовали оперативно, чтобы собрать как можно больше сведений о его половых и социальных связях. Постановления о вынесении приговора, указывающие на дату ареста каждого осужденного, позволяют предположить, что милиция понимала, что у нее есть узкая временна́я лазейка, чтобы распутать тугой клубок уз между двумя людьми, прежде чем любовники и друзья смогут скрыться или уничтожить улики. Двенадцать мужчин, фигурировавших в деле Безбородова 1935 года, были арестованы по отдельности или парами между 22 ноября и 12 декабря 1934 года. Человек, арест которого способствовал задержанию одиннадцати подсудимых, сорокадевятилетний повар Безбородов, очевидно, назвал имена по крайней мере троих человек, с которыми он в предыдущие годы находился в половых отношениях. За пять дней с момента задержания повара все эти люди да еще пара приятелей, познакомивших их, также были арестованы. Самая последняя любовная связь повара — с членом Коммунистической партии чиновником Венедиктовым, тянувшаяся с июня по сентябрь 1934 года, очевидно, вывела милицию на след другой группы лиц, неизвестных Безбородову. Таким образом, вскоре были задержаны еще двое служащих и двое бывших священников. Милиция собрала многочисленные доказательства, чтобы приложить их к признательным показаниям, включая и такие: «В отобранной

записной книжке <...> имеется целый ряд мужских адресов, которых Грибов почему-то теперь не знает»[15]. Открытки и интимная переписка, принадлежащая другим арестованным, также были использованы следствием; наиболее компрометирующие страницы зачитывались в суде. Во время рейдов, закончившихся другими подобными процессами, следователи изымали фотографии и дневники. В результате проведенного 28 февраля 1941 года обыска комнаты, в которой проживал студент Театрально-музыкального училища им. А.К. Глазунова Андреевский, были изъяты «10 фотокарточек, блокнот с телефонами, 3 блокнота с адресами и телефонами, проф<союзный> билет, паспорт, комсомольской билет, военный билет, студенческий билет и разная переписка на имя обыскиваемого». Во время обыска комнаты другого арестованного было обнаружено интимное письмо от прежнего любовника и «4 фотокарточки его товарищей»[16].

Милиция получала информацию, которая могла быть использована в качестве улик, как правило, от самих арестованных, однако представители власти опирались также на свидетелей, которые информировали органы о поведении обвиняемых. Теперь трудно установить, пользовались ли доверием у милиции соседи и сослуживцы, свидетельствовавшие против «гомосексуалистов», однако, отталкиваясь от документов, можно выделить одну особую группу свидетелей – молодые объекты гомосексуальных домогательств. Милиция и прокуратура, похоже, обеспечивали неприкосновенность таким свидетелям в обмен на их показания, не соблюдая тем самым первоначальную редакцию постановления о мужеложстве. Вероятно, правоохранительные органы и юристы понимали, что положение молодых людей аналогично положению малолетних проституток, которые, согласно суровому закону 1935 года о преступности среди несовершеннолетних, не считались преступницами. Вместо этого новым наказаниям подвергались их взрослые совратители[17]. В большинстве случаев объектами гомосексуальных домогательств оказывались мальчики и юноши, как, например, подросток Кирилл, который в июле 1937 года познакомился в Московском зоопарке с неким Свечниковым, врачом лет сорока, и принял приглашение пойти в гости к взрослому мужчине. Кирилла угостили алкогольными напитками и предложили остаться на ночь. «В дальнейшем Свечников, воспользовавшись тем, что подросток находился в ссоре с родителями, систематически приглашал его к себе на квартиру, поил вином, давал денег, брал его руками за половые органы, целовал Кирилла, ревновал его к девушкам и неоднократно предлагал подростку Кириллу вступить с ним в половую

связь». Суд счел показания Кирилла правдоподобными, поскольку они подтверждали признания Терешкова, главного «зачинщика» этого дела, который состоял «в интимных отношениях» со Свечниковым между 1932 и 1934 годами. Дав показания против бывшего любовника, чье имя, судя по всему, фигурировало в телефонной книжке Терешкова, Кирилл смог избежать осуждения[18]. В деле Леонтьева и Байкина 1939 года учитель физкультуры Леонтьев «развратил и вовлек в мужеложство несовершеннолетнего» и «систематически совершал развратные действия в отношении малолетних и несов<ершеннолетн>их». Наряду с фамилиями свидетелей в материалах суда были перечислены имена подростков. Юноша, с которым Леонтьев вступил в акт мужеложства, не подвергся преследованию, поскольку для следователей и судей он был жертвой, а не соучастником преступления. На практике суды часто демонстрировали снисходительность к юной жертве закоренелого «педераста». Прокуроры пользовались этим, чтобы защитить «нормальных» молодых людей, даже «достигших половой зрелости», от судебного преследования. Во время суда в ноябре 1937 года над тридцатидевятилетним кинорежиссером Иваном Синяковым, обвиненным в насильственном мужеложстве (с «применением насилия или использованием зависимого положения потерпевшего»), адвокат умело оправдал двадцать солдат и моряков и четырех гражданских лиц, согласившихся на отношения с подсудимым[19]. Не менее пятерых из этих людей свидетельствовали против И. Синякова. В приговоре указано, что в деле замешаны мужчины в возрасте от шестнадцати до двадцати девяти лет, хотя большинству было двадцать — двадцать пять лет[20].

Следователи-криминалисты собирали лишь судебно-медицинские и психиатрические свидетельства по этим делам, да и то в скромном количестве. Медицинское обследование обвиняемых проводилось, видимо, только в случаях, когда признания или свидетельские показания требовали подтверждения непонятных фактов или отношений с другими людьми. Отношения определялись в соответствии с гендерным понятием «активный/пассивный» в половых отношениях между мужчинами при анальном половом сношении. Только двое мужчин подверглись обследованию для получения анатомического доказательства их участия в «пассивном» половом сношении. Первого тщательно обследовали в 1935 году, чтобы подтвердить его заявление о «ранении на Гражданской войне в половой орган» и в силу этого способности исполнять лишь «пассивную» роль в половом сно-

Ил. 1. На миниатюре XVII в. изображены четыре безбородых молодца, обслуживающие в московской бане двух зрелых бородатых мужчин. Двое одетых юношей выполняют работу вне парного помещения (помогая посетителю раздеться [*внизу слева*] и поднося воду [*вверху справа*]), в то время как третий обдает водой камни печи, чтобы прибавить пару (*внизу справа*), четвертый же охаживает посетителя веником (*вверху слева*). Молодые служащие были неотъемлемой чертой коммерческих бань Московии, ведущих начало с того времени, но первые сведения о половом общении посетителей и обслуги датируются серединой XIX в.
Государственный исторический музей, Москва.

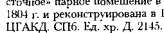
Ил. 2. Баня Е.С. Егорова, Большой Казачий переулок, 11, С.-Петербург, ок. 1910 г. В многофигурной сцене, запечатленной самым известным фотографом столицы Карлом К. Буллой (1853–1929), можно увидеть некоторые черты мужского сообщества поздней императорской бани. В мыльной голые взрослые банщики намыливают, натирают и обмывают клиентов, в то время как более молодая обслуга в традиционных русских рубахах ожидает указаний на заднем плане.
ЦГАКД. СПб. Ед. хр. Д. 2145.

Ил. 3. Баня Е.С. Егорова, Большой Казачий переулок, 11, С.-Петербург, ок. 1910 г. Другая сцена, заснятая К.К. Буллой, на этот раз с мыльной пеной и энергичным натиранием в жарком предбаннике, находящемся перед душевыми кабинами. Стены здесь декорированы арабским орнаментом.
ЦГАКД. СПб. Ед. хр. Д. 133.

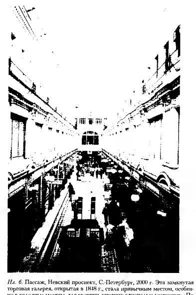
Ил. 4. Баня Е.С. Егорова, Большой Казачий переулок, 11, С.-Петербург, ок. 1910 г. Интерьер отдельного кабинета. Роскошные помещения предназначались для избранной и богатой клиентуры, способной уплатить пять рублей за гидротерапевтические сеансы, парикмахерские услуги, салоны и рестораны, а также купание в большом внутреннем бассейне. За шестьдесят копеек менее состоятельные клиенты получали доступ в «восточное» парное помещение в том же здании. Эта баня была открыта в 1804 г. и реконструирована в 1870–1880-х годах.

ЦГАКД. СПб. Ед. хр. Д. 2145.

Ил. 5. Невский проспект, С.-Петербург, ок. 1910 г. Коммерческий центр столицы Российской империи был подпольным сексуальным рынком, где мужчины, ищущие секс с другими, подобными себе мужчинами, встречались ради оплачиваемых или добровольных половых отношений. Вдалеке справа – известный Пассаж, галерея магазинов, где «тетки» и мужчины, которые предлагали им секс, курсировали зимой и летом.
Коллекция автора.

Ил. 6. Пассаж, Невский проспект, С.-Петербург, 2000 г. Эта замкнутая торговая галерея, открытая в 1848 г., стала привычным местом, особенно в холодные месяцы, для мужчин, ищущих однополых контактов. «По воскресеньям зимою *тетки* гуляют в Пассаже на верхней галерее, куда утром приходят воспитанники, а около 6 вечера — солдаты и мальчики-подмастерья».
Фотография автора.

Ил. 7. Цирк Чинизелли, С.-Петербург, ок. 1910 г. Еще одно место, облюбованное молодыми людьми, ищущими сексуального патронажа. Мальчики-подмастерья и «хулиганы» вступали в разговор с мужчинами, которые производили впечатление преуспевающих, прося их о билете на представление. Поблизости в общественном туалете мальчики «показывали себя»; по слухам, собачья площадка была местом сбора «целой банды подозрительных молодых людей».
Коллекция автора.

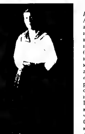
⇐ *Ил. 8.* Князь Феликс Феликсович Юсупов (1856–1928) и его семья, 1901 г. Феликс Юсупов-старший (*справа*, стоит), генерал-губернатор Москвы (1914–1915 гг.), был одним из богатейших аристократов России. Ф.Ф. Юсупов, носивший также титул «граф Сумароков-Эльстон», описан как «князь С.-Э.» в качестве сексуального партнера «мужской проститутки» Т.П., чья история была опубликована психиатром В.А. Белоусовым в 1927 г. Сын Ф.Ф. Юсупова, также Феликс Феликсович (1887–1967), здесь в возрасте четырнадцати лет (*крайний слева*, сидит), имел склонность к переодеванию в роскошное платье и флирту с офицерами. Был одним из заговорщиков, убивших Григория Ефимовича Распутина (1869–1916). О своем отце он писал: «Со старостью он тоже стал чудить, весь в мать, графиню Елену Сергеевну. С женой они были совсем разные, и понять он ее не мог. По природе солдат, ее ученых друзей не жаловал» (с. 31); «А столько чудаков и клоунов я знал потому лишь, что с ними весело было отцу. Дивлюсь матушкиным кротости и терпенью: вечно принимай эту братию и всем улыбайся. Но тут я, признаться, весь в отца. Меня влекли, да и теперь влекут всякие шуты гороховые, сумасброды и психопаты» (с. 63) (*Ysupov, Feliks Feliksovich*, kniaz' (Юсупов, Феликс Феликсович; 1887–1967). Avant l'exil, (1887–1919) / Prince Félix Youssoupoff. Paris: Plon, [1952]. 310 p.; англ. пер.: *Idem*. Lost splendour / translated from the French by Ann Green and Nicolas Katkoff. London: Jonathan Cape, 1953. 288 p.: ill., portr.; см. также: *Юсупов, Ф.Ф.* Мемуары: в двух книгах. До изгнания, 1887–1919. В изгнании / князь Феликс Юсупов; Первый полный пер. с фр. Елены Кассировой. М.: Захаров и Вагриус, 1998. 426, [6] с., [4] л.: [16] ил.; портр.). Ил. из англ. изд. 1953 г.

Ил. 9. Первый Петроградский женский батальон, организованный Временным правительством, 1917 г. Почтовая открытка изображает воинское подразделение, позднее неоднократно подвергавшееся осмеянию из-за неэффективной защиты Временного правительства, возглавляемого Александром Федоровичем Керенским (1881–1970), во время октябрьских событий, приведших большевиков к власти. Солдатчина привлекала незначительное число женщин, стремившихся раздвинуть границы своей феминнинности, в том числе и тех, что искали сексуального удовлетворения с представительницами своего пола.
Wallwork Collection, MS 1172, Brotherton Library, Leeds University, UK.

Ил. 10, 11, 12. «Гомосексуалистка» А.П., Саратов, 1925 г. Подвергшаяся аресту за экономические нарушения на рынке г. Саратова, эта женщина, выдававшая себя за мужчину по имени Александр Павлович, была освобождена из тюрьмы для принудительного психиатрического лечения. После курса психоанализа и семнадцати сеансов гипноза («до лечения», *снимок вверху слева*), Александр Павлович перестала носить мужскую одежду, бросила курить, оделась в женское платье и выразила желание иметь ребенка. Правая верхняя фотография опубликована с целью продемонстрировать, что пациент не был гермафродитом. Освобожденная под опеку родственников («после лечения», *снимок внизу*), А.П. теперь носила юбку, модную матросскую блузу и женскую обувь. Из изд.: *Шпеес, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. Стб. 9–19.

Ил. 13. Реклама «Спермокрина», кон. 1920-х годов. Охватившее Европу увлечение эндокринологией дало о себе знать и в Советской России, где операции омоложения (включая пересадку яйцевидных тканей, имплантацию яичника) и гормональные препараты рассматривались как средства преобразования человечества. Советских ученых эндокринология привлекала очевидной возможностью быстрого прорыва в исследовательской работе. Гипотеза о связи гомосексуальности с аномалией половых гормонов, впервые выдвинутая в Австрии Эйгеном Штейнахом и поддержанная немецким социалистом и сторонником гомосексуальной эмансипации д-ром Магнусом Хиршфельдом, нашла сторонников в СССР. Попытки изменить сексуальную ориентацию, используя методики пересадки и имплантации половых гормонов, многократно предпринимались в начале 1920-х годов. Хотя, как и в Западной Европе, эти эксперименты окончились неудачей, они дали большой опыт первому поколению советских врачей. ГАРФ. Ф. А406. Оп. 12. Д. 2223. Л. 215.

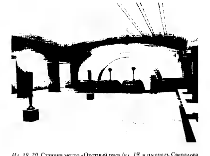
Ил. 14, 15. Примеры бачей из Узбекистана. Самарканд. 1913 г. Фотографии сделаны Эдмундом Джеймсом Пирсом (Pearse, Edmund James), британским представителем Граммофонной компании (жил в С.-Петербурге с 1909 по 1917 г.) во время поездки по юго-восточным территориям Российской империи. В эти вояжи он объезжал свою сеть распространителей граммофонов и пластинок, делая попутно музыкальные записи и фото музыкантов. Бачи (букв.: «мальчики») были странствующими артистами, руководимыми школьными наставниками, обучавшими их поэзии, танцу и пению; наставники же сводничали, заставляя их играть роль проституток. Одежда бачей соединяла элементы женского и мужского. Русские власти относились к ним пренебрежительно. Большевики, стремившиеся после 1917 г. упрочить свою власть, считали подобное явление нетерпимым и причисляли бачей к социальным элементам, чуждым революции. Уголовные кодексы Советского Узбекистана преследовали цель с корнем удалить эти «пережитки прошлого».
Коллекция Е.Д. Пирса. MS 1231. Brotherton Library. Leeds University. UK.

Ил. 16, 17. Бачи в Самарканде, 1913 г. Тот же самый британский торговый путешественник был свидетелем представления бачей (танцоров) перед собравшейся толпой взрослых узбеков и русских официальных лиц (*на заднем плане*). На нижней фотографии изображены отдыхающие танцоры. Хорошо различимы их длинные волосы и яркие одежды. Коллекция Е.Д. Пирса. Там же.

Ил. 18. Место прогулок москвичей; площадь Никитские Ворота, 1930 г. До открытия московского метро, изменившего маршрут гомосексуалов, Бульварное кольцо с его зелеными скверами, скамейками и общественными туалетами было главным местом встреч мужчин, ищущих секса с другими мужчинами. Площадь Никитские Ворота была одним из узловых пунктов Бульварного кольца и этой субкультуры. Еще до Первой мировой войны располагавшийся тут же буфет с электрическим органом, владельцем которого была «тетка», привлекал возможностью потанцевать и повеселиться. После революции мужчины продолжали собираться здесь ради оплачиваемых или бесплатных сексуальных сделок. Они (согласно судебным документам 1930-х годов) сходились в подземном туалете, слева от памятника ботанику Клименту Аркадьевичу Тимирязеву (1843–1920). Некоторые находили там партнеров и обретали интимное уединение в дворах, подвалах и подъездах ближайших домов, другие занимались сексом прямо на месте.
Коллекция автора.

Ил. 19, 20. Станция метро «Охотный ряд» (*ил. 19*) и площадь Свердлова (ныне – Театральная) (*ил. 20*). Круговое пешеходное движение в центре Москвы изменилось благодаря большим строительным проектам первого пятилетнего плана, включая московское метро, первая линия которого открылась в 1935 г. Главной станцией этой линии был «Охотный ряд», куда пассажиры проходили прямо с Красной площади. Эта станция служила как бы образцом последних достижений социалистического города. Архитектурные пространства и проходы стали убежищем от зимней непогоды и предоставляли удобные возможности для контактов. С «Охотного ряда» пассажиры выходили на площадь Свердлова, где под небольшими деревьями и на скамейках можно было с удобством подождать трамвая или автобуса, скоротать время и встретиться с приятелями. Эта площадь граничит с роскошным отелем «Метрополь» (открытым в 1903 г.) и Большим театром. Впервые упоминаемая в 1930-х годах в судебных документах о мужеложстве как место, где солдаты, матросы и гражданские лица предлагали желающим сексуальные услуги, эта площадь стала узловым пунктом уличного маршрута гомосексуалов в Москве 1950–1960-х годов.
Коллекция автора.

Ил. 20

Ил. 21

Ил. 22

⇐ *Ил. 21, 22, 23.* Внутренние покои советского банного заведения – гигиена выше любых подозрений. На фотографиях баня показана в таком же ракурсе, как в дореволюционных композициях К.К. Буллы. Советские фотографы стремились подчеркнуть искреннее стремление к самосовершенствованию и гигиене в местах, ранее предназначенных для элементарного прославления тела. В гардеробе ленинградской бани (1932 г.; *ил. 21*) посетители читают газеты и журналы, не обращая внимания ни на облезлый декор царского времени, ни друг на друга. Мужская раздевалка другой ленинградской бани (1939 г.; *ил. 22*) производит одновременно невзрачное и отторгающее впечатление. Фотография, возможно, сделана в здании, построенном до 1917 г. Спартанское помещение для мытья (1932 г.; *ил. 23*) завершает впечатление деловитого одиночества в окружении других моющихся. Фотосъемка была произведена для Ленинградского банно-прачечного треста. Несмотря на мрачность запечатленного на снимках настроя, мужчины, искавшие однополых отношений, продолжали встречаться в банях, но надзор за отдельными помещениями и расширенные общие пространства новых банных зданий создавали в этом плане большие затруднения и делали систематическую проституцию невозможной.
ЦГАКД. СПб. Ед. хр. Др. 8528; Др. 8526.

Ил. 24. Патологизированная сексуальность – советский «трансвестит», 1957 г. Совмещенная фотография гражданина К.К.Д., впервые диагностированного как трансвестит в Казани (по-видимому, в 1937 г.). Тогда народный суд дал ему разрешение носить женскую одежду, сменить паспорт с присвоением женского имени и освобождением от воинской службы. Московская городская судебно-медицинская экспертиза дала заключение по данному факту в ответ на запрос Управления милиции города. См.: *Сердюков, М.Г.* Судебная гинекология и судебное акушерство / Проф. М.Г. Сердюков. М.: Гос. изд-во мед. лит. Медгиз, 1957. С. 61 (Рис. 20: «Трансвестит. Слева – переодетый в женское платье, справа – в обычной для него одежде (наблюдение М.И. Ковалевой)»); *Он же.* То же / М.Г. Сердюков. Второе издание. М.: Изд-во «Медицина», 1964. С. 47–48 (Рис. 20, уменьшен).

Ил. 25, 26. Патологизированная сексуальность — «гомосексуалистка» и «трансвеститка», ок. 1965 г. Подпись гласит: «О.А., активная гомосексуалистка. Имеет паспорт на имя мужчины (Андрей Иванович), в котором зарегистрирован брак с женщиной». Вместе с женой и детьми жены от гетеросексуальной связи О.А. живет как глава семьи. Психиатр Елизавета Мироновна Деревинская назвала эту ситуацию «гомосексуальной семьей». Дети даже звали О.А. «папой». Эти фотографии — из кандидатской диссертации Е.М. Деревинской, посвященной изучению «гомосексуалисток», проведенному в Караганде, Советский Казахстан, в 1955–1965 гг. О.А. была одной из девяти «свободных» женщин, с которыми Е.М. Деревинская встречалась в местной психиатрической клинике, остальные восемьдесят семь были заключенными из соседнего женского исправительно-трудового лагеря.

См.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма: Диссертация... Караганда, 1965. [2], 281, [5] л. машинописи, 19 л. табл., [57] л. фото женщин и [10[л. фотодиаграмм (наклеенных на нумеров. листы). (Фото на л. 117.) С разрешения ГЦНМБ. Москва.

Il. 27

Il. 28

Ил. 29

Ил. 30

Ил. 27, 28, 29, 30, 31. Патологизированная сексуальность — «гомосексуалистки», ок. 1965 г. Большинство фотографий — из диссертации Е.М. Деревинской, посвященной изучению лесбиянства. Согласно жесткому стереотипу гендерных ожиданий социализма, практикующий психиатр разделил своих пациенток на «активных» и «пассивных». «Пассивные гомосексуалистки» (*ил. 28, 30*) готовят, наводят чистоту, с удовольствием шьют на себя, носят драгоценности и, если работают, предпочитают «женскую» работу. Их «активные» партнерши (*ил. 27, 29*) коротко стригутся, носят «мужское» платье или что-то подобное, курят, отвечают за финансы семьи и занимаются «мужской» работой. Е.М. Деревинская приводит также фотографии «женских гомосексуальных пар», всегда состоявших из одной «активной» и одной «пассивной» партнерши. Например, на помещенной внизу слева фотографии «пассивная» женщина избегает смотреть на камеру, в то время как ее «активная» партнерша курит и глядит прямо в объектив.

шении. Ему был вынесен необычно мягкий приговор – лишение свободы на один год[21]. Второго мужчину исследовали по причинам, которые трудно восстановить, поскольку сохранился только приговор. В 1937 году Сергеева арестовали за взаимную мастурбацию с Терешковым. Их «застукали» во время милицейского рейда в уже упомянутом туалете у Никитских ворот. В те годы едва ли требовались более существенные свидетельства гомосексуальных наклонностей, чтобы суд мог вынести обвинительный приговор. Между тем были добыты судебно-медицинские доказательства того, что Сергеев часто исполнял «роль пассивного педераста». Вполне возможно, что милиция пыталась воспользоваться ими, чтобы связать Сергеева с «активными педерастами», которых ей не удалось впоследствии арестовать[22]. Сергеев не стал подавать на апелляцию, вероятно, из-за того, что экспертиза свидетельствовала не в его пользу. В отличие от многих подсудимых по делу Терешкова, его приговор не был позже заменен на условный или смягчен.

Отсутствие ссылок на судебно-медицинское обследование других тридцати четырех обвиняемых по этому делу отражено в формулировках вынесенных приговоров и свидетельствует, что доказательствами обычно служили показания и признания свидетелей и самих обвиняемых. В атмосфере великого террора не было особой надобности научного подтверждения того, что могло быть «доказано» самооговором и саморазоблачением. Свидетельства конца 1940–1950-х годов позволяют предположить, что при расследовании дел о мужеложстве к судебно-медицинской и психиатрической экспертизам стали прибегать чаще, поскольку повысился профессиональный уровень следователей[23].

Время от времени использовалась также оценка экспертов-психиатров, а имеющиеся заключения демонстрировали, что бесполезный с правовой точки зрения диагноз «психопат» применялся к криминализированным гомосексуалам. Психиатрическое освидетельствование проводилось в ряде дел, когда людей считали невменяемыми или когда речь шла о совращении несовершеннолетних. Освидетельствование инициировали следователи, но не подсудимые или их адвокаты[24]. Кинорежиссер Иван Синяков подвергся психиатрической экспертизе 22 сентября 1937 года в Институте судебной психиатрии им. В.П. Сербского и был признан «психопатической личностью с чертами неврастенического развития и склонностью к половым извращениям». Несмотря на это, эксперты сочли, что он способен отве-

чать за свои преступления[25]. Диагностировав болезнь, доктора, по сути, устранились от лечения гомосексуала. Составленный таким образом диагноз помог и прокурорам, сфабриковавшим дело против И. Синякова, который, «будучи по натуре человеком самовлюбленным и восхваляя самого себя», проявлял «бытовое разложение». Это была официальная причина того, что его исключили из Коммунистической партии, членом которой он состоял до ареста[26]. До революции И. Синяков был дворянином и вследствие этого был уязвимым с точки зрения идеологической трактовки как «двурушник», классовый чужак, который непонятно как проник в партию. Однако в тексте приговора содержалось на удивление мало политической риторики, равно как и в кассационных документах, описывающих суд над ним. Вместо этого, выставив И. Синякова морально деградировавшим и психически неуравновешенным человеком, что подтверждалось психиатрами, прокуроры освободили молодых (и не слишком молодых) солдат, матросов и гражданских лиц, соблазненных им, от преследования за политические и сексуальные связи. В данном деле функция судебной психиатрии заключалась не только в том, чтобы создать видимость обычной юридической процедуры, но и в том, чтобы придать научный оттенок прокурорской стратегии избирательного помилования.

Когда следствие заканчивалось, проводился суд. Ни одно судебное разбирательство такого типа не было «показательным процессом» — с привлечением прессы и юристов, демонстрирующим пролетарское правосудие и сопровождающимся поистине театральными эффектами[27]. В восьми процессах Московского городского суда о мужеложстве между 1935 и 1941 годами фактически нет следов «кампании правосудия». Казалось, что судьи почувствовали неловкость в отсутствие гласности о таких преступлениях. Шесть из восьми судов по обвинению в мужеложстве, в которых проходили тридцать два из тридцати шести подсудимых, проводились за закрытыми дверями[28]. Сдается, что число судов за закрытыми дверями в данном случае превышало число аналогичных судов по гетеросексуальным половым преступлениям (о чем речь пойдет ниже), однако в отсутствие репрезентативной выборки мы не можем однозначно делать такие выводы. Заключение Бена Де Джонга (De Jong, Ben) о том, что в 1960–1970-х годах суды против мужеложства проходили за закрытыми дверями, выдвигаемое «как само собой разумеющееся», необязательно справедливо и для предыдущих десятилетий[29]. Тем не менее, если рассматривать эти примеры вкупе с

завесой молчания, скрывающей разъяснения по преступлениям такого рода даже от юристов, то можно прийти к выводу, что судьи не видели воспитательной ценности в огласке таких процессов и считали, что открытые суды против мужеложства принесут больше вреда, чем пользы.

В то время как эти документы (главным образом приговоры и апелляции) почти не содержат пояснений относительно самих процессов, в них часто встречаются описания мужской гомосексуальной субкультуры, с которой боролось новое законодательство. Парадоксально, но эти краткие документы свидетельствуют о выживании этой субкультуры, а не о ее кончине. На более ранних процессах отмечалось, что продолжаются общение, шатания по улицам и публичный секс, особенно в окрестностях московского Бульварного кольца. В ноябре 1934 года Безбородов и Грибов («заводила», чья телефонная книжка попала в руки милиции), «желая распить вина», посетили квартиру некоего Петра «по кличке Баронесса, у которого был целый притон гомосексуалистов». Суд счел эту квартиру одним из самых значительных «мест встреч педерастов», при том что о судьбе Баронессы и его «притона» мы ничего не знаем[30]. Другим местом встреч был парк «Эрмитаж». Близлежащее Бульварное кольцо связывало этот небольшой зеленый уголок с Трубной площадью и с общественным туалетом на ней, одним из наиболее посещаемых столичных «мест встреч». Судя по документам, это заведение располагалось под землей и имело округлую форму, кабинки располагались вдоль стены, по периметру, и были обращены фасадом внутрь. Кабинки без дверей имели лишь широкие проемы над полом[31]. Все пользовавшиеся туалетом могли видеть друг друга, и, очевидно, благодаря такому извращенному наблюдению заинтересованные лица либо назначали встречи, либо отказывались от них. Левин, обвиненный в 1941 году в мужеложстве, описал, как он обнаружил этот туалет:

> Однажды осенью 1940 года я шел из ресторана по Цветному бульвару к своей квартире на Неглинной ул. в д<оме> № 17. По пути я зашел в уборную на Трубной площади и там, помимо моего желания, со мной был совершен акт мужеложства. Ко мне подошел какой-то мужчина и стал онанировать, взяв за мой половой член. Я особенно не сопротивлялся. Месяц<а> через полтора после этого случая я опять пошел в уборную на Трубной пл., но уже с определенной целью, меня потянуло туда для совершения акта мужеложства. Таким образом я раз пять или шесть совершал акты мужеложства[32].

Иногда Левин приглашал партнеров домой, чтобы провести с ними ночь, с другими занимался сексом на месте. Он утверж-

дал, что одиночество толкало его на пьянство и что лишь алкоголь виноват в том, что он захаживал в этот туалет, а вовсе не желание найти компанию[33].

Никитский бульвар, начинающийся от площади Никитские ворота, где в 1937 году Терешков и Сергеев «были пойманы с поличным» в мужском туалете, фигурировал и в других признаниях. Один подсудимый объяснял допрашивавшим его следователям: «В 1936 году в квартиру, где жил я, переехал артист балета Афанасьев. <...> Он мне показал места, где встречаются педерасты: Никитский бульвар и Трубную площадь». Другой подсудимый утверждал, что в начале 1930-х годов ему «говорили, что основные места педерастов были Никитский бульвар, Трубная, бар на Арбате, Центральные бани». В то время бары и бани принадлежали городским властям. Некогда пропитанные духом коммерции, часто посещавшиеся представителями тогдашней субкультуры, в описываемое время такие места упоминались уже редко[34]. Кроме того, Сретенский и Чистопрудный бульвары, упомянутые в 1927 году «мужчиной-проституткой» Т.П., продолжали и в середине 1930-х годов фигурировать в качестве места встреч. В 1935 году Анисимов и Бродский «случайно знакомились на Сретенском и других бульварах гор. Москвы с мужчинами-педерастами, вступали с ними в половое сношение в уборных, на квартирах и на бульварах...»[35]

Бульварное кольцо в центре Москвы осталось не затронутым радикальной перестройкой в соответствии с планами первых пятилеток по реконструкции столицы. Оно счастливо избежало строительных завалов, царивших повсюду в центре. Список преступных деяний кинорежиссера Ивана Синякова позволяет предположить, что преобразование Москвы в образцовый социалистический город парадоксальным образом сказалось на появлении и новых «сексуализированных» территорий в сердце столицы. В 1936 году И. Синяков заводил знакомства с сексуально доступными солдатами и матросами на площади Свердлова, расположенной перед Большим театром, а в следующем году — неподалеку от Манежной площади. Это наиболее ранние упоминания о гомосексуальных контактах на этих площадях, располагающихся вблизи станции метро «Охотный ряд». Открытие метро в 1935 году и преобразование центральных транспортных артерий, которые вели к массивному зданию гостиницы «Москва» (в 1930-е годы улицы Моховая и Охотный ряд были переименованы в проспект Маркса), словно магнитом притягивали любопытствующих. Военнослужащие в увольнении и гражданские,

посещавшие столицу в конце 1930-х годов, стекались толпами к метро, особенно к станциям в центре города. К 1950-м годам, по всей видимости, благодаря новым транспортным развязкам, площадь Свердлова с зеленой лужайкой перед Большим театром стала новым местом встреч, заменившим прежнее на Бульварном кольце[36].

Дело И. Синякова со всей определенностью говорит о том обстоятельстве, что при И.В. Сталине некоторые военные сохранили стародавнюю привычку оказывать сексуальные услуги мужчинам за скромное вознаграждение. В приговоре перечисляются акты мужеложства, совершенные И. Синяковым в Севастополе и Ленинграде, из чего следует, что моряки и И. Синяков следовали устоявшейся практике встреч в условленных местах, используя невинные на первый взгляд приглашения.

> В 1929 году обвиняемый Синяков, познакомившись на бульваре в Севастополе с моряком А. [Голусовым], 25<-ти> лет, и встретившись впоследствии с ним в Ленинграде, склонил последнего к совершению сексуальных действий в извращенной форме, а год спустя, познакомившись с моряком Б. [Дроздовым], 24<-х> лет, и использовав положение Б. [Дроздова] как демобилизованного, пригласил его в Москву, поселив его у себя, стал склонять Б. [Дроздова] к половым извращениям и мужеложству. <...> В [1931 году] в Москве, встретив на улице моряка В. [Тарасова], с которым был знаком по Севастополю, по встречам на приморском бульваре, пригласил последнего для распития вина к себе на квартиру, где впоследствии и совершил с В. [Тарасовым] сексуальные действия, носящие характер мужеложства[37].

Набережные Севастополя были знаменитым местом, где матросы искали такого рода покровительство. В 1936 году на неизвестной ленинградской улице или на набережной И. Синяков познакомился с четырьмя матросами в возрасте от двадцати двух до двадцати шести лет. Пойдя с ним в гостиницу выпить, они остались на ночь и имели с ним секс. Позже, в том же году, в неустановленном московском театре он познакомился с моряком, который «во время спектакля допустил ряд сексуальных действий». Еще одного моряка И. Синяков повстречал в том же году в парке им. А.М. Горького. Находясь по делам в Курске (в 1931 году) и в Пензе (в 1934-м), кинорежиссер знакомился на улицах с молодыми мужчинами, которые соглашались (очевидно, на время) переехать в Москву, чтобы, живя у него, вступать с ним в половые отношения. Пензенскому восемнадцатилетнему юноше И. Синяков подыскал место для обучения в Москве. Мир развлечений предоставлял много возможностей для этого неутомимого коммуниста-аристократа. В конюшнях московского цир-

ка он познакомился с восемнадцатилетним артистом и уговорил его позировать обнаженным для фотографий, а затем, в 1934 году, заманил в постель. По иронии судьбы в 1936 году во время встречи в Доме Союзов (бывшем Дворянском собрании, который в том году стал сценой для показательного суда над старыми большевиками Григорием Евсеевичем Зиновьевым (1883–1936) и Львом Борисовичем Каменевым (1883–1936)), И. Синяков познакомился с Сосó[38], участником «декады груз<инского> искусства». Приведя знакомца домой, И. Синяков затащил его в постель. В том же году на студии «Мосфильм» он познакомился с морским юнгой и добился от него близости.

Хотя уголовные преследования сосредотачивались на совершаемых публично гомосексуальных действиях и на формах мужской проституции, документы показывают, что, помимо откровенно плотских, мужская гомосексуальная субкультура таила в себе и иные отношения. Вуайеризм, прослеживающийся в ранних обвинительных приговорах, уступил сдержанному дискурсу о физических отношениях между мужчинами. В ходе четырехдневных слушаний в феврале – марте 1935 года по делу Безбородова много времени было отдано исследованию романтических отношений между служащим Павловым, сорокачетырехлетним холостяком, и бывшим священником пятидесяти четырех лет Шелгуновым. Раненный в половые органы в Гражданскую войну, Павлов «лишился способности к нормальной половой жизни». С 1931 по 1934 год его партнер предоставлял ему кров, и пара свидетельствовала о «ласковых, любовных отношениях», что подтверждала их частная переписка. Следователи истолковали физическую и эмоционально насыщенную любовь этой пары в соответствии с гендерной активной/пассивной моделью. Неспособный к «активной половой роли» из-за искалеченного пениса, Павлов, согласно документам, «был объектом Шелгунова» и, таким образом, пассивным партнером по сексу. И в то же время в эмоциональном плане роли менялись: «активные стремления» Павлова выражались в его «духовных связях с Шелгуновым, который в этом плане играл роль женщины».

В то время как милиция, судя по всему, продолжала собирать по возможности больше материалов о личной жизни мужчин, подозревавшихся в мужеложстве, суды, проходившие на исходе 1930-х годов, очевидно, уделяли намного меньше внимания тщательному разбору взаимоотношений между мужчинами-партнерами, исключая в конечном счете из них сексуальную составляющую[39].

Мужеложство в цифрах из приговоров и апелляций

Порядок вынесения приговоров и апелляций по интересующим нас делам позволяет предположить, что закон против мужеложства энергично поддерживался непродолжительное время — непосредственно после его введения, затем к нему обращались не очень охотно, за исключением тех случаев, когда дополнительные факторы отягчали вину подсудимых. Дело Безбородова и одиннадцати других (1935), а также дело Терешкова и девяти его соучастников (1938) подтверждают эту точку зрения. По обоим делам проходило множество знавших друг друга людей, отдельные пары, связанные долговременными отношениями и непродолжительными сексуальными контактами. В каждом деле один или два подсудимых проходили как «зачинщики», и, как правило, в этих документах они фигурировали как люди, «которые способствовали ряду лиц заниматься мужеложеством»[40]. Их «заговорщическая» деятельность сводилась к тому, что они вели активную социальную и половую жизнь, постоянно пополняя личные телефонные книжки, в дальнейшем ставшие вещественным доказательством, позволившим милиции установить других участников их круга.

В решении по делу Безбородова 1935 года суд подчеркнул, что цель нового закона состоит в том, чтобы наказывать «мужеложство как антиобщественное правление (*sic*!) половых связей между мужчинами». Это было самым политизированным заявлением, прозвучавшим когда-либо на заседаниях Московского городского суда по делам о мужеложстве. Восемь из двенадцати подсудимых по этому делу, включая двух допрашиваемых в качестве «зачинщиков», были осуждены на пять лет лишения свободы, то есть получили максимальное наказание за простое мужеложство. Ни один из этих приговоров не был смягчен или пересмотрен[41]. Наоборот, 1 августа 1938 года восемь из десяти мужчин, обвиненных в мужеложстве по делу Терешкова, получили минимальный срок — по три года, и только предполагаемому «зачинщику» дали максимальный срок — пять лет. Через несколько недель лишь двое из восьми человек, осужденных на трехлетний срок, оставались в тюрьме — одного освободили сразу же, пятерых других, подавших на апелляцию, приговорили к условному сроку. Через пять недель после суда только трое из десяти осужденных всё еще отбывали наказание[42]. В других аналогичных случаях приговор более чем на три года был скорее

исключением, и лишь отягчающие обстоятельства влияли на решение судей вынести более суровое наказание[43].

Попробуем сравнить дела о мужеложстве с процессами по другим половым преступлениям, которые слушались в Московском городском суде между 1935 и 1941 годами. Учитывая разрозненный характер записей, можно составить лишь поверхностный обзор, основанный на семидесяти шести приговорах за половые правонарушения, подпадающие под ст. 151, 152 и 153 УК РСФСР 1926 года, вынесенных за это время Московским городским судом[44]. Первоначальные приговоры по данным статьям варьировались от оправданий (всего девять) до смертной казни (три человека, позже приговоренные к десяти годам лишения свободы), большинство (тридцать три) были осуждены на срок от трех до пяти лет лишения свободы. Менее чем за три года было вынесено восемнадцать обвинительных приговоров. На фоне этих весьма суровых мер незначительным представляется наказание за простое мужеложство — в тот же период времени и в тех же судах подсудимых приговаривали к трем годам лишения свободы, т. е. приговоры за простое мужеложство были сопоставимы со среднестатистическим наказанием за изнасилования, совершенные мужчинами, и половые надругательства над малолетними и несовершеннолетними. Получается, что преследование за мужеложство не было политизированным.

Различия в ведении следствия и в практике вынесения приговоров можно выявить, сопоставив суды над обвиняемыми в мужеложстве и в изнасиловании. Мужчины, способные принять участие в групповом гетеросексуальном насилии, стали объектом специального внимания с 1926 года, когда случай в Чубаровом переулке (Ленинград) впервые возбудил страх того, что «сознательный пролетариат» способен на подобное варварство[45]. С середины 1930-х годов зазвучали призывы к ужесточению наказаний для таких лиц. К ним требовали применять санкции как для государственных преступников (десять лет и даже смертная казнь)[46]. Использование политизированной лексики на специальной коллегии Московского городского суда, во время которой рассматривались дела об изнасилованиях как имеющих политическое значение, стало привычным явлением, стоило замелькать в делах бандам насильников. Разбирательства проходили с куда более яркой пропагандистской риторикой, нежели та, которой пользовались судьи во время обычных слушаний по делам о гомосексуалах. Дело о групповом изнасиловании в 1935 году одной фабричной работницы восемью ее коллегами завершилось восемью исключи-

тельными приговорами. Тем самым был превышен восьмилетний максимальный срок, установленный ст. 153. Трое получили по десять лет лишения свободы, а еще трое, согласно ст. 59[3] против бандитизма, — «вышку». После обжалования приговора Верховный Суд РСФСР согласился, что суд низшей инстанции правильно истолковал дело как политическое преступление, однако для всех троих смертная казнь была заменена десятилетним заключением. Другие решения, в том числе по трем ранее вынесенным приговорам сроком на десять лет, были оставлены в силе[47].

В противоположность этому самое политизированное дело о мужеложстве в 1935—1941 годах (уже упомянутый суд над Безбородовым) рассматривалось обычной коллегией по уголовным преступлениям городского суда и, хотя было вынесено много приговоров с максимальными сроками наказания, они остались в пределах, установленных Уголовным кодексом. После 1934 года дела по политическим преступлениям слушались спецколлегиями судов среднего уровня, поэтому экспрессивная форма политической риторики в таких заседаниях стала нормой. Из процессов по мужеложству только один был проведен спецколлегией в Московском городском суде, и можно предположить, что, поскольку дела против гомосексуалов относились к ведению обычной уголовной системы, то мужеложство уже не обладало таким политическим значением[48].

Дела о групповых изнасилованиях и коллективном мужеложстве, рассматривавшиеся в конце 1930-х годов, похоже, утратили политическую акцентацию. Оба типа судов демонстрировали возврат к практике нормальных (не выходящих за рамки Уголовного кодекса) приговоров, при этом максимальные сроки получали лишь «зачинщики». При апелляции Верховный Суд РСФСР реже смягчал наказания за групповые изнасилования, чем за мужеложство, полагая, что оба типа судов демонстрируют четкое разделение этих преступлений по степени социальной опасности[49].

В отличие от насильников мужчины, осуждавшиеся в 1935—1941 годах Московским городским судом за мужеложство и подававшие на апелляцию в Верховный Суд РСФСР, почти всегда добивались смягчения наказания. Но еще чаще смягчения приговора добивались лица, осужденные за половые преступления без применения силы, но с вовлечением молодых людей[50]. Очевидно, на суд высшей инстанции повлиял тот факт, что насильственные сексуальные действия против взрослых женщин легче подтверждались судебно-медицинскими показаниями и милицейскими свидетельствами. В то же время надругательство над мало-

летним и секс с несовершеннолетним было сложнее подкрепить «уликами», и поэтому адвокаты могли с успехом выгораживать осужденных.

Успешные апелляции, поданные осужденными за мужеложство, имели одну общую черту: их инициировали адвокаты, хотя сами осужденные не оспаривали вынесенных приговоров. Ходатайствуя перед судом о помиловании, адвокаты обычно строили защиту на таких доводах, как «личность, несудимость и семейное положение» клиентов[51]. Апелляции, опиравшиеся на выводы психиатрической экспертизы, не срабатывали[52]. Защитники, бросавшие вызов судам и демонстрировавшие умение дать выгодную осужденным интерпретацию буквы закона, иногда вознаграждались за свои таланты. Так, 30 июня 1941 года адвокат С.Д. Босько заявил Коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, что его клиент, осужденный Андреевский («зачинщик» по делу трех мужчин, связанных с Театрально-музыкальным училищем им. А.К. Глазунова), не мог быть виновен в насильственном мужеложстве (ст. 154а-II). В Московском городском суде не были приведены доказательства того, что осужденный применял силу к партнерам, не были предоставлены и улики, доказывающие, что Андреевский «добивался» актов мужеложства с юношами и несовершеннолетними — теми, что свидетельствовали против него. Адвокат попросил, чтобы дело его клиента переквалифицировали на ст. 154-а-I (добровольное мужеложство) и соответственно сократили шестилетний срок. Верховный Суд согласился, и 10 июля 1941 года Андреевский получил новое максимальное наказание, но уже по ст. 154-а-I — пять лет лишения свободы[53]. Такая сравнительная снисходительность судей в дни начала вторжения нацистов в Советский Союз подчеркивала относительную деполитизацию к этому времени мужеложства, которое больше не считалось преступлением, связанным с заговорами или шпионажем. Ни в одном из документов этого статридцатидвухстраничного дела подобные темы не звучали.

В случаях, когда осужденный был «зачинщиком» или занимался «развращением малолетних или несовершеннолетних», апелляции, как правило, не удовлетворялись, подобно тем что были поданы тремя мужчинами, одновременно осужденными за контрреволюционную деятельность[54]. В данном случае обстоятельства преступления перевешивали красноречие любого адвоката. Известен случай, когда эрудиция юриста поразила Верховный Суд РСФСР, который счел его «слишком умным» и тем не менее отказал в удовлетворении апелляции. Осужденный Бай-

кин, бывший дворянин, на момент ареста преподаватель юридического института, утверждал в самозащите, что «имел половые отношения с различными мужчинами и в том числе с Леонтьевым» (также проходившим по этому делу), но сами акты совершал не в форме мужеложства, поэтому его действия не подпадают под ст. 154-а. Апелляционный суд отверг этот аргумент, процитировав показания Леонтьева и Байкина как убедительно доказывавшие, что «осужденные не только занимались развратными действиями, но и прямым мужеложством», при этом в постановлении суда не было точно указано, что следует понимать под «мужеложством»[55].

Некоторые подсудимые и их защитники, откликаясь, очевидно, на всё более пронзительные призывы властей к обязательной гетеросексуальности, в унисон подчеркивали роль семьи и здорового полового влечения к женщинам. Материалы дел, рассматривавшиеся Московским городским судом в связи с мужеложством, позволяют предположить, что сами юристы также были не прочь обойти этот неприятный закон, прикрывшись фиговым листком брака. В конце 1930-х годов судьи Московского городского суда иногда придавали особое значение тому, что их безобидные в иных отношениях подсудимые состояли в браке, полагая это весомым доказательством их невиновности. Покров брака использовался судьями для смягчения суровых мер закона против мужеложства. Согласно отметкам в судебных документах, из двадцати девяти таких осужденных девятеро фактически состояли в браке или были «семейными людьми», то есть имели жен и детей, остальные пятеро были либо разведенными, либо вдовцами[56]. Из шести «семейных людей» двое были в конечном итоге оправданы, очевидно, из-за слабого контакта с «тесно связанной между собой группой» гомосексуалов. Остальные понесли показательное наказание[57]. В этом деле, одном из первых, наличие семьи не оказало смягчающего влияния на суровость отношения судей к преступлению такого рода. Подсудимыми, охарактеризованными как «женатые», были пианист, учитель и актер. Первого осудили за простое мужеложство, и он получил три года лишения свободы на пике самой строгой фазы применения нового закона в 1935 году. Его брачный статус, как и большинства «семейных мужчин» в судах раннего периода, похоже, никоим образом не сказался на приговоре[58]. Состоявших в браке учителя и актера судили за простое мужеложство позже, когда судьи пытались смягчить воздействие закона. Судьи и следователи пытались добиться оправдательного приговора для этой пары подсудимых, апеллируя к их

семейному положению как показателю их невиновности. Учитель Ефимов, представший перед судом с остальными девятью лицами, проходившими по делу в 1938 году, был осужден за мужеложство из-за связи с «зачинщиком» этого дела Терешковым. Как поначалу свидетельствовал последний, они спали вместе и вступали в половые отношения. Однако во время суда «зачинщик» отказался от собственных показаний и заявил, что крепко спавший Ефимов не мог знать, что в постели с ним находился Терешков. Теперь Терешков ограничивался фразами о том, что «ему показалось, что у Ефимова произошла поллюция». От свидетелей суд услышал, что Ефимов – «хороший семьянин, ни в чем плохом в быту не замечался». Обвинения с учителя были сняты[59].

Один из актеров московского Театрально-музыкального училища им. А.К. Глазунова, осужденный в 1941 году за мужеложство, вышел на свободу после аналогичного пересмотра первоначально полученных против него показаний. Женатый актер Марковский дважды признавался следователям, что, работая в театре города Благовещенска, совершал акты мужеложства с товарищем по обвинению Федоровым. Последний подтвердил на допросе это признание[60], а на суде отказался от своих слов, и теперь уже Марковский заявлял: «Меня уговорил следователь подписать показание о том, что я имел половое сношение» с Федоровым. Вероятно, в промежутке между допросами и судом обвиняемые договорились о новом сценарии защиты. На суде [Марковский] предстал рьяным поборником «нормальных» отношений. Он сообщил новые сведения, о которых не говорил на следствии. Теперь Федоров признавался: «<...> но когда я завел разговор о мужеложстве, то он (Марковский. – *Ред.*) мне сказал, брось об этом думать, потому что это может плохо кончиться»[61]. В версии Марковского оттенялись выигрышные моменты того разговора: «Я ему (Федорову. – *Ред.*) сказал, что у нас много хороших девушек, что это (мужеложство. – *Ред.*) нехорошо». Особо было подчеркнуто, что на время ареста Марковского его жена была беременна[62]. (Тот факт, что эта молодая женщина жила в Киеве и была в разводе с мужем, показавшим на допросе во время ареста, за три недели до этого, что «адреса ее не знает», не был учтен[63].) Суд также удовлетворил просьбу Марковского об оглашении свидетельств, характеризующих его с положительной стороны как благопристойного, бдительного и нормального в отношениях с женщинами гражданина[64]. Его друг утверждал, что Марковского возмутили «безобразия», вскрывшиеся в театре Благовещенска, и что он доложил тогда об этом властям, а теперь желает оттуда уволиться. Соседка актера свидетельствовала:

Я знаю Марковского с 1930 года. Марковский дружил с девушкой из нашего дома, которая умерла, потом была еще девушка. Мы еще над ним смеялись, что он так мало дружит с ребятами. Марковского я знаю до поездки на Дальний Восток. Я не могу допустить мысли, что Марковский мог заниматься педерастией[65].

Даже вымученное и неохотное признание жены Марковского, которая сказала: «В Благовещенске мы были с ним в одной группе и проводили всё время вместе, но я жила в отдельном номере», — не поколебало решимость суда оправдать ее мужа[66]. Тем временем двое холостяков, проходивших по тому же делу, были осуждены, хотя адвокату Андреевского С.Д. Босько удалось добиться для него сокращения срока заключения на один год. В дополнение к уже приводившимся аргументам, использованным С.Д. Босько в этом деле, следует упомянуть и примененный им прием гетеросексуальной защиты. Верховному Суду адвокат заявил, что во время судебного разбирательства «по делу точно установлено, что Андреевский не являлся в полной мере гомосексуалистом», поскольку между эпизодами мужеложства был перерыв в полтора года. В апелляции С.Д. Босько утверждал, что двадцатитрехлетний неженатый студент «еще молод и может исправиться и при меньшем сроке наказания»[67]. Адвокат сместил акцент с акта мужеложства на личность и настаивал, что его клиент в своей основе «нормальный» и, следовательно, исправимый. Для описания отношений между полами термин «гетеросексуальность» не использовался ни в одном из дел о мужеложстве, слушавшихся в Московском городском суде. И тем не менее адвокаты в процессе защиты «педерастов», или «гомосексуалистов», да и сами подсудимые, вероятно, по подсказке судебных следователей и судей, стремились подчеркивать маскулинность обвиняемых, основанную на «нормальной» сексуальности и семейных узах. Во время закрытых судебных заседаний, на которых рассматривались дела «гомосексуалистов», мужская гетеросексуальность получила новое смысловое наполнение.

«Противоестественная половая жизнь с разными женщинами»

В то время как переоценка мужской гетеросексуальности проводилась преимущественно в судебных процессах по обвинению мужчин в мужеложстве, сталинистские идеалы «нормальной» женской сексуальности строились без обращения к кара-

тельным мерам за однополую любовь. Взаимная женская любовь ютилась в приватных пространствах, а не на так называемых сексуализированных публичных территориях, оккупированных мужской гомосексуальной субкультурой, и не привлекала внимания милиции. И всё же, несмотря на отсутствие прямо выраженного запрета, нейтральный в гендерном отношении закон охватывал деяния, предполагающие отношения между взрослыми и «лицами, не достигшими половой зрелости», и допускал уголовное преследование женщин за секс с девочками. Два таких дела, имевшие место в Московском регионе (в 1925 и в 1940 годах), иллюстрируют трансформацию взглядов юристов на женскую гомосексуальность. Этот сдвиг отражает более глубокие изменения в советской половой этике, а также обнаруживает случаи лесбиянства в сталинскую эпоху.

Первое дело было возбуждено в конце 1923 года по жалобе, поданной нарследователю Волоколамского уезда матерью девочки-подростка, которая якобы была изнасилована женщиной-почтальоном. Нина, которой на момент события исполнилось пятнадцать с половиной лет, сказала, что Феодосия П., двадцати двух лет, убедила ее в том, что она – переодетый мужчина, и между ними началась любовная связь. В конце лета 1923 года Нина сказала матери, что она больше не девственница, добавив, что Феодосия, вероятно, не женщина. В ответ на жалобу матери народный следователь приказал провести гинекологическое обследование Феодосии. Оказалось, что та – женщина с нормальными гениталиями. Нину также обследовали, и выяснилось, что она достигла половой зрелости и уже рассталась с девственностью (в заключениях сообщалось, что она «хорошего сложения... развита» для своего возраста). После этого Нина попыталась отозвать жалобу: «Я ей (Феодосии. – *Ред.*) прощаю за ее шутку», и потребовала, чтобы их письма, находящиеся в руках следователей, были возвращены ей или сожжены[68].

Опубликованные записи не давали повода для продолжения этого дела, слушание которого состоялось в Московском областном суде лишь в апреле 1925 года. Однако из объяснений можно понять, что «нарследователь познакомил Феню (Феодосию. – *Ред.*) с явлениями гермафродитизма»[69]. Та с детства причисляла себя к мужчинам. Это дело привлекло внимание судмедэкспертов и, вероятно, породило дискуссии между гинекологами и психиатрами. Когда суд наконец состоялся, были представлены новые данные гинекологического обследования, проведенного Вениамином Абрамовичем Рясенцевым (1874–?). Никаких отклоне-

ний от норм женского организма (в том числе признаков гермафродитизма) у Феодосии обнаружено не было. Более того, выяснилось, что Нина уже давно достигла половой зрелости. К тому же неординарность строения организма Феодосии секретом для нее не являлась, поскольку в суде она заявила: «Не верю и сейчас, что П. женщина, [она] не женщина, а гермафродит»[70]. Судебный психиатр Н.П. Бруханский засвидетельствовал, что письма парочки — явное доказательство их «гомосексуальности». Суд не смог согласовать показания Феодосии и Нины о степени их вины в случившемся и ухватился за обследование В.А. Рясенцева, дабы объявить, «что в данном случае имели место развратные действия по взаимному соглашению лиц, достигших половой зрелости». Феодосия была оправдана[71]. В 1925 году суд имел возможность воспользоваться результатами судебно-медицинских обследований, в данном случае на предмет половой зрелости и отсутствия физиологических отклонений у «извращенных» личностей, чтобы разобраться в противоречивых показаниях и закрыть дела, считая основанием для этого «взаимное согласие», задающее сексуальный выбор взрослых людей. Мнение гинекологов и переписка обеих женщин исключали всякую мысль о надругательстве над Ниной. Было доказано, что гермафродитизм, или неестественно «увеличенный клитор», не мог позволить Феодосии совершать половые акты. Между тем это не устранило подозрений, что в отношениях с девушкой она могла использовать «каучукового мужа»[72]. Гинеколог и психиатр представили в суд данные медико-юридической экспертизы, демонстрирующие обоюдное согласие между половозрелыми людьми, и судьи воспользовались лексикой периода сексуальной революции, чтобы избавиться от неразрешимой дилеммы.

Подобный случай, рассматривавшийся в Московском городском суде в 1940 году, показывает, как использовались судебно-медицинские и психиатрические доказательства для осуждения женщины, обвиняемой в «развратных действиях» по отношению к девочке-подростку, «не достигшей половой зрелости». Очевидно, это дело привлекло внимание властей также в связи с жалобой матери, к тому же в суде ее показания были подтверждены, по крайней мере, тремя свидетелями. В 1936 году Ирина Степанова, член партии и научный работник[73], познакомилась с Анной [Жуковой], шестнадцатилетней дочерью некой жительницы Ленинграда, и в последующий год завязала с ней дружеские отношения. В конце 1937 года И. Степанова вступила в половые отношения с Анной, лишив ее девственности с целью «проверки "чест-

ности"», а затем, в январе 1938 года, уговорила ее покинуть свой дом в Ленинграде и переехать вместе с ней в Москву, где они прожили до середины 1939 года. Вероятно, в ответ на жалобу матери Анны милиция весной либо в начале лета нагрянула на квартиру И. Степановой. Был изъят ее дневник, позднее использовавшийся против нее. В августе она была исключена из партии. Каким-то образом Анну удалось убедить свидетельствовать против Ирины, и в апреле 1940 года сожительницы предстали друг против друга во время двухдневных слушаний за закрытыми дверями[74].

Следователи установили, что И. Степанова «более 10 лет занималась противоестественной половой жизнью с разными женщинами (лесбийская любовь)». Вероятно, всё это время она успешно скрывала свои частные любовные связи от научных и партийных кругов, к которым принадлежала. По-видимому, значение имело то, что события разворачивались у нее на квартире. Чего уж тут удивляться, что те самые «разные женщины», чьи связи с И. Степановой описывались как просто физические, а в суде могли предстать целой сетью друзей или кружком женщин с такими же наклонностями, защищали свою личную жизнь, полную эмоций, плотно закрытыми дверями своих комнат и квартир. «Лесбийский» образ жизни И. Степановой удалось разоблачить лишь после обыска милицией ее квартиры и конфискации дневника[75]. Эта практика ограждения от чужих глаз личной жизни напоминает сокрытие за закрытыми дверями домашнего уюта однополой любви московской поэтессы Софии Парнок и ее партнерши О.Н. Цубербиллер. После смерти С. Парнок в 1933 году О.Н. Цубербиллер хранила ее украшенную цветами фотографию у себя в комнате, где продолжал собираться их кружок[76].

Между тем И. Степанова навлекла на себя беду, взяв в любовницы совсем юную девушку. В суде были использованы медицинские свидетельства о том, что к 1937 году, когда начались «сношения» Анны со Степановой, первая еще не достигла половой зрелости. Это было принципиально важное определение для квалификации действий старшей по возрасту женщины как «развращения малолетних или несовершеннолетних», а потому уголовно наказуемых. Гинеколог, обследовавший потерпевшую, очевидно, опирался на более точное определение «половой зрелости», принятое в июне 1934 года «Правилами амбулаторного судебно-медицинского акушерско-гинекологического исследования» [77]. (До принятия этих «Правил» врачи могли руководствоваться какими угодно критериями.) Суд установил, что у Анны

никогда не было отношений с мужчинами. Сделано это было главным образом для подтверждения, что до вступления в отношения с И. Степановой она была девственницей и, если бы не дурное влияние ее старшей подруги, внушившей ей «отвращение к мужчинам», она была бы способна вести «нормальную» половую жизнь. Никакой попытки обнаружить признаки «маскулинизации» в организме И. Степановой предпринято не было[78]. Свидетельские показания Анны, дневник, захваченный в московской квартире И. Степановой и заключение экспертизы Института судебной психиатрии им. В.П. Сербского суд счел неопровержимыми уликами против подсудимой. И. Степанова была признана «вменяемой и за свои действия ответственной». Ей был вынесен приговор с трехлетним сроком лишения свободы (максимальное наказание составляло пять лет)[79].

В апелляционной жалобе адвокат И. Степановой утверждал, что Анна *достигла* половой зрелости к моменту ее связи с его клиенткой (и, таким образом, их отношения не подпадали под ст. 152), что Анна потеряла девственность в результате мастурбации, а не по вине подсудимой. Суду предлагалось учесть «психическое состояние здоровья» И. Степановой. Верховный Суд РСФСР отклонил эти просьбы, процитировав заключение судебно-медицинской экспертизы. В 1940 году юристами еще не использовалось революционное понятие о «взаимном согласии» между сексуально зрелыми женщинами. Сталинистская политика обязательной гетеросексуальности ограничивала долг женщины жесткими рамками. Аргументы защиты опирались на медицинское понимание половой зрелости жертвы и на состояние психического здоровья обвиняемой, что могло бы стать лучиком надежды для И. Степановой, но, подобно судам над мужчинами-гомосексуалами конца 1930-х годов, медицинская экспертиза по просьбе осужденных проводилась крайне редко. Также с порога отвергалась возможность возникновения сексуального влечения у женщин вне контекста гетеросексуальных отношений, ссылки на подростковую мастурбацию игнорировались. В глазах судей отвращение юной Анны к гетеросексуальным связям представляло собой социально опасное явление, следствие ее связи с И. Степановой, и действия суда были призваны положить этому предел. Анну убедили предать свою старшую подругу, и теперь предполагалось, что заботами матери она вернется к нормам гетеросексуальной жизни. Попытавшись оспорить понимание половой зрелости и половой свободы личности, И. Степанова на собственной судьбе познала, каково оно, прокрустово ложе сталинистской принудительной гетеросексуальности.

18 Заказ № К-7680

Почти все драмы судебных заседаний, описанные здесь, разыгрывались за закрытыми дверями. В отличие от показательных процессов 1920-х годов против духовенства и монахов, обвинявшихся в половых преступлениях, это не были поучительные спектакли с целью демонстрации широкой аудитории большевистских ценностей. Не предназначались они и для того, чтобы заявить капиталистическому миру о моральной чистоте сталинского социализма. В Советском Союзе не было ничего подобного скандалу с Э. Рёмом, завершившемуся Ночью длинных ножей, и ни один значимый политический деятель не пострадал от гомофобной риторики[80]. Эти процессы не являлись показательными и касались только тех, кто в них фигурировал. Сталинские суды над гомосексуалами представляли собой отдельную микрополитическую среду со своими представлениями о гендере, сексуальности, медицине и законе. Подсудимые, их адвокаты, судьи, непрофессиональные народные заседатели и прокуроры объясняли и развивали значение новых предписаний относительно принудительной гетеросексуальности, которая характеризовалась семейной любовью и заботой, проявляемой отцами семейств, или инстинктивной привязанностью к детям, свойственной матерям.

Отчего же нужно было прилагать столько усилий ради столь немногочисленных дел? Вероятно, ответ лежал в социальном положении и должностях, занимавшихся этими людьми. Из тридцати шести поименованных подсудимых по делам о мужеложстве, проходивших в Московском городском суде, семь мужчин были рабочими[81], двадцать шесть – конторскими служащими или управленцами[82], еще трое – выходцами из духовной среды или бывшими священнослужителями[83]. Большинство были опытны, трудоспособны и являлись гражданами с вполне приемлемым для режима классовым происхождением. За редким исключением они не были ни «деклассированной шпаной», ни «остатками эксплоататорских классов», которых нарком юстиции Н.В. Крыленко выделил в своем докладе в марте 1936 года, оправдывая закон против мужеложства. Наоборот, эти люди (включая и И. Степанову) происходили из той ценимой властями группы городских рабочих и интеллигенции, которые сталинские меры должны были вовлечь в социалистическую инженерно-управленческую элиту. Все стороны на этих судах стремились, по словам Н.В. Крыленко, «переработать нас самих, воспитать в нас самих нового человека <...> [и заложить] новые отношения в быту». На

этих процессах за закрытыми дверями советское правосудие помогало навязать сталинистскую принудительную гетеросексуальность, особенно в маскулинном варианте. Предметом основной заботы стала мужская гомосексуальная субкультура бульваров и втягивание в нее «исправимых», иногда даже «нормальных» мужчин. Однополые взаимоотношения разоблачались милицией и бдительными гражданами, фиксировались следователями, освидетельствовались врачами, обвинялись прокурорами, становились достоянием гласности из переписки и дневников, тайна которых обычно охраняется законом, оправдывались или опротестовывались адвокатами, которые иногда просили о снисхождении к клиентам, уверяя, что те исправятся. Разумеется, это было по преимуществу неравное состязание, и люди, попадавшие в клещи системы, оказывались опозоренными и запуганными. Зачастую их заключали в тюрьму за неидентифицированную половую принадлежность, которая устанавливалась за закрытыми дверями.

Располагая данными психиатрического освидетельствования, предоставленными услужливым Институтом судебной психиатрии им. В.П. Сербского и гинекологической оценкой физического вреда (дефлорация), который И. Степанова нанесла своей юной подруге, советское правосудие подготовило новое определение поведения И. Степановой как лесбиянки, использовав медицинские и юридические термины. В редких случаях, когда однополые отношения между женщинами становились предметом судебных разбирательств, юристы и врачи, дабы интерпретировать этот незнакомый феномен, обращались к профессиональному багажу историков права и судебных гинекологов. Они исходили также из сталинистского понимания гендерной роли женщины и выражали крайнюю заинтересованность тем, чтобы направить женскую сексуальность в правильное (гетеросексуальное) русло, а затем и к главной цели — материнству. Стремление укрепить принудительную гетеросексуальность бросается в глаза, особенно это прослеживается в вопросе о «половой зрелости». Эксперт, определявший ее наличие, задавал и возраст, начиная с которого государство предоставляло молодым гражданам свободу в половых отношениях. Новые «Правила...» по судебной гинекологии (1934 года) предписывали определять половую зрелость (данный термин всегда применялся только к лицам женского пола) исходя из способности к деторождению и уходу за новорожденным. Оставаться незамужней или забеременеть — вот практически вся свобода, которой обладала женщина в сексуальном укладе при ста-

линизме. В 1940 году советские юристы не допускали и мысли, что женская сексуальность может иметь иное, нежели материнство, предназначение (например, для получения удовольствия или эмоционального удовлетворения).

Объявив преступными те формы сексуальных различий, отношение к которым ранее было терпимым, суды внесли вклад в создание «гротескового гибрида» сталинистской гендерной политики. Для сталинистского ви́дения данной проблемы было недостаточно предложенной психиатрами патологизации психопатической модели половых извращений. Перед «честными гражданами или хорошими коммунистами», которые, по словам психиатра, консультировавшего Г. Уайта в 1934 году, могли примирить свое однополое влечение (вероятно, тщательно скрывая его и прибегая к помощи психотерапии) с активной общественной позицией, теперь возникала угроза уголовного преследования. Прежде всего это касалось мужчин. И хотя подобные процессы разыгрывались за закрытыми дверями, даже в местах заключения подследственным и осужденным не удавалось смыть с себя позор и избавиться от стыда — следствие усилий сталинистской юриспруденции — из-за их половой идентичности.

ЭПИЛОГ

Двойные тиски ГУЛАГа и клиник

Своей спецификой и лечением однополые отношения в Советской России второй половины XX века во многом обязаны ГУЛАГу и клинике — двум площадкам, на которых были заметны «педерастия» и «женский гомосексуализм», и там же сдерживаемы. С 1934 года по середину 1950-х годов НКВД и органы, заступившие ему на смену, пользовались системой ГУЛАГа, архипелага лагерей, колоний, тюрем и «трудовых поселений», находившихся на самых тяжелых для жизни территориях Советского Союза. Осужденные как традиционной юридической системой, так и особыми трибуналами НКВД поступали в систему ГУЛАГа, а те, у кого срок наказания был от трех лет и выше, направлялись в «исправительно-трудовые лагеря». К концу 1930-х годов почти три миллиона осужденных содержались в ГУЛАГе, большинство учреждений которого функционировало как самофинансируемые предприятия, существующие за счет принудительного труда[1].

Волны новых осужденных, военнопленных и населения присоединенных стран Балтии изменили социальную структуру лагерей ГУЛАГа. Вторая мировая война влила в эту систему свою порцию советских граждан, поскольку к военнопленным относились как к предателям и после возвращения на родину им выносились суровые приговоры. К моменту смерти И.В. Сталина в 1953 году население ГУЛАГа насчитывало примерно 2,47 млн человек[2]. После 1953 года в стране началась десталинизация и пропаганда «социалистической законности». Дело в том, что сменившие тирана руководители страны пытались обуздать власть органов госбезопасности. ГУЛАГ был изъят из их ведения, и в конечном итоге экономическая империя, построенная на труде осужденных, была разрушена. В середине и в конце 1950-х годов множество советских граждан было реабилитировано и амнистировано, что имело важные, но так и не осмысленные до конца последствия. Мужчины, осужденные по обвинению в мужеложстве, считались обычными преступниками и амнистированы не были. Очевидно, что не предпринимались попытки отменить или реформировать закон против мужеложства.

Настоящий эпилог представляет обзор исторического наследия сталинистской политики, направленной против однополой любви. Мы намеренно не сделали его исчерпывающим, а, скорее, попытались перекинуть мостик между современностью и прошлым, о котором рассказано в этом исследовании. Будем надеяться, что эти предположения и сопоставления послужат стимулом для дальнейшего изучения истории российского секс-гендерного диссидентства. Разнохарактерные свидетельства на сей счет, относящиеся ко второй половине XX века, представляют собой волнующие и пугающие методологические и логические умозаключения для исследователей, которые, возможно, пожелают заняться ими[3]. Здесь мы обращаемся к архивным и печатным материалам, чтобы рассмотреть три темы. Первая – это рассуждение о тюремной культуре мужских и женских однополых отношений и то, как сказался на них разраставшийся ГУЛАГ. Глубокое понимание опыта этих отношений очевидным образом в значительной степени повлияло на появление после 1953 года изощренного режима раздельного содержания мужских и женских гомосексуалов. Таким образом, вторая тема – это исследование влияния десталинизации на сексуальное регулирование. И, наконец, в центре внимания окажется оценка преобразований в позднем советском обществе, где появились силы, бросившие вызов постсталинистской (и неосталинистской) морали. Такая инициатива исходила от милиции, правительства и психиатрии.

Сексуальная культура ГУЛАГа, внесшая огромный вклад в представление более позднего советского периода об однополом влечении, выросла из существовавшей прежде тюремной культуры. В первые три десятилетия XX века российские специалисты по уголовным преступлениям, равно как и их европейские коллеги, осуждали попадавшие в их поле зрения однополые эротические практики в местах заключения. После 1930 года официальные лица хранили на сей счет молчание, и, пока мемуаристы не подняли этот вопрос уже после 1953 года, тема считалась запретной. Сохранилось лишь небольшое количество источников по 1930–1940-м годам[4]. В царских и первых советских тюрьмах анальные изнасилования и другие половые унижения отличали мужскую тюремную субкультуру, эту жестокую версию традиционной русской маскулинной культуры взаимных эротических практик. Данные о сексуальной культуре мужских тюрем, похоже, свидетельствуют о ее существовании с конца XIX века и до наших дней. Между тем уместно предположить, что разрастание ГУЛАГа с конца 1920-х годов усилило ее самые отвратительные черты[5]. Женские тюрьмы и возникшие позднее лагеря ГУЛАГа отражали некоторые критические гендерные различия в своих иерархиях и практиках. Исследование обеих тюремных культур позволяет проследить, как из отношения в местах лишения свободы к однополому влечению выстроились советские взгляды на это явление.

Говоря о мужских тюрьмах, отметим, что звучавшие в начале 1920-х годов точки зрения экспертов о месте так называемой «педерастии» в тюремной жизни отражали (зачастую бессознательно) основные маскулинные традиции взаимной сексуальной активности. Иерархии возраста, физической силы, владение ресурсами и социальный статус определяли, кто окажется сексуально доступным, а кто станет доминировать. Юный новичок, если его изнасилуют или соблазнят сокамерники, сразу же будет инкорпорирован в тюремную социальную систему как «педераст», в качестве ее нижайшей ступени. Как только это произойдет, он, возможно, если позволят обстоятельства и особенности характера, обратится к проституции как механизму выживания. Первоначальное изнасилование и проституция не были единственной дорогой к статусу «педераста» в тюрьме. Если кто-то не мог приспособиться к законам тюремного бытия, его изгоняли из сообщества, состоявшего целиком из маскулинных заключенных («мужиков»). Часто после первого же изнасилования или сексуальных

надругательств отверженные присоединялись к упомянутым двум категориям «педерастов», становясь таким образом частью той же касты.

Прибывших в общие камеры простодушных подростков обычно встречал теплый прием, затем их либо компрометировали, либо просто насиловали. В канун Рождества 1902 года в Екатеринбурге один паренек, помещенный в камеру для малолетних, был изнасилован по меньшей мере шестью молодыми сокамерниками. «Пете <...> было не более 15–16 лет, и он ужасно походил на девочку»[6]. Этот юноша набрался смелости пожаловаться на обидчиков. Врач, обследовавший его, отметил:

> Порок этот – одно из зол тюрьмы. Страшен он не тем, что носит следы насилия, а тем, что он создает в конце концов таких людей, которые этот порок обращают в своего рода профессию и живут в тюрьмах припеваючи, зарабатывая этой профессией деньги[7].

Сто́ит разнестись известию о надругательстве над молодым вновь прибывшим, как он оказывается объектом нападок и оскорблений. Его обидчики пытаются помешать ему подать жалобу, прибегая к насилию и (если он уступчив) к денежным дарам или подношениям в виде чая, табака или еды[8]. Как заметил екатеринбургский врач, поначалу подвергшийся сексуальному нападению часто заканчивал открытой проституцией.

В 1911 году обозреватель ярко описал восприятие заключенными молодых мужчин как суррогата женщин. Налицо следы традиции банной проституции с участием молодых людей, считавшихся сексуально доступными:

> <...> ходят голые вместе [по бане], молодые и старые, жадными глазами поглядывают одни на других, словно мужчины на женщин, на всякого, кто помоложе, телом побелее, чуточку понежнее, помягче на ощупь. Его окружают со всех сторон, гогочут, и щиплют, и хлопают с размаху по спине. Он вырывается, визжит и глазки строит, как будто бы девица легкого поведения. Сыплются шутки и брань, простая, звериная. Это – острожная ласка[9].

Цитируя эти слова в исследовании 1925 года о психологии преступников, криминалист Михаил Николаевич Гернет (1874–1953) полагал, что эпизод в бане мало чем отличается от организованного гомосексуального разврата, царящего во французских тюрьмах. Вопреки его утверждению о рождаемом тюремным заключением «половом голоде» как причине этого преступления русская баня – это специфически национальный институт, с давних пор связанный с тайной взаимной мужской половой активностью, когда молодые люди выступают как сексуально доступные «девицы легкого поведения», мало чем отличаясь от творив-

шегося в коммерческих банях Санкт-Петербурга и Москвы. Юноши подвергались сильнейшему воздействию путем «и подкупа, и соблазнов предоставления своих порций, обещания своего покровительства и защиты, застращивания и прямого насилия» со стороны старших по возрасту, сексуально озабоченных заключенных[10]. Сами заключенные и исследователи, как правило, интерпретировали «педерастические» отношения за решеткой как гендерные в активной/пассивной, мужской/женской дихотомии. Отсюда и появление представлений о «доминировании—подчиненности», порожденных этим бинаризмом. Как считалось, молодые люди должны были выполнять «пассивную» роль. Обследовав в 1927 году 692 мужчин-заключенных, социальный гигиенист из Одессы Давид Исаакович Ласс (1890—?) отмечал, что среди наблюдаемых им «педерастов» «пассивными» чаще всего становились молодые люди. Старшие же исполняли «активную» роль[11]. В русском обществе благодеяния всякого рода (обеспечение пропитанием, кровом, создание условий для образования и т. п.) в обмен на секс были достаточно распространенным явлением между мужчинами, по крайней мере с середины XIX века. Такого рода отношения в тюрьме не были извращением, порожденным жизнью взаперти, как полагали некоторые эксперты, не обращавшие внимания на тот факт, что подобные явления процветали и за тюремными стенами[12].

Занимавшийся проституцией заключенный вызывал открытую неприязнь и лишь крайне редко — тайные знаки доброты. В 1899 году бывший осужденный описывал мужчину-проститута Шустера по прозвищу Катька, на котором арестантская форма сидела «приличнее — я чуть не сказал изящнее, нежели на остальных каторжных».

Шустера презирали, готовы были гнать, бить, и в то же время под сурдинку «добрая половина тюрьмы не считала зазорным участвовать в его позоре». На вопрос «почему же вы не преследуете тех-то господ [, участвовавших в позоре]? Ведь они <...> несравненно виновнее даже...», староста барака ответил: «У нашей кобылки (основная масса каторжан. — *В.К.*) на этот счет свои понятия имеются. Она держится правила: вышел случай — бери, не вышел — беги. Да и как же преследовать, если добрая половина тюрьмы в этом (мужеложстве. — *Ред.*) виновна? Ну, а таких сволочей, как Катька, арестанты то откармливают на убой, то бьют по мордасам»[13].

Рассуждения старосты смахивают на поведение крестьянина, поглаживающего любимую корову или свинью вплоть до дня забоя. Так и эту Катьку можно ласкать до момента обязательного насилия, когда мужчину-проститута достаточно просто унизить, чтобы сохранить честь маскулинного сообщества.

В тюрьмах Советской России 1920-х годов пенолог* М.Н. Гернет встречался с «педерастией <...> в форме проституции, когда пассивные педерасты предоставляют себя всем желающим за сходную цену». Такие мужчины характеризовались «психологией, напоминающей женскую», и использовали все приемы женщины-проститутки «вплоть до традиционного начала знакомства просьбою дать закурить»[14]. Официальные лица, занимавшиеся во времена нэпа беспризорниками, докладывали, что мальчики-подростки, попадавшие во взрослые тюрьмы, торговали собой ради грошовых подарков и защиты[15]. Молодые люди всегда могли вести сносное существование в роли тюремных проститутов, однако в 1950-е годы уже и зрелые мужчины стали «предлагать себя за чай или сигареты»[16]. В мемуарах о лагерной и тюремной жизни 1930—1970-х годов встречаются сообщения о существовании целых «педерастических» бараков, «работавших» как мужские бордели[17]. Проституция среди заключенных сохраняется в «зонах» и по сей день[18].

Сокамерники, попиравшие общий закон и нормы общежития заключенных, также низводились до статуса «педерастов», и их часто заставляли служить сексуальными объектами для «мужиков». Поводом для низведения к такому статусу чаще всего был проигрыш в карты, когда заключенный не мог выплатить долг. Таких проигравших вынуждали в порядке расчета сексуально обслуживать победителей, а после воспринимали уже как «педерастов». Появление этого специфического феномена относится к первым годам 20-го столетия[19]. Еще в 1900-е годы наблюдатели отмечали, что символических унижений и специфически феминизированных оскорблений оказывалось достаточно, чтобы нарушивший кодекс тюремной морали был зачислен в «педерасты»[20]. Диссиденты 1960-х годов вспоминают, что если заключенный обкрадывал товарищей по несчастью или «стучал» на них администрации лагеря, то он также попадал в «педерасты»[21]. Недавние исследования подтвердили, что статус «опущенного», полученный заключенным, подвергшимся однополому насилию или оскорблению, прочно утвердился в безжалостном мире поздних советских и постсоветских мест заключения[22].

В 1926 году в статье «Что такое преступник?» Е.К. Краснушкин представил социалистическую тюрьму «исправдомом»:

Дом с закрытыми дверями, но не навеки, а открывающимися очень скоро для отпусков на волю перед исправляющимся правонарушителем, дом

[* Пенология (от *лат.* poena, «наказание» + ...логия) — учение о наказании, тюрьмах.]

с очень многими рабочими цехами, допускающими возможность выбора каждому заключенному труда «по душе», дом с физкультурой, со школой, с кинематографом, театром, библиотекой, с хорошо организованным медицинским надзором по всем специальностям, со стремлением развить самодеятельность и склонность к социальным навыкам у заключенных[23].

Тюрьма в новом обществе должна была стать местом «излечения или воспитания к жизни в обществе». Тюремный быт надлежало пересмотреть и перестроить, включая его наиболее интимные аспекты (как это предлагали М.Н. Гернет и Д.И. Ласс), в том числе половую жизнь заключенных. И всё же вопросов однополых отношений — важной черты тюремной среды — эти исследователи касались довольно робко. Заключенные отказывались отвечать на вопросы или давали уклончивые ответы. Пенологам приходилось сворачивать дальнейшие расспросы. Свое нежелание исследовать этот считавшийся постыдным аспект тюремной жизни они прикрывали оптимистическими рассуждениями насчет эффективного преобразованного тюремного быта: введения отдельных кроватей, лучшего физического воспитания, более тщательно выстроенного расписания повседневной жизни, считая, что всё это вкупе поможет снять данную проблему. Поэтому разыскание истоков сексуальной жестокости в среде однополых заключенных не представлялось необходимым.

Советские места лишения свободы так и не стали центрами реабилитации, а ГУЛАГ очень скоро переродился в экономическую империю НКВД. Такая метаморфоза лишь множила проявления половой жестокости между мужчинами. Один из выживших узников ГУЛАГа утверждал, что в 1930-х годах «осужденные за гомосексуализм» обычно направлялись в лагерь Медвежьегорск, на северном берегу Онежского озера. В возможность такого целевого отбора и этапирования мало верится. И всё же эта не поддающаяся никакой логике концентрация жертв закона против мужеложства в одном месте в любом случае не должна отвлекать нас от проблемы половой жестокости, царившей в то время во всех лагерях[24]. Непомерный труд выжимал из осужденных все соки. В тюрьмах существовал неформальный рынок, на котором предлагался скудный набор бытовых удобств — еда, одежда, табак, чай, сексуальная разрядка. В царских тюрьмах отношение к сексуально доступным мужчинам формировалось (по крайней мере, отчасти) в соответствии с представлениями о них низших классов как о демаскулинизированных, что объясняло бесчеловечность обращения с ними. Субкультура российских заключенных отличалась жестокостью, особенно на фоне поведения мужчин разного социального статуса, имевших взаимный

секс. Робкие исследования этой проблемы не способствовали смягчению сурового отношения к гомосексуалам в первые послереволюционные годы. При И.В. Сталине традиционные тюремные иерархии укреплялись и даже оберегались властями, пытавшимися запугать «политических» жестокостью «уголовных»[25]. Имеющиеся свидетельства позволяют утверждать, что на всем протяжении XX века «пассивный педераст» находился на дне этой иерархии. Двойственная роль «опущенного» как сексуального суррогата и всеми презираемого козла отпущения объяснялась опасением властей за маскулинность и порочным женоненавистничеством[26].

Широко бытовало мнение, что, как и в мужских местах лишения свободы, в женских тюрьмах, а позже в лагерях ГУЛАГа сама обстановка поощряла женщин на вступление в однополую интимную связь. И, как следствие, культура «социального саморегулирования среди заключенных» приводила к «приобретенной» гомосексуальности[27]. Между тем русские исследователи, изучавшие в 1920-е годы женщин в тюремной среде, сожалели о нехватке достоверных данных о сексуальной активности последних. Пенологу М.Н. Гернету удалось найти лишь два письма, иллюстрировавшие «противоестественный порок» в тюрьме[28]. Проводившееся Д.И. Лассом в 1927 году в одесских тюрьмах исследование половой жизни 81 женщины и 692 мужчин зашло в тупик. Дело в том, что женщины не желали вдаваться в подробности своей интимной жизни, ограничиваясь малозначимыми деталями[29]. Выводы эксперта по этим исследованиям позволяют предположить, что некоторая часть женщин вступала в однополые отношения. 35,3 процента опрошенных женщин признались, что, находясь в тюрьме, они «не воздерживались» от половой активности (которую Д.И. Ласс интерпретировал как мастурбацию и «другие половые извращения»). Ученый заключил, что или его исследование вообще неосуществимо, или не следует безоглядно доверяться объяснениям «других половых извращений», которые предоставляли ему объекты его исследований, поскольку многие женщины сообщали ложные сведения, скрывая, таким образом, значимые эпизоды. Он также отметил, что примерно одна треть из всех женщин делила постель с сокамерницами, что, как считалось, потворствовало пороку[30].

Подход М.Н. Гернета к «психологии половой жизни в тюрьме» отличался бóльшим интересом к детали и не зависел от методологии, опирающейся на анкетирование. Одно из использованных им писем написано некой заключенной, которой докучала мужеподобная женщина (таких на тюремном жаргоне называют

«ковырялкой»), трибада, принимавшая на себя роль мужчины в «противоестественных отношениях» с сокамерницами. М.Н. Гернет писал:

По словам нашей корреспондентки, эти женщины «имеют все выходки мужчин, и ходят, и причесываются, как мужчины, и курят, и носят рубашки-косоворотки, подпоясанные шнурком». Ухаживание начиналось с записок, с уверений в безумной любви и просьб никому не принадлежать. В записках она (мужеподобная подруга корреспондентки. – *Ред.*) писала, что «целует ее маленький ротик и глаза и хочет всю расцеловать». Корреспондентка, о которой тюремная администрация говорила нам, что ее товарка совратила ее, писала нам: «Она мне нравилась, она ко мне приходила в одиночку, но здороваться с ней я боялась: она была прямо какая-то сумасшедшая и сильная, схватит меня и на кровать, и начинает целовать груди, ноги, руки и так неожиданно, что я не в силах ничего сказать»[31].

Свидетельство, воспроизведенное М.Н. Гернетом, представляет собой один из первых портретов «маскулинизированной гомосексуалистки», отбывающей наказание в тюрьме, и дополняет самые ранние документальные ссылки на тюремное жаргонное слово «ковырялка». В мемуарах узников ГУЛАГа, а также в анкетах женщин, отбывавших срок при Леониде Ильиче Брежневе (1906–1982), это слово обозначало, скорее, «пассивного» полового партнера «маскулинизированной» арестантки, а не саму «активную» женщину[32]. Заключенные в тюрьмы гомосексуалистки приобретали маскулинизированные черты характера и облик мужчины во время отсидки либо в силу глубинных свойств натуры. Такие маскулинные женщины вызывали повышенный интерес специалистов и других научных дисциплин[33].

В 1930-е годы советские ученые хранили молчание относительно однополых отношений между женщинами, находившимися в местах заключения, и не обращались к этой проблеме вплоть до возрождения сексологии в 1960-х годах[34]. Литература о жизни женщин в ГУЛАГе предлагает некоторые интересные, хотя и выборочные характеристики однополых отношений, завязывавшихся в пенитенциарных учреждениях. Из этих текстов видно, как образованные жертвы ГУЛАГа восстанавливали в мемуарах пережитое, чтобы со всей наглядностью продемонстрировать разительные отличия между ними и теми, кто, по всей видимости, был осужден за «дело». Здесь просматривается тенденция давать негативную оценку взаимным женским половым отношениям. «Лесбийскую любовь» часто приписывали именно женскому криминалитету, то есть осужденным не по сфабрикованным обвинениям в «контрреволюции» или «антисоветской агитации», но отбывавшим наказание за реально совершенные преступления, вро-

де кражи или убийства. Лесбиянка из ГУЛАГа превращалась, таким образом, в опасный элемент, поджидавший невинных (гетеросексуальных) женщин, попадавших в лагерную систему. Вот как писала об этом немецкая коммунистка Элинор Липпер (Lipper, Elinor), одиннадцать лет отсидевшая в ГУЛАГе:

Большинство женщин-заключенных даже не слышали о существовании сексуальных отношений между женщинами. Они узнавали об этом, впервые очутившись в местах заключения, ибо это было относительно частым явлением среди женщин-преступниц[35].

Впервые увидев на Колыме в конце 1930-х годов «лагерных лесбиянок», русская мемуаристка Екатерина Львовна Олицкая написала:

На первых порах нас ошеломили резко бросающиеся в глаза женщины — «оно». Противные, омерзительно наглые существа. В Магадане их было меньше. Их обычно высылали в глубинные лагпункты. Наглые лица, по-мужски остриженные волосы, накинутые на плечи телогрейки <...>. Они имели своих любовниц, своих содержанок среди заключенных. Парочками, обнявшись, ходили они по лагерю, бравируя своей любовью. Начальство, как и огромное большинство зэков, ненавидели «оно». Лагерницы боязливо сторонились их[36].

Другая писательница, вспоминая свое пребывание в ГУЛАГе в начале 1950-х годов, представила более подробные впечатления об «оно». «Литературно-научное слово "лесбиянка" не было популярно», — писала она. От шутливого слова «оно» по отношению к маскулинизированным лесбиянкам лагерный словарь перешел к «безжалостному» криминальному ярлыку «кобёл»[37].

Часто такие женщины ходили в брюках, коротко стриглись, желая походить на мужчин. Особенно много их было среди блатных, на втором месте шли немки, бывали они и среди нашей интеллигенции. Украинки и, конечно, религиозные [женщины] были меньше других подвержены всякому моральному разложению, часть их горела идеей, а крестьянки и вовсе были неуязвимы для всякой лагерной заразы — доносительства, воровства, сожительства с начальством и, наконец, лесбиянства. Среди религиозных случалось наблюдать проявления экзальтированной дружбы. Но, как видно, «сублимация» была так сильна, что уберегала эту дружбу от перехода за грань. Откровенно вели себя блатные. Явление это запечатлено в их фольклоре. Известна поговорка: «Попробуешь пальчика, не захочешь мальчика». <...> В интеллигентной среде всё, естественно, было скрытно, завуалированно, двусмысленно[38].

Заслуживающие доверия авторы, писавшие о лагерной жизни в 1940—1950-х годах, приводят похожие сведения об однополых отношениях между женщинами, с теми же моральными и классовыми особенностями[39].

Ольга Жук рисует стереотип «безжалостного» («butch») и «женственного» («femme») поведения, который характерен для женской тюрьмы в современной России. Она считает, что такой тип поведения зародился в ГУЛАГе и типичен для тоталитарных систем[40]. Понятия «кобёл» (женщина, имитирующая «мужские» роли) и «ковырялка» (та, что выполняет «женские» функции) и соответствующие им типы поведения «дожили» до наших дней, воспроизводя некое подобие «патриархальной и строго регулируемой структуры гетеросексуальной советской семьи». И маскулинное насилие, и фемининная нежность гетеросексуальных отношений в совокупности представлены в тюремной ролевой системе. Лесбиянки-заключенные «живут семьями <...> женщины воссоздают в тюрьме мир, который они потеряли», с присущими мужчинам и женщинам отношениями, как об этом писал обозреватель Владимир Бондаренко. Как и в воспоминаниях мемуаристки из ГУЛАГа, О. Жук находит источник таких тюремных ролей на «криминальном подворье». Она отмечает, что эти роли сохранились и за пределами тюремной стены — «среди рабочего класса, особенно среди люмпен-пролетариата и деклассированных элементов»[41]. Новые постсоветские исследования отношений «безжалостная — женственная» («butch — femme») показывают, что в нынешней тюремной иерархии такие связи (говоря словами О. Жук) являются «устоявшимися» и «семейными», то есть, как сказал В. Бондаренко, «женщины воссоздают в тюрьме мир, который они потеряли». Даже психиатры советских и постсоветских тюрем нехотя, но с невольным одобрением говорили и продолжают говорить о «гомосексуальных семьях» среди женщин-заключенных[42].

Десталинизация и регулирование однополой любви

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 года послужила толчком к началу процесса политических преобразований, в целом либерального и гуманного. Десталинизация, вначале с осторожностью выдвинутая коллективным руководством, а затем более откровенно при консолидирующей роли Никиты Сергеевича Хрущева (1957–1964), явилась попыткой обновить отношения Коммунистической партии с обществом. В частности, под строгий партийный контроль был взят Комитет госбезопасности, партийное руководство обуздало террор и демонтировало ГУЛАГ. К концу 1950-х годов примерно 4,5 млн гулаговских узников и спецпереселенцев

обрели свободу. Возвращаясь к нормальной жизни, эти люди стремились вернуть себе утраченную работу, дома, семьи и образ жизни[43]. Ключевым аспектом десталинизации была попытка партии внедрить «социалистическую законность» и либерализовать советское уголовное законодательство. Третьей важной чертой этого политического сдвига была сопутствовавшая ему интеллектуальная «оттепель». И хотя цензура не была отменена, темы и вопросы, ранее запрещенные, теперь были разрешены, с определенными оговорками, для изучения и освещения в популярных и специальных изданиях. Несмотря на эти позитивные сдвиги, «либерализация» не затронула гомосексуальность, и, как ни парадоксально, десталинизация способствовала усилению слежки за мужчинами и женщинами, приверженными однополому влечению, и изоляции их от общества.

Решительное обновление «социалистической законности» никоим образом не коснулось антимужеложного закона 1934 года. Во всех республиках были приняты новые уголовные кодексы, основанные на утвержденных 25 декабря 1958 года пересмотренных «Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик». Законодательная комиссия Совета Министров СССР перелистала тысячи нормативных актов сталинской эпохи, чтобы определить, какие следует оставить в силе. 23 ноября 1955 года появилось Постановление Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещения абортов». 27 октября 1960 года третья сессия Верховного Совета РСФСР пятого созыва приняла закон РСФСР об утверждении нового Уголовного кодекса РСФСР и о введении его в действие с 1 января 1961 года[44]. В этом кодексе сроки наказаний были в целом сокращены. Из статьи против мужеложства были изъяты низшие пределы наказания («от трех лет»). Но коррекции их верхних границ не последовало[45]. Сохранение антимужеложной статьи объяснялось представлением о том, что, по крайней мере, мужская гомосексуальность представляет собой одну из форм морального разложения, которое необходимо подавлять и изгонять из общества. Едва ли такое постоянство во взглядах было уникальным в послевоенную эпоху[46]. В СССР же, вероятно, сыграли свою роль специфические условия, тормозившие преследование мужчин-гомосексуалов.

Если судить по воспоминаниям заключенных ГУЛАГа, то для многих опыт однополой сексуальности был связан с чувством отвращения, смущения и отторжения. Это касается в первую очередь мужских лагерей, где взаимная сексуальность строилась по жестокой авторитарной системе, известной каждому. Не только сами заключенные, но милиция и органы, надзиравшие за тюрь-

мами и управлявшие лагерями, прекрасно понимали, что означает «педерастия» для субкультуры вверенных им заведений. Случалось, администрации этим цинично манипулировали[47]. И заключенные, и администрация — большинство людей, вовлеченных в систему ГУЛАГа[48], — знали о сексуальной иерархии, приспосабливались к ней или, по крайней мере, выживали, вписавшись в нее. Ее жертвы были разобщены и не могли противостоять жестокости, благодаря которой держали в узде «пассивного педераста». Меж тем находились и такие, кто мог оправдать «активного педераста». Не зря в начале века некоторые психиатры объясняли поведение такого человека потребностью справлять «естественные» надобности в «искусственных» или «неестественных» условиях. Понятие «активный педераст», таким образом, можно было интерпретировать на новый лад: либо это извращенный выходец из криминальной среды, либо — очередная жертва сталинского ГУЛАГа. Следуя этой логике, «активный педераст» мог ожидать (как того же от него ожидали и окружающие), что сразу же после освобождения он вернется к гетеросексуальным отношениям. Представлялось сомнительным, что, обретя свободу, бывший узник сможет вот так легко перестроиться. Решение, принятое осознанно или нет, о сохранении сталинистского запрета на мужеложство в десталинизированном Уголовном кодексе, вероятно, родилось из страха привнесения в общество «психического заражения» возвратившимися после жестокой лагерной жизни людьми и лишь еще большего распространения «извращений», которыми изобиловала жизнь в ГУЛАГе[49].

Такая логика представляется оправданной в свете данных о постоянно возраставшем числе приговоров за мужеложство, наблюдавшемся, согласно официальной статистике, с 1960 по 1970 год (см. Приложение). Повышение в рамках кампании за «социалистическую законность» требований к доказательности обвинений увеличивало число судебно-медицинских обследований «пассивных гомосексуалистов» с применением новых методов их идентификации. Один московский судебно-медицинский эксперт превратил выявление мужеложства в техническую процедуру. Чтобы выявить пассивного партнера-мужчину, он разработал приспособления (в лаборатории проктологии Министерства здравоохранения) для измерения мускульного тонуса сфинктера. В дополнение у подозреваемых брали мазок с пениса для химического анализа[50]. Из краткого отчета, представленного в 1969 году экспертом И.Г. Блюминым из Бюро судебно-медицинской экспертизы отдела здравоохранения Москвы, можно понять, что на протяжении ряда лет при обследовании 202 чело-

век в связи с привлечением их к уголовной ответственности как «пассивных гомосексуалистов» делалась попытка не только научно обосновать эту процедуру, но и оправдать сам закон против мужеложства[51]. Проведя массаж простаты у этих «гомосексуалистов» и «180 лиц контрольной группы, которые не совершали актов мужеложества», И.Г. Блюмин зафиксировал признаки возбуждения у 156 «пассивных гомосексуалистов». Им было также отмечено «угасание имевшегося ранее общего возбуждения» «при проведении повторного исследования лиц, прекративших совершение актов мужеложества на длительный срок» (главным образом в условиях тюремного заключения, хотя врач не указал, что именно в поведении пациентов натолкнуло его на такие выводы). В заключении, перекликавшемся с выводами доктора Александра Львовича (он же: Соломон Иудович) Шварца (1872–?), пальцами обследовавшего прямую кишку ташкентского бачи в начале века, И.Г. Блюмин доказывал, что продемонстрированные последним условные рефлексы обычно присущи «гомосексуалистам»[52]. И поэтому изоляция «гомосексуалистов» от общества в качестве профилактической меры вполне оправданна. Представляется парадоксальным, что мероприятия по десталинизации уголовно-правовой системы обернулись ростом числа людей, отправленных за мужеложство в тюрьмы и на исправительные работы в лагеря. Сталинистская формула гетеросексуальности пережила диктатора (да и саму советскую систему) и зажила абсурдной жизнью в атмосфере усилившихся гонений и злоупотреблений.

Возобновлению действия закона против мужской гомосексуальности (в УК РСФСР 1960 г.) также способствовал принцип гендерных различий в трактовке половых преступлений, который в 1934 году инициировал И.В. Сталин. В то время считалось, что женская девиантная сексуальность должна была исправляться «самой жизнью», посредством усиленно насаждавшегося принудительного материнства, благодаря отсутствию контроля над рождаемостью и избирательной пропагандой феминности. Десталинизация вернула женщинам частичный контроль над рождаемостью путем легализации абортов, хотя современные методы контрацепции по-прежнему занимали самую нижнюю строчку среди приоритетов экономики командного типа. Годы хрущевской «оттепели» способствовали весьма сдержанному возрождению советских исследований в области сексологии, к тому же они были отмечены гендерным уголовным законом, касавшимся гомосексуальности. Организующим принципом возрожденной сексологии стало отклонение от нормы (эта медицинская дисциплина была известна как «сексопатология»), поскольку

19 Заказ №К-7680

считалось, что не вызывающую проблем нормальную сексуальность изучать не нужно[53]. В такой атмосфере «гомосексуалистка», описанная в работах ряда психиатров в 1920-х годах, вновь стала предметом исследований. Для женщин, имевших секс друг с другом, последствия второй волны медикализации оказались весьма прискорбными.

Исследования о «гомосексуалистках», проводившиеся главным образом в Карагандинском женском исправительно-трудовом лагере, — вероятно, самый ранний и самый неожиданный ручеек сексологических исследований, проводившихся в послесталинской атмосфере[54]. Между 1954-м и началом 1960 года практикующим психиатром Елизаветой Мироновной Деревинской и ее научным руководителем психиатром Абрамом Моисеевичем Свядощем (1914—) были обследованы 96 женщин с целью построения их психологических и физиологических портретов. Результаты исследований Е.М. Деревинская представила в своей кандидатской диссертации, которую успешно защитила в 1965 году[55]. Она не была опубликована, хотя А.М. Свядощ, который к 1973 году убедил Ленинградский городской отдел здравоохранения организовать Сексологический центр при Ленгорздравотделе для консультаций и исследований, широко опирался на работу своей ученицы в книге «Женская сексопатология»[56].

Диссертация Е.М. Деревинской, вероятно, — самое значительное исследование однополых отношений, проведенное учеными в советскую эпоху. Беспрецедентный масштаб и выбор объектов исследования отражал скрытую тревогу в связи с проблемами, которые могли возникнуть у бывших заключенных по их возвращении в общество. Главное, что в центре внимания оказались женщины; подтвержденная криминализированность мужской однополой любви и опасения, порождавшиеся новой советской дисциплиной — «сексопатологией», со всей определенностью подводили к мысли, что широкомасштабные исследования «мужчин, любящих мужчин», будут достаточно редкими, да и то лишь по запросам милиции[57]. Психиатры, или сексологи, не имели возможности исследовать мужчин-гомосексуалов в нужных масштабах.

Из 96 женщин, изученных Е.М. Деревинской, 86 находились в Карагандинском исправительно-трудовом лагере. Как ей удалось понять, что эти женщины — «гомосексуалистки», из ее текста не следует. Гомосексуальность некоторых была установлена во время медицинского лечения в связи с соматическими проблемами. Двенадцать осужденных оставались под наблюдением после освобождения. Психиатр-стажер особенно не вникала в причины заключения женщин под стражу. Она указала, что 43 заключен-

ные «занимались кражами» и никогда нигде не работали. Судя по куцым историям жизни, представленным автором, другие объекты исследования, похоже, не имели связей с криминальным миром. Они вполне могли принадлежать к большому контингенту лагерных заключенных, осужденных в 1940-е – начале 1950-х годов по сфальсифицированным политическим обвинениям[58]. Девять женщин привлекли внимание Е.М. Деревинской как «свободные» пациентки, лечившиеся в Карагандинской провинциальной психоневрологической клинике. Возможно, среди этой группы были бывшие осужденные, осевшие в этом крае после освобождения. Дело в том, что на бывших заключенных часто распространялись ограничения в выборе места жительства. Эта группа состояла главным образом из лиц европейских национальностей Советского Союза и принадлежала к наименее образованным слоям населения[59].

Исследование Карагандинского лагеря, примечательное использованием международной медицинской литературы по женской гомосексуальности, основывалось на делении гомосексуальных женщин на «активных» и «пассивных»[60]. Е.М. Деревинская надеялась, что путем разделения ее пациентов на эти две группы, можно будет избежать противоречивых диагностических и терапевтических выводов, которые ранее делали исследователи. В ее описаниях «активной» и «пассивной» форм женской гомосексуальности перечисляются советские гендерные дезидераты 1950–1960-х годов. «В половой близости [активная гомосексуалистка] играла мужскую роль», раздевала партнершу, даже несла ее в кровать и «чаще всего занимала активное положение (сверху партнерши. – *Ред.*)». «Большинство активных» (41 из 57 в приведенном примере) «имитировали поведение мужчины – главы семейства». Они принимали основные решения, контролировали семейный кошелек (включая и средства, зарабатываемые их партнершами) и распоряжались расходами. «Все они не переносили грязи, неряшливости» и могли быть резкими, даже грубыми со своими партнершами. «Активные» женщины в этих «семьях» презирали «работу, считающуюся женской», «ни одна из них не готовила обед, не стирала, не занималась рукоделием». В то же время они с удовольствием выполняли «мужскую работу» – «кололи дрова, ремонтировали забор, крышу и т. д.». Двадцать одна пациентка из двадцати девяти «активных» овладела «мужской профессией». Среди выполнявшихся ими типично «мужских» работ автор упоминает ремонт обуви, вождение и работу на токарном станке. Почти половина «активных» женщин описаны как «трансвеститки», носившие, по крайней мере, какие-то

детали мужской одежды. Одна «свободная» пациентка психиатрической клиники считалась в обществе мужчиной, поскольку по паспорту она была Андреем Ивановичем (см. ил. 25). Эта гомосексуалка официально зарегистрировала брак с партнершей (вероятно, убедив персонал ЗАГСа в том, что она – мужчина). Вместе с детьми партнерши от предыдущего брака «они <...> образовали гомосексуальную семью». Андрея дети называли «папой». Большинство «активных» субъектов носили короткие мальчишеские стрижки, у тридцати шести имелась татуировка (свидетельство о том, что они жили в криминальном мире). Всем им нравилось, когда партнерши пользовались макияжем и носили платья с глубоким вырезом[61].

«Пассивные» же подруги придерживались фемининных норм поведения в половой и в неполовой жизни, иногда нарочито подчеркивая свою «женственность». От партнерш они ожидали, что те проявят инициативу и в интимной близости. Е.М. Деревинская цитировала некую женщину, которая утверждала: «Это мужское дело раздевать женщин». К партнершам они часто обращались в мужском роде («милый», «дорогой мой»). С точки зрения психиатров эти знаки романтической любви и нередко дававшие о себе знать «мазохистские тенденции» выступали как некая экзальтированность в следовании фемининным принципам. «Пассивные» женщины «терпеливо переносили побои, циничную брань». Дома они стирали белье, готовили и создавали уют для партнерш. «Внешний облик пассивных гомосексуалисток ничем не отличался от женщин их круга»: многие носили длинные волосы или косы, имели «женственную походку». Девятнадцать из тридцати девяти «отличались кокетливостью». Ни одного упоминания о проявлениях «трансвестизма» не сохранилось. Наоборот, все эти пациентки носили «женские платья», «любили <...> кольца, серьги, браслеты, броши», пользовались макияжем, некоторые красили брови и волосы. По характеру они были «мягкими», «легко подчинявшимися чужому влиянию». Двадцать четыре из тридцати девяти «пассивных» владели профессиями «женского» типа («швея, секретарь-машинистка, санитарка»).

Значительная часть исследования Е.М. Деревинской посвящена обзору западной литературы по терапевтическому подходу к гомосексуалам и ее тезису о том, что «активные гомосексуалистки» менее восприимчивы к медикаментозным мерам и хуже поддаются лечению, чем «пассивные». Этот аспект ее работы имел конкретный смысл для организации дальнейшей жизни возвращавшихся из ГУЛАГа людей, хотя об этом Е.М. Деревинская говорит в завуалированной форме. Особенно она выделяла

положительный эффект, который может возникнуть, если устранить влияние, приводившее «пассивную» женщину к однополым отношениям. Автор полагала, что если такие женщины будут жить не с «активными гомосексуалистками», а в обществе, где достаточно мужчин, многие вернутся к «нормальной половой жизни»[62]. Вместе с А.М. Свядощем в 1956–1957 годах психиатр-стажер провела курс терапии девяти женщинам (шестеро из них были «пассивными»). Пациентки согласились (хотя и не скрывали скептицизма) попробовать излечить свою гомосексуальность. Эти женщины принимали курс подавляющего либидо седативного средства (аминазин)[63] и, как указывается, испытали значительное снижение полового влечения. Стоило прекратить прием лекарства, как гомосексуальное влечение вернулось, и Е.М. Деревинская сделала вывод о том, что лекарство лишь подавляло половое влечение, но не изменяло его «направленности». В семи случаях она сочетала лекарственную терапию с психотерапевтическими сессиями (которые подробно не описаны). В конечном счете трех «пассивных гомосексуалисток» удалось привести к «положительному результату», то есть к гетеросексуальным отношениям. Кроме этого, у одной «пассивной» и у всех трех «активных» гомосексуалисток какого-либо положительного эффекта [получить] не удалось»[64].

Спустя почти двадцать лет после того, как были описаны эти сугубо локальные «положительные» итоги, научный руководитель Е.М. Деревинской, открывший в 1973 году в Ленинграде Сексологический центр, предлагал схожие приемы лечения женской гомосексуальности. А.М. Свядощ следовал также западным теориям прошлых лет, в которых в определении сексуальной ориентации внимание концентрировалось на мозговых центрах и их предполагаемых функциях, однако делал вывод о том, что хирургические процедуры, предполагавшиеся этими теориями, слишком сложны и опасны. Будучи убежден, что в один прекрасный день благодаря исследованиям могли открыться «новые направления» для контроля над этой «сексуальной патологией», он считал, что лекарства и психотерапевтический режим, разработанные советской медициной, были сравнительно дешевы и эффективны[65].

Неспешное развитие «сексопатологии» как подчиненной дисциплины советской психиатрии в 1960–1970-х годах означало, что бóльшую часть усилий практикующие врачи направляли на создание институтов и защиту своих научных проектов. Какими бы ни были их личные убеждения, идеологически «слишком узкое и догматичное понимание нормы» порождало у врачей авторитар-

ный и судебно-психиатрический сексологический взгляд — следствие партийного надзора и интеллектуальной изоляции Советского Союза. Разумеется, немаловажную роль сыграло ханжество многих экспертов, равно как и их руководителей[66]. Кроме того, слабое понимание советскими специалистами природы сексуальности привело к тому, что сексуальные и гендерные отклонения изучались только с точки зрения патологии. Диспуты между специалистами (урологами, гинекологами и эндокринологами) по поводу правомочности выделения новой дисциплины — «сексологии» продемонстрировали недооценку психологического и эмоционального аспектов половой жизни. Врачи делали упор на технические средства, разработанные для механической коррекции дисфункций и дефектов. Игорь Кон осудил такое отношение как «плоть от плоти советской "репрессивной психиатрии", которая помогала КГБ запирать в психушки инакомыслящих»[67]. Однако нельзя связывать проблему с одной только партией или давлением Комитета госбезопасности. Советские медицинские традиции патернализма и соблюдения тайны экспериментов над пациентами и поставленного диагноза способствовали практике сексистской, не терпящей критики и принудительной «сексопатологии»[68].

В постсоветских исследованиях говорится, что во времена позднего советского периода женщин, в терминологии медицинских авторитетов — «лесбиянок», могли подвергать многим воздействиям репрессивной психиатрии, практиковавшимся в отношении политических инакомыслящих[69]. Приемы такого лечения сильно смахивают на те методы, которыми впервые воспользовались Е.М. Деревинская и А.М. Свядощ. Женщины, вступавшие в однополые отношения, отправлялись в психиатрические больницы, где на протяжении от двух до трех месяцев под постоянным наблюдением им давали психотропные препараты. После выхода из больницы этих пациенток регистрировали как душевнобольных и подвергали периодическим обследованиям в амбулаторных психиатрических клиниках, иногда выписывая поддерживающие лекарства. Лицам с таким диагнозом отказывали в определенных должностях и в получении водительских прав. Этим людям невозможно было «снять с себя подобную регистрацию». К концу 1980-х годов стало несколько легче уклоняться от такого контроля[70]. В регионах сексологический подход к жертвам этой системы варьировался в зависимости от типа и уровня специальных знаний местных врачей[71]. Между тем сексологический взгляд на женскую гомосексуальность как болезнь, с которой можно справиться посредством технократических и бюрократических механизмов, врачи унаследовали со времен

десталинизации. Этот политический процесс отчасти разрешил проводить сексологическую экспертизу, но не ослабил авторитарность системы социального контроля.

И вновь декриминализация

Перемены в советском обществе в 1980-х годах привели к поиску путей обновления коммунистического правления и командно-административной экономики, а затем, в 1991 году, — к распаду Советского Союза, что имело колоссальные последствия для законодательного и медицинского регулирования гомосексуальности в России. Дальнейшая урбанизация, расширяющееся образование, воцарение технократической власти и цинизм в отношении идеологических ценностей, которые позволяли поколению 1930-х годов занимать ведущую роль в социальной жизни (и удерживать ее), — всё это привело к краху коммунизма[72]. Споры об историческом наследии сталинизма и компромиссах десталинизации нарастали. Скепсису способствовали и социальные катаклизмы, сотрясавшие общество. До 1917 года развитие городов стимулировало появление мест встреч носителей мужской гомосексуальной субкультуры. По мере урбанизации число таких мест лишь возрастало[73]. Несмотря на задержание сотен мужчин в год по обвинению в мужеложстве, складывалось впечатление, что не существует способа окончательно избавить общество от мужчин, тяготеющих к взаимному сексу. Российская гомосексуальная субкультура пустила глубокие корни в обществе, где вопреки неосталинистской реакции на хрущевское политическое послабление конца 1960—1970-х годов процветали и множились безнадзорные и неформальные субкультуры. Диссидентское движение было преимущественно политическим в традиционном западном понимании, при том что в глазах милиции и КГБ все нонконформистские явления вызывали подозрение, да и гомосексуальность представлялась формой «сексуального диссидентства»[74].

Два важных обстоятельства повлияли на то, что в 1993 году состоялась вторая декриминализация добровольного мужеложства в России. (1) Начавшись с акций стихийного протеста против несправедливости советского антигомосексуального законодательства и милицейского надзора, это движение в связи с распространением ВИЧ-инфекции и возрождением в обществе гласности переросло в организованный протест геев и лесбиянок. (2) Эксперты-юристы и медики заставили власти признать бесполезность милицейского преследования гомосексуалов, практико-

вавшегося в Советском Союзе, и на вызов, брошенный СПИДом и ВИЧ-инфекцией, ответить реалистической стратегией просвещения и лечения. Эти инициативы как из народной среды, так и среды специалистов дополняли друг друга и подкреплялись примерами европейских стран и США. Маша Гессен, Игорь Кон, Джеймс Риордан (Riordan, James; 1936–) и Дэвид Туллер (Tuller, David) отмечали данную положительную динамику в контексте демократизации России на фоне всей непредсказуемости этой страны[75]. Взгляд на эти события сквозь призму истории позволяет понять, как на этих переменах сказывалось сталинское наследие и двусмысленная юриспруденция периода десталинизации.

Решение руководителей, развенчавших культ личности И.В. Сталина, сохранить сталинский закон против мужеложства и их явный страх «заражения» общества от «гомосексуалистов», возвращавшихся из ГУЛАГа, подталкивали милицию к усилению акций против мужчин, причислявшихся к гомосексуалам. И всё это происходило на фоне ослабления милицейских мер социального контроля. Хотя фактическое число осужденных за мужеложство в 1950-е годы до сих пор неизвестно, мы знаем, что между 1961 и 1971 годами количество приговоров по данной статье возросло на 40% (см. табл. 2 Приложения). Какой бы ни была тенденция до 1961 года, после этой даты милиция и суды выявляли всё больше и больше мужчин-гомосексуалов, в чем им помогали специалисты судебной медицины. Этот судебно-медицинский тандем не только плодил, но и стимулировал рост числа фиксируемых случаев «гомосексуализма» в советском обществе.

Возраставшая слежка за гомосексуалами и их преследование в 1950–1960-х годах в Соединенных Штатах спровоцировали сначала осторожную, а затем более радикальную реакцию гомофильских организаций. В конечном итоге полицейское преследование в июне 1969 года разъяренных постояльцев Стоунволл Инн (Stonewall Inn) в Нью-Йорке вылилось в бунт, который ныне считается моментом зарождения движения за либерализацию гейства. Вторая волна политической активности приверженцев однополой любви набрала силу среди англоговорящих народов и распространилась очагами в развитых и развивающихся странах, где местные активисты, исходя из собственной культуры и политики, перенимали либо отвергали методы борьбы за либерализацию гейства в Америке. Левые с их горьким опытом сексуально консервативных ортодоксов местной коммунистической и социалистической партий проявляли себя особенно активно[76]. В то время как в Советском Союзе в 1970-е годы не наблюдалось никакого

движения за права геев, зарождение за рубежом этой всё усиливающейся кампании, участники которой знали о роли И.В. Сталина в подавлении первой волны гомосексуальной эмансипации, повлияло благоприятным образом на атмосферу, в которой велся советский милицейский надзор за мужчинами-гомосексуалами. Впервые с тех пор, как в 1928 году Научно-гуманитарный комитет М. Хиршфельда обратился в советское посольство в Берлине, чтобы разобраться в сущности психиатрического лечения гомосексуалов в СССР, и после того, как Г. Уайт в письме И.В. Сталину просил разъяснить идеологическую правомерность принятия антимужеложного статута 1934 года, преследование в Советском Союзе однополой любви стало объектом тщательного и критического разбирательства со стороны зарубежных гомосексуалов. Важно, что на этот раз внимание к данному вопросу было более постоянным и проблема рассматривалась в контексте необходимости соблюдения прав человека в СССР[77].

В частности, международное внимание привлекало преследование политически нелояльных интеллектуалов со стороны КГБ за якобы нарушение ими закона против мужеложства. На этом основании грузинский режиссер Сергей Иосифович Параджанов (1924–1990) получил в 1974 году пять лет лишения свободы, а в 1976 году ленинградский поэт Геннадий Трифонов – четыре года. Это два наиболее заметных примера. Итальянский активист движения геев Анджело Пеццана (Pezzana, Angelo) прибыл в Москву, чтобы убедить ведущего правозащитника Андрея Дмитриевича Сахарова (1921–1989) выступить с публичным протестом против преследования гомосексуалов в Советском Союзе. 15 ноября 1977 года, не остановленный отказом А.Д. Сахарова и заручившись поддержкой иностранной прессы, А. Пеццана выразил в Москве единоличный протест в защиту С.И. Параджанова. В ответ со страниц претендовавшей на интеллектуальность многополосной «Литературной газеты» прозвучала лишь издевательская отповедь. В «Открытом письме» от 7 декабря 1977 года, переданном из тюрьмы, Г. Трифонов писал о «глупости, лжи, жестокости и цинизме», проявленных газетой и культивируемых обществом в отношении гомосексуалов. Это письмо «Литературная газета» не опубликовала, однако оно было переведено и издано за рубежом. В 1978 году поэма Г. Трифонова «Письмо из тюрьмы» вышла одновременно в нескольких печатных изданиях геев[78]. Представители позднего советского диссидентства без сочувствия относились к критике секс-гендерного догматизма. Очевидно, эти люди находились под влиянием интеллигентского культа аскетизма и наследия сталинской идеи о

«естественных» фемининности и маскулинности, а также мемуаров об однополых отношениях среди заключенных исправительно-трудовых лагерей[79]. Западные организации, отслеживающие политическое диссидентство, например «Amnesty International», в то время не считали преследование гомосексуалов сферой своей компетенции. Тем не менее к концу 1970-х – началу 1980-х годов горстка советских гомосексуалов по аналогии с более крупными движениями инакомыслящих решила бросить вызов преследованию в советском обществе однополой любви. Недолго просуществовавшая «Гей-лаборатория», группа мужчин и женщин примерно из 30 человек, появилась в 1983 году в Ленинграде под предводительством Александра Зарембы. Объединение вступило в контакт с организациями финских геев и лесбиянок и с Международной ассоциацией геев (International Gay Association). «Гей-лаборатория» пыталась исследовать приемлемость для россиян идеалов либерализации гейства и осмыслить новую угрозу, которую представляла собой ВИЧ-инфекция для сторонников однополой любви в условиях Советского Союза. В 1984 году под давлением КГБ группа распалась, а ее члены либо эмигрировали, либо перестали заявлять о себе[80].

На протяжении 1970–1980-х годов судебные и медицинские эксперты осторожно или эзоповым языком призывали реформировать закон против мужеложства. Советские юристы и сексологи не признавали второй волны гомосексуальной эмансипации, воплощенной в движении западных геев за либерализацию. В отличие от своих коллег в 1920-е годы, считавших политику первой волны эмансипации частью сексуальной революции, поддерживавшейся советским руководством, эксперты более поздних лет выражали свои аргументы в пользу декриминализации добровольного мужеложства исключительно утилитарным языком, примером чему – учебник по уголовному праву, изданный в 1973 году Ленинградским университетом, в котором давалась подробная критика пресловутого закона, совпадавшая с либеральной критикой царских мер против мужеложства, высказывавшейся в начале XX века В.Д. Набоковым. Авторы подвергли критике, в частности, практику применения уголовных законов для наказания проступков, которые лежали, в сущности, в плоскости морали. Ученые утверждали, что за столь интимный акт невозможно постоянно наказывать, и ссылались на декриминализацию или ненаказуемость таких деяний не только в капиталистических странах, но и (к тому времени) в коммунистических Восточной Германии, Польше и Чехословакии[81]. Еще две инициативы, оказавшие влияние на политику по этому вопросу, были

предприняты за закрытыми дверями. Первая – это записка 1979 года, направленная в Министерство внутренних дел СССР специалистом в области половых преступлений профессором Алексеем Николаевичем Игнатовым. По всей вероятности, этот документ остался без практических последствий. Далее имела место безуспешная попытка историка и сексолога И.С. Кона опубликовать в 1982 году во влиятельном журнале «Советское государство и право» статью об антимужеложном законе[82].

В отличие от своих предшественников начала XX века юристы, выступавшие в 1970–1980-х годах против этого закона, очевидно, находились под влиянием медицинских моделей гомосексуальности. В эти годы советская «сексопатология» постепенно завоевывала позиции как заслуживающая доверия и технически изощренная дисциплина. Этой тенденцией отмечены интересные труды Георгия Степановича Васильченко, И.С. Кона и других ученых, которые всё откровеннее освещали в своих исследованиях вопросы как мужской, так и женской гомосексуальности[83]. Хотя зачастую такие работы носили патерналистский характер, а само явление эти ученые расценивали как патологию (например, для Г.С. Васильченко «гомосексуализм» был одним из многочисленных «нарушений психосексуальной ориентации»), они ставили диагнозы и предлагали способы лечения мужской гомосексуальности. Их методика представляла собой важный отход от сталинистских убеждений, что любовь между мужчинами – преступление, а не болезнь. Исследования советских ученых шли вслед за развитием на Западе нейроэндокринологии. В СССР стали проводиться более широкие эксперименты с лекарствами и психотерапией для мужчин-гомосексуалов. Впервые эти средства были применены к женщинам[84]. Советская сексология вновь была готова взять гомосексуалов под опеку. В середине 1980-х годов, когда юристы тайно составляли проект нового Уголовного кодекса РСФСР, то и дело вспыхивали дебаты между милицейскими функционерами и чиновниками от медицины по поводу необходимости отмены запрета на мужеложство. К концу 1980-х годов при Михаиле Сергеевиче Горбачеве с его политикой гласности дебаты выплеснулись в общественную сферу, и криминолог А.Н. Игнатов открыто высказался за прекращение судебного преследования мужской гомосексуальности, заявив, что гомосексуальность – врожденная «патология» и, мол, в силу этого нет оснований для преследования ее как преступления[85]. Как писал И.С. Кон, А.Н. Игнатова поддержали популярный адвокат Александр Максимович Яковлев и психоэндокринолог и пионер советских исследований транссексуализма Арон Исаакович Белкин.

Меж тем чиновники Министерства внутренних дел призывали сохранить запрет на отягчающие формы мужеложства (с насилием или с несовершеннолетним)[86]. Это противостояние подходов к гомосексуальности — медицинского и милицейского — напоминало дискуссии времен нэпа о регулировании однополых отношений. Однако, как заметила Маша Гессен, к концу эпохи М.С. Горбачева стороны достигли «консенсуса» о том, что закон, запрещающий добровольное мужеложство между взрослыми, следует отменить[87].

В России начали появляться организации, защищающие права так называемых «сексуальных меньшинств», причем многие приняли западную тактику и стратегию либерализации гейства. В 1990 году объединенные группы были учреждены в Москве, Ленинграде и других городах России, публикации о геях и лесбиянках стали обычным делом, в Эстонской ССР была проведена конференция по изучению различных аспектов сексуальности. Множились контакты с европейскими и американскими активистами. Кампании против ВИЧ-инфекции и СПИДа оправдывали существование организаций геев и лесбиянок. Демократизация, всколыхнувшая советское общество, способствовала подъему активности геев и лесбиянок[88]. Правда, участники кампании обнаружили, что создать секс-гендерную диссидентскую организацию всё равно оказалось не так-то просто, поскольку в России «сообщество геев» практически отсутствовало[89].

Доступ этих активистов к политикам и партиям, которые в 1991 году, после распада Советского Союза, взяли на себя руководство Российской Федерацией, был ограничен. Указ президента России Б.Н. Ельцина, опубликованный 27 мая 1993 года (подписан 29 апреля), отменявший закон 1933–1934 годов против добровольного мужеложства, «застал гей-активистов врасплох»[90]. Декриминализация мужеложства обошлась без русских активистов и промелькнула в потоке законодательных реформ, которыми характеризовались первые годы правления Б.Н. Ельцина. Одновременно его администрация рассекретила исторические документы (переписка Сталина–Ягоды), очевидно, чтобы легитимизировать свои действия[91]. Но никаких мер амнистирования семидесяти трех осужденных за добровольное мужеложство, о которых доложили чиновники Министерства внутренних дел, предпринято не было. Скорее всего, несчастные отбыли сроки заключения до конца[92]. Окончательное подтверждение отмены закона против мужеложства пришло 24 мая 1996 года, когда Государственная Дума приняла новый Уголовный кодекс Российской Федерации. Правда, он также предусматривал наказания за

мужеложство и лесбиянство в форме «насильственных действий сексуального характера». Активисты и некоторые эксперты, в том числе А.Н. Игнатов и И.С. Кон, еще до принятия этого УК РФ решительно выступили против его проекта, заявив, что впервые в российском законодательстве «предусматривалась кара и за лесбиянство», а также отметив появление в статьях, карающих за половые преступления, нестыковок, обусловленных неучетом особенностей сексуальной ориентации[93].

В интервале между ельцинским указом 1993 года и введением в действие в 1996 году нового Уголовного кодекса, существовавший УК в исправленном варианте предусматривал за изнасилование малолетней до 15 лет лишения свободы или даже смертную казнь (ст. 117 УК РСФСР 1960 года), в то время как «мужеложство, совершенное с применением физического насилия, угроз, или в отношении несовершеннолетнего...» каралось максимальным сроком в 7 лет. Новый кодекс устранил такие противоречия. И хотя особых статей, в названии которых упоминались бы «мужеложство» или «лесбиянство», уже не было, их можно было усмотреть в диспозиции ст. 132–134 УК РФ 1996 года, в названия которых вошло недостаточно четко определяемое словосочетание «действия сексуального характера». Эта поправка была уступкой Министерству внутренних дел и милиции на их требование ввести особый закон против однополых сексуальных насилий и развратных действий. Подход, отстаиваемый большинством просвещенных юристов и медицинских работников, а также активистами геев и лесбиянок, в соответствии с которым закон должен наказывать за сексуальное насилие над слабыми и несовершеннолетними вне зависимости от пола, не был учтен. В первом постсоветском кодексе имел место лишь частичный возврат к ранним большевистским принципам гендерной нейтральности, заключавшимся в уравнивании наказаний за гетеросексуальное и однополое насилие[94]. Появление особой статьи, относящей «мужеложство» и «лесбиянство» к потенциальным половым преступлениям, вновь утвердило живучесть в Российском государстве сталинистского взгляда на пол преступника и жертвы как имеющих значение при рассмотрении половых правонарушений.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

> Несмотря на всю сложность и подчас запутанность, к исходу XIX – началу XX века новая географическая карта гомосексуальных перверсий отразила и подтвердила, что формирование расы, гендера и половой личности – это, по сути, единственный проект развития *цивилизации*.
>
> *Bleys, Rudi C.* The Geography of Perversion... 1995

> Что же касается гомосексуалистов, оставим России ее чистоту. У нас свои традиции. Этот вид общения между мужчинами ввезен из-за границы. Если они считают, что их права ущемлены, то пусть уезжают и живут в другой стране!
>
> *Распутин, Валентин Григорьевич.*
> Интервью, данное в начале 1991 года четвертому каналу Британского телевидения[1]

Попытки последнего времени выработать новые подходы к осмыслению российского пути в XX веке фокусируют внимание на своеобычном типе модернити, избранном русскими. Начнем с того, что «сталинизм как цивилизация»[2] исторически вырос из европейских идеалов. С другой стороны, было создано «неотрадиционное» общество, в котором государство подменяло собой рынок и заботилось о привитии исконных ценностей[3]. Стивен Коткин (Kotkin, Stephen) отмечает, что благодаря решимости вопреки всему построить и переделать не только экономику страны, но и повседневный быт сталинизм стараниями миллионов создал «некапиталистическую» цивилизацию, граждане которой учились «говорить по-большевистски» и, отодвигая на второй план опасения и сомнения, в основном были готовы защищать «социализм». Полученное социальное образование стало «неотъемлемой частью курса европейской истории»[4]. Изучая проекты государственного строительства как характерной черты процесса коммунистической модернизации (согласно сталинской формулировке, «национальной по форме и социалистической по содержанию»), Терри Мартин (Martin, Terry) сделал вывод, что советская модернити была порочна в своей основе.

Меры, призванные провести нерусские народности СССР мимо опасностей, связанных с пробуждением национального самосознания (что сбивало с толку новых пролетариев в плане их классовой самоидентификации), послужили лишь укреплению национализма (имеются в виду программы «выдвижения» местных национальных кадров и «постоянная рутина наклеивания этнических ярлыков»). Т. Мартин пишет: «Модернизация – это теория советских намерений, неотрадиционализм же – теория их непредсказуемых последствий»[5].

Как для С. Коткина, так и для Т. Мартина построение нового человека – ключевая черта модернизации общества, неотъемлемая часть советского плана индустриализации, урбанизации, секуляризации и просвещения царской империи, унаследованной большевиками. Какие же виды гомосексуальных личностей были рождены этой «цивилизацией»? Где их место на «карте перверсий», если воспользоваться термином Руди Блейса? Насколько действенна была русская гомосексуальность в истории европейской цивилизации на исходе XIX – начале XX века? Если гомосексуалы не сумели объединиться, если преобладали непредсказуемые последствия, до какой же степени русский опыт модернизации однополого эроса пронизан неотрадиционализмом? Может ли гомофобная амнезия, исповедуемая В.Г. Распутиным, рассматриваться как доказательство ментальности, сформированной неотрадиционализмом?

Если, как считает Ева Сэджуик (Sedgwick, Eve), западные концепции гомосексуальности полны «радикальных и непреодолимых противоречий», то в Российской империи и позже в Советском Союзе эти противоречия усугублялись еще и тем, что это огромное государство вело одну политику для «цивилизованного», а другую – для «отсталого» в обществе[6]. Вероятно, на просторах этого уникального политического образования можно обнаружить полный букет европейских перверсий. По мнению Е. Сэджуик, понимание однополой любви как присущей «меньшинству» аномалии или патологии то стремительно, то с отставанием приходило в европейские города России. Тем временем «универсализация» толкований «педерастии» как эндемического явления среди неславянских, часто «отсталых» народностей, проживавших на задворках империи или Союза, преобладала, когда русские обращали взор за пределы центра метрополии. И всё же для них, размышлявших в начале века о поле и модернизации, такая дуалистическая «география перверсий» была неполной. Их карты включали третий элемент, отличный как от западноевропейского мира с его буржуазными индустриальными городами, отчуждением от

традиций, морально разложившимся обществом и покупными удовольствиями, так и от других крайностей «примитивных», колониальных обществ. Россия топталась на краю цивилизации, так и не познав ее порочных удовольствий, как об этом писал в 1909 году социал-демократ Г.С. Новополин:

> Но оставим на время Западную Европу, где неврастения, с одной стороны, с ея неизбежными спутниками и часто половыми извращениями, а с другой стороны – культура комфорта, также часто идущая параллельно с грязной изобретательностью полового разнообразия, – делают в жизни большие успехи. Вступим на родную почву. Конечно, нравы известной части русского общества, а особенно русской буржуазии, далеки от целомудренной чистоты. Но здесь всё еще царствует грубый и простодушный разврат. Мы еще далеки и от эпидемии неврастении, и от утонченного комфорта, но зато далеки и от половых извращенностей. Мы дадим сто очков вперед любой западноевропейской стране по части проституции и венерических заболеваний, но разврат на русской почве всё еще носит примитивный характер[7].

«Педерастия», по мнению Г.С. Новополина, практиковалась лишь среди городского элемента русской «буржуазии» и в ее «аристократических кругах», а также «на Кавказе». «Грубые и простодушные» удовольствия обычных русских рабочих и крестьян располагались где-то между неврастеническими пороками городских европейцев и восточными извращениями населения Кавказа и Средней Азии. Состоявшая из трех частей «география перверсий» с ее сравнительно невинной Россией, находящейся между «цивилизованной» Европой и безнадежно «примитивным» или «отсталым» Востоком, позволяла и позволяет русским считать свою нацию универсальной, естественной и однозначно гетеросексуальной. Когда В.Г. Распутин заявлял: «У нас свои традиции», он невольно взывал к великорусской традиции наносить на карту «географию перверсий» мифологию национальной чистоты, выдуманной в начале века и закрепленной последующими событиями.

Двусмысленность и замалчивание, лежащие в основе идеи большевиков об однополых взаимоотношениях и их месте в новом обществе, произрастали в основном из противоречий, порожденных этой русской «географией перверсий». Проект социалистической модернизации и его цивилизаторская миссия породили гносеологическое разделение на меньшинство и большинство с претензией на универсальность суждений в отношении однополого эроса. В городской России, где строились революционные планы, утверждение модерните диктовало секуляризированность половой морали и медикализированность половых вопросов. В революционном Уголовном кодексе РСФСР с его лексиконом

модернити не было места для религиозной или «буржуазной» морали, поэтому отсутствовал и запрет мужеложства, что, в частности, поддержало миф о «целомудренной» России, оказавшейся на распутье меж двух полюсов полового расстройства. Отсутствие запрета оставило открытым путь для модернизаторов, которые желали подвести научную базу под секс-гендерное диссидентство. «Болезненный» подход к однополой любви повлиял как на сторонников эмансипации, так и на тех, кто пытался патологизировать гомосексуальность и выступал за психиатрическое лечение гомосексуалов. И даже психиатры 1920-х годов, исповедовавшие последний подход, полагали, что для России подобные извращения не характерны. Как в 1929 году заявлял Л.Я. Брусиловский на Ученом медицинском совете, в сравнении с Германией эти извращения «не особенно часты» в СССР. Весьма удобно было считать, что такого рода расстройства распространены не среди русских мужчин, а среди крошечного числа русских женщин, ускоренная эмансипация которых, вероятно, уж слишком маскулинизировала их.

Тем временем за пределами городской России и европейской части СССР цивилизаторская миссия большевиков не могла согласиться с «болезненным» подходом к однополому эросу и рассматривала последний как эндемическую (присущую данной местности) практическую характеристику изнанки социального, религиозного и культурного слоя. По мнению Руди Блейса, это была социалистическая версия европейской этнографической традиции XX века, воспринимавшей изучаемые «расы» и народы как в принципе склонные к «мужеложству», или «педерастии». Выстраивая государственные структуры в этих регионах, «социалистических по содержанию» и при этом «национальных по форме», большевистские законодатели 1920-х годов отклонили скупую модернистскую и революционную лексику половых преступлений, использовавшуюся их коллегами в РСФСР. В южных и восточных республиках они предпочитали язык этнографии и перечень «преобладающих» и «широко распространенных» местных обычаев (включая мужеложство, мужскую проституцию и сексуальное преследование мужчин), которые предстояло изжить. По меркам социализма, такие преступления представлялись происками местных буржуев и национальных вождей, групп, пытавшихся деморализовать простых граждан этих регионов. С самого начала революционной эры в России «цивилизаторская миссия» социалистов состояла в искоренении «преступлений, составляющих пережитки родового быта» и образующих русскую «географию перверсий». Такое «картографи-

() Заказ № К-7680

рование» позволяло РСФСР (наряду с Белоруссией, Украиной и, как ни странно, Арменией) проводить двусмысленную сексуальную модерниити, в том числе и в отношении однополого эроса, превращая ее в борьбу с «примитивными» пороками Кавказа и Средней Азии.

Рекриминализация мужеложства в РСФСР и других «модернизированных» советских республиках в 1933–1934 годах повернула общество к неотрадиционалистским формам регулирования однополой любви, но вместе с тем сформировала современное представление о маскулинной идентификации. Решение выделить и запретить именно мужскую гомосексуальную активность следовало рассматривать как неотрадиционалистский маневр, особенно в сочетании с лексикой, отдававшей временами религиозного и моралистического консерватизма в законодательной истории России. В нормах законности был нарушен важный революционный принцип гендерного равенства, в центре метрополии сталинизм применил те же приемы социалистической «цивилизаторской миссии», что были использованы на периферии (изначально довольно детально прописанный антимужеложный закон). Но ведь в центре не было «примитивного» общества, которое бы поголовно предавалось мужеложству, как это якобы происходило в окраинных республиках. Новый закон не диагностировал проблему, считавшуюся в советских, более «модернизированных» республиках «местной». Влияние ключевого антимужеложного закона было минимальным, и в этом, как ни парадоксально, сказался эффект модерниити, ибо он «извлек из небытия» мужскую гомосексуальную личность и противопоставил ей во всей чистоте и «нормальности» гетеросексуальность большинства. В сердце новой цивилизации, строившей социализм, «салоны» «педерастов» и «гомосексуалистов» разлагали «нормальных» солдат, моряков и рабочих, отвлекая их воображаемую нерастраченную энергию (которая отличала Советскую Россию от «истощенного» Запада) от «естественных» способов ее канализации. «Уничтожьте гомосексуалистов — фашизм исчезнет», — писал М. Горький, тыча пальцем в сексуальную личность, но не в специфическое деяние. Городская субкультура сделалась предметом законодательной деятельности, сводя проблему к небольшой группе мужчин. Существенно, что это была субкультура, известная своими сексуализированными территориями, и распространялась она в рамках городского пространства. Как впервые в переписке с И.В. Сталиным предложил Г.Г. Ягода, мужеложство, которому предавались «публично», должно было стать особой мишенью. Эти территории следовало очистить от

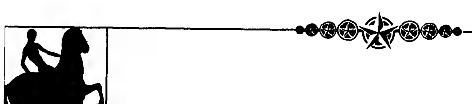
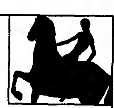
такой специфической социальной аномалии. Таким образом, воображаемая русская нация в своей целомудренной чистоте официально заняла промежуточное положение между неврастенической (и в 1930-х годах фашистской) Европой, с одной стороны, и «первобытными» извращениями Востока — с другой.

Утверждение о том, что существовала только мужская гомосексуальность, которую необходимо было криминализировать, являлось неотрадиционалистской чертой сталинистского гендерного синкретизма. В первые годы советской эпохи «женский гомосексуализм» был в какой-то степени новым «болезненным» объектом и даже предметом утопических ви́дений времен культурной революции, однако в 1930-х годах медицина отошла от притязаний на «маскулинизированную женщину». Медицинские взгляды на женскую гомосексуальность как «болезнь» были полностью подавлены, а вместе с ними — и любой импульс модернизировать сексуальные идентичности женщин либо на пути медицинского сочувствия (включая утопические представления о возможности однополых браков), либо на пути насильственной патологизации, когда явление квалифицировалось как психопатология. Отныне сексуальность советских женщин должна была соответствовать требованиям, обусловленным целями маскулинизации и повышения рождаемости. Учитывая, что гетеросексуальность насаждалась принудительно и все дискурсы относительно женской сексуальности, не зависящей от мужчин, подавлялись, сталинизм существенно сузил возможности для сексуальной активности женщин в послереволюционном устройстве.

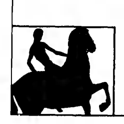
Десталинизация принесла России нелиберальную форму сексуальной модерниги, при которой научные и милицейские методы сочетались ради насаждения с большей, чем прежде, эффективностью нормы принудительной гетеросексуальности. (Для подавления однополой любви аналогичные методы применялись в 1940–1960-х годах в Британии, США и обеих Германиях.) Отныне «гомосексуалистка» была возрождена как «болезненная» личность и патологизирована психиатрией. Сделано это было, вероятно, с целью контроля за распространением «заразы», переносимой возвращавшимися из ГУЛАГа заключенными. Идентификация «гомосексуалистки» теперь, определенно, закреплялась за конкретным особым меньшинством, отделенным от большинства «нормальных» женщин. Неотрадиционализм задавал тон в складывавшемся гендерном режиме, направленном на подавление однополой любви: взаимная любовь между мужчинами оставалась преступлением, в то время как любовь между женщинами считалась «просто» болезнью.

Упорное отрицание того очевидного обстоятельства, что гомосексуальность в России существует, являлось ярко выраженной неотрадиционалистской чертой позднего советского мышления. Советские средства массовой информации внушали («нормальному» большинству), что «гомосексуализм» — «родимое пятно» капитализма. Пресса ничего не сообщала о закрытых процессах по делам о мужеложстве, а сексологическая литература о «гомосексуалистках» была адресована только специалистам. Биографии деятелей литературы и культуры искажались, гомосексуалов изображали гетеросексуалами либо вообще о них не упоминали. Русские поздней советской эпохи, не сталкивавшиеся с однополым влечением лично, могли с легкостью вообразить, что их страна сексуально столь же невинна, как это представлялось в трехсторонней «географии перверсий». Попытка создания такой карты «непорочного» Советского Союза, расположившегося между разложившимся Западом и погрязшими в пороках неразвитыми странами Востока и Азии, наиболее отчетливо себя проявила в советской журналистике эпохи М.С. Горбачева, в частности — в публикациях о СПИДе[8]. Подавление исторической и культурной памяти об однополой любви и претензии на невинность России, спасшейся от западной извращенности и «первобытной» развращенности, являло собой значительный элемент в гендерной политике чистых «народных национальных особенностей», которые пропагандировал коммунизм. По словам Терри Мартина, эти самые «национальные особенности» и были ключевым источником неотрадиционализма[9].

Представление о том, что однополые отношения чужды национальной культуре, всё чаще повторяются в антизападном дискурсе. Прежде всего это наблюдается в коммунистических режимах (Куба, Китай), а также в развивающихся странах с рыночной экономикой, со своими особыми политическими системами (вроде Зимбабве, Ирана и Малайзии). «Постколониальная гомофобия» этих наций является реакцией на внедрение европейской секс-гендерной системы и одновременно на институционализацию гомо/гетеро/бинаризма — ключевого инструмента западной политики в сфере сексуальных отношений[10]. Сталинизм стал первым из пустившихся в такой гомофобный дискурс, однако почва для него была удобрена много раньше интеллектуальной жизнью России. Коллективная амнезия в отношении секс-гендерного диссидентства сохранила и развила неотрадиционалистский миф о «чистоте» России, зажатой между больным, зараженным Западом и развращенным Востоком.

Приложение

СКОЛЬКО ВСЕГО ЖЕРТВ ЗАКОНА ПРОТИВ МУЖЕЛОЖСТВА?

Оценка числа мужчин, осужденных в СССР согласно закону против мужеложства 1934 года, доходила до отметки в 250 тысяч[1]. Организаторы недавней кампании против гомофобии в Российской Федерации склонялись к примерно 60 тысячам судебных приговоров за 59 лет действия закона. Эта оценка основана на сведениях из советологических источников о том, что в период с конца 1960-х и вплоть до 1970-х годов ежегодно осуждалось около тысячи мужчин; однако такая же цифра механистически распространяется и на более ранние десятилетия. Также предпринимались объяснимые попытки (в которых, впрочем, игнорировались исторические различия) сопоставить количество мужчин, получивших приговор за мужеложство в Советском Союзе, с общим числом жертв, отправленных в концентрационные лагеря за мужскую гомосексуальность в фашистской Германии[2].

Нил Маккенна (McKenna, Neil) был прав, заявив, что мы так никогда и не узнаем, сколько мужчин пострадали из-за этого закона. Первая, и наиболее серьезная, проблема при попытке подсчитать жертвы объясняется полным отсутствием данных о применении этого закона службами госбезопасности. Насколько известно, ни один иностранный или российский академик, ни коммунистическая организация, ни одна политическая партия или политик не обращались к сменившей КГБ структуре с просьбой получить доступ к данным, которые, возможно, у них есть, проливающим свет на историю арестов гомосексуалов советским Комитетом госбезопасности, а также их судьбу и поднадзорную жизнь в лагерях. (Аналогично ничего не известно о попытках получить более полные исторические объяснения из Ар-

хива Президента Российской Федерации или Архива Министерства внутренних дел.) Табу на исследование этой темы по-прежнему остается в силе, а награда за инициирование такого запроса может показаться скромной, если сопоставить ее с возможными нежелательными последствиями. Более того, из той строго дозированной информации, что была предана огласке в 1993 году с целью оправдать тогдашнюю декриминализацию мужеложства, мы можем предположить, что русские официальные лица также полагают, что они мало что выиграют с политической точки зрения от предоставления более подробной информации.

В нынешней российской ситуации вряд ли удастся добыть документальное подтверждение о якобы «нескольких тысячах» мужчин-гомосексуалов, заключенных в тюрьму органами госбезопасности[3]. Второй поток осуждений, зарегистрированный обычной милицией и судами, оставил лишь обрывочные и нечеткие следы в архивных хранилищах, доступных для исследователей. Эти данные сведены в таблицы ниже. В табл. 1 предпринята попытка свести воедино данные за период с 1934 по 1950 год. Эти «моментальные снимки» позволяют предположить, что правительственные чиновники всё же вели некий учет приговоров за мужеложство. Однако эти дела имели статус особой секретности, особенно учитывая, что те же статистики собирали и публиковали аналогичные данные для внутреннего пользования по контрреволюционным преступлениям и другим половым преступлениям, процессы над которыми проходили в обычных судах. В таблицах осуждений по интересующей нас статье Уголовного кодекса соответствующие столбцы подчас оставались незаполненными. Если приговор вступал в силу, судебные органы неохотно давали официальные разъяснения. Крайнее нежелание включать такую информацию даже в служебные документы, вероятно, свидетельствует о том, что органы госбезопасности прямо ответственны за внедрение закона против мужеложства в сталинскую эпоху. Мы не знаем, сколько мужчин были арестованы за это «преступление». В доступной исследователям статистике с 1951 по 1960-е годы зияет большая брешь. Но если поначалу ответственность за приведение в исполнение закона против мужеложства и в самом деле несли органы госбезопасности, то напрашивается вывод, что означенный информационный пробел может соответствовать времени, когда эта обязанность была вменена обычной милиции.

Цифры, приведенные в табл. 1–3, позволяют предположить, что в 1930–1940-е в сравнении с 1960-ми и более поздними годами число осужденных за добровольное и насильственное мужеложство было значительно меньше. Поэтому рискованно механически экстраполировать данные из поздней советской действительности на более раннее время. Материал, представленный в нашем исследовании, дает достаточные основания утверждать, что в первые 27 лет действия антимужеложного закона было осуждено меньше мужчин, по крайней мере, обычной судебной системой в сравнении с последующими десятилетиями. Имеются данные о нескольких делах, слушавшихся в Московском городском суде, этой весьма показательной столичной инстанции, где было резонно ожидать их большего числа. Мы также знаем, что знаковые фигуры, чья гомосексуальная ориентация не являлась тайной для властей в 1930-е годы (такие, как Н.А. Клюев и Ю.И. Юркун), не привлекались органами госбезопасности по статье против мужеложства, но попали под арест за контрреволюционную деятельность. Эта практика, вероятно, приводила к снижению официальных показателей. Похоже, что в рамках обычной судебной системы закон был направлен против мужской гомосексуальной субкультуры, решал задачу социальной чистки города и не использовался для подавления антисоветского инакомыслия. Со временем необходимость социальной чистки отошла, по-видимому, на второй план. Последние годы сталинского руководства были отмечены слабым интересом милиции к представителям гомосексуальной субкультуры. Только шесть москвичей и девять ленинградцев оказались среди ста тридцати граждан РСФСР, осужденных в 1950 году[4] за мужеложство. Число обвинительных приговоров за этот год весьма низко по сравнению с 464 осужденными русскими в 1961-м, а также в следующем году, статистика по которому доступна.

Данные за 1961–1980 годы говорят, что на исходе 1960-х годов число приговоров за добровольное и насильственное мужеложство быстро росло и затем достигло в известном смысле постоянного уровня. По-видимому, методы, использовавшиеся милицией, претерпели изменения (рейды на пресловутые территории субкультуры, облавы, обращения к судебной экспертизе). Статистика ничего не говорит ни о соотношении приговоров за добровольное мужеложство с приговорами за насильственное мужеложство, ни о том, как эти данные менялись по времени.

Приговоры за мужеложство, 1934—1950 годы

Табл. 1

Год	Приговоры за мужеложство, РСФСР	Форма 10 Вероятные приговоры за мужеложство*	Процент от всех преступлений, РСФСР
1934			
1935	15 (a)		
1936		257	0,03 (g)
1937	74 (b)	164	0,01(b)/0,02 (g)
1938		138	0,02 (g)
1939		97	0,01 (g)
1940			
1941		109	0,01 (g)
1942			
1943			
1944	6 (c)		
1945	16 (c)/47 (d)		–/0,003 (e)
1946	39 (c)/82 (d)		0,002/0,005 (e)
1947	63 (d)		0,004 (e)
1948	34 (d)		0,003 (e)
1949			
1950	130 (f)		0,01 (e)
Всего:	377/451	765	

Пояснения к таблице

a) Рассмотрены только в Московском городском суде (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2).

b) Все РСФСР, только первая половина 1937 года (ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 42. Л. 155). NB: 48 приговоров за добровольное мужеложство (ст. 154-а-I), 26 — за насильственное мужеложство (ст. 154-а-II).

c) За весь год, по статьям 154-а, части I и II (ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 42. Л. 140).

d) За весь год, по статьям 154-а, части I и II (ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 50. Л. 400).

e) Выведено, исходя из общего числа приговоров за все преступления, хранящихся в: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 16. Д. 20. Л. 9.

f) За весь год, по статьям 154-а, части I и II (ГАРФ. Ф. А353. Оп. 16. Д. 121. Л. 16–24).

g) Выведено, исходя из общего числа приговоров по форме 10.

* Цифры в этой колонке приблизительные, поскольку, не будучи обозначены в использованных источниках как преступления за мужеложство, они получены методом дедукции (см. документы фонда: Народный комиссариат юстиции РСФСР, таблицы приговоров по форме 10 – ГАРФ. Ф. А353. Оп. 16. Д. 19. Л. 24–29об. [1936]; Д. 23. Л. 31–34об. [1937]; Д. 27. Л. 41–42об. [1938]; Д. 31. Л. 99–104об. [1939]; Д. 38. Л. 123–126об. [1941]).

Мы также мало знаем о числе граждан, подозревавшихся милицией в мужеложстве, но не осужденных. Многих мужчин допрашивали по подозрению в гомосексуальных отношениях, некоторым было предъявлено обвинение, но они не предстали перед судом либо предстали, но не получили обвинительный приговор, на что справедливо обращает наше внимание Дэниел Шлутер (Schluter, Daniel)[5]. Статистика по началу 1980-х годов в архивах отсутствует и, насколько нам известно, нигде не публиковалась. Общее число осужденных за всё время действия антимужеложной статьи (1934—1993 годы) колеблется в пределах 25 688—26 076 человек, однако это лишь предварительные данные. Мы не располагаем сведениями за 22 года из этого периода, к тому же бóльшая часть данных за два первых десятилетия отрывочна и противоречива. Статистика органов госбезопасности абсолютно недоступна. Россияне, желающие расцвета демократии в своей стране, заслуживают более полных данных о так и не прочитанной нами до конца черной странице сталинизма.

В этих препринтных формах большинство статей Уголовного кодекса было специально выделено, но ст. 154-а за мужеложство отсутствовала. Под графой «Преступления против личности» всё, кроме четырех статей, имело свою отдельную строку. Данные по четырем статьям — ст. 141 (доведение <...> до самоубийства), 147—149 (насильственное незаконное лишение кого-либо свободы; помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового человека; похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка...), 154-а (мужеложство) и 157 (отказ в медицинской помощи), — очевидно, были сведены в одну строку под названием «Прочие преступления». Форма 10 позволяет рассортировать приговоры по продолжительности наказания, назначаемого по этим статьям. Из четырех слитых воедино статей только ст. 154-а-II влекла минимальный срок — от трех лет лишения свободы. По статьям 154-а-I и 141 полагалось максимально 5 лет, по другим — 3 года и менее. Выделяя из сводной строки приговоры со сроком 5 и более лет, составляющих сравнительно малую долю от общего числа приговоров, становится возможным отнести приговоры с максимальным сроком к ст. 154-а. Цифра может быть слегка «загрязнена» наличием небольшого числа приговоров с максимальными сроками по ст. 141 и «размыта» в силу неучета приговоров за добровольное мужеложство (ст. 154-а-I) со сроками менее предельного пятилетнего.

Приговоры за мужеложство в СССР и РСФСР, 1961–1981 годы

Табл. 2

Годы	Приговоры за мужеложство, СССР	Процент от всех преступлений, СССР	Приговоры за мужеложство, РСФСР	Процент от всех преступлений, РСФСР
1961	705	0,09	464	нет данных
1962	767	0,09	530	0, 11
1963	831	0,12	592	0,14
1964	777	0,13	547	0,14
1965	627	0,11	393	0,11
1966	770	0,11	485	0,10
1967	940	0,13	617	0,13
1968	756	0,11	453	0,10
1969	993	0,12	641	0,12
1970	1223	0,14	787	0,14
1971	1206	0,14	854	0,15
1972	1255	0,14	882	0,15
1973	1319	0,16	853	0,16
1974	1355	0,15	883	0,15
1975	1214	0,14	803	0,14
1976	1181	0,13	773	0,13
1977	1320	0,16	877	0,17
1978	1314	0,15	882	0,16
1979	1262	0,14	822	0,14
1980	1119	0,11	708	0,11
1982	1229	0,12	849	0,12
Всего: 22 163			14 695	

Источники: ГАРФ. Ф. 9492. С<екретная> ч<асть>. Оп. 6с. Дела 58, 69, 81, 91, 102, 112, 128, 141, 151, 161, 177, 193, 205, 221, 239, 254, 271, 285, 302, 317, 328.

Приговоры за мужеложство, 1987–1991 годы

Табл. 3

Год	Приговоры за мужеложство, СССР
1987	831
1988	800
1989	538
1990	497
1991	482 (только РСФСР)
Всего:	3148

Источники: *Riordan, James.* Sexual Minorities... 1966. P. 160–161.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Реакция пожилого историка из России на наш доклад на научной конференции в 1994 году под названием «Constructing the Soviet Pervert: Same-Sex Desire, Medicine and Law in Soviet Russia, 1917–1929» иллюстрирует желание маргинализировать эту тему, вытолкнуть ее на обочину: «[И, наконец, доклад Даниеля Хили из Торонто под шокирующим названием "Создание советского извращенного человека (в оригинале: «перверта». – *Ред.*): гомосексуализм, медицина и закон в России. 1917–1929".] С моей точки зрения (и, полагаю, не только с моей), это не самая актуальная историографическая тема, но если учесть, что не так давно в Нью-Йорке состоялась 250-тысячная демонстрация так называемого "сексуального меньшинства" в защиту своих прав, то столь странный интерес молодого ученого к проблеме, скорее относящейся к истории медицины, чем общества, можно понять» (*Литвак, Борис Григорьевич.* Коллоквиум североамериканских историков-русистов / Б.Г. Литвак // Отечественная история: журнал основан в марте 1957 года: выходит 6 раз в год / Российская Академия наук, Институт российской истории. М.: Наука, 1995. № 4, июль–август. С. 221 (218–221)). Б.Г. Литвак совсем по-советски считает, что медицина должна быть «вне» общества (вследствие ее научных, «объективистских» притязаний); такая точка зрения противоречит нашей позиции, базирующейся на социально-конструктивных и феминистских воззрениях на науку, поскольку медицина отражает породившие ее общество и культуру. См. также: *Kuhn, Thomas S.* The Structure of Scientific Revolutions... [1962]*; *Fausto-Sterling, Anne.* Myths of Gender... 1985; *Oudshoorn, Nelly.* Beyond the Natural Body... 1994; Science and Homosexualities... 1997.

---

* [Здесь и далее знак многоточие (...) отсылает к полному библиографическому описанию документа в «Библиографическом списке...». На издания, отсутствующие в «Библиографическом списке...», но приводимые в «Примечаниях», составлены библиографические описания в соответствии с действующими ГОСТами и Правилами. При повторном упоминании такого издания также дается отсылка знаком многоточия к первому упоминанию. Сведения, введенные научным редактором, заключены в квадратные скобки.]

[Русскоязычного читателя, интересующегося вопросами терминологии, отсылаем к соответствующей главе в изд.: *Кон, И.С.* От ответов к вопросам // Кон, И.С. Лунный свет на заре... 1998. С. 10–25; см.: *Он же.* В родных пенатах // Там же. С. 281–331; см. также: *Он же.* Любовь небесного цвета... 2001. С. 5–43, 159–172.]

[2] В настоящее время литература по осмыслению гетеросексуальности в западном обществе с ее опорой на традиционный контингент с исторически и политически детерминированными гендерными ролями весьма обширна. Среди наиболее значимых работ см.: *Foucault, Michel.* The History of Sexuality. Vol. I... 1978; *Weeks, Jeffrey.* Sexuality and Its Discontents... 1985; *Katz, J.N.* The Invention of Heterosexuality... 1995.

[3] См. основные исследования по этой проблеме: *McIntosh, Mary.* The Homosexual Role... 1968; *Steakley, James D.* The Homosexual Emancipation Movement in Germany... 1975; *Katz, J.H.* Gay American History... 1976; *Hahn, Pierre.* Nos ancêtres, les pervers... 1979; *Faderman, Lillian.* Surpassing the Love of Men... 1981; Not a Passing Phase... 1989; Hidden from History... 1989; *Bérubé, Allan.* Coming Out under Fire... 1990; *Weeks, Jeffrey.* Coming Out... 1990; *Faderman, Lillian.* Odd Girls and Twilight Lovers... 1991; *Donoghue, Emma.* Passions between Women... 1993; *Chauncey, George.* Gay New York... 1994; Homosexuality in Modern France... 1996.

[4] См., напр.: *Jackson, Peter A.* Thai Research on Male Homosexuality... 1997; Third Sex, Third Gender... 1993; *Green, James N.* Beyond Carnival... 1999; *Lumsden, Ian.* Machos, Maricones, and Gays... 1996; Islamic Homosexualities... 1997.

[5] Ева Сэджуик отмечает, что в западных концепциях гомосексуальности преобладает «радикальная и не поддающаяся упрощению непоследовательность». «Миноритизирующая» точка зрения, согласно которой небольшая субгруппа в популяции «действительно» геи, соседствует с «универсализующей» обеспокоенностью о том, что потенциально каждый человек может испытывать однополое влечение. Автор предполагает, что «для самосохранения мужская гетеросексуальная идентичность и современная маскулинистская культура могут нуждаться в “козлах отпущения”, кристаллизующихся в однополом мужском влечении, которое, хотя весьма распространено, но глубоко запрятано». Модернити всё больше ассоциируется с «миноритизующим» взглядом на однополую сексуальность и с проскрипцией личного выражения однополой интимности (intimacy) для большинства, но Е. Сэджуик предостерегает, что непоследовательность в подходе к гомосексуальности сохраняется до сих пор (см.: *Sedgwick, Eve K.* Epistemology of the Closet... 1990. P. 85 [ср. рус. пер.: с. 193]).

[6] См.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 3. Ироническое клише маркирует момент, когда в России вновь заговорили о сексе; см., напр.: *Gessen, Masha.* We Have No Sex... 1990; *Engelstein, Laura.* There is Sex in Russia – and Always Was... 1992.

[7] В 1995 году в академическом читальном зале № 1 Библиотеки им. В.И. Ленина в Москве (с 1992 г. – РГБ) мы не могли получить экземпляр тома второго издания советской Большой медицинской эн-

циклопедии со статьей о «половых извращениях» (см.: *Попов, Е.А.* Половые извращения... 1962) – в выдававшихся экземплярах она была аккуратно вырезана. Сексологические знания, востребованные после смерти И.В. Сталина в 1953 году, стали доступны, да и то только профессионалам, доказавшим с помощью письменных справок, что они таковыми являются (см.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 171–173).

[8] О кондовых формулировках советских половых норм см. также: *Горфин, Д.В.* Половая жизнь... 1940; Гомосексуализм / Б. п. // Большая советская энциклопедия: [в 51 т.]. 2-е изд. / гл. ред. Б.А. Введенский. [М.]: Гос. науч. изд-во «Большая советская энциклопедия», [1952]. Т. 12: Голубянки – Гродовка. С. 35; [*Мандельштам, Александр Эмильевич* (1894–1982). Половая жизнь // Большая медицинская энциклопедия: [в 36 т.]. Изд. 2-е / гл. ред. А.Н. Бакулев. М.: Гос. науч. изд-во «Сов. энциклопедия», 1962. Т. 25: Плотность – Пороцефалез. Стб. 874–887. Литература: стб. 887 ([24] назв.)].

[9] См., напр.: *Чирков, П.М.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.)... 1978.

[10] Американский биограф поэтессы Софии Яковлевны Парнок (1885–1933) встречала подобное отношение среди симпатизировавших ей советских коллег (об этом см.: *Burgin, Diana Lewis*. Sophia Parnok... 1994. P. 6–7).

[11] Напр., игнорирование предположения о «педерастических» отношениях между французом Жорж-Шарлем Дантесом бароном Геккереном (Heeckeren, Georges-Charles d'Anthès baron de; 1812–1895), убийцей Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837), и приемным отцом Ж.-Ш. Дантеса, посланником Нидерландов в Санкт-Петербурге Луи Борхардом бароном ван Геккереном де Беверваардом (van Heeckeren de Beverwaard, Lui Borchard, baron; 1791–1884). Недавний анализ новых свидетельств, включая переписку означенных персон, в который раз подчеркивает «советское ханжество» с его взглядом на однополые сексуальные отношения как изначально омерзительные. Напомним, что до 1917 года национальные обсуждения трагической смерти А.С. Пушкина были отмечены косвенными гомофобными намеками в адрес его убийцы (см., напр.: *Vitale, Serena* (1945–). Pushkin's Button = Bottone di Puskin / Serena Vitale; translated from the italian by Ann Goldstein and Johh Rothshild. L.: Fourth Estate, 1999. P. 335 (X, 398 p.) [; см. рус. пер.: *Витале, Серена.* Пуговица Пушкина / Серена Витале; пер. с англ. [Е.М. Емельяновой]. Калининград: [ФГУИПП] Янтарный сказ, cop. 2000. С. 356 (418, [2] с.)]. Мнение о самоубийстве Петра Ильича Чайковского (1840–1893) ради искупления вины за свою гомосексуальность, – возможно, самый яркий пример подобной ханжеской озлобленности (исчерпывающие разъяснения и опровержения такого рода измышлений см.: *Poznansky, Alexander I.* Tchaikovyky's Last Days... 1996 [; см. также: *Познанский, Александр И.* Самоубийство Чайковского: миф и реальность: к 100-летию со дня смерти Петра Ильича Чайковского / Александр Познанский; [редакторы Л.В. Липатова, Я.Ю. Могутин]. [М.: Литературно-худо-

жеств. журн. «Глагол», 1993] (Самара: Изд-во «Самарский Дом печати»). 190, [2] с.; 20 × 12,5 см. (Глагол: Литературно-художественный журнал / ред. журнала Сергей Надеев, Александр Шаталов; 17. 1993). На тит. л. над авт.: Глагол. 17.1993. В обл. 50 000 экз.]

[12] Документы к биографиям П.И. Чайковского, Сергея Михайловича Эйзенштейна (1898–1948) и Михаила Алексеевича Кузмина (1875–1936) находились в «спецхране», в доступе к ним исследователям отказывали; о М.А. Кузмине см., напр.: *Шумихин, С.В.* Дневник Михаила Кузмина... 1990; *Malmstad, J.E. and Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin: A Life in Art... 1999.

[13] Относительно этнографических воззрений см.: *Hirschfeld, Magnus.* Die Homosexualität des Mannes und des Weibes... 1914. S. 590–592; анализ полемики в связи с сексуальной реформой см.: *Reich, Wilhelm.* The Struggle for a 'New Life' in the Soviet Union; впервые опубл. [на нем. яз.] в 1936 г., переизд.: *Idem.* The Sexual Revolution. N.Y.: Pocket Books, 1969. [См.: *Reich, Wilhelm* (1897–1957). Der Kampf um das «neue Leben» in der Sowjetunion // Reich, Wilhelm. Die Sexualität im Kulturkampf... 1936. Zweiter Teil, Kapitel I–VII. S. 107–247. Переизд.: *Idem.* Ibid // Reich, Wilhelm. Die sexuelle Revolution... 1966. Zweiter Teil, Kapitel I–VIII. S. 189–329; *Idem.* Ibid // Op. cit. ... [Sept. 1971]. S. 157–270. Англ. пер.: *Reich, Wilhelm.* The Struggle for the «New Life» in the Soviet Union // Reich, Wilhelm. The Sexual Revolution... 1945. Part 2, [ch.] VIII–XIV. P. 151–269; *Idem.* Ibid // Op. cit. ... [1970]. P. 151–269; *Idem.* The Struggle for a «New Life» in the Soviet Union // Op. cit. ... [1975]. Part 2, [ch.] VIII–XIV. P. 179–328. Рус. пер.: *Райх, Вильгельм.* Борьба за «новую жизнь» в СССР // Райх, Вильгельм. Сексуальная революция... 1997. Ч. II, гл. I–VII. С. 203–347;] *Lauritsen, John and Thorstad, David.* The Early Homosexual Rights Movement (1864–1934)... [1974].

[14] См.: *Karlinsky, Simon.* Russia's Gay Literature and History... 1976; *Idem.* Death and Resurrection of Mikhail Kuzmin... 1979; *Idem.* Gay Life before the Soviets... 1982; *Idem.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989; *Idem.* Introduction: Russia's Gay Literature and History... 1996.

[15] См., напр.: *Карлинский, Саймон.* Гомосексуализм в русской истории и культуре // Тема: газета / издатель и ред. Роман Калинин. М., 1991. № 1. С. 4–5; *Он же.* «Ввезен из-за границы...»?... 1991; *Он же.* То же // Эротика в русской литературе... 1992; Примечания С. Карлинского включены в статью: *Могутин, Ярослав Ю.* и *Франета, Соня.* Гомосексуализм в советских тюрьмах и лагерях... 1993.

[16] Так, «Группа 1917» («The 1917 Collective») особо ценит, непонятно почему, публикацию: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989; см.: Capitalism and Homophobia: Marxism and the Struggle for Gay and Lesbian Rights // The Material Queer... 1996. P. 374–376.

[17] Панорама радикальных воззрений первых лет революции представлена в изд.: *Stites, Richard.* Revolutionary Dreams... 1989.

[18] См.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 357.

[19] О первых попытках критики такого подхода см. нашу статью: *Healey, Daniel.* The Russian Revolution and the Decriminalisation of Homo-

sexuality... 1993. Наилучшее введение в законодательную сферу см. в изд.: *Engelstein, Laura*. Soviet Policy toward Male Homosexuality... 1995.

[20] Оценка С. Карлинским советской медицины опирается на «тоталитарное прочтение» им всего лишь двух источников, см.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 358. Это «прочтение» мы оспорим в гл. 5 и 6 наст. изд. Наблюдатели от левых геев также осуждали советскую медикализацию гомосексуальности. «Группа 1917», цитируя С. Карлинского, закрепила тезис о «болезни», см.: Capitalism and Homophobia... 1996. P. 375 [см. Введ., примеч. 16]. Джефри Уикс (опираясь на: *Lauritsen, J. and Thorstad, D.* The Early Homosexual Rights Movement... 1974. P. 73–74) развенчал как «биологические стереотипы» ссылки на Магнуса Хиршфельда (1865–1935) и Зигмунда Фрейда (1856–1939), сделанные М.Я. Серейским в его статье 1930 года «Гомосексуализм», написанной для «Большой советской энциклопедии» (т. 17), см.: *Weeks, J.* Coming Out... 1990. P. 147.

[21] См., напр.: *Foucault, M.* The History of Sexuality. Vol. I... 1978; Science and Homosexualities... 1997; *Sengoopta, Chandak*. Glandular Politics... 1998.

[22] Об этом см.: *Frieden, Nancy M.* Russian Physicians... 1981; *Hutchinson, John F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918... 1990; *Engelstein, Laura*. The Keys to Happiness... 1992 [см. рус. пер.]; *Neuberger, Joan*. Hooliganism... 1993; *Bernstein, Laurie*. Sonia's Daughters... 1995.

[23] О социальной гигиене и политике в отношении здравоохранения см.: Health and Society in Revolutionary Russia... 1990; *Solomon, Susan G.* The Expert and the State in Russian Public Health... 1994; *Bernstein, Frances L.* Envisioning Health in Revolutionary Russia... 1998; *Idem.* What Everyone Should Know about Sex... 1998. О психологии, психиатрии и неврологии см.: *Joravsky, David*. Russian Psychology... 1989. О психоанализе см.: *Эткинд, А.М.* Эрос невозможного... 1993; *Miller, Martin A.* Freud and the Bolsheviks... 1998. Сравнительные нравственно-этические изыскания см.: The Wellborn Science... 1990; *Solomon, S.G.* The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat Mongolia, 1928... 1993; *Graham, Loren R.* Science in Russian and the Soviet Union... 1993.

[24] Из анализа имеющейся историографии складывается впечатление, что сексуальные диссиденты были не способны дать отпор своим гонителям. С. Карлинский считает, что при И.В. Сталине «преследование в Советском Союзе геев не было ни продолжительным, ни повсеместным» (*Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 362). Из антисталинистских работ следует, что сопротивление либо вовсе не оказывалось, либо было тщетным, см.: *Reich, W.* The Sexual Revolution... [1975]. P. 252–256 [«Part 2: The struggle for a "new life" in the Soviet Union, [ch.] XI, § 2: The Reintroduction of the law on homosexuality»]. [См. рус. пер.: *Райх, Вильгельм*. Борьба за «новую жизнь» в СССР... 1997. Ч. II, гл. IV, § 2: Восстановление параграфа о наказуемости гомосексуализма. С. 274–278]; *Lauritsen, J. and Thorstad, D.* The Early Homosexual Rights Movement... 1974. P. 62–75.

[25] [Под «ревизионистски настроенными историками» подразумеваются западные историки, не разделяющие взглядов С. Карлинского.] В 1960–1980 годах доступ в советские архивы западных исследователей лимитировался системой контроля, включавшей визовые ограничения и надзор спецслужб, тематические запреты, отсутствие консультационной помощи и жесткий порядок работы с архивными документами. Советские исследователи работали в условиях схожих препон, см.: *Fitzpatrick, Sheila*. Introduction // Stalinism... 2000. P. III–IV.

[26] Примеры нежелания обсуждать то, что, судя по всему, отсутствовало в источниках, см. также: *Stites, Richard*. The Women's Liberation Movement in Russia... 1978. P. 346–391; *Goldman, Wendy Z.* Women, the State, and Revolution... 1993. Тщательный анализ отрывочных данных о «гомосексуализме» в исследованиях 1920-х годов о поле см. в изд.: *Fitzpatrick, Sh.* Sex and Revolution... 1978.

[27] См.: *Naiman, Eric*. The Case of Chubarov Alley... 1990. *Idem*. Sex in Public... 1997; *Waters, Elizabett*. Victim or Villain... 1992; *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994; *Wood, Elizabeth Alan*. Prostitution Unbound: Representations of Sexual and Political Anxieties in Postrevolutionary Russia // Sexuality and the Body in Russian Culture... 1993. P. 124–135.

[28] Впервые этот тезис был выдвинут социологом и юристом Николаем Сергеевичем Тимашевым (1886–1970), см.: *Timasheff, N.S.* The Great Retreat... 1946.

[29] См.: *Lapidus, Gail W.* Women in Soviet Sosiety... 1978. P. 113; *Mamonova, Tatyana*. Russian Women's Studies... 1989. P. 130; *Ward, Chris*. Stalin's Russia... 1993. P. 198–199. Видный ревизионистский сторонник тезиса «великого отступления» в «половом вопросе» Ричард Стайтс полностью игнорирует криминализацию мужеложства (sodomy), см.: *Stites, R.* The Women's Liberation Movement in Russia... 1978.

[30] См.: *Solomon, S.G.* The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s... 1992; *Goldman, Wendy Z.* Women, Abortion, and the State, 1917–1936 // Russia's Women... 1991. P. 243–266.

[31] Интересно, что при обсуждении в 1920 году вопроса об аборте Инесса [Елизавета Федоровна] Арманд (1874–1920) и Надежда Константиновна Крупская (1869–1939) подчеркивали право женщин контролировать рождаемость, в то время как их оппоненты мужчины акцентировали внимание на медицинских аспектах этой проблемы и соответствующем контроле; см.: *Wood, E.A.* The Baba and the Comrade... 1997. P. 107–108.

[32] См. также: *Brodsky Farnsworth, Beatrice*. Bolshevik Alternatives and the Soviet Family: The 1926 Marriage Law Debate // Women in Russia... 1977. P. 139–166; *Clements, Barbara E.* The Effects of the Civil War on Women and Family Relations // Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social Hisory / ed. by Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, and Ronald Grigor Suny. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1989. P. 105–122 (450 p.)

[33] См.: *Clements, B.E.* Bolshevik Women... 1997; *Wood, E.A.* The Baba and the Comrade... 1997.

[34] См.: *Von Hagen, M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship... 1990; *Pinnow, K.M.* Making Suicide Soviet... 1998; *Sanborn, Joshua A.* Drafting the Nation: Military Conscription and the Formation of a Modern Polity in Tsarist and Soviet Russia, 1905–1925: Ph.D. diss. University of Chicago, 1998.

[35] См., напр.: Manliness and Morality: Middle-class Masculinity in Britain and America, 1800–1940 / ed. by J.A. Mangan and James Walvin. Manchester (UK): Manchester University Press, 1987. 287 p.: ill.; *Gilmore, David D.* (1943–). Manhood in the Making: Cultural Concepts of Masculinity. New Haven (CT): Yale University Press, 1990. 258 p.; *Rotundo, E. Antony.* American Manhood: Transformations in Masculinity from the Revolution to the Modern Era. N.Y.: Basic Books, 1993; *Nye, Robert A.* Masculinity and Male Codes of Honor in Modern France. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1993. IX, 316 p.: ill. (Studies in the history of sexuality); *Connell, Robert W.* Masculinities... 1995.

[36] См., напр.: *Lauritsen, J. and Thorstad, D.* The Early Homosexual Rights Movement... 1974; *McKenna, Neil.* Men of the Lunar Light: A Utopian Period in Russian History // Him. L.: Millivres Publishing Group, 1990. № 32. P. 49; *Dollimore, Jonathan.* Sexual Dissidence... 1991. P. 94; The Material Queer... 1996. P. 254–262 (о двух статьях Александры Михайловны Коллонтай (1872–1952) «Отношение между полами и классовая борьба» (1919) и «Любовь и новая мораль» (1919) (англ. пер.: «Sexual Relations and the Class struggle»; «Love and the New Morality»), пробуждающих ностальгические воспоминания о «добром» социализме времен пика деятельности этой революционерки). [См.: Библиографический список... .] Несколько искаженное описание этой политики см. в изд.: *Norton, Rictor.* The Myth of the Modern Homosexual... 1997. P. 252. [«Возникшая в 1980-х годах на <...> основе [утверждений Мишеля Фуко, изложенных в его “Истории сексуальности”,] так называемая “квир-теория”, отраженная в исследованиях Терезы де Лауретис [Lauretis, Teresa de], Джудит Батлер [Butler, Judith] и др., принципиально отвергает всякую “объективную” категоризацию сексуального поведения. “Странность”, “инаковость”, “друговость” (так переводится слово “queer”) — просто другая субъективность, признание которой расширяет границы нашего опыта, поскольку *я* создается и реализуется только в общении с Другим через Другого» (*Кон, И.С.* Любовь небесного цвета... 2001. С. 43; см. также: *Он же.* Лунный свет на заре... 1998. С. 14).]

[37] См., напр.: *Hocquenghem, Guy* (1946–1997). Homosexual Desire (1972). Durham (NC): Duke University Press, 1996. P. 133–136 [перевод изд.: *Idem.* Le Désir homosexual / [par] Guy Hocquenghem. Paris: Editios universitaires, 1972. 125 p. (Psychothèque; 16)]; и, вопреки признанию отсутствия социального базиса для гомосексуальной реформы в СССР, см.: *Weeks, J.* Coming Out... 1990. P. 144–150. Критика С. Карлинским левацких оценок этой истории сводится к тому, что ими игнорировалась социальная и культурная специфика России, см.: *Karlinsky, S.* Gay Life before the Soviets... 1982.

[38] Ко времени запрета в СССР мужеложства В. Райх был исключен из коммунистической партии и эмигрировал в Скандинавию, см.: *Boadella, David.* Wilhelm Reich: The Evolution of His Work. L.: Vision Press, 1973. 400 p.

[39] Итак, Ги Хоссвенгхем осудил В. Райха как «крайнего реакционера» и пришел к выводу, что попытка последнего «скрестить» секс и революцию лишь послужит восстановлению «гетеросексуальной нормы», см.: *Hocquenghem, Guy.* Homosexual Desire... 1996. P. 133–136 [см. Введ., примеч. 37]; о В. Райхе как герое прогрессивной сексуальной политики, которого сталинизм принудил замолчать, см.: *Lauritsen, J. and Thorstand, D.* The Early Homosexual Rights Movement... 1974. P. 77.

[40] Воспроизведенная недавно в нижеуказанном издании подборка четырех документов сталинской эпохи (из «Большой советской энциклопедии», газеты «Правда» и др. источников) широко цитировалась многими историками; эти хорошо известные документы, несмотря на «критическое» предисловие Лоры Энгельштейн, производят впечатление «толерантности», попранной в 1930-х годах сталинским «поворотом на 180 градусов при регулировании частной и половой жизни», см.: We Are Everywhere: A Historical Sourcebook of Gay and Lesbian Politics / ed. by Mark Blasius and Shahe Phelan. N.Y.; L.: Routledge, 1997. P. 197–199, 214–215 (XII, 844 p.).

[41] Так, полиглот Руди Блейс не упоминает о России в своем исчерпывающем обзоре этнографической литературы об Азии, Африке и обеих Америках (см.: *Bleys, Rudi C.* The Geography of Perversion... 1995); *бачи* (мальчики-проституты) среднеазиатских обществ только раз упоминаются в изд.: *Murray, Stephen O.* Some Nineteenth-Century Reports of Islamic Homosexualities // Islamic Homosexualities... 1997. P. 204–221 (на с. 208–211). Больше внимания сексуальной и гендерной амбивалентности сибирских народов Дальнего Востока уделено в изд.: Oceanic Homosexualities... 1992. P. 293–339. Среди авторов текстов о шаманизме известны русские этнологи: Владимир Германович Богораз (1865–1936), Владимир Ильич Иохельсон (1853–1937)* и польский этнограф Мария Антонина Чаплицка (Czaplicka, Maria Antonina; 1886–1921) (см.: *Murray, Stephen O.* Vladimir Bogoraz's Account of Chukchi Transformed Shamans // Oceanic Homosexualities... 1992. P. 293–312; *Idem.* Vladimir Iokalson's [i. e. V.I. Iochelson] Reports of Northeastern Siberian Transformed Shamans // Ibid... 1992. P. 313–327; *Idem.* Czaplicka's Interpretation of Kamchadal Slavery and of Siberian Transformed Shamans as a Third Gender // Ibid... 1992. P. 329–339).

---

* [Точные даты жизни установлены по изд.: Незабытые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в шести томах / Рос. гос. б-ка, Отдел лит. зарубежья; Сост. В.Н. Чуваков; [Под ред. Е.В. Макаревич; В подготовке изд. принимали участие: Т.В. Аветисова (НИО развития компьют. технол.), А. Арсеньев (Югославия), И.В. Балдина, А.И. Бардеева, Э.А. Брянская, Е.М. Букреева, Е.В. Макаревич, А.И. Серков (НИО рукоп.), Л.М. Степанович, В.П. Шумкова; Организац. работа: Н.В. Рыжак (зав. отд.), А.И. Бардеева, Е.В. Макаревич; компьютерный набор: Л.М. Степанович]. М.: [Изд-во РГБ «Пашков дом»], 2001. Т. 3: И–К. С. 97. Научный редактор сердечно благодарит Елену Владимировну Макаревич и Людмилу Михайловну Степанович за неоценимую помощь в подборе документов.]

[42] Несмотря на немногочисленность русских источников, некоторые аспекты освещены исчерпывающе в следующих изд.: *Karlen, Arno.* Sexuality and Homosexuality: A New View. [1st ed.]. N.Y.: W.W. Norton, [1971]. XX, 666 p.; *Greenberg, David F.* The Construction of Homosexuality... 1988. Новейшие популярные исследования основываются либо на работах С. Карлинского (см., напр.: *Miller, Neil* (1945–). Out of the Past: Gay and Lesbian History from 1869 to the Present. 1st ed. N.Y.: Vintage Books, 1994; L., 1995. XXV, 657 p.), либо полностью игнорируют Россию (в качестве наиболее показательного примера см.: *Spencer, Colin* (1933–). Homosexuality: A History. L.: Fourth Estate, 1995. 448 p., [8] l. ill.).

[43] В XIX в. половые акты между мужчинами (male-to-male) среди азиатских, африканских и американских аборигенов воспринимались европейцами как эндемические или «присущие низшим расам». Те же самые акты в среде сами́х европейцев обычно рассматривались как девиации, характерные для меньшинства, о чем см.: *Bleys, R.C.* The Geography of Perversion... 1995. P. 270. В России, которую Р. Блейс, впрочем, проигнорировал, придерживались подобной же ошибочной линии.

[44] О сибирских шаманах см. выдержки из антропологической литературы: Oceanic Homosexualities... 1992. P. 314, 324, 332–336 [см. Введ., примеч. 41]; о возрождении сибирских шаманских культур и сопутствующей этому андрогинии см.: *Balzer, Marjorie M.* Sacred Genders in Siberia // Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives / ed. by Sabrina Petra Ramet. L.: Routledge, 1996. P. 164–182 (XIII, 231 p.); о мужчинах мусульманского вероисповедания см.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 50–51; *Шварц, А.Л.* К вопросу о признаках привычной пассивной педерастии... 1906.

[45] Изучение отношения русских к представителям малочисленных этнических групп показало асимметрию подхода господствующей нации к меньшинствам, базирующейся на иерархии европейских представлений о развитии этноса. Для лучшего понимания вопроса см.: *Slezkine, Yuri* (1956–). Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca (NY); L.: Cornell University Press, 1994. XVI, 456 p.: ill.; Russia's Orient... 1997.

[46] См.: *Foucault, M.* The History of Sexuality. Vol. I... 1978. P. 97, 143–145; *Robinson, Paul A.* (1940–). The Modernization of Sex: Havelock Ellis, Alfred Kinsey, William Masters, and Virginia Johnson. N.Y.: Harper & Row, cop. 1976. VIII, 200 p.

[47] См.: *Greenberg, D.F.* The Construction of Homosexuality... 1988. P. 14; *Duberman, Martin Baum, Vicunus, Martha* and *Chauncey, George* // Hidden from History... 1989. P. 9. Итоговый обзор см.: *Jagose, A.* Queer Theory... 1996. P. 10–21.

[48] См.: *Engelstein, L.* Lesbian Vignettes... 1990; *Idem.* The Keys to Happiness... 1992 [см. рус. пер.].

[49] *Idem.* Combined Underdevelopment... 1993 (цитата: p. 348).

[50] См.: Ibid. P. 344.

[51] См.: Ibid. P. 344, 351.

[52] См.: *Jackson, P.A.* Thai Research on Male Homosexuality and Transgenderism... 1997; *Lunsing, Wim.* Japan: Finding its Way? // The Global

Emergence of Gay and Lesbian Politics: National Imprints of a Worldwide Movement / ed. by B.D. Adam, J.W. Duyvendak, and A. Krouwel. Philadelphia (PA): Temple University Press, 1999. P. 295–296; *Lumsden, Ian.* Machos, Maricones and Gays... 1996. P. 96–114; *Green, J.N.* Beyond Carnival... 1999. P. 107–146.

[53] В русской медицине конца XIX в. слова́ «педерастия» и «педераст» использовались применительно к мужчинам, практикующим анальное сношение с другими мужчинами, независимо от возраста партнера. В этих практиках русские (и простой народ, и образованные слои населения) подражали французам. В XVIII в. сексуальная культура российской элиты многое позаимствовала от них, см.: *Кон, И.С.* Исторические судьбы русского эроса... [1996]. Первое известное использование в русском языке прилагательного «гомосексуальный» встречается у Ипполита Михайловича Тарновского (1833–1899): «<...> с самых древнейших времен рядом с нормальною гетеросексуальною любовью существовала и существует и теперь любовь ненормальная, гомосексуальная» (*Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у женщин... 1895. С. 2 (паг. 2-я); см.: *Он же.* [Краткое изложение доклада И.М. Тарновского об «Извращениях полового чувства у женщин»] ...1895. С. 8 (паг. 4-я) (Протоколы заседаний врачей...: Прот<окол> № 5 от 10 апр. 1895)). См. также: *Engelstein, L.* Lesbian Vignettes... 1990. После 1905 года ослабление цензуры привело к тому, что термин вышел за пределы научной аудитории, см.: *Ушаковский, П.В.* [Псевдонимъ]. Люди средняго пола... 1908. С. 11; *Руадзе, В.П.* К суду!.. Гомосексуальный Петербург... 1908; *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм как преступление... 1914. Следует также обратить внимание на использование выражения «гомосексуальные преступления с солдатами» всеми основными фигурантами дела 1909 года об увольнении из императорской армии штабс-капитана А.И. Белинского (см.: ГАРФ. Ф. 117. Оп. 1. Д. 300). Благодарю Джошуа Сэнборна (Josh<ua> Sanborn) за указание на этот источник.

[54] См.: *Burgin, D.L.* Laid Out in Lavender... 1993; *Healey, D.* Unruly Identities... 2001.

[55] См.: *Burgin, D.L.* Sophia Parnok... 1994; *Жук, Ольга.* Русские амазонки... [1998].

[56] В качестве примера умной критики традиционного закосневшего полового диморфизма см.: *Fausto-Sterling, A.* The Five Sexes... 1993. [О квир-теориях см. Введение, примеч. 40.]

[57] См.: *Califia, Pat.* Sex Changes: The Politics of Transgenderism. San Francisco (CA): Cleis Press, 1997; *Dreger, A.O.* Hermaphrodites and the Medical Invention of Sex... 1998; *Feinberg, Leslie* (1949–). Stone Butch Blues. Ithaca (NY): Firebrand Publishers, 1993; *Idem.* Transgender Warriors: Making History from Joan of Arc to RuPaul. Boston (MA): Beacon Books, cop. 1996. XVII, 212 p.: ill.; Third Sex, Third Gender... 1993. Изящно завуалированную историю бисексуальности см.: *Spencer, Colin.* Homosexuality... 1995 [см. Введ., примеч. 42].

[58] О «перформативных» аспектах гендера см.: *Butler, J.P.* Gender Trouble... 1990.

[59] Кто-то может возразить, что эти личности не могут нести ответственность за свои поступки, ведь они просто следуют зову гормонов, генов или (изъясняясь более грубо) своих половых органов. Поэтому суждение об их поведении как о «диссидентстве», мол, неправомерно. Полагаем, что, какой бы ни была биологическая основа для однополого влечения и гендерной трансгрессии, люди, испытывающие ее, удовлетворяют ее, невзирая на то, что живут внутри гегемонистской секс-гендерной системы. Они оказываются перед выбором: следовать зову своих трансгрессивных влечений либо подавлять их. Этот выбор ведет к изменению всей жизни, вследствие чего сексуальное определенно становится обдуманным и обыденным (как это выяснится из гл. 8 наст. изд. при рассмотрении судеб, например, тех, кто в конце 1930-х годов выбрал в Москве секс с лицами собственного пола). Теоретические дискуссии на тему «идентификация как сопротивление» доминирующей секс-гендерной системе представлены в изд.: *Weeks, J.* Against Nature... 1991. P. 74–83; *Dollimore, J.* Sexual Dissidence... 1991. Другое возражение применительно к диссидентству в русском контексте может быть выдвинуто со стороны политологов, предпочитающих оставить ярлык [«диссиденты»] для активистов когорты борцов за гражданские права, появившихся на закате советского общества. Это возражение отражает гетеросексистскую концептуализацию и свободы, и диссидентства. Известно, что в 1970–1980-х годах КГБ рассматривало гомосексуальность как форму «полового диссидентства», о чем см.: *Dorf, Julie.* On the Theme: Talking with the Editor of the Soviet Union's First Lesbian and Gay Newspaper // Outlook: Magazine. Phoenix (UT): Outlook Arizona, 1990. № 1. P. 55–59. [См.: *Турченко, Сергей.* Половые диссиденты... // Труд. М., 2000. 24 февр. С. 21.]

[60] Гермафродиты (личности с гениталиями и анатомией, соединяющей элементы мужского и женского пола) могут казаться биологически «ущербными» людьми, к которым ярлык «сексуально-гендерного диссидента» неприменим. С нашей точки зрения, раз эти люди «выдают себя» в обществе за мужчин или женщин, значит, они сознают свои гендерные особенности и манипулируют ими, чтобы приноровиться к жизненным условиям, не упустить свой шанс, см.: *Fausto-Sterling, A.* The Five Sexes... 1993; *Healey, D.* «Man or Woman?»: Hermaphroditism as a Medical Problem in Tsarist and Soviet Russia (работа была представлена на Европейской конференции по истории общественных наук, состоявшейся в Амстердаме 13 апреля 2000 г.).

[61] По критике маскулинизма см.: *Auchmuty, Rosemary, Jeffreys, Sheila, Miller, Elaine.* Lesbian History and Gay Studies: Keeping a Feminist Perspective // Women's History Review / ed. June Purvis. Wallingford (Oxfordshire, UK): Triangle Books Ltd., 1992. Vol. 1, № 1. P. 89–108.

[62] Призыв Алана Синфельда к «более энергичным и глубоким исследованиям субкультур», несмотря на скептицизм в отношении «геев» как определенной категории, возможно, касался постсоветской России, см.: *Sinfield, Alan.* Gay and After. L.: Serpent's Tail, 1998. P. 17, 79, 181. (231 p.). [«В истории сексуальности давно уже идет спор между "эссенциалистами" (от *лат.* essentia – "сущность") и "конструктивистами". Эссенциалис-

ты, среди которых преобладают биологи и медики, но есть и немало гуманитариев, полагают, что сексуальная ориентация – объективное, имманентное свойство индивида, автономное от культурных и исторических условий, хотя последние влияют на конкретные формы ее проявления. Конструктивисты, среди которых преобладают обществоведы и гуманитарии, утверждают, что человеческая сексуальность – не природная данность, а продукт истории и культуры, разные общества и культуры конструируют ее по-разному» (*Кон, И.С.* Лунный свет на заре... М., 1998. С. 14).]

[63] Одно дело из Президентского архива, по-видимому, посвящено применению сталинистского закона против мужеложства (antisodomy), см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37; «Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев»... 1993. Через надежного посредника мы справлялись, хранятся ли в архивах МВД какие-либо отчеты советского периода, связанные со сталинистским законом против мужеложства (напр., о количестве приговоров, характере преступлений или принудительных мерах), однако получили отрицательный ответ. Подобные отчеты о специфических преступлениях (таких, как преступления несовершеннолетних, групповое изнасилование или «преступления, посягающие на свободу женщин», в Средней Азии) периодически появлялись в изданиях Народного комиссариата юстиции, Прокуратуры РСФСР и СССР и Верховного Суда СССР. В этих архивохранилищах документы такого рода о законе против мужеложства чрезвычайно редки.

[64] О советских изданиях такого рода см.: *Bernstein, F.L.* What Everyone Should Know About Sex... 1998.

[65] В России установлен 75-летний запрет на доступ к архивным делам под грифом «личная документация». Директора архивов каждый по-своему интерпретируют это ограничение. В 1995 году нам сообщили, что медицинские истории болезней (medical records) пациентов после 1920 года, хранящиеся в Министерстве здравоохранения РФ, не могут быть предоставлены для исследовательских целей. (Подобные ограничения не редкость в Европе и США.) В результате мы не смогли установить местонахождение историй болезней особенно заинтриговавших меня пациентов, таких как Евгения Федоровна М., «женщина-гомосексуалистка» и «трансвеститка», о чем см. гл. 2 наст. изд. (О более раннем моем исследовании этого случая см. также: *Healey, D.* Evgeniia/Evgenii: Queer Case Histories in the First Years of Soviet Power // Gender and History. Oxford (UK), [1997]. Vol. 9, № 1. P. 83–106.) Многие медицинские истории болезней, использованные в этой книге, почерпнуты из опубликованных источников.

[66] В силу действующего 75-летнего запрета на доступ к «личным документам».

[67] Поиски аналогичных уголовных документов за 1920-е годы в Государственном архиве Свердловской области (Екатеринбург/Свердловск) и в Государственном архиве Саратовской области (Саратов) закончились неудачей, за тот период не было выявлено ни одного случая уголовного преследования за мужеложство. Благодарю Алексея Килина за составление обзора по Екатеринбургу.

[68] Эти семь приговоров и апелляционные жалобы, состоящие каждая из 2–10 страниц, были выделены из 11 тыс. страниц судебных документов, касающихся других преступлений (в основном контрреволюционной агитации, воровства и растрат, разбоя и убийств) за 1933–1941 годы (см.: ЦМАМ. Ф. 819 (Московский городской суд, 1933–1951). Оп. 2. Д. 1–45 (1933–1951)). Документы расположены по годам, но не снабжены указателями.

[69] С целью сохранения анонимности потерпевших, проходивших по этим делам (хранятся в ЦМАМ), мы избрали для них псевдонимы. Ради облегчения понимания текста каждому судебному документу было присвоено сокращенное наименование, в котором нашли отражение тип документа (приговора или дела), имя основного осужденного и год разбирательства. Полные описания документов приведены в наст. изд. в рубрике «Документы из архивов».

[70] Описи уничтоженных судебных документов согласно утвержденному протоколу в общем-то доступны, но не ясны критерии «репрезентативности», по которым осуществлялись выборки. Такая сепарация судебных документов была проведена в 1970-х годах.

[71] Архив Московской духовной консистории хранит только одно дело однополого правонарушения – в 1862 году сельский священник подозревался в изнасиловании восьмилетнего мальчика, см.: ЦГИАМ. Ф. 203. Оп. 727. Д. 518.

[72] См.: *Шумихин, С.В.* Дневник Михаила Кузмина... 1990. Доктор Сергей Викторович Шумихин великодушно поделился с нами копиями документов из РГАЛИ. Отрывки из дневника М.А. Кузмина были опубликованы, см.: *Кузмин, М.А.* Дневник 1905–1907... 2000; *Он же.* Дневник 1921 года... 1991; 1993; *Он же.* Дневник 1934 года... 1998. Полную биографию М.А. Кузмина см.: *Богомолов, Н.А., Малмстад, Дж.Э.* Михаил Кузмин... 1996. Ее перевод с учетом авторских исправлений см.: *Malmstad, J.E., Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin... 1999; см. также: *Богомолов, Н.А.* Михаил Кузмин... 1995.

[73] См.: *Полякова, С.В.* Поэзия Софии Парнок... 1979; *Burgin, D.L.* Sophia Parnok... 1994. См. также: *Романова, Е.А.* Опыт творческой биографии Софии Парнок... 2005.

Глава 1

[1] См.: *Кон, И.С.* Исторические судьбы русского эроса... [1996]. С. 6–8. Всестороннее обсуждение русского сексуального фольклора см. в изд.: Eros and Pornography in Russian Culture = Эрос и порнография в русской культуре... 1999.

[2] См.: *Кон, И.С.* Исторические судьбы русского эроса... [1996]. С. 12. Ряд тропов, обозначающих в матерном выражении мужскую анальную пенетрацию, чрезвычайно широк. Выявление роли мата в русских гендерных системах заслуживает дальнейшего изучения, см.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 96–98; Русский мат: Антология для специалистов-филологов / [под ред. и с предисл.

(с. 7–8) Ф.Н. Ильясова; авт. вступ. ст.: А.М. Шахнарович (с. 5–6); составители: О.А. Арбатская, Л.П. Веревкин, В.Л. Гершуни, Л.Д. Захарова, Ф.Н. Ильясов, Л.С. Майковская]. М.: «Издательский дом Лада М», 1994 (М.: Моск. тип. № 5). 303, [1] с.; 20 × 13 см. В пер. 30 000 экз.

[3] См.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and History... 1976. P. 1; *Idem.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 348; см. также: *Карлинский, Саймон.* «Ввезен из-за границы...»?... 1991; см. также: *Кон, И.С.* Лунный свет на заре... 1998. С. 283; *Riordan, James.* Sexual Minorities... 1996. P. 156–157.

[4] См.: *Levin, Eva R.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900–1700... 1989. P. 199–202 [см. рус. пер.: с. 348]; следует также отметить изд.: *Кон, И.С.* Лунный свет на заре... 1998. С. 145.

[5] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 58 [см. рус. пер.: с. 57]; см. также: *Parker, Geoffrey* (1943–). The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1988; в русском контексте см.: *Hellie, Richard.* The Petrine Army: Continuity, Change and Impact // Canadian-American Slavic Studies = Revue Canadienne Americaine d'etudes slaves. Pittsburg (PA), 1974. Vol. 8, № 2. P. 237–253. Влияние призыва и воинской дисциплины на современную гомосексуальную личность в условиях модернизации вооруженных сил заслуживает изучения само по себе.

[6] В данном случае государственное регулирование предшествовало интернационализации современных форм морали, см.: *Кон, И.С.* Исторические судьбы русского эроса... [1996]. С. 6. История этого регулирования изложена в гл. 3 наст. изд.

[7] Для подтверждения того, что однополые эротические отношения между предшественниками современных европейцев были структурной частью всеобщей маскулинной культуры, см.: *Rocke, Michael.* Forbidden Friendships... 1996. Автор, пишущий под псевдонимом Константин Константинович Ротиков, используя термин «гомосексуальность» в его самом общем понимании, описал взаимную мужскую сексуальность в Санкт-Петербурге с момента основания города в 1703 году до 30-х годов 20-го столетия (см.: *Ротиков, К.К.* Другой Петербург... 1998). Свою книгу автор пересыпает литературными сплетнями и легендами (без атрибуции источника), желая создать впечатление того, что «гомосексуалисты» ни на миг не исчезали из приватного пространства российской северной столицы. Традиционные формы русского взаимного мужского эроса сращены К.К. Ротиковым с более поздними проявлениями «гомосексуальной» субкультуры.

[8] См.: *Burds, Jeffrey.* The Diary of Moscow Merchant Pavel Vasil'evicha Medvedeva, 1854–1864: Photocopy. Boston (MA): Northwestern University (Department of History). Благодарю Джефри Бёрдса за великодушное предоставление доступа к тексту дневника П.В. Медведева за 1861 год, в котором содержатся эти эпизоды. В качестве введения к дневнику см.: *Куприянов, Александр Иванович.* «Пагубная страсть» московского купца / А.И. Куприянов // Казус 1996: Индивидуальное и уникальное в истории / Под редакцией Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М.: [Изд-во

РГГУ], 1997. С. 87–106; 23,5 × 14,5 см. В обл. 3000 экз. Дневник под заглавием «Памятная книга» хранится в Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ). Ф. 2330. Оп. 1. Д. 984, 986.

[9] См.: *Burds, J.* The Diary of Moscow Merchant Pavel Vasil'evicha Medvedeva... P. 152 (ЦИАМ. Ф. 2330. Оп. 1. Д. 986. Л. 46).

[10] См.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 69–71. В.М. Тарновский следующим образом описывает одного из «педерастов»: «Третий эксплоатировал специально молодых извозчиков, ездил с ними, разговаривал, заводил знакомство, посещал извозчичьи дворы и никогда не имел даже неприятных столкновений. На предложение соглашались или над ним смеялись, но всегда самым добродушным образом» (Там же. С. 70).

[11] См.: *Голенко, В.Ф.* Педерастия на суде... 1887.

[12] См.: *Оболонский, Н.А.* Извращение половаго чувства... 1898. Т. V, вып. 2. С. 85–104; То же. Оттиск. [1899]. 20 с. (особо с. 15); *Бехтерев, В.М.* О половых извращениях, как патологических сочетательных рефлексах... 1914–1915. № 7, 8 и 9. С. 357–382; То же. Оттиск. [1915]. 26 с. (особо с. 9–13); *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927.

[13] В.М. Тарновский пишет: «Отказываясь или соглашаясь, он одинаково не считает предложение для себя оскорбительным и по собственному побуждению не станет жаловаться, преследовать, а тем менее обращаться к правосудию» (*Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 70). Отметим также дело московского мастера Решетникова, рассматривавшееся в 1892 году и описанное ниже, чьи половые домогательства только рассмешили учеников его мастерской.

[14] См.: РГИА. Ф. 1412. Оп. 221. Д. 54. Л. 29–37 и сл. Благодарим Гэби Донихт (Donicht, Gaby) за то, что она поделилась с нами этими сведениями.

[15] См.: *Burds, J.* The Diary of Moscow Merchant Pavel Vasil'evicha Medvedeva... P. 144 (ЦИАМ. Ф. 2330. Оп. 1. Д. 986. Л. 40об.).

[16] См.: ЦГИАМ. Ф. 142. Оп. 2. Д. 433. Обратим внимание также на дело Князева, сына владельца мастерской, обвиненного в 1874 году в изнасиловании одиннадцатилетнего ученика (см.: Там же. Оп. 3. Д. 233).

[17] См.: Там же. Оп. 1. Д. 172; см. также фонд А.Ф. Кони: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 260. Л. 92–100.

[18] См.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 70.

[19] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745 (Документы о контрреволюционной агитации монахов Новоиерусалимского монастыря и по обвинению епископа Палладия в растлении мальчика, 1919 г.). Л. 29, 70–70об., 72–73об., 81–83об. и сл. Об этом деле см.: *Healey, D.* «Their Culture»... 1998.

[20] См.: *Levin, Eve R.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs... 1989. P. 290–292 [см. рус. пер.: с. 431–433].

[21] О таком надзоре говорится в свидетельских показаниях духовных лиц, служивших с Палладием. Монахини, стиравшие его простыни, сообщали о пятнах на них (см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745. Л. 30,

70об., 72об., 81). Один свидетель, отрицавший, что в отношениях Палладия с его послушником имела место «содомия», заявлял милиции, что «все настоятели, епископы и т. п. высокие чины монастыря, имея келейников, никогда с ними в одной комнате не спали» (Там же. Л. 30об.).

[22] В православные семинарии того времени принимались мальчики в возрасте от 12 лет. Старшие по возрасту юноши не любили ночевать в общежитиях семинарий и часто снимали комнаты, где их навещали инспекторы, надзиравшие за образом жизни подопечных, см.: *Леонтьева, Т.Г.* Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. ... 1997. С. 26.

[23] Сотрудники ЧК нашли в Саратове двух священников, 26 лет и 31 года соответственно, чьи духовные карьеры начались под опекой Палладия, когда они были подростками; оба отрицали какие-либо «позорные акты» с епископом. Один из них, по-видимому, уничтожил свою переписку с Палладием, и обыск на квартире молодого батюшки не дал результатов; см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745. Л. 70–70об., 72–73об., 81–83об., 94об.–95об., 102–102об.

[24] О такого рода отношениях в среде духовенства до и после 1917 года см.: *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 313 [«Много встреч имел [он] среди духовных, преимущественно высокопоставленных, был в связи с келейником двух архиепископов и с 4 епископами, даже с игуменами и архимандритами (сейчас эти лица частью умерли, частью в ссылке). О более простых лицах из духовенства “и говорить нечего”. Весь духовный мир, по его словам, “заражен мужеложством”. Познакомиться с архиереем очень просто: сто́ит только пойти к архиерейской службе, стоять “близко от владыки”, смотреть на него, подойти под благословение, и “если он такой же, как я, то и получишь прямо приглашение”. Знакомства эти у него были еще до революции, когда хаживал с матерью в Оптину пустынь на богомолье. В последние годы был особенно близок с одним провинциальным епископом, ездил к нему в уездный город. С духовными лицами сходился “по любви”; “не возьмешь же последнюю панагею”».]

[25] См.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 252–255 (№ 36–37); *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 69–74.

[26] См.: *Бирюков, Анатолий Андреевич.* Эта волшебница баня. М.: Сов. спорт, 1991. С. 17 (108, [2] с.: ил.); *Рубинов, Анатолий Захарович.* Сандуны: Книга о московских банях. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 19 (139 с., [8] л. ил.).

[27] К выводу о том, что бани в России представляли собой десексуализированное пространство, Ева Левина приходит после анализа церковных источников, см.: *Levin, E.R.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs... 1989. P. 195–197 [см. рус. пер.: с. 334–335]. Относительно удивительного и провоцирующего утверждения, что «все бани исключительно женские», см.: *Condee, Nancy.* The Second Fantasy Mother, or All Baths Are Women's Baths // Russia–Women–Culture... 1996. P. 3–30. Ино-

странцы сообщали (даже делая скидку на свое специфически западное, мужское восприятие), что в деревенских и сомнительных городских банях мужчины и женщины мылись вместе, см.: *De Gruve, Claude de.* Le Voyage en Russie: Anthologie des voyageurs fransais aux XVIIIe et XIXe siecles; préface, chronologie, notices biographiques établies par Claude de Grève. P.: Robert Laffont, cop. 1990. P. 948–954 (1292 p.: ill.); *Wraxall, Nathaniel William,* Sir (1751–1831). A Tour through Some of the Northern Parts of Europe, particulary Copenhagen, Stockholm, and Petersburgh: in a series of letters / by N. Wraxall, Jun. The 3rd. ed., cor. London: T. Cadell, 1776. IV, 411 p. (на с. 248) (цит. по изд.: *Ellis, Henry Havelock* (1859–1939). Studies in the Psychology of Sex... 1925. Vol. 1. P. 31). В 1845 году Министерство внутренних дел в ответ на повторную «просьбу владельцев торговых бань о разрешении впускать в бани мужчин и женщин вместе» еще раз подтвердило, «что силою 223 статьи Свода Законов, Установление о предупреждении и пресечении преступности <...> по которому положительно и ясно воспрещается вход в торговые бани мужескому и женскому полу вместе»; ответ министра воспроизведен в «Приложении» № 2 (с. 242–243) изд.: *Богданов, Игорь Алексеевич.* Три века петербургской бани / И.А. Богданов. Санкт-Петербург: [Изд-во] Искусство-СПб.», 2000 (СПб.: ГПП «Печатный двор»). 250, [6] с.: [59] ил., фото; 17 × 12 см. В пер. 5000 экз. (цит. по: РГИА. Ф. 1287. Оп. 37. Д 61. Л. 222–225).

[28] Русская мужская элита стала брить бороду при Петре I Великом; московиты, делавшие это до XVIII в., осуждались за «уподобление себя женщинам» и, следовательно, за искажение облика, данного Богом, см.: *Levin, E.R.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs... 1989. P. 202 [см. рус. пер.: с. 341]. Протопоп Аввакум отказал казанскому воеводе Василию Петровичу Шереметьеву благословить его сына «Матвея, брадобрица», из-за «блудоносного образа» последнего, см.: *Аввакум Петрович* (1620/1621–1682). Житие протопопа Аввакума им самим написанное. / Издано под редакциею Н.С. Тихонравова. Санктпетербург: Издание Д.Е. Кожанчикова: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1861. С. 16 ([2], 118 с.). См. также: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 21; *Кон, И.С.* Лунный свет на заре... 1998. С. 284.

[29] Обсуждение этого факта в контексте притока дворовых и крепостных из поместий в Москву см. в изд.: *Бакланова, Наталья Аполлинарьевна.* Московский быт // История Москвы: в шести томах / АН СССР, Ин-т истории. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. Т. 2: Период феодализма XVIII в. / [ред.: С.В. Бахрушин (и др.)]. Гл. 5. С. 553 [«В 1745 г. в Москву пришла "для работы" целая группа 16-летних подростков-крестьян Ярославской вотчины Апраксиной; они собирались наняться в торговые бани»].

[30] В начале 1930-х годов пожилой крестьянин из Подмосковья сообщил следующее: «Банщиков давали три губернии, но в каждой – по одному-двум уездам, и не подряд, а гнездами. На Москву немного гнезд давал Коломенский уезд: коломенцы больше работают в Петербурге.

Испокон веку Москву насыщали банщиками уезды: Зарайский – Рязанский, Тульский – Каширский и Веневский. Так, из поколения в поколение, шли в Москву мужчины и женщины. Вот и я привезен был десятилетним мальчиком, как привозили и дедов, и отцов, и детей наших!» (*Гиляровский, Владимир Алексеевич* (1855–1935). Москва и москвичи // Гиляровский, В.А. Избранное: в трех томах. М.: Московский рабочий, 1960. Т. 3: Москва и москвичи. Друзья и встречи / [сост., подгот. текста и примеч. Е.Г. Киселевой, вступ. ст. К. Паустовского]. 675 с., [17] л. ил. (цитата на с. 308)).

[31] См.: *Burds, J.* The Diary of Moscow Merchant Pavel Vasil'evicha Medvedeva... P. 157. Термин «кулизм» образован от французского «cul» (*англ.* «ass»; [*рус.* «жопа»]). О противопоставлении значений слов «coniste» и «culiste» см.: *Courouve, Claude.* Vocabulaire de l'homosexualité masculine... 1985. P. 84–86. В русском языке эти слова появились, вероятно, в XVIII в., когда сексуальная культура элиты стала заимствовать французские модели поведения. Об этом см.: *Кон, И.С.* Исторические судьбы русского эроса... [1996]. С. 13.

[32] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745. Л. 32об., 39.

[33] См.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 209, 238–239. Тридцать лет спустя посетители петербургских бань, по слухам, платили «5 или 6 рублей» за аналогичные же знаки внимания, см.: *Бехтерев, В.М.* Лечение внушением превратных половых влечений и онанизма... 1898. [№ 8. С. 587–597 (на с. 594)]; То же. Оттиск. С. 1–11 (на с. 9). Как и с женской проституцией, разница в ценах между мужчинами-проститутами, очевидно, зависела от типа обстановки, возраста мужчины, предлагавшего сексуальные услуги, и производимых действий, см.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 86–93.

[34] См.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 46, 71, 72, 76, 87, 89, 90, 96.

[35] См.: Там же. С. 69.

[36] Различение врачами и юристами «активных» (вводящих) и «пассивных» (принимающих) половых поз было характерно для русского дискурса мужской (а затем и женской) однополой любви, см.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 70–71.

[37] В 1880-х годах В.М. Тарновский ставил вопрос об освобождении борделей от налогов, предлагал обслуживать солдат бесплатно и заявлял, что публичные дома уводят с улиц преступность и аморальность. Свое мнение он изменил в конце 1890-х годов, когда пришел к выводу, что при отсутствии врачебного надзора за мужчинами-клиентами легальные публичные дома превратятся в рассадники болезней, см.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 145, 176.

[38] См.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 70. Шантажисты и в самом деле промышляли в Санкт-Петербурге и использовали репутацию бань, чтобы компрометировать клиентов, см.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 252; *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. С. 152–156. Аналогичная ситуация с мужской проституцией в банях наблюдалась и в Турции, см.: *Ellis, H.H.* Studies in the Psychology of Sex... 1925. Vol. 1. P. 13.

[39] В учениках в банях состояли мальчики, постепенно обучавшиеся оказывать те или иные услуги. К восемнадцати или девятнадцати годам они становились полноправными служащими. В.А. Гиляровский пишет, что кинеды составляли замкнутую группу, которую только немногие покидали после ученичества (в противоположность тому, что происходило в пекарнях или мастерских), см.: *Гиляровский, В.А.* Москва и москвичи... 1960. Т. 3. С. 308–312 [см. гл. 1, примеч. 30].

[40] В 1882 году 20% московского трудового люда обреталось в фабричных бараках; 12,6% были служащими или рабочими, жившими у своих нанимателей в качестве учеников. В заводских Лефортовском и Серпуховском районах процент жителей бараков и совместных жилых помещений составлял уже 43,7%; об этом см.: *Johnson, R.E.* Peasant and Proletarian... 1979. P. 53–66. О рабочем жилье см. также: The Russian Worker... 1983. P. 121–130, 175–177; о развитии городов см.: *Brower, Daniel R.* The Russian City between Tradition and Modernity... 1990.

[41] За 1871–1902 годы состав женского населения Москвы вырос с 40% до 45%, но число материально зависимых женщин или женщин детородного возраста оставалось низким. В 1902 году число женатых мужчин в столице вдвое превышало число замужних женщин, очевидно, что рабочие оставляли своих жен в деревне и продолжительное время жили в городе одни, об этом см.: *Johnson, R.E.* Peasant and Proletarian... 1979. P. 55–56. Получается, что приезжие мужчины-рабочие чувствовали себя вправе посещать женщин-проституток, см.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 90–92. О женщинах-работницах см.: *Engel, B.A.* Between the Fields and the City... 1994.

[42] См.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. Гомосексуальный Петербург... 1908. С. 19.

[43] В 1878 году П.И. Чайковский писал своему брату-гомосексуалу Модесту (1850–1916) о том, как Николай Бочечкаров [ум. 1876] познакомил его с молодым дворецким. Все трое встретились на бульваре, пошли в трактир, и «потерявший голову» П.И. Чайковский увлек юношу в отдельный кабинет, см.: *Poznansky, A.I.* Tchaikovsky's Last Days... 1996. P. 19.

[44] Жена и дети Петра Мамаева жили в далеком Екатеринбурге, см.: ЦГИАМ (с 1993 г. – ЦИАМ). Ф. 142. Оп. 2. Д. 142. Л. 148.

[45] См.: *Бурнашев, Владимир Петрович* (1810–1888). Невскопроспектный педерастический разврат / предисловие «Летописец слухов. Неопубликованные воспоминания [№ 1–6] В.П. Бурнашева»; публ. и коммент. А.И. Рейтблата // Новое литературное обозрение. М., 1993. № 4 (1993). С. 167–169 (№ <2>). (162–174); цит. в изд.: *Ротиков, Константин К.* Эпизод из жизни «голубого» Петербурга... 1997. С. 451.

[46] Шестого января 1869 года пятидесятишестилетний бывший дантист Ф. (датский подданный), покупая одеколон в этой галерее, познакомился с молодым петербуржцем. После секса с дантистом в его квартире молодой человек попытался шантажировать клиента, см.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 254.

[47] См.: *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. С. 154–155; *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 72 [; *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм как преступление... 1914. С. 85–88].

[48] Сленговый термин «тетка» будет рассмотрен ниже. Само донесение см.: СПб. РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–13. Этот документ впервые описан К.К. Ротиковым в «Эпизоде из жизни "голубого" Петербурга». Автор детально комментирует донесение, но не вдается в подробности. Полностью документ был опубликован в изд.: *Берсеньев, В.В.*, *Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. В.В. Берсеньев и А.Р. Марков не согласны с К.К. Ротиковым в том, что документ датирован 1889 годом, полагая, что, судя по бумаге, он составлен скорее всего между 1890 и 1894 годами. Все дальнейшие используемые нами цитаты из этого донесения заимствованы из данного издания.

[49] См.: *Берсеньев, В.В.*, *Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 109.

[50] Ресторанные притоны «педерастов» рано или поздно становились известны, но в наши дни информации о них явно недостает. Молодому П.И. Чайковскому удалось избежать скандала, когда в 1862 году петербургский ресторан «Шотан» («Chautemps») попал в поле зрения прессы; об этом см.: *Poznansky, A.I.* Tchaikovsky's Last Days... 1996. P. 10. Другой скандал: «<...> приблизительно лет 15 тому назад [, в 1893 году,] в Петербурге был временно закрыт один очень известный ресторан. В нем собирался клуб педерастов, и об этом как-то узнала полиция» (*Ушаковский, П.В.* Люди средняго пола... СПб., 1908. С. 6.)

[51] См.: *Ротиков, К.К.* Эпизод из жизни «голубого» Петербурга... 1997. С. 454–455; *Берсеньев, В.В.*, *Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 112 (примеч. 4). О карьере и репутации В.П. Мещерского см. гл. 3 наст. изд.

[52] См.: *Берсеньев, В.В.*, *Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 109.

[53] См.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 55–56, 102–103. В советское время «<...> "места встречи" — окрестность цирка Чинизелли с ее скамеечками и местность на Невском проспекте у Аничкина (*sic*!) дворца (а летом еще и Александровский сад, где много "старых военных")» (*Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала — мужской проститутки... 1927. С. 314).

[54] См.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 102–103.

[55] См.: *Malmstad, J.E.*, *Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin: A Life in Art... 1999. P. 107; о переписке см.: *Богомолов, Н.А.* Михаил Кузмин: статьи и материалы... 1995. С. 229. 24 мая 1906 года М.А. Кузмин отмечал в дневнике: «<...> а в воскресенье пойдем в Таврический, там можете получить кого угодно, хоть песенника, хоть плясуна, хоть так просто, постороннего молодого чел<овека>. <...> Нувель говорит, что влюблен в Вячеслава, <...> фельдшер какого-то полка, с которым он познакомился в Таврическом <...> и с которым можно иметь любовь» (*Кузмин, М.А.* Дневник 1905–1907... 2000. С. 154–155).

[56] См.: *Берсеньев, В.В.*, *Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 109. Находящийся вблизи Народный Дом (открыт в 1901 г., позднее преобразован в кинотеатр «Великан») стал другим местом однополых связей военных и гражданских лиц; см.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 108.

[57] См.: *Ротиков, К.К.* Эпизод из жизни «голубого» Петербурга... 1997. С. 453–454.

[58] См.: *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала — мужской проститутки... 1927. С. 314; *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке

половых рефлексов... 1925. С. 168–170; *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922.

[59] Воспроизведем образчики распространенных в 1920-х годах стихотворений о матросах (см.: *Healey, D.* Evgeniia/Evgenii... 1997. P. 92):

[Я знал матроса с широкой грудью,
С руками твердыми, как сталь,
Глаза сверкали в густых ресницах,
Как неба синяя эмаль.

(*Матрос подходит.*)

Раскрыл я книгу – мне не до чтенья.
Я знал: он смотрит на меня...
Вот он поднялся и сел поближе,
В виски забилась вся кровь моя...
....
Уж я в постели: со мною рядом
Лежит мой новый властелин.
В моих желаньях, в моем сознании
Всё заполняет он один...

Другой пишет:

И жду я томный, и жду я бледный
На тихой пристани, совсем один,
И мне мерещится фуражка с ленточкой
И профиль чудный и сам блондин.

Опубл. в изд.: *Оршанский, Л.Г.* [Половые преступления]... 1927. С. 88–89.]

Суд по делу о мужеложстве (1937 г.), по которому проходили военнослужащие из Москвы, Ленинграда и Севастополя, будет рассмотрен в гл. 8 наст. изд.

[60] См.: *Кузмин, М.А.* Крылья... 1994. С. 30; см. также гл. 4 наст. изд.; иностранные хвалебные отзывы: *Hirschfeld, M.* Die Homosexualität des Mannes und des Weibes... 1914. S. 590–591; [*Stevenson, Edward Irenæus Prime* (1868–1942)]. The Intersexes: A History of Similisexualism as a Problem in Social Life / [by] Xavier Mayne [pseud.]. [Rome]: Privately printed, [pref. 1908]. XII, 562, [2], 563–641, [6] p. (на с. 431); *Idem.* Ibid. Reprinted. N.Y.: Arno Press, 1975. 641 p.; разоблачительную, даже жутковатую оценку см. в изд.: *Stern, Bernhard* (1867–1929). Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Russland: Kultur, Aberglaube, Kirche, Sitten und Gebräuche: Zwei Bände mit 50 Teils farbigen Illustrationen / Eigene Ermittelungen und gesammelte Berichte von Bernhard Stern (Verfasser von «Medizin, Aberglaube und Geschlechtsleben in der Türkei»). Berlin: Verlag von Hermann Barsdorf, 1907–1908. 25 cm. [Bd. 1]: Kultur, Aberglaube, Kirche, Klerus, Sekten, Laster, Vergnügungen, Leiden: mit 29 Teils farb. Ill. 1907. [Teil 1–5: (№ 1–29)]. [8], 502, [2] S., [25] Bl.: [29] Ill.; [Bd. 2]: Russische Grausamkeit, das Weib und

22. Заказ № К-7680.

die Ehe, geschlechtliche Moral, Prostitution, gleichgeschlechtliche Liebe, Lustseuche, folkloristrische Dokumente: mit 21 Teils farb. Ill. und dem Porträt des Verfassers. Nebst ausführlichen Register über beide Bände. 1908. [Teil 6–10: (№ 30–60)]. [6], 652 S., 1 Bl. Portr., [20] Bl.: [21] Ill. (сылка на с. 570).

[61] См.: *Берсеньев, В.В.*, *Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998].

[62] См.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 17–18.

[63] Описание «парнографического клуба» (*sic*!), представляющее рельефную панораму петербургской гомосексуальной субкультуры, состоит из перечисления проституирующих молодых мужчин, показа танцев в исполнении обнаженных, как мужчин, так и женщин, лекций о противоестественной любви и стихов поэта, своей фигурой смахивающего на М.А. Кузмина; см.: *Матюшенский, А.И.* Половой рынок и половыя отношения... СПб., 1908. С. 123–129 («Парнографический (*sic*!) клуб»); на с. 123: «Мы заимствуем описание этого клуба из газеты “Столичное Утро”»; внизу с. 129: «(“Стол. Утро”, № 45 – 1907 г.)». [Е.В. Берштейн поправляет: «В газетной публикации статья называлась иначе: *Будимир.* Клуб порнографии // Сегодня, 2 июля 1907» (см.: *Берштейн, Е.В.* «Psychopathia sexualis» в России начала века: политика и жанр // Eros and Pornography in Russian Culture = Эрос и порнография в русской культуре... [1999]. С. 437 (примеч. 9); комментаторы Н.А. Богомолов и С.В. Шумихин отмечают: «<...> связано со статьей Будимира “Клуб порнографии” (Столичное утро. 1907. № 45. 2 июля)» (*Кузмин, М.А.* Дневник 1905–1907... 2000. С. 551); М.Н. Золотоносов приводит иные сведения: *Золотоносов, М.Н.* Братья Мережковские. Книга первая. Отщерепенis Серебряного века: Роман для специалистов / М.Н. Золотоносов. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», cop. 2003 (Вологда: ООО ПФ «Полиграфист», подп. в печать 27.12.2002 г.). С. 352 (примеч. 15: «*Будимир.* Клуб порнографии // Столичное утро. 1907. 21 июля»), 515 (примеч. 33: то же).]

[64] См.: *Кузмин, М.А.* Дневник 1905–1907... 2000. С. 85–86.

[65] См.: Там же. С. 85–86, 102, 133.

[66] «*15 мая 1904 г.* Путь лежал мимо бань. Думал, что если увижу у наружных дверей номеров банщика, не выдержу и зайду. <...> Дверь номера оказалась приотворенной, но банщиков не было видно. Каким-то чудом удержался и проехал мимо. <...> *18 мая.* В заседании грешные мысли меня одолели. На Морской, не доезжая до угла Невского, отпустил кучера и отправился пешком к Полицейскому мосту и, перейдя его, свернул налево по Мойке. Два раза прошел мимо дверей в номерные бани, взад и вперед; на третий вошел. И вот я опять грешен в том же» (*Maylunas, Andrei* and *Mironenko, Sergei.* Entries for 15 and 21 May 1904 // A Lifelong Passion: Nicholas and Alexandra: Their Own Story. L.: Phoenix Giant, 1997. P. 231; цитата из дневника приводится по изд.: *Бычков, Сергей Сергеевич.* Голубая кровь великого князя // Московский комсомолец [: газета]. М., 1998. 6 дек.).

[67] К началу первого десятилетия XX в. обслуга бани перестала работать артелью, отныне каждый был сам за себя, см.: *Богданов, И.А.* Три века петербургской бани... 2000. С. 86 [см. гл. 1, примеч. 27].

[68] В 1920-е годы ленинградское кафе «Двенадцать», принадлежащее Петроградскому единому потребительскому обществу (ПЕПО), часто упоминалось в дневнике М.А. Кузмина как место встречи гомосексуалов. Одновременно оно имело репутацию места сборища проституток; ср.: РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 286, 500; *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 79.

[69] Надзор советской милиции за женской проституцией рассмотрен в гл. 5 и 6 наст. изд., но механизмы контроля за коммерческими местами, использовавшимися в 1920–1930-х годах для публичного разврата, остаются неясными. В 1925 году ст. 171 Уголовного кодекса РСФСР (запрещающая «содержание притонов разврата») была применена при закрытии ресторана «Эрмитаж» в Москве и закусочной, где также собирались проститутки. В ходе исследования, проведенного в 1924 году, опрашивались о местах своих встреч московские мужчины, заразившиеся венерическими болезнями от проституток; использование приватных пространств (отели, «притоны» и бани) имело тенденцию снижаться, в то время как всё чаще подобные встречи происходили на вокзалах или на улице; см.: *Haustein, Hans* (1894–?). Zur sexuellen Hygiene in Sowjet-Russland // Abhandlungen aus dem Gebiete der Sexualforschung / hrsg. im Auftrage der internationalen Gesellschaft für Sexualforschung. Bonn: A. Marcus & E. Weber, 1926. Bd. V, Heft 1. S. 20, 28.; *Idem*. Ibid. [Оттиск]. Bonn, 1926. 41 S. О частичной приватизации ленинградских бань при нэпе см.: *Петров, Николай Николаевич.* Городское хозяйство // Очерки истории Ленинграда: [в 7 т.] / АН СССР, Ин-т истории. М.; Л.: Изд-во «Наука», 1964. Т. 4: Период Великой Октябрьской социалистической революции и построения социализма в СССР 1917–1941 гг. / ред.: С.И. Аввакумов [и др.]. Гл. 11. С. 493.

[70] См.: *Гурвич, Б.Р.* Проституция, как социально-психопатологическое явление... 1926. С. 66.

[71] Один социолог считал, что «центром гомосексуализма на Востоке, а отчасти и в цивилизованных странах Европы и Америки нашего времени являются бани, парикмахерские, публичные дома» (*Василевский, Л.М.* Половые извращения... 1924. С. 38).

[72] См.: *Озерецкий, Н.И.* Половые правонарушения несовершеннолетних... 1927. С. 147. Групповые изнасилования мальчиков, нарушавших принятые у беспризорников правила, говорят о более жестоких нравах, царивших в половых отношениях между бездомными детьми; см.: *Juviler, Peter H.* Contradictions of Revolution: Juvenile Crime and Rehabilitation // Bolshevik Culture... 1985. P. 270.

[73] Неясно, носила ли эта начавшаяся связь добровольный или коммерческий половой характер, см.: *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 312, 314.

[74] Там же. Очевидно, имеется в виду Аничков дворец. В царское время вблизи него были места общественных туалетов.

[75] Обсуждая проституцию несовершеннолетних, судебный психиатр не говорит прямо, что эти люди использовали туалеты для своих целей,

но из перечисления многолюдных мест, где такие «удобства» имелись, картина становится ясной; см.: *Озерецкий, Н.И.* Половые правонарушения несовершеннолетних... 1927. С. 150.

[76] См.: *Аникеев, Михаил.* «Люди были загнаны в туалеты, и от этого их культура — туалетная»... 1995. С. 46–47.

[77] *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала — мужской проститутки... 1927. С. 312.

[78] См.: *Ciliga, Ante.* The Russian Enigma... 1979. P. 67.

[79] См.: *Берсеньев, В.В., Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 109. См. также: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 62.

[80] Мужчины-проституты выстраивались на тротуаре около туалета и трусили туда вслед за потенциальным клиентом. «Они знакомятся с интимными подробностями сложения, а уже затем сговариваются, куда ехать и за сколько» (*Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 103).

[81] См.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 105–106, 108. М.А. Кузмин упоминал о «хулиганах» среди доступных мужчин, посещавших Таврический сад, см.: *Кузмин, М.А.* Дневник, 1905–1907... 2000. С. 155.

[82] См.: *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 170.

[83] См.: *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. С. 155–156; [*Фукс, И.Б.* Гомосексуализм как преступление... 1914. С. 85–88].

[84] РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 460 (28 октября 1924 г.). Судя по всему, пара искала удобное местечко, чтобы иметь секс, но дневник М.А. Кузмина скромно умалчивает о подобных «приключениях».

[85] Там же. Л. 462 (29 окт. 1924 г.).

[86] *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 254.

[87] *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. С. 154.

[88] Некто Обрезков, 60-летний гражданский служащий Министерства иностранных дел, характеризовался так: «Дама, любит, чтоб его употребляли люди с большими членами» (*Берсеньев, В.В., Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 114, 115).

[89] *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 55–56, 90, 105, 108–109.

[90] Джон Э. Малмстад и Николай Алексеевич Богомолов отмечают, что в дневнике М.А. Кузмина ничего не говорится о красном галстуке как символе (см.: *Malmstad, J.E., Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin: A Life in Art... 1999. P. 121–122). Размышляя о своем портрете 1909 года работы К.А. Сомова, М.А. Кузмин писал в 1934 году, что изображен в свой «позднейший, компромиссный, обинтеллигенченный период», на контрасте с традиционалистскими элементами своего облика более раннего времени (*Кузмин, М.А.* Дневник 1934 года... 1998. С. 72). Представляется, что красный галстук был символом этого «компромиссного» нового внешнего облика. Заметим, что К.А. Сомов проявлял острый интерес к «Крыльям» М.А. Кузмина и его откровенному дневнику. Современный берлинский сексолог ничего не говорит о символизме красного галстука как знака, по которому гомосексуалы опознавали друг друга, см.: *Moll, Albert* (1862–1939). Wie erkennen und verständigen sich die Homosexuellen unter einander? // Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalstatistik. Leipzig,

1902. Bd. 9, Heft 2/3. S. 157–159. (Благодарю Ральфа Доуса (Ralf Dose) за данное указание.) Тем не менее Ашенбах, герой «Смерти в Венеции» (1913) Томаса Манна (Mann, Thomas; 1875–1955), встречает пожилого гомосексуала в красном галстуке и позднее надевает такой же сам, когда любовь к мальчику Тадзио захватывает его. (Благодарю Джонатана Неда Каца (J.N. Katz) за это указание.) В то время в американских городах красные галстуки были широко известны как символ заинтересованности в однополом эросе; см.: *Chauncey, G.* Gay New York... 1994. P. 3, 52, 54; *Ellis, H.H.* Studies in the Psychology of Sex... 1925. Vol. 1. P. 299–300. Вопрос о красном галстуке как международном атрибуте мужского однополого интереса остается открытым. Джеймс Грин отмечал, что с середины XIX в. в Бразилии красные галстуки были, возможно, опознавательными знаками гомосексуалов. По мнению этого ученого, использование этого визуального знака гомосексуалами латиноамериканской страны не было связано с иностранными влияниями, но представляло собой отражение европейских эстетических кодов, ассоциировавших красный цвет с «проституцией, соблазном и чувственностью» (*Green, J.N.* Beyond Carnival... 1999. P. 49–50).

[91] *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 169–170; см. также: *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 52; *McReynolds, Louise.* «The Incomparable» Anastasiia Vial'tseva and the Culture of Personality // Russia–Women–Culture... 1996. P. 273–294.

[92] См.: *Рыбаков, Ф.Е.* О превратных половых ощущениях... 1898. Т. XIX, № 23. С. 642; *Он же.* То же. Оттиск. [1898]. С. 8.

[93] См.: *Courouve, Claude.* Vocabulaire de homosexualité masculine... 1985. P. 207–209. То же значение слово «tante» имеет и в немецком языке.

[94] См.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 205.

[95] Подобных людей композитор характеризовал следующими словами: «Русские *тетки* отвратительны» (*Чайковский, П.И.* Дневники П.И. Чайковского... 1923. С. 203 (зап. от 13 марта 1888 г.); см.: То же. [Репр. воспр. 1993]. Тот же смысл этот термин сохраняет и поныне, см.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 69.

[96] См.: *Берсеньев, В.В., Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998].

[97] Там же. С. 109.

[98] Существуют глухие намеки на подобные перемены в жизни; в Петербурге они были вызваны разоблачениями (см.: Там же. С. 109). Князь В.П. Мещерский покровительствовал гомосексуалам, помогая им делать карьеру, о чем см.: *Mosse, W.E.* Imperial Favorite... 1981. Московский мужчина-проститут Т.П. рассказывал психиатру (соответствующая запись имеется в истории болезни), что он дважды за свои тридцать два года оставлял на длительное время занятие проституцией и жил на содержании сначала у графа С.-Э., а затем — у фабриканта (см.: *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала — мужской проститутки... 1927. С. 309–317). Относительно карьеры гомосексуалов в Англии в это же время см.: *Weeks, Jeffrey.* Inverts, Perverts and Mary-Annes: Male Prostitution and the Regulation of Homosexuality in England in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries // Hidden from History... 1989. P. 195–211.

[99] *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуалиста — мужской проститутки... 1927; см. также: *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 51 (случай № 5).

[100] В Германии времен Вильгельма II (1859–1941) оба вида мужской гомосексуальности нашли выражение в теориях М. Хиршфельда, основанных на половой инверсии и противостоящих маскулинным максималистским доводам Бенедикта Фридлендера (Friedländer, Benedikt; 1866–1908) и его Сообщества Особенных Людей, см.: *Sedgwick, Eve K.* Epistemology of the Closet... 1990. P. 88–89 [см. рус. пер.: с. 196–197]. Мнение, что «женоненавистник» — это особая сексуальная категория (включая «стратофилов», любителей секса с военными), было распространено в предвоенной Европе до 1914 года, см.: [*Stevenson, E.I.P.*]. The Intersexes... 1908. P. 198, 212–223) [см. гл. 1, примеч. 60].

[101] До некоторой степени эти роли сходны с системой «фей» («fairies»), «панков» («punks») и «волков» («wolves»), существовавшей до 1945 года среди мужчин Нью-Йорка и ярко описанной Джорджем Ченси. «Границы нормальной мужественности» подразумеваются во взаимоотношениях «волков» (маскулинных мужчин), «панков» (юношей, с которыми они имеют секс) и «фей» (как феминизированных, так и очень трансгрессивных мужчин, открытых для секса с другими мужчинами); см.: *Chauncey, G.* Gay New York... 1994. P. 47–97.

[102] *Ковалевский, П.И.* Психология пола... [1909]. С. 219.

[103] *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 42–43.

[104] *Берсеньев, В.В., Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 110, 112. В своем дневнике М.А. Кузмин упоминает о «содомистском bal masque», который ему описал Вальтер Федорович Нувель (1871–1949), см.: *Кузмин, М.А.* Дневник, 1905–1907... 2000. С. 131 (зап. от 12 апреля 1906 г.). Беллетризированное описание подобной вечеринки царского времени см.: *Ivanov, Georgy.* The Third Rome // Out of the Blue: Russia's Hidden Gay Literature / ed. by K. Moss. San Francisco: Gay Sunshine Press, 1996. P. 180 [; см. также: *Иванов, Георгий Владимирович* (1894–1958). Третий Рим // Иванов, Г.В. Собрание сочинений: в трех томах / Георгий Иванов; [сост., подгот. текста Е.В. Витковского, В.П. Крейда; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили (с. 447–451)]. М.: «Согласие», 1994. Т. 2: Проза. С. 35–134 (о вечере педерастов – на с. 113–116)].

[105] См.: *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922; *Он же.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 169. Десять исповедей мужчин, арестованных на вечеринке, см.: *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922.

[106] *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 168–169.

[107] Пятнадцатого января 1921 года прошла вечеринка на Симеоновской, 6 (нынче – ул. Белинского), в квартире 1; другие подобные слеты происходили на Английском (нынче – Малкина) проспекте, 31, и Офицерской, 10 (в 1918 году переименована в ул. Декабристов), «где устраивались неоднократные вечера». Еще они случались на квартире у бывше-

го монаха на 21-й Линии и в частном доме в Павловске, близ Петрограда, см.: Там же. С. 169.

[108] Согласно протоколу арестов, произведенных на январской вечеринке, хозяева устроили ее для себя, а не по заданию милиции, см.: Там же. С. 169.

[109] Опираясь на менее детальное описание рейда (см.: *Г.Р.* [псевд.] Процессы гомосексуалистов... 1922), Л. Энгельштейн отмечает, что противозаконных или иных сексуальных действий выявлено не было, см.: *Engelstein, L.* Soviet Policy toward Male Homosexuality... 1995. P. 168. По сообщению В.М. Бехтерева и В.П. Протопопова, большинство арестованных мужчин охотно признавались в гомосексуальном влечении, хотя только некоторые испытывали склонность к переодеванию.

[110] *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 168.

[111] Там же. С. 170–171.

[112] *Кузмин, М.А.* Дневник 1921 года... 1991. С. 438–439. Эти упоминания в дневнике М.А. Кузмина о «маскарадах», похоже, не связаны с костюмированным балом, устроенным 11 января 1921 года Ю.И. Юркуном и Ольгой Николаевной Арбениной-Гильдебрандт (1897–1980), на котором пара «объявила о своих отношениях», см.: *Malmstad, J.E., Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin: A Life in Art... 1999. P. 289 [см. рус. изд.: с. 230].

[113] *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 313.

[114] См.: Там же. С. 314.

[115] *Соловцова, А.С., Орлов, Н.Ф.* Гомосексуализм и реакция д-ра Манойлова... 1927. С. 546.

[116] ЦГАМ (ЦМАМ). Ф. 819. Оп. 2. Д. 11. Л. 241. Приговор Безбородову и одиннадцати другим был вынесен в 1935 году. Как видно из дела, осужденные посетили квартиру Баронессы 7 ноября 1934 года, через восемь месяцев после принятия закона против мужеложства.

[117] Один осужденный показал, что более старший гомосексуал, актер Малого театра, «устроил ему именины» (Там же. Д. 51. Дело Андреевского и двух других, 1941 г.). Живучесть социальных контактов и приватных собраний становится особенно очевидной из приговора, вынесенного пианисту Красину и актеру Попову (1935 г.), признавшихся, что «общались с гомосексуалистами» (Там же. Д. 10. Л. 283), а также из приговора Терешкову и девятерым другим (1938 г.), в котором суд установил существование созданной Терешковым сети «систематических» связей среди гомосексуалов (см.: Там же. Д. 30. Л. 47).

[118] В первые годы советской власти гомосексуалы стремились создать благоприятную для себя историографию, и задуманная антология не была их единственной попыткой. В дневнике М.А. Кузмина кратко сказано: «Зенгер готовит “труд” [под названием] “Гомосексуализм в Допетровской Руси”» (РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 71 (зап. от 16 мая 1927 г.)). Кто такой Зенгер, установить не удалось. [Возможно, это Николай Владимирович Зенгер (?–1943), муж Софьи Петровны Зенгер (1874–1963), сестры художницы Анны Петровны Остроумовой-Лебедевой

(1871–1955), см.: «Указатель имен» в изд.: *Кузмин, М.А.* Дневник 1905–1907... С. 576; возможно также, это Николай Григорьевич Зенгер (1897–1938?), сотрудник Эрмитажа, брат-близнец пушкинистки Татьяны Григорьевны Зенгер (Цявловской) (1897–1978).]

[119] Рассказывая в письме М.А. Кузмину (от 15 апреля 1924 г.) о препятствиях на пути организации его авторского вечера, Владимир Владимирович Руслов (?–1929) сообщал, что «из-за скверного настроения, царящего сейчас в Москве, как среди вообще москвичей (причина – безденежье и аресты), так и среди "наших", которые, как Вам, вероятно, самому известно, пугливее газелей пустынь, а потому все они, напуганные здешними настроениями, находятся в прострации и при мысли о "нашем" вечере сразу впадают в истерику и никак не берут билетов» (*Тимофеев, А.Г.* Прогулка без Гуля?: (к истории организации авторского вечера М.А. Кузмина в мае 1924 г.) // Михаил Кузмин и русская культура XX века: тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Совет по истории мировой культуры АН СССР; музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме; [сост. и редакция Г.А. Морева]. Л., 1990. С. 178–196 (на с. 181 (об «интимном кружке»), 187). М.А. Кузмин, вечно нуждавшийся в деньгах, очень хотел выступить в «Антиное», ведь ему обещали оплатить путевые издержки и начислить гонорар, см.: Там же; см. также: РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 179, 198.

[120] *Богомолов, Н.А., Малмстад, Дж.Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха... 1996. С. 259–260. Характеристика В.Н. Орловым вечера («последняя демонстрация петербургских педерастов») в переводе на английский звучала несколько более сглаженно: «последняя демонстрация ленинградских гомосексуалов» (*Malmstad, J.E., Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin: A Life in Art... 1999. P. 349). Орлов, Владимир Николаевич (1908–1985) – «известный блоковед, главный редактор "Библиотеки поэта"» (см.: Там же. С. 260).

[121] *Богомолов, Н.А., Малмстад, Дж.Э.* Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха... 1996. С. 260. М.А. Кузмин оглядывался назад, на 1907–1908 годы, как на «веселое» время, см.: РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 462; Ед. хр. 66. Л. 55.

[122] В 1991 году консервативный писатель Валентин Григорьевич Распутин (род. 1937) заявил в интервью британскому телевидению, что «гомосексуализм» был «ввезен из-за границы» и по сути своей чужд русским традициям, см.: *Карлинский, С.* «Ввезен из-за границы?..»... 1990. С. 104. Примеры словесных выплесков подобного шовинизма см.: *Kon, I.S.* The Sexual Revolution in Russia... 1995. P. 222, 249; *Riordan, J.* Sexual Minorities... 1996. P. 156–157.

[123] По поводу мнения элиты, что постоянное половое воздержание не только терпимо мужчинами, но и полезно для здоровья, а также о требованиях мужчин-рабочих, солдат и студентов полового высвобождения см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 204–205 [см. рус. пер.: с. 226–229]; *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 86–93.

[124] Для характеристики таких действий слово «грех» использовали в своих дневниках и купец из крестьян П.В. Медведев, и дядя императо-

ра Николая II Константин Константинович. Тот же язык — в свидетельских показаниях крестьян в деле о разводе, возбужденном женой Константина Казакова.

Глава 2

[1] Дело Евгении Федоровны М. и ее исповедь см.: *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927 (цитата на с. 277).

[2] Относительно предположений об однополой любви между Екатериной Великой (1729–1796) и княгиней Екатериной Романовной Дашковой (1744–1810) см.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and History... 1976. P. 1–7; и (более осторожно): *Mamonova, Tatyana.* Russian Women's Studies... 1989. P. 9–18.

[3] Разноплановое обсуждение значения классовой принадлежности в свете опыта французских «женщин, любящих друг друга», см.: *Sautman, F.C.* Invisible Women... 1996.

[4] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 160–164 [см. рус. пер.: с. 159–171]. В качестве примера нового дискурса о лесбиянках-проститутках см.: *Борисов, А.* Извращенная половая жизнь. Болезненныя изменения половой сферы... [1907]. С. 266–269; *Ковалевский, П.И.* Психология пола... [1909]. С. 222–225; [*Фоконней, Жан*]. Извращенный мир... 1908. С. 31–40.

[5] О социальном окружении в легальных борделях времен царизма см.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995; *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 19–59.

[6] *Чиж, В.Ф.* К учению об «извращении половаго чувства»... 1882. С. 41–42; *Он же.* То же. Оттиск. [1882]. С. 14–15. Тот же самый случай с упоминанием полного имени «г-жи N» и дополнительных деталей см.: *Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у женщин... 1895. С. 141–154 («Дело С.-Петербургского окружного суда об [Юлии] Островлевой и [Антоне] Худине») [; то же см. в изд.: *Герцеги, М.* Женщина... 1901. С. 540–546 (№ 32)].

[7] См.: *Чиж, В.Ф.* Указ. соч. ... 1882. С. 22–27 («Судебное дело Красавиных») [; то же см. в изд.: *Герцеги, М.* Женщина... 1901. С. 506–511 (№ 19)]; это один из трех случаев, упомянутых в статье: *Engelstein, L.* Lesbian Vignettes... 1990. P. 813–831.

[8] ГАРФ. Ф. 564 (фонд А.Ф. Кони). Оп. 1. Д. 260. Л. 28–29об.

[9] Цит. по изд.: *Бентовин, Б.И.* Торгующия телом... [1907]. С. 110; фрагментарно воспроизведены в изд.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 172–174; впервые опубликованы в 1904 году (см.: *Бентовин, Б.И.* Из жизни проституток // Русское богатство: ежемес. Лит. журн. СПб., 1904. № 12. С. 160–176). По мнению Л. Энгельштейн, сдержанные комментарии Б.И. Бентовина к этим письмам отражают превалирующее среди русских врачей нежелание патологизировать проститутку как «маскулинизированную» или «лесбиянку»; см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 160–161 [см. рус. пер.: с. 167–168].

[10] См.: *Sautman, F.C.* Invisible Women... 1996. P. 187–189.

[11] См.: *Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у женщин... 1895. С. 22–23.

[12] См.: *Бентовин, Б.И.* Торгующия телом... [1907]. С. 108–109.

[13] Там же. С. 109.

[14] См.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. Ch. 5. Классический литературный портрет русского легального публичного дома, с намеком на лесбийские отношения (между содержательницей борделя Эммой Эдуардовной и ее подопечными), представлен в романе А.И. Куприна «Яма» (1909–1915), см.: *Куприн, Александр Иванович* (1870–1938). Собрание сочинений: в 9 т. М.: Изд-во «Правда», 1964. Т. 6: [Произведения 1914–1916 / под наблюдением и с примеч. Э. Ротштейна; ил. И. Глазунова]. С. 5–311, 450–461 (примеч.). (Библиотека «Огонек»); англ. пер.: *Kuprin, A.I.* Yama: The Pit / by Alexandre Kuprin; translated from the original Russian by Bernard Guilbert Guerney. L.: John Hamilton, [1930]. 326 p.

[15] Об условиях гетеросексуальной секс-торговли в период нэпа см.: *Эратов, Л.* Наказуема ли проституция?... 1922; *Гурвич, Б.Р.* Проституция, как социально-психопатологическое явление... 1926. С. 66; *Учеватов, А.* Из быта проституции наших дней... 1928.

[16] См.: *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 40–60, 77–85.

[17] Обзор примеров классовой принадлежности проституток см.: *Голосенко, Игорь Анатольевич, Голод, Сергей Исаевич.* Социологические исследования проституции в России: (История и современное состояние вопроса) / И.А. Голосенко, С.И. Голод; РАН, Ин-т социологии, Санкт-Петербургский филиал. СПб.: Петрополис, 1998. С. 58–88 (128 с.).

[18] См.: *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 106–114 (случай «Ш.» и «Л.»).

[19] См.: Там же. С. 110–112.

[20] См.: *Василевский, Л.М., Василевская, Л.А.* Проституция и новая Россия... 1923. С. 99, 129. О сводне в советском представлении см.: *Cassiday, Julie A.* and *Rouhi, Leyla.* From Nevskii Prospekt to Zoia's Apartment: Trials of the Russian Procuress // The Russian Review. Oxford (UK), 1999. Vol. 58. P. 413–431.

[21] См.: *Краснушкин, Е.К.* Преступники-психопаты... 1929. С. 10–12.

[22] Там же. С. 11.

[23] Там же. С. 12.

[24] См.: *Чиж, В.Ф.* К учению об «извращении половаго чувства»... 1882. С. 28–44; *Рыбаков, Ф.Е.* О превратных половых ощущениях... 1898; см. о так называемом Мише: *Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у женщин... 1895. С. 28–39 («Клиническая история N»). См. также, возможно, литературно обработанный текст: Разсказ о себе доктора философии, Марии Владимировны Безобразовой, – дочери автора и редактора «Сборника государственных знаний»: ученая девушка-урнинг // Розанов, В.В. Люди луннаго света... 1911. С. 227–260.

[25] О роли «лесбиянства» в литературе Серебряного века см.: *Burgin, D.L.* Laid Out in Lavender... 1993. О половой амбивалентности этих

салонов см.: *Holmgren, Beth*. Stepping Out = Going Under: Women in Russia's Twentieth-Century Salons // Russia–Women–Culture... 1996. P. 233.

[26] О семьях царского времени см.: *Рыбаков, Ф.Е.* О превратных половых ощущениях... 1898. С. 641; *Розанов, В.В.* Люди луннаго света... 1911. С. 228–234; о советских семьях см.: *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 107; *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма при наличии situs viscerum inversus, его психоанализ и гипнотерапия... 1925. Стб. 11–12; *Он же*. То же. Оттиск. 1925. С. 8.

[27] *Чиж, В.Ф.* К учению об «извращении половаго чувства»... 1882. С. 39, 43; *Он же*. То же. Оттиск. [1882]. С. 12, 16.

[28] Судя по биографии, возможно переработанной или отредактированной В.В. Розановым, отцовская снисходительность способствовала девиации дочери. В.В. Розанов сообщает, что в 1875 году Марии Безобразовой удалось убедить отца, ярого, как и князь В.П. Мещерский, противника «свободы» женщин, что она может и должна получить образование. Впоследствии она была секретарем отца (в то время мужская должность), правила корректуру его изданий, см.: *Розанов, В.В.* Люди луннаго света... 1911. С. 244–246.

[29] См.: *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 273–274.

[30] [Валентина П., убившая 22 июня 1924 г. свою любовницу, Ольгу Щ., показала на следствии: «<...> интимные отношения начались с первого года (1917 г.) знакомства. Мне было 14 лет, когда я стала иметь отношения с Ольгой, последней было 24 года» (см.: *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... М., 1927. С. 59). В другом месте: «Привлеченная к следствию Валентина П. <...> объяснила, что с Ольгой Щ. она познакомилась в г. Кологриве, в детской библиотеке, года четыре примерно назад [т. е. в 1920 г.]» (см.: Там же. С. 56).]

[31] См.: *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 53–54, 57; *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 117. В версии истории болезни Валентины, отредактированной и опубликованной посмертно коллегами Е.К. Краснушкина, Борис и другие персонажи отсутствуют, членство «пациентки» в комсомоле не упоминается и воспроизводятся слухи о желании Ольги выйти замуж за «рабочего А.». Ее решение характеризуется как спонтанное, поскольку «хотелось испытать трудовую жизнь» на текстильной фабрике, см.: *Краснушкин, Е.К.* Судебно-психиатрические очерки // Краснушкин, Е.К. Избранные труды... 1960. С. 107–109.

[32] См.: *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925.

[33] *Рыбаков, Ф.Е.* О превратных половых ощущениях... 1898. С. 640; *Он же*. То же. Оттиск. С. 8.

[34] У «Миши» из «Клинической истории N» И.М. Тарновского было несколько подруг, но гинеколог умалчивает о возможных однополых предпочтениях, см.: *Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у

женщин... 1895. С. 28–39; см. также: *Розанов, В.В.* Люди луннаго света... 1911. С. 234.

[35] См.: *Новополин, Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе... [1909]. С. 169. [Г.С. Новополин указал на описание «лесбос<с>кой любви» в рассказе «Из записок погибшего» Виктора Петровича Буренина (1841–1926), в сборнике последнего «Из современной жизни» (СПб., 1878); см.: *Новополин, Г.С.* Указ. соч. С. 49.]

[36] См.: *Burgin, D.L.* Laid Out in Lavender... 1993. P. 181–194; *Holmgren, B.* Stepping Out... 1996. P. 233–234; *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 354–356. Нельзя не учитывать влияния представлений конца века – лесбийских «живых картин» во французских легальных борделях – на маскулинные буржуазные вкусы как фактора, способствовавшего обострению эстетизированного салонного дискурса о «лесбиянстве» (см.: *Sautman, F.C.* Invisible Women... 1996. P. 187).

[37] *Holmgren, B.* Stepping Out... 1996. P. 234.

[38] См.: *Burgin, D.L.* Sophia Parnok... 1994. P. 261.

[39] Ibid. Многие из фотографий обеих женщин были выполнены Л.В. Горнунгом, неутомимо запечатлевавшим их поездки; см.: Ibid. Figs. 18–23. Подробнее о Л.В. Горнунге см.: Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s... 1995. P. 99–107.

[40] Стихотворение Марка Возлинского (1924) из личного фонда Марии Михайловны Шкапской (1891–1952) (РГАЛИ) цит. по изд.: *Burgin, D.L.* Sophia Parnok... 1994. P. 183–184. О Тверской-Ямской и близлежащих улицах как месте, где можно было найти первоклассных проституток, см.: *Гурвич, Б.Р.* Проституция, как социально-психопатологическое явление... 1926. С. 65.

[41] Фактически все советские психиатрические, медицинские, судебные и сексологические случаи описаний «гомосексуалисток» 1920-х годов касаются горожанок, и, кроме нескольких проституток и одной продавщицы нэпманши, большинство женщин были государственными служащими, студентками, военнослужащими и неквалифицированными работницами. Двадцать две женщины, идентифицированные как «гомосексуалистки», описаны в нижеупомянутой литературе; почти все они охарактеризованы по одежде и манерам поведения как «маскулинные». Их истории приведены в изданиях по судебной психиатрии, см.: *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 53–61, 62–65; *Краснушкин, Е.К.*, *Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийцгомосексуалисток... 1926. С. 105–120. Один случай («Феодосия П.»), упоминаемый в этих первых двух текстах, обсуждался также в изд.: *Рясенцев, В.А.* Два случая из практики. 1. Гомосексуализм?... 1925. Другие случаи: *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. Стб. 9–19 (Оттиск. С. 1–19); *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 273–282; *Краснушкин, Е.К.* Преступники-психопаты... 1929. С. 11–13. Из литературы по клинической психиатрии см.: *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 355–356, 365; *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1925; *Киров, Я.И.* К вопросу о гетеротрансплантации при гомосексуализме... 1928. Два случая из сексо-

логического исследования см.: *Гельман, И.Г.* Половая жизнь современной молодежи... 1923. С. 119–121; То же. Изд. 2-е, доп. [1925]. С. 123–125.

[42] Об этих тревогах см.: *Wood, E.A.* The Baba and The Comrade... 1997. P. 203–208.

[43] См.: *Clements, B.E.* Bolshevik Women... 1997. P. 19, 59–65.

[44] См.: *Семашко, Н.А.* Нужна ли «женственность»... 1924. Народный комиссар здравоохранения употреблял самые резкие слова для описания «девушек, подыгрывающихся под "благородную": с талией в рюмочку, накрашенными губами, подведенными глазами и т. д. Точь-в-точь как паразитки былого строя – дворянские и купеческие "барышни"».

[45] Об участии женщин в Гражданской войне см.: *Clements, B.E.* Bolshevik Women... 1997. P. 171–189; *Halle, Fannina W.* Women in Soviet Russia... 1934. P. 98–105. Во время дискуссии в феврале 1929 г. о «трансвеститах» и «среднем поле» в Ученом медицинском совете Комиссариата здравоохранения психиатры хорошо отзывались о «женщинах на военной службе <...> переодетых в мужское платье», проявивших себя смелыми бойцами и убежденными гражданками (см.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 86об.). Это обсуждение будет подробно рассмотрено в гл. 6 наст. изд.

[46] Иностранцы постоянно отмечали наличие в СССР маскулинизированных женщин. Их взгляды отражали тревогу по поводу модернизации гендера в СССР и роли Страны Советов в форсировании темпов перемен. Романтическо-сатирический фильм 1939 года режиссера Эрнста Любича «Ниночка» (Lubitsch, Ernst; 1892–1947) («Ninotchka») с сексуально амбивалентной Гретой Гарбо (Garbo, Greta; 1905–1990) в главной роли олицетворяет озабоченность Запада советской угрозой феминнинности. Аналогичный фильм «Железная юбка» («The Iron Petticoat», 1957), на этот раз с Кэтрин Хепберн (Hepburn, Katharine; 1907/1909–?) в роли советского военного летчика, вышел на экраны в эпоху «холодной войны». Несмотря на неплохой актерский состав, лента посредственная. О впечатлениях иностранцев от маскулинизации женщин см.: *Littlepage, John D.* and *Bess, Demarce.* In Search of Soviet Gold. L.: Harrap, 1939. P. 45 (287 p.); *Mannin, Ethel Edith* (1900–). South to Samarkand. L.: Jarrolds, 1951. P. 92 (254 p.).

[47] Время от времени психиатры публиковали фотографии пациенток в маскулинной одежде, какими те впервые представали перед врачами, см.: *Киров, Я.И.* К вопросу о гетеротрансплантации при гомосексуализме... 1928. Стб. 1587–1590: 4 ил.

[48] Мы процитировали московского психиатра Льва Марковича Розенштейна (1884–1934) по изд.: *Winter, Ella.* Red Virtue... 1933. P. 169.

[49] См.: *Оршанский, Л.Г.* [Половые преступления]... 1927. С. 88–89.

[50] Последний сборник стихов Софии Парнок, выпущенный в 1928 году на правах рукописи крошечным тиражом (200 экз.), носил название «Вполголоса», см.: *Burgin, D.L.* Sophia Parnok... 1994. P. 224–225. Об ангельски-призрачной бесплотной природе любви между женщинами в западной культуре см.: *Castle, Terry.* The Apparitional Lesbian: Female Homosexuality and Modern Culture. N.Y.: Columbia University Press, cop. 1993. X, 307 p.: ill.

[51] *Гельман, И.Г.* Половая жизнь современной молодежи... 1923. С. 120 [; *Он же.* То же. Изд. 2-е, доп. ... [1925]. С. 124].

[52] Во время дискуссии 1929 года на Ученом медицинском совете Комиссариата здравоохранения о «трансвеститах» и «среднем поле» психиатр Петр Борисович Ганнушкин (1875–1933) и биолог Николай Константинович Кольцов (1872–1940) говорили о пациентах, желающих изменить свой биологический пол, см.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 85–87. П.Б. Ганнушкин описал не афишировавшиеся ранее попытки изменений пола в советской стране; подробнее об этом см. в гл. 6 наст. изд. О подобных операциях 1930-х годов, предпринятых в Европе, см.: *Hausman, Bernice L.* Changing Sex... 1995. P. 15–19, 142.

[53] «Трансгендеризм» обозначает идентичности и практики, которые эксплуатируют или противодействуют гендерам трансгрессивным способом, при этом упор делается на гендерные роли, сексуальная же идентичность не имеет в этом случае особого значения. Сексология конца XX в. определяет «транссексуалов» как главных представителей трансгендерной идентичности на Западе и рекомендует хирургическую операцию по смене пола. Прежние сексологические дефиниции — «сексуальная инверсия», «трансвестизм» и «гомосексуальность» — включали виды личностей, позднее названные «транссексуалами», см.: *Prosser, Jay.* Transsexuals and the Transsexologists... 1998. Восточным и традиционным культурам известно множество трансгендерных идентичностей и социальных ролей, что опровергает универсальность сексологических дефиниций. См. также: Third Sex, Third Gender... 1993; Gender Reversals and Gender Cultures: Anthropological and Historical Perspectives / ed. by Sabrina Petra Ramet. L.: Routledge, 1996. XIII, 231 p. Тезис о том, что трансгендерные личности должны иметь собственную историю, независимую от гомосексуалов и других личностей нетрадиционной сексуальной ориентации, выдвинут в работе: *Feinberg, Leslie.* Transgender Warriors... 1996 [см. Введ., примеч. 57].

[54] О ситуации в России и Европе см.: *Durova, N.A.* The Cavalry Maiden... 1988 [; см. первое рус. изд.: *Дурова, Надежда Андреевна* (1783–1866). Кавалерист-девица. Происшествие в России: [в 2 ч.] / Издал Иван Бутовский. СПб.: Воен. тип., 1836. Ч. 1. [2], 289 с.; Ч. 2. 292 с.; *Она же.* Записи Александрова (Дуровой). Добавление к Девице-кавалерист. М.: Тип. Ник. Степанова, 1839. 362, II с.: портр. Данное сочинение неоднократно переиздавалось под заглавием: Записки кавалерист-девицы]; см. также: *Wheelwright, Julie.* Amazons and Military Maids... 1989. См. полезное обобщающее исследование, основанное на 119 задокументированных случаях, произошедших в Голландии с 1550 по 1839 г.: *Dekker, Rudolf M.* and *Pol, Lotte C. van de.* The Tradition of Female Transvestism in Early Modern Europe... 1989.

[55] См.: *Ellis, H.H.* Studies in the Psychology of Sex... 1928. Vol. 7: Eonism and Other Supplementary Studies; *Hirschfeld, Magnus.* Die Transvestiten... 1910.

[56] См.: *Dekker, R.M.* and *Pol, Lotte C. van de.* The Tradition of Female Transvestism... 1989.

[57] См.: *Barbin, Herculine* (1838–?).Herculine Barbin: Being the Recently Discovered Memoirs of a Nineteenth-Century French Hermaphrodite / translated [from the French] by Richard McDougall; introduced by Michel Foucault. Brighton (UK): Harvester Press, 1980. XVII, 199 p.; *Idem*. Ibid. N.Y.: Pantheon Books, 1980. Перевод изд.: *Barbin, Herculine* (1838–?). Herculine Barbin dite Alexina B. / présente par Michel Foucault. [Paris]: Gallimard, 1978. 160 p. (Les vies paralléles); *Dreger, A.D.* Hermaphrodites and the Medical Invention of Sex... 1998. О России см.: *Healey, D.* Man or Woman?.. 2000.

[58] См.: *Даль, Владимир Иванович* (1801–1872). Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [сост.] Владимира Даля. Третье, испр. и значит. доп. издание / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. С.-Петербург; М.: Издание... М.О. Вольф, 1903–1909. Т. 1. 1903; Т. 2. 1905; Т. 3. 1907; Т. 4. 1909; см. в указанных в тексте томах «гнезда» на каждое слово. Благодарим Виктора Гульшинского за указание на эти места в труде В.И. Даля.

[59] См.: *Даль, В.И.* Толковый словарь... См. «гнезда» для: «*бабáтя, бабýля* м. – женовидный мужчина, и в этом знач. иногда бранно, как баба; // гермафродит, курея́, двуснастный, двусбруйный, двупольій, обапольій. Женовидный мужчина: *батáтя, бабýля, дѣвýля, дѣвý*ня, раз*дѣвýля*; мужевидная женщина: *бородýля* (коли с бородой), *мужлáн, -нка, мужлáтка*; *бабья́к* м. арх<анг>. – женатый раздевуля» (*Даль, В.И.* Т. 1. Стб. 86); «*Раздевýлье, раздевýля* м. северный – безбородый, похожий на женщину мужчина, женоподобный, по голосу, по приемам или стáтью; // гермафродит, см. это слово» (*Даль, В.И.* Т. 3. Стб. 1510); или «гермафродит» и последующих синонимов см.: *Даль, В.И.* Т. 1. Стб. 859.

[60] См.: Там же. Стб. 1267.

[61] См.: Там же. Стб. 86 («баба» и пр.).

[62] См.: Там же. Стб. 283.

[63] Такой аспект статуса женщин, принявших мужской гендер, отмечен в начале истории современной Голландии, см.: *Dekker, R.M. and Pol, Lotte C. van de*. The Tradition of Female Transvestism... 1989.

[64] Изложение двух историй, имевших место в Ярославской губернии, см.: *Распопов, Владимир Александрович*. Два случая ложного мужского гермафродитизма (Pseudohermaphroditismus masculinis externus) / [соч.] В.А. Распопова // Врач: еженед. мед. газета, посвященная всем отраслям клинической медицины, обществ. и частной гигиэне и всем вопросам врачебного быта; под ред. проф. В.А. Манассеина. СПб.: К.Л. Риккер, 1884. № 50. С. 838–840: 2 ил. Первая касалась ребенка среднего пола, «принятого при рождении за мальчика и крещенного под именем Константина»; во второй – сорокашестилетний «мужчина» отличался рядом женских вторичных половых признаков, «хотя <...> и [был] женат, но всегда оказывался безсильным к соитию».

[65] См.: *Даль, В.И.* Толковый словарь... Т. 1. Стб. 859 («*гермафродúт* – человек или животное уродливого образования, соединяющее в себе более или менее признаки обоих полов; двусна́стный, двусбрýйный, двупóльій, обапóльій, межеýмок, распетýшье, курея́. Женщина, похо-

жая на мужчину: *бородýля, мужлáн, мужлáнка, мужлáтка, сýпарень, размужи́чье*; женовидный, безбородый мужчина: *дѣвýня, дѣвýля, бабáтя, бабýля, раздевýлье*, а женатый: *бабъя́к, бабéня*»).

[66] См.: *Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у женщин... 1895. С. 15–21 («Судебное дело Шашниной») [; то же см. в изд.: *Герцеги, М.* Женщина... 1901. С. 500–506 (№ 18)]; частичный англ. перевод см.: *Engelstein, L.* Lesbian Vignettes... 1990. P. 818–821.

[67] Другим русским термином, использовавшимся в судебной медицине для обозначения гермафродитизма, являлся «двуснастный» (иначе говоря, удвоенный), см.: *Гофманн, Э.* Учебник судебной медицины... 1878. С. 84.

[68] Крестьянские взгляды порой так перетолковываются юристами и врачами, что утрачивается всякая возможность сказать что-либо определенное о том, как на самом деле воспринимался однополый женский эрос между женщинами и гермафродитизм. Похожее дело об отравлении мужа двумя крестьянками, имевшими, по-видимому, половую связь, рассматривалось криминальным антропологом Прасковьей Николаевной Тарновской (1848–1910), располагавшей лишь скудными свидетельствами об этом деле односельчан преступниц. На вопросы о жизни старшей женщины, подстрекавшей молодую жену отравить мужа, свидетели показывали, что она была склонна к алкоголизму и «всякому непотребству». П.Н. Тарновская опубликовала фотографию этой бабы с коротко остриженными волосами, одетой в мужскую крестьянскую рубаху-косоворотку; см.: *Тарновская, П.Н.* Женщины-убийцы: Антропологическое исследование... 1902. С. 377–380.

[69] *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. Стб. 13; Оттиск. С. 5–8.

[70] Возможно, под углом того, как убедить официальных лиц в принадлежности Александра Павловича к мужчинам, А.П. Штесс описывает одежду, которую предпочитал носить «пациент»: «военная защитного цвета фуражка, френч, всегда сшитые клешом брюки, белые полуботинки, большой мужской перстень на мизинце, в руках — стек» (*Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. Стб. 13; Оттиск. С. 9).

[71] См.: *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. Стб. 14; Оттиск. С. 10–11.

[72] *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. Стб. 17; Оттиск. С. 12.

[73] Истории женщин, служивших под личиной мужчин в Красной Армии и ЧК, в том числе Евгении Федоровны М., см.: *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927; описание «случая трансвестизма и гомосексуальности» см.: *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 365; историю пациентки П.А. см.: *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1925. Стб. 1919–1923.

[74] См.: *Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. С. 16–17; *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927; ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 85–87.

[75] См.: *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 274.

[76] См.: Там же; *Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. С. 16.

[77] *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 282. О юридических аспектах дела Евгении Федоровны М. см. гл. 5 наст. изд.

[78] Двадцатишестилетняя П.А., начальник санитарной части, в течение года служила в Красной Армии военкомом под видом мужчины и после неудачной женитьбы еще три года играла ту же роль мужчины, пока не оказалась в 1925 году под наблюдением психиатров, см.: *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1925. Стб. 1919–1920.

[79] Там же; см. также: *Осипов, В.П.* Курс общего учения... 1923. С. 365.

[80] См.: *Butler, J.P.* Gender Trouble... 1990. P. 147.

[81] О трансформации пола у животных см.: *Завадовский, М.М.* Пол животных и его превращение: (Механика развития пола. М.; Пг.: Госиздат, 1923. VI, 132 с.: ил., 5 л. цв. ил. (Попул. науч. б-ка; 19). Благодаря советской журналистике и кино информация о результатах гормональных исследований выходила далеко за пределы лабораторий, см.: *Чудакова, Мариэтта Омаровна* (1937–). Послесловие: (из биографии писателя и творческой истории его сочинений) / д-р филол. наук М.О. Чудакова // Булгаков, М.А. Сочинения: Роман, повести, рассказы / Михаил Булгаков; [подгот. текста и послесл. М.О. Чудаковой]. Минск: [Изд-во] «Университетское», 1988. С. 412–414; *Золотоносов, М.Н.* Мастурбанизация... 1992. С. 97.

[82] Во время дискуссии по «трансвеститам» на Ученом медицинском совете Наркомздрава РСФСР психиатры высоко оценили «Историю моей болезни» Евгении Федоровны М. за знание ею иностранной литературы по теме (см.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 85–85об.). П.А., пациентка Н.И. Скляра, имела медицинское образование и руководила клиникой. Н.И. Скляр настаивал, чтобы она носила фемининную одежду и находилась в женской палате. Резкое неприятие им гипотезы немецкого сексолога М. Хиршфельда о гормональной предопределенности гомосексуальности основывалось на том, что он слышал об этом от П.А. О другой начитанной лесбиянке, утверждавшей, что гомосексуальность не является болезнью, требующей врачебного вмешательства, см.: *Судомир, А.К.* К казуистике и сущности гомосексуальности... 1927.

[83] Был некто Андрей Иванович, «гомосексуалистка» из Караганды, выдававшая себя за мужчину и жившая в зарегистрированном браке с другой женщиной, о которой стало известно в начале 1960-х годов, см.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма: дис. ... 1965. Л. 117; *Она же.* То же: автореф. ... 1965. 24 с. В 1920-е годы гермафродиты иногда обращались к врачам с просьбой «определить их пол», см.: *Healey, D.* Man or Woman?.. 2000.

[84] *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 276.

[85] См.: Там же. С. 279.

[86] Открывая в 1929 году дискуссию Ученого медицинского совета по «среднему полу», доктор Лев Яковлевич Брусиловский (1890–1962) так описал «дневник» Евгении Федоровны М.: «Это дневник человека очень

богатого интеллекта. Она владела языками и имела возможность воспользоваться всей решительно иностранной литературой по этому вопросу, и ее дневник – это всесторонний доклад в защиту своего среднего пола» (ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 85об.). Неясно, читал ли Л.Я. Брусиловский сам дневник или обращался к опубликованному тексту «Истории моей болезни». А.О. Эдельштейн на этой дискуссии отсутствовал.

[87] См.: *Dreger, Alice D.* Hermaphrodites in Love: The Truth of the Gonads // Science and Homosexualities... 1997. P. 59.

[88] *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 276.

[89] См.: Там же. С. 276.

[90] См.: Там же. С. 279.

[91] *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 278. Этот отрывок из «Истории моей болезни» Евгения Федоровна М. заимствовала из изд.: *Ушаковский, П.В.* Люди средняго пола... 1908. С. 198–199.

[92] *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 278.

[93] См.: *Engel, Barbara Alpern.* St. Petersburg Prostitutes in the Late Nineteenth Century: A Personal and Social Profile // The Russian Review. Oxford (UK), 1989. Vol. 48. P. 21–44; *Idem.* Between the Fields and the City... 1994.

[94] См.: *Clements, B.E.* Bolshevik Women... 1997. P. 86.

Глава 3

[1] См.: *Boswell, John* (1947–). Christianity, Social Tolerance, and Homosexuality: Gay People in Western Europe from Beginning of the Christian Era to the Fourteenth Century. Chicago; L.: University of Chicago Press, cop. 1980. P. 269–302 (XVIII, 424 p., 12 l. ill.); *Greenberg, D.F.* The Construction of Homosexuality... 1988. P. 286–288.

[2] См.: *Levin, E.R.* Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs... 1989. P. 199–203 [см. рус. пер.: с. 335–344].

[3] См.: *Idem.* P. 203–204, 281–283 [см. рус. пер.: с. 342–344, 422–424]. [Далее мы приведем хронологическую выборку текстов XII–XVIII вв. об отношении Православной Церкви к «*содомскому греху*». Курсив везде наш. Нами использованы нижеуказанные издания:

Алмазов, Александр Иванович (1859–1920). Тайная исповедь в православной восточной Церкви.: Опыт внешней истории.: изследование преимущественно по рукописям.: [в 3 т.] / А. Алмазов. Одесса: Типо-литография Штаба Одесскаго Военнаго Округа, 1894. Том III: Приложения. [2], III, [I], V, [3], 296 (прил. к 1-му т.), [2], 89 (прил. ко 2-му т.), [1], XVII, [I], IV с.; 25 × 16 см. [Далее – *Алмазов.*]

Он же. Тайная исповедь в православной восточной Церкви: Опыт внешней истории: [в 3 т.] / А. Алмазов. М.: «Паломник» [при участии изд-ва «Храм»], 1995 (М.: Тип. АО «Молодая Гвардия»). Том III: Приложения. [2], III, [5], 296, 89, XVII, 14 с.; 21 × 14,5 см.

Канонические церковные памятники XIII–XVIII вв. // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндуст-

риальной России (X – первая половина XIX в.): Тексты. Исследования / издание подготовила Н.Л. Пушкарева. М.: Научно-издательский центр «Ладомир», сор. 1999 [т. е. 2000] (Вологда: ПФ «Полиграфист», подп. в печать 18.11.99). С. 13–116. (Русская потаенная литература; [т. 19]). (860, [4] с.; 20,5 × 13 см. В пер. 2500 экз.) [Далее: А се грехи злые... 1999.]

Русская историческая библиотека, издаваемая императорскою Археографическою коммиссиею: [в 39 т.]. Санктпетербург, 1880 (Тип. имп. Акад. наук). Том шестой: Памятники древне-русскаго каноническаго права, часть первая: (Памятники XI–XV <в>в.) / [сост., ред. и пер. А.С. Павлов]. [4], IV с., XX, 930, [2], 316, 70, [2] стб.; 27 × 18 см; То же. Издание второе / [печатается под наблюдением Члена Коммиссии В.Г. Дружинина, дополнение и указатели приготовлены проф. В.Н. Бенешевичем]. СПб., 1908 (Типография М.А. Александрова). [2], VI с., XVIII, [6], 930, [2], 446, [6], 72 стб.; 27 см. (Далее – РИБ. Т. 6, ч. 1).

Смирнов, Сергей Иванович (1870–1916). Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины: (Тексты и Заметки). / [Действительнаго Члена С.И. Смирнова] // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.: Синодальная типография, 1912. 1912 год, книга третья (двести сорок вторая) / издана под заведыванием М.К. Любавскаго. С. [4], 568 (II. Материалы историко-литературные; паг. 2); 28 × 19 см. ([6], VI, 259, [3], [4], 568, 46, 130 с.). Автор указан в «Содержании» кн. 3 на с. [3] (паг. 1). Содержание «Материалов»: [Шмуцтитул] II. Материалы историко-литературные. С. [1–2]; [Вышеприведенное заглавие]. С. [3–4]; Тексты. I–XLVIII (на церковнослав. яз.). С. 1–244; Заметки. § 1–51. С. 245–461; Знаки и сокращения (библиография: [80] назв.). С. 462–464; Указатель к Текстам / составлен священником г. Киржача В.С. Громовым. С. 465–555; Оглавление. С. 557–563; Опечатки и недосмотры. С. 565–568. Из указателя: *Мужеложство*: 3ª (56), 25 (5), 11 (19), 20 (16); *Содомский грех*: 1 (12 – И 25), 7ª (2, 45), 11 (11), 25 (6), 44 (20); 11 (3), 25 (6); Блуд сзади: 2 (8), 8 (3 и в. 15), 10 (12), 11 (6), 27 (22), 48 (14); Скотоложство: 7ª (28, 37), 1 (15 – И 15), 19 (143), 26ª (3), 26б, 3ª (56), 9 (36), 48 (43), 13б (17), 14б (17); Девица: лазящая на другую 1 (12 – И 23), 1 (12 – И 24).

Он же. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины. / Проф. С. Смирнов.; Издание Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Синодальная Типография, 1912. [4], 568 с.; 28 × 19 см. Описано по с. 1 обл. На с. [1]: Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины: (Тексты и Заметки). [Отд. оттиск из изд.: Чтения в Имп. О-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те. М.: Синодальная тип., 1912. Кн. 3. С. [4], 568 (II. Материалы историко-литературные; паг. 2)]. Указание на оттиск в издании отсутствует, установлено сличением текстов. Для оттиска были отпечатаны обложки и [предисловие автора] с датой: 20 декабря 1912 г. (с. [3]). Сохранен лист с заглавием из «Чтений» (с. [1]). Шмуцтитул в оттиск не включен.

Он же. Материалы для истории древне-русской покаянной дисциплины.: (Тексты и Заметки). // Смирнов, С.И. Древне-русский духовник.: из-

следование по истории церковнаго быта. / Проф. С. Смирнов.; Издание Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: Синодальная тип., предисл. дек. 1913. С. [4], 568 (паг. 2). (VIII, 290, [4], 568 с.) Текст – по набору изд.: Чтения.... М., 1912. Кн. 3. С. [3–4], 568. [Предисл. автора] с датой: 20 декабря 1912 г. – по набору отд. оттиска с. [3] (в изд. 1913 г. это – с. [3–4]). Дополнительно: Добавления к «Материалам для истории древне-русской покаянной дисциплины»; Добавления к Указателю к Текстам; Отпечатки и недосмотры в Указателе к Текстам и в Оглавлении. С. 286–288 (паг. 1).

[Далее – *Смирнов.* Материалы. Столь подробное описание мы вынуждены привести, так как даже в каталоге РГБ оно не точно. В издании «А се грехи злые, смертные...»... М., 1999 неправильно указаны заглавие и дата изд. (с. 8, 446, 858).]

XII век

«1130–1156 <г>г. Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородскаго, и других иерархических лиц». «Се есть въпрашание Кюрикова, еже въпраша епископа ноугородьского Нифонта и инех» (Ильино. Кг. Прашах и сего: аже девица лезеть на девицю, и семя има боудеть? – Льжае творяше, аже не с моужемь. Кд. И аще бо и семя изидеть, но девство цело есть. И повеле дати опитемью. Ке. И Аркадии молвяше: То, рече, есть, акы *содомьскый грех*) (РИБ. Т. 6, ч. 1. Стб. 62 (№ 2). – Печатается по Кормчей книге XIII в. из Моск. синодальной б-ки. № 132. Л. 518 и сл.).

«Особая редакция "Вопрошания Кирика"». «12. О кудесех» (И 23. Прашах сего аще двца на двцю лезет, а семя има будет лжае втворяше. аще не с мужем; И 24. Аще бо и семя изыдет, но двьство цела есть. И повеле дати епитимью; И 25. Аркадии [игумен нач. XII в.] молвяше. то рече есть – *содомскый блуд*) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 10 (№ I). – Сборная рукопись нач. XVI в. из собрания Н.П. Никифорова. Л. 14об. – 36; А се грехи злые. 1999. С. 17 (перевод неточен).

XIII век

«Два правила монахам». Ш[а]. О калоугерех [монахах] (34. Аще черньца два лежета на единой постели, то блоудника я нарече <...>; 56. Черньць аще с *моужьскъм полъмь* безаконня творя. ли с скотомь обличиться [соблазнится]. да имать епитимью 8 лет и да не примметь комканниа [причастия] от Паски до Паски. и поклоненние – 12 утром и 12 вечером) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 35, 37 (№ III). – РГБ НИОР. Устюжская Кормчая XIII в. № 230. Л. 122–126; А се грехи злые. 1999. С. 20).

XIII–XIV века

Из «Церковного устава Владимирова» («А се церковнии суди: <...>, три: бляднею, и зелии, еретичьство, <...> или два друга иметася бити (и)

единого жена иметь за лоно другаго и роздавить, или кого застануть с четвероножиною[2] <...>. [2](Никон. Кормч. гл. 45 л. 368 fin)» (цит. по: *Голубинский*, *Евгений Евстафьевич* (1834–1912). История русской церкви: [в 2 т., в 4 кн.] / Е. Голубинскаго, экстраординарнаго проф. Моск. Духовной Академии. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Рома̀н, 1880. Т. I: Период первый, киевский или домонгольский, первая половина тома. С. 532, 533 (текст с примеч. на с. 529–535. – По списку из Кормчей книги, написанной во втор. пол. XIII в., между 1276 и 1294 гг.).

Из «Церковного устава Ярославова» («О блядни. № 7–32 (№ 19. Аще кто с животною (читай: животиною) блуд створит, митрополиту 12 гривен, в опитимию и в казнь по закону») (цит. по: *Голубинский*, *Е.Е.* Там же. С. 541 (текст с примеч. на с. 535–545 (№ 1–61)).

«Заповедь ко исповедающимся сыном и дщерем» (143. В скотьстем блуде. иже блуод сътворить с скотиною. По святого Василия [правилу] – 15 лет не комкаеть. Мы ж – два лета сухоясты, в 12 часов покланяяся по вся дни 200 [раз]. аще ли обленится, то 15 да творит) (цит. по: *Смирнов*. Материалы. С. 128 (№ XIX). – Сборная рукопись XVI в. из Волоколамской б-ки (Моск. Духовная Академия). № 541. Л. 189–220; А се грехи злые. 1999. С. 21).

XIV век

«Въпрошанье исповеданьо» (2. Съзадоу блоуд створивше – 40 дней сухоясти; 30. Дотолкшися жене лоном [вар. – удом] [до] задняго прохода в кощюнах – 6 дней сухоясти). А се велиции греси (71. *Содомъскъи грех* – 3 года; 72. *Моужелеганье* – 3 года; 74. Мгози бо своими женами нелепьство створяють в задний проход. или обычаем злымь, или в <под>питии – от года [епитимья]; 82. По сих с скотомь<,> и с свиньями<,> и со псы, и со пта<ха>ми [блудят] – лето едино сухо яст) (цит. по: *Алмазов*. С. 274–277 (№ 30). – Требник. Рукопись XIV в. из б-ки Чудова монастыря. № 5. Л. 72об. – 78об.; А се грехи злые. 1999. С. 22–24 (ссылка ошибочна)).

«Русские уставы исповеди. № 1. Чин исповеданью Ивана Мниха». «Сказ<,> како подобаеть исповедати» (И впрошаеть его кроткам и тихом гласом сице: <...> ти егда си въспросить его. въпрошаеть от *мужьска пола блоуженья*. Имать же *моужьско блоуженье различья три*. Ино еже от иного подъяти. еже ильжее (*sic*!) есть ино<,> еже створити тяжьчее есть<,> третье же есть<,> еже прияти от и иного и створити со инемь. иже есть оною двою тяжчее. Егда въпросить и. ли в первемь рекше<,> еже прияти. или во второмь<,> еже творити. ли створьше со инемь створити. пытати его колико оумедли в том еже есть грес ество. и аще оубо еединою или дважды. ли многажды. іли преже. 30 лет от своея възрасти. ли по сих и с теми. Ли скотины дошел боудет. К ковѣї же (*sic*!) скотине приходил будет. едино различье есть. и аще вся блоуд створил боудет. сиречь вероучныи. Роучный же блоуд две различьи имать. иже своею роукою. или иного роукою бываемое. якоже некде князи творять с собою и иинех гоубяще. От них навыкающе таковою скаредье) (цит. по:

Алмазов. С. 103–104. – Требник. Рукопись XIV в. из б-ки Чудовского монастыря. № 5. Л. 65–82; А се грехи злые. 1999. С. 57–58 – сокращенно).

«Вопросныя статьи в русских устав исповеди». «А се въпрос женам» (А на подругоу ци возлазила. или подроуга на тя творячи аки с моужем грех?; В заднии проход или сзадоу с своимь моужемь ци?) (цит. по: *Алмазов.* С. 159 (№ 8). – Требник. Рукопись XIV в. из б-ки Чудовского монастыря. № 5. Л. 71об. – 72об.; А се грехи злые. 1999. С. 25).

«Правило о верующих в чады» (3. Есть же и женска малакия [грех рукоблудия] уже и жены деуть друга друже. Тем же лепо есть отцоу духовному все та да изтязоуеть [искоренять] и дати имь запрещение на лето едино; 5. Мужеложници. да запретятся на 5 лет с прочимь покааниемь. Различиа же *мужеложьству* [активного и пассивного], написахом назади вписаних Ивана Мниха и ищи опасно тамо; 6. Есть же и дроугы *грех содомьскы* еже с женоу лежати и в афедронь блудити еже есть паче естьства. еже есть велико безаконие, и несытное съгрешение. еже и безответно. О сем конечны ответь рече. Отраднее будет Содому и Гомороу, в день страшный – тем же убо да отлучатся три года по 200 поклонов; 7. Въсекь иже кроме тьчиу детородиа и на коне како блудяи кроме потребныу нужды естьствнаго любодеиства, сии жрьтву даеть диаволу свое семя. без потребы тако точяи свое семя в презьестьствных гресех. и сицевыимь повелеваемь яко не достоить причяститися в четырех летех и вящьше. ниже смеати приступити к святым и божественным таинам) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 143–147 (№ XXV). – РНБ. Собр. Порфирия Успенского. Номоканон XIV в. № Q. II. 90. Л. 26об. – 35об.; А се грехи злые. 1999. С. 26).

«“Некоторая заповедь” худой [т. е. сокращенный] номоканунец». «Святых апостол правила» (8. Аще кто с женою сзда<и> грех створить. скота бог наречеть да поклонов ему 300) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 28–30 (№ III). – Рукопись XIV–XV вв. из Моск. синодальной б-ки. № 153 (3). Л. 295–297; А се грехи злые. 1999. С. 29).

«Правило Халкидонскаго собора». «Правила Святаго и Вселенскаго собора 4-го, иже в Халкыдоне. Правило 25» (14. Аще кто с женою блоуд створит съзади, скотиноу и наречет Бог, да постятся за то 40 дней, а на день поклонов – 300; 20. Аще кто прелюбодеица. либо моуж женат, либо жена моужата. ляжеть с инеми моужатцем. имоуть епитимью 8 лет; 48. Аще который причетник блуод створить с скотиною – 30 лет [епитимьи], 10 лет да постится, а если жену имеет – 15 лет постится) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 241–244. – Сборник XIV–XV вв. из б-ки Кирилло-Белозерского монастыря. № 15 (14): «От Никоновских правил. Чудотворца Кирилла» (Белозерского). Л. 33об. – 42; А се грехи злые. 1999. С. 33–34).

XV век

«Вопросныя статьи в русских уставах исповеди». А. Для мирских лиц.

«Въпрос моужем» ([8.] Или с животию (*sic*!). Пост – 40 дней; [15]. Или созади был еси? Пост – 40 дней; [31.] Или *содомскый блуд* сотворил?

Пост – 3 дня) (цит. по: *Алмазов.* С. 144–145. – Служебник с требником. Рукопись XV в. из Софийской б-ки. № 839. Л. 196об. – 198об.; А се грехи злые. 1999. С. 28–29).

«Въпрос женам» ([8.] Или созади была? – 100 поклонов) (цит. по: *Алмазов.* С. 160 (№ 9). – Там же. Л. 198–199; А се грехи злые. 1999. С. 35).

«Въпрос моужем» ([6.] Аще ль *содомьскый блоуд* сътвори. Рекше в свои проход или в чюжий. да [своей] жены давал еси иномоу, епитимьи – 3 лета или 4; [7.] Аще л в (*sic*!) скотиною се ж чрез естество блоуди. епитимьи – год или два; [8.] Аще л в свою роукоу блоуди. ил в чюжоу – 3 месяца епитимьи; [9.] Аще л с своею женою в афедрон. рекше в задни проход. или в пианстве, епитимии – год) (цит. по: *Алмазов.* С. 149 (№ 4). – Сборная рукопись XV в. из Кирилло-Белозерской б-ки. № 22/1099. Л. 436–438об.; А се грехи злые. 1999. С. 31).

«Въпрос к женам» (Иль на подроугоу взлазила. иль она, подрогоу на себе вспущала. и в свое лоно перстом действовала, – пост 40 дней; <...> Иль с своим ближником, или с моужним. иль на моужню женку взлазила. иль с своим моужем в задний прохо<д> сблоудила, пост – 40 дни) (цит. по: *Алмазов.* С. 163 (№ 11). – Сборная рукопись XV в. из Кирилло-Белозерской б-ки. № 22/1099. Л. 438об.; А се грехи злые. 1999. С. 36).

«(Без надписания – вопросы женам)» ([8.] <...> и ззади с моужем своим сблоудила ли еси в проход?; [10.] Иль на подругоу свою взлазила...?; [49.] Иль *содомскый блоуд* сътворила еси над собою?) (цит. по: *Алмазов.* С. 165–166 (№ 13). – Сборная рукопись 1482 г. из Кирилло-Белозерской б-ки. № 6/1083. Л. 97–99; А се грехи злые. 1999. С. 36–38).

«От правил святых апостол» (12. Аще моуж с женою блоудить созади, а не лицем к лицю, – 40 дней поста, се бо скотско есть) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 61–62 (№ X). – Сборник второй пол. XV в. из Кирилло-Белозерской б-ки (Петербургская духовная академия). № 9/1086. Л. 13–14об.; А се грехи злые. 1999. С. 51).

«Исповедание попом и дьяконом» ([7.] Не пал лы ся еси от своея жены с *моужеским полом*? <...>; [9.] Не пал ли ся еси со скотом или с черницею?; [11.] Или с своею женою нелепски како блудил еси или ззади или в задний проход?) (цит. по: *Алмазов.* С. 184–185 (№ 31). – Требник. Рукопись XV–XVI вв. (собрание М.П. Погодина). № 310. Л. 228об. – 234об.; А се грехи злые. 1999. С. 38).

«(Без надписания)» (А се съгрешениа моя кроме с-тых [иных]:.. [25.] Блоудом с моужскым полом и женскым, и сам в^{s} ся<бя>, и с отрокы; [27.] Роучным *блоудом содамьскым*; [31.] Осязанием роучным и ножным женскаго естества. и срудники и свое<го> прохода) (цит. по: *Алмазов.* С. 191–192 (№ 5). – Требник. Рукопись нач. XV в. из б-ки Моск. духовной академии. № 184. Л. 56об. – 60; А се грехи злые. 1999. С. 40).

«Вопрошание апостольское» (3. Апостоли реша: аг еже скотом. осквернить тело свое. Как ответ томоу? Рече Господь: лето одно да постится, сухо ясть, во церковь не входит 3 лета) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 150 (№ XXVI). – Сборник XV–XVI вв. из б-ки Чудова монастыря (Моск. синодальная б-ка). № 277. Л. 371–373об.; А се грехи злые. 1999. С. 53).

«Епископское поучение князьям и всем православным христианам о противуестественных плотских грехах, ротничестве и подражании иноверческим обычаям». «Поучение епископле всем христолюбивым князем и всем правоверным християном и боголюбивым (<...> То же пакы и се суть в хрестиянех неции, точию имя хрестияньское на себе носяще, а окаанне дияволом омрачени и поспехом его объдръжими, в клятвы, и в хулы, и в нечьстия, и в телесныя нечистоты себе въвръгше, и самому естьству бестудне творять чресъестьственое безаконие, *содомьскую* реку пагубу, егоже и в бесловесных несть, ходять<,> забывше вышний страх и реченую муку, уготованую нечьстию, еяже и сам сотона трепещеть, а си не чювьствують: сим всем завещаем приимати во ум страх Божий и грядущий суд, удалятися от таковых нечистот и хуления, и въследовати добре живущих, <...> якоже се в Содоме и Гоморе и иже округ ею гради. <...> Плотнии же греси: плотная нечистота, скверность, блуд; телесныя же нечистоты: прелюбодеяние, *содомьское блужение*, в племени браци, скотоблужение, сродное блужение <...>. Повелеваем же епархови града: лестьця, хульникы, ротници, *мужеложникы*, убийиця, девам растление имущи, насилующи – казнити по закону <...>» (РИБ. Т. 6. Ч. 1. Стб. 847–856 (на стб. 848–849, 851–852). – Издается по Кормчей книге XV в. из: РНБ. № 80 (F. отд. II). Л. 314 и сл.).

XVI век

«Глава пятая. Тридесять седьмь царских вопросов. Вопрос XXIX. О не покаянии грехов наших. (Да не до конца прогневается Бог, наказует милостию, и ждет нашего покаяния и обращения от всяких зол, паче же от блуда любодеяннаго, прелюбодейства и *содомства*, неправеднаго суда, гордости, зависти. Помыслим первая, почти Господь весь мир потопи, Ноя единаго соблюде, не блюда [т. е. блуда] ли ради, – а Содом и Гомор огнем поясть, за что Лота же единаго праведнаго изведе, – не отроческаго ради блюда [т. е. блуда] Ниневия град погибе, за котораго ради греха. <...> И о сем вельми надобно поболети и поскорбети, и исправити вины греховныя, дабы Господь милость свою послал на грешныя рабы своя, паче же запретити о любодействе, и о злом *содомском блуде*. Не подкновенно утвержайте сие.)» <...>

«Глава тридцать третья. *О содомстемъ грѣсе.* Нѣціи же къ тому злу страхъ Божій забывъ, скверное беззаконіе творять, иже не подобаеть творити православнымъ, реку же *содомскую пагубу* многимъ людемъ на смятеніе и на соблазны и погибель, а отъ множества народа и отъ иновѣрныхъ – укоризна нашей православной Христіянской вѣрѣ, и отъ всѣх о тѣхъ отреченныхъ, скверныхъ дѣлъ скаредныхъ, отцемъ духовнымъ священнымъ протопопомъ и священникомъ, дѣтей своихъ духовныхъ на крѣпко испытовати и запрещати съ великимъ истязаніемъ духовнымъ, чтобъ такихъ скверныхъ и мерзкихъ дѣлъ не творили, и которыя покаются, и впредь обѣщаются, и вы бы ихъ исправляли, по правиломъ святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ. А безъ епитиміи бы есте не прощали, а которыя не исправятся, ни покаются и вы бы ихъ от

всякія Святыни отлучали и въ Церковъ входу не давали. И приносу отъ нихъ не принимали, дондеже покаются и престануть отъ своихъ золъ, такихъ бо ради скверныхъ дѣлъ, Божій гнѣвъ приходить на православное Христіянство. Овогда отъ рати, иногда же отъ тлѣтворыхъ вѣтръ, овогдаже паденіе человѣкомъ, и скотомъ, сиречь смертная язва, иногда же великія пожары, и иные многія казни, наводить Господь Богъ къ нашему исправленію чтобъ таковая мерзость и законопреступныя дѣла, никогда же въ Православіи не именовались, и попраны бы были до конца» (Стоглавъ: Соборъ бывшій въ Москвѣ при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ (въ лѣто 7059). Санктъ-Петербургъ: Воскресеніе, 1997. XIII, [I], 287, [3] с. (на с. 88: Глава тридцать третья. О содомстемъ грѣсе); 21,5 × 14,5 см.).

«(Поновление священноиноком)» (Господе, отче, прости меня тако же: [3.] <...> и в *мужелегании* со отроки, и со юными иноки; [4.] Друг на друга взлазя и на собя вспуская блудиди <...>; [5.] Взирая на мужск пол <...>, и на отрочата, на инокиня, и на младенци, осязая их, и обнимая, и целуя с помыслы блудными и до истицания [скверны семенной]. Многажды рукою блудих в тайныя оу жен и девиц, и отрочат <...>, и всяк *содомский блуд* содевах многажды, и над самим мною тож случис *содомъ*(ски?) в разме и не в разме. [6.] <...> и со отроками блудих крадоблудием, а им то неведомо [было, что] над ними случис в неведении; [7.] <...> и с отроком одинем и со женою много время в блуде пребывах; [8.] В цр-кви во время б-жественнаг пения и чтения держим бых от некоего за срамныя уды моя и сам також де держах оу иных за срамныя оуды и до истицания плоти; [11.] Совещевая блуд творити. прелюбы деяти и всякия нечистоты мужем и женам. и отроком. и дв-цам. и иноком; [19.] И тело свое безстудно обнажах пред многими и зрях и осязах срамныя оуды моя и чюжая оуды також зрях и ноги осязах) (цит. по: *Алмазов.* С. 240–242 (№ 33). – Требник. Рукопись XVI в. из: РНБ. № (Q. I). 100. Л. 1.3–6.2об.; А се грехи злые. 1999. С. 41–43).

«Поновление инокиням» (Глаголеть поп по нем хотящая каятися: [7.] <...> и давах блудити созади и в задний проход. и на мужи взлазя, блудити. и всяким *содомским блудом* блудих <...>. и тайныя оуды многажды целовах оу многих мужи и оу жен. а им оу собя тако ж повелевах. <...> и с подругами блудих до истицаниа плоти. на них взлазя и на собя вспуская и целуя. и за груди дрочас. и всяк *содомскии* грех творих во все<и> жизни моей; [8.] Частым омыванием банным и тело свое безстудно обнажах пред многими члв-ки. и зрях и осязах срамныя и детородныя оуды своя и чюжая. и того многажды истицание похоти содеях. и чужая оуды многажды тайныя у мужеи и отрок зрях и осязах с похотию и достицания. и оу жен и девиц тако же содеях до истицания похоти <...>) (цит. по: *Алмазов.* С. 223–224 (№ 22). – Требник. Рукопись XVI в. из: РНБ. № (Q. I). 100. Л. 20об. – 25; А се грехи злые. 1999. С. 43–44).

«Из древнерусских переводов номоканона Иоанна Постника» (Знай же и запрещение, которое не мы, но Великий Василий изложил для монахинь: <...> Если с подругою совокупляться и творить рукоблу-

дие – также 80 дней поста, сухо есть; Скотоложествующему – 21 год запрещения, строгого – до 7 лет) (цит. по: А се грехи злые. 1999. С. 45 («Публ. по: *Горчаков, М.И.* О тайне супружества. СПб., 1880. С. 81–89»; «По номоканону, ркп. XVI в. РНБ. № 4° – 223»). На указанных страницах в книге М.И. Горчакова этот текст не значится).

«Правило с-тых [отец] о опитимях» (5. Грех есть ззади блудити з женою. се поганское. Епитимья – 40 дней, сухоясть; [33.] Тыкавшис жени задияг (*sic!*) прохода лоном. Епитимья – 7 дней, поклонов – по 60 на день; [41.] В кощунах хвативше чюжаг мужа за лоно или друг друга. Епитимья – 3 недели, поклонов – по 100 на день; [91.] А нии мнози со своими женами нели створят (*sic*!). в задний проход. или в <под>питии. Епитимья – год, если же не хватит – 3 года, поклонов – по 100 на день; [98.] А инии со скотом, со свениями. и со псы. Епитимья – 3 года, поклонов – по 110 на день) (цит. по: *Алмазов.* С. 279–283 (№ 31). – Сборная рукопись XVI в. из Волоколамской б-ки. № 560. Л. 66–78об.; А се грехи злые. 1999. С. 47–49).

«Правило с именем Максима». «Апостольских заповедей правило святых отец» (Максим рече: Второе согрешение – зсаду (*sic*!) с женою блуд створивше. да имать епитимью – 40 дней сухо да ясть, а поконяется – 30 вечером и 30 утром, понеже бо скотиной наречется) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 51 (№ VIII). – Сборник Н.П. Никифорова, нач. XVI в. Л. 72–76об.; А се грехи злые. 1999. С. 51).

«Правило “Аще двоженец”». «Правило святых апостол и святых отец» (3. А всех же дел злых горше есть блоуд: всяк бо грех проче тела есть, а блоудя и свое тело скверниъ, то я бо скверны оумножися в *содомех и в Гоморе*, не стерпе ярости Господыя, но огнем и каменем горющим пожже их; 6. Аще мужь с женою блоудить ззади, а не лицем к лицю, епитимьи – 2 недели, и бо скотьски есть, велми закон бранить; 11. Аще кто *содомьски* блудить: женоу поускаеть на ся, или скота доидеть, или с ким в задний прход: если от жены, то 3 лета епитимьи, если же в юности, не имея жены, – 18 недель епитимьи <...>) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 64–66 (№ XI). – Сборник XV–XVI вв. из б-ки Чудова монастыря. № 277. Л. 337–348; А се грехи злые. 1999. С. 54–55).

«Чин исповеданию» (И впрошает его пръвое: <...> и о блуде с женскым полом и с мужскым полом) (цит. по: *Алмазов.* С. 114 (№ 5). – Требник. Рукопись XVI в. из Московской синодальной б-ки. № 310. Л. 160об. – 184; А се грехи злые. 1999. С. 60).

«А се вопрос моужем о гресех» ([7.] А се ответы отца доуховнаго к сыноу: Или соззади блоудил. епитимья – 40 дней, а поклонов – 40 на день; [23.] Или со отроки блоуд сотворил еси, епитимьи – 3 лета, а поклонов – по 60 на день; [25.] Или [со] своею женою в задний проход блоуд сотворил еси, епитимьи – год, а по любви ее – 3 лета, а поклонов – по 150 на день; [29.] Или [со] скотом, епитимьи – 10 лет, а поклонов – по 300 на день) (цит. по: *Алмазов.* С. 145–146 (№ 2). – Требник. Рукопись XVI в. из собрания М.П. Погодина. № 305. Л. 25об. – 29); А се грехи злые. 1999. С. 60–61).

«Вопрос в мужах» ([17.] Аще ли съзадоу блуд створил еси, епитимьи – 40 дней; [10.] Аще ли [с] скотиною – 40 дней поста; [35.] Аще

содомьскы блуд створит, епитимьи – 3 лета) (цит. по: *Алмазов.* С. 147–148 (№ 3). – Требник. Рукопись XVI в. из Софийской б-ки. № 1088. Л. 358–360; А се грехи злые. 1999. С. 62–63).

«Въпрос моужем и отрокам» ([2.] <...> с колицими блудил еси. или с паропкы блудил еси *содомскы.* или над собою был ли *грех содомскы.* или со своею женою *содомскы* иль съзади. или на себя пущал?; [3.] Противу празника блудил. или с дитятем. или в руку. или с братом <...>, или с племянникы. <...> или с коумами. или с черньцем <...>. или с скотиною, а кою ядят; [29.] Или во ц-кви стоял<,> взира на жены <...> и на лепыя отрокы<,> а мысля блоуд?; [31.] Или свои проход роукою щупал или у паропков?) (цит. по: *Алмазов.* С. 151–152 (№ 5). – Служебник с требником. Рукопись XVI в. из Софийской б-ки. № 875. Л. 129–132; А се грехи злые. 1999. С. 63–64).

«Въспрос о делех» ([24.] Или *содомский блуд* сотворил еси. И *<м>оужелелеганием* сотворил еси. со дроуги вмести (*sic!*); [26.] Со своею женою нелепо сотворил еси в задний проход или с чюжею женою; [29.] Или [с] скотом был еси [или] с кобылою. или с коровою, или с козою. или с овцею, или свиню; [93.] Или жены тыкал еси в задний проход своим срамом) (цит. по: *Алмазов.* С. 153–155 (№ 6). – Требник. Рукопись XVI в. из Софийской б-ки. № 1090. Л. 454–466; А се грехи злые. 1999. С. 67, 69).

«(Без надписания – вопросы женам» ([4.] Или сзади блуд сотворила еси [с своим мужем]. епитимьи – 40 дни, а поклонов – по 7 на день; [15.] или *содомский блуд* сотворила еси, еж на мужа возлазила еси, епитимьи – 3 лета, а поклонов – по 100 на день) (цит. по: *Алмазов.* С. 161–162 (№ 10). – Сборная рукопись XVI в. из: РНБ. № (Q. I). 729. Л. 173–174об.; А се грехи злые. 1999. С. 70).

«Въпрос к женам» ([6.] Или с д-вицами друга на другу лазила еси блудити; [8.] Или иная подруга тебе рукою блудила, а ты у неи тако же; [10.] Или [с] своим мужем или с чюжими созади и в задний проход; [19.] Или оу жребца оуристания с похотию смотрела еси, чтоб тебе с ним блуд створити [или] на ку ину скотину мыслила еси блудити; [51.] Или целовала дв-цу или отрока с похотию до истицания, а им тако ж сотвори еси) (цит. по: *Алмазов.* С. 163–164 (№ 12). – Требник. Рукопись XVI в. из: РНБ. № (Q. I). 100. Л. 46об. – 49; А се грехи злые. 1999. С. 71–72).

«Воспрос женам и девицам» ([2.] <...> или съзади. или на моужа взлазила. или перстом. или иным чем блуд сотворила еси. или в задни проход <...>) (цит. по: *Алмазов.* С. 167 (№ 14). – Служебник с требником. Рукопись XVI в. из Софийской б-ки. № 875. Л. 133–134; А се грехи злые. 1999. С. 73).

«Вопрос женам вдовым» ([17.] Или созади в тоже естество. а не лицом к лицу; [8.] Или в задний проход *содомскый блуд* сотворила еси) (цит. по: *Алмазов.* С. 168–169 (№ 19). – Требник. Рукоп. XVI в. из собрания А.И. Хлудова. № 120. Л. 415 об. – 416; А се грехи злые. 1999. С. 74–75).

«Въспрос чрьноца. или схимника. хотящаго каясис с тихотию» ([4.] Не поускал ли еси дроуга на себе; [6.] Не пал ли ся еси со скотом,

каковым от животных; [8.] Не помыслил (*sic*!) еси с похотью на брата млада. или на отрочат(о) зря; [11.] Не пал ли ся еси с братом, или с сродичем <...>?) (цит. по: *Алмазов.* С. 175 (№ 24). – Требник. Рукоп. XVI в. из б-ки Чудова монастыря. № 54. Л. 215–216об.; А се грехи злые. 1999. С. 75–76).

«(Без подписания – вопросы инокам)» ([7.] Или вспускал еси друга на себя блуда ради; [8.] Или сам блудил еси своег брата черньца. или [с] отроки блудил еси; [10.] Или со скотиною какою блудил еси; [12.] Или помыслил еси с похотию на брата молода. или на отрочата; [15.] Или в пиру с ким пался ли еси пьян без памяти. или с братом. или с родичем <...>?) (цит. по: *Алмазов.* С. 176–177 (№ 25). – Требник. Рукоп. XVI в. из: РНБ. № (Q. I). 100. Л. 7–9; А се грехи злые. 1999. С. 77).

«(Без надписания – вопросы инокам)» ([1.] Како еси чадо прежде двьство и чстотоу телесноую осврнил: с скотом ли или с женским полом. или с моужским. или над собою давал еси комоу *содомски блоудити*?; [2.] <...> птичеблоудия, <...> и с коумами, <...> егда оубо и со иноки <...> и крадоблоужения, еже ес с сонными и с пияными. и с моужеским полом, о нем того не ведоущим. но сотворивый грех. той воспреимет соуд. и с женским полом в задняя прохождения) (цит. по: *Алмазов.* С. 177–178 (№ 26). – Требник. Рукоп. XVI в. из собрания М.П. Погодина. № 306. Л. 166об. – 169; А се грехи злые. 1999. С. 78).

«Въспрос инокинам» ([5.] Или со скотом блуда не сотворила ли?; [6.] Или в задний проход или созади блуди (*sic*!) кому давала еси?; [7.] И на ког сама верх блудити взлазила еси?; [13.] Или на поддругу взлазила еси или на собя подругу вспускала еси блудити?; [14.] Или иным чим во свою плот блудила еси. подруге велела еси у тобя. и ей собе тако ж?) (цит. по: *Алмазов.* С. 178–179 (№ 27). – Требник. Рукоп. XVI в. из: РНБ. № (Q. I). 100. Л. 30об. – 32; А се грехи злые. 1999. С. 80).

«Вопрос черницам и схимницам» ([3.] Не пускала ли еси на себе подруги своея или сама на подругу лазила <...>?) (цит. по: *Алмазов.* С. 180 (№ 28). – Требник. Рукоп. XVI в. из собрания М.П. Погодина. № 306. Л. 303–305об.; А се грехи злые. 1999. С. 81).

«Въпрос игоуменом и с-щенноиноком» ([19.] Не пал лы ся еси с моужескым полом или с младым чрньцемь?) (цит. по: *Алмазов.* С. 183 (№ 30). – Требник. Рукоп. XVI в. из б-ки Чудова монастыря. № 54. Л. 216об. – 218об.; А се грехи злые. 1999. С. 82).

«Исповедание по вопрошании о всем» ([7.] <...> в смешении плотьском <...> и с отрокы, и с бесловесным и животным скотом; [8.] Осквернихся *содомскым блоудом* съзади, и в роучнем блоуде; [18.] <...> с дрýгом обниманием) (цит. по: *Алмазов.* С. 192–194 (№ 6). – Требник. Рукоп. XVI в. из собрания А.И. Хлудова. № 119. Л. 246–250об.; А се грехи злые. 1999. С. 83).

«Б. Для мирских лиц» «(Без надписания)» ([15.] Блоудом содроугом, поущая на собя, и сам на дроуга; [22.] Блоудом и прелюбодеиством, до жены и или жене, и по жене, с моужскым полом, и с женьским, и с скотом <...>; [24.] Осязанием роучным и ножным женскаго естества, и своего прохода; [27.] *Содомским грехом* <...>; [39.] Помыслив похотью, на

моужи, и на отроки <...> и на коумы, <...> и на братии жены, и на братыя; [29.] З женами созади блоуд творил, и пакы в задни проход, со блоудницами, и своею женою бесчисленно <...>) (цит. по: *Алмазов.* С. 194–196 (№ 7). – Требник. Рукоп. XVI в. из собрания М.П. Погодина. № 305. Л. 1–22об.; А се грехи злые. 1999. С. 84).

«Исповедание всем православным хрстианом, пришедшим на покаяние ко отцем дховным» (<...> всяк блуд сотворих любодейством и прелюбодейством, и *содомскии блуд*; <...> или сзади блуд сотворих с ними) (цит. по: *Алмазов.* С. 200–201 (№ 10). – Требник. Рукоп. XVI в. в: РНБ. № (Q. I). 851. Л. 158–165; А се грехи злые. 1999. С. 85).

«Исповедние женам» ([2.] И со ближним в роду в любодеянии. и прелюбодеянии. блудих свяким *содомским блудом*, на них взлазя и на собя вспуская, и созади давах, и в задний проход давах <...>; [4.] Помысли блудом на чрньци <...> и на скотину, и жеребца, и пса, и на порсука, и смотреах оу них оуристания до истицания похоти; [5.] Блудих над дв-ца (*sic*!) и над женами на них взлазих. и на собя въпускалах блудити и целовалах их во оуста, и за груди и в тайныя уды с похотию до истицания похоти. и своею рукою сама во свое тело блудиу и повелевах дв-цам и отроком. и женам у них тако же до истицания похоти; [9.] Блуд творя от мужа своего и до мужа с чюжими мужи и до н-нешняг времяни всяким *содомъским блудомь* <...>) (цит. по: *Алмазов.* С. 204–205 (№ 12). – Требник. Рукоп. XVI в. в: РНБ. № (Q. I). 100. Л. 49об. – 53об.; А се грехи злые. 1999. С. 86–87).

«(Без надписания)» ([8.] <...> или с своею женою незаконно спах. или ззади. или на себя впустил. или чрез естество – как любо; [9.] Блоудом и прелюбодейством до жены и при жене, с мужеским полом. и с женьскым и со скотом; [10.] <...> безстыдно блуд творях. и пред с-тыми образы и в *мужелегании* и с женскым полом. и над самим мною тоже зло случилс *содомскыи* <...>; [11.] Со всякою скотиною со птицами со блудницами <...>) (цит. по: *Алмазов.* С. 198–199 (№ 8). – Сборная рукопись XVI в. из Волоколамской б-ки. № 517. Л. 5–8об.; А се грехи злые. 1999. С. 88).

«(Иноческое без надписания)» ([3.] Господе отче, в *содомском блужении*, и во стегноблудии и с иноки, и спротивно падахся; [4.] В скотоблудии, и в рукоблоудии; [5.] В цр-кви стоя <...> внимах мыслию блоудною и взирах на личнаго взора женскаго и моужскаг <...>; [6.] В целовании мнозе, и языком, с стр-тию блоудною. жены и дв-ца. и черницы и инокы, младыя, отрочята и лежах с ними на единой постели, и обоймах их, и осязах за срамныя оуды и смотрях. тако ж и скотскыя срамныя оуды осязах. и смотрях. и от того истицание похоти и мокрота многажды быс; [7.] Многым совещах на блудная дела. наипаче отроком; [10.] В сквернословии. и оттого взирах с мыслию блоудною на жены, и дв-ца, и черница и на младыя инокы. и на отрочята. и многажды ми от того истицание быс тако ж и от скота. и от птиц. помышлениа скверная) (цит. по: *Алмазов.* С. 209–210 (№ 17). – Требник. Рукопись XVI в. из Кирилло-Белозерской б-ки. № 528/7859. Л. 19об. – 29; А се грехи злые. 1999. С. 92–93).

Филофей (игумен Елеазарова монастыря; 1453?–1542?). Послание старца псковскаго Елеазарова монастыря Филофея к великому князю Василию Ивановичу. // Православный Собеседник, издаваемый при Казанской Духовной Академии. Казань: В университетской типографии, [1863]. 1863, март. С. 337–348 (Памятники древне-русской духовной письменности; паг. 3). На с. 337–343: [Предисловие], на с. 343–348 – текст послания. На с. 345–346: «О третией же пишу и плача горце глаголю, яко да искорениши из твоего православнаго царствия сий горкий плевел, о немже и ныне свидетельствует пламень жюпельнаго горящаго огня в *содомских стогнах*, о нем же пророк Исаия, рыдая, глаголаше: Слышите слово Божие, князи *содомстии*, и внушите глагол Божий, людие гоморстии! Что ми тук жертв ваших? Исполнен есмь всесожжений. Да слыши, благочестивый царю, яко пророк не мертвым погибшим *содомлянам* таковая глаголаше, но живым человеком, творящим дела их. Писано бо есть: преступаяй от своея жены раздирает плоть свою, а творяй *содомская* убивает сам плод чрева своего. Бог сотворил человека и семя в нем на чадородие, мы же сами даем свои семена во убийство и в жертву диаволу. Да сия мерзость умножися не такмо в мирских, но и в прочих, о них же помолчю: чтый же да разумеет».

Филофей (игумен Елеазарова монастыря; 1453?–1542?). Послание к великому кнзю Василию. в нем ж(е) о исправлении крстнаго знамения и о *содомском блуде* // Малинин, В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания.: историко-литературное исследование. / В. Малинина. Киев: Тип. Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. Приложения. № IX. С. 49–56 (паг. 3; текст по двум спискам).

Малинин, Василий Николаевич (1849–?). Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания.: историко-литературное исследование. / [соч.] В. Малинина. Киев: Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1901. VIII, 768, 105, [3], 144, [2] с.; 26 × 18 см. См. о «*содомском грехе*» с. 657–664 (примеч. № 2493–2527 на с. 98–99 (паг. 2)), 49–56 (паг. 3 – «Послание к великому кнзю Василию. в нем ж(е) о исправлении крстнаго знамения и о *содомском блуде*»).

Он же. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послание к царю и великому князю Ивану Васильевичу. / В. Малинин. Киев: Типогр. Г.Т. Корчак-Новицкаго, Михайловская у. д. № 4, 1888. [2], 55, [1] с.; 23 × 15 см. На об. тит. л.: «Оттиск из журнала "Труды Киевской духовн. Академии" за м. май 1888 г.». На с. 50–54 – о «*содомии*» (библиогр. – в примеч., [13] сносок).

Жмакин, Василий Иванович (протоиерей; 1853–1907). Митрополит [1522–1539] Даниил [1492–1547] и его сочинения. / изследование Василия Жмакина.; издание Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М.: В Университетской типографии (М. Катков), на Страстном бульваре, 1881. [2], XIV, [2], 762, 96, X, IV с.; 27 × 18 см. На об. тит. л.: Чтения в Имп. Обществе Истории и Древностей Российских при Моск. Ун-те 1881 г. кн. 1-я и 2-я. См. о «*содомстве*» или *мужеложстве* на с. 538–542 (библиогр. в примеч., [18] сносок), *574–578*, *715–719*.

Он же. Русское общество XVI века. / [соч.] Василия Жмакина. СПб.: Хромолит. и тип. В. Грацианскаго, 1880. 71 с.; 24 см. «Отд. отт. из февр. и мартовск. кн. журн. “Древняя и новая Россия”».

Макарий (митрополит; 1482–1563/1564). Наказная грамата митрополита Макария по Стоглавному собору. [№ 1–26] // Православный Собеседник, издаваемый при Казанской Духовной Академии. Казань: В университетской типографии, [1863]. 1863, январь. С. 87–106 (Памятники древне-русской духовной письменности; паг. 3); То же. (Окончание). № 27–57 // Там же. 1863, февраль. С. 202–220 (паг. 3). Из содерж.: [Гл.] 55. О *содомском гресе*. С. 216–218 («Нецыи ж к тому, забывше страх Божий, и скверное беззаконие творят, еже не подобает творити православным християном, реку же *содомскую пагубу*, многим людем на смятение и на соблазн и на погибель, а от множества народа и от иноверных поношение и укоризна нашей православной християнстей вере. И о тех о всех отреченных и скверных затворенных дел скаредных отцем духовным священным протопопом и священником детей своих духовных накрепко испытывати и запрещати с великим запрещением и истязанием духовным, чтобы таковых скверных и мерзких дел не творили; и которые покаются и впредь обещаются, и вы бы их исправляли по правилом святых апостол и святых отец, а без епитимии бы естя не прощали; а которые не исправятся и не покаются, и вы бы их от всякия святыни отлучали и в церковь входу не давали, дондеж покаются и престанут от своих дел. Таким бо ради скверных дел Божий гнев приходит на православное християнство: овогда рати, <...> и иныя многия казни наводит Господь Бог нашему неисправлению, чтобы таковая мерзость и законопреступные дела никогдаж в православии не именовалися и попраны были до конца <...>»).

Он же. Послание Митрополита Макария в Свияжск, к Царскому войску, 1552 мая 25 // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою коммиссиею.: [в 5 т.]. Санктпетербург: В Типографии Экспедиции Заготовления Государственных бумаг, 1841. Т. 1: 1334–1598. С. 287–290 (№ 159). Из содерж.: («О чада! откуду посрамися мудрование разума вашего? <...> и побежающеся злострастием скверныя похоти. Оле произволение злое! <...> иже в православной вере сущим рабом не подобает творити тако; и сице безумием своим и законопреступлением, безсрамно и безстудно блуд содевающе со младыми юношами, *содомское* злое, скаредное, и богомерзское дело. Наипаче же не премолчю безумия их, еже не престают Богу досаждающе, оскверняюще и растлевающе Богом свобоженых пленников из паганых рук, благообразных жен и добрых девиц. <...> Аще ли кто от вас, забыв страх Божий, и заповедь Царьскую, и наше духовное наказание, не учнут каятись о своих согрешениях, или в скверныя в *содомския грехи* со отроки впадати, или учнут с пленными женами и девицами в прелюбодейство и в блуд впадати, и в том обличени будут: и тем всем быти от благочестиваго Царя в великой опале, а от нашего смирения и от всего освященнаго собора в отлучении быти, по священным правилом, от святыя церкви и всякия святыни»).

Максим Грек (ок. 1480–1556). Инока Максима Грека слово на потопляемых и погибаемых безъума, богомерзких гнусных *содомским грехом*, в муках вечных. // Максим Грек. Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академии.: [в 3 ч.]. Казань: В типографии губернскаго правления, [1860]. Часть вторая: [Нравоучительныя сочинения Максима Грека. I–XLIX]. XIX. С. 251–260. (460 с.; 23 × 15 см. На об. тит. л.: Из Православного Собеседника 1860 года.)

Преображенский, Иван. Нравственное состояние русскаго общества в XVI веке, по сочинениям Максима Грека и современным ему памятникам. / сочинение Ивана Преображенскаго. М.: Типография Э. Лисснер и Ю. Роман, на Арбате, дом Каринской, 1881. 249, [3] с.; 24 × 17 см. Из содерж.: [Гл.] II. Пороки<,> господствовавшие в среде духовенства. С. 67–86; [Гл.] III. Пороки<,> господствовавшие в среде мирян. С. 87–162; [Гл.] IV. Пороки, господствовавшие в классе монашествующих. С. 163–210; [Гл.] V. Светлыя стороны в религиозно-нравственной жизни русскаго народа в XVI веке. С. 211–249. На с. 134–135 – о «самых гнусных пороках, противуестественных – *мужеложстве* и *скотоложстве*» (библиогр. – в примеч., [9] сносок).]

«Стоглав», свод религиозных и светских предписаний, прінятый в 1551 году по предложению Ивана IV Грозного Стоглавым церковным Собором особенно осуждал однополые акты между церковносвященнослужителями, см.: *Попов, А.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву... 1904. С. 195–196 (§ 5. Противоестественные пороки).

[«Нравственный упадок древне-русской жизни не выражался в одной естественной своей форме. Он принимал самые противоестественные виды, какие только мог изобресть растленный ум человека. Особенно в XVI в. развито было *садомство* и *мужеложство*. Редко можно встретить хотя одно древнее слово с обличительным характером, где бы не бичевался этот ужасный порок того времени: "*содомское блужение*" и "еже к юным (отрокам) любовь". И распространен он был по преимуществу в привилегированных слоях общества. Старец Филофей в своем послании к великому князю Василию Иоанновичу [1479–1533] пишет: "сия мерзость (*содомство*) умножися не токмо в мирских, но и в прочих, о них же помолчу, чтый же да разумеет...", разумея под "прочим" монашество и высший класс, вращавшийся около великокняжескаго двора. Среди монашества порок вкоренился настолько, что в кодекс нравственных предписаний монахам было внесено и то, чтобы они с "юными детьми не дружились, и не стояли с ними, и книгам их не учили". Известно, напр., что пороком страдал митроп. Зосима. "Вообще, – пишет В. Жмакин ("Русское общество XVI века". СПб. 1880 г., стр. 38 и 39), – русские первой половины XVI века предпочитали женщинам общество молодых пухленьких малчиков". Собравшийся в 1551 г. Стоглавый Собор принужден был даже сделать предметом особого обсуждения вопрос о педерастии, из-за которой "от множества народа и от иноверных поношение и укоризна нашей православной христианской вере" (глава 33). Из постановлений Собора по этому вопро-

су здесь отметим запрещение жить в монастырях “голусым”»] (*Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения и уголовное право... Могилев, 1910. С. 6–7, 25).

[*Гальковский, Николай Михайлович.* Противоестественные пороки... 1916. С. 149–152.

XVII век

«(Без надписания поновление иноком)» ([12.] Согреших от юности моея растлевся детскых растлениих. *содомьскым блоудом* с мирьскыми и со инокы, и друuь с другомь спротивно; [15.] В любодеянии и в прелюбодеянии с женами, и *содомъскыи* с ними в задний проход блоуд сътворих <...>; [16.] С безсловесными с всякыми четвероногыми животными блуд сътворях <...>; [17.] И с отрокы блудих и с юными иноки блоуд створих. в мирском житии. и в иноческом оброзе и в с-щеньстве. в *мужелегагании*, и в смещении женьстем; [18.] На дроуга взлазя люблением стрстьным; [19.] <...> надымая кишку не помню (*sic*!) коеяго животины и тем в свой проход блудих; {20.] Взирая на жены и на девица и на инокы и на инокыня, и на отрочата с помышлениемь стреным и истицание ми быс; [21.] Целованиемь жен и отроковь и отроковиць и инокь и инокинь и осязанием их и обниманием многажды плоти излиание ми быс; [22.] *Содомъскыи блуд* сътворих с мужьскым полом. и над самим мною такое зло случися в неразоуми[и], и в разоуме; [23.] С пьяными отрокы и с мужи блоудих <...>; [24.] С сродныкы рода своего, и сам в ся, и в птичеблудие впадох, и с отрокы многа времена пребых в падении; [27.] Съвещая блоуд творити и прелюбыдеяти, и всякыя нечистоты моужем и женам, отроком и девицам; [37.] <...> и чюжая уды срамныя тако ж зрях нагы и осязах <...>; [38.] <...> и тако же и своя уды девах осязати многым многажды. ножем острогах уды моя и свещею попалил <...>) (цит. по: *Алмазов.* С. 212–215 (№ 18). – Требник. Рукопись XVII в. из собрания М.П. Погодина. № 314. Л. 121–138об.; А се грехи злые. 1999. С. 93–96).

«А се грехи» (VII^{a}. А се грехы. 2. Любодеяние. *содомскый грех*; 35. Аще кто боудеть со женою създади; 37. Аще кто блоуд створить с котом <...>) (цит. по: *Смирнов.* Материалы. С. 45–46 (№ VII). – Великия Четь-Минеи, принадлеж. Успенскому собору. [Рукопись XVII в.] из Моск. синодальной б-ки. № 997. Август, 31 день. Л. 1384–1385об.; А се грехи злые. 1999. С. 97).

«Вопросы девицам» ([4.] Не играла ли неподобно с подругами своими мужски, или с юношами не целовалася ли с ними с похотию?) (цит. по: *Алмазов.* С. 169 (№ 16). – Сборная рукопись XVII в. из: РНБ. № (Q. I). 235. Л. 12–12об.; А се грехи злые. 1999. С. 101).

«(Из ст. “Исповедь по отцу д-шевному дьяконская”» ([15.] Не творил ли еси *содомскаг греха* с нею [дьяконицею] или не лицем к лицу в детородное ество; [18.] Не творил еси от жены блуда <...> или со отроком или в помышлении; [19.] Не помыслил ли еси на них блудом) (цит. по: *Алмазов.* С. 181 (№ 29). – Канонник. Рукопись XVII в. из б-ки Тро-

це-Сергиевой лавры. № 298. Л. 351об. – 355об.; А се грехи злые. 1999. С. 105).

«Покаяние с желанием всего срдца. со слезами исповедати отцю д-ховномк» ([3.] <...> соблоудих всяким блоудом со блоудницами и со отроки. и с скотом. иже роучныи блоуд содеях <...>) (цит. по: *Алмазов.* С. 197–198 (№ 8). – Требник. Рукопись XVII в. из Софийской б-ки. № 1065. Л. 5–8).

Как отмечает И.Б. Фукс, «в сборниках Иоанна III (1497 г.) и Иоанна IV (1550 г.), равно как и в сборнике царя Алексея Михайловича (1648 г.), о мужеложстве ни единым словом не упоминается» (*Фукс, И.Б.* Гомосексуализм как преступление... 1914. С. 48).

XVIII век

«Исповедь каждаго чина по десятословию со оувещание(м) с-тых о-ц и учителей ц-рковных» (Седмая заповедь. О блудниках. Не согрешили ли блудно. [1.] Прелюбодеи (Голову отсекут или нос отрежут или кнутом) – Епитимья 13 лет, поклонов 300 на день; [2.] *Мужеложник* (Голову отсекут или срамный оуд отрежит) – Епитимья 26 лет, поклонов 300; [4.] Птицеложник (Голову отсекут) – Епитимья 3 года, поклонов 300; [29.] Муж своею жену или чюжую жену блудяй в задний проход (Срамный оуд отрежут) – Епитимья 115 [т. е. 15] лет, поклонов 300; [34.] Со скотом соблудивыи. иже в снедь [пищу] не употребляется (Граждански накажутся) – Епитимья 3 года, поклонов 300; [35]. Аще много блудил [со скотом] (срамный оуд отрежут) – Епитимья 10 лет, поклонов 300; [36.] Аще ли в скот блудил снедной, скотину убить и неясти ю (смертная казнь) – Епитимья 16 лет, поклонов 500 на день; [37.] Аще кто жену имеяй и впадет в таковый грех (Смертная казнь) – Епитимья 25 лет, поклонов 500; [49.] Не толкал [ли] седалищем в игре друга – Епитимья 3 года, поклонов 25; [50.] Не помышлял ли на скот с блудным похотением – Епитимья 7 лет, поклонов 20; [55.] Не казал ли женам и мужем детородный уд? – Епитимья 6 лет, поклонов 25; [60.] Не рукоблудствовал ли друг с другом, ты ево, а он твой уд – Епитимья 80 дней [в изд.: А се грехи злые. 1999. С. 111, – ошибочно: 80 лет], поклонов 50; [63.] Не хватал ли кого за срамный уд? – Епитимья 3 дня, поклонов 100; [64.] Не блудил ли жен ззади в предний проход, понеже не лицем к лицу, но скоцки – Епитимья 14 дней, поклонов 100 на день. О женах и девицах растлевшихся. [1.] Не сблудила ли со скотом? – Епитимья 15 лет, поклонов по 200 на день) (цит. по: *Алмазов.* С. 288, 292–295 (№ 33). – РНБ РО. Собрание В.М. Ундольского. Сборная рукопись нач. XVIII в. № 668. Л. 52–73об.; А се грехи злые. 1999. С. 108–111).

«(Общие вопросы мирянам без надписания)» ([46.] В праздники <...> не совокупляешься ли с нею [женой]; или чрез естество, также в задний преход не сходишься ли <...>; [52.] Малакий [рукоблудия] не делаешь ли; [53.] И буде в сих явится, вопрошает о *содомском*, о скотоложстве, о птицеложстве обстоятельно) (цит. по: *Алмазов.* С. 156–158 (№ 7). – Рукопись нач. XVIII: «Книга об исповеди, избранной от разных книг» в: РНБ. № (Q. I). 268).

Далее воспроизведем хронологическую подборку высказываний иностранцев о «*содомском грехе*» в России.

«Возможно, мужик имеет веселую, обходительную жену, | Которая служит его грубым прихотям, — он всё же ведет животную жизнь, | Предпочитая мальчика в постели женщине <...>» (*Турбервилль, Джордж* (Turberville, George; 1540?–1610?). Стихотворные послания-памфлеты из России XVI века [1568–1569]. [Послание Эдварду] Данси / [подстрочный перевод А.А. Севастьяновой] // Горсей, Джером (Horsey, Jerom; 1573 – после 1626). Записки о России. XVI – начало XVII в. / Джером Горсей; [сост., вступ. ст., пер. и коммент. А.А. Севастьяновой; отв. ред. В.Л. Янин]. [М.]: Изд-во Моск. ун-та, 1990. Приложение II. С. 259; см. там же на с. 267 поэтическое переложение В.Н. Козлякова: «Пусть с обходительной, веселой женой живет мужик, | Но и тогда к животной жизни больше он привык, | Предпочитает мальчика в постели | Женщине; такие тяжкие грехи их головы в дурмане одолели»).

«И несмотря на то, нельзя сказать наверное, что преобладает в этой стране – жестокость или невоздержание. Впрочем, о последнем я и говорить не стану, потому что оно так грязно, что трудно найти приличное для него выражение. Всё государство преисполнено подобными грехами. И удивительно ли это, когда у них нет законов для обуздания блуда, прелюбодеяния и других пороков?» (*Флетчер, Джильс* (Fletcher, Giles; 1549?–1611). О государстве Русском / сочинение Флетчера. С.-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1905 (Тип. А.С. Суворина). XXII, 138, [2] с.; 28 × 20 см. (Цитата на с. 128). Из содерж.: От издателя. С. V–VI; История перваго перевода сочинения Флетчера [в 1848 г.] / А.А. Титов. С. VII–XIV; Предисловие [к изд. 1848 г.] / Д<ейств.> Член К<нязь> М.[А.] Оболенский. С. XV–XXII; [Перевод тит. л. анг. изд. 1591 г.: шмуцтитул. С.-Петербург 1905]. С. 1; [Текст. Гл. 1–28. Приложение]. С. 3–132; Указ. личных имен. С. 133–138).

«Это и неудивительно, когда знаем обычаи и нравы Русских: народ груб и необразован, очень невежлив, лукав, вероломен, не уважает ни законов, ни совести, заражен *развратом содомским* и множеством других постыдных пороков» (*Маржерет, Жак*; 1550/1560 – не ранее 1618) (Margeret, Jacques). Состояние российской державы и Великого княжества Московского, с присовокуплением известий о достопамятных событиях четырех царствований, с 1590 года по сентябрь 1606. / сочинение капитана Маржерета; перевод с французского // Сказания современников о Димитрии самозванце: [в 2 ч.] / [сост. и переводчик: Н. Устрялов]. Изд. третье, испр. Санктпетербург, 1859 (В тип. имп. Акад. наук). Ч. 1: Бер. Паерле. Маржерет и де-Ту. С. 235–318 (на с. 313).

«Правда, что мы сами негодные рабы и великие грешники, по пословице: “concutimur in nostris vitiis”, не видим собственных наших пороков; но Русские всех на свете грешнее, по причине своего закоснелаго суеверия и безбожия, несмотря на то, что они только себя называют святым народом, а всех прочих скверными басурманами. Ибо хотя они заняли нечто у Греков от истинной христианской веры, но, под видом и под именем христиан, остаются прямыми варварскими язычниками. Сверх того они погрязли в *содомском грехе*, и никак не мо-

гут быть вразумлены, сколь велик грех сей в священном писании, а потому и не наказывают как должно за оный. Некоторые оскверняют себя кровосмешением, а что всего отвратительнее, скотским соитием, т. е. не только сквернятся между собою, но и с безсмысленными животными. И сие не есть уже случайность, но сделалось обыкновением, баснею за столом, препровождением времени и достославным рыцарством» (*Шаум*, *Маттиас* (Schaum, Matthias; 17th cent.). Tragoedia Demetrio-Moscovitica. История достопамятных происшествий, случившихся со Лже-Димитрием и о взятии Шведами Великаго Новгорода. / Сочинение Матвея Шаума, 1814 года.; [автор предисл. (с. I–III, паг. 2): К<нязь> М.[А.] Оболенский; [издание императорскаго Общества истории и древностей российских]. Москва: В Университетской Типографии, 1847. [4], VIII, [2], III, [I], [4], 28 с.; 25 × 17 см. (Цитата на с. 2–3). (Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России, собранные [и снабженные предисл. (с. I–VIII)] К<нязем> М<ихаилом> [Андреевичем] Оболенским [1805–1873]: [в 4 вып.] / [издание Императорскаго Общества Истории и Древностей Российских]. М.: В унив. тип., 1847. [Вып.] 1.: Шаумъ.). Тит. л. на с. [1–2], паг. 2; Шмуцтит.: 1. Шаумъ. на с. [1], паг. 1; общий тит. л. на с. [3–4], паг. 1; доп. тит. л. ростокского изд. 1614 г. на рус. яз. на с. [1], паг. 3).

Как пример неточного цитирования приводим ту же цитату из издания С.Д. Горского: «Вот как описывает нравственность русских немец Матвей Шаум, служивший около 1613 года в шведском войске: “правда, — говорит он, — что мы сами недостойные грешники, но пословица concutimur in nostris vitis, не видим собственных пороков; но русские всех на свете грешнее, по причине своего закоренелаго суеверия, несмотря на то, что они только себя называют святым народом, а всех прочих скверными бусурманами. Ибо хотя они заняли у греков истины христианской веры, но под видом и под именем христиан остаются прямыми варварскими язычниками. Сверх того они погрязли в *содомском грехе* и никак не могут быть вразумлены, сколь велик сей грех в Св. Писании, а потому и не наказывают, как должно, за оный. Некоторые оскверняют себя кровосмешением. И сие не есть уже случайность, но сделалось обыкновением, баснию за столом, препровождением времени и достославным рыцарством” (293 [т. е. 294]) (Tragoedia Demetrio Moscovitica стр. 3; в иностранных сочинениях и актах, относящихся к России, собр. Оболенским, тетрадь 1) <...> Должно, впрочем, сознаться, что свидетельство Шаума в главных чертах подтверждается Стоглавом (295 [т. е. 296]) (См. вопросы Иоанна собору), посланием Макария митрополита к свияжскому войску (296 [т. е. 297]) (Чт. в Общ. Ист. и Древн. Росс., т. III, № 9 и наконец посланиями Иоанна к разным монастырям (297 [т. е. 298]) (Например в Троицкий Сергиев монастырь); <...>» (цит. по: *Горский*, *Сергей Дмитриевич.* Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбскаго. / сочинение Сергея Горскаго. Казань: Издание книгопродавца Ивана Дубровина, 1858 (В губернской типографии). С. 112–114, 426 (примеч.). (446. [4] с.; 23 × 15 см).

«Они (бедные и мелкие дворяне. – *Ред.*), а особливо большие бояре и дворяне, делают и больше распутства, *Содомские грехи, мужчины с мужчинами*, да еще и не тайно, а часто на глазах многих лиц, считая для себя честью делать это, не стесняясь и гласно. Часто к ребенку или к молодому человеку они привязываются сильнее, нежели к своим женам. Но это гнусное и ужасное дело, идущее наперекор Богу и Его законам, даже наперекор природе и всему человечеству. Всего ужаснее, однако ж, дела их с разными неразумными тварями и скотами: они без всякого различия имеют с ними нечестивое соитие. Да еще и не совестятся хвастать, что делают это часто потому, что их не наказывают. Когда обвинят кого в том пред великим князем, он отвечает, что это дело до него не касается, а потому и следует наказывать за это не ему, а одному только Богу, Который неизбежно накажет его в свое время. А провинись-ка этот человек в чем-нибудь перед ним самим: как светский государь, он присудит ему вдоволь мучений и казней» (*Петрей, Петр де Ерлезунда* (Petrejus, Petrus; 1570–1622). История о Великом княжестве Московском, происхождении Великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедимитриями, и о Московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую / собрал, описал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года; [переводчик с нем. и авт. предисл. А.Н. Шемякин]: [в 6 ч. Ч. 5] // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при Моск. ун-те: повременное изд. / под ред. О.М. Бодянского. М.: В унив. тип. (Катков и К°), 1867, апр. – июнь, кн. 2. С. 413–414 (Отд. 4); То же. Отд. оттиск: М., 1867. [2], XII, 474, [4] с.).

«<...> говорят они о разврате, о гнусных пороках, о неприличностях и безнравственных поступках, частью ими самими, частью другими совершенных. Они рассказывают разныя постыдныя басни, и кто при этом в состоянии отмочить самыя грубыя похабности и неприличности <...>. Они так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас *содомией*; при этом употребляют не только “pueros muliebria pati assuetos” [*лат.* “мальчиков, подверженных женской участи”] (как говорит Курций), но и мужчин и лошадей. Это обстоятельство доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно. Подобные гнусные вещи распеваются кабацкими музыкантами на открытых улицах или же показываются молодежи и детям в кукольных театрах за деньги» (*Олеарий, Адам* (Olearius, Adam; ca 1599–1671). Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / Адам Олеарий; введение, перевод [с нем. по изд. 1656 г.], примечания и указатель А.М. Ловягина; с 19 рис. на особых листах и 66 рис. в тексте. С.-Петербург: Издание А.С. Суворина, 1906. С. 189–190).

«Турки <...> обременены грехами и погружены в них не менее нас, в особенности касательно *Содомии*. Здесь же, на Руси, таким отвратительным преступлением (содомией. – *Ред.*) просто шутят...» [*Крижанич, Юрий*; ок. 1618–1683)]. Русское государство в половине XVII века.:

рукопись времен царя Алексея Михайловича: [в 2 ч.] / открыл и издал П. Безсонов. М.: В тип. Александра Семена, 1860. Ч. II. [4], 392, IV, II с. (на с. 231).

«<...> не разбирают, принося жертвы Венере, ни пола, ни способов. <...> приступят к совокуплению с блудницею или *мальчиком*, ее заменяющим» (*Рейтенфельс, Яков* (Reutenfels, Jacob; 17 s.). Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии: [по изд.] Падуя, 1680 г. Иждивением книгопродавца Петра Мария Фрамботти. С разрешения старших / Яков Рейтенфельс; С латинскаго перевел Алексей Станкевич. М.: Тип. Общества распространения полезных книг, арендуемая В.И. Вороновым, 1905. С. 145).

«<...> даже страшный *грех содомский* в этой стране почти не считается преступлением; в пьяном виде они очень к нему склонны» (*Перри, Джон* (Perry, John; 1670–1732). Состояние России при нынешнем царе / соч. кап. Джона Перри; пер. с англ. княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой; [авт. предисл. М. Семевский]. М.: ОИДР, 1871. С. 148)]; *Billington, James H.* The Icon and the Axe: An Interpretive History of Russian Culture. N.Y.: Knopf, 1966. P. 65 (XIII, 786, XXXIII p.: ill).

[4] *Попов, А.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности... 1904. С. 196 [А.В. Попов дает ссылку: «Котошихин, с. 95; Павел Алеппский, кн. IX, с. 152»]; [см.: *Котошихин, Григорий Карпович* (ок. 1630–1667). О России, в царствование Алексия Михаиловича. / современное сочинение Григорья Кошихина (*sic*!). Санктпетербург: [Издание Археографической коммиссии]: В типографии Эдуарда Праца, 1840. XVI, 160 с., 1 л. факс. (при с. 1); 28 × 22 см. (на с. 91–92); *Он же.* О России, в царствование Алексея Михайловича. / современное сочинение Григория Котошихина. Издание второе. Санктпетербург: [Изд. Археографической коммиссии]: В типографии Эдуарда Праца, 1859. XVI, 164, [4] с., II л. факс. (при с. 30); 32 × 25 см. (на с. 95)]; А.В. Попов ссылается на: *Котошихин, Г.К.* О России в царствование Алексия Михаиловича. / современное сочинение Григория Котошихина. Издание третье. С.-Петербург: [Изд. Археографической коммиссии], 1884. [4], XXXVI, 196, XX с., II л. факс. (при с. 1); 27 см. (на с. 130: [«А бывают мужскому полу смертные и всякие казни <...> жгут живого за богохульство, за церковную татьбу, за *содомское дело*, за волховство...»]; на с. 131: [«А смертные казни женскому полу бывают: за богохульство ж и за церковную татьбу, за *содомское дело* жгут живых...»]); [*Павел Алеппский* (архидиакон; ?–1669). Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, / описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским: [в 5 вып., XV книгах]; пер. с арабского Г.[А.] Муркоса (по рукописи Московского главного архива Министерства Иностранных дел); [издание имп. Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те]. М.: Унив. тип., 1898. Вып. 3. С. 157 (Кн. IX, гл. IX:) «Непременно сожигают также содомита»); *Он же.* То же. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2005. 725, [3] с., 1 л. портр.; 24 × 17 см. (цит. из вып. 3, кн. IX, гл. IX на с. 371); *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения и уголовное право... 1910. С. 25].

[5] См.: *Greenberg, D.F.* The Construction of Homosexuality... 1988. P. 302–304.

[6] См. также: *Huussen, Arend H.*, Jr. Sodomy in the Dutch Republic During the Eighteenth Century // Hidden from History... 1989. P. 141–148; *Trumbach, R.* The Birth of the Queen: Sodomy and the Emergence of Gender Equality in Modern Culture, 1660–1750 // Ibid. 1989. P. 129–140.

[7] В 1698 году капитан Ригби (Rigby) был заманен в ловушку или изобличен молодым Уильямом Минтоном (William Minton) в лондонском парке Сент-Джеймс и обвинен в попытке мужеложства. Журналистское описание развратных действий Ригби таково: «“Как такое может быть?” — спросил Минтон. “Я покажу тебе, — ответил Ригби, — потому что это не более чем то, что происходило во времена наших предков». Затем, если цитировать Минтона, он вначале выругался, а после сказал, что король Франции поступал так же, да и царь Московии сделал для этих целей князем Александра [Даниловича Меншикова (1673–1729)], плотника; мол, некто зрел сквозь щель в двери каюты, как царь Московии возлежал с Александром» (*Bray, Alan.* Homosexuality in Renaissance England... 1982. P. 98).

[8] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 58–59 [см. рус. пер.: с. 66–67; в рус. пер. ошибочное название устава]; [см.: Устав воинский // Полное собрание законов Российской империи, 1649 года: [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т.]. СПб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830. Том V: 1713–1719: [№ 2620–3479]. № 3006. Марта 30 [1716 г.]. Устав Воинский. С. 203–453. Парал. на нем. яз. На с. 203: «<...> изобрели сию книгу Воинский Устав <...> совершено же в Данциге 1716 года, марта в 30 день». Из содержания: Устав воинский. Гл. I–LXVIII. С. 203–317; Артикул воинский с кратким толкованием. Гл. I–XXIV. (Арт. 1–209). С. 317–382. На с. 370: Гл<ава> XX: О содомском грехе, о насилии и блуде. Арт<икул> 165: («Ежели смешается человек со скотом и безумною тварию и учинит скверность, онаго жестоко на теле наказать»; Арт<икул> 166: «Ежели кто отрока осквернит, или муж с мужем мужеложствует, оные, яко в прежнем [№ 165] артикуле помянуто, имеют быть наказаны. Ежели же насильством то учинено, тогда смертию или вечно на галеру ссылкою наказать»). Первое печатное изд.: Книга Устав воинскии о должности, генералов, фельт-маршалов, и всего генералитета и протчих чинов. Напечатася повелением царскаго величества. В Санктъ-питербурхе. Лета Господня 1716, Іулиа в 19 день. 301, 4, 19 с. Тит. л. и текст парал. на нем. яз. В конце манифеста Петра I: «Еже чрез собственнои наш труд собрано, и умножено. Совершено же в Данцихе, 1716 года, марта 30 дня»; см.: Устав морской // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т.]. СПб., 1830. Т. VI: 1720–1722: [№ 3480–3692]. № 3485. Генваря 13 [1720 г.]. Морской Устав. С. 2–116. На с. 2: «<...> сей Воинской Морской Устав учинили <...> учинено и совершено в Санктпетербурге, 1720 года Генваря в 13 день»; на с. 3: «Устав Морской. Часть I. Разделение I. Книга I. (гл. I–IX). С. 5–16 <...> Книга V: О штрафах (гл. I–XX).

С. 59–82 <...>; на с. 78: Кн. V, «Гл. XVI. О телесном блуде и о насилии во оном. [Артикул] 118. *Кто со скотом падется.* – Ежели смешается человек со скотом и безумною тварию, и учинит скверность: онаго жестоко на теле наказать. [Артикул] 119. *Кто отрока осквернит.* – Ежели кто отрока осквернит, или мужеложствует: оные, яко в прежнем [№ 118] артикуле помянуто, имеют быть наказаны; ежели же насильством то учинено: тогда смертию, или вечно на галеру ссылкою, наказать, по обстоятельству вины». Первое печатное изд.: Книга Устав морской, о всем, что касается доброму управлению, в бытности флота на море. Напечатася повелением царскаго величества в Санктъпитербургской Типографии Лета Господня 1720, Апреля в 13 день.

В публикациях последнего времени появились сообщения о существовании Воинского Устава Петра I уже в 1706 г., см.: *Кон, И.С.* Лунный свет на заре... 1998. С. 284–285 («Наказание за "противоестественный блуд" – сожжение на костре – впервые появилось в 1706 г. в воинском уставе Петра I, составленном по шведскому образцу. Но уже в 1716 г. Петр это наказание смягчил, заменив сожжение телесным наказанием и вечной ссылкой (в случае применения насилия <...>»). В действительности в артикуле 166 Устава воинского 1716 г. говорится: «Ежели же насильством то учинено, тогда смертию или вечно на галеру ссылкою наказать». Ср.: *Он же.* Введение в сексологию... 1999. С. 201. См.: *Ткаченко, А.А.* Сексуальные извращения-парафилии... 1999. С. 378 («В русском праве наказание за гомосексуализм – "противоестественный блуд" – впервые было введено в Воинском Уставе, принятом в 1706 году Петром I, и предусматривало сожжение на костре. Однако в 1716 г. Петр это наказание смягчил, установив телесное наказание в случае, "ежели кто отрока осквернит или муж с мужем мужеложествуют" (*sic!*)»); см.: *Антонян, Ю.М.*, *Ткаченко, А.А.*, *Шостакович, Б.В.* Криминальная сексология... 1999. С. 205–206 (текст принадлежит А.А. Ткаченко в той же редакции). Речь идет не о Воинском Уставе 1706 г. Петра I, а всего лишь об «Артикуле кратком...» для кавалерии А.Д. Меншикова [1705/1706 гг.]. Дадим его описание: «Артикул краткий<,> выбранный из древних христианских, воинских прав, иже о Богобоязни и о наказании различных злостей, а именно за смертное оубивство, за прелюбодеяние, за воровство, за измену, за неверность и прочая... Повелением... Петра Алексеевича, самодержца все Росийскаго... Сиятельнейший... князь... Александр Меншиков... Уставил для... оуправления в кавалерии. (1705). [21] л. в 4°» (Описание изданий<,> напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. / составители Т.А. Быкова и М.М. Гуревич... М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. С. 129–130 (№ **49)). Единственный известный печатный экземпляр находился в б-ке Петра Петровича Пекарского (1827–1872) (был им куплен в 1859 г. в Москве у Сухаревой башни). Составители данного справочника эту книгу не видели и описали по изд.: *Пекарский, П.П.* Описание славяно-русских книг и типографии: 1698–1725 годов. / П. Пекарского. СПб., 1862. Т. II. С. 120–122 (№ 102). Указанный «Артикул...» нам увидеть не удалось, поэтому сведения о нем приводим по изд.: *Клейн, Л.С.* Другая сторона светила... 2002. С. 83–84

(«Особенно ревностным гонителем мужеложников стал князь Меншиков. Первое наказание за “ненатуральные прелюбодеяния” появились в 1706 г. в “Кратком артикуле” князя Меншикова – предусмотрены были кары за совокупления<,> если “муж с мужем” и “которые чинят блуд с ребятами”. Они были наказуемы по-европейски жестоко – сожжением на костре. Но никого не сожгли. Через 10 лет Петр смягчил это наказание – в его воинском уставе 1716 г. за это преступление вместо смертной казни вводится телесное наказание, а смерть или вечная каторга на галерах – лишь при насилии»). Источник цитирования Л.С. Клейном не указан. Все эти ошибочные сведения восходят к одному неправильно понятому источнику: *Карлинский, С.А.* «Ввезен из-за границы...»? ... 1991. С. 104–107. На с. 105: «В первый раз в истории России наказание за “противоестественный блуд” появилось в воинских артикулах Петра I. В 1706 г. в “Кратком артикуле” князя Меншикова было введено сожжение на костре за “ненатуральное прелюбодеяние со скотиной”, “муж с мужем” и “которые чинят блуд с ребятами”.[9] Однако царь Петр, в интенсивной половой жизни которого не отсутствовали черты бисексуализма, это наказание (взятое из шведского воинского статута) вскоре смягчил. В воинском уставе Петра 1716 года уже не говорится о сожжении, а только о телесном наказании и о “вечной ссылке” в случае применения насилия». (С.А. Карлинский забыл указать: «Ежели же насильством то учинено, тогда смертию...» – *Ред.*) На с. 107 сноска 9 – источник заимствования С.А. Карлинским этих сведений: «*Розенгейм М.П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. Спб., 1878. С. 299». [Подробнее см. в «Библиогр. списке».]

[9] См.: *Greeberg, D.F.* The Construction of Homosexuality... 1988. P. 303.

[10] В соответствии с этим же уставом, блудницы изгонялись с мест расположения полков; см.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 13–14. О «военных реформах» см.: *Parker, G.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800... 1988; в русском контексте см.: *Hellie, R.* The Petrine Army: Continuity, Change and Impact... 1974. P. 237–253 [см. гл. 1, примеч. 5].

[См. также: Устав воинский, Артикул воинский с кратким толкованием, Гл. XX: О содомском грехе, о насилии и блуде // Полное собрание законов... 1830. Т. V. С. 574 (№ 3006). Арт<икул> 175: «Никакия блудницы при полках терпимы не будут, но, ежели оныя найдутся, имеют оныя без рассмотрения особ чрез профоса [палача] раздеты, и явно выгнаны быть».]

[11] См.: *Попов, А.В.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности... 1904. С. 425 [«О мужеложстве говорит 166 ст. XX гл. Воинского Артикула, различающая мужеложство простое и насильственное. Это же различие встречается и в Проэкте 1754 года (ст. 2 и 3 гл. 47 – “О содомском грехе”)»].

[12] Там же. А.В. Попов считал, что «проэкт 1813 года высказывается в общих выражениях вместе и о скотоложстве, и о мужеложстве [: “Учинивший какое-либо противоестественное студодеяние присуждается к лишению свободы...”»].

[13] По поводу дискуссии на сей счет см.: *Freeze, Gregory L.* Bringing Order to the Russian Family... 1990.

[14] [Приведем хронологическую выборку с 1832 по 1917 год уголовных наказаний, назначавшихся по законам Российской империи за мужеложство.

Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. [Издание 1832 г.: в 15 т. Т. 15.] Законы Уголовные. Свод Законов Уголовных. Санктпетербург: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1832. Книга первая.: О преступлениях и наказаниях вообще, Раздел девятый: О наказаниях за противузаконное удовлетворение плотских страстей, Глава первая: О кровосмешении. [Статьи] 666–668; Глава вторая: О блуде. [Статьи] 669–674; Глава третья: О растлении и насиловании. [Статьи] 675–676; Глава четвертая: О мужеложстве и скотоложстве. [Статьи] 677–678. С. 210–213. На с. 213: [Статья] 677: Уличенные в преступлении мужеложства, подлежат лишению всех прав состояния, наказанию плетьми и ссылке на поселение. Когда же преступление мужеложства сопряжено с насилием, то виновный подвергается лишению всех прав состояния, наказанию кнутом и ссылке на каторжную работу (1716 Март. 30 (3006) Воин. Арт. 166.–1720 янв. 13 (3485) Морс. Уст. Кн. V, Гл. XVI, ст. 119. – Ср.<:> 1785 Апр. 21 (6187) ст. 6, п. 6 и (16188) ст. 86, п. 6. – 1831 Янв. 12 (4254).); [статья] 678: Уличенные в скотоложстве...

Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Издание 1842 года [: в 15 т. Т. 15.]. Законы Уголовные. Свод Законов Уголовных. Санктпетербург: В Типографии Втораго Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1842. Книга первая: О преступлениях и наказаниях вообще, Раздел девятый: О наказаниях за противозаконное удовлетворение плотских страстей, Гл. 1: О кровосмешении. Ст. 778–780; Гл. 2: О блуде. Ст. 781–786; Гл. 3: О растлении и насиловании. Ст. 787–789; Гл. 4: О мужеложстве и скотоложстве. Ст. 790–791. С. 159–161. На с. 161: [Ст.] 790: [текст в той же редакции, что и в изд. 1832 г.].

Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. Санктпетербург: В Типографии Втораго Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1845. Раздел восьмой: О преступлениях и проступках против общественнаго благоустройства и благочиния, Глава четвертая: О преступлениях против общественной нравственности, и нарушении ограждающих оную постановлений, Отделение первое: О соблазнительном и развратном поведении, о противоестественных пороках и о сводничестве, I: О соблазнительном и развратном поведении и о противоестественных пороках. [Ст.] 1281–1295. С. 344–347. На с. 346. [Ст.] 1293: Изобличенный в противоестественном пороке мужеложства, подвергается за сие: лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьей 22 сего Уложения для второй степени наказаний сего рода. Сверх

того, если он Христианин, то предается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства; [Ст.] 1294. Если означенное в предшедшей<,> 1293 статье преступление было сопровождаемо насилием, или же совершено над малолетними или слабоумными, то виновный в оном подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет; а буде он по закону не изъят от наказаний телесных, <—> и наказанию плетьми чрез палачей в мере, определенной статьей 21 сего Уложения для четвертой степени наказаний сего рода, с наложением клейм. [(Свод Законов Российской Империи...; т. 15, книга 1)].

Свод Законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Перваго составленный. Издание 1857 года [: в 15 т.]. Свод Законов Российской Империи, издания 1857 года. Том пятнадцатый. Законы Уголовные. Санктпетербург: В Типографии Втораго Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1857. Книга первая: Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных, Раздел восьмой:..., Гл. четвертая: ..., Отделение первое:..., I: О соблазнительном и развратном поведении и о противоестественных пороках. [Ст.] 1336–1350. С. 350–352. На с. 353: [Ст.] 1398: Изобличенный в противоестественном пороке мужеложства, подвергается за сие: [текст в той же редакции, что и в изд. 1845 г.]; [Ст.] 1349 [текст в той же редакции, что и в изд. 1845 г.].

Свод Законов Уголовных. Книга первая. Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. Издание 1866 года. Санктпетербург, 1866 (В Тип. Втораго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии). Раздел восьмой:..., Гл. 4:..., Отд-ние 1:..., I: О соблазнительном и развратном поведении и о противоестественных пороках. [Ст.] 993–997. С. 254–255. На с. 254–255: [Ст.] 995: Изобличенный в противоестественном пороке мужеложства, подвергается за сие: лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение. Сверх того, если он христианин, то предается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства. (Там же, ст. 1293; 1863 Апр. 17 (39504) ст. I); [Ст.] 996. Если означенное в предшедшей<,> 995 статье преступление было сопровождаемо насилием, или же совершено над малолетними или слабоумными, то виновный в оном подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу в крепостях на время от десяти до двенадцати лет (1845 Авг. 15 (19283) ст. 1294; 1863 Апр. 17 (39504) ст. I и II). [(Свод Законов Российской Империи...; т. 15, книга 1)].

Свод Законов Уголовных. Часть первая. Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. Издание 1885 года. С.-Петербург: Государственная типография, 1885. Раздел 8:..., Гл. 4:..., Отд-ние 1:..., I: О соблазнительном и развратном поведении и противоестественных пороках. [Ст.] 993–997. С. 200. На с. 200: [Ст.] 995: Изобличенный в противоестественном пороке мужеложства... [далее текст в той же редакции, что и в изд. 1866 г.]; [Ст.] 996 [текст в редакции изд. 1866 г.] (доп.: 1885 Июн. 11, собр. узак., 576, IV). [(Свод Законов Российской Империи...; т. 15, часть 1)]. Вместо прежнего наказания по ст. 995 «Временные правила о замене ссылки на поселение» 1900 года установили: «Изобли-

ченный в противоестественном пороке мужеложства подвергается за сие: лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и отдаче в исправительныя арестантския отделения на время от четырех до пяти лет».

Уголовное Уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов — особаго совещания, особаго присутствия департаментов и общаго собрания Государственного Совета. / Издание [комментарий] Н.С. Таганцева. Издание неофициальное. С.-Петербург, 1904 (Государственная типография). [2], II, 5, [1], 1122, II, [2] с. На с. 701–702: [Ст.] 516: Виновный в мужеложстве наказывается: ...Мотивы изложены на с. 701–702 под № 455 (438): 1–10. Статья не была введена в действие.]

О пересмотре закона см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 59 [см. рус. пер.: с. 67–68]. О наказаниях до 1900 года см.: *Кузьмин-Караваев, Владимир Дмитриевич* (1859–1927), *Яновский, Абель Ефимович* (1865–?). Мужеложство / К.-К., А.Я. // Энциклопедический словарь. С.-Петербург: Издатели: Ф.А. Брокгауз (Лейпциг), И.А. Ефрон (С.-Петербург): Типо-литогр. И.А.Ефрона, 1897. Т. XX. С. 110–111. В 1900 году ссылка была заменена «отдачей в исправительныя арестантския отделения на время от *четырех* до *пяти* лет»; см.: *Nabokoff, V.D.* Die Homosexualität in Russischen Strafgesetzbuch... 1903. Bd. II. S. 1161; обновленный текст см.: Свод Законов Российской Империи. Петроград, 1916. Т. XV: I. Уложение о Наказаниях Уголовных и Исправительных. Издание 1885 года, со включением статей по Продолжениям 1912, 1913 и 1914 годов [с. 1–458]; II. Уголовное Уложение (статьи, введенные в действие). Издание 1909 года, со включением статей по Продолжениям 1912 и 1913 годов. С. 212–213. [Статьи] 995 (по Прод. 1912 г.), 996 (гл. 4-я: О преступлениях против общественной нравственности, и нарушении ограждающих оную постановлений. Отделение 1-е: О соблазнительном и развратном поведении и о противоестественных пороках [ст. 995–997]). Ощутимый рост «педерастии» в интернатах способствовал принятию в 1835 году закона, запрещавшего мужеложство; см.: *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 644–746 (особ. с. 704–705).

15 См.: *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 13–29.

16 Об эволюции судебно-медицинской экспертизы и отношении к ней см.: *Рожановский, В.А.* Судебно-медицинская экспертиза в дореволюционной России и в СССР... 1927. (особ. с. 22–25); о ранних правилах осмотров лиц см.: *Громов, Сергей Алексеевич* (1774–1856). Краткое изложение судебной медицины для академического и практического употребления / сочиненное доктором медицины, Имп. Медико-хирургической Академии академиком, родовспомогательной науки, медицинской полиции и судебной медицины профессором Медицинского совета и некоторых других Российских и иностранных ученых обществ членом, действ. статским советником и орденов Св. Анны 2 с алмазными украшениями, Св. Владимира 3 и Св. Станислава 2 степени Кавалером

Сергеем Громовым. Санктпетербург: В тип. Штаба Отд. Корпуса внутренней стражи, 1832. [8], XXXI, [1], 554, [2] с.; 21 × 13 см [; Из содерж.: Отделение третие. Об исследовании пола и отправлении до онаго касающихся (functiones sexuales). С. 151–185 (гл. 4–7, § 94–133). Гл. 4. Об исследовании пола. С. 151–160; Гл. 5. Об исследовании мужскаго превозможения и бессилия и женскаго бесплодия. С. 160–173; Гл. 6. Об исследовании изнасилования и противоестественнаго совокупления. С. 174–181; Гл. 7. Об исследовании девственности. С. 181–185. На с. 179–181, § 128: «Роды противоестественнаго совокупления суть: 1) мужеложство [paederastia], 2) саморастление [onania s. manustup. ratio], 3) так называемая Лезбийская любовь [amor Lesbicus, Tribades, fricatrices] и скотоложство [sodomia]»]. См. также: *Шимановский, Василий Митрофанович*, сост. и ред. Указатель статей русского законодательства, относящихся к вопросам судебной медицины. Казань: Тип. имп. ун-та, 1879 // Гофманн, Э. Учебник судебной медицины... 1878. Приложение. LXXI, [1] с. (паг. 3-я).

[17] О переходе к новой практике судебного освидетельствования см.: *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. Гл. 18: Сведущие люди и экспертиза. С. 351–386. О великих реформах см.: Russia's Great Reforms, 1855–1881 / ed. by Ben Eklof, John Bushnell and Larissa Zakharova. Bloomington (IN): Indiana University Press, cop. 1994. XVII, 297 p.: ill. (Indiana-Michigan series in Russian and East European studies); *Lincoln, W. Bruce.* The Great Reforms: Autocracy, Bureaucracy, and the Politics of Change in Imperial Russia. DeKalb (IL): Nothern Illinois University Press, cop. 1990. XXI, 281 p. О процедурных расхождениях между европейской и общеправовой законодательными системами и влиянии на судебную медицину см.: *Crawford, Catherine.* Legalizing Medicine // Legal Medicine in History / ed. by Catherine Crawford and Michael Clark. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1994. P. 89–116. (XI, 364 p.)

[18] См.: *Tardieu, Ambroise Auguste.* Étude médico-légale sur les attentats aux moeurs... 1859; репр. изд.: Paris: Jérôme Millon, 1995.

[19] Ключевыми русскими текстами были: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878; *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884.

[20] См.: *Casper, Johann Ludwig* (1796–1864). Über Notzucht und Päderastie und deren Ermittelung seitens des Gerichtsarztes: nach eigenen Beobachtungen // Vierteljahrsschrift für gerichtliche und öffentliche Medicin. Berlin, 1852. Bd. I, № 1. S. 21–78; *Idem.* Practisches Handbuch der gerichtlichen Medicin: nach eigenen Erfahrungen: [in 2 Bd.]. Berlin: A. Hirschwald, 1857–1858. [Bd. 1]: Thanatologischer Theil. 1857. XXXI, 860 S.; [Bd. 2]: Biologischer Theil. 1858. XIX, 652 S.

[21] Л. Энгельштейн считает, что при определении признаков мужеложства русские судебно-медицинские авторитеты руководствовались работами И.Л. Каспера, а не А.А. Тардье, правда, и В.О. Мержеевский, и В.М. Тарновский оперировали массой материалов из А.А. Тардье, но снабжая их минимумом комментариев, так что выводы читателю при-

ходилось делать самому; см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 132–133 [см. рус. пер.: с. 139–140].

[22] См.: *Frieden, N.M.* Russian Physicians... 1981. P. 266–270.

[23] *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. С. 352–353.

[24] Врач [Сергей Сергеевич] Голоушев [1855–1920], в 1892 году выполнивший в Москве экспертизу по делу об изнасиловании мужчиной тринадцатилетнего мальчика, был извещен судом, что, согласно циркуляру Министерства юстиции № 10308 от 16 марта 1890 года, данная процедура не подлежала оплате. Просьба о вознаграждении была отклонена (см.: ЦГИАМ. Ф. 142. Оп. 2. Д. 433. Л. 96). Об оплате экспертизы см. также: *Frieden, N.M.* Russian Physicians... 1981. P. 266.

[25] *Лейбович, Я.Л.* Три года судебной медицины... 1922; *Рожановский, В.А.* Судебно-медицинская экспертиза в дореволюционной России и в СССР... 1927. С. 74 (паг. 3); Судебная медицина / под ред. д-ра мед. наук, проф. В.И. Прозоровского; НИИ Судебной медицины Минздрава СССР. М.: Юрид. лит., 1968. С. 6–7; об отсутствии курса судебной медицины в учебных заведениях см. также: *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. С. 360–361.

[26] *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 204–205; здесь упомянут также: *Kaan, Henrich.* Psychopathia sexualis. Lipsiae: Voss, 1844. S. 41 (VIII, 124 S.).

[27] В.О. Мержеевский выразил благодарность г-ну прокурору окружного суда Санкт-Петербурга А.Ф. Кони за предоставление возможности ознакомиться с документами суда; см.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 207 (сноска № 1).

[28] См.: Там же. С. 217–219, 235 (случай № 27).

[29] См.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884.

[30] См.: Там же. С. 77.

[31] Там же. С. 78–79, 81.

[32] Там же. С. 82, 84, 93–95.

[33] Там же. С. 96.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 96–97.

[36] Там же. С. 97

[37] Там же. С. 104–105.

[38] См.: *Гофманн, Э.* Учебник судебной медицины... 1878. Отдел 2: Противозаконное удовлетворение полового влечения. С. 97–169 (Противоестественное половое злоупотребление. А) Педерастия. С. 159–167); *Ковалевский, П.И.* [Рец.]: «Проф. В.М. Тарновский. Извращение половаго чувства 1885 г.»... 1885; *Голенко, В.Ф.* Педерастия на суде... 1887. С. 42–56; *Оболонский, Н.А.* Извращение половаго чувства...1898. Т. V, вып. 2. С. 84–104; То же. Оттиск. [1899]. 20 с.

[39] См.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 208.

[40] О примерах индифферентности петербургских мужчин-проститутов в отношении пола их партнеров и о добровольных взаимных отношениях между мужчинами, которым не удавалось найти партнеров в легальных (гетеросексуальных) борделях, см.: *Мержеевский, В.О.*

Судебная гинекология... 1878. С. 238–239, 241. Иностранный автор труда по судебной медицине, переведенного в свое время девятью студентами Казанского университета под редакцией профессора того же университета, справедливо замечал, что женоподобие было психопатическим [«у некоторых пассивных педерастов были наблюдаемы особые женские привычки, как то женский наряд, завитые в локоны волосы, употребление мазей и масел, и т. д. Было бы ошибочно объяснить эти явления как признаки ненормального (извращенного) полового чувства, потому что такое уклонение объясняется подобным же образом как различные фокусы кокетства, которые обыкновенно употребляет проститутка, чтобы прельстить собою мужчин»] (*Гофманн, Э.* Учебник судебной медицины... 1878. С. 166 (сноска)).

[41] См.: *Westphal, Carl Friedrich Otto* (1833–1890). Die conträre Sexualempfindung / von Karl Westphal // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten vereinigt mit Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie. Berlin: Springer [etc.], 1870. Bd. II, Heft 1. S. 73–108; *Krafft-Ebing, Richard* von. Über gewisse Anomalien des Geschlechtstriebs und die Klinisch-forensische Verwertung derselben als eines wahrscheinlich functionellen Degenerationszeichens des centralen Nerven-Systems // Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten... Berlin, 1877. Bd. 7. S. 291–312; *Idem.* Psychopathia sexualis: Eine klinisch-forensische Studie. [1. Aufl.]. Stuttgart: F. Enke, 1886. VIII, 110 S. [См. в «Библиографическом списке...» соответствующие русские переводы.]

[42] См.: *Rosario, Vernon A.* Pointy Penises, Fashion Crimes, and Hysterical Mollies: The Pederasts' Inversions // Homosexuality in Modern France... 1996. P. 153–161; *Hekma, Gert.* «A Female Soul in a Male Body»: Sexual Inversion as Gender Inversion in Nineteenth-Century Sexology // Third Sex, Third Gender... 1993. P. 224–225; *Chauncey, G.* From Sexual Inversion to Homosexuality... 1982–1983.

[43] *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 62.

[44] См.: Там же. С. 70. Л. Энгельштейн акцентировала внимание на этом обстоятельстве в своей оценке русского восприятия западных медицинских концепций гомосексуальности; см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 132, 164 [см. рус. пер.: с. 139, 170–171]. О живучести представлений о половой неискушенности русских крестьян в конце 1920-х годов см.: *Solomon, Susan Gross.* Innocence and Sexuality in Soviet Medical Discourse // Women in Russia and Ukraine... 1996. P. 121–130.

[45] *Зук, Артур Карл Юлий Эрнстович.* О противозаконном удовлетворении полового побуждения и о судебно-медицинской задаче при преступлениях этой категории... 1870.

[46] Отчеты московских светских и церковных судов за 1865–1917 годы (см.: ЦГИАМ. Ф. 203 (Московская духовная консистория); Ф. 142 (Московский окружной суд)) не содержат дел подобного рода. В фонде А.Ф. Кони нет уголовных дел по обвинению в лесбиянстве, хотя содержатся подробности убийства в 1893 году некой П. Красавиной мужем из ревности за ее связь с проституткой (см.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 260. Л. 22–32об.). Описание этого дела см. также: *Engelstein, L.*

Lesbian Vignettes... 1990. P. 813–831. [См. также: *Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у женщин... 1895. С. 22–27; *Герцеги, М.* Женщина... 1901. С. 506–511 (№ 19).] С 1874 по 1904 год в Российской империи были преданы суду за «педерастию» 1066 мужчин и 4 женщины; обстоятельства случившегося с последними неясны, позднее женщины были оправданы; см.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения и уголовное право... 1910. С. 11.

[47] *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 261–262. О романе Адольфа Бело (Belot, Adolphe; 1830–1890) и его контексте см.: *Thompson, Victoria.* Creating Boundaries: Homosexuality and the Changing Social Order in France, 1830–1870 // Homosexuality in Modern France... 1996. P. 117–120.

[48] До 1914 года из европейских стран только Австро-Венгрия запретила однополые отношения между женщинами, но в какой мере этот закон проводился в жизнь, неясно. Переведенный на русский язык учебник судебной медицины кратко упоминает «лесбийскую любовь», или «трибадию», и австрийский закон [на ее счет], но выражает сомнение, стóит ли преследовать «противоестественное блудодеяние между женщинами»; см.: *Гофманн, Э.* Учебник судебной медицины... 1878. С. 159–160.

[49] См.: *Foucault, M.* The History of Sexuality. Vol. I... 1978. P. 127.

[50] Статистические данные см.: *Joravsky, D.* Russian Psychology... 1989. P. 420.

[51] Об этих проблемах см.: *Brown, J.V.* The Professionalization of Russian Psychiatry, 1857–1911... 1981.

[52] В России руководство Рихарда фон Крафт-Эбинга по половой психопатии пользовалось популярностью далеко за пределами медицинских кругов, см.: *Берштейн, Е. В.* «Psychopathia sexualis» в России начала века... [1999]. [Сведения о переводах на русский язык труда Р. фон Крафт-Эбинга см. в «Библиографическом списке...».] Широкий интерес общества к медицинским аспектам сексуальности будет рассмотрен в гл. 4 наст. изд.

[53] Заметим, что В.М. Тарновский был известен, скорее, как венеролог, чем как психиатр; см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 155–162 [см. рус. пер.: с. 162–169]; *Bernstein, L.* Sonia's Daughters... 1995. P. 126–127.

[54] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 155–162. Ипполит, возможно, был старшим братом Вениамина М. Тарновского (Ibid. P. 155; [рус. пер.: с. 162, 478]). О женской однополой любви см.: *Тарновский, И.М.* Извращение полового чувства у женщин... 1895; частичный англ. перевод см.: *Engelstein, L.* Lesbian Vignettes... 1990.

[55] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 159–160 [см. рус. пер.: с. 166–167].

[56] В.М. Бехтерев был основателем и директором Санкт-Петербургского психоневрологического института, открывшегося в 1908 году. Вплоть до Первой мировой войны этот ученый считался признанным авторитетом в области физиологии мозга, а также гипноза и психотерапии; см.: *Никифоров, А.С.* Бехтерев... 1986. С. 234–244.

[57] В 1913 году В.М. Бехтерев выступал в качестве свидетеля со стороны защиты в Киевском суде по делу Менделя Бейлиса, еврея, обвиненного в ритуальном убийстве мальчика-христианина. Суд оправдал М. Бейлиса, об этом см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 326 [рус. пер.: с. 327, 520 (примеч. 122)].

[58] См.: *Бехтерев, В.М.* Лечение внушением превратных половых влечений и онанизма... 1898. [С. 595]; То же. Оттиск. С. 9.

[59] Там же.

[60] См.: *Charcot, Jan-Marten* (1825–1893), *Magnan, Valentin* (1835–1916). Inversion du sens genital // Archives de neurologie. Paris, 1882. Vol. 3. P. 53–60, 296–322; о гипнозе в 1890-х годах см.: *Юдин, Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии... 1951. С. 125; *Бехтерев, В.М.* Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение... СПб., 1911. 60 с.

[61] Рефлексология В.М. Бехтерева напоминает идеи физиолога Ивана Петровича Павлова (1849–1936) об условных рефлексах. Ожесточенные споры между В.М. Бехтеревым и И.П. Павловым в связи с неудачными попытками первого экспериментально подтвердить результаты последнего по физиологии животных привели к тому, что И.П. Павлов обвинил персонал В.М. Бехтерева в недобросовестности. В итоге возникла, «пожалуй, самая жестокая вражда в истории русской науки» (*Wortis, Joseph.* Soviet Psychiatry... 1950. P. 36).

[62] *Бехтерев, В.М.* О половых извращениях как патологических сочетательных рефлексах... Пг., 1914–1915. С. 362; То же. Оттиск. [1915]. С. 5.

[63] Свое послание В.М. Бехтерев адресовывал как широкой публике, так и профессиональным педагогам; см.: *Бехтерев, В.М.* О половом оздоровлении... 1910; *Он же.* Об извращении и уклонении полового влечения с рефлексологической точки зрения... 1926; *Он же.* О половом извращении как особой установке половых рефлексов... 1925; То же. 2-е изд. 1927.

[64] В 1900 году ссылку за простое мужеложство по ст. 995 заменили «отдачей в исправительныя арестантския отделения на время от четырех до пяти лет», но для православных было сохранено религиозное покаяние; см.: *Nabokoff, V.D.* Die Homosexualität in Russischen Strafgesetzbuch... 1903. Jahrg. V, Bd. II. S. 1161. В Англии «buggery» (анальное сношение) каралось смертью вплоть до 1861 года, затем, до 1967 года, — десятью годами тюрьмы. В Германии с 1871 по 1935 год, в соответствии с параграфом 175 Уголовного кодекса, «противоестественный порок» подлежал наказанию пятью годами тюремного заключения. См. также: *Набоков, В.Д.* Плотския преступления по проекту Уголовного уложения... 1902. С. 155–156; *Он же.* То же. 1904. С. 112–113; *Weeks, J.* Coming Out... 1990. P. 14.

[65] Джеймс Скотт описывает эвфемизацию как политический инструмент для создания видимости единодушия и респектабельности при режимах, не терпящих публичного неподчинения; см.: *Scott, James C.* Domination and the Arts of Resistance... 1990. P. 44–57.

[66] Об О. Уайльде см.: *Weeks, J.* Coming Out... 1990. P. 21–22 и сл.; об Ф. Эйленбурге см.: *Steakley, James D.* Iconography of a Scandal: Political

25 Заказ № К-7680.

Cartoons and the Eulenburg Affair in Wilhelmine Germany // Hidden from History... 1989. P. 233–263; об австро-венгре А. Рёдле см.: *Deak, István*. Beyond Nationalism: A Social and Political History of the Habsburg Officer Corps, 1848–1918. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 144–145 (XIII, 273 p., [10] l. ill.).

[67] См.: *Poznansky, A.I.* Tchaikovsky's Last Days... 1996. P. 2–3. Л. Энгельштейн отмечает, что «в российском обществе гомосексуализм никогда не служил орудием, пусть даже чисто символическим, политики, как в тот же самый период это происходило в Англии и Германии», и считает, что «единственным очевидным кандидатом на роль российского Эуленбурга (*sic!*) был известный гомосексуалист князь Владимир Мещерский» (*Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 58 [см. рус. пер.: с. 66, 456 (примеч. 4)]).

[68] «В начале <18>70-х годов одно из высших административных лиц Петербурга было уличено в педерастии и немедленно, без суда и огласки, удалено от службы и выслано за границу» (*Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 72).

[69] Позднее газетные утверждения о непристойных половых отношениях, имевших место в Московской консерватории, оказали гнетущее воздействие на преподававшего там композитора, хотя его имя ни разу не было упомянуто; см.: *Poznansky, A.I.* Tchaikovsky's Last Days... 1996. P. 10, 18.

[70] См.: *Mosse, W.E.* Imperial Favorite: V.P. Meshchersky and the «Grazhdanin»... 1981.

[71] См.: *Ibid*. P. 533–534; *Poznansky, A.I.* Tchaikovsky's Last Days... 1996. P. 4. Взойдя на престол, Николай II сначала выразил некоторое недовольство газетой «Гражданин», но вскоре возобновил ее субсидирование и даже вступил в личную переписку с В.П. Мещерским, который к тому времени обзавелся крепкими связями в правительственных и военных кругах; см.: *Mosse, W.E.* Imperial Favorite... 1981. P. 542–547. Масштаб второго скандала становится ясен хотя бы из факта разоблачения столичных «теток», датированного концом 1880-х или началом 1890-х годов; подробнее см. в изд.: *Берсеньев, В.В.*, *Марков, А.Р.* Полиция и геи... [1998]. С. 105–116.

[72] Из дневников следует, что элита знала об этом; см.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 351; *Берберова, Нина Николаевна* (1901–1993). Чайковский / Нина Берберова. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 1997. С. 18–19 (Первая публ.: *Берберова, Н.Н.* Чайковский: история одинокой жизни. Берлин: Петрополис, 1936. 300 с.); *Poznansky, A.I.* Tchaikovsky's Last Days... 1996. P. 5. Следует обратить внимание также на дневниковые записи великого князя Константина Константиновича, см.: *Maylunas, Andrei*, *Mironenko, Sergei*. Entries for 15 and 21 May 1904 // A Lifelong Passion... 1997. P. 231 [см. гл. 1, примеч. 66].

[73] *Набоков, В.Д.* Плотския преступления... 1904. С. 124.

[74] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения и уголовное право... 1910. С. 13. Исследование Б.И. Пятницкого опирается на данные «Сводов статистических сведений по делам уголовным», относивших добро-

вольное мужеложство (ст. 995), отягчающее мужеложство (aggravated) (ст. 996) и скотоложство (ст. 997 была отменена [по Уголовному уложению от 22 марта 1903 г., при этом само Уголовное уложение 1903 г. так и не было введено в действие]) к одной категории. Он правомерно утверждает, что количество осужденных за скотоложство было столь ничтожным, что итоговую цифру следует относить только к осужденным за мужеложство. (Отчеты Московского окружного суда также подтверждают это предположение.) На добровольное мужеложство приходится, по мнению Б.И. Пятницкого, около 20% приговоров. Эту пропорцию он установил, сопоставив количество дел с одним обвиняемым (77,73%) с делами, по которым было осуждено более одного человека (около 22%), см.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910. С. 11, 31.

[75] См.: Там же. С. 14. Соотношение осужденных за мужеложство с осужденными за остальные преступления было следующим: государственные служащие (0,68 : 3,22%), свободные профессии («артисты, медики и т. д.») (5,23 : 1,04%), ремесленники (11,59 : 5,91%), прислуга (3,13 : 1,62%). В сельском хозяйстве ситуация была совсем иной (31,59 : 47,77%), в то время как фабричные рабочие осуждались за «мужеложство» столь же часто, как и за все остальные преступления (34,32 : 34,66%). В этот период городские жители составляли примерно 12,8% населения и на них приходилось 27% преступлений, в том числе 45% приговоров за «мужеложство» — ясно, что по большей части это преступление преследовалось в городе.

[76] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910. С. 16.

[77] См.: Там же. Диаграмма № 4; *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм как преступление... 1914. С. 75.

[78] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910. С. 11; *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм... 1914. С. 75–76.

[79] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910. С. 11. Из этого источника следует, что «к ответственности по обвинению в педерастии русским судом за 31 год (с 1874 по 1904-й включительно) было привлечено 1066 мужчин и 4 женщины. Из них осуждено 440 мужчин, женщины все оправданы». По переписи 1895 года в тюремной колонии Сахалина из 7068 заключенных мужчин только шестеро были осуждены и сосланы на этот остров за «содомию», см.: Сахалинский календарь [на 1896 год] и материалы к изучению острова Сахалина. [Сахалин]: Тип. на о-ве Сахалине, 1895. С. 110 (паг. 1-я). Благодарю Сергея Ивашкина за указание на эту публикацию.

[80] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910. С. 33; в Санкт-Петербурге с 1890 по 1903 год никто не был привлечен по ст. 995, см.: Прения в Санктпетербургском Юридическом обществе по докладу В.Д. Набокова «Плотския преступления по проекту Уголовного уложения» // Право: еженед. юридическая газета / ред. В.М. Гессен и Н.И. Лазаревский. СПб.: Издание В.М. Гессена, 1903. Стб. 50–56, 118–123 (на стб. 123); *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм... 1914. С. 83. Архив Московского окружного суда (см.: ЦГИАМ. Ф. 142) заставляет сделать анало-

гичный вывод относительно ситуации в Москве: последний суд за добровольное мужеложство состоялся в 1888 году (см.: Там же. Оп. 2. Д. 142). Последующие судебные разбирательства о «мужеложстве», слушавшиеся в этом суде, проходили вплоть до 1917 года по ст. 996 («изнасилование» мужчин).

[81] См.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 241.

[82] ГАРФ. Ф. 564 (фонд А.Ф. Кони). Оп. 1. Д. 260. Л. 37–37об.

[83] См.: ЦГИАМ. Ф. 142. Оп. 2. Д. 142.

[84] См.: *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм... 1914. С. 83.

[85] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910. С. 31–32.

[86] См.: *Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 219–220, 245–248; *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 91–93. До логического абсурда довел это замечание ташкентский врач, когда заявил в споре с В.М. Тарновским, что «педерасты» лучше контролируют эту мышцу, чем «нормальные мужчины», см.: *Шварц, А.Л.* К вопросу о признаках привычной пассивной педерастии... 1906. Июнь.

[87] В документе по делу 1907 года на пенисе предполагаемого преступника отмечен «рубец, который, по заключению эксперта, врача [Дмитрия Гавриловича] Зыбина [1826–?], мог произойти дней 10 тому назад при насильственном мужеложстве» (ЦГИАМ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2532. Л. 4. – «Дело по обвинению Колесникова Н.П. <...> в изнасиловании крестьянина Кузнецова А.Е.»). Врач, проводивший освидетельствование по делу 1913 года о зверском изнасиловании шестилетнего мальчика сорокачетырехлетним рабочим, на основании выявленных при осмотре повреждений и показаний ребенка пришел к заключению, что травма была результатом изнасилования (см.: Там же. Оп. 3. Д. 186. Л. 49–49об. – «Дело по обвинению Бухвалова С.Ф. <...> в изнасиловании малолетнего Федотова А.А.»). Обследование 1915 года сочло кровавые «пятна на крайней плоти» заключенного, обвиненного в изнасиловании своего семнадцатилетнего сокамерника, результатом того, что «<...> пятна <...> могли произойти от сильного сдавления крайней плоти, например, при введении полового члена в задний проход другого лица» (Там же. Оп. 12. Д. 99. Л. 14. – «Дело по обвинению Савельева Д.Н. и Безрукова В.В. в изнасиловании арестанта Белоусова С.Г.»).

[88] Данные за 1905–1913 годы взяты из ежегодника Министерства юстиции, см.: Свод статистических сведений по делам уголовным, производившимся в судебных учреждениях, действующих на основании уставов имп. Александра II. СПб.: М-во юстиции: Сенатская тип., 1905–1913. [Загл. ежегодников за 1908–1915 гг.: Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам... Сведения в нижеследующих примечаниях, № 90–93, заимствованы из данного издания.]

[89] См.: *Neuberger, Joan.* Hooliganism... 1993. P. 164.

[90] С 1874 по 1904 год были осуждены 1066 человек (примерно по 34 ежегодно); с 1905 по 1913 год было вынесено 911 обвинительных приговоров (101 ежегодно). Количество приговоров выросло с 440 между 1874 и 1904 годами (т. е. около 14 каждый год) до 504 приговоров с 1905

по 1913 год (в среднем по 56 ежегодно). Эта средняя цифра создает неверную картину, поскольку в последние годы наблюдался резкий рост числа обвинительных приговоров: в 1905 году — 10, в 1906-м — 7, в 1907-м — 25, в 1908-м — 30, в 1909-м — 69, в 1910-м — 68, в 1911-м — 73, в 1912-м — 96, а в 1913-м — 126. [См. также: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910. С. 31.]

[91] В публикациях между 1909 и 1913 годами дела́, по которым был вынесен один приговор, не отделялись от дел, по которым было вынесено несколько обвинительных приговоров. Общее число обвинительных приговоров за весь период, за исключением этих лет, составило 309, из них 242 пришлось на преступления, совершенные в одиночку.

[92] Одна треть всех приговоров с 1905 по 1913 год приходится на район Тифлиса. За эти годы только 8 приговоров из 504 были вынесены в Санкт-Петербурге и Москве.

[93] В 1905–1907 годах славяне и другие европейские национальности (русские и прочие славяне, греки, евреи, поляки, прибалтийские народы, немцы) составляли от 50% до 71% всех осужденных «содомитов»; в тот же период на кавказские народы (т. е. на армян, грузин, татар и «горные племена Кавказа») выпало от 14% до 30%. С 1911 по 1913 год ситуация изменилась: среди русских и других европейцев насчитывалось от 16% до 27% «содомитов», среди кавказцев — от 67% до 78%. «Вклад» среднеазиатских народов был незначителен.

[94] См.: *Иохвед, Григорий.* Педерастия, жизнь и закон... [1904].

[95] См.: *Шварц, А.Л.* К вопросу о признаках привычной пассивной педерастии... 1906.

[96] *Эриксон, Э.В.* О половом разврате и неестественных половых сношениях в коренном населении Кавказа... 1906.

[97] Там же. С. 1886–1888. Молва о репутации гостиниц и бань региона достигла Австрии, об этом см.: *Stern, B.* Geschichte der öffentlichen Sittlichkeit in Russland... 1908. Bd. 2. S. 570 [см. гл. 1, примеч. 60].

[98] *Эриксон, Э.В.* О половом разврате... 1906. С. 1886.

[99] О Востоке империи см.: Russia's Orient... 1997.

[100] См.: *Иохвед, Г.* Педерастия, жизнь и закон... [1904]. С. 873.

[101] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения... 1910; *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм... 1914; *Сербский, В.П.* Руководство к изучению душевных болезней... 1906. С. 64, 67–68; *Он же.* Психиатрия... 1912. С. 71, 74, 476–477.

Глава 4

[1] *Ушаковский, П.В.* Люди средняго пола... 1908. С. 7. Перевод на английский русского слова «странный» как «queer» (букв.: «странный, смешной, причудливый») представляется неуместным в данном контексте и отдает некоторой провокационностью. Русское «средний» не покрывает значения «гомосексуальный». Нет такого русского слова, которое имело бы то же значение, что и английское «queer». Чтобы вы-

разить сильный гомофобный оттенок, что присущ слову «queer» в англоязычных странах на протяжении почти всего XX в., русские используют производные от слова «педераст» («педик») и «гомосексуалист» («гомик»). Словом «урод» называли людей с отклонениями, например с врожденными дефектами. [См. также примеч. 36 к «Введению» наст. изд.]

[2] Первоначально «Крылья» были опубликованы в 1906 году в «Весах» (№ 11), знаменитом литературном журнале, затем в 1907 году выпущены отдельным изданием в Санкт-Петербурге, а в 1908-м – вторым изданием и в 1923-м – четвертым. [См. подробные описания в «Библиографическом списке...» наст. изд.] См.: *Karlinsky, S.* Death and Resurrection of Mikhail Kuzmin... 1979. P. 92–96; *Idem.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 354–355. См. англ. перевод: *Kuzmin, Mikhail A.* Wings: Prose and Poetry / by Mikhail Kuzmin; transl. and edited by Neil Granoien and Michael Green; with a pref. by Vladimir Markov. Ann Arbor: Ardis, [1972]. XIII, 168 p.: portr.

[3] См.: *Гумилев, Николай Степанович* (1886–1921). Собрание сочинений: в четырех томах / Н. Гумилев; под ред. проф. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Вашингтон: Изд-во кн. магазина Victor Kamkin, Inc., 1968. Т. 4: Рассказы, очерки, литературно-критические и другие статьи, «Записки кавалериста» / подгот. текста и коммент. Г.П. Струве; вступ. ст. В.В. Вейдле. С. 307; цит. в изд.: *Karlinsky, S.* Death and Resurrection of Mikhail Kuzmin... 1979. P. 93.

[4] Современные европейские прозаические сочинения, посвященные мужской однополой любви, практически все заканчиваются деградацией и смертью главного героя или увенчиваются апологетическим морализаторством, см., напр.: *Wilde, Oscar Fingall O'Flahertle Wills* (1854–1900). The Picture of Dorian Gray. (1890) [; см. рус. пер.: *Уайльд, Оскар Фингал О'Флаэрти Уилс.* Портрет Дориана Грея / [соч.] Оскара Уайльда; с англ. пер. А.Т. СПб.: ред. «Новаго журнала литературы, искусства и науки», 1905. 78 с. и др. издания и переводы] – здесь опиум – неизбежный спутник гомосексуальности; *Botelho, Abel Acacio de Almeida* (1856?–1917). O Baraõ de Lavos. Lisbon, 1891; *Gide, André Paul Guillaume* (1869–1951). L'Immoraliste: roman. Paris: Société du «Mercure de Franc», 1902. 259 p. [; см. рус. пер.: *Жид, Андре Поль Гийом.* Собрание сочинений: [в 5 т.] / Андре Жид; пер. с фр. под общ. ред. М. Лозинского, А.А. Смирнова и А. Франковского. Л.: Academia, 1927. Т. I: [Имморалист = L'immoraliste: роман / пер. А.Д. Радловой]. 197, [3] с., 1 л. фронт.; Т. 2 и 3 не вышли; *Он же.* Собрание сочинений: [в 7 т.] / [сост. В. Никитин]. М.: ТЕРРА–Кн. клуб, 2002. Т. 2: Имморалист: повесть [и др. / пер. с фр. А. Радловой и др.]. 415, [1] с.]; *Musil, Robert* (1880–1942). Die Verwirrungen des Zöglings Törless. Wien; Leipzig: Wiener Verlag, 1906. [4], 316 S. [; см. рус. пер.: *Музиль, Роберт.* Душевные смуты воспитанника Тёрлеса: роман; Новеллы: пер. с нем. / Роберт Музиль. СПб.: ОЛМА-Пресс, 2000. 348, [2] с. (Вавилонская библиотека);] *Mann, Thomas* (1875–1955). Der Tod in Venedig: Novelle. München: Hyperionverlag Hans von Weber, 1912. [2], 97, [1] S. (Die Hundertdrücke; 13) [; см. рус. пер.: *Манн, Томас.* Смерть в Венеции /

Томас Манн; с критич. очерком Эрнста Бертрама; пер. М.К. М.: Современные проблемы, 1915. 163 с.; *Он же.* Смерть в Венеции и другие новеллы: [пер. с нем.] / Томас Манн. СПб.: Азбука – Кн. клуб «Терра», 1997. 253, [2] с. (Азбука-классика).] Апология гомосексуальности Андре Жида, его роман «Corydon», написанный между 1907 и 1920 годами, циркулировал в узких частных кругах всё то длительное время, пока автор его вынашивал. А. Жида одолевали сомнения, сто́ит ли публиковать это произведение; об этом см.: *Hanna, Martha.* Natalism, Homosexuality, and the Controversy over *Corydon* // Homosexuality in Modern France... 1995. P. 202–204. О малоизвестном романе Абеля А. де А. Ботельо, посвященном гомосексуальной жизни Лиссабона, см.: *Higgs, David.* Lisbon // Queer Sites: Gay Male Urban Histories / ed. D. Higgs. L.: Routledge, 1996. P. 112–137.

[5] См.: *Зиновьева-Аннибал, Лидия Дмитриевна* (1866–1907). Тридцать-три урода: повесть. СПб.: Изд-во «ОРЫ», 1907. 80, [4] с. Англ. пер.: *Zinovieva-Annibal, Lydia.* Thirty-three Abominations / translated by Samuel Cioran // Russian Literature Triquarterly. Ann Arbor (MI): Ardis Publishers, 1974. № 9 (Spring). P. 94–116.

[6] См.: *Burgin, D.L.* Laid Out in Lavender... 1993. P. 183.

[7] См. рецензию: *Гиппиус, Зинаида Николаевна* (1869–1945). Братская могила: Леонид Андреев. Рассказы. Л. Зиновьева-Аннибал. Трагический Зверинец. Тридцать три урода. Сборник Знания XVI. «Ссыльным и заключенным» (изд. «Шиповника») и многие, многие другие / Антон Крайний [псевд.] // Весы: ежемесячник искусств и литературы. М.: Книгоиздво «Скорпион», 1907. Год изд. 4, № 7. С. 61 и цит. в изд.: *Burgin, D.L.* Laid Out in Lavender... 1993. P. 184.

[8] См.: *Burgin, D.L.* Sophia Parnok... 1994. P. 137–138.

[9] Лучшее общее введение в проблему секса в литературе позднего царизма см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 359–420 [рус. пер.: с. 358–412 (Гл. 10: От авангарда до бульвара: секс на страницах литературных произведений)]. О произведениях того периода, воспевающих гомосексуальность, см.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 354–356 ; о салонной культуре и гендерных диссидентах см.: *Holmgren, B.* Stepping Out... 1996. P. 233–234; образцы переводов произведений М.А. Кузмина, Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949), Николая Алексеевича Клюева (1887–1937) и др. авторов см.: Out of the Blue... 1996. P. 69–159.

[10] См.: *Ушаковский, П.В.* Люди средняго пола... 1908. С. 7 («От автора»).

[11] Первоначально опубликовано под другим заглавием, см.: Le roman d'un inverti / ed. Dr. Laupts // Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologique... Paris: G. Masson [etc.], 1894. Vol. 9. P. 212–215, 367–373, 729–737; 1895. Vol. 10. P. 131–138, 228–241, 320–325. Об этом тексте см.: *Rosario, V.A.* Inversion's Histories = History's Inversions: Novelizing Fin-de-Siècle Homosexuality // Science and Homosexualities... 1997. P. 89–107.

[12] См.: *Näcke, Paul Adolf* (1851–1913). Ein Besuch bei den Homosexuellen in Berlin // Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik. Leipzig, 1904.

Bd. 15. S. 244–263. О полемике П.А. Нёкке с французскими врачами по поводу специфики однополой любви во Франции и Германии см.: *Rosario, V.A.* Pointy Penises, Fashion Crimes, and Hysterical Mollies... 1996. P. 165 [см. гл. 3, примеч. 42].

[13] См.: *Brouardel, Paul Camille Hippolyte* (1837–1906). Les attentats a la pudeur // Annales d'hygiène publique et de médecine légale. Paris [etc.]: J.-B. Baillièrre et fils, 1907. Série 4, № 8, Août. P. 149–179. *Schrenck von Notzing, Albert Philibert Franz*, Freiherr von (1862–1929). Beiträge zur forensischen Beurtheilung von Sittlichkeitsvergehen mit besonderer Berücksichtigung der Pathogenese psychosexueller Anomalien / A. von Schrenck-Notzing // Archiv für Kriminal-Anthropologie und Kriminalistik. Leipzig, 1898–1899. Bd. 1. S. 5–25, 137–182.

[14] См.: *Raffalovich, Marc-André* (1864–1934). L'affaire Oscar Wilde // Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie et de psychologie normale et pathologie. Paris; Lyon, 1895. Vol. 10. P. 445–477. Русский эмигрант и лондонский денди, М.А. Раффалович дружил с О. Уайльдом вплоть до их ссоры в начале 1890-х годов; он не имел медицинского образования, но часто публиковал в этом журнале свои статьи по «унисексуализму», или гомосексуальности. См.: *Rosario, V.A.* Inversion's Histories... 1997. P. 97–98 [см. гл. 4, примеч. 11; см. также: *Берштейн, Е.В.* Трагедия пола... 2004; *Он же.* Русский миф об Оскаре Уайльде].

[15] См.: *Ушаковский, П.В.* Люди средняго пола... 1908. С. 213–214.

[16] См.: Там же. С. 211–226. Подобно другим апологетам гомосексуальной любви, этот автор также стремился свести к минимуму роль «педерастии» (т. е. анального сношения) в «любовных отношениях между мужчинами, не способными любить женщин» (с. 226).

[17] См.: *Хиршфельд, Магнус.* Третий пол Берлина: (Документы большого столичнаго города) / Проф. Магнус Гиршфельд; с немецкаго перевод и редакция проф. В.Н. Пирогова. СПб., 1908. 135, [1] с. Перевод издания: *Hirschfeld, M.* Berlins Drittes Geschlecht / von Dr. Magnus Hirschfeld. 5. Aufl. Berlin & Leipzig: H. Seemann Nachfolger, [1905]. 77 S. (Großstadt-Dokumente; Bd. 3). Самая значительная и исчерпывающая работа М. Хиршфельда, посвященная однополой любви (см.: *Hirschfeld, M.* Die Homosexualität des Mannes und des Weibes... 1914. XVII, 1067 S. (Handbuch der gesamten Sexualwissenschaft in Einzeldarstellungen / Hrsg. Dr. med. Iwan Bloch; Bd. III)), осталась не переведенной на русский язык, хотя экземпляр на немецком языке имеется в Российской государственной библиотеке в Москве [до 1990 г. – в спецхране]. Журнал Научно-гуманитарного комитета, издававшийся М. Хиршфельдом (Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen: mit besonderer Berücksichtigung der Homosexualität / hrsg. unter Mitwirkung namhafter Autoren im Namen des wissenschaftlich-humanitären Comitées von Dr. med. Magnus Hirschfeld. Leipzig: Spohr, 1899–1918), имеется в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге [в РГБ хранятся: 3-й, 6–8-й, 10-й, 11-й годы изд. – 1901, 1904–1906, 1909–1911]. Отдельные оттиски статей из этого журнала имеются в Государственной центральной научной медицинской библиотеке в Москве.

[18] См.: *Эллис, Г.Х.* Половое извращение: для врачей, студентов и юристов / [соч.] Профес. Гавелок Элли, члена Общества Судебной Медицины в Нью-Йорке; Полный перевод со 2-го англ. издания, д-ра медиц. И.Д. Флоринскаго. СПб.: Книгоизд-во Н.С. Аскарханова, [май 1910]. 422, [2] с. (Этюды половой психологии; I).

[И.Д. Флоринский указан в качестве переводчика на тит. листе еще одного издания: *Герцеги* [псевд.]. Половая психопатия... / Полн. пер. со многими доп. д-ра мед. И.Д. Флоринскаго. Изд. 2-е, испр. СПб.: Книгоизд-во Н.С. Аскарханова, [1910]. 366, [4] с. См. в «Библиографическом списке...» при описании указанного издания обоснование того факта, что под псевдонимом И.Д. Флоринский скрывается Алексей Леонтьевич Золотарев (1861–?).]

[19] См.: *Карпентер, Эдвард.* Промежуточный пол / Эдуард Карпентер; С 2 портретами Э. Карпентера; Перевод с английскаго. Петроград: «Литературная Книжная Лавка», 1916. 114, [2] с., [2] л. портр. (Книгоиздательство М.В. Пирожкова. Отдел «Искания»; №8). В этом издании имеется пространное приложение [с. 87–114] цитат об однополой любви из Г.Х. Эллиса, А. Молля, Р. фон Крафт-Эбинга и др. авторов.

[20] Книга Р. фон Крафт-Эбинга «Psyhopathia sexualis» [четыре раза] переводилась на русский язык – в 1887 [, 1901, 1906] и 1909 гг. и публиковалась под заглавием «Половая психопатия»; издание: *Bloch, Iwan.* Das Sexualleben unserer Zeit in seinen Beziehungen zur modernen Kultur (1907) появилось [пять раз в трех] русских переводах – в [1908, 1909,] 1910 и 1911 гг. под заглавием «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре»; издание: *Moll, Albert* (1862–1939). Untersuchungen über die Libido sexualis (= букв. пер.: Исследование о Libido sexualis) (Bd. 1 (Teil 1, 2). 1897) [вышло в русском переводе (т. 1. [сент. 1906]; т. 2. 1911 [т. е. сент. 1910]) под заглавием «Половое чувство»; издание: *Moll, A.* Die Konträre Sexualempfindung (1-е изд. 1892, 3-е изд. 1899) (= букв. пер.: Противоположное сексуальное чувство) появилось по-русски (Т. 1, 2. 1907) под заглавием «Половое извращение»]. О других сексологических работах и их русских переводах см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 132n [рус. пер.: с. 139, примеч. 10 на с. 472].

[21] См.: [*Фоконней, Жан*]. Извращенный мир: [пер. с фр.] / А. Коффиньон [псевд.]. М.: Издание торгового дома[:] Е. Коновалова и К°..., 1908 [т. е. дек. 1907]. 64 с. Жан Фоконней (1861–?) написал много популярных работ под псевдонимами Docteur Caufeynon и Docteur Caufeynon et Jaf [в русских изданиях – А. Коффиньон, Д-р Жафф-Кофейнон (Кофейнан), соавторы Д-р Жаф и Д-р Кофейнон]. Все они были посвящены половым извращениям и основаны на материалах других врачей, см.: *Sautman, F.C.* Invisible Women... 1996. P. 186.

[22] См.: [*Фоконней, Жан*]. Извращенный мир... 1908. С. 37, 42.

[23] В своем заключении Цензурный Комитет писал: «Может быть, для криминалиста и психо-патолога необходимо знать тайны садомии (*sic!*), мазохизма, педерастии и быть осведомленными о том, каким образом предаются в Париже этим порокам, но распространение этой книги среди большой публики нельзя не признать крайне вредным

ввиду ея порнографического характера». Обвинительное заключение осудило публикацию как «не представляющую собой научной работы» (ЦГИАМ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 2619. Л. 2–2об., 33). Евдокия Коновалова была признана виновной и приговорена к десяти дням тюремного заключения и штрафу в пятьдесят рублей. Тираж подлежал уничтожению.

[24] См.: *Борисов, А.* Извращенная половая жизнь... [1907]; *Беков, А.* Извращенная половая жизнь... 1908; *Ковалевский, П.И.* Психология пола... [1909]; *Шах-ч, Арк.* Ужасы разврата: (Половое безумие) / Арк. Шах-ч. Лодзь: Мысль, 1911 (Лодзь: Тип. М. Шайняка). 18 с. включая обе обл.; 20 см. Без тит. л. [см.: Кн. лет. 1911. № 34 (27 авг.). № 19988. Изъята из продажи]. Об устойчивом интересе к подобным изданиям и их распространенности вне медицинского сообщества см.: *Берштейн, Е.В.* «Psychopathia sexualis» в России начала века... [1999].

[25] См.: *Бехтерев, В.М.* О половых извращениях, как патологических сочетательных рефлексах... 1914–1915. С. 366; То же. Оттиск. [1915]. С. 9. Этот инцидент, по-видимому, произошел около 1899 года.

[26] См.: *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 315. Выражение «пасынки природы» Р. фон Крафт-Эбинг первоначально употреблял при характеристике адептов однополой любви; [см.: *Крафт-Эбинг, Рихард*, фон. Половая психопатия... [1906]. С. 5; *Он же.* То же. 1909. С. V (Предисловие к двенадцатому изданию / Автор. Грац, дек. 1902 г.).]

[27] Судя по тому, как упорно психиатр настаивал на опровержении этих доводов, о них он, по-видимому, впервые услышал именно от пациентки; см.: *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1927. Стб. 1919–1923. Об аналогичном случае см.: *Судомир, А.К.* К казуистике и сущности гомосексуальности... 1927. С. 375.

[28] *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 52.

[29] *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 391 [см. рус. пер.: с. 381 и примечание 72 к с. 535, в котором дана ссылка: «*Новополин.* Порнографический элемент. С. 155–57»; отсюда, со с. 157, в основной текст наст. изд. и заимствована цитата].

[30] См.: *Новополин, Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе... [1909]. [С. 155–170]; см. также: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 378n [см. рус. пер.: с. 368–370, примеч. 35–44 на с. 533–534].

[31] *Новополин, Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе... [1909]. С. 163–165.

[32] См.: Там же. С. 164, 155.

[33] См.: Там же. С. 157, 169.

[34] Там же. С. 169.

[35] См.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. Автор оправдывает свой труд в благочестивом предисловии и заключении, контрастирующими с разудалым тоном остального текста. Он ссылается на скандал в Германии, связанный с именем [князя Филиппа] Эйленбурга [1847–1921], где «секта», практикующая «гомосексуальный порок», просочилась в «правя-

щие круги». Петербуржцы едва ли могли вообразить, до чего развился порок в «нашей великолепной Невской столице». Для В.П. Руадзе он был связан и с хулиганством, и с безработицей, и с набравшей силу «однополой порнографией», разродившейся «Крыльями» М.А. Кузмина. Опасность, грозившая России, заключалась не в пороке, проникшем в высшие сферы, а в развращении юношества. См.: *Руадзе, В.П.* К суду!.. 1908. С. 3–5, 113–117.

[36] См.: *Матюшенский, А.И.* Половой рынок и половыя отношения... 1908; в главах «Неестественный порок» [с. 115–122] и «Парнографический клуб» [с. 123–129] автор бьет тревогу по поводу однополой проституции и пропаганды гомосексуальности. Благодарю Стивена Смита (Smith, Stephen) за это указание.

[37] См.: *Розанов, В.В.* Люди луннаго света... 1911; [далее в основном тексте цитируется репринтное воспроизведение второго издания 1913 года: М.: «Дружба народов», 1990. [2], II, V–XI, 297, [1] с.; терминология В.В. Розанова: «лучащимися» (с. 153), «о страданиях пола» (с. 42), «грязные медики» (с. 41), «тупые» (с. 159), «пошлые» (с. 166), «отвратительными...» (с. 98), «извращенными...» (с. 99);] о В.В. Розанове и влиянии его книг см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. Ch. 8 [«Sex and the Anti-Semite: Vasilii Rozanov's Patriarchal Eroticism»; см. рус. пер.: Гл. 8. Пол и антисемит: патриархальный эротизм Василия Розанова. С. 305–335, 508–522 (примеч. 1–155)].

[38] *Розанов, В.В.* Люди луннаго света... 1990. С. 166. Пуд и фунт являлись традиционными русскими мерами веса. Анализ взаимоотношений Р. фон Крафт-Эбинга с его «извращенцами» – пациентами среднего класса и читателями см.: *Oosterhuis, Harry.* Richard von Krafft-Ebing's «Step-Children of Nature»: Psychiatry and the Making of Homosexual Identity // Science and Homosexualities... P. 67–88. [О выражении «текущий пол» см.: *Розанов, В.В.* Люди луннаго света... 1911, 1913, 1990. С. 32, 99, 151, 177, 266.]

[39] См.: *Розанов, В.В.* Люди луннаго света... 1990. С. 203; [«...заключается в безсеменности, в невожделении к женщине» (с. 202).]

[40] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 303–304 [см. рус. пер.: с. 309)].

[41] См.: *Timasheff, N.S.* The Impact of the Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law... 1953.

[42] *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 57–71 [см. рус. пер.: с. 65–79]. А.Ф. Кони ссылался на «якобы научных защитников и апологетов вроде профессора Аллетрино», пропагандировавших «противоестественный порок», см.: *Кони, А.Ф.* На жизненном пути... 1912. Т. 1. С. 153. В 1901 году на V Международном конгрессе по криминальной антропологии в Амстердаме врач А. Алетрино отстаивал декриминализацию мужеложства [, см.: *Aletrino, Arnold* (1858–?). La Situation sociale de l'uraniste // Congres international d'anthropologie criminelle: Compte-rendu des travaux de la cinquieme session tenue a Amsterdam du 9 au 14 septembre 1901. Amsterdam, 1901. P. 25–36]. О скопцах см.: *Engelstein, L.* Castration and the Heavenly Kingdom... 1999.

[43] О М. Хиршфельде см.: *Herzer, Manfred.* Magnus Hirschfeld... 1992.

[44] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 67–70 [см. рус. пер.: с. 77]. Л. Энгельштейн отмечает влияние на В.Д. Набокова баварской уголовной реформы Пауля Иоганна Ансельма фон Фейербаха (Feuerbach, Paul Johann Anselm, Ritter von; 1775–1833) 1813 года. Краткое упоминание В.Д. Набоковым отсутствия запрета на мужеложство в романских странах, прежде всего во Франции, заставляет предположить, что он знал о секуляризации уголовных кодексов во времена Французской революции и завоеваний Наполеона, см.: *Набоков, В.Д.* Плотския преступления... 1904. С. 112.

[45] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 62 [см. рус. пер.: с. 71, 452 (примеч. 21)].

[46] См.: *Пятницкий, Б.И.* Половыя извращения и уголовное право... 1910; *Фукс, И.Б.* Гомосексуализм как преступление... 1914.

[47] См.: *Hekma, Gert, Oosterhuis, Harry* and *Steakley, James.* Leftist Sexual Politics and Homosexuality: A Historical Overview // Gay Men and the Sexual History of the Political Left... 1995. P. 20, 23.

[48] См. также: *Goldman, W.Z.* Women, the State, and Revolution... 1993; *Stites, R.* The Women's Liberation Movement in Russia... 1978.

[49] О концепции «биовласти» Мишеля Фуко [как синтезе научных и административных мер по управлению населением] см.: *Foucault, M.* The History of Sexuality. Vol. 1... 1978. P. 135–159.

[50] *Kollontai, A.M.* Sexual Relations and the Class Struggle... [1972]. P. 5; *Idem.* Ibid... 1977. P. 241 [; *Коллонтай, А.М.* Отношение между полами и классовая борьба... 1919. [Гл.] III. С. 52].

[51] См.: *Goldman, W.Z.* Women, the State, and Revolution... 1993. P. 55–57.

[52] Ко времени смерти А. Бебеля в 1913 году эта «неофициальная Библия европейского марксистского движения» (см.: *Stites, R.* The Women's Liberation Movement in Russia... 1978. P. 234) была многократно переиздана и переведена на ряд языков; пользовалась она чрезвычайной популярностью и за пределами левого женского движения. О сексуальности в произведениях А. Бебеля см.: *Goldman, W.Z.* Women, the State, and Revolution... 1993. P. 36–37.

[53] См.: *Бебель, Август* (Bebel, August; 1840–1913). Женщина и социализм: [в 2 ч.] / А. Бебель; перевод с последняго [34-го нем. 1902 г.] издания В.А. Поссе. С.-Петербург: Изд-во «Вестника Знания», 1909. (Б-ка для саморазвития: Бесплатное приложение № 1 и 7 «Вестника Знания»). Ч. 1: с 8 снимками с картин. 143, [1] с., [7] л.: [8] ил. (см. с. 142); Ч. 2: с 11 снимками с картин, портретами и рисунками. 175, [1] с.: [3] ил., [8] л. ил. [; *Он же.* Женщина и социализм / А. Бебель: [пер. с нем.; предисл. (с. 3–13) В. Бильшай]. М.: Гос. изд-во «Полит. лит.», 1959. 591, [1] с., 1 л. портр. (на с. 257)].

[54] См.: *Hekma, G., Oosterhuis, H.* and *Steakley, J.* Leftist Sexual Politics and Homosexuality... // Gay men... 1995. P. 14–15, 21 [см. гл. 4, примеч. 47].

[55] См.: Ibid. P. 36 (примеч. 45).

[56] См.: *Goldman, W.Z.* Women, the State, and Revolution... 1993. P. 35.

[57] Всемирная лига сексуальных реформ (ВЛСР) включила в свою программу призыв к декриминализации гомосексуальных отношений. О советском вкладе в работу ВЛСР см. гл. 5 наст. изд.

[58] В работе 1919 года «Отношения между полами и классовая борьба» А.М. Коллонтай отмечала: «Такой пестроты брачных отношений еще не знала история: неразрывный брак с "устойчивой семьей" и рядом преходящая свободная связь, тайный адюльтер в браке и открытое сожительство девушки с ее возлюбленным – "дикий брак", брак парный и брак "втроем", и даже сложная форма брака "вчетвером", не говоря уже о *разновидностях* продажной проституции» (курсив наш. – *Д.Х.*). Это чрезвычайно редкий для А.М. Коллонтай намек на возможности выхода за пределы гетеросексуальности; см.: *Kollontai, A.M.* Sexual Relations and the Class Struggle... [1972]. P. 5; *Idem.* Ibid. ... 1977. P. 241 [; *Коллонтай, А.М.* Отношение между полами и классовая борьба... 1919. [Гл.] III. С. 52].

[59] См.: *Hekma, G., Oosterhuis, H.* and *Steakley, J.* Leftist Sexual Politics and Homosexuality... // Gay men... 1995. P. 17–19, 22 [; см. гл. 4, примеч. 47]; *Healey, D.* Evgeniia/Evgenii... 1997. P. 93–94.

[60] См.: *Hekma, G., Oosterhuis, H.* and *Steakley, J.* Leftist Sexual Politics and Homosexuality... // Gay men... 1995. P. 22 [; см. гл. 4, примеч. 47]; чтобы представить ситуацию в России хотя бы в общих чертах, сопоставьте мнение психиатра и, позднее, сторонника большевиков В.М. Бехтерева (см.: *Бехтерев, В.М.* О половом оздоровлении... 1910. № 9. С. 924–937; № 10. С. 1043–1050; *Он же.* То же. Оттиск. 1910. 19, [1] с.), выступавшего до революции против открытых дебатов по гомосексуальности в связи с половой гигиеной, с его утверждением времен Советов о безвредности для общества частных собраний «гомосексуалистов» [см.: *Он же.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 166–180 (на с. 171)].

[61] См.: *Stites, R.* The Women's Liberation Movement in Russia... 1978. P. 376–379; *Goldman, W.Z.* Women, the State, and Revolution... 1993. P. 1–58.

[62] Ленинскую мысль на сей счет И.Ф. Арманд собиралась воспроизвести в своей брошюре, см.: *Ленин, В.И.* [Письма к] И.Ф. Арманд [от 17 янв. 1915 г. и от 24 янв. 1915 г.] // Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: [в 55 т.] / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1964. Т. 49: Письма: август 1914 – октябрь 1917. С. 51–52 (№ 50), 54–57 (№ 53). Но впервые эти письма были опубликованы только в 1939 году (в журнале «Большевик»), очевидно, чтобы показать, что перемены в советской семейной политике 1930-х годов опирались на ленинское наследие, см.: *Ленин, В.И.* Письма В.И. Ленина Инессе Арманд // Большевик: Теорет. и полит. журн. ЦК ВКП(б). М.: Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда», 1939. XVI год изд., № 13, июль 1939. С. 58–61 (Материалы Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК ВКП(б)).

[63] Это был ленинский ответ А.М. Коллонтай, которая в 1919 году писала: «Откуда же берется это непростительное наше равнодушие к одной из существенных задач рабочего класса? Как объяснить себе то

лицемерное отнесение “сексуальной проблемы” к числу “дел семейных”, на которые нет надобности затрачивать коллективных сил и внимания? Как будто отношения между полами и выработка морального кодекса, регулирующего эти отношения, не являлось на всем протяжении истории одним из неизменных моментов социальной борьбы <...>. Однако, стоит заговорить о “пролетарской этике” и “пролетарской сексуальной морали”, чтобы натолкнуться на шаблонное возражение: пролетарская половая мораль — есть не более, как “надстройка”; раньше чем не изменится вся экономическая база, ей не может быть места... <...> Весь опыт истории учит нас, что выработка идеологии социальной группы, а следовательно, и сексуальной морали, совершается в самóм процессе многотрудной борьбы данной группы с враждебными социальными силами» (*Kollontai, A.M.* Sexual Relations and the Class Struggle... [1972]. С. 1–3, 12–13; *Idem.* Ibid... 1977. P. 237–239, 249; [*Коллонтай, А.М.* Отношение между полами и классовая борьба... 1919. [Гл.] III. С. 48–51, 60).]

[64] Записано после смерти В.И. Ленина в январе 1925 года и вскоре опубликовано, см.: *Цеткин, Клара.* Из записной книжки / Клара Цеткин (янв. 1925 г.) // Цеткин, Клара. О Ленине: воспоминания и встречи... 1925. С. 7–32; [*Она же.* Из записной книжки... 1970. Т. 5. С. 37–58;] англ. перевод см.: *Zetkin, Clara.* Lenin on the Woman Question... [1934].

[65] В.И. Ленин действительно выражал подобные мысли в 1904–1905 годах, хотя всегда с оговоркой, что «просвещать, организовывать мы должны всех трудящихся и эксплуатируемых <...> и проституток». Эта ремарка появилась в статье, написанной в сентябре 1905 года в разгар революционного брожения: «Нас недавно спрашивал один рабочий в письме, почему не агитировать среди проституток» (*Ленин, В.И.* Отношение социал-демократии к крестьянскому движению // Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: [в 55 т.] / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Изд. 5-е. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 11: июль–октябрь 1905. С. 223 [впервые в газете «Пролетарий». 1905. 14 (1) сент. (№ 16)]. О проституции как форме социального угнетения говорится в написанном осенью 1904 года «Плане трех бесед о социал-демократической программе», см.: *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений... М., 1967. Т. 9: июль 1904 – март 1905. С. 392–393.

[66] Цит. по: *Zetkin, Clara.* Lenin on the Woman Question... P. 7 (курсив наш. – *Д.Х.*) [; *Цеткин, Клара.* Из записной книжки... 1925. С. 11; То же... 1970. С. 41].

[67] Многие западные квир-теоретики и активисты поддерживают движение сексразновидностей и (в противоположность В.И. Ленину) рассматривают трансгрессивный гендер и сексуальность как политически трансформативные. С В.И. Лениным эти деятели солидарны в том, что отстаивание общепринятых моральных норм («обывательских», «буржуазных»), чем якобы занимались и продолжают заниматься гомофилы и гей-политики, приводит к капитуляции гетеронормативности; см.: *Butler, J.P.* Gender Trouble... 1990; *Jagose, A.* Queer Theory... 1996; The Material Queer... 1996; *Califia, Pat.* Sex Changes... 1997 [см. Введение, примеч. 57].

[68] Только один высокопоставленный большевик, известный как гомосексуал, народный комиссар иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин (1872–1936), занимавший свой пост в 1918–1930 годах, придерживался этой этики поведения.

[69] Цит. по: *Zetkin, Clara.* Lenin on the Woman Question... P. 11 (курсив наш. – *Д.Х.*) [; *Цеткин, Клара.* Из записной книжки... 1925. С. 16; То же... 1970. С. 45].

[70] См.: *Zetkin, Clara.* Lenin on the Woman Question... P. 10 [; *Цеткин, Клара.* Из записной книжки... 1925. С. 15; То же... 1970. С. 44].

[71] См.: *Nabokov, V.D.* The Provisional Government / ed. Andrew Field. Brisbane: University of Queensland Press, 1970. P. 95–96; *Timasheff, N.S.* The Impact of the Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law... 1953. P. 443–444. А.А. Шрейдер, в 1918 году – первый заместитель народного комиссара юстиции, отмечал, что законодательная комиссия Временного правительства разработала проект нового Уголовного уложения, но фундаментально статут пересмотрен не был (см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 164. Л. 36). Следы этого проекта не обнаружены и в следующем, трехтомном собрании документов: The Russian Provisional Government 1917: Documents / ed. by A.F. Kerensky, R.P. Browder. Stanford: Stanford University Press, 1961. 3 vol.

[72] Нами просмотрены документы: ГАРФ. Ф. А353 («Народный комиссариат юстиции РСФСР, 1917–1946 гг.»). Оп. 1–12, 16 (протоколы коллегии Комиссариата юстиции за этот период).

[73] См.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 357; *Idem.* Introduction: Russia's Gay Literature and History... 1996. P. 24.

[74] *Healey, D.* The Russian Revolution and the Decriminalisation of Homosexuality... 1993. P. 26–54 (особо с. 34).

[75] См.: *Engelstein, L.* Soviet Policy toward Male Homosexuality... 1995. P. 165.

[76] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 164 («Проект Уголовного уложения и объяснительная записка к нему, 1918 г.»). Л. 29; см. также: *Швеков, Г.В.* Первый советский Уголовный кодекс... 1970. С. 105.

[77] ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 164. Л. 36–37.

[78] См.: Там же. Л. 30–33.

[79] Текст этой статьи гласит:

«215. Виновный в мужеложстве:

Если мужеложство учинено:

1. С несовершеннолетним от четырнадцати до шестнадцати лет, без его согласия или хотя с его согласия, но по употреблении во зло его невинности; 2. Заведомо с лишенным возможности понимать свойства и значение совершаемого над ним или руководить своими поступками вследствие болезненного расстройства душевной деятельности или бессознательного состояния, или же умственного неразвития, происшедшего от телесного недостатка или болезни; 3. С лишенным возможности оказать виновному сопротивление, без его на мужеложство согласия, то виновный наказывается: лишением свободы на срок не ниже трех лет.

Если же мужеложство учинено:

1. С ребенком, не достигшим четырнадцати лет; 2. С лицом, находящимся под властью или попечением виновного; 3. С лицом, принужденным к тому посредством насилия над личностью или угрозы убийством, тяжким телесным повреждением угрожаемому или члену его семьи, если такая угроза могла вызвать у угрожаемого опасения ея осуществимости; 4. С приведенным для того в бессознательное состояние самим насилующим или при его участии, то виновный наказывается: лишением свободы на срок не свыше восьми лет» (ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 164. Л. 115–116).

За исключением легализации добровольного мужеложства взрослых статья фактически идентична [ст. 516] Уголовного уложения 1903 года, см.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. ... 1922. С. 1064–1067.

[80] См.: *Набоков, В.Д.* Плотския преступления... 1904. С. 108–109.

[81] См.: Там же. С. 110. Царские юристы знали о мужской проституции в русских городах, см.: Уголовное уложение 22 марта 1903 г. ... 1922. С. 1065–1066.

[82] ГАРФ. Ф. А353. Оп. 2. Д. 164. Л. 37–39.

[83] См.: Там же. Д. 3. Л. 3; см. также: *Швеков, Г.В.* Первый советский Уголовный кодекс... 1970. С. 114–116.

[84] См.: Там же. С. 126.

[85] См.: Там же. С. 119–125; *Solomon, P.H.*, Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 24–25.

[86] ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745 («Документы о контрреволюционной агитации монахов Новоиерусалимского монастыря и по обвинению епископа Палладия в растлении мальчика, 1919 г.»).

[87] *Curtiss, J.S.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950... 1965. P. 93; *Pospielovsky, Dimitry V.* (1935–). The Russian Church under the Soviet Regime, 1917–1982: [in 2 v.]. Crestwood (NY): St. Vladimir's Seminary Press, 1984. Vol. 1. P. 39 (Vol. 1. 248 p.; Vol. 2. 253–535 p.).

[88] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745. 16 сентября 1919 года восьмой отдел тайно направил в Белев и Саратов оперативника для розыска свидетелей против Палладия (Л. 24). Однако протоколы этих показаний были получены лишь 20 и 24 октября соответственно; «жертва» Палладия Иван Волков был допрошен 25 сентября (Л. 28 и сл.), а затем, 26 или 27 сентября, мальчика направили в Институт дефективных детей для судебно-медицинской экспертизы (Л. 29 и сл.); 13 октября были получены исчерпывающие показания от Палладия и нескольких свидетелей из Звенигорода и Москвы (Л. 30–31, 32 и сл.).

[89] Коллегия назначила П.А. Красикова «общественным обвинителем» по этому делу (см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745. Л. 13). Палладий отмечал частое присутствие на допросах юриста Н.А. Черлюнчакевича и его реплики в свою поддержку (Л. 55, 58об., 61об.). После суда 4 ноября коллегия отказала Палладию в просьбе подать немедленную апелляцию на приговор (см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 4. Л. 80).

[90] См.: *Н.П.* Монахи пред судом в роли развратителей малолетних и несовершеннолетних... 1922. № 42. С. 13–15; *С.Н.* Монастыри — при-

тоны разврата – при свете советского суда: (Процесс архимандрита Сергия, настоятеля Сретенского монастыря в Москве)... 1922. № 19–20. С. 19; *Шейнман, М.М.* Религиозность и преступность... 1927. С. 55–56.

[91] См.: *Healey, D.* «Their Culture»... 1998.

[92] В своей антирелигиозной агитационной работе восьмой отдел старался опираться на достижения науки, для чего, например, призвал врачей исследовать церковные мощи и сделать заявление перед кинокамерой об их фальшивости. Проводя экспертизу по делу Палладия, психиатры из Института дефективных детей не обнаружили никаких нарушений у И. Волкова, но соответствующий отчет был оставлен без внимания. Обвинителем П.А. Красиковым был предложен импровизированный научный анализ противоестественных половых склонностей Палладия (см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 745. Л. 45).

[93] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 3. Д. 4. Л. 94; Там же. Оп. 4. Д. 301. Л. 4–4об.; *Швеков, Г.В.* Первый советский Уголовный кодекс... 1970. С. 126; о резкой перемене М.Ю. Козловским взглядов см.: *Solomon, P.H.*, Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 24–25.

[94] Дальнейшее изложение основано на документах, хранящихся в: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 301 («Документы по подготовке Уголовного кодекса РСФСР, 1920 г.»). Материалы, не имеющие отметок о времени их составления, мы датировали, основываясь на собственной интерпретации текстуальной правки М.Ю. Козловского в его наброске гл. 5 («Преступления против жизни, здоровья и достоинства человека». Л. 10–12об.).

[95] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 301. Л. 9.

[96] См.: Там же. Л. 6–6об. Слово «достояние» в названии этой главы – явная ошибка, которую коллегия исправила на «достоинство». Исправленный вариант сохранился и в окончательной редакции (Л. 5–5об.).

[97] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 301. Л. 11об. Текст этой статьи следующий: «Карается мужеложство, если таковое учинено: 1. С психически больным; 2. С лицом, лишенным возможности оказать виновному сопротивление; 3. С ребенком, не достигшим 14 лет; 4. С лицом, принужденным к тому посредством насилия или угрозы убийством, или тяжким телесным повреждением угрожаемому лицу или члену его семьи. Кара увеличивается, если такое деяние совершено с приведением для того в бессознательное состояние самим насилующим соответствующего лица или при его участии». Меру наказания за указанные преступления этот проект кодекса не уточнял.

[98] «Как учит нас опыт истории, все значительные законодательные работы были выработаны и получили силу не в моменты напряженной революционной борьбы, а, напротив, в эпоху, когда уже сказались результаты революционных переворотов, когда революционные завоевания приняли уже ясный и законченный облик. Так, великие кодификации, воплотившие в нормах пра́ва завоевания Французской революции (уголовный и уголовно-процессуальный кодексы, гражданский и гражданско-процессуальный кодексы, торговый кодекс), появились в первое десятилетие XIX века, когда сказалось ясное и бесповоротное торже-

ство третьего сословия, когда во Франции водворился гражданский мир и новые идеи вместе с наполеоновскими армиями совершили триумфальное шествие по всему континенту Европы» (ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 301. Л. 25–25об.). [В архивной машинописи оригинала названия кодексов даны на французском языке.]

[99] См.: *Sibalis, Michael.* The Regulation of Male Homosexuality in Revolutionary and Napoleonic France, 1789–1815 // Homosexuality in Modern France... 1996. P. 82–83, 89–92.

[100] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 301. Л. 26об.

[101] Там же. Л. 27об.

[102] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 1. Л. 131.

[103] См.: *Шваков, Г.В.* Первый советский Уголовный кодекс... 1970. С. 130, 132; ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 1. Л. 63; в Архиве Комиссариата юстиции РСФСР бумаг этой комиссии нет. Л.А. Саврасов, представитель комиссариата в ЧК с июня 1920 года, в течение предыдущих двух лет участвовал в пересмотре главы о преступлениях против личности.

[104] См.: *Шваков, Г.В.* Первый советский Уголовный кодекс... 1970. С. 136–137; ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 1. Л. 117. Проекта Уголовного кодекса института в ГАРФ нет, и только Общая часть была опубликована.

[105] См.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 1. Л. 131; см.: *Крыленко, Н.В.* Об изменениях и дополнениях кодексов РСФСР... 1936. С. 3–4.

[106] См.: *Шваков, Г.В.* Первый советский Уголовный кодекс... 1970. С. 146, 152–159.

[107] О «минимализме» советских законодателей см.: *Engelstein, L.* Soviet Policy Toward Male Homosexuality... 1995. P. 165.

[108] Терминология царского времени (согласно Уголовному уложению 1903 года) различала: «любострастные действия» (непенетративные сексуальные [, т. е. развратные действия]), «любодеяние» (гетеросексуальное изнасилование), «мужеложство» и «кровосмешение»; см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 4. Д. 301. Л. 11об. – 12. Ср.: Уголовный Кодекс РСФСР // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, / издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. М., 1 июня 1922. Отдел первый. № 15. Ст. 153: О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР. С. 295 (Особенная часть. Гл. V: Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. 4: Преступления в области половых отношений. [Ст.] 166–171):

[«166. Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, карается – лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией.

167. Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах карается – лишением свободы на срок не ниже пяти лет.

168. Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их, карается – лишением свободы на срок до пяти лет.

169. Изнасилование, т. е. половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощно-

го состояния потерпевшего лица, карается — лишением свободы на срок не ниже трех лет.

Если изнасилование имело своим последствием самоубийство потерпевшего лица, наказание повышается на срок не ниже пяти лет.

170. Принуждение из корыстных или иных личных видов к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия, карается — лишением свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией.

171. Сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции карается — лишением свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества.

Если же вовлеченные в проституцию состояли на попечении или в подчинении обвиняемого или не достигли совершеннолетия, то наказание повышается на срок не ниже пяти лет лишения свободы».]

Позже пересмотрено: Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, / издаваемое Народным Комиссариатом Юстиции. М., 5 декабря 1926. Отдел первый. № 80. Ст. 600. С. 981–982 (Особенная часть. Гл. VI: Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности. [Ст.] 150–155):

[«150. Заражение другого лица венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни, — лишение свободы на срок до трех лет.

Заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью — лишение свободы или принудительные работы на срок до шести месяцев.

151. Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах, — лишение свободы на срок до восьми лет.

Половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, совершенное без указанных отягчающих признаков, — лишение свободы на срок до трех лет.

152. Развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их, — лишение свободы на срок до пяти лет.

153. Половое сношение с применением физического насилия, угроз, запугивания или с использованием путем обмана беспомощного состояния потерпевшего лица (изнасилование) — лишение свободы на срок до пяти лет.

Если изнасилование имело своим последствием самоубийство потерпевшего лица или было совершено над лицом, не достигшим половой зрелости или хотя бы и достигшим таковой, но несколькими лицами, — лишение свободы на срок до восьми лет.

154. Понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой, — лишение свободы на срок до пяти лет.

155. Принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции — лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества».]

[109] Напр., в трех статьях «любодеяние» было заменено на «половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости» (наказывалось по ст. 166 УК РСФСР 1922 года); отягчающие формы «любодеяния» — на «половое сношение, <...> сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах» (ст. 167) и на «изнасилование, т. е. половое сношение с применением физического или психического насилия или путем использования беспомощного состояния потерпевшего лица» (ст. 169); «любострастные действия» — на «развратные действия» — «развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их» (ст. 168 УК РСФСР 1922 г.).

[110] См. ст. 166 и 167 УК РСФСР 1922 года и ст. 151 УК РСФСР 1926 года.

[111] УК РСФСР 1926 года сделал некоторые статьи более рациональными (объединив ст. 166 и 167 УК РСФСР 1922 года о «половом сношении с лицами, не достигшими половой зрелости» в новую — ст. 151; то же было проделано относительно проституции). Постановлением II сессии ВЦИК от 7 июля 1923 года УК РСФСР 1922 года был дополнен ст. 169а: «Понуждение женщины ко вступлению в половую связь с лицом, в отношении коего женщина является материально или по службе зависимой, карается наказанием, предусмотренным ст. 169» (т. е. наравне с изнасилованием). В УК РСФСР 1926 года эта статья вошла в несколько иной редакции — ст. 154: «Понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении коего женщина являлась материально или по службе зависимой». Минимальные меры наказания были заменены на максимальные. Новая редакция неуклонно продолжала политику пресечения половых преступлений и одновременно давала больше простора судьям, позволяя им учитывать при вынесении приговора все возможные обстоятельства дела (классовую принадлежность, пол, возраст, образование); см.: *Курский, Д.И., Стучка, П.И.* Директивное письмо НКЮ и Верхсуда РСФСР по применению Угол. Код. редакции 1926 г. ... 1927. № 1. С. 8–11.

[112] В УК РСФСР 1922 года только ст. 171 («Принуждение к занятию проституцией, сводничество, содержание притонов разврата, а также вербовка женщин для проституции») была гендерно окрашенной; в УК РСФСР 1926 года в ст. 154 (сексуальное понуждение) и 155 (принуждение) подразумевалось, что пострадавшие — женщины. В ст. 153 УК РСФСР 1926 года (изнасилование) появилась часть вторая о групповом изнасиловании, жертвами которого определенно были женщины, но в целом определение изнасилования продолжало оставаться гендерно нейтральным.

[113] По УК РСФСР 1922 года, наказуемо «лишением свободы на срок не ниже пяти лет»; по УК РСФСР 1926 года, наказание – «на срок до восьми лет».

[114] *Жижиленко, А.А.* Половые преступления... 1924. С. 15; см. также: *Змиев, Б.Н.* Уголовное право. Часть особенная... 1923. С. 27; *Люблинский, П.И.* Преступления в области половых отношений... 1925. С. 122; *Френкель, Е.П.* Половые преступления... 1927. С. 11.

[115] См.: *Познышев, С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права... М., 1923. С. 60–61.

[116] *Люблинский, П.И.* Преступления в области половых отношений... 1925. С. 122–123; см. также: *Змиев, Б.Н.* Уголовное право. Часть особенная... 1923. С. 26.

[117] См.: Там же; *Френкель, Е.П.* Половые преступления... 1927. С. 11.

[118] Авторы нижеперечисленных публикаций считали, что этой статьей предусмотрено гомосексуальное изнасилование, см.: *Жижиленко, А.А.* Половые преступления... 1924. С. 19; *Люблинский, П.И.* Преступления в области половых отношений... 1925. С. 122; *Френкель, Е.П.* Половые преступления... 1927. С. 14. Другие полагали, что изнасилование может быть только гетеросексуальным актом, см.: *Змиев, Б.Н.* Уголовное право. Часть особенная... 1923. С. 27; *Познышев, С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права... 1923. С. 58; *Карницкий, Д.А.*, *Тривус, Ю.* Вопросы уголовно-судебной и следственной практики... 1927. С. 61–62; *Карницкий, Д.А.*, *Рогинский, Г.К.*, *Строгович, М.С.* Уголовный кодекс РСФСР: постатейный комментарий... 1928. С. 265–271. Согласно действовавшей до 1917 года ст. 996 Уложения о Наказаниях Уголовных и Исправительных издания 1866 года, «изобличенный в противоестественном пороке мужеложства, сопровождаемом насилием, подвергается» наказанию.

[119] За действия, сходные с упомянутыми в Уголовном кодексе, советская власть могла преследовать любого. Это решительное отступление от либерализма законодательных принципов она оправдывала тем, что находившаяся в международной изоляции молодая социалистическая страна была не в состоянии предусмотреть всех ухищрений, на которые оказывались способны ее враги; см.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 31–32. Скрытый смысл гендерно нейтрального языка не составлял секрета для заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды, когда тот разрабатывал проект закона о рекриминализации мужеложства. В этом проекте сохранялась классификация половых преступлений, в том числе предусматривалась «уголовная ответственность за изнасилование лиц обоего пола»; см.: «Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев»... 1993. Принятие нового закона о мужеложстве сделало очевидным то, что ранее было видно лишь немногим.

[120] См.: Mitteilungen des Wissenschaftlich-humanitären Komitees, 1926–1933 / ed. F. Pfäfflin. Hamburg: Faksimile-Nachdr., 1985. S. 147.

[121] В 1805 году, когда решался вопрос об изменении статуса мужеложства в уголовном законодательстве, Наполеон писал: «Мы живем не в той стране, где закон может унижаться до уровня этих проступков. Природа предусмотрела, чтобы последние были не столь уж частыми.

Скандал из-за преследования по закону только умножит их. Лучше дать делу другое направление». Полиции было предписано принимать административные меры; см.: *Sibalis, Michael.* The Regulation of Male Homosexuality in Revolutionary and Napoleonic France, 1789–1815 // Homosexuality in Modern France... 1996. P. 89–92 [; см. гл. 4, примеч. 99]. В 1921 году британская палата общин проголосовала за распространение поправки 1885 года Г. Лабуше (Labouchere, Henry Du Pré; 1831–1912) (имеется в виду закон против непотребных действий (gross indecency) между мужчинами, по которому был осужден Оскар Уайльд) на действия между женщинами. Палата лордов отвергла это предложение, мотивировав тем, что придание огласки подобным проступкам будет только способствовать их распространению; см.: *Weeks, J.* Coming Out... 1990. P. 106–107.

[122] Только в Италии был найден такой же прогрессивный выход. В связи с унификацией закон, принятый на севере под влиянием Франции, распространился в 1900 году на всё королевство. В Германии запрет Пруссии на однополые акты был распространен на те германские государства (земли), которые в начале XIX в. под влиянием Франции декриминализировали мужеложство. В Австро-Венгрии однополые отношения мужчин и женщин были запрещены, и государства, ставшие преемниками этой империи, унаследовали запрет; см.: *Leroy-Forgeot, Flora.* Histoire juridique de l'homosexualité en Europe. Paris, 1997. P. 66–67; *Greenberg, D.F.* The Construction of Homosexuality... 1988. P. 352.

Глава 5

[1] *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 49.

[2] См.: *Solomon, S.G.* Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930... 1990. P. 175–199; *Idem.* The Expert and the State in Russian Public Health... 1994. P. 183–210.

[3] См.: *Weissman, N.B.* Origins of Soviet Health Administration // Health and Society in Revolutionary Russia... 1990. P. 97–120.

[4] *Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. № 33. С. 16–17. Курсив наш. Автором, возможно, являлся Григорий Рындзюнский, писавший в 1922 году в этом журнале на простые бытовые темы — о семейном законодательстве и наследовании, о векселях, об использовании городской земли.

[5] О рейде в «петроградский клуб» см. следующие статьи: *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922; *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 644–746 (в особенности с. 720–721, 740); *Он же.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 167–171. Благодарю Френсис Бернстейн за копию этого замечательного описания рейда. О женитьбе Евгении на женщине см.: *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 273–282.

[6] «Академик Бехтерев в заключение своей экспертизы высказывает, что хотя отклонения этих ненормальных людей не могут быть уго-

ловно наказуемыми, тем не менее публичное проявление своих стремлений, вовлечение в круг извращенных интересов других неустойчивых лиц, словом, вынесение в широкую публику гомосексуальных вкусов и действий является вредным с общественной точки зрения и не может быть допускаемо, а создание клубов или притонов с такой целью должно быть караемо в уголовном порядке» (*Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. С. 16).

[7] Для историков «Процессы гомосексуалистов» — это свидетельство изначального неприятия большевиками гомосексуальной эмансипации и, в тоталитарной интерпретации, всех однополых эротических отношений; см., напр.: *Timasheff, N.S.* The Impact of the Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law... 1953. P. 441–462 (esp. 458); *Karlinsky, S.* Introduction: Russia's Gay Literature and History... 1996. P. 24; *Healey, D.* The Russian Revolution and the Decriminalisation of Homosexuality... 1993. P. 26–54 (esp. 34). В относительно недавнем исследовании этой статье как отражающей точку зрения большевиков по-прежнему придается огромное значение, см.: *Engelstein, L.* Soviet Policy toward Male Homosexuality... 1995. P. 168.

[8] Это соображение навело С. Карлинского на мысль расценить описанные случаи как «показательные процессы, инсценированные сразу после принятия [Уголовного] кодекса 1922 года» (*Karlinsky, S.* Introduction: Russia's Gay Literature and History... 1996. P. 24). У него не говорится, открытым или закрытым был процесс над петроградскими мужчинами. К моменту выхода статьи дело женщин еще не было передано в суд; см.: *Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. С. 16. Об ответах в это время местных органов юстиции на директивы из центра см.: *Solomon, P.H.*, Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 54–60.

[9] «<...> казалось бы, действие подобного рода <...> должно быть наказуемо, хотя бы применительно к ст. 176 Угол<овного> кодекса» (*Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... С. 17) [, то есть против хулиганства].

[10] См. комментарии, игнорирующие советы «Процессов гомосексуалистов»: *Познышев, С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права... 1923; Уголовный кодекс: Текст с постатейно систематизированным материалом законодательного и ведомственного характера (декреты, инструкции, циркуляры, разъяснения пленума Верховного Суда, кассационная практика и проч.) / С предисл. Д.И. Курского. М.: Изд-во Московского губернского суда, 1924. X, [6], 909, [4] с.; *Френкель, Е.П.* Половые преступления... 1927; *Карницкий, Д.А., Тривус, Ю.* Вопросы уголовно-судебной и следственной практики... 1927; *Карницкий, Д.А., Рогинский, Г.К., Строгович, М.С.* Уголовный кодекс РСФСР: постатейный комментарий... 1928. Комментарии с рекомендациями применять закон о хулиганстве против публичного проявления добровольного мужеложства см. в изд.: *Змиев, Б.Н.* Уголовное право. Часть особенная... 1923; *Жижиленко, А.А.* Половые преступления... 1924; *Люблинский, П.И.* Преступления в области половых отношений... 1925. С. 123.

[11] *Френкель, Е.П.* Половые преступления... 1927. С. 12.

[12] См.: *Люблинский, П.И.* Преступления в области половых отношений... 1925. С. 124–127; медицинские причины декриминализации были

изложены также другим автором, см.: *Змиев, Б.Н.* Уголовное право. Часть особенная... 1923. С. 27.

[13] См.: *Люблинский, П.И.* Преступления в области половых отношений... 1925. С. 117–120; *Френкель, Е.П.* Половые преступления... 1927. С. 11–12; *Познышев, С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права... 1923. С. 60; *Жижиленко, А.А.* [Половые преступления]: Юридический очерк // Жижиленко, А.А., Оршанский, Л.Г. Половые преступления... 1927. С. 10.

[14] См.: *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. Обе, и Евгения в «Процессе гомосексуалистов», и Евгения Федоровна М., о которой поведал А.О. Эдельштейн, выдавали себя за мужчин, изменив в документах собственные имена на их мужские формы; обе в 1922 году официально зарегистрировали в ЗАГСе брак с другими женщинами. В «Процессах гомосексуалистов» рассказывалось о случае, имевшем «место в незначительном уездном городке, где сотрудница одного из учреждений переоделась в мужское платье, переделала в своих документах имя Евгения на Евгений и <...> заключила по всем правилам брак со своей сослуживицей, с которой и поселилась, как муж с женой. На обращенное начальством учреждения требование о расторжении брака и “прекращении скандала” и на требование администрации о том же обе они ответили отказом, настаивая на том, что никто не вправе вторгаться в их интимную жизнь. Возникшее по этому поводу дело было неудачно формулировано как обвинение в преступлении “против природы” и до сего времени всё еще находится в стадии следствия, так как постоянно осложняется разными побочными обстоятельствами и жалобами, вносимыми в дело обвиняемой в силу ее явной душевной неуравновешенности» (*Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. С. 16). В написанном по просьбе доктора пространном тексте героиня исследования А.О. Эдельштейна твердо отстаивала свои права как человека «среднего пола». «История моей болезни» с ясными аргументами в пользу гомосексуальной эмансипации была опубликована А.О. Эдельштейном как свидетельство «навязчивого фантазирования» Евгении.

[15] *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 274. «Заслуживает внимания, что Наркомюстом брак был признан законным, как заключенный по обоюдному согласию». Подтверждая этот факт из анамнеза Евгении, автор отделяет его от своего заключения «о ее навязчивом фантазировании». Специальное подчеркивание А.О. Эдельштейном этой неординарной детали заставляет предположить, что он обладал независимыми данными о достоверности этого события. Возможность этого не отрицалась материалами Комиссариата юстиции. Тактика провинциального следователя, имя которого не называется, была нестандартной, и дело против Евгения/Евгении вполне могло закончиться в его/ее пользу; см.: *Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. С. 16.

[16] В архиве коллегии Комиссариата юстиции (ГАРФ) за 1920-е годы нет решения о признании брака Евгении Федоровны М. законным. Такое заключение могло быть сделано и местным судом, но об этом нам ничего не известно.

[17] Время проведения этого процесса, состоявшегося после введения в действие нового Уголовного кодекса 1922 года, историки считают знаменательным; см.: *Timasheff, N.S.* The Impact of the Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law... 1953. P. 458; *Karlinsky, S.* Introduction: Russia's Gay Literature and History... 1996. P. 24; *Healey, D.* The Russian Revolution and the Decriminalisation of Homosexuality... 1993. P. 34. Л. Энгельштейн допускает, что процессы происходили после введения Уголовного кодекса 1922 года, но отмечает, что статья Г.Р. того же года не могла оказать влияния на пересмотр Уголовного кодекса в 1926 году (см.: *Engelstein, L.* Soviet Policy toward Male Homosexuality... 1995. P. 166–168).

[18] См.: *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 720–721, 740; *Он же.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 167–171; об интервью с десятью задержанными во время описанного В.М. Бехтеревым рейда мужчинами см.: *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 49–62.

[19] Г.Р. писал: «Академик Бехтерев в заключение своей экспертизы высказывает, что, хотя отклонения этих ненормальных людей *не могут быть уголовно наказуемыми* <...>» (*Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922. С. 16. Курсив наш). Эта фраза свидетельствует, что ко времени процесса новый Уголовный кодекс уже был введен в действие.

[20] *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 720. Некоторые документы, напр., «протокол ареста клуба педерастов от 15 января 1921 г.», сообщают о девяносто пяти задержанных.

[21] Ученый представил в петроградский Институт по изучению мозга и психической деятельности отчет, датированный этим [28.02.1921 г.] числом, с «детальным обследованием» всех задержанных; см.: *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 720 (примеч. 1). [«По словам представителей уголовного розыска, всех гомосексуалистов мужчин в Петрограде в настоящее время около одной тысячи при населении Петрограда около 500–600 тысяч человек. Не очень давно был арестован в Петрограде целый клуб гомосексуалистов в количестве 98 чел. в период их праздничного собрания на свадьбу. Предполагалось, что около 60 чел. являлись зрителями, остальные представляли собой активных лиц на свадебной церемонии, из которых одна часть была одета в женские, другая – в мужские костюмы. В числе их оказалась невеста, сваха и посаженый отец. Что же касается жениха, то он еще не успел ко времени ареста приехать. По этому поводу начальник уголовного розыска тотчас же телефонировал мне, предлагая научно обследовать этих лиц. К сожалению, это предложение совпало с моей командировкой; на другой день я должен был выехать в Москву, вследствие чего я просил одного из ассистентов заведываемого мною Института по изучению мозга обследовать арестованных. Но я всё же воспользовался имевшимся в моем распоряжении вечером кануна своего отъезда и лично вместе с д-ром Мишутским

обследовал 7 наиболее интересных лиц из этой компании. К сожалению, несмотря на мои неоднократные просьбы, д-р Мишутский по какой-то причине задержал у себя записи этого исследования, сделанные под мою диктовку, вследствие чего я лишен в настоящее время историй болезней исследованных мною лиц и вынужден ограничиться здесь лишь самыми общими указаниями. <...> Результаты более детального обследования значительной части арестованных можно найти в другом месте; см. отчеты Конференции Института по изучению мозга и псих. деятельности 28 февраля 1921 года».]

[22] См.: *Он же.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 166–171.

[23] См.: Там же. С. 169.

[24] Там же. [«Одно из событий в Петрограде, происшедшее не так давно, дает некоторую возможность пролить свет на этот вопрос и помочь нам выяснить с некоторым, конечно, приближением число извращенных мужчин. <...> Дело было в 1921 г<оду>. В один прекрасный день начальник уголовного розыска, с которым мне не приходилось ранее иметь никаких дел, звонит мне по телефону с сообщением: “нами арестован клуб педерастов, если вас эти люди заинтересуют с научной точки зрения, – приезжайте”. Я пообещал, но, к моему сожалению, известие это пришло накануне моего отъезда по командировке в Москву, требовавшей около недели времени; откладывать же исследование – значило бы утратить интересный материал, ибо после допроса этих лиц (а раньше последнего их исследование и не могло быть осуществлено) предположено было их не задерживать, а отпускать домой до разбора самого дела. Ввиду этого я обратился к ассистенту рефлексологической лаборатории Института по изучению мозга, моему ученику В.П. Протопопову, с просьбой исследовать арестованных лиц с половым извращением. Но всё же, ввиду интереса события, я сам использовал имевшийся в моем распоряжении вечер, чтобы провести самому медицинское наблюдение относительно тех из этих лиц, исследование которых по обстоятельствам дела оказалось бы для меня возможным за этот вечер, а затем мне была предоставлена возможность использовать потом и протоколы самих допросов. Предварительно скажу вкратце об обстоятельствах этого интересного дела. Как нередко бывает при арестах, дело начинается по какому-либо доносу. В данном случае после получения сведений, заставлявших подозревать особую цель бывавших неоднократно собраний этого своеобразного клуба, уголовным розыском было предложено дать сведения об обстоятельствах дела одному из участвовавших по приглашению в этих собраниях агенту Ш. Дело в сущности шло в этот вечер о совершении обряда гомосексуальной свадьбы. Надо заметить, что даже вре́менное заключение, в котором находились арестованные лица, не исключало среди них амурных сцен... <...> Как видно из протокола опросов, участники гомосексуальной свадьбы показывали, что попали на вечеринку с улицы, некоторые из них говорили, что пошли из любопытства, зная, что это – вечеринка педерастов... <...> Донесение одного из участвовавших

“педерастических” вечеров и послужило поводом для ареста в день назначенной свадьбы. Самый протокол ареста клуба педерастов от 15 января 1921 г<ода> гласит следующее: “Вследствие получения негласных сведений о том, что в д. 6, кв. такой-то по Симеоновской ул. находится скопище разной публики с противоестественными целями, я, начальник столрозмилиции совместно с начучкадром А. и агентами, в присутствии представителя Д., на основании ордера розмилиции от 15 сего января за № 279 прибыл в указанную выше квартиру, причем в таковой застали 95 человек мужчин, частью переодетых в женское платье. Владельцем квартиры является отец милиционера своднобоевого отряда М., объяснивший, что у него сегодня вечеринка, причем бóльшую часть гостей он не знает совершенно, часть собравшихся была выпивши... <...> На полу найдена подвенечная фата. Об изложенном постановлено записать в настоящий протокол, всех обнаруженных в квартире лиц для выяснения препроводить в розмилицию. Следуют подписи”. Протокол допроса агента Ш. от 20 декабря 1920 г<ода>, участника вышеуказанного вечера, говорит, что таких вечеров было уже несколько в разных местах. <...> Мне пришлось дать и заключение по этому делу, и, конечно, оно было дано в пользу прекращения дела, ибо ни совращения, ни пропаганды гомосексуализма в этом случае установить было нельзя. Заслуживает внимания, что среди указанных 95 гомосексуалистов отмечалось довольно много лиц морской службы и артистической профессии, что, очевидно, стои́т в связи с условиями профессиональной деятельности этих лиц» (Там же. С. 167–168, 169, 171). В.М. Бехтерев приводит много выписок из протоколов допросов задержанных; любопытна гомосексуальная лексика того времени: «педерастией занимаюсь – 8; не занимаюсь – 2; занимаются педеразмом – 2; противоестественное сношение – 2; активные – 4; пассивные – 4; занимаюсь взаимным онанизмом с мужчинами – 2; онанируем друг друга – 2; онанируя себя и в редких случаях мужчин – 3». Ср. в примеч. 6 наст. главы изложение экспертизы В.М. Бехтерева в статье Г.Р. «Процессы гомосексуалистов».]

[25] См.: *Waters, E.* Victim or Villain: Prostitution in Post-revolutionary Russia... 1992. P. 161, 167–168. Проституция фактически всегда считалась гетеросексуальной, ею занимались исключительно женщины и девушки, продававшие секс мужчинам. О мужской проституции в России см.: *Healey, D.* Masculine Purity and «Gentlemen's Mischief»... 2001.

[26] См.: *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 142–143; *Waters, E.* Victim or Villain... 1992. P. 167; *Wood, E.* The Baba and the Comrade... 1997. P. 113–116. [См. также: *Цеткин, Клара.* Против милиции нравов / Клара Цеткин // Броннер, В.М., Елистратов, А.И. Проституция в России... 1927. С. 90–94 (Приложение [7-е]). Впервые опубл. 26 декабря 1922 года в газете «Известия ВЦИК».]

[27] О новой дисциплине «социальная гигиена» см.: *Solomon, S.G.* Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930...1990. P. 175–199. Этот предмет включал в себя сексологию в ее широком понимании, однако интерес к гомосексуальности оставался весьма поверхностным.

[28] Высказывания Н.А. Семашко см. в изд.: Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen: mit besonderer Berücksichtigung der Homosexualität / Herausgegeben unter Mitwirkung namhafter Autoren im Namen des wissenschaftlich-humanitären Komitees von Magnus Hirschfeld. Stuttgart: J. Püttmann, 1923. Jg. 23. 246 S. (на с. 211–212). О фильме см.: Goodbye to Berlin?: 100 Jahre Schwulenbewegung... 1997. S. 82–84.

[29] См.: *Solomon, S.G.* Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930... 1990. P. 179.

[30] Ibid. P. 183.

[31] *Batkis, Grigorii* (Баткис, Григорий Абрамович; 1895–1960/1961). Die Sexualrevolution in Russland / von Dr. Batkis; [Uebersetzung aus dem russischen Manuskript von Stefanie Theilhaber]. Berlin: Verlag Der Syndikalist, F. Kater; [Komm.: F.E. Fischer, Leipzig], 1925. 23 S. (Beiträge zum Sexualproblem; Heft 4); *Idem.* Ibid. Berlin: F. Kater, 1928. 23 S. Мнения о том, что эта брошюра выражает официальную точку зрения большевиков или, напротив, что она выпущена с целью сбить с толку иностранных сексреформаторов и левых, основаны на предположении, что с самого начала большевики придерживались последовательной политики относительно гомосексуальности. Джон Лоритсен и Дэвид Торстад настаивают, что брошюра выражала официальную точку зрения о поддержке эмансипации (см.: *Lauritsen, John* and *Thorstad, David.* The Early Homosexual Rights Movement (1864–1934)... [1974]. P. 62–63), с ними не согласен С. Карлинский (см.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 356); см. также: *Dynes, Wayne R.* (1934–). Homosexuality: A Research Guide. N.Y.: Garland, 1987. P. 141 (853 p.). Вопрос о хождении брошюры Г.А. Баткиса в России остается открытым; экземпляр на немецком языке (переведенный «с русской рукописи») хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге [, в РГБ этого издания нет даже в спецхране].

[32] О членстве А.М. Коллонтай в комитете рассказывается в изд.: World League for Sexual Reform: Proceedings of the 2nd Congress (Copenhagen, 1928). Copenhagen, 1929. P. 9–10; Ibid: Proceedings of the 3rd Congress (London, 1929). L., 1930. См. также письмо председателя ВЛСР д-ра Д.Х. Лейнбаха (Leunbach, Jonathan Høegh; 1884–?) от 4 августа 1928 года из Копенгагена, адресованное А.М. Коллонтай, где наряду с Г.А. Баткисом и киевским профессором Николаем Н. Паше-Озерским она названа в числе членов комитета (см.: РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 1. Д. 448. Л. 1–3).

[33] Записка, хранящаяся в личном фонде А.М. Коллонтай в партийном архиве, заставляет предположить, что к 1923 году она могла испытывать смешанные чувства по поводу ассоциирования ее имени с половой проблематикой. Ей было приятно, что ее номинировали в Британское общество сексуальной психологии, но она мучилась вопросом, не воспримет ли советская пресса подобное приглашение с насмешками: «Англ<ийское> общество (British Soc. for Sex Psychology) изучения сексопсихологии избрало меня почетным членом наравне вместе с Havelock Ellis <...> не напечатать ли в наших газетах? Всё-таки не много русских

женщин избранными членов научных ассоциаций да еще и в самóй "гордой" Британии. <...> Но потом поняла, не надо. Секс-психология? Это что же? Знаток по половым вопросам? "Спец" по части "половых дел"? Цинизм, вульгаризация...» (РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 4. Д. 17. Л. 9).

[34] В дебатах 1926 года относительно реформы семейного законодательства она, однако, участвовала; см.: *Goldman, W.Z.* Women, the State, and Revolution... 1993. Ch. 6.

[35] Требования вернуть «контроль» над половой жизнью раздавались во время дебатов по поводу нового советского брачного кодекса (1926—1927 гг.) и в период паники, последовавшей после группового изнасилования в Чубаровом переулке (1926 г.) в Ленинграде. Об этих событиях и призывах снизу с требованиями контроля см.: *Brodsky Farnsworth, Beatrice.* Bolshevik Alternatives and the Soviet Family // Women in Russia... 1977 P. 139—166 [; см. Введ., примеч. 32]; *Goldman, Wendy Z.* Working-Class Women and the 'Withering Away' of the Family: Popular Responses to Family Policy // Russia in the Era of NEP... 1991. P. 125—143; *Naiman, Eric.* The Case of Chubarov Alley... 1990. P. 1—30; *Fitzpatrick, Sh.* Sex and Revolution... 1978. Vol. 50. P. 252—278.

[36] См.: *Lipschütz, Alexander* (1883—?). The Internal Secretions of the Sex Glands: The Problem of the «Puberty Gland» / with a preface by F.H.A. Marshall...; with over 140 ill. in the text. Cambridge (UK): W. Heffer & sons; Baltimore: Williams & Wilkins co., 1924. P. 369 (XVIII, 513 p.: ill.). Сообщение об экспериментальной операции см.: *Steinach, Eugen* (1861—1944), *Lichtenstern, Robert* (1874—). Umstimmung der Homosexualität durch Austausch der Purbertätsdrüsen // Münchener medizinische Wochenschrift: Organ für amtliche und praktische Ärzte... München: J.F. Lehmann, 1918. Jg. 65, № 6. S. 145—147.

[37] См.: *Hirschfeld, M.* Künstliche Verjüngung. Künstliche Geschlechtsumwandlung... [1920]. 30 S.; об отношениях М. Хиршфельда с Э. Штейнахом см.: *Sengoopta, Ch.* Glandular Politics... 1998. P. 445—473.

[38] См.: Омоложение: сб. статей... 1923; Омоложение в России... 1924. В 1925 году, откликаясь на широкий интерес в Советской России к операциям по пересадке половых желез, Михаил Афанасьевич Булгаков (1891—1940) написал повесть «Собачье сердце» (впервые опубликована в СССР в 1987 году); см.: *Чудакова, М.О.* Послесловие // Булгаков, М.А. Сочинения: роман, повести, рассказы. Минск: Университетское, 1988. С. 412—414; см. также: *Золотоносов, М.Н.* Мастурбанизация: «Эрогенные зоны» советской культуры 1920—1930-х годов... 1991. С. 97; *Naiman, Eric.* Sex in Public... 1997. P. 144—147.

[39] *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 720; основываясь на милицейских «протоколах опросов», В.М. Бехтерев воссоздал свои впечатления от исследования по меньшей мере семи мужчин, см.: *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 167—170.

[40] См.: *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. Эта статья появилась не в редактируемом В.М. Бехтеревым журнале, а в периодическом издании

Комиссариата просвещения «Научная медицина», где за предшествующие три года В.П. Протопопов уже опубликовал две свои работы.

[41] См.: *Киров, Я.И.* К вопросу о гетеротрансплантации при гомосексуализме... 1928. Стб. 1587–1590. Под «гетеротрансплантацией» подразумевалась не половая ориентация, а источник, из которого бралась ткань для пересадки (трансплантации). О карьере В.П. Протопопова см.: *Юдин, Т.И.* Очерки из истории отечественной психиатрии... 1951. С. 426.

[42] Описания этих пересадок, применяемых в терапии омоложения женщин, см.: *Немилов, Антон Витальевич* (1879–1942). Физиологические основы «омоложения» // Омоложение в России... 1924. С. 27–28.

[43] Работа П.Б. Ганнушкина в психиатрической клинике Первого Московского государственного университета, его умелое руководство молодыми психиатрами вплоть до самой смерти (по естественным причинам) в 1933 году, а также вклад в работу невропсихиатрической комиссии Ученого медицинского совета Комиссариата здравоохранения создали известному психиатру непререкаемый авторитет. П.Б. Ганнушкин оставил наследие по проблемам «малой психиатрии» — изучения пограничных состояний и коррекции личности. В вопросах гомосексуальности он был сторонником экзогенной этиологии, но с уважением относился и к другим взглядам на эту проблему. См.: *Зиновьев, Петр Михайлович.* Основные этапы научной работы П.Б. Ганнушкина / П.М. Зиновьев (Москва) // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена: Орган Московского о-ва психиатров и невропатологов, Ин-та высшей нервной деятельности, Ин-та нервно-психиатрической профилактики Наркомздрава, Ленинградского ин-та мозга, психиатрических и нервных клиник I и II ММИ. М.: Гос. мед. изд-во, 1933. Т. II, вып. 5. С. 3–6; 24 × 16 см; *Эдельштейн, А.О.* П.Б. Ганнушкин как учитель: Из речи, произнесенной на траурном заседании, посвященном П.Б. Ганнушкину / А.О. Эдельштейн // Там же. М., 1933. Т. II, вып. 5. С. 7–9; *Юдин, Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии... 1951. С. 406–407; О гомосексуальности см.: *Ганнушкин, П.Б.* Клиника психопатии: их статика, динамика, систематика... 1933. С. 116–117.

[44] См.: «Серейский. 1) Проблемы эндокринологии в психиатрии. Москва, 1925. 2) Der Affekt, als biochemische Erscheinungsform, Monatschr. f. Psychiatr. u Neurol. Bd. LIII, 1922»; (цит. по: *Каннабих, Ю.В.* История психиатрии... [М., 1929]. С. 482 (сноска 1); То же. Репр. изд. М., 1994. С. 490); *Гуревич, Михаил Осипович* (1878–1953), *Серейский, М.Я.* Учебник психиатрии / М.О. Гуревич и М.Я. Серейский; с предисл. П.Б. Ганнушкина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 400 с.: ил. М.О. Гуревич возглавлял группу врачей в Институте дефективных детей, обследовавшую в 1919 году четырнадцатилетнего монастырского келейника Ивана Волкова, «жертву» на суде над епископом Палладием по делу о «педерастии».

[45] См.: *Рожановский, В.А.* Судебно-медицинская экспертиза в дореволюционной России и в СССР... 1927. С. 75; *Юдин, Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии... 1951. С. 372, 406.

[46] См.: *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийцгомосексуалисток... 1926. С. 105–106. Н.Г. Холзакова, как и М.О. Гуре-

вич, состояла в команде врачей, обследовавших мальчика И. Волкова по делу епископа Палладия. Ее карьеру трудно реконструировать. В 1930-х годах она опубликовала одну работу по шизофрении с историей болезни взрослого мужчины. Здесь вскользь был упомянут эпизод «содомии», см.: *Холзакова, Н.Г.* Частичная утрата (стойкое снижение) трудоспособности при шизофрении // Проблемы пограничной психиатрии: (Клиника и трудоспособность) / Ин-т экспертизы трудоспособности ВЦСПС (директор Р.М. Гладштейн; Моск. невро-психиатрический ин-т им. П.Б. Ганнушкина (директор С.В. Крайц); Под редакцией проф. Т.А. Гейер. М.; Л.: Гос. изд-во биолог. и мед. лит., 1935. С. 50–73.

[47] В середине 1920-х годов Е.К. Краснушкин испытывал наиболее сильное влияние М. Хиршфельда. Сексуальная промежуточность и однополое влечение рассматривались советским психиатром в терминологии, подобной той, что ввел М. Хиршфельд; см.: *Краснушкин, Е.К.* Судебно-психиатрические очерки... М., 1925. С. 47–48 [«Между крайними типами женственности и мужественности — бесконечный ряд переходных смешанных типов, сексуальный и психофизический склад которых, с точки зрения ходячего понимания нормы, является противоестественным» — цитата из неуказанного Е.К. Краснушкиным произведения М. Хиршфельда]; *Он же.* То же // Краснушкин, Е.К. Избранные труды... М., 1960. С. 114–115 [«Эти типы людей Магнус Гиршфельд, современный знаток науки о половых извращениях, называет трансвеститами по их ярко выраженной и нередко встречающейся у них склонности переодеваться в одежду противоположного им пола»].

[48] *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 105–106.

[49] См.: *Краснушкин, Е.К.* К психологии и психопатологии половых правонарушений... 1927. С. 14, 18.

[50] См.: *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 6–8. Н.П. Бруханский составил заключение по одному из двух дел, рассмотренных в Институте судебно-психиатрической экспертизы им. проф. В.П. Сербского. Дело это — убийство в 1924 году Валентиной П. Ольги Щ. — описано Е.К. Краснушкиным и Н.Г. Холзаковой.

[51] *Бруханский, Н.П.* Судебная психиатрия... 1928. С. 77.

[52] *Соловцова, А.С., Орлов, Н.Ф.* Гомосексуализм и реакция д-ра Манойлова... 1927. С. 547.

[53] См.: Там же. С. 545–546. Вклад А.С. Соловцовой в эту статью представляет собой отдельный отчет по анализам крови, взятой у двадцати человек с «половыми аномалиями» (от интерсексуального состояния до психосексуальных вариаций, главным образом гомосексуальности). О социальном происхождении или историях этих людей она ничего не сообщает. См. другое исследование подобного рода: *Лившиц, Р.И.* Реакция д-ра Манойлова как показатель нарушения секреторной функции половых желез при сексуальных преступлениях... 1925. № 2. С. 11–14.

[54] См.: *Herzer, M.* Magnus Hirschfeld... 1992. С. 44–45.

[55] В публикациях этих ученых ничего не говорится о визите М. Хиршфельда, нет об этом событии упоминаний и в архивных документах Комиссариата здравоохранения.

[56] См.: *Malmstad, J.E., Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin: A Life in Art... 1999. P. 348. В дневнике М.А. Кузмин писал, что М. Хиршфельд «страстно желал познакомиться» с ним, но взаимопонимание едва ли было возможно, поскольку поэт был совершенно равнодушен к любым разговорам на тему гомосексуальности. В научном ежегоднике М. Хиршфельда отмечалось, что до 1914 года произведения М.А. Кузмина находили сочувственный отклик в немецкой прессе; см., напр.: Jahrbuch für Sexuelle Zwischenstufen. Leipzig, 1914. Jahrg. 14. S. 69–70.

[57] В 1919 году Психоневрологический институт был переименован в Психорефлексологический (см.: *Юдин, Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии... 1951. С. 125, 128, 405; *Никифоров, А.С.* Бехтерев... 1986. С. 234–244).

[58] См.: *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 644–746.

[59] В 1974 году появился учебник по женской сексуальной патологии для психиатров и гинекологов, объемом в 183 страницы и тиражом 100 тысяч экз.; см.: *Свядощ, А.М.* Женская сексопатология... 1974.

[60] См.: *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 671, 745–746.

[61] См.: Там же. С. 656–661.

[62] Ученик В.М. Бехтерева, Виктор Петрович Осипов (1871–1947), руководил Ленинградским институтом изучения мозга начиная с 1929 года, вплоть до своей смерти; см.: *Wortis, J.* Soviet Psychiatry... 1950. P. 190. В начале 1920-х годов В.П. Осипов более благосклонно, чем его учитель, относился к эндокринологическим объяснениям гомосексуальности, также он гораздо выше, нежели В.М. Бехтерев, ценил З. Фрейда. См.: *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923; *Он же.* Руководство по психиатрии... 1931.

[63] Издавался с 1910 по 1914 год (см.: Психотерапия: Обозрение вопросов психическаго лечения и прикладной психологии,: журнал / издаваемый при участии М.М. Асатиани, А.Н. Бернштейна, Ю.В. Каннибаха, Н.Е. Осипова, О.Б. Фельцмана,; под редакцией Н.А. Вырубова. [М.: Н.А. Вырубов], 1910–[1915]. 1910–1913 гг. – по 6 номеров в год; 1914 г. № 1 – последний № 5–6 [1915]). Рассуждения на тему «гомосексуальности» в связи с дискуссией о написанной З. Фрейдом биографии Леонардо да Винчи (1452–1519) см.: *В.С.* З. Фрейд о Леонардо-да-Винчи: [Рец. на изд.: Freud, Zigmund (1856–1939). Eine Kindheit-Serinnerung des Leonardo da Vinci, / von Sigm. Freud. Leipzig [etc.]; F. Deuticke, 1910. 71 S., front.] / В.С. [псевд.] // Психотерапия... [М.], 1911. Год второй, № 4–5. С. 195–203 (Обзоры).

[64] См.: *Miller, M.A.* Freud and the Bolsheviks... 1998. P. 88–92.

[65] См.: *Эткинд, А.М.* Эрос невозможного: история психоанализа в России... 1993.

[66] В России различались «большая психиатрия», имевшая дело с различными видами безумия (шизофренией и другими расстройствами, требующими длительного лечения) и «малая психиатрия». Аналогичные деления наблюдались в Германии, Франции и Америке; см.:

Werlinder, Henry. Psychopathy... 1978. Ch. 4, 5; *Lunbeck, E.* The Psychiatric Persuasion... 1994. P. 46–47.

[67] См.: *Эткинд, А.М.* Эрос невозможного... 1993. С. 137–139. В.М. Бехтерев был более категоричен по отношению к З. Фрейду, чем П.Б. Ганнушкин, хотя бы в силу того, что возглавлял Институт рефлексологии.

[68] До 1914 года Е.К. Краснушкин и Л.М. Розенштейн посещали пятничные семинары по психоанализу; см.: *Ljunggren, Magnus.* The Psychoanalytic Breakthrough in Russia on the Eve of the First World War // Russian Literature and Psychoanalysis / ed. D. Rancour-Lafferière. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 1989. P. 184; *Райх, Вильгельм.* Психоанализ как естественнонаучная дисциплина / В. Рейх // Естествознание и марксизм... 1929; *Он же.* То же: доклад В. Рейха... 1929. Мнение В. Райха о большой популярности психоанализа в Советском Союзе не встретило поддержки ни там, ни в Европе; см.: *Miller, M.A.* Freud and the Bolsheviks... 1998. P. 91–92.

[69] См.: *Розенштейн, Лев Маркович* (1884–1934). Психиатрическая Германия: (Краткий отчет по научной командировке) Л.М. Розенштейна // Советская медицина в борьбе за здоровые нервы: сборник статей и материалов / Лечебный отдел и невро-психиатрический диспансер Наркомздрава РСФСР; под ред. А.И. Мискинова, Л.М. Розенштейна и Л.А. Прозорова. Ульяновск: Издание Ульяновского комбината ППП, 1926. С. 191–199 (на с. 191). Артур Кронфельд эмигрировал в СССР в 1936 году, позднее совместно с М.Я. Серейским занимался проблемой «мягкой» шизофрении; см.: *Kittel, I.-W.* Zur historischen Rolle des Psychiaters und Psychotherapeuten Arthur Kronfeld in der frühen Sexualwissenschaft... 1989. S. 33–34.

[70] В отчетах института за 1928–1929 годы «вопросы половой жизни» рабочих помещались на пятое место из шести пунктов их психогигиены; одновременно планы обучения пионервожатых включали в себя занятия по детской сексуальности и половому просвещению (см.: ГАРФ. Ф. А406. Оп. 12. Д. 2734. Л. 8–9).

[71] См.: *Winter, E.* Red Virtue... 1933. P. 169. Элла Уинтер посетила Россию, по-видимому, накануне издания своей книги.

[72] См.: *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. Киевский психиатр А.К. Судомир, руководствовавшийся в работе психоаналитическими концепциями, пришел к выводу, что «становится очевидной невозможность отыскать единое психологическое понимание сущности гомосексуальности» (*Судомир, А.К.* К казуистике и сущности гомосексуальности... 1927). И.С. Сумбаев, доцент Иркутской психиатрической клиники Восточно-Сибирского медицинского института, не упоминая открыто о психоанализе, говорил о «языке бессознательного» и «"глубинных слоях" психики» в связи с применявшейся им техникой свободных ассоциаций, см.: *Сумбаев, И.С.* К психотерапии гомосексуализма... 1936. № 3. С. 59–68 (цитаты на с. 59, 67). В этой статье, посвященной «психотерапии гомосексуальности», ничего не говорится о рекриминализации мужеложства двумя годами ранее этой публикации.

[73] Детальное описание этого случая см.: *Healey, D.* Evgeniia/Evgenii... 1997. P. 83–106. О З. Фрейде и гипнозе см.: *Эткинд, А.М.* Эрос невоз-

можного... 1993. С. 143; мнение З. Фрейда о гомосексуальности см.: *Weeks, J.* Sexuality and Its Discontents... 1985. P. 149–156.

[74] По меньшей мере десять ярчайших психиатрических случаев с участием изрядного числа персонажей освещалось в советских медицинских журналах и монографиях; см., напр.: *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 355–356, 365 (два случая); *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925 (одна история болезни с рядом партнеров); *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1925 (одна история болезни); *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926 (две истории болезни двух пар женщин; одна пара описана Н.П. Бруханским); *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927 (одна история болезни); *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 53–65 (две истории болезни с двумя парами женщин); *Рясенцев, В.А.* Два случая из практики. 1. Гомосексуализм?... 1925. С. 152–156 (один из них рассмотрен Н.П. Бруханским); *Киров, Я.И.* К вопросу о гетеротрансплантации при гомосексуализме... 1928 (один случай); *Краснушкин, Е.А.* Преступники-психопаты... 1929. С. 11–12 (одна история болезни). Описание биологом женщины, осужденной в Ленинграде за «однополое влечение» и растрату, см.: *Лившиц, Р.И.* Реакция д-ра Манойлова... 1925. С. 13. В сексологических исследованиях и педагогической литературе того периода встречаются также рассказы об отдельных «гомосексуалистках».

[75] *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 365.

[76] *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1925. Стб. 1919.

[77] *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 59–60.

[78] См.: *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 107, 112, 115; *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 273–274.

[79] Из десяти случаев, упоминаемых в примеч. 74 к наст. главе, пять — с участием женщин, которые вели себя подобно мужчинам.

[80] Имеются в виду Евгения Федоровна М. (описанная А.О. Эдельштейном), П.А. (описанная Н.И. Скляром) и женщина-солдат (описанная В.П. Осиповым). Другими мужеподобными женщинами были почтальон Феодосия П. (описанная Н.П. Бруханским) и нэпманша Александр Павлович (описанная А.П. Штессом).

[81] См.: *Гельман, И.Г.* Половая жизнь современной молодежи... 1923. С. 119.

[82] Напр., нэпманша А.П. Штесса и двадцатишестилетняя особа, угодившая в тюрьму за растрату, носившая мужскую одежду и имевшая «мужскую манеру держаться» (*Лившиц, Р.И.* Реакция д-ра Манойлова... 1925). О взгляде криминолога на «активную» «гомосексуалистку» см.: *Оршанский, Л.Г.* [Половые преступления]... 1927. С. 41–90.

[83] См.: *Pinnow, K.M.* Making Suicide Soviet... 1998. P. 178–195. О похожих взглядах на женскую мастурбацию см.: *Залкинд, А.Б.* Половое воспитание... 1928. С. 47; о женской преступности см.: *Бруханский, Н.П.* Судебная психиатрия... 1928. С. 13.

[84] *Семашко, Н.А.* Нужна ли «женственность»... 1924. С. 205–206.

[85] См.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 8–27.

[86] См.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 132, 164 [см. рус. пер.: с. 138, 171].

[87] См.: *Бехтерев, В.М.* Лечение внушением превратных половых влечений и онанизма... 1898. С. 1–11; *Он же.* О половых извращениях, как патологических сочетательных рефлексах... Оттиск. [Пг., 1915]. С. 1–26. Подобное молчание о женоподобности отличает и две другие истории болезни, см.: *Лясс, С.А.* Извращение полового влечения... 1898. Редкое описание «юноши», «старавшегося быть женоподобным», см.: *Ковалевский, Павел Иванович* (1849–1923). Судебная психиатрия: Курс, читанный в С.-Петербургском Университете / Проф. И.П. Ковалевский. Издание второе, измененное. С.-Петербург: Издание журнала «Русский Медицинский Вестник»: Тип. М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1902. 239, [1] с. (на с. 125). На обл.: (Судебная психопатология. Том III: Судебная психиатрия).

[88] См.: *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 354–355.

[89] См.: *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 309–317.

[90] См.: *Г.Р.* Процессы гомосексуалистов... 1922; *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 171; *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. В Гражданскую войну в городе Каменец-Подольске вызывающе женоподобный гомосексуальный мужчина, известный как Каролина Ивановна, был арестован ЧК (по подозрению в неблагонадежности) уже после того, как порвал с пятью прежними любовниками, поддерживавшими недолгий националистический режим Петлюры на Украине. Городской милицией Курска Каролина был помещен в психиатрическую лечебницу. «Милиционер, сопровождавший больного, ничего объяснить не мог», и психиатр наблюдал пациента в течение трех недель, после чего дал заключение (по Р. фон Крафт-Эбингу), что при столь «глубокой степени вырождения» никакие изменения к лучшему невозможны (см.: *Высотский С.П.* Случай превратного полового чувства... 1921. № 6–7. С. 9–11).

[91] См.: *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 66–69; *Ленц, А.К.* Криминальные психопаты (социопаты)... 1927. С. 45–46.

[92] В 1869 году некий петербургский дантист следующим образом выразился о педерасте-вымогателе: «Я понял, <...> что он готов себя предложить для мужеложства; это было понятно из его обращения со мною, которое имело вид женской любезности» (*Мержеевский, В.О.* Судебная гинекология... 1878. С. 254). Ассоциация женоподобия с му-

желожством отвечала европейским представлениям; о женоподобии В.О. Мержеевский практически не упоминает, но сексуальные роли разделены им отчетливо на активную (мужскую) и пассивную (женскую). Напр., банщик рассказывает: «<...> когда придет [мужчина-клиент,] желающий заниматься этим <...> или ляжет со мною как с женщиной, или прикажет мне сделать с ним как с женщиной, но только в задний проход» (Там же. С. 238).

93 *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925. С. 170.

94 *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 50. Об анальном сношении гомосексуалов В.П. Осипов писал: «Подобно тому, как при нормальном половом влечении одна сторона играет активную, а другая – пассивную роль, то же встречаем и среди педерастов с тою разницей, что при естественных условиях активная роль принадлежит мужчине, а пассивная – женщине; здесь же обе роли выполняются мужчинами» (*Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 170).

95 См. описание под термином «употреблять» в изд.: *Drummond, D.A., Perkins, G.* Dictionary of Russian Obscenities / compiled by D.A. Drummond and G. Perkins. Second, revised edition. Berkeley (CA): Berkeley Slavic Specialties, 1980 (Printed in the United States of America). 79, [1] p.; 13 × 11 см. Парал. тит. л. на рус. языке на с. 3: Словарь нецензурных слов / составили D.A. Drummond и G. Perkins. Второе, исправленное издание. Беркли, 1980. На обороте тит. л. – адрес фирмы-распространителя: Scythian Books Oakland, California. На с. 64: «употреби́ть, -блю́, -би́т; употребля́ть, -я́ю, -я́ет». 1st ed. 1979; 3rd rev. ed. 1987 (на с. 77). Архивные документы следствия и суда, состоявшегося в 1941 году, показывают, что именно в этом смысле обвиняемые употребляли глагол «использовать»; см., напр.: Дело Андреевского и двух других (1941 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 51. Л. 29, 108об.).

96 «“Мужеложство” и “противоестественное” сношение извращают “правильные” отношения тем, что ставят женщину в доминирующую, “мужскую”, позицию, или другого мужчину – в пассивную, “женскую”, позицию» (*Levin, Eve R.* Sexual Vocabulary in Medieval Russia // Sexuality and the Body in Russian Culture... 1995. P. 45).

97 В случае с пациентом, который делает банщику феллацию, «<...> точнее говоря, банщик должен был его употреблять в рот...» (*Бехтерев, В.М.* Лечение внушением превратных половых влечений и онанизма... 1898. С. 8).

98 Напр.: «Я поддался на его уговоры, и мы совершили половой акт. Сначала я выполнил роль женщины, а затем – он» (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 51. Л. 16; см.: Дело Андреевского и двух других (1941 г.)); «Мы с ним сблизились и затем совершали акты мужеложства. <...> Сначала он использовал меня, а затем – я его» (Там же. Л. 57–58); см. также в полной записи дела: Там же. Л. 29, 57об., 100, 108об.; «Павлов, для которого активная роль физически исключена [из-за полученной на войне раны], был объектом Шелгунова, но вместе с тем свои активные

стремления он осуществлял в духовных связях с Шелгуновым, который в этом плане играл роль женщины» (ЦМАМ. Ф. 819. Ор. 2. Д. 11. Л. 241–242; приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.)).

[99] См.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 63–64; *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 56; *Осипов, В.П.* Курс общего учения... 1923. С. 354–355; *Ленц, А.К.* Криминальные психопаты (социопаты)... 1927. С. 45.

[100] Позднейший пример десексуализированного мужского гомосексуала см.: *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 66–69; а также случай «латентного гомосексуалиста» (редкое, одно из первых использование термина в России), описанный в изд.: *Сумбаев, И.С.* К психотерапии гомосексуализма... 1936. С. 59–68. В обоих случаях психиатр испытывал, по-видимому, симпатию к пациенту, подавлявшему в себе извращенные порывы или вставшему на путь выздоровления.

[101] См. также: *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. С. 9 (случай с пациенткой Александром Павловичем, «ее первой любовной связью с одной из бывших подруг – Альгой, но их отношения были вскоре расстроены выходом последней замуж»); *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 274 (случай с С. и ее [т. е. С.] связь с сотрудником-мужчиной); *Краснушкин, Е.К.*, *Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 117 (решение Ольги Щ. выйти замуж подтолкнуло Валентину П. убить ее).

[102] См.: *Краснушкин, Е.К.*, *Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 105–120 (две маскулинизированные гомосексуалки отправили на тот свет своих партнерш); *Штесс, А.П.* Случай женского гомосексуализма... 1925. С. 9 (пациентка избивает партнершу, и та попадает в больницу); *Киров, Я.И.* К вопросу о гетеротрансплантации при гомосексуализме... 1928. Стб. 1588 (пациентка презирает «баб», которых сама же и домогается).

[103] *Краснушкин, Е.К.*, *Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 116.

[104] По мнению этого психиатра, такого рода приступы провоцировались эпилепсией или дегенеративной невропатией (см.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 27–31).

[105] См.: *Бехтерев, В.М.* Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии... 1922. С. 731–734, 739.

[106] См.: *Бехтерев, В.М.* Лечение внушением превратных половых влечений и онанизма... 1898. С. 1–11; о сомнениях в случаях, связанных с женоподобностью, см.: *Он же.* Об извращении и уклонении полового влечения с рефлексологической точки зрения... 1926. С. 293–325. В.П. Протопопов описывает одного мужественного матроса, который «сходился и с мужчинами, любил их, особенно если попадется ему женоненавистник, по внешности мужественного вида и не изображающий из себя женщины». Его «педерастию» В.П. Протопопов объяснял сугубо однополым окружением во время морских плаваний и считал,

что при встрече с женщинами такие мужчины в состоянии возобновлять гетеросексуальные отношения; см.: *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922. С. 51, 56.

[107] См.: *Ленц, А.К.* Криминальные психопаты (социопаты)... 1927. С. 21, 45–46.

[108] В психиатрических изданиях Советской России (журналах, сборниках, монографиях 1920-х годов) появилось приблизительно 47 историй болезни мужчин-гомосексуалов (с учетом 17 из 95 задержанных в петроградском «клубе педерастов» в 1921 году); см.: *Бехтерев, В.М.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов... 1925 (семь дел); *Протопопов, В.П.* Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма... 1922 (десять дел). После 1923 года психиатрические случаи мужской гомосексуальности описывались в основном в изданиях по судебной медицине – здесь речь шла о преступниках, обычно молодых людях, чья сексуальность обсуждалась в контексте беспризорности или социальной опеки.

[109] По-видимому, только одному советскому психиатру – В.М. Бехтереву удалось собрать обширную коллекцию анекдотических данных (большинство датировано временем до 1917 г.), чтобы добиться признания себя крупнейшим авторитетом в области половых девиаций.

[110] См.: *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 356.

[111] См.: *Бехтерев, В.М.* Об извращении и уклонении полового влечения с рефлексологической точки зрения... 1926; *Краснушкин, Е.К.*, *Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926; *Квинт, Л.*, *Гешвандтнер, Р.* Про гермафродитізм і гомосексуалізм // Український медичний архив... 1927. Т. 1, зош. 2–3. С. 1–19; *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927; *Судомир, А.К.* К казуистике и сущности гомосексуальности... 1927; *Соловцова, А.С.*, *Орлов, Н.Ф.* Гомосексуализм и рекция д-ра Манойлова... 1927.

[112] О работах М. Хиршфельда см.: *Steakley, James D.* Per scientiam ad justitiam: Magnus Hirschfeld and the Sexual Politics of Innate Homosexuality // Science and Homosexualities... 1997. P. 134–154. Комитет США представил отчет: *Henry, George William* (1889–?). Sex Variants: A Study of Homosexual Patterns: [in 2 v.] / by George W. Henry, M.D.; with sections contributed by specialists in partirular fields, sponsored by Committee for the study of sex variants, inc. ...; with 66 illustrations and 80 family charts. N.Y.; L.: P.B. Hoeber, inc., [1941]. 2 vol.; о деятельности этого Комитета см.: *Terry, J.* An American Obsession: Science, Medicine and Homosexuality in Modern Society... 1999. Ch. 6.

[113] Об использовании социальной гигиеной анкет для изучения сексологических проблем и проституции см.: *Solomon, S.G.* The Expert and the State in Russian Public Health... 1994. P. 202. Об исследованиях судебными психиатрами и статистиками самоубийств см.: *Pinnow, K.M.* Making Suicide Soviet... 1998.

[114] Об этом соображении в преломлении к судебной медицине см.: *Pinnow, K.M.* Making Suicide Soviet... 1998. Ch. 2 («Cutting and Counting

the Suicide: The Individual and the Social Body in Soviet Forensic Medical Practice»). В 1920-х годах медицинское образование всячески поддерживало идеал «врача-социолога»; см.: *Solomon, S.G.* The Expert and the State in Russian Public Health... 1994.

[115] «В нашем распоряжении был достаточно уже поживший самец резус, за состояние семенников которого в смысле их функционального состояния нельзя было поручиться» (*Завадовский, М.М.* Исследование семенника гомосексуалиста... 1931. Т. 6. С. 66).

[116] *Киров, Я.И.* К вопросу о гетеротрансплантации при гомосексуализме... 1928. Стб. 1589. Два ташкентских хирурга писали, что возможность «достать соответствующий материал для пересадки [от человека]» (имеется в виду ткань яичек) представляется редко, при этом они настаивали, что технически «терапия гомосексуализма» находится в зоне досягаемости хирургии. Оставалось преодолеть лишь немногие «технические неудачи» при операциях, см.: *Захарченко, М.А., Перешивкин, Н.С.* По поводу хирургического лечения гомосексуализма у мужчин... 1930. Т. 11. С. 24–29.

[117] И западные, и советские исследования половых гормонов человека производились в родильных домах, поскольку гормоны брались у будущих рожениц. О голландском исследовании см.: *Oudshoorn, N.* Beyond the Natural Body... 1994. Советские исследования гормонов, выделенных из мочи беременных женщин, привели к производству «гравидана», созданного Алексеем Андреевичем Замковым, с 1933 по 1937 год директора московского НИИ урогравиданотерапии. Были сделаны тысячи инъекций гравидана, в том числе Максиму Горькому (1868–1936), Кларе Цеткин и члену Политбюро Валериану Владимировичу Куйбышеву (1888–1935) (см.: *Золотоносов, М.Н.* Мастурбанизация... 1991. С. 97; *Naiman, E.* Sex in Public... 1997. P. 290–291).

[118] «Несчастных» гомосексуалов М. Хиршфельд направлял к Рихарду Мюзаму (Mühsam, Richard; 1872–?), производившему операции по пересадке яичек. Около 1926 года Р. Мюзам прекратил операции, поскольку они имели только временный успех. В конце 1920-х годов М. Хиршфельд неохотно признал, что в начале десятилетия возможности терапии по пересадке желез были «чрезмерно переоценены» (см.: *Sengoopta, Ch.* Glandular Politics... 1998. P. 465–466, 468–469).

Глава 6

[1] История советских антирелигиозных кампаний еще требует изучения. О взглядах духовенства см.: *Pospielovsky, Dimitry V.* (1935–). A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer: [in 3 vol.]. N.Y.: St. Martin's Press, 1987. Vol. 1; Basingstoke (UK): Macmillan, 1988. Vol. 2, 3. Первые светские интерпретации этой темы на основе опубликованных источников см.: *Curtiss, J.S.* The Russian Church and the Soviet State, 1917–1950... 1965. О новых архивных материалах из Москвы и Ярославля см.: *Peris, Daniel.* Storming the Heavens: The Soviet League of the Militant Godless. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1998. Превосходный обзор,

посвященный сопротивлению этим кампаниям, см.: *Husband, William B.* Soviet Atheism and Russian Orthodox Strategies of Resistance, 1917–1932 // Journal of Modern History. Chicago, 1998. Vol. 70, № 1. P. 74–107.

[2] Секс как одна из тем в агитационном атеистическом движении заслуживает отдельного исследования. Первые выпуски журнала этого движения распространяли истории о монастырских кладовых, ломящихся от зерна и вина, о сексуальных аппетитах монахов и настоятельниц. У одного архимандрита обнаружили наряду с запасами изысканных кушаний «несколько десятков весьма нецензурных открыток». Священнослужители «развращали детей» и «устраивали оргии» в монастырях. После закрытия женских монастырей проводилась эксгумация детских скелетов (см.: Под флагом религии / Без подписи // Революция и церковь: Ежемесячный журнал / [ред. П.А. Красиков]. М.: Издание [VIII Отдела] Народного Комиссариата Юстиции, 1919 г. № 1. С. 22–28 (указанные факты см. на с. 26 в параграфе «За монастырской стеной»)). В 1920-х годах «Безбожник» (М., 1922–1934, 1938–1941), официальная газета Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР, писал о сексуальности в связи с проблемами социальной гигиены (делая акцент на продолжении рода и прежде всего – на новых открытиях, связанных с половыми железами). После Гражданской войны рассказы о половом разврате среди церковников переместились на последнюю страницу в колонку судебных репортажей. Местная антирелигиозная пресса, более популистская по тону (вроде московского журнала «Безбожник у станка»), наполнилась инсинуациями и лицемерием. В начале 1920-х годов Комиссариат юстиции также публиковал еженедельные отчеты о преступлениях в церковных кругах. О точке зрения на «половые преступления» как «профессиональные» для монахов и духовенства см.: *Шейнман, М.М.* Религиозность и преступность... 1927. С. 50–58.

[3] *Н.П.* Монахи пред судом в роли развратителей... 1922. С. 14.

[4] См.: *С.Н.* Монастыри – притоны разврата – при свете советского суда: Процесс архимандрита Сергия, настоятеля Сретенского монастыря в Москве... 1922. С. 19. В этом деле, рассматривавшемся судом как показательное в рабочем клубе в Москве в конце мая 1922 года (накануне введения нового Уголовного кодекса), архимандрит Сергий был официально обвинен только в нанесении «легких побоев», «поскольку Куртасова (его жертва. – *Ред.*) – взрослая женщина», добровольно вступившая с ним в половую связь. Несмотря на слабость обвинения, суд продолжался два дня и разоблачил «чудовищную утонченность» полового разврата Сергия. О превалировании гетеросексуальных дел см.: *Шейнман, М.М.* Религиозность и преступность... 1927. С. 52–55.

[5] См.: *Fitzpatrick, Sh.* Ascribing Class... 1993. P. 745–770. О сталинской конституции см.: *Getty, J.A.* State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s... 1991. P. 18–35.

[6] *Н.П.* Монахи пред судом в роли развратителей... 1922. С. 14.

[7] Там же.

[8] Такой метод защиты был, возможно, придуман в 1927 году ленинградским дьяконом во время показательного суда. Он, по-видимому,

заявил, что сам является «жертвой» (что не было доказано), см.: *Х-ов, Ал.* Дело «святой троицы»: (Показательный процесс в Охтенском Доме Просвещения в Ленинграде / Ал. Х-ов // Безбожник: газета Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. М., 1927. 4 сент. (№ 36 (238)). С. 3. Никакой информации о заявлениях защиты в делах об однополых сексуальных связях в среде духовенства нет и в изд.: *Петрова, К.* Процесс дьякона Ткаченко (г. Владикавказ) // Безбожник: газета. М., 1927. 16 окт. С. 5; *Она же.* Святые развратники // Там же. 1928. 12 нояб. С. 6; *У-в, Ф.* Их культура // Там же. 1930. 20 дек. С. 8.

[9] «Он, по свидетельству эксперта проф. Оршанского, психически здоров. Имеется лишь старческая извращенность, распущенности в сильной степени» (*Х-ов, Ал.* Дело «святой троицы»... С. 3). Это означало, что обвиняемый не был половым психопатом, чьи трансгрессивные действия являлись следствием болезни. Таким образом, обвиняемый подлежал и моральному осуждению, и уголовной ответственности. Л.Г. Оршанский был широко начитан в западной сексологии и имел публикации в этой сфере (см.: *Оршанский, Л.Г.* [Половые преступления]... 1927. С. 41–90).

[10] «Открытые» процессы проходили обычно в залах суда, как правило, крайне неуютных, «показательные» же суды часто устраивались в местах общественных празднеств – рабочих клубах, театрах и домах просвещения. О подобных примерах использования правосудия для продвижения ценностей большевизма см.: *Kotkin, S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization... 1995. P. 256–258.

[11] См.: *Петрова, К.* Процесс дьякона Ткаченко... 1927. С. 5.

[12] Там же.

[13] *Х-ов, Ал.* Дело «святой троицы»... 1927. С. 3. Сексуальные развратные действия имели место с мальчиками в возрасте от пяти до тринадцати лет и с девочкой десяти лет.

[14] На показательном процессе 1930 года над лицом духовного звания по обвинению в лишении девственности шестнадцатилетней девочки суд приговорил его к пяти годам тюремного заключения с запрещением проживать в Московской области в течение пяти лет после освобождения; см.: *Рубцов.* По заслугам // Безбожник: газета. М., 1930. 6 янв. С. 8.

[15] *Петрова, К.* Процесс дьякона Ткаченко... 1927. С. 5. Хотя в процессе следствия было установлено, что сифилис Ткаченко давно уже перестал быть заразным, утверждение, что во время церковной службы священнослужитель представляет опасность для прихожан (из-за пользования общей посудой), оставалось в силе. Дьякон был приговорен к четырем месяцам «принудительной терапии», прежде всего – к лечению от сифилиса.

[16] Толчком к вступлению в эту дискуссию Е.М. Ярославского и других послужил, видимо, выход на советские экраны венгерского двухсерийного кинофильма «Содом и Гоморра»; см. рекламу к этой картине в Петрограде: Красная газета. Пг., 1923. 22 апр. С. 7.

[17] См.: *Ярославский, Е.М.* Содомитские грешники и содомитские праведники... 1933. Т. V. С. 114–118. Первоначально статья была опуб-

ликована в газете «Безбожник» 22 апреля 1923 года. Дэниел Перис противопоставлял «культурологический» подход Е.М. Ярославского яростному стилю его оппонентов. Е.М. Ярославский считал, что секуляризация будет долгим образовательным процессом и атеистическому движению потребуются лидеры с широкими историческими, культурными и научными познаниями. См.: *Peris, Daniel.* Storming the Heavens... 1998. P. 50–51 [см. гл. 6, примеч. 1].

[18] РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 6. Л. 119–121 (заметки Е.М. Ярославского о контактах с П. Маслянковским). В оригинальной статье Е.М. Ярославского с сарказмом используется сексуальная коннотация употребленного Лотом глагола «познать». Следуя «обычаям гостеприимства», он предложил содомитам своих дочерей-девственниц вместо прилетевших ангелов.

[19] *Ярославский, Е.М.* В защиту библии и против содомлян // Безбожник: газета. М., 1923. 9 мая (№ 20). С. 3. При перепечатке в 1933 году текст подвергся редактуре, пять предложений четвертого абзаца воспроизведены не были; см.: *Ярославский, Е.М.* В защиту библии и против содомян // Ярославский, Е.М. Против религии и церкви: [в 5 т.] / Е.М. Ярославский. М.: Гос. антирелигиозное изд-во ОГИЗ, 1933. Т. V: Библия для верующих и неверующих. Ч. V: Книга Судей. С. 370–371.

[20] См.: *Логинов, Антон.* Содом и Гоморра... 1923. № 8. С. 10–11: ил. Сопровождавшие текст сатирические рисунки Дмитрия Стахиевича Моора (наст. фамилия: Орлов, Д.С.; 1883–1946) изображали Лота и ангелов дородными и трусливыми созданиями; содомиты и их «омерзительные» сексуальные наклонности изображены не были. Об агрессивно «интервенционистском» стиле кампании, проводившейся «Безбожником у станка», см.: *Peris, D.* Storming the Heavens... 1998. P. 50–51 [см. гл. 6, примеч. 1].

[21] Первый УК Азербайджанской ССР был принят в декабре 1922 года и введен в действие 1 февраля 1923 года; в отличие от УК РСФСР, азербайджанский УК запрещал мужеложство; см.: История государства и права Азербайджанской ССР: [в 2 ч.] / АН Азербайджанской ССР, Ин-т философии и права; Азербайджанский гос. ун-т им. С.М. Кирова, Юрид. фак.; [ред.: М.С. Халафов и др.]. Баку: Изд-во «ЭЛМ», 1973. [Ч. 2: апрель 1920–1934]. С. 373 («УК Азерб. ССР предусматривал такие преступные деяния, как мужеложство <...>, которых не было в УК РСФСР». Автор текста – д-р юрид. наук Иса Паша Оглы Мамедов). О том, что к 1928 году «статья за мужеложство» существовала и в Советской Грузии, см.: *Краттер, Ю.* Руководство судебной медицины... Часть IV: Судебная сексология... 1928. Кн. 10. С. 58 [паг. 2-я; «Уг. Код. РСФСР ни содомии, ни педерастии (мужеложество (*sic*!)) не предусмотрено, но в некоторых Уг. К. Союзных республик, напр. в Грузинской, имеется статья о мужеложестве». – *Подстрочное примеч. редактора Я.Л. Лейбовича*].

[УК ССР Грузии был введен с 5 декабря 1922 года. В гл. V «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности», раздел 4 «Преступления в области половых отношений» вошла [ст.] 171:

«Извращенное удовлетворение половой страсти в форме педерастии за исключением случаев, означенных в ст. 170 ("половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости..."), влечет за собой для обеих участвующих сторон лишение свободы сроком до одного года. Если же оно сопровождалось насилием или же было совершено с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица, мера социальной защиты в отношении виновного повышается на срок до трех лет» [Постановление ВЦИК от 28 апр. 1924 г., № 90а (СУ 1924 г., № 1, ст. 23); от 6 окт. 1925 г., № 45 (СУ 1925 г., № 3, ст. 68)]; см.: Уголовный Кодекс С.С.Р. Г<рузии>: (с изм. и доп. по 1-е ноября 1925 г.) / Издание Народного Комиссариата Юстиции. Тифлис, 1925. 62. [2] с. (на с. 45)].

[22] Не все республиканские кодексы выносили «преступления в области половых отношений» в отдельную рубрику с подзаголовком, как это было сделано в УК РСФСР 1922 года.

[23] Лучшее исследование института бачей (ед. ч. «бача», мн. ч. «бачи») см.: *Baldauf, I.* Die Knabenliebe in Mittelasien... 1988. Традиция бачей была местным вариантом более общей азиатской модели любви между мужчинами и юношами, о чем см.: *Murray, Stephen O.* The Will Not to Know: (Islamic Accommodations of Male Homosexuality // Islamic Homosexualities... 1997. P. 14—54; *Ibid.* Some Nineteenth-Century Reports of Islamic Homosexualities // Idem. P. 204—221. Об отношении к этому медицины царского времени см.: *Тарновский, В.М.* Извращение половаго чувства... 1884. С. 50—51; *Шварц, А.Л.* К вопросу о признаках привычной пассивной педерастии: (из наблюдений в азиатской части г. Ташкента)... 1906. С. 816—818. О взглядах европейцев см.: *Hirschfeld, M.* Die Homosexualität des Mannes und des Weibes... 1914. S. 600. Об упрощенном взгляде на бачей как простых танцоров см.: *Bacon, Elizabeth E.* Central Asians under Russian Rule: A Study in Culture Change. Ithaca (NY): Cornell University Press. [1966]. P. 88 (XI, 273 p.: ill.). История бачей заслуживает особого исследования под углом «queer studies».

[24] См.: *Дурманов, Н.Д.* Преступления, составляющие пережитки родового быта... 1938. С. 68.

[25] Подобная глава о преступлениях, обусловленных пережитками прошлого, была введена в УК РСФСР в 1928 году. Она касалась неевропейских меньшинств в пределах России (прежде всего в Казахстане, являвшемся до 1936 года автономной республикой в составе РСФСР), но умалчивала о мужеложстве и однополых преступлениях. Первое исследование гендера и «пережитков родового быта», не затронувшие бачей и антимужеложного законодательства, см.: *Massell, G.J.* The Surrogate Proletariat... 1974. О результатах гендерных кампаний внутри узбекской коммунистической партии см.: *Northrop, Douglas.* Languages of Loyalty: Gender, Politics, and Party Supervision in Uzbekistan, 1927—1941 // The Russian Review. Oxford (UK), 2000. Vol. 59, № 2. P. 179—200.

[26] Постановлением ВЦИК от 7 июня 1923 года УК РСФСР 1922 года был дополнен ст. 169а, которая в редакции УК РСФСР 1926 года гласила: «Понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении

коего женщина являлась материально или по службе зависимой, — лишение свободы на срок до пяти лет» (Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства... М., 5 декабря 1926. Отдел первый. № 80. Ст. 600. С. 982 ([ст.] 154)). Статья 278 УК Узбекской ССР (введен с 1 июля 1926 г.) гласила: «Понуждение мужчины к бесакалбазству лицом, в отношении которого потерпевший является материально или по службе зависимым или на попечении которого он находится, влечет за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже одного года» (Уголовный Кодекс Узбекской ССР. [Самарканд]: Юридич. Издат. НКЮ Уз. ССР, 1926 г. С. 43 (Гл. 9: «Местные бытовые преступления (кун, баранта, калым и др.)»). В 1929 году наказание было ужесточено: «<...> лишение свободы на срок до пяти лет» [23 апреля 1929 г., № 79 – СУ 1929 г., № 21, ст. 72]; см.: Уголовный кодекс Узбекской ССР // Уголовное законодательство СССР и союзных республик... / Под ред. проф. С. [т. е. Д.С.] Карева. М., 1957. С. 217. Тот же кодекс статьей 215 запрещал сексуальное домогательство женщин.

[27] См.: Уголовное законодательство СССР... 1957. Ст. 283. Статья 217 УК Узбекской ССР 1926 года запрещала аналогичное преступление против женщин. Ср. ст. 171 и 155 УК РСФСР 1922 и 1926 годов соответственно, запрещавшие сводничество.

[28] См.: Уголовный Кодекс Туркменской С.С.Р. редакции 1927 года. Издание официальное. Ашхабад: Издание Народного Комиссариата Юстиции, 1927. 143, [1] с. Введен в действие с 1 февраля 1928 года. Воспроизведем отдельные статьи гл. VI «Преступление против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»:

Ст. 157. Использование малолетних или несовершеннолетних лиц мужского пола для удовлетворения своих половых потребностей (бачебаство) – лишение свободы со строгой изоляцией на срок до трех лет. Те же действия, сопряженные с похищением малолетних или несовершеннолетних лиц мужского пола для бачебаства, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок до пяти лет.

Ст. 160. Половое сношение между лицами мужского пола, совершенное с применением физического насилия или с использованием беспомощного состояния, материальной или служебной зависимости потерпевшего, – лишение свободы со строгой изоляцией на срок до трех лет.

Ст. 163. Содержание бачей и эксплоатация их в целях наживы, а также притонов для бачебаства – лишение свободы со строгой изоляцией на срок до 6 лет.

Ст. 164. Заключение между отдельными лицами и родителями, родственниками или лицами, на попечении которых находится потерпевший, соглашения в целях бачебаства – в отношении родителей <...> до трех лет, в отношении содержателей бачей <...> до пяти лет.

В 1934 году ст. 160 была введена в новой редакции (см.: Уголовное законодательство СССР... 1957. С. 431). В УК Туркменской ССР 1962 года ст. 157, 163, 164 не вошли. Возможно, практика бачебаства подпольно

продолжалась в исламских регионах РСФСР. Дело в том, что подготовленные в 1920–1940-х годах статистические таблицы обвинительных приговоров включали бачебаство (содержание бачей) в подраздел «Пережитки родового быта» как отдельное преступление, несмотря на его отсутствие в УК РСФСР. В статистических таблицах этот пункт заполнен не был (см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 16. Д. 19. Л. 24–29об.; Там же. Д. 23. Л. 31–34об.; Там же. Д. 27. Л. 41–42об.; Там же. Д. 31. Л. 99–104об.; Там же. Д. 38. Л. 123–126об.).

[29] *Люблинский, П.И.* Преступления в области половых отношений... 1925. С. 132–133.

[30] См.: *Френкель, Е.П.* Половые преступления... 1927. С. 3, 6, 12.

[31] А.А. Жижиленко, например, просто констатировал факт существования подобных различий (см.: *Жижиленко, А.А.* [Половые преступления]: Юридический очерк... 1927. С. 10).

[32] См.: Mitteilungen des Wissenschaftlich-humanitären Komitees, 1926–1933 / ed. F. Pfäfflin. Hamburg, 1985. S. 147.

[33] *Fitzpatrick, Sh.* Cultural Revolution as Class War // Fitzpatrick, Sh. The Cultural Front... 1992. P. 138–139.

[34] См.: Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / ed. by Sh. Fitzpatrick. Bloomington (IN); L.: Indiana University Press, 1978. IX, 309 p.: ill.; *Clark, Katerina.* Petersburg: Crucible of Cultural Revolution. Cambridge (MA); L.: Harvard University Press, 1995. XII, 377 p.

[35] См.: *Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г.* Два случая женщин убийц-гомосексуалисток... 1926. С. 105–120. Оба случая и проблематичное использование термина М. Хиршфельда «трансвестит» для обозначения всех промежуточных сексуальных состояний, включая гомосексуалов, обсуждались в гл. 5 наст. изд.

[36] См.: *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927. С. 273–282; *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 309–317. Критичность В.А. Белоусова в отношении Е.К. Краснушкина видна хотя бы из того, что первый выражает последнему признательность за «ценные указания».

[37] *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 316. Цитируя Эмиля Крепелина, В.А. Белоусов, в отличие от А.О. Эдельштейна, хотя скрыто и соглашался с конституционной предрасположенностью пациента к гомосексуальности, но почти всё внимание уделял социальным факторам, обусловившим «психопатию» Т.П. Подобно А.О. Эдельштейну, В.А. Белоусов тщательно избегал любых упоминаний о предполагаемой связи гомосексуальности с эстетической одаренностью, об исторических личностях-гомосексуалах или о распространенных гомофобных предрассудках, присущих статье 1926 года Е.К. Краснушкина и Н.Г. Холзаковой.

[38] Скептицизм в отношении социальной значимости «гомосексуалистов», неистовое оспаривание их права на существование (в пику апологии гомосексуальности М. Хиршфельда) см. в изд.: *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1925. Стб. 1919–1923 («особой же породы нормальных людей с одной только ненормальной

половой склонностью не существует»). Этот психиатр из Астрахани также был сторонником психопатической этиологии однополой любви.

[39] *Белоусов, В.А.* Случай гомосексуала – мужской проститутки... 1927. С. 317. В.А. Белоусов полагал, что воровство, совершенное тридцатидвухлетним Т.П., – «атрибут определенной фазы его профессии», когда он повзрослел и перестал пользоваться прежним спросом в качестве «мужской проститутки»; этот проступок психиатр ставил в один ряд с кражами, которые совершали «гетеросексуальные проститутки» той же возрастной группы.

[40] См.: *Краснушкин, Е.К.* К психологии и психопатологии половых правонарушений... 1927. С. 17–18; *Он же.* Преступники психопаты... 1929. С. 10–12, 23–25.

[41] Просьба о хирургическом вмешательстве и праве сменить зарегистрированный пол поступила в Москву из татарского Комиссариата юстиции (Татарская АССР являлась автономной республикой в составе РСФСР). В Москве народный комиссар юстиции РСФСР Николай Михайлович Янсон (1882–1938) и коллегия его комиссариата попросила Комиссариат здравоохранения прокомментировать вопросы, поднятые в просьбе гражданина. (В архивах Комиссариата юстиции нет записей об этом деле.) Самый ранний из сохранившихся в документах случай хирургического вмешательства в Европе с целью превращения мужчины в женщину был предпринят в 1930–1931 годах и завершился смертью пациента – голландского художника Эйнара М.А. Вегенера (Wegener, Einar Morgens Andreas (1882/1883–13.08.1931). См.: *Hausman, B.L.* Changing Sex: Transsexualism, Technology, and the Idea of Gender... 1995. P. 15–19. Признанные успешными приемы проведения операций по смене пола были изобретены лишь в конце 1940-х – начале 1950-х годов в Соединенных Штатах и Европе. Судя по сообщениям, советские врачи начали проводить аналогичные операции в 1960-х годах (см.: *Tuller, D.* Cracks in the Iron Closet... 1996. P. 158). Об историях транссексуализма поздней эпохи Советского Союза см.: Частная сексопатология... 1983. Т. 2. С. 53–66; см. также: *Белкин, Арон Исаакович* (1927–). Третий пол: Судьбы пасынков Природы / Арон Белкин. М.: Олимп, 2000 (М.: АООТ «Политех-4»). 429, [3] с.; 21 × 15 см. (Психологическая и психоаналитическая библиотека). В пер.

[42] О посредничестве Я.Л. Лейбовича см.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 575. Л. 1 (Заседания невропсихиатрической комиссии У.М.С., 2/I-1929 г. Протокол № 1). О процедуре, позволявшей гермафродиту после медицинского освидетельствования сменить пол, указанный в документах, см.: Об исполнении записей в регистрационных книгах рождения пола, имени и фамилии гермафродитов: Циркуляр НКВД РСФСР № 146 от 22 апреля 1926 года // Лейбович, Я.Л. Судебная гинекология... 1928. С. 126–127. Там же, на с. 113 – цитата, воспроизведенная в основном тексте.

[43] Неясно, кто заменил термин «гермафродит» на «трансвестит», но президиум поручил секретарю Ученого медицинского совета психиатру Л.Я. Брусиловскому написать отчет для комиссара Н.А. Семашко,

объясняя необходимость в «смешанной комиссии врачей и юристов» для дальнейшей работы с «трансвеститами» (см.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 479. Л. 18об. Заседания президиума У.М.С. 29/I-1929 г.).

[44] См.: *Prosser, J.* Transsexuals and the Transsexologists... 1998.

[45] См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 85; *Эдельштейн, А.О.* К клинике трансвестизма... 1927.

[46] См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 85об. В стенографическом отчете не указывается, какие отрывки Л.Я. Брусиловский зачитывал, но для собственной характеристики Евгения Федоровна М. использовала в «Истории...» несколько терминов (за исключением «трансвестита»): «средний пол», «псевдо-гермафродит», «гомосексуалист».

[47] Н.К. Кольцов, по-видимому, лечил пациента «спермокрином» — лекарством, разработанным Институтом экспериментальной эндокринологии Комиссариата здравоохранения; о рекламе этого продукта см.: ГАРФ. Ф. А406. Оп. 12. Д. 2223. Л. 215 (и рис. 13). Н.К. Кольцов был хорошо знаком с работами Э. Штейнаха по омоложению и публиковал их в своем журнале «Природа»; об этом см.: *Bernstein, F.L.* What Everyone Should Know about Sex... 1998. P. 67—71. В 1917 году этот биолог основал в Москве Институт экспериментальной биологии и оставался его директором до 1939 года; см.: *Adams, Mark B.* Science, Ideology, and Structure: The Kol'tsov Institute, 1900—1970 // The Social Context of Soviet Science / ed. by Linda L. Lubrano and Susan G. Solomon. Boulder (CO): Westview Press; Folkestone: Dawson, 1980. XV, 240 p.

[48] См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 85об. — 86.

[49] В первые годы советской власти статус «гомосексуалистов», служащих в Красной Армии, не был четко определен. До выхода в 1925 году Закона об обязательной воинской службе, призванного регулировать политику призыва, возможно, мало думали о недопущении в армейские ряды сексуальных девиантов. «Положение о воинских преступлениях» 1927 года призывало к «соблюдению правил военной чести и вежливости, а также к уважению личного достоинства военнослужащего». Возможно, это касалось и действий сексуального характера между мужчинами и между женщинами в армии. О призыве в армию см.: *Von Hagen, Mark.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship... 1990. P. 206—210. О принятом ЦИК и СНК СССР 27 июля 1927 года «Положении о воинских преступлениях» см.: *Чхиквадзе, Виктор Михайлович.* Советское военно-уголовное право: допущено М-вом высш. образования СССР в качестве учеб. пособия для юрид. высш. учеб. заведений / Проф. В.М. Чхиквадзе; Военно-Юрид. Академия ВС СССР и Всесоюзный ин-т юрид. наук МЮ СССР. М.: Юрид. изд-во М-ва юстиции, 1948. 451, [1] с. (на с. 357—359).

[50] ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 86.

[51] Там же. Л. 86об.

[52] Об эпидемиологических метафорах при описании дисциплинарных и политических проблем в Красной Армии см.: *Pinnow, K.M.* Making Suicide Soviet... 1998. Ch. 4, 5. Говоря о деморализующем влиянии психопатических личностей в армии, ленинградский военный психиатр использовал выражение «психическая зараза» (см.: *Юрман, Н.А.* Инст-

руктивные материалы по профилактике душевных болезней в Красной Армии... 1930. С. 17). В этих инструктивных материалах говорится лишь раз о половых извращениях — в примерном вопроснике для врачей, осматривающих лиц, обвиненных в «воинских преступлениях»: «Данные о поведении... 5. Сексуальные уклонения (онанизм, половые извращения)» (Там же. С. 32). Противоположных взглядов придерживался смоленский психиатр, полагавший, что «социопсихопаты» могли излечиться благодаря воинской службе; см.: *Пляшкевич, В.И.* Психиатрическая экспертиза военнообязанных // Смоленский гос. университет. Труды психиатрической клиники (Гедеоновка). Смоленск: Издание СГУ, 1930. Вып. 1 / директор Н.П. Бруханский. С. 175–176. (Научные известия / Смоленский гос. университет; отв. ред. ректор ун-та Р.И. Белкин). Среди «воинских преступлений» оба автора ставили на первое место насилие, алкоголизм и самоубийства, порожденные психическими расстройствами. О преступлениях, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, о самоубийствах и дисциплине в армии см.: *Von Hagen, Mark.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship... 1990. P. 193–195, 305–308.

[53] ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 86.

[54] См.: Там же. Л. 85об. – 86.

[55] Там же. Л. 86.

[56] Процедура, установленная в 1926 году и регламентировавшая порядок изменения гражданами зарегистрированного пола, находилась в ведении судебных гинекологов (таких, как Я.Л. Лейбович, спор которого с психиатрами относительно его (спора) рамок уже упоминался выше). Данная процедура касалась только гермафродитов, выявленных этими экспертами. Свое действие она прекратила в 1940-е годы. Декрет, вводивший новую бюрократическую практику по изменению пола для гермафродитов, был издан только в 1974 году. О фантастической путанице и волоките в связи с этим вопросом в конце советской эпохи см.: *Голубева, Ирина Вячеславовна.* Гермафродитизм: (клиника, диагностика, лечение) / И.В. Голубева; Академия медицинских наук СССР. М.: Медицина, 1980. 157, [3] с.: 21 ил.: 15 табл. Список литературы: с. 151–157 (134 назв.).

[57] ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 86–86об. Других упоминаний об этом деле ни в архивах Мосздрава, ни в архивах Комиссариата здравоохранения пока не обнаружено.

[58] В 1920-е годы трансформация пола у животных, основанная на манипуляциях с половыми железами, была предметом научных исследований и внимания центральной советской прессы (см.: *Bernstein, F.L.* What Everyone Should Know about Sex... 1998. P. 64–130). «Хирургический метод дает несомненную возможность путем создания определенных органов или удаления лишних (создание искусственного влагалища, удаление гипертрофированного клитора), а также путем пересадки половых желез соответствующего пола создавать определенную установку и дифференциацию эндокринного статуса» (*Розенблюм, Е.Е., Сердюков, М.Г., Смольянинов, В.М.* Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза... 1935. С. 208–210). О еще более раннем

сообщении о неудачной операции по созданию «искусственного влагалища» (при неясных обстоятельствах) см.: *Малиновский, Н.Н.* Редкое позднее осложнение после операции образования искусственного влагалища... 1928. Об истоках патернализма западных медиков, рекомендовавших (и продолжающих отстаивать) подобное вмешательство, см.: *Dreger, A.D.* Hermaphrodites and the Medical Invention of Sex... 1998.

[59] См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 478. Л. 86об. – 87.

[60] Там же. Л. 80об.

[61] См.: *Серейский, М.Я.* Гомосексуализм // Большая медицинская энциклопедия... [1-е изд.]. М., 1929. Т. 7. Стб. 668–672; *Он же.* Гомосексуализм // Большая советская энциклопедия... [1-е изд.]. М., 1930. Т. 17. Стб. 593–596. «Г» – четвертая буква русского алфавита, поэтому дата публикации, указанная на титульных листах этих изданий, весьма точно отражает фактическое время появления книг в магазинах Советского Союза. Включение в крупное энциклопедическое издание статьи о «гомосексуализме», разумеется, не было случайным, хотя и отражало утопизм эпохи. Работа над последующими томами продолжалась всё третье десятилетие XX в., а статьи под последующими буквами алфавита отражали изменения политических установок. Так, статья 1940 года «Половая жизнь» (т. 46) была написана в духе жесткой критики либерализма, в то время как статья «Половые аномалии», обещанная в конце статьи А.И. Абрикосова (см.: *Абрикосов, Алексей Иванович* (1875–1955). Гермафродитизм / А. Абрикосов // Большая советская энциклопедия / под общ. ред. Н.И. Бухарина, В.В. Куйбышева [и др., всего 16 имен]; гл. ред. О.Ю. Шмидт. [1-е изд.]. М.: Акц. о-во «Сов. энциклопедия», 1929. Т. 16: Германия – Гимн. Стб. 439–441), не появилась и спустя одиннадцать лет. Читателей отсылали к статье о «половой жизни», но вместо «аномалий» в ней рассматривались «извращения» (см.: *Горфин, Д.В.* Половая жизнь... 1940. Т. 46. Стб. 163–169).

[62] Не можем согласиться с С. Карлинским, который интерпретирует статьи М.Я. Серейского как «патологизирующие», а потому наносящие вред «геям» (см.: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. P. 358). Прочтение С. Карлинского, правильное с точки зрения лингвистики, игнорирует в то же время постоянное обращение М.Я. Серейского в своих статьях к авторитету М. Хиршфельда – основной фигуре гомосексуальной эмансипации той эпохи, неустанно искавшего и добивавшегося научной поддержки сексолога, высоко чтимого Ученым медицинским советом за его экспертизу, проведенную во время обсуждения проблемы «трансвеститов». Биомедицинская модель гомосексуальности, предложенная М. Хиршфельдом, была фундаментальной составляющей его стратегии требования справедливости для гомосексуалов с опорой на науку. Признавая противоречие между «кондициональной» и «конституциональной» теориями этиологии гомосексуальности, М.Я. Серейский ставил М. Хиршфельда на первое место среди конституционалистов, перед Э. Штейнахом и Эрнстом Кречмером (Kretschmer, Ernst; 1888–1964), и высоко оценивал выработанный М. Хиршфельдом язык описания сексуальных вариаций, благодаря которому тому́ уда-

лось выстроить аргументы в пользу модели врожденной гомосексуальности. [«Магнус Гиршфельд <...> расценивает г<омосексуализм> как врожденную аномалию, как биол<огический> вариант ("сексуальный, промежуточных стадий"), базируясь при этом на учении Штейнаха» (*Серейский, М.Я.* Гомосексуализм // Большая медицинская энциклопедия... М., 1929. Т. 7. Стб. 668).] Упорные попытки М.Я. Серейского вылечить гомосексуалов путем частичной пересадки им тканей (об этом см.: Там же. Стб. 671) последовали сразу же за обращением М. Хиршфельда к немецким специалистам с предложением подобным же образом лечить гомосексуалов (см.: *Sengoopta, Ch.* Glandular Politics... 1998. P. 465). Статью о «гомосексуализме», написанную для «Большой медицинской энциклопедии», М.Я. Серейский начинал, с ходу отвергая как устаревшую психопатическую модель (цитируя Р. фон Крафт-Эбинга, но разумея А.О. Эдельштейна с В.А. Белоусовым). Затем он обращал внимание на хорошо отлаженную социальную жизнь гомосексуалов Германии: «В одном Берлине имеется около 120 клубов для гомосексуалистов и издается специальный журнал "Die Freundschaft", имеющий, несмотря на дорогую цену, около 20 000 подписчиков» (*Серейский, М.Я.* Гомосексуализм // Большая медицинская энциклопедия... М., 1929. Т. 7. Стб. 668). Он не навешивал на гомосексуальность ярлыка патологии, вырождения или душевной болезни. И наконец, острую критику М.Я. Серейским иностранного закона, карающего за гомосексуальность как «абсурдного» и «действующего крайне вредно на психику гомосексуалистов», можно истолковать лишь как сочувственную и гуманную позицию. Удачный перевод на английский язык (Лорой Энгельштейн) фрагментов этих статей из «Большой советской энциклопедии» см. в изд.: We Are Everywhere: A Historical Sourcebook of Gay and Lesbian Politics... 1997. P. 214–215 (см. Введение, примеч. 40).

[63] См.: *Преображенский, Петр Федорович* (1894–1941). Гомосексуализм: этнографический очерк // Большая советская энциклопедия... М., 1930. Т. 17. Стб. 596. П.Ф. Преображенский являлся признанным авторитетом в истории древних Греции и Рима. Приглашение написать этот дополнительный очерк свидетельствует, что редакционная коллегия симпатизировала его взглядам и была в курсе европейских гомосексуальных дискурсов в антропологии, обращавшихся в поисках иллюстративного материала к замечательным традициям однополой любви в неевропейских культурах (см.: *Bleys, R.C.* The Geography of Perversions... 1995. P. 207–265).

[64] См.: *Solomon, S.G.* Social Hygiene and Soviet Public Health... 1990. P. 189.

[65] См.: *Юдин, Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии... 1951. С. 386–387; *Joravsky, D.* Russian Psychology... 1989. P. 339–341.

[66] См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 24. Д. 742. Л. 1.

[67] См.: *Юдин, Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии... 1951. С. 386–387. Доклад, прочитанный Л.М. Розенштейном в 1929 году в московском Институте невропсихиатрической профилактики, содержал критику исследований «отдельных работников института», а также не-

продуманность ими выбора методов клинического лечения, но не касался приоритетов института (см.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 10. Д. 1748. Л. 53; *Эмдин, Павел Иосифович* (1883–1959). Советская невропатология / Проф. П. Эмдин // 13 лет научной медицины на северном Кавказе: 1920–1922 / отв. ред. д-р И.Л. Бенькович; редкол.: [9 имен]. Ростов на Дону: Изд-во «Северный Кавказ», 1934. С. 124–133 (на с. 130); *Серейский, М.Я., Залкинд, Э.М., Маслов, Е.В.* Успехи научной психиатрии // 13 лет научной медицины на северном Кавказе... С. 162).

[68] См.: *Бейлин, И.А., Майзель, М.Б., Хургич, М.И.* Раннее половое созревание с акромикрией, аномалией 5-го пальца и ранним климактерием / И.А. Бейлин, М.Б. Майзель, М.И. Хургич (Минск) из нервной клиники Белорусского ин-та (дир. — проф. И.Д. Сапир), гинекол. отд. 1-й рабочей б-ницы (глав. врач — Е.В. Клумов) и 2-й терапевтич. клиники БМП (дир. — проф. Гаусман) // Советская невропатология, психиатрия и психогигиена. М.: Гос. изд-во биол. и мед. литературы, 1934. Т. III, вып. 8. С. 141–146: [2] ил.; 24 × 16 см; *Скляр, Наум Израилевич* (1869–1957). Случай полового метатропизма в раннем детском возрасте / Проф. Н.И. Скляр. Из Астраханской профдетамбулатории (зав. — Е.А. Таршис) и Астраханской психиатрич. клиники (дир. — проф. Н.И. Скляр) // Там же. М.: Гос. мед. изд-во, 1933. Т. II, вып. 3. С. 124–127. Библиография: с. 127 (14 назв.); *Холзакова, Н.Г.* Частичная утрата (стойкое снижение) трудоспособности при шизофрении... 1935 [см. гл. 5, примеч. 46].

[69] См.: *Solomon, S.G.* Social Hygiene and Soviet Public Health... 1990. P. 189–190; *Bernstein, F.L.* What Everyone Should Know about Sex... 1998. P. 387–397; *Adams, M.B.* Eugenics in Russia // The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil and Russia... 1990. P. 153–216.

[70] Напр., А.М. Коллонтай в 1921 году критиковала криминальную антропологию за то, что эта наука считала причиной проституции биологию, а не социальные факторы; см.: *Kollontaï, A.M.* Prostitution and Ways of Fighting it // Kollontaï, A.M. Selected Writings of Alexandra Kollontaï... 1977. P. 264 [см.: *Коллонтай, А.М.* Проституция и меры борьбы с ней... 1921]; Н.А. Семашко и его коллеги не отказывали себе в этой критике на протяжении 1920-х годов (см.: *Bernstein, F.L.* What Everyone Should Know about Sex... 1998. P. 388). О кампаниях по выдвижению рабочих и борьбе против «буржуазных спецов» см.: *Fitzpatrick, Sh.* Cultural Revolution as Class War // Fitzpatrick, Sh. The Cultural Front... 1992. P. 138–139.

[71] Схематично его логика была следующей: подобно тому, как диалектический ход истории нельзя обратить вспять, невозможен и возврат к предыдущей стадии биологического развития (см.: *Немилов, А.В.* Ложь и правда в вопросе об «омоложении» / А.В. Немилов // Природа: популярный естественно-ист. журн. / издаваемый Академией Наук СССР. Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1932. Год изд. 21, 1932, № 8. Стб. 710–738: 5 ил. (цит. по: *Naiman, E.* Sex in Public... 1997. P. 296–297)).

[72] Для М.Я. Серейского как автора этих статей последствия были, без сомнения, неприятными, хотя он и продолжал врачебную практику, а его работы издавались в 1930-х годах. В 1934 году, после рекриминализации

мужеложства, британский коммунист и гомосексуал, работавший в выходившей в Москве на английском языке газете «Moscow Daily News» сообщил (в письме И.В. Сталину), что редактор посоветовал ему «не <...> придавать большого значения статье о гомосексуализме в Большой Советской Энциклопедии, потому что – как он (редактор. – *Ред.*) сказал – автор ее сам гомосексуалист, и статья была напечатана в тот период, когда целый ряд уклонов еще не был вскрыт» (*Уайт, Гарри.* «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»... 1993. С. 189). К этому письму мы вернемся в гл. 7 наст. изд.

[73] *Завадовский, М.М.* Исследование семенника гомосексуалиста... 1931. С. 66.

[74] См.: Там же. С. 66, 69–70: ил. Статья сопровождалась многочисленными иллюстрациями разрезов ткани и фотографиями обнаженных солдат (вид спереди и сзади).

[75] Об утрате к 1925 году доверия к технике и методике Э. Штейнаха немецкими и австрийскими специалистами см.: *Sengoopta, Ch.* Glandular Politics... 1998. В 1925 году психиатр из Астрахани, сторонник психопатической модели, подытожил европейские попытки повторить опыт Э. Штейнаха в небольшой статье (см.: *Скляр, Н.И.* О происхождении и сущности гомосексуализма... 1925. Стб. 1919–1923). В 1924 году два ташкентских хирурга сообщили о своей неудачной попытке вылечить гомосексуала путем пересадки человеческой ткани яичек (см.: *Захарченко, М.А.*, *Перешивкин, Н.С.* По поводу хирургического лечения гомосексуализма у мужчин... 1930. С. 24–29). Их оптимистическая уверенность в том, что однажды технические трудности операции будут преодолены, несомненно, выражала утопизм культурной революции. Врачи писали, что в скором времени хирургия проложит «путь к будущей терапии гомосексуализма», что не удалось психиатрии. В статье 1931 года М.М. Завадовский не упомянул их работу.

[76] См.: *Осипов, В.П.* Руководство по психиатрии... 1931. С. 573, 575; *Ганнушкин, П.Б.* Клиника психопатии... 1933. С. 117. П.Б. Ганнушкин с двух сторон подвергался политическому давлению. Статья 1926 года о «преждевременно нажитой инвалидности», одна из его немногих опубликованных работ, породила острые дебаты по поводу «умственной гигиены» активистов партии; в то же время возглавляемое им Московское общество невропатологов и психиатров было вынуждено в ноябре 1929 года признать руководящую роль партии путем приема «через не хочу» в свои ряды трех сотен новых членов и отказа таким образом от своей «элитарной» автономии (см.: *Joravsky, D.* Russian Psychology... 1989. P. 336–339).

[77] *Осипов, В.П.* Руководство по психиатрии... 1931. С. 574–575. В разделе о роде занятий гомосексуалов В.П. Осипов воспроизводит (в процитированном пассаже это – первое предложение) высказывание Э. Крепелина о мужской фемининности. В.П. Осипов надеялся, что благодаря добродетели наследственного здоровья работника физического труда пролетарская Россия будет сравнительно свободна от «половых психопатов», при этом он допускал единственное исключение (знакомое петер-

Годы	Процент психопатов среди обследованных пациентов	Процент психопатов, признанных невменяемыми
1922	9,8	46,5
1923	19,8	28,9
1924	22,3	35,7
1925	18,0	19,2
1926	20,2	25,0
1927	19,8	17,6
1928	17,0	22,6
1929	16,6	13,0
1930	12,8	6,4
1931	19,6	7,9
1932	17,8	10,0
1933	14,1	9,9
1934	16,7	8,2
1935	20,4	3,0
1936	23,6	3,7
1937	20,6	3,4
1938	17,3	4,4
1939	20,7	4,3
1940	21,1	4,3
1941	21,6	6,2

Источник: *Фейнберг, Ц.М.* Судебно-психиатрическая экспертиза и опыт работы Института судебной психиатрии им. проф. Сербского за XXV лет... 1947. С. 15.

буржцам) – банную проституцию. Это был поразительный и резкий отказ от собственных слов, ведь в 1923 году, по его подсчетам, в России проживало 8–9 млн извращенцев, из которых 2–3 млн были гомосексуалами (см.: *Осипов, В.П.* Курс общего учения о душевных болезнях... 1923. С. 356). В конце 1920-х годов цитирование трудов зарубежных исследователей в ходе дискуссии о советской половой культуре было в порядке вещей также и в венерологии; см.: *Solomon, S.G.* The Soviet-German Syphilis... 1993. P. 204–232.

[78] В то время как с 1923 по 1941 год доля пациентов, обследованных в Институте судебно-психиатрической экспертизы им. проф. В.П. Сербского и признанных «психопатами», колебалась между 17 и 21 процентами, число признанных не подлежащими уголовному преследованию (т. е. невменяемых) существенно сократилось (см. таблицу).

[79] См.: *Булатов, С.Я.* Возрождение Ломброзо в советской криминологии... 1929; *Сапир, И.Д.* Фрейдизм, социология, психология...1929; *Волков, Григорий Иванович.* Кризис социологической школы и фрейдизм в уголовном праве // Революция права: журн. секции общей теории права и гос-ва Коммунистической Академии. М.: Изд-во Ком. Академии, 1929. № 6, нояб.–дек. С. 106–125; *Геловани, А.* Против буржуазных извращений криминологии: (Об изучении преступности в советской Грузии) //

Советское государство: журн. Ин-та сов. строительства и права Комакадемии. М.: Сов. законодательство, 1932. № 4. С. 121–134.

[80] О Е.К. Краснушкине см.: *Булатов, С.Я.* Возрождение Ломброзо в советской криминологии... 1929; о Н.П. Бруханском см.: *Ильинский, И.Д.* Общественность и болезни быта... // Молодая гвардия. М., 1928; *Сегалов, Тимофей Ефимович.* По поводу статьи И. Ильинского / Т. Сегалов // Там же. С. 204–206. В 1930-х годах Е.К. Краснушкин занимался психиатрической практикой в Московской области, а позже возглавлял группу советских судебных психиатров на Нюрнбергском процессе. Н.П. Бруханский возглавлял кафедру психиатрии Смоленского университета. В опубликованной в 1951 году истории советской психиатрии ее автор, Т.И. Юдин, даже не упоминает о нем (см.: *Юдин, Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии... 1951). [О Н.П. Бруханском см.: *Гущина, С.А., Кондратьев, Федор Викторович.* Николай Павлович Бруханский (1893–1948) // Очерки истории: сборник трудов / Гос. науч. центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. М., 1996. С. 170–174; *Кондратьев, Ф.В.* К 50-летию трагической гибели профессора Н.П. Бруханского (по публикациям и по материалам дела № 7270/2 НКГБ СССР) / Ф.В. Кондратьев; Гос. науч. центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва // Российский психиатрический журнал: Научно-практич. журнал: Выходит один раз в два месяца: Основан в 1997 г. / М-во здравоохранения РФ, Гос. науч. центр соц. и суд. психиатрии им. В.П. Сербского; Гл. ред. Т.Б. Дмитриева; редкол.: [на тит. л. – 15 имен]. М.: «Медицина», 1998. № 4. С. 67–70: портр. (текст – в 2 стб.); 29 × 21 см. Выражаем благодарность Александру Игоревичу Бляхерову за указание на эти статьи.]

[81] См.: *Фейнберг, Ц.М.* Судебно-психиатрическая экспертиза... 1947. С. 5–10; *Халецкий, Абрам Миронович.* Понятие «уменьшенной вменяемости» в судебно-психиатрической оценке психопатий // Психопатии и их судебно-психиатрическое значение... 1934. С. 99–102; *Внуков, Вольф Абрамович.* Судебно-психиатрическая экспертиза психопатий // Там же. С. 15–16. О перестановке кадров в институте им. В.П. Сербского во время культурной революции см.: *Joravsky, D.* Russian Psychology... 1989.

[82] См.: Социальные проблемы распределения: труд и культура // Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР: [в 3 т.]. М.: Изд-во «Плановое хозяйство», 1929. Т. 2, ч. 2: Социальные проблемы. Проблемы распределения. Труд и культура. С. 242 (цит. по: *Бордюгов, Г.А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии?.. 1989. С. 66). Под «социальными аномалиями» в этом плане разумелись не осиротевшие беспризорники, находившиеся под попечительством Комиссариатов образования, здравоохранения и внутренних дел, а взрослые бродяги (см.: *Ball, A.M.* And Now My Soul is Hardened... 1994).

[83] *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 152.

[84] Имеются в виду постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах по борьбе с проституцией» от 29 июля 1929 года (см.: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР... М., 5 сен-

тября 1929 г. Отдел первый. № 60. С. 854–855. [Ст.] 598) и «О мероприятиях по ликвидации нищенства и беспризорности взрослых» от 26 августа 1929 года (см.: Там же. 8 октября 1929 г. Отдел первый. № 67. С. 958–959. [Ст.] 659). Ср.: *Бордюгов, Г.А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии?.. 1989. С. 66. [В последнюю статью вкрались ошибки: «СУ РСФСР. 1929. № 6. Ст. 657; Там же. Ст. 659»]. Комиссариат здравоохранения сохранил только лечебно-трудовые профилактории в составе клиник по лечению венерических болезней. В исследованиях женской проституции в Петербурге-Ленинграде Н.Б. Лебина и М.В. Шкаровский убедительно показали институциональность конфликта, возникшего при обсуждении проекта первого пятилетнего плана по «соцаномаликам»; свои выводы эти исследователи подкрепили документами из местных архивов, в которых нашли отражение взгляды муниципальных работников (см.: *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 153–155). При рассмотрении «социальных аномалий» нам чрезвычайно помогло исследование этих ученых. Точку зрения на весь процесс, будто конфликта между Комиссариатами здравоохранения и социального обеспечения не было, см.: *Бордюгов, Г.А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии?.. 1989. С. 66–67.

[85] Цит. по: *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 155–158. Цитата заимствована из статьи П. Вержбиловского, см.: *Вержбиловский, П.* Надо перестроить работу по борьбе с соцаномалиями: печатается в дискуссионном порядке / П. Вержбиловский // Социальное обеспечение: ежемес. журн. НКСО. [М.]: Изд-во НКСО РСФСР, 1933. № 9. С. 4–7 (на с. 6).

[86] В Постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 года «Об установлении единой паспортной системы по Союзу ССР и обязательной прописке паспортов» указывалось, что паспортизация вводилась «в целях лучшего учета населения городов <...> и разгрузки <...> населенных мест от лиц, не связанных с производством и работой в учреждениях или школах <...>, а также в целях очистки этих населенных пунктов от укрывающихся кулацких, уголовных и иных антиобщественных элементов» (цит. по: *Кузмин, М.А.* Дневник 1934 года... 1998. С. 234, 265). Об использовании паспортной системы для высылки нежелательных элементов см.: *Fitzpatrick, Sh.* Ascribing Class... 1993. P. 761. Официальная пресса отмечала, что вследствие успешного осуществления первого пятилетнего плана «ощутимо снизился процент неработающих элементов (буржуазия, духовенство, деклассированные элементы) в городском населении». В 1926 году «нетрудовые» социальные группы составляли 5,1% городских жителей, а в 1931-м – уже 1%, в то время как доля пролетарского населения подскочила с 68,5% до 88% (см.: Summary of the Fulfillment of the First Five Year Plan for the Development of the National Economy of the USSR... Moscow: State Planning Commission of the USSR, 1933. P. 189 (XI, 296 p.)).

[87] См.: *Shearer, D.* Crime and Social Disorder in Stalin's Russia... 1998. P. 134–137. Н.Б. Лебина и М.В. Шкаровский доказывали, что Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июля 1929 года «О мерах по борьбе с проституцией» (переносившее ответственность за контроль с медицин-

ских чиновников на работников социального обеспечения) фактически легализовало запугивание и преследование одиноких женщин «в ночлежках, на барахолках, на вокзалах, в ресторанах». «Секретные агенты» милиции, специализировавшиеся на выявлении проституток, во главе с «начальницей одного из районных отделений НКВД П.И. Опушонок» постоянно охотились за ними в районе Лиговки, см.: *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994. С. 174. Следует отметить также решение Политбюро «О борьбе с преступными и деклассированными элементами по г. Москве», принятое 23 декабря 1933 года (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 937. Пункт 45/26). По этому вопросу см. также: *Hagenloh, P.* Socially Harmful Elements and the Great Terror // Stalinism: New Directions / ed. by Sh. Fitzpatrick. L., 2000. P. 286–308.

[88] Мемуарный источник сообщает о «ряде гомосексуалистов», задержанных во время волны арестов в академических кругах (историк Сергей Федорович Платонов (1860–1933) и др.); см.: *Jason, Ph.* Progress to Barbarism... 1957. № 8. P. 20. В 1931 году на квартире поэта М.А. Кузмина был произведен обыск. Ранее в ГПУ неоднократно вызывался его партнер Ю.И. Юркун, где его убеждали «стучать» на М.А. Кузмина (см.: *Шумихин, С.В.* Дневник Михаила Кузмина... 1990. С. 144).

[89] См.: Смоленский архив. ВКП 261. Л. 60–61 (цитата на л. 60об.).

[90] Источники ОГПУ ничего не говорят более о Наталии/Василии, и о ее мотивах принять облик мужчины можно только догадываться. Линн Виола достаточно правдоподобно интерпретирует этот жест Наталии/Василия как карнавальную инверсию культуры крестьянского сопротивления (см.: *Viola, L.* Peasant Rebels under Stalin... 1996. P. 144), что подтверждается также публичным характером свершившегося «перевоплощения», входившего в разрез с тактикой сокрытия собственного пола, обычно свойственной русским «мужеподобным женщинам».

[91] Она, вероятно, могла послужить прообразом маскулинной женщины, «женщины, похожей по наружности, приемам, голосом и прочим на мужчину», или «женщины- гермафродита», как ее описывали Владимиру Ивановичу Далю в первой половине XIX в. крестьяне-информанты. Ни одно из слов, которыми именовались подобные женщины, не являлось оскорбительным (см. гл. 2 наст. изд.).

Глава 7

[1] О коллективизации и реакции крестьян на нее см.: *Viola, L.* Peasant Rebels under Stalin... 1996; о голоде см.: *Conquest, Robert.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine. L.: Hutchinson, 1986. VIII, 412, [8] p.: ill.

[2] Об индустриализации страны и порожденных ею проблемах см.: The Economic Transformation of the Soviet Economy, 1913–1945 / ed. by R.W. Davies, Mark Harrison, and S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. XXV, 381 p.: ill.; о миграции из деревень в города см.: *Fitzpatrick, Sheila.* The Great Departure: Rural-Urban Migration in

the Soviet Union, 1929–1933 // Social Dimensions of Soviet Industrialization / ed. by William G. Rosenberg and Lewis H. Siegelbaum. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1993. P. 15–40; о Магнитке см.: *Kotkin, S.* Magnetic Mountain... 1995; статистические данные о росте числа жителей в Москве см.: *Hoffmann, D.L.* Peasant Metropolis... 1994. P. 159.

[3] *Lewin, M.* The Making of the Soviet System... 1985. P. 221–222.

[4] См.: *Getty, J.A.* Origins of the Great Purges... 1985.

[5] До фашистско-коммунистической пропагандистской войны гомофобный политический дискурс (который, на наш взгляд, был порожден враждебным отношением общественности к гомосексуалам Западной Европы) ограничивался национальными границами, в частности, Великобритании, Германии, Франции и Соединенных Штатов. В 1930-е годы этот вопрос начал подниматься правыми и левыми на международной сцене. После этого гомофобная пропаганда стала усиливаться (хотя должным образом это явление до сих пор не исследовано) и надолго закрепилась в качестве фона к отношениям между государствами, особенно во времена «холодной войны». Это оборачивалось изгнанием гомосексуалов из правительств и общественной жизни в Соединенных Штатах и Великобритании (см.: *D'Emilio, J.* Making Trouble... 1992; *Weeks, J.* Coming Out... 1990).

[6] О политических целях и деятельности движения гомосексуалов см.: *Steakley, J.D.* The Homosexual Emancipation Movement in Germany... 1975.

[7] См.: *Herzer, Manfred.* Communists, Social Democrats, and the Homosexual Movement in the Weimar Republic // Gay Men and the Sexual History of the Political Left... 1995. P. 206.

[8] См.: Ibid. P. 204–206, 212–213. И коммунисты, и социал-демократы унаследовали политику А. Бебеля, поддерживавшего отмену параграфа 175. Курт Хиллер (Hiller, Kurt; 1885–?), знакомый с М. Хиршфельдом по Научно-гуманитарному комитету и не состоявший ни в какой партии, в 1930 году отмечал, что, согласно парламентским отчетам, КПГ неизменно выступала сторонником гомосексуальной эмансипации (см.: Ibid. P. 205).

[9] См.: World Committee for the Victims of German Fascism. Braunbuch über Reichstagbrand und Hitler-Terror / vorwort von lord Marley. Basel: Universum-Bücherei, [1933]. 382 p.: ill. (цит. по: *Oosterhuis, Harry.* The «Jews» of the Antifascist Left: Homosexuality and Social Resistance to Nazism // Gay Men and the Sexual History of the Political Left... 1995. P. 232–233).

[10] Друзья М. ван дер Люббе встали на его защиту в изд.: Roodboek van der Lubbe en de Rijksdagbrand. [Amsterdam: Internationaal Uitgeversbedrijf, 1933], дискредитируя нацистов с их гомофобной риторикой. Позднее, после ликвидации Э. Рёма, нацисты, защищаясь, изъяснялись в подобном же ханжески-морализаторском духе; см.: Weissbuch über die Erschiessungen des 30. Juni 1934 [Paris: Editions du Carrefour, 1935] (цит. по изд.: *Oosterhuis, H.* The «Jews» of the Antifascist Left... 1995. P. 233, 253 n<ext> [см. гл. 7, примеч. 9]). Манфред Херцер не согласился с мнением Гарри Остергуса, заявив, что педалирование европейскими левыми гомофобной тематики было чуждо их «субкультуре», пусть даже и

подчиненной всемогущей гетеросексуальной буржуазии; см.: *Herzer, M.* Communists, Social Democrats, and the Homosexual Movement in the Weimar Republic // Gay Men... 1995. P. 218 [см. гл. 7, примеч. 7]. В этих исторических построениях совершенно не учитывается роль СССР и Коминтерна в стимулировании данного дискурса (делалось это по инициативе левых или нет – неизвестно).

[11] Среди критиков Männerbund числились Вильгельм Райх, Эрих Фромм (Fromm, Erich; 1900–1980), Международная ассоциация социалистических врачей (см.: *Oosterhuis, H.* The «Jews» of the Antifascist Left... 1995. P. 237–245; *Idem.* Medicine, Male Bonding and Homosexuality in Nazi Germany... 1997. № 2. P. 187–205).

[12] Студентами Школы физического воспитания в институте были проведены обыски, затем штурмовики вынесли бóльшую часть библиотеки; 10 мая на Опернплац эти книги были сожжены в костре «антигерманских» изданий. О первых поползновениях нацистов уничтожения гомосексуальной субкультуры см.: Hidden Holocaust?.. 1995. P. 26–61 (Past 1); *Plant, R.* The Pink Triangle... 1986. P. 50–52. О принципах «национального единства» и «битвы за рождаемость», отразившихся в нацистских взглядах на гомосексуалов, см.: *Peukert, Detlev J.K.* (1950–). Inside Nazi Germany: Conformity, Opposition, and Racism in Everyday Life / transl. by Richard Deveson. L.: Penguin, 1989. P. 219 (288 p., [20] l. ill.).

[13] См. во «Введении» к наст. изд. наши рассуждения о ситуации с доступностью архивных документов Министерства внутренних дел, Федеральной службы безопасности (ФСБ, унаследовавшей архивы ее предшественников – ОГПУ/НКВД и КГБ) и Президента Российской Федерации.

[14] См.: «Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев»: Из истории уголовного кодекса... 1993. С. 164–165.

[15] Там же. С. 164. На документе «затем появились и другие визы: “Конечно, это необходимо. *Молотов*” и “Правильно! *Л. Каганович*”».

[16] См.: Там же. С. 165. Цит. по: АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37. Л. 25–26. Заверенная копия.

[17] См.: Там же. С. 165. Цит. по: АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37. Л. 25–26. Заверенная копия; Там же. Л. 24. Выписка из протокола («Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) “Об уголовной наказуемости за педерастию”. П. 151/55. 16 декабря 1933 г. Строго секретно. Утвердить проект закона об уголовной наказуемости за педерастию. *Секретарь ЦК*»). Тот же текст см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 936. Л. 18. Постановление было принято 17 декабря 1933 года за подписями Председателя ЦИК Союза ССР М. Калинина и секретаря ЦИК Союза ССР А. Енукидзе (см.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик, / издаваемое Управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. М., 5 января 1934 г. Отдел первый. № 1. Постановления Президиума Центрального исполнительного комитета. [Ст.] 5: Об уголовной ответственности за мужеложство. С. 6–7).

[18] Там же; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1591. Л. 1. Хранящийся здесь вариант включает фразу, отсутствующую в проекте Г.Г. Ягоды, утвер-

жденном днем ранее на Политбюро: «мужеложство, совершенное с применением физического насилия, угроз...»

[[18a] Опубликовано в № 59 «Известий ЦИК Союза ССР и ВЦИК» от 10 марта 1934 года, см.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза советских социалистических республик, / издаваемое Управлением делами Совета народных комиссаров Союза ССР и СТО. М., 23 марта 1934 г. Отдел первый. № 15. С. 225.]

[19] См.: Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза Советских Социалистических Республик... М., 23 марта 1934 г. Отдел первый. № 15. [Ст.] 110. Документы Московского городского суда и решения Верховного суда РСФСР содержат ссылку на Постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1934 года. Лица, задерживавшиеся после этой даты за совершение акта мужеложства, были осуждены как преступники. См., напр., приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 11. Л. 238–245).

[20] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР, / издаваемое Н.К.Ю. М., 25 апреля 1934. № 15. Изменение кодексов. С. 114:

«О дополнении Уголовного кодекса ст. 154-а.

Постановление ВЦИК и СНК 1 апреля 1934 г. (СУ № 15).

В соответствии с постановлением Президиума ЦИК Союза ССР 7 марта 1934 г. об уголовной ответственности за мужеложство (СЗ № 15, ст. 110) ВЦИК и СНК постановляет:

Дополнить Уголовный кодекс РСФСР ст. 154-а следующего содержания:

"154-а. Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) — лишение свободы на срок от трех до пяти лет.

Мужеложство, совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, — лишение свободы на срок от трех до восьми лет"».

В юридических документах добровольное мужеложство обычно обозначалось как «154-а-I», отягчающее мужеложство — как «154-а-II».

[21] «Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев»... 1993. С. 165. Проект Г.Г. Ягоды цитируется по его докладной записке В.И. Сталину от 13 декабря 1933 года, см.: АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37. Л. 25–26. Заверенная копия; см. также: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1591. Л. 1 (ВЦИК РСФСР, секретная часть). Благодарю Дэвида Ширера за это указание.

[22] Уже 28 февраля 1934 года проект Г.Г. Ягоды, в котором упоминалось мужеложство «либо за плату, по профессии или публично», был одобрен ВЦИК и Совнаркомом РСФСР; затем он был распространен в Комиссариате юстиции РСФСР, в Верховных судах СССР и РСФСР. Окончательная версия уже без этих элементов была, вероятно, предложена одним из названных учреждений (см.: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1591. Л. 5–6).

[23] Все другие статьи (151–155) УК РСФСР 1926 года о половых преступлениях предусматривали только максимальные сроки лишения

свободы («до восьми лет», «до трех лет», «до пяти лет»...), что, как правило, побуждало судей принимать в расчет при вынесении приговора классовый характер и другие обстоятельства дела. Тем не менее начиная с дела 1926 года о групповом изнасиловании в Чубаровом переулке судьи получили указание выносить «достаточно строгие» приговоры по половым преступлениям (см.: *Курский, Д.И.*, *Стучка, П.И.* Директивное письмо НКЮ и Верхсуда РСФСР по применению Угол<овного> Код<екса> редакции 1926 г. ... 1927. С. 8–11). Постановление Президиума ЦИК Союза ССР по проекту Г.Г. Ягоды и окончательный вариант не содержали объяснения причин введения закона против мужеложства. Однако преамбула к проекту этого постановления с указанием «распространять уголовную ответственность за мужеложство <...> на случаи добровольного такого сношения, независимо от недостижения одного из участников половой зрелости», позволяла предположить, что законодатели опасались пассивности судов в рассмотрении подобных дел и отсутствия надлежащей строгости (см.: ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1591. Л. 1).

[24] Сопоставив текст постановления Президиума ЦИК Союза ССР от 7 марта 1934 года с поспешно включенной в УК Украинской ССР ст. 161-I, озадаченные юристы обратили внимание на эти различия и предположили, что таковы были судебная практика и язык приговоров в предшествующий период (см.: Уголовный кодекс Украинской ССР // Уголовное законодательство СССР и союзных республик... 1957. С. 114).

[25] См.: Уголовный кодекс Таджикской ССР // Уголовное законодательство СССР и союзных республик... 1957. С. 345 (Ст. 223).

[26] См.: Там же. С. 159 (УК Белорусской ССР), 384 (УК Армянской ССР), 254 (УК Грузинской ССР). Армянские и грузинские УК имели разделы, посвященные преступлениям, связанным с обычаями, которые теоретически могли вобрать в себя и статью против мужеложства. Статья, запрещавшая добровольную «педерастию» (ст. 171), уже присутствовала в УК Грузинской ССР в разделе «Преступления в области половых отношений», отражавшем «современную» половую этику. Введена она была с 5 декабря 1922 года.

[27] См.: Уголовное законодательство СССР и союзных республик... 1957. С. 345 (УК Таджикской ССР); Там же. С. 217 (УК Узбекской ССР). В УК Узбекской ССР, как и в УК Грузинской ССР, местоположение этой статьи сохранилось прежним.

[28] См.: Там же. С. 433 (УК Туркменской ССР), 299 (УК Азербайджанской ССР).

[29] См.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. Ch. 3, 4.

[30] О связи этих субкультур с остатками вырождавшейся буржуазии и пережитками старого образа жизни см.: *Герцензон, А.А.* Классовая борьба и пережитки старого быта... 1934. Сигнал о такой связи прозвучал годом ранее в речах И.В. Сталина и В.М. Молотова о «последних остатках умирающих классов» и их тайной борьбе с победившим социализмом (см.: *Сталин, И.В.* Итоги первой пятилетки: Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г. [М.]: Партиздат ЦК

ВКП(б), 1937. С. 62–63; *Molotov, V.M.* Tasks of the first Year of the Second Five-Year plan // From the first to the Second five-year plan: A symposium. M.; L.: Cooperative publishing Society of foreign workers in the USSR, 1933. P. 118–126 [; *Молотов, В.М.* Задачи первого года второй пятилетки: Доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 8 января 1933 г. / В. Молотов. М.: Парт. изд-во, 1933. 38 с.]).

[31] Учитывая, что милицейские сводки о женской проституции и криминальных субкультурах достаточно точно отражали реальную ситуацию, представляется весьма вероятным, что и милиция, и спецслужбы были хорошо информированы о характере мужской гомосексуальной субкультуры. О политике конца 1920-х годов в отношении женской проституции в изданиях Комиссариата внутренних дел см.: *Бордюгов, Г.А.* Социальный паразитизм или социальные аномалии?.. 1989; *Лебина, Н.Б., Шкаровский, М.В.* Проституция в Петербурге... 1994; *Waters, E.* Victim or Villain: Prostitution in Post-Revolutionary Russia... 1992.

[32] Несколькими годами ранее профессор С.П. Мокринский, юрист с опытом законотворческой практики в среднеазиатских республиках, поделился соображениями по поводу Уголовных кодексов РСФСР и Украинской ССР; см.: *Мокринский, Степан Петрович* (1866–?), *Натансон, Виктор Маркович.* Преступления против личности: комментарий к VI главе / составители: проф. С. Мокринский и В. Натансон. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. С. 117. (Уголовный кодекс УССР и РСФСР: сравнительный текст и комментарий под ред. М.Е. Шаргея, С.А. Пригова и Ю.П. Мазуренка; выпуск II).

[33] См.: *Уайт, Г.О.* «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»... 1993. С. 185–191. Публикация этого письма под рубрикой «Юмор из спецхрана» демонстрирует путаность в политических оценках закона о декриминализации мужеложства, проявившуюся в 1993 году даже в Администрации Президента РФ. Мы еще вернемся к этому в «Эпилоге» наст. изд. Когда именно письмо было написано Г. Уайтом, не сообщается. Видимо, оно предшествовало статье Максима Горького «Пролетарский гуманизм», к которой мы обратимся позже. Письмо Г. Уайта хранится в: АПРФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37. Л. 29–45, т. е. там же, где и переписка 1933–1934 годов Г.Г. Ягоды с И.В. Сталиным по поводу закона о мужеложстве. Опубликована она в том же выпуске журнала «Источник» (М., 1993. № 5–6. С. 164–165). Г. Уайт писал И.В. Сталину, что его должность называется «заведующий редакцией», а его самого считают настоящим ударником, однако его имя мы не обнаружили на первой странице газеты «Moscow Daily News», где публикуются выходные сведения о самом издании, редакционной коллегии и т. п. Кстати, в той газете была напечатана заметка Г. Уайта об одной из вышедших тогда книг (см.: *Whyte, H.O.* Koltzov – The Journalistic Artist // Moscow Daily News. M., 1933. 3 April. P. 2).

[34] См.: *Уайт, Г.О.* «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»... 1993. С. 185, 188–191. Чтобы опровергнуть мнение, будто гомосексуалами наносится некий вред росту численности народонаселения, Г. Уайт процитировал доклад Лазаря Моисеевича

Кагановича (1893–1991) о работе ЦК ВКП(б), сделанный на конференции Московской партийной организации и посвященный, в частности, заботе партии о повышении рождаемости. Журналист апеллировал к авторитету откровенного гомосексуала, «пламенного друга СССР» Андре Жида. Интерпретация Г. Уайтом марксизма и его осведомленность на сей счет о взглядах К. Маркса не были чем-то исключительным, как это представлено в изд.: Gay Men and the Sexual History of the Political Left... 1995.

[35] *Уайт, Г.О.* «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»... 1993. С. 191.

[36] См.: *Горький, Максим* (наст.: Пешков, Алексей Максимович; 1868–1936). Пролетарский гуманизм // Правда. М., 1934. 23 мая. С. 3; *Он же*. То же // Известия. М., 1934. 23 мая. С. 2. Эта статья «буревестника революции» была опубликована и в Германии, см.: Gegen der Faschismus: Proletarischer Humanismus // Rundschau über Politik, Wirtschaft und Arbeiterbewegung. 1934. № 34. S. 1298 (цит. по изд.: *Oosterhuis, Harry*. The «Jews» of the Antifascist Left... 1995. P. 236 [см. гл. 7, примеч. 9]).

[37] Лозунг М. Горького (фактически призывавший к уничтожению определенной группы людей) содержал безошибочно геноцидный подтекст. К сожалению, этот немаловажный аспект зачастую игнорировали, поскольку перевод фразы нередко звучал как «Уничтожьте гомосексуальность – и фашизм исчезнет» («Destroy homosexuality and fascism will disappear»), см., напр.: *Reich, W.* The Struggle for a «New Life» in the Soviet Union... [1975]. P. 255. [Ср. рус. пер.: *Райх, Вильгельм.* Борьба за «новую жизнь» в СССР... 1997. С. 277: «Решающую роль в формировании общественных настроений сыграло вмешательство Горького, который писал в статье “Пролетарский гуманизм”: “В стране, где мужественно и успешно хозяйствует пролетариат, гомосексуализм, развращающий молодежь, признан социально преступным и наказуемым, а в "культурной" стране великих философов, ученых, музыкантов он действует свободно и безнаказанно. Уже сложилась саркастическая поговорка: "Уничтожьте гомосексуалистов – фашизм исчезнет"”». Далее в цитируемом издании следует ошибочная сноска: «М. Горький, Собр. соч., т. 30, с. 277». В действительности цитата находится на с. 238 в т. 27 (см.: *Горький, Алексей Максимович.* Пролетарский гуманизм // Горький, А.М. Собрание сочинений: в тридцати томах / М. Горький; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. М.: Гос. изд-во художеств. лит., 1954. Т. 27: Статьи, доклады, речи, приветствия, 1933–1936. С. 233–241)]; *Engelstein, L.* Soviet Policy toward Male Homosexuality... 1995. P. 170; *Gessen, Masha.* The Rights of Lesbians and Gay Men in Russian Federation... 1994. P. 8; *Essig, L.* Queer in Russia... 1999. P. 5; *Malmstad, J.E., Bogomolov, N.A.* Mikhail Kuzmin: A Life in Art... 1999. P. 350.

[38] Имей мы возможность ознакомиться с делом: АПРФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37, эта гипотеза могла бы быть обоснована. Судя по публикации в «Источнике», в этом деле имеется пропуск в два листа между страницами с письмами Г.Г. Ягоды (Л. 24–26) и Г. Уайта (Л. 29–45) к И.В. Сталину по поводу закона против мужеложства. О домашнем аресте М. Горько-

го при Г.Г. Ягоде и о превращении писателя в «сломленного человека, [с мая 1934 года] ставшего послушным орудием в руках властей», см.: *Шенталинский, В.А.* Рабы свободы... 1995. С. 362. Подобные же статьи, связывавшие фашизм и гомосексуальность, были написаны и журналистом Михаилом Ефимовичем Кольцовым (наст.: Фридлянд, М.Е.; 1898–1942); об этом см.: *Reich, W.* The Struggle for a «New Life» in the Soviet Union... [1975]. P. 255 [см. рус. пер.: *Райх, В.* Борьба за «новую жизнь» в СССР... 1997. С. 276].

[39] См.: *Шумихин, С.В.* Дневник Михаила Кузмина... 1990. С. 139–145.

[40] Там же. С. 140–141.

[41] Об одобрении В.Д. Бонч-Бруевичем приобретения архива М.А. Кузмина см.: *Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич* (1873–1955). Новые вклады в наше литературное наследство // За коммунистическое просвещение: [газета]: Орган наркомпросов союзных республик и Цекпроса СССР. М., 1934. 3 июня. С. 2 (цит. по: *Кузмин, М.А.* Дневник 1934 года... 1998. С. 210 (примеч. 77)).

[42] См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 111. Л. 2. См. также: *Шумихин, С.В.* Дневник Михаила Кузмина... 1990. С. 143–145.

[43] Хронология этих трагических событий жизни Ю.И. Юркуна может быть воссоздана благодаря досье спецслужб на поэта Бенедикта Константиновича Лившица (1887–1938), арест которого повлек за собой и арест Ю.И. Юркуна (см.: *Шнейдерман, Эдуард М.* Бенедикт Лившиц: Арест, следствие, расстрел // Звезда: ежемес. лит.-художеств. и обществ.-полит. журнал: орган Союза писателей СССР. Л.: Художеств. лит., Ленингр. отд-ние, 1996. № 1. С. 82–126). См. также: *Шумихин, С.В.* Дневник Михаила Кузмина... 1990. С. 139–145.

[44] Двадцать девятого апреля 1934 года И.В. Сталин запретил публикацию исследования о Вольфганге Амадее Моцарте (Mozart, Johann Chrysostom Wolfgang Amadeus; 1756–1791) — плод увлечения всей жизни бывшего народного комиссара иностранных дел Г.В. Чичерина (см.: *O'Connor, T.E.* Diplomacy and Revolution: G.V. Chicherin and Soviet Foreign Affairs, 1918–1930. Ames (IA), 1988. P. 167).

[45] См.: *Гронский, И.М.* О крестьянских писателях... 1992. № 8. С. 148–151. Благодарю Наталью Борисовну Лебину за обращение нашего внимания к этому обстоятельству. И.М. Гронский, отсидевший 16 лет в тюрьме после ареста в 1937 году, затем, во время хрущевской «оттепели», состоял в комиссии по ликвидации последствий культа личности И.В. Сталина. Об эпизоде с Н.А. Клюевым он упомянул в 1959 году в пространной речи о «крестьянских писателях», обращенной к литературоведам, явным образом оправдывая свои действия против Н.А. Клюева тем, что подчеркивал его странности как гомосексуала перед аудиторией, которая в течение четверти века жила под сталинистским запретом мужеложства.

[46] См.: *Шенталинский, В.А.* Рабы свободы в литературных архивах КГБ... 1995. С. 265–274. И в русской, и в английской версии своей книги В.А. Шенталинский подверг цензуре записки И.М. Гронского об этой истории, сняв все ссылки на муссирование последним темы гомосек-

суальности Н.А. Клюева, чтобы создать в глазах читателя более чистый образ жертвы антикоммунистического движения; см. об этом: *Healey, Dan.* Ghosts Come out of KGB Closet: [review of: Shentalinsky, Vitaly. The KGB's Literary Archive. L.: Harvill, 1995] // Moscow Tribune. M.: Anthony Louis, 1996. 27 April. P. 40. Мы не знаем, какие именно пассажи о сексуальности поэта опустил В.А. Шенталинский (к документам НКВД у него был эксклюзивный доступ).

[47] Я не согласен с хроникером гомосексуального Санкт-Петербурга, скрывшимся за псевдонимом, когда, ничтоже сумняшеся, он замечает: «<...> уточнить [это] не сто́ит труда» (*Ротиков, К.К.* Другой Петербург... 1998. С. 180). Состояние наших знаний по данному вопросу – наглядная иллюстрация из учебника о гомофобных уклонениях в литературных исследованиях и желания поддержать миф о половой невинности России.

[48] См.: *Уайт, Г.О.* «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»... 1993. С. 186, 188–189. Судьбы самого Г. Уайта и его любовника неизвестны.

[49] Постановление ЦИК и СНК от 29 марта 1935 года «О мерах борьбы с хулиганством» – отличный тому пример. Этот документ, принятый по инициативе И.В. Сталина, застал прокуратуру и судебных чиновников врасплох, однако они быстро подготовили циркуляры и правила, разъясняющие применение данного закона. Такой же шквал инструкций последовал за рекриминализацией абортов 27 июня 1936 года. См.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 200–221. На предмет обнаружения директив по закону против мужеложства нами тщательно, но безрезультатно были просмотрены следующие документы: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27, 28 (Прокуратура СССР, 1933–1949 гг.); Там же. Ф. 9474. Оп. 16 (Верховный Суд СССР, 1924–1970 гг.); Там же. Ф. А353. Оп. 10 (НКЮ РСФСР. Приказы, циркуляры..., 1925–1936 гг. (помимо циркуляров, здесь хранятся соответствующие протоколы коллегии Комиссариата юстиции за 1933–1934 годы; новый закон при этом не упоминается)); Там же. Ф. А353. Оп. 16 (циркуляры НКЮ РСФСР, 1923–1950 гг.). Документы такого типа могут, разумеется, храниться в архивах Министерства внутренних дел или бывшего КГБ.

[50] Такой способ ознакомления с секретными документами Комиссариата юстиции, директивами Прокуратуры, а также инструкциями применялся до начала 1930-х годов (см.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 419–420).

[51] Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 11. Л. 243).

[52] См.: Там же. Л. 245.

[53] Краткое определение «гомосексуализма» см.: Психопатии и их судебно-психиатрическое значение... 1934. С. 168; гомосексуальность проигнорирована в изд.: Судебная психиатрия... / под общ. ред. В.А. Внукова и Ц.М. Фейнберг... 1936. С. 246–247.

[54] *Попов, Е.А.* О классификации половых извращений... 1935. С. 526–531 (на с. 527–528). В конце 1920-х годов Е.А. Попов являлся студентом

В.П. Протопопова в Харьковском психиатрическом институте. Впоследствии он опубликовал исследование о половых извращениях, в котором бросил вызов эндокринологическим теориям учителя (см.: *Попов, Е.А.* К вопросу о генезе некоторых форм мазохизма (пассивного флагеллянтизма)... 1928). В статье о «половых извращениях» во втором издании «Большой медицинской энциклопедии» им отстаивалась гипотеза правильного воспитания (см.: *Он же.* Половые извращения... 1962). Таким образом, основные направления в советской психиатрии по вопросу половых извращений оказались представлены тремя академическими поколениями — В.М. Бехтерева, В.П. Протопопова и Е.А. Попова.

[55] В 1931 году Рабоче-крестьянская инспекция сообщила о «совершенно неудовлетворительном состоянии судебно-медицинских дел». Комиссариату здравоохранения было предписано кардинально улучшить образование специалистов, использовать все возможности этой дисциплины. Был учрежден новый центральный институт. Я.Л. Лейбович, в 1920-е годы главный медицинский эксперт, был смещен во время культурной революции Владимиром Михайловичем Смольяниновым (1898—1981). Существеннее то, что судебная медицина перешла в ведение Комиссариата здравоохранения. См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 24. Д. 301. Л. 1—4.

[56] См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 879. Л. 22—29 («Правила амбулаторного судебно-медицинского акушерско-гинекологического исследования»).

[57] Там же. Л. 24. Использование в этом документе слова «педераст» является, возможно, лингвистическим свидетельством влияния милиции или партии на авторов данного параграфа.

[58] После революции судебной медицине, подведомственной Комиссариату здравоохранения, была отведена решающая роль в проведении экспертиз во время судов по половым преступлениям. Медицинские исследования требовались в случаях изнасилования, дефлорации и развратных действий над лицами, «не достигшими половой зрелости». Недостаток средств и обученных специалистов сдерживал развитие судебной медицины в 1920-е годы. Тогда же проводились оживленные дискуссии о понятии «половая зрелость» (см.: *Челышев, М.И.* Доклад УКК о практике по делам о половых преступлениях за вторую половину 1926 года... 1927; Расширенный научный съезд судебных врачей и представителей юстиции в городе Иваново-Вознесенске 23—25 декабря 1927 года... 1928. Кн. 9. С. 135—164).

[59] См.: *Розенблюм, Е.Е.*, *Сердюков, М.Г.*, *Смольянинов, В.М.* Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза... 1935. С. 45.

[60] Там же. С. 46.

[61] Н.В. Попов утверждал, что «законом от 8 марта 1934 г. у нас предусмотрена наказуемость мужеложства, но последнее встречается в наших условиях чрезвычайно редко» (*Розенблюм, Е.Е.* [и др.]. Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза... 1935. Гл. I. Характеристика половых преступлений. §1. Некоторые юридические данные. С. 9).

29. Заказ № К-7680

[62] См.: Там же. С. 47.

[63] Говоря о мужеложстве среди мужчин, учебник поздней сталинской эпохи относил его к типичным половым преступлениям, устанавливаемым судебными врачами, и воспроизводил описание признаков «педерастии», сопроводив их показательным «Актом судебно-медицинской экспертизы» в случае добровольного мужеложства. Никаких ссылок на психиатрическую этиологию или политические догмы сделано не было; см.: *Авдеев, М.И.* Судебная медицина... 1951. С. 375–376 [; см. также: *Сердюков, Мстислав Григорьевич.* Судебная гинекология и судебное акушерство / Проф. М.Г. Сердюков. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1957. §. Изнасилование с половыми извращениями. С. 128 («Изнасилование женщин иногда совершается в виде полового акта через задний проход, т. е. женщина становится пассивным педерастом»). В то время такие казусы – не редкость. Так, напр., «стриптиз» Леонид Яковлевич Мильман поместил в главу «Половые извращения» своей книги (см.: Импотенция / Л.Я. Мильман. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Изд-во «Медицина». 1972. С. 85), сразу после «Скотоложства». Во втором издании 1965 года этот «вид» полового извращения отсутствовал].

[64] См.: *Крыленко, Н.В.* Об изменениях и дополнениях кодексов РСФСР... 1936. С. 1–5.

[65] «Деклассированными элементами» назывались те, кто совершил «бытовое преступление» (групповое изнасилование, участвовал в драке, совершил хулиганский поступок) (см.: *Герцензон, А.А.* Классовая борьба и пережитки старого быта... 1934. С. 16–17). В соответствии с приказом, подписанным 9 мая 1935 года Г.Г. Ягодой и Генеральным прокурором СССР Андреем Януарьевичем Вышинским (1883–1954), члены «уголовно-преступной среды», безработные деклассированные личности и «профессиональные нищие» должны были подвергаться суду специальными «тройками» НКВД (см.: ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 28. Д. 6. Л. 62–64). В годы первой пятилетки профессиональные нищие считались «социальной аномалией». Групповые изнасилования мужчинами женщин вызвали особую озабоченность к середине 1930-х годов. На этот факт обращалось особое внимание в бюллетенях Государственного института по изучению преступности и преступника при НКВД РСФСР. В 1934–1935 годах в них публиковались данные статистики по «общеуголовным преступлениям классово-враждебных, деклассированных и уголовных элементов» (ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 80. Л. 39–46, 82; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 48. Л. 229–230). См. также: *Shearer, D.* Crime and Social Disorder in Stalin's Russia... 1998. P. 119–149.

[66] См.: *Крыленко, Н.В.* Об изменениях и дополнениях... 1936. С. 1, 3. Сто́ит ли говорить, что автор не упомянул о своем деятельном участии в одобрении УК РСФСР 1922 года, которым мужеложство было декриминилизовано.

[67] Там же. С. 3–4 (курсив наш. – *Д.Х.*). Крупный, сильный мужчина с по-военному обритой головой, Н.В. Крыленко всегда вел себя агрессивно, как в зале суда, настойчиво вникал в любые вопросы, был энергичным приверженцем скалолазания и охоты. См.: *Barry, Donald D.* Nikolai

Vasil'evich Krylenko: A Re-evaluation // Review of Socialist Law. The Hague, 1989. № 2. P. 131–147.

[68] См.: *Schoppmann, C.* National Socialist Policies towards Female Homosexuality... 1996; выписки из документов см.: Tightening up the Law from September 1935. (b). Discussions Concerning the Prosecution of Lesbians // Hidden Holocaust?.. 1995. P. 71–84 (Part II).

[69] *Trotskii, Lev Davidovich* (1879–1940). The Revolution Betrayed: What is the Soviet Union and Where is it going? / Leon Trotsky; translated by Max Eastman. Garden City (NY): Doubleday: Doran, 1937. VII, 308 p.; *Timasheff, N.S.* The Great Retreat... 1946; подробный, со всеми нюансами, анализ этих взглядов см.: *Stites, R.* The Women's Liberation Movement in Russia... 1978.

[70] См.: *Lapidus, G.W.* Women in Soviet Society... 1978; *Evans, J.* The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question... 1981. № 16. P. 757–775; *Goldman, W.Z.* Women, the State and Revolution... 1993.

[71] См.: *Evans, J.* The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question... 1981. P. 771.

[72] Падение показателей рождаемости объясняли стремительным социальным ростом, желанием работниц контролировать численность семьи и сокращением (вызванным потерями населения во время войны и революции) численности женщин, которые могли в конце 1930-х годов достичь детородного возраста; см.: *Goldman, W.Z.* Women, the State and Revolution... 1993. P. 292–293. Об исследовании 1934 года см.: *Струмилин, Станислав Густавович* (наст.: Струмилло-Петрашкевич, С.Г.; 1877–1974). К проблеме рождаемости в рабочей среде // Струмилин, С.Г. Избранные произведения: в пяти томах / АН СССР; Академик С.Г. Струмилин. М.: Изд-во «Наука», 1964. Т. 3: Проблемы экономики труда. Гл. V. С. 132–147 (написано в 1936 г.). (Благодарю Дэвида Хофмана (Hoffman, David) за привлечение нашего внимания к этому труду.) О дискуссиях 1920 года вокруг абортов см.: *Solomon, S.G.* The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s... 1992. P. 59–82.

[73] См.: *Goldman, W.Z.* Women, the State, and Revolution... 1993. P. 291, 331–333; об абортах см. также: *Filtzer, Donald.* Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations, 1928–1941. L.: Pluto Press, 1986. P. 131–135 (VI, 338 p.); о возможном росте в начале 1920-х годов числа абортов у сельских женщин см.: *Solomon, S.G.* The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s... 1992. P. 74; о необъявленном ограничении доступности противозачаточных средств см.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 212. В декабре 1935 года врачи-мужчины Комиссариата здравоохранения дискутировали на тему: действительно ли женщины испытывают боль при рождении ребенка («Что такое боль?» — задавался вопросом один из них) — и пришли к выводу, что для советских женщин следует предпринять исследования в области «обезболивания нормальных родов» (ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 896. Л. 69–125об.). В то же время ученые Комиссариата

изучали воздействие беременности на психику женщин, работавших в авиации, и рекомендовали, чтобы в «Аэрофлоте» женщины отстранялись на этот период от выполнения ответственных обязанностей (см.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 896. Л. 35; Там же. Д. 897. Л. 6об. – 7).

[74] См.: *Lapidus, G.W.* Women in Soviet Society... 1978. P. 112 (цит. по: *Schlesinger, Rudolf* (1901–?), comp. Changing Attitudes in Soviet Russia: Documents and readings. [1]: The Family in the USSR. L.: Routledge, 1949. P. 252). Переписка В.И. Ленина с И.Ф. Арманд за 1915 год впервые появилась в журнале «Большевик», см.: *Ленин, В.И.* Письма В.И. Ленина Инессе Арманд // Большевик: Теорет. и полит. журн. ЦК ВКП(б). М., 1939. № 13, июнь. С. 58–61 (на с. 59). В «Большой советской энциклопедии» указывалось, что «сталинская забота о матери, о ребенке, о нашей молодежи, о ее воспитании создала все условия для развития крепкого, жизнерадостного поколения» (*Горфин, Д.В.* Половая жизнь... 1940. Стб. 168–169).

[75] *Evans, J.* The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question... 1981. P. 761–764. О реакции на меры по стимулированию уплат алиментов см.: *Davies*, Popular Opinion in Stalin's Russia... 1997. P. 66.

[76] Об «общественницах» см.: *Fitzpatrick, Sh.* The Cultural Front... 1992. P. 231–235; *Neary, Rebecca B.* Mothering Socialist Society... 1999.

[77] *Neary, R.B.* Mothering Socialist Society... 1999. P. 410.

[78] См.: *Schoppmann, C.* National Socialist Policies towards Female Homosexuality... 1995.

[79] Об иерархии ценностей в новой семье, пропагандировавшейся «общественницами», см.: *Fitzpatrick, Sh.* The Cultural Front... 1992. P. 234–235. Ребекка Б. Нири доказывает, что «общественницы» набирались и из обычных работниц, однако приводимые ею свидетельства (об изменении положения женщин, подхваченных этим движением) позволяют предположить и то, что испытывавшие некоторое смущение лидеры вынуждены были прибегать к эвфемистичным формам выражения, чтобы объяснять особость статуса своих жен. Материальные привилегии, воплощенные в «женах-активистках» (зависимость от кормильца, доступ к «культуре» и фемининность облика), вероятно, ограничивали участие в движении жен рабочих (см.: *Neary, R.B.* Op. cit. P. 410).

[80] ГАРФ. Ф. А 482. Оп. 25. Д. 879. Л. 23–25.

[81] *Розенблюм, Е.Е.* [*и др.*]. Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза... 1935. С. 46.

[82] См.: *Martineau, Louis* (1835–1888). Leçons sur les déformations vulvaires et anales produites par la masturbation, le saphisme, la défloration et la sodomie / par M. le Dr L. Martineau, ...recueillies par M. Lormand... Paris: A. Delahaye et E. Lecrosnier, 1884. IV, 131 p. О влиянии взглядов Л. Мартино на дискуссии царской эпохи по судебной гинекологии см.: *Engelstein, L.* The Keys to Happiness... 1992. P. 131–132, 153 [см. рус. пер.: с. 160, 471, 477].

[83] См.: *Fitzpatrick, Sh.* The Cultural Front... 1992. P. 237.

[84] См., напр., запись в дневнике общественницы Галины Штанге (Shtange, Galina), где она описывает официальное посещение «жена-

ми-активистками» в 1936 году локомотивного завода им. В.И. Ленина (Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s... 1995. P. 175–177).

[85] См.: *Goldman, W.Z.* Women, the State and Revolution... 1993. P. 342.

[86] О «культурности», к которой жадно стремилась сформировавшаяся в 1930-х годах элита, и «средствах и образе жизни новых хозяев Советского государства» в условиях «дефицита и нехватки товаров первой необходимости» см.: *Fitzpatrick, Sh.* The Cultural Front... 1992. P. 218.

Глава 8

[1] См. «Приложение» в нижеуказанном издании. В 1970-е годы Владимир Козловский опросил в Москве бывших заключенных, и они рассказали, «что в середине 1930-х годов в лагеря поступило несколько тысяч гомосексуалистов, добавив еще один ручеек к гулаговскому половодью» (*Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 155 (Приложение I: Гомосексуалисты и власть)).

[2] См.: *Fainsod, Merle.* Smolensk under Soviet Rule... 1958. P. 192; *Hough, Jerry F.* and *Fainsod, Merle.* How the Soviet Union is Governed... 1979. P. 170–178.

[3] См.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 458.

[4] См.: Ibid. P. 193, 458–459. П.Г. Соломон отмечает, что Гарольд Берман указывал на одновременное сосуществование в прежние времена закона и беззакония, см.: *Berman, Harold J.* Justice in the USSR... 1963. P. 7–9.

[5] См., напр.: *Nicolaevsky, B.I.* (Николаевский, Борис Иванович; 1887–1966). Power and the Soviet Elite: «Letter of an Old Bolshevik» and other Essays. L.: Pall Mall, 1966. P. 31. В «Письме старого большевика» рассказывается о так называемых «заговорах гомосексуалистов», предводительствуемых «помощником германского военного атташе <...> под прикрытием гомосексуальной "организации", которая управляет сетью агентов в Москве, Ленинграде, Харькове и Киеве». Советские власти «были вынуждены вмешаться» в конце 1933 года. В статье «Борьба за "новую жизнь" в СССР» («Der Kampf um das "neue Leben" in der Sowjetunion»), впервые опубликованной в 1936 году [см. переиздания, переводы на англ. и рус. языки в примеч. 13 к «Введению» в наст. изд. и в «Библиографическом списке»], Вильгельм Райх писал, что «преследования гомосексуалистов находились в определенной связи с событиями в Германии, вызванными "делом Рёма" в 1932–1933 гг. Советская печать открыла поход против гомосексуализма как "явления, свидетельствующего о вырождении фашистской буржуазии", <...> пока в январе 1934 г. не начались массовые аресты гомосексуалистов в Москве, Ленинграде, Харькове и Одессе. Эти аресты обосновывались политическими причинами» (*Райх, В.* Борьба за «новую жизнь» в СССР... 1997. С. 276). Хотя для Сиднея (Passfield, Sidney James Webb, baron; 1859–1947) и Беатрис Уэбб (Webb, Beatrice (Potter; 1858–1943) новый закон представлялся «ужасным деянием», его появление они связывали с деятельностью

подпольных центров, возглавлявшихся «определенными иностранцами, которые в конечном счете были выдворены с советской территории» (*Passfield, Sidney James Webb*, baron (1859–1947). Soviet Communism: A New Civilization / by Sidney and Beatrice Webb. 2nd ed. L.: V. Gollancz, 1937. P. 1060 n<ext>).

[6] Применение ст. 155 УК РСФСР 1926 года, вполне определенно имевшей в виду под жертвами «женщин», заставляет вспомнить о журнальной статье 1922 года «Процессы гомосексуалистов» (см. гл. 4). См.: *Jason, Ph.* Progress to Barbarism... 1957. P. 18–21.

[7] См.: «Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев»... 1993. С. 164–165. Анонимный публикатор сообщает, что к 15 сентября 1933 года, времени написания Г.Г. Ягодой докладной записки И.В. Сталину, «было арестовано 130 человек».

[8] Из письма Г. Уайта И.В. Сталину: «Товарищ Бородин, сказавший, что он лично относится к гомосексуализму отрицательно, вместе с тем заявил, что он считает меня достаточно хорошим коммунистом, что мне можно доверять и что я могу вести такую личную жизнь, какая мне нравится» (*Уайт, Г.О.* «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»... 1993. С. 186–188).

[9] Дело, процитированное в журнале «Источник» (см.: АПРФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37), очевидно, посвящено проведению в жизнь антимужеложного закона. Оно занимает, по крайней мере, 45 листов. Меж тем в 1993 году опубликованы только 19 из них. Редакторы, по-видимому, желали избежать неприятностей с украинскими властями, которые могло вызвать признание о рейдах на гомосексуалов в Киеве, Харькове или Одессе — городах, упоминаемых мемуаристами. Могли возникнуть и неудобные вопросы по поводу включения в УК Украинской ССР 11 января 1934 года статьи против мужеложства с использованием лексики исходного проекта Г.Г. Ягоды, утвержденного 16 декабря 1933 года постановлением Политбюро ЦК ВКП(б), по которому мужская проституция и публичная гомосексуальность были прямо квалифицированы как преступления.

[10] См. приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 11. Л. 244 — о датах арестов).

[11] См.: Дело Андреевского и двух других (1941 г.) (Там же. Д. 51. Л. 14–14об.). «Жертвы», возможно, тайно сговорились с милицией после того, как были разоблачены и стали осведомителями, сыгравшими ключевую роль в возникновении двух других процессов, см.: Приговор И. Синякову (1937 г.) (Там же. Д. 25. Л. 128–131); Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.) (Там же. Д. 33. Л. 187–188). Как предполагает Шейла Фицпатрик, разоблачения в сексуальной сфере, сравнительно редкие в советской практике, попадали скорее на стол к прокурорам и милиционерам, нежели в газеты или к высокопоставленным общественным деятелям (чьи архивы — главный источник их [разоблачений]), в свете особенно того обстоятельства, что эти разоблачения основательно позорили человека (см.: *Fitzpatrick, Sh.* Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s... 1997. P. 106–107). Тем не менее нельзя отри-

цать, что доносы на гомосексуалов были крайне редки. Обратите внимание на то, что уголовные расследования изнасилований в 1920-х — начале 1930-х годов были инициированы в основном в связи с разоблачениями или жалобами жертв. См.: *Челышев, М.И.* Доклад УКК о практике по делам о половых преступлениях за вторую половину 1926 года... 1927. С. 5; *Мокринский, С.П., Натансон, В.М.* Преступления против личности: комментарий к VI главе... 1928. С. 113 [см. гл. 7, примеч. 32]; *Громов, Владимир Устинович.* Техника расследования отдельных видов преступлений / Вл. Громов; [под ред. и с предисл. М.С. Строговича]. М.: «Советское законодательство», 1931. С. 47 (56 с., 1 с. обл.).

[12] См.: Приговор Белову и шестерым другим (1937 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 24. Л. 169–172). Показания свидетелей стали первыми уликами, использованными против этой группы.

[13] См.: Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.) (Там же. Д. 30. Л. 42).

[14] Похоже, по одному из дел, по которому проходили двое мужчин, арестованных 5 сентября 1935 года за встречи и занятия сексом в общественном туалете и на бульварах, арест был произведен в результате милицейской слежки за «местами встреч». См.: Приговор Анисимову и Бродскому (1935 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 10. Л. 297–299). Во втором деле фигурировала пара мужчин, арестованных в этом же месяце несколькими днями позже. Им дается сжатая характеристика, но, похоже, они попали во внимание милиции во время предыдущих рейдов или благодаря показаниям, полученным от находившихся под арестом лиц.

[15] Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.)... Л. 241.

[16] О дневниках см.: Приговор И. Синякову (1937 г.)... Л. 128–131; Приговор И. Степановой (1940 г.) (Там же. Д. 38. Л. 17–18); протоколы обысков цит. по: Дело Андреевского и двух других (1941 г.)... Л. 11, 53.

[17] Постановление Президиума ЦИК СССР от 17 декабря 1933 года против мужеложства однозначно настаивало на том, что «добровольные сношения, независимо от недостижения одним из участников половой зрелости», являются преступлением (ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1591. Л. 1). Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 года «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» снижало до двенадцати лет возрастной порог уголовной ответственности за короткий список серьезных преступлений. Этот список не включал половые преступления, однако предписывал «карать тюремным заключением не ниже 5 лет» взрослых лиц, уличенных «в понуждении несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п.» (Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР... М., 28 апреля 1935 г. Отдел первый. № 19. С. 272. Ст. 155; см. также: Уголовное законодательство СССР и союзных республик... 1957. С. 23. Об этом постановлении см.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 197–203).

[18] См.: Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 30. Л. 44). Хотя было доказано лишь то, что Свечни-

ков только дотрагивался до гениталий Кирилла, не предпринимая ничего другого, обвинение против него было квалифицировано как добровольное мужеложство, подпадающее под ст. 19 УК РСФСР 1926 г. («приготовление к преступлению, которое должно преследоваться так же, как если бы преступление имело место»). Свечников был приговорен к трем годам лишения свободы, но в обстоятельствах, описанных далее, после подачи апелляции в сентябре 1938 года приговор был заменен на условный.

[19] См.: Приговор И. Синякову (1937 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 25. Л. 128–131).

[20] Одному морскому юнге было шестнадцать, всем остальным — от восемнадцати и выше. Таким образом, с точки зрения УК и Кодекса о браке, они являлись совершеннолетними.

[21] См.: Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.)... Л. 241–242.

[22] Сергеев признал, что «<...> с 1937 года занимался педерастией с неизвестными ему мужчинами и летом 1937 года в подвальном помещении дома, находящегося неподалеку от уборной, что у Никитских ворот, имел половое сношение с 2-мя неустановленными органами следствия мужчинами, играя при этом роль пассивного педераста» (Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.)... Л. 42).

[23] На основании сохранившихся документов Московского городского суда трудно понять, каким образом разница между добровольным и насильственным мужеложством сказывалась на практике обращения к экспертизе. См. документы по отдельным процессам Московского городского суда той эпохи с проведением судебно-медицинской экспертизы: ЦМАМ. Ф. 901. Оп. 1. Д. 1352 (1950 г. — дело о добровольном мужеложстве; проведена только судебно-психиатрическая экспертиза); ЦМАМ. Ф. 1921. Оп. 1. Д. 69 (1955 г. — дело о добровольном мужеложстве; проведена только судебно-медицинская экспертиза); ЦМАМ. Ф. 901. Оп. 1. Д. 1534 (1949 г. — дело о насильственном мужеложстве; проведена судебно-медицинская экспертиза); ЦМАМ. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 136 (1952 г. — дело о мужеложстве с несовершеннолетними; проведена судебно-медицинская экспертиза); ЦМАМ. Ф. 1919. Оп. 1. Д. 238 (1955 г. — дело о насильственном мужеложстве; позже переквалифицированное в добровольное мужеложство, проведена судебно-медицинская экспертиза; ЦМАМ. Ф. 901. Оп. 1. Д. 394 (1955 г. — дело о насильственном мужеложстве; проведена судебно-медицинская и психиатрическая экспертизы). О развитии и применении экспертизы в послесталинскую эпоху см. «Эпилог» наст. изд.

[24] В марте 1939 года учитель физкультуры Леонтьев, ранее вступавший в сексуальные действия с мальчиками и юношами, попросил, подавая апелляцию о сокращении пятилетнего срока заключения, произвести судебно-психиатрическую экспертизу. В этом ему было отказано. См.: Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.)... Л. 188.

[25] См.: Приговор И. Синякову (1937 г.)... Л. 130.

[26] Это был классический большевистский эвфемизм для именования беспорядочного полового или личного поведения, несопоставимого с членством в партии. «Бытовое» в этом контексте означало «образ жизни» или «личную жизнь» и указывало на то, что быт рассматривался как тривиальный, личный и политически незначимый (если он не был отмечен такими эксцессами, как у И. Синякова). Этот эвфемизм часто употреблялся в политической риторике для ретуширования личной жизни, связанной с алкоголизмом или гетеросексуальным промискуитетом.

[27] Показательные процессы 1930-х годов возникли из практики, которую П.Г. Соломон описывает как «демонстрационные процессы» эпохи нэпа (хотя термин «показательные процессы» идентичен тому, что был присвоен знаменитым судам над старыми большевиками в 1936–1938 годах), см.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 44–46, 238–239. Об использовании в 1930-х годах цирков и театров для показательных судов и об их функции общественного развлечения в отдельно взятых регионах см.: *Kotkin, S.* Magnetic Mountain... 1995. P. 188–189.

[28] Два открытых процесса несколько отличались от других, см.: Приговор Анисимову и Бродскому (1935 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 10. Л. 297–299); Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.)... Л. 187–188.

[29] См.: *De Jong, Ben.* «An Intolerable Kind of Moral Degeneration»... 1982. Vol. 4. P. 341–357 (esp. 346). Бен Де Джонг основывает свои доводы на судах над выдающимися художниками-диссидентами, поэтому едва ли его наблюдение можно соотнести с делами обычной юридической практики. В ЦМАМ после 1945 года содержатся материалы двух закрытых судов о мужеложстве (1949 и 1950 гг.), а также двух открытых процессов (оба 1955 г.). Но этот пример слишком частый, чтобы можно было делать обобщения.

[30] См.: Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.)... Л. 241.

[31] Личное сообщение от 4 ноября 1995 года Виктора Гульшинского из Российской библиотеки лесбиянок и геев (ГендерДок). В июле или августе 1937 года недалеко от туалета общительный Терешков повстречался с тем, с кем прошлым летом имел секс на этом же месте. См.: Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.)... Л. 43.

[32] Дело Андреевского и двух других (1941 г.)... Л. 83. В документах милиции и суда той эпохи термин «мужеложство» мог означать любой мануальный, оральный или анальный половой контакт между мужчинами.

[33] С Федоровым, одним из обвиняемых по делу, Левин познакомился в туалете на Трубной площади в мае 1940 года. Они дважды вместе спали. Очевидно, этот контакт привел к аресту Левина. Он утверждал, что спал с мужчинами только будучи пьян, потому «что это результат того, что я болен шизофренией». Его перевели в медицинский блок Бутырской тюрьмы для осмотра специалистом по судебной психиатрии. Следователь милиции распорядился, чтобы дело Левина отдели-

ли от остальных по делу Андреевского. Информация о ходе дела Левина в архивах Московского городского суда отсутствует (см.: Дело Андреевского и двух других (1941 г.)... Л. 83–85).

[34] См.: Там же. Л. 57, 106об.

[35] См.: Приговор Анисимову и Бродскому (1935 г.)... Л. 297.

[36] О реконструкции см.: Moscow and Leningrad / [ed. by] Evan Mawdsley... 1991. P. 120–122; *Colton, Timothy J.* Moscow: Governing the Socialist Metropolis... 1995. P. 326–328. Значительная часть территории перед Большим театром и прилегающей станцией метро приобрела субкультурное значение, однако о том, что послужило этому причиной, мы не знаем. См., напр., словарные статьи «Директор плешки» (ироническая ссылка на бюст К. Маркса, взирающего на площадь), «Голубóй зал», «Гомодрóм», «Шля́пки» (ссылка на бывший магазин галантерейных товаров неподалеку) и «Штрих» в изд.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 45, 73. Площадь перед Большим театром служила местом встреч гомосексуалов вплоть до 1990-х годов, см.: *Tuller, D.* Cracks in the Iron Closet... 1995. P. 22, 98; *Essig, L.* Queer in Russia... 1999. P. 88–89. В 1997 году городские власти благодаря спонсорской помощи компании Даймлер-Бенц (Daimler-Benz) реконструировали площадь, спилив деревья, чтобы облегчить наблюдение за происходящим, и покончили тем самым с субкультурной ролью этого места.

[37] Приговор И. Синякову (1937 г.)... Л. 128–129. [В англ. оригинале] фамилии моряков заменены буквами, чтобы сохранить анонимность [, в наст. изд. они восстановлены].

[38] *Сосó* – уменьшительное от грузинского имени Иосиф, фигурант был тезкой И.В. Сталина.

[39] Обвинительные документы упоминают пары мужчин, которые постоянно, на протяжении долгого времени совершали «половое сношение» или вступали в «интимные связи», однако в документах ничего не говорится об эмоциональном контексте. См.: Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.)... Л. 44; Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.)... Л. 187–188. Протоколы допросов по делу Андреевского и двух других (1941 г.) показывают, что милиция интересовалась природой их дружбы, контактах и связях.

[40] Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.)... Л. 241.

[41] См.: Там же. Л. 245. Из четырех других обвиняемых один был освобожден за недостаточностью улик, еще одному вынесли условный приговор со сроком в один год (по медицинским основаниям), а двое других получили по три года лишения свободы. После рассмотрения апелляции один из них был освобожден (об этом см. ниже).

[42] См.: Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.)... Л. 46–47.

[43] См.: Приговор Анисимову и Бродскому (1935 г.)... Л. 297–299. Бродский «путем вымогательства получил» от Анисимова девять тысяч рублей и сначала был приговорен к пяти годам (только по ст. 154-а-I). В результате апелляции этот приговор изменили: Бродский получил три года. См. также: Приговор Белову и шестерым другим (1937 г.)... Л. 172. Белов, «заводила» в этом деле, получил четыре года по ст. 154-а-I и де-

сять лет за контрреволюционную деятельность без права подачи апелляции. См. также: Дело Андреевского и двух других (1941 г.)... Л. 123, 129. Андреевский, также «зачинщик», сначала был приговорен к шести годам по ст. 154-а-II (насильственное мужеложство; максимальное наказание – до восьми лет), затем подал апелляцию, и в результате пересмотра дела ему был вынесен приговор за простое мужеложство, с сокращением срока до пяти лет.

[44] Ст. 151 (шесть приговоров) запрещала «половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах»; ст. 152 (тринадцать приговоров) запрещала «развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их», ст. 153 (пятьдесят семь приговоров) имела отношение к изнасилованию отдельными лицами (часть I) и групповым изнасилованиям (часть II). Дела по ст. 154 «Понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме...» и ст. 155 (сводничество или проституция) были не столь впечатляющими. Приговоры отобраны из обвинительных документов Московского городского суда (см.: ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 9–42).

[45] См.: *Naiman, E.* The Case of Chubarov Alley... 1990. P. 1–30.

[46] См.: *Герцензон, А.А.* Классовая борьба и пережитки старого быта... 1934; ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 80. Л. 39–46, 82; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 48. Л. 229–230.

[47] «<...> по своей политической значимости [эти действия] давали суду основания для применения 59^3 ст. УК» (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 12. Л. 171–173). 20–21 мая 1935 года восьмерых обвиняемых судила женщина, возглавлявшая спецколлегию Московского городского суда; чтобы подтвердить обвинения, были использованы медицинские свидетельства наряду с показаниями группы людей. О специальных учреждениях (обычной судебной системы) для рассмотрения политизированных правонарушений см.: *Solomon, P.H.* Soviet Criminal Justice under Stalin... 1996. P. 231.

[48] См.: Приговор Белову и шестерым другим (1–2 апреля 1937 г.; апелляции отклонены 1 июня 1937 г.)... Л. 169–172. Это дело слушалось спецколлегией Московского городского суда. Оно началось как процесс по антисоветской агитации, с обвинением по ст. 58 и 59 УК РСФСР. Только позднее трое из четырех обвиняемых были осуждены также по ст. 154-а-I. И даже здесь приговоры (трое из четырех обвиняемых были осуждены, в частности, за мужеложство) не достигали максимальной планки – пятилетнего срока лишения свободы: двум мужчинам дали три года, третьему – четыре.

[49] Ср. с делами о групповом изнасиловании: ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 18. Л. 89 (1936 г., сроки наказания – от восьми до трех лет); Там же. Д. 32. Л. 233–236об. (1939 г., сроки наказания – от восьми лет вплоть до оправдания – не изменялись по апелляции); Там же. Д. 38. Л. 59–62 (1940 г., сроки наказания – от восьми лет до года – не изменялись по апелляции). В сравнении с мужеложством эти преступления кара-

лись несравненно жестче, свидетельством чему — антимужеложные суды над Терешковым и другими (1938 г., один максимальный срок наказания без изменения по апелляции, остальные наказания — значительно ниже максимальных), Беловым и другими (1937 г., приговоры ниже максимального срока по ст. 154-а-I, несмотря на отягчающие обвинения в контрреволюционной агитации), Андреевским и другими (1941 г., хотя Верховный Суд РСФСР пересмотрел постановление Московского городского суда о наказании в шесть лет лишения свободы по ст. 154-а-II и вынес максимальный, пятилетний, срок по ст. 154-а-I, это всё же следует расценивать как относительное смягчение приговора в первые дни начала войны).

[50] Двадцать пять процентов осужденных по ст. 154-а (мужеложство) получили сокращение срока по апелляции; ср. аналогичный показатель для совершивших половые преступления: 17,5% осужденных по обеим частям ст. 153 (изнасилование), 33% осужденных по ст. 151 («половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением») и 31% осужденных по ст. 152 («развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их»).

[51] Цитата из решения Верховного Суда РСФСР, который условно-досрочно освободил трех заключенных, осужденных на три года лишения свободы, см.: Приговор по делу Терешкова и девятерым другим (1938 г.)... Л. 47. Двое других, проходивших по этому делу, были освобождены на тех же основаниях, см.: Там же. Л. 46. У всех фигурантов этого дела имелись адвокаты. «Семейное положение» принималось в расчет лишь при наличии нетрудоспособных родителей или родственников, поскольку все осужденные мужчины не были женаты. Обращает на себя внимание сокращение срока наказания (с пяти лет до трех) для Бродского, о котором адвокат сказал, что его клиент «был втянут в преступление» партнером (см.: Приговор Анисимову и Бродскому (1935 г.)... Л. 299).

[52] Таких апелляций подавалось мало, ср. заявление Леонтьева о том, что «он — психически ненормальная личность» и поэтому заслуживает более мягкого наказания, см.: Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.)... Л. 188; а также ходатайство, поданное в 1950 году о снисхождении к мужчине, осужденному за добровольное мужеложство (см.: ЦМАМ. Ф. 901. Оп. 1. Д. 1352. Л. 56а, 87–89). Последнюю апелляцию, вполне правдоподобную, учитывая историю о проблемах у осужденного с психическим здоровьем, отклонили на тех же основаниях.

[53] См.: Дело Андреевского и двух других (1941 г.)... Л. 123–125об., 129. Еще одна успешная защита основывалась на риторическом диспуте, который, похоже, стал возможен вскоре после того, как появился закон против мужеложства. Мужчина, которого в 1935 году Московский городской суд приговорил к трем годам лишения свободы за его роль в деле Безбородова и других, позже был оправдан Верховным Судом РСФСР на основании доводов осужденного о том, что судом низшей инстанции не доказано ни одного случая гомосексуальных актов, совершенных

подсудимым после 1928 года. Судя по записям, ни один адвокат на разбирательстве не присутствовал, а решение Верховного Суда РСФСР основывалось на «докладе» председательствовавшего судьи (см.: Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.)... Л. 245).

[54] Неудачные апелляции по делам «зачинщиков» см.: Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.)... — самому Безбородову срок не был сокращен; Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.)... — Терешкову было отказано в смягчении наказания. О «развратителях юношества» см.: Приговор И. Синякову (1937 г.)... по ст. 154-а-II — «жертвами» И. Синякова были по преимуществу солдаты и матросы; получил отказ в смягчении приговора; Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.) — Леонтьев, учитель физкультуры, вступал в половые отношения с учениками; получил отказ в смягчении приговора. Дела по контрреволюционным преступлениям: Приговор Белову и шестерым другим (1937 г.)... — вероятно, из-за обвинений по ст. 58 и 59 Белову, Шувалову и Шаповалову не удалось добиться смягчения приговора, вынесенного за мужеложство и ряд других преступлений.

[55] Соседство терминов «развратные действия» и «мужеложство» указывает, вероятно, на то, что различие между непенетративными актами, которые в юридических документах часто относились к «развратным действиям», и актами пенетративными подразумевалось; см.: Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.)... Л. 187–188. В этом деле раздражение Верховного Суда из-за изощренной стратегии защиты, вероятно, усилилось в связи с упоминавшейся выше просьбой адвоката Леонтьева о помиловании его клиента на основе психиатрической экспертизы. Обе апелляции были рассмотрены на одном и том же заседании.

[56] В деле фигурировали пятнадцать холостяков, трое женатых, шестеро семейных мужчин, четверо разведенных, один вдовец. Социальный статус еще семи человек в документах не отражен. Все шестеро семейных проходили как обвиняемые на одном процессе, см.: Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.), но в записях суда ни один из этих людей не упоминается как женатый, поскольку эти категории считались взаимозаменяемы.

[57] Один из «семейных» был немедленно оправдан, а второй — отпущен после апелляции (которую успешно аргументировал его адвокат). В обоих случаях оправдание основывалось на отсутствии доказательств того, что подсудимые участвовали в актах мужеложства после 7 марта 1934 года и имели тесные связи с «группой педерастов». Из оставшихся четырех «семейных мужчин» трое (включая «зачинщика» Безбородова) получили по пять лет лишения свободы (максимальный срок) и один — три года. Их апелляционные жалобы остались без удовлетворения.

[58] См.: Приговор Красину и Попову (1935 г.) [ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 10. Л. 283–285].

[59] См.: Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.)... Л. 45.

[60] См.: Дело Андреевского и двух других (1941 г.)... Л. 57–57об., 62, 79–82.

[61] Там же. Л. 101об.

[62] См.: Там же. Л. 103–103об. Исход этой беременности не зарегистрирован в документах суда. У Марковского был ребенок от первого брака, а его вторая жена упомянула об этом в своем первом заявлении суду. Ребенок жил с матерью в Москве.

[63] См.: Там же. Л. 68.

[64] См.: Там же. Л. 99об.

[65] Там же. Л. 110.

[66] См.: Там же. Л. 109. Женщина противоречила сказанному ранее на суде ее мужем. По ее словам, они «жили вместе» в гостинице (Там же. Л. 104). «Жить вместе», «сожительствовать» часто служило эвфемизмом для выражения «состоять в половых отношениях». Вопросы, заданные адвокатом Марковского (не попавшие в протокол суда), побудили свидетельницу сказать: «Он (Марковский. – *Ред.*) у меня был всё время на виду. Федоров тоже был с нами. Отношения у Марковского с Федоровым были одинаковые, как у других с Федоровым» (Там же. Л. 109об.).

[67] См.: Дело Андреевского и двух других (1941 г.)... Л. 123–123об. Дальнейшие аргументы в обоснование представления о нормальной сексуальности исходили от Левина, четвертого фигуранта этого дела, обвинение с которого было снято по причине психического заболевания. Он сказал: «О половой жизни я могу сказать, что в юношеском возрасте я занимался онанизмом, а когда женился, то бросил онанизм. С женой я прожил с 1929 по 1939 год, но с большими перерывами. Женщины меня привлекают и сейчас, но, когда я выпью вина, меня тянет к мужчинам. Я думаю, что это результат того, что я болен шизофренией. Когда я бываю трезвым, то мне акты мужеложства кажутся неприятными» (Там же. Л. 83–83об.).

[68] См.: *Рясенцев, В.А.* Два случая из практики. 1. Гомосексуализм? ... 1925. С. 152–154; *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 62–65 [«Развратные действия. Ст. 168 У.К. Гомосексуализм»]; [*Он же.* То же // Судебная психиатрия... 1928. С. 90–92 («Наблюдение 10-е. Развратные действия. Гомосексуализм. Ст. 168 У.К.»)]. Эти слегка различающиеся записи создают путаницу в вопросе о том, какая статья Уголовного кодекса была применена к Феодосии. Н.П. Бруханский говорит, что та была обвинена по ст. 168 УК РСФСР 1922 года; В.А. Рясенцев эту статью не называет. Если, как он утверждает, оправдание основывалось на «половой зрелости» Нины до ее связи с Феодосией, тогда суд использовал ст. 167 УК РСФСР 1922 года, согласно которой наказанию подлежало «половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости, сопряженное с растлением, или удовлетворение половой страсти в извращенных формах». Ст. 168 УК запрещала «развратные действия», рассматриваемые как непенетративное «развращение малолетних или несовершеннолетних, совершенное путем развратных действий в отношении их».

[69] *Рясенцев, В.А.* Два случая из практики... 1925. С. 153.

[70] *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 65.

[71] См.: *Рясенцев, В.А.* Два случая из практики... 1925. С. 154. См. также: *Бруханский, Н.П.* Материалы по сексуальной психопатологии... 1927. С. 62–65 – психиатр не упоминает ни об оправдании, ни о его гинекологическом обосновании, заканчивая свои записи психиатрическим диагнозом о гомосексуальности подсудимой .

[72] *Рясенцев, В.А.* Два случая из практики... 1925. С. 154.

[73] Она говорила, что «по найму работала с 1922 года ассистентом по кинематографии и ассистентом истории»; в партии – с 1922 года. См.: Приговор И. Степановой (1940 г.) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 38. Л. 17).

[74] См.: Там же. Л. 17–18. В деле находятся только обвинительный приговор и апелляционная жалоба, но из них непонятно, кто именно написал первоначальную жалобу и чей дневник попал в руки милиции. Дневник занимал в деле страницы с девятой по тридцатую, но, по-видимому, дело было уничтожено.

[75] См.: Там же. Л. 17. В США одна русская эмигрантка, комментируя свои встречи с «гомосексуалистами» в 1930-е годы в творческих и партийных кругах, указала на существование женщин, которые вступали в однополые любовные связи, старательно маскируя свои привычки, отличавшие партхозэлиту с ее жизненными привилегиями (см.: Harvard University Project on the Soviet Social System – Schedule «A» Interviews (1950–1953). P. 58–59 (Int. № 386)). Благодарю Эми Рэндэл (Randall, Amy) за эту ссылку.

[76] См.: *Полякова, С.В.* Поэзия Софии Парнок... 1979. С. 36. О домашней атмосфере и роли женщин как свидетельниц репрессий (обычно против их мужей) см.: *Holmgren, Beth* (1955–). Women's Works in Stalin's Time: On Lidiia Chukovskaya and Nadezhda Mandelstam. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1993. P. 9–10.

[77] В обвинительном приговоре по этому делу нет ни одной ссылки на применявшиеся критерии. «Правила» 1934 года утверждали, что «в судебно-медицинском смысле» понятие «половая зрелость» «в совокупности» определяет саму возможность вы́носить ребенка, интеллектуальное развитие, которое требуется для его последующего воспитания, а также готовность к независимому социальному существованию. См.: ГАРФ. Ф. А482. Оп. 25. Д. 879. Л. 24, 27–27об.; см. также: *Розенблюм, Е.Е.* [*и др.*]. Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза... 1935. С. 20–21.

[78] Как и во всех случаях мужеложства между взрослым и несовершеннолетним, в этом приговоре указывались способы, которыми пользовались взрослые, чтобы развратить объект своего преступления. И. Степанова действовала, «окончательно подчинив Анну Жукову своему влиянию покупкой сластей и обещанием дать ей достойное эпохе воспитание (*sic*!)... в г. Ленинграде, а затем – в Москве, куда она привезла Анну Жукову» (Приговор И. Степановой (1940 г.)... Л. 17).

[79] Согласно процессуальным правилам, не касавшимся дел по мужеложству, И. Степановой было также присуждено оплатить стоимость судебной экспертизы, услуги адвоката, а также вызов свидетелей.

[80] Самый высокопоставленный гомосексуал из хорошо известных большевиков – Георгий Васильевич Чичерин, народный комиссар иностранных дел (1918–1930 гг.), умер естественной смертью в 1936 году. Тому, что он перестал пользоваться благосклонностью И.В. Сталина, вероятно, способствовала его гомосексуальность (сам Г.В. Чичерин был осторожным и сдержанным человеком). Несомненно также, что охлаждение к нему произошло из-за недоверия И.В. Сталина к старым большевикам-интеллектуалам, изменения к концу 1920-х годов дипломатического климата и хронического заболевания наркома. Об этом см.: *O'Connor, T.E.* Diplomacy and Revolution... 1988. P. 133–167 [см. гл. 7, примеч. 44].

[81] Все находились на службе потребительского сектора экономики: три повара, водитель трамвая, электрик, помощник продавца и театральный капельдинер.

[82] Десять являлись служащими, восемь – деятелями культуры (художниками, музыкантами), четверо – работниками просвещения (школьными учителями, лекторами), еще четверо – отраслевыми специалистами (старшими инженерами, врачом и режиссером киностудии). И. Синяков (1937 г.) и Байкин (1939 г.) раньше были дворянами; двое других из дела Белова (1937 г.), проходивших по совокупности статей за контрреволюционную деятельность и мужеложство, были родом из бывших купеческих и бюрократических семей царского времени.

[83] Двое были безработными людьми пятидесяти с лишним лет. В 1935 году осуждены по делу Безбородова. Третьего судили в 1937 году по делу Белова за контрреволюционную деятельность и мужеложство. Тридцати двух лет от роду, он был действующим священником из дворян. С 1930 по 1933 год по распоряжению ОГПУ отбывал ссылку на Севере за «контрреволюционную деятельность». Обвинения в мужеложстве в конечном итоге были с него сняты, однако он получил десять лет за антисоветскую пропаганду.

ЭПИЛОГ

[1] В 1939 году свыше половины из 2,962 млн осужденных находились в трудовых колониях (по приговорам до трех лет) или в лагерях. Около миллиона человек содержалось в «трудовых поселениях». Там они были заняты на строительстве больших объектов промышленности или работали на рудниках. О местах заключения и их обитателях в 1937–1939 годах см.: *Wheatcroft, S.G.* and *Davies, R.W.* Population // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945... 1994. P. 70 [см. гл. 7, примеч. 2]. О ГУЛАГе см.: *Солженицын, Александр Исаевич.* Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования: [в 3 т., в 7 ч.]. Paris: YMCA-Press, 1973–1975. [Ч.] I–II. 1973. 607 с.: ил.; [Ч.] III–IV. 1974. 659 с.: ил., 1 л. портр.; [Ч.] V–VI–VII. 1975. 583 с.: ил., 1 л. порт.; *Он же.* То же. 2-е изд. Вермонт; Paris, 1989. 3 т.; *Solzhenitsyn, A.I.* The Gulag Archipelago: [in 3 vol.]. L.: Collins: Fontana, 1973–1978. О жизни в трудо-

вых поселениях см.: *Lahusen, Thomas*. How Life Writes the Book: Real Socialism and Socialist Realism in Stalin's Russia. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1997. XII, 247 p.: ill.

[2] Еще 2,75 млн являлись «спецпереселенцами», остатками депортированных малых народов, высланных в отдаленные северные и восточные регионы. См.: *Keep, John L.H.* Last of the Empires... 1995. P. 13.

[3] Исследователи, например, с удовольствием проинтервьюировали бы людей, переживших это время, однако найти тех, кто добровольно захотел бы рассказать об истории гомосексуального опыта или, скажем, разыскать женщин, которые не прочь поговорить о периоде своей жизни в Советском Союзе, — задача непростая. В этой связи см. прекрасное собрание интервью: A Revolution of Their Own: Voices of Women in Soviet History / ed. by Barbara Alpern Engel and Anastasia Posadskaya-Vanderbeck; transl. by Sona Hoisington. Boulder (CO); Oxford: Westview Press, 1998. X, 236 p.: ill., portr. Когда представляешь, какие препятствия приходилось преодолевать интервьюерам и что этим людям доводилось испытать, то усилия, связанные со сбором материалов по секс-гендерным диссидентам, представляются безмерными. Несколько впечатляющих попыток собрать данные такого рода упоминаются далее в этом разделе.

[4] См.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 94.

[5] Мнение о том, что в истории российской карательной системы эта культура «более или менее стабильна и универсальна», см.: *Kon, I.S.* Sexual Revolution in Russia... 1995. P. 221 [см. также: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России: клубничка на березке... 1997. С. 361]; предположение, что сталинские лагеря внесли свой вклад в распространение гомосексуальности в советском обществе, см.: *Shtern, Mikhail.* Sex in the USSR... 1980. P. 217, 267, 278.

[6] *Бек, Н.* В закрытом заведении: (Отрывки): Рождество в тюрьме // Урал: Газета полит., обществ. и литературная. Екатеринбург (Пермск. губ.), 1902. 31 декабря (№ 1675). С. 2. Благодарю Алексея Килина за копию этой статьи.

[7] Там же.

[8] Там же. В 1915 году в Московском окружном суде слушалось дело об изнасиловании семнадцатилетнего С.Г. Белоусова его сокамерниками Савельевым и Безруковым. После первого надругательства над юношей другой заключенный предложил ему сорок копеек за секс с ним (см.: ЦГИАМ. Ф. 142. Оп. 12. Д. 99. Л. 17–18, 20–21об.).

[9] [*Богора́з* (*Тан-Богораз*), *Владимир Германович* (1865–1936)]. Тюремныя мысли / Тан [псевд.] // Вестник Европы: Журнал науки—политики—литературы, / основанный М.М. Стасюлевичем в 1866 году. Санктпетербург, 1911. 46 год, ноябрь. С. 112–139 (на с. 129–131: «Пол в тюрьме (в бане)») (цит. по: *Гернет, М.Н.* В тюрьме: очерки тюремной психологии... 1925. С. 79–80).

[10] См.: *Гернет, М.Н.* В тюрьме... 1925. С. 77.

[11] Д.И. Ласс нигде не поясняет, что он понимает под «активной» и «пассивной» формами педерастии (см.: *Ласс, Д.И.* Половая жизнь заключенных... 1927. С. 19).

[12] См.: Там же. С. 4, 32–33; *Гернет, М.Н.* В тюрьме... 1925. С. 77–80.

[13] *Мельшин, Л.* [псевд.; наст.: Якубович, Петр Филиппович (1860–1911)]. В мире отверженных.: записки бывшаго каторжника: [в 2 т.] / Л. Мельшин; издание редакции журнала «Русское богатство». С.-Петербург: Тип. Б.М. Вольфа, 1899. Т. 2. С. 200–201, 234–235 (цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 87–89).

[14] *Гернет, М.Н.* В тюрьме... 1925. С. 77. Между тем Д.И. Ласс, используя формальные опросы и стандартные анкеты для выяснения деталей половой жизни заключенных, заметил, что «откровенных ответов на этот вопрос (о педерастии. – *Ред.*) нам не удалось получить». Антропологию тюремной «педерастии» он как-то мог еще наблюдать, но был не в состоянии ее описать, имея в распоряжении только анкетные данные. См.: *Ласс, Д.И.* Половая жизнь заключенных... 1927. С. 18.

[15] См.: *Озерецкий, Н.И.* Половые правонарушения несовершеннолетних... 1927. С. 149–150; *Ball, A.M.* And Now My Soul is Hardened... 1994. P. 125.

[16] См.: *Маркман, Владимир.* На краю географии; [Предисл. «За краем нашего мира» Р. Нудельмана; ред. Н. Рубинштейн; обл. и оформл. кн. худож. Г. Бердника]. М.; Иерусалим, 1979. С. 81–83 (цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 104).

[17] См.: *Кузнецов, Эдуард Самойлович.* Мордовский марафон / [ред. и послесл. Н. Рубинштейн; худож. Б. Пэнсон]. М.; Иерусалим, 1979. 256 с.: ил. В целой главе из мемуаров под названием «Странный народ» описывается, как «относительно же 30-х годов ему (автору. – *Ред.*) удалось установить лишь то, что в больших зонах пассивные "гомики" жили в отдельных бараках, которыми командовала "бандерша", то бишь "хозяйка" дома терпимости», – заключенный, выступавший в роли сводника (цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 200–201). О том же в трудовом лагере 1970-х годов см.: *Shtern, M.* Sex in the USSR... 1980. P. 264–265.

[18] См.: *Бондаренко, Владимир.* Голубые в серой стае // Кристофер. 1992. № 1. С. 32–33.

[19] См.: *Александров, В.* Арестантская республика / В. Александров // Русская мысль: ежемес. литературно-полит. издание. М., 1904. Год 25, кн. IX. С. 68–84 (паг. 2-я); *Трахтенберг, В.Ф.*, сост. Блатная музыка: («жаргон» тюрьмы): по материалам, собранным в пересыльных тюрьмах: Петербургской, Московской («Бутырки»), Виленской, Варшавской, Киевской и Одесской; в тюрьмах: в «Крестах», в «Доме предварительнаго заключения», в «Дерябинских казармах» (Петербург), в «Каменщиках» (Москва) / [сост.] В.Ф. Трахтенберг; под редакцией и с предисловием профессора И.А. Бодуэн-де-Куртенэ. С.-Петербург, 1908 (СПб.: Тип. А.Г. Розена). XIX, [1], 116 с. (цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 89–90).

[20] Обратиться к заключенному, используя глагол женского рода в прошедшем времени или назвав его «сукой» либо «бабой», было смертельным оскорблением. Обычно это делалось, чтобы дать человеку понять, что он из касты «пассивных педерастов». См.: *Александров, В.* Арестантская республика... 1904; *Фабричный, П.*, сост. Язык каторги // Каторга и ссылка: ист.-рев. вестник / Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1923. № 6. С. 177–188 (цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 91).

[21] См.: *Амальрик, Андрей Алексеевич* (1938–1980). Записки диссидента / Андрей Амальрик. [Ann Arbor]: Ardic, cop. 1982. С. 187–188; *Маркман, Владимир.* На краю географии... 1979. С. 81–83 [см. Эпилог, примеч. 16], а также интервью, записанное В. Козловским в 1973 году (все цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 94–95, 105 и сл.).

[22] См.: *Shtern, M.* Sex in the USSR... 1980. P. 258–266; *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 94–110; *Kon, I.S.* The Sexual Revolution in Russia... 1995. P. 218–222, 257 [см. также: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 361–364, 456]; *Бондаренко, Владимир.* Голубые в серой стае... 1992 [см. Эпилог, примеч. 18] (частично переведено в изд.: Out of the Blue... 1996); *Gessen, M.* We Have No Sex... 1990; *Idem.* The Rights of Lesbians and Gay Men in the Russian Federation... 1994; *Могутин, Ярослав Ю.* и *Франета, Соня.* Гомосексуализм в советских тюрьмах и лагерях... 1993.

[23] *Краснушкин, Е.К.* Что такое преступник? / [соч.] Е.К. Краснушкина // Преступник и преступность. М.: Изд. Мосздравотдела, 1926. Сборник I / Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности. С. 6.

[24] См.: *Rossi, Jacques.* The Gulag Handbook: An Encyclopedic Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions and Terms Related to the Forced Labor Camps / trans. by W.A. Burhaus. N.Y.: Paragon, 1989. P. 231–232; [*Росси, Жак*, сост. Справочник по ГУЛАГу: исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / [сост.] Жак Росси; предисловие Алена Безансона. London: Overseas Publications interchange Ltd., 1987. [4], III, [1], 5–546 с.; *Он же.* Справочник по ГУЛАГу: в двух частях / [сост.] Жак Росси. Издание второе, доп. / текст проверен Натальей Горбаневской. М.: «Просвет» [А.Н. Севастьянов], 1991 [т. е. 1992] (М.: ЦТ МО). (Преступление и наказание в мировой практике). Ч. 1. [4], III, [1], 5–263, [1], 263[а] – 263[е], [14] с.; Ч. 2. [3], 264–546, [2] с. (на с. 273, 282–283)]. 13 июля 1941 года осужденный за мужеложство Андреевский был переведен из Бутырской тюрьмы в Москве в «Вятлаг» НКВД на 1-ю Фосфоритную, в то время как Федоров, проходивший с ним по одному делу, отбывал свое наказание в Бутырке. См.: Дело Андреевского и двух других (1941) (ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 51. Л. 128, 130).

[25] См.: *Solzhenitsyn, A.I.* The Gulag Archipelago... L., 1973. Vol. 1. P. 499–512 [см. Эпилог, примеч. 1].

[26] Описание тюрем поздней советской эпохи и мужской иерархии с точки зрения профессора археологии, отсидевшего в 1980-х три года за мужеложство, см.: *Самойлов, Лев**. Путешествие в перевернутый мир / Лев Самойлов // Нева: ежемес. лит.-художеств. и обществ.-полит. ил. журн. / орган Союза писателей РСФСР и Ленингр. писательской организации. Л.: Художеств. лит., Ленингр. отд-ние, 1989. № 4. С. 150–164.

[27] О культуре французских женщин-заключенных см.: *Sautman, F.C.* Invisible Women... 1996. P. 193–194.

[28] См.: *Гернет, М.Н.* В тюрьме... 1925. С. 80–81.

[29] См.: *Ласс, Д.И.* Половая жизнь заключенных... 1927. С. 19.

[30] См.: Там же. С. 11, 15, 19. Социальные гигиенисты и просветители сожалели, что заключенные делили постель, и писали с разной степенью откровенности о том, что это может привести к половым извращениям; см.: *Ланда, В.З.* Опыт изучения эффективности санитарно-просветительной работы на предприятии / В.З. Ланда (Киев) // Врачебное дело: научный медицинский журнал. Харьков: «Научная мысль» Учр. НКЗ УССР, 1929. Год изд. 12, 30 ноября 1929. № 22. Стб. 1437–1440; То же. Отд. оттиск. Харьков, 1929. 8 с. *Ланда, В.З.* Опыт планирования санитарно-просветительной работы на предприятии // Там же. 1930. Год изд. 13, 1 сент. 1930 г., № 17. Стб. 1237–1240; То же. Отд. оттиск. Харьков, [1930]. 8 с.; *Москалевич-Каретникова.* Сексуальные правонарушения над малолетними как со стороны самих несовершеннолетних, так и взрослых субъектов по данным Ленинградского Комонес'а за период времени с 1926 по 1927 год и Губсуда за 1927 г.: тезисы дипломной работы Москалевич-Каретниковой // Вопросы изучения и воспитания личности: (Педология и дефектология): журнал Главнауки / Гос. психо-неврологическая академия и Гос. рефлексологический ин-т по изучению мозга; отв. редакторы: проф. А.С. Грибоедов и д-р мед. В.Н. Осипова... Л.: Издание Гос. психо-неврологической академии и рефлексол. ин-та по изучению мозга, 1929. Год изд. 8, 1929. № 3–4. С. 59–64.

[31] *Гернет, М.Н.* В тюрьме... 1925. С. 80.

[32] М.Н. Гернет, видимо, неправильно понял слово, о котором сообщает, или в 1920–1930-е годы оно приобрело противоположное значение. См.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 126. О недавних психиатрических текстах, указывающих на использование этого термина современными женщинами-заключенными для обозначения «активных» партнеров, или «мужей», см.: *Волков, В.Н., Калиниченко, С.И., Пищелко, А.В.* Сексуальные извращения у осужденных женщин... 1992. С. 55.

[33] См., напр., психиатрический портрет так называемой Маркизы с Лиговки (район Ленинграда) в изд.: *Ленц, А.К.* Криминальные психопаты... 1927. С. 48–50; описание заключенных-гомосексуалок см.: *Лившиц, Р.И.* Реакция д-ра Манойлова как показатель нарушения секреторной функции половых желез при сексуальных преступлениях... 1925.

---

* [Псевдоним. Настоящая фамилия раскрыта самим автором в своей книге, см.: *Клейн, Л.С.* Другая любовь... СПб., 2000. С. 15.]

[34] Об изучении женской гомосексуальности, опирающейся главным образом на наблюдения за женщинами-заключенными, см.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма... 1965. См. также: *Волков, В.Н.* [*и др.*] Сексуальные извращения у осужденных-женщин... 1992.

[35] *Lipper, Elinor* (1912–). Eleven Years in Soviet Prison Camps / authorized translation from the original German by Richard and Clara Winston. Chicago: Regnery, 1951. P. 158.

[36] *Олицкая, Екатерина Львовна.* Мои воспоминания: [в 2 т.] / Е. Олицкая; [обл. Н.И. Николенко]. [Frankfurt/Main]: Посев., cop. 1971. [Т.] II: (Гл. 7–15). С. 243–244 (цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 111).

[37] См.: *Улановская, Майя Александровна.* (1932–). Конец срока – 1976 год // Время и мы: журн. литературы и общественных проблем: выходит один раз в месяц / гл. ред. Виктор Перельман. Тель-Авив: Изд-во «Время и мы», 1976. № 10, авг. С. 153–155 (цит. по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 114–116). Все цитаты из текста М.А. Улановской взяты из отрывка ее воспоминаний, помещенного в книге В. Козловского. На тюремном жаргоне слово «кобёл», произносимое с «ё» во втором слоге, начиная с 1940 года обычно обозначало женщину, «исполнявшую половые функции мужчины». Похоже, это нарочито искаженная форма слова «кобель», обозначающего собаку мужского пола. См.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 126.

[38] М.А. Улановская цитирует частушку, которую пела некая блатная заключенная-лесбиянка: «Ой, спасибо Сталину, / Сделал с меня барыню – / И корова я, и бык, / Я и баба, и мужик» (*Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 115).

[39] См.: *Гинзбург, Евгения Семёновна* (1906–1977). Крутой маршрут: тюрьма–лагерь–ссылка: [в 2 т.] / Евгения Гинзбург. Milano: Arnoldo Mondadori editore, cop. 1979. Т. 2. С. 113 (цит по: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 113); *Solzhenitsyn, A.I.* The Gulag Archipelago... 1975. Vol. 2. P. 234–235 [см. Эпилог, примеч. 1]; *Grossman, V.S.* Forever Flowing. L.: Collins Harvill, 1998. P. 116–117 [см.: *Гроссман, Василий Семёнович* (1905–1964). Всё течёт... / [обл. Н.И. Николенко]. Frankfurt/M.: Посев, 1970. 207 с. Наст. имя: Гроссман, Иосиф Соломонович].

[40] См.: *Zhuk, Olga.* The Lesbian Subculture... 1994. P. 146–153; *Жук, Ольга.* Русские амазонки... [1998].

[41] *Zhuk, O.* The Lesbian Subculture... 1994. P. 150; см. также: *Бондаренко, Владимир.* Голубые в серой стае... 1992 [см. Эпилог, примеч. 18].

[42] См.: *Волков, В.Н.* [*и др.*]. Сексуальные извращения у осужденных-женщин... 1992. С. 56.

[43] По оценкам, число первых «возвращенцев» достигало 7–8 млн человек. См.: [*Медведев, Рой Александрович, Медведев, Жорес Александрович.* Н.С. Хрущев: годы у власти / Рой А. Медведев и Жорес А. Медведев. Ann Arbor: Xerox University Mikrofilms, 1975. VIII, 190 p.;] *Medvedev, R.A.*,

Medvedev, Zh.A. Khrushchev: The Years in Power / Roy A. Medvedev, Zhores A. Medvedev; translated [from the Russian] by Andrew R. Durkin. London: Oxford University Press, 1977. XIII, 198 p. (на с. 20). Основанные на архивах данные см.: *Иванова, Галина Михайловна.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства / Московский общественный научный фонд. М.: ЗАО «Первый печатный двор», 1997. 227 с. (Российские общественные науки: новая перспектива); *Keep, John L.H.* Last of the Empires... 1996. P. 13, 77 [см. Эпилог, примеч. 2].

[44] Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 года «Об отмене запрещения абортов» см.: Уголовное законодательство СССР и союзных республик... 1957. С. 35. О других упомянутых мерах см.: *Berman, H.J.* Justice in the USSR... 1963. P. 72–76.

[45] Статья 154-а, в которой были оговорены низшие пределы наказания, была введена в 1934 году. Судьям был дан знак, что такое преступление надлежит карать со всей строгостью. Наказание за мужеложство, введенное в 1934 году в УК РСФСР 1926 года и нашедшее выражение в виде ст. 154-а, перекочевало в УК РСФСР 1960 года как ст. 121. Вот ее текст:

«Статья 121. Мужеложство

Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) – наказывается лишением свободы на срок до пяти лет.

Мужеложство, совершенное с применением физического насилия, угроз или в отношении несовершеннолетнего, либо с использованием зависимого положения потерпевшего, – наказывается лишением свободы на срок до восьми лет».

[46] В 1945 году, с окончанием Второй мировой войны, далеко не всегда выходили на свободу мужчины-гомосексуалы, отправленные фашистами в концентрационные лагеря и тюрьмы. Для американских и британских юристов эти заключенные были преступниками, которым надлежало в полной мере отбыть свои сроки. Им не полагалось никакой компенсации, более того, в Западной Германии нацистский закон против мужских гомосексуальных отношений, введенный в 1935 году, действовал аж до 1969-го. В Восточной Германии коммунистический режим сохранял фашистскую редакцию антигомосексуальной статьи вплоть до 1967 года; см.: *Plant, R.* The Pink Triangle... 1986. P. 181.

[47] Человек, отбывавший срок в 1980-х годах в исправительном лагере, утверждал, что культура заключенных в мужских лагерях была в высшей степени жесткой и самодостаточной, чтобы существенным образом ограничивать любой контроль, осуществляемый властями (см.: *Самойлов, Лев.* Путешествие в перевернутый мир // Нева. Л., 1989. № 4. С. 154–157).

[48] В 1945 году женщины составляли 24% обитателей лагерей и 38% населения трудовых колоний. В дальнейшем их доля в населении ГУЛАГа сократилась. См.: *Keep, John.* Last of the Empires... 1996. P. 13 [см. Эпилог, примеч. 2].

[49] Доказательства этих доводов еще предстоит обнаружить, однако один из наиболее известных выпадов Н.С. Хрущева может проиллюст-

рировать тональность его мыслей на сей счет. В декабре 1962 года в Москве он посетил официально санкционированную выставку художников несоциалистического реализма, творивших в пору «оттепели». Раздосадованный собственным непониманием, лидер Коммунистической партии взорвался от ярости и обозвал художников «пидарасами» (неграмотный, из лагерного жаргона, вариант слова «педераст»). См.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 161. Во время разговора с этими людьми Н.С. Хрущев, очевидно, прибег к самому оскорбительному слову, какое только пришло ему на ум. Грубая лексика, типичная для выражения мнения партии времен первого варианта закона против мужеложства 1933–1934 годов, укоренилась в сознании лидера, который при желании мог (если следовать логике десталинизации) отменить этот закон. Еще больше свидетельств подобной обеспокоенности можно найти в работах о гомосексуалах, предпринятых отдельными исследователями во время той эпохи. Об этом см. ниже.

[50] О химических мазках и произведенных пальцами ректальных исследованиях в целях сбора доказательств см.: *Блюмин, И.Г.* К вопросу судебно-медицинской экспертизы мужчин при половых преступлениях... 1966. С. 380–386. О преимуществах «сфинктерометрии» и «сфинктерограмм» (использование аппарата для измерения тонуса мышц через гидравлическое смещение) над грубыми догадками, полученными методом пальпации, см.: *Блюмин, И.Г.*, *Гельфенбейн, Л.С.* Об одном диагностическом признаке при экспертизе половых состояний мужчин... 1966. С. 390–393.

[51] См.: *Блюмин, И.Г.* О некоторых функциональных признаках гомосексуализма... 1969. С. 32–33.

[52] См.: *Шварц, А.Л.* К вопросу о признаках привычной пассивной педерастии: (из наблюдений в азиатской части г. Ташкента)... 1906. С. 816–818.

[53] См.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 179.

[54] Сексологические семинары и публикации начали появляться в середине 1960-х годов, см.: *Кон, И.С.* Там же. С. 179–181.

[55] См.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма... 1965.

[56] См.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 181. См. также: *Свядощ, А.М.* Женская сексопатология. М.: Медицина, 1974. Эта книга была издана тиражом 100 000 экз. и приобрела значительную популярность за пределами медицинских кругов.

[57] Было сделано несколько исключений – экспериментальных попыток психотерапии и медикаментозного лечения мужской гомосексуальности горстки пациентов, вероятно, намеренно отобранных из пенитенциарной системы. См.: *Иванов, Н.В.* Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств... М., 1966. С. 134–139; *Голанд, Я.Г.* К вопросу о психотерапии гомосексуализма... 1968. С. 434–436; *Он же.* О ступенчатом построении психотерапии при мужском гомосексуализме... 1972. С. 473–486; исследования И.Г. Блюмина (обсуждались выше) отвечали требованиям милиции и не обнаруживали каких-либо попыток

отнести «гомосексуалистов» к сфере психиатрии, напр., предложив скорее терапевтические, нежели карательные решения этой «проблемы».

[58] См.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма... 1965. Л. 50; о трех историях такого типа см.: Там же. Л. 140–148. Е.М. Деревинская упомянула о помощи ей в трудовом лагере МВД со стороны двух врачей, см.: Там же. Л. 253.

[59] Там были 69 русских, 17 украинок, 5 армянок, 2 латышки, литовка, еврейка и цыганка. Восемьдесят восемь женщин имели образование ниже неполного среднего, и из них больше половины учились четыре года и меньше. Из 53 женщин с опытом работы 40 были рабочими (сапожницами, операторами токарных станков, водителями, швеями, уборщицами, кухонными работницами и др.), 12 – служащими (библиотекарями, продавцами, секретаршами), одна – молочницей, единственной крестьянкой в этой группе. См.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма... 1965. Л. 47–52.

[60] Е.М. Деревинская ознакомилась со 175 иностранными сексологическими трудами по гомосексуальности, а также психологии и физиологии сексуальности, включая перевод труда Р. фон Крафт-Эбинга (изд. 1909 г.). Она опиралась также на исследования Альфреда Кинси (Kinsey, Alfred C.; 1894–1956) о мужском и женском сексуальном поведении, учение З. Фрейда о случаях женской гомосексуальности и сообщение Эйгена Штейнаха и Роберта Лихтенштерна 1918 года о пересадке яичек мужчине-гомосексуалу. В ее библиографии приведены еще несколько менее значительных американских исследований 1930–1940-х годов. Из русских авторитетов (110 названий) она цитировала В.М. Бехтерева, В.П. Осипова, М.Я. Серейского и Е.А. Попова.

[61] См.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма... 1965. Л. 73–76, 104, 116–120.

[62] Е.М. Деревинская, возможно, считала, что возвращавшиеся к гетеросексуальным отношениям «пассивные» женщины предъявляли к партнерам-мужчинам необычные сексуальные требования. «Так, Г.Л. и Ф.Р. рассказывали, что им удалось уговорить своих мужей вызывать у них эротическое возбуждение таким путем, каким это делали их партнерши. Влечение к женщинам у них исчезло» (*Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма... 1965. Л. 140).

[63] В 1960–1970-е годы аминазин применялся в советских психиатрических заведениях как «карательный» инструмент. Его седативные свойства ценились за способность усмирять буйных «пациентов». Дозы часто завышались, что могло привести к поражению печени и даже к летальному исходу (см.: *Podrabinek, Alexander.* Punitive Medicine. Ann Arbor: Karoma, 1980. P. 88–89).

[64] См.: *Деревинская, Е.М.* Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма... 1965. Л. 204–205, 236–237.

[65] См.: *Свядощ, А.М.* Женская сексопатология... 1974. С. 165–167.

[66] См.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 182.

[67] Там же.

[68] О медицинской этике поздней советской эпохи см.: *De George, Richard T.* Biomedical Ethics // Science and the Soviet Social Order / ed. by Loren R. Graham. Cambridge (MA); L.: Harvard University Press, 1990. P. 195–224 (IX, 443 p.).

[69] См.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men in the Russian Federation... 1994. P. 17–18; *Durand, Catherine* and *Gonnard, Catherine.* Pas de perestroika pour Olga // Lesbia Magazine. Paris: Association Lesbia, November 1990. Vol. 88. P. 14–15; *C.D.* L'amour traité en hôpital psychiatrique // Gai Pied Hebdo [: еженед. журн.]. Paris, 1991. 14 February (№ 457). P. 56.

[70] См.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men... 1994. P. 18.

[71] См. письмо, написанное в начале 1990-х годов вологодской лесбиянкой, которую мать направила к «сексопатологу». Дочь сообщает: «Врач дал мне направление на анализ мочи и сказал, что если я мужчина по анализам, то он может отправить меня на переделку в Москву!» (*Краузе, Ольга.* Ваши письма // «Gay, Славяне!» СПб.; [М.: Арго-Риск], 1994. № 2. С. 90).

[72] О социальной эволюции на закате Советского Союза см.: *Lewin, Moshe* (1921–). The Gorbachev Phenomenon: A Historical Interpretation. L.: Hutchinson Radius, 1988. [176] p.; *Kaiser, Robert G.* (1943–). Why Gorbachev Happened: His Triumphs and His Failure. N.Y.: Simon & Schuster, cop. 1991. 476 p.: map.; *Lane, David Stuart.* Soviet Society under Perestroika. Rev. ed. L.: Routledge, 1991. XI, 441 p. О России после 1991 года см.: *Sakwa, Richard.* Russian Politics and Society. 2d ed., [enl. a. rev.]. L.: Routledge, 1996. XVII, 501 p.: map.

[73] Об эволюции за эти годы столичной субкультуры см.: *Healey, Dan.* Moscow // Queer Sites: Gay Urban Histories since 1600 / ed. by David Higgs. L.: Routledge, 1999. P. 51–57.

[74] См.: *Dorf, Julie.* On the Theme... 1990 [см. Введ., примеч. 59].

[75] Множились литературные издания, со страниц которых всё громче звучали голоса лесбиянок и геев, раздавались требования соблюдения прав человека в отношении «сексуальных меньшинств». См.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men... 1994; *Zhuk, Olga.* The Lesbian Subculture... 1994 P. 146–153; Sex and Russian Society... / ed. by Igor Kon and James Riordan. L.: Pluto, 1993; *Kon, I.S.* The Sexual Revolution in Russia... 1995; *Riordan, J.* Sexual Minorities... 1996; *Tuller, D.* Cracks in the Iron Closet... 1996; *Schluter, Daniel.* Fraternity without Community... 1998; *Essig, L.* Queer in Russia... 1999.

[76] О росте движения геев за свои права, его американском зарождении и глобализации см.: *Altman, Dennis.* The Homosexualization of America, the Americanization of the Homosexual. N.Y.: St. Martin Press, 1982. 242 p.; *Adam, B.D.* The Rise of a Gay and Lesbian Movement... 1987; *D'Emilio, J.* Making Trouble... 1992; The Global Emergence of Gay and Lesbian Politics: National Imprints of a Worldwide Movement... 1999 [см. Введ., примеч. 52].

[77] Такой повышенный интерес подогревался изданиями геев и заботливым взращиванием поклонников гейской и лесбийской литератур. К 1980 году несколько западных газет и журналов уделили много внимания жизни геев в СССР, судьбам тех, кто был обвинен по статьям ан-

тимужеложного закона. См., напр.: *Reeves, T.* Red and Gay... 1973. № 6. P. 3–6; *Schuvaloff, George.* Gay Life in Russia // Christopher Street. N.Y.: That New Magazine, Inc.: Charles L. Ortleb, publisher, 1976. September; *Karlinsky, S.* The Case of Gennady Trifonov // Ibid. 1979. January; «*G*». The Secret Life in Moscow / G. [pseud.] // Ibid. 1980. June. P. 15–21.

[78] Перевод «Открытого письма» Г. Трифонова и «Письма из тюрьмы» см.: Out of the Blue... 1996. P. 226–232; см. также: *Трифонов, Геннадий.* Открытое письмо [в «Литературную газету»] // Козловский, В. Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 187–192; о деле Г. Трифонова см. также: *Karlinsky, S.* Russia's Gay Literature and Culture... 1989. О пребывании в Москве А. Пещаны и его протестах см.: *Steinle, Karl-Heinz.* Gay Liberation von 1969 bis heute: DDR und UdSSR // Goodbye to Berlin?: 100 Jahre Schwulenbewegung... 1997. S. 301.

[79] А.Д. Сахаров отказался помогать А. Пещане, поскольку боялся, как бы на него самого не навесили ярлык гомосексуала; об этом см.: *Steinle, K.-H.* Op. cit.... 1997. Первый же феминистский самиздатовский журнал, выпущенный в Ленинграде в 1979 году, вызвал разгневанные обвинения с «обеих сторон» — и диссидентов, и официальной прессы. См.: *Mamonova, T.* Russian Women's Studies... 1989. P. 138–142.

[80] Деятельность «Лаборатории геев» заслуживает более подробного документирования; см.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 367; *Shcherbakov, Sergei* (Щербаков, Сергей). On the Relationship between the Leningrad Gay Community and Legal Authorities in the 1970s and 1980s // Sexual Minorities and Society: The Changing Attitudes toward Homosexuality in 20th Century Europe... Tallinn, 1991. P. 94–104. Расшифровка магнитофонной записи заявления, сделанного членом группы и полученного в январе 1984 года Международной ассоциацией геев, хранится в архиве «Schwulesmuseum» (Берлин). Заявление открывается подытоживанием того, что именно иностранные геи знали о России («...полиция, КГБ, диссиденты, Сергей Параджанов, заключенные и общественные туалеты. C'est la vie en Russie, charmant cocktail a la russe (*фр.* "Такова жизнь в России, чудесный коктейль по-русски")». Говорящий представляется двадцатисемилетним членом Коммунистической партии и жителем Ленинграда. «Я не думаю, — продолжает он, — что антигеевская политика [нашей страны] правильна. Полагаю, что в нашем обществе она действует как деструктивная сила. Она делает людей враждебными к нашей политической и социальной системе. Гомофобия подрывает международный престиж Советского Союза и компрометирует идеалы социализма и коммунизма. Из-за этого становится трудно противостоять антисоветским силам на Западе, которые говорят, что Советский Союз — негуманное государство и что русские — недоразвитые варвары. Как патриот Советского Союза, я не выношу циничную и демагогическую пропаганду, нацеленную на миллионы геев и лесбиянок — граждан СССР...» Выступающий замечает, что главные обидчики советских геев и лесбиянок не «невежественные массы гетеросексуальных мужчин и женщин», а «коррумпированные бюрократы и их прислужники, которые не имеют никакого отношения к социализ-

му и коммунизму», эти силы больше не верховодят, поскольку массовый террор был ликвидирован послесталинской политической системой и советская страна больше не изолирована, как это было во времена Сталина. Неизвестный оптимистично заключает, что с помощью иностранных организаций геев «мы сможем получить совсем другой коктейль по-русски. Этот новый коктейль состоит из мужества, страсти, солидарности и знания... Время для освобождения геев в СССР пришло».

[81] См.: *Шаргородский, Михаил Давидович, Осипов, Павел Павлович.* Мужеложство (педерастия) / М.Д. Шаргородский, П.П. Осипов // Курс советского уголовного права: [в 5 т.] / Ленингр. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени Гос. ун-т им. А.А. Жданова, [Кафедра уголовного права юрид. факультета; отв. редакторы: проф. Н.А. Беляев, проф. М.Д. Шаргородский]. [Л.]: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. Т. 3: Часть особенная. Гл. 5: Преступления против личности. §8: Половые преступления против совершеннолетних (достигших брачного возраста) лиц. X: Мужеложство (педерастия). С. 645–648. Данный комментарий к уголовному закону в означенном отношении был необычен; см. его описание и юридический контекст: *De Jong, B.* «An Intolerable Kind of Moral Degeneration»... 1982. P. 341–357.

[82] См.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 359. В 1974 году А.Н. Игнатов успешно защитил докторскую диссертацию (по половым преступлениям), в которой вопреки возражениям партийных функционеров призывал к декриминализации мужеложства [; см.: *Игнатов, Алексей Николаевич.* Проблемы уголовной ответственности за преступления в области половых отношений в советском уголовном праве: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра юрид. наук: 12.00.08 / А.Н. Игнатов; Всесоюзн. ин-т по изучению причин и разработки мер по предупреждению преступности. Для служебного пользования. М., 1974. 35 с.; *Он же.* Квалификация половых преступлений / А.Н. Игнатов. М.: «Юрид. лит.», 1974. 254 с. Для служебного пользования: *Он же.* Ответственность за преступления против нравственности.: (Половые преступления) / А.Н. Игнатов. М.: «Юрид. лит.», 1966. 206 с. Экз. №. Все эти издания находились в спецхране РГБ (группа литературы для служебного пользования (ДСП)). В 1994 году издание 1966 года было передано в основной фонд, но его заштабелировали, хотя РГБ имеет всего один экземпляр]. См.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men... 1994. P. 10.

[83] См.: Общая сексопатология: Руководство для врачей / Под ред. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1977; Частная сексопатология: (Руководство для врачей): В 2 т. / Под ред. проф. Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1983; *Кон, И.С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1988; в немецком переводе (1985 г.) книга И.С. Кона имела хождение в Западной и Восточной Германии.

[84] См., напр.: Частная сексопатология... 1983. Т. 2. С. 109–114. Этот раздел был написан горьковским психиатром Я.Г. Голандом, специалистом по психотерапевтическому лечению гомосексуальности. См. также: *Голанд, Я.Г.* К вопросу о психотерапии гомосексуализма... 1968. С. 434–436; *Он же.* О ступенчатом построении психотерапии при мужс-

ком гомосексуализме... 1972. С. 473–486. Использование электрошоковой терапии для «лечения» гомосексуалов, которая вроде бы применялась в конце 1950-х –1960-х годах в Институте высшей нервной деятельности АН СССР в Москве, в этих трудах не упоминается.

[85] См.: *Игнатов, Алексей Николаевич.* Об ответственности за половые преступления / А. Игнатов, профессор // Советская юстиция: журн. М-ва юстиции РСФСР и Верховного Суда РСФСР: основан в 1922 году: выходит два раза в месяц / Гл. ред. Давыдов В.А. М.: Изд-во «Юрид. лит.», 1988. № 3. С. 28–29 (в 3 стб.). (К разработке нового уголовного законодательства).

[86] См.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 360–361.

[87] См.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men... 1994. P. 24–25.

[88] Об этом движении см.: *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997; *Tuller, D.* Cracks in the Iron Closet... 1996; *Riordan, J.* Sexual Minorities... 1996. О проведении конференции в Эстонской ССР см.: Sexual Minorities and Society... Tallinn, 1991.

[89] См.: *Schluter, D.* Fraternity with out Community... 1998; *Essig, L.* Queer in Russia... 1999.

[90] См.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men... 1994. P. 24. О законе см.: Закон Российской Федерации о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР // Российская газета. М., 1993. 27 мая. С. 6.

[91] См.: «Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев»... 1993. С. 164–165. Провал выступления групп геев и лесбиянок, организовавших кампанию по обретению подлинного политического влияния, а также двойственное отношение первого российского президента к декриминализации мужеложства очевидны, если принять во внимание характер публикации письма Г. Уайта И.В. Сталину, сопровождавшегося откровенными пассажами Г.Г. Ягоды и И.В. Сталина. Письмо Г. Уайта получило подзаголовок «Юмор из спецхрана», и к нему отнеслись как к экзотической находке, см.: *Уайт, Г.О.* «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?» // Источник. М., 1993. № 5–6. С. 185–191. Спустя некоторое время ежемесячник «Совершенно секретно» (см.: Может ли гомосек быть генсеком?: история вопроса в документах: Уайт – Сталину, май 1934 г. [и др. документы] / [предисл. и публ.] Л. [псевд.] // Совершенно секретно: международный ежемесячник: основан Юлианом Семеновым в 1989 году / гл. ред. Артем Боровик. М., 1996. № 2 (81). С. 15: ил. (Информация к размышлению); 43 × 20,5 см) и газета «Труд» (см.: *Турченко, Сергей.* Половые диссиденты: как Сталин и Ягода боролись с нетрадиционной сексуальной ориентацией, которая расходилась с генеральной линией партии // Труд-7: Ваш домашний собеседник – каждый четверг: выходит с 19 февр. 1921 г. / Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Редакция газеты “Труд”»; гл. ред. А. Потапов. М., 2000. 24 февр. – 1 марта (№ 35 (23508)). С. 21: ил. (Рассекречено)) перепечатали этот материал, снабдив его собствен-

ными комментариями и фотомонтажом. Чтобы развлечь читателей, «Труд» добавил к этому боковую колонку «Почему в Кремле работали в перчатках», предложив еще один любопытный архивный документ – записку Александра Николаевича Поскребышева (1891–1965) на имя И.В. Сталина от 26 октября 1935 года о гигиене при вскрытии писем, циркулировавший с тех пор, как кто-то прислал И.В. Сталину конверт, полный экскрементов. Однако, оставив в стороне журналистскую безвкусицу, заметим, что подобное обнародование ранее недоступных архивных документов являлось частым политическим приемом времен президентства Б.Н. Ельцина, см.: *Davies, R.W.* Soviet History in the Yeltsin Era... 1997. P. 111–114.

[92] См.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men... 1994. P. 12, 28–35.

[93] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: принят Государственной Думой 24 мая 1996 года / С комментарием доктора юридических наук, профессора, государственного советника юстиции 3-го класса Б.В. Волженкина и предметно-постатейным указателем. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. С. 64–65 (Ст. 132). Об общественной реакции см.: *Gessen, M.* The Rights of Lesbians and Gay Men... 1994. P. 25–27; *Кон, И.С.* Сексуальная культура в России... 1997. С. 373–375.

[94] По сравнению с лаконичной лексикой советских законов стиль постсоветского Уголовного кодекса Российской Федерации от 24 мая 1996 года в ст. 131–135 (гл. 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности» раздела VII «Преступления против личности») характеризуется детальным описанием условий и отягчающих обстоятельств. Гетеросексуальное «изнасилование» (ст. 131) и «Насильственные действия сексуального характера. Мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера с применением насилия или угрозой его применения к потерпевшему (потерпевшей) или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)» (ст. 132) наказывались лишением свободы на срок от 3 до 15 лет. Отягчающими в каждом случае названы идентичные обстоятельства. Кодекс предписывал преследовать «понуждение к действиям сексуального характера» (ст. 133) и «половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» (ст. 134). При этом «мужеложство» и «лесбиянство» недвусмысленно ставились в один ряд с «половым сношением» – термином, зарезервированным главным образом для гетеросексуальных пенетративных (проникающих) действий сексуального характера. Согласно кодексу, наказывались также «развратные действия» – совершение развратных действий без применения насилия в отношении лица, заведомо не достигшего четырнадцатилетнего [в ред. федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ – шестнадцатилетнего] возраста» (ст. 135). Этот термин сохранился с советских времен для обозначения непенетративных (непроникающих) сексуальных действий. См.: Уголовный кодекс Российской Федерации... 1996 (ст. 131–134). С. 63–66.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

[1] Цит. по: *Карлинский, С.* «Ввезен из-за границы...»?... 1991. № 11. С. 104. В примеч. 1 на с. 106 своей книги С. Карлинский сообщает: «Цитирую по письму L. Joyce в редакцию “New York Rewiew of Books” (1991. April 11)».

[2] См.: *Kotkin, S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization... 1995.

[3] См.: *Martin, Terry.* Modernization or Neo-traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // Stalinism: New Directions / ed. by Sh. Fitzpatrick. L.: Routledge, 1999. P. 348–367.

[4] См.: *Kotkin, S.* Magnetic Mountain... 1995. P. 355–366.

[5] *Martin, T.* Modernization or Neo-traditionalism?.. 1999. P. 355, 361.

[6] См.: *Sedgwick, E.K.* Epistemology of the Closet... 1990. P. 85.

[7] См.: *Новополин, Г.С.* Порнографический элемент в русской литературе... [1909]. С. 169.

[8] Скандал 1988 года в Элисте из-за ВИЧ драматизировал «географию перверсий». Поиск причины заражения 27 госпитализированных детей в Элисте (Калмыкская АССР) через нестерилизованные шприцы в родильном отделении вывел на след советского моряка торгового флота, которому в 1981 году в Конго было сделано переливание крови. Позже он заразил свою жену и новорожденного ребенка. Статья о первом в СССР пациенте с ВИЧ-инфекцией, «инженере-гее, который подцепил вирус в Африке», сделала более рельефной «географию перверсий». Вообще, в советской прессе СПИД изображался как болезнь развращенных иностранцев и тех советских граждан, которые настолько антиобщественны, что сожительствуют с иностранцами. Об Элисте и СПИДе в журналистике позднего советского периода см.: *Healey, Dan.* Can Glasnost Cope with AIDS? // The Pink Paper. L.: Millivres Publishing Group (MPG), 1989. 18 March. P. 2; о первых советских гражданах – жертвах СПИДа см.: *Riordan, J.* Sexual Minorities... 1996. P. 161.

[9] См.: *Martin, T.* Modernization or Neo-traditionalism?.. 1999. P. 360–361. О примере «обработки» фольклора см. деликатное упоминание об отрицании однополой любви как элемента русского «побратимства» (имеются в виду религиозные и светские союзы между не состоящими в родстве мужчинами) в документах царской эпохи: *Громыко, М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. ... 1986. С. 86. О придании благопристойности описаниям антропологов этих традиционных крестьянских союзов см.: *Boswell, J.* Same-Sex Unions in Premodern Europe... 1994. P. 267–279. Комментарии к различиям между «побратимством» и мужской однополой любовью в русской истории см.: *Healey, D.* Moscow... 1999. P. 41–42.

[10] См.: *Bleys, R.C.* The Geography of Perversion... 1995. P. 267.

ПРИЛОЖЕНИЕ

[1] «Мы, наверное, никогда не узнаем, сколько людей пострадало; вероятно, около четверти миллиона» (*McKenna, Neil.* Men of the Lunar

Light... 1990. P. 49 [см. Введ., примеч. 36]). Большинство попыток установить точную цифру отталкивается от приблизительного числа судебных процессов в 1960-е годы (около 1000 в год), см.: *De Jong, B.* «An Intolerable Kind of Moral Degeneration»... 1982. P. 341–357; *Кон, И.С.* Лунный свет на заре... 1998. С. 311; *Щербаков, Сергей.* Социальные последствия пребывания голубых в неволе // «Gay, Славяне!» СПб.; [М.: АргоРиск], 1993. № 1. С. 71.

[2] См.: *Трифонов, Юрий.* Советские гомосексуалисты // Там же. С. 15 (редакторские примечания); Первый в России общественный центр геев и лесбиянок // Центр Треугольник: информационный бюллетень. М.: Общественная организация геев, лесбиянок и бисексуалов, 1996. № 1. С. 1. Уравнивание репрессивных мер, применявшихся к мужчинам-гомосексуалам при нацизме и советском строе, на руку сторонникам тоталитаристских интерпретаций русской истории. Необходимо серьезное историческое сравнение двух режимов; несомненно, оба они создали адские условия жизни для мужчин-гомосексуалов. О принудительной кастрации, гормональных «экспериментах» и других аспектах нацистского «лечения» заключенных-гомосексуалов см.: *Röll, Wolfgang.* Homosexual Inmates in the Buchenwald Concentration Camp // Journal of Homosexuality. N.Y.: Haworth Press, 1996. Vol. 31, № 4. P. 1–28; Hidden Holocaust?.. 1995.

[3] См.: *Козловский, В.* Арго русской гомосексуальной субкультуры... 1986. С. 155.

[4] В сводной таблице за этот год, находящейся в архиве Министерства юстиции, обвинительные приговоры сепарированы по месту совершения преступлений. Из них больше всех — 20 — обвинительных приговоров за мужеложство, вынесенных в последнем квартале 1950 года в Тульской области, промышленном центре к югу от Москвы (см.: ГАРФ. Ф. А353. Оп. 16. Д. 121. Л. 21–21об.). Хотя местная милиция успешно раскрыла гомосексуальную сеть, нам представляется, что в то время гомосексуалы мало интересовали милицию.

[5] См.: *Schluter, D.* Fraternity without Community... 1998. P. 179. Наши беседы в 1995–1996 годах с московскими гомосексуалами подтвердили это заявление.

АББРЕВИАТУРЫ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ

АПРФ	Архив Президента Российской Федерации (г. Москва)
ВЧК	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при СНК РСФСР (1918–1922)
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)
ГПУ	Государственное политическое управление (1922–1923)
ГЦНМБ	Государственная центральная научная медицинская библиотека (г. Москва)
ЗАГС	Запись актов гражданского состояния (отделы при городских и районных исполкомах Советов народных депутатов)
КГБ	Комитет государственной безопасности СССР
МВД	Министерство внутренних дел
НКВД	Народный комиссариат внутренних дел (1934–1946)
ОГПУ	Объединенное государственное политическое управление СССР (1923–1934)
РГАЛИ	Российский государственный архив литературы и искусства (г. Москва)
РГАСПИ	Российский государственный архив социально-политической истории (г. Москва)
РГБ	Российская государственная библиотека (бывшая ГБЛ) (г. Москва)
РГИА	Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РНБ	Российская национальная библиотека (бывшая ГПБ) (г. Санкт-Петербург)
РСФСР	Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ЦГАКД	Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга
ЦГАМ (с 1993 г. ЦМАМ)	Центральный государственный (с 1933 г. – муниципальный) архив г. Москвы
ЦГАМО	Центральный государственный архив Московской области
ЦГИАМ (с 1993 г. ЦИАМ)	Центральный государственный (до 1993 г.) исторический архив г. Москвы
ЦИАМ	*см.* ЦГИАМ
ЦМАМ	*см.* ЦГАМ

31. Заказ № К-7680.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ

1. Судебные уголовные дела (1935–1941 гг.)

Ради сохранения анонимности потерпевших лиц, проходивших по уголовным делам, рассматривавшимся в 1935–1941 годах Московским городским судом за мужеложство и другие половые преступления в настоящем исследовании нами использованы псевдонимы. Все документы хранятся в ЦМАМ (Ф. 819 (Московский городской суд, 1933–1951 гг.). Оп. 2. Д. 1–51 (1933–1941 гг.)). Полные архивные ссылки на них с указанием сокращенного названия соответствующего документа приведены ниже в хронологическом порядке.

Приговор Безбородову и одиннадцати другим (1935 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 11. Л. 238–245.

Приговор Красину и Попову (1935 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 10. Л. 238–285.

Приговор Анисимову и Бродскому (1935 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 10. Л. 297–299.

Приговор И. Синякову (1937 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 25. Л. 128–131.

Приговор Белову и шестерым другим (1937 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 24. Л. 169–172.

Приговор Терешкову и девятерым другим (1938 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 30. Л. 41–47.

Приговор Леонтьеву и Байкину (1939 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 33. Л. 187–188.

Приговор И. Степановой (1940 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 38. Л. 17–18.

Дело Андреевского и двух других (1941 г.) – ЦМАМ. Ф. 819. Оп. 2. Д. 51.

2. Другие судебные уголовные дела

Документы о мужеложстве и иных половых преступлениях выявлены также в следующих архивах:

ЦГИАМ (с 1993 г. – ЦИАМ). Ф. 203 (Московская духовная консистория)

ЦГИАМ. Ф. 142 (Московский окружной суд)

ЦМАМ. Ф. 901 (Народный суд Ленинградского р-на г. Москвы, 1942–1960 гг.)

ЦМАМ. Ф. 1921 (Народный суд Сокольнического р-на г. Москвы, 1946–1960 гг.)

ЦМАМ. Ф. 1919 (Народный суд Железнодорожного р-на г. Москвы, 1945–1957 гг.)

ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1 (Документальные материалы, собранные А.Ф. Кони)

3. Другие архивные документы

ГАРФ. Ф. А353 (Народный комиссариат юстиции РСФСР)

ГАРФ. Ф. А482 (Народный комиссариат здравоохранения РСФСР)

ГАРФ. Ф. А406 (Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции РСФСР)

ГАРФ. Ф. Р8131 (Прокуратура СССР, 1924–1949 гг.)

ГАРФ. Ф. Р9492 (Верховный Суд СССР, Министерство юстиции СССР)

ГАРФ. Ф. Р9474 (Верховный Суд СССР, 1924–1970 гг.)

ГАРФ. Ф. Р1235 (ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, 1917–1938 гг.)

РГАСПИ. Ф. 17 (Центральный комитет КПСС)

РГАСПИ. Ф. 134 (А.М. Коллонтай)

РГАСПИ. Ф. 159 (Г.В. Чичерин)

РГАЛИ. Ф. 232 (М.А. Кузмин)

РГАЛИ. Ф. 612 (Государственный литературный музей)

СЕРИАЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ ПРОДОЛЖАЮЩИЕСЯ РЕСУРСЫ (1861–1941 ГГ.), ПРОСМОТРЕННЫЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ*

Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии, / издаваемый под редакцией П.И. Ковалевскаго, профессора психиатрии и нервных болезней при Харьк. университете... Т. 1, 1-й год издания 1883 – т. 32, 16-й г. изд. 1898. Место издания: т. 1–24 – Харьков; т. 25–28 – Варшава; т. 29–32 – СПб. Т. 1, 2 – по два номера, т. 3–32 – по три номера. 21 см.

Архив судебной медицины и общественной гигиены, / издаваемый Медицинским департаментом. СПб., 1865–1871. 1–7-й гг. изд. – по 4 кн. в год. В 1872–1881 гг. выходил под заглавием: Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике, / издаваемый Медицинским департаментом: 8–17-й гг. изд. – по 3 т. в год; в 1882–1888 гг. имел загл.: Вестник судебной медицины и общественной гигиены, / издаваемый Медицинским департаментом: 18–24-й гг. изд. – по 4 т. в год; в 1889–1904 гг. (янв.–апр.) имел загл.: Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, / издаваемый Медицинским департаментом: 25–40-й гг. изд.: т. 1–32 (1889–1896), янв.–дек. (1897–1904); в 1904 (май–дек.) – 1917 (май) гг. имел загл.: Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, / издаваемый Медицинским департаментом: 40–53-й гг. изд. – ежемесячно. 24–26 см.

[Безбожник: [газета]: орган Центрального совета Союза воинствующих безбожников СССР. М., 1922–1934, 1938–1941. – См. гл. 6 (2, 8, 9, 11–15, 17, 19).]

Безбожник: ежемесячный журнал Центрального и Московского областных советов СВБ. М.: ОГИЗ–ГАИЗ, 1925–1941. В подзаголовочных данных**: 1925–1931: двухнедельный иллюстрированный журн.; 1932–1936 (№ 1–4): орган Центр. и Моск. обл. советов Союза воинствующих безбожников СССР; 1936 (№ 5–12) – 1941: ежемес. журн. Центр.

* В данном и последующем списках присутствует огромный объем ненужной читателю информации. Сделано это было *по прихоти* научного редактора русского издания. Издательству пришлось пойти ему навстречу.

** [Далее сокращенно: «подзаг.»]

и Моск. обл. советов СВБ. В 1932 г. поглотил журнал «Безбожник у станка». 30–37 см.

[Безбожник у станка: журнал МОК ВКП(б). М.: Московский рабочий, 1923–1931. В подзаг.: 1923 (№ 1–2): орган МК РКП (большевиков); 1923 (№ 3–10) – 1925 (№ 1–9): журн. МК РКП (большевиков); 1925 (№ 10–12) – 1928: ежемес. антирелигиозный сатирический журн. в красках, издаваемый Моск. ком. ВКП(б); 1929 (№ 1–16): антирелигиоз. ил. красочный журн. МК ВКП(б); 1929 (№ 17–22): двухнедельный антирелигиоз. журн.; 1929 (№ 23–24) – 1931: журн. МОК ВКП(б): 1 (1923) – 9-й гг. изд. (1931). В 1923 (№ 1–2) загл. журн.: Безбожник. В 1932 г. влился в журнал «Безбожник». 30–37. – См. гл. 6 (2, 20).]

Вопросы изучения и воспитания личности (педология и дефектология): Труды Государственного рефлексологического им. акад. В.М. Бехтерева института по изучению мозга. Л.; М.: Гос. мед. изд-во, 1919–1922, 1926–1932. В надзаголовочных данных*: Гос. психоневрологическая академия. Перерыв в изд.: 1923–1925. Заглавие: 1919–1922: Вопросы изучения и воспитания личности. В подзаг.: 1919–1922: не указано; 1926–1929: журнал Главнауки. В надзаг.: 1919–1922: Ин-т по изучению Мозга и психической деятельности; 1926 (№ 1): Гос. психоневролог. академия и Гос. рефлексолог. ин-т по изучению мозга. Место изд.: 1919–1922, 1926–1929: Л.; 1930–1932: Л.; М. Изд-во: 1919–1922: Гос. изд-во; 1926–1929: Гос. психоневролог. академия и Рефлексолог. ин-т по изучению мозга. № 1. 1919; № 2. 1920; № 3. 1921; № 4–5. 1922; 5-й г. изд., № 1–3. 1926; 6-й г. изд., № 1–4. 1927; 7-й г. изд., № 1–4. 1928; 8-й г. изд., № 1–6. 1929; 9-й г. изд., вып. 1/2. 1930; 10-й г. изд., вып. 3/4. 1932. 26 см.

Врач: еженедельная газета, посвященная всем отраслям клинической медицины, общественной и частной гигиене и вопросам врачебного быта. СПб.: О.А. Риккер, 1880–1901. Изд-во: 1880–1895: К.Л. Риккер. 32 см.

Врачебное дело: ежемесячный научный практический журнал / Министерство здравоохранения УССР. Киев: Здоров'я, 1918–1941, 1944–. В подзаг.: 1918 (№ 3) – 1919 (№ 6–11): еженед. науч. и профессионально-обществ. мед. орган Профсоюза врачей гор. Харькова и губерний, издаваемый т-вом «Социалистическая мысль»; 1919 (№ 12–15, 23) – 1920 (№ 1, 3–10): еженед... мед. орган Профсоюзных об-ний врачей Юга России и Профсоюза врачей г. Харькова и губ., изд. Кооп. т-вом «Наша мысль», 1920 (№ 12–26); 1921 (№ 1–6): двухнед. науч. мед. журнал...; 1921 (№ 7–26) – 1935: науч. мед. журнал; 1936–1941: науч. мед журн.: орган Наркомздрава УССР и Харьк. мед. о-ва. Место изд.: 1918–1941, 1944–1950 (№ 1–8): Харьков; 1950 (№ 9–12) –: Киев. Изд-во: 1918–1922 (№ 1–9): не указано 1922 (№ 10–26) – 1930 (№ 1–17): Изд-во «Научная мысль»; 1930 (№ 18–24) – 1932: ДВОУ: Гос. медиздат; 1933–1934: ДВОУ: Гос. мед. изд-во Украины; 1935: Гос. мед. изд-во Украины; 1936–1938 (№ 1–2): Гос. мед. изд-во НКЗ УССР; 1938 (№ 3–12) – 1964 (№ 1–5): Гос. мед. изд-во УССР (Госмедиздат). 27 см.

---

* [Далее сокращенно: «надзаг.»]

Еженедельник советской юстиции: орган НК РСФСР. М.: Народный комиссариат юстиции, 1922–1929. В подзаг.: 1929: орган НКЮ РСФСР. Изд-во: 1925 (№ 11–52) – 1929 (№ 1–35): Юрид. изд-во НКЮ РСФСР; 1929 (№ 36–52): Гос. юрид. изд-во РСФСР. 30 см.

Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова / издаваемый при редакционном участии Московского общества невропатологов и психиатров, состоящем при Имп. Моск. ун-те. М., 1901–1917, 1925–1931. Перерыв в изд.: 1918–1924. 1-й г. изд. 1901 (№ 1–6) – 16-й г. изд. 1917 (№ 1–6); 18-й г. изд. 1925 (кн. 1–4), 1926 (кн. 1–7), 1927–1930 (по кн. 1–6) – 24-й г. изд. 1931 (кн. 1–8). Загл.: 1901–1917, 1925–1930 (кн. 1–2): Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова; 1930 (кн. 3–6) – 1931: Журнал невропатологии и психиатрии. В подзаг.: 1901–1917: изд. О-вом невропатологов и психиатров, состоящем при Имп. Моск. ун-те; 1925–1928 (кн. 1–4): изд. при ред. участии О-ва невропатологов и психиатров при I МГУ; 1928 (кн. 5/6) – 1930 (кн. 1–6): изд. при ред. участии Моск. о-ва невропатологов и психиатров; 1931 (№ 1–8): не указано. Место изд.: 1901–1917, 1927 (№ 2–6) – 1929 (№ 1–4): М.; 1925–1927 (№ 1), 1931: М.; Л.; 1929 (№ 5/6) –1930: Л. Изд-во: 1901–1917, 1927 (№ 2–6) – 1930: не указано; 1925–1927 (№ 1): Гл. упр. науч. учреждениями: Госиздат; 1931: Гос. мед. изд-во. В 1931 г. объединился с журналом «Обозрение психиатрии, неврологии и рефлексологии им. Бехтерева». 22–26 см.

Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова: ежемес. научно-практ. журнал. / М-во здравоохранения СССР, Всесоюзное науч. о-во невропатологов и психиатров. М., 1932–1951. Т. 1–20 (т. 1–10, вып. 1–12; т. 11–20, вып. 1–6). Заглавия: т. 1–4 (вып. 1–8): Советская невропатология, психиатрия и психогигиена; т. 4 (вып. 9–12) – 5: Невропатология, психиатрия и психогигиена; т. 6–20: Невропатология и психиатрия. В подзаг.: т. 1: орган Психоневролог. ин-та Комакадемии, Ин-та невропсихиатр. профилактики НКЗдрава, Моск. обл. о-ва невропатологов и психиатров при участии Ин-та мозга НКПроса; т. 2: орган Моск. о-ва психиатров и невропатологов, Ин-та высшей нерв. деятельности, Ин-та невропсихиатр. профилактики Наркомздрава, Ленингр. ин-та мозга, Психиатр. и нерв. клиники 1-го и 2-го ММИ; т. 3–20: не указано. Изд-во: т. 1–3 (вып. 1–5), т. 7 (вып. 5–12) – 20: Медгиз; т. 3 (вып. 6–12) – 7 (вып. 1–4): Биомедгиз. В надзаг.: т. 1–9 не указано; т. 10–15 (вып. 1): Нар. ком. здравоохранения СССР; т. 15 (вып. 2–6) – 20: М-во здравоохранения СССР. Издается с 1901 г. В 1952 г. соответственно восстановлению прежнего наименования журнала восстановлена и прежняя нумерация его томов (1952. Т. 52). 22 см.

Известия. Издается с 28 февр. 1917 г. под назв. «Известия Петроградского Совета рабочих депутатов». Заглавия: 1917, № 206 (25 окт.) – 207 (26 окт.): Известия Центрального Исполнит. Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов; 1917, № 261 (28 дек.) – 1918, № 38 (2 марта): Известия ЦИК Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и Петроградского Совета раб. и солд. деп.; 1918, № 39 (3 марта) – 1923, № 155 (13 июля): Известия Всероссийского ЦИК Советов...; 1923, № 156

(14 июля) – 1938, № 20 (25 янв.): Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; 1938, № 21 (26 янв.) – 1960–: Известия Советов депутатов трудящихся СССР. Место изд.: 1917–1918: Пг.; 1918–1960–: М.

Казанский Медицинский журнал: орган Общества врачей при Императорском Казанском университете. Казань, 1901–1941. Т. 1 – 36-й г. изд. С 1916 по 1920 г. не выходил. В подзаг. т. 17–20: орган медицинских обществ г. Казани; т. 21 (№ 1): Издание О-ва врачей при Казанском ун-те; т. 21 (№ 2–12): орган Медицинских обществ г. Казани и Уральского о-ва врачей в г. Свердловске; т. 22–24: Издание О-ва врачей при Казанском ун-те; т. 25–26 (№ 1–10): 2-й подзаг.: орган Медицинского факультета Казанского ун-та и Казан. ин-та для усовершенствования врачей им. В.И. Ленина; т. 26 (№ 11–12) – т. 27 (№ 1–5): Издание Казан. о-ва врачей: орган Казан. мед. ин-та и Казан. ин-та для усовершенствования...; т. 27 (№ 6–12): 1-й подзаг.: Издание Казан. краевой мед. ассоциации Татреспублики; т. 28–32 (№ 1–4): подзаг. несколько раз незначительно менялся; т. 32 (№ 5–12): 1-й подзаг.: Издание Совета научных мед. о-в Татарской АССР. 24 см.

Клинический архив Гениальности и Одаренности (эвропатологии): посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.: Выходит отдельными выпусками не менее 4 раз в год / под редакцией основателя этого издания д-ра мед. Г.В. Сегалина, завед. Психотехнической Лабораторией и преподавателя Уральского Университета: [в 5 т., в каждом томе – по 4 отд. вып.]. Л.: Склад издания «Практическая Медицина», Ленинград, проспект Володарского № 49, [1925–1929] – 1930 (Свердловск: Тип.-лит. имени Емшанова О.П.Х.П.П.П. ж. д.). На с. 1 обложек: Клинический архив Гениальности и Одаренности (эвропатологии): посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества: выходит / под редакцией д-ра Г.В. Сегалина. Заглавие: Т. II, вып. 1–4, 1926 г.; Т. III, вып. 1–4, 1927 г.; Т. IV, вып. 1, 3, 4, 1928 г.; Т. V, вып. 1, 1929 г.: Клинический архив Гениальности и одаренности (эвропатологии): посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам патологии творчества: выходит / под редакцией д-ра Г.В. Сегалина. Изд-во: Т. II, вып. 3–4, 1926 г.; Т. III, вып. 1–4, 1927 г.; Т. IV, вып. 2–4, 1928 г.; Т. V, вып. 1: Склад издания «Практическая медицина» Ленинград, проспект Володарского 49 (с Т. III, вып. 2: ул. Лассаля, 2): Издание редактора; Т. IV, вып. 1, 1928 (на обл.): Издание автора; на тит. л. в вых. дан. Т. V, вып. 2, 1929: ...издание автора, Свердловск 1929 г.; на тит. л. и обл. в вых. дан. Т. V, вып. 3–4: Свердловск, ул. Вайнера 46: Издание редактора, 1930. Типография: Т. I, вып. 2: Свердловск: Тип. Уралоблсоюза; Т. I, вып. 3, 4; Т. II, вып. 1, 2: Свердловск: Тип. «Гранит» Акц. О-ва Уралкнига; Т. II, вып. 3, 4; Т. III, вып. 1, 2; Т. IV, вып. 1; Т. V, вып. 1, 2, 3–4: Свердловск: Тип. «Гранат» Уралполиграф; Т. III, вып. 3, 4; Т. IV, вып. 2, 3: Свердловск: Тип. «Основа» Уралполиграф. Тираж: Т. I, вып. 1: 2000 экз.; Т. I, вып. 2, Т. II, вып. 1, 2, 3: 1500; Т. I, вып. 3, 4,

Т. II, вып. 4, Т. III, вып. 1, 2, 3, Т. IV, вып. 1—4: 1000; Т. III, вып. 4: 600; Т. V, вып. 1, 2, 3—4: 1200 экз. На обложках Т. II (вып. 3, 4) — III, IV (вып. 1, 3, 4), V (вып. 1) указано содержание выпусков. Том I, выпуск первый, 1925 г. 90, [2], XXVIII, [2] с.; Т. I, вып. 2, 1925 г. [2], 93—151, 29—66, [7] с.; Т. I, вып. 3, 1925. [2], 153—181, [1], 67—114, [2] с.; Т. I, вып. 4, 1925. [2], 183—230, 115—143, [1] с., [1] л.: 2 ил. (сложен втрое). Т. II, вып. 1, 1926 г. 79, [5] с.; [2-й г. изд.]. Т. II, вып. 2, 1926 г. [2], 83—139, [1] с.: 3 ил.; [2-й г. изд.]. Т. II, вып. 3, 1926 г. [2], 143—217, [1] с.; [2-й г. изд.]. Т. II, вып. 4, 1926 г. [2], 221—304, [2] с.; [3-й г. изд.]. Т. III, вып. 1, 1927 г. 97, [1] с.; [3-й г. изд.]. Т. III, вып. 2, 1927 г. [2], 101—177, [1] с.; [3-й г. изд.]. Т. III, вып. 3, 1927 г. [2], 181—251, [1] с.; [3-й г. изд.]. Т. III, вып. 4, 1927 г. [4], 257—335, [1] с.; 4-й г. изд., Т. IV, вып. 1, 1928 г. 85, [1] с.; 4-й г. изд., Т. IV, вып. 2, 1928 г.: Д-р И.Б. Галант. Психозы в творчестве Максима Горького. 111, [1] с.; 4-й г. изд., Т. IV, вып. 3, 1928 г. 79, [1] с.; 4-й г. изд., Т. IV, вып. 4, 1928 г. 73, [1] с.; 5-й г. изд., Т. V, вып. 1, 1929 г. 75, [1] с.: 10 ил.; 5-й г. изд., Т. V, вып. 2, 1929 г.: Д-р Г.В. Сегалин. Изобретатели как творческие невротики (эвроневротики). 73, [1] с.; 5-й г. изд., Т. V, вып. 3—4, [1930]: Г.В. Сегалин. Эвропатология личности и творчества Льва Толстого. 159 с. (вкл. обл.). На с. 150—159: Оглавления т. I—V. 23 × 15 см. В обл.

Молодая гвардия: ежемес. журнал ЦК ВЛКСМ: художественная литература, наука, искусство, публицистика, критика. М.: Молодая гвардия, 1922—1941. 1—20-й гг. изд. В подзаг.: 1922—1925 (кн. 1): ежемес. литературно-художеств. и научно-попул. журн. ЦК РКП и ЦК РКСМ; 1925 (кн. 2—12) — 1926 (кн. 1—2): ежемес. лит.-художеств. общественно-полит. и науч.-попул. журн. ЦК РКП и ЦК РЛКСМ; 1926 (кн. 3—12) — 1928: ежемес. лит.-художеств., обществ.-полит. и науч.-попул. журн. ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ; 1929—1931: двухнед. журн. лит.-художеств., обществ.-полит. и науч.-попул. журн.: орган ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ; 1932—1936 (кн. 1—6): ежемес. лит.-художеств., обществ.-полит. и науч.-попул. журн.: орган ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ; 1936 (кн. 7—12) — 1938 (кн. 1—3): ежемес. лит.-художеств., обществ.-полит. и науч.-попул. журн. ЦК ВЛКСМ; 1938 (кн. 4—12) — 1939 (кн. 1—3): ежемес. лит.-художеств., и обществ.-полит. журн. ЦК ВЛКСМ; 1939 (кн. 4—12) — 1941: ежемес. журн. ЦК ВЛКСМ: художеств. литература, наука, искусство, публицистика, критика. 25—27 см.

Научная медицина: журнал, посвященный вопросам теоретической и практической медицины. Сборник. Пг.: Петроградское управление научных учреждений Академического центра, янв. 1919—1923. № 1—11. В подзаг.: 1919: ежемес. журн., издаваемый Научным медицинским отделом Ком. нар. просвещения. 24 см.

Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии.: ежемесячный журнал, посвященный неврологии, невропатологии, психиатрии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии. / под редакцией Проф. В.М. Бехтерева, Директора клиники душевных и нервных болезней в С.-Петербурге. СПб., 1896—1914 (№ 1); Пг., 1914 (№ 2—12)—1918. 1—21/22-й гг. изд. Перерыв в изд.: 1919—1925; Обозрение психиатрии, неврологии и

рефлексологии имени академика В.М. Бехтерева: журнал Главнауки: орган Государственного рефлексологического ин-та по изучению мозга им. В.М. Бехтерева, Ленингр. о-ва психиатров, Ленингр. о-ва невропатологов. Л.: Изд-во психо-неврологической академии и Гос. рефлексологического ин-та по изучению мозга, 1926–1930. 1(24) – 5(28)-й гг. изд. 25–26 см.

Под знаменем марксизма: философский и общественно-эконом. журнал. М.: Правда, 1922–1944. В подзаг.: 1922–1932 (№ 1–4): ежемес. филос. и обществ.-эконом. журн.; 1932 (№ 5/6–12): филос. и обществ.-эконом. журн.; 1933 (№ 1): филос. и обществ.-полит. журн.; 1933 (№ 2–6) – 1944: филос. и обществ.-эконом. журн. Изд-во: 1922–1924 (№ 1–3): Материалист; 1924 (№ 4/5–7): Красная новь: Главполитпросвет; 1924 (№ 8–12): Гос. изд-во; 1925–1932: Газ. «Правда»; 1933–1944: Правда. 24–26 см.

Правда: орган ЦК КПСС. Газета основана 5 мая 1912 г. В.И. Лениным. М., 1917–1960 –. Заглавия: 1917, № 45–46: Рабочий путь; 1917, № 170–174: Правда (Рабочий путь); 1917, № 175 – 1918, № 49: Правда; 1918, № 47: Правда (Социал-демократ). В подзаг.: 1917, № 45 –1918, № 44: центр. орган РСДРП; 1918, № 45–49: орган ЦК РКП(б); 1918, № 47–162: орган ЦК и МК РКП(б); 1918, № 163 – 1919, № 150: орган ЦК, МК и Моск. окркома РКП(б); 1919, № 151 – 1920, № 178: орган ЦК, МК и Моск. губкома РКП(б); 1920, № 179 (14 авг.) – 1952, № 288 (14 окт.): орган ЦК и МК ВКП(б).

Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства. М., 1922–1928. 26 см.

Преступник и преступность. Сборник I–II / Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности. М.: Изд. Мосздравотдела, 1926–1927. 27 см. Сб. I. 1926. 148, [2] с.; Сб. II. 1927. 387, [5] с.

Революция и церковь: ежемес. журнал. М.: Юрид. изд-во НКЮ, 1919–1924. Изд-во: 1919/20: Издатель: VIII отдел Нар. ком. юстиции; 1922 (№ 1/3): V отдел Нар. ком. юстиции; 1923 (№ 1/3): Юрид. изд-во НКЮ. 27 см. В 1921 г. (№ 1–5) вышел в форме газеты (70 × 53 см). – См. гл. 6 (2).

Революция права: журнал секции общей теории права и государства Коммунистической академии. М., 1927–1929. 1-й г. изд. 1927 (№ 1–4); 1928 (№ 1–6); 1929 (№ 1–6). 25 см.

Саратовский вестник здравоохранения. Саратов, 1920–1928 (№ 1–9); Заглавие: 1928 (№ 1(10) – 3(12)) – 1931: Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. В подзаг.: 1920–1926 (№ 1–11): орган Сарат. губ. отд. здравоохранения; 1926 (№ 12) – 1928 (№ 1–9): орган Сарат. губ. отд. здравоохранения и Науч. ассоциации врачей; 1928 (№ 1(10) – 3 (12)) – 1929 (№ 1–5): орган Ниж.-Волжских краев здравоохранения и Науч. ассоц. врачей; 1929 (№ 6–12) – 1930 (№ 1–8): ежемес. журнал: орган Ниж.-Волж. краев...; 1930 (№ 9–15) –1931 (№ 1–16): двухнед. журн.; 1931 (№ 17–24): не указано. 25–34 см.

Советская врачебная газета: двухнед. орган клинической и общественной медицины. Л.; М.: Биомедгиз, Ленингр. отд-ние, 1893–1918,

1922–1935. Прекращено в дек. 1935 г. на № 24. С 1936 г. вместо данного издания выходит: Советский врачебный журнал: 1936–1941. Заглавие: 1893–1901 (№ 1–26): Еженедельник журнала «Практическая медицина»; 1901 (№ 27–52) – 1918, 1922–1931: Врачебная газета: 1932–1935: Советская врачебная газета. В подзаг.: 1893–1918: клин. и бытовая газета для врачей; 1922–1928: двухнед. период. орган, посвященный вопросам науч. и обществ. медицины; 1929–1930: двухнед. орган, посвящ. вопросам науч. и обществ. медицины; 1931: двухнед. орган, посвящ. клин. и обществ. медицины; 1932–1935: двухнед. орган клин. и обществ. медицины. Место изд.: 1893–1918, 1922–1928: СПб. (Пг., Л.); 1929–1935: Л.; М. Изд-во: 1893–1910 (№ 1–51): В.С. Эттингер; 1910 (№ 52) – 1915: Ф.В. Эттингер; 1916–1917 (№ 1–6): О.В. Эттингер; 1917 (№ 7–52) – 1918: Насл. Ф.В. Эттингер; 1922–1928: Практическая медицина; 1929–1932 (№ 1): Гос. мед. изд-во; 1932 (№ 2–24): Ленингр. гос. мед. изд-во; 1933–1934 (№ 1–5): Гос. мед. изд-во; 1934 (№ 6–12): Ленингр. гос. мед. изд-во. 31 см.

Советская юстиция: журнал Министерства юстиции РСФСР и Верховного суда РСФСР. М.: Юрид. лит., 1922–1941, 1957–1993. Заглавие: 1922–1929: Еженедельник советской юстиции. В подзаг.: 1922–1928: орган НКЮ РСФСР; 1929–1936 (№ 1–25): орган НКЮ РСФСР; 1936 (№ 26) – 1938 (№ 1–4): орган НКЮ СССР, Верхсуда СССР, НКЮ РСФСР, Верхсуда РСФСР; 1938 (№ 5–24) – 1941: орган НКЮ СССР и Верхсуда СССР. Изд-во: 1922–1925 (№ 1–10): Нар. ком. юстиции; 1925 (№ 11–52) – 1929 (№ 1–35): Юрид. изд-во НКЮ РСФСР; 1929 (№ 36–52) – 1930 (№ 1–33): Гос. юрид. изд-во РСФСР; 1930 (№ 34–36) – 1937 (№ 1): Сов. законодательство; 1937 (№ 2–24) – 1941: Юрид. изд-во НКЮ СССР. 30 см.

Советское государство и право: ежемес. журнал / АН СССР, Ин-т государства и права. М.: Наука, 1927–1941, 1946–. Заглавие: 1927–1929: Революция права; 1930–1931: Советское государство и революция права; 1932–1938: Советское государство; 1939–1941, 1946–1992 (№ 1–2): Советское государство и право. В подзаг.: 1927–1934: журнал; 1935–1936: журн. Ин-та сов. стр-ва и права; 1937–1939: орган Ин-та права АН СССР; 1940–1941: орган Ин-та права АН СССР и Всесоюзн. ин-та юрид. наук НКЮ СССР. В надзаг.: 1927–1929: Ком. академия, Секция общей теории права и государства; 1930: Ин-т сов. стр-ва и права ЦИКа СССР и ВЦИКа при Ком. академии; 1931–1935 (№ 1–5): Ком. академия, Ин-т сов. стр-ва и права; 1936 (№ 6): АН СССР, Ин-т сов. стр-ва и права; 1937–1941: не указано. Изд-во: 1927–1929: не указано; 1930: Изд-во Ком. академии; 1931: Гос. социально-экон. изд-во; 1932–1937: Сов. законодательство; 1938–1941: Юрид. изд-во НКЮ СССР. 25 см.

Советское право: журнал / Ин-та сов. права; Рос. ассоциация н.-и. ин-тов обществ. наук. М.; Л.: Госиздат, 1922–1928. [1-й г. изд.] № 1 – 7-й г. изд. № 36. 28 см.

Социальная гигиена: двухмесячный журнал, посвященный общим проблемам и методологии социальной гигиены, организации здравоохранения и оздоровительных мероприятий в соответствии с задачами

социалистического строительства. М.: Госмедиздат, 1922—1930. Прекращен в 1930 г. на № 1/2. В подзаг.: вып. 1—2: Сборник, выходящий периодически под редакцией Кафедр социальной гигиены Моск. гос. ун-тов; сб. 3/4: Сборник, выходящий периодически под ред. Кафедр социальной гигиены Моск. ун-тов и гос. Ин-та социальной гигиены Наркомздрава; сб. 5—8, 1927—1928: не указано. В надзаг. вып. 1—2: Нар. ком. здравоохранения; сб. 3—8, 1927—1930: не указано. Изд-во: вып. 1—2: Гос. изд-во; сб. 5—8, 1927—1929: Главнаука: Гос. изд-во. 25—26 см.

Суд идет!: двухнедельный ил. журнал. Л.: Изд-во «Рабочий суд», 1924 (1 мая) — 1931. В 1924 (№ 1—16) — 1925 (№ 1—24) выходил как «Особое приложение» журнала «Рабочий суд». Изд-во: 1930: Гос. юрид. изд-во РСФСР; 1931: Сов. законодательство. 27 см.

Судебно-медицинская экспертиза / Народный комиссариат здравоохранения; под редакцией главного судебно-медицинского эксперта Д-ра Я. Лейбовича; при участии профессоров [на тит. л. — 16 имен]. М.; Л.: Гос. мед. изд-во, 1925—1931. Сб. 1—2 (1925), сб. 3—4 (1926), кн. 5—6 (1927), кн. 7—10 (1928), кн. 11 (1929), кн. 12—14 (1930), кн. 15 (1931). Изд-во: сб. 1—4, кн. 5—8: Изд-во Наркомздрава. 24—26 см.

Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen: mit besonderer Berücksichtigung der Homosexualität / hrsg. unter Mitwirkung namhafter Autoren im Namen des wissenschaftlich-humanitären Comitées von Dr. med. Magnus Hirschfeld. Leipzig: M. Spohr [etc.], 1899—1923. Jahrg. 1—Jahrg. 23. Загл.: Jahrg. 10, 11, 12, 15—18: Vierteljahrsberichte d. wissenschaftlich-humanitären Komitees. — См. гл. 4 (17); гл. 5 (28, 56).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ДОКУМЕНТОВ ПО ТЕМЕ, ЗАЯВЛЕННОЙ В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ*

Авдеев, Михаил Иванович (1901–). Судебная медицина: Допущено М-вом высш. образования СССР в качестве учебника для юрид. ин-тов и юрид. фак. ун-тов / Проф. М.И. Авдеев. Изд. 3-е, доп. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1951. 430, [2] с.: 145 ил.; 23 см. В пер. 25 000 экз. – См. гл. 7 (63).

[Актуальные вопросы сексопатологии / Министерство здравоохранения РСФСР, Московский научно-исследовательский институт психиатрии; Всероссийское научное медицинское общество невропатологов и психиатров; [отв. ред. проф. Д.Д. Федотов; редкол.: проф. П.Б. Посвянский, ст. науч. сотр. Г.С. Васильченко]. М., 1967. 486, [2] с.; 22 × 15 см. (Труды Московского научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР; т. 51). На с. [2] в вып. дан.: Подп. в печ. 22/II-68 г. (*sic*!). В пер. 400 экз.]

---

* [В данном «Библиографическом списке» описание документов составлено с учетом требований нижеследующих ГОСТов и Правил:

ГОСТ 7.83–2001. Электронные издания. Основные виды и выходные сведения. – Введ. 2001-07-01. – Минск: Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации; М.: Изд-во стандартов, cop. 2001. – 16 с. – (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу).

ГОСТ 7.1–2003. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления [Текст]: межгос. стандарт: издание официальное / Межгос. совет по стандартизации, метрологии и сертификации. – [Взамен ГОСТ 7.1-84, ГОСТ 7.16-79, ГОСТ 7.18-79, ГОСТ 7.34-81, ГОСТ 7.40-82; дата введения: 2004-07-01]. – М.: ИПК Изд-во стандартов, 2004 (М.: Филиал ИПК Изд-во стандартов – тип. «Московский печатник», сдано в набор 04.12.2003, подп. в печать 21.01.2004). – III, [I], 47, [5] с.; 29 × 20,5 см. – (Система стандартов по информации, библиотечному делу и издательскому делу). – Загл. (на с. 1), свед. об ответственности и загл. серии (на с. 1) парал. на англ. – Без. обл. – 1100 экз. – Цена 231 р. – [ГОСТ 7.1-2003 опубликован в мае 2004 г.];

ГОСТ 7.87–2003. Книжные памятники. Общие требования. – Введ. 2005-01-01. – Минск; М.: Изд-во стандартов, cop. 2004. – 6 с.

ГОСТ 7.80–2000. Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления;

Аникеев, Михаил. «Люди были загнаны в туалеты, и от этого их культура – туалетная» // Уранус / [гл. ред. М. Аникеев]. М.: [Издатель Андрей Меньшиков], 1995. № 1. С. 46–52. – См. гл. 1 (76).

[*Антонян, Юрий Миранович, Ткаченко, Андрей Анатольевич, Шостакович, Борис Владимирович.* Криминальная сексология / Ю.М. Антонян, А.А. Ткаченко, Б.В. Шостакович; Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: [Изд-во] Спарк, 1999. 464 с.: 5 табл.; 20 × 14 см. На с. 205–220: Гомосексуальное насилие. В обл. 4000 экз. – См. гл. 3 (8).]

[*Балль, Бенжамен* (Ball, Benjamin; 1834?–1893). Эротическое умопомешательство. / Prof. B. Ball, профессор психиатрии Парижского Университета.; Лекции<,> записанныя Dr. Lefevr'ом.; Перевод с французскаго А.А. Яковлева, ассистента при кафедре нервных и душевных болезней в Харьковском Императорском Университете. Харьков: Типография М.Ф. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25, 1887. [4], 39, [1] с.; 20,5 × 13 см. На об. тит. л.: Дозволено цензурою Харьков, 8-го октября 1887 г.; на с. [3]: Предисловие переводчика / Врач А.А. Яковлев; на с. 33–36: III. Педерастия; на с. 36–39: IV. Превратное влечение. В книгу включены три лекции. Перевод изд.: *Ball, Benjamin.* La folie érotique, / par B. Ball,... Paris: J.-B. Baillière, 1888. 158 p. (Petite Bibliothèque médicale).]

ГОСТ 7.12–93. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила;

ГОСТ 7.11–2004. Библиографическая запись. Сокращение слов и словосочетаний на иностранных европейских языках. Дата введения: 2005-09-01.

Правила составления библиографического описания старопечатных изданий / Рос. гос. б-ка; [сост.: И.М. Полонская; Н.П. Черкашина при участии Н.Ю. Шильниковой; науч. ред. Н.П. Черкашина; науч. консультант И.С. Дудник; общая ред. Н.Н. Каспаровой]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: [Изд-во] «Пашков дом», 2003. – 398, [2] с.: ил.; 22 × 15 см. В пер. 1000 экз.

Составление библиографической записи на книги и брошюры: инструкция / Рос. книжная палата, [подготовлено НИО гос. библиографии: зав. отделом, канд. ист. наук К.М. Сухоруков; исполнители: зам. зав. отделом Г.П. Калинина; вед. науч. сотр., канд. пед. наук С.Ю. Калинин]; «утверждаю»: зам. ген. директора Рос. книжной палаты А.А. Джиго, 2004 г. М., 2004. 149, [1] с.; 30 × 21 см. В обл.;

Калинина, Галина Петровна. Составление стандартной библиографической записи на книги: Практические рекомендации / Г.П. Калинина; Российская книжная палата. М.: РКП, 2006. 167, [1] с.; 20 × 14 см. (Библиотека Российской книжной палаты: Методические материалы и рекомендации; вып. 2). В обл. 1000 экз.

Российские правила каталогизации: [в 2 ч.] [Электронный ресурс] / Российская библиотечная ассоциация, Межрегиональный комитет по каталогизации; рук. проекта – Председатель МКК Н.Н. Каспарова. – <http://rcr.rsl.ru>. Находятся в печати.

Согласно ГОСТ 7.1–2003, п. 5.2.3.8: «Общее обозначение материала, описания которого преобладают в конкретном информационном массиве, может быть опущено». Руководствуясь этим указанием, далее при описании изданий мы опускаем термин «Текст». Предписанный знак пунктуации точка и тире (. –) везде заменен точкой (.).

Описания изданий, заключенных в квадратные скобки, составлены и дополнены научным редактором. В конце описаний указаны номера глав и (в скобках) номера примечаний к упоминаемым документам.]

Банщиков, Василий Иванович. Заслуженный деятель науки профессор Е.К. Краснушкин: (Жизнь и научная деятельность, 1885–1951 гг.): [вступ. ст.] / проф. В.И. Банщиков // Краснушкин, Е.К. Избранные труды / [ред. кол.: В.М. Банщиков (и др.)]. М.: Медгиз, 1960. С. 3–19; 23 см. В пер. 1500 экз.

Беков, А. Извращенная половая жизнь: Жестокости полового чувства / д-р А. Беков. С.-Петербург: Тип. Коммерческая Скоропечатня, 1908. 57 с.; 18 × 14 см. (см.: Кн. лет. 1908. № 6 (9 февр.). № 2326. Тир. 3000 экз.). Изъята из продажи (см.: Там же. С. 24). Приговором С.-Петербургского Окружного суда постановлено уничтожить (См.: Кн. лет. 1908. № 44 (8 нояб.). С. 36). – См. гл. 4 (24).

[*Белоголовый, Николай Андреевич* (1834–1895)]. Царь и его подпоры = Tsar et ses soutiens du trône. Genève: M. Elpidine, Libraire-éditeur, Rue du Rhône, 68, 1888 [(Женева.: Тип. «Общаго Дела»)]. 16 с.; 19,6 × 13,2 (набор 14,2 × 9,1) см. В обл. На с. 8: о «противуестественной» связи князя В.П. Мещерского с горнистом и об этом скандале, дошедшем до Александра III. Отд. оттиск из: Общее дело: газета политическая и литературная / [ред.-издатель Н.А. Белоголовый]. Женева: Тип. «Общаго Дела», 1888. № 106. В газете напечатано под загл.: «Письмо из Петербурга»; [*Он же*]. То же. Второе издание. Genève: M. Elpidine, libraire-editeur, Rue de Rhône, 68, 1891 (Типография «Общаго Дела» в Женеве). 16 с.; 20,5 × 13,4 (набор 14,2 × 9) см. На с. 4 обл.: Librairie M. Elpidine, Genève... Находятся в продаже: [16 назв. книг, в конце их списка:] «Русскій эротъ – не для дамъ»; [*Он же*]. То же. Третье издание. Garouge-(Genève): M. Elpidine, libraire-editeur, Route de St-Julien, 20, 1894 (обл. 1895). 16 с.; 20,5 см. Это – так называемое титульное издание: к нераспроданным экз. изд. 1891 г. приклеивались новые тит. листы и обложки, отпечатанные в 1894 г.; [*Он же*]. Третье издание [т. е. четвертое. Репринтное уменьшенное воспр. издания 1894 г.]. Carouge-(Genève): M. Elpidine, [1898?]. 16 с.; 15,5 (набор 11,5 × 7,5) см.]

Белоусов, Владимир Александрович (1895–1971). Случай гомосексуала – мужской проститутки / В.А. Белоусов // Преступник и преступность. М.: Издание Мосздравотдела, 1927. Сборник II / под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегал и Ц.М. Фейнберг; Кабинет по изучению личности преступника и преступности при Мосздравотделе. С. 309–317; 27 см. – См. гл. 1 (12, 24, 53, 58, 73, 74, 77, 98, 99, 113, 114); гл. 4 (26); гл. 5 (89, 90); гл. 6 (36).

[*Белоусова, Н.Ю.* Правовые аспекты однополой любви / Белоусова Н.Ю. Факультет психологии МГУ // Эрос Москва. Стиль. Красота. Здоровье. IV Международная выставка [26–24 мая 2005 г.]: официальный отчет [с. 1–25 / организатор: ООО «ВК "Защита ЭКСПО"»]. [Материалы научно-практической конференции «Психосоциальные проблемы современной сексологии», 26–29 мая 2005 (с. 26–193) / организатор: Региональное общественное движение в поддержку сексуальной культуры «Культура и здоровье»]. М.: [РИА «ПРОЭКСПО»: ООО «ВК "Защита ЭКСПО"»], 2005. С. 44–50 (193, [3] с.: ил. (8 ил. на с. 6–7); 20 × 14 см. В обл. 1000 экз. Подп. в печать 01.08.2005 г.). Из сорока двух статей восемь посвящены гомосексуальности.]

Бентовин, Борис Ильич (1865–1929). Торгующия телом.: Очерки современной проституции. / Д-р Б. Бентовин. [М.]: Леонид Крумбюгель, [1907]. [4], 200 с.; 19 см. 2000 экз. – См. гл. 2 (9, 12, 13).

[*Он же.* Торгующия телом.: Очерки современной проституции / Д-р Б. Бентовин. Изд. 2-е, испр. и доп. С.-Петербург: [Изд. автора], 1909 («Электропечатня» Я. Кровицкаго). [4], 234, [2] с.; 20,5 × 14 см; 3000 экз. (Кн. лет. 1909. № 4 (24 янв.). № 1441); *Он же.* То же. 3-е изд. 1910.]

Берсеньев, В.В., Марков, Алексей Ростиславович. Полиция и геи: Эпизод из эпохи Александра III / Берсеньев В.В. (Рос. Гос. Ист. Архив), Марков А.Р. (СПб гос. Академия Культуры) // РИСК / редкол.: Егор Городецкий, Дмитрий Кузьмин (гл. ред.), Ярослав Могутин. [М.: ТОО «АРГО-РИСК», 1998]. Вып. III (14). С. 105–116 (Appendix); 28 × 18 см. Подп. в печать 12.12.98. – См. гл. 1 (48, 49, 51, 52, 56, 61, 79, 88, 96, 98, 104); гл. 3 (71).

Берштейн, Евгений Владимирович. «Psychopathia sexualis» в России начала века: политика и жанр / Евгений Берштейн // Эрос и порнография в русской культуре / Под ред. М. Левитта и А. Топоркова. М.: НИЦ «Ладомир», cop. 1999. С. 414–441: ил. № 117–120; Примечания: с. 436–438 (№ 1–20); Библиография: с. 438–444 ([27] назв. на рус. и [18] назв. на ин. яз.). – См. гл. 1 (63); гл. 3 (52); гл. 4 (24).

[*Он же.* Русский миф об Оскаре Уайльде / Евгений Берштейн; пер. с англ. Полины Барсковой и автора // Эротизм без берегов: [сб. статей и материалов / сост<авитель> М.М. Павлова]. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 26–49; 21,5 × 14,5 см. (Новое литературное обозрение. Научное приложение; вып. XLV). Библиогр. в примеч. (73 сноски). На пер.: Эротизм без границ. Перевод изд.: *Bershtein, Evgenii.* The Russian Myth of Oskar Wilde // Self and Story in Russian History / ed. by Laura Engelstein and Stephanie Sandler. Ithaca (NY): Cornell University Press, 2000. P. 168–188.]

[*Он же.* Трагедия пола: две заметки о русском вейнингерианстве / Евгений Берштейн // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография / гл. ред. Ирина Прохорова. М., [2004]. № 65 (2004). С. 208–228; 24 × 15 см. На обл.: № 65. 1'2004. Содерж.: 1. Отто Вейнингер в русской революции. С. 213–219; 2. Респектабельный урнинг [Павел Флоренский]. С. 219–228. Библиогр. – в примеч. (79 сносок). 2000 экз. – См. гл. 4 (14).]

[*Он же.* То же // Эротизм без берегов: [сб. статей и материалов / составитель М.М. Павлова]. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 64–89; 21,5 × 14,5 см. (Новое литературное обозрение. Научное приложение; вып. XLV). На пер.: Эротизм без границ.]

[*Бессмертных, Леонид Васильевич.* Библиографический указатель словарей и другой справочной литературы, содержащей русскую обсценную и воровскую лексику / Л.В. Бессмертных // «Злая лая матерная...»: Сборник статей / под ред. [и с предисл. (с. 5–16)] В.И. Жельвиса. М.: НИЦ «Ладомир», cop. 2004 [т. е. февр. 2005] (Минск: «Минская ф-ка цв. печати», подп. в печать 15.11.04). С. 572–640; 20,5 × 13,5 см. [(Русская потаенная литература; т. 34)]. В статье описано ок. 380 документов на рус. и ин. яз. 1500 экз.]

Бехтерев, Владимир Михайлович (1857–1927). Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение: из лекций, читанных врачам и студентом [т. е. студентам] Имп. Воен.-мед. акад. / акад. В.М. Бехтерев. СПб.: «Вестник знания», 1911. 60 с.: портр.; 24 см. На обл. загл.: О гипнотизме. – См. гл. 3 (60).

Он же. Лечение внушением превратных половых влечений и онанизма. / [соч.] Проф. В.М. Бехтерева. // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии: ежемесячный журнал<,> посвященный неврологии, невропатологии, психиатрии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии / под редакцией Проф. В.М. Бехтерева, Директора клиники душевных и нервных болезней в С.-Петербурге. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1898 (Тип.-Лит. Вацлика). Год третий, Август 1898 г., № 8. С. 587–597; 24 × 16 см;

Он же. То же. Отд. оттиск. СПб., 1898. 11, [1] с. – См. гл. 1 (33); гл. 3 (58, 59); гл. 5 (87, 97, 106).

[*Он же.* О половом извращении, как особой установке половых рефлексов / Академ<ик> В. Бехтерев (дек. 1924 г.) // Половой вопрос в школе и в жизни: [сб. из 9-ти ст.] / под ред. И.С. Симонова. Л.: Изд-во Брокгауз–Ефрон, 1925 (Л.: Тип. изд-ва Брокгауз–Ефрон). С. 166–180; 23 × 15 см. 8000 экз.]

Он же. То же. Второе издание. [Л.]: Брокгауз–Ефрон, 1927 (Л.: Тип. рабочего изд-ва «Прибой» им. Евг. Соколовой). С. 166–180 (текст по набору изд. 1925 г.); 23 × 15 см. 4000 экз. – См. гл. 1 (58, 82, 91, 105–108, 110, 111); гл. 3 (63); гл. 4 (60); гл. 5 (5, 17, 22, 39, 90, 92, 108).

Он же. О половом оздоровлении: [доклад на первом съезде борьбы с торгом женщин в апреле 1910 г.]. I / акад. В.М. Бехтерев // Вестник знания: ежемес. ил. литературный и популярно-науч. журнал / ред.-издатель В.В. Битнер. СПб., 1910. № 9. С. 924–935; То же. II / Вестник знания... 1910. № 10. С. 1043–1050;

Он же. То же / [соч.] Акад. В.М. Бехтерева, Психо-неврологический институт. С.-Петербург: Тип. «т-во худож. печати», 1910. 19, [1] с.; 24 см. На с. [1]: «Отдельные оттиски из № 9 и 10 "Вестника Знания" за 1910 г.». Без тит. л. Описано по обл. – См. гл. 3 (63); гл. 4 (60).

Он же. О половых извращениях, как патологических сочетательных рефлексах.: [Доклад, сделанный в заседании нервно-психиатрической секции Психо-Неврологического Института 12 дек. 1913 г.] / [соч.] Акад. В. Бехтерева // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии... Петроград: Издание К.Л. Риккера, 1914–1915 г.г. №№ 7, 8 и 9. С. 357–382; 24 × 16 см;

Он же. То же. Отд. оттиск. [Пг., 1915]. 26 с. Введена новая пагинация. На с. 1 над загл.: «Отд. отт. из журн. "Обозрение Психиатрии", из №№ 7–9. 1915 г.» – См. гл. 1 (12); гл. 3 (62); гл. 4 (25); гл. 5 (87).

Он же. Об извращении и уклонении полового влечения с рефлексологической точки зрения / Акад. В.В. [т. е. М.] Бехтерев // Половой вопрос в свете научного знания: сборник статей / акад. В.М. Бехтерева, преп.

Д.А. Гудим-Левковича, проф. М.М. Завадовского, проф. В.Ф. Зеленина, проф. В.В. Иванова, преп. Н.Ш. Мелик-Пашаева, проф. Г.П. Сахарова, преп. С.А. Селицкого, проф. Е.К. Сеппа, проф. Н.А. Семашко, проф. Р.М. Фронштейна.; под редакцией проф. В.Ф. Зеленина. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. С. 293–325; 23 × 15 см. 5000 экз. – См. гл. 3 (63); гл. 5 (106, 111).

Он же. Об одной своеобразной форме фетишизма / [соч.] В.М. Бехтерева // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии... / под редакцией Академика В.М. Бехтерева... С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1903 (Тип. Н.Н. Клобукова). Год восьмой, 1903 г., № 1, январь. С. 11–13; 24 × 15 см.

Он же. Половая деятельность с точки зрения рефлексологии / Акад. В.М. Бехтерев // Половой вопрос в свете научного знания: сборник статей / акад. В.М. Бехтерева [и др.]... М.; Л., 1926. С. 142–181.

Он же. Половые уклонения и извращения в свете рефлексологии / Акад. В. Бехтерев // Вопросы изучения и воспитания личности / Ин-т по изучению Мозга и психической деятельности; под ред. акад. В.М. Бехтерева. Петербург [т. е. Пг.]: Гос. изд-во, 1922. № 4–5. С. 644–746; 26 см. – См. гл. 1 (105); гл. 3 (14); гл. 5 (5, 18, 20, 21, 39, 58, 60, 61, 105).

Бец, Л.В. – *см.* Бухановский, А.О.

[*Блох, Иван* (Bloch, Iwan; 1872–1922). История проституции: С алфавитным указателем. Первый том. / д-ра мед. I. Bloch'а.; Авторизированный перевод с немецкаго врача П.И. Лурье-Гиберман. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1913 (Тип. Шредера). XXVIII, 683, [1] с.; 24 × 16 см. Из содержания: Связь между проституцией и половыми извращениями, половая психопатия в древности. С. 309–319; Мужская проституция в древности. С. 319–352; Гомосексуальная проституция [в средние века]. С. 643–654. См. также: Алфавитный указатель: с. 671–683. (См.: Кн. летопись. 1913. № 15 (12 апр.). № 9015. Тир. 3050). Перевод изд.: *Bloch, Iwan.* Die Prostitution: [in 2 Bd.] / von Dr. med. Iwan Bloch. Berlin: Louis Marcus, 1912–1925. 23 cm. (Handbuch der gesamten Sexualwissenschaft in Einzeldarstellungen / Herausgeber: Dr. med. Iwan Bloch; Bd. 1, 2). Bd. 1: Mit einem Namen-, Länder-, Orts- und Sachregister / von Iwan Bloch. 1-es bis 10-es Tausend. 1912. XXXVI, 870, [2] S.; Bd. 2, Hälfte 1 / von Ivan Bloch und Georg Loewenstein. 1-e bis 4-e Aufl. 1925. VII, [1], 728 S. Том 2 на рус. яз. не переводился.]

[*Он же.* Половая жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре. / Д-р мед. Иван Блох.; Перевод с шестого немецкаго издания Е. Гордон и Г. Вулиха.; под редакцией М. Бройдо. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», Большая Подьяческая, 39, 1909 [т. е. дек. 1908]. [4], 624 с.; 26 × 17 см. Вышла в свет в конце 1908 г. (См.: Кн. летопись. 1908. № 50 (30 дек.). № 23140. Тир. 3000 экз.). Из содерж.: Гл. XIX: Сущность гомосексуализма. С. 398–438; Гл. XX: Псевдогомосексуализм (греческая и восточная педерастия, гермафродитизм, бисексуальная разновидность. С. 439–452. Перевод изд.: *Bloch, Iwan.* Das Sexualleben unserer Zeit in seinen Beziehungen zur modernen Kultur. /

von Dr. med. Iwan Bloch... 4-te bis 6-te, um einem Anhang verm. und mit Namen- und Sachregister vers. Aufl. Berlin: Louis Marcus Verlag, 1908. XII, 840, XIX, [1] S.; 1. Aufl. 1.–5. Tausend. Berlin: L. Marcus, 1907. VIII, 822, [2] S.; 2. und 3. vielfach. verb. und verm. Aufl. 6.–18. Tausend. 1907. XII, 829 S.]

[*Он же.* Половая Жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре / Д-р мед. Иван Блох.; Перевод с шестого немецкаго издания. Е. Гордон и Г. Вулиха.; Под редакцией М. Бройдо. Издание второе. С.-Петербург: Типография товарищества «Общественная Польза», Большая Подьяческая, 39, 1911. [4], 624 с.; 26 см. Текст – по набору изд. 1909 г., новый тит. л. (см.: Кн. лет. 1911. № 14 (8 апр.). № 8468. Тир. 1500 экз.). – См. гл. 4 (20).]

[*Он же.* Половая жизнь нашего времени и ея отношения к современной культуре. / Д-р мед. И. Блох.; Перевод с 4–6 немецкаго издания Н.А. Алексеева. С.-Петербург: [Изд-во и склад «Спб. Книжное дело»]: «Пушкинская Скоропечатня», Сайкин пер., 10, 1909. VII, [I] с., 752 стб.; 27 × 18 см. Издание вышло в 4-х отд. вып., в обложках. Вып. 1. 192 стб.; Вып. 2. Стб. 193–384; Вып. 3. Стб. 385–570; Вып. 4. Стб. 571–752, с. I–VII, [1] (см.: Кн. лет. 1909. № 1 (4 янв.). № 11; № 9 (28 февр.). № 3748; № 31 (8 авг.). № 15164; № 29 (25 июля). № 13693. Тир. по 3000 экз.). На с. 1 обложек: Д-р мед. И. Блох. Половая жизнь нашего времени. СПб. 1909; на с. 4 обложек указаны изд-во и тип.; переводчик на обл. не указан. В конце вып. 4 прилагался вышеприведенный тит. л. и предисловия, которые подписчиками и издательством вклеивались в начало вып. 1 (все выпуски брошюровались, обложки при этом выбрасывались). Издание с вышеприведенным тит. л. в «Книжной летописи» не отмечено (в таком виде оно не поступало в Гл. упр. по делам печати). Из содерж.: Гл. XIX. Загадка гомосексуальности. Стб. 474–523; Гл. XX. Псевдо-гомосексуальность (греческая и восточная педерастия, гермафродитизм, бисексуальные вариететы). Стб. 523–540.]

[*Он же.* Половая жизнь нашего времени и ея отношение к современной культуре / Iwan Bloch.; Перевод с 6-го [нем.] издания. Врача П.И. Лурье-Гиберман. С.-Петербург: Издание журнала «Современная Медицина и Гигиена», Литейный просп. № 33, 1910 (СПб.: Т-во художественной печати). [2], 670, II с.; 24,5 × 15,5 см. Текст – по набору журнала «Современная медицина и гигиена». СПб., 1909. № 1–21/22. Отмечено в: Кн. лет. 1910. № 6 (13 февр.). № 3300. Тир. 500 экз. Первоначально: Современная половая жизнь в связи с культурой / Д-р I. Bloch; Перев. с 6-го изд. д-ра П.И. Лурье-Гиберман // Современная медицина и гигиена,: журнал, выходящий дважды в месяц, / издаваемый под ред. проф. патологии и клиники внутр. болезней М.И. Афанасьева. С.-Петербург: Контора редакции журнала, 1909. Год XIV, № 1. С. 1–32. Предисловия. Гл. I–II (паг. 3-я)... № 21/22. С. 593–670, II, [2]. Гл. XXXIII (паг. 1-я). В конце № 21/22 прилагался вышеприведенный тит. лист с. [1–2]. Описано по обложкам журнала. – См. гл. 4 (20).]

[*Блуменау, Леонид Васильевич* (1862–1931). К патологии полового влечения. / Прив.-доц. Л.В. Блуменау. // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии.: ежемесячный журнал, посвя-

щенный неврологии, невропатологии, психиатрии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии, / под редакцией Академика В.М. Бехтерева, Директора клиники душевных и нервных болезней в С.-Петербурге. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1902 (Тип. Н.Н. Клобукова). Год седьмой, 1902 г., № 1, январь. С. 17–22; 24 × 15 см.]

Блюмин, И.Г. К вопросу судебно-медицинской экспертизы мужчин при половых преступлениях / И.Г. Блюмин // Вопросы травматологии, токсикологии, скоропостижной смерти и деонтологии в экспертной практике: [в 3 вып.] / Моск. гор. отдел здравоохранения, Бюро судебно-мед. экспертизы. М.: Изд-во «Медицина», 1966. Вып. 3. С. 380–386; 20 см. В обл. 1000 экз. – См. Эпилог (50).

[*Он же*. Материалы к экспертизе половых состояний: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. мед. наук: № 774 – судебная медицина / И.Г. Блюмин; М-во здравоохранения СССР, НИИ судебной медицины. На правах рукописи. М., 1970. 20 с., с. 3 обл.; 20 см. Цель работы: «Обоснование судебно-медицинских критериев гомосексуализма у мужчин».]

Он же. О некоторых функциональных признаках гомосексуализма (мужеложества [т. е. мужеложства]): (По данным судебно-медицинской экспертизы / И.Г. Блюмин (Москва) // Вопросы сексопатологии: (материалы научно-практ. конференции / М-во здравоохранения РСФСР, Моск. научно-исслед. ин-т психиатрии; [отв. ред. проф. Д.Д. Федотов; под ред.: проф. П.Б. Посвянского, д-ра мед. наук А.И. Белкина, канд. мед. наук Г.С. Васильченко]. М., 1969. С. 32–33.; 25 см. (Труды Моск. НИИ психиатрии МЗ РСФСР; т. 58). – См. Эпилог (50).

Блюмин, И.Г., Гельфенбейн, Л.С. Об одном диагностическом признаке при экспертизе половых состояний мужчин // Вопросы травматологии, токсикологии, скоропостижной смерти и деонтологии в экспертной практике: [в 3 т.]... М., 1966. Вып. 3. С. 390–393: 3 ил. – См. Эпилог (50).

Богомолов, Николай Алексеевич. Михаил Кузмин: статьи и материалы / Н.А. Богомолов. М.: «Новое литературное обозрение», 1995. 366, [2] с.: портр. (на с. 2); 22 × 14,5 см. (Новое литературное обозрение. Научное приложение; вып. III / ред. вып. Т. Михайловская). В пер. 3000 экз. – См. Введ. 72; гл. 1 (55).

Богомолов, Н.А., Малмстад, Джон Э. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха / Н.А. Богомолов, Джон Э. Малмстад. М.: «Новое литературное обозрение», 1996. 317, [3] с., [8] л. [: 25] портр.; 22 см × 14,5 см. (Новое литературное обозрение. Научное приложение; вып. V / ред. И. Прохорова). В пер. 3000 экз. – См. Введ. 72; гл. 1 (120, 121).

[*Боди, Н.О.* (Body, N.O. [pseud.]). Девичьи годы одного мужчины / Н.О. Боди; перевод [с нем. и предисл. (с. 7–12)] Евг. Маурина; С предисловием Рудольфа Пресберга [т. е. Пресбера, с. 13–20] и послесловием Д-ра мед. М. Гиршфельда [с. 207–211]. С.-Петербург, 1908 (Электропечатня Я. Левенштейн). 211, [13] с.; 18 × 12 см. В ил. обл. Перевод изд.: *Body, N.O.* [pseud.]. Aus eines Mannes Mädchenjahren / Vorw. von Rudolf Pressber; Nachwort von Dr. med. Magnus Hirschfeld. Berlin: G. Riecke Nachf., 1907. 218 S.]

Бордюгов, Геннадий Аркадьевич. Социальный паразитизм или социальные аномалии?: (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией и бродяжничеством в 20–30-е годы / Г.А. Бордюгов, канд. ист. наук // История СССР: журн. основан в 1957 году: выходит 6 раз в год / Академия наук СССР, Ин-т истории СССР. М.: Изд-во Наука, 1989. № 1, янв.–февр. С. 60–73; 26 см. – См. гл. 6 (82, 84^3); гл. 7 (31).

Борисов, А. Извращенная половая жизнь. Болезненныя изменения половой сферы. Примеры, наблюдения, лечение.: Для врачей и юристов. / А. Борисов. С.-Петербург: Типо-Литография С.М. Муллер, [янв.– июнь 1907]. 295, [1] с.; 21 × 14 см. В конце книги, на с. [1], указаны «источники для составления настоящей книги» (9 назв., из них 3 – на рус. яз.: В.М. Тарновский, М. Герцеги, Р. фон Крафт-Эбинг). Из содерж.: Педерастия или сношение с лицами того же пола. С. 77–127, 241–266; Лесбийская любовь. С. 266–269. Дата изд. установлена по: Список книг, вышедших в России с 1-го янв. по 30 июня 1907 года. СПб., 1908. Стб. 30. Тир. 1000 экз. – См. гл. 2 (4); гл. 4 (24).

Браиловский, Виктор Владимирович (23.10.1893–?). Когда нужен психиатр в уголовном процессе / д-р В. Браиловский // Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. профессоров А.М. Винавера, М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина. М.: Кооперативное издат. т-во «Право и жизнь», [1927]. Год изд. 6, 1927 г., кн. 6–7. С. 109–113; 26 см.

Брон, Товин Моисеевич (4.03.1875–?). Проблема изучения быта / Т.М. Брон (Москва) // Гигиена и эпидемиология: [ежемес. журн.] / под ред. проф. Е.И. Марциновского [и др.]; Гос. центральный бактериолог. ин-т НКЗ. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. Год VI, февр. 1927 г., № 2. С. 25–33; 25 см.

[*Броннер, Вульф Моисеевич* (6.01.1876–?), *Елистратов, Аркадий Иванович* (1872–1955). Проституция в России: Проституция в России до 1917 года. Борьба с проституцией в Р.С.Ф.С.Р. / Проф. В.М. Броннер и проф. А.И. Елистратов. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. 108 с.; 23 × 15 см. На с. 71–108: Приложения к статье проф. Броннера «Борьба с проституцией» в РСФСР [15 различных документов]. В обл. 2000 экз. – См. гл. 5 (26).]

Бруханский, Николай Павлович (1893–1948). К вопросу о скотоложестве. / Н.П. Бруханский. (Из Невропсихиатрического диспансера НКЗ. Завед. Л.М. Розенштейн). // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова, с отделами: 1. Общая неврология... [всего 10 назв. отделов] / издаваемый при редакционном участии Общества невропатологов и психиатров при 1 М.Г.У.; под редакцией: Брусиловского Л.Я., Ганнушкина П.Б. [и др., всего 14 имен]; Отв. редакторы: по невропатологии – Г.И. Россолимо, по психиатрии – П.Б. Ганнушкин; Отв. секретарь Л.Я. Брусиловский; Главное Управление научными учреждениями (Главнаука). М.; Л.: Гос. изд-во (Госиздат), 1926 (М.: Тип. Госиздата «Красный пролетарий»). Год издания XIX, № 2. С. 59–70; 23 × 15 см. Библиография: с. 70 (12 назв.).

Он же. Кризис учения о психопатиях / Н.П. Бруханский // [Смоленский гос. университет.] Труды психиатрической клиники (Гедеоновка). Смоленск: Издание СГУ, 1930 г. Вып. 1 / директор Н.П. Бруханский. С. 5–17; 22 см. (Научные известия / Смоленский гос. ун-т; отв. ред. ректор ун-та Р.И. Белкин).

Он же. Материалы по сексуальной психопатологии: психиатрические экспертизы / Н.П. Бруханский. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1927. 115, [1] с.; 23 × 15 см. В обл. 3000 экз. – См. гл. 2 (30^2, 31, 41); гл. 5 (50, 74, 77, 91, 100, 111); гл. 8 (68, 71).

Он же. Судебная психиатрия / Н.П. Бруханский; с предисловием Проф. П.Б. Ганнушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. [8], 439, [1] с.; 24 × 16 см. В обл. 3000 экз. – См. гл. 5 (51, 83); гл. 8 (68).

Булатов, Сергей Яковлевич (7.10.1898–?). Возрождение Ломброзо в советской криминологии / С.Я. Булатов // Революция права: журнал секции общей теории права и государства Коммунистической академии. [М.]: Изд-во Коммунист. академии, 1929. № 1, янв.–февр. С. 42–61; 25 см. – См. гл. 6 (79, 80).

[*Бургин, Диана Льюис* (Burgin, Diana Lewis). Марина Цветаева и трансгрессивный эрос: статьи, исследования / Диана Левис Бургин; Перевод с англ. С. Сивак. Санкт-Петербург: [ООО изд-во] ИНАПРЕСС, 2002. 236, [4] с.; 17 × 11 см. В пер.]

[*Бухановский, Александр Олимпиевич, Бец, Лариса Валериановна.* Транссексуализм: социальные и биологические аспекты / А.О. Бухановский, Мед. ин-т (г. Ростов-на-Дону); Л.В. Бец, Биологический фак. МГУ // Женщина в аспекте физической антропологии: материалы международной конференции «Женщина и свобода. Пути выбора в мире традиции и перемен». Москва, 1–4 июня 1993 года / Рос. Акад. Наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М., 1994. С. 25–33 (194, [2] с. 150 экз.).

[*Бэр, Брайан Джеймс* (Baer, Brian James). Возвращение денди: гомосексуализм и борьба культур в постсоветской России / Брайан Джеймс Бэр; пер. с англ. Анны Навроцкой // О муже(N)ственности: Сборник статей / Составитель С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 556–581 (VI. (после) мужественности); 21,5 × 14 см. (Библиотека журнала. Неприкосновенный запас). В обл. 2000 экз.]

[В поисках сексуальности: [сб. статей 21 автора] / Под редакцией Елены Здравомысловой и Анны Темкиной; Европейский университет в Санкт-Петербурге, Факультет политических наук и социологии. Санкт-Петербург: [Изд-во «Дмитрий Буланин»], 2002 (СПб.: ГИПП.: «Искусство России»). 610, [2] с.; 20,5 × 15 см. (Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета политических наук и социологии; вып. 3). Литература: с. 587–608 ([217 + 290] назв.). В пер. 800 экз.]

[*Ванчугов, Василий Викторович* (1964–). Философия Эроса: метафизика любви З.Н. Гиппиус. «Крылатый Эрос» А. Коллонтай // Ванчугов, В.В. Женщины в философии: Из истории философии в России XIX – нач. XX вв./ Василий Ванчугов. [М.: РИЦ «ПИЛИГРИМ», 1996] (М.:

Тип. Россельхозакадемии). С. 228–237 (Раздел II. Философские портреты); 20 × 14 см. В обл. 1000 экз.]

Василевская, Лидия Абрамовна (1882–?), *Василевский, Лев Маркович* (1876–1936). Проституция и новая Россия / Врачи Л.А. и Л.М. Василевские. 2-ое значительно доп. изд. [Тверь]: Изд-во «Октябрь», 1923 (Тверь: Тип. им. Карла Маркса). 135, [1] с.; 18 × 11 см. В обл. 3000 экз. – См. гл. 2 (20).

Василевский, Л.М. – см. Василевская, Л.А.

Василевский, Лев Маркович (1876–1936). Голгофа ребенка: Беспризорность и дети улицы / Врач Л.М. Василевский. Л.; М.: Издательское т-во «Книга», 1924. 99, [5] с.; 18 × 13 см. В обл.

Он же. Половые извращения / Д-р Л.М. Василевский; под ред. В.М. Броннера. [М.]: «Новая Москва», 1924. 61, [3] с.; 17 × 13 см. (Библиотека рабочей молодежи / под общ. ред. МК РЛКСМ. Половой вопрос). В обл. 8000 экз. – См. гл. 1 (71).

[Введение в гендерные исследования: [в 2 ч.]. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя», 2001 (СПб.: Акад. тип. «Наука» РАН). 21 × 14 см. В пер. Тир. 1000 (Ч. I), 1500 (Ч. II) экз.

Часть I: Учебное пособие: [18 авторов, 22 статьи] / Под ред. Ирины Жеребкиной. 707, [5] с. Алфавитный указ.: с. 700–707. Библиография – в сносках.

Часть II: Хрестоматия: [39 авторов, 42 статьи] / Под ред. Сергея Жеребкина. 991, [1] с. Библиография – в конце статей.]

Внуков, Вольф Абрамович (12.02.1889–?). Проблема изучения личности преступника в свете марксистской криминологии / В. Внуков. Харьков: Юридическое изд-во НКЮ УССР, 1930. 62, [2] с.; 20 × 14 см. В обл.

[*Внуков, Вольф Абрамович* и *Эдельштейн, Аким Оскарович.* О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений / В.А. Внуков и А.О. Эдельштейн // Правонарушения в области сексуальных отношений / под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегала и Ц.М. Файнберг... М.: Изд. Мосздравотдела, 1927. С. 23–76 (на с. 45–51 – о гомосексуальных развратителях); 23 × 15 см.]

Волков, Виталий Николаевич, Калиниченко, Светлана Ивановна, Пищелко, Александр Валерьевич. Сексуальные извращения у осужденных женщин: учебное пособие / В.Н. Волков, С.И. Калиниченко, А.В. Пищелко; Межреспубликанский ин-т повышения квалификации работников органов внутренних дел. Домодедово: [МИПК работников ОВД], 1992. 104 с.; 20 × 14,5 см. 250 экз. – См. Эпилог (32, 34, 42).

Вопросы сексопатологии: (материалы научно-практической конференции) / Министерство здравоохранения РСФСР, Московский научно-исследовательский институт психиатрии; [отв. ред. проф. Д.Д. Федотов; под редакцией: проф. П.Б. Посвянского, д-ра мед. наук А.И. Белкина, канд. мед. наук Г.С. Васильченко]. М., 1969 год. 154, [2] с.; 25 × 17 см. (Труды Московского научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР; т. 58). В обл. 3000 экз.

[Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров, 2-й. Москва. 1936]. Труды 2-го Всесоюзного съезда психиатров и невропатологов 25–29 де-

кабря 1936 г.: [в 4 вып.]. М.: Издание организационного комитета съезда, 1937. Выпуск II / Под редакцией М.Б. Кроля и А.О. Эдельштейна. [4], 155—693, [1] с.; 22 × 15 см. На с. 669—693: Закрытие съезда (Вечернее заседание 29 дек. 1936 г. Закрытие работы съезда [Выступление: И.М. Темкин. С. 671—672; Ц.М. Файнберг. С. 673—674; М.И. Пайкин. С. 675—677; Состав съезда / А.О. Эдельштейн. С. 677—681; Резолюция... С. 681—686; Заключительная речь / акад. М.Б. Кроль. С. 686—693]). В пер. 1500 экз.

Высотский, С.П. Случай превратного полового чувства.: (Больной демонстрирован в Обществе Курских врачей 2-го июня 1921 года) / Д-ра С.П. Высотского // Вестник Курского Губернского Отдела Здравоохранения. [Курск], 27 июля 1921 года. Год изд. 2-й, № 6—7. С. 9—11; 34 × 21 см. — См. гл. 5 (90).

Г.Р. Процессы гомосексуалистов / Г.Р. [псевд.] // Еженедельник советской юстиции. М.: Народный Комиссариат юстиции, 9 сент. 1922. № 33. С. 16—17; 31 см. — См. гл. 1 (109); гл. 2 (74, 76); гл. 5 (4, 6, 8, 9, 10, 14^3, 15, 17, 19^3, 24, 90); гл. 5 (90); гл. 8 (6).

Гаккебуш, Валентин Михайлович (1.01.1876—?), *Залкинд, Илья Александрович* (10.06.1890—?). Курс судебной психопатологии: Гос. Научный Комитет Наркомпроса УССР одобрил как пособие для медицинских и социально-экономических ВУЗ'ов / Проф. В.М. Гаккебуш, Д-р И.А. Залкинд. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. 392 с.; 24 см.

[*Гальковский, Николай Михайлович* (19.XI.1868—?). Противоестественные пороки // Гальковский, Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси: [в 2 т.] / Н.М. Гальковский. Харьков: Епархиальная Типография..., 1916. Т. I. Гл. V: Брак, § 51. С. 149—152. На с. 152—153: § 52: Вывод. Библиогр. — в примеч. (19 назв.); на с. 355—370: Гл. XI: Перечни грехов (§ 110—115).]

[*Он же.* То же // Гальковский, Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Тома первый, второй. Репринтное издание. [Репринт издания 1913 и 1916 гг.]. М.: Изд-во «Индрик», 2000. С. 149—153 (Т. I). (Памятники древней письменности: исследования, тексты). ([2], [6], IV, 376, [2], II, 308 с.; 22 × 15 см. В пер. 1500 экз.)]

Гаммонд, Вильям Александер (Hammond, William Alexander; 1828—1900). Грехи молодости.: половое безсилие мужчин и женщин. / Вилльям Гаммонд, доктор медицины, профессор психиатрии и неврологии в Нью-Йорке.; перевод с последняго авторизованнаго немецкаго издания под редакцией д-ра Карла Нейбюргера.; с рисунками. М.: Издание торговаго дома[:] Е. Коновалова и К°: Типо-Литография Торговаго Дома[:] Е. Коновалова и К°, 1907. 287, [1] с.: ил. (на с. 15, 33, 54); 22 × 14 см. На с. 25—92: Потеря полового влечения вследствие извращения полового чувства. Перевод изд.: *Hammond, William Alexander* (1828—1900). Sexual impotence in the male / by William A. Hammond. New York: Bermingham & co., 1883. 274 p.]

[*Он же.* Половое безсилие у мужчин. / William A. Hammond, доктор медицины, генерал-врач армии Соединенных Штатов, профессор душевных и нервных болезней в Нью-Йоркской медицинской школе, президент Американскаго нейрологическаго общества etc. etc.; перевод [с

англ.] Л.А. Говсеева под редакцией П.И. Ковалевскаго. Харьков: Типография М.Ф. Зильберберга, 1885. [12], 232, [2] с.; 21 × 13 см. На с. 19–72: с) Угасание половаго чувства, вследствие извращения половаго вкуса.]

Ганнушкин, Петр Борисович (1875–1933). Клиника психопатий: их статика, динамика, систематика. М.: Кооперативное изд-во «Север», 1933. VII, 141, [2] с., 1 л. портр.; 21 × 15 см. В обл. 4000 экз. – См. гл. 5 (43).

[*Гедеонов, Н.Н.* (29.IX.1895–?). Содержатели притонов разврата / Н. Гедеонов // Проблемы преступности: сборник: [в 2 вып.] / Государственный институт по изучению преступника и преступности: сборник: [в 2 вып.] / Государственный институт по изучению преступника и преступности; под ред. членов ин-та Е. Ширвиндта, Ф. Трасковича и М. Гернета. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Вып. 1. С. 141–149; 27 × 18 см. В обл. 3000 экз.]

Гельман, Израиль Григорьевич (01.03.1881–?). Половая жизнь современной молодежи: опыт социально-биологического обследования / И. Гельман. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 146 с.; 23 см. В обл. – См. гл. 2 (41, 51); гл. 5 (81).

[*Он же.* То же. Изд. второе, доп. М.; Л.: Гос. изд-во, [на корешке: 1925]. 150, [2] с.; 23 × 15,5 см. В обл. 20 000 экз.]

Гельфенбейн, Л.С. – *см.* Блюмин, И.Г.

[*Геренштейн, Григорий Борисович* (18.06.1888–?). Гомосексуализм как психоневроз в свете учения о доминанте / Г.Б. Геренштейн (Ленинград) // Казанский медицинский журнал: Орган Медицинского факультета Казанского университета и Казанского института для усовершенствования врачей им. В.И. Ленина / Издание Общества врачей при Казанском гос. университете; редакционная коллегия: Председатель – проф. Т.И. Юдин; члены коллегии [на тит. л. – 8 имен]. Казань, [1929]. (Год издания XXV), 1929 г., № 7–8, июль–август. С. 809–816; 22 × 15 см.]

Гернет, Михаил Николаевич (1874–1953). В тюрьме: очерки тюремной психологии: с иллюстрациями / М.Н. Гернет, проф. 1-го Гос. Моск. ун-та. М.: Книго-изд-во «Право и жизнь», 1925 (Ржев: Тип. Общего отдела Уисполкома). 148. [2] с.: ил.; 23 см. (Книгоиздательство «Право и жизнь» / под общей ред. профессоров А.М. Винавера, М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина). На с. 73–81: VI. Половая жизнь в тюрьме. В обл. – См. Эпилог (9, 10, 12, 14, 28, 31).

Он же. Моральная статистика: (Уголовная статистика и статистика самоубийств).: С приложением 16 диаграмм и образцов-листков уголовной статистики и статистики самоубийства: пособие для статистиков и криминалистов. / М.Н. Гернет, проф. 1-го Государств. Московск. Университета. М.: Издание Центрального Статистического Управления, 1922. [2], VIII, 3–269, [3] с.: 119 табл., [16] л. диагр.; 26 см. (Серия учебных руководств и пособий по статистике. Отд. III – Руководства по отдельным отраслям статистики; вып. 1). В обл.

[*Герцеги, Мориц* (Herczeghy, Mór (Moritz); 1815–1884). Женщина в физиологическом, патологическом и нравственном отношениях.: исследование медицинское, философское и литературное. / сочинение Д-ра Морица Герцеги.; Перевод с французскаго издания 1864 г. Москва:

Издание А.Н. Метелькова, 1865 (В Типографии Бахметева). XIII, [3], 271, [5] с.; 25 × 16 см. Перевод изд.: *Herczeghy, Mór* (1815–1884). La femme au point de vue physiologique, pathologique et moral: étude médico-philosophique et littéraire. Paris: Masson, 1864. 451 p.]

[*Он же.* Женщина в физиологическом, патологическом и нравственном отношениях.: С рисунками в тексте.: [Половая психопатия у мужчин и женщин: Для врачей и юристов] / Профессор Герцеги.; Полный перевод со многими дополнениями Д-ра Мед. З.......го. С.-Петербург: Склад издания у Н.С. Аскарханова (6, Троицкая ул., 6), 1901 (С.-Петербургская Электропечатня, Коломенская, 38–41). 566, [2] с.: 26 ил.; 18 × 14 см. (В обл.). На обл. под загл.: Половая психопатия у мужчин и женщин. Для врачей и юристов. Автор текста на с. 1–219, 234–237, 561–566 – М. Герцеги. Для изд. 1901 г. новый перевод с фр. изд. 1864 г. не делался, был отредактирован перевод московского изд. 1865 г. Исследование показало, что тексты на с. 238–477 заимствованы из запрещенного изд.: *Крафт-Эбинг, Рихард*, фон. Половая психопатия: Для врачей, студентов и юристов / Д-р Р. фон Краффт-Эбинг...; Пер. с нем. д-ра мед. А. З.......а. СПб.: Издание Н.С. Аскарханова, [авг. 1901]. 366, [2] с. На с. 477–560: Разные виды половой психопатии, примеры, наблюдения (на с. 477: «заимствованы нами из вышедших уже в свет русских изданий»): случаи № 1–36, в т. ч. № 18: «Дело Е.И. Демичевой и М.П. Шашниной» (с. 500–506), № 19 «Дело Н. и П. Красавиных» (с. 506–510), № 32: «Дело Юлии Островлевой» (с. 540–548). Составитель текстов и переводчик, – видимо, Золотарев, Алексей Леонтьевич (1861–?), врач-венеролог из СПб. (о нем см. при описании «Половой психопатии» Р. фон Крафт-Эбинга). Содержание: Ч. 1. Естественная история женщины. С. 3–154; Ч. 2. Патология женщины и новорожденнаго ребенка и их гигиена. С. 155–233; [Ч. 3]. Страсти с точки зрения патологической [по «Оглавлению»: Половая психопатия]. С. 234–477 (Болезненныя уклонения половой деятельности пред уголовным судом. С. 398–477); [Ч. 4. Разные виды половой психопатии, примеры, наблюдения. Судебныя процессы]. С. 477–560. Из содержания: Слабое половое чувство к другому полу, или его отсутствие и замена половою склонностью к тому же полу (гомосексуальное или извращенное половое чувство). С. 294–371; Противоестественныя сношения. Скотоложество (содомия). С. 444–449; Сношения с лицами того же пола (педерастия). С. 449–475. Использована терминология: «мужелюбивый мужчина (кинед, “Urning”), уранисты, мужелюбцы, мужеложцы, женолюбицы». – См. гл. 2 (6, 7, 66); гл. 3 (46).]

[*Герцеги* [псевд.]. Половая психопатия: Для врачей, студентов и юристов. / Профессор Герцеги [псевд.].; Полный перевод со многими дополнениями Д-ра Мед. И.Д. Флоринскаго [псевд.]. Издание второе, исправленное. С.-Петербург (6, Троицкая ул., 6): Книгоиздательство Н.С. Аскарханова, [1910] (СПб.: Типография т-ва «Общественная Польза»). 366, [4] с.; 18 × 13 см. Дата изд. указана на с. 4 обл. (см. также: Кн. Летопись. 1910. № 17 (1 мая). № 9464. Тир. 2000 экз.). Текст на с. 3–295 напечатан без изменений по тексту с. 234–560 1-го изд. 1901 г., т. е. здесь на с. 3–292 воспроизведено в сокращении издание запрещенной «Половой пси-

хопатии» Р. фон Крафт-Эбинга в переводе 1901 г. д-ра мед. З........го [по-видимому: Золотарев, Алексей Леонтьевич (1861–?)] и на с. 222–296: Разные виды половой психопатии, примеры, наблюдения. Судебные процессы: № 1–36 / [сост.: А.Л. Золотарев]. На с. 3 – примеч. изд-ва: «Второе изд. “Половой психопатии” представляет вторую часть (исправлен. и дополненную) перваго изд. “Женщина в физиологическом, патологическом и нравственном отношениях и половая психопатия у обоих полов”. Проф. Герцеги. Перевод Д-ра медиц. А. З-го. Цена 3 р. (осталось небольшое число экземпл.)». Дополнен только текст на с. 296–366: «Письмо одного извращенного к Э. Золя, переданное автору при особом письме самого Э. Золя». Этот же случай описан в изд.: *Ушаковский, П.В.* (Псевдонимъ). Люди средняго пола. С.-Петербург, 1908. С. 53–94. Составитель и переводчик всех текстов, по-видимому, А.Л. Золотарев. В «Российском медицинском списке» значится только один статский советник – д-р медицины Иродион Дмитриевич Флоринский (1856–1896, дата смерти установлена по «Петербургскому некрополю»). Ясно, что его имя использовалось в качестве псевдонима. – См. гл. 4 (18).]

Герцензон, Алексей Адольфович (17.03.1902–?). Классовая борьба и пережитки старого быта / А. Герцензон // Советская юстиция: орган НКЮ РСФСР. [М.]: Гос. изд-во «Сов. законодательство», 1934. № 2. С. 16–17; 30 см. – См. гл. 7 (30, 65); гл. 8 (46).

Гешвандтнер, Р. – *см.* Квінт, Л.

[*Гилула, Исаак Иосифович* (22.07.1899–?). О бисексуальной геронтофилии. / И.О. Гилула (Киев). Из Госпит. Нервной Клиники Харьковск. Медиц. Института (дир. – проф. А.М. Гринштейн). // Врачебное дело: [Двухнедельный] научный медицинский журнал [, основанный Професс. Союзом врачей г. Харькова и губернии]. Харьков: «Научная мысль», 1925. Год издания восьмой, № 24–26, 20 декабря 1925 г. Стб. 1923–1927; 27 см.;]

[*Он же.* О бисексуальной геронтофилии: Отдельный оттиск [из] № 24–26 / И.О. Гилула; Врачебное дело. Научный медицинский журнал. Харьков: «Научная мысль», 1925 («Харківдрук» 4-та Держдрукарня). [2], 3–9, [3] с.; 22 × 14 см. Текст – на с. 3–9. Над текстом: О бисексуальной геронтофилии. / И.О. Гилула (Киев). Из Клиники Нервных болезней Киевского Мед. Института (дир. – проф. В.В. Селецкий). Описано по тит. листу оттиска (с. 1). На с. 2: Содержание журнала № 24–26. В конце изд., на с. [1–3], – реклама книг изд-ва.]

[*Гинзбург-Шик, Давид Герцикович* (1856–?). К казуистике полового извращения.: атипичный случай первичнаго помешательства. / [соч.] Д.Г. Гинзбург-Шика. (Сообщено). // Медицинское обозрение: 24 №№ в год. / Спримона; [редактор – издатель Спримон]. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1888. Год пятнадцатый, Том XXIX, № 6. С. 560–566 (Отдел I. Психиатрия); 25 × 16,5 см. О случае «врожденное половое извращение – врожденная педерастия» (см. на с. 564–566).]

Гиршфельд, Магнус – *см.* Хиршфельд, Магнус.

Голанд, Я.Г. К вопросу о психотерапии гомосексуализма / Я.Г. Голанд (Горьковский медицинский ин-т) // Вопросы психотерапии в общей

медицине и психоневрологии: тезисы и авторефераты конференции (23–27 декабря 1968 г.); Украинский ин-т усовершенствования врачей и центр. клин. психоневролог. и нейрохирург. больница МПС; Харьковский ин-т неврологии и психиатрии; Харьк. научно-мед. о-во и Харьк. о-ва: невропатологов и психиатров, психотерапевтов, психопрофилактиков и психогигиенистов, физиотерапевтов и курортологов, акушеров-гинекологов, о-во врачей физ. культуры; Всесоюзное и укр. о-ва невропатологов и психиатров; [редкол.: А.Л. Гройсман, Г.Л. Коневский (и др., всего 5 имен); отв. за выпуск – А.Л. Гройсман]. Харьков, 1968. Раздел IVK: Психотерапия и психогигиена в сексологии и сексопатологии. С. 434–436; 21 см. 2000 экз. – См. Эпилог (57, 84).

[*Он же.* О ступенчатом построении психотерапии при мужском гомосексуализме / Я.Г. Голанд (Горький) // Проблемы современной сексопатологии: (сборник трудов) / М-во здравоохранения РСФСР, Моск. НИИ психиатрии; [отв. ред. проф. А.А. Портнов...]. М., 1972. С. 473–486; 22 см. (Труды Моск. НИИ психиатрии МЗ РСФСР; т. 65).] – См. Эпилог (57, 84).

Голенко, В.Ф. Педерастия на суде. / В.Ф. Голенко [Умань]. // Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии, / издаваемый под редакцией П.И. Ковалевскаго, проф. психиатрии и нервных болезней при Харьк. университете.; В журнале принимают участие: [на обл. – 46 имен]. Харьков (Контора редакции: Садовая ул., № 2): Типография М.Ф. Зильберберга, 1887. Год пятый, Том IX – № 3. С. 42–56; 22 × 14 см. – См. гл. 1 (11); гл. 3 (38).

Голод, Сергей Исаевич. XX век и тенденции сексуальных отношений в России / С.И. Голод; Санкт-Петербургский филиал Института социологии Российской Академии наук. Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя», 1996. 188, [4] с.: 6 табл.; 17 × 12 см. Примеч.: с. 175–184. В пер. 1200 экз.

Голомб, Яков Давидович (1882–?). Половая жизнь нормальная и ненормальная: с рисунками / Д-р Я.Д. Голомб. [Одесса]: Издание Черноморского медико-санитарного отдела, 1926. 31, [1] с.: ил. (на с. 16–17); 18 × 14 см. (Половой вопрос в общедоступных очерках. [Первая серия] / под ред. д-ра А.И. Физделя; № 3).

Он же. Половое воздержание: (за и против): что должен знать каждый о современном состоянии вопроса: с рисунками / Д-р Я.Д. Голомб. Испр. изд. [Одесса]: Книгоизд-во «Светоч», 1927. 30, [2] с.: ил. (на с. 17); 18 × 14 см. (Половой вопрос в общедоступных очерках. Вторая серия / под ред. д-ра С.И. Малова; № 7).

Голосовкер, Самуил Яковлевич (22.11.1892–?). О половом быте мужчины. / Д-р С.Я. Голосовкер. [Казань]: Издание «Казанского Медицинского Журнала», 1927 (Казань: Тип. «Красный Печатник»). 32 с.; 23 × 15 см. На с. 31–32: Анкета о половой жизни мужской учащейся молодежи. 3000 экз.

[*Гомон, Вальтер.* Дневник молодого человека: [пер. с нем.] / В. Гомон; [авт. предисл.: Вальтер Гомон (с. 3–4)]. М.: [Изд-во «Лотос»]: Типолитография Т-ва Вл. Чичерин, [февр. 1908]. 160 с.; 18 × 12 см. Дата изд.

установлена по: Кн. лет. 1908. № 7 (16 февр.). № 2761. Тир. 4000 экз. Изъята из продажи (См.: Там же. С. 28). Немецкий оригинал установить не удалось.]

[Горе отъ ума: Траги-комическій эпизодъ въ 1 дѣйствіи. Изданіе частное, въ продажу не поступаетъ. [М., 1917?]. [24] с. + [8] с. рукописных дополнений (сообщены В.В. Русловым) [с раскрытием в квадратных скобках подлинных фамилий тесного кружка высокопоставленных гомосексуалов г. Москвы; Софья [Проф. Консерватории (Моск.) К.Н. Игумнов]; Чацкий [А.М. Харитов – Моск. капиталист из кружка Рябушинских]; Скалозуб [Нейнган – директор Цинделевской мануфакт.]; Генерал [Н.Н. Оболешев]; М.А. [А. Михайл. Харитов]; К.В. [Владимир Карл. Нейнган]; [Расторгуев]; Виктор [Закржецкий]; [Добров – Александр Филин., сын доктора]; [Елин, Николай Кузмич – артист оперы Зимина]; [Бакулин, Петр Павл. – директор шерстяной мануфактуры]; К.В. [Виктор Карл. Клуге]; В.К. [Конст. Вас. Незлобин]; М.А. (А. Мих. Харитов); 10,8 × 8,8 (набор 9 × 6,7) см. На об. тит. л.: Отпечатано въ количествѣ 50-ти нумерованныхъ экземпляровъ. № [номер проставлялся от руки красными чернилами]. На зеленой обложке наклейка: ГОРЕ ОТЪ УМА. Дата издания установлена, предположительно, по строке: «Въ шестнадцатомъ году онъ отличался съ братомъ» (с. [9]).]

[*Горфин, Давид Владимирович* (1889–1969). Половая жизнь / Д. Горфин // Большая советская энциклопедия: [в 66 т.] [1-е изд.] / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Гос. ин-т «Сов. энциклопедия» ОГИЗ РСФСР, 1940. Т. 46: Пола–Призмы оптические. Стб. 163–169. – См. Введ. 8; гл. 6 (61); гл. 7 (74).]

Горький, Максим (1868–1936). Пролетарский Гуманизм // Известия Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик и Всероссийского Центральн<ого> Исполнительного Комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. М., 1934. 23 мая. С. 2. – См. гл. 7 (36).

Он же. То же // Правда: [газета] / орган ЦК и МК ВКП(б). М., 1934. 23 мая. С. 2. – См. гл. 7 (36).

[*Гофман, Эдуард*, Риттер фон (Hofmann, Eduard, Ritter von; 1837–1897). Мужеложство: [пер. с нем.] / E. v. Hoffmann // «Реальная энциклопедия медицинских наук».: Медико-хирургический словарь: [пер. с нем.]: С дополнениями и изменениями по новейшим источникам: [в 23 т.] / [сост. и ред.] Проф. A. Eulenburg – Проф. М.И. Афанасьев. С.-Петербург: Издание В.С. Эттингера, 1894. Т. 12: Молоко магнезиальное – Нассау: С многочисленными рисунками в тексте. С. 459–467; 25 × 16 см.]

Он же. Учебник судебной медицины / [соч.] Эдуарда Гофмана, проф. судебной медицины в Вене; пер. [с нем. 9-ти] студентов Казан. ун-та под ред. проф. судебной медицины И.М. Гвоздева. Казань: Тип. имп. ун-та, 1878. 706, XI, [1], LXXI, [1] с.; 25 × 15 см. В кн. также: Приложение. Указатель статей русскаго законодательства, относящихся к вопросам судебной медицины / [ред.: В.М. Шимановский]. Казань: Тип. имп. ун-та, 1879. LXXI, [1] с. (с отд. тит. л.). – См. гл. 2 (67); гл. 3 (16, 38, 40, 48).

[*Он же.* Учебник судебной медицины / д-ра Эдуарда фон-Гофманна, покойнаго профессора судебной медицины в Вене; Перевод с 9-го немецкаго исправленнаго и дополненнаго издания: «Lehrbuch der gerichtlichen Medicin von Dr. Eduard v. Hofmann, herausgegeben von Prof. A. Kolisko»; под редакцией бывш. профессора Д.П. Косоротова. 6-е русское издание: с 141 рисунком в тексте. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1912 (Тип. Шредера). IX, [1], 952 с.: 141 ил.; 25 × 15 см. На с. 137–148: Противоестественное удовлетворение половой потребности (А. Мужеложство. С. 138–147).]

Громыко, Марина Михайловна. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / М.М. Громыко; отв. редакторы: д-р ист. наук В.А. Александров; д-р ист. наук В.К. Соколова; АН СССР, Ордена Дружбы народов Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.: «Наука», 1986. 274, [6] с.; 22 см. Из содерж.: Гл. 2. Побратимство. С. 70–92. – См. Закл. (9).

Гронский, Иван Михайлович (1894–1985). О крестьянских писателях: (Выступление в ЦГАЛИ 30 сентября 1959 г.) / И.М. Гронский; публикация М. Никё // Минувшее: исторический альманах. [Репр. воспр. парижского изд. 1989 г.]. М.: Открытое общество Феникс, 1992. [Т.] 8. С. 139–174; 22 × 14 см. В пер. 40 000 экз. – См. гл. 7 (45).

Гроссер, Ф.И. – *см.* Гуревич, З.А.

Гульшинский, Виктор. Источники по русской гей-истории: опыт представления. Москва: ГендерДок.: Библиотека лесбиянок и геев, 1995. Ксерокопия.

Гурвич, Берта Рафаиловна (11.10.1892–?). Проституция, как социально-психопатологическое явление: (предварительное сообщение) / Б.Р. Гурвич // Советская медицина в борьбе за здоровые нервы: сб. статей и материалов / под ред. А.И. Мискинова, Л.М. Розенштейна и Л.А. Прозорова; лечебный отдел и нервно-психиатрический диспансер Наркомздрава РСФСР. Ульяновск: Издание Ульяновского комбината ППП, 1926. С. 60–68; 26 × 17 см. На обл. также: Труды I Всесоюзного совещания по психиатрии и неврологии и гос. невро-психиатрического диспансера. 1000 экз. – См. гл. 1 (70); гл. 2 (15, 40).

[*Гуревич, Зиновий Анатольевич* (19.08.1898–?). Половой вопрос / З. Гуревич // Большая медицинская энциклопедия. Изд. 2-е / гл. ред. А.Н. Бакулев. М.: Гос. науч. изд-во «Сов. энциклопедия», 1962. Т. 25. Стб. 900–906. Литература: стб. 906 ([19] назв.).]

Гуревич, Зиновий Анатольевич, Гроссер, Франц Иосифович (10.06.1890–?). Проблемы половой жизни / З.А. Гуревич и Ф.И. Гроссер; Кафедра социальной гигиены Харьковского медицинского ин-та. Харьков: Гос. изд-во Украины, 1930. [4], 255, [1] с.: 18 ил., 33 табл.; 22 × 15,5 см. (Украинский психоневрологический институт НКЗ; (Труды, том XII)). Тит. л. парал. на нем. яз. В обл. 5000 экз.

Деревинская, Елизавета Мироновна. Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма: Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук / Е.М. Деревинская; кафедра психиатрии (зав. – проф. А.М. Свядощ) Карагандинского государствен-

ного медицинского института (ректор – доц. П.М. Поспелов). Караганда, 1965. [2], 281, [5] л. машинописи, 19 л. таблиц (сложены втрое), [57] л. фотографий женщин и [10] л. фотодиаграмм (наклеенных на пронумерованные листы машинописи); 29 × 20 × 4 см. – См. гл. 2 (83); Эпилог (34, 55, 58[3], 62, 64).

Она же. Материалы к клинике, патогенезу, терапии женского гомосексуализма: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. мед. наук / Е.М. Деревинская; М-во здравоохранения Казахской ССР, Карагандинский гос. мед. ин-т [работа выполнена на кафедре психиатрии (зав. – проф. А.М. Свядощ) Карагандинского гос. мед. ин-та; науч. рук. проф. А.М. Свядощ]. [Караганда], 1965. 24 с. На правах рукописи. Диссертация изложена на 281 листе машинописи, иллюстрирована 52 фотографиями и 16 таблицами. В указателе литературы – 285 названий. 280 экз. – См. гл. 2 (83).

Деревянко, Игорь Михайлович. Гомосексуализм: причины и лечение. Ставрополь: Ставропольское кн. изд-во, 1990. 96 с.: ил.; 17 см.

[*Он же.* Гомосексуализм. М.: Знание, 1991. 61, [2] с.: ил.; 20 см. (Новое в жизни, науке, технике. Медицина; 9/1992). Тир. 126 355 экз.]

[Диагностика, лечение и профилактика половых расстройств: (Сборник трудов) / Министерство здравоохранения РСФСР, Московский научно-исследовательский институт психиатрии; [отв. ред. проф. А.А. Портнов; редкол.: проф. Г.С. Васильченко, канд. мед. наук А. Нохуров, В.М. Маслов (отв. секретарь)]. М., 1978. 135, [1] с.; 20 × 14 см. (Труды Московского научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР; т. 81). Из содержания: *Кон, И.С.* Психология подростковой и юношеской гомосексуальности. С. 54–64. В обл. 3000 экз.]

[*Драгоманов, Александр Петрович* (1859–?). О превратном половом влечении.: Судебно-психиатрический случай. / [соч.] А.П. Драгоманова. // Труды Русскаго медицинскаго общества при Императорском Варшавском университете = [Mémoires de la Société russe de Médecine à l'Universite Imperiale de Varsovie]. Варшава: Типография Варшавскаго Института Глухонемых и Слепых, 1896 (Издан 7.X.1896). VII, 1–2. С. 105–113; 23 × 16 см. На об. тит. л.: Дозволено Цензурою. Варшава, 25 сент. 1896 г.;

Он же. То же. (Отд. оттиск): Труды Р. Мед. Общ. при Императ. Варшав. Университете. = Mémoires de la Soc. r. de Méd. à l'Univ. Imp. de Varsovie. 1896, VII, 1–2. Варшава: Типография Варшавскаго Института Глухонемых и Слепых, 1896. 8, [ошибочно: 113, надо: 9], [3 пустые] с.; 23 × 16 см. Без тит. л. Описано по обл. На с. 2 обл.: Дозволено Цензурою. Варшава, 2 октября 1896 г.]

Дроков, Сергей Владимирович – *см.* Протоколы допросов...

Дурманов, Николай Дмитриевич (1900–?). Преступления, составляющие пережитки родового быта / Н.Д. Дурманов. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 69, [3] с.; 22 см. (Уголовное право. Особенная часть / Всесоюзный ин-т юридических наук). – См. 6 (24).

[*Дурова, Надежда Андреевна* (1783–1866). Избранные сочинения кавалерист-девицы Н.А. Дуровой / [сост., вступ. ст. и примеч. В.Б. Муравьева]. М.: Моск. рабочий, 1988. 573, [2] с. 200 000 экз.]

Елистратов, А.И. — *см.* Броннер, В.М.

Жафф-Кофейнон [псевд.] — *см.* Фоконней, Жан. — См. гл. 4 (21).

[*Дюпуи, Эдмон* (Dupouy, Edmond; 1838–?). Проституция в древности и половыя болезни. / D-r E. Dupouy.; Перевод с 5-го [французскаго] издания Д-ра Л.В.; С иллюстрациями в тексте. С.-Петербург: [Издание журнала «Тайны жизни»], 1907 (Типогр. Т-ва «Нар. Польза», Колом. 39). 326, [2] с.: 6 ил.; 19 × 13 см. Из содержания: Противоестественная любовь в Греции. С. 142–174 (Педерастия и Содомия. С. 142–159; Женоложство. Сафизм. С. 160–174); Проституция у мужчин. С. 230–249; Легальная педерастия. С. 250–255. Перевод изд.: *Dupouy, Edmond* (1838–?). La prostitution dans l'antiquité, dans ses rapports avec les maladies vénériennes: étude d'hygiène sociale / Dr. E. Dupouy. 5 éd.... Paris: F.R. de Rudeval, 1906. 332p.: ill.]

[*Жбанков, Дмитрий Николаевич* (1853–1932). Половая вакханалия и половыя насилия.: Пир во время чумы / Д. Жбанков // Практический врач: еженед. медицинская газета, посвященная научным и бытовым интересам врачей / под редакцией д-ра С.Б. Оречкина. С.-Петербург, 1908. Том VII, год седьмой, 1908 г. № 17. С. 308–310; № 18. С. 321–323; № 19. С. 340–342 (Корреспонденции и письма в редакцию); 31 × 22 см. Текст в 2 стб.]

[*Жид, Андре-Поль-Гийом* (Gide, André-Paul-Guillaume; 1869–1951). Возвращение из СССР. Поправки к моему «Возвращению из СССР» / Андре Жид; пер. с фр. А. Лапченко // Жид, Андре. Возвращение из СССР / Андре Жид. Москва 1937: Два взгляда из-за рубежа / Лион Фейхтвангер. М.: Изд-во полит. лит., 1990. С. 61–162; 20 см. Публикуется по тексту журнала «Звезда». Л., 1989. № 8. С. 127–168. На с. 3–60: Анатомия таких разных убеждений / Альберт Плутник.]

Жижиленко, Александр Александрович. Половые преступления: (ст. ст. 166–171 Уголовного кодекса) / проф. А.А. Жижиленко. М.: Изд-во «Право и жизнь», 1924 (Тип. Степановой, село Тайнинское). 32 с.; 22 × 14 см. (Уголовный кодекс РСФСР: практический комментарий / под ред. проф. М.Н. Гернета и проф. А.Н. Трайнина). — См. гл. 4 (114, 118); гл. 5 (10).

Жижиленко, А.А., Оршанский, Лев Григорьевич (14.09.1866–?). Половые преступления / проф. А.А. Жижиленко, проф. Л.Г. Оршанский. Л.: Изд-во «Рабочий суд», 1927. 112 с.; 18 × 12 см. (Библиотека криминологического кабинета ленинградского губернского суда / под ред. проф. Л.Г. Оршанского, проф. А.А. Жижиленко и И.Я. Дерзибашева). Содерж.: Жижиленко, А.А. [Половые преступления]. Юридический очерк. Гл. I–V. С. 3–40; Оршанский, Л.Г. [Половые преступления]. Анализ психологический и психопатологический. С. 41–90; Жижиленко, А.А. Половые преступники по данным Криминологического кабинета при Ленинградском Губсуде. С. 91–112. Тир. 5000 экз. — См. гл. 5 (13); гл. 6 (31).

Жук, Ольга (1960–). Лесбийская субкультура: исторические корни лесбиянства в бывшем СССР: (постановка вопроса) // «Gay, славяне!» СПб.; [М.: Арго-Риск], 1993. № 1. С. 16–20.

Она же. Русские амазонки: история лесбийской субкультуры в России, XX век / Ольга Жук. [М.: Изд-во «Глагол»: Издатель Александр

Шаталов, 1998]. 134, [2] с.; 22 × 14 см. (Глагол; 37). В ил. обл. 500 экз. — См. Введ. 55; Эпилог (40).

Завадовский, Михаил Михайлович (1891—1957). Исследование семенника гомосексуалиста (Homo Sapiens): (Предварительное сообщение) / М.М. Завадовский // Труды по динамике развития: (Продолжение «Трудов Лаборатории экспериментальной биологии Московского зоопарка» / Всесоюзная академия с.-х. наук им. В.И. Ленина, Ин-т животноводства; ред. проф. М. Завадовский. [М.]: Гос. мед. изд-во, 1931. Т. VI. С. 65—70: 8 ил.; 25 см. — См. гл. 5 (115); гл. 6 (73, 74).

[*Зайцев, Владимир Алексеевич* [?]. Анкетный лист для собирания сведений по половому вопросу: [анкетная форма для учащихся мужчин / проект программы для мужской части студенчества разработан статистиком В. Зайцевым и редактирован особой комиссией] // Социальная гигиена: сборник, выходящий периодически под ред. кафедры социальной гигиены Московских государственных университетов / Народный Комиссариат Здравоохранения. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. Вып. II, Апрель 1923. С. 111—118. На с. 111: От редакции; на с. 112—118: Мужская анкета по половому вопросу.]

Залкинд, Арон Борисович (1886—1936). Очерки культуры революционного времени: сборник статей / А.Б. Залкинд. М.: Изд-во «Работник просвещения», 1924. 196 с.; 26 × 18 см. На тит. л. — заглавия I—IV разделов. В обл.

Он же. Половое воспитание / А.Б. Залкинд. М.: [Изд.-во] «Работник просвещения», 1928. 142, [2] с.; 23 × 15 см. В обл. 4000 экз.

Он же. Половой вопрос в условиях советской общественности: сборник [из 4-х] статей / А.Б. Залкинд; с послесловием автора: Два года дискуссии по половому вопросу [с. 104—128]. Л.: [Госиздат], 1926. 128 с.; 23,5 × 15,5 см. В обл. 15 000 экз.

Он же. Половой фетишизм: К пересмотру полового вопроса / А.Б. Залкинд. М.: [Изд-во] Всероссийский Пролеткульт, 1925 (Тип. «Шестой Октябрь» Серг. Уисполкома, г. Сергиев). 46, [2] с.; 17 × 13 см. В обл. 10 000 экз.

Он же. Революция и молодежь: сборник статей / А.Б. Залкинд; с предисловием [с. 3] М.Н. Лядова. М.: Издание Коммунистич. Ун-та им. Свердлова, 1925 (обл. 1924). 140, [2] с.; 22 × 15 см. На обл. также — названия пяти глав. На с. 70—99: Революционные нормы [I—XII] полового поведения и молодежь.

Залкинд, И.А. — *см.* Гаккебуш, В.М.

Захарченко, Михаил Алексеевич (7.11.1879—?), *Перешивкин, Николай Семенович* (7.05.1878—?). По поводу хирургического лечения гомосексуализма у мужчин / проф. М.А. Захарченко и проф. Н.С. Перешивкин (Ташкент) // Новая хирургия: [журн. клинической, экспериментальной и социальной хирургии]. М.: Изд-во Мособлисполкома, 1930. Год издания шестой, т. XI, [№] 6. С. 24—29.; 26 см. — См. гл. 5 (116); гл. 6 (75).

[*Зиновьева-Аннибал, Лидия Дмитриевна* (1866—1907). Тридцать-три урода: повесть / Л. Зиновьева-Аннибал; [обл., марка изд-ва и концовка работы М.В. Добужинскаго]. С.-Петербург: Издательство «ОРЫ»,

1907 (Отпечатано в декабре 1906 г. Товариществом «Вольная Типография», СПб. Фонтанка, 94). 80, [4] с.; 13 × 9,5 см. В обл. Была конфискована цензурой, но по суду арест отменен.

Она же. То же. Третье издание. С.-Петербург: Изд-во «ОРЫ», 1907 (Отпечатано в сент. 1907 г. типографией Т-ва «Друкар», СПб., Фонтанка, 94). 96, [8] с.; 13 × 9,5 см. В обл. — См. гл. 4 (5).]

[*Зирт.* Половая жизнь и половое извращение / Проф. Зирт; (с немецкаго). С.-Петербург: [Издание журнала «Мир тайн», СПб., улица Гоголя, № 5], 1908 (Тип. «Грамотность»). 103, [1] с.; 20 × 14 см. На с. 1 обл.: Половая жизнь и половыя извращения. На с. 97–103: Влечение к собственному полу. Немецкий оригинал установить не удалось.]

Змиев, Борис Николаевич (25.01.1884–?). Уголовное право. Часть особенная. Выпуск I: Преступления против личности и имущественные: Пособие для слушателей Юридических Курсов и работников юстиции / Б. Змиев, лектор Казанских областных Юридических Курсов. Казань: Издание Народного Комиссариата Юстиции Автономной Татарской Социалистической Советской Республики, 1923 г. 63, [1], III, [1] с.; 25 × 17 см. На с. 24–30: Е. Преступления в области половых отношений. — См. гл. 4 (114, 116, 118).

[*Золотоносов, Михаил Нафтаилович.* Мастурбанизация: «Эрогенные зоны» советской культуры 1920–1930-х годов / Михаил Золотоносов // Литературное обозрение... М., 1991. № 11: [Номер посвящен эротической традиции в русской литературе]. С. 93–99.]

Он же. То же // Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней: тексты и комментарии. [Репр. воспр. текста журн. «Лит. обозрение», № 11 за 1991 г.]. М., 1992. Специальный выпуск. С. 93–99. — См. гл. 2 (81); гл. 5 (38, 117).

Зук, Артур Карл Юлий Эрнстович (?–1884/1885; д-р мед. с 1857 г.). О противозаконном удовлетворении полового побуждения и о судебно-медицинской задаче при преступлениях этой категории. / (Доктора медицины Зука). // Архив судебной медицины и общественной гигиены / издаваемый Медицинским департаментом. С.-Петербург, 1870. Год шестой, книжка вторая, июнь. С. 8–13 (V. Известия и смесь; паг. 5-я); 26 × 17 см. — См. гл. 3 (46).

Иванов, Николай Владимирович. Вопросы психотерапии функциональных сексуальных расстройств / Н.В. Иванов. М.: Изд-во «Медицина», 1966. 152 с.; 20 × 13 см. Литература: с. 149–151 ([85] назв.). В обл. 15 000 экз. — См. Эпилог (57).

[*Измайлов, Александр Алексеевич* (1873–1921). Торжествующий Приап // Измайлов, А.А. Помрачение божков и новые кумиры: Книга о новых веяниях в литературе.: Леонид Андреев, Арцыбашев, Бальмонт, Брюсов, Блок, Городецкий, Вячеслав Иванов, Гиппиус, Мережковский, Федор Сологуб, Каменский, Минский, Андрей Белый, Осип Дымов, Кузмин, Сергеев-Ценский, Ауслэндер. [М., 1910] (М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1910). [Гл.] IV. С. 97–122; 22 × 14 см.]

Ильинский, Илья Давидович (наст.: Брук, И.Д.; 27.08.1892–?). Общественность и болезни быта: [рец. на две книги Н.П. Бруханского «Ма-

териалы по сексуальной психопатологии» (М., 1927) и «Самоубийцы» (М., 1927)] / И. Ильинский // Молодая гвардия: ежемес. литературно-художеств. общественно-полит. научно-попул. журн. ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ. [М.]: Изд-во «Молодая гвардия», [1928]. Год изд. 7, май 1928, кн. 5. С. 175–193. – См. гл. 6 (80).

Иорданский, Н.Н. – *см.* Ковалев, К.Н. [и др.].

Иохвед, Григорий. Педерастия, жизнь и закон / Григорий Иохвед // Практический врач: Еженедельная медицинская газета, посвященная научным и бытовым интересам врачей-практиков.: с ежемесячным журналом «Современная Клиника». / Под редакцией д-ра С.Б. Оречкина. С.-Петербург, [1904] (СПб.: Тип. Н.Н. Клобукова). Год III-ий, том III, Суббота 1904 г., № 39-й. С. 871–873 (LXXXVII); 30 × 23 см. (В 2 стб.; 13 × 23 см). – См. гл. 3 (94, 100).

Ишлондский, Наум Ефимович (Ischlondsky, N.E.; 1896–?). Любовь, Общество и Культура: Проблема пола в био-социологическом освещении: С 30 рисунками в тексте / Д-р Н.Е. Ишлондский. Берлин: Издательство «Современная Мысль», 1924 (Отпечатано в типографии «BUKWA» G.m.b.H., Берлин SW 11). 199, [1] с.: 28 [т. е. 34] ил.; 26 × 18 см. Из содерж.: Гл. 8. Загадки и парадоксы любви. Проблема половых аномалий. С. 153–171. В обл.

[*Он же.* Этюды сексуальной біологии. I. Произвольное измѣненіе пола и искусственное омоложеніе по проф. Штейнаху: Съ портретами проф. Штейнаха и И.И. Мечникова и 24 рисунками въ текстѣ / Д-ръ Н.Е. Ишлондскій. Берлинъ: Медицинское Издательство «Врачъ», 1923 («БУКВА», Типографское Общество съ огр. отв. Берлин). 149, [3] с.: 2 ил. портр.: 24 ил.; 24,5 × 17,5 см. В пер.]

Калиниченко, С.И. – *см.* Волков, В.Н. [и др.].

Каннабих, Юрий Владимирович (1872–1939). История психиатрии / Ю. Каннабих; предисловие [1928 г.] П.Б. Ганнушкина. [М.]: Гос. медицинское изд-во, [1929] (Л.: Гос тип. им. Евг. Соколовой). 520 с.: 12 ил., [16] л. портр.; 20 × 14 см. Дата изд. установлена по: Книжная летопись. М., 1929. № 19 (14 мая). С. 1479 (№ 7963). В пер. 2100 экз.

Он же. То же. Репринтное издание. М.: ЦТР МГП ВОС, 1994. 528 с.: 12, [10] ил.; 21 см. – См. гл. 5 (44).

[*Канторович, Эмиль* (Kantorowicz, Emil). Разстройство половой деятельности у мужчин и ея лечение.: С 10 рисунками в тексте. / D-r Emil Kantorowitsch.; Перев. с немецкаго.; С предисловием автора [с. I–V]. [М.]: Изд. «МЕДИК», [1913] (М.: Типогр. п/ф. «Ломоносов», 1913). [2], X, 159, [1] с.: [10] ил.; 17,5 × 12 см. (Библиотека врача; № 4). В пер. Из содерж.: Патология. 1. Извращения полового влечения... E) Половыя восприятия аномального характера. С. 62–78 (Бисексуальность и гомосексуальность. С. 63–70; Проявления гомосексуализма. С. 70–74; Педерастия. С. 74–78). Перевод изд.: *Kantorowicz, Emil.* Die Störungen der männlichen Geschlechtsfunktionen und ihre Behandlung / Von Dr. Emil Kantorowicz...; Mit 11 teils farbigen Abbildungen. Berlin [etc.]: Urban & Schwarzenberg, 1913. VIII, 118 S.: 11 Ill.]

Карлинский, Саймон (Семен) Аркадьевич. «Ввезен из-за границы...»?: Гомосексуализм в русской культуре и литературе: Краткий обзор / Семен Карлинский // Литературное обозрение... М., 1991. № 11: [Номер посвящен эротической традиции в русской литературе]. С. 104—107. — См. Введ. 15; гл. 3 (8).

Он же. То же // Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней: тексты и комментарии. [Репр. воспр. текста журнала «Лит. обозрение» № 11 за 1991 г.]. М., 1992. Специальный выпуск. С. 104—107. — См. Введ. 15; гл. 1 (3, 122); Закл. (1).

Он же. Гомосексуализм в русской истории и культуре // Тема: газета / издатель и ред. Роман Калинин. М., 1991. № 1. С. 4—5. — См. Введ. 15.

Карницкий, Дмитрий Андреевич, Тривус, Ю. Вопросы уголовно-судебной и следственной практики / Д. Карницкий и Ю. Тривус; под ред. председателя УКК ВЕРХСУДА РСФСР М.И. Чельшева. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1927. 111, [1] с.; 19 × 13 см. Из содерж.: Вопросы уголовно-судебной практики. Ч. I—III / Д.А. Карпицкий [т. е. Карницкий]. С. 3—91; Вопросы практики предварительного следствия. Ч. IV / Ю. Тривус. С. 92—110. На с. 60—64: О половых преступлениях. 3000 экз. — См. гл. 4 (119); гл. 5 (10).

Карницкий, Дмитрий Андреевич, Рогинский, Григорий Константинович. Уголовный кодекс РСФСР: пособие для слушателей правовых вузов, школ и юридических курсов / Д. Карницкий и Г. Рогинский. [М.]: Гос. изд-во «Советское законодательство» ОГИЗ, 1935. 262, [2] с.; 23 × 16 см.

Карницкий, Дмитрий Андреевич, Рогинский, Григорий Константинович, Строгович, Михаил Соломонович (1894—?). Уголовный кодекс РСФСР: С приложением амнистии к X-летию Октябрьской Революции: постатейный комментарий / Д.А. Карницкий, Г.К. Рогинский и М.С. Строгович. М.: Юридическое изд-во НКЮ РСФСР, 1928. 356 с. На с. 258—274 комментарий к ст. 150—155 УК РСФСР 1926 г. — См. гл. 4 (118); гл. 5 (10).

Карпентер, Эдвард (Carpenter, Edward; 1844—1929). Промежуточный пол / Эдуард Карпентер; С 2 портретами Э. Карпентера; Перевод с английскаго. Петроград: «Литературная Книжная Лавка», 1916. 114, [2] с., [2] л. портр.; 24 × 16 см. (Книгоиздательство М.В. Пирожкова. Отдел «Искания»; № 8). На об. тит. л.: Петроград. Дозволено военной цензурой. На с. 87—114: Приложение [, с подборкой около 46 высказываний разных авторов]. Перевод изд.: *Carpenter, Edward.* The intermediate sex: a study of some transitional types of men and women. London: G. Allen & Unwin, [1908]. 175 p. — См. гл. 4 (19).

[*Каспер, Иоганн Людвиг* (Casper, Johann Ludwig; 1796—1864). Практическое руководство к судебной медицине И.Л. Каспера [, т. е. по И.Л. Касперу], / обработанное докт<ором> мед. В.О. Мержеевским, докт. мед. М.Н. Шмелевым, докт. мед. С.И. Штейнбергом, проф. М.М. Рудневым, проф. А.И. Якобием, проф. А.Я. Данилевским, докт. мед. Ю.Ю. Гюбнером: [в 3 ч.]. Санктпетербург: Печатня В.И. Головина, 1872—1878 // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене..., / издаваемый

Медицинским департаментом. Санктпетербург: Печатня В.И. Головина, 1872. Т. 2. С. VI, 1–160 (ч. I, паг. 4), С. 159–176 (ч. 2); Т. 3. С. 161–284, IV (ч. I); 1873. Т. 1. С. 1–162 (ч. II); Т. 2. С. 285–332 (ч. I), 177–238 (ч. II); Т. 3. С. 333–476 (ч. I); 1874. Т. 1. С. 477–588 (ч. I); Т. 2. С. 589–636 (ч. I); Т. 3. С. 637–762; 1875. Т. 1. С. 239–320, [2] (ч. II); Т. 2. С. 1–64 (ч. III); Т. 3. С. 321–368 (ч. II); 1876. Т. 1. С. 65–122 (ч. III); Т. 2. С. 370–464 (ч. II); Т. 3. С. 465–520 (ч. II); 1877. Т. 1. С. 123–332 (ч. III); 1878. Т. 2. С. 521–580 (ч. II), Общая часть. С. 1–52. Обработано изд.: *Casper, Johann Ludwig*. Praktisches Handbuch der gerichtlichen Medicin: [in 2 Bd.]. New bearb. und verm. von Carl Liman. 5 Aufl. Berlin, 1871. Bd. 1: (Biologischer Theil). XX, 772 S.; Bd. 2: (Thanatologischer Theil). XXIV, 1046 S.]

[*Кащенко, Евгений Августович*. Институционализация сексуальной культуры военнослужащих в Российской Армии: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра социол. наук: специальность – 24.00.01 – теория культуры, социол. науки / Кащенко Евгений Августович. М., 1997. 48, [2] с.]

[*Он же*. Сексуальная культура военнослужащих / Е.А. Кащенко. М.: [Изд-во «Едиториал] УРСС», 2003. 269, [3] с.; 21,5 × 14 см. Литература: с. 251–261 (333 назв.); Словарь терминов: с. 262–269. Из содерж.: Гомосексуализм. С. 151–159. В обл. 1500 экз.]

Квінт, Левко и *Гешвандтнер, Роберт*. Про гермафродитизм і гомосексуалізм / Левко Квінт (Харків) і Роберт Гешвандтнер (Харків) // Український медичний архів: Орган Медичної секції Харківського наукового товариства, науково-дослідчих установ Укрнауки та Харківського Медичного інституту: виходить в Харкові за редакцією: [на тит. л. – 8 имен]. Харків: Видавництво «Наукова думка» засн. Наркомздоров'ям УСРР, 1927. Т. 1, зашит 2–3. С. 178–191 (укр.), 191–195 (нем.); 24 × 16 см. Библиогр.: с. 190–191 (23 назв.). – См. гл. 5 (111).

[*Кётчер, Луис Макс* (Kötscher, Louis Max; 1872–?). Пробуждение полового сознания.: (половое созревание и его аномалии).: Психологический и психиатрический этюд / д-ра мед. Л.М. Кётчера.; Перевод с немецкаго д-ра Раисы Певзнер; под редакцией пр.-доц. д-ра мед. А.Н. Бернштейна. [М.]: Издание Т-ва И.Д. Сытина, [1911] (М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1911). XVII, [1], 174 с.; 20 × 13 см. (Вопросы педагогической психологии, / под ред. пр.-доц. А.Н. Бернштейна, пр.-доц. В.Е. Игнатьева, М.П. Иогихес, пр.-доц. Г.И. Россолимо и проф. Г.И. Челпанова; вып. III). Из содерж.: Гл. III. Дифференциация мужчины и женщины, как половых особей. Бисексуальность, гетеросексуальность и гомосексуальность. С. 26–37; Гл. V... Гомосексуальные дети. С. 74–81. Перевод изд.: *Kötscher, Louis Max* (1872–?). Das Erwachen des Geschlechtsbewusstseins und seine Anomalien: Eine psychologisch-psychiatrische Studie / von Dr. med. L.M. Kötscher... Wiesbaden: J.F. Bergmann, 1907. 82 S. (Grenzfragen des Nerven- und Seelenlebens; Heft 52).]

Кечек, Карапет Серафимович (1876–?). Судебно-медицинский и бытовой анализ экспертиз живых лиц за 1916 год по гг. Ростову н/Д. и Нахичевани н/Д. / Суд.-мед. эксп. К.С. Кечека, из Суд. Мед. института СККУ (директор – проф. А.И. Шибков) // Судебно-медицинская экспертиза / Народный комиссариат здравоохранения; под ред. гл. судебно-

медицинского эксперта Д-ра Я. Лейбовича; при участии профессоров [на тит. л. – 16 имен]. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. Кн. 8. С. 100–105; 26 см.

Киров, Яков Ионович (2.02.1897–?). К вопросу о гетеротрансплантации при гомосексуализме: (с 4 фотогр.) / [соч.] Я.И. Кирова (Харьков), доложено на науч. конференции Украинского Ин-та психиатрии 8/V-1928 г.; из научно-исследовательской Кафедры Психиатрии (зав. – проф. В.П. Протопопов) // Врачебное дело: двухнед. науч. мед. журнал. Харьков: «Научная мысль», учр. НКЗ УССР, 1928. XI<-й> г. изд., № 20, 31 окт. 1928 г. Стб. 1587–1590: 4 ил.; 35 × 25 см. – См. гл. 2 (41, 47); гл. 5 (41, 74, 102, 116).

[*Клейн, Лев Самуилович.* Другая любовь: природа человека и гомосексуальность / Л.С. Клейн. Санкт-Петербург: [ООО] Фолио-Пресс, 2000. 860, [4] с.: 137 ил.; 24 × 17 см. Библиография: с. 800–841 ([249] назв. на рус. яз., [674] назв. на ин. яз.); именной указ.: с. 842–853; предметный указ.: с. 854–860. В пер. 3000 экз. – См. гл. 3 (8^2).]

[*Он же.* Другая сторона светила: Необычная любовь выдающихся людей: российское созвездие / Л.С. Клейн. Санкт-Петербург: [ООО] Фолио-Пресс, 2002. 653, [3] с.: [225] ил.; 24 × 17 см. Библиография: с. 601–616 ([216] назв. на рус. яз., [97] назв. на ин. яз.); именной указ.: с. 617–644. В пер. 3000 экз.]

[*Ковалев, Кузьма Никонович.* Вопросы пола, полового воспитания, брака и семьи: альбом в 3-х частях: текстовые приложения к альбомам: 1-е – 7-е / К.Н. Ковалев. М.: Изд-во «Прометей», 1931. 50 × 40 см. На общем тит. л. указаны заглавия 3-х частей и текстовых приложений № 1–7. Общий тит. лист, тит. листы ч. 2 и 3, таблицы ч. 2 (№ 57–86), ч. 3. (№ 87–125), лист предисловия напечатаны в Москве в 1931 г.: 31-я тип. «Красный печатник». Обложка ч. 1, тит. л. ч. 1, таблицы ч. 1 (№ 1–56) напечатаны в Смоленске в 1930 г.: Гостип. им. Смирнова. Тир. 10 000 экз. В РГБ до 1990 г. все 3 ч. альбома находились в спецхране.

Ч. 1: [Таблицы № 1–56 с 444 рисунками]: Размножение в мире растений и животных в общебиологическом освещении / Под ред. проф. В.И. Талиева. [3] л., 56 отд. л. таблиц. Из содержания: Л. [1]: общий тит. л.; Л. [2]: Предисловие автора / К.Н. Ковалев (Москва. 8/VII-1931 г.); Л. [3]: Тит. л. изд. 1930 г.: Альбом. Половое размножение в общебиологическом и биосоциальном освещении. Часть первая [Таблицы № 1–56 с 444 рисунками]. Размножение в мире растений и животных в эволюционно-биологическом освещении. На с. 1 фиолетовой обл.: К.Н. Ковалев. Половое размножение. Альбом. Под ред. проф. В.И. Талиева и проф. Н.Н. Иорданского. Прометей. Москва. 1930 г.

Ч. 2: Таблицы №№ 1/57–(30/86) с 344 рисунками, из которых 19 рис. – по фотографиям советской действительности: Биосоциальная природа половой жизни человека / Составил К.Н. Ковалев; Под ред. проф. Н.Н. Иорданского; При участии проф. Г.Н. Сорохтина. [1] л., 30 (№ 57–86) отд. л. таблиц.

Ч. 3: Таблицы №№ 1 (87)–39 (125) с 519 рис., из которых 140 рис. – по фотограф. советской действительности: Историческое развитие

быта женщины, брака и семьи / Составил К.Н. Ковалев; Под ред. проф. С.Я. Вольфсона. [1] л., 39 (№ 87–125) отд. л. таблиц.

Текстовые приложения к альбомам:

[1-е.] *Талиев, Валерий Иванович* (1872–1932), *Ковалев, Кузьма Никонович.* Размножение в мире растений и животных в общебиологическом освещении: объяснительный текст к альбому [того же названия] / Проф. В.И. Талиев и К.Н. Ковалев; Под ред. проф. В.И. Талиева. М.: Изд-во Культурно-Просветительного О-ва «Прометей», 1930 (Смоленск: Гостип. им. Смирнова). 114, [2] с.; 20 × 15 см. ([на обл.:] Половое размножение в общебиологическом и биосоциальном освещении; первое приложение к альбомам). К таблицам 1–22, 45–48, 51–56 объяснительный текст составлен проф. В.И. Талиевым, к табл. 23–44, 49–50 – К.Н. Ковалевым. 10 000 экз.

[2-е.] *Ковалев, К.Н., Иорданский, Николай Николаевич* (1863–1941), *Сахаров, Гавриил Петрович* (1873–1953). Биосоциальная природа половой жизни человека: объяснительный текст к альбому того же названия: Второе приложение к составленным К.Н. Ковалевым альбомам: «Половое размножение в мире растений и животных», «Биосоциальная природа половой жизни человека» и «Историческое развитие быта женщины, брака и семьи» / К.Н. Ковалев, проф. Н.Н. Иорданский, проф. Г.П. Сахаров.; Под ред. проф. Н.Н. Иорданского. М.: Изд-во «Прометей», 1931 (обл. 1930) (Смоленск: Гостип. им. Смирнова). 124, [4] с.; 20,5 × 15 см. ([на обл.:] Половое размножение...; второе приложение к альбомам). Объяснительный текст к таблицам № 7 и 8 составлен проф. Г.П. Сахаровым, к табл. 11, 17, 22–24, 27–30 – проф. Н.Н. Иорданским, к таблицам же № 1–5, 8–10, 12–16, 18–21, 25–26 – К.Н. Ковалевым. В конце изд., на с. [2–3], объявление изд-ва о выходе в свет данного альбома (ч. 1–3) и текстовых приложений к нему (1-е – 7-е). 10 000 экз.

[3-е.] *Ковалев, К.Н., Иорданский, Н.Н.* Биосоциальная природа половой жизни человека: Хрестоматия. Часть первая.: Биологические факторы половой жизни человека: третье приложение к составленным К.Н. Ковалевым альбомам: «Половое размножение в мире растений и животных» и «Биосоциальная природа половой жизни человека» / [сост.] К.Н. Ковалев и проф. Н.Н. Иорданский.; Под ред. проф. Н.Н. Иорданского. М.: Изд-во «Прометей», 1930 (Смоленск: Гостип. им. Смирнова). 137, [3] с.; 21 × 15 см. ([на обл.:] Половое размножение...; третье приложение к альбомам). В хрестоматии – 41 фрагмент из статей 35 авторов из 35 разных изданий. На с. 3–21: Проблема полового воспитания: Вводная статья / проф. Н.Н. Иорданского. В конце изд., на с. [3]: Находится в печати... альбом «Половое размножение в мире растений, животных и человека в общебиологическом и биосоциальном освещении» (ч. I, II – выйдут в марте–апреле 1930 г.) и текстовые приложения (1-е, 2-е – выйдет в марте, феврале 1930 г., 3-е – 5-е вышли из печати). 10 000 экз.

[4-е.] *Иорданский, Н.Н., Ковалев, К.Н.* Биосоциальная природа половой жизни человека: Хрестоматия. Часть вторая.: Социально-педагогические факторы половой жизни человека: четвертое приложение к составленным К.Н. Ковалевым альбомам: «Половое размножение в мире

растений и животных» и «Биосоциальная природа половой жизни человека» / [сост.] Проф. Н.Н. Иорданский и К.Н. Ковалев.; Под ред. проф. Н.Н. Иорданского. М.: Изд-во «Прометей», 1930 (Смоленск: Гостип. им. Смирнова). 211, [5] с.; 20,5 × 15 см. ([на обл.:] Половое размножение...; четвертое приложение к альбомам). В ч. 2 хрестоматии – 64 фрагмента и отд. статьи 50 авторов из 55 разных изданий. На с. 208–211: Предметный указатель к I и II вып. хрестоматии. В конце изд., на с. [4]: Находится в печати [тот же текст объявления, что и в ч. 1 хрестоматии]. 10 000 экз.

[5-е.] *Сорохтин, Георгий Николаевич.* Общие основы полового воспитания: для педологов, врачей и педагогов: Специальное приложение к составленным К.Н. Ковалевым альбомам: «Половое размножение в мире растений и животных» и «Биосоциальная природа половой жизни человека». / Проф. Г.Н. Сорохтин. М.: Изд-во «Прометей», 1930 г. (М.: 31-я тип. «Красный печатник»). 145, [3] с.; 20,5 × 14,5 см. ([на обл.:] Пятое приложение к составленным К.Н. Ковалевым альбомам: «Половое размножение в мире растений и животных» (под редакц. проф. В.И. Талиева) и «Биосоциальная природа половой жизни человека» (под ред. проф. Н.Н. Иорданского)). Предисловие / [Г.Н. Сорохтин] (Ленинград, 1928 г.). С. 3–5; Литература: с. 141–144 (127 назв.). На с. 4 обл.: Находится в печати [тот же текст объявления, что и в ч. 1, 2 хрестоматии]. 10 000 экз.

[6-е.] *Ковалев, К.Н.* Историческое развитие быта женщины, брака и семьи: объяснительный текст к альбому [третьей части] того же названия / В. [т. е. К.]Н. Ковалев; Под редакцией и со вступ. статьей [«Брак и семья в их историческом развитии» (с. 1–50)] проф. С.Я. Вольфсона. М.: Изд. Прометей, 1931 г. (М.: «Интернациональная» (39) тип. «Мосполиграф»). 183, [1] с.; 21 × 14,5 см. ([Шестое приложение к составленным К.Н. Ковалевым альбомам в 3-х частях]). На с. 4 обл. приведены заглавия 3-х частей альбома и 1–7 текстовых приложений. На с. 176–182: Перечень источников ([221] назв.). 10 000 экз.

[7-е.] *Он же.* Историческое развитие быта женщины, брака и семьи: хрестоматия: приложение к альбому [к третьей части] того же названия / К.Н. Ковалев; Под ред. проф. С.Я. Вольфсона. М.: Прометей, 1931 г. 184 с.; 21 × 14,5 см. ([Седьмое приложение к составленным К.Н. Ковалевым альбомам в 3-х частях]). На с. 4 обл. – те же сведения, что и на с. 4 обл. 6-го приложения. В хрестоматии – 75 фрагментов из разных изданий. 10 000 экз.]

[*Ковалевский, Павел Иванович* (1849–1923). Извращение половаго чувства у эпилептиков. / [соч.] Э.-О. Проф. П.И. Ковалевскаго. // Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии, / издаваемый под редакцией П.И. Ковалевскаго, Э.О. проф. психиатрии и нервных болезней при Харьк. университете.; В журнале принимают участие: [на тит. л. – 32 имени]. Харьков: Тип. М. Зильберберга, [1885]. Год третий, 1885, Том VI – № 2. С. 76–82; 22 × 13 см.]

[*Он же.* Половое бессилие и другие половые извращения и их лечение / проф. П.И. Ковалевский. СПб.: Вестник душевных болезней, 1905.

[6], 154 с.; 22 см; То же. 2-е изд., доп. 1907. [6], 224 с.; 18 см. Загл. следующего изд.: Психология пола...]

[*Он же.* Половыя извращения у мущин и женщин. / П.И. Ковалевский. // Русский медицинский вестник, / издаваемый под редакцией П.И. Ковалевскаго и М.П. Манасеина; редакторы отделов [даны назв. 3-х отделов и три имени] и при нем, в виде приложения, Вестник идиотии и эпилепсии / под редакцией П.И. Ковалевскаго и Н.В. Краинскаго... С.-Петербург: Тип. М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, [1903]. Год V, Т. V, № 11, 1 июня 1903 г. С. 1–33; 22,5 × 14 см; То же. № 12, 15 июня 1903 г. С. 1–32; То же. № 13, 1 июля 1903 г. С. 1–32; То же. № 14, 15 июля 1903 г. С. 1–29; То же. № 15, 1 августа 1903 г. С. 1–13; То же. № 16, 15 августа 1903 г. С. 1–16.]

Он же. Психология пола. Половое безсилие и другия половыя извращения и их лечение / Проф. П.И. Ковалевский. Изд. 3-е, доп. С.-Петербург: Тип. М.И. Акинфиева, [1909]. 246, [2] с.; 23 × 14 см. Из содерж.: Однополыя сексуальныя извращения. С. 206–222; Однополая любовь у женщин. С. 222–225. – См. гл. 1 (102); гл. 2 (4); гл. 4 (24).

Он же. [Рецензия]: «Проф. В.М. Тарновский. Извращение половаго чувства 1885 г.» / П.И. Ковалевский. // Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии, / издаваемый под редакцией П.И. Ковалевскаго, профессора психиатрии и нервных болезней при Харьк. университете; В журнале принимают участие: [на обл. – 33 имени]. Харьков (Контора редакции: Рыбная ул., № 27): Типография М. Зильберберга, 1885. Год третий, Том V – № 2 и 3. С. 262–264 (Библиография); 22 × 13 см. – См. гл. 3 (38).

Козловский, Владимир. Арго русской гомосексуальной субкультуры: материалы к изучению / В. Козловский. [Benson (Vermont)]: Chalidze Publications, 1986. 228 с.; 21 см. В РГБ – м/фильм. – См. гл. 1 (2, 28, 95); гл. 8 (1, 36); Эпилог (4, 13, 16, 17, 19, 22, 32, 36, 37[3]–39, 49, 78); Прил. (3).

Коллонтай, Александра Михайловна (1872–1952). Дорогу крылатому Эросу!: Письмо к трудящейся молодежи // Молодая гвардия. М., 1923. № 3 (10). С. 111–118; 25 см. – См. Введ. 36.

Она же. Новая мораль и рабочий класс. I. Новая женщина [с. 3–35]. II. Любовь и новая мораль [с. 36–47]. III. Отношение между полами и классовая борьба [с. 48–61] / А. Коллонтай; Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. М.: Издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов, 1919 (обл. 1918) (М.: Тип. «Синема»). 61, [3] с.; 23 × 16 см. – См. Введ. 36; гл. 4 (50, 58, 63).

[*Она же.* Проституция и меры борьбы с ней: (Речь на III всероссийском совещании заведующих губженотделами) / А. Коллонтай; Отдел Ц.К.Р.К.П. по работе среди женщин. [М.]: Государственное издательство, 1921. 23, [1] с.; 24 см.]

Кон, Игорь Семенович (1928–). Введение в сексологию / И.С. Кон. М.: «Медицина», 1988 (М.: Моск. тип. № 11). 319, [1] с.; 20,5 × 13 см. Из содерж.: Гл. 5. Сексуальная ориентация и гомосексуальное пове-

дение. С. 257–293; Список литературы. С. 301–316 (370 назв.). В пер. 200 000 экз. – См. Эпилог (83).

[*Он же.* То же. Изд. 2-е, доп. М.: «Медицина», 1989 (М.: Тип. № 11). 331, [5] с. [Дополнение:] Краткий словарь терминов: с. 317–[332] ([258] слов). Текст на с. 1–316 по набору изд. 1988 г. В пер. 250 000 экз.]

[*Он же.* Введение в сексологию: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений: [курс лекций] / И.С. Кон. М.: Олимп: ИНФРА-М, 1999 (М.: ООО тип. «Полимаг»). 284, [4] с.: ил., табл.; 21,5 × 14 см. (Серия «Высшее образование»). Из содерж.: Гл. VII. Сексуальная ориентация. С. 189–208; Терминологический словарь: С. 273–279; Рекомендуемая литература. С. 280–282 ([71] назв.). В ил. обл. 5000 экз. – См. гл. 3 (8).]

[*Он же.* Вкус запретного плода / Игорь Кон; [оформление: худож. С. Любаев]. М.: Молодая гвардия, 1991 [т. е. 1992] (М.: Тип. АО «Молодая гвардия», подп. в печать 15.10. 91). 364, [4] с.: [162] цв. и т/б. эрот. ил.; 24 × 16 см. Из печати книга вышла в июле 1992 г. В макете каталожной карточки (с. [3]) дата изд.: 1992. Из содерж.: Гл. 6: Сексуальная ориентация: гомо-, гетеро- или би-? С. 212–242: [6] цв. ил.; Терминологический словарь. С. 356–364 ([182] термина). В ил. пер. 50 000 экз.]

[*Он же.* Вкус запретного плода.: Сексология для всех / Игорь Кон. [2-е перераб. и расшир. изд.]. М.: «Семья и школа», 1997 (т. е. 1998) (г. Чехов Моск. обл.: Чеховский п/к, подп. в печать 29 янв. 1998 г.). 459, [5] с.: [188] цв. и т/б. эрот. ил.; 22 × 15 см. Из содерж.: Гл. 6: Сексуальная ориентация. С. 275–310: 9 ил.; Терминологический словарь. С. 449–459 ([182] термина). В пер. с ил. супер обл. 10 000 экз.]

[*Он же.* Гомосексуализм / Игорь Кон // Опыт словаря нового мышления: [50/50. Мы и другие. Общество и настроения. Наследия и реальности. Чаяния] / Под общей редакцией [и с предисловиями (с. 5–7, 8–11)] Юрия Афанасьева и Марка Ферро; В работе над подготовкой словника, в подборе авторов, отборе статей также принимали участие: Мария Феррети, Вероника Гаррос, Мари-Элен Мандрильон, Галина Козлова, Клаудио Ингерфлом, Владлен Сироткин; [Редактор-составитель Г. Козлова; Рук. группы переводов А. Немешаев; Переводчики: А. Тарасевич, А. Резников. Е. Баранова (и др., всего 6 имен)]. М.: Прогресс: [Изд-во] Пайо [Editions «Payo<t>»], 1989 (Тула: Тул. тип. Союзполиграфпрома). С. 155–158; 21,5 × 15 см. В пер. 50 000 экз. См. Там же: *Саломони, Антонелла.* Гомосексуализм. С. 158–160.]

[*Он же.* Гомоэротический взгляд и поэтика мужского тела / Игорь Кон // Митин журнал: издается с янв. 1985 г. / Гл. ред. Дмитрий Борисович Волчек. Санкт-Петербург, 1999. № 58. С. 215–239. Литература: с. 238–239 ([31] назв.). (400, [2] с.; 20 × 14 см.). На с. 373–400: Содержание «Митиного журнала» с 1985 по 1999 г.]

Он же. Исторические судьбы русского эроса / И.С. Кон // Секс и эротика в русской традиционной культуре: [сб. статей] / сост. А.Л. Топорков. М.: НИЦ «Ладомир»: [при содействии ТОО «ВРС»], сор. 1996 (Вологда: ВППО обл. тип.; подп. в печать 05.08.96). С. 5–30; 20,5 × 13,5 см. ([Русская потаенная литература]. Русский эротический фольклор; [т. 7]). Библиогр. примеч.: с. 28–30 (№ 1–47). 2000 экз. – См. Введ. 53; гл. 1 (1, 2, 6, 31).

[*Он же.* Лики и маски однополой любви: лунный свет на заре / И.С. Кон. [2-е изд., перераб. и доп.]. М.: [ООО] Изд-во «Олимп»: [ООО Изд-во] АСТ, 2003 (Ульяновск: ФГУП ИПК «Ульяновский Дом Печати», подп. в печать 13.09.2002 г.). 574, [2] с.; 22 см. Из содерж.: Предисловие ко второму изданию / Игорь Кон (Москва, февр. 2002). С. 3–8; Библиография. С. 506–553 ([189] на рус. яз. и [655] на ин. яз.). Именной указатель. С. 554–564; Предметный указатель. С. 564–569. В пер. 5000 экз.]

[*Он же.* То же. 2-е издание, переработанное и дополненное. М.: [ООО Изд-во] Астрель: [ООО Изд-во] АСТ, 2006 (Ульяновск; подп. в печать 27.09.2005). 574, [2] с. Доп. тираж 3000 экз. по набору изд. 2003 г.]

Он же. Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви / И.С. Кон. М.: Олимп: Изд-во АСТ, 1998 (Тула: Тул. тип.). 490, [6] с., [8] л. [: 21] эрот. ил.; 22 × 14,5 см. (Психология. Социология. Сексология). [Предисловие.] Наполнил душу мне голубой свет луны / Игорь Кон (Москва, окт. 1997). С. 4–9; Примечания (библиография – [606] назв.): с. 452–490. В пер. 10 000 экз. – См. Введ. (1^{2}, 36, 62); гл. 1 (3, 4, 28); гл. 3 (8); Прил. (1).

Он же. Любовь небесного цвета: [Научно-ист. взгляд на однополую любовь] / И.С. Кон. Санкт-Петербург: «Продолжение Жизни», 2001 (М.: п/ф «Красный пролетарий»). 382, [2] с.: табл.; 20,5 × 12,5 см. На переплете – также: Скрытые проблемы пола: мнение ученого. Современные ученые продолжают исследования. Об этой проблеме писали Платон, Гёте, Фрейд и Томас Манн. Рекомендуемая литература: с. 380–382 ([71] назв.); Терминологический словарь: с. 370–379 ([178] слов). 3000 экз. – См. Введ. (1, 36).

[*Он же.* Мужское тело как эротический объект / Игорь Кон // Гендерные исследования/ Редакция: Ирина Жеребкина (гл. ред.), Завен Баблоян, Сергей Жеребкин, Наталья Соболева (секретарь); редакцион. совет: [на тит. л. – 16 имен]. [Харьков: Харьковский центр гендерных исследований, 1999. № 3 (2/1999). С. 297–317 (Мужские исследования); 23 × 16,5 см. Литература: с. 314–317 ([56] назв.). 1000 экз.]

[*Он же.* Мужское тело как эротический объект / Игорь Кон // О муже(N)ственности: Сборник статей / Составитель С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 43–78 (I. Телесность мужественности). (Библиотека журнала. Неприкосновенный запас).]

[*Он же.* О нормализации гомосексуальности. / Кон И.С., д. философ. н., к. психол. н., академик РАО, гл. н. с. Института этнологии и антропологии РАН // Сексология и сексопатология: Ежемесячный научно-практический рецензируемый журнал / Гл. ред. Ткаченко А.А. М.: Рос. академия мед. наук: Изд-во «Литера-2000», 2003 (М.: Отпечатано в тип. ООО «Вооружение. Политика. Конверсия», подп. в печать 21.03.2003). С. 2–12 (текст в 2 стб.); 28 × 21 см. Список литературы: с. 11–12 (55 назв.). 800 экз.]

[*Он же.* Обнаженное мужское тело в русском изобразительном искусстве / Игорь Кон (Ин-т этнологии и антропологии, Москва) // Тело в русской культуре: [сб. статей] / Составители Г.И. Кабакова и Ф<рансис> Конт [Париж]. М.: Новое литературное обозрение, 2005 (Чебоксары: ООО «Чебоксарская тип № 1»). С. 194–222: [8] ил.; 21,5 × 14,5 см. (Но-

вое литературное обозрение. Научное приложение; вып. LI). Литература: с. 220—222 ([40] назв.). В пер. 2000 экз.]

Он же. Психология подростковой и юношеской гомосексуальности / И.С. Кон // Диагностика, лечение и профилактика половых расстройств: (Сборник трудов) / М-во здравоохранения РСФСР, Моск. НИИ психиатрии... М., 1978. С. 54—64; 20 × 14 см. Литература: с. 63—64 (27 назв.). 3000 экз.

Он же. Сексуальная культура в России: клубничка на березке / И.С. Кон; Ин-т Этнологии и Антропологии РАН. М.: О.Г.И., 1997 (Ярославль: ОАО «Ярослав. п/к.»). 459, [5] с.; 20,5 × 13,5 см. Примечания (библиография — [595] назв.): с. 416—459. На с. 351—390: Гл. 13: Голубые и розовые; примеч. к гл. 13: с. 455—458. В пер. 10 000 экз. — См. Введ. (6, 7); Эпилог (5, 22, 53, 54, 56, 66, 67, 80, 82, 86, 88, 93).

[*Он же.* Человеческие сексуальности на рубеже XXI века / Игорь Кон // В поисках сексуальности: [сб. статей] / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Факультет полит. наук и социологии. Санкт-Петербург: [Изд-во «Дмитрий Буланин»], 2002. С. 24—44; 20,5 × 15 см. (Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета политических наук и социологии; вып. 3). В пер. 800 экз.]

Кони, Анатолий Федорович (1844—1927). На жизненном пути: [в 5 т.] / А.Ф. Кони. С.-Петербург: Тип. СПб. Т-ва Печ. и Изд. дела «Труд», 1912. Т. 1: Из записок судебного деятеля: житейские встречи. [6], 679, [3] с. — См. гл. 1 (38, 47, 83, 87); гл. 3 (17, 23, 25).

[*Королевич, Владимир Владимирович* (?—1969). Молитва телу.: первая книга. / Владимир Королевич.; Обложка работы Анатолия Микули. [М.]: Книгоиздательство «Единорогъ»: Салон искусств «Единорогъ» Москва, Покровския вор., д. Рахманова, 1916 (М.: Типография «Прогресс», Мясницкая 31). 82 с., [1] л. посвящения («В.В. Максимову главы IV, VII, X, XI, XVIII, XXI решаюсь посвятить»); 22 × 15 см. В ил. цв. обл. На об. тит. л.: «Глава XXV по условиям цензуры выпущена». В «Оглавлении» (с. 81) также: «Глава XXIII по усл. ценз. вып.» (на с. 57—60 вместо слов — 123 строки точек). Конфискована по ст. 1001 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, как «имеющее целию развращение нравов или явно противное нравственности и благопристойности» (см.: Кн. лет. 1916. Алфавитный перечень запрещенных изданий. № 37—194, № 44—219).]

Косарев, В.К. К вопросу о судебно-психиатрическом значении гомосексуализма / В.К. Косарев (Москва) // Актуальные вопросы сексопатологии / М-во здравоохранения РСФСР, Моск. НИИ психиатрии; Всероссийское науч. медицинское о-во невропатологов и психиатров; [отв. ред. проф. Д.Д. Федотов; редкол.: проф. П.Б. Посвянский, ст. науч. сотр. Г.С. Васильченко]. М., 1967. С. 292—300; 22 см. (Труды Московского научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР; т. 51). 400 экз.

Коффиньон, А. [псевд.] — *см.* Фоконней, Жан. — См. гл. 4 (21^2).

Краснушкин, Евгений Константинович (1885—1951). Избранные труды / Е.К. Краснушкин; [ред. кол.: В.М. Банщиков, П.М. Зиновьев,

М.А. Краснушкина]. М.: Гос. изд-во мед. лит. (Медгиз), 1960. 607, [1] с., 1 л. портр.; 23 см. Библиогр. указ. опубл. трудов Е.К. Краснушкина: с. 603–606 (86 назв.). 1500 экз. – См. гл. 2 (31); гл. 5 (47).

Он же. К психологии и психопатологии половых правонарушений / Е.К. Краснушкин // Правонарушения в области сексуальных отношений / под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегала и Ц.М. Файнберг... М., 1927. С. 11–22; 23 × 15 см. 3000 экз. – См. гл. 5 (49); гл. 6 (40).

Он же. Преступники психопаты / Е.К. Краснушкин, проф. Первого Моск. Гос. Университета. М.: Изд-во Первого Моск. ун-та, 1929. 33, [1] с.; 23 см. (Воскресный университет I МГУ. Советское право). – См. гл. 2 (21–23, 41); гл. 5 (74); гл. 6 (40).

Он же. Судебно-психиатрические очерки / Е.К. Краснушкин, Сверхштатный профессор Факультета Советского Права I М.Г.У. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1925. 114, [2] с.; 24 × 15 см. В обл. 3000 экз. – См. гл. 5 (47).

Краснушкин, Е.К., Холзакова, Н.Г. Два случая женщин убийц-гомосексуалисток / Е.К. Краснушкин и Н.Г. Холзакова // Преступник и преступность. М.: Изд. Мосздравотдела, 1926. Сборник I / Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности. С. 105–120; 27 см. – См. гл. 2 (18, 19, 26, 31, 41); гл. 5 (46, 48, 74, 78, 101–103, 111); гл. 6 (35).

[*Краттер, Юлиус* (Kratter, Julius; 1848–1946). Половое извращение.: [пер. с нем.] / Julius Kratter. // «Реальная энциклопедия медицинских наук».: Медико-хирургический словарь: [пер. с нем.]: С дополнениями и изменениями по новейшим источникам: [в 23 т.] / [сост. и ред.] Проф. Д-р Albert Eulenburg. С.-Петербург: Издание В.С. Эттингера, 1895. Т. 15: Пищеварение – Пот: С многочисленными рисунками в тексте. С. 620–635; 25 × 16 см. Литература: с. 634–635 (125 назв.). В немецком оригинале такой статьи нет.]

Он же. Руководство судебной медицины: для врачей и студентов / проф. Ю. Краттер; авторизованный пер. со 2-го нем. изд., под ред. и с доп. Д-ра Я. Лейбовича, главн. судебно-медицинского эксперта НКЗ. М.: Госуд. медицин. изд-во, 1928. Часть IV: Судебная сексология: Допущено ГУСом в качестве руководства для мед. высших учебных заведений // Судебно-медицинская экспертиза / Народный Комиссариат здравоохранения; под ред. гл. суд.-мед. эксперта д-ра Я. Лейбовича; при участии профессоров, врачей [всего – 16 имен]. М.: Гос. мед. изд-во, 1928. Кн. 9. С. 1–38 (паг. 2-я, с отд. тит. л.); То же. (продолжение) // Там же. М., 1928. Кн. 10. С. [2], 39–67 (паг. 2-я). Из содержания: II. Противоестественные развратные половые действия. С. 58–65 (А. Противоестественные половые действия с лицами другого пола. С. 59–61; Б. Развратные действия с лицами того же пола (Гомосексуализм). С. 61–64). Пер. изд.: *Kratter, Julius* (1848–1946). Lehrbuch der gerichtlichen Medizin: mit Zugrundelegung der deutschen und österreichischen Gesetzgebung und ihrer Neuordnung. 1 Bd. 2., wesentlich erweiterte Aufl. Stuttgart: F. Enke, 1921. XVI, 724 S. Содержание: Bd. 1: Theoretischer Teil. – См. гл. 6 (23).

Крафт-Эбинг, Рихард фон (Krafft-Ening, Richard, Freiherr von; 1840—1902). Половая психопатия.: для врачей и юристов / D-r R. v. Krafft-Ebing, орд. профессор психиатрии и нервных болезней Грацкаго университета.; Перевод с немецкаго Д-ра С.Б. Оречкина; Под редакцией Проф. П.И. Ковалевскаго. Харьков: Издание Книжнаго Магазина В. и А. Бирюковых, 1887 (Харьков (Рыбная, 30): Типография Каплана и Бирюкова). [2], IV, VII—VIII, 128 с.; 21 × 15 см. Дозволено цензурою. Киев, 13 окт. 1886 г. Предисловие / Р. ф. Крафт-Эбинг. С. I—IV; Оглавление. С. VII—VIII. В издании пагинация V—VI отсутствует (тип. брак). Перевод изд.: *Krafft-Ebing, Richard* von. Psychopathia sexualis: Eine klinisch-forensische Studie. [1. Aufl.]. Stuttgart: F. Enke, 1886. VIII, 110 S. — См. гл. 3 (41); гл. 4 (20).

[*Он же.* Половая психопатия: Для врачей, студентов и юристов / Д-р Р. фон Краффт-Эбинг, орд. проф. психиатрии и нерв. болезней в Вене; Перевод с немецкаго д-ра мед. А. З........а. СПб.: Издание Н.С. Аскарханова, [авг. 1901]. 366, [2] с.; 18 см. Тир. 1000 экз. «Переводчик А. Золотарев. Перевод сочинения Краффт Эбинга под ред. проф. Ковалевского был издан в 1887 г. в Харькове и 10 марта того же года циркуляром Главного управления по делам печати был воспрещен к перепечатке, вследствие ходатайства министра народного просвещения [И.Д.] Делянова, *признавшего эту книгу крайне вредною для юношества.* Перевод А. Золотарева в рукописи был запрещен в Главном управлении по делам печати 30 декабря 1900 г., на основании 113 ст. Уст. ценз. Оригинал сочинения Краффт Эбинга Комитетом цензуры иностранной был воспрещен к свободному ввозу в Россию. 4 августа 1901 г. книга была представлена в С.-Петербургский цензурный комитет. 11 августа приостановлена выпуском в свет. Министр внутренних дел В.К. Плеве в представлении Комитету министров 24 апреля 1902 г. писал: “"Половая психопатия" оскорбляет добрые нравы и благопристойность и народную нравственность; она может оказаться весьма опасной для юношества и людей нервных и слабовольных, т. е. принести тот значительный вред, который предусмотрен ст. 149 Уст. ценз.”. Постановлением Комитета министров 7 мая 1902 г. книга запрещена. Уничтожена 11 июня 1902 г. “путем превращения в массу”. В 1906 и 1909 гг. книга была переиздана» (цит. по изд.: *Добровольский, Лев Михайлович* (1901—1963). Запрещенная книга в России, 1825—1904. Дополнения [: книги, исключенные из изд.: *Добровольский, Л.Д.* Запрещенная книга в России 1825—1904: Архивно-библиографические разыскания. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1962. 253, [3] с.] / Л.М. Добровольский; (Публикация Н.Г. Патрушевой) // Историко-библиографические исследования: Сборник научных трудов / Рос. нац. б-ка. Санкт-Петербург, 2000. Вып. 8. С. 181—182). И всё же попавшая под запрет книга была издана в составе другого издания:

[*Он же.* Половая психопатия: для врачей, студентов и юристов / д-р Р. фон Краффт-Эбинг...; пер. с нем. д-ра мед. А. З........а. Сокр. издание] // Герцеги, Мориц. Женщина в физиологическом, патологическом и нравственном отношениях.: С рисунками в тексте.: [на обл. доп.: Половая психопатия у мужчин и женщин. Для врачей и юристов] / Профес-

сор Герцеги.; Полный перевод со многими дополнениями Д-ра Мед. З.........го. С.-Петербург: Склад издания у Н.С. Аскарханова, 1901 (С.-Петербургская Электропечатня). С. 238—477. На об. тит. л.: Дозволено цензурой. СПб., 11 июля 1901 г. До сего времени этот факт не был известен и ныне установлен подготовителем издания настоящей книги путем сличения текстов. Заголовок «Половая психопатия» имеется только в «Оглавлении», в само́м же тексте (с. 234—477) он отсутствует. Названия глав соответствуют названиям глав в издании «Половой психопатии» Р. фон Крафт-Эбинга. Имя подлинного автора приведено в тексте 19 раз в форме «Кр. Эбинг» и 10 раз — в полном написании.]

[*Он же.* [То же. Сокр. издание] // Герцеги [псевд.]. Половая психопатия: для врачей, студентов и юристов / профессор Герцеги [псевд.]; полн. пер. со многими доп. д-ра мед. И.Д. Флоринскаго [псевд.]. Издание второе, испр. С.-Петербург: Книгоизд-во Н.С. Аскарханова, [1910]. С. 3—222 (по тексту с. 238—477 изд. 1901 г.). Переводчик, по-видимому, — Золотарев, Алексей Леонтьевич (1861—?), врач-венеролог из СПб. См. о нем в ежегодных изданиях: Российский медицинский список... на 1896 г. ... на 1916 г. СПб., 1896—1916. Данный псевдоним этого переводчика фигурирует на тит. листах изданий таких авторов, как А. Дебэ (1908), Э. Жозан (1901), В. Купер (1909), Ш. Летурно (1908) и П. Мантегацца (1901).]

[*Он же.* Половая психопатия.: Судебно-Медицинский очерк для врачей и юристов. / Профес. Р. Крафт-Эбинг.; Полный перевод без всяких сокращений, с последняго 12-го немецкаго издания, с разрешения наследников автора Д-ра Б. Комаровскаго. С.-Петербург: [Изд-во Н.С. Аскарханова, 1906] («Русская Скоропечатня», СПб., Екатерин. кан., 94). [4], 600, [4] с.; 18 × 13 см. Дата изд. установлена по изд.: Список книг, вышедших в России в 1906 г.: Книги, поступившие в Гл. упр. по делам печати с 1-го по 30 сент. 1906 г. [СПб., 1906—1907]. С. 785 (№ 10838). В конце изд., на с. [1—4]: «Новые книги книгоизд-ва Н.С. Аскарханова», где первой значится данное издание. 5000 экз. — См. гл. 4 (26).]

[*Он же.* Половая психопатия / Д-р Р. фон Крафт-Эбинг; [сокр. пер. с нем.]. [СПб.], 1907 (Тип. Грамотность, Невский пр., д. 82). 30, [2] с.; 21 × 14 см. («Для взрослых»: популярно-научный журнал — библиотека; 1907. № 2 (8 декабря)). На с. 4 обл.: «Принимается подписка на... журнал, 52 вып. в год, 100 ил., освещение половой жизни человека во всех проявлениях, как в нормальной, так и ненормальной. В ближайших выпусках...» — далее приведены названия 13 книг.]

Он же. Половая психопатия, с обращением особаго внимания на извращение полового чувства.: Клинико-судебно-медицинский этюд.: для врачей и юристов. / Dr. R. v. Krafft-Ebing, ординарный профессор психиатрии и нервных болезней в Венском университете.; Перевод с тринадцатаго дополненнаго издания д-ров мед. Н.А. Вигдорчика и Г.И. Григорьева.: (Dr. *R. v. Krafft-Ebing.* Psychopathia sexualis, mit besonderer Berücksichtigung der conträren Sexualempfindung. Eine klinisch-forensische Studie. Dreizechnte, vermehrte Auflage herausgegeben von Dr. Alfred Fuchs, Privatdozent für Psychiatrie und Nervenkrankheiten an der K.K. Universität in

Wien. 1907). С.-Петербург: Издание журнала «Практическая Медицина» (В.С. Эттингер), улица Жуковскаго, 13, 1909 (Типография журнала «Практическая Медицина» (В.С. Эттингер)). VIII, 430 с.; 25 × 16 см. Первоначально в журнале: «Практическая медицина». 1908. № 3–4, 6, 9–12. – См. гл. 4 (20, 26); Эпилог (60).

[*Он же.* Сексуальные катастрофы: Из книги «Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства. Клинико-судебно-медицинский этюд»: [сокращенно по переводу с нем. Н.А. Вигдорчика и Г.И. Григорьева из изд. 1909 г.] / Крафф-Эбинг; [сост.] О. Силецкий, врач-психиатр // Золя, Эмиль. Человек-зверь: [роман] / Эмиль Золя. Краффт-Эбинг [, Р.]. Сексуальные катастрофы: [(Половая психопатия): Клинико-судебно-медицинский очерк] / Краффт-Эбинг; [составители всего сб-ка: Л.С. Акентьева, В.И. Бульба]. Ростов-на-Дону: [Ростовское кн. изд-во], 1994 (Минск: Тип. изд-ва «Белорусский Дом печати»). С. 311–461, [1]; 20 × 13 см. В пер. 100 000 экз.]

[*Он же.* Половая психопатия с обращением особого внимания на извращение полового чувства / Р. Крафт-Эбинг; [пер. с нем. Н.А. Вигдорчика, Г.И. Григорьева [из изд. 1909 г.]; вступ. ст. [с. 3–7] и общая ред. д-ра мед. наук проф. Г.С. Васильченко]. М.: Изд-во «Республика», 1996 (М.: п/ф «Красный пролетарий»). 590, [2] с.: портр.; 20 × 13 см. В пер. 11 000 экз.]

Крепелин, Эмиль (Kraepelin, Emil; 1856–1926). Введение в психиатрическую клинику / Prof. E. Kraepelin; Перевод с 3-го перераб. и значительно доп. нем. издания под ред. проф. П. Ганнушкина; Народный комиссариат здравоохранения. М., 1923. [2], 458, IX, [1] с.: табл.; 26 см.

Крыленко, Николай Васильевич (1885–1938). Об изменениях и дополнениях кодексов РСФСР / доклад Народного комиссара юстиции РСФСР тов. Н.В. Крыленко на второй сессии ВЦИК XVI созыва // Советская юстиция: Орган НКЮ РСФСР: выходит три раза в месяц. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во «Сов. законодательство», 1936. Год изд. 15-й, № 7, март 1936 г. С. 1–5; 30 см. – См. гл. 4 (105); гл. 7 (64, 66, 67).

Кузмин, Михаил Алексеевич (1872–1936). Дневник 1905–1907 / М. Кузмин; предисл. [с. 5–19], подгот. текста и коммент. [с. 441–559] Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 606, [2] с.; 24 × 15 см. Указ. имен.: с. 561–606. В пер. 5000 экз. – См. Введ. 72; гл. 1 (55, 64, 65, 81, 104).

[*Он же.* Дневник 1908–1915 / М. Кузмин; предисл., подгот. текста и коммент. [с. 573–787] Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, [2005]. 861, [3] с.; 24 × 15 см. Указ. имен: с. 793–861. 2000 экз. В изд. заявленное на тит. л. предисловие отсутствует.]

Он же. Дневник 1921 года [январь–май] / Михаил Кузмин; публикация [предисл. (с. 423–434) и примеч. (с. 475–494)] Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина // Минувшее: исторический альманах. Paris: Atheneum, 1991. [Т.] 12. С. 423–494; (То же. Репринт. М.; СПб: Atheneum: Феникс, 1993); То же. [Окончание. Июнь–декабрь] // Там же. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. [Т.] 13. С. 457–524. – См. Введ. 72; Гл. 1 (112).

[*Он же.* Дневник 1931 года / М. Кузмин; вступ. ст. [с. 163–169], публ. и примеч. С.В. Шумихина // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография. М., 1994. № 7. С. 163–204.]

Он же. Дневник 1934 года / М. Кузмин; [сост., подгот. текста,] под ред. со вступ. статьей [«Казус Кузмина» (с. 5–25)] и примеч. [с. 175–386] Глеба Морева. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. 413, [3] с.: [45] ил.; 18,5 × 15 см. Указ. имен: с. 387–412. В пер. 3000 экз. – См. Введ. 72; Гл. 1 (90); гл. 6 (86); гл. 7 (41).

Кузмин, Михаил Алексеевич (1872–1936). Крылья: Повесть [в трех частях] / М. Кузмин; [заставки и виньетки Е. Надельмана] // Весы: ежемесячник искусств и литературы / [ред.-изд. С.А. Поляков]. М.: Изд-во «Скорпион», 1906. Г. изд. 3<-й>, № 11, ноябр. С. 1–81: ил.

Он же. То же. Крылья: повесть в трех частях / М. Кузмин. [Репр. воспр., уменьшенное]. Москва, 1906 [т. е. [Berkeley]: Berkeley Slavic Specialties, 1978]. [4], 81, [3] с.: ил.; 20 × 13,5 (набор 15 × 10,3) см. На об. тит. л. указаны сведения о воспроизводимом изд., с добавлением: «Reprinted 1978. Berkeley Slavic Specialties». Текст – на с. 1–81. В обл. – См. гл. 1 (90); гл. 4 (2, 35).

Он же. Крылья: повесть в трех частях / М. Кузмин; обложка работы Н. Феофилактова. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1907 (Тип. О-ва распр<остранения> полез<ных> книг, аренд<уемая> В.И. Вороновым, Моховая, 9. кн. Гагарина). [4], 102, [1, 2–10] с.; 19 × 15 (наб. 13,3 × 10,8) см. На с. [2] в начале: «Эта повесть напечатана впервые в № 11 журнала “Весы”, 1906 [с. 1–81]». На с. [3–10]: Каталог книгоизд-ва «Скорпион» к марту 1907 г. Текст – на с. 3–102, [1]. В обл. – См. гл. 4 (2).

Он же. Крылья: повесть в трех частях / М. Кузмин. Издание второе / обложка работы Н. Феофилактова. М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1908 (Тип. О-ва распр<остранения> полез<ных> книг, арендуемая В.И. Вороновым, Моховая, 9. кн. Гагарина). 123, [1, 2–9] с.; 19 × 13 (наб. 12,9 × 9) см. На с. [2–9]: Каталог книгоизд-ва «Скорпион» к началу 1908 г. Текст на с. 5–123, [1]. В обл. – См. гл. 4 (2).

[*Он же.* Крылья: [Повесть в трех частях (1906)] // Кузмин, М.А. Первая книга рассказов: Приключения Эме Лебефа; Письма Клары Вальмон; Флор и разбойник; Тень Филлиды; Решение Анны Мейер; Кушетка тети Сони; Крылья / М. Кузмин. М.: К-во «Скорпион», MCMX [1910] (Т-во тип. А.И. Мамонтова, Москва, Леонтьевский, 5). С. 179–320, [1]; 19 × 12 (наб. 12,5 × 7,2) см. В обл.]

[*Он же.* То же. Крылья. [Репр. воспр.] // Кузмин, М.А. Проза: [в 11 т.] I: Первая книга рассказов / М.А. Кузмин; ред., примеч. и вступ. ст. Владимира Маркова. [Репр. воспр. изд. 1910 г.]. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984. С. 179–320, [1]; 19 × 12,5 см. (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts / ed. by L. Fleishman [и др., всего 6 имен]; vol. 14). В обл.]

Он же. Крылья: повесть в трех частях / М. Кузмин. Издание четвертое. [Berlin]: Петрополис, 1923 (Настоящая книга отпечатана для Издательства «Петрополис» в типографии Зинабург и К° в Берлине, Alte

Jakobstrasse 129, в марте 1923 г., обложка работы Н.И. Альтмана). 119, [1] с.; 19 × 13 см. Текст на с. 7–119, [1]. В обл.

Он же. То же. Крылья: повесть в трех частях / М. Кузмин. [Репр. воспр., уменьшенное]. Петрополис, 1923 [т. е. Ann Arbor (MI): Ardis, 1979]. 119, [1, 8] с.; 15,5 × 11,5 (наб. 13,1 × 8,1) см. В обл. – См. гл. 4 (2).

[*Он же.* Крылья: Повесть в трех частях / Михаил Кузмин; публикация Р. Савичева; предисл. [с. 83–90] Н. Богомолова // Эрос. Россия. Серебряный век: Марина Цветаева, Михаил Кузмин, Алексей Ремизов, Георгий Иванов, Федор Сологуб, Владислав Ходасевич / [сост. Александр Щуплов; изд. подготовили: Объединение «Лептос», Общество «Вектор», Товарищество «Серебряный бор»]. [М.: Серебряный бор, 1992] (Смоленск: п/к М-ва печати и информ. РФ). С. 91–159; 22 × 14 см. (INTER ЭРОС / ред. совет б-ки: А.А. Илюшин [и др., всего 8 имен]; [т. 1]). (302, [2] с.: ил.). Книга вышла в конце окт. 1992 г. В пер. 100 000 экз.]

[*Он же.* Крылья: [по тексту 2-го изд. М.: Скорпион, 1908] // Кузмин, М.А. Крылья: [сборник] / Михаил Кузмин; [сост. и подгот. текста Н. Дрыковой]. М.: «Советский спорт», 1993. С. 161–248: ил.; 16,5 × 12,5 см. (Интимный роман; 2). В ил. цв. обл. 53 000 экз.]

[*Он же.* Крылья / М. Кузмин // Зиновьева-аннибал, Л. Тридцать три урода: [сб. без общ. загл. / сост., подбор текстов и ил. из коллекции Леонида Бессмертных; авт. предисл., послесловий и примеч.: В.В. Ермаков]. М.: «Мистер Икс», 1994 (Можайск: п/к М-ва печати и информ. РФ; подп. в печать 28.12.93). С. 147–208: [3] ил.; 22 × 14 см. (Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. Русская эротическая классика; [т. 4]). В пер. 50 000 экз.]

Он же. Крылья // Кузмин, М.А. Подземные ручьи: Избранная проза / М. Кузмин; сост., послесловие и примеч. Алексея Пурина. Санкт-Петербург: «Северо-Запад», 1994. С. 9–69: ил.; 24 × 15 см. (1000 лет русской литературы. Библиотека русской классической литературы XX века). В пер. 50 000 экз. – См. гл. 1 (60).

[*Он же.* Крылья // Кузмин, М.А. [Проза и эссеистика]: в трех томах / Михаил Кузмин; [сост. и коммент. Е.Г. Домогацкой, Е.А. Певак; вступ. ст. (с. 5–68) Е.А. Певак]. [М.]: Аграф, 1999 (Киров: ГИПП «Вятка»). [Т.] I: Проза 1906–1912 гг. С. 71–145; 20,5 × 13 см. В пер. 3000 экз.]

[*Он же.* Крылья / М. Кузьмин [т. е. Кузмин] // Грех содомский: [сб.] / [сост. и предисл.: Виктор Широков]. [М.]: Geleos, 2001 (Самара: Тип. изд-ва «Самарский Дом печати»). С. 72–154; 20 × 13 см. (Фавориты любви). На пер. также: Сладкий запах спелой клубники. 5000 экз. (В пер.). Закрытое АО «Издательский Дом Гелеос» известно своими малограмотными перепечатками книг, подготовленных другими издательствами. Упомянуто здесь только потому, что в «Оглавлении» и в 70-ти колонтитулах фамилия автора дана в виде «М. Кузьмин» (с буквой «ь»), а вместо Анатолия Каменского в 117-ти колонтитулах значится «М. Каменский».]

[В советское время (до 1989 г.) издания, маркированные как «Кузмин, М. Крылья. Повесть в трех частях. Все издания», значились в спис-

ках Главлита как запрещенные и находились в ГБЛ в отделе «специального хранения» (с 1960 г. — «Отдел 13») на девятом ярусе хранилища (см.: Сводный библиографический указатель устаревших изданий, не подлежащих использованию в библиотеках общественного пользования и книготорговой сети: Рассылается по списку, экз. № ... М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1951. С. 139; Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети. Часть II. М.: Всесоюзная книжная палата, 1961. 460 с.).]

Кузмин, М.А. Собрание стихов = Gesammelte Gedichte: [в 3 т.] / М.А. Кузмин = M.A. Kuzmin; hrsg., eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad und Vladimir Markov. München: Wilhelm Fink Verlag, cop. 1977 — cop. 1978. 21 cm. [1977]. I: Дореволюционные книги стихов. 643, [1] с., [5] л. ил. [1978]. II: Послереволюционные книги стихов. 598, [2] с.: ил. [1977]. III: Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине. 761, [3] с., [2] л.: 6 ил. (Centrifuga: Russian Reprintings and Printings / Edited by Karl Eimermacher, Johannes Holthusen, Simon Karlinsky, Reinhard Lauer, Vladimir Markov and Friedrich Scholz; vol. 12/I 1977; 12/1978; 12/III 1977). Частные заглавия в трех томах — на нем. языке. В т. III на с. 7—319 — статья на англ. яз.: Mixail [i. e. Mikhail] Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times / John E. Malmstad (New Vork City).

Михаил Кузмин и русская культура XX века: тезисы и материалы конференции 15—17 мая 1990 г. / Совет по истории мировой культуры АН СССР; Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме; [сост. и редакция Г.А. Морева]. Л., 1990. 258 с.: портр.; 21 см. — См. гл. 1 (119).

Культелеев, Таир Мурлдагалиевич. Уголовное обычное право казахов: (С момента присоединения Казахстана к России до установления Советской власти) / Т.М. Культелеев; Акад. наук Казах. ССР. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1955. 302 с., 1 л. портр.; 23 см. 1000 экз.

Курский, Дмитрий Иванович (1874—1932), *Стучка, Петр Иванович* (1865—1932). Директивное письмо НКЮ и Верхсуда РСФСР по применению Угол. Код. редакции 1926 г. / Нар. Ком. Юстиции и Прокурор Республики Д. Курский; Председатель Верхсуда РСФСР П. Стучка // Судебная практика Р.С.Ф.С.Р. / издание Верховного суда Р.С.Ф.С.Р. [М.]: Юридическое издательство НКЮ РСФСР, [1927]. Год издания первый, № 1, 15 января 1927 г. С. 8—11 (Инструктивные письма); 30 см. — См. гл. 4 (111); гл. 7 (23).

[*Кюнер, Аугуст*] (Kühner, August (Coburg)). Извращения полового стремления (противоестественное половое чувство). Гомосексуальность. / [Д-ра А. Кюнера в Кобурге] // Платен, М. (Platen, M.), [сост.]. Новый способ лечения.: Настольная книга для здоровых и больных: [в 4 т.] / Сочинение М. Платена, преподавателя системы лечения целебными силами природы и бывшаго директора санаторий, в которых система эта применялась на практике. С.-Петербург: Типо-литография Товарищества «Просвещение», [1909]. Том четвертый (дополнительный), составленный по новому немецкому изданию, совершенно переработанному и дополненному известными врачами, гигиенистами и педагогами / Перевод д-ра М.Е. Лиона. С. 380—413; 23 × 15 см. В пер. Перевод

изд.: [*Kühner, August*]. Verkehrter Geschlechtstrieb (konträre sexuelempfindung). Homosexualitat / [Von Dr. A. Kühner (Coburg)] // Platen, M. Die Neue Heilmethode: Lehrbuch der naturgemässen Lebensweise, der Gesundheitspflege und der naturgemässen Heilweise: [in 4 Bd.] / M. Platen. Neu bearbeitet von praktischen Ärzten, Hygienikern und Pädagogen... Berlin; Leipzig; Wien; Stuttgart: Deutsches Verlagshaus Bong & Co, [1907]. Bd. 4. S. 66–100.]

[*Ла Водер, Ж. де* [псевд.; наст.: Mme Crapez, J<eanne> S.; 1860–1908]. Двуполые = (Les Androgynes): роман / Ж. де-ля Водер; Перев. с французскаго [А.М. Долинскаго]. СПБ: Книгоиздательство «СОЮЗ», [1910] (Типо-Литография И. Лурье и Ко., Гороховая ул., 48, 1910). 276, [4] с.; 19 × 13 см. 2000 экз. В ил. обл. Перевод изд.: Les Androgynes: roman passionnel / Jane de La Vaudère [pseud.]; compos. Maurice Neumont. Paris: A. Mericant, éd., [19–]. 290 p.: [25] ill.; 18 × 13 cm. В ил. обл.

Она же. То же. [СПб.: Книгоиздательство И.Г. Малмыго, 1914] (Печ<атано> в Тип. Т-ва техн. школы набор. и печ. дела, В.О., Ср. пр., № 34). 192 с.; 19 × 12,5 см. В ил. обл. 10 000 экз. По тексту изд. 1910 г. Запрещена в 1915 г. В ГБЛ была в спецхране.]

Ласс, Давид Исаакович (1890–?). Половая жизнь заключенных: Статья помещается в дискуссионном порядке / Д-р Д.И. Ласс. // Изучение преступности и пенитенциарная практика / Всеукраинский кабинет по изучению личности преступника и преступности при Одесском Центральном Допре. [Одесса]: Издание Одесского Центрального Допра, 1927. Вып. 1. С. 55–90: XLI табл.: VIII диагр.: портр. (на с. 85); 23 × 15 см. В обл. 1000 экз. – См. Эпилог (11, 12, 14, 29, 30).

Лебедев, Дмитрий Алексеевич. Святые развратники: дело иеромонаха Иова / Д.А. Лебедев. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 47, [1] с.: ил. (на с. 41); 17 × 14 см. 3000 экз.

Лебина, Наталья Борисовна, Шкаровский, Михаил Витальевич. Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в.) / Лебина Н.Б., Шкаровский М.В.; [авт. предисл. Игорь С. Кон (с. 3–5)]. М.: «Прогресс-Академия», 1994 (Printed in Germany by Elsnerdruck–Berlin). 219, [5] с., [8] л. [: 41] ил.; 18 × 12,5 см. В ил. обл. 10 000 экз. – См. Введ. 27; гл. 1 (68); гл. 2 (5, 16); гл. 5 (26); гл. 6 (83–85, 87); гл. 7 (31).

[*Левенфельд, Леопольд* (Löwenfeld, Leopold; 1847–1924). Половая жизнь и находящияся в связи с нею нервныя болезни. С прибавлением профилактики и лечения Половой нейрастении. / Д-р Левенфельд (Loewenfeld). Врач специалист в Мюнхене.; Перевод с нем., с 3-го издания, дополненный тремя главами по 4-му изданию Врача П.И. Лурье-Гиберман. С.-Петербург: Издание журнала «Современная Медицина и Гигиена», 1909. 2, [4], 3–253, [1] с.; 24,5 × 16 см. Из содерж.: Гл. XV. Аномалии полового влечения... II. Качественныя аномалии. А. Homosexualitas. Обратное или извращенное половое чувство. 1. Обратное или извращенное половое чувство у мужчины. Uranismus. Урнинги. С. 170–180; 2. Обратное или извращенное половое чувство у женщины. (Viraginitas, masculinitas, gynandria). С. 180–184. Перевод изд.: *Löwenfeld, Leopold* (1847–1924). Sexualleben und Nervenleiden: Die nervösen Störungen sexuel-

len Ursprungs: Nebst einem Anhang über Prophylaxe und Behandlung der sexuellen Neurasthenie / Von Dr. L. Löwenfeld... 3. bedeutend verm. Aufl. Wiesbaden: J.F. Bergmann, 1903. VII, 326 S.; Ibid. 4. völlig umgearb. und sehr verm. Aufl. 1906. X, 404 S.]

Левина, Ева Ребекка – *см.* Levin, Eve Rebecca.

Лежендр, Пол (Legendre, Paul). В поисках себя: положение геев и лесбиянок в современной России / Пол Лежендр; перевел с англ. Александр Пивенет. М.: Charities Aid Foundation, Российское представительство, 1997. 84 с. 1000 экз.

Лейбович, Яков Леонтьевич (1889–?). Годовой отчет по судебно-медицинской экспертизе в РСФСР в 1925 году. / Я. Лейбович // Судебно-медицинская экспертиза / Народный комиссариат здравоохранения; под ред. гл. судебно-медицинского эксперта Д-ра Я. Лейбовича; при участии профессоров [на тит. л. 17 имен]. М.: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1927. Кн. 5. С. 96–128: 9 табл.; 25 см.

Он же. Пять лет судебной медицины / Д-р Я. Лейбович // Еженедельник Советской Юстиции. М.: Издатель Народный Комиссариат Юстиции, 30 августа 1923 г. № 34. С. 775–777; 31 см.

Он же. Судебная гинекология: руководство для врачей и юристов / Д-р Я. Лейбович, главный судебно-медицинский эксперт при НКЗ РСФСР. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1928. 350, [2] с.: 46 ил.; 23 см. 3000 экз. – См. гл. 6 (42).

Он же. Судебно-медицинская экспертиза при НЭП'е / Д-р Я. Лейбович // Еженедельник советской юстиции / отв. ред. А. Лисицын. М.: Издатель Народный Комиссариат Юстиции, 23 января 1923 г. Год изд. 2-й, № 2. С. 36–38.

Он же. Три года судебной медицины / д-р медицины Лейбович // Еженедельник советской юстиции. М.: Народный Коммисариат юстиции, 12 февр. 1922. № 7. С. 7–8 (в 2 стб.); 31 × 22 см.

Ленц, Алексей Карлович (1882–1952). Криминальные психопаты: (социопаты) / Профессор А.К. Ленц; С предисловием [с. 3–7] профессора В.П. Осипова. Л.: Изд-во «Рабочий суд», 1927 г. 59, [5] с.; 18 × 13 см. (Библиотека криминологического кабинета Ленинградского Губернского Суда / под редакцией проф. Л.Г. Оршанского, проф. А.А. Жижиленко и И.Я. Дерзибашева). 5000 экз. – См. гл. 5 (91, 99, 107); Эпилог (33).

Леонтьева, Татьяна Геннадиевна. Быт, нравы и поведение семинаристов в начале XX в. / Т.Г. Леонтьева (Тверь) // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль: [материалы конференции] / Рос. Акад. наук, Отделение истории, Научный совет «История революций в России», Ин-т рос. истории; [отв. ред. П.В. Волобуев]. М., 1997. С. 20–38; 21 см. 2300 экз. – См. гл. 1 (22).

Либерман, Леонид Лазаревич. Врожденные нарушения полового развития: (генетика, «патогенез», клиника). [Л.]: «Медицина», Ленингр. отд-ние, 1966. 230, [2] с.: 42 ил., 1 л. ил.; 22 см. Литература: с. 211–229. В пер. 10 000 экз.

Лившиц, Р.И. Реакция д-ра Манойлова как показатель нарушения секреторной функции половых желез при сексуальных преступлениях:

Доклад в Обществе бактериологов 3/X-1925 г.: Предварительное сообщение / Р.И. Лившиц из Гос. Ленинградского Физиотерапевтического ин-та и физиотерапевтической клиники Гос. ин-та для усовершенствования врачей // Ленинградский медицинский журнал / Ленинградский Губздравотдел. [Л.]: Изд. Санпросветотделения Губздравотдела, 1925. № 2, ноябрь. С. 11–14; 25 см. – См. гл. 5 (53, 74, 82); Эпилог (33).

Литературное обозрение: ежемесячный общесоюзный литературно-крит., художеств. и общественно-полит. журн.: выходит с янв. 1973 г. / учредитель – Союз писателей СССР; гл. ред. Леонард Лавлинский; редкол.: Лев Аннинский, Виктор Астафьев [и др., всего 29 имен]. М.: Изд-во «Сов. писатель»: [Лит. обозрение], 1991 (Чехов Моск. обл.: Чеховский п/к; сдано в набор 11.09.91; подп. к печати 15.10.91). № 11: [Номер посвящен эротической традиции в русской литературе / этот номер «Лит. обозрения» подготовлен И.Д. Прохоровой, С.Ю. Мазуром, Г.В. Зыковой; редакция благодарит А.Л. Осповата и А.Е. Парниса за помощь в составлении номера]. 112 с.: [20] эрот. ил.; 26 × 20 см. Частное заглавие номера указано на обложке. В ил. обл. 25 240 экз. См. репр. воспр. в изд.: Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней: тексты и комментарии... 1992.

Логинов, Антон. Содом и Гоморра / Антон Логинов; Рис. Д. Моора // Безбожник у станка: ежемесячный журнал М-К-Р-К-П (большевиков) / отв. ред. М. Костеловская. [М., 1923]. № 8. С. 10–11: ил.; 30 см. – См. гл. 6 (20).

[*Ломброзо, Чезаре* (Lombroso, Cesare; 1835–1909). Половая психопатия.: (Любовь у помешанных). / Цезарь Ломброзо., Профессор психиатрии в Турине.; Перевел с итальянскаго и издал Д-р медицины Н.П. Лейненберг. Русское издание второе. Одесса: Типография Гальперина и Швейцера, Екатерининская, № 36, 1908. 46, [2] с.; 16 см. Перевод изд.: *Lombroso, Cesare.* L'amore nel suicidio e nel delitto. Torino: Ermano Loescher, 1881. 45 p.]

[*Ломброзо, Чезаре* (Lombroso, Cesare; 1835–1909), *Ферреро, Гульельмо* (Ferrero, Guglielmo; 1871–1942). Половая чувствительность (трибадия, половая психопатия) // Ломброзо, Чезаре, Ферреро, Гульельмо. Женщина преступница и проститутка.: С 13 таблицами вне текста. / C. Lombroso & G. Ferrero.; Перевод [с итал.] д-ра Г.И. Гордона. Киев; Харьков: Южно-русское книгоизд-во Ф.А. Иогансона, [1897] (Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1897). С. 297–317 (Ч. III, гл. 3). (2, II, [2], 3–477, [1], III, [1], [16: I–XIII табл.: (169 ил.)], VII, [1] с.; 23 см). Перевод изд.: *Lombroso, Cesare.* La donna delinquente: la prostituta e la donna normale / C. Lombroso e G. Ferrero. Torino: Roux, 1893. XI, 640 p.: ill.]

Люблинский, Павел Исаевич (1882–1938). Преступления в области половых отношений / Проф. П.И. Люблинский. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. 245, [3] с.; 20 × 14 см. В обл. 5000 экз. – См. гл. 4 (114, 116, 118); гл. 5 (10, 12, 13); гл. 6 (29).

[Любовь голубая и розовая // Особенности русской эротики / [Автор-составитель Д.И. Дудинский; рисунки И.Б. Маланова]. Минск: Современный литератор, 2003 (Минск: Изд-во «Белорусский Дом печати»). С. 59–

115; 20,5 × 15 см. Использованы сведения из произведения И.С. Кона «Лунный свет на заре: Лики и маски однополой любви» (без указания на источник заимствования). В пер. 3000 экз.]

Лясс, Савелий Абрамович (1870–?). Извращение полового влечения. / [соч.] Д-ра С. Лясс. // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии.: ежемесячный журнал, посвященный неврологии, невропатологии, психиатрии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии. / под редакцией Проф. В.М. Бехтерева, Директора клиники душевных и нервных болезней в С.-Петербурге. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1898 (Тип.-Лит. Вацлика, Лит. пр. № 45–8). Год третий, Июнь 1898 г., № 6. С. 415–416; 24 × 16 см. – См. гл. 5 (87).

[*Майер, Вячеслав Андреевич*. Чешежопица: Очерки тюремных нравов / Некрос Рыжий [псевд.]. М.: Издательство «Новый век», 1995. 205, [3] с.: ил. (на с. 4); 20 × 12,5 см. Настоящее имя указано в макете каталожной карточки (с. 2) и в конце книги, на с. [3]. В обл. 10 000 экз.]

[*Максимов, Александр Николаевич* (1872–1941). Превращение пола / А. Максимов // Русский Антропологический Журнал / Издание Антропологического Отдела Имп. Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии, состоящаго при Моск. ун-те. Основан ко дню 25-летия деятельности в Антропологическом Отделе (30 марта 1900 г.) председателя Отдела, проф. Д.Н. Анучина.; под. ред. Секретаря Антропологического отдела А.А. Ивановскаго. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1912. Год 8-й, кн. XXIX, 1912 г., № 1. С. 1–19; 26 × 15 см. Библиогр. – в подстрочных сносках [30 назв.];

Он же. То же: «Отт. из "Рус. антроп. журн." кн. 29. 1912». [М.]: Тип. Имп. Моск. ун-та, [1912]. 19 с.; 26 см. В конце текста: А. Максимов. Без тит. л. и без обл. Описано по загл. над текстом.]

[*Максимов, Сергей Васильевич* (1831–1901). Преступники против семейных прав: Разврат. Кровосмешение. Снохач. Сводные браки. Прелюбодеяние. Растление и насилование. Мужеложство и скотоложство. Развратное и порочное поведение дворовых и крестьян [и т. д.] // Максимов, С.В. Собрание сочинений С.В. Максимова... [в 20 т.]. СПб., [1908]. Т. 2: Сибирь и каторга, ч. II: Виноватые и обвиненные. Гл. XII. С. 405–427.]

Малиновский, Н.Н. Редкое позднее осложнение после операции образования искусственного влагалища: Сообщено (с демонстрацией препарата) в заседании Хирургического Об-ва 28/XII 1926 г. / [соч.] Д-ра Н.Н. Малиновского Из Пропедевтической Хирургической клиники Саратовского Университета (Директор проф. В.И. Разумовский) // Казанский медицинский журнал.: Издание Общества Врачей при Казанском Университете / Выходит при ближайшем участии профессоров и преподавателей Медицинского Факультета Казанского Университета, Казанского Гос. Института для усовершенствования врачей и др. высших медицинских школ СССР; Отв. редактор проф. В.С. Груздев. Казань: Акушерско-гинекологическая клиника университета, [1928]. 1928 г., (Год издания XXIV), № 8, Август. С. 763–766; 22 × 15 см. – См. гл. 6 (58).

[*Малмстад, Джон Э.* (Malmstad, John E.). Бани, проститутьι и секс-клубы: восприятие «Крыльев» М. Кузмина / Джон Малмстад; пер. с англ. А.В. Курт // Эротизм без берегов: [сб. статей и материалов / составитель М.М. Павлова]. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 122–144; 21,5 × 14,5 см. (Новое литературное обозрение. Научное приложение; вып. XLV). Библиогр. в примеч. (64 сноски). На пер.: Эротизм без границ. Перевод изд.: *Malmstad, John E.* Bathhouses, Hustlers, and Sex Club: The Reception of Mikhail Kuzmin's «Wing's» // Journal of the History of Sexuality. Chicago, 2000. Vol. 9, № 1–2 (Jan.-Apr.). P. 85–105.]

Малмстад, Джон Э. – *см.* Богомолов, Н.А.

[*Маньян, Валентин* (*Magnan, Valentin*; 1835–1916). Об аномалиях, уклонениях и извращениях половаго чувства. / [соч.] Д-ра Маньяна, врача приюта s-te Anne в Париже; (Перевод с рукописи Н.Н. Баженова, ординатора Преображенской больницы для душевно-больных в Москве). // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии.: повременное издание под редакцией Проф. И.П. Мержеевскаго. С.-Петербург: Издание Карла Риккера, 1884 (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича). Год второй, выпуск II. С. 109–131; 22 × 15 см. Во Франции издано через год: *Magnan, Valentin* (1835–1916). Des Anomalies, des aberrations et des perversions sexuelles: (Communication faite à l'Académie de médecine dans la séance du 13 janvier 1885) / par Magnan... Paris: A. Delahaye et E. Lecrosnier, 1885. 27 p. Publications du «Progrès médical».]

Марков, А.Р. – *см.* Берсеньев, В.В.

Матюшенский, Александр Иванович (1862–?). Половой рынок и половыя отношения. / А.И. Матюшенский. С.-Петербург: Тип. «Север», 1908. 131, [1] с.; 20,5 × 14 см. Из содерж.: Дети. С. 5–13; Дети и общественная совесть. С. 14–17; Биржа тела и неестественная любовь. С. 18–23; Неестественный порок. С. 115–122; Парнографический (*sic*!) клуб. С. 123–129. – См. гл. 1 (63); гл. 4 (36).

Мендельсон, Александр Леонтьевич (*Адольф Людвигович*; 29.09.1865–?). Половые извращения в свете современной науки / Прив.-доц. А.Л. Мендельсон. // Гигиена и здоровье рабочей семьи: Двухнедельный журнал гигиены и популярной медицины. [Л.]: Издание газ. Ленинградская «Правда», [1924]. Год издания III-й, № 23 (30), 7 декабря 1924 года. С. 2–4; (Окончание). № 24 (31), 21 декабря 1924 года. С. 2–4; 30 × 22 (12 × 22) см. В 2 стб.

[*Мержеевский, Владислав Осипович* (1842–?). Половые отправления. [Гл. I] – Гл. V/ (Обработал докт. мед. В.О. Мержеевский) // Практическое руководство к судебной медицине И.Л. Каспера [, т. е. по И.Л. Касперу], / обработанное докт. мед. В.О. Мержеевским, докт. мед. М.Н. Шмелевым, докт. мед. С.И. Штейнбергом, проф. М.М. Рудневым, проф. А.И. Якобием, проф. А.Я. Данилевским, докт. мед. Ю.Ю. Гюбнером: [в 3 ч.]. Санктпетербург: Печатня В.И. Головина, 1872–1878. Часть первая (Биологическая). 1872 – [1874]. VI, IV, 762, VI с.; 24 × 16 см. Содержание: [Общий тит. л. к 3-м частям]. С. I–II; От редакции (сент. 1872) [к 3-м частям]. С. III–VI; [Тит. л. к ч. 1]. С. I–II (паг. 2); Оглавление первого отдела I части Руководства к судебной медицине. С. III–IV (паг. 2);

Отд. 1: Половые отправления. [Гл. I]–V / (Обработал докт. мед. В.О. Мержеевский). С. 1–284 [в т. ч. Гл. III: Педерастия (мужеложство). С. 209–270; Гл. IV: Лесбосская любовь. С. 271]; Отд. 2: Душевныя болезни и способность к вменению. Гл. I–II / (Обработал гл. врач Моск. Преображенской больницы для умалишенных докт. мед. С. Штейнберг). С. 285–698; Отд. 3: Несмертельныя повреждения. Гл. I–II / (Обработал д-р мед. М.Н. Шмелев). С. 699–749; Отд. 4: Притворныя и утаиваемыя болезни. § 1–4 / (Обработ<ал> д-р мед. М.Н. Шмелев). С. 750–762; Оглавление I-ой части... Отд. 1–4. С. I–VI // Сборник сочинений по судебной медицине, судебной психиатрии, медицинской полиции, общественной гигиене, эпидемиологии, медицинской географии и медицинской статистике, / издаваемый Медицинским департаментом. Санктпетербург: Печатня В.И. Головина, 1872. Т. 2. С. 1–160 (паг. 4-я, гл. I–II); 1872. Т. 3. С. 161–284 (паг. 4-я, гл. III–V). В 1878 г. В.О. Мержеевский включит «Половые отправления» (с. 1–284) целиком в свою книгу «Судебная гинекология» (с. 1–275). Современными исследователями этот факт остался не замеченным. Ч. 1 публиковалась в «Сборнике...» – 1872 Т. 2, 3; 1873. Т. 2, 3; 1874. Т. 1–3.]

Он же. Судебная гинекология.: руководство для врачей и юристов / составил Д-р Мед. В. Мержеевский, состоящий при Медицинском Совете М.В.Д. старш<им> орд<инатором> Загородной Больницы, Бывший Городовой Акушер С.-Петербурга. С.-Петербург: Издание Б.Г. Янпольскаго, 1878 (Тип. Б.Г. Янпольскаго, Демидов переулок, дом № 5). [4], III, [1], II, 500 с.; 24 × 15,5 см. На тит. л. указано также краткое содержание. Из содерж.: Гл. IV: Педерастия (мужеложство). С. 203–260; Гл. V: Лесбосская любовь (Tribadia, amor lesbicus). С. 261–262; Гл. VI: Скотоложство. С. 263–275. – См. гл. 1 (25, 33, 38, 46, 86, 94); гл. 3 (19, 21, 26, 27, 28, 39, 40, 47, 81, 86); гл. 5 (92[2]).

Мироненко, Сергей. Голубая кровь Великого Князя // Московский комсомолец: [газета]. М., 1998. 6 дек.

Могутин, Ярослав Ю. и *Франетта, Соня.* Гомосексуализм в советских тюрьмах и лагерях // Новое время. М., 1993. № 35. С. 44–47; № 36. С. 50–54. – См. Введ. 15; Эпилог (22).

[*Моллъ, Альберт* (Moll, Albert; 1862–1939). Извращенное половое чувство, психическая импотенция и брак. / Albert Moll (Берлин). // Сенатор, Герман (Senator, Hermann; 1834–1911), Каминер, Зигфрид (Kaminer, Siegfried; 1872–1930), сост., ред. Болезни и брак.: [сб. статей: в 2 вып.] / [сост. и ред.:] Проф. Senator и д-р Kaminer.; Перев. с немецкаго Врача П.И. Лурье-Гиберман. С.-Петербург: Издание журнала «Современная Медицина и Гигиена», 1905 («Центральная» Типо-Лит. М.Я. Минкова). Первый выпуск: Проф. М. Грубер (Мюнхен). Гигиеническое значение брака. – Проф. П. Фюрбрингер (Берлин). Гигиена брака. – Б. Коссманн (Берлин). Менструация, беременность, родильный и лактационный периоды и их отношение к браку. – Р. Ледерманн (Берлин). Сифилис и брак. – Проф. А. Нейссер. Заболевания триппером и брак. – Альберт Молль (Берлин). Извращенное половое чувство, психическая импотенция и брак. С. 142–199; 24 × 16 см. (Вып. 1. 1905. 199 с.; Вып. 2. 1906. 155 с.).

Перевод из изд.: *Senator, Hermann* (1834–1911), *Kaminer, Siegfried* (1872–1930), Hrsg. Krankheiten und Ehe: Darstellung der Beziehugen zwischen Gesundheitsstörungen und Ehegemeinschaft: 3 Abtlgn. / In Verbindung mit privatdozent Dr. med. G. Abelsdorff,... Dr. med. L. Blumreich,... Dr. med. R. Eberstadt [etc.]; bearbeitet und hrsg. von geh. medizinalrat Prof. Dr. H. Senator und Dr. med. S. Kaminer. München: J.F. Lehmann's Verl. Subskr, 1904. 858 S. 1 Bd.]

[*Он же.* Половая жизнь ребенка. / Д-р Альберт Молль.; перевод с немецкаго Леонида Рохальскаго.; под редакцией Д-ра Б.И. Бентовина. СПб.: Издание книжнаго склада «Новая жизнь» [В.] Соловьевой и [В.] Никольской, 1909 (Типо-литография И. Лурье и К°). IV, 274, [2] с.; 25 × 16,5 см.]

[*Он же.* Половое Извращение: Для врачей и юристов. / Д-ра [т. е. Д-р] мед. Альберт Молль.; Полный перевод с последняго [, 3-го,] немецкаго издания Д-ра Б. Шехтера.; [Предисловие профессора Краффт-Эбинга к 1-му изданию (с. III–VII); Предисловие к 1-му изд., ... ко 2-му изд., ... к 3-му изд. (с. VIII–IX, X, XI): Д-р Альберт Молль]. С.-Петербург: [Книгоизд-во Н.С. Аскарханова], 1907 («Русская Скоропечатня», Спб., Екатерин. кан., 94). [Т. I]: [[Гл. I]. Общая часть; [Гл.] II. Часть историческая; [Гл.] III. Социальныя отношения homosexual'ных людей; Гл. IV. Половая жизнь homosexual'ных; Гл. V. Мужская проституция; Гл. VI. Половыя извращения, как осложнение извращеннаго полового чувства; Гл. VII. Психосексуальный гермафродитизм]. XXIII, [1], 408 с.; 18 × 13,5 см. На с. 1 красной обл.: Д-р медиц. А. Молль. Половое Извращение. Для врачей и юристов. Полный перевод, без всяких сокращений, Д-ра Б. Шехтера. На корешке: А. Молль. Половое извращение. I. Номер тома не указан ни на тит. л., ни на с. 1 обл. Номер тома и его содержание установлены по «Оглавлению I тома» (с. XIII–XVI), там же, на с. XVII–XX, – «Оглавление II тома» (гл. VIII–XIII). Наименование изд-ва установлено по издательским каталогам с этой книгой, а также по указанию изд-ва на тит. л. т. II. Хотя на тит. л. в качестве даты изд. числится 1907 г., «Книжной летописью» книга отнесена к 1909 г. (см.: Кн. лет. 1909. № 20 (16 мая). № 8709. Тир. 3000 экз.) – См. гл. 4 (20).]

[*Он же.* Половое извращение = (Die Konträre Sexualemphindung): Для врачей и юристов / Д-ра [т. е. Д-р] мед. А. Молль.; Полный, без всяких сокращений перевод с последняго [, 3-го,] немецкаго издания Д-ра Б. Шехтера. С.-Петербург: Книгоиздательство Н.С. Аскарханова, 6, Троицкая ул., 6, [сент. 1907] ([СПб.]: Типография Товарищества «Общественная Польза», Б. Подъяч., 39). Т. II: [Гл. VIII. Этиология; Гл. IX. Теоретическая часть; Гл. X. Диагноз; Гл. XI. Терапия; Гл. XII. Судебная часть; [Гл. XIII с отд. шмуцтитулом]: Половое извращение у женщины. С. 177–274; Заключение: О значении целомудрия для мужчины]. [2], 302 с.; 18 × 13,5 см. На с. 1 красной обл. – те же свед., что и на с. 1 обл. т. I (Д-р медиц. А. Молль). На корешке: Т. II. Половое извращение. На тит. л. также – свед. о цене обеих томов и их выписке. На с. 3–4 обл. – список книг изд-ва (14 назв.), на с. 300: «Новыя книги... Половое извращение... Д-р медиц. А. Молль... 2 тома. Том I. 432 стр. 1907 г. (вышел)... Т. II.

(выйдет в ноябре 1907 г.)». Точная дата выпуска в свет т. II – конец сентября 1907 г. (см.: Кн. лет. 1907. № 12 (29 сент.). № 3633. Тир. 3000 экз.). Алфавитный указатель (к т. I, II): с. 293–299. Перевод изд.: *Moll, Albert* (1862–1939). Die konträre Sexualempfindung / von Dr. med. Albert Moll (in Berlin). Dritte, teilweise umgearb. und verm. Auflage. Berlin: Fischer's medicin. Buchhandlung H. Kornfeld, 1899. XVI, 651, [1] S.; 23 cm. Namenregister. S. 595–651. 1-е изд. 1891. XVI, 296 S.; 2-е изд. 1893. XIV, 394 S. – См. гл. 4 (20).]

[*Он же.* Половое чувство = (libido sexualis) / Д-р мед. Альберт Молль.; Полный перевод с немецкаго д-ра Б. Шехтера. Санкт-Петербург: Тип. Муллера, 1904. 321, [4] с. Тир. 1000 экз. Издание запрещено 30 ноября 1904 г.]

[*Он же.* Половое чувство = (libido sexualis) / Д-р мед. Альберт Молль.; Полный перевод с немецкаго Д-ра Б.Е. Шехтера. С.-Петербург: Книгоиздательство Н.С. Аскарханова, 6, Троицкая ул. 6, [сент. 1906] (Типография «Труд и Польза», Садовая, д. № 32–1). [Ч. 1]. 329, IV, [3] с.; 19,5 × 13,5 см. На с. 1 серой обл.: «Д-р медиц. А. Молль. Libido sexualis. Половое чувство. Полный перевод без всяких сокращений, Д-ра Б.Е. Шехтера». На корешке: «Д-р мед. А. Молль. Libido sexualis. I». На с. I в «Содержании»: Часть первая. В конце книги, на с. [1]: «Новыя книги... Половое чувство. Д-ра медиц. А. Молль. Полный перевод д-ра Б. Шехтера. Том 1-ый. 333 стр. 1 р. 50 к. Том 2-ой (печатается и выйдет в конце 1906 года)». Т. 2 вышел в сент. 1910 г. Дата публикации т. 1 установлена также по изд.: Список книг, вышедших в России в 1906 году: книги, поступившие в Гл. упр. по делам печати с 1 по 30 сент. 1906 г. СПб., 1907. С. 795 (№ 10961). Тир. 3000 экз. – См. гл. 4 (20).]

[*Он же.* Половое чувство = Libido Sexualis: Для врачей, студентов и юристов. / Д-р медиц. А. Молль.; Полный перевод [с нем.], без всяких сокращений, Д-ра Б.Е. Шехтера. С.-Петербург: Книгоиздательство Н.С. Аскарханова, 6, Троицкая ул., 6, 1911 [т. е. сент. 1910] (Текст печатан в типографии т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяч. № 39; [красная обл. отпечатана в:] С.-Петербург: Коммерческая скоропечатня, Лиговская 57). Часть вторая. [2], 196 с.; 18,5 × 14 см. В красной обл. Вышла в сентябре 1910 г. (см.: Кн. лет. 1910. № 37 (25 сент.). № 20091. Тир. 2000 экз.). Свед. о тип. – на с. 196 и с. 4 обл. Перевод изд.: *Moll, Albert*. Untersuchungen über die Libido sexualis: [in 1 Bd., in 2 Tl.] / von Dr. med. Albert Moll (in Berlin). Berlin: Fischer's medicin. Buchhandlung H. Kornfeld, 1897; 23 см. Erster Band, erster Teil (№ I–II). XV, [1], [2], 310 S.; Ersten Band, zweiter Teil (№ III–V). [2], 311–872 S. Ч. 2 немецкого оригинала открывается С. I–XV (шмуцтитул, общий тит. л. к Т. 1 с датой изд. 1898 г., и «Оглавлением» ч. 1 (гл. I–II) и ч. 2 (гл. III–V)). Ч. 1 и 2 немецкого оригинала вышли одновременно с общей (сквозной) нумерацией типографских тетрадей. – См. гл. 4 (20).]

[*Мюллер, Иозеф* (Müller, Josef; 1885–?). Половая жизнь человечества.: В 3-х частях. 1-я часть. Половая жизнь первобытных народов. 2-я часть. Половая жизнь народов древней культуры. 3-я часть. Половая жизнь христианских народов. / Д-р I. Миллер.; Перевод с 3-го [нем.] издания

И.Г. Ашкинази. С.-Петербург: Книгоиздательство «EOS», 1909 (Типография «Печатный Труд», СПб., Надеждинская, 38). 382, [2] с.; 25 × 17 см. Переводы 3-х изданий: *Müller, Josef* (1885–?). Das sexuelle Leben der alten Kulturvölker. Leipzig: T. Grieben, 1902. 143, [3] S.; *Idem.* Das sexuelle Leben der christlichen Kulturvölker. / Von Dr. Josef Müller. Leipzig: T. Grieben (L. Fernau), 1904. [4], 238 S.; *Idem.* Das sexuelle Leben der Naturvölker. / Von Dr. Josef Müller. Zweite stark vermehrte Auflage. Leipzig: T. Grieben, 1902. VIII, 73 S.; *Idem.* Ibid. 3. verm. Aufl. Leipzig: T. Grieben, 1906. 79 S. (Geschichte des sexuellen Lebens der Menschheit / Von Dr. Josef Müller; Bd. 1). См. также: *Idem.* Das sexuelle Leben der Völker / von Dr. Josef Müller. Dritte, vermehrte Auflage. Paderborn: F. Schöningh, 1935. 397 S. В сводном каталоге русской книги XIX в. (составители из шести библиотек), в т. ч. в ГАК РГБ, на основании печатной карточки ГПБ от 1946 г. издание закреплено ошибочно за автором: Мюллер, Иорген Петер. См.: NUC. Vol. 400. P. 43; GV. 1700–1910. Bd. 100. S. 282, 283.]

[*Мюллер, Иорген Петер* (Müller, Jørgen Peter; 1866–1938). Половая мораль и освобождение женщины: Научно-популярный очерк.: С 6 рисунками / И.П. Мюллер (автор «Моей системы»); Перевод [с нем.] под редакцией А.С. Балавинскаго. С приложением статьи А. Фореля «Половой вопрос и медицина» [с. 286–310]. М., 1911 (М.: Тип. «Печатное Дело» Ф.Я. Бурче). [4], 314, [2] с.: [6] ил.; 19 × 13 см. Из содерж.: Гл. V. Противоестественныя половыя наклонности и извращение полового чувства. С. 239–281. Перевод изд.: *Müller, Jørgen Peter* (1866–1938). Geschlechtsmoral und Lebensglück: ein populär gehaltener Beitrag zur Lösung der sexuellen Frage / von J.P. Müller. Kopenhagen: Tilige; Leipzig: K.F. Koehler, 1909. 397 S.: Ill. Перевод на нем. с датского; *Idem.* Kønsmoral og livslykke. [1908].]

[*Мюллер-Хесс, Виктор* (Müller-Hess, Viktor; 1883–?), *Хей, Рольф* (Hey, Rolf; 1892–1940). Значение гомэосексуальности с точки зрения уголовного права.: [пер. с нем.] / Проф. Müller-Hess и прив.-доц. Hey (Бонн) // Научные курсы для усовершенствования врачей. Л.: Изд-во «Практическая медицина» (Основ. В.С. Эттингер), 1926. Вып. 10: Социальная медицина и гигиена / Под редакцией проф. М.Я. Брейтмана. С. 16–23 (Судебная медицина. II); 23 × 14 см. Литература: с. 22–23 (31 назв.).]

[*Н., Владимир.* Кошмарные годы: Дневник юнаго человека / Владимир Н. С.-Петербург: Склад издания: Т-во «Издательское Бюро», СПб.: Типо-литография И. Лурье и К°, 1908. 79, [1] с.; 23 × 16 см.]

Н.П. Монахи пред судом в роли развратителей малолетних и несовершеннолетних / Н.П. [псевд.] // Еженедельник советской юстиции. М., 1922. № 42, 18 нояб. 1922 г. С. 13–15 (Суд и жизнь); 31 см. – См. гл. 4 (89); гл. 6 (3, 6, 7).

Набоков, Владимир Дмитриевич (1869–1922). Плотския преступления по проекту Уголовного уложения / В.Д. Набоков // Вестник права: Журнал Юридического общества при имп. Моск. ун-те. С.-Петербург: Сенат. тип., 1902. [Т.] XXXII, 1902, № 9–10, нояб.–дек. С. 129–189; 27 см. – См. гл. 3 (64, 80); гл. 4 (44).

Он же. Плотския преступления по проекту Уголовного уложения // Набоков, В.Д. Сборник статей по уголовному праву / В.Д. Набоков. С.-Петербург: Тип. Т-ва «Общественная Польза», 1904. С. 86–146 (о «противоестественном разврате» см. на с. 102–125, 145); 22 см. – См. гл. 3 (64); гл. 4 (80).

Неклюдов, Николай Андрианович (1840–1896). Особенная часть русскаго уголовнаго права.: дополнение к курсу, / читанному профессором, доктором прав Н.А. Неклюдовым.; Военно-юридическая Академия. С.-Петербург: Издатель Поручик Граф Валуев: Военная тип. (в здании Главнаго штаба), 1888. Выпуск I: Посягательства на личность. 176 с.; 23 × 17 см. Из содерж.: Гл. VI. Непотребство. С. 110–137 (I. Любострастие. С. 110–114; II. Любодеяние. С. 114–135; III. Сводничество. С. 135–137).

Никифоров, Анатолий Сергеевич. Бехтерев / А. Никифоров; [послесловие: д-р мед. наук Н. Трубилин]. М.: «Молодая гвардия», 1986. 286, [2] с., [16] л.: [51] ил.; 21 см. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий, основана в 1933 году М. Горьким; вып. 2 (664)). 50 000 экз. – См. гл. 3 (56); гл. 5 (57).

Новополин, Григорий Семенович (наст.: Нейфельд, Г.С.; 1873–?). Порнографический элемент в русской литературе / Г.С. Новополин. [Екатеринослав: Издание автора]: Склад издания: книжный склад М.М. Стасюлевича, С.-Петербург, [на корешке – 1909] (Екатеринослав: Типография Л.И. Сатановского). 247, [1] с.; 21,5 × 14,5 см. Адрес тип. указан на с. 247. На обл. также – имена девяти авторов. – См. гл. 2 (35^2); гл. 4 (29, 30–34); Закл. (7).

[*Нотхафт, Альбрехт* фон (Notthafft von Weißenstein, Albrecht, Freiherr; 1868–1952). Болезненныя проявления полового влечения. / Приват-доцента д-ра барона Альбр. ф. Нотхафт, в Мюнхене. // Мужчина и женщина.: Их взаимныя отношения и положение, занимаемое ими в современной культурной жизни.: 3 тома, 1938 страниц с 986 рис. в тексте и 48 отдельн. приложениями.: Коллективный труд, в котором приняли участие: / проф. Т. Ахелис, В. Бельше, И. Блох, К. Боринский, Лили Браун, Ю. Вейс, В. Габерляндт, Т. Геллер, И. Колер, Р. Коссман, Альб. Молль, Фр. Цанн, Э. Цуккеркандль и др.; Авторизованный перевод с немецкаго под редакцией и с дополнениями: Проф. А.С. Догеля, Д.С. Клеменца, женщ.-врача А.Н. Шабановой и М.А. Энгельгардта. С.-Петербург: Книгоиздательское Т-во «Просвещение», [1911] (СПб.: Типо-лит. Акц. О-ва «Самообразование»). Том II. / Перевод М.А. Энгельгардта.; Под ред. и с дополн. проф. А.С. Догеля и Д.С. Клеменца. Гл. XII. С. 488–567: 197–213 ил.; 25 × 17 см. В пер. Перевод изд.: Mann und Weib: Ihre Beziehungen zu einander und zum Kulturleben der Gegenwart: [in 3 Bd.] / unter Mitwirkung von [на тит. л. – 30 имен]; hrsg. von R. Koßmann und Jul. Weiß. Stuttgart; Berlin; Leipzig: Union Deutsche Verlagsgesellschaft, [1907]. Bd. 3.]

[О муже(N)ственности: Сборник статей: [29 авторов] / Составитель С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 718, [2] с.: ил.; 21,5 × 14 см. (Библиотека журнала. Неприкосновенный запас). Избран-

ная библиография / сост. Сергей Кан. С. 664—697 ([696] назв.); Использованная литература на иностранных языках. С. 698—714 ([395] назв.). В обл. 2000 экз.]

[О патологическом извращении половаго инстинкта / Без подписи // Военно-медицинский журнал, / издаваемый Медицинским департаментом Военного министерства. Санктпетербург, 1849 (Печатано в типографии Якова Трея). [Год двадцать-седьмой], Часть LIV, № 1: (С двумя таблицами и политипажем), [сентябрь 1849]. С. 4—26 ([Отд.] IV. Судебная медицина. II, паг. 4-я); 24 × 15 см.]

[*Оболонский, Николай Александрович* (15.10.1856 – 14.03.1913). Извращение полового чувства. / Проф. Н. Оболонский. // Университетския известия. Киев: Типография Императорскаго Университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новицкаго, 1898. Год тридцать восьмой, № 7 — июль. С. 136—146 ([Научная хроника. V: Протоколы Физико-Медицинскаго Общества (с приложениями)]. Протокол заседания Физико-Медицинскаго Общества 6 ноября 1897 года. Сообщение проф. Н.А. Оболонскаго [на с. 108: «Проф. Н.А. Оболонский прочел доклад "О половом извращении"»]; паг. 7-я); 24 × 17 (набор 19,8 × 12,2) см. В полосе 38 строк. Библиография — в подстрочных примеч. (12 назв.). Автор указан в конце текста;]

Он же. Извращение полового чувства: [Оттиск из «Университетских Известий» за 1898 г. Киев. Тип. Императорскаго Университета Св. Владимира Н.Т. Корчак-Новацкаго / Проф. Н. Оболонский; Печатано по определению Физико-Медицинскаго Общества]. [Киев, 1898]. 11, [1] с.; 24 × 17 см. Сведения об оттиске и авторе указаны в конце книги, на с. 11.

[*Он же.* Извращение половаго чувства. [1—7. Дополненное издание] / [соч.] Проф. Н.А. Оболонскаго // Русский архив патологии, клинической медицины и бактериологии, / издаваемый при участии и постоянном сотрудничестве: [на тит. л. — 61 имя]; под редакцией Проф. В.В. Подвысоцкаго (Киев). С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1898. [Год изд. 3-й], Том V и VI, [Т. V, январь 1898 г., вып. 2]. С. 85—104: [1] ил. (Отдел II. Критические обзоры); 24 × 17 (набор 18,7 × 12,5) см. В полосе 50 строк. Библиография — в подстрочных примеч. (35 назв.);]

Он же. Извращение половаго чувства.: Отдельный оттиск из журнала «Русский Архив Патологии, Клинической Медицины и Бактериологии», издаваемый под редакциею Проф. В.В. Подвысоцкаго. / [соч.] Проф. Н.А. Оболонскаго. С.-Петербург: К.Л. Риккер, Невский проспект, 14, 1898 [т. е. 1899; на с. 20: Дозволено цензурою. С.-Петербург, 2 марта 1899 года] (Тип. Шредера). 20 с.; ил. (на с. 15); 24 × 17 см. Без тит. л. Описано по обл. — См. гл. 1 (12); гл. 3 (38).

Общая сексопатология: Руководство для врачей / Под редакцией Г.С. Васильченко. М.: «Медицина», 1977. 486, [2] с.: 72 ил.: 42 табл.; 22 × 14,5 см. Литература: с. 446—467 (537 назв.). См. о гомосексуализме по предметному указателю. В пер. 25 000 экз. — См. Эпилог (83).

Озерецкий, Николай Иванович (1893—1955). Половые правонарушения несовершеннолетних / Н.И. Озерецкий // Правонарушения в области сексуальных отношений / Под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сега-

ла и Ц.М. Файнберг... М.: Издание Мосздравотдела, 1927. С. 128–157; 23 × 15 см. 3000 экз. – См. гл. 1 (72, 75); Эпилог (15).

[*Омельченко, Елена Леонидовна.* Изучая гомофобию: механизмы исключения «другой» сексуальности в провинциальной молодежной среде / Елена Омельченко // В поисках сексуальности: [сб. статей] / Под. ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной... Санкт-Петербург: [Изд-во «Дмитрий Буланин»], 2002. С 469–508; 20,5 × 15 см. (Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета политических наук и социологии; вып. 3). В пер. 800 экз.]

[*Она же.* «Не любим мы геев...»: гомофобия провинциальной молодежи / Елена Омельченко // О муже(N)ственности: Сборник статей / Составитель С. Ушакин. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 582–608 (VI. (после) мужественности). 21,5 × 14 см. (Библиотека журнала. Неприкосновенный запас). В обл. 2000 экз.]

Омоложение: сборник статей: [в 2 вып.] / под редакцией проф. Н.К. Кольцова. М.; Петроград: [Гос. изд-во], 1923. [Вып. 1]. 236 с., [32 с.]: Таблицы I–XXIX; 23 см. (Современные проблемы естествознания; № 2). – См. гл. 5 (38).

Омоложение в России: [сб. статей 7 авторов]. Л.: Изд-во «Медицина», 1924. 144 с.: ил. На обл. указаны авторы и заглавия статей. Из содержания: Немилов, Антон Витальевич (1879–1942), проф. Ленинградского ун-та и Ленинградского сельско-хозяйственного ин-та. Физиологические основы «омоложения». С. 5–36.

Орлов, Н.Ф. – *см.* Соловцова, А.С.

Оршанский, Л.Г. – *см.* Жижиленко, А.А.

Оршанский, Лев Григорьевич (4.09.1866–?). [Половые преступления:] Анализ психологический и психопатологический // Жижиленко, А.А., Оршанский, Л.Г. Половые преступления / проф. А.А. Жижиленко, проф. Л.Г. Оршанский. Л.: Изд-во «Рабочий суд», 1927. С. 41–90; 18 × 12 см. – См. гл. 1 (59); гл. 2 (49); гл. 5 (82); гл. 6 (9).

Осипов, Виктор Петрович (1871–1947). Курс общего учения о душевных болезнях / профессор В.П. Осипов. Берлин: [Z.J. Grschebin]; Р.С.Ф.С.Р.: Государственное изд-во, 1923 (Berlin: H.S. Hermann & Co). 737, [3] с.; 24 см. Литературные источники: с. 683–728 (1169 назв.). Из содерж.: Гл. XXVI. С. 341–365 (о половом чувстве, гетеросексуальные и гомосексуальные половые извращения). – См. гл. 2 (41, 73, 79); гл. 5 (62, 74, 75, 88, 94, 99, 110); гл. 6 (77).

Он же. Руководство по психиатрии / Проф. В.П. Осипов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1931. 596 с.: ил., 1 л. ил.; 17 × 14 см. 3000 экз. – См. гл. 5 (62); гл. 6 (77).

[*Осипович, Татьяна.* Поиски «третьего» пола в литературном дискурсе Серебряного века / Татьяна Осипович (США) // Эрос и логос: феномен сексуальности в современной культуре / [сост. В.П. Шестаков]; М-во культуры Российской Федерации, Российский институт культурологии. М.: Рик, 2003 (г. Люберцы Моск. обл.: ФГУП «Производственно-изд. комбинат» ВИНИТИ). С. 225–237; 22 × 15 см. Литература: с. 236–237 (13 назв.). В пер. 265 экз.]

[*Павлова, Маргарита Михайловна*. Процесс Оскара Уайльда и суд над Сашей Пыльниковым: («Художники как жертвы» и жертвы художников) / М.М. Павлова // Эротизм без берегов: [сб. статей и материалов / составитель М.М. Павлова]. М.: Новое лит. обозрение, 2004. С. 50–63: [4] ил.; 21,5 × 14,5 см. (Новое литературное обозрение. Научное приложение; вып. XLV). Библиогр. – в примеч. (32 сноски). На пер.: Эротизм без границ.]

[*Пантюхов, Иван Иванович* (1836–1911?). Удушение во время педерастии / И.И. Пантюхов. // Русский медицинский вестник, / издаваемый под редакцией П.И. Ковалевскаго и М.П. Манасеина.; редакторы отделов [даны названия 3-х отделов и 3 имени]; и при нем, в виде приложения, Вестник идиотии и эпилепсии / под редакцией П.И. Ковалевскаго и Н.В. Краинскаго. С.-Петербург: Тип. М.И. Акинфиева и И.В. Леонтьева, [1903]. Год V, Т. V, № 12, 15 июня 1903 г. С. 31–32; 22,5 × 14 см.]

Перешивкин, Н.С. – *см.* Захарченко, М.А.

Пищелко, А.В. – *см.* Волков, В.Н. [и др.].

[*Плачек, Зигфрид* (Placzek, Siegfried; 1866–1946). Половая жизнь человека = Das Geschlechtsleben des Menschen / Д-р Плачек = D-r Placzek; перевод с<о> 2-го [нем.] значительно переработанного и расширенного издания под редакцией и с предисловием [с. 7–12] проф. Л.Г. Оршанского. Л.: Изд-ство «Образование», 1929 (Л.: Гос. тип имени Евгении Соколовой). 301, [3] с.; 17,5 × 13 см. Из содерж.: Гомосексуализм. С. 229–270. В обл. 7000 экз. В РГБ нет. Перевод изд.: *Placzek, Siegfried* (1866–1946). Das Geschlechtsleben des Menschen: Ein Grundriss für Studierende, Ärzte und Juristen. 2. wesentlich veränderte und erweiterte Aufl. Leipzig: G. Thieme, 1926. 312 S.]

Познышев, Сергей Викторович (1870–?). Очерк основных начал науки уголовного права. II. Особенная часть / С.В. Познышев, проф. Гос. Моск. Психоневрологического Ин-та, проф. Международной Академии Наук в Тулузе. М.: [Юридическое изд-во НКЮСТ], 1923. 296 с. На с. 57–64: Гл. 7: Преступления против половой нравственности (плотские преступления). – См. гл. 4 (115, 118); гл. 5 (10, 13).

Половой вопрос / Ем. Ярославский, А. Сольц, Н. Семашко, С. Смидович. Москва: Издательство ГИЖ, 1925. 42, [2] с.; 24 × 15. Содержание: К постановке вопроса / Ем. Ярославский. С. 3; Семейные отношения и половой вопрос: из доклада автора на октябрьском пленуме ЦКК / [Ем. Ярославский]. С. 4–8; О половой распущенности: из заключительного слова автора на октябрьском пленуме ЦКК / [Ем. Ярославский]. С. 9; Семья, брак и половой вопрос: из доклада автора, читанного в Коммунистическом Университете имени Я.М. Свердлова / А.А. Сольц. С. 10–12; О семейных отношениях: из доклада, читанного в ячейке ЦКК / [А.А. Сольц]. С. 13–14; Подвижники или вольница: из доклада, читанного в ячейке ЦКК / [А.А. Сольц]. С. 15–16; Вопросы полового воспитания: Доклад в театре «Аквариум» на диспуте 12-го апреля 1925 года / Н. Семашко. С. 17–23; О любви: посвящается нашей женской молодежи / С. Смидович. С. 24–28; Проблема пола для современной молодежи / А. Кактынь. С. 29–36; Из отзывов читателей «Правды» на статью тов.

Смидович «О любви»: «Правда», № 102 от 7 мая 1925 г. С. 37–42. В «Содержании», помещенном на с. [1], указано авторство статей. С 1954 по 1990 г. издание находилось в спецхране РГБ. В двух из трех экз. РГБ статья Артура Мартыновича Кактыня вырезана.

Полякова, Софья Викторовна (1914–1994). Поэзия Софии Парнок / София Полякова // Парнок, София Яковлевна (1885–1933) [наст. фамилия: Парнох]. Собрание стихотворений / София Парнок; вступ. ст. [с. 5–108], подгот. текста и примеч. [с. 305–370] С.В. Поляковой. Анн Арбор: Ардис, 1979. С. 5–108 (392 с.: ил.) В прил.: Цветаева, Марина Ивановна (1892–1941). Подруга (1914–1916): с. 289–303. Алф. указ. стихотворений: с. 371–379. – См. Введ. 72; гл. 8 (76). [См. переизд. (с доп. комментариями):

Она же. Поэзия Софии Парнок / София Полякова // Парнок, С.Я. Собрание стихотворений / София Парнок; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С.[В.] Поляковой; [редакторы: Е. Калло, С. Сивак, Н. Кононов]. Санкт-Петербург: ИНАПРЕСС, 1998. С. 5–144, [8] л. [: 18] портр. (538, [6] с., [8] л. портр.; 17 × 11 см). 2000 экз.]

Попов, Ардалион Васильевич (1878–?). Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву / Изследование Ардалиона Попова. Казань: Типо-литогр. Имп. ун-та, 1904. [4], VI, 516, III, [3] с.; 24 см. – См. гл. 3 (3, 4, 11–12).

Попов, Евгений Алексеевич (1899–1961). К вопросу о генезе некоторых форм мазохизма (пассивного флагеллянтизма). / [соч.] Е.А. Попова (Харьков). // Врачебное дело: [двухнедельный] научный медицинский журнал. Харьков: «Научная мысль» Учр. НКЗ.УССР, 1928. Год изд. 11, № 7, 15 апреля 1928 г. Стб. 527–536; 34 × 25 см. Литература: стб. 531 (14 назв.). – См. гл. 7 (54).

Он же. О классификации половых извращений / Проф. Е.А. Попов (Харьков) // Проблемы психиатрии и психопатологии: профессору Н.П. Бруханскому (20 лет психиатрической работы): [сб. 60 статей] / отв. ред. засл. деят. науки проф. С.Н. Давиденков; под редакцией Э.А. Берковитца [и др., всего 14 имен]. [М.]: Биомедгиз, 1935. С. 526–531; 23 × 15 см. В пер. 1750 экз. – См. гл. 7 (54).

Он же. Половые извращения / Е. Попов // Большая медицинская энциклопедия: [в 36 т.]. Изд. 2-е / гл. ред. А.Н. Бакулев. М.: Гос. науч. изд-во «Сов. энциклопедия», 1962. Т. 25: Плотность–Пороцефалез / Стб. 941–952. Лит.: стб. 952 ([16] назв.). – См. Введ. 7; гл. 7 (54).

Попов, Николай Владимирович (1894–1949), *Розенблюм, Ефрем Ефимович* (1896–?). Изнасилование / Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм // Розенблюм, Е.Е., Сердюков, М.Г., Смольянинов, В.М. Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза: Руководство для работников суда, расследования и судебно-медицинской экспертизы: с 27 рисунками в тексте / под ред. и с доп. проф. Н.В. Попова. М.: Гос. изд-во «Сов. законодательство», 1935. Гл. IV, § 1–8 (в т. ч. § 8. Изнасилование с половыми извращениями). С. 45–48; 23 × 15 см. 4200 экз. – См. гл. 7 (61).

Порудоминский, Илья Миронович (1890–1968). Половые расстройства у мужчин: этиология, клиника и лечение / Проф. И.М. Порудо-

минский. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Гос. изд-во мед. лит. Медгиз, 1960 (РНР. Бухарест: ПП им. «13 декабря 1918 г.»). 278, [2] с.: 24 ил.; 22 × 14,5 см. Литература: с. 265—276 ([306] назв.). В пер. 40 000 экз. 1-е изд. вышло в 1957 году.

Правонарушения в области сексуальных отношений: [сб. ст.] / Московский губ. суд и Московский кабинет по изучению личности преступника и преступности; Под редакцией Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегала и Ц.М. Файнберг. М.: Издание Мосздравотдела, 1927. 179, [1] с.; 23 × 15 см. Содержание: От редакции. С. 3—4; К проблеме половой преступности / Г. Сегал. С. 4—10; К психологии и психопатологии половых правонарушений / Е.К. Краснушкин. С. 11—22; О характере личности правонарушителя и механизмах правонарушений в области половых отношений / В.А. Внуков и А.О. Эдельштейн. С. 23—73 (литература: 50 назв.); Современная половая преступность / Б.С. Маньковский. С. 77—107; Половая преступность в до-революционной России: (Статистический очерк) / А.А. Герцензон. С. 108—127; Половые правонарушения несовершеннолетних / Н.И. Озерецкий. С. 129—157; Притонодержательство: (Социологический очерк) / Меньшагин В.Д. С. 158—179. В обл. 3000 экз.

[*Преображенский, Сергей Александрович* (1878—?). Комбинированный случай гомосексуальности с наркоманией: Сообщено в соединенном заседании Научного Медицинского и Психологического Обществ при Туркестанском Государственном Университете 7 марта 1922 г., посвященном памяти профессора А.В. Трапезникова / Профессор С.А. Преображенский. (Из Психиатрической Клиники Медицинского Факультета Туркестанского Государственного Университета). // Туркестанский Медицинский Журнал / Наркомздрав Туркреспублики; Редакционная коллегия: проф. Захарченко М.А., проф. Ситковский П.П., член коллегии Н.К.З. Абрамянц Ф.А. г. Ташкент: Госиздательство Туркреспублики: Типография № 4, 1922 г. Том 1, № 3, март 1922 г. С. 226—236; 26 × 17 см. Печатные источники: с. 236 (5 назв.).]

Преступный мир Москвы.: сборник статей / А.М. Ароновича, Н.Н. Гедеонова, М.Н. Гернета, Е.К. Краснушкина, В.И. Куфаева, А.Е. Петровой, А.[т. е. Д.]П. Родина, Л.А. Скляра, С.А. Укше, В.Р. Якубсона; С фотографиями, рисунками и диаграммами.; Под редакцией и с предисловием [с. I—XLI] проф. М.Н. Гернета; Издано по соглашению с Кабинетом по изучению личности преступника и преступности. М.: Изд-во «Право и Жизнь», 1924 (Ржев: Тип. Укоммунотдела). [2], XLI, [1], 3—246, [2] с.: [15] ил.; 21 × 14 см). (Книгоиздательство «Право и Жизнь» / под общей ред. профессоров А.М. Винавера, М.Н. Гернета и А.Н. Трайнина); То же. [Репринтное издание]. М.: МХО «Люкон», 1991. [2], XLI, [1], 3—245, [1] с.: [15] ил.; 21 см. В обл. 100 000 экз.

«Примерно НАКАЗАТЬ этих Мерзавцев»: Из истории Уголовного кодекса // Источник: Документы русской истории: Приложение к российскому историко-публицистическому журналу «Родина». М.: А/О Издательский дом «Родина», 1993. № 5—6. С. 164—165 (из: АПРФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37. Л. 25—26); 26 см. — См. Введ. 63; гл. 7 (14—17, 21); гл. 8 (8, 9); Эпилог (91).

[Проблемы современной сексопатологии: (сборник трудов) / Министерство здравоохранения РСФСР, Московский научно-исследовательский институт психиатрии; [отв. ред. проф. А.А. Портнов; редкол.: проф. П.Б. Посвянский, ст. науч. сотр. Г.С. Васильченко, О.З. Лившиц (отв. секретарь)]. М., 1972. 507, [5] с.; 22 × 15 см. (Труды Московского научно-исследовательского института психиатрии МЗ РСФСР; т. 65). В вып. дан. на с. [2]: Л 49214 от 30/III-1973 г. (*sic!*). В пер. 3000 экз.]

Протопопов, Виктор Павлович (1880–1957). Современное состояние вопроса о сущности и происхождении гомосексуализма / [соч.] проф. В.П. Протопопова // Научная медицина: Журнал, посвященный вопросам теоретической и практической медицины: Сборник. Пг., 1922. № 10. С. 49–62; 22 × 15 см. – См. гл. 1 (58, 91, 99, 105); гл. 4 (28); гл. 5 (1, 5, 18, 40, 94, 99, 106, 108).

Протоколы допросов организатора Петроградского женского батальона смерти / Вступ. статья, коммент. и подготовка текста и публикации С<ергея> В<ладимировича> Дрокова; подборка иллюстративных материалов из РГАКФД Г.Е. Малышевой // Отечественные архивы: Научно-теоретический и научно-практический журнал: Издается с 1923 года: выходит один раз в два месяца / гл. ред. С.И. Кузьмин. [М.], 1994. № 1. С. 5–66: [6] ил.; 23,5 × 16,5 см.

Психопатии и их судебно-психиатрическое значение / под общей редакцией Ц.М. Фейнберг; редколл: А.Б. Александровский, В.А. Внуков и Б.С. Ошерович; Научно-исследовательский ин-т судебной психиатрии им. Сербского. [М.]: Гос. изд-во «Сов. законодательство» ОГИЗ, 1934. 177, [3] с.; 22 × 15 см. 3250 экз. – См. гл. 6 (81[2]); гл. 7 (53).

Пятницкий, Борис Иванович. Половыя извращения и Уголовное право. / Б.И. Пятницкий; С предисловием [с. I–IV] прив.-доц. М.Н. Гернета и с приложением 9 отдельных диаграмм. Могилевъ губ.: Типография И.Б. Клаза, 1910. [2], IV, 84 с.: 12 табл., 9 л. диаг.; 22 × 16 см. (Семинарий по уголовному праву прив.-доц. М.Н. Гернета при Императорском Московском Университете; вып. III). Из содерж.: I: [Педерастия (мужеложство)]. С. 5–44; II: [Лесбийская любовь (трибадия)]. С. 45–47; IV: [Скотоложство]. С. 52–58. В описании употребляются термины: «педерастия», «педерасты». В обл. – См. гл. 3 (4, 46, 74[2]–80, 85, 101); гл. 4 (46).

[*Райх, Вильгельм* (Reich, Wilhelm; 1897–1957). Борьба за «новую жизнь» в СССР // Райх, Вильгельм. Сексуальная революция / Вильгельм Райх; [перевод с нем. [Verlag Fischer Taschenbuch] В.А. Брун-Цехового; под ред. и с предисл. (с. 5) д-ра мед. наук В.П. Наталенко]. Санкт-Петербург: «Университетская книга»; М.: АСТ, 1997 (Тула: Тул. тип.). Ч. II. Гл. I–VII. С. 203–347 (350, [2] с.; 20 × 14,5 см). (Классики зарубежной психологии). В пер. 10 000 экз. – См. Введ. (13, 24); гл. 7 (37, 38); гл. 8 (5).]

Он же. Диалектический материализм и психоанализ. / Вильгельм Рейх (Вена) // Под знаменем марксизма: ежемес. философский и общественно-эконом. журнал. М.: Издание газеты «Правда», 1929. № 7–8, июль–авг. С. 180–206; 24 см.

Он же. Психоанализ как естественнонаучная дисциплина / В. Рейх // Естествознание и марксизм: орган секции естественных и точных наук

Коммунистической Академии / издается при участии обществ материалистов: физиков-математиков, биологов, психоневрологов и врачей. [М.]: Изд-во Коммунистической Академии, 1929. [2-й год изд.], № 4. С. 99—108, 108—123 (дискуссия), 124 (заключит. слово В. Рейха) (Доклады в Комакадемии); 24 см. — См. гл. 5 (68).

Он же. Психоанализ как естественнонаучная дисциплина: доклад В. Рейха: заслушан 28/XI-1929: передается в сокращенном изложении // Вестник Коммунистической Академии: научно-исследовательский двухмес. журн., / выходящий под ред. тт.: Бухарина Н.И. [и др.]. М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1929. 7-й год изд., книга 35—36. С. 344—350 (на с. 347—350 — изложение дискуссии); 23 см. — См. гл. 5 (68).

Расселл, Пол (Russell, Paul). 100 кратких жизнеописаний геев и лесбиянок / Пол Расселл; [пер. с англ. А. Дворядкина]. М.: [Издат. Дом] КРОН-ПРЕСС, 1996. 423, [9] с.: 21,5 × 14,5 см. (Экспресс). В пер. 15 000 экз. На парал. тит. л. авт. и загл. на англ. языке.

Расширенный научный съезд судебных врачей и представителей юстиции в городе Иваново-Вознесенске 23—25 декабря 1927 года: Вечернее заседание 23 дек. — Вечернее заседание 24 дек.: [Стенограмма] // Судебно-медицинская экспертиза / Народный комиссариат здравоохранения; под ред. гл. судебно-медицинского эксперта Д-ра Я. Лейбовича; при участии профессоров [на тит. л. — 15 имен]. М.: Гос. мед. изд-во, 1928. Кн. 9. С. 135—164; То же. (Окончание): Утреннее заседание 25 дек. — Вечернее заседание 25 дек. Резолюции // Там же. 1928. Кн. 10. С. 156—166 (Отчеты о съездах и заседаниях); 31 см. — См. гл. 7 (58).

[*Рау, Ганс* (Rau, Hans; 1882—?). Извращения в любви.: Опыт половой психологии. / Ганс Рау.; Перевод с немецкаго М. Кадиш. М.: [Книгоизд-во «Современныя проблемы»], 1907 (М.: Тип. «Печатное Дело», бывш. Ф.Я. Бурче. Тверск. бул., д. Яголковскаго). 251, [1] с.; 22,5 × 14,5 см. Изд-во указано на обл. Из содерж.: Гл. III: Половыя сношения с собственным полом. С. 38—83. Издание было запрещено. Перевод изд.: *Rau, Hans.* Beiträge zu einer Geschichte der menschlichen Verirrungen: [in 2 Bd.]. Leipzig: Leipziger Verlag, 1907. Bd. II: Die Verirrungen der Liebe: Studien zur Sexualpsychologie. XXIV, 303 S.]

Рогинский, Г.К. — *см.* Карницкий, Д.А. [и др.].

Родионов, Сергей Митрофанович. Из области половой психопатии.: Сообщено в заседании Общества Невропатологов и Психиатров 29 января 1916 г. / [соч.] С.М. Родионова. // Современная психиатрия.: ежемесячный журнал, / издаваемый при ближайшем участии [на тит. л. — 42 имени]; [отв. редакторы-издатели: И.Н. Введенский, Т.И. Юдин]. [М.], 1916. Год X, № 11—12, ноябрь—декабрь. С. 536—544; 24 × 16 см;

Он же. То же. [Отдельный оттиск из журн. «Современная Психиатрия», № 11—12, 1916 г.]. [М.]: Типография штаба Московскаго Военнаго Округа, [1916]. 9 с.; 24 × 17 см. Сведения об оттиске и типографии указаны в конце с. 9.

Рожановский, Василий Александрович (27.02.1874—?). Судебно-медицинская экспертиза в дореволюционной России и в СССР / проф. В.А. Рожановский // Судебно-медицинская экспертиза / Наркомздрав; под ред. гл.

суд.-мед. эксперта д-ра Я. Лейбовича. М.: Изд-во Наркомздрава, 1927. Кн. 6. С. 1–105 (паг. 3-я); 24 см. – См. гл. 3 (16, 25); гл. 5 (45).

Розанов, Василий Васильевич (1856–1919). Люди луннаго света.: метафизика христианства. / В.В. Розанов. С.-Петербург, 1911. [2], 297, [1] с.; 20 × 16 см. Листа «Содержание» 1-е изд. не имело; в тексте использованы шмуцтитулы: Тит. л. С. [1–2]; Лунный свет. С. 1–25; Третий пол. С. 27–205; Приложения. С. 207–297 (в т. ч.: Поправки и дополнения Анонима [Павла А. Флоренского]. С. 280–297).

Он же. То же. Второе издание. С.-Петербург, 1913 (Тип. «Т-ва А.С. Суворина – Новое время»). XII, 297, [1] с. С. 1–297 – по набору изд. 1911 г. Дополнено: Содержание. С. V–VIII; [Предисловие] / В.Р. Спб., 16 апреля 1911 г.). С. IX–XI; Предисловие ко 2-му изданию [4 строки] / В.Р. (Спб., 10 сентября 1910 г.). С. XI.

Он же. То же. Репринтное воспроизведение второго издания 1913 года. М.: Дружба народов, 1990. [2], II, V–XI, 1, 3–25, 27, 29–205, 207, 209–297, [1] с.; 20 × 13 см. В пер. 200 000 экз. – См. гл. 2 (24, 26, 28, 34); гл. 4 (37, 38^2, 39).

[*Розенбаум, Аарон Борухович* (1850–?). Роковые вопросы пола.: медико-социологические этюды. / Д-р А.Б. Розенбаум. С.-Петербург: Книгоиздательство П.П. Сойкина, 1911 (СПб.: Тип. П.П. Сойкина). 411, [1] с.; 21,5 × 15 см. Из содерж.: Гл. XVI. Половая патология. С. 280–326 (Гомосексуализм (Однополая любовь). С. 298–305, 323–326).]

Розенбах, Павел Яковлевич (1858–?). К казуистике полового извращения / [соч.] П.Я. Розенбаха, Прив.-доц. Имп. Военно-медицинской Академии // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии.: ежемесячный журнал, посвященный психиатрии, неврологии, невропатологии... / под ред. Проф. В.М. Бехтерева... С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1897. Год второй, сент. 1897 г., № 9. С. 652–656; 24 × 16 см.

Розенблюм, Е.Е. – *см.* Попов, Н.В.

Розенблюм, Ефрем (Арон) Ефимович (Хаимович) (1896–?), *Сердюков, Мстислав Григорьевич* (3.06. 1886–?), *Смольянинов, Владимир Михайлович* (1898–1981). Судебно-медицинская акушерско-гинекологическая экспертиза: Руководство для работников суда, расследования и судебно-медицинской экспертизы: с 27 рисунками в тексте / Е.Е. Розенблюм, Проф. М.Г. Сердюков, В.М. Смольянинов; под редакцией и с дополнениями проф. Н.В. Попова. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1935. 238, [2] с.: 27 ил.; 23 × 15 см. Из содержания: Введение. Значение акушерско-гинекологической экспертизы в уголовном и гражданском процессах / проф. Н.В. Попов. С. 5–7; Часть 1. Половые преступления. С. 8–48 (Гл. I. Характеристика половых преступлений. С. 8–16 (§ 1. Некоторые юридические данные / проф. Н.В. Попов. С. 8–12; § 2. Краткие биологические данные / Е.Е. Розенблюм. С. 13–16); Гл. II. Половая зрелость / В.М. Смольянинов. С. 16–21; Гл. III. Определение девственности и бывшего совокупления. § 1–3 / Е.Е. Розенблюм. С. 21–36; Гл. IV. Изнасилование. § 1–8 / Н.В. Попов и Е.Е. Розенблюм. С. 36–48 (в т. ч. § 8. Изнасилование с половыми извращениями. С. 45–48); Правила

амбулаторного судебно-медицинского акушерско-гинекологического исследования / [разработаны и предложены Е.Е. Розенблюмом, одобрены пленумом Научного совета Государственного НИИ судебной медицины НКЗдрава, рекомендованы Ученым медицинским советом]; утверждено: заместитель народного комиссара здравоохранения М. Гуревич; Согласовано: Прокурор РСФСР [В.А.] Антонов-Овсеенко, 31 декабря 1934 г., № 147/39. С. 229–237. В пер. 4200 экз. – См. гл. 6 (58); гл. 7 (59, 62, 81); гл. 8 (77).

Розенгейм, Михаил Петрович (1820–1887). Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великаго. / М.П. Розенгейм. С.-Петербург: Тип. М. Эттингера, 1878. VI, 376, [6] с.; 23 × 15 см.

В приложении VI приведен полный текст «Артикула краткого» 1706 г. князя А.Д. Меншикова для кавалерии в Ингерманландии, подготовленный к публикации по рукописным спискам из отделов рукописей Имп. Публ. б-ки (ныне – РНБ) и Румянцевской публ. б-ки (ныне – РГБ). Первоначально издан на нем. языке («Moskowitische kriegs Reglement») – соответствующий печатный экз. хранился в б-ке Главного Штаба – и только затем переведен на рус. язык, причем немцем или поляком. На с. 299 означенного «Артикула краткого» читаем:

«Глава III. О прелюбодеянии<,> или что к тому надлежит.

1. Никакой явной блудницы у войска, ниже́ в гварнизоне, ниже в походе, ни в обозе не держать, но доносить и того часа чрез профоса выгнать.

2. Понеже скверные слова великое попущение к прелюбодейству подают, то оные купно с скверными песнями имеют быти наказаны.

3. Прелюбодеяние насильством<,> конечно<,> приносит собою смертную казнь.

4. Прелюбодеяние имеет по правам каждаго народу, от котораго каждой есть наказано быть.

5. Кто ненатуральное прелюбодеяние с скотиною учинит или муж с мужем стыд сочинят, оный казнен и созжен быти имеет, також наказание имеют ожидать, которые блуд чинят с ребятами».

Романова, Елена Алексеевна. Опыт творческой биографии Софии Парнок: «*Мне одной предназначенный путь...*» / Елена Романова. Санкт-Петербург: Изд-во СПбИИ [ин-та истории] РАН «Нестор-История», 2005. 402, [2] с., [4] л.: [18] ил., портр.; 21 × 15 см. В пер. 500 экз.

Ротиков, Константин Константинович [псевд.]. Другой Петербург / К.К. Ротиков [псевд.]. Санкт-Петербург: «Лига Плюс», 1998. 574, [2] с.; 17 × 12 см. В пер. 10 000 экз.; [То же. 2-е изд. [, доп. указателем]. Псевдоним указан полностью на с. 5. М.Н. Золотоносов предположительно называет: <Пирютко Ю.М.?> (См. *Золотоносов, М.Н.* Слово и Тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX веков / М.Н. Золотоносов. М.: НИЦ «Ладомир», сор. 1999 (Вологда: ПФ «Полиграфист»). С. 788. (Русская потаенная литература; [т. 18]). (827, [5] с.; 20,5 × 13 × 4 см). 2500 экз.). См. рецензию: *Берштейн, Е.В.* Голубой Петербург // Новое литературное обозрение. М., 1999. № 35. С. 403–406.] – См. гл. 1 (7); гл. 7 (47).

Он же [псевд.]. Эпизод из жизни «голубого» Петербурга / Константин Ротиков [псевд.] // Невский архив: историко-краеведческий сборник / Балтийский гуманитарный фонд; [сост. А.И. Добкин, А.В. Кобак]. Санкт-Петербург: Atheneum: Феникс, 1997. № III. С. 449–466; В пер. 21 см. – См. гл. 1 (45, 48, 51, 57).

Руадзе, Владимир Павлович. К суду!.. Гомосексуальный Петербург. / В.П. Руадзе. С.-Петербург: Коммерческая Типо-Литография Виленчик (Фонтанка, 52–54), 1908. 117, [1] с.; 22 × 12,5 см. На обл. также указано содержание. Изъята из продажи (см.: Кн. лет. 1908. № 34 (30 авг.). № 15192. Тир. 2000 экз.); Из книги изъяты с. 63–64. Определением судебного установления издание уничтожено (см.: Кн. лет. 1909. № 29 (25 июля). С. 48). – См. Введ. 53; гл. 1 (42, 53, 54, 56, 62, 81, 89, 103); гл. 4 (35[2]).

(1) EROT RUSSE | – | Русскій | ЭРОТЪ | не | ДЛЯ ДАМЪ[.] [1-е изд.]. [Женева: М.К. Элпидин], предисловие 1879 [т. е. 1887? (Женева: Тип. «Общаго Дела»)]. [4], IV, 90, [2 пустые] с.; 13,8 × 10 (набор с. 16 – 9,6 × 7,1) см. Тетради в книжном блоке сшиты: б/н с. [1–4], б/н с. [I–IV], № 1–5 – по 16 с., № 6 – 12 с. Тираж, видимо, 100 экз. На тит. л. – только заглавие, в котором словосочетание «EROT RUSSE» напечатано в виде дуги, а слово «ЭРОТЪ» забрано в декоративную рамку. На с. 1 обл. тот же текст заключен в рамку из колонн с амурами и оттиснут на синей плотной бумаге коричневой краской. Печатные формы для тит. л. и с. 1 обл. выполнены художником. Предположительная дата изд., место изд., изд-во и типография установлены по изд.: *Тургенев, Иван Сергеевич* (1818–1883). Попъ: эротическая поэма / И.С. Тургенева. [Genève]: M. Elpidine, libraire-éditeur, 3 Rue des Alpes, 3, 1887 (Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ). 15, [1] с.; 19,5 × 13 см. В обл. Место изд. указано на с. 1 обл., типография – на с. 4 обл. Текст 1-го изд. «Русского эрота не для дам» набран тем же шрифтом (кегль 9), что и изд. «Поп» А.С. Тургенева 1887 г., оба издания вышли одновременно. Ни в зарубежной печати с 1879 по 1888 г., ни в книгопродавческих каталогах, ни в воспоминаниях современников того времени нам не встретилось упоминание о выходе в свет издания «Русской эрот не для дам». Содержание: [Пустые]. С. [1–2]; [Титульная страница – тит. лист]. С. [3]; [Пустая]. С. [4]; [Предисловие, 15 строк] «К читателю. Так как настоящий сборник стихотворений представляет картину нравов в закрытых учебных заведениях, откуда вышли нынешние государственные деятели, как<,> например<,> из Юнкерской школы (князь Барятинский, Потапов, Тимашев, Лорис-Меликов[)], Кадетскаго корпуса (Шувалов, Игнатьев [)], школы Правоведения (Набоков, Победоносцев и др.), то один из современников перечисленных особ решился отпечатать эти стихотворения в количестве 100 экземпляров, чтобы увековечить славныя имена и подпоры Престол-Отечества, дав заглавие Сборнику «РУССКИЙ ЭРОТЪ». | 1879 год». С. I; Оглавление [25 заглавий, авторов, страниц]. С. III–IV; Гошпиталь. I–VIII [161 строка без многоточий, 4 примеч. в 5 строк, первая полная редакция без купюр]. / Гр. Диарбекир. (Лермонтов). 1834. С. 1–9; Тизенгаузену [К Т.*** – 20 строк, первая полная редакция, с одним примечанием в 4 строки]. / Гр. Диарбекир. (Лермонтов). С. 10–11; Ода

к нужнику [44 строки — первая полная редакция, 5 подстрочных примеч. с именами, в 6 строк]. / Жрец мужика [т. е. нужника]. Инвалид Николай Иванов (Лермонтов) [в копии рукописного журнала «Школьная заря» 1834 г., № IV (место хранения: СПб., ИРЛИ) под одой подпись: «Жрец нужника Инвалид Николай Иванов», см.: *Эйхенбаум, Б.М.* [Комментарии к стихотворению «Ода к нужнику»] // Лермонтов, М.Ю. Полное собрание сочинений в пяти томах / М.Ю. Лермонтов (1814–1841); редакция текста и комментарии Б.М. Эйхенбаума. М; Л.: Academia, 1936. Т. I: Стихотворения 1828–1835 гг. С. 528]. С. 12–14 [в конце с. 14 в 4 строки: «эти три стихотворения написаны в 1834 году одновременно с "Петергофским праздником", "Монго и Уланичей" [т. е. "Уланшей"]. Переписаны здесь с школьной тетради товарища Лермонтова Меринохоч [т. е. А.М. Меринский], оне нигде не напечатаны»]; Ошибка («Задумал старичок, не помню я какой...» — 62 строки). С. 15–17; Смирение отца Пахома («Благочестивый муж, святой отец Пахом...» — 11 строк. С. 18 [в конце с. 18 в 2 строки: «Оба эти стихотворения приписывают Баркову, а по другим <—> Измайлову; последнее вероятнее. Оне переделаны с французскаго»]; Похождения Пажа: поэма в двух частях. Предисловие [в 19 строк]. «Педерастия издревле процветала в России. Известно, что и Иоанн Грозный и Петр Великий и Петр II были этому греху причастны, не говоря уже о многих исторических лицах и светских людях, которые в том подозревались. По законам полагались за мужеложство тяжкия кары, но оне редко применялись. Никогда никто не был в России осужден за мужеложство на смертную казнь, между тем как в других европейских странах даже и в XVIII веке нередко исполнялись подобные смертные приговоры. Хотя герой поэмы вымышленное лицо, однако все описанныя в ней проделки действительно совершались, но разными лицами; некоторыя из них названы в примечаниях. Всё это и теперь происходит. У лучших наших поэтов: Пушкина, Грибоедова, Лермонтова есть педерастическия стихотворения». Ч. 1. I–XVI; Ч. 2. I–IX [740 строк, в поэме 9 подстрочных примеч. в 38 строк, в т. ч. с именами реальных лиц] / А.Ш. С. 19–58; Л......ой («Клянуся Гацимедом [т. е. Ганимедом] славным...» — 40 строк). / Без подписи. С. 59–60; Свидание («Полночь скоро, я в волненьи...» — 72 строки). / Ал.Ш. С. 61–63; Р.......У («Хоть женския красы всех смертных восхищают...» — 76 строк). / А.Ш. С. 64–67 [на с. 67–68 примечание в 29 строк: «Поэма о Паже и стихотворения Л......ой, Свидание и Р......у переписаны из сборника, находившагося у Мих<аила> Вас<ильевича> Сум<арокова-Эльстон>. По его словам<,> оне сочинены в сороковых годах* Ал<ександром> Фед<оровичем> Ше<нины>м, служившим в В<оенных> учебных заведениях, бывшим одно время редактором энциклопедическаго лексикона Плюшара, Ш<енин> в 1846 году был отставлен от службы и выслан из Петербурга за педерастию, эта

* [Полное раскрытие сокращенных имен и инициалов нами обнаружено в библиографических записях Николая Владимировича Скородумова (1883–1947), находящихся в режиме специального хранения в РГБ. На экз. [3-го изд.] в РГБ вписано карандашом: «год созд. СПб. 1843» и на с. 69 раскрыто имя: Ш<енин>.]

история тогда здесь была всем известна. Рассказывали, что военный министр призвал Ростовцева и передал ему приказание государя<,> чтобы строго преследовать педерастию в В. учебных заведениях, причем кн. Чернышев прибавил: <“>Яков Иванович, ведь это и на здоровье мальчиков вредно действует”. – “Позвольте в том усомниться, ваша светлость, <–> отвечал Ростовцев; <–> откровенно вам доложу, что когда я был в Пажах, то у нас этим многие занимались; я был в паре с Траскиным (потом известный своим безобразием толстый генерал), а на наше здоровье не подействовало!<”> – Князь Чернышев расхохотался. Педерастия никогда не прекращалась в В. учебных заведениях. Кадеты пели на голос марша песню<,> начинавшуюся следующими стихами: В пизду ети не годится, | Лучше в жопу завсегда | От пизды бобон родится, | А от жопы никогда. | Бум, бум, и т. д. Примечания к поэме о Паже принадлежат<,> вероятно<,> автору, Ш<енин>у»]; Московския стихотворения. С. 69–72: Княжне Варваре Павловне Гагариной («Львица модная, младая...» – 12 строк). / Б. п. С. 69; Графине Лидии Арсеньевне Нессельрод, урожденной Закревской («Ныне век настал счастливый...» – 12 строк). / Б. п. С. 70; На пожалование Станислава первой степени обер-полициймейстеру московскому Беринчу («Звезда на небе заблудилась...» – 8 строк). / Д. Ленский. С. 71; Весною 1846 г. в Москве случились следующия происшествия: [9 строк прозы и 4 стихов]. / Б. п. С. 72; Стихотворения актера П.А. Каратыгина. С. 73–83: Модной Камелии («Когда в коляске щегольской...» – 8 строк). / П. Карат. С. 73; Актеру Васильеву после сыгранной им роли Иоанна Грознаго («Какой же Грозный ты? Не быть орлом сычу...» – 4 строки). / П.К. С. 74; Поездка в Сергиевскую пустыню (под Петербургом).: Скоромная песня на постном масле («Ветер тучи яростно...» – 40 строк). / *П.К.* С. 75–76; По поводу произшествия в Константинополе [в т. ч. 5 строк прозы] («Сердца в Британии вздрогнули...» – 20 строк). / [П. Каратыгин] С. 77–78; Ответ Турции («Не с пóхоти, но от досады...» – 4 строки). / П. Каратыгин. С. 78; Спор («Однажды в древности седой...» – 70 строк). / П. Каратыгин. С. 79–81; Адам и Евва в Петергофе («В зной летний в Петергофе рай земной...» – 36 строк). / П. Каратыгин. С. 82–83; («Шла старушка мимо будки...» – 6 строк). / Мятлев. (Автор Курдюковой). С. 84; Стихи неизвестных авторов. С. 85–90: («Прекрасная лета...» – 8 строк, с подстрочным примеч. в 4 строки). / Б. п. С. 85; Голос природы («Едва лишь я из Института...» – 64 строки). / Б. п. С. 86–88; Песнь Правоведов («Венера, Венера...» – 16 строк). / Б. п. С. 89 [в конце: «Песня эта была в большом ходу в школе Правоведения в сороковых и пятидесятых годах»]; Башуцкий и княжна Урусова («За трапезой царской...» – 8 строк, с подстрочным примеч. в 8 строк). / Б. п. С. 90.

Тексты и примечания к ним написаны до 1856 г., т. к. в них дважды упоминается «наследник Александр Николаевич», ставший в 1855 году императором Александром II. Лишь во второе издание М.К. Элпидин добавил 12 строк, относящихся к 1861–1863 гг. Выскажем предположение, что все тексты этого сборника происходят из коллекции Виктора Ивановича Касаткина (1831–1867), готовившего их к публикации. (В 1867 г.

В.И. Касаткин издал «Русские заветные сказки», собранные В.И. Далем и составленные А.Н. Афанасьевым.)

В первом издании «Русского эрота не для дам» 1536 стихотворных строк и 139 строк примечаний, из них гомосексуальных — 1022 строки текста и 115 строк примечаний, гетеросексуальных — соответственно 336 строк и 15 строк, скатологических — соответственно 148 строк и 9 строк.

Именно на это издание даны ссылки (№ 863–865) в справочнике: Библиография текстов Лермонтова: публикации, отдельные издания и собрания сочинений / Академия наук СССР, Институт литературы (Пушкинский дом); составили К.Д. Александров и Н.А. Кузьмина; [отв. ред. Б.М. Эйхенбаум; ученый корректор Д.С. Лихачев]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. 478, [2] с.: [9 ил.], [5] л. ил.; 23 × 15 см. (Материалы для библиографии Лермонтова / АН СССР, Ин-т литературы (Пушкинский дом); под ред. В.А. Мануйлова; т. 1).

2) EROS RUSSE | — | Русскій | ∃РОТЪ | НЕ | ДЛЯ ДАМЪ[.] [2-е изд., испр., доп. примечанием издателя на с. 70 (12 строк)]. [Женева: М.К. Элпидин], предисловие 1879 [т. е. 1889? (Женева: Тип. «Общаго Дела»)]. [4], 92, II, [2 п.] с.; 14,8 × 11,4 (набор с. 18 — 9,7 × 7,5) см. (В 1-м изд. тот же текст — на с. 16, набор: 9,6 × 7,1 см.). Тетради сшиты в книжном блоке: б/н с. [1–4], б/н с. 1–32, 33–64, 65–92–II–[2]. По 1-му изд. ошибочно проставлена сигнатура тетрадей 1–6. Издание улучшенное, на белой плотной бумаге. Тираж тоже, видимо, как и у 1-го изд., 100 экз. На тит. л. — только заглавие, в котором словосочетание «EROS RUSSE» напечатано в виде дуги, а слово «∃РОТЪ» забрано в декоративную рамку. На с. 1 обл. тот же текст заключен в рамку из колонн с амурами и оттиснут на синей обл. бронзовой краской (такая же рамка и на с. 4 обл). Печатные формы для тит. л. и обл. выполнены художником и внешне похожи на печатные формы для 1-го изд., но в слове «∃РОТЪ» вместо «Э» — перевернутое «∃». Текст напечатан по 1-му изд., набран тем же шрифтом (кегль 10), что и издание: *Тургенев, И.С.* Попъ: эротическая поэма И.С. Тургенева. [Издание второе, [с купюрами]]. Genève: M. Elpidine, libraire-éditeur 68, Rue du Rhône, 68, [1889] (Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ). 16 с.; 20,8 × 13,6 см. Номер издания «Попа» — на с. 1. обл., тип. — на с. 4 обл. (Купюры в «Попе»: в строфе 9 (с. 6): «Кого нибудь еб..ъ — и слава богу» (в 1-м изд.: «Кого нибудь ебемъ — и слава богу»); в строфе 17 (с. 8): «Ей поп сказал: «еб..ъ ее, так что же?» (в 1-м изд.: «...ебетъ...»)). Там же на с. 4 обл. реклама [30]-ти книг: «Librairie M. Elpidine. Rue du Rhône», 68. Genève. Находятся въ продажѣ:», в т. ч. [7]-я по счету: «*Попъ*. Эротическая поэма, И.С. Тургенева. Женева 1887 г. 1 фр.»; под чертой — [25]-я по счету: «*Русскія завѣтныя сказки*. Валаамъ. Годъ мракобѣсія. [без цены]»; [28]-я: «*Гавриліада*. А.С. Пушкина. 1 фр.»; [29]-я: «*Царь Никита*. Десятая заповѣдь и т. д. Его же. 1 фр.»; [30]-я, последняя: «*Русскій эротъ* — не для дамъ. [без цены]». Нижеуказанные издания напечатаны теми же шрифтами и в одно время, что и 2-е изд. «Русского эрота не для дам»: *Пушкин, А.С.* Гавриилиада: Эротическая поэма / Сочинение А.С. Пушкина. [Женева: М.К. Элпидин], 1889 [(Женева: Тип. «Общаго Дела»)]. 24 с.; *Пушкин, А.С.* Царь Никита и Первая ночь брака: эротиче-

ские поэмы. Десятая заповедь. Эпиграммы / Сочинение А.С. Пушкина. [Женева: М.К. Элпидин], 1889 [(Женева: Тип «Общаго Дела»)]. 24 с. Все эти издания указаны в каталоге книжного магазина Михаила Константиновича Элпидина (1835–1908): Catologue de la Librairie M. Elpidine. Genève, Rue du Rhône, 68. Находятся въ продажѣ. Genève, [1889?] (Типографія «Общаго Дѣла» въ Женевѣ). 16 с.; 20,5 × 13,5 см. Без титл. л. и обл. На с. 16, внизу: «*Русскій эротъ* – не для дамъ [без цены]». Из содержания: [Пустые]. С. [1–2]; [Титульная страница – тит. лист]. С. [3]; [Пустая]. С. [4]; [Предисловие] К читателю. [в конце текста:] 1879 год. С. 1. По наборной полосе тексты на с. 3–92 соответствуют текстам на с. 1–90 1-го изд.; Оглавление. С. I–II; [Пустые в конце]. С. [1–2]. На с. 70 – дополнение к примечанию «Поэмы о Паже»: «Вот другой вариант, который пелся в губернских присутствиях по крестьянским делам, в 1861–1863 гг., при наступлении адмиральскаго часа (11 ч.). Секретарь (соло) |: В пизду еться | Не годится, | А в жопу завсегда. | Хор дворян присутствующих: а! а! а! | (Соло) | От пизды | Шанкир родится, | От жопы – никогда. | Хор: а! а! а!». Дополнение, видимо, внесено М.К. Элпидиным, эмигрировавшим из России в эти годы. Исправления коснулись в основном орфографии и пунктуации.

Именно это издание описано в справочнике: Русская подпольная и зарубежная печать: библиографический указатель. I. Донародовольческий период, 1831–1879. Вып. 1-й. Книги, брошюры, листовки / Секция по изучению революцион. и обществ. движений народов СССР в XIX в. по 90-е годы при Центральном бюро НИИС Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-переселенцев; составлен М.М. Клевенским, Е.Н. Кушевой и О.П. Марковой; под ред. С.Н. Валка и Б.П. Козьмина. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1935. 223, [2] с.; 18 см. На с. 110: «520. Русский Эрот не для дам. [Женева]. <1879>. Обл., IV + 92 + II стр. 10,5 × 7 см. Перед заглавием на тит. л. и обл-ке: “Eros russe”. Стр. 1-я – предисловие издателя с датой 1879 год. (Характеристика нравов мужских привилегированных закрытых учебных заведений. Цель издания: “увековечить славные имена и подпоры Престол-Отечества”). [Имеется в] III, VIII [т. е. в ГБЛ, ГПБ]».

3) ÉROS RUSSE | – | РУССКІИ ЭРОТЪ | НЕ | ДЛЯ ДАМЪ[.] [3-е изд., ухудш., по тексту 2-го изд.]. [Женева: М.К Элпидин], предисловие 1879 [т. е 1893? (Женева: Тип. «Общаго Дела»)]. 92, II, [2 п.] с.; 15,3 × 11,5 (набор с. 18–9,6 × 7,5) см. (в 1 изд. – набор того же текста, 9,6 × 7,1 (с. 16), во 2-м изд. – 9,7 × 7,5 (с. 18) см.). Тетради из тонкой бумаги плохого качества в кн. блоке: № [1], с. 1–16, № 2–6, с. 17–32, 33–48, 49–64, 65–80, 81–92, II, [2]. На тит. л. в рамке только заглавие (набор шрифтами). На с. 1 обл. из тонкой голубой бумаги в такой же рамке такими же шрифтами тот же текст, но словосочетание «EROS RUSSE» – жирным шрифтом. Текст самого сборника набран теми же шрифтами и по той же наборной полосе, что и 2-е изд., но набор другой. Тираж, видимо, несколько сотен экземпляров. Дата изд. предположительно установлена по каталогу кн. магазина М.К. Элпидина: Catalogue de la librairie M. Elpidine: Находятся въ продажѣ. Carouge [Genève], Route de St.-Julien 20, [1893]. 8 с.

(на с. 2: «*Русскiй эротъ* – не для дамъ. 3 фр.»). Содержание: [Титульная страница – тит. лист]. С. 1; [Предисловие] К читателю. [в конце текста:] 1879 год. С. 2; Тексты на с. 3–92 по наборной полосе соответствуют текстам на с. 1–90 в 1-м изд. и с. 3–92 во 2-м; Оглавление: С. I–II; [Пустые]. С [1–2]. В тексте около 140 опечаток. Например, подпись в конце «Гошпиталя»: «Гр. Диарберкир. (Лермонтов).»; в стихотворении «Смирение отца Пахома» после слова «белица!» пропущена строка: «– Потише, не кричи, ведь все равно и тут девица!» [во всех последующих переизданиях эта строка пропущена].

4) ÉROS RUSSE | – | РУССКIЙ ЭРОТЪ | НЕ | ДЛЯ ДАМЪ[.] [4-е изд. по тексту 3-го изд.]. [Женева: М.К. Элпидин], предисловие 1879 [т. е. 1896? (Женева: Тип. «Общаго Дела»)]. [2], II, 66, [2 п.] с.; 16,5 × 11,3 (набор с. 12 – 12,2 × 8,1) см. (в 1-м изд. набор того же текста, 9,6 × 7,1 (с. 16), во 2-м изд. – 9,7 × 7,5 (с. 18), в 3-м изд. – 9,6 × 7,5 (с. 18)). Тетради из тонкой бумаги плохого качества в кн. блоке соединены металлическими скрепами: б/н, [2] – II, № [1], с. 1–6, № 2–4, с. 17–32, 33–48, 49–64, б/н, с. 65–66 – [2 п.]. Тираж, видимо, несколько сотен экземпляров. На тит. л. – только заглавие (набор шрифтами). На с. 1 серой обл. – текст: EROS RUSSE | Русскiй | ∃РОТЪ | не | ДЛЯ ДАМЪ в такой же орнаментной рамке, как в 1-м и 2-м изд., напечатан бронзовой краской, причем в слове «∃РОТЪ» (как и во 2-м изд.) вместо буквы «Э» перевернутая «∃» (на с. 4 обл. – такая же рамка в центре, с пятиконечной звездой). Текст сборника набран теми же шрифтами, что 2-е и 3-е изд., но набор другой. Основной текст набирался по 3-му изд., в котором около 140 опечаток, поэтому многие опечатки перешли в 4-е изд. Например, подпись в конце «Гошпиталя»: «Гр. Диарберкир. (Лермонтов).»; в конце «Оды к нужнику»: «Жрец мужика [т. е. нужника]. Инвалид Николай Иванович [т. е. Иванов] (Лермонтов)» [так только в 4-м изд., и эта опечатка перейдет в современные переиздания]; в стихотворении «Смирение отца Пахома» после слова «белица!» так же, как и в 3-м изд., пропущена строка «– Потише, не кричи, ведь все равно и тут девица!» Предположительная дата издания установлена по каталогу кн. магазина М.К. Элпидина: Catalogue de la librairie M. Elpidine: Находятся въ продажѣ. [Carouge [Genève], Route de St-Julien 20], [1896?]. 8 с. (на с. 3: «*Русскiй эротъ* – не для дамъ. 3 фр.»). Рекламировалась в каталогах кн. магазина М.К. Элпидина за 1900–1904, 1906 гг. Содержание: [Титульная страница – тит. лист]. С. [1]; [пустая]. С. [2]; Оглавление. С. I–II; [Предисловие] К читателю. [в конце текста:] 1879 год. С. 1; [Пустая]. С. 2; Тексты сборника на с. 3–66; [пустые]. С. [1–2].

5) ÉROS RUSSE. | – | РУССКIЙ ЭРОТЪ | НЕ ДЛЯ ДАМЪ. [Варшава: Изд-во «Ренесанс»], [на обл.: 1905] (тип. не указана). 64 с.; 15,5 × 10 (набор 10,8 × 7) см. В кн. блоке – две тетради по 32 с. На плотной светло-зеленой обл., в декоративной рамке – тот же текст, с указанием даты издания. Место изд. и изд-во установлены по: «Ренесанс», изд-во (Варшава). Прейс-курант [новый] фирмы изд. “Ренесанс”. Варшава, Сольная, 8, [1906]. 24 с., 1 л. (на с. 15); 17 × 12 см. Текст сборника напечатан кеглем 8 по тексту 4-го женевского издания ([2], II, 66, [2] с.) и воспроизводит

многочисленные опечатки последнего, в т. ч. ошибку в подписи к «Оде к нужнику» (вместо «...Иванов»: «...Иванович»). Из содержания: [Титульная страница – тит. лист]. С. 1; [Пустая]. С. 2; [Предисловие] К читателю. [в конце текста:] 1879 год. С. 3; [Пустая]. С. 4; Тексты сборника – на с. 5–64. Без «Оглавления».

6) EROS RUSSE | РУССКИЙ ЭРОТ НЕ ДЛЯ ДАМ | (Женева, 1879). Исправленное издание. [Oakland (California)]: SCYTHIAN BOOKS, 1988 (Printed in U.S.A.). 78, [2 п.] с.; 19,5 × 13,8 см. На ил. обл. – только то же заглавие. Место изд. – на с. 4 обл. Текст печатается по 4-му женевскому изданию [1896?] ([2], II, 66, [2] с.), только в этом изд. ошибка в подписи к «Оде к нужнику»: («...Иванович», надо: «Иванов»). Содержание: [Пустые]. С. 1–2; [Титульная страница – тит. лист]. С. 3; [На об. тит. л.:] Исправленный текст, примечания © 1988 Scythian Books; Printed in U.S.A. С. 4; Оглавление. С. 5–6; От редактора. «В текст внесены только самые необходимые для понимания исправления. Нумерованные примечания принадлежат редактору настоящего издания. Прибавления к примечаниям издания 1879 (*sic!*) года заключены в скобках. Все нецензурные слова в тексте содержатся в *Словаре нецензурных слов*: *Dictionary of Russian Obscenities* by D.A. Drummond and G. Perkins, Third Edition (Oakland: Scythian Books, 1987). 1988 г.». С. 7; [Предисловие] К читателю [, в конце:] 1879 год. С. 9; [Пустые]. С. 8, 10; Тексты сборника на с. 11–74; Приложения. Воспоминания о Лермонтове: [отрывки] / А.М. Меринского, 1856 г. [по изд.: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Художеств. лит., 1964. С. 135–140]. С. 75–77; «Школьная Заря» 1834 г. / N.N. [псевд.] [по изд.: Русская Старина. СПб., 1882. № 35. С. 391–392]. С. 78; [Пустые]. С. [1–2]. Несмотря на заверения редактора, в так называемом «исправленном издании» многочисленные опечатки женевского издания не исправлены, а некоторые еще и усугублены. В «Оглавлении» и в тексте всех 4-х женевских изданий стоит: «Весною 1846 г. в Москве...», а в «исправленном издании»: «Весною 1816 г. в Москве...». Пример «исправления»: строка 5-я из ч. 2, гл. I «Похождения Пажа» в 1-м и 2-м изд.: «И Пажа – бляди уж не будет» воспроизведена ошибочно в 3-м и 4-м изд.: «И Пажа – бляди уж не будет он» (в конце – лишнее «он») и исправлена на: «И пажем – блядью он не будет». Пример оставшихся опечаток: в 1-м и 2-м изд.: «...водворился», ошибочно в 3-м и 4-м изд.: «...подворился» (Там же. Ч. 1, гл. I, 8-я строка); в 1-м и 2-м изд.: «...подо мной», ошибочно в 3-м и 4-м изд.: «...надо мною» (Там же. Ч. 1, гл. XVI, 21-я строка); в 1-м и 2-м изд.: «им подвязав годимишéи», в 3-м и 4-м изд. ошибочно: «и им подвязав годмишеи» (Там же. Ч. 2, гл. V, 4-я строка); «Венера-Каллипига» (1-е и 2-е изд.), в 3-м и 4-м изд. («Венера-Каллинига»). В стихотворении «Смирение отца Пахома» отсутствует целая строка.

7) EROS RUSSE | РУССКИЙ ЭРОТ НЕ ДЛЯ ДАМ | (ЖЕНЕВА, 1879). Издание третье, исправленное. [Oakland (California)]: SCYTHIAN BOOKS, [cop. 1995] (Printed in U.S.A.). 94, [2] с.: [13] ил.; 20,5 × 13,7. На ил. обл. – только то же заглавие. Место изд. на об. тит. л. и на с. 4 обл. Содержание: [Авантитул:] EROS RUSSE. С. 1; [Пустая]. С. 2; [Титульная страница – тит. лист]. С. 3; [На об. тит. л.:] Eros russe. Russkii erot

ne dlia dam; [на англ.: издатель выражает признательность за замечания А.Г. Тимофееву, который подробно сличил текст с экземпляром оригинального издания в собрании Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)]; Исправленный текст, примечания © 1988 Scythian Books; Рисунки / illustrations © 1995 Scythian Books; Third edition (second Scythian edition), 1995; Printed in U.S.A.; Published by Scythian Books, Oakland, California. С. 4; Оглавление. С. 5–6; От редактора. 1988 г. С. 7; [Предисловие] К читателю [в конце текста:] 1879 год. С. 9; Тексты сборника – на с. 11–90; Приложения [по тексту изд. 1988 г.]. С. 91–94; [Пустая]. С. [1]; [Реклама двух книг, в т. ч.:] Erotic Tales of Old Russia / Русские заветные сказки. Compiled by Alexander Afanasiev. Selected and translated by Yury Perkov. Illustrations by Alek Rapoport. Bilingual edition, Russian and English. С. [2]. Печатается по тексту изд. 1988 г. с незначительными исправлениями, указанные выше опечатки не исправлены.

8) EROS RUSSE | РУССКИЙ ЭРОТ | НЕ ДЛЯ ДАМ | (Женева, 1879) / [Художник В. Флиссак]. [СПб.]: [Фирма Ольга: Оформление, 1993] (Отпечатано с готовых диапозитивов в АО «Светоч», С.-Петербург, Б. Пушкарская, 10). [10], 11–206, [2] с.: [6] эрот. ил.; 12 × 8,5 (набор 6,7 × 5,3) см. В пер. На корешке – тиснение бронзовой краской: Русский эрот не для дам. На форзацах – эрот. ил. Текст печатается по американскому изд. 1988 г. (см. здесь описание № 6) с воспроизведением опечаток последнего. Содержание: [Авантитул с загл.]. С. 1; [Титульная страница – тит. лист]. С. 3; [На с. 4 сведения о художнике и вымышленном изд-ве]; На с. 5: «Поскольку в книге использована ненормативная лексика, не рекомендуем ее для чтения лицам, не достигшим совершеннолетия»: Оглавление. С. 7–10; [Предисловие] К читателю [в конце текста предисловия:] 1879 год. С. 11–12; Тексты сборника – на с. 13–194; Примечания [, вынесенные в конец издания]. С. 195–206; на с. [2], в конце книги, – сведения о тип. и тираже: 10 000 экз.

Сведения о шести изданиях «Русского эрота не для дам» приводились нами ранее, см.: *Бессмертных, Л.В.* О некоторых изданиях эротических произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова / Л.В. Бессмертных // Новое литературное обозрение: теория и история литературы, критика и библиография / гл. ред. Ирина Прохорова. М., [1994] (М.: Тип. № 6, подп. в печать 17.02.94). № 6 (1993–94). С. 289–305 (на с. 298–303); 24 × 15 см. На обл.: № 6 (1994). 5000 экз.; [*Бессмертных, Л.В.*] Комментарии // Русский Эрос. Баня / [подбор текстов и иллюстраций из личной коллекции Леонида Бессмертных]. М.: [ИИФ] «Мистер Икс», 1994. С. 402–409 (413, [3] с.: [20] ил.; 21,5 × 14,5 см). (Секс-пир. Жемчужины интимной словесности. Русская эротическая классика; [т. 1]). В пер. 50 000 экз. В настоящую публикацию внесены уточнения и дополнения.

См. также: *Шенин, Александр Федорович* (1801/1802–1855). Похождения Пажа: Поэма в двух частях / А.Ф. Шенин; предисловие «Из первых рук» (с. 151–153), публикация и примечания (с. 153, 179–180) В.Н. Сажина // Занавешенные картинки: Антология русской эротики / [сост., автор предисл. «Взгляд за занавеску» (с. 5–10) Валерий Сажин]. Санкт-Петер-

бург: [«Торгово-издательский дом»] Амфора, 2001 (СПб.: ОАО «Санкт-Петербургская тип. № 6»). С. 149–186 (527, [1] с.: [20] ил.; 22 × 13 см). (Locus Solus). Печатается по тексту неисправного американского издания 1995 г., со всеми опечатками последнего (см. описание под № 7). В ил. пер. 5000 экз.

Он же. То же: [по тексту изд. 2001 г.] / А.Ф. Шенин; предисловие «Из первых рук» (с. 157–159), публикация и примечания (с. 159, 186) В.Н. Сажина // Занавешенные картинки: тайные страницы русской классики: [антология] / [сост., подгот. текста и коммент. В.Н. Сажина и М.Н. Золотоносова; автор предисловия «Взгляд за занавеску» (с. 5–10) Валерий Сажин]. Санкт-Петербург: [Изд-во] Амфора: [Торгово-издательский дом «Амфора»], 2006 (СПб.: ОАО «Лениздат»). С. 155–186 (539, [5] с.: [20] ил.; 20,5 × 13 см). (Амфора-антология). В ил. пер. 4000 экз.

Он же. Похождения Пажа: Поэма в двух частях: [с купюрами, без предисловия и примечаний] / А. Шенин // Русский эрос: [классические стихотворения в иллюстрациях: А. Шенин, М. Лонгинов, А. Клубничкин, М. Кузмин, Н. Агнивцев, Д. Хармс] / [сост. М.Л. Вольпе]. М.: [ООО] «Адрес-пресс» [М., ул. Кооперативная, 2, корп. 14], 2003 (Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий»; подп. в печать 20.08.2003). 319, [1] с.: [170] ил. (на с. 29–82: [28] ил.); 17 × 11,5 см. (Фаллософические памятники; [т. 2]). В ил. пер. 10 000 экз. Печатается (без указания источника) по тексту изд.: Занавешенные картинки... СПб.: Амфора, 2001. С. 149–186 со всеми опечатками последнего. Примеры купирования: «х...й», «п...зда», «е...ь», «е...л», «е...», «ж...па», «м...лофья», «з...дница» (и «задница»), «б...лядь», но «секель». В сборник «Русский эрос [: XIX–XX вв.]» включены [170] ил. изображений половых актов иностранных художников (ни одной русской!) из изданий: Erotica Universalis. [Vol. I] / [Verfasser] Gilles Néret [1933–2005]. [Köln]: Benedikt Taschen, cop. 1994 (Printed in Germany). 755, [1] S.: [730] Ill.; 19,5 × 14 × 5 см. В ил. обл.; erotica universalis. Volume II: From Rembrandt to Robert Crumb / [Verfasser] Gilles Néret. Köln; London; Madrid; New York; Paris; Tokyo: Taschen, cop. 2000 (Printed in Italy). 765, [3] S.: [740] Ill.; 19,5 × 14 × 5,5 см. В ил. обл. Удивляет безграмотность в написании имен известных художников (включенных в «Советский энциклопедический словарь»): Оноре Домье назван О. Домьером (с. 4); Густав Климт – Г. Климентом (с. 194, 196), Георг Грос – Дж. Гроцем (с. 20, 22, 258, 264); Франц фон Байрос – М. ван Маелем (с. 128, 152); художник P.-E. Bécat? – М. фон Зиши (правильно: Зичи) (С. 192); ил. самого Михая Зичи (с. 184) отнесена к неизвестному художнику XX в. Составитель М.Л. Вольпе не утруждал себя поисками документов в архивах и библиотеках, а позаимствовал тексты (без ссылки на источники) из двух изданий: Занавешенные картинки... СПб.: Амфора, 2001. 527, [1] с.: ил. и: Под именем Баркова: Эротическая поэзия XVIII – начала XIX века / издание подготовил Н. Сапов. М.: НИЦ «Ладомир», 1994. 395, [5] с. (Русская потаенная литература; [т. 2]). М.Л. Вольпе присвоил результаты работы Н. Сапова по составлению раздела «Эротическая хрестоматия» на основе 17 печатных и рукописных документов, причем полностью воспроизвел контаминированную (т. е. составленную из разных списков)

Н. Саповым версию «Письма к сестре». М.Л. Вольпе считает, что «Эротическая хрестоматия» – это собрание стихотворений, часть из которых впервые опубликована в Лондоне в 1861 г. в сборнике «Русская потаенная литература XIX века» (хотя в эту книгу вошел только один текст – «Вечерняя прогулка», включенный Н. Саповым в «Эротическую хрестоматию»). Не видел М.Л. Вольпе и издания «Занавешенных картинок» М.А. Кузмина, на котором проставлена дата публикации – 1920 г., а не 1918-й, как пишет М.Л. Вольпе.

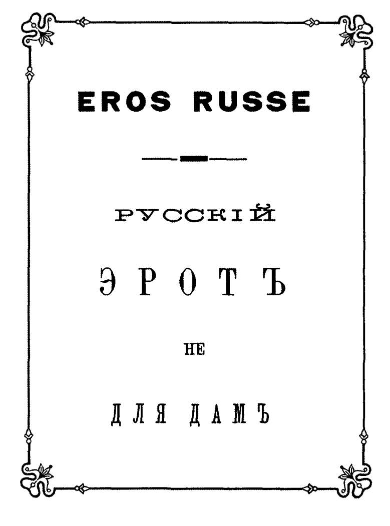
9) Русский эрот не для дам: [М. Лермонтов, А. Шенин, П. Каратыгин, П. Шумахер]: [с купюрами] [сост. М.Л. Вольпе]. М.: [ООО] Альта-Принт [М., Варшавское ш., д. 85, стр. 2)], 2005 (Архангельск: ОАО ИПП «Правда Севера»). 319, [1] с.: [164] ил.; 17 × 11,5 см. (Фаллософические памятники; [т. 16]). В ил. пер. 10 000 экз. Содержание: [Предисловие] К читателю [в конце текста:] 1879 год. С. 3, 5; На с. 7, 9, 11... 163, 165 напечатан текст сборника: EROS RUSSE | – | РУССКІИ | ЭРОТЪ | НЕ | ДЛЯ ДАМЪ. [3-е изд., ухудш., по тексту 2-го изд.]. [Женева: М.К. Элпидин], предисловие 1879 [т. е. 1893? (Женева: Тип. «Общаго Дела»)]. 92, II, 2 с. по экземпляру из Научно-исследовательского отдела редких книг (МК) РГБ (экз. дефектный: нет обложек, утрачена нижняя половина с. 13–14; куплен на аукционе 9.12.1995 г. за 1 700 000 рублей, хотя фонд «Эротики» РГБ уже имел три экз. 3-го издания). 3-е изд. содержит около 140 опечаток, большинство из которых воспроизведено в этой перепечатке. Так, из «Похождения Пажа» Ч. 2, гл. V, 4-я строка из 1-го и 2-го изд.: «Им подвязав годимишéи» здесь дана с ошибкой: «И им подвязав годмишеи»; М.Л. Вольпе сопровождает ее своим примечанием: «Годмише (арх., от *фр.* Godemiche – искусственный фаллос. (Ред.)». В отечественной сексологии этот термин всегда переводился иначе: «Годими́ш». Даже к ошибочному слову «мужеловство» М.Л Вольпе дает примечание: «Так в тексте! (Ред.)» (с. 39). Приведенный М.Л. Вольпе на с. 4 «Титульный лист женевского издания. 1879 г.» не является репринтным воспроизведением тит. листа – это современный набор (для сравнения мы воспроизводим тит. листы всех изданий); на с. 167, 169... 191, 193: Комментарии. 1–10 / М. Л. Вольпе; на с. 195, 197... 301, 303: Дополнения. Из сборника «Между друзьями. Смешные и пикантные шутки [т. е. штуки] домашних поэтов России: [выборочно 21 стихотворение по тексту изд.: Стихи не для дам: Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века / издание подготовили А. Ранчин и Н. Сапов. М.: НИЦ «Ладомир», 1994. С. 154–348]; на с. 305: Разговор / И. Тургенев [Там же. С. 28;] на с. 307: Эпиграмма на смерть Лонгинова / Д. Минаев [Там же. С. 54]; на с. 309: Эпиграмма на Карлгофа / А. Воейков; на с. 311, 313, 315: Послесловие / Михаил Вольпе; на с. 317–319: Содержание. Каждой странице текста соответствуют изображения половых актов иностранных художников, в основном из вышеуказанных двух немецких изданий, никакого отношения не имеющих к «Русскому эроту». Лишь две неэротические ил. Константина Андреевича Сомова (1869–1939) (на с. 242 и 306) да (увеличенная) ил. Льва Самуиловича Бакста (1866–1924) к изд.: *Ремизов, Алексей Михайлович* (1877–1957). Царь Додон. [СПб.], 1921. 32 с.: [3] ил.; 15 × 11 см с пометой:

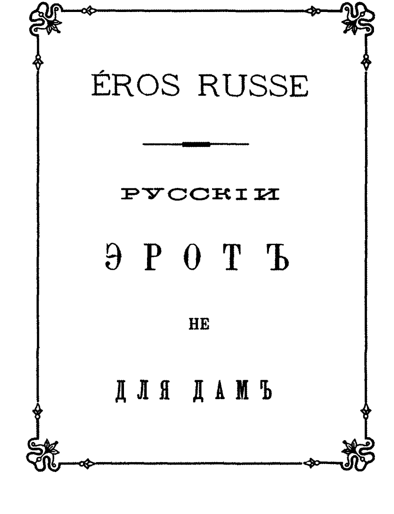
Обложка [1-го] изд.
[Женева: М.К. Элпидин, 1887?]

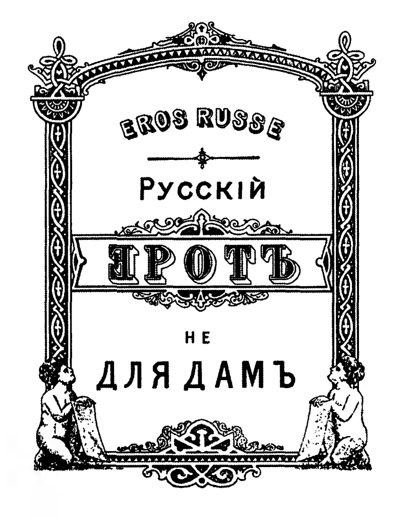
Титульный лист [2-го, доп.] изд.
[Женева: М.К. Элпидин, 1889?]

Обложка [3-го] изд.
[Женева: М.К. Элпидин, 1893?]

Титульный лист [3-го] изд.
[Женева: М.К. Элпидин, 1893?]

Обложка [4-го] изд.
[Женева: М.К. Элпидин, 1896?]

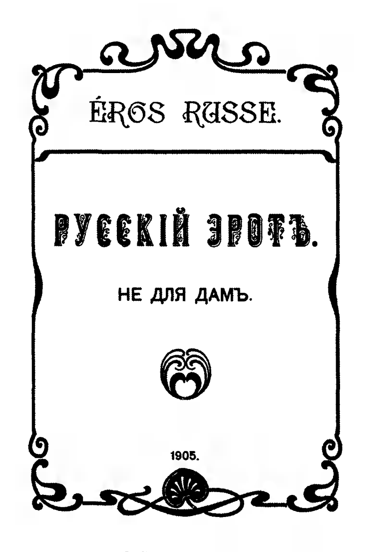
ÉROS RUSSE

РУССКІЙ ЭРОТЪ

НЕ

ДЛЯ ДАМЪ

Титульный лист [4-го] изд.
[Женева: М.К. Элпидин, 1896?]

Обложка изд.
[Варшава: Изд-во «Ренесанс»], 1905

ÉROS RUSSE.

РУССКІЙ ЭРОТЪ

НЕ ДЛЯ ДАМЪ.

Титульный лист изд.
[Варшава: Изд-во «Ренесанс», 1905]

36. Заказ № К-7680.

EROS RUSSE	EROS RUSSE
РУССКИЙ ЭРОТ НЕ ДЛЯ ДАМ	РУССКИЙ ЭРОТ НЕ ДЛЯ ДАМ
(Женева, 1879)	(ЖЕНЕВА, 1879)
Исправленное издание	ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ
SCYTHIAN BOOKS 1988	SCYTHIAN BOOKS
Титульный лист изд. [Oakland (CA)]: Scythian Books, 1988 (Printed in U.S.A.)	Титульный лист изд. [Oakland (CA)]: Scythian Books, cop. 1995 (Printed in U.S.A.)

Неизвестный художник XX в. (с. 206); на с. 244, 248, 308 так же с пометой: Неизвестный художник XX в. – три ил. Николая Ивановича Фешина (1881–1955) к изд.: Лука Мудищев: Героическая поэма / Барков [псевд.]; рисунки художника Фу-чи-фу [псевдоним Н.И. Фешина]. [Пг.]: Издательство «Голландский», [1918–1920?]. 28 с.: [11] ил.; 15 × 10 см. На ил. 1 (с. 5) монограмма: Н.Ф.]

Рыбаков, Федор Игоревич. Границы психическаго здоровья и помешательства.: Речь, читанная в годичном (публичном) заседании Московскаго Общества Невропатологов и Психиатров. / Ф.Е. Рыбаков, Приват-Доцент Московскаго Университета. М.: Типо-литография В. Рихтер, 1905. 47, [1] с.; 22 см.

[*Он же.* О превратных половых ощущениях / [соч.] Ф.Е. Рыбакова // Врач: еженед. медицинская газета, посвященная всем отраслям клинич. медицины, общественной и частной гигиене и всем вопросам врачебного быта / под ред. бывшего проф. В.А. Манассеина. СПб.: К.Л. Риккер, 1898. Т. XIX, № 22, 30 мая 1898. С. 640–643; То же. (Окончание). Т. XIX, № 23, 6 июня 1898. С. 664–667. Текст в 2 стб.; 32 × 22 см;]

Он же. О превратных половых ощущениях / [соч.] Ф.Е. Рыбакова. [СПб.: Тип. Я. Трей, 1898]. 23, [1] с.; 20,5 × 15 (набор 14,3 × 9) см. На с. 23: «Отд. оттиск из “Врача” № 23-го. Дозволено цензурой СПб., 17 июня 1896 г.». Без тит. л. и обл. Описано по загл. над текстом. Оттиск по набору журнала с перекомпоновкой столбцов на страницы. – См. гл. 1 (92); гл. 2 (24, 26, 33).

Рясенцев, Вениамин Абрамович (1874–?). Два случая из практики. 1. Гомосексуализм? / В.А. Рясенцев (Москва) // Судебно-медицинская экспертиза / Народный комиссариат здравоохранения; под ред. гл. суд.-мед. эксперта д-ра Я. Лейбовича. М.: Изд-во Наркомздрава, 1925. Сборник № 2. С. 152–154; 24 см. – См. гл. 2 (41); гл. 5 (74); гл. 8 (68, 69, 71, 72).

С.Н. Монастыри – притоны разврата – при свете советского суда: (Процесс архимандрита Сергия, настоятеля Сретенского монастыря в Москве) / С.Н. [псевд.] // Еженедельник советской юстиции. М., 31 мая 1922 г. № 19–20. С. 19; 31 см. – См. гл. 4 (89); гл. 6 (4).

Сапир, Исай Давидович (30.07.1897–?). Фрейдизм и марксизм: Печатается в качестве материала к критике Фрейда / И.Д. Сапир // Под знаменем марксизма: ежемес. философский и общественно-эконом. журнал. М.: Издание газеты «Правда», 1926. № 11, ноябрь. С. 59–87; 24 см. – См. гл. 6 (79).

Он же. Фрейдизм, социология, психология: (По поводу статьи В. Рейха «Диалектический материализм и психоанализ») / И. Сапир // Под знаменем марксизма: ежемес. философский и общественно-эконом. журнал. М.: Издание газеты «Правда», 1929. № 7–8, июль – авг. С. 207–236; 24 см.

Свядощ, Абрам Моисеевич (1914–). Женская сексопатология / А.М. Свядощ. М.: «Медицина», 1974 (Горький: Тип. изд-ва «Горьковская правда»). 182, [2] с.: 5 ил.; 20 × 13 см. (Библиотека практического врача). Литература: с. 179–181 ([57] назв.). В обл. 100 000 экз. – См. гл. 5 (59); Эпилог (56, 65).

[*Селин, Андриан Александрович.* Новые материалы о гомосексуализме в Новгороде начала XVII в. / А.А. Селин // Мифология и повседневность: гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы научной конференции 19–21 февраля 2001 года / Составители: К.А. Богданов (ИРЛИ РАН), А.А. Панченко (ИРЛИ РАН); Российская Академия наук, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя», 2001 (СПб.: Акад. тип. «Наука» РАН). С. 41–45; 21 × 14,5 см. Примечания (библиогр.): с. 44–45 ([10] назв.). В пер. 1000 экз.]

Семашко, Николай Александрович (1874–1949). Нужна ли «женственность»: (В порядке обсуждения) / Н. Семашко // Молодая гвардия. М., 1924. № 6. С. 205–206; 25 см. – См. гл. 2 (44); гл. 5 (84).

Сербский, Владимир Петрович (1858–1917). Психиатрия: руководство к изучению душевных болезней. / Вл. Сербский, Бывший профессор Московского Университета. 2-е испр. и доп. изд. [М.]: Студенческая Медицинская Издательская Комиссия. Имени Н.И. Пирогова, 1912. [2], 654, XXI, [1], 4 с., [2] л.: 10 ил.; 25 × 18 см. – См. гл. 3 (101).

Он же. Руководство к изучению душевных болезней / Проф. Вл. Сербский. [М.]: Студенческая Медицинская Издательская Комиссия, 1906 (обл. 1907). 2, IV, 3–573, [1] с.; 26 см. – См. гл. 3 (101).

Сердюков, М.Г. – *см.* Розенблюм, Е.Е. [и др.].

Серейский, Марк Яковлевич (1885–1957). Гомосексуализм / М. Серейский // Большая медицинская энциклопедия: [в 36 т.] / гл. ред. Н.А. Семашко. [1-е изд.]. М.: Акционерное о-во «Советская энциклопедия», 1929. Т. 7: Гимнастика–Готштейн. Стб. 668–672. – См. гл. 6 (61–62).

Он же. Гомосексуализм / М. Серейский // Большая советская энциклопедия: [в 65 т.] / под общ. ред. Н.И. Бухарина [и др., всего 16 имен]; гл. ред. О.Ю. Шмидт. [1-е изд.]. М.: Акционерное о-во «Советская энциклопедия», 1930. Т. 17: Гимназия–Горовицы. Стб. 593–596. – См. Введ. 20; гл. 6 (61, 72).

Он же. К психопатологии фетишизма. / М.Я. Серейский. // [Северо-Кавказский государственный медицинский институт. Психоневрологическая клиника.] Труды психоневрологической клиники / Директор проф. М.Я. Серейский; Северо-Кавказский государственный медицинский институт, Директор Мединститута: А.И. Лихачев; Директор клиник: В.А. Макаренко. Новочеркасск, 1934 (Новочеркасск: Отпечатано в тип. изд-ва «Знамя Коммуны»). С. 89–100: [1] ил.; 21 × 14 см.

Скляр, Наум Израилевич (1869–1957). О группировке психопатий / Проф. Н.И. Скляр (Астрахань) // Проблемы неврологии и психиатрии / Центральный психоневрологический институт; [Отв. ред. проф. Т.И. Юдин]. Киев: Гос. мед. изд-во УССР, 1939 (Харьков: Тип. им. Фрунзе). С. 436–445; 25 × 16 см.

Он же. О происхождении и сущности гомосексуализма / [соч.] проф. Н.И. Скляра (Астрахань); из психиатр. клиники Астраханского Медиц. ин-та (дир. – проф. Н.И. Скляр) // Врачебное дело: науч. медицинский журнал. Харьков: «Научная мысль», 1925. Год изд. 8, № 24–26. Стб. 1919–1923; 27 см. – См. гл. 2 (41, 73, 78–79); гл. 4 (27); гл. 5 (74, 76); гл. 6 (38, 75).

[*Он же.* То же: [Доложено в О-ве теоретич. и клинич. медицины при Астраханском мед. ин-те]. Харьков: «Научная мысль», 1925. 11 с. Отд. отт. из № 24–26 журнала «Врачебное дело». Введена новая пагинация.]

Смольянинов, В.М. – *см.* Розенблюм, Е.Е.

Соловцова, Александра Станиславовна (1869–?), *Орлов, Николай Федорович* (1885–?). Гомосексуализм и реакция д-ра Манойлова: предварительное сообщение / Пр.-доц. А.С. Соловцова и Н.Ф. Орлов (Ленинград) // Клиническая медицина: журн., посвященный вопросам науч., обществ. и практ. медицины / под ред. В.В. Иванова, А.В. Мартынова, А.И. Мискинова [и др.]. М.: Главнаука: Госиздат, 1927. Год изд. 8, т. V, № 9 (60), май. С. 541–547; 30 × 22 см. – См. гл. 1 (115); гл. 5 (52, 53, 111).

Сорохтин, Г.Н. – *см.* Ковалев, К.Н.

[*Старицын, Сергей Евгеньевич* (20.03.1896–?). Случай психопатии с расстройством сексуального влечения: Работа выполнена в судебном отделении Пермской психобольницы / С.Е. Старицын // Труды Уральского Научно-исследовательского психоневрологического института (г. Пермь) / Свердловский облздравотдел; Под общей редакцией директора института – проф. Э.М. Залкинд. г. Пермь: [Издание УПНИ], 1935 г. Том II. С. 128–132; 24,5 × 17 см. В пер. 500 экз.;]

[*Он же.* То же. [Отдельный оттиск из изд.:] Труды Уральского научно-исследовательского психоневрологического института (г. Пермь) / Свердловский облздравотдел; Под общей ред. директора института – проф. Э.М. Залкинд. Пермь: Издание УПНИ, 1935. [3], 128–132, [2] с. Вых. сведения напечатаны на с. [1].]

[*Стефановский, Дмитрий Николаевич* (20.09.1860–25.11.1898, Ярославль). Пассивизм.: (Заметки по вопросам сексуальной психопатологии). I–V / Д.Н. Стефановский. // Архив психиатрии, нейрологии и судебной психопатологии, / издаваемый под редакцией П.И. Ковалевскаго, проф. психиатрии и нервных болезней при Харьк. университете; В журнале принимают участие: [на тит. л. – 58 имен]. Харьков: Тип. И.М. Варшавчика, [1892]. Год десятый, 1892, Том XIX – № 1. С. 76–94; То же. (Окончание). VI–XI // Там же. [на тит. л. – 45 имен]. Харьков: Тип. Зильберберга, [1893]. Год одиннадцатый, 1893, Том XXI – № 2. С. 1–23; 21 × 13 см. Даты жизни установлены по изд.: Русский провинциальный некрополь / Вел. князь Николай Михайлович. М., 1914. Т. 1. С. 822;]

[*Он же.* То же. [Отд. оттиск]. [Харьков, 1893]. 41, [1] с.; 21 × 13 см. В РГБ (с автографом автора) и ГЦНМБ оттиски украдены. Введена только новая пагинация. Оттиск без тит. л. и обл. Описан по загл. над текстом.]

Строгович, М.С. – *см.* Карницкий, Д.А. [и др.].

Стучка, П.И. – *см.* Курский, Д.И.

Судебная психиатрия: [учебник для юрид. ин-тов и юрид. фак. ун-тов / проф. А.Н. Бунеев, проф. И.Н. Введенский, Д.Р. Лунц (и др.)]; Центр. науч.-исслед. ин-т судебной психиатрии им. проф. В.П. Сербского. Изд. 3-е (перераб. и доп.). М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1949. 400 с., 2 л. ил.; 20 см. В пер. 25 000 экз.

Судебная психиатрия: [учебник для юрид. вузов / под ред. А.Н. Бунеева (отв. ред.) и др.]. М.: Госюриздат, 1954. 380 с., 8 л. ил.; 22 см. В пер. 25 000 экз.

Судебная психиатрия: учебник для юрид. вузов / Научно-исследовательский институт судебной психиатрии имени проф. В.П. Сербского; под общей редакцией Проф. В.А. Внукова и доц. Ц.М. Фейнберг. М.: ОГИЗ: Гос. изд-во «Сов. законодательство», 1936. 472 с.; 23 × 15 см. 8000 экз. – См. гл. 7 (53).

Судомир, А.К. К казуистике и сущности гомосексуальности / д-р А.К. Судомир (Киев); из нервного отделения Клинического Ин-та (Директор – проф. Б.Н. Маньковский) // Современная психоневрология: ежемес. журн., посвященный вопросам психиатрии, невропатологии, психологии, рефлексологии и пограничных областей / под ред. проф. В.М. Гаккебуша и проф. Б.Н. Маньковского. Киев, [1927]. 3<-й> г. изд., Т. V, 1927 г., № 11 (31), 30 нояб. С. 371–377; 25 см. – См. гл. 2 (82); гл. 4 (27); гл. 5 (72, 111).

Сумбаев, И.С. К психотерапии гомосексуализма / Доц. И.С. Сумбаев (Иркутск) из психиатрической клиники Восточно-Сибирского мединститута (зав. проф. В.И. Аккерман) // Советская психоневрология: орган Народного комиссариата здравоохранения УССР и Украинской психоневрологической Академии / отв. ред. А.И. Ющенко. Киев; Харьков, Медиздат, 1936. Год изд. XII, № 3. С. 59–68; 27 см. – См. гл. 5 (72, 100).

Суханов, Сергей Алексеевич (1867–1915). К казуистике сексуальных извращений. / [соч.] С. Суханова (ассистента Московской психиатрической клиники) // Неврологический вестник: орган Общества невропатологов и психиатров при Имп. Казанском Ун-те / под ред. проф. В.М. Бех-

терева (С.-Петербург) и проф. Н.М. Попова (Казань). Казань: Типо-литография Имп. Ун-та, 1900. Т. VIII, вып. 2. С. 164–168; 23 см.

Талиев, В.И. – *см.* Ковалев, К.Н.

Тарновская, Прасковья Николаевна (1848–1910). Женщины-убийцы: Антропологическое исследование / врача П.Н. Тарновской. СПб.: Т-во худож. печати, 1902. [4], VIII, 512 с., 48 л. ил.; 26 см. – См. гл. 2 (68).

[*Тарновский, Вениамин Михайлович* (1837–1906). Извращение половаго чувства: (Судебно-психиатрический очерк) / [соч.] Профессора В.М. Тарновскаго // Вестник клинической и судебной психиатрии и невропатологии.: повременное издание / под редакцией Проф. И.П. Мержеевскаго. С.-Петербург: Издание Карла Риккера, 1884 (СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича). Год второй, выпуск II. С. 1–108 (I. Психиатрия). Лит. указатель: с. 105–108 ([113] назв.); 22 × 15 см. Загл. – над текстом;]

Он же. Извращение половаго чувства: судебно-психиатрический очерк.: для врачей и юристов. / [соч.] Проф. В.М. Тарновскаго. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, СПб., Вас. Остр., 2<-я> лин., 7, 1885. [4], 108, [2] с.; 22 × 15 см. На об. тит. л.: Дозволено цензурою, СПб. 15-го декабря 1884 г. Отд. оттиск по набору «Вестника...», с тит. листом, листами оглавления и опечаток [7 случаев], введена новая пагинация, колонтитулы и сигнатура сняты. – См. Введ. 44; гл. 1 (10, 13, 18, 25, 34–36, 38, 79); гл. 3 (19, 29–38, 43, 68, 86); гл. 5 (85, 99, 104); гл. 6 (23).

Он же. Половая зрелость, ея течение, отклонения и болезни. / общедоступное изложение В.М. Тарновскаго, проф. имп. Военно-медицинской академии. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886. XVIII, 210, [2] с.; 27,5 × 18,5 см. Из содерж.: Гл. 3: Извращение полового чувства. <...> Педерастия врожденная. С. 63–71; <...> Педерастия приобретенная. С. 72–78.

[*Он же.* То же. 2-е изд., испр. и доп. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. XXIV, 258, [2] с.; 23 × 15 см. Из содерж.: Гл. 3. Извращение полового чувства. С. 71–88.]

[*Тарновский, Ипполит Михайлович* (1833–1899). Извращение полового чувства у женщин.: для врачей и юристов / Д-р Мед. И.М. Тарновский. С.-Петербург: Типография С.Н. Худекова. Владимирский пр., № 12, 1895 // [Петербургское родовспомогательное заведение]. Медицинский отчет С.-Петербургскаго родовспомогательнаго заведения за 1894 год / [ред. И.М. Тарновский]. С.-Петербург: Типография С.Н. Худекова. Владимирский проспект, д. № 12, 1895. [4], 163, [1] с. (паг. 2-я); 22 × 15 см. С отд. тит. л. и пагинацией. Там же, в протоколах заседаний № 3, 4, 5 (с. 4–5, 6–7, 7–8; паг. 4-я), – краткое изложение содержания (164 строки) этой работы, зачитанной И.М. Тарновским;]

Он же. То же. [Отд. оттиск с напечатанными зелеными обложками, текст с. 1 обл. – с того же набора, что и тит. л.]. [4], 163, [1] с. В обл. – См. Введ. 53; гл. 2 (7, 11, 24, 34, 66); гл. 3 (46, 54).

[*Он же.* Извращение полового чувства у женщин.: для врачей и юристов / Д-р Мед. И.М. Тарновский. С.-Петербург: Типография С.Н. Худекова. Владимирский пр., № 12, 1895 // [Петербургское родовспомогательное заведение]. Сборник трудов врачей С.-Петербургскаго родовспо-

могательнаго заведения: [в 5 вып.] / [ред. И.М. Тарновский]. С.-Петербург: Типография С.Н. Худекова. Владимирский пр., № 12, 1896. Выпуск IV. [4], 163, [1] с. (паг. 2-я). С того же набора и с тем же тит. листом, что и в «Медицинском отчете... за 1894 год». Весь вып. IV 1896 г. «Сборника трудов врачей...» – по набору текста «Медицинского отчета... за 1894 год». В нераспроданных экземплярах «Медицинского отчета... за 1894 год» был заменен тит. лист на новый, с указанием 1896 г. изд. Встречающиеся экземпляры «Извращения полового чувства у женщин» И.М. Тарновского без отпечатанной обложки являются вырезками из «Медицинского отчета... за 1894 год» или из «Сборника трудов врачей... 1896. Вып. IV», хотя и с тит. листами, а не отд. оттисками.]

Ткаченко, А.А. – *см.* Антонян, Ю.М. [и др.].

[*Ткаченко, Андрей Анатольевич.* Сексуальные извращения – парафилии / А.А. Ткаченко. М.: [Изд-во «Триада-Х»], 1999. 461, [3] с.: [28] ил., табл.; 21 × 14 см. Литература: с. 445–456 (246 назв., из них 122 на рус. яз.). О «гомосексуализме» – на с. 378–384. В пер. 3000 экз. – См. гл. 3 (8).]

[*Тольц, В.* Красный по «голубому»: Советская власть против гомосексуалистов // http://www/svoboda/org/programs/TD/2002/TD.031002asp.]

Тривус, Ю. – *см.* Карницкий, Д.А.

Уайт, Гарри О. (Whyte, Harry O.). «Может ли гомосексуалист состоять членом коммунистической партии?»: [письмо] / Г. Уайт – И.В. Сталину, май 1934 г. // Источник: Документы русской истории: прил. к рос. историко-публицист. журналу «Родина». М., 1993. № 5–6. С. 185–191 (Юмор из спецхрана); 26 см. Из: «АПРФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 37. Л. 29–45. Копия». На с. 1 документа – резолюция: «В архив. Идиот и дегенерат. *И. Сталин*». – См. гл. 6 (72); гл. 7 (33, 34, 35, 48); гл. 8 (8); Эпилог (91).

Уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик: В двух томах / [сборник составили: Мандельштам Л.И., Кирин В.А., Жалейко Б.А., Калитеевская А.В.; отв. ред. Ф.И. Калиныгчев]. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1963. (Важнейшие законодательные акты Союза ССР и союзных республик). 22 см. В пер. 25 000 экз. Т. I. 656 с.; Т. II. 639, [1] с.

Уголовное законодательство СССР и союзных республик: [основные законодательные акты: по состоянию на 12 февр. 1957 г.]: Сборник / Под ред. проф. С. [т. е. Д.С.] Карева. М.: Госюриздат, 1957. 532 с.; 27 см. В пер. 20 000 экз. – См. гл. 6 (26–28); гл. 7 (24–28); гл. 8 (17); Эпилог (44).

Уголовное уложение 22 марта 1903 г. / Под ред. Н.С. Таганцева, П.Н. Якоби. Рига: Лета, 1922. С. 1064–1067. – См. гл. 4 (79, 81).

[Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: С мотивами, извлеченными из объяснительной записки редакционной комиссии, представления Мин. Юстиции в Государственный Совет и журналов – особаго совещания, особаго присутствия департаментов и общаго собрания Государственнаго Совета. / Издание [комментарий] Н.С. Таганцева. Издание неофициальное. С.-Петербург, 1904 (Гос. тип.). [2], II, 5, [1], 1122, II, [2] с.; 24 см. – См. гл. 3 (14).]

Уголовный кодекс Узбекской Советской Социалистической Республики: По состоянию на 1 ноября 1954 г. Ташкент: Госиздат УзССР, 1954. 119 с.

Успенский, Александр Николаевич (1858–?). К казуистике аномалий полового чувства. / [соч.] Д-ра А.Н. Успенскаго // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии: ежемесячный журнал<,> посвященный неврологии, невропатологии, психиатрии... / под ред. проф. В.М. Бехтерева... С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1898 (Тип.-Лит. Вацлика). Год третий, Декабрь 1898 г., № 12. С. 927–928; 24 × 16 см.

Учеватов, А. Из быта проституции наших дней: (по материалам, собранным студентами I МГУ) // Право и жизнь: журнал, посвященный вопросам права и экономического строительства / под ред. проф. А.М. Винавера, М.Н. Гернета и А.И. Трайнина. М.: Кооперативное издательское т-во «Право и жизнь», 1928. Год изд. 6, кн. 1. С. 50–60; 26 см. – См. гл. 2 (15).

Ушаковский, П.В. [псевд.] Люди средняго пола / П.В. Ушаковский (Псевдонимъ); [предисл.: «От автора» (с. 5–7)]. С.-Петербург: [Изд-во «Тайны Жизни»]: «Пушкинская Скоропечатня», Лештуков пер. 4, 1908. 226, [14] с.; 18 × 12 см. – См. Введ. 53; гл. 1 (50); гл. 2 (91); гл. 4 (1, 10, 15, 16).

Фейнберг, Цецилия Мироновна. Судебно-психиатрическая экспертиза и опыт работы Института судебной психиатрии им. проф. Сербского за XXV лет / Ц.М. Фейнберг; Центральный НИИ судебной психиатрии им. проф. Сербского М-ва здравоохранения СССР. М., 1947 (Тип. Упр. Делами Совета Министров СССР). 99, [1] с.: 4 ил.: 7 диагр.; 22 × 15 см. На с. 73–99: Науч. работы Центр. НИИ суд. психиатрии им. проф. Сербского. – См. гл. 6 (78, 81).

Ферреро, Г. – *см.* Ломброзо, Ч.

[*Фетчер, Райнер* (Fetscher, Rainer; 1895–?). Половой инстинкт: введение в биологию половой жизни и брака / Р. Фетчер, профессор гигиены Дрезденского политехнического института; с предисловием автора к русскому изданию; перевод [с нем.] под редакцией и с дополнениями проф. Л.Г. Оршанского. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. 200 с.: 23 ил.; 20 × 13 см. 5000 экз. Из содерж.: Гомосексуализм. С. 144–152. Перевод изд.: *Fetscher, Rainer* (1895–?). Der Geschlechtstrieb: Einführung in die Sexualbiologie / unter besonderer Berücksichtigung der Ehe / von Dr. med. Rainer Fetscher... München: E. Reinhardt, 1928. 156 S.: Ill.]

[[*Фоконней, Жан* (Fauconney, Jean; 1861–?)]. Дно Парижа. / А. Коффиньон [псевд.]. М.: Издание торгового дома[:] Е. Коновалова и К°: Типо-Литография Торгового дома[:] Е. Коновалова и К°, 1908. 62, [2] с.; 23 × 15 см.; *Он же.* То же. Изд. 2-е. 1909. Перевод изд.: *Fauconney, Jean.* La prostitution: la débauche à Paris, les maisons de tolérance, la prostitution clandestine, règlements de police, caractère des prostituées / [par] docteur Caufeynon [pseud.]. Paris: Offenstadt, 1902. 115 p. (Bibliothèque populaire des connaissances médicales: [en 20 t. / par le Dr Caufeynon; t. 16]).]

[*Он же*]. Извращенный мир: [пер. с фр.] / А. Коффиньон [псевд.]. М.: Издание торгового дома[:] Е. Коновалова и К°: Типо-литография Торгового дома[:] Е. Коновалова и К°, 1908 [т. е. дек. 1907]. 64 с.; 22 × 14 см. В обл. Из содержания: Содомия. С. 28–30; Гл. IV: Сафизм. С. 31–40; Гл. V: Педерастия. С. 41–59; Гл. VI: Причины и последствия педерас-

тии. С. 60–64. Вышла в дек. 1907 года (см.: Кн. лет. 1907. № 22 (8 дек.). № 8218. 6000 экз.). Сразу же изъята из продажи (см.: Там же. С. 25) и затем запрещена (см.: Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест на которыя утвержден судебными установлениями по 1-е января 1909 года / [печатано по распоряжению Гл. упр. по делам печати]. [СПб.]: Тип. М-ва вн. дел., 1909. С. 31). До 1991 года экземпляр РГБ находился на спец. хранении. Перевод изд.: *Fauconney, Jean.* La pédérastie: historique, causes, la prostitution pédéraste, moeurs des pédérastes, observations médicolégales / par docteur Caufeynon [pseud.]. Paris: Nouvelle librairie médicale, [1902]. 108 p. (Bibliothèque populaire des connaissances médicales: [en 20 t. / par le Dr Caufeynon; t. 5]). – См. гл. 2 (4); гл. 4 (21, 22).

[[*Он же*]. Эротическое помешательство: Эротомания. – Сатиризм. – Нимфомания. – Приапизм. – Фетишизм / Д-р Жафф-Кофейнон [псевд.]; [пер. с. 26-го фр. изд.]. С.-Петербург: Издание журнала «Тайны жизни», [авг. 1907] (СПб.: «Пушкинская Скоропечатня»). [2], VIII, 3–154, [14] с.; 18 × 12 см. Дата изд. установлена по: Кн. лет. 1907. № 6 (18 авг.). С. 4 (№ 1412). Тир. 10 000 экз. Изъята из продажи (Там же. С. 21), но 26 сент. арест снят Судебной Палатой (см.: Правительственный вестник. СПб., 1907. № 211); *Он же.* То же. Изд. 2-е. Пер. с 26-го фр. изд. СПб.: Тип. 1-ой Спб. труд. артели, 1910. VIII, 154 с.; 18 см. (см.: Кн. лет. 1910. № 11 (20 марта). № 6521. Тир. 3000 экз.); *Он же.* То же. СПб.: [Изд. Д.А. Наумова]: Тип. В.Я. Мильштейна, [1913]. 108 с.; 18 см. (см.: Кн. лет. 1913. № 25 (29 июня). № 15591); *Он же.* То же. [Изд. 3-е. Пер. с 27 фр. изд.]. Петроград: Издание книгопродавца Н.И. Холмушина, 1915 (Паровая тип. Л.В. Гутмана). 96 с.; 21 × 13,5 см. (см.: Кн. лет. 1915. № 4 (24 янв.). № 2052. Тир. 10 000 экз.). Перевод изд.: *Fauconney, Jean.* La folie érotique: érotomanie, satyriasis, nymphomanie, priapisme / par docteur Caufeynon [pseud.]. Paris: Offenstadt, [1905]. 106 p. (Bibliothèque populaire des conhaissances médicales: [en 20 t. / par le Dr Caufeynon; t. 15]).]

[*Форель, Огюст* (*Аугусте*) *Анри* (Forel, Auguste Henri; 1848–1931). Половой вопрос: Естественно-научное, психологическое, гигиеническое и социологическое исследование для образованных / [соч.] Августа Фореля, доктора медицины, философии и юридических наук, бывшего профессора психиатрии и директора больницы для душевнобольных в Цюрихе; Портрет автора; Перевод с [IV-го 1905 г.] немецкаго издания М.А. Энгельгардта; Редакция и предисловие [с. V–IX] доктора медицины В.А. Поссе. Приложения: М.А. Энгельгардт. «К истории семьи и брака» [с. 197–216]; В.А. Поссе «Половой вопрос в произведениях: Л.Н. Толстого и Леонида Андреева» [с. 631–656]. С.-Петербург: [Книгоизд-во «Освобождение»]: Тип. «Освобождение», 6-я Рождественская, 22, 1907. XVI, 662, [2] с., 1 л. портр., [6] л.: 23 фиг. Предм. указ.: с. 657–659. Данное издание было отпечатано как один том с одним тит. листом (без указания на первый и второй тома) и единой пагинацией. Для части тиража отпечатаны две обложки с указанием на них соответственно «Том I» и «Том II». На обложках – текст: Проф. Авг. Форель. Половой вопрос. Естественно-научное, социологическое, гигиеническое и психологическое исследование. С портретом автора и рисунками в красках. Перевод с VI-го

[т. е. с IV-го 1905 г.] немецкаго издания... Тома в обложках: [Т. I]. XVI, 320 с., 1 л. портр., [6] л.: 23 фиг.; [Т. 2]. 321–662, [2] с. Предм. указ.: с. 657–659. Перевод изд.: *Forel, Auguste Henri* (1848–1931). Die sexuelle Frage: Eine naturwissen-schaftliche, psychologische, hygienische und soziologische Studie für Gebildete / von August Forel... 4. und 5. verb. und verm. Aufl. (16–25. Tausend). München: E. Reinhardt, 1906. XII, 623 S.; *Idem.* 6. und 7. Aufl. 1907. XII, 627 S.; *Idem.* 8. und 9. Aufl. 1909. 628 S.]

[*Он же.* Половой вопрос: естественно-научное, социологическое, гигиеническое и психологическое изследование: С портретом автора и рисунками в красках.: [в 2 т.] / Проф. Август Форель.; Перевод с последняго [6–7-го 1906 г.] немецкаго издания Р.М. Маркович.; Предисловие [с. III–XVIII – 1908 г.] Акад. Вл. Мих. Бехтерева., Профессора Императорской Военно-Медицинской Академии., Директор Клиники душевных и нервных больных. Второе русское издание. С.-Петербург: Книгоиздательство «Освобождение», Невский, 90, [1909] (Типография т-ва «Общественная Польза», Большая Подьяческая, 39). 23 × 16 см. Том первый. XXII, 301, [3] с., [1] л. портр., [6] л.: 23 фиг. (в т. ч. цв. ил. 1–17: Хромолитография О.С. Юдко, Екатерин. кан., 68); Том второй. [2], 303–601, [3] с.]

[*Он же.* Половой Вопрос: Естественно-научное, психологическое, гигиеническое и социологическое изследование.: С портретом автора и рисунками в красках. [: в 2 т.] / Проф. Август Форель.; Перевод с последняго [8-го, 1908 г.] немецкаго издания Н.Б. Борисова.; с предисловием [с. 3–9] Валент. Ник. Сперанскаго, профессора Психоневрологического Института и Высших женских курсов, Приват-доцента С.-Петербургскаго Университета. С.-Петербург: «Русская Скоропечатня», Екатерин. кан., 94, 1910. 25 × 16 см. Том первый. 287, [1] с., 1 л. портр.; Том второй. [2], 289–560 с., [4] л.: 23 фиг.;

Он же. То же. С.-Петербург: Книгоиздательство «Сотрудник», Литейный просп., 55: [СПб.: «Русская Скоропечатня»], [предисл. 1910]. 25 × 16 см. В обл. Т. 1. 270, [2] с., 1 л. портр.; Т. 2. [2], 275–526, [2] с., [4] л.: 23 фиг. Предм. указ.: с. 555–558. Из содерж.: Гл. VIII: Половая патология, III: Половая психопатология, 7: Извращения полового стремления или парэстезия полового ощущения (Б.: Половая склонность к лицам равного пола (гомосексуальная любовь и извращенное половое чувство). С. 254–262 (а. Мужская гомосексуальная любовь. С. 254–261; б. Женский уранизм или женская гомосексуальная любовь. С. 261–262); В: Половое влечение к незрелым детям. (Педерозис или педофилия). С. 262–263; Г: Половое влечение к животным (содомия или скотоложество). С. 263–264); 11: Половыя извращения, благодаря приучению. С. 280–284.]

[*Он же.* Половой Вопрос.: [в 2 т.] / Проф. А. Форель.; перевод с немецкаго [5-го, 1905 г.]; Русское издание снабжено множеством рисунков в тексте, отдельных картин, таблиц и хромолитографий. С.-Петербург: Издательство «Вестник знания» (В. Битнера), [1912]. 25 см. (Научная библиотека: собрание капитальных сочинений из всех областей знания / редактор-издатель В.В. Битнер, С.-Петербург. Отдел этический: Проф. А. Форель. Половой Вопрос; т. 1, 2). Том первый. [4], 234, [2] с.: [158] ил.,

[13] л.: [23] цв. ил.; Том второй. [4], 241–426, [2] с.: [61] ил., [13] л.: [12] цв. ил. Из содерж.: Гл. VIII: Половая патология... 7: Извращения полового влечения... Гомосексуальная любовь... С. 179–188.]

[*Он же.* Половой вопрос: естественно-научное, социологическое, гигиеническое и психологическое изследование.: С портретом автора и рисунками.: [в 2 т.] / Проф. Август Форель.; Перевод с последняго [6–7-го 1906 г.] немецкаго издания Р.М. Маркович. Четвертое русское исправленное и допольное [т. е. дополненное] издание. С.-Петербург: Паровая типография Л.В. Гутмана, Калашниковский пр., 13, 1913 г. 23 × 16 см. [Том первый]. [8], 301, [3] с., [1] л. портр., [4] л.: [18]–23 фиг. (цв. ил. 1–17 не включены); [Т. 2]. [2], 303–558, 589–631 [= 601], [3] с. Опечатка в паг.: 589–631, надо: 559–601. Для обоих томов был отпечатан только один тит. л. без деления на т. 1 и 2. В т. 1 – шмуцтитул: Половой вопрос. Том первый. К т. 2 приклеивался тит. л., такой же, как для т. 1. Текст – по набору 2-го изд. Предисл. В.М. Бехтерева не включено.]

Франетта, С. – *см.* Могутин, Я.Ю.

Френкель, Елена Петровна. Половые преступления / Е.П. Френкель, преподав. Высшей школы. 2-ое исп. издание: с рисунками. [Одесса]: Книгоизд-во «Светоч», 1927 (Одесса: Тип. «Известия» им. тов. Зиновьева). 31, [1] с.: ил., портр.; 17 × 12,5 см. (Половой вопрос в общедоступных очерках. Вторая серия / под общей ред. д-ра С.И. Малова; № 5). – См. гл. 4 (114, 117, 118); гл. 5 (10, 11, 13); гл. 6 (30).

[*Фуко, Мишель* (Foucault, Michel; 1926–1984). Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: [работы разных лет] / Мишель Фуко; [сост., пер. с фр., коммент. (с. 329–395) и послесловие (с. 396–443) С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузырея]. М.: Магистериум: Касталь, 1996. 446, [2] с.: портр., факс. (на обл. и с. 2); 20 × 12 × 3,5 см. Библиогр.: с. 444–[447]. Из содержания: История сексуальности. Том первый: Воля к знанию. С. 97–268; История сексуальности. Том второй: Использование удовольствий. Введение. С. 269–306. В обл. 10 000 экз. (1 завод – 5000 экз.). Перевод изд.: *Foucault, Michel* (1926–1984). Histoire de la sexualité. T. I: La Volonté de savoir. Paris: Gallimard, 1976. [и др. соч.].]

[*Он же.* История сексуальности. Т. 2: Использование удовольствий / Мишель Фуко; [Перевод [с фр.] В. Каплуна]. [Санкт-Петербург]: Академический проект, 2004 (СПб.: Тип. ООО «ИПК "Бионт"»). 430, [2] с.; 16,5 × 11,5 см. В пер. Перевод изд.: *Foucault, M.* Histoire de la sexualité. T. II: L'Usage des plaisirs. Paris: Gallimard, 1984.]

[*Он же.* История сексуальности – III: Забота о себе / Мишель Фуко; [пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы под общей ред. А.Б. Мокроусова]. Киев: Дух и литера: Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 282, [6] с.; 21 см. (Astrum sapientiae). На обл.: Мишель Фуко. Забота о себе. Парал. тит. л. фр. Перевод изд.: *Foucault, M.* Histoire de la sexualité. T. III: Le Souci de soi. Paris: Gallimard, 1984.]

[*Он же.* О трансгрессии / Мишель Фуко // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века: тексты Ж. Батая, Р. Барта, М. Бланшо, А. Бретона, Ж. Деррида, П. Клоссовски, А. Кожева, Ю. Кристевой, Г. Марселя, Ж.-П. Сартра, М. Фуко, Ж.-М. Хеймоне,

Д. Холье / [составление, перевод, комментарии С.Л. Фокина]; Экспериментальная студия книжного искусства «Чистое поле». Санкт-Петербург: [ТОО] Мифрил, 1994. С. 111–131, 325–326 (VI, 344, [2] с.: портр.; 21,5 × 14,5 см. В пер. 7100 экз.). Перевод изд.: *Foucault, M.* Préface à la transgression // Critique. Paris, 1963. № 195–196. P. 751–769.]

Фукс, И.Б. Гомосексуализм как преступление: Юридич<еский> и угол<овно>-политич<еский> очерк. / И.Б. Фукс. С.-Петербург: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1914. 94, [2] с.; 25 × 16,5 см. В обл. – См. Введ. 53; гл. 1 (47, 83); гл. 3 (77, 78, 80, 84, 101); гл. 4 (46).

[*Фюрбрингер, Пауль* (Fürbringer, Paul W.; 1849–1930). Разстройства половых функций у мужчин. / Проф. Fürbringer.; Перевод с немецкаго под редакцией Проф. А.И. Поспелова и д-ра Л.А. Говсеева. М.: Издание А.А. Карцева: Типография М.Г. Волчанинова, 1896. 176 с.: 9 ил.; 23 ×15 см. Из содерж.: Гомосексуальное половое чувство. С. 119–122, 125–126, 135–136. Перевод изд.: *Fürbringer, Paul W.* (1849–1930). Die Störungen der Geschlechtsfunctionen des Mannes. Wien: Hölder, 1895. 192 S.: Ill

Халецкий, Абрам Миронович. К проблеме психопатий: В порядке обсуждения / Проф. А.М. Халецкий из Центрального Института судебной психиатрии имени проф. В.П. Сербского (дир. – проф. А.П. Бунеев) // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова / Министерство здравоохранения Союза ССР; редакция: А.В. Снежневский (редактор) [и др., всего 17 имен]. М.: Гос. изд-во мед. литературы Медгиз, 1952. Том LII, № 12, декабрь. С. 61–66.

Хей, Р. – *см.* Мюллер-Хесс, В.

[*Хили, Дан* (Healey, Daniel). Исчезновение русской «тетки», или Как родилась советская гомофобия / Дэн Хили; пер. с англ. Елены [Викторовны] Барабан (Ванкувер, Канада) // О муже(N)ственности: сб. статей / сост. С<ергей> Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 414–431; 21,5 × 14 см. (Библиотека журнала. Неприкосновенный запас).]

[*Хиршфельд, Магнус* (Hirschfeld, Magnus; 1868–1935). Естественные законы любви.: Общепонятное изследование о восприятии любви, напряжении любви и выражении любви.: [пер. с нем.] / Д-р Магнус Гиршфельд. С.-Петербург: Издание д-ра мед. Г.М. Итина, 1913 (Тип. Монтвида). 220 с.; 23 × 15,5 см. Перевод изд.: *Hirschfeld, Magnus.* Naturgesetze der Liebe: Eine gemeinverständliche Untersuchund über den Liebes-Eindruck, Liebes-Drang und Liebes-Ausdruck... Berlin: A. Pulvermacher & Co., 1912. 281 S.]

[*Он же.* Сексуальныя катастрофы / Мед. сов. Д-р Магнус Гиршфельд; Составлено при содействии советника государственного суда д-ра О. Гольдмана; Предисловие [с. 3–5] д-ра [Л.] Леви-Ленца; Перевод с немецкаго. Рига (Мариинская ул., № 6): Книгоиздательство «Общедоступная библиотека», [1932?] (Рига: Тип. «Vārds»). 141, [3] с.; 25 × 17 см. Из содерж.: Ч. 1. Рожденные виновными / Д-р Магнус Гиршфельд. С. 6–8; Гл. I. Трансвестит. С. 8–16; Гл. II. Документы мужского и женскаго гомосексуалистов [на с. 1 обл.: гомосексуализма]. С. 17–35 (1. Биография женщины-гомосексуалистки. С. 18–27; 2. Прощальное письмо самоубийцы. С. 27–35). Перевод изд.: *Lenz, Ludwig Levy* (1889–?), Hrsg. Sexualkata-

strophen: Bilder aus dem modernen Geschlechts-und Eheleben / von... Dr. Maghus Hirschfeld..., Dr. Leo Klauber..., Gotthold Lehnerdt...; Dr. Ludwig Levy-Lenz..., Dr. Johannes Werthauer; unter Mitwirkung von... Dr. Otto Goldmann; hrsg. von Dr. Ludwig Levy-Lenz. Leipzig: A.H. Payne, 1926. XI, 398 S.]

Он же. Третий пол Берлина.: (Документы большого столичнаго города). / Проф. Магнус Гиршфельд.; с немецкаго. Перевод [, предисл. пер. (с. 3–7)] и редакция проф. В.Н. Пирогова. С.-Петербург: [Склад издания: Книгоизд-во «Взаимная Польза»]: СПб. Коммерч<еская> типо-литография Виленчик, Фонтанка, 54, 1908 (обл. 1909). 135, [1] с.; 22 × 15 см. На с. 129–135: Указатели (прозвищ и жаргонных слов). 4300 экз. Перевод изд.: *Hirschfeld, Magnus.* Berlins Drittes Geschlecht / Von Dr. Magnus Hirschfeld. 5. Aufl. Berlin & Leipzig: H. Seemann Nachf., [1905]. 77 S. (Großstadt-Dokumente; Bd. 3). – См. гл. 4 (17).

[*Ховен, Николай Николаевич, фон-дер.* О половых извращениях на Востоке. / [соч.] Д-ра Барона Н.Н. фон-дер Ховена. // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии.: ежемесячный журнал, посвященный неврологии, невропатологии, психиатрии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии, / под редакцией Академика В.М. Бехтерева, Директора клиники душевных и нервных болезней в С.-Петербурге. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1900. [Год 5], 1900 г., № 6, июнь. С. 422–426; 24 × 15 см.]

Холзакова, Н.Г. – *см.* Краснушкин, Е.К.

Цеткин, Клара (Zetkin, Clara; 1857–1933). О Ленине: воспоминания и встречи / Клара Цеткин; перевод с рукописи Шуль под редакцией С. Шевердина. [М.]: Московский рабочий, 1925. 72 с.: портр.; 24 см. Содерж.: [Шмуцтитул:] Воспоминания о Ленине. С. 5; I. Из записной книжки (янв. 1925 г.). С. 7–32; II. Воспоминания о Ленине (янв. 1924 г.). С. 33–66; Примечания. С. 67–68. – См. гл. 4 (64, 66, 69, 70).

Она же. Из записной книжки / Клара Цеткин (янв. 1925 г.) // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: в пяти томах / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Изд-во полит. лит., 1970. Т. 5: Воспоминания зарубежных современников. С. 37–58; 22 см. – См. гл. 4 (64, 66, 69, 70).

Чайковский, Петр Ильич (1840–1893). Дневники П.И. Чайковского, [1873–1891] / подготовлены к печати Ип.И. Чайковским; предисл. С. Чемоданова; примеч. Н.Т. Жегина. М.; Пг.: Гос. изд-во, Музыкальный сектор, 1923. XII, 294 с.; *Он же.* То же. [Репр. воспр.]. СПб.: ЭГО: Северный Олень, [1993]. XII, 294 с.; 23 см. – См. гл. 1 (95).

Чалидзе, Валерий Николаевич. Уголовная Россия / Валерий Чалидзе. Нью-Йорк: Изд-во Хроника, 1977. 395 с.; 20 × 13 см. [См. репринтное воспроизведение: *Чалидзе, В.М.* Уголовная Россия / Валерий Чалидзе. [Репр. воспр. изд. 1977 г.]. М.: «ТЕРРА»–«TERRA», 1990. 395, [5] с. В пер. 100 000 экз.]

Частная сексопатология: (Руководство для врачей): В двух томах / Под редакцией профессора Г.С. Васильченко. М.: Медицина, 1983.

22 × 14,5 см. Т I. 300, [4] с.: 62 ил.: 7 табл.; Т. 2. 350, [2] с.: 63–82 ил.: 8–17 табл. Список литературы: с. 312–334 (544 назв.). В пер. 50 000 экз. О гомосексуализме см. предметный указатель. – См. гл. 6 (41); Эпилог (83, 84).

[Человек и пол: гомосексуализм и пути его преодоления: [сборник 22 статей 16 авторов] / [пер. с англ. Н.А. Кирилленко; [предисл.]: Ельников, Сергей. Православное учение о человеке и гомосексуализм (с. 3–16); введение: Вонхольдт, Кристоль Р. (с. 17–21)]. Санкт-Петербург: [Христианское изд-во] Кайрос: Совместно с «Das Deutsche Institut für Jugend und Gesellschaft»: [Издатели: Кристль Р. Вонхольдт, Сергей Ельников], 1998 (СПб.: Тип. «Наука» РАН). 269, [3] с.; 23,5 × 16,5 см. Библиография – в конце статей. В обл. 2000 экз.]

Челышев, М.И. Доклад УКК о практике по делам о половых преступлениях за вторую половину 1926 года: Утвержден в заседании Президиума Верхсуда РСФСР от 1 марта 1927 года [с. 7–8] / Председатель УКК Верхсуда РСФСР Челышев // Судебная практика РСФСР / Издание Верховного суда РСФСР. [М.]: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, [1927]. Год изд. 1, № 6, 31 марта 1927 г. С. 4–7; 30 см. – См. гл. 7 (58).

Черлюнчакевич, Николай Александрович (1876–1938). Доклад тов. Черлюнчакевича об Уголовном Кодексе: [на IV Всероссийском С'езде Деятелей Советской Юстиции на утреннем заседании 27 января] // Еженедельник Советской Юстиции. М.: Народный Комиссариат Юстиции, 29 января 1922. № 5. С. 9; 30 см.

[*Чиж, Владимир Федорович* (1855–1914). К учению об «извращении полового чувства» (Die conträre Sexualemfindung).: Сообщено Обществу Петербургских Морских врачей в заседании 1-го февраля 1882 года. / [соч.] Младшаго ординатора Кронштадтскаго Морскаго госпиталя В.Ф. Чижа. // Медицинския прибавления к Морскому Сборнику.: ежемесячный журнал, издаваемый Управлением Флота Генерал-Штаб-Доктора. Санктпетербург: Типография Морскаго Министерства в Главном Адмиралтействе, 1882. Июль, 1882 г. С. 28–44. ([2], II, 2, 73, [1] с.; 23 × 15 см). В РГБ – 4 экз.: VII 40/5; G 78/8; G 78/8a; Δ 90/1;]

Он же. То же. Отд. оттиск. [СПб., 1882]. 17, [1] с. Введена новая пагинация. В сигнатуре на с. 1, внизу: М.П. <Медицинския Прибавления>. – См. гл. 2 (6, 24, 27).

[*Он же.* Лекции по судебной психопатологии / [соч.] Владимира Чиж. С.-Петербург: Издание Г.Ф. Пантелеева: Тип. брат. Пантелеевых, 1890. [4], 336, [2] с.; 23 × 15. На с. 75, в сноске 2: «В моей работе “К учению об извращении полового чувства” (Медицинския прибавления к Морскому Сборнику, 1882 г.), первом исследовании об этом предмете, опубликованном у нас, приведена литература и подробно разработана патология этого болезненного состояния...».]

Чирков, Петр Матвеевич. Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.) М.: Изд-во «Мысль», 1978. 254, [2] с.; 20 × 13 см. В обл. 20 000 экз. – См. Введ. 9.

Членов, Михаил Александрович (1871–?). Половая перепись Московскаго студенчества и ея общественное значение. / М.А. Членов, Приват-

Доцент Московскаго Императорскаго Университета. М.: Издание студенческой медицинской издательской комиссии, 1909 (М.: Т-во скоропеч. А.Л. Левенсон). 104 с.; 24 × 16 см.

[*Чуйкина, Софья Александровна.* «Быт неотделим от политики»: официальные и неофициальные нормы «половой» морали в советском обществе 1930–1980-х годов / Софья Чуйкина // В поисках сексуальности: [сб. статей] / Под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной... Санкт-Петербург: [Изд-во «Дмитрий Буланин»], 2002. С. 99–127; 20,5 × 15 см. (Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета политических наук и социологии; вып. 3). В пер. 800 экз.]

[*Шалабутов, Константин Васильевич* (4.10.1881–?). К казуистике гомосексуальности.: (Случай effeminatio). / [соч.] В.К. [т. е. К.В.] Шалабутова. Из клиники душевн. и нервн. бол. Акад. В.М. Бехтерева. // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии.: ежемесячный журнал, посвященный неврологии, невропатологии, психиатрии, электротерапии, хирургии нервной системы, гипнотизму, психологии и уголовной антропологии. / Секретари редакции: д-р В.Я. Анфимов, прив.-доц. С.Д. Владычко и прив.-доц. П.А. Останков. С.-Петербург: Издание К.Л. Риккера, 1913. [Год 18], Август–Декабрь, № 8, 9, 10, 11, 12, 1913 г. С. 496–500: [2] ил.; 24 × 15,5 см. Литература: с. 500 (5 назв.).]

[*Шауэнштейн, Адольф* (Schauenstein, Adolf; 1827–1891). Руководство к изучению судебной медицины: для врачей и юристов, с указаниями на законодательства: Австрии, Пруссии, мелких Германских государств, Франции и Англии / А. Шауэнштейна, доцента при Венском университете.; перевод с немецкаго с примечаниями и сравнительными указаниями на русское законодательство И. Чацкина. М.: Издание А. Унковскаго: В типографии Грачева и комп., 1865. XVI, XLVI, 483, [4] с.; 23 × 15 см. На с. 49–55: Противуестественные способы удовлетворения похоти (I. Мужеложство. С. 49–54; II. Tribadia. С. 54; III. Скотоложство. С. 54–55). На с. XXIII–XXVI: Русская судебно-медицинская литература; То же. Изд. 2-е, пересмотр. и значит. доп. переводчиком. М.: Унив. тип. (Катков и К°), 1870. XX, 683 с. Перевод изд.: *Schauenstein, Adolf* (1827–1891). Lehrbuch der gerichtlichen Medizin: Mit besonderer Berücksichtigung der Gesetzgebung österreichs und deren Vergleichung mit den Gesetzgebungen Deutschlands, Frankreichs und Englands: Für Ärzte und Juristen / Von Dr Adolf Schauenstein... Wien: W. Braumüller, 1862. XI, [1], 512 S.; *Idem.* Ibid... Frankreichs, Englands, Italiens, und Russlands: Für Ärzte und Juristen. 2. umgearb. Aufl. Wien, 1875. XXI, 632 S.]

Шварц, Александр Львович (*Соломон Иудович*; 1872–?). К вопросу о признаках привычной пассивной педерастии: (из наблюдений в азиатской части г. Ташкента) / А. Шварца // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, издаваемый при Упр. Гл. Врачебного инспектора МВД. СПб.: Тип. М-ва вн. дел., 1906. 42-ой г. изд., июнь, 1906. С. 816–818; 24 см. – См. Введ. 44; гл. 3 (86, 95); гл. 6 (23); Эпилог (52).

Швеков, Георгий Васильевич. Первый советский уголовный кодекс: Допущено Министерством высшего и среднего спец. образования СССР в качестве учебного пособия для студентов юрид. ин-тов и фа-

культетов / Г.В. Швеков. М.: Изд-во «Высшая школа», 1970. 206, [2] с.; 20 см. В пер. 16 000 экз. – См. гл. 4 (76, 83, 84, 93, 103, 104, 106).

Шейнман, Михаил Маркович. Религиозность и преступность / М. Шейнман; Союз безбожников СССР. [М.]: Акц. издательское о-во «Безбожник», 1927. 101, [3] с.; 24 см. В РГБ находилось в спецхране. – См. гл. 4 (89); гл. 6 (2, 4).

Шенин, А.Ф. – *см.* Русский эрот не для дам.

Шенталинский, Виталий Александрович. Рабы свободы в литературных архивах КГБ: Бабель, Булгаков, Флоренский, Пильняк, Мандельштам, Клюев, Платонов, Горький / Виталий Шенталинский. [М.: Изд-во] «Парус», [1995]. 389, [3] с.: факс., [8] л.: [35] ил.; 22 × 14,5 см. В пер. 50 000 экз. – См. гл. 7 (46, 38).

Шерешевский, Август Моисеевич. Некоторые вопросы истории психиатрической экспертизы в России: (По материалам Медицинского Совета): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. мед. наук / А.М. Шерешевский; Военно-медицинская ордена Ленина Академия им. С.М. Кирова. Л., 1966. 17, [1] с.; 19,5 × 14 см.

Шкаровский, М.В. – *см.* Лебина, Н.Б.

[*Шниткинд, Евсей Рувимович* (1863–?). Из области психо-сексуальной патологии: [изложение] доклада Е.Р. Шниткинд / В.К. [псевд.] // Медицинская неделя / Редактор-Издатель Д.Г. Архангельский. М.: Тип. Русскаго Товарищества, [1914]. № 9, Воскресенье 9 марта 1914 г. С. 5–6 (Физико-Медицинское Общество, заседание 6 марта, 2-й доклад); 25 × 17 см.]

Шостакович, Б.В. – *см.* Антонян, Ю.М. [и др.].

[*Штесс, Альфред Петрович.* Случай женского гомосексуализма при наличии situs viscerum inversus, его психоанализ и гипнотерапия: Статья представляет собою доклад, прочитанный в О-ве невропатологов и психиатров при Сарат. Ун-те 8 февраля 1925 г. (Председатель О-ва проф. Н.Е. Осокин) / Д-р А.П. Штесс. Из Саратовского Кабинета Криминальной Антропологии и Судебно-Психиатрической Экспертизы: Первоначально Кабинет функционировал в составе обоих означенных Отделений при Губ. Инспекции Мест Заключения от V–1992 по IX–1924 под руководством заведывавшего К-том д-ра А.П. Штесс. // Саратовский вестник здравоохранения: орган Саратовского губ. отдела здравоохранения. Саратов, 1925. Год изд. VI, № 3–4. Стб. 9–13: 3 ил.; 34 × 25 см.;]

Он же. То же. Саратов: Сарполиграфпром, типо-лит. № 9, 1925. 19, [1] с.: 3 фот. сним<ка> (на с. 15, 17, 19); 23,5 × 16,5 (набор 17 × 10) см. На с. 1 обл.: «Отд. отт. из журн. “Сарат. вестник здравоохранения” за 1925 г. № 3–4». Переверстка столбцов в страницы. Без тит. л. Описано по обложке. – См. гл. 2 (26, 32, 41, 69–72); гл. 5 (72, 74, 101, 102); ил. 10–12.

Шумихин, Сергей Викторович. Дневник Михаила Кузмина: архивная предыстория / сообщение С.В. Шумихина // Михаил Кузмин и русская культура XX века: тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Совет по истории мировой культуры АН СССР; Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме; [сост. и редакция Г.А. Морева]. Л., 1990. С. 139–145. – См. Введ. 12 (72); гл. 6 (88); гл. 7 (39, 40, 42–44).

Щедраков, Василий Ильич (25.01.1895–?). К вопросу о половых правонарушениях / В.И. Щедраков, Св/штатный ассистент Института Судебной Медицины С.К.Г.У. (Завед. проф. Шибков А.И.); Из Сев.-Кав. Краевого кабинета по изучению личности правонарушителя (Завед. пр.-доц. Браиловский В.В.) // Северо-Кавказский государственный университет. Известия Северо-Кавказского университета. Ростов на Дону: [Книгоизд-во «Северный Кавказ»], 1930. 1930 г., том 1 (XIV): [Общественно-литературный]. С. 219–235.

Щербак, Александр Ефимович (1863–1934). К вопросу об аномалиях полового чувства и влечения. / [соч.] Проф. А.Е. Щербака (Варшава). // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова, / издаваемый Обществом невропатологов и психиатров, состоящим при Императорском Московском Университете,; под редакцией Профф. В.К. Рота, В.П. Сербского и приват-доцентов Л.С. Минора, П.А. Преображенскаго, Г.И. Россолимо и д-ра В.И. Яковенко. Москва: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, Пименовская ул., соб. дом, 1907. Год VII, 1907 г., Книга 2–3. С. 282–298; 23 × 16 см. Рассмотрены 3 случая.

Эдельштейн, А.О. — *см.* Внуков, В.А.

Эдельштейн, Аким Оскарович (*Осипович*) (1897–?). К клинике трансвестизма / А.О. Эдельштейн // Преступник и преступность. М.: Изд. Мосздравотдела, 1927. Сборник II / под ред. Е.К. Краснушкина, Г.М. Сегал и Ц.М. Фейнберг; Кабинет по изучению личности преступника и преступности при Мосздравотделе. С. 273–282; 27 см. — См. гл. 2 (1, 29, 41, 73–77, 84, 85, 88–92); гл. 5 (5, 14, 15, 74, 78, 101); гл. 6 (36, 45).

[*Эйленбург, Альберт* (Eulenburg, Albert; 1840–1917). Половая невропатия.: половые неврозы и невро-психозы у мужчин и женщин. / Проф. д-р Альберт Эйленбург, в Берлине; Перевод с немецкаго д-ра М.Г. Гинцбурга. (Prof. D-r A. Eulenburg's Sexuale Neuropathie. Genitale Neurosen und Neuropsychosen der Männer und Frauen. [Leipzig: F.C.W. Vogel, 1895. IV, 164 S.]). С.-Петербург: Издание журнала «Практическая Медицина», 1896 (Тип. В.С. Эттингера). [4], 163, [1] с.; 25 × 15 см. Алфавитный указ.: с. 158–163. Из содерж.: III. Болезненныя аномалии полового чувства. С. 87–157 (Половыя ненормальности и извращения нервно-психического характера. С. 87–90; 2. Подобнополовая парэрозия. Parerosia homosexualis. (Прямое извращение (inversio) полового чувства: так наз. превратное половое ощущение, conträre Sexualempfindung). С. 127–155 (1. Превратное половое чувство у мужчин. Uranismus feminismus (androgynia, effeminatio). С. 127–142; 2. Превратное половое чувство у женщин. Sapphismus (amor lesbicus, tribadia), viraginitas et masculinitas (gynandria). С. 142–154)). Литература: с. 155–157.]

[*Он же.* Половая нейропатия.: половые нейрозы и нейропсихозы у мужчин и женщин. / Проф. д-р Albert Eulenburg, в Берлине.; Перевод с немецкаго д-ра С.Б. Оречкина. («Sexuale Neuropathie» v. Prof. Dr. A. Eulenburg). С.-Петербург: Издание журнала «Современная Медицина и Гигиена», 1896 («Центральная» Типо-Литография М.Я. Минкова). 170 с.; 25 × 16 см. Указатель: с. 161–170. Из содержания: III. Болезненныя ано-

малии полового чувства. С. 89–158 (2. Однополовая парэрозия. (Извращение полового чувства: так назыв. превратное половое ощущение). С. 132–158 (1. Извращение полового чувства у мужчин. Уранизм. Феминизм (androgynia, effeminatio). С. 132–147; 2. Извращение полового чувства у женщин. Сафизм (лесбосская любовь, трибадия), viraginitas и masculinitas (гинандрия). С. 147–158)).]

[*Эллис, Генри Хэвлок* (Ellis, Henry Havelock; 1859–1939). Половое извращение: для врачей, студентов и юристов / [соч.] Профес. Гавелок Элли, члена Общества Судебной Медицины в Нью-Йорке; Полный перевод со 2-го английскаго издания, д-ра медиц. И.Д. Флоринскаго [псевд.]. С.-Петербург: Книгоиздательство Н.С. Аскарханова (Троицкая ул., 6), [май 1910] (Тип. т-ва «Общ. Польза», СПб). 422, [2] с.; 18 × 14 см. (Этюды половой психологии; I). Дата изд. установлена по: Кн. лет. 1910. № 21 (29 мая). С. 22 (№ 12156). Тир. 2000 экз. Название серии и номер тома – над заглавием. Перевод изд.: *Ellis, Henry Havelock.* Sexual inversion / by Havelock Ellis. [2d ed.]. Philadelphia: F.A. Davis Co., [1909]. XI, 272 p. (Studies in the psychology of sex; [v. 2]). Переводчик, видимо, Золотарев, А.Л. – см. обоснование при опис. изд.: *Герцеги* [псевд.]. Половая психопатия... [1910]. В подстрочных сносках переводчика данного издания даются ссылки на переводы А.З. («Требуйте перевод А.З.»).] – См. гл. 4 (18).

[*Эммерт, Карл* (Emmert, Carl; 1812–1903). Руководство судебной медицины, согласованное с Германским, Австрийским и Бернским законодательствами. / Dr. Carl Emmert, э. о. профессор государственной медицины при Бернском университете.; Перев. с нем. д-р Н.Г. Фрейберг; Дополнил указаниями на русское законодательство делопроизводитель по судебно-медицинской части при Медицинском Департаменте д-р С.Н. Ипполитов.; Под редакцией академика Н.П. Ивановскаго. (Lehrbuch der gerichtlichen Medizin mit Berücksichtigung der deutschen,oesterreichischen und bernischen Gesetzgebungen von Dr. Carl Emmert o. ö. Professor der Staatsmedizin an der Universität Bern. Leipzig. 1900). С.-Петербург: Издание журнала «Практическая Медицина» (В.С. Эттингер), 1901 (Тип. В.С. Эттингера). VIII, 492 с.; 25 × 16 см. На с. 492: Алф. указ. статей русских законов. Из содерж.: Пятый отдел: Половыя отношения. С. 383–439 (Y: Противоестественное удовлетворение полового чувства. С. 433–434; а. Противоестественный разврат между лицами мужского пола. С. 434–438).]

[*Он же.* Учебник судебной медицины. / Д-ра Карла Эммерта, проф. судебной медицины в Бернском ун-те; Пер. с изм. согласно рус. законодательству; под ред. проф. Д.П. Косоротова. СПб.: Глав. воен. мед. упр., 1902. [2], IV, 527 с.]

[*Энгельштейн, Лора* (Engelstein, Laura). Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков / Лора Энгельштейн; [перевод с англ. В. Павлова]. М.: «ТЕРРА»–«TERRA», 1996. 571, [5] с.; 22 × 15 см. Из содержания: От автора. С. 5–8; Предисловие. С. 10–23; Послесловие к русскому изданию / В.В. Журавлев, д-р ист. наук,

проф. С. 416—435; Примечания. С. 436—539; Использованные источники. С. 540—570 ([649] назв.). Парал. тит. л. оригинала на англ. яз. В пер. 10 000 экз. См. рецензию: *Кон, И.С.* Секс и власть: Русский Эрос не способен разграничить публичную и частную жизнь / Игорь Кон // Независимая газета. Книжное обозрение. «Ex libris НГ». М., 1997. 6 нояб. С. 6 (Социология). По мнению И.С. Кона, точный перевод фамилии автора на русский язык должен быть таким: Энгелстин, Лора.]

[*Она же.* «Крейцерова соната» Льва Толстого, русский фин-де-съекль и вопросы секса / Лора Энгельштейн (США) // Культурологические записки / Гос. ин-т искусствознания. М., 1997. Вып. 3: Эрос в культуре: [сб. из ст. 12-ти авт. / отв. ред. Н.М. Зоркая]. С. 30—44; 27 × 14,5 см. В обл. 100 экз.]

[*Она же.* «Половой вопрос» и политический кризис профессиональной интеллигенции после революции 1905 г. / Л. Энгельштейн (США) // Реформы или революция?: Россия 1861—1917: материалы международного коллоквиума историков / Рос. Академия Наук, Отд-ние истории, Ин-т рос. истории, С.-Петербургский филиал. СПб.: Наука, 1992. С. 172—182. Библиогр. — в подстрочных примеч. (№ 1—37).]

Эратов, Л. Наказуема ли проституция? / Л. Эратов // Еженедельник Советской юстиции. М., 22 янв. 1922. № 4. С. 4—6 (в 2 стб.); 30 см. — См. гл. 2 (15).

Эриксон, Эрнест Вильгельмович (1867—?). О половом разврате и неестественных половых сношениях в коренном населении Кавказа / [соч.] Э.В. Эриксона // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины, / издаваемый при Упр. гл. врачебного инспектора МВД. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1906. 42-й год изд., дек. 1906. С. 1868—1893; 24 см. — См. гл. 3 (96, 98).

Эрос и порнография в русской культуре... М., 1999 — *см.* Eros and Pornography in Russian Culture.

Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней: тексты и комментарии. [Репринтное воспр. текста и ил. журнала «Лит. обозрение», № 11 за 1991 г.]. М.: [Изд-во] Литературное обозрение, 1992 (Чехов Моск. обл.: Чеховский п/к, подп. к печати 21.05.92). Специальный выпуск [/ этот номер «Лит. обозрения» подготовлен И.Д. Прохоровой, С.Ю. Мазуром, Г.В. Зыковой; редакция благодарит А.Л. Осповата и А.Е. Парниса за помощь в составлении номера]. 112 с.: [20] эрот. ил.; 26 × 20 см. В ил. обл. 50 000 экз. Переверстаны с. 1—4 обл., с. 1, 2, 112. — См. Введ. 15.

[*Эткинд, Александр Маркович* (1955—). Тайный код для заблудившегося пола: литературный дискурс о гомосексуальности от Розанова до Набокова / Александр Эткинд // В поисках сексуальности: [сб. статей] Под редакцией Елены Здравомысловой и Анны Темкиной; Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, Факультет полит. наук и социологии. Санкт-Петербург: [Изд-во «Дмитрий Буланин»], 2002 (СПб.: ГИПП «Искусство России»). С. 79—95; 20,5 × 15 см. (Европейский университет в Санкт-Петербурге. Труды факультета политических наук и социологии; вып. 3). Библиогр. — в примеч. (29 сносок). В пер. 800 экз.]

Он же. Эрос невозможного: история психоанализа в России / Александр Эткинд. Санкт-Петербург: [АОЗТ «Издательский дом»] МЕДУЗА, 1993. 463, [1] с.; 20,5 × 13 см. В пер. 20 000 экз. – См. Введ. 23; гл. 5 (65, 67, 73).

Юдин, Тихон Иванович (1879–1949). Очерки истории отечественной психиатрии / проф. Т.И. Юдин; под ред. Б.Д. Петрова. М.: Медгиз, 1951. 480 с.: ил., 2 л. ил.; 27 см. В пер. 5000 экз. – См. гл. 3 (60); гл. 5 (41, 43, 45, 57); гл. 6 (65, 67, 80).

Он же. Половое влечение и ненормальности полового поведения / Проф. Т.И. Юдин. [М.]: Изд-во Наркомздрава РСФСР, 1928. 32 с.; 18 × 14 см. («Вопросы половой жизни» / под редакцией Гос. института социальной гигиены). 20 000 экз.

Юрман, Николай Александрович (3.02.1867–?). Инструктивные материалы по профилактике душевных болезней в Красной Армии: для врачей и комполитсостава Ленинградск. военного округа / составлены окружным психиатром ЛВО Н.А. Юрман; Военно-санитарное управление Ленинградск. военного округа. Л.: Издание Военно-санитарного управления ЛВО, 1930. 38, [2] с.; 21 см. – См. гл. 6 (52).

[*Якобзон, Людвиг Яковлевич* (1873–1943). К казуистике половых извращений / Д-р мед. Л.Я. Якобзон (Ленинград) // Сборник научных трудов посвященных XL<->летию научно-врачебной деятельности профессора Бориса Николаевича Хольцова. Л.: Издание Российского урологического общества, 1929. С. 385–388; 27 × 17 см.]

[*Он же.* Половыя извращения.: (Краткий обзор). / [соч.] Л.Я. Якобзона (Петроград). // Врачебная газета: клиническая и бытовая газета для врачей. / Под редакцией д-ров мед. А.В. Лозинскаго и Г.И. Дембо. Петроград: За Издателя О.В. Эттингер, [1917]. Год XXIV, № 5, Воскресенье 5-го февраля 1917 г. С. 94–96 (в 2 стб.); 32 × 21 см.; То же. (Окончание) // Там же. № 6, Воскресенье 12-го февраля 1917 г. С. 116–119. Содержание: Эротический символизм. С. 116–118; Гомосексуализм. С. 118–119. Литература: с. 119 ([21] назв.).]

Ярославский, Емельян Михайлович (наст.: Губельман, Миней Израилевич; 1878–1943). Библия для верующих и неверующих / Ем. Ярославский. Восьмое издание. М.: Гос. антирелигиозное изд-во ОГИЗ, 1936. 420 с.: портр. На с. 85–167: Часть II. Книга Бытия. Гл. 1–19; 20 × 14 см. В пер. 20 200 экз.

Он же. В защиту библии против содомлян / Ем. Ярославский // Безбожник: газета Центрального совета Союза воинствующих безбожников РСФСР. М., 1923. 9 мая (№ 20). С. 3. – См. гл. 6 (19).

Он же. Содомитские грешники и содомитские праведники: Нравоучительный рассказ для детей и взрослых (Бытие, гл. XVIII–XIX) // Ярославский, Е.М. Против религии и церкви: [в 5 т.] / Ем. Ярославский. М.: Гос. антирелигиозное изд-во ОГИЗ, 1933. Т. V: Библия для верующих и неверующих, Ч. II: Книга Бытия. Гл. 5. С. 114–118; 20 × 14 см. В пер. 12 500 экз. Впервые опубликовано в газете «Безбожник» от 22 апреля 1923 г. – См. гл. 6 (17).

Abraham, Richard. Maria L. Bochkareva and the Russian Amazons of 1917 // Women and Society in Russia and the Soviet Union / ed. by Linda Edmondson. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1992. P. 124–144.

Adam, Barry D. The Rise of a Gay and Lesbian Movement. Boston (MA): Twayne Publ., 1987. 203 p. – См. Эпилог (76).

Attwood, Lynne. The New Soviet Man and Woman: Sex-role Socialization in the USSR. Basingstoke [UK]: Macmillan: In Association with the Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 1990. X, 263 p. (Studies in Soviet History and Society).

Baldauf, Ingeborg. Die Knabenliebe in Mittelasien: Bačabozlik. Berlin: Verlag Das Arabische Buch, 1988. 116 S.: Ill. – См. гл. 6 (23).

Ball, Alan M. And Now My Soul Is Hardened: Abandoned Children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley (CA): University of California Press, cop. 1994. XXI, 335 p.: ill. – См. гл. 6 (82); Эпилог (15).

Batkis, Grigorii (Баткис, Григорий Абрамович; 1895–1960/1961). Sex problems in Soviet Russia at the time of socialistic reconstruction / Grigorii Batkis // World League for Sexual Reform. 4th Congress, Vienna, 1930. Sexualnot und Sexualreform: verhandlungen der Weltliga für Sexualreform. IV Kongress, abgehalten zu Wien vom 16 bis 23 september 1930 / redigiert vom Dr. Herbert Steiner. Wien: Elbemühl Verlag, 1931. S. 345–346 (L, 693, [1] S.: VI Pl. Diagr.). Доп. тит. л.: IV Kongress für Sexualreform, Wien, 16 bis 23 september 1930. W.L.S.R. Weltliga für Sexualreform = World League for Sexual Reform = Ligue mondiale pour la réforme sexuelle. Bericht des vierten Kongresses = Proceedings of the fourth Congress = Compte rendu du quatrième Congrès / hrsg. von Doz. Dr. Josef K. Friedjung, Dr. Sidonie Fürst, Dr. Ludwig Chiavacci, Dr. Herbert Steiner.

Berman, Harold Joseph (1918–?), ed., tr. – *см.* Russia (1917 – R.S.F.S.R.). Laws, Statutes, etc.

Berman, Harold Joseph (1918–?). Justice in the U.S.S.R.: An Interpretation of Soviet Law. Rev. ed., enl. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1969. X, 450 p. (Russian Research Center Studies; 3). – См. гл. 8 (4); Эпилог (44).

Bernstein, Frances L. Envisioning Health in Revolutionary Russia: The Politics of Gender in Sexual-Enlightenment Posters of the 1920s // The Russian Review. Oxford (UK), April 1998. Vol. 57, № 2. P. 191–217: 16 ill. – См. Введ. 23.

Idem. What Everyone Should Know about Sex: Gender, Sexual Enlightenment, and the Politics of Health in Revolutionary Russia, 1918–1931: Ph.D. diss. N.Y.: Columbia University, 1998. – См. Введ. 23, 64; гл. 6 (47, 58, 69, 70).

Bernstein, Laurie. Sonia's Daughters: Prostitutes and Their Regulation in Imperial Russia. Berkeley (CA): University of California Press, cop. 1995. XIII, 344 p., [7] l. ill.: ill. – См. Введ. 22; гл. 1 (33, 37, 41, 123); гл. 2 (5, 9, 14); гл. 3 (10, 15).

Berrios, German E. The History of Mental Symptoms: Descriptive Psychopathology since the Nineteenth Century. N.Y.; Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1996. XIV, 565 p.

Bérubé, Allan. Coming Out under Fire: The History of Gay Men and Lesbians in World War Two. N.Y.: Free Press, 1990. 377 p. – См. Введ. 3.

Bleys, Rudi C. The Geography of Perversion: Male-to-Male Sexual Behaviour outside the West and the Ethnographic Imagination, 1750–1918. N.Y.: New York University Press, 1995. VI, 328 p. – См. Введ. 41, 43; гл. 6 (63); Закл. 10.

Bloch, Iwan (1872–1922). Das Sexualleben unserer Zeit in seinen Beziehungen zur modernen Kultur. / Von Dr. med. Iwan Bloch, Spezialarzt für Haut-und Sexualleiden in Berlin-Charlottenburg, Verfasser von «Ursprung der Syphilis» etc. etc. 19.–40. Tausend. Vierte bis sechste, um einen Anhang vermehrte und mit Namen-und Sachregister versehene Auflage. Berlin: Louis Marcus Verlagsbuchhandlung, 1908. XII, 840, XIX, [1] S. – См. гл. 4 (20).

Bobroff, Anne. Russian Working Women: Sexuality in Bonding Patterns and the Politics of Daily Life // Powers of Desire: The Politics of Sexuality / ed. by Ann Snitow, Christine Stansell, and Sharon Thompson. N.Y.: Monthly Review Press, 1983. P. 206–227.

Bogomolow, N.A. – *см.* Malmstad, J.E.

Bolshevik Culture: Esperiment and Order in the Russian Revolution / ed. by Abbot Gleason, Peter Kenez, and Richard Stites. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1985. 304 p.: ill. – См. гл. 1 (72).

Boswell, John. Same-Sex Unions in Premodern Europe. 1st ed. N.Y.: Villard Books, 1994. XXX, 412 p., [8] l. ill. – См. Закл. 9.

Bradley, Joseph. Muzhik and Muscovite: Urbanization in Late Imperial Russia. Berkeley (CA): University of California Press, 1985. 422 p.: ill. (Cambrige Cultural Social Studies).

Bravmann, Scott (1964–). Queer Fictions of the Past: History, Culture, and Difference. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1997. XV, 174 p.

Bray, Alan. Homosexuality in Renaissance England. L.: Gay Men's Press, 1982. 149 p.: ill. – См. гл. 3 (7).

Brooks, Jeffrey. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1985. XXII, 450 p.

Brower, Daniel R. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley (CA): University of California Press, 1990. 253 p.: ill. – См. гл. 1 (40, 41).

Brown, Julie V. The Professionalization of Russian Psychiatry, 1857–1911: Ph.D. diss. (PA): University of Pennsylvania, 1981. – См. гл. 3 (51).

Idem. Heroes and Non-heroes: Recurring Themes in the Historiography of Russian-Soviet Psychiatry // Discovering the History of Psychiatry / ed. by Mark S. Micale and Roy Porter. N.Y.: Oxford University Press, 1994. P. 297–307.

Burds, Jeffrey. The Diary of Moscow Merchant Pavel Vasil'evicha Medvedeva, 1854–1864: Photocopy. Boston (MA): Northwestern University (Department of History). – См. гл. 1 (8, 9, 15, 31).

Burgin, Diana Lewis. Laid Out in Lavender: Perceptions of Lesbian Love in Russian Literature and Criticism of the Silver Age, 1893–1917 // Sexuality and the Body in Russian Culture / ed. by Jane T. Costlow, Stephanie Sandler, Judith Vowles. Stanford (CA): Stanford University Press, 1993. P. 177–203: ill. – См. Введ. 54; гл. 2 (25, 36); гл. 4 (6, 7).

Idem. Sophia Parnok and the Writing of a Lesbian Poet's Life // Slavic Review. Stanford (CA), 1992. Vol. 51, № 2. P. 214–231.

Idem. Sophia Parnok: The Life and Work of Russia's Sappho. N.Y.: New York University Press, cop. 1994. XXVI, 355 p.: ill. (Cutting Edge: Lesbian Life and Literature). – См. Введ. (10, 55, 73); гл. 2 (38–40, 50); гл. 4 (8).

Butler, Judith P. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y.: Routledge, 1990. 172 p.; [см. рус. пер. (p. 142–149) в изд.: *Батлер, Джудит.* От пародии к политике / Джудит Батлер; пер. с англ. Светланы Пчелиной // Введение в гендерные исследования: [в 2 ч.]. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя», 2001. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. Сергея Жеребкина. С. 164–173.] – См. Введ. 58; гл. 2 (80); гл. 4 (67).

Carr, Edward Hallet (1892–1982). The History of the Russian Revolution: [in 14 vol.]. L.: Macmillan, 1950–1977; [см. рус. пер.]

Casper, Johann Ludwig (1796–1864). Practisches Handbuch der gerichtlichen Medicin: nach eigenen Erfahrungen: [in 2 Bd.]. Berlin: A. Hirschwald, 1857–1858. [Bd. 1]: Thanatologischer Theil. 1857. XXXI, 860 S.; [Bd. 2]: Biologischer Theil. 1858. XIX, 652 S. – См. гл. 3 (20).

Idem. Practisches Handbuch der gerichtlichen Medicin: [in 2 Bd.] / von Johann Ludwig Casper. Neu bearbeitet und vermehrt / von Dr. Carl Liman, Professor der gerichtlischen Medicin und Stadtphysicus zu Berlin. Fünfte Auflage. Berlin: Verlag von August Hirschwald, 1871. 24 × 16 cm. Erster Band: (Biologischer Theil). XX, 772 S.; Zweiter Band: (Thanatologischer Theil). XXIV, 1046, [2] S.

Chauncey, George. From Sexual Inversion to Homosexuality: Medicine and the Changing Conceptualization of Female Deviance // Salmagundi. Saratoga Springs (NY), 1982–1983. Vol. 58–59. P. 114–146. – См. гл. 3 (42).

Idem. Gay New York: Gender, Urban Culture, and the Making of the Gay Male World, 1890–1940. N.Y.: Basic Books, cop. 1994. XI, 478 p.: ill. – См. Введ. 3; гл. 1 (90, 101).

Cheron, George. The Diary of Mixail Kuzmin, 1905–1906 // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1986. Bd. 17. S. 391–436.

Ciliga, Ante. The Russian Enigma / by Ante Ciliga; ...translated [from the French] by Fernand G. Fernier and Anne Cliff. L.: Ink Links Ltd, 1979. XIII, 573 p. Translation of: *Ciliga, Ante*. Dix ans au pays du mensonge deconcertant. Paris: Champ Libre, 1977. – См. гл. 1 (78).

Civil Rights in Imperial Russia / ed. by Olga Crisp and Linda Edmondson. Oxford (UK): Clarendon Press, 1989. XVI, 321 p.

Clements, Barbara Evans (1945–). Bolshevik Feminist: The Life of Aleksandra Kollontai. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1979. 352 p.: ill.

Idem. Bolshevik Women. N.Y.; Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1997. XIV, 338 p.: ill. – См. Введ. 33; гл. 2 (43, 45, 94).

Cocks, Geoffrey (1948–). Psychotherapy in the Third Reich: The Göring Institute. N.Y.: Oxford University Press, 1985. 326 p.: ill.

Cohen, Stephen F. Rethinking the Soviet Experience: Polities and History Since 1917. N.Y.: Oxford University Press, 1985. 222 p.

Colton, Timothy J. (1947–). Moscow: Coverning the Socialist Metropolis / Timothy J. Colton. Cambridge (MA); L.: Belknap Press of Harvard University

Press, 1995. XVI, 939 p.: ill., maps. (Russian Research Center Studies; 88). — См. гл. 8 (36).

Connell, Robert William (1944—). Masculinities. Cambridge (UK): Polity Press, 1995. XI, 295 p., [8] l. ill. — См. Введ. 35.

Constructing Russian Culture in the Age of Revolution, 1881—1940 / ed. by Catriona Kelly and David Shepherd. Oxford (UK): Oxford University Press, 1998. XII, 358 p.: ill.

Courouve, Claude (1943—). Vocabulaire de l'homosexualité masculine. Paris: Payot, 1985. 248 p. (Langages et societés). — См. гл. 1 (31, 93).

Crompton, Louis. The Myth of Lesbian Impunity: Capital Laws from 1270—1791 // Journal of Homosexuality. Binghamton (NY), 1980—1981. Vol. 6, № 1—2. P. 11—25.

Cultures in Flux: Lower-class Values, Practices, and Resistance in Late Imperial Russia / ed. by Stephen P. Frank and Mark D. Steinberg. Princeton (NJ): Princeton University Press, cop. 1994. VI, 214 p.

Curtiss, John Shelton (1899—?). The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. Gloucester (MA): Peter Smith, 1965. X, 387 p. — См. гл. 4 (87); гл. 6 (1).

D'Emilio, John. Making Trouble: Essays on Gay History, Politics, and the University. N.Y.: Routledge, 1992. XIV, 274 p. — См. гл. 7 (5); Эпилог (76).

David, Hugh (1954—). On Queer Street: A Social History of British Homosexuality, 1895—1995. L.: Harper Collins, 1997. XIII, 305 p., [8] l. ill.

Davies, Robert William (1925—). Soviet History in the Yeltsin Era / R.W. Davies. Basingstoke (UK): Macmillan: In Association with Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 1997. VIII, 264 p. — См. Эпилог (91).

Davies, Sarah Resemary. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934—1941. N.Y.; Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1997. XIX, 236 p. — См. гл. 7 (75).

De Jong, Ben. «An Intolerable Kind of Moral Degeneration»: Homosexuality in the Soviet Union // Review of Socialist Law / Rijksuniversiteit te Leiden; Documentation Office for East European Law. Alphen aan den Rijn (Netherlands): Sijthoff & Noordhoff International Publishers, 1982. Vol. 4. P. 341—357. — См. Эпилог (81); Прил. 1.

Dekker, Rudolf M. (1951—) and *Pol, Lotte C. van de* (1949—). The Tradition of Female Transvestism in Early Modern Europe / Rudolf M. Dekker and Lotte C. van de Pol; [translated from the Dutch by Judy Marcure and Lotte C. van de Pol]; foreword by Peter Burke. Basingstoke (UK): Macmillan, 1989. XV, 128 p.: ill.; Ibid. N.Y.: St. Martin's Press, 1997. — См. гл. 2 (54, 56, 63).

Dollimore, Jonathan. Sexual Dissidence: Augustine to Wilde, Freud to Foucault. Oxford (UK): Oxford University Press: Clarendon Press, 1991. X, 388 p. — См. Введ. (36, 59).

Donoghue, Emma. Passions between Women: British Lesbian Culture, 1668—1801. L.: Scarlet, cop. 1993. 324 p.: ill., portr. — См. Введ. 3.

Dose, Ralf. The World League for Sexual Reform: Some Possible Approaches // Sexual Cultures in Europe: National Histories / ed. by Franz X. Eder, Lesley Hall, and Gert Hekma. Manchester (UK): Manchester University Press,

1999. P. 242–259 (X, 261 p.). Based on papers originally discussed at the workshop conference «Sexual cultures of Europe, 1700–1995», 21–3 june 1996.

Dreger, Alice Domurat. Hermaphrodites and the Medical Invention of Sex. L.; Cambridge (MA): Harvard University Press, 1998. XIII, 268 p.: ill., portr. – См. Введ. 57; гл. 2 (57); гл. 6 (58).

Dunham, Sandomirsky Vera (1912–?). In Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction / introd. by Jerry F. Haugh. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1976. 283 p.

Durova, Nadezhda A. (Дурова, Надежда Андреевна; 1783–1866). The Cavalry Maiden: Journals of a Russian Officer in the Napoleonic Wars / translation, introduction and notes by Mary Fleming Zirin. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1988. XXXVII, 242 p. – См. гл. 2 (54).

Edmondson, Linda Harriet. Feminism in Russia, 1900–1917. L.: Heinemann Educational, 1984. XI, 197 p.

Eldorado: homosexuelle Frauen und Männer in Berlin, 1850–1950: Geschichte, Alltag und Kultur: [Ausstellung in Berlin-Museum, 26. Mai – 8. Juli 1984] / [Hrsg.: Berlin-Museum; Red.: Michael Bollé; Gestaltung: Regelindis Westphal]. Berlin: Frölich & Kaufmann, 1984. 216 S.: zahlr. Ill.; 27 cm.

Ellis, Henry Havelock (1859–1939). Studies in the Psychology of Sex: [in 7 vol.]. 3rd ed., rev. and enl. Philadelphia (PA): F.A. Davis, 1925–1928. 7 t. – См. т. 1 – гл. 1 (27, 38, 90); т. 7 – гл. 2 (54).

Engel, Barbara Alpern. Between the Fields and the City: Women, Work, and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge (UK): Cambridge University Press, cop. 1994. XI, 254 p.: ill. – См. гл. 1 (41); гл. 2 (93).

Engelstein, Laura. Castration and the Heavenly Kingdom: A Russian Folktale. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1999. XVIII, 283 p.: ill.; [см. рус. пер.: *Энгельштейн, Лора*. Скопцы и царство небесное: [скопческий путь к искуплению] / Лора Энгельштейн; [Авториз. пер. с англ. В. Михайлина, при участии Е. Филипповой и Е. Левинтовой]. М.: Новое литературное обозрение, 2002 (Чебоксары: РГУП «Чебоксарская тип. № 1»). 328, [8] с.: ил.; 22 × 14,5 см. (Historia Rossica / редкол. серии: Е. Анисимов, Р. Вортман, В. Живов [и др., всего 6 имен]). Примеч.: С. 279–322; указ. имен.: С. 323–326. В пер. 3000 экз.] – См. гл. 4 (42).

Idem. Combined Underdevelopment: Discipline and the Law in Imperial, and Soviet Russia // American Historical Review. Washington (WA), 1993. Vol. 98, № 2. P. 338–353. – См. Введ. (49–51).

Idem. The Keys to Happiness: Sex and the Search for Modernity in Fin-de-Siècle Russia. Ithaca (NY) & London: Cornell University Press, 1992. VIII, 461 p.: ill.; [см. рус. пер.: *Энгельштейн, Лора*. Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков... 1996. См. рецензию на англ. изд.: *Носов, Александр*. Лора Энгельстайн. Ключи счастья. Секс и поиски современности в русском fin-de-siècle // Новый мир. М., 1994. № 6. С. 252–253]. – См. Введ. (22, 48); гл. 1 (5, 123); гл. 2 (4, 9); гл. 3 (8, 14, 21, 44, 55, 57, 67); гл. 4 (9, 20, 29, 30, 37, 40, 42, 44, 45); гл. 5 (86).

Idem. Lesbian Vignettes: A Russian Triptych from the 1890s // Signs: Journal of Women in Culture and Society. Chicago (IL), 1990. Vol. 15, № 4. P. 813–831. – См. Введ. (48, 53); гл. 2 (7, 66); гл. 3 (46).

Idem. Soviet Policy toward Male Homosexuality: Its Origins and Historical Roots // Gay Men and the Sexual History of the Political Left / ed. by Gert Hekma, Harry Oosterhuis, and James D. Steakley. N.Y.: Harrington Park Press, cop. 1995. P. 155–178 (408 p.). – См. Введ. 19; гл. 1 (109); гл. 4 (75, 107); гл. 5 (7, 17); гл. 7 (37).

Idem. Ibid // Journal of Homosexuality. Binghamton (NY), 1995. Vol. 29, № 2/3. P. 155–178.

Idem. There Is Sex in Russia – and Always Was: Some Recent Contributions to Russian Erotica // Slavic Review. Stanford (CA), 1992. Vol. 51, № 4. P. 786–790. – См. Введ. 6.

Eros and Pornography in Russian Culture = Эрос и порнография в русской культуре / Edited by M. Levitt and A. Toporkov = Под редакцией М. Левитта и А. Топоркова. M.: Publishing House «Ladomir» = Научно-издательский центр «Ладомир», cop. 1999. 700, [4] с.: 165 ил., [16] л.: 29 цв. ил.; 21,5 × 13 × 3,5 см. (Русская потаенная литература; [т. 17]). Тит. л. на англ., контртитул на рус. яз. Российско-американский сборник содержит 32 статьи, из них 12 – на рус. яз. Тираж 800 экз., из них 533 были отправлены в Лос-Анджелес (США). Обязательный экз. в Книжную Палату не поступал, а потому не рассылался по б-кам России. В РГБ имеется только как дарственный экз. в фонде «Эротика» в группе «Литература для служебного пользования», находится в кабинете заведующей Отделом хранения основных фондов (ФБ). – См. гл. 1 (1, 63); гл. 3 (52).

EROS RUSSE. Русский эрот не для дам – *см.* Русский эрот не для дам.

EROT RUSSE. Русский эрот не для дам – *см.* Русский эрот не для дам.

Essig, Laurie. Queer in Russia: A Story of Sex, Self, and the Other. Durham (NC): Duke University Press, 1999. – См. гл. 7 (37); гл. 8 (36); Эпилог 9 (75, 89).

Evans, J. The Communist Party of the Soviet Union and the Woman's Question: The Case of the 1936 Decree «In Defense of Mother and Child» // Journal of Contemporary History. L., 1981. Vol. 16. P. 757–775. – См. гл. 7 (70, 71, 75).

Faderman, Lillian (1940–). The Morbidification of Love between Women by 19th-Century Sexologists // Journal of Homosexuality. Binghamton (NY), 1978. Vol. 4, № 1. P. 73–90.

Idem. Odd Girls and Twilight Lovers: A History of Lesbian Life in Twentieth-Century America. N.Y.: Columbia University Press, 1991; Ibid. L.: Penguin, 1992. VIII, 373 p., [16] l. ill. – См. Введ. 3.

Idem. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present. N.Y.: Morrow, 1981. 496 p. – См. Введ. 3.

Fainsod, Merle – *см.* Hough, J.F.

Fainsod, Merle (1907–1972). Smolensk under Soviet Rule. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1958. X, 484 p.: ill. – См. гл. 8 (2).

Fausto-Sterling, Anne. The Five Sexes: Why Male and Female are Not Enough // Sciences / New York Academy of Sciences. N.Y., 1993. March/April. P. 20–24. – См. Введ. (56, 60).

Idem. Myths of Gender: Biological Theories about Women and Men. N.Y.: Basic Books, cop. 1985. XI, 258 p.: ill. – См. Введ. 1.
Field, Mark G. Doctor and Patient in Soviet Russia / with a foreword by Paul Dudley White. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1957. XVIII, 266 p.: ill. (Russian Research Center Studies; 29).
Idem. Soviet Socialized Medicine: An Introduction / Mark G. Field. N.Y.: Free Press, [1967]. XIX, 231 p.
Fitzpatrick, Sheila. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. Chicago (IL), 1993. Vol. 65. P. 745–770. – См. гл. 6 (5, 86).
Idem. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1992. XX, 264 p. (Srudies in Soviet History and Society). – См. гл. 6 (33, 70); гл. 7 (76, 79, 83, 86).
Idem. Cultural Revolution as Class War // Fitzpatrick, Sh. The Cultural Front... 1992. P. 138–139. – См. гл. 6 (33, 70).
Idem. The Russian Revolution [, 1917–1932]. Oxford (UK): Oxford University Press, 1982. VI, 181 p.
Idem. Sex and Revolution: An Examination of Literary and Statistical Data on the Mores of Soviet Students in the 1920s // Journal of Modern History. Chicago (IL), 1978. Vol. 50. P. 252–278. – См. Введ. 26; гл. 5 (35).
Idem. Signals from Below: Soviet Letters of Denunciation of the 1930s // Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989 / ed. by Sheila Fitzpatrick and Robert Gellately. Chicago (IL): University of Chicago Press, 1997. P. 85–120. – См. гл. 8 (11).
Forms of Desire: Sexual Orientation and the Social Constructionist Controversy / ed. Edward Stein. N.Y.: Routledge, 1990.
Foucault, Michel (1926–1984). The History of Sexuality. Volume I: An Introduction / by Michel Foucault; transl. from the French by Robert Hurley. N.Y.: Pantheon Book, cop. 1978. [6], 168, [2] p.; *Idem.* Ibid. L.: Penguin, 1990. – См. Введ. (2, 21, 46); гл. 3 (49); гл. 4 (49).
Freeze, Gregory L. (1945–). Bringing Order to the Russian Family: Marriage and Divorce in Imperial Russia, 1760–1860 // Journal of Modern History. Chicago (IL), 1990. Vol. 62, № 4. P. 709–746. – См. гл. 3 (13).
Frieden, Nancy Mandelker. Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton (NJ); Guildford: Princeton University Press, cop. 1981. XVII, 378 p.: ill., portr. – См. Введ. 22; гл. 3 (22, 24).
Gay Men and the Sexual History of the Political Left / ed. by Gert Hekma, Harry Oosterhuis and James Steakley. Binghamton (NY): Harrington Park Press, cop. 1995. 408 p. – См. Введ. 19; гл. 4 (47); гл. 7 (7, 9, 34).
Gessen, Masha (Гессен, Маша). The Rights of Lesbians and Gay Men in the Russian Federation. San Francisco (CA): International Gay and Lesbian Human Rights Commission, 1994. – См. гл. 7 (37); Эпилог (22, 69, 70, 75, 82, 87, 90, 92, 93).
Idem. We Have No Sex: Soviet Gays and AIDS in the Era of Glasnost // Outlook: Magazine. Phoenix (UT): Outlook Arizona, 1990. Vol. 3, № 1. P. 42–54. – См. Введ. (6); Эпилог (22).

Getty, John Arch (1950–). Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1985. 276 p. – См. гл. 7 (4).

Idem. State and Society under Stalin: Constitutions and Elections in the 1930s // Slavic Review. Stanford (CA), 1991. Vol. 50, № 1. P. 18–35. – См. гл. 6 (5).

Gide, André-Paul-Guillaume (1869–1951). Retour de L'URSS. Paris: Gallimard, 1936; [см. рус. пер.]

Goldman, Wendy Z. Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1993. XI, 351 p. – См. Введ. 26; гл. 4 (48, 51, 52, 56, 61); гл. 5 (34); гл. 7 (70, 72, 73, 85).

Goodbye to Berlin?: 100 Jahre Schwulenbewegung: eine Ausstellung des Schwulen Museums und der Akademie der Künste, 17. Mai bis 17. August 1997/ [Katalog Red. Monika Hingst...; Autoren Manfred Baumgardt...]. Berlin: Verlag Rosa Winkel, 1997. 384 S.: Ill. – См. гл. 5 (28); Эпилог (78).

Graham, Loren Raymond (1933–). Science in Russia and the Soviet Union: A Short History. N.Y.; Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1993. X, 321 p., [9] l. ill., portr. (Cambridge History of Science). – См. Введ. 23.

Green, James Naylor (1951–). Beyond Carnival: Male Homosexuality in Twentieth-Century Brazil. Chicago (IL); L.: University of Chicago Press, 1999. XIII, 408 p.: ill. – См. Введ. 4 (52); гл. 1 (90).

Greenberg, David Frank (1942–). The Construction of Homosexuality. Chicago (IL); L.: University of Chicago Press, 1988. X, 635 p. – См. Введ. (42, 47); гл. 3 (1, 5, 9); гл. 4 (122).

Hahn, Pierre. Nos ancêtres, les pervers: La vie des homosexuels sous le Second Empire / choix de textes recueillis, présentés et annotés par Pierre Hahn. [Paris]: Olivier Orban, 1979. 335 p. – См. Введ. 3.

Halle, Fannina W. (1881–?). Woman in Soviet Russia / Fannina W. Halle; [translated from the German original of 1932 by Margaret M. Green]. L.: Routledge, 1934. XIII, [2], 409 p.: ill. – См. гл. 2 (45).

Hansen, Bert. American Physicians' «Discovery» of Homosexuals, 1880–1900: A New Diagnosis in a Changing Society // Framing Disease: Studies in Cultural History / ed. by Charles E. Rosenberg, and Janet Golden. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, cop. 1992. P. 104–133 (XXVI, 326 p.). (Health and Medicine in American Society).

Hausman, Bernice Louise. Changing Sex: Transsexualism, Technology, and the Idea of Gender. Durham (NC): Duke University Press, 1995. XI, 245 p.: ill. – См. гл. 2 (52); гл. 6 (41).

Hazard, John Newbold (1909–?). Communists and Their Law: A Search for the Common Core of the Legal Systems of the Marxian Socialist States / [by] John N. Hazard. Chicago (IL): University of Chicago Press, [1969]. XVI, 560 p.: ill.

Idem. Soviet Law: The Bridge Years, 1917–1920 // Russian Law: Historical and Political Perspectives / ed. by William E. Butler. Leyden: A.W. Sijthoff, 1977. P. 235–257.

Healey, Daniel. Evgeniia/Evgenii: Queer Case Histories in the First Years of Soviet Power // Gender and History. Oxford (UK): Blackwell Publishers Ltd., [1997]. Vol. 9, № 1. P. 83–106. – См. Введ. 65; гл. 1 (59); гл. 4 (59); гл. 5 (73).

Idem. «Man or Woman?»: Hermaphroditism as a Medical Problem in Tsarist and Soviet Russia. Доклад сделан на: European Social Science History Conference. Amsterdam, 13 April 2000. – См. Введ. 60; гл. 2 (57, 83).

Idem. Masculine Purity and «Gentlemen's Mischief»: Sexual Exchange and Prostitution between Russian Men, 1861–1941 // Slavic Review. Stanford (CA), 2001. Vol. 60, № 2. P. 233–265. – См. гл. 5 (25).

Idem. Moscow // Queer Sites: Gay Urban Histories since 1600 / ed. by David Higgs. L.: Routledge, 1999. P. 38–60 (214 p.: ill.). – См. Эпилог (73); Закл. 9.

Idem. The Russian Revolution and the Decriminalisation of Homosexuality // Revolutionary Russia. L., 1993. Vol. 6, № 1. P. 26–54. – См. Введ. 19; гл. 4 (74); гл. 5 (7, 17).

Idem. «Their Culture»: Clerical Same-Sex Offenses in the Discourse of Bolshevik Militant Atheism, 1919–1930: Photocopy. Swansea (Wales): University, Department of History, 1998. – См. гл. 1 (19); гл. 4 (89).

Idem. Unruly Identities: Soviet Psychiatry Confronts the «Female Homosexual» of the 1920s // Gender in Russian History and Culture, 1800–1990 / ed. by Linda Edmondson. Basingstoke (UK): Palgrave: In Association with Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 2001. P. 116–138 (XVIII, 223 p.: ill.). – См. Введ. 54.

Health and Society in Revolutionary Russia / ed. by Susan Gross Solomon, and John F. Hutchinson. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1990. 256 p. – См. Введ. 23; гл. 5 (2, 3).

Herzer, Manfred. Magnus Hirschfeld: Leben und Werk eines jüdischen, schwulen und sozialistischen Sexologen. Frankfurt am Main: Campus Verl., 1992. 189 S.: Ill. – См. гл. 4 (43); гл. 5 (54).

Hidden from History: Reclaiming the Gay and Lesbian Past / ed. by Martin Bauml Duberman, Martha Vicinus, and George Chauncey, Jr. N.Y.: New American Library Books, 1989; Ibid. L.: Penguin, 1991. XI, 579 p.: ill. – См. Введ. (3, 14, 47); гл. 1 (3, 98); гл. 2 (36); гл. 3 (6, 66, 72); гл. 4 (1, 9, 16, 18, 20).

Hidden Holocaust?: Gay and Lesbian Persecution in Germany, 1933–1945 / ed. by Günter Grau; with a contribution by Cloudia Schoppmann; translated by Patrick Camiller. L.: Cassell, cop. 1995. XXVIII, 308 p.: ill. – См. Прил. (2).

Hirschfeld, Magnus (1868–1935). Berlins Drittes Geschlecht / von Dr. Magnus Hirschfeld. 5. Aufl. Berlin & Leipzig: H. Seemann Nachfolger, [1905]. 77 S. (Großstadt-Dokumente; Bd. 3). – См. гл. 4 (17).

Idem. Das Ergebnis der statistischen Untersuchungen über den Prozentsatz der Homosexuellen. Leipzig: Max Spohr, 1904. 69 S.

Idem. Die Homosexualität des Mannes und des Weibes: mit einem Namen, Länder, Orts und Sachregister / von Dr. med. Magnus Hirschfeld. Berlin: Louis Marcus, 1914. XVII, 1067 S. (Handbuch der gesamten Sexualwissenschaft in Einzeldarstellungen / Hrsg. Dr. med. Iwan Bloch; Bd. III). – См. Введ. 13; гл. 1 (60); гл. 4 (17); гл. 6 (23).

Idem. Künstliche Verjüngung. Künstliche Geschlechtsumwandlung: Die Entdeckungen Prof. Steinachs und ihre Bedeutung... Berlin: Johndorff, [1920]. 30 S. – См. гл. 5 (37).

Idem. Die Transvestiten: Eine Untersuchung über den erotischen Verkleidungstrieb mit umfangreichem casuistischen und historischen Material / Von Dr. med. Magnus Hirschfeld. Berlin: A. Pulvermacher & Co., 1910. 562, VI S. – См. гл. 2 (55).

Hoffmann, David L. (1961–). Peasant Metropolis: Social Identities in Moscow, 1929–1941. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1994. XIII, 282 p.: ill. (Studies of the Horriman Institute). – См. гл. 7 (2).

Hohmann, Joachim S. Zum rechtlichen und sozialen Problem der Homosexualität // Sexualforschung und -politik in der Sowjetunion seit 1917: eine Bestandsaufnahme in Kommentaren und historischen Texten: mit einer Bilddokumentation und einer Auswahlbibliographie 1896–1989 / Joachim S. Hohmann (Hrsg.). Frankfurt am Main; Bern; N.Y.; Paris: P. Lang, 1990. S. 270–286 (617 S.: Ill.).

Holmgren, Beth (1955–). Stepping Out = Going Under: Women in Russia's Twentieth-Century Salons // Russia–Women–Culture / ed. by Helena Goscilo and Beth Holmgren. Bloomington (IN): Indiana University Press, cop. 1996. P. 225–246 (XIV, 386 p.: ill.). – См. гл. 2 (25, 36, 37); гл. 4 (9).

Homosexuality in Modern France / ed. by Jeffrey Merrick & Bryant T. Ragan, Jr., N.Y.: Oxford University Press, 1996. X, 253 p. (Studies in the History of Sexuality). – См. Введ. 3; гл. 2 (3); гл. 3 (42, 47); гл. 4 (4, 99).

Hough, Jerry F. (1935–) and *Fainsod, Merle* (1907–1972). How the Soviet Union is Governed / [by] Jerry F. Hough and Merle Fainsod. Rew. and enl. ed. Cambridge (MA); L.: Harvard University Press, 1979. XIV, 679 p.

Hutchinson, John F. Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore (MD): Johns Hopkins University Press, 1990. XX, 253 p.: ill. – См. Введ. 22.

Intimacy and Terror: Soviet Diaries of the 1930s / ed. by Veronique Garros, Natalia Korenevskaya, and Thomas Lahusen; translated by Carol A. Flath. N.Y.: New Press, cop. 1995. XX, 394 p.: ill. – См. гл. 2 (39); гл. 7 (84).

Islamic Homosexualities: Culture, History, and Literature / ed. by Stephen O. Murray and Will Roscoe; with additional contributions by Eric Allyn... [et al.]. N.Y.; L.: New York University Press, cop. 1997. IX, 331 p.: ill. – См. Введ. (4, 41); гл. 6 (23).

Jackson, Peter A. Thai Research on Male Homosexuality and Transgenderism, and the Cultural Limits of Foucaultian Analysis // Journal of the History of Sexuality. Chicago (IL), 1997. № 1. P. 52–85. – См. Введ. (4, 52).

Jagose, Annamarie. Queer Theory: An Introduction. N.Y.: New York University Press, 1996. 153 p. – См. Введ. 47; гл. 4 (67).

Jason, Philip [pseud.]. Progress to Barbarism // Mattachine Revien. San Francisco (CA) [etc.]: Mattachine Society, 1957. Vol. 3, № 8. P. 18–21. – См. гл. 6 (88); гл. 8 (6).

Johnson, Robert Eugene (1943–). Peasant and Proletarian: The Working Class of Moscow at the End of the Nineteenth Century. New Brunswick (NJ): Rutgers University Press, 1979. 225 p.: ill. – См. гл. 1 (40).

Joravsky, David. Russian Psychology: A Critical History. Oxford (UK): Basil Blackwell, 1989. XXII, 583 p.: ill. – См. Введ. 23; гл. 3 (50); гл. 6 (65, 76).

Juviler, Peter H. Revolutionary Law and Order: Politics and Social Change in the USSR. N.Y.: Free Press: Cassell & Collier Macmillan (London), 1976. 274 p.

Karlinsky, Simon A. Death and Resurrection of Mikhail Kuzmin // Slavic Review. Stanford (CA), 1979. Vol. 38, № 1. P. 92–96. – См. Введ. (14); гл. 4 (1, 2, 3).

Idem. Gay Life before the Soviets: Revisionism Revised // Advocate. San Francisco (CA): Planet Out, Inc., 1982. 1 April (№ 339). P. 31–34. – См. Введ. (14, 37).

Idem. Introduction: Russia's Gay Literature and History // Out of the Blue: Russia's Hidden Gay Literature: An Anthology / ed. by Kevin Moss; introduction by Simon Karlinsky. San Francisco (CA): Gay Sunshine Press, 1996. P. 15–26. – См. Введ. 14; гл. 4 (73); гл. 5 (7, 8, 17).

Idem. Przhevalsky: The Russian Livingstone // University Publishing. 1978. № 5.

Idem. Russia's Gay Literature and Culture: The Impact of the October Revolution // Hidden from History: Reclaiming the Gay and Lesbian Past / ed. by Martin Bauml Duberman, Martha Vicinus, and George Chauncey, Jr. N.Y.: New American Library, 1990. P. 347–363 (579 p.: ill.); [см. также сокр. рус. пер.]. – См. Введ. (14, 16, 18, 20); гл. 1 (3); гл. 2 (36); гл. 3 (72); гл. 4 (3, 9, 73); гл. 5 (31); гл. 6 (62); Эпилог (78).

Idem. Russia's Gay Literature and History // Gay Sunshine: Journal of Gay Liberation / ed. Winston Leyland. San Francisco (CA), 1976. № 29/30. P. 1–7. – См. Введ. 14; гл. 1 (3); гл. 2 (2).

Katz, Jonathan Ned. Gay American History: Lesbians and Gay Men in the U.S.A.: A Documentary / by Jonathan Katz. N.Y.: Thomas Crowell, cop. 1976. XIV, 690 p.: ill. – См. Введ. 3.

Idem. The Invention of Heterosexuality / foreword by Gore Vidal; afterword by Lisa Duggan. N.Y.: Dutton, cop. 1995. XI, 291 p. – См. Введ. 2.

Keep, John Leslie Howard (1926–). Last of the Empires. A History of the Soviet Union, 1945–1991 / John L.H. Keep. Oxford (UK): Oxford University Press, 1995. VIII, 477 p. – См. Эпилог (2, 43, 48).

Kingsbury, J.A. – *см.* Newsholme, A.

Kittel, Ingo-Wolf. Zur historischen Rolle des Psychiaters und Psychotherapeuten Arthur Kronfeld in der frühen Sexualwissenschaft // Sozialwissenschaftliche Sexualforschung. Berlin, 1989. Bd. 2. S. 33–44. – См. гл. 5 (69).

Kollontaï, Aleksandra Mikhaïlovna (Коллонтай, Александра Михайловна; 1872–1952). Prostitution and Ways of Fighting it // Kollontaï, A.M. Selected Writings of Alexandra Kollontai... 1977. P. 264.

Idem. Sexual Relations and the Class Struggle. Love and the New Morality / Alexandra Kollontai; translated [from the Russian] and introduced by Alix Holt. Bristol (UK): Falling Wall Press, [1972]. [2], IV, 26 p. Без тит. л. Описано по с. 1–2 обл. [Англ. пер. двух глав из изд.: *Коллонтай, А.М.* Отношение между полами и классовая борьба. // Коллонтай, А.М. Новая мораль и рабочий класс... М., 1919. [Гл.] III. С. 48–61; *Она же.* Любовь

и новая мораль. // Там же... М., 1919. [Гл.] II. С. 36—47.] – См. Введ. 36; гл. 4 (50, 58, 63).

Idem. Sexual Relations and the Class Struggle // Kollontaï, A.M. Selected Writings of Alexandra Kollontai / translated [from the Russian] with an introduction and commentaries by Alix Holt. L.: Allison & Bursby, 1977. 335 p. (на с. 237—249). – См. гл. 4 (50, 58, 63).

Kon, Igor Semenovich (Кон, Игорь Семенович). The Sexual Revolution in Russia: From the Age of the Czars to Today / Igor S. Kon; transl. [from Russian] by James Riordan. N.Y.: The Free Press, cop. 1995. V, 337 p.: ill. – См. гл. 1 (122); Эпилог (5, 22, 75).

Kotkin, Stephen. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley (CA): University of California Press, cop. 1995. XXV, 639 p.: ill. – См. гл. 6 (10); гл. 7 (2); гл. 8 (27); Закл. (2, 4).

Krafft-Ebing, Richard, Freiherr von (1840—1902). Psychopathia sexualis: Eine klinisch-forensische Studie. [1. Aufl.]. Stuttgart: F. Enke, 1886. VIII, 110 S. – См. гл. 3 (41); гл. 4 (20).

Idem. Psychopathia sexualis, mit besonderer Berücksichtigung der conträren Sexualempfindung: Eine klinisch-forensische Studie. 2., verm. und verb. Aufl. Stuttgart: Ferdinand Enke, 1887. VIII, 148 S. – См. гл. 4 (30).

Idem. Psychopathia Sexualis,: With Especial Reference to the Antipathie Sexual Instinct: A Medico-forensic Study / by dr. R.v. Krafft-Ebing...; translated from the 12th German ed. and with an introd. by Franklin S. Klaf; foreword by Daniel Blain. L.: Staples Press, 1965. XVIII, 434 p.

Kratter, Julius (1848—1926). Lehrbuch der gerichtlichen Medizin: mit Zugrundelegung der deutschen und österreichischen Gesetzgebung und ihrer Neuordung. [: in 2 Bd.]. Stuttgart: F. Enke, 1921. Bd. 1: Theoretischer Teil. 2. wesentlich erweiterte Aufl. XVI, 724 S.

Kuhn, Thomas S. The Structure of Scientific Revolutions. [Chicago (IL)]: University of Chicago Press, [1962]. XV, 172 p. – См. Введ. 1.

Lapidus, Gail Warchofsky. Women in Soviet Society: Equality, Development, and Social Change. Berkeley (CA); L.: University of California Press, 1978. X, 381 p. – См. Введ. 29; гл. 7 (70, 74).

Lauritsen, John and *Thorstad, David.* The Early Homosexual Rights Movement (1864—1934). N.Y.: Times Change, [1974]. 91 p.: ill. – См. Введ. (13, 20, 24, 36, 39); гл. 5 (31).

Leroy-Forgeot, Flora. Histoire juridique de l'homosexualité en Europe. Paris: Presses Universitaires de France, 1997.

Levin, Eve Rebecca. Sex and Society in the World of the Orthodox Slavs, 900—1700. Ithaca (NY) & L.: Cornell University Press, 1989. 326 p.; [см. рус. сокр. пер.: *Левина, Ева Ребекка.* Секс и общество в мире православных славян, 900—1700 гг. / Ева Левина; [перевод с англ. В.В. Львова] // «А се грехи злые, смертные...»: Любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X – первая половина XIX в.): тексты, исследования / изд. подгот. Н.Л. Пушкарева. М.: НИЦ «Ладомир», сор. 1999 (Вологда: ПФ «Полиграфист», подп. в печать 18.11.99). С. 239—491. (Русская потаенная литература; [т. 19]). Не переведены из англ. ориг.: р. 36—135. На с. 335—349: «Противоестественный» секс (Опреде-

ление содомии. С. 335–338; Гомосексуальность. С. 338–344; Скотоложество. С. 344–345; Мастурбация. С. 345–349); на с. 467–470: Примечания (№ 195–253).]. – См. гл. 1 (4, 20, 27, 28); гл. 3 (2, 3).

Idem. Sexual Vocabulary in Medieval Russia // Sexuality and the Body in Russian Culture... 1995. P. 45.

Lewin, Moshe. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. L.: Metheun and Co., 1985. [340] p. – См. гл. 7 (3).

Lumsden, Ian. Machos, Maricones, and Gays: Cuba and Homosexuality. Philadelphia (PA): Temple University Press, 1996. XXVII, 263 p.: ill. – См. Введ. (4, 52).

Lunbeck, Elizabeth. The Psychiatric Persuasion: Knowledge, Gender, and Power in Modern America. Princeton (NJ): Princeton University Press, cop. 1994. XIV, 431 p.: ill. – См. гл. 5 (66).

Malmstad, John E. Mixail [i. e. Mikhail] Kuzmin: A Chronicle of His Life and Times / John E. Malmstad (New York City) // Кузмин, М.А. Собрание стихов = Gesammelte Gedichte: [в 3 т.] / М.А. Кузмин = M.A. Kuzmin; herausgegeben, eingeleitet und kommentiert von John E. Malmstad und Vladimir Markov. München: Wilhelm Fink Verlag, cop. 1977. [Т.] III: Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине = III: Verstreut erscheinen sowie neu gedruckte Gedichte. Anhang, Kommentar, Artikel über Kuzmin. С. 7–319. (Centrifuga: Russian Reprintings and Printings...; vol. 12/III 1977).

Malmstad, John E., and *Bogomolov, Nikolay A*. Mikhail Kuzmin: A Life in Art / John E. Malmstad, Nikolay Bogomolov. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1999. [2], XVI, [2], 463, [5] p.: portr. (p. II), [4] l.: [10] ill (p. 252–253); 24 × 15 cm. – См. Введ. (12, 72); гл. 1 (55, 112); гл. 5 (56); гл. 7 (37); [см. также: *Богомолов, Н.А., Малмстад, Джон Э*. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха... 1996.]

Manful Assertions: Masculinities in Britain since 1800 / ed. by Michael Roper and John Tosh. L.: Routledge, 1991. [240] p.

Mamonova, Tatyana (1943–). Russian Women's Studies: Essays on Sexism in Soviet Culture / by Tatyana Mamonova; with the assistance of Margaret Maxwell. Oxford (UK): Pergamon, 1989. XIV, 178 p.: ill., portr. – См. Введ. 29; гл. 2 (2); Эпилог (79).

Massell, Gregory J. The Surrogate Proletariat: Moslem Women and Revolutionary Strategies in Soviet Central Asia, 1919–1929. Princeton (NJ): Princeton University Press, 1974. XXXVI, 448 p. – См. гл. 6 (25).

The Material Queer: A LesBiGay Cultural Studies Reader / ed. by Donald Morton. Boulder (CO): Westview Press, 1996. XVIII, 395 p.: ill. (Queer Critique). – См. Введ. (16, 20, 36); гл. 4 (67).

Maynard, Steven. «Horrible Temptations»: Sex, Men and Working-Class Male Youth in Urban Ontario, 1890–1935 // Canadian Historical Review. Toronto, 1997. Vol. 78, № 2. P. 191–235.

McIntosh, Mary. The Homosexual Role // Social Problems. Berkeley (CA), 1968. № 16. P. 182–192. – См. Введ. 3.

Meyendorff, Alexander. My Cousin, Foreign Commissar Chicherin // The Russian Review. Oxford (UK), 1971. April. P. 173–178.

Miller, Martin Alan (1938–). Freud and the Bolsheviks: Psychoanalysis in Imperial Russia and the Soviet Union. New Haven (CT); L.: Yale University Press, 1998. XVII, 237 p. – См. Введ. 23; гл. 5 (64, 68).

Moscow and Leningrad / [ed. by] Evan Mawdsley; Street Atlas and Ground Plans by Doug London. 2nd ed. London: A&C Black, 1991. [380] p.: ill., maps, plans, portrs.; 20 cm. (Blue Guide).

Mosse, George Lachmann (1918–?). The Image of Man: The Creation of Modern Masculinity. N.Y.: Oxford University Press, 1996. 232 p.: ill. (Studies in the History of Sexuality).

Idem. Nationalism and Sexuality: Respectability and Abnormal Sexuality in Modern Europe. N.Y.: H. Fertig, 1985. 232 p.: ill.

Mosse, W.E. Imperial Favorite: V.P. Meshchersky and the «Grazhdanin» // The Slavonic and East European Review. L., 1981. Vol. 59, № 4 (October). P. 529–547. – См. гл. 1 (98); гл. 3 (70, 71[2]).

Nabokoff, Vladimir D. (Набоков, Владимир Дмитриевич; 1869–1922). Die Homosexualität in Russischen Strafgesetzbuch // Jahrbuch für sexuelle Zwischenstufen mit besonderer Berücksichtigung der Homosexualität. / Herausgegeben unter Mitwirkung namhafter Autoren in Namen des wissenschaftlich-humanitären Komitees von Dr. med. Magnus Hirschfeld, prakt. Arzt in Charlottenburg. Leipzig: Verlag von Max Spohr, 1903. V Jahrgang: [in 2 Bd.]. Bd. II. S. 1159–1171. (Bd. I. [4], 706 S.: Ill, [11] Bl. Ill.; Bd. II. 707–1368 S.: Ill.; 20 × 13 cm). – См. гл. 3 (14, 64).

Naiman, Eric (1958–). The Case of Chubarov Alley: Collective Rape, Utopian Desire and the Mentality of NEP / Eric Naiman (Boulder, CO, U.S.A.) // Russian History = Histoire Russe. Los Angeles; Bakersfield (CA): Calif. State University, Spring, 1990. Vol. 17, № 1. P. 1–30. – См. Введ. 27; гл. 5 (35); гл. 8 (45).

Idem. Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology. Princeton (NJ); Chichester: Princeton University Press, cop. 1997. X, 307 p.: ill. – См. Введ. 27; гл. 5 (38, 117); гл. 6 (71).

Neary, Rebecca B. Mothering Socialist Society: The Wife-Activists' Movement and the Soviet Culture of Daily Life, 1934–1941 // The Russian Review. Oxford (UK), 1999. Vol. 58. P. 396–412. – См. гл. 7 (76, 77, 79).

Neuberger, Joan. Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900–1914. Berkeley (CA); L.: University of California Press, cop. 1993. XIV, 324 p. – См. Введ. 22; гл. 3 (89).

Newgebauer, Franz Ludwig (1856–1914). Hermaphroditismus beim Menschen. Leipzig: Dr. W. Klinkhardt, 1908. VII, 748. S.: Ill. (Bibliothek medizinischer Monographien; Bd. 2).

Newsholme, Arthur, sir (1857–1943), *Kingsbury, John Adams* (1876–?). Red Medicine: Socialized Nealth in Soviet Russia / by sir Arthur Newsholme and John Adams Kingsbury. L.: W. Heinemann, 1934. XVI, 324 p., [10] l. ill.: ill.

Norton, Rictor. The Myth of the Modern Homosexual: Queer History and the Search for Cultural Unity. L.: Cassel, 1997. IX, 310 p., [8] l. ill. – См. Введ. 36.

Not a Passing Phase: Reclaiming Lesbians in History, 1840–1985 / Lesbian History Group. L.: Women's Press, 1989. 264 p.: ill. – См. Введ. 3.

Nye, Robert A. Sex Difference and Male Homosexuality in French Medical Discourse, 1830–1930 // Bulletin of the History of Medicine. Baltimore (MD), 1989. Vol. 63. P. 32–51.

Oceanic Homosexualities / ed. by Stephen O. Murray; with additional contributions by Arnold R. Pilling... [et. al.]. N.Y.; L.: Garland Publishing, 1992. XI, 409 p., [2] l. maps. (Garland Reference Library of Social Science; v. 686). – См. Введ. (41[4], 44).

Oosterhuis, Harry. Medicine, Male Bonding, and Homosexuality in Nazi Germany // Journal of Contemporary History. L., 1997. Vol. 2. P. 187–205. – См. гл. 7 (11).

Oudshoorn, Nelly (1950–). Beyond the Natural Body: An Archaeology of Sex Hormones. N.Y.; L.: Routledge, 1994. XI, 195 p.: ill. – См. Введ. 1; гл. 5 (117).

Out of the Blue: Russia's Hidden Gay Literature: An Anthology / ed. by Kevin Moss; introduction by Simon Karlinsky. San Francisco (CA): Gay Sunshine Press, 1996. – См. Введ. 14; гл. 4 (9); Эпилог (22, 78).

Pasche-Oserski, Nikolai N. (Паше-Озерский, Николай Н.). Sexualgesetzgebung in der Sowjet-Union // World League for Sexual Reform. 2d congress, Copenhagen, 1–5.VII. 1928. Proceedings of the Second Congress... / Redaktion: Dr. Hertha Riese... Dr. J.H. Leunbach... Copenhagen: Levin & Munksgaard [etc.], 1929. S. 228–239 (307 p.: ill.; 26 cm.).

Petrovsky, Arthur (Петровский, Артур Владимирович; 1924–). Psychology in the Soviet Union: A Historical Outline / by Arthur Petrovsky; transl. from the Russ. by Lilia Nakhapetyan. M.: Progress, [1990], 450 p., [6] l. portr.

Pinnow, Kenneth M. Making Suicide Soviet: Medicine, Moral Statistics, and the Politics of Social Science in Bolshevik Russia, 1920–1930: Ph.D. diss. N.Y.: Columbia University, 1998. – См. Введ. 34; гл. 5 (83, 113, 114); гл. 6 (52).

Plant, Richard (1910–?). The Pink Triangle: The Nazi War against Homosexuals. N.Y.: H. Holt, 1986; Ibid. Edinburgh (UK): Mainstream, 1987. XI, 257 p. – См. гл. 7 (12); Эпилог (46).

Pol, Lotte C. van de – *см.* Dekker, R.M.

Poznansky, Alexander I. Tchaikovsky: The Quest for the Inner Man / Alexander Poznansky. N.Y. [etc.]: Schirmer Books, cop. 1991. XIX, 679 p., [16] l. ill., portr.

Idem. Tchaikovsky's Last Days: A Documentary Study. Oxford (UK): Clarendon Press, 1996. XVII, 236 p.: ill., portr. – См. Введ. 11; гл. 1 (43, 50); гл. 3 (67, 69, 71, 72).

Prosser, Jay. Transsexuals and the Transsexologists: Inversion and the Emergence of Transsexual Subjectivity // Sexology in Culture: Labeling Bodies and Desires / ed. by Lucy Bland and Laura Doan. Cambridge (UK): Polity Press, 1998. P. 116–131 (IX, 236 p.); *Idem.* Ibid // Sexology Uncensored: The Documents of Sexual Science / ed. by L. Bland and L. Doan. Cambridge (UK): Polity Press, 1998. XV, 261 p. – См. гл. 2 (53).

Reeves, Tom. Red and Gay: Oppression East and West // Fag Rag: a Gay Male Newspaper. Boston (MA): Fag Rag Inc., Fall 1973. № 6. P. 3–6. – См. Эпилог (77).

Reich, Wilhelm (1897–1957). Die Sexualität im Kulturkampf: zur sozialistischen Umstrukturierung des Menschen / Wilhelm Reich. II erweiterte Auflage (von «Geschlechtsreife, Enthaltsamkeit, Ehemoral», 1930). Kopenhagen: Sexpol-Verlag, 1936. XVI, 247 S.: Ill. – См. Введ. 13; гл. 8 (5).

Idem. The Sexual Revolution: Toward a Self-governing Character Structure / by Wilhelm Reich; translated [«Die Sexualität im Kultirkampf»] by Theodore P. Wolfe. [Third edition]. N.Y.: Orgone Institute Press, 1945. XXVII, 273 p. – См. Введ. 13.

Idem. The Sexual Revolution... [A Reissue]. L.: Peter Nevill: Vision Press, [1952]. XXVII, 273 p.

Idem. [Die Sexualität im Kulturkampf.] The Sexual Revolution... / translated by Theodore P. Wolfe. [A Reduced Photographic Reprint of the Edition of 1945]. L.: Vision, 1961. XXVII, 273 p.

Idem. Ibid / translated from the German by Theodore P. Wolfe. [4th ed.]. N.Y.: Farrar, Straus, and Cudahy, [1962]. XXXIII, 273 p.

Idem. Ibid / translated from the German by Theodore P. Wolfe. [4th ed.]. N.Y.: Noonday Press, [1967]. 273 p.: ill.

Idem. Ibid / translated [from the 3rd German ed.] by Theodore P. Wolfe. L.: Vision P., 1969. XXXIII, 273 p.: ill.

Idem. Ibid / translated from the German by Theodore P. Wolfe. Rev. [4th] ed. N.Y.: Farrar, Straus, and Giroux, [1969]. XXXIII, 273 p.: ill. (Noonday 235). – См. Введ. (13, 24).

Idem. Ibid. [Rev. ed. Fourth edition. Reprinted 1962]. N.Y.: Octagon Books, 1971. XXXIII, 273 p.

Idem. The Sexual Revolution: Toward a Self-governing Character Structure / Wilhelm Reich; translated from the German by Theodore P. Wolfe. Revised ed. 5th print. N.Y.: Farrar, Strauss, and Giroux, [1970]. XXXIII, 273 p. На с. 151–269: «Part. 2, ch. VIII–XIV: The struggle for the "new life" in the Soviet Union». – См. Введ. 13.

Idem. Ibid / translated by Therese Pol. N.Y.: Pocket Book, [1975]. XXXII, 336 p. На с. 179–328: «Part 2, [ch.] VIII–XIV: The struggle for a "new life" in the Soviet Union». – См. Введ. (13, 24); гл. 7 (37, 38).

Reich, Wilhelm. Die sexuelle Revolution: Zur charakterlichen Selbststeuerung des Menschen. [Frankfurt a. M.]: Europäische Verlagsanstalt, cop. 1966. 329, [8] S. – См. Введ. 13.

Idem. Ibid. [5. Aufl.]. Frankfurt a. M., cop. 1966. 297 S.

Idem. Ibid. [Ungekürzte Ausg.]. [Frankfurt a. M.]: Fischer Taschenbuch Verlag, [sept. 1971]. 270, [2] S. – См. Введ. 13.

Reich, Wilhelm. Psychoanalysis in the Soviet Union // Reich, Wilhelm. Sex-Pol: Essays, 1929–1934 / ed. by Lee Baxandall; introd. by Bertell Ollman; translated by Anna Bostock, Tom Du Bose, and Lee Baxandall. [1st ed.]. N.Y.: Vintage Books: Random House, [1972]. P. 75–88 (XXVIII, 378, [2] p.).

Reich, Wilhelm. Der Kampf um das «Neue Leben» in der Sowjetunion // Reich, Wilhelm. Die sexuelle Revolution: Zur charakterlichen Selbststeuerung des Menschen / Wilhelm Reich. [Frankfurt a. M.]: Europäische Verlagsanstalt, cop. 1966. Zweiter Teil, Kapitel I–VIII. S. 189–329 (329, [8] S.).

Reich, Wilhelm. Der Kampf um das «neue Leben» in der Sowjetunion // Reich, Wilhelm. Die sexuelle Revolution: Zur charakterlichen Selbststeuerung des Menschen / Wilhelm Reich. [Ungekürzte Ausgabe]. [Frankfurt am Main]: Fischer Taschenbuch Verlag, [sept. 1971]. Zweiter Teil, Kapitel I–VIII. S. 157–270 (270, [2] S.; 18 × 10,5 cm).

Rey, Michael. Parisian Homosexuals Create a Lifestyle, 1700–1750: The Police Archives // Tis Nature's Fault: Unauthorized Sexual Behavior during Enlightenment / ed. by Robert P. Maccubbin. N.Y.: Cambridge University Press, 1985. P. 171–191.

Riordan, James (1936–). Sexual Minorities: The Status of Gays and Lesbians in Russian-Soviet-Russian Society // Women in Russia and Ukraine / ed. and transl. Rosalind Marsh. Cambridge (UK); N.Y.: Cambridge University Press, 1996. P. 156–172. – См. гл. 1 (3, 122); Эпилог (75, 88); Послесл. (8).

Rocke, Michael. Forbidden Friendships: Homosexuality and Male Culture in Renaissance Florence. N.Y.: Oxford University Press, 1996. X, 378 p.: ill. (Studies in the History of Sexuality). – См. гл. 1 (7).

Rowse, Alfred Leslie (1903–?). Homosexuals in History: A Study of Ambivalence in Society, Literature, and the Arts. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1977. XIII, 346 p., [16] l. ill.

Russia (1917 – R.S.F.S.R.). Laws, Statutes, etc. Soviet Criminal Law and Procedure: The RSFSR Codes. / introd. and analysis [by] Harold J. Berman; translation [by] Harold J. Berman and James W. Spindler. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1966. VII, 501 p. (Russian Research Center Studies; 50).

Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture / ed. by Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinowitch, and Richard Stites. Bloomington (IN): Indiana University Press, cop. 1991. VIII, 344 p. – См. гл. 5 (35).

Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917/ ed. by Daniel R. Brower and Edward Lazzerini. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1997. – См. Введ. 45; гл. 3 (90).

Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / ed. by Barbara Evans Clements, Barbara Alpern Engel, and Christine D. Worobec. Berkeley (CA); Oxford (UK): University of California Press, cop. 1991. XI, 300 p., [8] l. ill. – См. Введ. 30.

The Russian Worker: Life and Lador under the Tsarist Regime / edited, with an introduction and annotations by Victoria E. Bonnell. Berkeley (CA): University of California Press, 1983. 216 p.: ill. – См. гл. 1 (40).

Russian Peasant Women / ed. by Beatrice Farnsworth and Lynne Viola. N.Y.: Oxford University Press, 1992. [320] p.: 7 ill.

Russia–Women–Culture / ed. by Helena Goscilo and Beth Holmgren. Bloomington (IN): Indiana University Press, cop. 1996. XIV, 386 p.: ill. – См. гл. 1 (27, 91); гл. 2 (25, 36, 37); гл. 4 (9).

Sautman, Francesca C. Invisible Women: Lesbian Working-class Culture in France, 1880–1930 // Homosexuality in Modern France / ed. by Jeffrey Merrick & Bryant T. Ragan, Jr. N.Y.: Oxford University Press, 1996. P. 177–201 (X, 253 p.). – См. гл. 2 (3, 10, 36); гл. 4 (21); Эпилог (27).

Schluter, Daniel. Fraternity without Community: Social Institutions in the Soviet Gay World: Ph.D diss. N.Y.: Columbia University, 1998. – См. Эпилог (75, 89); Прил. (5).

Schoppmann, Claudia. National Socialist Policies towards Female Homosexuality // Gender Relations in German History: [Power, Agency and Experience from the Sixteenth to the Twentieth Century] / ed. by Lynn Abrams, and Elizabeth Harvey. L.: UCL Press, 1996. P. 177–187 (X, 262 p.: ill.). – См. гл. 7 (68, 78).

Science and Homosexualities / ed. by Vernon A. Rosario. N.Y.; L.: Routledge, 1997. 308 p.: ill. – См. Введ. (1, 21); гл. 2 (87); гл. 4 (11, 14, 38); гл. 5 (112).

Scott, James C. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts. New Haven (CT): Yale University Press, 1990. 251 p. – См. гл. 3 (65).

Scott, Joan Wallach. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // American Historical Review. Washington (WA), 1986. Vol. 91. P. 1053–1075; [см. рус. пер.: *Скотт, Джоан.* Гендер: полезная категория исторического анализа / Джоан Скотт; пер. с англ. Сергея Драпико // Введение в гендерные исследования: [в 2 ч.]. Харьков: ХЦГИ; Санкт-Петербург: Изд-во «Алетейя», 2001. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. Сергея Жеребкина. С. 405–436. Библиогр. примеч.: С. 431–436 (62 сноски).]

Sedgwick, Eve Kosofsky. Epistemology of the Closet. Berkeley (CA): University of California Press, cop. 1990. XI, 258 p.; [см. рус. пер. (p. 67–90) в изд.: *Сэджуик, Ева Кософски.* Эпистемология чулана / Ив Кософски Сэджвик; пер. с англ. Ольги Липовской // Введение в гендерные исследования: [в 2 ч.]. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Изд-во «Алетейя», 2001. Ч. II: Хрестоматия... С. 174–200. Библиогр. примеч.: с. 198–200 (26 сносок).] – См. Введ. 5; гл. 1 (100); Послесл. (6).

Seel, Pierre (1923–). Pierre Seel, Deported Homosexual: A Memoir of Nazi Terror / Pierre Seel; translated from the French by Joachim Neugroschel: [Liberations Was for Others: Memoirs of a Gay Survivor of the Nazi Holocaust]. N.Y.: Basic Books, cop. 1995. XI, 186 p.: maps.

Sengoopta, Chandak. Glandular Politics: Experimental Biology, Clinical Medicine and Homosexual Emancipation in Fin-de-Siècle Central Europe // Isis: An International Review Devoted to the History of Science and its Cultural Influences: Journal of the History of Science Society. Chicago (IL): University of Chicago Press, Sept. 1998. Vol. 89. № 3. P. 445–473: 5 ill. – См. Введ. 21; гл. 5 (37, 118); гл. 6 (62, 75).

Sex and Russian Society / edited by Igor Kon and James Riordan. L.: Pluto, 1993. VIII, 168 p. – См. Эпилог (75).

Sexual Minorities and Society: The Changing Attitudes toward Homosexuality in the 20th Century Europe: Papers Presented to the International Conference in Tallinn, May 28–30, 1990 / Institute of History; ed. by Udo Parikas, Teet Veispak. Tallinn: Acad. of Sciences of the Estonia, 1991. 124 lk.: ill. (Papers on History of Sexuality; № 1). [См. описание и роспись содержания в изд.: Raamatukroonika: eesti rahvusbibliograafia = Книжная летопись: эстонская национальная библиография. Tallinn = Таллинн, 1991. IV, Oktoober–detsember. Lk. 40 (№ 1592).] – См. Эпилог (88).

Sexuality and the Body in Russian Culture / ed. by Jane T. Costlow, Stephanie Sandler, Judith Vowles. Stanford (CA): Stanford University Press, 1993. X, [4], 357, [5] p.: ill. – См. Введ. (27, 54); гл. 2 (25, 36); гл. 4 (6); гл. 5 (26).

Shearer, David. Crime and Social Disorder in Stalin's Russia: A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, 1998. Vol. 39, № 1–2. P. 119–149. – См. гл. 6 (87); гл. 7 (65).

Shlapentokh, Vladimir. Love, Marriage and Friendship in the Soviet Union: Ideals and Practices. N.Y.: Praeger, 1984.

Shtern, Mikhail Shaevich (Штерн, Михаил Шаевич; 1918–). La vie sexuelle en U.R.S.S. / par Mikhail Stern avec August Stern; traduit du russe en collaboration avec les auteur par Vladimir Berelowitch. Paris: Albin Michel, 1979. 349 p.: ill., 1 map.

Shtern, Mikhail Shaevich. Sex in the USSR / by Mikhail Stern, with August Stern; edited and translated from the French by Mark Howson and Cary Ryan. N.Y.: Times Books, cop. 1980. XV, 304 p. Translation of: La vie sexuelle en U.R.S.S. – См. Эпилог (5, 17, 22).

Shtern, Mikhail Shaevich (1918–) and *Shtern, Augist Mikhailovich* (1945–). Sex in the Soviet Union / Dr. Mikhail Stern and Dr. Augist Stern; translated from the French by Marc E. Heine. L.: W.H. Allen, 1981. 221, [3] p.: [5] ill.

Sigerist, Henry Ernst (1891–1957). Socialised Medicine in the Soviet Union / by Henry E. Sigerist; with a foreword by Sidbey Webb. L.: Victor Gollancz, 1937. 397 p., 12 l. ill.

Solomon, Peter H., Jr. Soviet Criminal Justice under Stalin. N.Y.; Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1996. 494 p. (Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies; 100). – См. гл. 4 (85, 93, 119); гл. 5 (8); гл. 7 (29, 49, 50, 73); гл. 8 (3, 4, 17, 27, 47, 50).

Solomon, Susan Gross. David and Goliath in Soviet Public Health: The Rivalry of Social Hygienists and Psychiatrists for Authority over *Bytovoy* Alcoholic // Soviet Studies. Harlow (UK), 1989. Vol. 41, № 2. P. 254–275.

Idem. The Demographic Argument in Soviet Debates over the Legalization of Abortion in the 1920s // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. Paris, 1992. Vol. 33, № 1. P. 59–82. – См. Введ. 30; гл. 7 (72, 73).

Idem. The Expert and the State in Russian Public Health: Continuities and Changes across the Revolutionary Divide // The History of Public Health and the Modern State / ed. by Dorothy Porter. Amsterdam: Editions Rodopi B.V., 1994. P. 183–210. – См. Введ. 23; гл. 5 (2, 113, 114).

Idem. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921–1930 // Health and Society in Revolutionary Russia / ed. by Susan Gross Solomon and John F. Hutchinson. Bloomington (IN): Indiana University Press, 1990. P. 175–199 (256 p.). – См. гл. 5 (2, 27, 29, 30); гл. 6 (64, 69).

Idem. The Soviet-German Syphilis Expedition to Buriat Mongolia, 1928: Scientific Research on National Minorities / Susan Gross Solomon // Slavic Review: American Quarterly of Russian, Eurasian and East European Studies / by the American Association for the Advancement of Slavic Studies. Stanford

(CA): Stanford University, Summer 1993. Vol. 52, № 2. P. 204–232, [1] l.: [3] ill. – См. Введ. 23; гл. 6 (77).

Solzhenitsyn, Alexander I. (1918–). The Gulag Archipelago...: [in 3 vol.]. L.: Collins: Fontana, 1974–1978.

Stalinism: New Directions / ed. by Sheila Fitzpatrick. L.: Routledge, 2000. XVIII, 377 p. – См. Введ. 25; гл. 6 (87); Послесл. (3).

Stalinist Terror: New Perspectives / ed. by J. Arch Getty and Roberta Manning. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1993. VIII, 294 p.

Steakley, James D. The Homosexual Emancipation Movement in Germany. N.Y.: Arno Press, 1975. 121 p. (Homosexuality, Lesbians, and Gay Men in Sociaty, History, and Literature). – См. Введ. 3; гл. 7 (6).

Stern, Mikhail Shaevich – *см.* Shtern, M.Sh.

Stites, Richard. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N.Y.; Oxford (UK): Oxford University Press, 1989. XII, 307 p., [20] l. ill. – См. Введ. 17.

Idem. The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism, and Bolshevism, 1860–1930. Princeton (NJ); Guildford: Princeton University Press, 1978. XXI, 464, [1] p., [8] l. ill. – См. Введ. (26, 29); гл. 4 (48, 52, 61); гл. 7 (69).

Szasz, Thomas Stephen (1920–). The Manufacture of Madness: A Comparative Study of the Inquisition and the Mental Health Movement. L.: Paladin, 1973.

Tardieu, Ambroise Auguste (1818–1879). Étude médico-légale sur les attentats aux moeurs. 3ᵉ ed. Paris: J. Bailliére, 1859. VI, 188 p.; репр. изд.: Paris: Jérôme Millon, 1995. – См. гл. 3 (18).

Terry, Jennifer (1958–). An American Obsession: Science, Medicine, and Homosexuality in Modern Society. Chicago (IL); L.: University of Chicago Press, cop. 1999. XIV, 537 p.: ill. – См. гл. 5 (112).

Idem. Lesbians under the Medical Gaze: Scientists Search for Remarkable Differences // Journal of Sex Research / Society for the Scientific Study of Sex. Mt. Vernon (IA), 1990. Vol. 27, № 3. P. 317–339.

Third Sex, Third Gender: Beyond Sexual Dimorphism in Culture and History / ed. by Gilbert Herdt. N.Y.: Zone Books, 1993. 614 p.: ill. – См. Введ. (4, 57); гл. 2 (53); гл. 3 (42).

Thorstad, David – *см.* Lauritsen, J.

Timasheff, Nicholas Sergeyevitch (Тимашев, Николай Сергеевич; 1886–1970). The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia / by Nicholas S. Timasheff. N.Y.: E.P. Dutton, 1946. 470 p.: ill. – См. Введ. 28; гл. 7 (69).

Idem. The Impact of the Penal Law of Imperial Russia on Soviet Penal Law // American Slavic and East European Review. Menasha (WI), 1953. Vol. 12, № 4. P. 441–462. – См. гл. 4 (41, 71); гл. 5 (7, 17).

Tuller, David. Cracks in the Iron Closet: Travels in Gay and Lesbian Russia. Boston (MA); L.: Faber & Faber, 1996; Ibid. Chicago (IL): University of Chicago Press, 1997. XIV, 313 p. – См. гл. 6 (41); гл. 8 (36); Эпилог (75, 88).

Viola, Lynne. Bab'i Bunty and Peasant Women's Protest during Collectivization // The Russian Review. Oxford (UK), 1986. Vol. 45. P. 23–42.

Idem. The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // Journal of Modern History. Chicago (IL), 1990. Vol. 62, № 4. P. 747–770.

Idem. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. N.Y.: Oxford University Press, 1996. XII, 312 p. – См. гл. 6 (90); гл. 7 (1).

Von Hagen, Mark (1954–). The New Soviet Man in the Red Army: Regulating Sex and the Body during the Civil War and NEP. N.Y.: Columbia University, Department of History, 1987. Photocopy.

Idem. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1990. 369 p.: ill. – См. Введ. 34; гл. 6 (49, 52).

Ward, Chris (1948–). Stalin's Russia. L.: Edward Arnold, 1993. XXII, 241 p. – См. Введ. 29.

Waters, Elizabeth. The Female Form in Soviet Political Iconography, 1917–1932 // Russia's Women: Accommodation, Resistance, Transformation / ed. by Barbara Evans Clements, Barbara Alpern Engel, and Christine D. Worobec. Berkeley (CA); Oxford (UK): University of California Press, cop. 1991. P. 225–242 (XI, 300 p., [16] l. ill.).

Idem. Victim or Villain: Prostitution in Post-revolutionary Russia // Women and Society in Russian, and the Soviet Union / ed. by Linda Edmondson. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 1992. P. 160–177 (IX, 233 p.). – См. Введ. 27; гл. 5 (25, 26); гл. 7 (31).

Webb, Sindney – *см.* Passfield, Sidney James Webb, baron.

Weeks, Jeffrey (1945–). Against Nature: Essays on History, Sexuality, and Identity. L.: Rivers Oram Press, 1991. [256] p. – См. Введ. 59.

Idem. Coming Out: Homosexual Politics in Britain from the Nineteenth Century to the Present. Rev. ed. L.: Quartet Books, cop. 1990. XIV, 294 p.; Previous ed.: 1977. – См. Введ. (3, 20, 37); гл. 3 (64, 66); гл. 4 (121); гл. 7 (5).

Idem. Sexuality and Its Discontents: Meanings, Myths and Modern Sexualities. L.: Routledge & Kegan Paul, 1985. XII, 324 p. – См. Введ. 2; гл. 5 (73).

Weindling, Paul. German-Soviet Medical Cooperation and the Institute for Racial Research, 1927–1935 // German History. Oxford (UK), 1992. Vol. 10, № 2. P. 177–206.

Weissbuch über die Erschiessungen des 30. Juni 1934. – [Authentische Darstellung der deutschen Bartholomäusnacht] 3-te Aufl. 15.–20. Tausend. Paris: Ed. du Carrefour, 1935. 206 S.: Ill., [4] Bl. Ill. – См. гл. 7 (10).

The Wellborn Science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia / ed. by Mark B. Adams. N.Y.; Oxford (UK): Oxford University Press, 1990. X, 242 p. – См. Введ. 33; гл. 6 (69).

Werlinder, Henry. Psychopathy: A History of the Concepts: Analysis of the Origin and Development of a Family of Concepts in Psychopathology. Uppsala; Stockholm: University of Uppsala, 1978. 218 p. (Uppsala Studies in Education; 6). – См. гл. 5 (66).

Wheelwright, Julie. Amazons and Military Maids: Women Who Dressed as Men in the Pursuit of Life, Liberty, and Happiness. L.: Pandora, 1989. XV, 205 p., [24] l. ill. – См. гл. 2 (54).

Winter, Ella (1898–?). Red Virtue: Human Relationships in the New Russia / Ella Winter. L.: Victor Gollancz, 1933. 320 p.: ill. – См. гл. 2 (48); гл. 5 (71).

Women in Russia / ed. by Dorothy Atkinson, Alexander Dallin, and Gail Warshofsky Lapidus. Stanford (CA): Stanford University Press, 1977. 410 p. – См. Введ. 32; гл. 5 (35).

Women in Russia and Ukraine / ed. and transl. Rosalind Marsh. Cambridge (UK); N.Y.: Cambridge University Press, 1996. 350 p.: ill. – См. гл. 1 (3); гл. 3 (44).

Wood, Elizabeth Alan (1955–). The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington (IN): Indiana University Press, cop. 1997. 318, [10] p. – См. Введ. (31, 33); гл. 2 (42); гл. 5 (26).

The World of the Russian Peasant: Post-Emancipation Culture and Society / ed. by Ben Eklof and Steven Frank. Boston (MA); L.: Unwin Hyman, 1990. [256] p.: ill.

Worobec, Christine D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton (NJ); Oxford (UK): Princeton University Press, 1991. XIV, 257 p.: ill.

Wortis, Joseph (1906–?). Soviet Psychiatry. Baltimore (MD): Williams & Wilkins, 1950. XV, 314 p.: portr. – См. гл. 3 (61); гл. 5 (62).

Zetkin, Klara (1857–1933). Lenin on the Women Question / by Clara Zetkin. New York: International Publishers, [1934]. 31 p. – См. гл. 4 (64, 66, 69, 70).

Idem. Reminiscences of Lenin / by Clara Zetkin. N.Y.: International Publishers, [1934]. 64 p.

Zhuk, Olga (Жук, Ольга; 1960–). The Lesbian Subculture: The Historical Roots of Lesbianism in the Former USSR // Women in Russia: A New Era in Russian Feminism / ed. by Anastasia Posadskaya. L.: Verso, 1994. P. 146–153. – См. Эпилог (40, 41, 75).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

* [См. также имена авторов и их упоминания в тексте по «Библиографическому списку».]

СОДЕРЖАНИЕ

Часть вторая
РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОМОСЕКСУАЛЬНОГО ВЛЕЧЕНИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Часть третья

ГОМОСЕКСУАЛЬНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И СУЩЕСТВУЮЩИЙ СОЦИАЛИЗМ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Хили Дан

Гомосексуальное влечение в революционной России: регулирование сексуально-гендерного диссидентства / Дан Хили; изд. подгот. Л.В. Бессмертных. – М.: Ладомир, 2008. – 620 с. (Русская потаенная литература)

ISBN 978-5-86218-470-9

Предваряя русскую публикацию данного исследования, «Коммерсантъ Weekend» написал в приложении «Книжный квартал» (2007. Вып. первый): «За неимением других эту книгу придется считать канонической. Чикагский гендерный историк Дан Хили не один год колесил по России, изучая историю гомосексуальности в стране, и в итоге в 2001 году выступил с книжкой, в которой, по собственному выражению, “дарит русскому гомосексуальному движению прошлое”. И так опирающееся на исследования Хили как на главный источник по собственной истории, оно должно быть ему несказанно благодарно...»

В научный оборот вводится множество малоизвестных и не публиковавшихся ранее документов.

Научное издание

Дан Хили

ГОМОСЕКСУАЛЬНОЕ ВЛЕЧЕНИЕ
В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Редакторы
Л.В. Бессмертных, Ю.А. Михайлов

Корректоры
О.Г. Наренкова

Компьютерная верстка
И.В. Севергиной, Е.А. Степанчиковой,
О.Л. Кудрявцевой

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.
Подписано в печать 25.09.2007.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура "Баскервиль".
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 19,5. Тираж 1000 экз. Заказ № К-7680.

Научно-издательский центр "Ладомир"
124681, Москва, ул. Заводская, д. 6а
Тел.: 8-499-717-98-33
E-mail: ladomir@mail.compnet.ru
lomonosowbook@mtu-net.ru

Отпечатано с оригинал-макета
ГУП "ИПК "Чувашия"", 428019,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, 13